

ХІ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Национальной
научно-практической конференции

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТРОСОЮЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КООПЕРАЦИИ»
САРАНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ХІ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Национальной научно-практической конференции

Саранск, 26–27 ноября 2025 г.

Текстовое электронное издание

УДК 34(063)
ББК 67
Ю 70

Редколлегия:

Р. Р. Хайров (отв. редактор),
Т. Е. Шилкина (зам. отв. редактора),
Е. В. Зотова (отв. секретарь),
Т. В. Дворецкая

Печатается по решению ученого совета
Саранского кооперативного института (филиала) РУК

Ю 70 **XI Юридические чтения** : материалы Национальной научно-практической конференции (Саранск, 26–27 нояб. 2025 г.) / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. редактор) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (филиал) РУК. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-8156-1953-1

Материалы, вошедшие в сборник, затрагивают актуальные проблемы, связанные с интеграцией теории права и правоприменительной практикой, социальными, гражданскими и уголовными детерминантами развития законодательства.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и студентов вузов.

Минимальные системные требования:

IBM PC – совместимые; ОЗУ 512 Мб; 100 Мб на жестком диске; Windows (XP, Vista, Windows 7, 8); видеосистема: от 128 Мб и выше; Adobe Reader

© Саранский кооперативный
институт (филиал) РУК, 2025
© Авторский коллектив, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

«ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ»

Абросимова А. А. Реализация народного представительства через нормы избирательного права: теоретико-правовой анализ

Адикаев А. Р. Конституционные принципы правосудия в Российской Федерации

Адикаев А. Р. Принцип презумпции невиновности: понятие и значение

Артюхин А. А., Ямбушев Ф. III. Российская модель цифрового государства: особенности, противоречия и тенденции развития

Архипова Е. С. Правовое государство: миф или реальность?

Арюков Р. Ф., Курганов Н. И. Судебная власть и судебная система в структуре государственного аппарата в Российской Федерации

Арюков Р. Ф., Уланов Д. Д. Проблемы понимания государственной власти и ее легитимности

Борисов В. С., Журавлева М. А. Актуальные вопросы по защите прав граждан в цифровом исполнительном производстве и платформах цифрового банкинга

Бояркина А. С. Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: конституционно-правовой статус и механизмы реализации

Бояркина А. С. Направления повышения эффективности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

Булашева О. В. Понятие и становление административной юрисдикции в России

Бурканов А. Е. Эволюция судебной власти в России: историко-правовой анализ

Бурканов А. Е. Современные контуры трансформации судебной власти в Российской Федерации: институциональные вызовы и векторы развития

Бурканов А. Е. Эволюция модели судебной власти в контексте российской истории права
Вельдина К. В. Морфология правовой системы: исторический контекст формирования структурных элементов

Винокуров А. С. Управление проектной деятельностью в государственном секторе

Гришин А. Д. Правовые детерминанты технологического суверенитета: публично-правовой аспект

Долганова Е. Н. Задачи государственного управления в туристической деятельности

Жестков В. В. Правовые режимы электронных доказательств: поиск баланса в эпоху цифровой трансформации судопроизводства

Жестков В. В. Электронные доказательства в цифровую эпоху: трансформация процедур доказывания и новые вызовы для правосудия

Жирнова Ю. А., Илюшин М. М. Профессиональное правовое сознание в реалиях правовой действительности

Замотаева О. Н., Сидорова А. Ю. Ответственность за неправомерные действия в сфере фармацевтической деятельности

Замотаева О. Н., Асанкина Е. Л. Тенденции налоговой политики в современной России

Замотаева О. Н., Кулагина Е. В. Цифровая трансформация как ключевая тенденция развития исполнительной власти в российской федерации

Замотаева О. Н., Лысенкова Д. И. Субъекты малого предпринимательства в системе налогового администрирования

Замотаева О. Н., Мелешина А. С. Социально-правовое значение лицензирования медицинской деятельности

Замотаева О. Н., Поршин А. В. К вопросу об институте ответственности несовершеннолетних в истории административного законодательства

Иванов М. С. Актуальные вопросы применения правовых исключений и пути повышения эффективности их реализации

Иванов М. С. Техничко-юридические особенности внедрения правовых исключений в законодательство

Исаев М. И. Юридические лица как субъекты административной ответственности: исторический аспект, признаки, проблемы

Исаев М. И. Меркулов М. В. Административная ответственность государственных служащих в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ

Исайкин В. Д. Феномен правового нигилизма в контексте трансформации российской государственности

Исайкин В. Д. Формирование антинигилистического правосознания: практики и перспективы в российской федерации

Кадаев А. А. Критерии и методологические подходы к классификации участников административного процесса: теоретико-правовой анализ

Кадаев А. А. Реализация принципа состязательности через правовой статус потерпевшего по делам об административных правонарушениях

Кадаев А. А. Субъект административной юрисдикции: проблемы определения правового положения в контексте дела о правонарушении

Кайминов Н. А. Понятие и функции конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи

Канайкин А. А. Перспективы развития судебной власти в условиях современного правопорядка: на примере Конституционного Суда РФ

Канайкин А. А., Арюткина М. М. Верховенство права и конституционный контроль: функциональная парадигма Конституционного Суда РФ в государственно-властной системе

Кечайкина Е. М., Журавлева М. А. Банковская система России как основа устойчивости кредитно-финансовой системы: уголовно-правовой аспект

Киушкина Ю. Д. Генезис и институционализация муниципальной службы в России: историко-правовой анализ

Котляров С. Б., Кукушкин О. В. Правовая система как комплексный феномен: теоретико-правовой анализ понятия, сущности и ключевых характеристик

Коченов А. Ю., Алукаев А. Р. Цифровизация судебной системы РФ как способ повышения доступности и качества правосудия: проблемы реализации

Кочешкова А. С. Доктринальный вызов: конкуренция источников права как угроза системной целостности

Кочешкова А. С. Теоретические и исторические предпосылки доминирования нормативного акта в современном правопорядке

Крысин А. Н. Управленческие задачи контрактной системы в сфере закупок товаров работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Курганов Н. И., Тимаков И. Д. Понимание государственной власти в правовом государстве

Логунова А. А. Совершенствование механизмов государственного контроля и надзора в сфере образования: правовые аспекты

Лысенкова Д. И. Налог на профессиональный доход в системе правоотношений Российской Федерации

Маланкина Н. А. Правовые механизмы противодействия конфликту интересов на государственной службе в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития

Мелешина А. С. Актуальные проблемы в сфере лицензирования медицинской деятельности

Меркулов М. В. К вопросу о коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: генезис, причины, пути преодоления

Моисеев А. А. Политическая система как механизм взаимодействия государства и общества

Моисеев А. А. Синергетический эффект и системные противоречия: диалектика политической, правовой и экономической подсистем в современной России

[Молчанов Е. Ю. Правовые обычаи и доктрина права в системе источников права](#)
[Морозов И. В. Пути совершенствования правотворческой политики и правоприменения: проблемы и пути их решения](#)
[Морозов И. В. Функциональное единство принципов правотворчества и правоприменения в контексте формирования правовой реальности](#)
[Панюшкина А. А. Современное состояние и характеристика финансового мошенничества в России: совершенствование правовых механизмов противодействия](#)
[Пискайкина А. П. Контуры будущего: сценарии модернизации судебной системы России](#)
[Поршин А. В. Несовершеннолетний гражданин как особый субъект административных правоотношений](#)
[Ратькин В. А. Корпус юридических элементов административного деликта: традиции и новации](#)
[Ратькин В. А. Правовая природа и содержание компетенции судов по делам об административных правонарушениях](#)
[Ратькин В. А. Процессуальные полномочия суда в производстве по делам об административных правонарушениях: сравнительный анализ первой и апелляционной инстанций](#)
[Родькина Г. С. Обязательное пенсионное страхование и негосударственное пенсионное обеспечение в Российской Федерации](#)
[Родькина Г. С. Страховые взносы как основы пенсионного страхования в Российской Федерации](#)
[Сайфуллова А. Р. Понятие, признаки и свойства юридической техники](#)
[Сардаев Д. Ю. Некоторые вопросы совершенствования регулирования порядка осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации](#)
[Сардаев Д. Ю. Нормотворчество Конституционного Суда: доктринальный статус правовых позиций в российской правовой системе](#)
[Сидорова А. Ю. Контрольные и надзорные субъекты фармацевтической деятельности](#)
[Сидорова А. Ю. Совершенствование административно-правового регулирования фармацевтикой деятельности](#)
[Старостин Д. О. Корпоративное правосознание как объект юридической доктрины: генезис, современные вызовы и пути интеграции в правотворческий процесс](#)
[Старостин Д. О. Концептуальные основы корпоративного правосознания в контексте современной российской государственности](#)
[Старостин Д. О. Современная парадигма корпоративного правосознания: теоретико-правовое измерение](#)
[Тураева А. С. Проблемы правового регулирования земель лесного фонда](#)
[Учаев Д. А. Система правового регулирования деятельности правоохранительных органов: проблемы современной юриспруденции](#)
[Учаев Д. А. Сущностная характеристика и система признаков правоохранительных органов](#)
[Учаев Д. А. Концептуальные основы правоохранительной деятельности: системный анализ принципов и их имплементации](#)
[Фиров Д. Е. Судебная власть и цифровые технологии](#)
[Фролов М. С. Правовая основа финансовой деятельности граждан в проектах самообложения и инициативного бюджетирования](#)
[Чавкин Б. Д. Ответственность и оценка рисков в финансовом контроле](#)
[Чавкин Б. Д. Принцип независимости аудитора в финансовом контроле](#)
[Шепелева Е. С. Конституционно-правовая парадигма ответственности в местном самоуправлении: векторы совершенствования законодательного регулирования](#)
[Шишканов М. А. К вопросу о значении деятельности некоммерческих организаций в системе государственного управления](#)

[Шишканов М. А. К вопросу о историческом становлении некоммерческих организаций в системе публичных правоотношений](#)
[Ямбушев Ф. Ш., Туряева А. С. Лесная амнистия: понятие и проблемы](#)
[Ямбушев Ф. Ш., Белова Т. Б. Законодательная власть в системе разделения властей](#)
[Ямбушев Ф. Ш., Уланов Д. Д. Цивилизационное значение концепции разделения властей](#)

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ, ГРАЖДАНСКИЕ И УГОЛОВНЫЕ АСПЕКТЫ

[Абдульмянова Т. В., Еремкина Н. В. Принципы уголовного правотворчества](#)
[Абдульмянова Т. В., Карабанова М. М. История становления правового института защиты свободы личности](#)
[Абдульмянова Т. В., Сальникова А. О. Современное состояние противодействия экономическим преступлениям](#)
[Абдульмянова Т. В., Халикова И. Ф. Актуальные вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления](#)
[Автаев М. И. Доверенность в налоговом представительстве: особенности правоприменительной практики в Российской Федерации](#)
[Автаев М. И. Налоговое представительство в цифровом пространстве: киберриски и правовые перспективы](#)
[Агафонова Е. А. Общественная опасность мелкого взяточничества и правовые меры борьбы с ним](#)
[Аляшкин А. И. Обязательность судебных постановлений как один из важнейших принципов правосудия](#)
[Антипова Е. Г. Проблемы, возникающие при определении формы вины в составе преступления](#)
[Асанова И. П., Вольнов И. В. Нравственность как философско-этическая категория](#)
[Асанова И. П., Надин Е. А. Проблема квалификации эксцесса исполнителя преступления](#)
[Асанова И. П., Попова Т. В. Историко-правовой и международный аспект противодействия терроризму и его соотношение с террористическим актом по уголовному праву России](#)
[Асанова И. П., Стрелков И. В. Экстремизм в цифровой среде: уголовно-правовые ориентиры пресечения публичных призывов и финансирования](#)
[Асанова И. П., Шемякин И. М. Теоретико-правовые особенности разграничения террористического акта и диверсии](#)
[Барцаев В. В., Саушкина А. А. Концепции национальной цифровой валюты в разных странах: сравнительно-правовой аспект](#)
[Бойцова А. А. Особенности использования специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации](#)
[Бойцова А. А. Отдельные вопросы алгоритмизации проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной в ходе проведения следственных действий](#)
[Бурносова В. В. Судебная система российской федерации: эффективность и перспективы развития в условиях современных вызовов](#)
[Волостнова Д. А. Понятие и общественная опасность мошенничества в глобальной сети интернет](#)
[Вольнов И. В. Нравственность и ее правовое закрепление](#)
[Вольнов И. В. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны](#)
[Голованова Е. С. Практика и коллизии прекращения статуса адвоката в России](#)
[Голованова Е. С. Современные проблемы адвокатской этики в России](#)
[Гусев В. А. Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов в свете издания Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 и развития дипфейк-технологий: границы уголовно-правовой охраны и квалификации в цифровой среде](#)

[Данилов В. В., Бойцова А. А. Криминалистические аспекты проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование](#)
[Данилов В. В., Сафронов С. М. Организационные механизмы и стратегии работы с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями в рамках предварительного следствия](#)
[Данилов В. В., Тимошкин А. В. Структура криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля](#)
[Данилов В. В., Сергомасова Я. А. Личность контрабандиста, совершающего перевозку наркотиков на воздушном транспорте](#)
[Ежов А. А. Квалификация сбыта наркотических средств в условиях стремительной цифровизации: единое продолжаемое преступление или совокупность преступлений](#)
[Еремкина Н. В. Правотворчество и правоприменение как взаимосвязанные формы реализации публичной власти в Российской Федерации](#)
[Зайкина К. С. Проблемы и перспективы обеспечения безопасности и защиты конституционных прав личности в экосистеме электронного правосудия](#)
[Зайцев Н. Б. Составы преступления связанные с хищением в уголовном праве России: проблемы системности, правоприменения и их решение](#)
[Игнатова М. С. Роль семьи и ближайшего окружения в предупреждении рецидива преступлений](#)
[Кечайкина Е. М., Барцаев В. В. Цифровой рубль и цифровая валюта в противодействии легализации \(отмыванию\) доходов, полученных преступным путем: сравнительно-правовой аспект](#)
[Кечайкина Е. М., Бурносова В. В. Искусственный интеллект в цифровом правосудии: проблемы и перспективы](#)
[Кечайкина Е. М., Саушкина А. А. Актуальные вопросы правового регулирования цифрового рубля: риски и угрозы внедрения в российскую экономику](#)
[Кечайкина Е. М., Зайкина К. С. Электронное правосудие как экосистема: актуальные вопросы цифровизации по законодательству Российской Федерации](#)
[Кобаков Н. Ю. Проблемы разграничения корыстных и корыстно-насильственных преступлений в уголовном праве России](#)
[Кизрин К. В. Несправедливость наказания и иных мер уголовно-правового характера как материально-правовой аспект несправедливости судопроизводства](#)
[Кильдешова Л. А. Понятие и структура наркотизма как социально-правового явления](#)
[Климкина К. М. Дифференциация публично-правовой ответственности за коррупционное поведение](#)
[Колоколова Е. О., Минеева И. Н. Об узурпации в жилищном праве РФ](#)
[Логутенков А. В., Харитонова М. И. К вопросу о контроле и надзоре в сфере социальной защиты населения](#)
[Ломакин П. А. Противодействие преступлениям в сфере государственных финансов в системе обеспечения экономической безопасности государства](#)
[Ломакин П. А. Финансовый контроль как способ противодействия преступности в сфере государственных финансов](#)
[Макалов И. О. Понятие и виды доказательств в уголовном судопроизводстве](#)
[Макалов И. О. Вещественные доказательства в уголовном процессе: понятие и особенности
\[Макалов И. О. Правовые свойства доказательств в уголовном судопроизводстве: допустимость, относимость и достоверность\]\(#\)
\[Макаров В. А. Понятие и правовые последствия состояния административной наказанности\]\(#\)
\[Макеев Н. А. Коррупционные риски в ОВД и пути их минимизации средствами цифрового образования и науки\]\(#\)
\[Макеев Н. А. Противодействие коррупции в эпоху цифровизации: анализ и перспективы преодоления\]\(#\)
\[Мальшионков Н. И. Цифровизация общества как системная угроза конституционному строю государства\]\(#\)](#)

[Моисеева Е. Н., Панфилов М. А. Кадровый электронный документооборот организации: преимущества и недостатки](#)
[Надин Е. А. Актуальные проблемы квалификации соучастия в преступлении](#)
[Нелюбина Е. А. Особенности правового регулирования согласия на обработку и распространение персональных данных](#)
[Нестеренко А. А. Повышение квалификации судей как инструмент судебной реформы](#)
[Нестеренко А. А. Цифровизация судебной системы как инструмент повышения прозрачности и доступности правосудия в России](#)
[Никишова Н. В. Понятие и сущность корпоративной социальной ответственности: социально-философский подход](#)
[Панков В. В. История становления и развития прокурорского надзора](#)
[Панков В. В. Механизм осуществления прокурорского надзора: структура, процедуры и современные тенденции](#)
[Панков В. В., Абдульмянова Т. В. Теоретико-правовая природа прокурорского надзора в Российской Федерации](#)
[Панюшин Г. В. Автотехническая экспертиза как средство доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях](#)
[Панюшин Г. В. Доказательственное значение экспертиз по делам об административных правонарушениях](#)
[Прокина Е. В., Учайкина Н. Ю. Цифровизация гражданского права: вызовы и перспективы](#)
[Ревнова К. А., Асанова И. П. Добровольная сдача в плен как преступление против военной службы](#)
[Ревнова К. А. Историко-правовая эволюция уголовной ответственности за преступления против военной службы в России](#)
[Ревнова К. А. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений против военной службы: нормативно-правовые основы и разграничительные критерии квалификации](#)
[Родина Ю. С. Мировая юстиция: проблемные аспекты](#)
[Романович Г. А. Тактические приемы нейтрализации манипулятивного поведения и пассивного сопротивления подозреваемого в условиях бесконфликтного допроса](#)
[Савельева Д. М. Корыстная преступность по уголовному праву Российской Федерации](#)
[Сайфуллова А. Р. Правовые символы как средство юридической техники](#)
[Саушкина А. А. Понятие цифрового рубля и роль Банка России в его регулировании](#)
[Сафронов С. М. Понятие и сущность психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем в уголовном процессе](#)
[Сергомасова Я. А. Особенности предмета наркоконтрабанды на воздушном транспорте](#)
[Сергомасова Я. А. Способы контрабандной перевозки наркотических средств и психотропных веществ на воздушном транспорте](#)
[Солдатова Т. В. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в состоянии аффекта](#)
[Солдатова Т. В. Физиологический и патологический аффект: понятие, отличия и значение для уголовного права](#)
[Спиридонова М. Н. Реализация международно-правовых стандартов противодействия коррупции в правовом поле Российской Федерации](#)
[Теричева М. Ю. Понятие доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве](#)
[Тимошкин П. С. Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств](#)
[Тимошкин А. В. Источники информации о личности несовершеннолетних потерпевших, свидетелей](#)
[Тугушев Т. Д. Диагностические исследования рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма](#)
[Тюльнев Н. М. История формирования судебной власти в Российской Федерации](#)
[Фирсова А. Ю. Развитие принципов профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности: современные вызовы и перспективы](#)

[Фирсова А. Ю. Судебно-экспертная этика как системообразующий элемент правового обеспечения судебно-экспертной деятельности](#)
[Фирсова А. Ю. Теоретический и правовой аспект судебно-экспертной этики](#)
[Халикова И. Ф. Общественная опасность преступлений, посягающих на интересы семьи](#)
[Халикова И. Ф. Семья как объект уголовно-правовой охраны: теоретические и практические аспекты](#)
[Чалдышев Д. А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта](#)
[Чалдышев Д. А. Убийство, совершенное в состоянии аффекта \(ст. 107 УК РФ\): проблемы разграничения с другими видами убийств](#)
[Чегодаева Е. В. Исторические предпосылки формирования и развития прокурорской системы](#)
[Чегодаева Е. В. Правовой статус и место прокуратуры Российской Федерации в системе государственной власти](#)
[Чегодаева Е. В. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России: комплексный анализ](#)
[Черушова М. А. Привилегированность в составе убийства](#)
[Шемякин И. М. Противодействие терроризму в России: уголовно-правовые механизмы, тенденции и практика](#)
[Шумилов Ю. Ю. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения](#)
[Шумилов Ю. Ю. Меры административного принуждения в сфере безопасности дорожного движения](#)
[Шумилов Ю. Ю. Особенности применения мер административного принуждения к различным категориям участников дорожного движения](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли материалы Национальной научно-практической конференции «XI Юридические чтения», состоявшейся в Саранском кооперативном институте (филиале) Российского университета кооперации 26–27 ноября 2025 года.

В своих выступлениях и научных статьях участники конференции изложили оригинальное, зачастую полемичное видение актуальных проблем и современных тенденций развития юридической науки и образования. Особое внимание было уделено вызовам, порожденным глубокой трансформацией экономических, социальных и политических процессов в современном обществе, что требует адекватного переосмысления правовых институтов и образовательных парадигм.

В совокупности вопросов, рассмотренных на конференции, выделяются следующие их комплексы:

1. *«Интеграция теории права и правоприменительной практики»*
2. *«Детерминанты развития законодательства: социальные, гражданские и уголовные аспекты»*

«ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ»

УДК 342.84

РЕАЛИЗАЦИЯ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЧЕРЕЗ НОРМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Абросимова Алина Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810370@ruc.su

IMPLEMENTATION OF PEOPLE'S REPRESENTATION THROUGH ELECTORAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abrosimova Alina Aleksandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье осуществлен теоретико-правовой анализ барьеров и дефектов легитимации, возникающих на стыке народного суверенитета и позитивного избирательного законодательства. Центральным предметом изучения выступает функциональная дихотомия избирательных норм, способных как обеспечивать, так и ограничивать подлинное представительство. Авторская аргументация строится на деконструкции ключевых институтов – избирательного ценза, модели организации избирательного процесса и правил формирования парламента. По итогам исследования предлагается концепция «эффективного народного представительства» как критерия для оценки действующего избирательного законодательства.

Ключевые слова: народное представительство, избирательное право, теоретико-правовой анализ, легитимация власти, электоральный дизайн, репрезентативная функция выборов.

The article carried out a theoretical and legal analysis of the barriers and defects of legitimation that arise at the junction of popular sovereignty and positive electoral legislation. The central subject of study is the functional dichotomy of electoral norms that can both ensure and limit genuine representation. The author's argumentation is based on the deconstruction of key institutions – the electoral qualification, the model for organizing the electoral process and the rules for the formation of parliament. According to the results of the study, the concept of "effective national representation" is proposed as a criterion for assessing the current electoral legislation.

Keywords: people's representation, suffrage, theoretical and legal analysis, legitimization of power, electoral design, representative function of elections.

Современный этап развития избирательного законодательства Российской Федерации (2023–2025 гг.) характеризуется глубокой системной трансформацией, инициированной конституционной реформой 2020 года. Произошедшие изменения не ограничились точечными корректировками отдельных нормативных актов, а затронули саму философию представительной демократии, создав принципиально новые правовые механизмы реализации как активного, так и пассивного избирательного права. В частности, модернизация коснулась института многодневного голосования, дистанционного электронного волеизъявления, а также процедур выдвижения и регистрации кандидатов, что существенно трансформировало традиционные подходы к организации избирательного процесса.

Данные законодательные новации стимулировали возникновение новой

волны научных исследований, направленных на осмысление изменяющейся парадигмы народного представительства. В научный дискурс активно внедряются такие концепты, как «цифровой электоральный суверенитет», «гибридная легитимность» и «трансформация репрезентативной функции». Академическое сообщество сосредоточило внимание на анализе эффективности обновленных конституционно-правовых механизмов в условиях формирования единого дня голосования и синхронизации избирательных циклов. Современные исследования носят междисциплинарный характер, интегрируя методологию юридической науки с достижениями политической социологии и цифровой политологии, что позволяет осуществлять комплексный мониторинг качества народного представительства на всех уровнях публичной власти.

Особую научную релевантность приобретает изучение влияния конституционных новелл на баланс между мажоритарными и пропорциональными элементами избирательной системы. Правовые эксперименты последних лет, включая введение графы «против всех» и модификацию правил формирования избирательных округов, требуют тщательного анализа с точки зрения их воздействия на репрезентативность Государственной Думы и региональных парламентов. Актуальные научные изыскания демонстрируют сдвиг от описания институциональных изменений к оценке их влияния на качество политической конкуренции и уровень общественного доверия к электоральным процедурам, что формирует новую исследовательскую повестку в области конституционного и избирательного права.

Фундаментальные основы и конституционно-правовые принципы, детерминирующие функционирование системы народного представительства в Российской Федерации, получили комплексное освещение в диссертационном исследовании доктора юридических наук Г. Д. Садовниковой. В своей работе «Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития» автор проводит системный анализ, раскрывая генезис и трансформацию данных институтов в контексте меняющихся общественно-политических парадигм [1].

Смысловым центром как труда Садовниковой, так и ранее упомянутых исследований, выступает проблема императивности депутатского мандата. Ученые обосновывают тезис о необходимости законодательного закрепления повышенной ответственности народных избранников за реализацию их представительной функции и принимаемые решения. Это порождает ключевую дилемму современного российского парламентаризма: насколько имплементация элементов «ответственного мандата» совместима с сложившейся конституционной моделью?

Действующая на федеральном уровне конструкция формально характеризует парламентский мандат как свободный, что призвано обеспечивать репрезентацию интересов всего многонационального народа. Однако эта модель демонстрирует признаки системного дуализма. С одной стороны, в условиях доминирования пропорциональной и смешанной избирательных систем мандат оказывается существенно детерминирован партийной дисциплиной, что создает феномен «двойной легитимности» депутата – от партии и от электората. С другой

стороны, сама логика электорального цикла, необходимость регулярной пролонгации полномочий через переизбрание объективно формируют механизм обратной связи, делая депутата зависимым от ожиданий и интересов его избирателей.

Таким образом, на современном этапе происходит переосмысление классической дихотомии «свободный vs. императивный мандат». В российской практике складывается гибридная модель, где формальная свобода депутатского усмотрения де-факто ограничивается как корпоративной волей политической партии, так и императивом электоральной ответственности, что свидетельствует о формировании новых, более сложных форм взаимоотношений между представителями и представляемыми.

Коренным образом ситуация трансформации народного представительства проявляется на субнациональном уровне – в субъектах Российской Федерации. Здесь персональный состав электората конкретизируется, что объективно усиливает запрос на прямую ответственность депутатов перед региональными сообществами. В этой связи правоприменительная практика 2023–2024 годов демонстрирует тенденцию к внедрению в региональное законодательство отдельных элементов «ответственного мандата» – института публичной отчетности депутатов и механизмов общественного контроля за их законотворческой деятельностью.

На муниципальном уровне происходит дальнейшая конкретизация субъекта представительства – им становится локальное территориальное сообщество. Правовая природа мандата в органах местного самоуправления эволюционирует в сторону императивной модели, что находит выражение в установлении обязательности проведения публичных слушаний, внедрении практики отзывов депутатов и реализации иных форм прямой демократии. Особую актуальность приобретает изучение региональных кейсов, где успешно апробированы модели взаимодействия представительных органов с общественными палатами и территориальными общественными самоуправлениями.

В контексте анализа современных исследований следует отметить, что научный дискурс постепенно смещается от историко-теоретического осмысления института народного представительства к разработке практических механизмов его совершенствования [2–4]. Особого внимания заслуживают работы, посвященные цифровой трансформации представительной демократии – внедрению электронных петиций, системе «электронного парламента» и технологиям общественного мониторинга законотворческого процесса [5–7].

Современная парадигма исследования проблемы предполагает комплексный анализ процессов правовой институционализации представительных органов через призму теории публичного управления. Это позволяет выработать новые подходы к пониманию таких ключевых категорий, как «эффективность народного представительства», «качество парламентского контроля» и «легитимность представительных решений» в условиях цифровой трансформации общества. Перспективным направлением научного поиска становится изучение оптимального баланса между представительной и прямой демократией на разных уровнях публичной власти.

По результатам проведенного научного анализа сформулированы следующие

концептуальные выводы, отражающие современное состояние института народного представительства:

Проведенный компаративный анализ свидетельствует, что генезис представительных институтов на территории России демонстрирует синхронность с обще-европейскими тенденциями. Историко-правовые исследования подтверждают, что уже в X веке новгородское Вече осуществляло функции, сопоставимые с представительными органами средневековых европейских коммун, что опровергает тезис о запаздывающем развитии отечественных демократических институтов.

Современная эффективность системы народного представительства детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов, образующих институциональную матрицу парламентаризма. К числу ключевых детерминант относятся: конфигурация электорального законодательства, применяемая избирательная модель, уровень развития политико-правовой культуры граждан, степень институционализации партийной системы, характер политического плюрализма и реальный объем властных полномочий представительных органов.

Эволюция представительной демократии в России осуществляется в рамках бинарной модели, сочетающей элементы презентативной и репрезентативной парадигм. Если презентативная модель предполагает формирование представительного органа через делегирование от существующих институтов власти, то репрезентативная основана на принципах прямого народного волеизъявления. Современное избирательное законодательство Российской Федерации отражает эту дуалистическую природу, синтезируя исторические правовые традиции с современными конституционными принципами.

Представительная функция Государственной Думы может быть определена как конституционно-правовой механизм трансляции политических интересов многонационального народа России через легитимированных свободными выборами депутатов. Важнейшим атрибутом данной функции выступает система парламентского контроля, получившая новое измерение после конституционной реформы 2020 года. Расширение контрольных полномочий Федерального Собрания, включая проведение парламентских расследований и заслушивание отчетов исполнительной власти, создало дополнительные гарантии эффективности народного представительства.

В современной юридической доктрине сохраняется дискуссионность относительно оптимальной конфигурации полномочий Государственной Думы. Научный дискурс сосредоточен на поиске баланса между традиционными законодательными функциями и новыми контрольными механизмами, что отражает продолжающийся процесс институционального совершенствования российского парламентаризма в условиях динамичной политико-правовой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовникова, Г. Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Москва, 2013. – 57 с.

2. Алексеев, Р. А. Конституция Российской Федерации: история поправок // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 8–31.
3. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
4. Котляров, С. Б. Институты гражданского общества – феномен правового государства / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Право и образование. – 2017. – № 7. – С. 117–122.
5. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1-1. – С. 223–231.
6. Семенов, Н. С. Электронный парламент и информационные отношения / Н. С. Семенов, Т. К. Исманов // Бюллетень науки и практики. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 477–484.
7. Никишова, Н. В. Информационное обеспечение в сфере законотворчества: теоретические аспекты / Н. В. Никишова // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития : материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. – С. 372–377.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адикаев Адель Ринатович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ica11912@mail.ru

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Adikaev Adel Rinatovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данной статье рассматриваются основные конституционные принципы правосудия в Российской Федерации. Описываются различные подходы ученых к определению правосудия. В статье раскрывается, что правосудие осуществляется в соответствии с точно установленной законом процедурой и охватывает различные категории дел. Также отмечается, что результатом правосудия является принятие судом определённого судебного акта, который должен вступить в законную силу. А также в данной статье подчёркивается, что правосудие базируется на определённых принципах, призванных гарантировать соблюдение прав и свобод личности.

Ключевые слова: правосудие, принципы, независимость судей, законность, гласность, Конституция.

This article examines the basic constitutional principles of justice in the Russian Federation. Various approaches of scientists to the definition of justice are described. The article reveals that justice is carried out in accordance with the procedure precisely established by law and covers various categories of cases. It is also noted that the result of justice is the adoption by the court of a certain judicial act, which must enter into legal force. This article also emphasizes that justice is based on certain principles designed to guarantee respect for individual rights and freedoms.

Keywords: justice, principles, independence of judges, legality, transparency, Constitution.

Государственная деятельность, именуемая правосудием, представляет собой строго регламентированный законом процесс. В его рамках происходит рас-

смотрение гражданских, административных и уголовных дел, что позволяет достичь справедливости и защитить как права человека, так и интересы государства.

Согласно юридической энциклопедии «правосудие – это особый вид государственной деятельности, сущность которой заключается в том, что независимый и беспристрастный суд на основе закона решает возникший спор или конфликт» [1, с. 520].

М. С. Строгович писал, что «правосудие – это государственная функция, осуществляемая только судом при рассмотрении и разрешении спора на основе норм закона» [2, с. 14].

По мнению А. Ф. Клеймана «правосудием является разрешение специальным органом государственной власти вопросов о применении отдельных норм права к конкретным случаям жизни» [3, с. 425].

А. А. Мельников считал, что «правосудие – это особая государственная функция охраны общественного порядка, собственности, а также прав граждан, осуществляемая единственным государственным органом – судом, наделенным для этого соответствующими полномочиями» [4, с. 23].

Г. В. Номоконов давая определение понятию правосудия, указывает, что «это осуществляемая судом правоохранительная деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских, уголовных и подведомственных судам административных дел при неуклонном соблюдении требований закона и установленного им порядка, обеспечивающих законность, обоснованность, справедливость и общеобязательность судебных решений» [5, с. 19].

Правосудие защищает интересы личности и государства, стремясь к справедливому урегулированию конфликтов между ними. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [6].

Правосудие осуществляется в соответствии с точно установленной законом процедурой. В соответствии со ст. 118 Конституции РФ «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Судебный процесс всегда заканчивается вынесением судом конкретного акта – решения, приговора, постановления, определения или заключения. Этот акт, после вступления в законную силу, приобретает силу закона и становится обязательным для всех. Государство обеспечивает исполнение судебных решений, применяя принудительные меры к тем, кто их игнорирует.

Осуществление правосудия предполагает соблюдение установленных правил, именуемых принципами. Конституционные принципы правосудия – это фундамент, на котором строится правовое государство.

По мнению С. А. Виноградовой принципы правосудия определяются, как «императивные правовые требования к процедуре его осуществления, призванные гарантировать соблюдение прав и свобод личности» [7, с. 74].

В. П. Кашепов указывает, что «принципы организации судебной деятельности – это закреплённые в нормах Конституции РФ и федеральных конституционных

законах руководящие положения, отражающие сущность судебной власти» [8, с. 139].

Л. Л. Шамшури́н считал, что «принципы правосудия включают в себя не только содержательную основу системы права либо отрасли права, но и их фундаментальные начала и истоки» [9, с. 2].

Ключевые принципы правосудия содержатся в Конституции Российской Федерации. Данные принципы определяют структуру и функционирование судебной системы в России, устанавливают порядок её организации и деятельности, а также гарантируют защиту прав и свобод граждан, справедливость и равенство перед законом.

Несмотря на всю важность конституционных принципов правосудия, в правовой науке до сих пор не сформулирован их единый перечень. Некоторые авторы ограничиваются несколькими базовыми принципами, в содержание каждого из которых входит целая совокупность положений. С другой стороны, мы можем наблюдать выделение большого количества принципов по средствам дробления конституционных тезисов. Таким образом их содержание обособляется от схожих с ними по смыслу основных начал.

Одним из ключевых принципов правосудия является принцип законности. Стоит отметить, что данный принцип охватывает все отрасли права. Для обеспечения принципа законности важно, чтобы органы правосудия действовали в соответствии с установленными нормами и правилами, при этом учитывая интересы граждан и общества в целом. Нарушение данного принципа приводит к снижению эффективности правосудия.

Принцип равенства перед законом и судом заключается в том, что согласно статье 19 Конституции РФ, все граждане равны перед законом и судом, независимо от пола, расы, национальности, языка, имущественного положения и иных обстоятельств. Принцип равенства перед законом и судом является основополагающим во всех видах правосудия. Правосудие осуществляется на основе единого законодательства и поэтому этот принцип закреплён в процессуальных кодексах. Принцип равенства перед законом и судом подразумевает, что судебные акты обеспечивают равные права, обязанности и меры ответственности для всех.

Ст. 120 Конституцией РФ, а также международными нормами гарантируется принцип независимости судей. Независимость судебной власти является конституционным принципом обеспечения законности при отправлении правосудия и главной гарантией справедливого судебного разбирательства. Любое вмешательство в деятельность судьи, будь то дача указаний по судебному разбирательству или оказание давления на судью, является нарушением принципа независимости и влечёт за собой ответственность, предусмотренную законом. Нарушение независимости ведёт к утрате доверия, злоупотреблениям и коррупции. Для объективности судей нужна внешняя и внутренняя независимость. Внешняя защищает от давления, внутренняя – от политических и личных влияний.

Принцип гласности судопроизводства закреплён в статье 123 Конституции РФ согласно которой «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом». Открытое судебное заседание могут посещать лица, не являющиеся

участниками процесса. Закрытые заседания проводятся только по мотивированному решению суда при наличии обстоятельств, препятствующих свободному доступу. Нарушение принципа гласности может привести к отмене судебного постановления, если не было оснований для закрытого заседания.

В 2020 году, на фоне распространения пандемии, возникли сложности с реализацией принципа гласности в судебной системе. Суды оказались не приспособлены к работе в условиях ограничений. В текущей ситуации особенно важно транслировать судебные заседания, однако не все суды обладают необходимыми техническими возможностями для этого.

Принципы правосудия формируются под влиянием национальных и социокультурных факторов, отражая политические, правовые и моральные убеждения общества и государства относительно того, каким должно быть правосудие. Эти принципы всегда служили основой для судопроизводства, хотя официально закреплены они были только в XX веке.

Наблюдается постепенное формирование современных принципов правосудия: одни из них создавались, другие нарушались, но с каждой реформой их количество и влияние на судебную практику увеличивалось. Особо важно подчеркнуть, что конституционные принципы судопроизводства служат объединяющей основой, обеспечивая единообразие всех форм судебных разбирательств.

На основании рассмотренного выше, пришли к выводу что, принципы правосудия – ключевые нормы, определяющие работу судебной системы. Они отражают соответствие правосудия демократическим стандартам и выполняют социальную функцию. Несмотря на законодательное закрепление, принципы часто нарушаются, что приводит к ущемлению прав граждан. Для решения проблемы необходимы комплексные меры, особенно в сфере информационно-технического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров, М. Ю. Юридическая энциклопедия : учебник / М. Ю. Тихомиров. – Москва, 2014. – 972 с.
2. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : учебник / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. Т. 1. – 468 с.
3. Клейман, А. Ф. Гражданский процесс : учебник / А.Ф, Клейман. – Москва : Издательство НКЮ СССР, 1938. Т. 2. – 670 с.
4. Мельников, А. А. Конституционные основы правосудия в СССР / А. А. Мельников. – Москва : Соц. Законность. 1981. – 360 с.
5. Номоконов, Г. В. Понятие правосудия и его отличительные признаки / Г. В. Номоконов // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 9(77). – С. 19.
6. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет – портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Виноградова, С. А. Принципы правосудия как основа судебной деятельности / Науч. рук. : д.ю.н., проф. В. В. Гребенников. – Москва : РУДН, 2017. – 140 с.
8. Кашепов, В. П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы / В. П. Кашепов // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 138–151.

9. Шамшурин, Л. Л. Принципы гражданского (арбитражного) процессуального права: проблемы понятия, классификации, значение в совершенствовании законодательства и отправлении правосудия / Л. Л. Шамшурин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 7. – С. 2–6.

УДК 342

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Адикаев Адель Ринатович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ica11912@mail.ru

**THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE:
CONCEPT AND MEANING**

Adikaev Adel Rinatovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данной статье автором рассматривается принцип презумпции невиновности. В рамках демократического правосудия презумпция невиновности выступает как один из наиболее значимых принципов, обладающий собственной целью и выполняющий свою специфическую, важную функцию. Автором, в статье рассматриваются некоторые гарантии реализации принципов невиновности.

Ключевые слова: правосудие, принципы, Конституция РФ, судебная власть, презумпция невиновности, гарантии.

In this article, the author examines the principle of presumption of innocence. In the framework of democratic justice, the presumption of innocence acts as one of the most significant principles, which has its own purpose and performs its own specific, important function. By the author, the article discusses some guarantees for the implementation of the principles of innocence.

Keywords: justice, principles, The Constitution of the Russian Federation, judicial power, presumption of innocence, guarantees.

Осуществление правосудия предполагает соблюдение установленных правил, именуемых принципами. Конституционные принципы правосудия – это основополагающие нормы и правила, на котором строится правовое государство.

В настоящее время судебная система не может обойтись без принципа презумпции невиновности. Данный принцип играет ключевую роль и имеет свою уникальную историю становления и развития в судопроизводстве России.

Презумпция невиновности имеет многовековую историю. Она берет свои начало еще в частном римском праве, где была известна как «презумпция добропорядочности». В отечественном же законодательстве презумпция невиновности была закреплена не сразу, а прошла довольно долгий путь становления.

Принцип презумпции невиновности находит свое закрепление в Международно-правовых актах и документах. Всеобщая декларация прав человека 1948 является одним из таких документов.

Согласно ст. 11 Всеобщей Декларации прав человека 1948 «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем

гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [1].

Принцип презумпции невиновности применяется в основном в уголовном судопроизводстве, но также содержится в ст. 49 Конституции РФ согласно которой: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [2].

Отметим, что учёные по-разному интерпретируют и описывают содержание презумпции невиновности. Изучим наиболее значимые точки зрения авторов по данному вопросу.

М. И. Байтин подчеркивает следующее: «знаменательно, что конституционное закрепление данного принципа является одним из наглядных проявлений того, как современное российское право, опираясь на естественные законы, может служить действенным инструментом их реального осуществления» [3, с. 10].

По мнению, Н. А. Грешновой «презумпция невиновности – это нормативно установленное предположение о невиновности лица в совершении преступления, являющееся обязательным для суда и иных лиц, участвующих в деле, которое может быть опровергнуто путем вынесения обвинительного приговора на основании собранных стороной обвинения доказательств. При этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, обязанность по доказыванию его вины полностью возложена на сторону обвинения, при этом все сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого» [4, С. 49].

Редько Т. Н. дает определение презумпции, как правового принципа, а именно: «Презумпция невиновности – общеправовой принцип, согласно которому лицо, привлекаемое к ответственности, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Презумпция невиновности является важнейшим принципом права, который обеспечивает охрану прав и интересов личности, исключает необоснованные обвинения и осуждение. Виновность лица в совершении правонарушения может быть доказана лишь установленными законом средствами и лишь при наличии достаточных судебных доказательств, относимых к делу и допустимых в законе, причем обязанность (бремя), доказывания вины не возлагается на правонарушителя. Из принципа презумпции невиновности следует, что все неустранимые сомнения, должны истолковываться в пользу обвиняемого (подсудимого)» [5, С. 42].

Так, по мнению М. С. Строговича, «презумпция невиновности определяется, как очень важным, высокогуманным и демократическим процессуальным принципом, который наполнен глубоким, нравственным этическим содержанием» [6, С. 32].

Изучение приведенных формулировок подтверждает, что презумпция невиновности выполняет центральную функцию в работе правосудия.

Согласно положениям, ст. 14 УПК РФ «сущность презумпции невиновности отражается и сводится к применению в уголовном судопроизводстве следующих правил:

- обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;
- обязанность доказывать виновность лица возложена на сторону обвинения и реализуется путем сбора, проверки и оценки доказательств;

- неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу;
- обвиняемые не может считаться виновным до вступления в законную силу обвинительного приговора суда» [7].

Значение рассматриваемого принципа подчёркивается его закреплением на международном, конституционном и отраслевом уровнях правового регулирования.

Все рассмотренное выше включается в содержание принципа презумпции невиновности, формирует его понимание и основания его действия и соблюдения. Презумпция невиновности оказывает существенное влияние на формирование различных институтов уголовного судопроизводства. Важно подчеркнуть, что принцип презумпции невиновности применяется не только в уголовном, но и в сфере административного и налогового права.

Положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривают, что лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, имеют право на презумпцию невиновности [8]. Для правонарушений, которые были зафиксированы камерами или другими мобильными комплексами фиксации нарушений устанавливается особый порядок ответственности, который, тем не менее, не нарушает презумпцию невиновности.

Пункт 6 ст. 108 НК РФ определяет, что «лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке» [9].

Создание системы гарантий необходимо для обеспечения принципа презумпции невиновности. Система гарантий реализации принципа презумпции невиновности является достаточно обширной и включает в себя систему положений, которые позволяют реализовать принцип презумпции невиновности эффективно. В юриспруденции выделяют две основные категории гарантий: материальные и процессуальные.

К материальным гарантиям принципа презумпции невиновности относятся конституционные права на квалифицированную юридическую помощь и на использование родного языка.

В Российской Федерации квалифицированная юридическая помощь основывается на конституционных принципах и является ключевым элементом обеспечения справедливости и защиты прав граждан.

В рамках уголовного судопроизводства использование переводчика бесплатно является конституционным правом на использование родного языка для подозреваемого или обвиняемого, если он не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется процесс.

Для эффективной реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе необходимо обеспечить его процессуальными гарантиями. Процессуальные гарантии, по сути, являются нормами, которые регламентируют порядок осуществления уголовного судопроизводства, устанавливая четкие правила и процедуры. Гарантии презумпции невиновности включают в себя положения УПК РФ. Положения УПК РФ являются основополагающими элементами, которые обеспечивают порядок разбирательства в суде в соответствии с принципами уголовного процесса.

Хоть и материальных гарантий презумпции невиновности не так много, в отличие от процессуальных гарантий, но их значение трудно переоценить для осуществления справедливого правосудия.

Система гарантий реализации презумпции невиновности направлены на организацию процесса таким образом, чтобы невиновные не были привлечены к уголовной ответственности, а виновные в преступлениях понесли заслуженное наказание.

Таким образом, демократическое правосудие строится на ряде важнейших принципов, среди которых презумпция невиновности занимает особое место. Она не только имеет собственную, самостоятельную цель, но и выполняет свою специфическую, незаменимую функцию в системе правосудия. В правовом регулировании презумпции занимают ключевое место, поскольку они служат фундаментом для формирования правовых норм и существенно определяют, что именно подлежит доказыванию в суде. Благодаря правовым презумпциям становится проще установить истину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – № 67. – 1995.
2. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет – портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Байтин, М. И. О принципах и функциях права: новые моменты / М. И. Байтин // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4–16.
4. Грешнова, Н. А. Презумпция невиновности личности как одно из условий реализации принципа состязательности / Н. А. Грешнова // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4 (38). – С. 49–55.
5. Радько, Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие / Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2011. – 135 с.
6. Строгович, М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности : учебник / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1984. – 143 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч.1). – Ст. 4921.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: в ред. от 15 октября 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – № 31. – 1998. – Ст. 3824.

УДК 342.5:004.9

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА: ОСОБЕННОСТИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Артюхин Артем Александрович, преподаватель

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: a.a.artuhin@ruc.su; f.sh.yambushev@ruc.su

THE RUSSIAN MODEL OF A DIGITAL STATE: FEATURES, CONTRADICTIONS AND DEVELOPMENT TRENDS

Artyukhin Artem Aleksandrovich, teacher

Yambushev Fail Shamilieвич, PhD (Jurisprudence) Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию феномена «цифровое государство», его базовых признаков, свойств и целей деятельности. Проводится анализ формирования цифрового государства в Российской Федерации, выявляются особенности и противоречия в реализации задач цифровизации государственного управления и ее правового обеспечения.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровое государство, государственное управление, права человека.

This article explores the phenomenon of the "digital state," its basic characteristics, properties, and goals. It analyzes the formation of the digital state in the Russian Federation, identifying the specifics and contradictions in the implementation of digitalization in public administration and its legal framework.

Keywords: digital technologies, digital state, public administration, human rights.

Существование и функционирование современного государства невозможно без использования цифровых технологий в регулировании общественных отношений. Правотворческая сфера, государственное управление, правосудие, экономические и политические процессы постепенно подвергаются технологическому преобразованию.

Цифровизация становится одним из определяющих направлений деятельности государства, влияющая на все аспекты принимаемых им решений. Данное обстоятельство не только повышает эффективность взаимодействия государства с обществом, но и поднимает на качественно новый уровень возможности контроля со стороны государства за деятельностью общества и частных лиц.

Для того чтобы разобраться в проблематике исследуемой темы, необходимо понять саму природу цифровизации и то, способно ли современное государство адаптироваться и в дальнейшем осуществлять цифровое развитие в соответствии со стремительно прогрессирующими общественными отношениями и требованием времени.

Понятие «цифровое государство» является относительно новым для российской науки. Оно начало процесс стремительно развивается под влиянием информационных преобразований в самом обществе. Под цифровым государством следует понимать новую форму организации публичной власти, в которой управление осуществляется с применением информационных технологий, а сами общественные отношения активно внедряются в электронную среду.

Как отмечает М. В. Алексеева, современный этап научно-технического прогресса, обусловленный значительными изменениями в сфере обработки и передачи информации, внедрением искусственного интеллекта и распространением глобальных информационных систем, приводит в необходимости трансформации государства в интересах гармоничного развития как общества в целом, так и его субъектов [1]. На наш взгляд, подобная трансформация требует тщательного пересмотра устоявшихся свойств и признаков государства, которые были продиктованы эволюционным развитием государства и права.

Так, понятие суверенитет страны можно рассматривать не только как фундаментальное свойство государства в классическом его понимании, но и как качественный признак современного технологического государства, а именно «цифровой суверенитет», то есть способность государства самостоятельно регулировать цифровое пространство. Главным аргументом, в пользу такого понимания суверенитета, является все большее возрастание требований к уровню национальной безопасности и устойчивости к информационным нападениям извне. Стабильное функционирование критически важной для России инфраструктуры является наиболее востребованным фактором развития нашей страны, особенно на данном, весьма сложном этапе ее исторического пути.

Основные тенденции устойчивого технологического развития и цифровой трансформации заложены в «Концепции технологического развития на период до 2030 года» принятой Правительством Российской Федерации в 2023 году. Главным тезисом данной концепции является наступление третьего этапа технологического развития России, приоритетом которого является технологический суверенитет. Он подразумевает под собой запуск процессов построения в государстве собственных критически важных инфраструктурных технологий и производства продукции на их основе.

Главными вызовами для России на современном этапе являются: санкционное давление, снижение уровня инноваций и инвестиций. Для того чтобы исправить сложившуюся ситуацию, нашей стране будет необходимо абстрагироваться от зарубежных технологических новшеств и наладить свои национальные механизмы цифрового функционирования. Мы считаем, что следует начать с критически важных элементов государственной безопасности и завершить крепкой системой технологической самостоятельности и независимости.

Перевод фундаментальных инфраструктурных элементов на национальные аналоги обеспечит их стабильное функционирование, укрепит межструктурное взаимодействие и минимизирует передачу данных третьим лицам и странам. В рамках построения цифрового государства в России, запуск и реализация данных процессов положительно повлияет на стабильное существование и дальнейшее ее развитие.

Помимо вышерассмотренной Концепции, важное значение, в развитии цифровой модели Российской Федерации, имеет Указ Президента «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утвердивший основные направления и приоритеты цифрового развития страны до 2030 года.

Данная стратегия направлена на поддержку отечественных исследований и дальнейшее создание независимой научно-технической инфраструктуры. Особое внимание уделяется поддержке российских разработок в области искусственного интеллекта и внедрению результатов научных исследований в сферу государственного управления.

Отдельная роль в данной стратегии развития отведена интеграции традиционной науки и цифровизации. Предполагается создание электронной платформы научных данных и проведение прикладных исследований в этой области. Подобную тенденцию можно охарактеризовать как переход государства к модели

управления на основе электронных данных, что отражает современный этап цифровизации публичного управления.

Современная юридическая наука и практика опираются на принципы верховенства права, разделения властей и приоритета прав и свобод человека. В то же время цифровая трансформация государства бросает вызов каждому из них. Например, автоматизация отдельных юридических процессов может создать ситуацию, в которой определенное решение выносится не на основе буквы закона, а по результату технического вычисления определенной программы. Соответственно, это приводит к нарушению принципа верховенства права. В этой связи, мы считаем, что государство может оставаться правовым лишь при условии, что цифровые технологии подчинены праву, а не заменяют или подменяют его.

Когда затрагивается вопрос автоматизации отдельных правовых процедур, сразу возникает встречный вопрос: система, которая будет за это отвечать, будет контролироваться специальным государственным органом, или же она будет представлять совершенно новую, независимую и автономную четвертую ветвь власти? Следовательно, необходимо рассмотреть принцип разделения властей с качественно новой позиции.

Эволюционные аспекты публичного управления подтверждают эффективность управления страной путем разграничения властей по специальной компетенции. Данный механизм хорошо себя зарекомендовал и на сегодняшний день, в большом количестве стран, в том числе и Российская Федерация, внедрила этот принцип в свое правовое поле.

Четвертая ветвь власти в лице самостоятельной технической машины цифрового вычисления может принести значительный ущерб сложившемуся правопорядку. Следовательно, прежде чем запустить процесс ее внедрения необходимо проанализировать все возможные риски, протестировать технические возможности страны и проследить за международными прецедентами в этой области, с последующими выводами.

За последнее десятилетие в России сформировался весьма дискуссионный вектор в развитии государственной политики в области цифровизации. Этим вектором является цифровой контроль, который стал неотъемлемой частью построения Российской модели цифрового государства.

Цифровой контроль неминуемо влечет трансформацию правового статуса гражданина. На сегодняшний день, в России функционируют законы регулирующие отношения в сфере персональных данных и об аутентификации лица с использованием биометрических персональных данных. Данные нормативные акты составляют основу цифрового взаимодействия государства и личности. Как справедливо подметила М. И. Миннегалиева, принятые законы направлены на балансирование интересов граждан, предприятий и государства в условиях быстрого технологического прогресса [2].

Однако, сбор биометрических персональных данных вызывает множество споров касательно безопасности отдельно взятого лица. Каждый гражданин должен отчетливо понимать на что направлен сбор его биометрических данных, куда они будут уходить, как в дальнейшем будут использоваться и защищаться. За безопасность и хранение подобных данных должны отвечать государство, в

лице специально уполномоченных органов и частные организации, которые в рамках действующего законодательства имеют право эти данные хранить, обрабатывать и использовать.

Мы считаем, что необходимо установить жесткий контроль за всеми базами данных, которые хранят такого рода информацию, повысить уровень ответственности за возможную утечку и внедрить систему обхода возможной выкачки сведений. Данная система могла бы идентифицировать вывод данных как несанкционированный или подозрительный и подменять их иными сведениями.

Чтобы окончательно минимизировать риск вывода данных, они должны храниться на территории России, чего и пытается добиться наша страна со времен принятия «закона о приземлении» в 2021 году в отношении иностранных технологических компаний и сервисов распространения информации.

Говоря о правах человека, в его традиционном правовом понимании, необходимо отметить, что в цифровой плоскости, права человека и приобретают новое понятие – «цифровые права человека». Среди таких прав можно выделить:

- Право на цифровое взаимодействие с органами публичной власти;
- Право на поиск и обработку цифровой информации;
- Право на цифровую самоидентификацию и т. д.

Мы согласны с позицией О. В. Романовской, что концепция цифровых прав человека не считается общепризнанной [3]. Многие исследователи в этой области приходят к выводу, что цифровые права не формируют отдельную категорию прав, а дополняют существующие «естественные права человека». Однако, нельзя не заметить собственную идентичность таких прав. Они формируют новый правовой статус человека, перенося проявление юридически закрепленных возможностей на информационную плоскость, следовательно, их природа по своему уникальна и самостоятельна.

Как итог, мы можем сформулировать представление о российской модели цифрового государства как о сложной, в определенной мере, самодостаточной системе публичного управления, в которой гармонично сочетаются элементы классической концепции правового государства и тенденции к технологическому управлению обществом.

Цифровизация, как явление, способствует с одной стороны, повышению эффективности управления и прозрачности государственных процессов, а с другой – можно наблюдать усиление регулятивного и контрольного потенциала государства, что заставляет задуматься о балансе между свободой и безопасностью в электронном пространстве.

Особенностью российской модели также является ее выраженная направленность на цифровой суверенитет, технологическую независимость и информационную самодостаточность. Данные тезисы заложены в концепции технологического развития и в стратегии научно-технологического развития России, о которых говорилось выше. Анализ рассматриваемых нормативных актов, позволяет сделать вывод о том, что наша страна взяла стратегический курс на создание замкнутой и самостоятельной цифровой среды.

Грамотная реализация намеченных целей позволит России в будущем стать

самодостаточной и независимой страной в электронно-цифровой среде, способствуя укреплению стабильности в развитии взаимоотношений между государством и обществом.

Помимо вышеизложенного, развитие цифрового государства сопровождается рядом противоречий, ряд из которых был рассмотрен в нашей статье, а именно:

- применение нового типа публичного управления и его соотношение с интересами общества и отдельно взятого гражданина;
- сочетание традиционных способов управления, заложенных в принципах правового государства с цифровыми элементами;
- развитие сферы цифрового контроля и оценка его воздействия на частную жизнь граждан;
- дифференцированный подход к цифровому статусу личности как новому правовому явлению.

Проведенный анализ данных проблем указывает на то, что построение цифрового государства не может быть сведено исключительно к технологическим инновациям, оно требует глубокого правового переосмысления базовых принципов существования и функционирования государства.

Необходимо также отметить, что российская модель цифрового государства формируется как гибрид, сочетающий принципы классического правового государства с технологическими способами государственного управления. Успешность построения такой модели, будет зависеть не от скорости цифровизации, а от способности государства выстроить соответствующую правовую систему, в которой цифровые технологии будут служить человеку и не подменять собой право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – № 2. – С. 14–21.
2. Миннегалиева Л. И. Правовое регулирование цифровых прав: опыт России и зарубежных стран // МНИЖ. – 2023. – № 12 (138). – С. 1–2.
3. Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. – 2024. – № 2 (46). – С. 76–85.

УДК 340

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Архипова Екатерина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ikeleynikova@gmail.com

THE RULE OF LAW: MYTH OR REALITY?

Arkhipova Ekaterina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье осуществляется углубленный анализ феномена правового государства, трактуемого как концептуальный идеал, находящийся в центре научных и общественно-политических

дискуссий вот уже более двух столетий. Изучается историко-теоретическая эволюция понятия, акцентируется внимание на его герменевтике в различных правовых традициях и доктринах, а также анализируются причины, по которым идея правового государства зачастую воспринимается как недостижимый или даже мифический идеал. Особое внимание уделяется вопросу о практической реализуемости данного идеала, о его методологических и цивилизационных границах. Статья предлагает телеологическое осмысление феномена, исходя из учения о целях государства, и аргументирует неоднозначность универсализации этого концепта для всех государств современного мира. В заключение делается вывод о необходимости критического осмысления и взвешенного подхода к продвижению данной идеи в государственных и общественных институтах.

Ключевые слова: правовое государство, телеология, идеал, цели государства, правовая норма, государственность.

The article provides an in-depth analysis of the phenomenon of the rule of law, interpreted as a conceptual ideal that has been at the center of scientific and socio-political discussions for more than two centuries. The historical and theoretical evolution of the concept is studied, attention is focused on its hermeneutics in various legal traditions and doctrines, and the reasons why the idea of a rule-of-law state is often perceived as an unattainable or even mythical ideal are analyzed. Special attention is paid to the question of the practical feasibility of this ideal, its methodological and civilizational boundaries. The article offers a teleological understanding of the phenomenon based on the doctrine of the goals of the state, and argues for the ambiguity of the universalization of this concept for all states of the modern world. In conclusion, it is concluded that there is a need for critical reflection and a balanced approach to promoting this idea in government and public institutions.

Keywords: rule of law, teleology, ideal, goals of the state, legal norm, statehood.

Обращение к тематике правового государства не теряет актуальности на протяжении последних двух веков. С одной стороны, этот концепт стал универсальным нормативным лозунгом – и в текстах конституций, и в устах политиков, и в программах реформ. С другой стороны, по истечении десятилетий активного использования термина по-прежнему остается спорным вопрос: существует ли правовое государство как реальное общественно-правовое явление или это не более чем привлекательный миф, идеологический конструкт или недостижимый идеал?

Данная статья призвана дать окончательный ответ на вопрос о статусе правового государства и рассмотреть исторические, методологические и цивилизационные основания его концепции, выявить специфику практической реализуемости его признаков, а также оценить перспективы и угрозы универсализации данной идеи в современной правовой политике.

Появление термина «правовое государство» относится сравнительно к позднему этапу развития теории права и государства. Его первые вариации обнаруживаются в немецких трактатах XIX века (К. Велькер, И. Х. Фрайхер фон Аретин), однако широкое теоретическое осмысление получило лишь в работах Роберта фон Моля (1832 г.). В англоязычной традиции данное понятие не закрепилось буквально: здесь используется термин «rule of law», то есть «верховенство права», отражающий близкие, но все же не тождественные смыслы.

Такое разделение понятий неслучайно. Для немецкой традиции идея Rechtsstaat (правового государства) подразумевает не просто подчиненность

всех субъектов (включая саму власть) правовым нормам; здесь важен и программный, идеалистический характер государственной деятельности – ориентация на высшие ценности свободы, справедливости, достоинства человека [1].

В англосаксонской концепции «rule of law» смысловой акцент делается на процедурных гарантиях – закономерности, предсказуемости, прозрачности и всеобщности действия закона. Таким образом, отличие заключается в том, что правовое государство в немецком понимании несет еще и прогностическую, целеполагающую нагрузку, тогда как «rule of law» – это, прежде всего, принцип организации общественных отношений.

Как отмечают современные исследователи, разветвленность подходов к интерпретации правового государства обусловлена его исторически-идеологической перегруженностью, а также многообразием целей, которые та или иная правовая система стремится достичь, декларируя приверженность этому идеалу.

Уже в самом этимологическом толковании термина заложена определенная парадоксальность. Если понимать правовое государство как строй, в котором вся или хотя бы основная часть общественных отношений регулируется правом, а все субъекты подчиняются неукоснительным законам, то становится очевидно: с полной реализацией данной концепции мы неизбежно сталкиваемся с недостижимостью такого состояния [2].

Идеализация правового государства в различных конституциях (например, в Конституции Российской Федерации) носит характер не констатации факта, а программной установки – это показатель направления правового развития, но не его результата. Действительно, нет ни одной страны, вне зависимости от ее политической традиции, где бы принципы правового государства (равенство всех перед законом, взаимная ответственность граждан и власти, верховенство права) были бы воплощены без остатка, без изъятий или противоречий.

Отсюда вытекает следующее: феномен правового государства находится на стыке нормативных ожиданий и реальной практике, постоянно испытывая давление как со стороны утилитарных задач государства (интересов власти и элит), так и со стороны социальных детерминант (менталитета, традиций, экономических факторов).

Таким образом, правовое государство – это скорее предельная модель, к которой государства стремятся, однако достичь ее в полной мере невозможно. Такой подход находит отражение и в позиции Г. Еллинека, подчеркивавшего, что абсолютные цели государства никогда не реализуются всецело, однако служат необходимым телеологическим ориентиром [3].

Вопрос о том, является ли цель построения правового государства абсолютной или относительной, имеет решающее значение для понимания характера самой идеи. Г. Еллинек предложил дифференцировать цели государства на абсолютные (метафизические, вечные и идеальные категории) и относительные (ориентированные на конкретные исторические и социальные условия).

Правовое государство как абсолютная цель – это кристаллизованный идеал, внутренне непротиворечивый и далекий от реальности. В то же время идеальный образ служит маяком для государственного строительства, формируя программные нормы конституционного характера, внедряемые в общественное сознание.

От этого во многом зависит и критическое отношение к концепции: с одной стороны, нельзя не признать важности телеологического идеала в процессе формирования государства как социальных и политических институтов. С другой же – использование абсолютной цели в качестве аргумента для оценки политического режима наталкивается на риски произвольной спекуляции: слишком легко выдать декларацию за факт, а лозунг – за действительное положение вещей [4].

В этом смысле правовое государство выступает как своего рода «регулятивная идея» в кантовском смысле: оно организует нормативные ожидания, способствует формированию гражданских добродетелей, но не поселяется в реальности завершённым образом.

В научной и публицистической литературе идея правового государства нередко подвергалась критике за свою утопичность. Аргументы противников сводятся к нескольким основным пунктам:

Во-первых, невозможно полностью оградить правотворчество и правоприменение от влияния правящих групп и политических элит. Закон в реальности выражает прежде всего сложный компромисс сложившихся экономических интересов, моральных традиций, существующего баланса сил.

Во-вторых, подчинение всего общества позитивному праву (исходящему от государства) не всегда ведет к желаемым результатам с точки зрения справедливости и гуманизма. Как отмечал еще древнекитайский мыслитель Мо-цзы, общественная гармония достигается не только и не столько с помощью правовых актов, сколько посредством нравственных императивов («всеобщая равная любовь», «золотое правило»). Исторические примеры показывают, что гипертрофированная юридикация общественных отношений приводит нередко к формализму, отрыву закона от реальной жизни.

В-третьих, правовое государство как идеал нередко становится предметом политических спекуляций. Провозглашение страны правовым государством включается в риторику легитимации действующей власти, но без детализации и анализа эффективности реализации принципов (реального обеспечения прав и свобод граждан, равенства всех лиц перед судом и законом и т.д.).

Наконец, принцип универсализации идеи правового государства вне связи с национальной спецификой и историко-культурными особенностями общества также сомнителен. Механическое заимствование зарубежных моделей и доктрин не всегда ведет к интеграции этих принципов в общественную жизнь или к их реальной эффективности [5].

Вопрос о возможности формирования правового государства сегодня перенесен на новый уровень. Современный глобальный мир предъявляет к юридическим и государственным системам требования гибкости, динамичности, способности реагировать на вызовы, связанные с технологической революцией, миграцией, трансформацией социальных структур.

В этих условиях границы между правом и государством становятся все более размытыми: наблюдается постепенное вовлечение надгосударственных и негосударственных факторов в регулирование общественных отношений, а традиционные институты вынуждены адаптироваться к новым реалиям.

Тем не менее, востребованность принципов правового государства очевидна:

без их рекурсивного обновления невозможна защита основных прав и свобод человека, формирование социально-справедливого общества, укрепление доверия граждан к институтам власти.

Но ключевая задача – не столько в декларации, сколько в сопряжении идеи правового государства с конкретными историческими, социокультурными и экономическими условиями страны. Для этого необходима институциональная рефлексия, внедрение эффективных механизмов обратной связи, развитие гражданского общества, постоянная корректировка целей правового и социального развития.

Правовое государство, таким образом, по своему внутреннему содержанию гораздо ближе к области идеального, нежели онтологически достижимого; это философско-правовая идея, которая играет роль духовно-нормативного ориентира для государственного и общественного строительства, но не сливается с реальностью. Нельзя отрицать ценности самой идеи, однако недопустимо и безоглядное воспроизведение ее вне культурно-исторической, социальной и правовой специфики общества.

Идея правового государства остается магнитом для научной мысли, политической практики и общественной морали, однако развитие данной концепции возможно лишь в результате тщательного анализа тех условий, в которых она реализуется, а также постоянного диалога между нормативным и фактическим состоянием права и государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романчук И. С. Правовое государство в политической системе современного общества: миф или реальность? // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 1 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo-v-politicheskoy-sisteme-sovremennogo-obschestva-mif-ili-realnost>.
2. Жданова М. К. Правовое государство и некоторые особенности его формирования в российской федерации // Вестник науки. – 2022. – № 5 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo-i-nekotorye-osobennosti-ego-formirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii>.
3. Фотеев К. С., Мхитарян Л. Ю. Правовое государство: концепция и реальность // Вестник НАСА. – 2013. – № 1 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo-kontseptsiya-i-realnost>.
4. Галиева Г. А., Сакаева В. Ф. Правовое государство: сущность, принципы и особенности формирования // Экономика и социум. – 2024. – № 3-1 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo-suschnost-printsipy-i-osobennosti-formirovaniya>.
5. Белозеров Б. П. Правовое государство и Россия: теория и История вопроса // Социология и право. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo-i-rossiya-teoriya-i-istoriya-voprosa>.

УДК 342.56

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Арюков Рамиль Фаильевич, магистрант

Курганов Никита Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st804472@ruc.su; st809165@ruc.su

JUDICIAL POWER AND THE JUDICIAL SYSTEM IN THE STRUCTURE OF THE STATE APPARATUS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Aryukov Ramil Failevich, Master's Degree student

Kurganov Nikita Igorevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы о месте и роли судебной власти и судебной системы в структуре государственного аппарата Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный аппарат, разделение властей, судебная власть, судебная система.

This article examines the place and role of the central authority and the complex system in the current state apparatus of the Russian Federation.

Keywords: state apparatus, separate authority, bean authority, bean system.

Государственный аппарат – это сложная многоуровневая система (с горизонтальными и вертикальными связями), государственных органов, сформированных и функционирующих в соответствии с целями их деятельности, наделенные властными полномочиями в пределах решаемых ими задач в вопросах внутренней и внешней политики государства.

В Российской Федерации, как и во многих других современных государствах, государственный аппарат организован в соответствии с принципом разделения властей, который определяет государственную власть как уравновешенную систему самостоятельных, но контролирующих друг друга ветвей законодательной, исполнительной и судебной власти.

В такой модели организации государственного аппарата судебная ветвь власти призвана осуществлять деятельность по отправлению правосудия в установленных законом формах судопроизводства, разрешая споры о праве, вытекающие из норм действующего законодательства.

Судебная ветвь власти обладает достаточными полномочиями для осуществления контроля за деятельностью иных ветвей государственной власти, в том числе и главы государства. Это, в первую очередь, выражается в деятельности органов судебной власти проверке по законности принимаемых органами исполнительной и законодательной власти актов и вынесения соответствующих решений по ним, в целях недопущения нарушения принципа законности и обеспечения соблюдения единого на территории всей страны правового режима и устойчивого функционирования правового порядка.

Судебная власть осуществляется строго установленными законом органами государственной власти – судами. Никакие иные государственные органы не правомочны осуществлять правосудие или каким бы то ни было иным образом подменять функции и полномочия судов.

Судебные органы реализуют свои властные полномочия исходя из подсудности того или иного юридического дела (спора), что предполагает специализированность судов. Все судебные органы независимо от специализации объединены в единую судебную систему.

Единство российской судебной системы достигается путем единообразного

применения всеми судами федеральных конституционных законов и федеральных законов.

Российскую систему правосудия можно назвать двухуровневой. Она построена на принципе федерализма. В первый уровень входят федеральные суды, а во второй – суды субъектов РФ.

Суды субъектов РФ в своей деятельности, кроме федерального законодательства руководствуются ещё и законами своего субъекта РФ.

К федеральным судам законодатель первично относит Конституционный Суд РФ. Этот высший судебный орган обладает исключительной функцией – конституционного контроля и отправления правосудия в форме конституционного судопроизводства [1].

В 2008 году Конституционный Суд переехал из Москвы в Санкт-Петербург. Более 20 лет с 21 февраля 2003 года Конституционный Суд возглавляет Валерий Дмитриевич Зорькин. В настоящее время Конституционный Суд состоит из одиннадцати судей, однако с момента своего образования в 1994 г. и до 2020 г. их было девятнадцать.

Вторым, равным в иерархии с Конституционным Судом РФ, является Верховный Суд РФ. Местом его постоянного нахождения является г. Москва, он в качестве высшего судебного органа рассматривает дела в порядке административного, гражданского, уголовного и арбитражного судопроизводства.

С 26 июля 1989 года и до 23 февраля 2024 года председателем Верховного Суда РФ бессменно был заслуженный юрист РФ и ученый-правовед Вячеслав Михайлович Лебедев. Более 35 лет он стоял во главе российского правосудия и олицетворял собой становление судебной системы современной России. Вячеслав Михайлович ушел из жизни 23 февраля 2024 года, ему было 80 лет. Его на должности председателя Верховного Суда РФ сменила Ирина Леонидовна Подносова. Однако реализовать весь свой богатый опыт и знания она не смогла вследствие скоропостижной смерти 22 июля 2025 г. В настоящее время действующим председателем Верховного Суда РФ назначен Игорь Викторович Краснов. До назначения на должность председателя Верховного Суда РФ, он возглавлял Генеральную прокуратуру РФ.

В соответствии со ст. 2 № 3-ФКЗ «Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, осуществляет судебный надзор за деятельностью судов, а также в пределах своей компетенции в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций» [2]. В соответствии со ст. 3 указанного ФКЗ, Верховный Суд РФ состоит из ста семидесяти судей.

6 февраля 2014 года состоялось объединение Верховного и Высшего Арбитражного судов, что, по мнению В. М. Лебедева, позволило обеспечить единство правовых подходов при осуществлении правосудия в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Следующим уровнем судебной системы являются федеральные суды общей юрисдикции. К ним относят кассационные суды общей юрисдикции. В настоящее время их девять. Федеральный Конституционный закон о их формировании

был принят 29 июля 2018 г. в том числе, в целях минимизирования коррупционной составляющей в судебной системе. Датой начала работы апелляционных и кассационных судов считается 1 октября 2019 года.

Первому кассационному суду общей юрисдикции, расположенному в Саратове, подсудны производства по кассационным жалобам по административным и делам об административных правонарушениях, уголовным и гражданским делам, в пределах территории соответствующего судебного кассационного округа, куда входит Нижегородская область, где я проживаю. Возглавляет Первый кассационный суд, исполняющий обязанности председателя суда – Сундуков Сергей Олегович. Кроме того, апелляционные суды находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Пятигорске, Самаре, Челябинске, Кемерово и Владивостоке.

Также, к судам общей юрисдикции относят и апелляционные суды. Апелляционный суд общей юрисдикции является вышестоящей судебной инстанцией по отношению к действующим на территории судебного апелляционного округа областным судам краевому суду, верховным судам республик. Всего их пять. Они расположены в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Нижнем Новгороде и Новосибирске.

В соответствии с установленной подсудностью Четвертый апелляционный суд рассматривает в качестве апелляционной инстанции уголовные, гражданские и административные дела по жалобам на судебные акты подсудных ему судов. Четвертый апелляционный суд, как и остальные четыре, состоит из Президиума, судебных коллегий по гражданским, уголовным и административным делам.

Судебная система РФ к судам общей юрисдикции, так же относит верховные суды республик, например, Верховный Суд Республики Мордовия. В его составе осуществляют правосудие 30 судей. В пределах своей компетенции Верховный Суд республики, в качестве суда первой и апелляционной инстанций, рассматривает дела, по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Кроме того, он является вышестоящей судебной инстанцией по отношению к районным судам, действующим на территории республики. Председателем Верховного суда Республики Мордовия является заслуженный юрист Республики Мордовия В. М. Кияйкин, назначенный на эту должность Указом Президента РФ в 2021 г. По его мнению, одной из главных задач, государства, в условиях судебно-правовой реформы, является укрепление самостоятельной и независимой судебной власти.

Еще одним элементом судебной системы выступают краевые и областные суды. Так, например, Нижегородский областной суд является старейшим областных судов страны. В октябре 2023 года Нижегородский областной суд отметил свое 85-летие.

К городам федерального значения, на сегодняшний день, относятся Севастополь. Москва и Санкт-Петербург. В городском суде города Москвы до 1987 года работала легендарная судья Апарина Зинаида Александровна, которая отдала правосудию 47 лет своей жизни. Она стала известна в Советском Союзе за рассмотрение резонансных преступлений. в 1963 году, дела маньяка Владимира Ионеску «из Мосгаза», в 1981 году дела об убийстве майора КГБ на «Ждановской». Апарина – легенда Мосгорсуда. В материалах, которые были опубликованы к восьмидесятилетию судьи, говорилось, что она «поставила к стенке» несколько

сотен расхитителей социалистической собственности, сексуальных маньяков, бандитов, милиционеров-убийц майора КГБ. Общий срок, вынесенных ею приговоров, исчисляется тысячелетиями. За свою непоколебимость, неподкупность и профессионализм, в криминальном мире Зинаида Александровна получила прозвища «Зинка Червонец» и «Зинка Вышка» [3].

В качестве новоиспеченного суда города федерального значения, можно привести Севастопольский городской суд. Это самый молодой суд этой категории. Он начал свою работу 26 декабря 2014 года, практически сразу, после присоединения Крыма к России.

Суды автономной области и автономных округов, как иных субъектов РФ, входят в единую систему судебной власти в РФ. В качестве примера хочется назвать единственный суд автономной области, находящийся в Биробиджане.

В 1934 году в СССР была образована Еврейская автономная область. В этом же году народный суд Биробиджанского национального района Еврейской автономной области преобразуется в суд Еврейской автономной области.

При всем многообразии судов в судебной системе РФ базовыми (основными) являются районные суды, которые на себе несут существенную нагрузку, лежащую на судебную систему страны. Районные суды создаются в судебном районе, территория которого охватывает город, район или иную административно-территориальную единицу.

Районные суды действуют в пределах своей компетенции в пределах соответствующего судебного района. Кроме того, являются вышестоящей судебной инстанцией по отношению к мировым судьям.

Общее количество районных судов ни в одном из официальных источников найти не удалось, вероятно, это связано с тем, что достаточно часто они реформируются. Отдельные авторы указывают лишь то, что их более 2000.

Самым большим районным судом считается Автозаводский районный суд города Тольятти. По нескольким показателям, неофициально, он признан самым большим районным судом в России, так, например, он имеет самый большой судейский состав. Из-за частого рассмотрения дел, имеющих большой общественный резонанс, наиболее известны Басманный и Хамовнический районные суды города Москвы.

Особенным элементом судебной системы России являются военные суды, которые осуществляют судебную власть в Вооруженных силах РФ и других воинских формированиях, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

С момента начала Специальной военной операции число обращений в военные суды заметно выросло. Суды стали рассматривать дела по ст. 337 УК РФ о самовольном оставлении воинской части, по ст. 280 УК РФ о дискредитации Вооруженных сил России, а также гражданско-правовые споры о получении статуса «Участника боевых действий», о признании лиц, находившихся в фактических брачных отношениях членами семьи погибшего военнотружущего или мобилизованного лица, об установлении степени тяжести вреда, причиненного здоровью, в результате ранения или контузии и др.

Если преступление совершила группа лиц, из которых, хотя бы одно лицо под-

судно военному суду, то, в этом случае, уголовное дело рассматривается соответствующим военным судом.

Законодателем сформулированы основные задачи военных судов, к ним относится защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и государства [4]. Военные суды рассматривают административные, уголовные, гражданские дела с участием военнослужащих или лиц, проходящих военные сборы.

Особый статус военных судов состоит в том, что в их подсудность входят все уголовные дела о преступлениях, совершенных сотрудниками Службы внешней разведки России, Федеральной службы охраны России, Федеральной службы безопасности России, Главного управления специальных программ президента, кроме того, гражданские дела по жалобам сотрудников этих подразделений и военнослужащих на действия государственных органов.

В ст. 26 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» есть указания на специализированные суды, которые могут учреждаться и действовать в РФ, однако при этом говорится, что они образуются путем внесения изменений и дополнений в этот Закон.

Арбитражные суды, это особая разновидность судов в судебной системе РФ, они реализуют свои судебные полномочия по разрешению юридических споров, вытекающих из предпринимательской и иной экономической деятельности хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), а также реализуют иные полномочия закрепленные за ними законом. В систему арбитражных судов входят арбитражные суды субъектов РФ, апелляционные и окружные арбитражные суды, и суд по интеллектуальным правам [5].

Как ранее было отмечено, в судебную систему РФ также входят суды субъектов РФ, которыми являются мировые судьи, учреждаемые и функционирующие на основании Федерального закона от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». Мировые судьи, образующие мировую юстицию, образуют собой самую многочисленную группу судей в РФ. Назначение на должность мирового – это юридическая прерогатива субъекта РФ, в порядке установленном Законом.

Мировые судьи осуществляют свою деятельность в судебных участках, учреждаемых в пределах судебного района и рассматривают гражданские, административные и уголовные дела, в пределах своей компетенции. Несмотря на то, что мировые судьи являются судами субъекта РФ, однако решения ими принимаются именем Российской Федерации.

Таким образом, судебная власть, осуществляемая судами, представляет собой систему, элементами которой и являются суды, наделяемые различными полномочиями по осуществлению судебной власти в стране. В аппарате государства суды занимают особое место, так как только они полномочны отправлять правосудие и осуществлять контроль за деятельностью других ветвей власти исходя из своей исключительной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон: [от 21.07.1994 г.

№ 1-ФКЗ: в ред. от 31.07.2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – № 13. – Ст. 1447.

2. О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон [от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ: в ред. от 14.07.2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014 г. – № 6. – Ст. 550.

3. Колабаев А. Зинка вышка // Совершенно секретно, 2017.

4. О военных судах Российской Федерации: федер. конституц. закон [от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ : в ред. от 28.12.2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999 г. – № 26. – Ст. 3170.

5. Об арбитражных судах в Российской Федерации: федер. конституц. закон [от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 31.07.2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ ЛЕГИТИМНОСТИ

Арюков Рамиль Фаильевич, магистрант

Уланов Данил Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st804472@ruc.su; st809173@ruc.su

PROBLEMS OF UNDERSTANDING STATE POWER AND ITS LEGITIMACY

Aryukov Ramil Failevich, Master's Degree student

Ulanov Danil Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы, посвященные пониманию государственной власти и ее легитимности. Раскрываются основополагающие свойства государственной власти, а также содержание и виды (формы) ее легитимности.

Ключевые слова: государственная власть, публичная власть, политическая власть, суверенная власть, легитимность государственной власти.

This article examines issues related to the understanding of state power and its legitimation. It explores the fundamental properties of state power, as well as the content and types (forms) of its legitimacy.

Keywords: state power, public power, political power, sovereign power, legitimacy of state power

Власть, есть то, что делает реальным возможность одними реализовывать цели, достигать определенных результатов посредством других, подменяя волю подвластного волей властвующего. Власть является способностью делать одними свои веления обязательными для исполнения другими, воздействуя на их сознание и волю, через убеждения, поощрения или принуждения. Власть – это краеугольный камень любого общества, на любом этапе его развития, вне отношений власти и подчинения общества не существуют, как отмечал Б. Рассел: «Фундаментальным понятием в общественных науках – есть власть в том же значении, в каком энергия является фундаментальным понятием в физике» [1, с. 9].

В основании власти лежит сила, источником которой могут выступать знания,

умения, навыки, опыт, богатство, физическое превосходство, личный и социальный статус, организованные социальные структуры и институты и многое другое. Для достижения целей осуществления власти необходимы средства (ресурсы) власти, коими являются социальные нормы и традиции (официальные и неофициальные), информация и способы ее распространения, методы воспитания и формирования знаний и навыков, символы и атрибуты власти, насилие и формы его реализации, экономические инструменты и т.д.

Однако необходимо понимать, что власть неоднородна, у нее множество форм, уровней и проявлений. Отношения власти и подчинения проявляются на уровнях семьи, неформальных групп, воспитательных и образовательных учреждений, трудовых и служебных коллективов, общественных объединений и организаций, этических и религиозных сообществ и общества в целом. Но среди всех уровней и форм власти особое место занимает государственная власть, которая имеет специфические, только ей присущие признаки и способы осуществления власти в обществе.

Государственная власть, в первую очередь, это власть политическая, которая обусловлена самой потребностью людей объединяться в группы, образуя тем самым общности по признакам целей объединения и деятельности, воззрений и убеждений, языка и традиций, интересов и ожиданий и т.д. В свою очередь, всякая общность не терпит вакуума власти, как в отношениях внутри общности, так с иными общностями (внешние отношения), а стремится ее заполнить, что само по себе уже является проявлением политики. Политика напрямую связана с достижением, удержанием и осуществлением в общности власти, непосредственно либо через создаваемые в ней посреднические во властеотношениях структуры.

Применительно к государственной власти, политика – это общественные отношения возникающие и функционирующие по поводу управления обществом через осуществление институциональной формы власти, обеспеченной юридическими, экономическими, организационными (управленческими), идеологическими, в том числе религиозными, принудительными (вооруженными) ресурсами.

Субъектами политической власти выступают, как само государство и его органы, так и различные социальные группы, слои населения, воля, интересы и потребности которых детерминируют характер государственной власти, тем самым, приобретая качество его источника. Все субъекты отношений политической власти образуют политическую систему общества.

Политическая власть государства выступает сущностной характеристикой его власти, выражающаяся в претворении воли государства по обеспечению реализации его функций и целей, основными из которых являются формирование и сохранение устойчивого общественного порядка основанного на законах государства, развитие общественных отношений и их защита от внутренних и внешних угроз.

Эффективная политико-властная система создает условия для экономического роста, социального прогресса и согласования интересов и потребностей различных социальных групп, а также способствует формированию и укреплению гражданской идентичности.

Государственная власть является властью публичной. Публичность государственной власти обладает таким свойством, которая обеспечивает государству возможность осуществлять власть политическую во взаимоотношениях с обществом и отдельными его субъектами. Публичная власть государства придает ей общесоциальный характер – охватывает все существенные сферы жизнедеятельности общества, выступает от ее имени и руководствуется в своей политике ее интересами.

В целях реализации публичной власти, государство обладает разветвленной в обществе сетью государственных органов (органов публичной власти) и иных учреждений, осуществляющих функции государства в вопросах внутренней и внешней его политики.

Современная модель организации органов публичной власти зиждется на идее о разделении ее на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Каждая из ветвей публичной власти выступает элементов единой системы государственного аппарата, образуя собой органы законотворческой, исполнительно-распорядительной власти и органов осуществляющих правосудие. Логика структурирования органов публичной власти в такой модели, обусловлена алгоритмом принятия и реализации решений исходящих от государства и участием общества в управлении его делами. Кроме того, разделение властей призвано обеспечить верховенство воли народа и гарантировать недопущение установления тиранического государственного режима в стране, за счет формирования баланса между ветвями власти, получившее название – принцип или система сдержек и противовесов. В частности, С. А. Авакян отмечает, что принцип сдержек и противовесов предусматривает, что все ветви власти находятся в равновесном положении контролируют положение друг друга. Каждая власти независима только в поле своей деятельности. В других вопросах они зависимы друг от друга [2, с 345].

Еще одним из ключевых признаков государственной власти является ее суверенный характер. Суверенность государственной власти характеризуется ее независимостью и верховенством на всей территории страны, что определяет способность государства принимать и реализовывать собственные решения самостоятельно вне какой бы то ни было иной власти как внутри страны, так и за ее пределами. Решение тех или иных задач государством, реализация его функций невозможны без этого суверенного характера власти.

Суверенитет власти, многогранное и сложное понятие, так как он опосредован различными факторами внутренней и внешней политики. На суверенитет государственной власти существенное влияние могут оказывать форма правления государства и форма его устройства, моноэтничность или полиэтничность государства, размер его территории, численность населения, уровень экономического развития, военный потенциал и многое другое. Однако, безусловным является то, что без суверенитета не существует государство, в полном смысле этого понятия.

Государственная власть не может существовать вне ее источника – социальной, экономической и духовной основ. Государственная власть является историческим продуктом общественных отношений, формирующаяся и функциониру-

ющая с развитием самого государства. Важным постулатом в понимании государственной власти является проблема ее признания и принятия в обществе. Речь идет о легитимности государственной власти. Само понятие легитимности, далеко не однозначное, но, в целом, имеет общую трактовку.

Проблеме легитимации государственной власти уделяли внимание мыслители древности (Платон, Аристотель, Лао-Цзы, Конфуций, Чанакья и др.), средневековья (Августин, Аквинский, Макиавелли, Падуанский и др.), нового времени (Гоббс, Локк, Руссо, Кант, Гегель, Токвиль, Маркс, Спенсер, Вебер и др.) и в наше, новейшее время, эта проблема сохраняет свою актуальность и активно исследуется учеными юристами, политологами, социологами.

Легитимность государственной власти представляет собой комплексный социально-политический феномен, характеризующийся признанием и принятием обществом правомерности, справедливости и обоснованности функционирования государственных институтов и структур. Этот аспект политической теории и практики является ключевым для обеспечения стабильности и эффективности государственного управления, а также для поддержания социального порядка и согласия.

Одним из основоположников учения о легитимности власти является Локк, для которого государственная власть имеет легитимный характер если она согласуется с волей народа либо ее существование и реализация оправдывается целями достижения общественного блага. Иными словами, легитимность для него есть характеристика правления в отражении общественного сознания [3, с. 137].

Легитимность государственной власти может быть достигнута через различные механизмы и каналы, включая правовые нормы, важнейшими из которых являются конституционные нормы, правовые процедуры, политические традиции и культурные ценности. В современном политологическом дискурсе выделяются несколько основных видов (форм) легитимности, наиболее популярными среди исследователей данной проблемы являются виды, ставшими классическими, предложенные М. Вебером: традиционная, харизматическая и рационально-легальная [4, с. 255]. Традиционная легитимность основывается на исторически сложившихся нормах и обычаях, харизматическая, на личной харизме и исключительных качествах лидера, а рационально-легальная, на соблюдении установленных законов и процедур.

Помимо этой классификации видов (форм) легитимации государственной власти можно выделить, предложенную Д. Битэмом классификацию, в которой в противовес веберовской, легитимность власти в государстве обусловлена не верой во власть, а самим фактом существования государственной власти. В основе его понимания легитимности государственной власти лежит юридический механизм его формирования, удержания и осуществления. В своей классификации Д. Битэм исходит из критериального подхода, согласно которого легитимной является власть: основанная на соответствии установленным правилам (легальная валидность) – уровень правил; оправдывающая правила в рамках общих убеждений – уровень убеждений; выражающая согласие граждан – уровень согласия [5].

Легитимность государственной власти есть ее социальный фундамент, вне которого государственная власть не имеет основания и, как следствие, теряет свою связь с обществом, что в конечном итоге приводит государство к трансформации

власти либо к прекращению его существования, вследствие депривации государственности.

Легитимация государственной власти исторически сложный и длящийся процесс, требующий активного взаимодействия институтов публичной власти государства с населением страны, формирования устойчивых взаимовыгодных прямых и обратных связей, нацеленных на развитие социальных связей и отношений в различных областях жизнедеятельности общества и государства и поддержания общественной безопасности и порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Russell B. Power. A New Social Analysis. Taylor & Francis E-library. L.; – N.-Y. – 2004.
2. Авакян С. А. Конституционное право России. Учеб. курс. В 2-х томах. Изд. 7-е. – Москва : НОРМА: ИНФРА-М, 2021.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: В 3 т. / Ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин. – Т. 3. – М., 1988.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, Т. 1., 2016.
5. Beetham D. The legitimation of power. London, 2013.

УДК 340

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПЛАТФОРМАХ ЦИФРОВОГО БАНКИНГА

Борисов Владислав Сергеевич, магистрант

Журавлева Мария Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: leaga13@bk.ru; st112316@ruc.su

TOPICAL ISSUES ON PROTECTION OF CITIZENS 'RIGHTS IN DIGITAL EXECUTIVE PRODUCTION AND DIGITAL BANKING PLATFORMS

Borisov Vladislav Sergeevich, Master's Degree student

Zhuravleva Maria Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются ключевые вопросы по защите прав граждан в цифровой среде в области электронных услуг; анализируются меры по противодействию киберрискам и угрозам на основе норм федерального законодательства.

Ключевые слова: информационное общество, цифровой банкинг, цифровое исполнительное производство, органы принудительного исполнения, права человека.

The article examines key issues in protecting the rights of citizens in the digital environment in the field of electronic services; measures to counter cyber risks and threats are analyzed on the basis of federal legislation.

Keywords: information society, digital banking, digital enforcement, enforcement agencies, human rights.

Мировая тенденция на оцифровку общественных отношений прямо и непосредственно определяет современный облик не только частно-правовой сферы общественных отношений, но прежде всего сферу государственного управления и деятельности государственных органов власти.

Исполнительное производство и деятельность органов принудительного исполнения, отнесенных в ходе реформы к правоохранительным органам, также проходят объективный процесс электронной трансформации в рамках государственного национального проекта «Цифровое государственное управление».

Наряду с традиционным форматом внедрение информационных технологий существенным образом меняют организацию и эффективность правоприменительной деятельности органов принудительного исполнения. Достижениями целей виртуализации отношений в области принудительного исполнения следует рассматривать открытость деятельности уполномоченных органов, а технологичность выполняемых процессов повышает эффективность их деятельности и снижает риски коррупционной направленности. Для граждан создание электронного формата взаимодействия позволяет, кроме этого, получить доступную среду и сократить сроки документооборота при сохранении ресурсов (временных и финансовых).

Основой такого цифрового взаимодействия стал сервис «Цифровое исполнительное производство». Именно работа данной платформы позволила в полной мере формировать банк данных исполнительных производств.

Отметим, что современная цифровая экономика и цифровые отношения в целом основаны на базах данных, которые и выступают драйвером развития цифрового общества как в России, так и в мировом сообществе. Поэтому цифровая экономика в России получила новое название Экономики данных, что еще раз подчеркивает значимость защиты персональных данных и включение в цифровые процессы граждан с соблюдением их конституционных прав и свобод.

Цифровое исполнительное производство, бесспорно, позволяет оптимизировать деятельность службы судебных приставов, в том числе на основе доступности и открытости баз данных авангарда цифровизации – банковской системы. Цифровой банкинг существенно повлиял на эффективность принудительного взыскания и в выявлении подлежащих взысканию доходов должников.

И здесь необходимо наряду с положительными результатами дистанционного формата правоприменительной деятельности и банковского обслуживания остановиться на рисках, обусловленных виртуальной средой, по защите прав граждан и устойчивости системы государственного управления в целом.

Так называемый «слив» или утечка персональных данных российских граждан с 2022 года стали все чаще встречаться в статматериалах, новостной повестке и судебной практике [1].

Материалы многочисленных публикаций официальных источников, признавая потерпевших (вне зависимости от социального и материального статуса) свидетельствуют о многомиллионных суммах, полученных преступным путем в результате незаконного доступа к информации. Но при этом открытым остается

вопрос о системных мерах правовой защиты клиентов цифровых услуг (государственный, финансовых), определения зоны ответственности лиц, формирующих и управляющих виртуальными банками данных.

Кибербезопасность – это проблема общемирового масштаба (внедрение вредоносного ПО, фишинг, использование искусственного интеллекта и др.), которую можно представить как некую информационную индустрию.

И важно отметить, что киберпреступления в последние несколько лет стали отличаться все более изощренным воздействием именно на категорию физических лиц, сочетая использование компьютерных новаций и психологического воздействия. Поскольку у крупного бизнеса, к чему относится и банковский сектор, у государственных структур есть финансовые и технологические возможности предотвращения и борьбы с такого рода киберугрозами.

Именно в цифровой банковской среде и системе электронных государственных услуг (к чему относится и цифровое исполнительное производство) все больше нарастает проблема защиты прав человека и гражданина от мошеннических действий с использованием информационных технологий.

Анализ материалов позволяет прийти к выводу, что сложилась достаточно выстроенная система по получению незаконного доступа к базам данным путем использования методов социального инжиниринга (принудительного свойства) и дальнейшего использования полученных сведений для извлечения незаконной выгоды [2].

К примеру, это «психологическая обработка» или принудительное манипулирование сознанием, подавление воли, активация боли и страхов человека, стала возможна в массовом масштабе без границ и учета социального, финансового статуса лица на основе использования удаленных способов воздействия цифровых технологий и сети Интернет. Это телефонные и интернет-обзвоны, рассылки в соцсетях и мессенджерах угроз, «предложений», несуществующих ссылок, сбор и анализ информации из социальных сетей, внедрение вредоносного ПО с целью получения первоначального контакта с последующим гипнотическим воздействием и по итогу получением конфиденциальной информации.

Следовательно, для обеспечения информационной безопасности в банковском секторе необходимо проработать две группы рисков: на IT-уровне и уровне социальной инженерии. Однако, если банки и государственные органы на сегодняшний день способны обеспечить собственную кибербезопасность, в том числе через внедрение ИИ, то чувства, эмоции, сознательное и бессознательное в человеке пока не автоматизированы. Только в рамках просвещения и обеспечения психологически комфортного состояния в объективной реальности в комплексе возможно построение единого механизма защиты человека от кибератак с психологического воздействия.

Риски составляют и сам субъект управления цифровой средой (его моральные качества, жизненные ценности и приоритеты, способные сподвигнуть его на нарушение правил профессиональной этики и, как следствие, нарушение режима информационной безопасности), а также объективно возможные сбои в работе информационных системы и платформ.

Безусловно, принимаемые государством и Банком России меры по защите персонифицированных данных и цифровому просвещению населения содержат алгоритм предотвращения мошеннических действий. Однако они в большей мере носят бессистемный характер, как ответные, а не превентивные меры, иначе регулятор в своих отчетах не указывал на рост кибермошенничества на основе банковских платформ [3].

К примеру, ст. 8 Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ устанавливает порядок действий при подозрительных операциях. Однако обратная связь с банком в виде смс, пуш уведомлений не отличается от сигналов, используемых мошенниками, что нивелирует положения закона и в полной степени не защищает граждан.

Таким образом, достаточно остро стоит вопрос о формировании комплексного правового механизма по защите прав граждан в электронной среде. Так современные цифровые технологии в полной мере делают прозрачными финансовые операции, поэтому денежные переводы как законные, так и не законные не представляют затруднений в поиске конечного банка получателя. В этой связи, важно установить упрощенный и быстрый порядок возврата денежных средств лица, в том числе при принудительном взыскании.

В качестве основных методов и подходов могут стать финансовое и цифровое просвещение населения, формирование профессиональной культуры квалифицированных кадров в сфере кибербезопасности. Подобного рода меры необходимы в построении общества знаний и защите интересов потребителей цифровых услуг, которые и являются драйвером современной платформенной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холодная Е. В. О некоторых элементах технологий цифрового профилирования // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 3. – С. 25.
2. Фентти М. Г. Правовые механизмы противодействия хищению денежных средств с банковских счетов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 6. – С. 42.
3. Кибермошенничество: Банк России: официальный сайт. – URL: <https://www.cbr.ru/>

УДК 34.037

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Бояркина Анастасия Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808091@ruc.su

INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL STATUS AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Boyarkina Anastasia Sergeevna, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В представленном исследовании осуществлен комплексный анализ актуальных проблем формирования и реализации правового статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Центральное внимание в работе уделяется критическому осмыслению объема и содержания полномочий национального правозащитного механизма, их соотносению с международными стандартами и лучшими зарубежными практиками.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, конституционно-правовой статус, международные стандарты права, защита прав человека, правозащитные институты, гражданское общество.

In the presented study, a comprehensive analysis of topical problems of the formation and implementation of the legal status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation was carried out. The work focuses on the critical understanding of the scope and content of the powers of the national human rights mechanism, their correlation with international standards and best foreign practices.

Keywords: Commissioner for Human Rights, constitutional and legal status, international legal standards, protection of human rights, human rights institutions, civil society.

Ключевое значение в правовой системе любого государства имеют институционально-правовые механизмы защиты прав и свобод личности, среди которых особую роль играет институт омбудсмана. Данный правовой институт, получивший широкое распространение в сравнительно-правовом пространстве, представляет собой национальный элемент системы специализированных учреждений, ориентированных на гарантирование соблюдения прав человека.

Важным этапом в формировании международных стандартов в данной области стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 году специального акта, устанавливающего основополагающие принципы организации деятельности национальных институтов по защите прав человека. Имплементация этих положений в российское право осуществилась путем принятия Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», который определил компетенционный статус данного органа как независимого института, обеспечивающего гарантии государственной защиты прав граждан, их соблюдение органами публичной власти и должностными лицами.

Вопрос о правовой природе статуса Уполномоченного по правам человека сохраняет свою научную и практическую актуальность в контексте развития конституционного и административного права. В научной доктрине существует дискуссия относительно отраслевой принадлежности данного института: представители конституционно-правовой науки обосновывают его конституционный характер, ссылаясь на прямую нормативную фиксацию в Основном законе страны. В то же время специалисты в области административного права относят институт омбудсмана к сфере административно-правового регулирования, аргументируя это административной природой его контрольных полномочий.

Институт уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в его российском измерении обладает сложным конституционно-правовым генотипом, уходящим корнями в классическую отечественную доктрину. Следуя логике Н. Ю. Хаманевой, системообразующим ядром этого института следует признать

его прерогативы в сфере публичного контроля. Его конституционный дизайн характеризуется экстраординарным положением вне системы разделения властей, что создает предпосылки для реализации ключевого атрибута – функционального иммунитета по отношению к органам государственного управления [1].

В сравнительно-правовом аспекте следует отметить, что в большинстве зарубежных юрисдикций данный институт формируется парламентским путем на срок, соответствующий законодательному циклу, а подотчетность обеспечивается через систему ежегодных докладов о результатах деятельности, представляемых представительному органу власти.

Административно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации характеризуется сложной дуалистической природой. С одной стороны, данный институт обладает конституционным происхождением, будучи непосредственно закрепленным в статье 103 Конституции РФ. В соответствии с конституционными положениями, вопросы назначения и освобождения от должности омбудсмана находятся в исключительной компетенции Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

С другой стороны, административно-правовая составляющая статуса проявляется в системе установленных ограничений и требований. В целях обеспечения принципа исключительной лояльности российскому государству, текущее законодательство устанавливает ряд строгих требований к кандидатам на ключевые публичные должности. В частности, в качестве обязательного условия выдвигается критерий постоянного резидентства на территории Российской Федерации, а также абсолютное отсутствие правовых связей с иными государствами, что подразумевает невозможность наличия у претендента иностранного гражданства или документа, предоставляющего право на постоянное проживание за рубежом (вида на жительство). Также установлен запрет на наличие зарубежных финансовых активов (банковских счетов, вкладов) и недвижимости за пределами Российской Федерации.

Институт уполномоченного выполняет критически важную функцию в механизме защиты прав граждан, обеспечивая восстановление нарушенных прав и осуществляя контроль за деятельностью публичной администрации. В рамках своих полномочий омбудсмен способствует привлечению должностных лиц к различным видам юридической ответственности за совершенные правонарушения.

Профессор Т.В. Колобова в своих работах предлагает теоретическое разграничение элементов статуса уполномоченного. К конституционно-правовому компоненту она относит вопросы формирования института, определения его целей и задач, процедуры назначения и освобождения от должности. Административно-правовая составляющая, по ее мнению, проявляется в практических механизмах реализации контрольных полномочий и организации взаимодействия с органами исполнительной власти [2].

Административно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации характеризуется комплексным взаимодействием с институтами гражданского общества, общественными палатами и некоммерческими организациями.

Правовой режим осуществления полномочий Уполномоченного характеризуется доминированием административно-правовых элементов. Это проявляется в юрисдикционной процедуре рассмотрения жалоб, которая по своей конструкции представляет собой административный процесс. Такой формат взаимодействия объективно создает ситуацию правового неравенства сторон, являющуюся системным признаком отношений в рамках вертикали «субъект публичной власти – физическое лицо» [3].

В процессе рассмотрения жалоб Уполномоченный обладает широкими административными правами: обеспечение прямого взаимодействия с заявителями через различные каналы связи; проведение проверок с правом беспрепятственного доступа в органы власти; истребование необходимых документов и информации безвозмездно; получение объяснений от должностных лиц.

Российский Уполномоченный наделен правом посещения любых государственных органов, ознакомления с судебными делами, проведения экспертиз и заслушивания объяснений сторон. К числу ключевых административных полномочий относятся: рассмотрение жалоб на действия публичных органов; мониторинг состояния прав человека; координация с органами исполнительной власти; внесение законодательных инициатив.

Реализация компетенции Уполномоченного по правам человека институционально обеспечивается деятельностью рабочего аппарата, обладающего собственным административно-правовым статусом. Ключевыми направлениями его работы являются организационно-функциональное, аналитико-прогностическое и юридико-консультационное обеспечение. Качественное измерение этой деятельности задается Экспертным советом, который аккумулирует научный потенциал для формирования доктринально выверенных подходов к защите прав человека. Интеграция текущей работы аппарата с фундаментальными разработками экспертов создает основу для превентивной правозащиты и системного воздействия на государственную политику.

В контексте развития региональных институтов уполномоченных по правам человека необходима выработка единой правовой политики, предусматривающей: четкое разграничение компетенции между федеральным и региональным уровнями; создание эффективной системы взаимодействия; разработку механизмов координации при рассмотрении жалоб.

Формирование вертикали уполномоченных по правам человека не противоречит принципу их независимости, а напротив, способствует повышению эффективности защиты прав граждан, особенно в условиях современных вызовов, связанных с развитием цифровых технологий и финансовых услуг.

Дальнейшее совершенствование административно-правового статуса Уполномоченного должно быть направлено на усиление его координационных функций, развитие превентивных механизмов защиты прав человека и создание эффективной системы реагирования на массовые нарушения прав в цифровом пространстве.

Перспективы развития института омбудсмана в Российской Федерации предполагают системную трансформацию его организационной структуры с созданием специализированных правозащитных институтов по аналогии с передовой

зарубежной практикой. Особое значение приобретает формирование профильных уполномоченных, ориентированных на контроль деятельности правоохранительных органов и пенитенциарной системы.

Международный опыт демонстрирует, что институт омбудсмана функционирует в большинстве европейских государств как эффективный механизм защиты прав граждан. Характерной особенностью его деятельности является предоставление рекомендаций государственным органам на стадии подготовки изменений в нормативно-правовые акты. Несмотря на совещательный характер этих предписаний, их действенность обеспечивается за счет механизмов публичной отчетности и активного участия средств массовой информации.

В контексте российской правовой системы представляется целесообразным:

1. Разработать концепцию создания специализированных уполномоченных по направлениям: пенитенциарная система и правоохранительные органы; миграционная политика и защита прав иностранных граждан; медицинское обслуживание и страховые услуги.

2. Усилить экспертно-аналитические функции аппарата омбудсмана: внедрение системы мониторинга правоприменительной практики; разработка методических рекомендаций для государственных органов; создание межведомственных рабочих групп.

3. Совершенствовать механизмы взаимодействия с гражданским обществом: регулярное проведение общественных слушаний; развитие системы общественного контроля; вовлечение экспертного сообщества в правозащитную деятельность.

Важным аспектом остается обеспечение реального влияния рекомендаций омбудсмана на государственную политику. Для этого необходимо законодательное закрепление обязательности рассмотрения заключений уполномоченного соответствующими органами власти с установлением четких сроков и процедур ответа на рекомендации.

Дальнейшее развитие института должно быть направлено на создание целостной системы специализированных уполномоченных, действующих на принципах координации и преемственности, что позволит обеспечить комплексную защиту прав граждан во всех значимых сферах государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаманева, Н. Ю. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / Н. Ю. Хаманева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2008. – № 6. – С. 87–99.

2. Котляров, С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32–36.

3. Кукушкин, О. В. Понятие и сущностная характеристика правовой системы / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной ко Дню юриста, Москва, 03 декабря 2024 года. – Москва : ЮрЭксПрактик, 2024. – С. 79–83.

УДК 34.037

**НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Бояркина Анастасия Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808091@ruc.su

**DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS
OF THE INSTITUTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Boyarkina Anastasia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье выявлены системные проблемы, сдерживающие эффективность работы Уполномоченного, в том числе ограниченность властных полномочий, недостаточная интеграция с институтами гражданского общества и отсутствие узкоспециализированных профильных омбудсменов. На основе анализа лучших зарубежных практик (германской, шведской, французской моделей) автором разработана комплексная концепция модернизации института.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, повышение эффективности, правозащитные механизмы, конституционно-правовой статус, административные полномочия, обращение граждан, гражданское общество, государственные органы, правовые гарантии.

The article identifies systemic problems that hinder the effectiveness of the Ombudsman's work, including limited power, insufficient integration with civil society institutions and the lack of highly specialized specialized ombudsmen. Based on the analysis of the best foreign practices (German, Swedish, French models), the author developed a comprehensive concept for the modernization of the institute.

Keywords: Commissioner for Human Rights, improvement of efficiency, human rights mechanisms, constitutional and legal status, administrative powers, citizens' appeal, civil society, state bodies, legal guarantees.

В условиях современного правового государства институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) играет ключевую роль в обеспечении защиты прав и свобод граждан. Однако его потенциал в Российской Федерации реализован не в полной мере, что обуславливает необходимость поиска путей оптимизации его деятельности. Приоритетным направлением оптимизации деятельности института Уполномоченного по правам человека представляется стратегическое развитие кооперационных механизмов с органами государственной власти. Ключевой аспект данной проблематики заключается в трансформации формального взаимодействия в эффективную систему гарантий обеспечения конституционных прав и свобод.

Необходимость институционализации данного направления обусловлена потребностью в создании комплексного механизма реализации решений Уполномоченного, который в настоящее время характеризуется недостаточной обязательностью для исполнения государственными структурами. Перспективным вектором развития видится формирование постоянно действующих координаци-

онных советов при федеральных и региональных органах исполнительной власти с участием представителей аппарата Уполномоченного.

Особую значимость приобретает разработка регламентированных процедур реагирования на рекомендации омбудсмана, включая: установление обязательных сроков рассмотрения направленных заключений; введение механизма мотивированного ответа на рекомендации; создание системы мониторинга реализации предложений Уполномоченного.

Целесообразно внедрение практики заключения меморандумов о взаимопонимании между аппаратом Уполномоченного и ключевыми министерствами, предусматривающих конкретные обязательства сторон по профилактике нарушений прав граждан. Технологизация взаимодействия через создание межведомственных электронных платформ позволит обеспечить оперативный обмен информацией и повысить прозрачность процедур.

Важным элементом повышения эффективности должно стать укрепление роли Уполномоченного в нормотворческом процессе, в частности через: право внесения обязательных к рассмотрению законодательных инициатив; участие в экспертизе законопроектов на соответствие международным стандартам в области прав человека; разработку совместных с органами власти методических рекомендаций.

Реализация указанных мер позволит создать систему превентивной защиты прав граждан, где институт Уполномоченного будет выступать не только реагирующим, но и прогнозирующим органом, способным влиять на совершенствование государственной политики в области прав человека.

Ключевым аспектом кооперации Уполномоченного по правам человека с государственными институтами выступает формирование эффективной системы координации при рассмотрении обращений граждан и реализации правозащитных механизмов. Данное взаимодействие предполагает не просто оказание взаимной помощи, а создание комплексной модели сотрудничества, основанной на принципах институционального партнерства и функционального дополнения.

Особую значимость приобретает разработка «процессуальных механизмов» такого взаимодействия, включая: внедрение единого межведомственного электронного документооборота; создание координационных советов при участии представителей аппарата Уполномоченного; формирование совместных рабочих групп для решения системных проблем.

Важным элементом является институционализация процесса обмена экспертно-аналитическими материалами и правоприменительной практикой, что позволяет осуществлять не только реактивное, но и превентивное воздействие на ситуацию с соблюдением прав человека. Особое внимание следует уделить выработке единых методических подходов к оценке эффективности принимаемых мер.

Такая кооперационная модель способствует переходу от разрозненных действий к созданию целостной системы защиты прав граждан, где институт Уполномоченного выступает связующим звеном между гражданским обществом и государственным аппаратом, обеспечивая обратную связь и содержательный диалог по совершенствованию правозащитной деятельности [1]. В этой связи

должна и дальше проводиться работа по заключению соглашений о сотрудничестве с органами государственной власти.

Еще одним важным направлением повышения эффективности деятельности института Уполномоченного по правам человека является проведение политики углубления интеграции омбудсманов и национальных правозащитных институтов на универсальном и региональном уровнях в целях расширения обмена опытом, выработки единых подходов к защите прав человека [2].

В целях повышения эффективности просветительской функции Уполномоченного по правам человека представляется целесообразным его интеграция в государственную систему бесплатной юридической помощи. Данная мера позволит систематизировать правозащитную деятельность и вывести её на качественно новый уровень, обеспечивая комплексный подход к защите прав граждан.

Для реализации данной концепции требуется внесение системных изменений в нормативно-правовую базу. В частности, Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» предлагается дополнить новой статьей 36.3 следующего содержания:

«Статья 36.3. Оказание бесплатной юридической помощи Уполномоченный осуществляет предоставление бесплатной юридической помощи в форме правового консультирования (устного и письменного) по вопросам, входящим в его компетенцию. Порядок оказания такой помощи определяется законодательством Российской Федерации о бесплатной юридической помощи и регламентируется в соответствии с процедурами рассмотрения обращений граждан, обеспечивая реализацию государственной политики в области защиты прав человека».

Параллельно требуется модификация Федерального закона № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» путем включения Уполномоченного по правам человека в перечень субъектов государственной системы бесплатной юридической помощи.

Важность данного предложения была подчеркнута в ходе парламентских слушаний 14 февраля 2022 года, посвященных совершенствованию законодательства в сфере защиты прав человека. Федеральный Уполномоченный Т. Н. Москалькова обозначила перспективные направления развития института омбудсмана, указав на необходимость расширения его компетенции на деятельность негосударственных органов и повышения доступности правозащитного механизма для граждан. Эти предложения актуальны и в 2024 году, соответствуя тенденциям цифровизации правозащитной деятельности и повышения прозрачности процедур рассмотрения обращений.

Реализация указанных мер позволит: обеспечить системную интеграцию правозащитных механизмов; повысить доступность правовой помощи для граждан; усилить профилактическую функцию института Уполномоченного; создать единое правовое пространство защиты прав человека.

Данная законодательная инициатива соответствует современным тенденциям развития правозащитных систем и может стать важным шагом в совершенствовании национальной системы защиты прав человека [3].

Современная правозащитная система Российской Федерации демонстрирует существенный пробел в механизмах защиты прав граждан при взаимодействии с

организациями, выполняющими публичные функции. Действующее законодательство ограничивает компетенцию Уполномоченного по правам человека рассмотрением жалоб исключительно на действия государственных органов и должностных лиц, исключая из сферы его контроля решения и действия (бездействие) организаций, осуществляющих образовательную, медицинскую или иную социально значимую деятельность [4–5].

Проведенный сравнительно-правовой анализ международного опыта свидетельствует о «fundamentally» ином подходе в зарубежных правовых системах. В таких странах как Швеция, Финляндия, Португалия, Аргентина и Южная Корея институт омбудсмана наделен полномочиями по контролю за деятельностью любых организаций, выполняющих публичные функции, независимо от их организационно-правовой формы. Этот опыт подтверждает эффективность расширенного подхода к определению компетенции национальных правозащитных институтов [6].

Для устранения существующего «правового недостатка» предлагается внести системные изменения в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», в частности модифицировать статьи 1, 6, 22, 23, 25, 27 и 35. Предлагаемые изменения должны распространить юрисдикцию Уполномоченного на организации, осуществляющие публичные функции в социальной сфере, при этом сохраняя существующее разграничение компетенции в отношении частных коммерческих структур, чья деятельность регулируется гражданским законодательством и подлежит судебному контролю.

Реализация данных предложений будет способствовать:

- усилению гарантий защиты прав граждан в социально значимых сферах;
- сокращению времени на восстановление нарушенных прав;
- повышению доверия населения к институту Уполномоченного;
- гармонизации российской правозащитной системы с международными стандартами.

Особую значимость приобретает преодоление правового нигилизма через развитие культуры правовой активности граждан и укрепление механизмов взаимодействия между институтами гражданского общества и государственными структурами. Институт Уполномоченного призван выступать связующим звеном в этом процессе, обеспечивая конструктивный диалог между обществом и государством и способствуя утверждению принципа верховенства права как фундаментальной основы правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаммадов, М. Г. Совершенствование деятельности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / М. Г. Гаммадов // Интернаука. – 2019. – № 44-2(126). – С. 5–6.
2. Москалькова, Т. Н. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с Советом Европы: история, достижения, перспективы / Т. Н. Москалькова // Международная жизнь. – 2021. – № 2. – С. 44–9.
3. Ольга Тимофеева: закон об Уполномоченном по правам человека будет «донастроен» : Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/53425/>

4. Кукушкин, О. В. Понятие и сущностная характеристика правовой системы / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной ко Дню юриста, Москва, 03 декабря 2024 года. – Москва : ЮрЭксПрактик, 2024. – С. 79–83.

5. Котляров, С. Б. Проблемы развития института правового государства в современной России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // V Юридические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 19 ноября 2019 года / отв. редактор Р. Р. Хайров. – Саранск : ПРИНТ-ИЗДАТ, 2019. – С. 28–32.

6. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 342.9

ПОНЯТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИИ

Булашева Ольга Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт(филиал)

E-mail: narvatova.olya@yandex.ru

THE CONCEPT AND DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION IN RUSSIA

Bulasheva Olga Vasilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье раскрывается содержание понятия административной юрисдикции, выделены основные этапы ее развития и становления в России, Автором дается характеристика каждого исторического этапа и указываются их особенности. Делается вывод, что на современном этапе административная юрисдикция имеет особую социальную ценность.

Ключевые слова: административная юрисдикция, юрисдикционные функции органов исполнительной власти, этапы становления

The article reveals the content of the concept of administrative jurisdiction, highlights the main stages of its development and formation in Russia, and provides a description of each historical stage and their specific features. The author concludes that administrative jurisdiction has a special social value at the current stage.

Keywords: administrative jurisdiction, jurisdictional functions of executive authorities, stages of formation.

Завершающий этап административной реформы в Российской Федерации обусловил необходимость создания условий для эффективного функционирования государственных органов, направленных на повышение качества управления и обеспечение законности в деятельности публичной власти. Центральное место в этих процессах занимает формирование новых механизмов административной юрисдикции, которые прямо влияют на реализацию государственной политики, в том числе в области безопасности дорожного движения. Развитие системы административных процедур и производств обеспечивает не только правопорядок, но и доверие граждан к институтам власти, поскольку именно административная юрисдикция выступает инструментом реализации принципа ответственности государства перед обществом.

Несмотря на достигнутые положительные результаты административной реформы, в сфере административно-юрисдикционной деятельности, по нашему мнению, сохраняется проблема недостаточного внимания к обеспечению и защите прав граждан. На практике нередко наблюдается дисбаланс между задачами правоохранительных органов и интересами участников административного процесса, что порождает конфликт между принципами законности и целесообразности. Реализация административной юрисдикции должна опираться не только на формальное соблюдение процедур, но и на гарантии прав личности, закреплённые в Конституции Российской Федерации и международных правовых актах. Таким образом, эффективность административной юрисдикции напрямую зависит от уровня правовой культуры должностных лиц и качества правоприменения.

Для решения указанных проблем необходим комплексный подход к совершенствованию правовых и организационных основ административной юрисдикции. Её содержание включает не только рассмотрение дел об административных правонарушениях, но и разрешение публично-правовых споров в сфере государственного контроля и надзора. Последние изменения в законодательстве свидетельствуют о постепенном расширении юрисдикционной функции органов исполнительной власти, что отражает тенденцию к формированию более целостной системы административной юстиции. Такой подход соответствует общему направлению реформы публичного управления, предполагающей усиление процессуальных начал и повышение прозрачности административных процедур.

В целях более глубокого понимания сущности административно-юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции России следует обратиться к самой категории и её историческому развитию. Несмотря на значительное число научных исследований, единого подхода к определению данного понятия до сих пор не выработано ни в теории, ни в правоприменительной практике. Это объясняется сложной природой административной юрисдикции, находящейся на пересечении управленческих, судебных и контрольных функций государства. В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно того, считать ли административную юрисдикцию разновидностью государственного принуждения или самостоятельным направлением административной деятельности.

Конституция Российской Федерации определяет основы разграничения компетенции между различными уровнями публичной власти, а отраслевое законодательство конкретизирует эти положения применительно к отдельным видам административных отношений. В этом контексте вопросы сущности и определения административной юрисдикции приобретают фундаментальное значение для всей системы административного права. Без их теоретического осмысления невозможно сформировать единообразную практику применения норм о рассмотрении административных дел и защите прав граждан.

В современной научной доктрине отсутствует легальное определение административной юрисдикции, что приводит к существованию противоречивых концепций. Одни исследователи рассматривают её исключительно как деятельность по разрешению дел об административных правонарушениях, другие включают в неё более широкий круг процедур – от разрешения споров в сфере управления до применения мер административного принуждения. Отсутствие нормативного

закрепления данного понятия осложняет единообразие правоприменения и снижает эффективность административного контроля.

Юрисдикционная деятельность в административном праве традиционно понимается как рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях и иных споров, возникающих в сфере государственного управления, в установленном законом порядке. Она представляет собой строго регламентированную процессуальную деятельность уполномоченных органов, направленную на восстановление нарушенного правопорядка. В основе административно-правового спора часто лежит субъективное усмотрение должностного лица, наделённого государственными полномочиями. В этом проявляется двойственная природа административной юрисдикции: с одной стороны, она имеет властно-принудительный характер, а с другой – должна обеспечивать баланс интересов государства и гражданина.

Согласно КоАП РФ, рассмотрение дел осуществляется тремя основными видами органов: судьями, коллегиальными органами при местных органах власти и органами федеральной исполнительной власти. Такое распределение полномочий отражает принцип разделения юрисдикционных функций и способствует повышению эффективности административного контроля. Однако на практике нередко возникает дублирование функций, что требует дальнейшего совершенствования процессуальных норм и разграничения компетенций.

Становление административной юрисдикции в России представляет собой длительный и сложный процесс, детерминированный политическими, социальными и экономическими изменениями в государстве и обществе.

История развития административного права в России имеет глубокие корни, уходящие во времена древнеславянских племён. Уже в этот период существовали определённые формы разрешения споров и регулирования общественных отношений: вождь, как верховный руководитель племени, обладал правом решать конфликты и обеспечивать соблюдение установленных норм поведения. Таким образом, можно говорить о зарождении элементов публичного управления и примитивных форм правового регулирования. Со временем функции управления и разрешения споров стали передаваться советам старейшин и служителям культа, что свидетельствовало о постепенном усложнении социальной структуры общества и формировании первых институтов власти.

С образованием Киевской Руси начался процесс объединения правовых норм и их унификации на территории русских земель. Одним из важнейших памятников древнерусского права стала «Русская Правда», закрепившая обычаи и традиции, лежавшие в основе управления и регулирования общественных отношений IX–XIV вв. Именно в этот период административная деятельность приобретает более системный характер, а управление государством осуществляется уже не только на основании обычаев, но и письменных правовых норм [1].

В XII–XV вв. развивается дворцово-вотчинная система, в рамках которой функции управления сосредотачиваются в руках великого князя и его администрации. Этот этап характеризуется усилением бюрократических начал и усложнением аппарата управления. В XV–XVIII вв. формируются основы администра-

тивного права централизованного государства, что связано с укреплением Московского княжества и становлением самодержавной власти [2]. В эпоху абсолютной монархии особое значение приобрело полицейское право, которое регулировало деятельность органов, обеспечивающих общественный порядок и безопасность. Развитие полицейских функций государства потребовало кодификации нормативных актов, регулирующих отношения между властью и населением.

После Октябрьской революции 1917 года начинается формирование новой системы – советского административного права. Коренные изменения в социально-политическом строе обусловили необходимость переосмысления принципов государственного управления. В период становления советской власти административная система претерпела существенные преобразования: от централизованного управления и жёсткого контроля сталинской эпохи до последующей правовой систематизации в 1970–1980-е гг. Важнейшими законодательными актами того времени стали «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях» (1980 г.) и «Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» (1984 г.), ставшие важным шагом к кодификации административно-правовой сферы.

В 1960–1970-е гг. советская наука административного права активно развивалась благодаря трудам ведущих правоведов – А. П. Алехина, И. И. Веремеенко, М. И. Еропкина, Ю. М. Козлова, А. П. Коренева, Б. М. Лазарева, А. Е. Лунева и др. Именно в этот период оформляются методологические основы учебных курсов по советскому государственному управлению и формируются теоретические подходы к пониманию административного процесса. Особую роль сыграли труды Н. Т. Салищевой («Административный процесс в СССР») и В. Д. Сорокина («Проблемы административного процесса»), в которых были предложены две концепции административного процесса – юрисдикционная и управленческая. Впоследствии именно управленческая концепция получила наибольшее распространение: она рассматривала административный процесс как совокупность действий органов исполнительной власти, направленных не только на разрешение правовых споров, но и на реализацию управленческих функций государства.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 года административное право получило новое развитие. Возникла необходимость более чётко разграничить управленческую и юрисдикционную деятельность, а также разработать теоретические основы административной ответственности. В научной литературе по-прежнему отсутствует единый подход к её пониманию: одни учёные трактуют административную ответственность как применение санкций за совершённое правонарушение [3], другие – как систему принудительных мер воспитательного характера [4]. Отсутствие единой позиции по соотношению понятий «ответственность», «санкция» и «принуждение» сохраняет актуальность научной дискуссии [5].

Особое внимание уделяется ответственности в сфере дорожного движения, которая рассматривается как самостоятельный вид юридической ответственности, направленный на защиту жизни и здоровья граждан [6].

Современные направления административно-правовых исследований охватывают широкий круг проблем: государственное управление, местное самоуправление, административный процесс, деятельность органов юстиции и государственной службы. В этом контексте административно-юрисдикционная деятельность, обладая нормотворческими, регулятивными и правоохранительными функциями, имеет особую социальную ценность. Она выступает не только средством правового регулирования, но и важнейшим инструментом охраны общественных отношений, обеспечиваемых органами внутренних дел и иными субъектами исполнительной власти.

Административную юрисдикцию на современном этапе следует характеризовать как процедуры реализации полномочий по оценке действий различных субъектов на предмет их законности, разрешению административных споров и рассмотрению дел о правонарушениях с последующим применением мер административной ответственности. Чтобы повысить эффективность административной юрисдикции следует включить в ее содержание принудительную, регулятивную, правоприменительную и правонаделительную деятельность государственных органов.

Таким образом, административная юрисдикция в Российской Федерации является сложным правовым феноменом, соединяющим в себе функции регулирования, контроля и защиты прав граждан. Её дальнейшее развитие требует системного подхода, направленного на повышение эффективности государственного управления и укрепление принципа законности. Совершенствование административной юрисдикции – это не только правовая, но и социально-политическая задача, от решения которой во многом зависит уровень доверия общества к государству и его институтам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафонов П. Н. История и методология административной юрисдикционной деятельности : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Интермедия, 2017. – 170 с.
2. Дубров В. А. Содержание административно-юрисдикционной деятельности ГИБДД МВД России // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 5. – С. 216–221.
3. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право России : учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. – Москва : Норма, 2005. – 800 с.
4. Березовская С. Г., Васильев Р. Ф., Еропкин М. И. Советское административное право: методы и формы государственного управления. – Москва, 1977. – 334 с.
5. Старилов Ю. Н. Общее административное право : учебник. – Москва, 2016. – 585 с.
6. Головкин В. В. Административно-юрисдикционная деятельность государственной инспекции безопасности дорожного движения: монография. – Омск : Омская академия МВД России, 2007. – 207 с.

УДК 342.56

ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Бурканов Александр Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811060@ruc.su

EVOLUTION OF JUDICIAL POWER IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Burkanov Alexander Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу эволюции судебной власти в России с периода Древнерусского государства до современности. В работе выявляются ключевые закономерности и этапы институциональной трансформации судебной системы, обусловленные социально-политическими изменениями в обществе. Результаты исследования позволяют определить преемственность в развитии отечественных судебных институтов и имеют практическое значение для современной судебной реформы.

Ключевые слова: суд, судебная власть, история суда, судебная система, становление судебной власти.

The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the evolution of the judiciary in Russia from the period of the Old Russian state to the present. The work identifies key patterns and stages of institutional transformation of the judicial system due to socio-political changes in society. The results of the study allow us to determine the continuity in the development of domestic judicial institutions and are of practical importance for modern judicial reform.

Keywords: court, judicial power, court history, judicial system, formation of judicial power.

Судебная власть представляет собой уникальный социальный институт, выполняющий функцию разрешения социально-правовых конфликтов и оказывающий существенное влияние на различные общественные процессы. Будучи важным элементом правовой системы, данный институт не только защищает индивидуальные и коллективные интересы, но и обеспечивает легитимность государственной власти. Его становление и развитие происходят в рамках исторически сложившихся форм гражданской деятельности, при этом судебная система характеризуется законодательно установленной структурой, четкой классификацией ролей и правовых статусов, которые трансформируются в соответствии с этапами социально-культурного развития общества. Деятельность судебных органов базируется на фундаментальных принципах правосудия и регламентируется специализированными нормами, присущими исключительно этой сфере государственного управления.

Историческое развитие российской судебной системы демонстрирует синтез национальных традиций и зарубежного опыта. В период Древнерусского государства судебные полномочия были сосредоточены в руках князя, что отражало монархический принцип организации власти. Согласно исследованиям академика Б. А. Романова, первые свидетельства о судебной деятельности относятся к X веку, когда в договорах с Византией 911 и 944 годов содержались нормы, регулирующие судебные процедуры для русских купцов в Константинополе. Принятие христианства в 988 году способствовало формированию dual system правосудия: наряду с княжескими судами возникли церковные юрисдикции, что подтверждается Уставом князя Владимира о церковных судах.

Особый интерес представляет эволюция судебного процесса в домонгольский период. По данным Новгородской первой летописи, уже в XI веке прослежива-

ется дифференциация судебных функций: помимо княжеского суда существовали общинные суды, а в торговых городах – купеческие гильдии, обладавшие правом разрешения коммерческих споров. Археологические находки берестяных грамот в Новгороде содержат уникальные свидетельства о судебных разбирательствах по земельным и имущественным вопросам, демонстрируя становление формализованной процедуры доказывания.

Византийское влияние проявилось не только в религиозной сфере, но и в правовой культуре. Исследование М. Н. Тихомирова показывает, что переводные юридические сборники типа «Номоканона» содержали адаптированные нормы византийского права, которые постепенно интегрировались в русскую правовую традицию. Этот процесс правовой аккультурации особенно интенсивно протекал в XII–XIII веках, когда формировались региональные особенности судопроизводства в различных княжествах. Таким образом, российская судебная система с момента своего возникновения представляла собой сложный синтез автохтонных правовых обычаев и рецепированных институтов, что обусловило ее уникальный путь развития и способность адаптироваться к изменяющимся историческим условиям при сохранении преемственности основных принципов правосудия на длительном историческом пути [1].

Русская Правда, синтезировавшая обычное право, судебную практику и византийские нормы, заложила основы отечественного судопроизводства. В период феодальной раздробленности Новгородская и Псковская судные грамоты отразили рост авторитета судебных органов, предъявляя высокие требования к качеству правосудия.

Централизация государства сопровождалась созданием сложной судебной системы, закрепленной в Соборном уложении 1649 года. Петровские реформы учредили коллегияльную систему во главе с Юстиц-коллегией, продолжив секуляризацию правосудия. Екатерина II провела структурную реформу через «Учреждение о губерниях» 1775 года, создав разветвленную сеть судов.

Судебная реформа 1864 года модернизировала систему, введя специализированные коммерческие суды. В XX веке развитие прервала Октябрьская революция, упразднившая дореволюционную систему и установившая новую, основанную на чрезвычайных органах с судебно-следственными функциями, которая сохранялась до середины века.

Историко-правовой анализ эволюции российского правосудия демонстрирует сложную диалектику преемственности и преобразований, где каждая историческая эпоха формировала уникальные элементы организации судебной власти. Особенно показателен в этом отношении советский период, когда после Октябрьской революции произошло органическое соединение государственных органов и судебной системы. Сформировавшаяся в советское время модель правосудия, основанная на классовом подходе и партийном руководстве, заложила фундамент для современной российской судебной системы, сохранившей многие институциональные и функциональные характеристики своего предшественника.

Конституционная реформа 1993 года кардинально изменила парадигму судебной власти, закрепив в статье 10 Основного закона принцип разделения властей

и определив в главе 7 самостоятельный статус судебной системы. Однако законодатель не дал четкого определения понятия «судебная власть» как правовой категории, что создает существенные теоретические и практические проблемы. Отсутствие легальной дефиниции затрудняет понимание сущности этого конституционного института, препятствует раскрытию его полного потенциала и осложняет оценку эффективности функционирования.

Современная судебная система Российской Федерации демонстрирует значительный прогресс в защите прав и законных интересов участников правоотношений. Институциональное развитие характеризуется сочетанием различных форм осуществления правосудия: от единоличного рассмотрения дел судьями до коллегиальных процедур с участием присяжных и арбитражных заседателей. Такое многообразие форм отражает сложившийся баланс между профессионализмом и общественным участием в отправлении правосудия.

Анализ современной судебной практики позволяет выделить следующие тенденции:

1. Постепенное укрепление независимости судейского корпуса;
2. Совершенствование procedural guarantees в судопроизводстве;
3. Расширение сферы судебного контроля;
4. Интеграция международных стандартов правосудия.

Перспективы дальнейшего развития судебной власти видятся в:

- формировании доктринального понимания судебной власти;
- совершенствовании механизмов обеспечения независимости судей;
- развитии специализации судебных органов;
- укреплении общественного доверия к правосудию.

Таким образом, современная российская судебная система, сохраняя историческую преемственность, продолжает эволюционировать в направлении повышения эффективности и соответствия конституционным принципам правового государства [2].

Судебная власть в Российской Федерации представляет собой сложный государственно-правовой механизм, реализуемый через специализированные органы правосудия. В соответствии с конституционным принципом разделения властей, судебная система функционирует как самостоятельный институт, обладающий исключительными полномочиями по отправлению правосудия. Особое место в этой системе занимает Конституционный Суд РФ, который согласно части 1 статьи 18 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» осуществляет функции конституционного контроля и надзора посредством особой процедуры конституционного судопроизводства.

Современная архитектура судебной власти характеризуется строгой специализацией судебных органов. Суды общей юрисдикции осуществляют правосудие в сфере гражданских, административных и уголовных правоотношений, тогда как арбитражные суды специализируются на разрешении экономических споров и дел в сфере предпринимательской деятельности. Такое распределение компетенции обеспечивает глубокую профессионализацию судебной деятельности и способствует повышению качества правосудия.

Судебная власть выполняет системообразующую роль в механизме правового

государства, выступая гарантом законности и правопорядка. В отличие от правоохранительных органов, осуществляющих преимущественно предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность, судебная власть обладает монопольным правом на применение государственного принуждения и окончательную юридическую квалификацию деяний. Именно судебные решения придают легитимный характер реализации юридической ответственности и обеспечивают действенность механизма правового регулирования.

Анализ современного состояния судебной системы позволяет выделить следующие приоритетные направления ее развития:

1. Совершенствование procedural guarantees в различных видах судопроизводства;
2. Оптимизация специализации судебных органов;
3. Внедрение цифровых технологий в судебный процесс;
4. Укрепление международно-правового сотрудничества;
5. Повышение доступности правосудия для граждан.

Особого внимания заслуживает эволюция конституционного правосудия, где Конституционный Суд РФ не только осуществляет нормоконтроль, но и выполняет важнейшую функцию толкования конституционных положений, способствуя развитию правовой системы в соответствии с изменяющимися общественными отношениями.

Таким образом, судебная власть в современной России представляет собой динамично развивающийся институт, который, сохраняя преемственность с историческими традициями правосудия, активно адаптируется к вызовам современности и играет ключевую роль в обеспечении правовой стабильности и защиты конституционных ценностей [3–4].

Судебная система России многогранна и выполняет различные функции. От толкования нормативных актов до контроля судебной деятельности – структуры правосудия охватывают широкий спектр задач, установленных законодательством. Вертикаль судебной власти простирается от низшего звена – мировых судей – до высшей надзорной инстанции.

Экономические споры между предпринимателями и юридическими лицами находятся в компетенции особой ветви – арбитражных судов. Относительно новым элементом судебной системы стал специализированный суд по интеллектуальным правам, созданный для разрешения конфликтов в сфере интеллектуальной собственности.

Отправление правосудия представляет собой исключительную прерогативу специализированных органов государственной власти, реализующих уникальную социально-правовую функцию – функцию провозглашения правосудия. Данная деятельность осуществляется судебными институтами в лице профессиональных судей, а также с участием привлекаемых в установленном порядке представителей общества – присяжных и арбитражных заседателей, что обеспечивает сочетание профессионального и общественного элементов в правосудии.

В контексте совершенствования судебной системы считаем целесообразной консолидацию нормативных положений, регламентирующих правовой статус судей, в единый кодифицированный акт. Наиболее предпочтительной формой

такого акта видится федеральный конституционный закон, который сможет обеспечить необходимый уровень системности, стабильности и сбалансированности правового регулирования статуса судебной власти в Российской Федерации. Данная мера будет способствовать укреплению независимости судебной власти и повышению эффективности отправления правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 198–207.
4. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44–52.

УДК 342.56

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТУРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Бурканов Александр Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811060@ruc.su

THE CURRENT CONTOURS OF THE TRANSFORMATION OF THE JUDICIARY IN THE RUSSIAN FEDERATION: INSTITUTIONAL CHALLENGES AND DEVELOPMENT VECTORS

Burkanov Alexander Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу современных процессов трансформации судебной власти в Российской Федерации. Исследуются институциональные вызовы, обусловленные цифровизацией судопроизводства, реформой судебной системы и необходимостью балансировки между доступностью правосудия, и качеством судебных решений. Особое внимание уделяется проблеме оптимизации судебной нагрузки через внедрение специализированных должностей для обработки документов и развития альтернативных методов разрешения споров. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов выявлены ключевые векторы развития судебной системы, включая стандартизацию электронного документооборота, усиление роли народного представительства в правосудии и преодоление общественного недоверия к судебным институтам.

Ключевые слова: суд, судебная власть, судебная система, история суда, становление судебной власти.

The article is devoted to a comprehensive analysis of modern processes of transformation of the judiciary in the Russian Federation. The institutional challenges posed by the digitalization of legal proceedings, the reform of the judicial system and the need to balance the availability of justice and the quality of court decisions are being investigated. Particular attention is paid to the problem of optimizing the judicial burden through the introduction of specialized positions for processing documents and the development of alternative methods for resolving disputes. Based on historical, legal and comparative legal methods, key vectors of the development of the judicial system have been identified, including the standardization of electronic document management, strengthening the role of popular representation in justice and overcoming public distrust of judicial institutions.

Keywords: court, judicial power, judicial system, court history, formation of judicial power.

Судебная система, будучи структурным стержнем правового государства, выполняет центральную функцию в разрешении юридических и социальных конфликтов, оказывая значительное влияние на общественные процессы. Интегрируя исторически сложившиеся модели организации гражданского общества, она функционирует в рамках законодательно установленных структур, ролей и статусов, адаптируясь к изменениям социокультурного контекста. Ее деятельность, основанная на фундаментальных принципах и специализированных нормах, способствует формированию стандартов правомерного поведения.

Актуальность проблем развития судебной власти в России обусловлена их системным характером и значимостью для государственного устройства. Среди наиболее острых вопросов выделяется недостаточная мотивация судебных решений, выражающаяся в отсутствии оценки ключевых доводов сторон в судебных актах.

Наблюдаемая в последние годы тенденция к увеличению количества заключений под стражу и сокращению практики досрочного освобождения отражает усиление репрессивной составляющей в системе правосудия.

Реформа 2014 года, связанная с упразднением Высшего Арбитражного Суда и передачей его полномочий Верховному Суду, демонстрирует противоречивые результаты. Если первоначально исследователи прогнозировали осложнение инстанционного контроля, то текущая практика свидетельствует о сохранении эффективности судебного надзора. При этом отмечается рост самостоятельности судебной власти.

Принцип неприкосновенности судей, являясь гарантией их независимости, получил дифференцированное толкование в практике Конституционного Суда. Установленный порядок привлечения судей к ответственности предусматривает:

- наличие юридически значимых оснований;
- соблюдение процессуальных гарантий;
- возможность судебного обжалования.

Позитивным результатом реформы стало укрепление взаимодействия между ветвями власти. Сформировался конструктивный диалог, способствующий развитию гражданского общества и демократических институтов.

Цифровая трансформация судебной системы проявляется во внедрении электронного документооборота (ЭДО). Несмотря на доказанные преимущества цифровизации, включая конфиденциальность и эффективность, сохраняется дублирование бумажного и электронного документооборота, что указывает на необходимость дальнейшей оптимизации процессов.

Таким образом, современная судебная система России характеризуется сложным сочетанием традиционных и инновационных элементов, требующим взвешенного подхода к дальнейшему реформированию.

Суду следует проявлять гибкость при принятии решений об онлайн-участии в заседаниях, учитывая различные обстоятельства. Необходимо дифференцировать ситуации: когда гражданин проживает в удаленном от суда районе страны – это одно, а совсем иное, когда речь идет о крупном банке с разветвленной филиальной сетью по всей территории государства. Такие различия должны приниматься во внимание при определении разумности и целесообразности дистанционного формата судебного процесса [1].

Повышение доступности и эффективности правосудия, наряду с ускорением процедур судопроизводства, формируют позитивный образ судебной системы в общественном сознании и укрепляют доверие граждан к институтам права. Этот позитивный тренд, однако, порождает парадоксальную ситуацию: рост доверия к судебной системе стимулирует увеличение количества обращений за судебной защитой, что в свою очередь приводит к значительному росту нагрузки на судебные органы. Особенно остро эта проблема проявляется в регионах с высокой экономической активностью и плотностью населения, где объем судебных дел ежегодно увеличивается на 15–20%.

Для решения этой системной проблемы предлагается комплекс мер, включающий как совершенствование существующих процессуальных механизмов, так и внедрение инновационных подходов к организации судебной работы. Среди традиционных методов оптимизации судебной нагрузки следует выделить:

1. Расширение применения упрощенных процедур судопроизводства:

- развитие приказного производства;
- внедрение упрощенного производства по бесспорным делам;
- специализация судей по категориям дел.

2. Развитие альтернативных методов разрешения споров:

- создание системы медиации на досудебной стадии;
- стимулирование использования арбитража;
- развитие примирительных процедур.

3. Совершенствование системы исполнения судебных решений:

- автоматизация процесса исполнения;
- усиление ответственности за неисполнение решений;
- оптимизация взаимодействия с службой судебных приставов.

Особого внимания заслуживают реформы в отдельных отраслях законодательства, в частности в сфере регулирования процедур банкротства. Совершенствование законодательства о несостоятельности должно быть направлено на:

- упрощение процедур признания банкротства физических лиц;
- внедрение реабилитационных механизмов для юридических лиц;
- создание системы досудебного финансового оздоровления.

Перспективным направлением является также цифровизация судебных процессов, включая:

- развитие системы электронного правосудия;
- внедрение технологий искусственного интеллекта для предварительного анализа дел;

– создание единой системы судебной статистики.

Реализация предложенных мер требует системного подхода и должна осуществляться с учетом региональных особенностей и специфики различных судебных инстанций. Ключевым условием успеха является сохранение баланса между доступностью правосудия и поддержанием высоких стандартов качества судебных решений [2].

Значимость перехода к цифровым технологиям в судебной системе – это тот путь на который все равно придется перейти, но когда и как (в каком объеме и как быстро) зависит от восприимчивости системы к нововведениям. Такие меры должны включать в себя не только проведение судебных заседаний в онлайн-формате, о которых уже было сказано, но и более широкое внедрение электронных методов для обращения в суд, включая подачу документов через Интернет и ознакомление с материалами дела в цифровой форме [3].

Внедрение онлайн-платформ для обработки и подачи судебных документов вскоре может превратиться в общепринятый стандарт. Минимизация личных контактов в судебных помещениях значительно снижает риск передачи вирусных заболеваний. Более того, такой структурированный и регулярный подход экономит драгоценное время как сотрудников судебной системы, так и всех участвующих в процессе лиц [4].

Инициатива по стандартизации процессов оцифровки входящей документации в судебных органах посредством введения специализированных штатных единиц для обработки и сканирования судебных материалов приобретает особую актуальность в контексте модернизации судебной системы. Ключевым элементом такой реформы должна стать интеграция профильных подразделений или отдельных специалистов в организационную структуру каждого суда либо соответствующего территориального органа Судебного департамента. В текущих условиях наблюдаются существенные расхождения в технологиях обработки документов между различными судебными инстанциями, что приводит к необоснованному расширению функциональных обязанностей секретарей судебных заседаний и выполнению работ, выходящих за пределы их компетенции.

Для комплексной оценки трансформаций в системе судопроизводства и судопроизводства России требуется значительный временной период. Ретроспективный анализ реформ 1990-х годов демонстрирует, что только с позиции временной дистанции возможно объективно оценить результаты кардинальной перестройки судебной системы. В контексте обеспечения справедливости правосудия представляется целесообразным развитие института народного представительства в судопроизводстве при одновременном предотвращении избыточной формализации судебных процедур.

Проблемы реализации судебной власти и повышения ее эффективности носят системный характер и требуют долгосрочного комплексного подхода, где центральное место занимает построение действенного механизма практической имплементации правовых норм. Внедрение цифровых технологий и современных управленческих механизмов должно быть направлено на совершенствование функционирования всей судебной системы государства, при этом оценка эффективности таких преобразований возможна лишь в перспективе поэтапного развития системы правосудия. Экспертному и научному сообществу необходимо

продолжить поиск оптимальных решений, способных обеспечить повышение доступности и качества правосудия, а также преодолеть существующий в обществе скептицизм в отношении судебной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 198–207.
4. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44–52.

УДК 342.56

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПРАВА

Бурканов Александр Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811060@ruc.su

EVOLUTION OF THE JUDICIAL POWER MODEL IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LEGAL HISTORY

Burkanov Alexander Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе исследуются ключевые этапы эволюции судебной системы - от досоветского периода до современных конституционных реформ. Особое внимание уделяется процессу институционализации судебной власти, изменению ее места в системе разделения властей и развитию функциональных полномочий. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов выявлены закономерности и особенности становления самостоятельной судебной власти в России.

Ключевые слова: судебная власть, суд, история суда, становление судебной власти, судебная система.

The work explores the key stages of the evolution of the judicial system - from the pre-Soviet period to modern constitutional reforms. Particular attention is paid to the process of institutionalization of the judiciary, changing its place in the system of separation of powers and the development of functional powers. On the basis of historical, legal and comparative legal methods, patterns and features of the formation of an independent judiciary in Russia were revealed.

Keywords: judicial power, court, court history, formation of judicial power, judicial system.

Общественное доверие к судам служит основным мерилom их фактической автономии и состоятельности. Через призму этого доверия оценивается социальная востребованность всего механизма конституционной защиты прав, включая эффективность доступа к правосудию.

Генезис российской судебной системы происходил в контексте формирования международного правового пространства, интегрируя как национальные правовые традиции, так и рецепцию передовых зарубежных практик.

В период Древнерусского государства юрисдикционная монополия принадлежала князю и боярской аристократии, при этом правосудие осуществлялось представителями княжеской администрации. Современная историко-правовая наука констатирует методологическую сложность точной датировки возникновения судебной власти в России. Однако ее становление в киевский период коррелирует с принятием христианства и последующей рецепцией византийских правовых институтов, что находит подтверждение в договорных отношениях с Византийской империей [1].

Формирование отечественной судебной системы достигло значимой вехи в период создания Русской Правды. Данный памятник права синтезировал не только обычное право, но и судебные прецеденты, княжеское законодательство, а также элементы византийского правового наследия. Кодификация содержала базовые элементы судостроительства и процессуальные нормы, что свидетельствует о систематизации правоприменительной практики.

По мере накопления правового опыта и возникновения противоречий в обычном праве, обусловленных изменением социально-экономических условий, княжеские судебные органы начали процесс формализации правовых норм. Эта практика была направлена на унификацию отправления правосудия и минимизацию юридических коллизий.

Новгород и Псков, в эпоху феодальной раздробленности, превратились в настоящие лаборатории права, где формировались принципиально новые для Руси модели судебной власти. Создание Новгородской и Псковской судных грамот ознаменовало становление региональных правовых систем. Анализ Псковской судной грамоты демонстрирует высокий уровень легитимности судебных институтов среди населения. Социальный статус судебных органов обуславливался повышенными требованиями к профессиональным и этическим качествам судей, от которых ожидалось беспристрастное и компетентное отправление правосудия.

Качественно новый этап реформирования судебной системы, направленный на ее централизацию, связан с образованием Московского государства и кодификацией норм в Судебнике 1497 года. Данный законодательный акт ввел ограничения судебного усмотрения, унифицировал систему судостроительства и процессуальные нормы, став нормативной основой для деятельности судебных органов периода становления централизованного государства.

Расширение территории и развитие России было стимулировано созданием единого централизованного государства. Кормленщики, управлявшие уездами и городами в XV веке, извлекали значительную выгоду из своих должностей. Изначально система кормлений способствовала усилению княжеской власти и объединению государства, но со временем превратилась в серьезное препятствие для укрепления России. Судебник 1550 года ввел положения, направленные на усиление контроля над наместниками и волостелями, уменьшение их властных полномочий и ограничение их влияния в связи с возникшими проблемами.

XVII век ознаменовался для Российского государства формированием сложной архитектуры судебных институтов, каждый из которых обладал четко очерченными полномочиями. Отправление правосудия было сосредоточено в руках государственных судов, представленных как центральными, так и региональными инстанциями, в то время как значительную роль продолжали играть церковный суд и вотчинная юстиция. В данный период явно прослеживается вектор на унификацию и усиление судебной системы. Хотя институционального обособления суда от администрации еще не произошло, именно судебная деятельность доминировала в функционировании государственного аппарата. Эта правовая реальность нашла свое нормативное воплощение в Соборном Уложении 1649 года – в особенности в главе X («О суде»), где были кодифицированы основополагающие принципы судостроительства и процессуальные процедуры. Что касается системы доказательств, то ее ядро составляли такие процедуры, как общая ссылка (приравниваемая к неоспоримому доказательству), ссылка на ответных обвиняемых, обыск и ряд других следственных действий.

Модернизационный проект Петра I, затронувший ключевые сферы государственного устройства, привел к фундаментальной реорганизации судостроительства. На смену приказному управлению пришла коллегиальная модель, что, однако, не отменило базового принципа: как прежние приказы, так и новые коллегии сохраняли в своих рамках судебные функции. Центральным звеном обновленной судебной системы стала Юстиц-коллегия. Параллельно с этим действовала специализированная юстиция: военные суды, городские магистраты, а также исключительные юрисдикции по делам о государственных преступлениях – Преображенский приказ и Тайная канцелярия. Сложилась многоуровневая судебная иерархия, представленная следующей вертикалью: нижние суды → надворные суды → Юстиц-коллегия → Сенат.

Накопившиеся системные противоречия предопределили необходимость последующей трансформации судебной системы, которая была реализована в эпоху Екатерины II в рамках масштабной реформы местного управления. Правовой основой этой реорганизации послужило принятое в 1775 году «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». В соответствии с данным актом, структура местных судов была дифференцирована и включала в себя: общесословные судебные органы (палаты уголовного и гражданского суда), специализированные суды (совестные и надзорные), а также губернские и уездные суды, построенные по сословному принципу.

В рамках Судебной реформы 1864 года учрежденная Комиссия по преобразованию судебной части инициировала масштабное перераспределение судебных производств. Высшей апелляционной инстанцией по торговым спорам выступал Судебный департамент Сената, деятельность же коммерческих судов регламентировалась нормами Устава судопроизводства торгового 1832 года в актуальных редакциях. Примечательно, что Верховный уголовный суд во второй половине XIX столетия был создан лишь в двух исключительных случаях.

Начало XX века не ознаменовалось кардинальными преобразованиями в судостроительстве, однако внешнеполитические и социальные катаклизмы существенно

повлияли на его функционирование. В условиях Первой русской революции власти ввели военное положение, что позволило передавать дела протестующих в военно-окружные суды. Юридическим основанием для этого стало Положение о военно-полевых судах от 19 августа 1906 года, изымавшее дела революционеров из общего судопроизводства. После его отмены в апреле 1907 года, с началом Первой мировой войны эти чрезвычайные судебные органы были восстановлены. Февральская революция 1917 года ограничилась частичной корректировкой полномочий существующих судов, тогда как Октябрьская революция привела к тотальной ликвидации прежней судебной системы.

Историко-правовой анализ эволюции отечественной судебной власти в досоветский период выявляет ее глубокую зависимость от социокультурного контекста и доминирующих тенденций каждой эпохи. Организационные формы и функциональные особенности судебных институтов демонстрируют принципиальные различия на разных этапах исторического развития: в древнерусский период, во времена феодальной раздробленности, в имперский период XVIII – первой половины XIX веков и в пореформенный период после 1864 года.

В то же время, необходимо констатировать особенность того, что на всех этапах прослеживается определенная правовая преемственность, выявляются структурные аналогии в организации судебной системы и осуществлении правосудия в различные исторические периоды. Полученный исторический опыт требует современного осмысления с обязательным учетом актуальных реалий и перспектив совершенствования судебной системы.

В отличие от предыдущих эпох, октябрьская революция 1917 года инициировала кардинальную трансформацию всей системы государственных органов. Были упразднены существовавшие институты власти и управления, началось формирование принципиально новой судебной системы СССР. Советские органы правосудия приобрели выраженный идеологизированный характер, что обусловлено неразрывной связью политики и права в социалистическом государстве. Право в его традиционном понимании было заменено концепцией «революционной целесообразности», выступавшей инструментом достижения целей революционного движения. Данный принцип стал фундаментальной основой судебного правотворчества и правоприменительной практики раннего советского периода.

После октябрьских событий 1917 года судебные прерогативы перешли к Народному комиссариату внутренних дел, что стало временной мерой, действовавшей до создания обновленной судебной системы. В условиях отсутствия специализированных судебных институтов именно НКВД взял на себя осуществление правосудия, поскольку прежняя судебная система была упразднена. Данный переходный период характеризовался концентрацией судебных функций в руках органа внутренних дел, что отражало чрезвычайные условия революционного времени [2].

Вопрос о том, насколько советская судебная система унаследовала опыт предшествующей эпохи, остается предметом научных споров при исследовании раннего советского периода. Ряд исследователей полагает, что опыт судебной ре-

формы 1864 года был полностью отвергнут властями СССР. Согласно их мнению, революционные преобразования требовали полного уничтожения прежних судебных институтов. Однако интересно заметить, что некоторые принципы до-революционного судопроизводства все же сохранились. Например, статья 8 нового законодательства предписывала вести судебное производство по правилам, установленным еще судебными уставами 1864 года. Более того, третья статья нового акта, подобно Уставу царской эпохи, закрепляла исключительное право судей на осуществление правосудия, понимаемого как особый вид судебной деятельности [3].

Формирование правовых основ советской судебной системы осуществлялось через первые нормативные акты государственной власти СССР, учреждавшие комплекс чрезвычайных юрисдикционных институтов.

Относительная стабилизация внутривнутриполитической ситуации после завершения Гражданской войны привела к существенному сокращению количества военных трибуналов и трибуналов железнодорожных сообщений. В рамках реорганизации судебной системы в структуре губернских революционных трибуналов создавались специализированные судебные присутствия для рассмотрения дел о воинских преступлениях и серьезных должностных правонарушениях.

Эта модель построения карательного аппарата сохранялась в советском государстве вплоть до 1950-х – 1960-х годов, когда начались масштабные преобразования в общественно-политической и правовой сферах. Параллельно, в условиях укрепления роли Советов в 1950-е годы, произошло упразднение большинства центральных исполнительных ведомств, что стало частью общей реорганизации системы государственного управления.

Современная российская судебная система в значительной степени унаследовала структурные и функциональные элементы советской модели, сохраняя её основные традиции. В советский период идеологическая парадигма судебной реформы базировалась на классовом детерминизме, что предопределило ключевую задачу органов юстиции – реализацию народной воли через применение партийных директив в качестве основного источника правового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 198–207.

УДК 340.155

МОРФОЛОГИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Вельдина Кристина Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810375@ruc.su

MORPHOLOGY OF THE LEGAL SYSTEM: THE HISTORICAL CONTEXT OF THE FORMATION OF STRUCTURAL ELEMENTS

Veldina Christina Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предлагается оригинальный морфологический подход к изучению правовой системы, позволяющий преодолеть статичность традиционных определений. Центральной проблемой выступает анализ исторического контекста, в котором происходила кристаллизация и дифференциация структурных элементов права. Автор доказывает, что изменения в социально-политическом ландшафте непосредственно влияют на морфологию правовой системы, модифицируя иерархию и связи между ее компонентами.

Ключевые слова: морфология правовой системы, структурные элементы права, историко-правовой генезис, институциональная динамика права, сравнительно-правовой анализ, правовая структура, функционально-исторический подход.

The article proposes an original morphological approach to the study of the legal system, which makes it possible to overcome the static nature of traditional definitions. The central problem is the analysis of the historical context in which the crystallization and differentiation of the structural elements of law took place. The author proves that changes in the socio-political landscape directly affect the morphology of the legal system, modifying the hierarchy and the connections between its components.

Keywords: morphology of the legal system, structural elements of law, historical and legal genesis, institutional dynamics of law, comparative legal analysis, legal structure, functional and historical approach.

Институционализация термина «правовая система» в отечественной юридической доктрине произошла в середине 1980-х годов, ознаменовав переход к системному пониманию правовой реальности. В постсоветский период структурная трансформация политической системы Российской Федерации обусловила кардинальные изменения в модели государственного устройства, где ключевым вектором развития стала централизация управленческих процессов через дихотомию «центр-регионы» и построение властной вертикали. Концепт властной вертикали раскрывается как иерархически организованная совокупность публично-властных институтов, характеризующаяся асимметричным распределением компетенций и доминированием централизованных механизмов принятия политически значимых решений.

Эволюция взаимоотношений между федеральными и региональными органами власти с 1990-х годов проходила в несколько концептуально различных этапов. Особую роль в обеспечении взаимодействия властных институтов приобрел институт президентства, ставший системообразующим элементом в отношениях «власть-подчинение» между федеральным и региональным уровнями. В

рамках реализации принципа разделения властей исполнительные органы получили приоритетное развитие как на федеральном, так и на региональном уровне, что отразило специфику становления российской модели государственного управления в условиях формирования новой правовой системы.

Федеральные исполнительные структуры наделены полномочиями создавать собственные территориальные подразделения и филиалы, функционирующие в границах регионов России, однако данные учреждения нельзя отнести к категории региональной исполнительной власти [1–3]. Принцип разделения властей определяет структуру государственного управления в субъектах Федерации, где органы власти формируются как независимые ветви, фактически воспроизводя в уменьшенном масштабе федеральную модель распределения полномочий на региональном уровне. Данная проблематика дифференциации властных структур в российских регионах требует детального рассмотрения.

Структурный анализ системы государственного управления позволяет выявить наличие особой категории органов, обладающих двойственной природой: сохраняя формальную подотчетность главе государства, они осуществляют значительное влияние на территориальную организацию власти. Ключевым элементом данной архитектуры выступает Администрация Президента РФ, функциональный потенциал которой включает не только имплементацию президентских указов, но и мониторинг реализации стратегических направлений государственной политики, а также участие в формировании общегосударственного политического курса.

Особое место в институциональной конструкции занимает Государственный совет, обладающий консультативно-совещательным статусом при определении векторов внутренней и внешней политики Российской Федерации. Институциональная специфика данного органа проявляется в его двойственной правовой природе: будучи конституционным органом, он функционирует в рамках президентской вертикали власти. Ключевыми направлениями его деятельности становятся стратегическое планирование национального развития и обеспечение координационного взаимодействия между различными уровнями публичной власти, что создает необходимые предпосылки для сбалансированного развития как федерального центра, так и регионов в контексте укрепления целостности государственного организма.

Начало 2000-х годов ознаменовало новый этап в федеративной политике России, характеризующийся системной трансформацией взаимоотношений федерального центра с региональными элитами. В период первого президентского срока В. В. Путина происходит переориентация от практики многостороннего диалога к реализации модели селективного взаимодействия, получившей в политологической литературе определение «управляемого плюрализма». Данная концепция предполагала формирование привилегированных отношений с наиболее ресурсно обеспеченными и политически лояльными региональными акторами.

В период 2004–2008 годов происходит институционализация асимметричной модели федеративных отношений, где индивидуальные договоренности с губернаторами трансформировались в инструмент централизации власти. Это проявилось в последовательном исключении региональных элит из процесса принятия

стратегических федеральных решений, редукции их политического влияния и параллельном усилении властной вертикали. Следствием указанных процессов стала прогрессирующая дистанция между различными уровнями публичной власти и формирование иерархической модели управления [4].

В 2011 году в своём обращении к Федеральному Собранию глава государства Д. А. Медведев объявил о восстановлении института народного избрания руководителей регионов, упразднённого ранее в 2004-м. Однако возобновлённая процедура получила существенные модификации: потенциальным участникам предвыборной гонки теперь необходимо было преодолеть двухуровневую систему отбора – получить одобрение как от главы государства, так и от представителей местного самоуправления. Это решение выглядело неожиданным на фоне предшествующего курса на усиление вертикали власти и ограничение самостоятельности субъектов федерации, характерного для периода нахождения Медведева на президентском посту с 2008 года.

С мая 2012 года механизм «муниципального фильтра» заблокировал возможность баллотироваться тем претендентам, которые не получили одобрение от 5 до 10 процентов представителей местных законодательных органов. Первый механизм предоставляет руководителю страны возможность воздействовать на формирование списка претендентов через переговоры с партиями, которые их номинировали.

Корректировка модели формирования региональной власти в 2013 году ознаменовала переход к системе, при которой наделение полномочиями главы субъекта Федерации осуществлялось посредством голосования в региональном законодательном собрании. Данный механизм предусматривал возможность добровольного отказа от прямых всенародных выборов в пользу процедуры делегированного волеизъявления депутатского корпуса. Ключевой особенностью стало введение президентской фильтрации кандидатов: глава государства получал право отбора трех претендентов из числа лиц, предложенных политическими партиями [5–6].

Институциональные последствия реформы проявились в делегитимации непосредственного народного волеизъявления при формировании региональной исполнительной власти, что детерминировало снижение уровня публичного доверия к главам субъектов и эффективности их административной деятельности. Параллельно происходило укрепление влияния федерального центра на региональные политические процессы [7]. Фундаментальным принципом функционирования властной вертикали остается иерархическое делегирование полномочий по нисходящей линии при одновременном закреплении ответственности за их реализацию [8]. Однако эффективность данной модели ограничивается существованием альтернативных источников легитимации, приобретаемых отдельными элементами системы вне рамок официальной иерархии, что создает структурные противоречия в архитектуре государственного управления [9].

Современная российская властная архитектура представляет собой трехуровневый иерархический конструкт, основанный на принципе асимметричной централизации. Доминирующее положение в этой системе занимает федераль-

ный уровень во главе с институтом президентства, выполняющим функции системообразующего элемента. Региональный уровень демонстрирует дуалистическую природу: являясь объектом административного контроля со стороны федерального центра, он одновременно выступает субъектом управления по отношению к локальному уровню публичной власти. Муниципальные образования, формально сохраняя автономию, фактически интегрированы в общегосударственную управленческую вертикаль через механизмы финансовой и нормативной зависимости.

Ключевой характеристикой данной модели выступает институциональная зависимость нижестоящих элементов системы от решений вышестоящих инстанций, что порождает феномен структурного единообразия политических практик. Это приводит к формированию гомогенного политического пространства, где доминирующая идеологическая парадигма воспроизводится на всех уровнях управления. Следствием становится возникновение «эффекта зеркального отражения» - унификации политических стратегий и тактик вне зависимости от специфики территорий и уровня управления.

Данная конфигурация обладает значительным ресурсом административной мобилизации и обеспечивает высокую степень координации при реализации стратегических инициатив. Однако системный дисбаланс проявляется в постепенной эрозии адаптационного потенциала управления, снижении чувствительности к локальным вызовам и деградации механизмов общественной обратной связи. Парадокс системы заключается в том, что достигнутая управленческая стабильность сопровождается нарастанием латентной ригидности, когда формальная эффективность процедур не коррелирует с качеством получаемых общественных результатов. Таким образом, российская модель власти демонстрирует диалектическое единство организационной прочности и функциональных ограничений, где централизация управления обеспечивает политическую устойчивость, но одновременно генерирует системные риски снижения эффективности управления в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция: основные тенденции противодействия / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.] ; под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 196 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимов, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
3. Кукушкин, О. В. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9-1. – С. 9–15.
4. Романов, Ю. А. Политическая система России: современное состояние, проблемы и перспективы // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2014. – № 7-8. – С. 166–169.
5. Головенкин, Е. Н. Эволюция представительной системы современной России: динамика перераспределения политической власти // *PolitBook*. – 2018. – № 1. – С. 150–167.
6. Кулажников, В. В. Цифровые права – новый объект гражданских прав в Российской Федерации / В. В. Кулажников, А. В. Усов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции, Иркутск, 06–07 июня 2019 г. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. – С. 304–305.

7. Милежик, А. В. Власть, общество и реформы в России: традиции и современность : учебно-методическое пособие / А. В. Милежик, А. В. Усов, Н. А. Шабельникова. – Владивосток: ДФУ, 2017. – 80 с.

8. Котляров, С. Б. Признаки правового государства: современные проблемы взаимной ответственности личности и государства / С. Б. Котляров, Е. М. Кечайкина, О. В. Кукушкин // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 2(77). – С. 33–38.

9. Кулешов, Ю. Н. К вопросу о механизмах реализации политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Ю. Н. Кулешов, О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием, Казань, 12 марта 2021 года. – Казань : ЮрЭксПрактик, 2021. – С. 224–227.

УДК 342.5

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

Винокуров Алексей Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808892@ruc.su

PROJECT MANAGEMENT IN THE PUBLIC SECTOR

Vinokurov Alexey Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится анализ структуры основных процессов управления проектной деятельностью в государственном секторе. Также объясняется значимость проектной деятельности в государственном секторе. Кроме того, в статье рассматриваются предпосылки проектного управления в государственной деятельности и виды проектов, осуществляемых государством.

Ключевые слова: государственное управление, проект, проектная деятельность, система, контроль, процесс.

The article analyzes the structure of the main project management processes in the public sector. It also explains the importance of project activities in the public sector. In addition, the article examines the prerequisites for project management in government activities and the types of projects implemented by the state.

Keywords: public administration, project, project activity, system, control, process.

Актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами, играющими ключевую роль в текущем исследовании. Во-первых, из-за высокой степени рецидивной преступности подрывается доверие общества к правовой системе и уголовно-исполнительной политики. Многие граждане считают, что пенитенциарная система не выполняет одну из своих основных функций – перевоспитание и исправление осужденных. Во-вторых, недостатки в системе реабилитации бывших осужденных приводит к маргинализации, что увеличивает риск повторного совершения преступлений. В-третьих, рост социально-экономических проблем также влияет на уровень преступности. Экономическая нестабильность, безработица, социальное неравенство и цифровизация преступного мира создают препятствия для поддержания правопорядка. Современные технологии позволяют преступниками быстрее адаптироваться после выхода из мест лишения свободы,

находить новые способы совершения преступлений и взаимодействовать с криминальной средой, даже во время отбывания наказания.

В условиях трансформации мировой и государственной экономики, все большее значение приобретает проектная деятельность в системе государственного управления.

Возрастающая значимость проектной деятельности объясняется тем, что она позволяет подходить к решению задач, стоящих перед государством, более масштабно: для реализации проектов объединяются усилия нескольких ведомств, каждое из которых не в состоянии в одиночку реализовать проект целиком.

Использование возможностей нескольких министерств для реализации проекта позволяет более рационально и эффективно использовать ресурсы государства: материальные, финансовые, трудовые и т.д.

Осуществление государственного управления в форме проектной деятельности позволяет более детально проконтролировать исполнение тех или иных задач: у проекта всегда есть точно определенные сроки и промежуточные результаты. Выявление отклонений на одном из этапов реализации проекта позволяет оперативно устранить проблемы и не допустить затягивания сроков его исполнения.

Кроме того, проектная деятельность в государственном управлении способствует внедрению инноваций в отечественную экономику, социальную сферу и т.д., что в конечном итоге приводит к повышению конкурентоспособности и независимости государства на мировой арене.

Также государственные проекты могут реализовываться и с помощью иностранного участия, что в свою очередь, говорит о высокой инвестиционной привлекательности экономики страны.

Система управления проектной деятельностью в государственном секторе подразумевает под собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов для постановки целей и обеспечения эффективности проектной деятельности, являющаяся частью единой системы управления государством.

Структура процессов управления проектной деятельностью в государственном секторе представлена на рис. 1.

Рисунок 1 – Структура процессов системы управления проектной деятельностью в государственном секторе

Предпосылками внедрения проектного управления в государственном секторе стали такие проблемы как:

- реализация не самых приоритетных проектов;
- кризис идей;
- недостижение целей, невыполнение ключевых для государства показателей;
- неэффективное межведомственное взаимодействие;
- нестабильность политического и экономического окружения;
- несоблюдение сроков и бюджетов проектов;
- неэффективное использование ресурсов.

Различают следующие виды проектов государственном управлении (рис. 2).

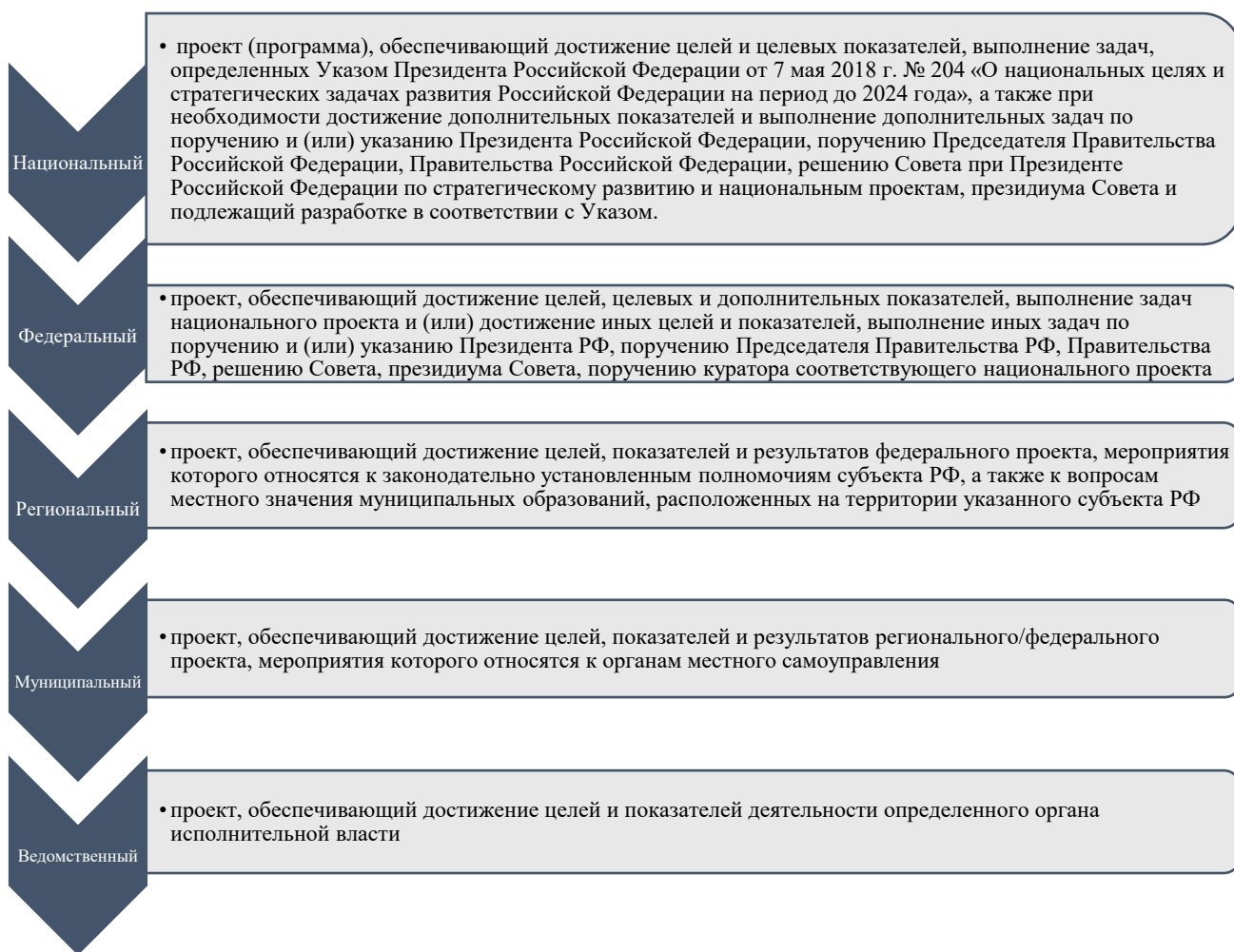

Рисунок 2 – Виды проектов в государственном управлении

Как показывает рис. 2, проекты в государственном управлении могут осуществляться как на федеральном, так и на муниципальном и даже ведомственном уровне.

Одной из ключевых особенностей современного управления выступают гибкие методы. Гибкие методы проектного управления – важный элемент трансформации системы управления проектной деятельностью в государстве. В коммерческой среде они уже получили широкое распространение, в государственном секторе же только начинают свой путь развития.

Внедрение гибких методов проектного управления предполагает совершенствование всех элементов действующей системы управления проектной деятельностью. А это значит, что изменения должны коснуться правовой базы, проектной культуры, системы планирования, обеспечения проектной деятельности. Принимаемые решения должны носить комплексный характер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проектная деятельность – одно из ключевых средств достижения стратегических целей государства, что в конечном итоге должно положительно сказываться на качестве жизни его граждан.

Управление проектной деятельностью в государственном секторе требует применения комплексного подхода, которые учитывает специфику проекта, его масштаб, область реализации, значимость для общества и так далее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Законы. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://base.consultant.ru>
2. Зябликова О. А. Реализация проектного управления в органах государственной власти / О. А. Зябликова // Вестник ГУУ. – 2022. – № 5. – С. 13–21.
3. Куликова Е. С. Особенности алгоритмов реализации национальных проектов в регионе / Е. С. Куликова, А. Э. Газиева // Деловой вестник предпринимателя. – 2023. – № 2 (12). – С. 82–85.
4. Плетнев Д. А. Проектное управление в государственной сфере: мировой опыт и предварительные итоги реализации национальных проектов в России в 2018–2024 гг. / Д. А. Плетнев, Ю. А. Меньшикова, А. А. Токарева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 3(497). – С. 197–208.
5. Харченко, К. В. Модели компетенций государственных гражданских служащих в условиях цифровой трансформации государственного управления / К. В. Харченко // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2023. – № 1. – С. 79–89.
6. Шаюк Е. И. Проблемные вопросы внедрения гибкого проектного управления в деятельность органов государственной власти / Е. И. Шаюк // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 3(56). – С. 474–477.

УДК 34.096

ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гришин Андрей Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808606@ruc.su

LEGAL DETERMINANTS OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: PUBLIC LAW ASPECT

Grishin Andrey Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Целью исследования является системный анализ комплекса правовых факторов, определяющих формирование и защиту технологического суверенитета Российской Федерации через призму публично-правового регулирования. В статье выявляется иерархия ключевых детерминант, к числу которых отнесены стратегическое планирование, государственное стимулирование исследований и разработок (R&D), правовые режимы защиты критических технологий и международно-правовые инструменты противодействия внешним ограничениям. В результате определены системные пробелы и коллизии в действующем законодательстве, сформулированы предложения по совершенствованию правовых механизмов защиты национальных интересов в технологической сфере, включая создание специализированного правового режима для «сквозных» технологий и усиление роли государственного заказа в стимулировании инноваций.

Ключевые слова: технологический суверенитет, публично-правовое регулирование, цифровая трансформация, стратегическое планирование, государственная технологическая политика, правовые режимы, технологический протекционизм, национальная безопасность, цифровой государственный суверенитет.

The purpose of the study is a systematic analysis of a complex of legal factors that determine the formation and protection of the technological sovereignty of the Russian Federation through the prism

of public law regulation. The article identifies a hierarchy of key determinants, which include strategic planning, government incentives for research and development (R&D), legal regimes for the protection of critical technologies and international legal instruments for countering external restrictions. As a result, systemic gaps and conflicts in the current legislation were identified, proposals were formulated to improve the legal mechanisms for protecting national interests in the technological sphere, including the creation of a specialized legal regime for «end-to-end» technologies and strengthening the role of the state order in stimulating innovation.

Keywords: technological sovereignty, public legal regulation, digital transformation, strategic planning, state technological policy, legal regimes, technological protectionism, national security, digital state sovereignty.

При рассмотрении методологии достижения технологического суверенитета следует исходить из его многомерной природы. В широкой трактовке данная категория представляет собой системную характеристику национальной экономики, предполагающую не только автономию в цифровой сфере (развитие отечественных ИТ-решений, создание национальной инфраструктуры хранения данных), но и технологическую самодостаточность ключевых секторов реальной экономики. Речь идет о создании замкнутых технологических цепочек в стратегических отраслях, обеспечении производства критически важной продукции и формировании устойчивой сырьевой базы.

В контексте публично-правового регулирования особый интерес представляет анализ существующего инструментария обеспечения технологической независимости. Институциональным каркасом данной политики выступает Правительственная комиссия по модернизации экономики и инновационному развитию России, созданная в 2018 году как координирующий орган, ответственный за формирование и реализацию государственной стратегии в этой сфере.

Конституционно-правовой фундамент технологического суверенитета образуют базовые положения о государственном суверенитете Российской Федерации. Статья 4 Конституции РФ, закрепляющая обязанность государства обеспечивать целостность и неприкосновенность территории, получает новое звучание в цифровую эпоху, распространяясь на киберпространство и технологическую инфраструктуру как элементы национальной безопасности.

В рамках Постановления от 7 июня 2000 года № 10-П Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал расширительное толкование государственного суверенитета, указав не только на его территориальный характер, но и на качественные параметры – самостоятельность, независимость и верховенство государственной власти. В правовой позиции суда подчеркивается, что данные атрибуты суверенитета материализуются через полноту полномочий всех ветвей власти в пределах национальной территории.

Однако в современных условиях цифровой трансформации традиционное понимание территориального суверенитета требует существенной корректировки. Информационно-технологическая сфера по своей природе обладает трансграничным характером, что объективно выводит вопросы технологического суверенитета за сугубо территориальные рамки.

Важнейшим аспектом конституционно-правового регулирования является установление юрисдикционных пределов. Согласно части 2 статьи 4 Конституции РФ, верховенство федерального законодательства распространяется на всю

территорию государства. Данная норма создает конституционную основу для формирования целостного правового механизма обеспечения технологического суверенитета, позволяющего осуществлять юрисдикционный контроль над цифровыми активами и технологическими процессами, имеющими значение для национальной безопасности.

Таким образом, современная конституционно-правовая доктрина должна учитывать диалектическое единство территориального и цифрового компонентов суверенитета, создавая правовые основания для защиты национальных интересов в условиях технологической трансформации глобального пространства [1].

Автономная некоммерческая организация «Платформа Национальной технической инициативы» обладает особым статусом в системе обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. Её деятельность осуществляется в рамках правового поля, определяемого Постановлением Правительства от 18 апреля 2016 года № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы».

Ключевым инструментом достижения технологического суверенитета выступают разрабатываемые при участии ключевых субъектов технологической политики – Правительственной комиссии, рабочих групп НТИ, Министерства науки и высшего образования и профильных федеральных органов исполнительной власти – стратегические документы, известные как «дорожные карты».

Процесс формирования данных документов представляет собой многоуровневую координационную процедуру. Инициация разработки осуществляется Правительственной комиссией на основе предложений заинтересованных организаций при непосредственном участии экспертного сообщества НТИ и представителей соответствующих федеральных ведомств.

После завершения разработки и внутреннего согласования в структурах НТИ, документ направляется в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти для проведения межведомственного согласования с привлечением Министерства науки и высшего образования. Следующим этапом является экспертиза со стороны рабочей группы НТИ с последующим утверждением на заседании президиума Правительственной комиссии.

Реализация утверждённых «дорожных карт» осуществляется в соответствии с решениями и поручениями Правительства Российской Федерации. Финансовое обеспечение предусмотренных мероприятий осуществляется через механизм бюджетного финансирования в форме субсидий, порядок предоставления которых регламентирован соответствующими актами Правительства РФ.

Данный многоступенчатый механизм демонстрирует комплексный подход к формированию национальной технологической политики, сочетающий экспертный потенциал некоммерческой организации с административными ресурсами государственных институтов.

В рамках реализации стратегии технологического суверенитета Российской Федерации Национальная технологическая инициатива (НТИ) сформировала значительный проектный портфель, насчитывающий по состоянию на 2024 год 58 перспективных разработок. Согласно данным Министерства науки и высшего образования РФ, 4 проекта были успешно завершены в 2022–2023 годах, по 27

инициативам ведется постоянный постпроектный мониторинг, а остальные проекты находятся в активной фазе реализации.

Анализ тематической направленности проектов, утвержденных в рамках «дорожных карт» НТИ, позволяет выделить несколько стратегических кластеров:

1. Кластер «Автонет» объединяет наукоемкие разработки в области автомобилестроения, включая:

- «Агроробосервис» – внедрение автономных роботизированных систем в агропромышленный комплекс;
- разработку систем беспилотного управления пассажирским транспортом;
- создание национальной сети зарядных станций для электромобилей.

2. Кластер «Аэронет» сфокусирован на проектах аэромониторинга и беспилотных авиационных систем:

- многофункциональные БПЛА для проведения аэросъемочных работ;
- системы контроля строительства с использованием данных дистанционного зондирования.

3. Перспективные технологические направления включают:

- образовательные программы по технологическим дисциплинам для школьников (Кружковое движение);
- разработки в области искусственного интеллекта и нейросетевых технологий;
- создание специализированного программного обеспечения для кибербезопасности мобильных устройств;
- инновационные проекты в области переработки отходов;
- прорывные исследования в трансплантологии и фармакологии;
- модернизацию электросетевого комплекса.

Следует отметить, что проекты находятся на различных стадиях технологической готовности: от стартап-проектов, находящихся на стадии R&D, до коммерчески успешных продуктов, конкурирующих на глобальных рынках. В условиях санкционного давления 2022–2024 годов наблюдается ускоренный переход многих разработок в стадию промышленной реализации, что соответствует задачам импортозамещения в критических отраслях промышленности.

«Платформа Национальной технологической инициативы» представляет собой ключевой элемент в системе обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, выполняя функции системного интегратора научно-технологического развития. В рамках её деятельности осуществляется не только координация перспективных разработок в стратегических секторах (автотранспортный комплекс, системы искусственного интеллекта, медицинское приборостроение, фармацевтическая промышленность, инновационные образовательные технологии), но и обеспечивается эффективное взаимодействие между научно-исследовательскими организациями, промышленными предприятиями и органами государственной власти.

Ключевым вызовом в деятельности Платформы выступает специфический режим бюджетной отчётности для проектов, финансируемых за счёт государственных ассигнований. Данный правовой механизм предполагает применение жёстких административных процедур, что в отдельных случаях может приводить к

замедлению реализации исследовательских программ. В этой связи представляется перспективным развитие механизмов софинансирования, позволяющих привлекать частные инвестиции и обеспечивающих большую гибкость в управлении научно-техническими разработками.

Важным элементом правового регулирования является принцип технологической нейтральности, который, однако, допускает законодательно закреплённые изъятия. Такие исключения позволяют федеральному законодателю устанавливать императивные требования к использованию конкретных информационных систем, что особенно актуально в контексте политики импортозамещения и обеспечения технологической безопасности государства. Эти правовые механизмы создают основу для формирования сбалансированной системы регулирования, сочетающей стимулирование инноваций с защитой национальных интересов [2].

В ходе исследования мы изучили различные стратегии государства по достижению технологической самостоятельности страны. Были рассмотрены не только цифровые инициативы, но и меры поддержки других экономических отраслей. Анализ охватил правовую базу «суверенного интернета», механизмы работы платформы Национальной технологической инициативы, которая продвигает российские разработки в критически важных областях, включая медицинскую сферу и автомобилестроение. Кроме того, мы обратили внимание на политику льготного стимулирования промышленных производителей.

Государство создает преференциальные условия для предприятий, чтобы они могли расширить производственные мощности или переориентировать их в соответствии с растущей потребностью в отечественной продукции. Это составляет ключевой элемент комплексного подхода к обеспечению технологической независимости России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабашев, А. Г. Международная интеграция и технологический суверенитет: правовые решения (зарубежный опыт) : монография / А. Г. Барабашев, П. А. Калинин, С. Ю. Кашкин, М. В. Некотенева, Н. А. Пожилова, Д. В. Пономарёва, А. О. Четвериков; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – Москва : РУСАЙНС, 2023. – 208 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 343

ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Долганова Евгения Николаевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810379@ruc.su

TASKS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN TOURISM ACTIVITIES ECONOMIC

Dolganova Evgeniia Nikolaevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются особенности государственного управления в сфере туризма в условиях модернизации экономики и перехода к устойчивым моделям развития. Уделяется внимание задачам органов государственной власти по обеспечению безопасности туристов, развитию внутреннего и въездного туризма, формированию конкурентоспособной туристской инфраструктуры и цифровизации управления отраслью. Отмечается необходимость совершенствования правовых механизмов и межведомственного взаимодействия в целях повышения эффективности государственной политики в сфере туризма.

Ключевые слова: туризм, государственное управление, туристская деятельность, устойчивое развитие, инфраструктура, безопасность, цифровизация.

The article examines the features of public administration in the tourism sector in the context of economic modernization and the transition to sustainable development models. It focuses on the tasks of public authorities to ensure the safety of tourists, develop domestic and inbound tourism, create a competitive tourism infrastructure, and digitalize the management of the industry. The article highlights the need to improve legal mechanisms and interagency cooperation in order to enhance the effectiveness of public policy in the tourism sector.

Keywords: tourism, public administration, tourism activities, sustainable development, infrastructure, security, digitalization.

Туризм представляет собой многоплановую и динамично развивающуюся отрасль экономики и общественной жизни, в которой тесно переплетаются экономические, социальные, культурные и экологические функции. Он выступает не только как источник получения прибыли и роста занятости населения, но и как важный инструмент межрегиональной интеграции, укрепления международных связей, формирования позитивного имиджа государства и развития малого предпринимательства. Сфера туризма способствует сохранению культурного наследия, популяризации национальных традиций, развитию внутренней инфраструктуры, стимулирует транспортный и гостиничный бизнес, а также сферу услуг в целом.

Однако динамичное развитие туристской отрасли невозможно без системной государственной поддержки, продуманной инвестиционной политики и чётко выстроенной нормативно-правовой базы, обеспечивающей баланс интересов государства, бизнеса и граждан. Эффективное регулирование требует создания устойчивой правовой среды, способной оперативно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Государственное управление туризмом в России основывается на сочетании принципов федерализма, правовых гарантий граждан, экономических стимулов и стратегического планирования развития отрасли [1].

Базовым источником правового регулирования туристической деятельности в Российской Федерации является Федеральный закон от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Этот документ служит фундаментом всей нормативной системы, определяя ключевые понятия, формы и принципы организации туризма, разграничивая полномочия между федеральными и региональными органами власти. Закон закрепляет права и обязанности участников рынка – туроператоров, турагентов и туристов, устанавливает требования к безопасности, качеству и финансовой устойчивости предоставляемых услуг. Особое внимание уделено механизмам финансового обеспечения ответственности туроператоров, а также порядку их регистрации и ведению соответствующих реестров.

Поправки последних лет, включая изменения 2023-2024 годов, усилили контроль государства за деятельностью туроператоров и турагентов, ввели электронную путёвку и систему цифрового учёта участников рынка. Это позволило повысить прозрачность финансовых потоков, минимизировать случаи недобросовестной практики и значительно укрепить защиту прав потребителей [2].

Комплекс правового регулирования туристической сферы включает широкий спектр подзаконных нормативных актов. Среди них особое место занимают постановления Правительства Российской Федерации, регулирующие порядок лицензирования, классификации средств размещения, предоставления государственной поддержки и субсидий субъектам туризма. Например, Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2024 г. № 535 утвердило меры государственной поддержки инфраструктурных проектов в сфере внутреннего и въездного туризма, включая гранты, льготные кредиты и субсидии на строительство гостиниц, туристических баз и маршрутов. Дополняют правовую систему приказы и распоряжения Министерства экономического развития РФ и Ростуризма, устанавливающие правила ведения Единого федерального реестра туроператоров, требования к сертификации туристических услуг и классификации гостиниц. Эти документы конкретизируют положения базового закона, формируя единую, взаимосвязанную систему правового регулирования, направленную на обеспечение качества, безопасности и конкурентоспособности отечественных туристических услуг [3].

С 2022 года действует «Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года», утверждённая распоряжением Правительства № 2569-р. Этот программно-нормативный документ определяет стратегические цели и инструменты государственной политики в сфере туризма. Ключевыми направлениями обозначены развитие внутреннего и въездного туризма, создание туристических кластеров, модернизация инфраструктуры, цифровизация управления и развитие кадрового потенциала. Стратегия предусматривает формирование устойчивой правовой среды, способной адаптироваться к изменениям экономической конъюнктуры, технологического прогресса и международных стандартов. Реализация стратегии увязана с национальным проектом «Туризм и индустрия гостеприимства», в рамках которого разрабатываются многочисленные подзаконные акты. Они направлены на поддержку малого и среднего бизнеса, развитие туристических территорий, внедрение цифровых сервисов бронирования и отчётности, а также на стимулирование социального туризма и повышение доступности отдыха для граждан.

Важным направлением правового регулирования является обеспечение безопасности туристической деятельности. Законодательство предусматривает обязательное страхование ответственности туроператоров, сертификацию туристических маршрутов, аккредитацию гидов и экскурсоводов, а также установление единых стандартов безопасности туристических объектов и транспорта. На федеральном уровне внедрена система мониторинга туристских групп, интегрированная с базами данных МЧС и МВД, что позволяет в режиме реального времени отслеживать маршруты и оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации. С 2024 года реализуется проект добровольной маркировки «Безопасный маршрут»,

призванный повысить доверие туристов к организациям, предоставляющим услуги с подтверждённым уровнем безопасности.

Значительное внимание уделяется цифровизации туристической сферы. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» создаёт основу для внедрения электронных сервисов, защиты персональных данных туристов и электронного документооборота. С 2023 года функционирует система «Электронная путёвка», регулируемая нормативными актами Ростуризма и Минэкономразвития. Она обеспечивает контроль за финансовыми гарантиями туроператоров, упрощает отчётность и делает рынок более прозрачным. В связи с этим были внесены поправки в нормативные требования по информационной безопасности и защите прав потребителей, что отражает стремление государства адаптировать правовое регулирование к современным цифровым реалиям [4].

Неотъемлемой частью государственной политики является координация между уровнями власти. Федеральное правительство формирует стратегические ориентиры, субъекты Федерации разрабатывают региональные программы развития туризма, а муниципальные органы реализуют конкретные мероприятия по благоустройству, продвижению территорий и созданию комфортной среды для туристов. Многие регионы приняли собственные законы о туризме, устанавливающие механизмы государственной поддержки, правила организации маршрутов, порядок использования туристского сбора и взаимодействия с местными сообществами. Такой многоуровневый подход способствует комплексному развитию туризма, учитывая особенности каждого региона.

Государственное управление туристической отраслью направлено на решение целого ряда задач: обеспечение устойчивого роста внутреннего и въездного туризма, повышение качества услуг, развитие предпринимательства, стимулирование инвестиций и защита прав граждан. Важную роль играет и формирование профессиональных кадров – нормативная база предусматривает реализацию федеральных образовательных стандартов, повышение квалификации работников туристской отрасли и развитие системы профессиональной сертификации.

Одним из актуальных направлений государственной политики становится развитие социального и доступного туризма. На федеральном уровне действуют программы льготных поездок для пенсионеров, студентов, многодетных семей и граждан с ограниченными возможностями здоровья. Эти программы опираются на нормативные документы, регламентирующие порядок предоставления субсидий и прозрачность использования бюджетных средств. Тем самым государство стремится создать инклюзивное туристическое пространство, где каждый гражданин имеет возможность реализовать своё право на отдых и путешествия.

Отдельного внимания заслуживает экологический аспект туризма. Федеральный закон «Об охране окружающей среды», Водный и Лесной кодексы Российской Федерации определяют правовые рамки использования природных ресурсов в туристических целях, устанавливают требования к организации экологически безопасных маршрутов и к деятельности на особо охраняемых природных территориях. Государственные программы по развитию экотуризма направлены

на баланс между рекреационной нагрузкой и сохранением природных комплексов, предусматривают механизмы контроля за антропогенным воздействием и поддержку экологически ответственных форм туризма.

В современных условиях основная задача государственного регулирования заключается не только в контроле и надзоре, но и в стратегическом развитии туристической отрасли. Государство стремится к созданию благоприятных условий для бизнеса, внедрению цифровых инноваций, повышению прозрачности и эффективности управления. Эффективность правового регулирования во многом зависит от межведомственного взаимодействия – согласованных действий Министерства экономического развития, Ростуризма, Минфина, МЧС и органов власти субъектов РФ. Такой комплексный подход обеспечивает устойчивость системы, позволяет своевременно реагировать на вызовы современности – от изменения международной обстановки и санкционного давления до необходимости переориентации туристических потоков на внутренний рынок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. – Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2022 № 2569-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года». – URL: <https://www.consultant.ru/>
5. Макаров И. В. Правовое регулирование цифровой экономики в России. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. – 240 с.

УДК 342.2

ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПОИСК БАЛАНСА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Жестков Владимир Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805207@ruc.su

ELECTRONIC EVIDENCE LEGAL REGIMES: FINDING A BALANCE IN AN ERA OF DIGITAL JUDICIAL TRANSFORMATION

Zhestkov Vladimir Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках цифровой трансформации судопроизводства в России формируются специальные правовые режимы для электронных доказательств, которые требуют поиска баланса между технологическими возможностями и традиционными процессуальными гарантиями. Особое внимание уделяется вызовам, связанным с обеспечением допустимости, достоверности и сохранения целостности электронных доказательств в условиях развития онлайн-правосудия,

включая проблемы цифрового неравенства и создания среды доверия. На основе комплексного анализа определяются перспективные направления совершенствования законодательного регулирования, направленные на достижение баланса между эффективностью цифрового судопроизводства и надежными гарантиями защиты прав участников процесса.

Ключевые слова: цифровые технологии, электронное правосудие, электронные доказательства, трансформации судопроизводства, защита прав.

As part of the digital transformation of legal proceedings in Russia, special legal regimes are being formed for electronic evidence, which require a balance between technological capabilities and traditional procedural guarantees. Particular attention is paid to the challenges associated with ensuring the admissibility, reliability and preservation of the integrity of electronic evidence in the development of online justice, including the problems of digital inequality and creating an environment of trust. Based on a comprehensive analysis, promising areas for improving legislative regulation are determined, aimed at achieving a balance between the effectiveness of digital legal proceedings and reliable guarantees for protecting the rights of participants in the process.

Keywords: digital technologies, electronic justice, electronic evidence, transformations of legal proceedings, protection of rights.

В статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» закреплено определение электронного документа как документированной информации в электронной форме, пригодной для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Несмотря на отсутствие прямых противоречий с нормами Гражданского процессуального кодекса РФ, представленная дефиниция обладает ограничительным характером, поскольку не охватывает весь спектр цифровых артефактов, используемых в доказывании. В частности, за пределами правового регулирования остаются такие формы электронных доказательств, как программное обеспечение, скриншоты, смс-сообщения и иные цифровые следы, не обладающие признаками документа в традиционном понимании.

Сложившаяся правовая ситуация демонстрирует фундаментальную коллизию между материальной и цифровой природой доказательств: с одной стороны, электронный файл как носитель информации должен обладать свойствами объективной формы фиксации, присущей вещественным доказательствам, с другой – его цифровая сущность характеризуется нематериальными атрибутами, обеспечивающими трансграничную передачу и автоматизированную обработку. Такой дуализм порождает необходимость формирования специальных критериев легитимации электронных доказательств, включая гарантии их аутентичности, целостности и достоверности при использовании телекоммуникационных каналов. В этой связи представляется целесообразным установление в законодательстве автономного понятия «электронное доказательство», которое бы учитывало его технологическую специфику и создавало единые стандарты использования в судопроизводстве.

Ключевая особенность электронных доказательств, существующих в формате файлов, заключается в их принципиальной реплицируемости – любая последую-

шая копия файла сохраняет полную содержательную и структурную идентичность исходному цифровому артефакту, независимо от физической локализации данных на носителе. Это свойство порождает фундаментальное отличие цифровой среды от традиционной документации: в электронной среде понятия «оригинал» и «копия» утрачивают классическое смысловое наполнение, характерное для бумажного документооборота, поскольку каждая репродукция цифрового объекта обладает той же доказательной ценностью, что и первоисточник.

При признании электронного документа в качестве судебного доказательства решающее значение приобретает не материальный носитель информации (перфокарты, магнитные, оптические или иные устройства хранения), а содержательный компонент – цифровая информация, способная устанавливать значимые для дела обстоятельства. Критически важным аспектом при этом остается соблюдение установленного процессуального порядка фиксации такой информации, поскольку именно легитимность способов получения и сохранения электронных данных обеспечивает их допустимость в качестве доказательств в судебном процессе.

При сравнении информации на электронных носителях с данными других типов документов существенных различий в содержании не обнаруживается. Однако ключевое отличие электронных документов заключается в особой форме представления информации. Эта специфическая форма требует, чтобы содержание было зафиксировано на материальном носителе согласно определенным правилам. Таким образом, хотя суть информации может быть идентичной, формат ее хранения и представления в электронных документах подчиняется строгим требованиям, что и отличает их от прочих видов документации [1, с. 16–17]. В противном случае доказательство не будет принято в производство.

На основании анализа противоречивой судебной практики сформулирован следующий вывод: в договорные условия целесообразно включать специальную клаузулу, устанавливающую, что «электронная переписка, осуществляемая сторонами в рамках исполнения договорных обязательств, а также передаваемые в процессе такой коммуникации электронные документы и их электронные репродукции признаются сторонами обладающими юридической значимостью при их направлении на адреса электронной почты, указанные в реквизитах договора, и могут приниматься в качестве доказательств в соответствии с нормами процессуального законодательства». При отсутствии подобной договорённости в первоначальной редакции договора, правовой пробел подлежит устранению путём заключения дополнительного соглашения.

Введение указанного положения в договорную конструкцию способствует не только формированию доказательственной базы сторонами правоотношений на превентивной основе, но и унификации судебного подхода к оценке допустимости таких доказательств. Актуальность электронных доказательств в современном судопроизводстве обусловлена цифровой трансформацией общественных отношений, однако действующее российское законодательство не содержит систематизированных критериев оценки достоверности цифровых данных, что по-

рождает правовые коллизии при определении их допустимости. Для установления аутентичности электронных доказательств предлагается использовать следующие механизмы: назначение судебной экспертизы с привлечением специалиста в области цифровых технологий, истребование и исследование исходных цифровых носителей информации. Несмотря на возможные сложности технической реализации, данный подход обеспечивает надлежащую проверку доказательств и исключает использование недопустимых материалов в процессе.

В контексте гражданского судопроизводства электронные доказательства проявляются в различных формах: информация, полученная с официальных интернет-ресурсов; данные из локальных информационных систем организаций; переписка посредством электронной почты и мессенджеров; сведения из государственных автоматизированных систем (ГАС «Правосудие», ГАС «Выборы»). Разработка единых стандартов их процессуального оформления представляется необходимой для обеспечения правовой определённости.

На современном этапе судебной практики сохраняется значительная сложность в процессуальном оформлении и представлении электронной информации. Яркой иллюстрацией данной проблемы выступает требование обязательной аутентификации веб-страниц для придания им статуса судебного доказательства. Отсутствие надлежаще заверенного протокола осмотра электронного ресурса неизбежно влечет исключение таких сведений из числа допустимых доказательств. При этом традиционный механизм нотариального заверения далеко не всегда обеспечивает достаточные гарантии сохранности цифрового контента, учитывая лабильный характер интернет-страниц, подверженных постоянным модификациям и потенциальному удалению.

В этой связи приобретает особую актуальность ранее выдвинутый в исследовании тезис о критической важности своевременной и процессуально корректной фиксации электронных доказательств. Современная правоприменительная практика диктует необходимость разработки специализированных протоколов и методик документирования цифровой информации, позволяющих обеспечить ее сохранность и аутентичность до момента рассмотрения дела в судебном заседании.

Оптимизация управления цифровыми уликами между ведомствами представляет собой актуальный вызов. Эффективное взаимодействие требует четкой регламентации обмена электронной документацией среди государственных органов. Для достижения максимальной результативности в данной сфере необходимо включение в процесс квалифицированных документоведов. Решение этой задачи нуждается в особом внимании к механизмам межведомственной коммуникации в цифровой среде [2].

При проектировании системы хранения электронных доказательств ключевое значение приобретает их тематическая классификация, что отмечается большинством экспертов в области цифровой криминалистики. Однако, как демонстрирует успешный зарубежный и отечественный опыт, максимальная эффективность использования информационных ресурсов достигается при реализации интеграционной модели, предполагающей объединение электронных и материальных носителей информации в рамках решения конкретной правовой задачи.

Существенным аспектом представляется возможность дополнения электронного доказательства сопутствующей конструкторской документацией, специфицированной согласно установленной номенклатуре. Такой подход создает предпосылки для комплексной реконструкции рассматриваемой ситуации, обеспечивая пользователя исчерпывающим контекстом. При этом возникает методологическая дилемма относительно обработки гибридных делопроизводственных комплексов, в частности – целесообразности физической распечатки электронных доказательств, интегрированных в СЭД.

Оптимальное решение данной задачи требует тщательного анализа. Стратегически обоснованным представляется подход, при котором формирование полного перечня материальных документов осуществляется после создания базового электронного архива. Это позволяет произвести всестороннюю оценку сложившейся документальной композиции и точечно дополнить ее распечатанными копиями электронных документов исключительно в случаях объективной необходимости, обеспечивая тем самым принцип процессуальной экономии и сохранение доказательственной ценности материалов [3].

Современные тенденции показывают существенное сокращение терминологии в концепции «рабочего процесса» из-за активного развития информационных технологий. Это важная особенность, характеризующая нынешнюю практическую реализацию трудовой деятельности. Когда мы говорим о классическом документообороте, его управление означает контроль за движением документов внутри одной организационной структуры [4].

В ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» применен схожий метод формулирования положений. Согласно данному стандарту, документопоток представляет собой движение документов с момента их создания или получения организацией до момента завершения исполнения или отправки адресату. Такое определение отражает полный жизненный цикл документации в рамках организационной структуры.

Управление документами и доказательствами выходит за рамки внутриорганизационных процессов, что требует четкого разграничения внутреннего и внешнего электронного документооборота. Особую актуальность приобретают вопросы применения в управлении внешней документацией передовых технологий, включая системы метаданных, и их практической реализации.

При формировании доказательственной базы критически важным становится соблюдение критериев допустимости доказательств, обеспечивающих объективность и достоверность процесса доказывания. Под допустимостью понимается соответствие источника доказательств, методов их получения и фиксации установленным законодательным требованиям, что создает правовые основания для использования установленных обстоятельств в судебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворожбит, С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 25 с.
2. Ларин, М. В. Электронные документы в управлении : науч.-метод. пособие / М. В. Ларин, О. И. Рысков. – Москва : У Никитских ворот, 2008. – 208 с.

3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 198–207.

4. Кудайкулов, И. В. Актуальные проблемы правового регулирования электронных доказательств в контексте электронного правосудия : материалы Национальной научно-практической конференции IX Юридические чтения, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2023. – С. 195–200.

УДК 342.2

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕДУР ДОКАЗЫВАНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
ДЛЯ ПРАВОСУДИЯ**

Жестков Владимир Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805207@ruc.su

**ELECTRONIC EVIDENCE IN THE DIGITAL AGE: TRANSFORMING
EVIDENTIARY PROCEDURES AND NEW CHALLENGES FOR JUSTICE**

Zhestkov Vladimir Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В системе современных доказательств цифровые данные признаются полноправным элементом, замещающим бумажные носители. Их доказательственная ценность производна от единства семантического компонента (установочные сведения) и процессуально-технического компонента (способы фиксации, хранения и представления, отвечающие критериям достоверности).

Ключевые слова: признаки доказательства, цифровые технологии, электронные доказательства, правовое регулирование.

In the system of modern evidence, digital data is recognized as a full-fledged element replacing paper media. Their evidential value is derived from the unity of the semantic component (installation information) and the procedural-technical component (methods of fixation, storage and presentation that meet the criteria of reliability).

Keywords: evidence signs, digital technologies, electronic evidence, legal regulation.

Электронные доказательства, по своей правовой природе, не являются непосредственно сведениями о значимых обстоятельствах дела, но представляют собой форму фиксации и передачи информации, имеющей доказательственное значение. Таким образом, они относятся к средствам доказывания, в то время как термин «источники доказательств» выступает для них обобщающей категорией. Ключевым признаком электронных доказательств является содержание информации об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Основными характеристиками электронной формы выступают технические элементы и свойства информационного носителя. Формирование таких доказательств предполагает использование современных электронных средств записи, обработки и передачи данных, что позволяет зафиксировать информацию без

применения традиционной письменной формы. В данном случае физическими носителями выступают не материальные объекты, а электромагнитные поля и технические устройства.

Файл в цифровом формате можно условно определить как «электронный аналог» бумажного документа. При этом операции по регистрации и документированию информации становятся базовым условием придания доказательству юридической силы. Цифровой файл как форма представления доказательства сочетает материальные и нематериальные признаки: сохраняет свойства объекта материального мира, но одновременно обладает способностью к передаче через современные каналы связи, что создает правовые основания для его перемещения и установления тождественности.

Особенностью электронных доказательств является их репродуцируемость: любое количество копий файла полностью эквивалентно оригиналу и соответствует его файловой структуре, независимо от носителя. В отличие от традиционных документов, различие между «оригиналом» и «копией» цифрового документа носит условный характер.

В этой связи при представлении электронного документа в качестве доказательства в суде ключевое значение приобретает не только содержание информации, раскрывающей обстоятельства дела (независимо от носителя – магнитного, оптического и др.), но и соблюдение установленного процессуального порядка её получения и фиксации, исключающего нарушения законодательных требований.

Анализ данных на цифровых носителях показывает отсутствие принципиальных различий в их содержании по сравнению с другими типами документации. Однако ключевое отличие электронных документов заключается в специфических требованиях к формату представления информации. Эта особенность обусловлена необходимостью фиксации контента на материальном носителе в строго регламентированном виде. Сравнивая электронные и традиционные документы, важно подчеркнуть именно эту формальную специфику, а не содержательные аспекты. В противном случае доказательство не будет принято в производство.

Для оценки достоверности сведений, содержащихся в цифровых доказательствах, критически важны процедуры идентификации и подтверждения подлинности электронных документов. Под аутентификацией понимается существующая техническая возможность верификации, позволяющая установить, что содержимое электронного доказательства сохранило свою целостность и не подвергалось модификации. Идентификация – операция по определению факта, свидетельствующего о том, что данный документ действительно был получен человеком, указанного в статусе отправителям.

Критически важным элементом процессуальной деятельности при работе с электронными доказательствами является обеспечение надёжности защиты информации на всех этапах её обработки в компьютерных системах. Несоблюдение установленных требований к безопасности данных может привести к их преднамеренной модификации, утрате или фальсификации, что неизбежно влечёт признание таких документов не имеющими юридической силы. Даже при наличии формальных признаков электронного доказательства, нарушение процедуры

обеспечения целостности информации является основанием для исключения таких материалов из доказательственной базы в ходе судебного производства в силу их процессуальной недопустимости.

Определение достоверности информации, содержащейся в электронном документе, требует проведения комплексной экспертизы, направленной на выявление системы релевантных признаков в соответствии с установленными стандартами. Юридическая сила цифрового документа возникает при одновременном соблюдении двух условий: надлежащего оформления и наличия квалифицированной электронной подписи уполномоченного лица. Согласно п. 2 ст. 160 ГК РФ, законодатель допускает использование электронных документов, заверенных электронной подписью, при совершении сделок в предусмотренных случаях.

Электронная подпись представляет собой уникальный цифровой код, обладающий персонифицированными характеристиками и выполняющий функционал, аналогичный традиционной собственноручной подписи. Ключевой особенностью ЭП является невозможность её механического переноса между документами (в отличие от простого копирования при сканировании), что обеспечивает возможности для: верификации подлинности электронного документа; идентификации субъекта, подписавшего документ.

При положительных результатах проверки подлинности и целостности электронной подписи доказательство признаётся допустимым и может быть принято судом.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что процедура сбора электронных доказательств обладает значительной спецификой, что нашло отражение в ст. 164.1 УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при проведении следственных действий». Законодатель устанавливает обязательные требования: участие специалиста в процессуальных действиях; использование специальных технических средств; соблюдение установленной процедуры копирования информации (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ).

Комплекс экспертных действий по исследованию электронных доказательств осуществляется специалистами в соответствующей области знаний. При этом операции по фиксации доказательств (например, создание скриншотов) производятся следователем самостоятельно или с привлечением заинтересованных лиц, но с обязательным соблюдением процессуальных требований.

Таким образом, обеспечение допустимости электронных доказательств требует не только применения специальных технических средств, но и привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в области компьютерных технологий и цифровой криминалистики, что соответствует современным международным стандартам судебной экспертизы.

Также необходимо учитывать то, что не требуется серьёзных усилий, чтобы максимально оперативно изменить или уничтожить доказательства в электронном формате [1]. Современной следственной практике критически важным становится обеспечение процессуальной надежности при фиксации цифровых доказательств. Методика проведения следственных действий с цифровыми носителями информации требует формирования особых требований, обусловленных

специфическими характеристиками. Мы определили ряд отличительных особенностей, которые необходимо учитывать при работе с электронными доказательствами. К ним относятся: обязательное привлечение квалифицированного эксперта в сфере цифровой криминалистики, поддержание высокой оперативной эффективности, использование специализированного технического оборудования для сохранения и фиксации цифровых следов, а также неукоснительное следование установленным протоколам, гарантирующим аутентичность и целостность извлекаемой информации.

В современном мире наблюдается тенденция применения инновационных технических решений для документирования и аккумуляции доказательной базы. Всё чаще специалисты обращаются к цифровым источникам информации. Анализ коммуникаций в мессенджерах, исследование электронной корреспонденции, а также мониторинг социальных платформ становятся неотъемлемыми компонентами современных методологий сбора фактических данных. В настоящий момент любой субъект хозяйственной деятельности в процессе своего функционирования имеет поток электронных документов и доказательств, кроме того, в процессе функционирования государственных и негосударственных организаций, предприятий и учреждений также формируются различные виды базы данных, которые также могут содержать в себе значимые с точки зрения организации реализации эффективного расследования информационные данные [2].

В сфере цифрового судопроизводства существует ряд технических и безопасных препятствий. Судебные учреждения и граждане зачастую сталкиваются с недостатками в оборудовании, что затрудняет эффективное ведение дел через интернет. Проблемы с безопасностью передачи данных и нестабильностью связи во время видеосессий могут привести к необходимости переноса заседаний, поскольку сложности с коммуникацией мешают адекватно представить стороны процесса. В период пандемии COVID-19, когда карантинные меры принудили суды к переходу на онлайн-формат, стало очевидно, что не во всех случаях имеется достаточное оборудование для подобной деятельности, что вынуждало откладывать многие дела, за исключением тех, что требовали немедленного внимания.

Многие из возникающих трудностей связаны с физическими аспектами или техническими деталями, но их можно преодолеть. Например, интеграция компьютерных систем в судебных учреждениях порождает задачи, касающиеся специализированного обслуживания этих систем. Однако, обновление навыков и дополнительное обучение сотрудников могут эффективно решить эту проблематику.

Хотя участие в судебном процессе через интернет может сэкономить время и деньги для тех, кто в нем участвует, это не идеальный вариант и не может полностью заместить непосредственное общение в зале суда. Важной проблемой является отсутствие физического присутствия, которое может иметь значительное влияние, а также сложности с осмотром физических улик и документов в реальном времени, что несравненно с возможностями, доступными при личной встрече, когда материалы могут передаваться непосредственно между сторонами.

Оценивание эмоционального фона участников судебного разбирательства и выявление влияния сторонних лиц на них представляет сложность для суда, это

особенно заметно когда дело касается свидетелей. В то время как технические недостатки или проблемы соединения можно устранить, человеческая потребность в личном взаимодействии в процессе урегулирования конфликтов остается неизменной и не поддается простому исправлению, ведь она уходит корнями в глубину человеческой природы.

Проведенный анализ позволяет сформулировать обоснованный вывод о том, что установление достоверности информации, содержащейся в электронном доказательстве, требует проведения системной верификации его реквизитов на предмет соответствия установленным стандартным параметрам. Ключевым условием признания юридической силы цифрового документа выступает соблюдение двух взаимосвязанных требований: надлежащего «procedural» оформления и наличия авторизованной подписи уполномоченного лица. Только при одновременном выполнении этих условий электронное доказательство приобретает необходимую процессуальную допустимость и может быть включено в доказательственную базу судебного разбирательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
2. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 198–207.

УДК 340.114.5

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ В РЕАЛИЯХ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Жирнова Юлия Александровна, магистрант

Илюшин Михаил Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su, st810380@ruc.su

PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE REALITIES OF LEGAL ACTIVITY

Zhirnova Julia Alexandrovna, Master's Degree student

Ilyushin Mikhail Mikhailovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы о месте и роле профессионального правового сознания в правовой действительности, образованной системой действия права в обществе, его материальными и идеальными (духовными) элементами.

Профессиональное правовое сознание является наиболее рациональной (реальной) формой правового сознания, обладающая особыми признаками, обусловленными спецификой его формирования и характером осуществляемой профессиональной юридической деятельности.

Ключевые слова: правовое сознание, профессиональное правовое сознание, правовая действительность, субъекты профессиональной юридической деятельности.

The article discusses the place and role of professional legal consciousness in the legal reality formed by the system of law in society, its material and ideal (spiritual) elements.

Professional legal consciousness is the most rational (real) form of legal consciousness, which has special features due to the specifics of its formation and the nature of professional legal activity.

Keywords: legal consciousness, professional legal consciousness, legal reality, and subjects of professional legal activity.

Правовое сознание имеет сложную природу, сочетающую психологические, социальные, культурные, политические и правовые признаки, что породило множество подходов в его понимании и различных аспектов его интерпретации. Одни исследователи акцентируют внимание на его, так называемом, отражательном компоненте, другие на регулятивном, познавательном, аксиологическом, воспитательном и др. Все это совокупно дает основание полагать, что правовое сознание является многоуровневым и многофункциональным феноменом, включенным в социальные связи и отношения, в которых его субъекты, как носители правового сознания порождают и изменяют ту социальную реальность, которая сопряжена с правовыми нормами и их действием в обществе, т. е. правовую реальность.

Особое место в уровне классификаторе форм правового сознания занимает профессиональное правовое сознание – форма правового сознания, обладающая такими признаками, как юридические знания, навыки умения, правовой опыт, убеждения, сформировавшиеся в процессе профессиональной юридической подготовки и деятельности.

Профессиональное правовое сознание – это «естественная среда», ментальная основа правотворчества, применения права и правозащитной деятельности и, как следствие, формирования юридической практики и опыта. В профессиональном правовом сознании аккумулируется профессиональная юридическая деятельность, дающая, так сказать, праву реальную жизнь. Вне профессионального правового сознания, право полноценно в жизни общества не существует, как не существует, например, религиозного учения в практике отправления его культа без священнослужителей или политической идеологии, реализуемой в государстве, без соответствующей политической партии и ее членов, узурпировавших государственную власть или абсолютно доминирующих в политической жизни страны.

Современные государственно-организованные общества, в той или иной степени, являются правовыми, в юридическом смысле, государствами, так как упорядочивают отношения в обществе преимущественно посредством права, а значит нуждаются в юристах – людях, осуществляющих особый вид профессиональной деятельности, связанный непосредственно с правом.

Юриспруденция, как область практической деятельности многогранна и охватывает все стороны общественной и государственной жизни. Профессиональная юридическая деятельность, как и любая иная профессиональная деятельность, качественно возможна только при наличии необходимых знаний, умений и навыков у ее субъектов, которые приобретаются, обобщаются, систематизируются и воплощаются в повседневную практику социального действия права, являющейся неотъемлемой составляющей правовой действительности.

Субъекты профессиональной юридической деятельности являются носителями особой формы правового сознания, которая отражает правовую действительность через призму действующих правовых норм, процедур и правил их претворения в тех или иных правоотношениях. Сама же правовая действительность, есть результат действия права в обществе, посредством его механизма, включающая в себя как материальные, так и идеальные (духовные) элементы права.

Профессиональное правовое сознание является более рациональной (реальной) формой правового сознания, в отличие от обыденного или доктринального правового сознания, так как преимущественно оперирует не домыслами, предположениями, догадками и т.п., а юридическими фактами и убеждениями, вытекающими из правовых регуляторов. Однако профессиональное правовое сознание может характеризоваться значительной степенью стереотипности и привычности, обусловленной как спецификой конкретной юридической деятельности, так и повторяемостью, систематичностью юридических действий и процедур.

Субъекты профессионального правового сознания необязательно должны демонстрировать в своих действиях и бездействиях только лишь правомерные формы поведения. Наличие у субъекта профессионального уровня правового сознания не является гарантией от совершения правонарушений и даже более того, как показывает деликтная правоприменительная практика по отдельным составам правонарушений, процент правонарушителей с юридическим образованием и опытом юридической деятельности достаточно высок и это, во многом, связано с общесоциальными факторами, детерминирующими правонарушения в целом – экономическими, психофизиологическими, социальными, культурными, политическими, этническими и т.п. В этой связи, допустимо говорить, что профессиональное правовое сознание может выступать сдерживающим от совершения правонарушения обстоятельством, но не его обеспечительным условием.

Профессиональное правовое сознание можно образно представить в качестве транслятора юридических знаний и приобретенного юридического опыта через практическую юридическую деятельность во взаимодействии с иными участниками правоотношений. Профессиональная юридическая деятельность многообразна и включает в себя правотворческую, правоприменительную, правоохранительную, экспертно-консультационную, научно-исследовательскую и педагогическую деятельности. Каждый из них отличается своей спецификой, целями, способами и методами осуществления, образуя свою уникальную правовую реальность, как сферу жизни права, но в тесном взаимодействии друг с другом, обеспечивая материальную и идеальную основу правовой действительности. В каждой из видов юридических деятельности ключевыми субъектами выступают носители профессионального правового сознания.

Говоря об особенностях профессионального правового сознания необходимо иметь ввиду то, что его носители зачастую осуществляют профессиональную деятельность сопряженную с реализацией властных полномочий, а это достаточно существенный фактор оказывающий влияние как на процесс формирования и функционирования профессионального правового сознания, так на само качество профессиональной юридической деятельности, в этой связи, в частности,

отдельными исследователями данной проблемы отмечается: «Речь идет о достаточно высоком уровне правового сознания – профессиональном. Деятельность правоприменителя должна строиться (и быть стержневым началом его правосознания) на глубоких осознанных убеждениях: приверженности истине и справедливости как наивысшему идеалу; законности; удовлетворении интересов граждан, общества и государства; приверженности свободе и гуманизму. При этом именно правоприменительная деятельность посредством политических, идеологических и собственно правовых элементов содержания права характеризует уровень, качество и особенности социально-правовой идеологии общества» [1, с. 185].

Осуществление властных полномочий в деятельности субъектов профессионального правового сознания выступает критериальным показателем (характеристикой) этого уровня правового сознания. Реализация задач и функций соответствующего органа публичной власти детерминирует структурные элементы правового сознания – правовую психологию (включая подсознательные компоненты) и правовую идеологию. Например, правоохранительная сфера деятельности субъектов профессионального правового сознания, в праве и правоприменительной деятельности, зачастую, формирует в правовом сознании оценочные установки и правовые позиции обвинительного характера, а также, нередко, базирует в сознании представления о более жесткой, а порой и репрессивной государственной правовой политике, тогда как правотворческая деятельность ориентирует его субъектов на объективность, всесторонность, научность.

В свою очередь, профессиональная деятельность адвокатов (защитников) направлена на оказание профессиональной юридической помощи гражданам и их объединениям (организациям) по защите их прав и законных интересов, что само по себе уже является фактором формирования у его субъектов правозащитной правовой позиции и установок, а в идеологическом плане либерально-правовых воззрений.

Так или иначе любая юридическая деятельность обуславливает специфику правового сознания ее субъектов, служит основой для формирования и функционирования особой его разновидности, свойственного для конкретного вида профессиональной юридической деятельности. Такое правовое сознание, которое становится типичным для определенной профессиональной юридической группы или сообщества, можно определить, как специальное профессиональное правовое сознание. В этой связи, в частности, А. Р. Ратинов отмечает: «Специализированной можно считать совокупность таких элементов правосознания, которое, не имея массового распространения, свойственны отдельным категориям людей с их профессиональной деятельностью» [2, с. 185].

Профессиональное правовое сознание активно взаимодействует с иными видами и формами общественного сознания, тем самым обуславливая синергетику общественного сознания, формирующего правовую действительность в соответствии с объективными условиями социальной среды, в которой формируется и функционирует право, отряжая в нем реальный или ожидаемый уровень и характер общественных отношений. Профессиональное правовое сознание в этом взаимодействии форм общественного сознания аккумулирует связь права с иными

социальными феноменами и тем самым, обеспечивает действие права во всех сферах жизни общества, объективно связанных с правовым регулированием.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что профессиональное правовое сознание является наиболее рациональной (реальной) формой правового сознания, обладающая особыми признаками, обусловленными спецификой его формирования и характером осуществляемой профессиональной юридической деятельности, а также является «естественной средой», ментальной основой правотворчества, применения права и правозащитной деятельности и, как следствие, формирования юридической практики и опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямбушев Ф. Ш. Правовое сознание в механизме правового регулирования общественных отношений : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ямбушев Фаиль Шамильевич. – Нижний Новгород, 2002. – 205 с.

2. Ратинов А. Р. Структура и функции правового сознания // Проблемы социологии права / отв. ред. А. Б. Чяпас. – Вильнюс, 1970. – Вып. 1. – С. 178–187.

УДК 34.03

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Сидорова Анастасия Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; adementieva1997@yandex.ru

LIABILITY FOR UNLAWFUL ACTIONS IN THE SPHERE OF PHARMACEUTICAL ACTIVITIES

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Sidorova Anastasia Yuryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования обусловлена критической значимостью фармацевтической сферы для жизни и здоровья населения, где нарушения создают прямую угрозу безопасности граждан и стабильности рынка. Она усиливается выявленными системными пробелами в законодательстве, прежде всего отсутствием административной ответственности за незаконную фармацевтическую деятельность, не достигающую уголовного порога, что формирует опасный правовой вакуум. Несоразмерность существующих административных санкций (особенно для крупного бизнеса) потенциальной выгоде нарушителей или масштабу возможного вреда снижает эффективность мер воздействия, а практические сложности в доказывании отдельных составов, например, ценовых нарушений, ослабляют контроль. Непрерывный рост рисков, включая распространение фальсификатов и неконтролируемый оборот сильнодействующих препаратов, требует постоянной оценки и совершенствования механизмов ответственности для обеспечения должного уровня защиты общества. Настоящая работа представляет значительный интерес, предлагая конкретные пути решения этих острых проблем путем развития законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: юридическая ответственность, фармацевтическая сфера, производство лекарственных средств, нелегализованная деятельность, механизмы ответственности.

The relevance of the study is due to the critical importance of the pharmaceutical sector for the life and health of the population, where violations pose a direct threat to the safety of citizens and the stability of the market. It is exacerbated by the identified systemic gaps in the legislation, primarily the lack of administrative liability for illegal pharmaceutical activities that do not reach the criminal threshold, which creates a dangerous legal vacuum. The disproportion of existing administrative sanctions (especially for large businesses) to the potential benefit of violators or the scale of possible harm reduces the effectiveness of enforcement measures, and practical difficulties in proving certain offenses, for example, price violations, weaken control. The continuous growth of risks, including the spread of counterfeit products and the uncontrolled circulation of potent drugs, requires constant assessment and improvement of liability mechanisms to ensure the proper level of protection of society. This work is of considerable interest, proposing specific ways to solve these acute problems through the development of legislation and law enforcement practice.

Keywords: legal liability, pharmaceutical sector, production of medicines, unlicensed activities, liability mechanisms.

Сфера производства и обращения лекарственных средств представляет собой область повышенной социальной ответственности и строгого государственного регулирования, что обусловлено прямым воздействием ее результатов на ключевое конституционное благо – жизнь и здоровье населения [1]. Неправомерные деяния в этой сфере не просто нарушают установленный правопорядок; они создают реальную и непосредственную угрозу безопасности граждан, подрывают доверие к системе здравоохранения в целом и дестабилизируют фармацевтический рынок. Постоянное развитие технологий, появление новых лекарственных форм, рост рисков, связанных с фальсифицированными и недоброкачественными препаратами, а также необходимость обеспечения их доступности делают тему юридической ответственности за нарушения в фармацевтической сфере исключительно актуальной. Настоящее исследование сосредоточено на детальном анализе действующих механизмов такой ответственности, закрепленных преимущественно в статье 14.4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] и статье 235.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], с целью выявления их эффективности, пробелов и путей совершенствования.

Центральным элементом административно-правового регулирования ответственности за нарушения в сфере обращения лекарственных средств является статья 14.4.2 КоАП РФ [2]. Введенная в 2013 году, эта норма претерпела значительную эволюцию, отражающую реакцию законодателя на возникающие вызовы, о чем свидетельствуют ее последние редакции, в частности, Федеральные законы от 01.04.2020 № 99-ФЗ и от 28.04.2023 № 175-ФЗ. Анализ текущей редакции статьи позволяет выделить три основных направления правового воздействия. Первое направление охватывается частью 1 статьи, которая устанавливает ответственность за нарушение установленных правил оптовой торговли лекарственными средствами и порядка розничной торговли лекарственными препаратами, за исключением специально выделенных случаев. Эта часть носит характер общей нормы, направленной на обеспечение соблюдения широкого спектра лицензионных требований и условий деятельности: правил хранения, транспортировки, ведения документации, квалификации персонала, запрета на торговлю вне специализированных учреждений (аптек) и т.д. Санкции по этой части отно-

сительно умеренны, особенно для юридических лиц (штраф от двадцати до тридцати тысяч рублей), что может быть объяснимо меньшей непосредственной опасностью таких нарушений по сравнению с другими, более узко специализированными составами, однако их превентивный эффект в условиях высокой рентабельности фармацевтического бизнеса вызывает обоснованные сомнения.

Второе, и чрезвычайно важное направление, закреплено в части 1.1 статьи 14.4.2 КоАП РФ, введенной относительно недавно – Федеральным законом от 28.04.2023 № 175-ФЗ. Эта новелла специально выделяет и существенно ужесточает ответственность за нарушение правил отпуска лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету (сильнодействующие, наркотические, психотропные средства), выразившееся в их отпуске без рецепта врача, при условии отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния. Данное нарушение признается законодателем как обладающее повышенной общественной опасностью в связи с высокими рисками развития зависимости, отравлений, неконтролируемого распространения и использования таких препаратов не по медицинским показаниям. Санкции по части 1.1 значительно строже: для должностных лиц (к которым, согласно специальному примечанию к статье, приравниваются фармацевтические работники) предусмотрен штраф от десяти до двадцати тысяч рублей или дисквалификация на срок от шести месяцев до одного года; для индивидуальных предпринимателей – штраф от пятидесяти до ста тысяч рублей; для юридических лиц – штраф от ста пятидесяти до двухсот тысяч рублей. Введение дисквалификации как меры ответственности для должностных лиц является важным шагом, направленным на пресечение систематических нарушений со стороны ответственных работников аптек. Однако, учитывая масштабы проблемы незаконного оборота рецептурных препаратов и потенциальные доходы от него, размеры штрафов, особенно для крупных аптечных сетей (юрлиц), могут оказаться недостаточными для достижения реального сдерживающего эффекта.

Третье направление административного регулирования представлено частью 4 статьи 14.4.2 КоАП РФ, введенной Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ. Эта норма сфокусирована на защите экономических прав граждан в части доступности лекарств и устанавливает ответственность за реализацию либо отпуск лекарственных препаратов с нарушением требований законодательства об установлении предельных размеров оптовых и розничных надбавок к фактическим отпускным ценам производителей. Уникальность санкции по этой части заключается в ее экономической обоснованности и потенциальной суровости. Для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей штраф исчисляется в двукратном размере излишне полученной выручки от реализации лекарственных препаратов вследствие неправомерного завышения регулируемых государством цен за весь период правонарушения, но не более чем за один год. Для должностных лиц установлен крупный фиксированный штраф – от двухсот пятидесяти до пятисот тысяч рублей. Такой подход, привязанный к незаконно извлеченной экономической выгоде, представляется наиболее адекватным для борьбы со злоупотреблениями в ценообразовании, способным реально повлиять на экономическое поведение субъектов рынка. Однако эффективность данной нормы напрямую за-

висит от возможностей контролирующих органов (Росздравнадзор, ФАС России) в части доказывания факта нарушения предельных надбавок и, что особенно сложно, точного исчисления размера излишне полученной выручки.

В отличие от статей КоАП РФ, регулирующих нарушения в сфере обращения лекарств, статья 235.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, введенная Федеральным законом от 31.12.2014 № 532-ФЗ (в ред. от 24.06.2025), устанавливает уголовную ответственность за принципиально иное деяние – незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий. Объективная сторона преступления заключается в производстве указанных объектов без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда его получение является обязательным. Общественная опасность данного преступления исключительно высока, так как производство вне правового поля означает полное отсутствие государственного контроля за соблюдением требований к качеству, безопасности и эффективности лекарственных средств. Это создает прямую угрозу причинения массового вреда здоровью потребителей. Основной состав преступления (часть 1 статьи 235.1 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет, которое может быть дополнено значительным штрафом (от пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от шести месяцев до двух лет). Часть 2 статьи предусматривает квалифицирующие признаки: совершение деяния организованной группой или в крупном размере (крупным размером признается стоимость лекарственных средств или медицинских изделий, превышающая сто тысяч рублей). Санкция за квалифицированный состав существенно строже – лишение свободы на срок от пяти до восьми лет с возможным дополнительным штрафом от одного до трех миллионов рублей или в размере заработной платы (дохода) за период от одного до трех лет. Установление уголовной ответственности за нелегализованное производство является абсолютно оправданной и необходимой мерой, а конкретизация крупного размера способствует единообразию судебной практики. Угроза реального лишения свободы служит серьезным сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей.

Проведенный анализ действующего законодательства позволяет выявить как его сильные стороны, так и существенные пробелы, и резервы для совершенствования. К несомненным достоинствам следует отнести динамичное развитие норм административной ответственности (ст. 14.4.2 КоАП РФ), оперативно реагирующих на новые вызовы (борьба с незаконным отпуском ПКУ-препаратов, защита от необоснованного завышения цен), а также наличие адекватной уголовно-правовой нормы (ст. 235.1 УК РФ) для пресечения наиболее опасной деятельности – нелегализованного производства. Однако, ключевым системным пробелом является отсутствие в Кодексе об административных правонарушениях специальной нормы, устанавливающей административную ответственность за осуществление фармацевтической деятельности без лицензии, если это деяние не содержит признаков уголовно наказуемого по ст. 235.1 УК РФ производства (например, попытка организации производства, подготовительные действия, производство в объемах, не достигающих крупного размера, незаконная фармацевтическая деятельность, связанная не с производством, а с хранением, перевозкой в

крупных размерах без цели сбыта и т.п.). Это создает правовой вакуум и затрудняет профилактику более тяжких преступлений, лишая контролирующие органы эффективного инструмента воздействия на ранних стадиях нарушения. Для устранения этого пробела настоятельно необходимо введение в КоАП РФ новой статьи, предусматривающей значительные административные штрафы для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, возможность административного приостановления деятельности, а также дисквалификацию для должностных лиц, виновных в организации или осуществлении нелегальной фармацевтической деятельности.

Другим направлением совершенствования является повышение репрессивного потенциала и дальнейшая дифференциация санкций в существующих административных составах. Размеры фиксированных штрафов, предусмотренных частями 1 и даже 1.1 статьи 14.4.2 КоАП РФ для юридических лиц (20-30 тыс. руб. и 150-200 тыс. руб. соответственно), зачастую несоизмеримы с потенциальной выгодой от нарушений или масштабом возможного вреда, особенно для крупных участников рынка. Существенное увеличение нижних и верхних пределов этих штрафов представляется экономически и социально обоснованным. Одновременно логично развить уже заложенный в часть 1.1 принцип дифференциации ответственности в зависимости от степени опасности нарушаемых правил. Целесообразно рассмотреть возможность градации санкций внутри норм об отпуске рецептурных препаратов в зависимости от их категории риска (например, установление повышенных штрафов за отпуск без рецепта лекарств с узким терапевтическим окном, высоким потенциалом злоупотребления или являющихся жизненно важными). Для повышения эффективности нормы о «оборотных» штрафах за ценовые нарушения (ч. 4 ст. 14.4.2 КоАП РФ) критически важно разработать и внедрить детальные, единообразные методические рекомендации для контролирующих органов по выявлению фактов нарушения предельных надбавок и, главное, по объективному и доказуемому расчету размера излишне полученной выручки, а также усилить координацию между Росздравнадзором, ФАС России и правоохранительными органами при расследовании таких нарушений.

Следует подчеркнуть, что меры юридической ответственности, сколь бы строгими они ни были, носят преимущественно ретроспективный характер. Поэтому не менее важным является усиление превентивной составляющей. Это требует совершенствования системы государственного контроля за фармацевтической деятельностью на всех ее этапах – от производства до конечной реализации населению, с активным внедрением риск-ориентированного подхода, позволяющего сосредоточить ресурсы на наиболее проблемных участках и субъектах. Значительную роль в профилактике нарушений играют системы прослеживаемости лекарственных средств, такие как «Честный ЗНАК», эффективность которых нуждается в постоянном повышении. Наконец, фундаментальное значение имеет непрерывное повышение уровня правосознания и профессиональной этики фармацевтических работников через систему последипломного образования, с обязательным включением в программы обучения углубленных модулей по правовым основам и юридическим рискам фармацевтической деятельности.

Таким образом, действующая система ответственности за неправомерные де-

яния в сфере фармацевтической деятельности, основанная на комплексном применении норм КоАП РФ (ст. 14.4.2) и УК РФ (ст. 235.1), демонстрирует определенную целостность и способность к адаптации, о чем свидетельствуют частые и содержательные изменения законодательства в последние годы, направленные на противодействие наиболее острым угрозам – неконтролируемому обороту особо опасных препаратов и необоснованному завышению цен на лекарства. Уголовный запрет на нелегализованное производство является абсолютно необходимым элементом этой системы. Однако выявленные системные проблемы – прежде всего, отсутствие административной «ступени» ответственности за незаконную фармацевтическую деятельность, не достигающую уголовного порога, и недостаточная сдерживающая сила фиксированных административных санкций для крупного бизнеса – требуют незамедлительного законодательного реагирования. Дальнейшее развитие правового регулирования должно идти по пути последовательного устранения этих пробелов путем введения административной ответственности за нелегализованную деятельность, значительного повышения размеров административных штрафов за нарушения правил обращения лекарств с учетом их потенциальной опасности и экономической целесообразности, и глубокой методической проработки вопросов правоприменения, особенно в части сложных экономических составов. Только такой комплексный подход, сочетающий эффективные, дифференцированные и экономически обоснованные меры ответственности с усилением государственного контроля и профилактики, способен обеспечить необходимый уровень законности и безопасности в этой жизненно важной для общества сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.07.2020 № 5-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации, 04.07.2020. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=0&rangeSize=1>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Официальный интернет-портал правовой информации, 07.07.2025. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024070700XX?index=0&rangeSize=1>. – Ст. 14.4.2.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации. – 24.06.2025. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024062400XX?index=0&rangeSize=1>. – Ст. 235.1.
4. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 19.04.2010. – № 16. – Ст. 1815; Официальный интернет-портал правовой информации, 24.06.2025. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024062400XX?index=0&rangeSize=1>.

УДК 336.1

ТЕНДЕНЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Асанкина Елена Львовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; e.asankina@gmail.com

TAX POLICY TRENDS IN MODERN RUSSIA

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Asankina Elena, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена изучению общих тенденций налоговой политики на современном этапе в период с 2020–2025 гг. Анализируются внутренние и внешние процессы, которые сказались на налоговой политики Российской Федерации. Исследуются значимые изменения, обозначенные отечественными исследователями современных налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налоговая политика, налог, налоговые правоотношения, субъект налогообложения, налоговые льготы, санкционная политика.

This article examines general trends in tax policy at the current stage, from 2020 to 2025. It analyzes internal and external processes that have impacted tax policy in the Russian Federation. Significant changes identified by Russian researchers of modern tax legal relations are explored.

Keywords: tax policy, tax, tax relations, taxable entity, tax incentives, sanctions policy.

Налоговая политика представляет собой комплекс мероприятий, через которые раскрывается государственное управление в финансово-правовом секторе. На современном этапе Российская Федерация столкнулась с целым спектром проблем, изменивших социальную реальность.

Изучение современных тенденций налоговых правоотношений обращает нас к рассмотрению влияния конституционной реформы 2020 года. Отметим, что большинство исследователей не отмечают каких-либо существенных изменений в рассматриваемых позициях. Взаимосвязь конституционной реформы и налоговых правоотношений прослеживается в определении приоритетных позиций публичной власти. Так, например, это может отразиться в индивидуальном отставке члена Правительства, в том числе отвечающего за вопросы налоговой политики в стране. Столь значимые позиции современного понимания юридических правоотношений дают нам основания утверждать, что налоговые правоотношения опираются на Конституцию РФ, которая является одним из источников налогового права.

Среди последних социально-экономических процессов, повлиявших на налоговые правоотношения отечественные исследователи выделяют следующие обстоятельства: санкционная политика ряда зарубежных государств, влияние новой коронавирусной инфекции, трансформация самой налоговой политики и информатизация современного общества.

Под экономическими санкциями понимаются социальные, экономические, производственные мероприятия иностранных государств, которые подрывают экономическую безопасность страны и препятствуют ее развитию. Налоговая политика и трансформация налоговых правоотношений выступили мерой снижения последствий санкционной политики, которая повлекла рост цен. Кризисное положение технологичных и наукоемких производств.

Среди основных мероприятий выделяются:

- поддержка малого и среднего бизнеса, признание упрощенной системы налогообложения в упрощенном режиме;
- введение налоговых каникул;

- налоговые льготы и освобождение IT-компаний, расчет налоговой задолженности с учетом курса валют;
- возврат НДС в более короткий промежуток времени;
- уменьшение транспортного налога для транспортных средств стоимостью менее 10 млн руб.;
- налоговые послабления для новых территорий;
- изменение сроков по представлению деклараций.

Присоединения новых территорий, безусловно не могли не отразиться на налоговой политике государства. Прежде всего на официальном сайте УФНС появилась полная информация как пройти регистрацию и подтвердить статус юридического лица. Статус налогового резидента для субъектов можно получить с помощью специального информационного сервиса [1]. Налоговые ставки отличаются в зависимости от территории и содержат преемственность юридических требований. Кроме того, в отношении основных налогов, на вновь присоединённых территориях утвержден переходный период. В этот период определяются особые условия по отношению к налоговому контролю. Ряд налогов вступили в силу только с 01 января 2024 года.

Как механизм поддержания налогоплательщиков в условиях санкций, отметим, меры поддержки сельскохозяйственных производителей. Фактически, современная ситуация обозначила особый статус налоговых правоотношений для сельскохозяйственных производителей, поскольку данные правоотношения имеют особое значение для продовольственной безопасности страны. Анализ современного законодательства позволяет нам выделить тенденции, определяющие налоговые правоотношения в данной области:

- модернизация ЕСХН, введение упрощенного порядка перехода на данный вид налогового режима;
- новшества, связанные с уплатой сельхозпроизводителями НДС;
- расширение субъектов, кто может использовать ЕСХН, включение в данную категорию тех, кто занимается переработкой и хранением.

Условия санкционной политики оказывают существенное влияние на налоговые правоотношения через внешнеэкономический рынок, а именно во взаимосвязи с валютным регулированием. Валютная и налоговая политики государства – это звенья одной цепи, которые взаимосвязаны, фактически, налоговая политика может определять валютный режим, устанавливать механизмы внешнеэкономического влияния на российский рынок, обуславливать инвестиционную политику. Изучая данный вопрос отметим исследование Ишханова А. В. и Линкевич Е. Ф., которые представили налоговые инновации, имеющие положительный эффект для экономики России [2]. Связаны эти предложения с введением налогов на продажу валюты. Отметим, что подобная ситуация существовала в России до 1998 года. По мнению авторов, в России долгое время существовала валютная политика, которая направлена на максимальное получение прибыли от продажи энергоносителей, а не на стимулирование инвестиционной активности.

Основное предложение авторов опирается на идею ведения налоговой и валютной политики с учетом специфики российской ментальности, исторического

опыта, разделения основных целей деятельности Центрального Банка РФ и Министерства финансов РФ, и введение НДС на продажу иностранной валюты. По мнению авторов, это:

1. Обеспечит закупку валюты с выгодой для бюджета, решит проблемы с нелегальным импортом и снизит нагрузку на таможенные пункты.
2. Позволит снизить валютные активы и повысить спрос на активы в драгоценных металлах.
3. Стимулирует физических и юридических лиц хранить свои денежные средства не на валютных счетах, а на счетах рублевых или металлических.
4. Обеспечит положительное влияние на мировые экономические процессы и расчеты.

Санкционная политика потребовала от Российского государства не только введение послаблений в отношении ряда налогов и уменьшения налогового бремени для малого и среднего бизнеса, но и повышение налоговой нагрузки для крупных бизнес-компаний, имеющих высокую прибыль. Введение единовременных налогов обусловлено необходимостью пополнения бюджета и выполнения социальных программ. Для поддержания доверия крупного бизнеса к государству ряд исследователей предлагает не просто повышать налог, а обеспечить участие крупных компаний в реализации социальных программ и проектов. В рамках данного исследования целесообразно отметить, что именно современный уровень развития информатизационных процессов позволит обеспечить действенность и прозрачность данного процесса.

Изменение налоговой системы обуславливает появление новых субъектов финансовых рынков. Много вопросов и споров на сегодняшний день вызывают цифровые деньги. В рамках данной работы остановимся на исследовании, Ю. Крохиной. Она отмечает, что признание правового статуса данного субъекта финансовых правоотношений, позволит увеличить объем поступления в бюджет денежных средств, за счет признания цифровых денег в качестве средства платежа. Некоторые признания отмечаются автором. «Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что Минфин России и ФНС России уподобляют цифровую валюту имуществу. Так, в совместном письме названных финансовых ведомств признается отсутствие специального режима налогообложения доходов физических лиц от операций с цифровыми активами. Не видя в пробельности налогового законодательства проблемы и исходя из необходимости реализации фискальной функции, в письме разъясняется невозможность применения налоговых льгот для дохода, полученного от реализации криптовалюты. В другом письме Минфин и ФНС полагают обоснованным рассчитывать налогооблагаемую базу по НДФЛ от продажи криптовалюты аналогично доходу от реализации иного имущества: как превышение общей суммы доходов, полученных налогоплательщиком в налоговом периоде от продажи, соответствующей криптовалютой, над общей суммой документально подтвержденных расходов на ее приобретение» [3].

Мы поддерживаем точку зрения Крохиной Ю. Н., что не признание цифровой валют в качестве средства платежа ведет к тому, что бюджет недополучает

огромную сумму средств в виде налогов. На сегодняшний день назрела необходимость определения статуса цифровых денег в качестве финансового средств, определения механизмов их ликвидности и определения стоимости, постольку данные характеристики влияют на юридически значимые факторы, среди которых определение объема налогооблагаемой базы, процента уплаты, определение ущерба в спорных ситуациях.

«В условиях отсутствия непротиворечивого правового регулирования статуса цифровой валюты и режимов ее налогообложения, налогоплательщик-организация может предпринять попытку самостоятельно квалифицировать цифровую валюту (деньги (валюта), финансовый инструмент или имущество), закрепить этот выбор в учетной политике, но только в целях своего налогового и бухгалтерского учета. Применительно к сумме налоговой обязанности фиксация цифровой валюты в учетной политике имеет нейтральный результат. Относительно НДС выбор налогоплательщика очевиден: операции с деньгами (валютой) и финансовыми инструментами не подпадают под действие этого изъятия. Однако следует предостеречь владельцев виртуальных активов, что у налоговых органов может быть иной подход к пониманию экономической сущности осуществленных операций с цифровой валютой, особенно если выбор налогоплательщика снижает поступления в бюджет. В ситуации малого количества судебных споров по вопросам налогообложения рассматриваемого объекта предсказать позицию суда также не представляется возможным» [3].

Проанализированные новшества в реализации налоговых правоотношений дают основания предположить, что современные вызовы и тенденции напрямую влияют на структуру и содержание налоговых правоотношений. Основа налоговых правоотношений является устойчивой и опирается на: приоритет Конституции РФ; соразмерность и посильность налогового бремени для налогоплательщиков; недопустимость установления налогов, нарушающих конституционные права граждан; защиту прав налогоплательщиков, всеми способами, установленными Конституцией РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная налоговая служба. – Официальный сайт. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/new_region/
2. Ишханова А. В., Линкевич Е. Ф. Валютные эффекты применения налоговой политики / Вестник Волгоградского государственного университета. – 2022. – № 3.
3. Крохина Ю. Н. Налогообложение цифровой валюты: баланс частных и публичных интересов в условиях санкционного режима/Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 3. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49830680>

УДК 347

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Кулагина Екатерина Викторовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; kkat.02@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION AS A KEY TREND IN THE DEVELOPMENT OF EXECUTIVE POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Kulagina Ekaterina Viktorovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ цифровой трансформации как ключевой тенденции развития исполнительной власти в Российской Федерации. Автор исследует сущность и содержание данного явления, разграничивая его со смежными понятиями, такими как «цифровизация», «автоматизация» и «электронное правительство». Рассматриваются теоретические модели цифровой трансформации, ключевые технологии, лежащие в ее основе, а также зарубежный опыт ведущих стран в данной сфере. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, регулирующей процессы цифровой трансформации в России, выявлению системных проблем и противоречий. На основе проведенного исследования формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию как правового регулирования, так и практической реализации цифровой трансформации органов исполнительной власти, направленные на повышение эффективности государственного управления, его прозрачности и качества предоставления публичных услуг.

Ключевые слова: цифровая трансформация, исполнительная власть, государственное управление, электронное правительство, цифровая экономика, государственные услуги, искусственный интеллект, нормативно-правовая база, зарубежный опыт, эффективность.

The article provides a comprehensive analysis of digital transformation as a key trend in the development of executive power in the Russian Federation. The author examines the essence and content of this phenomenon, distinguishing it from related concepts such as "digitalization", "automation" and "e-government". Theoretical models of digital transformation, key underlying technologies, as well as foreign experience of leading countries in this field are considered. Particular attention is paid to the analysis of the regulatory framework governing digital transformation processes in Russia, identifying systemic problems and contradictions. Based on the research, specific recommendations are formulated to improve both the legal regulation and the practical implementation of the digital transformation of executive authorities, aimed at increasing the efficiency of public administration, its transparency and the quality of public services.

Keywords: digital transformation, executive power, public administration, e-government, digital economy, public services, artificial intelligence, regulatory framework, foreign experience, efficiency.

Актуальность темы цифровой трансформации исполнительной власти в современной России сложно переоценить. В условиях глобальной технологической революции и перехода к цифровой экономике способность государства эффективно использовать передовые информационные технологии становится критическим фактором национальной конкурентоспособности и суверенитета. Цифровая трансформация выступает не просто инструментом оптимизации внутренних процессов, но и стратегическим ресурсом для кардинального повышения качества жизни граждан, создания благоприятного делового климата, обеспечения национальной безопасности и открытости государства для общества. Значение данного процесса прямо закреплено в ключевых документах стратегического планирования. Так, Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определяет в качестве одной из национальных целей «цифровую трансформацию», призванную

обеспечить, среди прочего, высокое качество и доступность государственных услуг [1]. Более детально эта задача раскрывается в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», которая концентрируется на создании необходимой инфраструктуры, разработке цифровых платформ и подготовке кадров, тем самым формируя основу для трансформации всего государственного аппарата [2]. Таким образом, цифровая трансформация исполнительной власти является не факультативным мероприятием, а императивом, от успешной реализации которого зависит достижение стратегических национальных приоритетов.

Для глубокого понимания предмета исследования необходимо обратиться к сущности и содержанию понятия «цифровая трансформация государственного управления». В научной литературе присутствует множество трактовок. Например, А. Н. Швецов и В. Н. Южков понимают под ней «коренное изменение моделей деятельности органов государственной власти, их внутренних и внешних взаимодействий на основе использования цифровых технологий, приводящее к качественному повышению эффективности управления» [3, с. 45]. М. В. Силантьева акцентирует внимание на культурном аспекте, определяя цифровую трансформацию как «глубокий организационный и культурный сдвиг, который перестраивает операции, процессы и модели предоставления услуг государственными органами вокруг цифровых технологий и данных» [4, с. 12]. Зарубежные исследователи, такие как Т. Х. Давенпорт и Дж. Уэстерман, рассматривают ее как «адаптацию организационных стратегий, структур и возможностей к новым цифровым реалиям для создания публичной ценности» [5, р. 78]. Анализируя приведенные точки зрения, можно сделать вывод, что большинство авторов сходятся в том, что цифровая трансформация выходит далеко за рамки простого внедрения технологий. Она предполагает фундаментальную перестройку всей системы государственного управления. На основании проведенного анализа, мы считаем целесообразным сформулировать собственную позицию: «цифровая трансформация исполнительной власти – это стратегический, целостный и непрерывный процесс глубинной реорганизации деятельности органов исполнительной власти, инициируемый широким внедрением цифровых технологий и ориентированный на данные, который приводит к радикальному изменению бизнес-процессов, организационной культуры, моделей взаимодействия с гражданами и бизнесом, и, как следствие, к многократному росту эффективности, прозрачности и качества реализации государственных функций и предоставления публичных услуг».

В данном контексте крайне важно разграничить смежные, но не тождественные понятия. По нашему мнению, «автоматизация» представляет собой техническую замену ручного труда машинным для выполнения повторяющихся операций, что повышает скорость и снижает количество ошибок, но не меняет сути процессов. «Цифровизация» – это перевод аналоговой информации в цифровую форму и создание цифровых версий существующих процессов (например, оцифровка документооборота), что является необходимым, но недостаточным условием для трансформации. «Электронное правительство» (e-government) – это,

главным образом, концепция предоставления государственных услуг в электронном формате через интернет-порталы, фокусирующаяся на взаимодействии «правительство-гражданин» (G2C) и «правительство-бизнес» (G2B). В то время как «цифровая трансформация» является наиболее широким понятием, включающим в себя все предыдущие как элементы, но нацеленным на сквозную перестройку всей системы управления, изменение самой парадигмы государственного администрирования, где данные становятся ключевым стратегическим активом, а услуги – проактивными и персонализированными.

Для оценки прогресса в этом сложном процессе используются различные модели и подходы, среди которых наиболее распространены модели зрелости цифровой трансформации. Классическая модель, например, предполагает последовательное прохождение этапов:

- 1) наличие веб-сайта;
- 2) предоставление интерактивных услуг;
- 3) транзакционное взаимодействие;
- 4) интегрированное и проактивное предоставление услуг.

Мы полагаем, что подобные линейные модели полезны для первичной диагностики, но не в полной мере отражают системность трансформации. На наш взгляд, более релевантной является многомерная модель, оценивающая зрелость одновременно по нескольким осям: технологическая (уровень внедрения AI, Big Data, облаков), процессная (степень реинжиниринга бизнес-процессов), кадровая (наличие цифровых компетенций и культуры), нормативная (адаптивность правового поля) и ценностная (ориентация на создание публичной ценности). Только сбалансированное развитие по всем этим направлениям позволяет говорить о подлинной цифровой трансформации, а не о точечных успехах.

Ключевыми технологическими драйверами данной трансформации выступают облачные технологии, обеспечивающие:

- масштабируемость и экономическую эффективность ИТ-инфраструктуры;
- большие данные (Big Data), открывающие возможности для прогнозной аналитики и принятия управленческих решений на основе объективных данных;
- искусственный интеллект, способный автоматизировать сложные когнитивные задачи (например, анализ обращений граждан или проверку отчетности);
- блокчейн, предлагающий механизмы для обеспечения доверия, прозрачности и неизменности данных в таких сферах, как госзакупки и реестровая система;
- интернет вещей (IoT), позволяющий в режиме реального времени отслеживать состояние инфраструктуры и окружающей среды.

По нашему убеждению, синергетический эффект возникает именно при комплексном применении этих технологий, когда, например, данные с IoT-датчиков обрабатываются с помощью AI в облачной среде, а результаты фиксируются через блокчейн, создавая принципиально новые, интеллектуальные системы управления городским хозяйством или транспортом.

Безусловно, России необходим взвешенный учет зарубежного опыта. Лидером в этой области по праву считается Эстония с ее концепцией «цифрового государства-как-сервиса», где сквозная цифровая идентичность (ID-карта) позволяет гражданам получать свыше 99 % государственных услуг онлайн, а принцип

«единожды предоставленные данные» избавляет от необходимости многократно подавать одну и ту же информацию в разные инстанции [6]. Сингапур и Южная Корея демонстрируют высочайший уровень интеграции данных и развития искусственного интеллекта в государственном управлении, делая акцент на проактивном предоставлении услуг. Великобритания, в свою очередь, является примером сильного централизованного подхода через единый портал GOV.UK и стандартизацию цифровых услуг. Анализ успехов этих стран позволяет выделить универсальные факторы успеха: сильное политическое лидерство, ориентированность на потребности пользователя (user-centric approach), развитая цифровая инфраструктура, комплексное законодательство о цифровых данных и их защите, а также инвестиции в развитие цифровых компетенций госслужащих и населения.

Применительно к российским условиям, наиболее релевантным представляется опыт Эстонии в части построения межведомственного электронного взаимодействия и создания защищенной цифровой идентификации, а также опыт Сингапура в области управления на основе данных. Однако, по нашему мнению, слепое копирование невозможно в силу различий в масштабах страны, исторически сложившейся системе управления и правовой культуре. Ключевой урок заключается в том, что технология – лишь инструмент, а главное – это политическая воля и системное преобразование управления.

Нормативно-правовая база, регулирующая цифровую трансформацию исполнительной власти в РФ, представляет собой динамично развивающийся, но пока еще не до конца сформированный массив документов. Ее основу составляют Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также «стратегические» Указы Президента и Постановления Правительства, о которых упоминалось в начале статьи. Знаковым событием стало принятие Федерального закона от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О цифровых инновациях в Российской Федерации» (т.н. «закон о регуляторных песочницах»), который создал правовые условия для экспериментального внедрения прорывных цифровых технологий. Однако, по нашей оценке, нормативная база страдает от ряда системных проблем.

Во-первых, это фрагментарность и отсутствие единого системообразующего закона о цифровой трансформации публичного управления, который бы закрепил ее принципы, цели, механизмы и разграничил ответственность.

Во-вторых, наблюдаются многочисленные коллизии, когда традиционные отраслевые нормы (например, в сфере лицензирования, отчетности) блокируют возможность применения цифровых технологий, требуя исключительно бумажные документы или личное присутствие.

В-третьих, сохраняется правовая неопределенность в отношении статуса данных, создаваемых с помощью AI, использования алгоритмов для принятия административных решений и защиты персональных данных в условиях их агрегации и анализа.

В связи с этим, мы предлагаем следующие рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы:

1) Разработать и принять Федеральный закон «Об основах цифровой трансформации публичной власти в Российской Федерации», который бы установил единые «правила игры».

2) Провести масштабную «цифровую инвентаризацию» всего законодательства с целью выявления и устранения норм, препятствующих цифровизации.

3) Закрепить на законодательном уровне понятия «цифровой профиль гражданина», «суперсервис», «регуляторная песочница», а также установить правовой статус решений, принятых с применением искусственного интеллекта.

Что касается ключевых направлений и проблем цифровой трансформации исполнительной власти в России, то здесь можно выделить несколько приоритетов. Основными направлениями являются: развитие Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ) и создание на его основе «суперсервисов» – интегрированных межведомственных сервисов, ориентированных на жизненные ситуации (например, «Рождение ребенка», «Потеря работы»); построение архитектуры данных и создание Единой системы управления данными исполнительной власти; внедрение сквозных цифровых технологий (AI, Big Data) в процесс принятия управленческих решений; цифровизация контрольно-надзорной деятельности (внедрение риск-ориентированного подхода и технологий). Однако на этом пути возникает множество проблем. Главной из них, на наш взгляд, является не технологический, а человеческий и организационный фактор: сопротивление изменениям со стороны части госслужащих, недостаток цифровых компетенций, сохранение «ведомственных барьеров» и «силосных ям» (data silos), когда министерства и агентства не желают делиться данными. Другими серьезными проблемами являются цифровое неравенство регионов, вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных, а также недооценка важности реинжиниринга бизнес-процессов, когда новые технологии просто «накладываются» на устаревшие и неэффективные процедуры.

В качестве рекомендаций по совершенствованию процесса цифровой трансформации мы считаем необходимым предложить следующие конкретные меры.

Во-первых, внедрить систему обязательной оценки регулирующего воздействия (ОРВ) для всех новых законопроектов и нормативных актов с точки зрения их «цифровой дружелюбности».

Во-вторых, создать централизованную, но гибкую систему переподготовки и повышения квалификации госслужащих, сфокусированную не на изучении интерфейсов, а на формировании цифрового мышления и навыков работы с данными.

В-третьих, учредить в структуре Администрации Президента или Правительства РФ мощный Центр управления цифровой трансформацией, наделенный реальными полномочиями по координации, контролю и преодолению ведомственного сопротивления.

В-четвертых, запустить программу «цифровых доноров», когда ведущие в цифровом отношении министерства (например, Минцифры) и регионы (Москва, Татарстан) будут оказывать методологическую и кадровую помощь отстающим.

Эффективность таких мер подтверждается международной практикой: например, в Великобритании ключевую роль в успехе сыграл именно сильный центр – Government Digital Service (GDS).

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы. Цифровая трансформация исполнительной власти в Российской Федерации является объективной и необходимой тенденцией, определяемой как внешними глобальными вызовами, так и внутренними стратегическими установками. Несмотря на наличие позитивных сдвигов, в частности, в сфере предоставления массовых государственных услуг через ЕПГУ, процесс трансформации носит во многом фрагментарный и непоследовательный характер. Ключевыми проблемами остаются институциональные и культурные барьеры, несогласованность нормативно-правовой базы, дефицит цифровых компетенций и недостаточное внимание к фундаментальному реинжинирингу административных процессов. Для преодоления этих барьеров требуется не просто ускоренное внедрение технологий, а реализация комплексной государственной политики, нацеленной на системное преобразование всей модели работы исполнительной власти, где данные и потребности гражданина станут подлинным ориентиром. Успех цифровой трансформации будет определяться не количеством запущенных онлайн-сервисов, а реальным повышением эффективности, прозрачности и подотчетности государства обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30 (часть II). – Ст. 5352.
2. Об утверждении состава подпрограмм государственной программы Российской Федерации «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2021 № 1532-р // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 24. – Ст. 4355.
3. Швецов А. Н., Южков В. Н. Цифровая трансформация государственного управления: теория и практика // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 4. – С. 43–62.
4. Силантьева М. В. Организационно-управленческие аспекты цифровой трансформации исполнительной власти // Право и управление. XXI век. – 2020. – № 3 (56). – С. 10–19.
5. Davenport T. H., Westerman G. Why So Many High-Profile Digital Transformations Fail // Harvard Business Review. – 2018. – Vol. 96, № 4. – P. 72–81.
6. Kattel R., Mergel I. Estonia's Digital Transformation: Mission Mystique and the Hiding Hand. – UCL Institute for Innovation and Public Purpose, Working Paper Series (IIPP WP 2019-08). – 2019. – 35 p.

УДК 336.1

СУБЪЕКТЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Лысенкова Дарья Игоревна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st809166@ruc.su

SMALL BUSINESS ENTITIES IN THE TAX ADMINISTRATION SYSTEM

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Lysenkova Daria Igorevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья рассматривает актуальные вопросы правового положения субъектов малого предпринимательства в системе налоговых правоотношений Российской Федерации. Представляется авторский взгляд на определение значения льготных налоговых режимов для субъектов малого предпринимательства при реализации управленческих задач в государстве, анализируются проблемные вопросы правового регулирования налогообложения субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: налоговое администрирование, специальные налоговые режимы, налоговые правоотношения, государственное управление, субъекты малого предпринимательства, самозанятые граждане.

This article examines current issues regarding the legal status of small businesses within the Russian Federation's tax system. It presents the author's perspective on the importance of preferential tax regimes for small businesses in implementing their management objectives within the state and analyzes problematic issues in the legal regulation of small business taxation.

Keywords: tax administration, special tax regimes, tax legal relations, public administration, small business entities, self-employed citizens.

Налоговое администрирование представляет собой комплекс мероприятий, направленных на планирование налоговой политики, ее реализацию и последующее сопровождение с целью исполнения налогового законодательства как механизма государственного управления. Налоговое администрирование выполняет управленческую, фискальную, контрольную перераспределительную функции в государстве.

Методологическое изучение проблемы позволило определить, что налоговый статус участников налоговых правоотношений имеет субъектную особенность, т.е. всегда важно кто является участником налоговых правоотношений. Налоговое администрирование реализуют три формы налоговой нагрузки для своих субъектов: ослабленную, общую и повышенную. В системе государственного управления особое значение на наш взгляд имеет ослабленная функции, поскольку она выполняет социально-управленческую функции, при которой снижение налогового бремени является поощрительным механизмом.

В современных условия развития социально-правового воспроизводства особое значение приобретает развитие малого предпринимательства. Создание благоприятной среды для развития субъектов малого предпринимательства развитие условий инвестиционного климата – это одна из приоритетных задач государственной политики.

Связано это прежде всего с задачами, которые решают субъекты малого предпринимательства. В экономическом смысле их деятельность обеспечивает около 19,9 % ВВП. В зарубежные практики изучения деятельности субъектов малого предпринимательства, что доля ВВП составляет от 50 до 70 %. В правовом смысле – это весомое направление фискальной политики государства, посредством регистрационных и лицензионно разрешительных функций и уплаты

налогов данная деятельность определяет стабильные показатели общественного развития.

Нормативно-правовая база, регулирующая налогообложение субъектов малого предпринимательства, состоит из разноуровневых источников. Основой нормативного правового регулирования налогообложения малого предпринимательства в России выступает Конституция РФ, во исполнение и в соответствии с которой действуют иные нормативные правовые акты: Налоговый кодекс РФ, федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», другие федеральные законы, принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты РФ, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления [1].

Налоговый статус субъекта малого предпринимательства в Российской Федерации определяется налоговым режимом, который он выбирает. Ведущим нормативно-правовым актом, закрепляющим налоговый статус предпринимателя, а также черты уплаты предпринимателем налоговых платежей в казну государства является Налоговый кодекс Российской Федерации.

Стандартное налогообложение предусматривает оплату комплекса налогов. Наряду с обычным порядком налогообложения в России действуют специальные режимы налогообложения, предусматривающие собой особый порядок исчисления и уплаты налогов. На сегодняшний день в нормативных источниках нет определения «специальный налоговый режим» (СНР). Налоговый кодекс Российской Федерации приводит лишь перечень данного вида нагрузки. Попытки дать определение режиму сводятся к повторению законодательно закрепленного правила, согласно которому специальный налоговый режим применяется наряду с основным и может предусматривать «особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов, предусмотренных статьями 13–15 Налогового Кодекса».

Для более детального изучения объекта исследования связанного с изучением налогообложения субъектов малого предпринимательства, отметим, что чтобы считаться малым, средним или микропредприятием в 2025 году, нужно подходить под это определение по трем основным критериям:

1. Размер дохода
2. Численность работников
3. Доля участия сторонних компаний в уставном капитале

Субъекты малого предпринимательства, выбирая для себя особый правовой режим уплаты налоговых платежей освобождаются от необходимости уплаты целого спектра налогов, они по-прежнему являются плательщиками взносов в социальные внебюджетные фонды. Несмотря на то, что налоги в Российской Федерации отделены от страховых взносов существует ряд юридических признаков, позволяющих отнести налоги и страховые взносы в единую правовую систему налогообложения субъектов малого предпринимательства. Первое это то, что переход на один из льготных режимов налогообложения обязывает уплачивать страховые взносы, второе – то, что администрирование страховых взносов возложено на Федеральную налоговую службу и определяется 32 ст. Налогового

кодекса РФ [2], размеры и тарифы страховых взносов определяются налоговым законодательством основной метод контроля за уплатой взносов является – налоговый контроль. Ответственность за неуплату налогов объединяется с ответственностью за неуплату сборов в том числе (составы уголовного кодекса РФ за неуплату налогов и взносов в крупном размере ст. 198, 199) [3].

Долгое время налоговое законодательство объединяло понятия страховых взносов и налогов на сегодняшний день – это объединение ушло в прошлое, и мы можем говорить о существовании особых режимов внесения взносов в страховые внебюджетные фонды для малого бизнеса.

Методологическая основа рассматриваемого вопроса опирается на отраслевое законодательство по применению упрощенной системы налогообложения и общие вопросы финансового и налогового права.

В Российской Федерации государственная поддержка малого предпринимательства не всегда является целенаправленной и поэтому недостаточно эффективная. В сфере развития малого бизнеса в России существует много правовых, экономических и организационных проблем, которые можно решить путем эффективного использования всего спектра государственного регулирования, включая налоги. Специальные режимы налогообложения являются эффективным инструментом налоговой политики. Однако практика применения специальных налоговых режимов показала ряд негативных тенденций, которые отрицательно влияют на доходы бюджета.

Размер платежей в обязательные фонды социального страхования зависит от вида профессиональной деятельности и предельной величины размера базы. Предельная величина базы – это размер дохода, при достижении которого начинают действовать пониженные тарифы взносов. Этот лимит зависит от средней заработной платы, установленной на год. Однако считать ничего не придётся, поскольку эти величины ежегодно утверждаются Правительством.

Для стимулирования малого и среднего бизнеса к уплате страховых взносов законодатель предполагает возможность уменьшения налоговой базы на величины взносов для субъектов, находящихся на УСН (упрощённая система налогообложения).

Особым правовым положением в системе налогового администрирования занимают самозанятые граждане. Современная правовая действительность говорит о том, что налог на профессиональный доход должен был бы повысить доходы государства. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, отмечается противоречивая ситуация, когда средний и малый бизнес стал реорганизовываться в статус самозанятых субъектов которые уплачивают налог на профессиональный доход.

Самозанятые граждане, применяющие налог на профессиональный доход, могут самостоятельно сформировать свою будущую пенсию. Для этого необходимо подать заявление в Соцфонд удобным для себя способом:

- в личном кабинете на портале госуслуг,
- в отделения СФР,
- в мобильном приложении «Мой налог».

Необходимо ежегодно до 31 декабря вносить добровольные взносы. В 2025

году – минимальная сумма добровольных взносов 59241,60 руб. (1МРОТ*22*12).

Общий анализ вопроса дает основания предположить, что процент тех самозанятых, кто уплачивает страховые взносы не значителен.

Таким образом, мы видим, что законодатель предлагает целый комплекс мероприятий в системе налогового администрирования субъектам малого предпринимательства, однако, социальная действительность обнаруживает целый комплекс проблем, в которых происходит столкновение интересов государства и субъектов налогообложения по вопросу реализации фискальной функции государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шилова А. С. Спорные вопросы налогообложения субъектом малого предпринимательства. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37256004>
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 31.07.1998 № 146–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 1998. – № 25. – Ст. 2954

УДК 34

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Мелешина Анастасия Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st808903@ruc.su

SOCIAL AND LEGAL IMPORTANCE OF LICENSING MEDICAL ACTIVITIES.

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Meleshina Anastasia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Лицензирование медицинской деятельности важная сфера общественной жизни, имеющая конституционную основу. В данной статье рассмотрено социально-правовое значение лицензирования медицинской деятельности и ее роль в обеспечении стабильного и развития общества.

Ключевые слова: разрешительная деятельность, правовое регулирование, законодательство, форма разрешения.

Licensing of medical activities is an important sphere of public life, which has a constitutional basis. This article examines the socio-legal significance of licensing medical activities and its role in ensuring a stable and development of society.

Keywords: permissive activity, legal regulation, legislation, form of authorization.

Административно-разрешительная – это комплекс мероприятий, осуществляемых органами государственной власти по следующим направлениям:

- выдача различных разрешений;
- лицензий;
- сертификатов;

И прочих документов, необходимых для осуществления и регулирования определенных видов деятельности. Данная деятельность направлена на соблюдение законодательства, защиту общественных интересов, безопасности и предотвращение всесторонних угроз общественного здоровья граждан.

При расширенном анализе системы разрешительной деятельности в России выявлены 22 различные формы разрешений.

Их можно делить на типовые формы разрешительной деятельности:

1. Регистрационные действия, имеющие разрешительный характер;
2. Аккредитация;
3. Государственная регистрация;
4. Получение лицензий;
5. Выдача сертификатов соответствия;
6. Согласование официальных документов;
7. Выдача разрешений;
8. Проведение государственной экспертизы.

Также существуют иные формы разрешительной деятельности:

От получения паспорта, проведение всевозможных аттестаций и освидетельствований до распределения социальных гарантий [1].

Проведение разрешительных процедур реализует разрешительные режимы

Реализация всевозможных разрешительных режимов осуществляется посредством проведения разрешительных процедур.

Комплекс мероприятий, необходимых для получения того или иного разрешительного документа и образует разрешительное производство [2].

Роль административно-разрешительной деятельности в государственном регулировании.

Данная опция позволяет органам государственного регулирования держать на контроле беспрекословное соблюдение законов РФ и норм права.

Посредством лицензирования различных видов деятельности государство выступает гарантом защиты интересов населения, путем обеспечения качества выпускаемой продукции [3].

Разрешительная система РФ охватывает несколько направлений своей деятельности:

Проверка соблюдения огромного комплекса необходимых норм и правил, по которым производится выдача всевозможных разрешений.

Выдача всевозможных разрешений имеет некоторые тонкости при нарушении прохождения разрешительных процессов органы государственного регулирования выносят предписания для устранения замечаний, тем самым контролируя все звенья цепи.

Основные принципы:

Закрепление в законодательном порядке всех видов деятельности, подлежащих лицензированию.

Информационная открытость и доступность.

Строгое соблюдение законодательства.

Определение подробного перечня лицензионных требований.

Недопустимость денежной компенсации (за исключением государственной пошлины) за проведение лицензионных мероприятий.

Медицинское страхование – важное направление развития системы охраны здравоохранения граждан в Российской Федерации. Оказание медицинской помощи неотъемлемая часть жизни общества.

Добровольное медицинское страхование (ДМС) дает возможность населению воспользоваться необходимыми дополнительными услугами на коммерческой основе, при недоступности услуг, предоставляемых по полису ОМС.

Обязательное медицинское страхование (ОМС) – вид базового социального страхования, которое доступно гражданам РФ и является неотъемлемой частью социального страхования. Данный вид страхования обеспечивает равные права граждан на получение медицинской помощи.

Социальное страхование в широком смысле этого слова понимается определенная система, которая гарантирует гражданам право на работу, дополнительный доход, равное распределение общественного продукта и социальную защиту, компенсация расходов, оказание социальной функции (работ и услуг).

В узком понимании социальное страхование – это система, которая предоставляет защиту населению Российской Федерации от факторов социального риска. К указанным факторам всевозможные заболевания, несчастные случаи, произошедшие на производстве и бытовые, утрата трудоспособности, уход за ребенком, преклонный возраст, временная нетрудоспособность, смерть родственников.

Особенности обязательного медицинского страхования как составной части государственного страхования заключаются:

1. В формировании страхового фонда, предназначенного для целей ОМС. Он формируется за счет бюджетных средств (трудоспособное население вносит отчисления за неработающее население);

2. Все средства ОМС являются государственной собственностью и изъятию не подлежат.

ДМС может осуществляться как дополнительная функция к ОМС либо самостоятельно. Может быть как индивидуальным, так и коллективным.

Добровольное медицинское страхование является коммерческим видом страхования здоровья граждан.

Преимущество заключается в быстром и комфортном обслуживании пациента, выбор врача и клиники с широким спектром оказываемых услуг. Задача данных программ предоставить максимально качественные услуги в короткие сроки. Полис ОМС предоставляет гарантированную помощь, но спектр услуг ограниченный. Обеспечивая доступность теряется качество предоставляемого сервиса [4].

Таким образом мы наблюдаем построение «двойной» медицины внутри од-

ного учреждения, что порождает конфликт интересов между докторами и пациентами. Принципы равенства и справедливости не соблюдаются при оказании медицинской помощи.

Покрытие ДМС в последние годы показывает значительный рост, опережая инфляцию. Увеличилась доля коммерческих организаций, которые используют внедрение корпоративных полисов добровольного медицинского страхования. В связи с ростом доходов населения выросли и требования, предъявляемые к медицинской помощи, предоставляемой по полисам обязательного медицинского страхования.

В связи с данным обстоятельством государственная система пытается внедрить некоторые элементы, характерные для ДМС:

- Использование телемедицинских консультаций в федеральных центрах городов: Москвы и Санкт-Петербурга:

- Развитие сервиса электронной записи, что делает приём комфортнее и исключает большие очереди.

Существует проблема оплаты в двойном размере медицинских услуг, при условии наличия полиса ОМС и ДМС. Граждане, находящиеся на добровольном медицинском страховании, как правило, используют только услуги данного медицинского полиса. Но при этом оплачивают налоги и для обеспечения ОМС.

Специалисты более высокой квалификации предпочитают трудиться в частных клиниках, где используется система добровольного медицинского страхования, что ослабляет государственную систему.

ОМС остается крепким фундаментом и основой российского здравоохранения, гарантируя соблюдения конституционного строя каждому гражданину страны. Однако, данная система сталкивается с постоянным дефицитом финансирования, особенно ярко это выражено в регионах РФ.

ДМС, в свою очередь, является быстрорастущим сегментом медицинской отрасли. Растет спрос на предоставление качественных услуг, комфорта и сервиса.

В перспективе прогнозируется продолжение роста рынка «платных» услуг, особенно в сегменте индивидуального страхования.

Для системы обязательного медицинского страхования ключевыми векторами развития останутся повышение качества услуг и рациональное использование бюджетных средств, развитие цифровизации.

В текущей модели бесплатного медицинского страхования медицинские организации не несут финансовой ответственности за некачественно оказанную помощь учреждениям. Их роль сводится к экспертизе и выявлению наиболее часто встречающихся нарушений, а финансовые наказания носят административный характер и не компенсирует ущерб пациенту, которому причинен вред, в полном объеме.

На государственном уровне управления необходимо внедрение моделей интеграции между двумя указанными системами.

Рекомендации к интегрированию:

1. Необходима разработка единых клинических рекомендаций и протоколов лечения, обязательных для исполнения как в государственном, так и в частном секторе здравоохранения.

2. Создание единой государственной информационной системы, затрагивающей все организации отрасли здравоохранения.

3. Создание экономически выгодных условий для страховых компаний, реализующие успешные проекты, направленные на улучшение здоровья населения и снижение затрат.

Интеграция ОМС и ДМС является эволюционным процессом, который должен проходить поэтапно и быть ориентированным, прежде всего, на интересы пациента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов А. А. Управленческое право. Административное право. – Москва : Юрайт, 2020. – 448 с.

2. Бабанский Ю. К. Административное право Российской Федерации : учебник. – Москва : Проспект, 2020. – 384 с.

3. Ткачева Ю. А. Курс административного права. – Москва : Норма, 2020. – 480 с.

4. Ившин И. В., Цыганова О. А. Медицинское страхование. – Москва : ИНФРА-М, 2023-176 с.

УДК 34.03

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Поршин Алексей Владиславович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st809168@ruc.su

ON THE QUESTION OF THE INSTITUTE OF RESPONSIBILITY OF MINORS IN THE HISTORY OF ADMINISTRATIVE LEGISLATION

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Porshin Alexey Vladislavovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья рассматривает исторические особенности развития института ответственности несовершеннолетних граждан. Анализируются исторические предпосылки становления ответственности несовершеннолетних и показатели, определяющие различие в подходах к ответственности. Делается правовой анализ исторических упоминаний об административной ответственности, проводятся параллели с современным законодательством.

Ключевые слова: ответственность, несовершеннолетние граждане, история законодательства, источники права.

This article examines the historical features of the development of the institution of responsibility of minors. It analyzes the historical preconditions for the development of juvenile liability and the factors that determine the differences in approaches to liability. It also provides a legal analysis of historical references to administrative liability, drawing parallels with modern legislation.

Keywords: responsibility, minors, history of legislation, sources of law.

Проблема совершения противоправных деяний несовершеннолетними не является новой для отечественного административного законодательства. Вопросы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, действиями (бездействием) которых причинен вред объекту административно-правовой охраны, вызывали тревогу со стороны общества и государства с давних времен.

Институт административной ответственности несовершеннолетних известен дореволюционному отечественному административному законодательству. Следует оговориться, что в Русской Правде, являющейся первым нормативным источником российского законодательства, в котором предусматривались, в том числе и административно-правовые нормы, упоминание об административной ответственности несовершеннолетних отсутствовало. То есть, в период действия в дореволюционной России Русской Правды несовершеннолетние привлекались к административной ответственности на тех же основаниях, что и лица, достигшие совершеннолетия [1, 67].

Первое упоминание о несовершеннолетних как субъектах административной ответственности появилось в 1649 году – в связи с принятием Соборного Уложения. Здесь необходимо пояснить, что в данном историческом памятнике российского права содержались нормы, посредством которых вопросы административной ответственности несовершеннолетних регулировались лишь косвенно.

В период действия Воинского артикула, принятого в 1715 году, минимальный возраст, по достижению которого несовершеннолетние привлекались к административной ответственности, точно определен не был. В контексте такого правонарушения, как мелкая кража, использовался термин «младенец», который в случае осуществления указанного противоправного деяния наказывался родителями розгами [2].

Ситуация изменилась в положительную сторону в 1742 году, когда был принят Указ Сената, в соответствии с которым определялся возраст несовершеннолетних (лица, достигшие семнадцатилетнего возраста). В отношении несовершеннолетних лиц, совершивших правонарушения, не применялся такой вид наказания, как заключение в тюрьме. Так, лицам, осуществившим противоправное деяние в возрасте до семнадцати лет, назначалось только два наказания: 1) сечение розгами и 2) денежное взыскание [3].

Кроме этого, в Указе Сената 1742 года административная ответственность в отношении лиц, совершивших правонарушения в возрасте до семнадцати лет, устанавливалась на основании принципа дифференциации, а именно – для привлечения к административной ответственности учитывался возраст лица, совершившего преступление, и степень тяжести правонарушения [4].

Например, если лицо, находящееся в возрасте до семнадцати лет, совершило правонарушение, относящееся к категории грубого противоправного деяния, пониженные сроки и (или) размер наказания виновному определялись в случае, если правонарушение им совершено впервые. В ситуациях, когда лицом, находящимся в возрасте до семнадцати лет, противоправное деяние осуществлено не в первый раз, правила смягчения наказания не применялись. Следует пояснить, что данное правило распространялось только на совершение несовершеннолетними грубых

правонарушений. Если же несовершеннолетние повторно совершали правонарушения, которые в зависимости от категории не относились к грубым противоправным правонарушениям, им назначалось более мягкое наказание.

Необходимо указать, что с 1744 по 1765 годы к административной ответственности привлекались лица, достигшие на момент совершения противоправного деяния двенадцати лет.

В 1765 году в связи с принятием 26 июня Указа Екатерины II возраст административной ответственности снизился до десяти лет. Не признавались субъектами правонарушения лица, не достигшие десятилетнего возраста; в отношении лиц, осуществивших противоправные деяния в возрасте от десяти до семнадцати лет, административная ответственность наступала только за правонарушения, относящиеся к категории грубых. В Российской Империи субъектом правонарушения признавались лица, достигшие десятилетнего возраста, вплоть до 1917 года [5].

После Октябрьской революции 1917 года кардинальным образом изменилась административная политика в части привлечения к административной ответственности несовершеннолетних. В 1918 году принят Декрет о комиссиях для несовершеннолетних, в соответствии с которым дела об административных правонарушениях, субъектами которых выступали несовершеннолетние, перешли в ведение комиссии для несовершеннолетних.

В Руководящих началах СССР 1919 года содержалось положение, согласно которому лица, не достигшие к моменту совершения правонарушения возраста восемнадцати лет, причинившие вред объекту административно-правовой охраны по неосторожности, подлежали освобождению от административной ответственности, а также освобождению от наказания. К несовершеннолетним применялась только одна форма административно-правового воздействия – возложение ответственности на родителей [6].

В Административном Уставе 1924 года предусматривалось правило о том, что к несовершеннолетним, находившимся на момент совершения правонарушения в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, суд вправе назначить любой вид административного наказания, но при условии смягчения на одну треть срока такого наказания, применяемого к несовершеннолетнему; к лицам, находившимся на момент совершения правонарушения в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, – наказания несовершеннолетним назначались в случаях, когда комиссия приходит к выводу о неэффективности освобождения несовершеннолетнего от административной ответственности. Кроме того, если к несовершеннолетним, находящимся в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, судом назначались административные наказания, срок назначенного наказания сокращался наполовину.

С момента принятия в 1980 году Основ законодательства СССР законодатель предусмотрел возраст административной ответственности – лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Данный возраст характеризуется рядом психологических приобретений, которые нашли свое отражение в праве. С этого периода происходит сознание себя в социальном пространстве и умение строить логиче-

ские связи взаимодействия. Но, в это время еще не созрела моральная сфера личности, поэтому говорить о полном социальном осознании еще рано.

Таким образом, история российского законодательства показывает, что правовой институт ответственности несовершеннолетних граждан в разные исторические периоды имел особые признаки. В основе различий лежали такие категории как возраст, деяние совершенное субъектом и мера воздействия на него. Все эти критерии легли в основу квалификации административных нарушений несовершеннолетних на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда Русская. Том. 2. Комментарии / под ред. Б. Д. Грекова. – Ленинград, 1947. – С. 612.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713–1719 годы / под ред. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 238.
3. Свод законов Российской Империи. Том XVI. Санкт-Петербург, – 569 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том I. 1740–1748 годы / под ред. М. М. Сперанского. Санкт-Петербург, 1830. – С. 417.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVII. 1765 – 1766 годы / под ред. М. М. Сперанского. Санкт-Петербург, 1830. – С. 368.
6. Россинский Б. В. Административное право и административная ответственность: курс лекций. 2-е изд., перераб. – Москва, 2022. – С. 78.

УДК 342.5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ ИСКЛЮЧЕНИЙ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Иванов Михаил Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808608@ruc.su

TOPICAL ISSUES OF APPLICATION OF LEGAL EXCEPTIONS AND WAYS TO IMPROVE THEIR IMPLEMENTATION

Ivanov Mikhail Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Целью исследования является комплексный анализ актуальных проблем, возникающих в правоприменительной практике в связи с использованием правовых исключений, и разработка научно-обоснованных путей оптимизации данного института. В статье детально рассматриваются такие системные дефекты, как отсутствие единой законодательной дефиниции правового исключения, недостаточная стандартизация критериев их применения и риски злоупотребления. Выводы исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности и в процессе дальнейшего теоретического осмысления феномена правовых исключений.

Ключевые слова: нормативная калькуляция, правовое моделирование, модульное законодательство, юридический дизайн, правовые исключения, сложность права, адаптивное регулирование, юридическая инженерия, системное правотворчество.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of current problems arising in law enforcement practice in connection with the use of legal exceptions, and the development of scientifically

based ways to optimize this institution. The article examines in detail such systemic defects as the lack of a single legislative definition of legal exclusion, insufficient standardization of the criteria for their application and the risks of abuse. The conclusions of the study can be used in normative activities and in the process of further theoretical understanding of the phenomenon of legal exceptions.

Keywords: normative calculation, legal modeling, modular legislation, legal design, legal exceptions, complexity of law, adaptive regulation, legal engineering, systemic lawmaking.

Анализ правовых исключений представляет собой одно из наиболее продуктивных направлений современной юридической науки, имеющее фундаментальное значение для развития как доктрины, так и правоприменительной деятельности. Изучение природы исключений выступает в роли своеобразной «лакмусовой бумажки» для понимания сквозных правовых феноменов: методологических основ юриспруденции, сущности права и правовой реальности, а также функционирования судебной системы и особых правовых режимов. Это позволяет выявить их системообразующее влияние на архитектуру права в целом. Работы С. Ю. Суменкова позволяют сделать выводы о том, что фразеологические обороты, связанные с понятием «исключение в праве», составляют терминосистему, отражающую юридическую технику [1].

Проблема актуализации правовых исключений в современных условиях приобретает особую остроту в связи с динамичной трансформацией общественных отношений и появлением новых вызовов. Традиционные нормативные конструкции зачастую оказываются неспособными адекватно реагировать на глобальные тенденции и эффективно разрешать возникающие правовые коллизии, что создает объективную потребность в адаптации исключительных механизмов. С. Ю. Суменков отстаивает позицию, что оговорка и исключение в праве представляют собой два различных, но взаимозависимых понятия [2]. Ученый проводит принципиальное разграничение: оговорка есть элемент юридической техники, работающий с формой нормы, тогда как исключение модифицирует ее нормативно-содержательное ядро, создавая альтернативный режим регулирования.

Опыт Российской Федерации наглядно демонстрирует высокую скорость реакции законодателя на необходимость инкорпорации исключений в нормативную ткань. Эта динамика напрямую обусловлена комплексным влиянием факторов политической конъюнктуры, международной обстановки и внутригосударственных процессов, которые оказывают непосредственное воздействие на векторы законотворческой деятельности.

Альтернативный вариант (более лаконичный): Современная правовая реальность актуализирует проблему адаптации исключительных норм к быстро меняющимся общественным условиям. Стандартные правовые модели часто не успевают за глобальными изменениями, требуя разработки гибких исключительных механизмов. В российском законодательстве эта тенденция проявляется в оперативной интеграции исключений, чутко реагирующей на политические, международные и внутригосударственные вызовы, что подтверждает их значимое влияние на законотворческий процесс.

В феврале 2023 года российское законодательство претерпело значимое изменение: Федеральный закон №52-ФЗ установил нормативное требование к использованию исключительно норм современного русского литературного языка в государственной сфере [3–4]. Ключевой особенностью данного правового акта является предусмотренный им изъятный режим для иноязычных терминов, не имеющих аналогов в русском языке и зафиксированных в авторитетных словарях. Целью законодательной новеллы выступает защита и развитие русского языка как фундаментального компонента культурного суверенитета и национальной идентичности.

Наряду с позитивной тенденцией осознания законодателем необходимости использования исключительных норм, практика их применения выявляет ряд проблемных зон. Особую озабоченность вызывает потенциальная возможность использования исключений в корыстных интересах или для достижения политически мотивированных целей. Подобные злоупотребления способны серьезно подорвать общественное доверие не только к правосудию, но и к правоохранительным органам в целом. Систематическое и неаргументированное применение исключительных механизмов может разрушить веру граждан в справедливость и принцип равенства перед законом.

Для минимизации рисков некорректного применения исключительных норм необходима разработка четких и транспарентных процедур их реализации. В качестве меры обеспечения accountability (подотчетности) может выступать внедрение системы независимой оценки деятельности судей, активно использующих исключения в своей практике. Такой механизм может включать как коллегиальную оценку со стороны других судей, так и экспертизу со стороны внешних специалистов.

Параллельно следует рассмотреть вопрос об установлении конкретных видов ответственности за злоупотребление исключительными нормами. Дисциплинарные производства, внутренние расследования и, в необходимых случаях, судебные процедуры должны обеспечивать адекватную реакцию на выявленные нарушения. Ключевое значение при этом имеют гарантии прозрачности таких процессов и защита прав судей на объективное разбирательство.

Фундаментальным условием является обеспечение независимости правоприменителей от внешнего влияния при сохранении их действий в правовом поле. Квалифицированное и взвешенное применение исключений требует высокого уровня профессиональной подготовки. В этой связи представляется целесообразным внедрение системы регулярного повышения квалификации через специализированные курсы, семинары и тренинги, посвященные тонкостям применения исключительных норм.

Важную роль играет создание площадок для профессионального диалога – конференций, форумов и рабочих групп, где правоприменители могли бы обмениваться практическим опытом и анализировать сложные казусы. Это будет способствовать не только выработке единых подходов, но и формированию общественного диалога вокруг вопросов применения правовых исключений.

Таким образом, проблема предотвращения злоупотреблений исключительными нормами требует сбалансированного подхода, сочетающего механизмы

контроля с развитием профессионального правосознания, что в конечном итоге направлено на укрепление доверия к правовой системе в целом.

Эффективная организация контроля за исключительными решениями требует четкой структуры соответствующих правовых документов. Мы считаем необходимым включать в акты, применяющие исключительные нормы, четыре обязательных компонента. Во-первых, документ должен указывать на конкретное положение, допускающее отклонение от стандартных правил. Во-вторых, важно представить аргументацию, объясняющую причины использования именно этого исключения. Третьим элементом выступает детальное описание мероприятий, реализованных в рамках исключительной процедуры. Завершающим компонентом должно быть определение субъектов или органов, осуществляющих надзорные функции за реализацией принятого решения. Такой подход представляется оптимальным для практического применения исключений в правовой сфере.

Документирование результатов применения исключений и обоснований их использования в юридических документах значительно повышает легитимность принимаемых решений. Эффективность реализации исключительных мер напрямую зависит от четко структурированной системы контроля каждого прецедента. Прозрачность действий правоохранительных структур обеспечивается именно благодаря такому мониторингу, что позволяет отслеживать процесс имплементации исключений. Правоприменитель должен демонстрировать высокий уровень организованности при работе с исключениями – этот фактор трудно переоценить. Подобная тщательность в документировании создает основу для законности и открытости всей правоприменительной практики в данной сфере.

Нормативный акт, содержащий исключительные нормы, должен формулировать исчерпывающие и однозначные критерии их применения. В ситуациях, когда такие исключения сопряжены со значительными правовыми последствиями или затрагивают конституционные права граждан, *imperative* (императивом) становится соблюдение принципа пропорциональности и проявление повышенной правовой осмотрительности.

В контексте образовательных стратегий, направленных на оптимизацию применения правовых исключений, целесообразна интеграция соответствующей тематики в учебные планы юридических вузов. Это может быть реализовано посредством введения специализированного курса или расширения раздела «Юридическая техника» в рамках дисциплины «Теория государства и права». Формирование компетенций в данной области должно стать индикатором профессиональной квалификации юриста.

Существенным институциональным недостатком является отсутствие системной государственной политики по стандартизации и унификации законодательной регламентации исключений. Фрагментарность их регулирования, при отсутствии единой концептуальной основы, создает препятствия для решения межотраслевых задач и порождает коллизии в правоприменительной практике.

Отсутствие доктринально выверенного понимания природы данного правового явления затрудняет достижение консенсуса по межотраслевым вопросам,

что потенцирует юридические противоречия. Ярким примером служит дискуссионный вопрос о юридической силе правового исключения, неопределенность в котором осложняет его практическую имплементацию и толкование. В конечном счете, дефицит комплексного подхода к регулированию данной сферы снижает эффективность института исключений и дестабилизирует правовую систему.

Ключевым дефектом правового регулирования выступает отсутствие легальной дефиниции «правовое исключение», что порождает правовую неопределенность и создает риски судебного произвола. Дивергенция в толковании исключительных норм правоприменительными органами ставит под угрозу реализацию принципа равенства всех перед законом и судом.

Дополнительной проблемой является терминологическая подмена, когда исключения маскируются под иные правовые конструкции. Подобная практика нарушает принцип верховенства права и подрывает доверие к правовой системе. Четкое обозначение исключительного характера нормы способствует осознанному ограничению действия общего правила в конкретных правоотношениях.

Таким образом, сохраняя за правовыми исключениями роль важного инструмента обеспечения гибкости правового регулирования, необходимо добиваться максимальной определенности в практике их применения для минимизации рисков субъективного усмотрения.

Изучение и совершенствование механизма правовых исключений представляет значительный научный и практический интерес, способствуя адаптации правовой системы к вызовам современности. Постоянный мониторинг правоприменительной практики в данной сфере является необходимым условием для достижения баланса между стабильностью права и его способностью адекватно реагировать на динамику общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суменков, С. Ю. Исключения в механизме правового регулирования / С. Ю. Суменков. – Москва : Изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2019. – 135 с.
2. Суменков, С. Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил / С. Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – №6 (119). – С. 30–33.
3. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025. – ISBN 978-5-907877-43-6.
4. Котляров, С. Б. К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. – С. 113–118.

УДК 342.5

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРАВОВЫХ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Иванов Михаил Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808608@ruc.su

TECHNICAL AND LEGAL SPECIFICS OF INTRODUCING LEGAL EXCEPTIONS INTO LEGISLATION

Ivanov Mikhail Sergeevich, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В эпоху усложнения общественных отношений законодатель все чаще прибегает к правовым исключениям как к инструменту «точной настройки» регулирования. В статье обосновывается тезис о том, что эффективность такого подхода напрямую зависит от качества его технико-юридической реализации. Автор вводит понятие «нормативной калькуляции» – метода оценки того, насколько органично исключение интегрируется в существующую нормативную ткань, не создавая «швов» и «разрывов». Предлагается концепция «правового лего», где исключения проектируются как стандартизированные модули, совместимые с базовыми принципами отрасли права. Это позволяет перейти от реактивного внедрения исключений к их стратегическому проектированию.

Ключевые слова: нормативная калькуляция, правовое моделирование, модульное законодательство, юридический дизайн, правовые исключения, сложность права, адаптивное регулирование, юридическая инженерия, системное правотворчество.

In an era of complicated public relations, the legislator is increasingly resorting to legal exceptions as a tool for "fine-tuning" regulation. The article substantiates the thesis that the effectiveness of such an approach directly depends on the quality of its technical and legal implementation. The author introduces the concept of "normative calculation" – a method for assessing how organically an exception is integrated into the existing normative fabric without creating "seams" and "breaks." The concept of "legal lego" is proposed, where exceptions are designed as standardized modules compatible with the basic principles of the branch of law. This allows you to move from the reactive implementation of exceptions to their strategic design.

Keywords: normative calculation, legal modeling, modular legislation, legal design, legal exceptions, complexity of law, adaptive regulation, legal engineering, systemic lawmaking.

Социальный феномен исключения имплантируется в правовое поле через его операционализацию в качестве юридического инструмента. Превращение из умозрительной концепции в действующий нормативный элемент происходит в момент его инкорпорации в законодательный текст. Данная процедура и составляет суть технико-юридического механизма, наделяющего исключение функциональностью.

Рудольф фон Иеринг отмечал в свое время, что использование исключений является неотъемлемым компонентом юридической техники [1]. Впервые из отечественных правоведов об исключениях как о технико-юридических приемах высказывался С. С. Алексеев, который считал, что использование исключений в правилах играет важную роль в создании и оформлении нормативных положений. Он утверждал, что такой технико-юридический прием усиливает нормативность права и повышает его ценность как инструмента регулирования общественных отношений [2].

Работы С. Ю. Суменкова позволяют сделать выводы о том, что фразеологические обороты, связанные с понятием «исключение в праве», составляют терминосистему, отражающую юридическую технику [3]. Научная парадигма С. Ю. Суменкова отводит исключению роль ключевого приема юридической техники. В рамках его подхода осуществляется комплексный анализ данной ка-

тегории: от дефиниции и места в правовом инструментарии до ее классификационной принадлежности. Сквозная идея трудов Суменкова – понимание исключения в качестве гибридного феномена, находящегося на стыке технико-юридического оформления и нормативно-содержательного наполнения. Особый фокус в его исследованиях сделан на раскрытии онтологии этого приема применительно к процессу правотворчества.

Аналогичной позиции придерживается и Т. В. Кашанина, которая относит исключения к приемам правотворческой техники [4]. Тем не менее считаем возможным сделать пометку о необходимости рассмотрения исключения не только как приема правотворческой техники, хоть и наиболее распространенной. В ходе исследования также важно отмечать необходимость и роль исключений при разработке правоприменительных, интерпретационных и договорных актов.

Несмотря на отмеченные сложности, правовые исключения как уникальный регулятивный инструмент вносят существенный вклад в нормативную плотность права, повышая его социальную адекватность и гибкость. Их наличие формирует в законодательстве особый «правовой режим – режим исключительности», который служит основой для создания альтернативных моделей регулирования, отличных от общеустановленных. Данная значимость обуславливает imperative необходимости безупречного технико-юридического оформления исключений.

Ключевая проблема на этом пути связана с использованием «правовой отсылки». Ее применение при конструировании норм-исключений порождает ряд трудностей:

1. Дисперсность локализации. Нормы-исключения редко кодифицированы в едином блоке; они часто рассредоточены по разным разделам одного или даже нескольких правовых актов. Это создает проблему идентификации точного адресата отсылки.

2. Проблема идентификации. Даже при обнаружении отсылки сложность представляет определение того, какой конкретно элемент нормы (гипотеза, диспозиция) подвергается исключению. Недостаточная смысловая автономность отсылаемой нормы может приводить к ситуациям, когда правоприменитель не в состоянии однозначно определить круг охватываемых исключением обстоятельств.

Таким образом, отсылочный способ оформления исключений способен провоцировать правовую неопределенность, затрудняя как толкование, так и применение норм. Принципиально важно отличать исключения от отсылок. Если «исключение» – это содержательная правовая категория, изменяющая регулятивное воздействие нормы, то «отсылка» – сугубо технический прием, механизм ссылки на иную норму без внесения собственного нормативного содержания. Отсылка не является самостоятельным предписанием, а выполняет служебную, интегративную функцию.

Наиболее эффективным техническим приемом для имплементации исключений признается «оговорка». В отличие от отсылки, которая «дробит» исключительное регулирование, оговорка обеспечивает его компактность и смысловую целостность, либо прямо формулируя исключительные условия, либо задавая для них четкие параметры в рамках одной нормы.

С. Ю. Суменков отстаивает позицию, что оговорка и исключение в праве представляют собой два различных, но взаимозависимых понятия [5]. Ученый проводит принципиальное разграничение: оговорка есть элемент юридической техники, работающий с формой нормы, тогда как исключение модифицирует ее нормативно-содержательное ядро, создавая альтернативный режим регулирования. В этом контексте оговорка выступает тем необходимым механизмом (средством объективации), который транслирует исключение из концептуальной плоскости в текст правового документа. Именно поэтому процедура адекватной формализации, то есть выбор оптимальной юридической формы для воплощения исключения, имеет определяющее значение для его дальнейшей функциональности и правоприменительной ясности.

Оптимальным способом внешнего выражения правил и исключений в правовой системе являются нормативные акты, несмотря на то, что вопрос о доминирующей форме права в России до сих пор не решен окончательно. Использование оговорки представляет собой наиболее распространенный и традиционный метод фиксации исключений. Визуальное определение исключения упрощается благодаря оговорке, которая позволяет максимально приблизить исключение к правилу, иногда даже объединяя их в единой фразе, что несомненно имеет положительный эффект [6–7].

Хотя оговорка считается оптимальным методом введения исключений в нормативно-правовые акты, следует учитывать её недостатки. Некоторые оговорки формулируются настолько обширно, что это создаёт сложности в идентификации всех подразумеваемых исключений. Например, Федеральный закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в п. 3 ст. 1 распространяет установленные правила на иностранцев и апатридов, однако делает исключение для ситуаций, регулируемых международными договорами или федеральным законодательством. Такая формулировка, при всех её достоинствах, демонстрирует проблемные стороны оговорок, которые не следует игнорировать при оценке данного юридического инструмента.

Даже юрист с большим опытом сталкивается с трудностями при выявлении всех исключений, присутствующих в законодательной базе России и международных соглашениях. Законодатель, предусматривая такие оговорки, создает своеобразную «подушку безопасности» для ситуаций, когда общее правило не применяется согласно отдельным нормативным актам или договорам. Это можно считать отрицательной стороной юридической практики.

Использование избыточно расширительных оговорок деструктивно влияет на правоприменительный процесс, порождая правовую неопределенность и дискредитируя саму идею исключений как юридического инструмента. В связи с этим, в процессе как договорного конструирования, так и нормотворческой деятельности, необходим принцип «текстуальной точности». Он предполагает отказ от излишне пространных формулировок и достижение максимальной смысловой ясности оговорок. Соблюдение данного принципа является императивом для защиты баланса прав участников правоотношений и обеспечения эффективной имплементации правовых норм.

Отдельную сложность представляет отсутствие единообразия в определении

и систематизации исключений в законодательстве федерального и регионального уровней. В нормативных актах субъектов федерации широко распространена практика использования «каучуковых» формулировок, таких как «за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ». Подобная техника, вероятно, мотивирована стремлением региональных законодателей к формальной универсальности и избежанию коллизий путем отсылки к федеральным нормам. Однако такой подход приводит к обратному результату – создает регулятивные вакуумы и усложняет правоприменение.

Для минимизации данных рисков необходима «конкретизация исключений на уровне регионального закона». Это подразумевает не только прямую ссылку на конкретные статьи федеральных актов, но и проведение предварительной экспертизы на предмет «системной согласованности» текстов. Целью такой работы является устранение дублирования, коллизий и двусмысленностей, что в конечном итоге повышает «нормативную определенность» и качество всего правового массива.

Феномены правотворческой техники, такие как аксиомы, фикции и презумпции, также могут содержать исключения. Однако, аксиома как основополагающее положение, которое принимается без доказательства и считается истинным само по себе, не должна иметь исключений. Аксиома устанавливает основные принципы и предположения, на которых строится правило или теория. Соответственно, если аксиома содержит исключения, то она уже перестает быть аксиомой и превращается в некое нормативно-оформленное правило.

Подводя итог, отметим, что исключения реализуются посредством отсылок и оговорок, которые связывают различные элементы правовых норм и позволяют установить особые условия и правовые режимы. Отсылка является неотъемлемой компонентой юридического моделирования правовых норм. Она выполняет функцию связующего звена, обеспечивая системное взаимодействие нормативных актов. При этом отсылающий способ возможен при наличии исключения в одном из элементов нормы, которое соотносится с остальными элементами данной нормы, находящимися в одном и том же источнике права или даже в другом.

Особое значение в правотворческом внедрении исключений придается оговорке. Ее значимость объясняется не только возможностью изменить содержание или объем действия правовой нормы, но и способностью согласовывать и синхронизировать исключительный характер положения с общим правилом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридическая техника / Рудольф фон Иеринг; сост.: А. В. Поляков. – Москва : Статут, 2008. – 229 с.
2. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1989. – 286 с.
3. Суменков, С. Ю. Исключения в механизме правового регулирования / С. Ю. Суменков. – Москва : Изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. – 135 с.
4. Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
5. Суменков, С. Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил / С. Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – №6 (119). – С. 30–33.

6. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025. – ISBN 978-5-907877-43-6.

7. Котляров, С. Б. К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития : материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. – С. 113–118.

УДК 342.9

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ПРИЗНАКИ, ПРОБЛЕМЫ

Исаев Михаил Ильич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: natali.isaeva_777@mail.ru

LEGAL ENTITIES AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: HISTORICAL ASPECT, SIGNS, PROBLEMS

Isaev Mikhail Ilyich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В научной статье рассматриваются вопросы становления и последующего развития института административной ответственности на различных исторических этапах. Выделяются и раскрываются основные особенности административной ответственности юридических лиц через характерные признаки. Уделяется внимание проблемам, возникающим на практике в ходе применения данного вида ответственности: сложность в установлении вины юридических лиц при совершении ими административного правонарушения, отсутствие достаточности урегулирования такой ответственности для данных субъектов в КоАП РФ. Кроме этого, указывается на значение закрепления рассматриваемого вида ответственности для общества и государства в связи со специфичностью состава правонарушения.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическое лицо, правонарушение, вина, административное наказание, презумпция невиновности.

The scientific article examines the formation and subsequent development of the institution of administrative liability at various historical stages. The main features of administrative liability for legal entities are identified and described through their characteristic features. Attention is paid to the problems that arise in practice when applying this type of liability, such as the difficulty in establishing the guilt of legal entities in the commission of administrative offenses and the lack of sufficient regulation of such liability for these entities in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. In addition, the article highlights the importance of establishing this type of liability for society and the state due to the specific nature of the offense.

Keywords: administrative liability, legal entity, offense, guilt, administrative punishment, presumption of innocence.

Несмотря на то, что многие годы проблема привлечения юридических лиц к административной ответственности оставалась достаточно актуальной, до сих пор ученые-административисты уделяют данному вопросу особое внимание. Это связано в первую очередь с тем, что на сегодняшний момент активно возникают и функционируют юридические лица самых разных организационно-правовых

форм, неправомерная деятельность которых представляет большую степень общественной опасности (в сравнении с физическими лицами) охраняемым законом и интересам как отдельного гражданина, так и государства в целом.

В современном обществе активно развивается рыночная экономика в условиях свободного экономического поля, что приводит к постоянному росту административных правонарушений со стороны юридических лиц. Для государства это чревато негативными последствиями в виде утраты доверия граждан к государственным органам в лице должностных лиц, которые не могут обеспечить им должную защиту от тех последствий, которые наступают в результате противоправных действий организаций.

Если сегодня в статьях КоАП РФ регламентируются вопросы, касаемые административной ответственности юридических лиц, то буквально несколько десятилетий назад такого института законодатель еще не предусматривал. Данный факт дает возможность сделать вывод о том, что по мере становления и развития административной ответственности юридических лиц, названный правовой институт подвергался разного рода совершенствованиям до того момента, как получил свое место в соответствующем законодательстве, приобрел функциональное значение и специфические признаки.

Д. Н. Бахрах отмечает следующее: административная ответственность – особый вид юридической ответственности. В то же время она является частью административного принуждения и обладает всеми его качествами (осуществляется субъектами функциональной власти в рамках внеслужебного подчинения и др.) [1, с. 517].

Из-за того, что достаточно продолжительное время юридические лица не признавались субъектами административного правонарушения, современная теория административного права содержит в себе значительное количество подходов среди ученых-теоретиков, которые привели к длительным дискуссиям относительно данной проблемы. Спорными являются вопросы дефиниционного определения данного понятия, а также правовой регламентации и применения принципов административного права к данному виду юридической ответственности. Кроме того, указанная проблема отягощалась отсутствием единого кодифицированного нормативно-правового акта, объединившего в себе существующие нормы административного права. На сегодняшний день, действующий КоАП РФ, безусловно, регламентирует такие отношения между юридическими лицами и государством, но не в достаточной для этого мере.

Известно, что административная ответственность довольно долгое время вообще не выделялась в самостоятельный вид ответственности, то есть существовала только уголовная ответственность почти до XIX века.

После событий в октябре 1917 года в национальном праве впервые была сформирована категория административной ответственности юридических лиц. Однако, как в последующем показала практика, уровень правосознания, сформированный к тому времени в обществе, был недостаточным для эффективной реализации института административной ответственности юридических лиц.

В результате получило распространение мнение о том, что логично к субъектам административной ответственности относить только физических лиц. Тот

факт, что в правовом поле сложилась такая ситуация, свидетельствует об отсутствии необходимости расширения перечня субъектов юридическими лицами в условиях плановой экономики и отсутствия частных форм собственности.

С середины XX века начинается политика по регламентации правоотношений в различных сферах жизнедеятельности путем формирования правовой базы посредством издания нормативно-правовых актов. В это время законодатель закрепляет и истолковывает в правовом поле понятие юридического лица, как одного из субъектов административной ответственности. Хотя в это время санкции для организаций и применялись, их все равно было относительно немного, так как упор шел на упорядочение отношений между физическими лицами.

После того, как Российская Федерация перешла к рыночной экономике в условиях конкуренции и с развитием частной собственности, появилась и острая необходимость урегулирования вопроса, касаемого привлечения к административной ответственности создаваемых юридических лиц.

Закон не закрепляет понятия административной ответственности юридических лиц, поэтому это определение по-разному формулируют ученые, рассматривающие данный вопрос.

Л. А. Терехова предлагает определять административную ответственность юридических лиц как «разновидность юридической ответственности, выражающейся в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного взыскания к юридическому лицу, совершившему правонарушение» [2, с. 90].

А. Е. Агапкина формулирует следующее понятие: «административное наказание для организаций следует понимать, как законодательно закрепленный механизм, цель которого – обеспечить соблюдение компанией установленных норм и ограничений в рамках их операционной деятельности» [3, с. 135].

Административная ответственность юридических лиц, являясь отдельным правовым институтом, имеет свои специфические признаки:

1) существует целый ряд правонарушений, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть совершены юридическим лицом, и те, за которые может нести ответственность юридическое лицо.

Анализ санкций действующего КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что меры административных наказаний, применяемых к юридическим лицам значительно жестче, чем применяемые к физическим лицам за аналогичные правонарушения. К такому выводу можно прийти исходя из размеров штрафов, которые назначаются для разных субъектов административной ответственности;

2) КоАП РФ также устанавливает, какое именно юридическое лицо при реорганизации будет нести ответственность за совершенное административное правонарушение.

В этом случае проблема может быть в том, что в кодексе нет закрепленных точных критериев, которые устанавливают необходимые границы ответственности организаций при их реорганизации.

3) в КоАП РФ закреплен закрытый перечень видов наказаний для юридиче-

ских лиц. Чаще всего в качестве наказания для рассматриваемых субъектов устанавливается административный штраф.

Иногда штраф устанавливается в таком размере, что организация просто не имеет возможности выплатить его и продолжить функционировать должным образом, так как в ее капитале нет столько свободных средств. С другой же стороны, штраф может назначаться в той сумме, которая не будет достаточной для того, чтобы покрыть, причиненный противоправными действиями юридического лица, ущерб.

Стоит отметить, что Особенная часть КоАП РФ предусматривает наказание в виде административного приостановления деятельности. Оно применяется, когда юридическим лицом совершено довольно серьезное правонарушение, и считается одним из самых эффективных, так как на время прекращается любая деятельность юридического лица, нарушающая законодательство Российской Федерации.

С другой стороны, за время приостановления деятельности юридическое лицо может оперативно устранить все недостатки и нарушения, что позволит ему и продолжить функционирование уже не нарушая закон. В противном случае, такое юридическое лицо будет ликвидировано в принудительном порядке;

4) несмотря на то, что институту административной ответственности юридических лиц присущи все признаки состава правонарушения, характерные для института ответственности физических лиц, у названных признаков есть свои отличительные черты или специфические особенности.

Например, юридическое лицо ни при каких обстоятельствах не может обладать разумом, а, следовательно, и относиться тем или иным образом (с психологической точки зрения) к совершенным правонарушениям. То есть, по отношению к юридическому лицу невозможно использование классического понятия такой категории, как вина [4, с. 209].

Однако, понятно, что каждое юридическое лицо состоит из физических лиц, которые несут ответственность за правонарушения. В этой связи, необходимость назначения административного наказания для юридического лица зависит от того, в какой мере необходимо возместить вред интересам, охраняемым КоАП РФ.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить значимость института административной ответственности юридических лиц для отечественного права, а также общества и государства.

На сегодняшний день законодательство, регулирующее рассмотренную в данной научной статье проблему, не является совершенным: в нем не дается понятия административной ответственности и административной ответственности юридического лица, не урегулированы вопросы по поводу вины юридического лица и так далее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах. – Москва : Норма, 2023. – 800 с.
2. Терехова, Л. А. Особенности административной ответственности юридических лиц / Л. А. Терехова // Молодой ученый. – 2024. – №4 (41). – С. 89–93.
3. Агапкина, А. Е. Теоретико-правовая характеристика административной ответственности

юридических лиц в Российской Федерации / А. Е. Агапкина. // Молодой ученый. – 2024. – № 47 (546). – С. 135–139.

4. Овчинникова, С. А. Административная ответственность юридических лиц как правовой институт / С. А. Овчинникова. // Молодой ученый. – 2023. – № 16 (463). – С. 209–212.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Исаев Михаил Ильич, магистрант

Меркулов Максим Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: natali.isaeva_777@mail.ru; mvm_13@inbox.ru

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF CIVIL SERVANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Isaev Mikhail Ilyich, Master's Degree student

Merkulov Maxim Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье рассматривается институт административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации как в историческом контексте, так и его состояние на сегодняшний день. Проводится анализ оснований привлечения должностных лиц к административной ответственности, указываются виды наказаний, которые предусматриваются в КоАП РФ за правонарушения, совершенные государственными служащими, выделяется классификация таких наказаний по ряду признаков. Кроме того, делается вывод о необходимости постоянного совершенствования изучаемого правового института в связи с его важностью для эффективного функционирования государства.

Ключевые слова: государственная служба, административная ответственность, должностные лица, органы государственной власти, государственные служащие.

This research article examines the institution of administrative liability for civil servants in the Russian Federation, both in its historical context and its current status. It analyzes the grounds for holding officials administratively liable, identifies the types of penalties provided for in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for offenses committed by civil servants, and classifies such penalties based on a number of criteria. Furthermore, it concludes that continuous improvement of this legal institution is necessary due to its importance for the effective functioning of the state.

Keywords: civil service, administrative responsibility, officials, government bodies, civil servants.

Для эффективного и устойчивого развития любого современного государства необходимо установление четкой регламентации существования и функционирования органов государственной власти. От того, насколько данный правовой институт урегулирован, напрямую зависит уровень жизни в стране, экономическая ситуация, повышение уровня правосознания граждан.

Вполне логичным представляется тот факт, что на сегодняшний день институт государственный службы занимает одно из центральных мест в системе государ-

ственной власти Российской Федерации, поскольку деятельность государственных служащих направлена на обеспечение защиты как личности, так и ее законных прав и интересов.

Если рассматривать институт государственной службы в историческом контексте, то можно прийти к выводу о том, что он существовал на всем протяжении становления нашей государственности, однако имел разные названия: дружинники, «служилые люди», воеводы, чиновники и так далее. В любое время в стране существовала острая необходимость в установлении порядка и его поддержания, чем и уполномочены были заниматься должностные лица.

Как известно, административная ответственность является чаще всего применяемой в качестве наказания за совершенные противоправные деяния. Этот правовой институт подвержен постоянным изменениям в связи с тем, что регулирует большой пласт правоотношений, которые не статичны, а напротив, довольно подвижны и гибки.

Поступая на государственную службу, лицо должно осознавать свой правовой статус, обязанность соблюдения установленных запретов и ограничений, правил внутреннего трудового распорядка. При ненадлежащем следовании закрепленным правилам, в том числе в случае превышения должностных полномочий, к государственному служащему может быть применен один из видов административного наказания.

И. В. Шевелев в своей научной статье дает следующее определение: «административная ответственность государственных служащих – это применение судами, и иными определенно установленными законодательством органами, указанных определенной статьей КоАП РФ санкций к государственному служащему за его административные правонарушения» [1, с. 55].

В правоприменительной практике выделяют несколько видов оснований при существовании которых государственные служащие могут быть привлечены к административной ответственности:

1) правовое (нормативное) – правовые нормы, в которых закреплены предписания, обязательные для исполнения должностными лицами, содержащиеся в законодательстве, регулирующем порядок назначения административной ответственности и ее исполнения;

2) фактическое – факт совершения государственным служащим такого деяния, которое является административным проступком согласно действующему законодательству;

3) процессуальное – наличие соответствующего административного акта, исходящего от компетентного субъекта, об установлении в действиях должностного лица определенного правонарушения, которое влечет за собой наступление неблагоприятных последствий в виде административного наказания.

Рассматривая фактические основания, необходимо ссылаться на Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ), так как он прямо закрепляет, что для того, чтобы привлечь государственного служащего к административной ответственности необходимо одновременное наступление следующих событий:

во-первых, субъект должен быть наделен статусом должностного лица, что устанавливается, например, административным регламентом;

во-вторых, рассматриваемый субъект в процессе непосредственного осуществления своих профессиональных (в нашем случае должностных) обязанностей должен совершить такое правонарушение, которое выражается в игнорировании соблюдения предписаний закона или их нарушении, и ответственность за которое предусматривается в действующем КоАП РФ.

Стоит заметить, что в случаях, когда КоАП РФ не предусматривает ответственности для должностных лиц в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, данные лица привлекаются к ответственности в качестве физических лиц, то есть на общих для всех граждан началах.

Поскольку проблема коррумпированности в сфере государственных органов на настоящий момент стоит особенно остро, в административный кодекс внесены более двадцати статей, по которым должностные лица несут ответственность за правонарушения в сфере разного рода коррупционных отношений (получение или дача взяток, превышение должностных полномочий в целях получения личной материальной выгоды и так далее) [2, с. 17].

Среди ученых-административистов существует мнение о том, что административная ответственность государственных служащих может быть классифицирована по ряду критериев:

1) по виду правонарушений – те, которые связаны с нарушением требований рабочей дисциплины; те, в которых просматривается определенная коррупционная составляющая; те, которые направлены на ненадлежащее исполнение своих прямых обязанностей.

2) по характеру наступивших последствий, которые выполняют практически самую главную роль, так как в зависимости от таких последствий и устанавливается степень и размер административной ответственности. Причем такие последствия могут иметь как материальную природу (причиненный государственному имуществу ущерб, например), так и нематериальную (недоверие граждан к системе государственных органов в целом).

3) по тем условиям, в зависимости от наличия или отсутствия которых определяется выбор меры ответственности в конкретном случае (обстоятельства личного и семейного характера, искреннее раскаяние и возмещение вреда);

4) по механизму ее применения и так далее.

Так сложилось, что административные наказания, применяемые по отношению к государственным служащим, являются более строгими в сравнении с наказаниями для простых граждан. Связано это, главным образом, с особым правовым статусом, которым наделяются должностные лица, а кроме того, со значимостью тех функций, которые они выполняют в системе государственной власти Российской Федерации [3, с. 150].

Итак, по отношению к государственным служащим, за совершенные ими административные правонарушения, применяются следующие виды наказаний:

1) предупреждение – используется, когда должностное лицо подвергается наказанию впервые, и в том случае, если своими действиями или бездействиями

оно не причинило существенный вред органу государственной власти или другим лицам.

Хотя данная мера ответственности и не является особо строгой, она все же может оказать негативное влияние на служебную репутацию, что вероятно станет существенной проблемой для дальнейшего карьерного роста, а также утраты доверия со стороны рабочего коллектива;

2) административный штраф – самая распространенная мера ответственности за правонарушения, совершенные государственными служащими в системе любых органов власти.

Уплате штрафа подвергаются те лица, которые нарушили нормы законодательства Российской Федерации. Несмотря на то, что размер рассматриваемой санкции устанавливается на государственном уровне, он может существенно варьироваться в зависимости от объема наступивших последствий проступка;

3) дисквалификация – устанавливается в отношении тех лиц, которые не единожды и в большей степени нарушали требования, касающиеся государственной службы. Существует даже специальный реестр открытого формата, где содержится информация о таких государственных служащих [4, с. 227].

Подводя итог, стоит отметить, что эффективное применение норм административной ответственности по отношению к государственным служащим, которое достигается в основном за счет соблюдения основополагающих начал назначения наказаний (справедливости, законности, гуманности), приводит к тому, что в обществе повышается уровень доверия к системе государственной службы, а это напрямую связано с процессом развития государства и его институтов власти.

В настоящее время политика государства направлена на ужесточение наказаний для государственных служащих. Связано это с тем, что схемы коррупционной направленности в системе государственных органов из года в год только совершенствуются и увеличиваются. Несмотря на все усилия, которые прикладывает государство для борьбы с коррупцией, ее числовые показатели пока не удается снизить должным образом.

К тому же, как показывает судебная практика, в последнее время увеличивается применение к государственным служащим такой меры наказания как дисквалификация, что свидетельствует о ненадлежащей результативности существующих административных санкций, которые устанавливаются для рассматриваемой особой категории лиц.

Ввиду существования прямой зависимости между функционированием государства с одной стороны и органов государственной власти с другой, ученые теории и практики сходятся во мнениях по поводу того, какая острая стоит необходимость в постоянном совершенствовании института административной ответственности государственных служащих, которое должно проявляться, например, во включении в законодательство новых составов правонарушений, в увеличении размеров санкций за них и расширении видов наказаний. Такое постепенное реформирование данного института ответственности будет влиять на развитие страны только в позитивном ключе, помогая проводить оперативную борьбу с коррупцией и повышая авторитет государственных органов в глазах граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевелев, И. В. Особенности состава правонарушения, предусматривающего административную ответственность государственного служащего за ненадлежащее исполнение обязанностей / И. В. Шевелев // Вестник науки. – № 9 (54). – 2022. – С. 55–60.
2. Оренбуркин, А. А. Административная ответственность государственных служащих / А. А. Оренбуркин // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – № 1 (100). – 2025. – С. 15–20.
3. Миронов, Д. В. Особенности административной ответственности государственных служащих / Д. В. Миронов. // Молодой ученый. – 2024. – № 44 (543). – С. 149–153.
4. Евдокимова, А. Д. Административная ответственность, применяемая к государственным служащим / А. Д. Евдокимова. // Молодой ученый. – 2023. – № 49 (339). – С. 226–228.

УДК 342.5

ФЕНОМЕН ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Исайкин Владислав Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809160@ruc.su

THE PHENOMENON OF LEGAL NIHILISM IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD

Isaykin Vladislav Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В фокусе данного исследования находится проблема кризиса легитимности права, проявляющаяся в формах правового нигилизма. Цель работы – выявить и теоретико-правовую природу ключевых детерминант этого явления, а также определить их корреляцию с уровнями индивидуального и коллективного правосознания в современной России.

Ключевые слова: легитимность права, детерминанты правового нигилизма, индивидуальное и коллективное правосознание, кризис правовой системы.

The focus of this study is the problem of the crisis of the legitimacy of law, manifested in forms of legal nihilism. The purpose of the work is to identify the theoretical and legal nature of the key determinants of this phenomenon, as well as to determine their correlation with the levels of individual and collective legal awareness in modern Russia.

Keywords: legitimacy of law, determinants of legal nihilism, individual and collective legal consciousness, crisis of the legal system.

Преодоление правового нигилизма в российском обществе напрямую зависит от точной диагностики его причинно-следственного комплекса. Выявление ключевых детерминант позволяет сформировать научно обоснованную программу нейтрализации этого деструктивного явления.

С методологической точки зрения, причинность понимается как связь явлений, где одно (причина) при определенных условиях с необходимостью порождает другое (следствие). Данная категория включает мотивационные компоненты, обстоятельственную базу и разноуровневые каналы трансляции воздействия.

В современной российской юриспруденции существует несколько подходов к типологии факторов правового нигилизма. Так, К. Ю. Бакланова предлагает их

дихотомию на управленческие, семейные, культурные и индивидуально-психологические [1].

Согласно научной позиции, разделяемой Д. М. Сусловым, Н. И. Сухаревым, А. Д. Соколовым и М. К. Усатовым, корни правового нигилизма уходят в несколько базовых пластов. Во-первых, это несовершенство системы правового просвещения, приводящее к массовой юридической некомпетентности. Во-вторых, – взаимное отчуждение между гражданами и институтами власти, порождающее устойчивое недоверие. Наконец, значительную роль играют средства массовой информации, которые, акцентируя внимание на негативе, формируют у аудитории, и прежде всего у молодежи, установки на политический абсентеизм и правовой цинизм [2].

Современное российское общество характеризуется глубоким системным вызовом, выраженным в кризисе правосознания и доминировании правового нигилизма. Социальные противоречия служат питательной средой для деформации правового сознания индивидов, где нигилистические установки проявляют наиболее деструктивный потенциал. Преодоление этой тенденции выступает императивом для успешной консолидации правового государства, что требует комплексной трансформации как публично-политических институтов, так и ценностных ориентаций граждан.

Правовой нигилизм продолжает оставаться в фокусе активной научной полемики и междисциплинарных исследований. В отечественной юридической доктрине сформировалось дискуссионное поле, отличающееся плюрализмом подходов к концептуализации данного феномена.

Н. И. Матузов характеризует «нигилизм» как особую форму социального поведения и мировосприятия, при которой индивид демонстрирует отрицательное отношение к различным аспектам человеческого существования. Согласно взглядам автора, это явление проявляется через неприятие субъектом определенных ценностей, идеалов, норм и представлений, формирующих основу общественного сознания [3, с. 17].

Ю. А. Тихомиров предлагает примечательную трактовку правового нигилизма как явления, характеризующегося устойчивым пренебрежением к юридическим нормам. В его интерпретации отвергается общественная ценность права при стремлении к социально значимым достижениям. Для реализации своих целей носитель такого мировоззрения предпочитает неправовые методы, сводя к минимуму использование законных инструментов. Отсутствие внутреннего согласия с правовыми предписаниями является ключевой характеристикой нигилизма – соблюдение законов происходит либо из страха наказания, либо из корыстных побуждений, но никак не из уважения к правовой системе [4, с. 35].

В современном мире любое государство, претендующее на статус демократического, неизбежно обладает развитой правовой системой. Формирование такой системы – результат длительного исторического генезиса, в ходе которого право аккумулирует ключевые цивилизационные ценности: гуманизм, уважение достоинства личности, принципы справедливости. Без утверждения верховенства права как системообразующего начала невозможно построение ни эффективного государства, ни зрелого гражданского общества.

Идеологические основания права могут формироваться как аутохтонно,

внутри социума, так и заимствоваться извне. Основными источниками правовой идеологии выступают государство, общество и юридическая доктрина. При этом её ядро отличается значительной стабильностью и консерватизмом. Важнейшей характеристикой правосознания является его социальная природа: оно не существует вне коллективной практики и формируется только в процессе активной общественной деятельности.

На современное правосознание оказывают влияние множество факторов: государственная политика, образовательная система, социальное окружение. Право развивается в диалектической взаимосвязи с культурными, политическими и социальными процессами. Правосознание индивидуума является частью правовой культуры всего общества, а её познание происходит исключительно в контексте общественной жизни.

Необходимо признать, что правосознание всегда носит политически и социально обусловленный характер, отражая интересы определённых классов или групп по ключевым вопросам общественного устройства. Одновременно правовые идеи часто становятся программными установками для политических партий и движений. Однако, несмотря на эту ангажированность, в правосознании различных социальных групп сохраняются универсальные ценности: справедливость, законность, стремление к правопорядку.

Таким образом, правовой нигилизм представляет собой социальный феномен, выражающийся в тотальном отрицании социальной ценности права, его основополагающих принципов и норм. Это создаёт серьёзные вызовы как для государственного управления, так и для общественной стабильности.

Ключевыми признаками правового нигилизма являются: радикально-негативное отношение к устоявшимся правовым ценностям; деструктивный и часто агрессивный характер; массовая распространённость и способность становиться устойчивой социальной практикой.

Отсутствие национальной идеи в России, по мнению многих современных исследователей, выступает ключевым фактором формирования правового нигилизма. Несформированность государственной идеологии, возникшая как следствие общественного социального кризиса, также способствует распространению пренебрежительного отношения к правовым нормам [5–6]. Множество исследователей считают, что патриотизм служит основой идеологического фундамента. Это понятие трактуется как привязанность к своему отечеству, универсальная ценность человечества и концепция национального единства, отражающая коллективное стремление сохранить гражданскую общность в пределах государства национального типа [7–8].

Как справедливо подчеркивают Н. Л. Вахонин, Н. В. Романенко и А. В. Антонов, деградация духовно-нравственного фундамента общества и утрата высших социальных ориентиров детерминируют системный кризис в сфере обеспечения национальной и военной безопасности. В данном контексте укрепление идеологических основ, формирование высокого морального духа личного состава и воспитание патриотической ответственности приобретают статус ключевых стратегических приоритетов в процессе модернизации Вооруженных Сил и защиты государственного суверенитета [9, с. 124].

Значимым фактором генезиса правового нигилизма выступают системные недостатки в области правового просвещения населения. Цифровизация общества, открывшая новые каналы коммуникации, paradoxically способствовала консолидации маргинальных групп – от представителей девиантных субкультур до организованных преступных сообществ, получивших инструменты для поиска единомышленников.

Особую опасность представляет деятельность непрофессиональных коммуникаторов, использующих социальные медиа в качестве инструмента манипуляции общественным сознанием. Отсутствие специальных знаний не препятствует им осуществлять трансляцию деструктивного контента, целенаправленно формирующего искаженную систему ценностей. Посредством блогов, форумов и социальных сетей осуществляется пропаганда идеологических установок, включая апологию правового нигилизма, с использованием методов информационной войны – от прямой дезинформации до подмены смыслов.

Институциональной проблемой остается амбивалентная роль традиционных СМИ. Являясь основным источником правовой информации, они нередко демонстрируют обратный эффект через публикацию недостоверных материалов. Фальсификация исторических событий, манипулятивное редактирование выступлений публичных лиц и другие формы информационного саботажа стали элементами гибридного противоборства.

Показательны случаи откровенной фейковой информации в глобальной сети, как например: демонстрация израильским телеканалом «Channel 13 News» кадров из фантастической саги «Звездные войны» в контексте специальной военной операции; выдача видеозаписей из компьютерных игр за документальные свидетельства боевых действий.

Важным аспектом проблемы являются внутренние детерминанты правового нигилизма, включающие: сформировавшиеся стереотипы восприятия государственно-правовых институтов; антиобщественные личностные установки, противоречащие нормативным предписаниям; социально-психологические особенности правонарушителей, обусловленные средовой адаптацией и индивидуально-психологическими факторами.

Таким образом, феномен правового нигилизма в современном российском обществе обладает поликаузальной природой, детерминированной сложным переплетением системных, институциональных и социально-психологических факторов. К числу ключевых детерминант относятся: общесистемные дисфункции (общий кризис социального развития, порождающий атмосферу нестабильности и недоверия к институтам; институциональный кризис легитимности (массовое несоблюдение правовых предписаний, усугубляемое противоправным поведением самих должностных лиц, что разрушает веру в справедливость и равенство перед законом); дефицит правовой коммуникации (серьезные недостатки в системе правового информирования, приведшие к девальвации официальных источников и распространению дезинформации); культурно-антропологические основания (низкий уровень правовой культуры, деформация общественного и индивидуального правосознания, а также укоренение нигилистических стереотипов восприятия государства и его правоохранительной системы).

В своей совокупности эти причины образуют замкнутый круг: правовой нигилизм населения провоцирует злоупотребления со стороны власти, которые, в свою очередь, подпитывают дальнейшую эрозию правосознания. Разрыв этой порочной цепи требует не точечных мер, а комплексной стратегии, направленной одновременно на укрепление законности в деятельности государственного аппарата, построение эффективной системы правового просвещения и целенаправленное формирование новой правовой культуры, основанной на уважении к закону как к инструменту справедливости, а не произвола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова, К. Ю. Причины правового нигилизма // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 15–20.
2. Суслов, Д. М. Правовой нигилизм: причины и пути преодоления / Д. М. Суслов, Н. И. Сухарев, А. Д. Соколов, М. К. Усатов // FORCIPЕ. – 2021. – Т. 4. – № S1. – С. 274.
3. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 4(87). – С. 17–33.
4. Тихомиров, Ю. А. Социальная концепция права: новый подход / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, Ф. В. Цомартова // Журнал российского права. – 2014. – № 8(212). – С. 32–37.
5. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
6. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
7. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1А. – С. 223–231.
8. Киварина, М. В. Современные модели регионального развития в концепции государственного управления РФ // Экономическое развитие общества в современных кризисных условиях : сборник статей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 25 января 2018 года. – Челябинск : ОМЕГА САЙНС, 2018. – С. 167–171.
9. Вахонин, Н. Л. О духовных скрепах патриотизма / Н. Л. Вахонин, Н. В. Романенко, А. В. Антонов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2018. – № 2. – С. 124–131.

УДК 342.5

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исайкин Владислав Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809160@ruc.su

FORMATION OF ANTI-LIGILISTIC LEGAL AWARENESS: PRACTICES AND PERSPECTIVES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Isaykin Vladislav Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Дестигматация правового нигилизма возможна через применение полипарадигмального подхода, ориентированного на деконструкцию его каузальных оснований. Имплементация такой стратегии предполагает: когнитивную мобилизацию правосознания граждан; совершен-

ствование нормативно-правового дизайна; институционализацию превентивных практик; конструирование антикоррупционного дискурса и т.д. Ключевым аксиологическим маркером выступает патриотизм как метаценность, консолидирующая правовое пространство нации.

Ключевые слова: дестигматизация, полипарадигмальный подход, каузальность, имплементация, правовой дизайн, аксиология.

Destigmatization of legal nihilism is possible through the use of a polyparadigmatic approach focused on the deconstruction of its causal bases. The implementation of such a strategy involves: cognitive mobilization of the legal consciousness of citizens; improving regulatory design; institutionalization of preventive practices; constructing anti-corruption discourse, etc. The key axiological marker is patriotism as a meta-value that consolidates the legal space of the nation.

Keywords: destigmatization, polyparadigmatic approach, causality, implementation, legal design, axiology.

Проблема преодоления правового нигилизма в современной России требует реализации системного подхода, учитывающего полиструктурный характер данного социально-правового феномена. Его разрешение предполагает синхронизированное воздействие на различные уровни общественных отношений – от институционально-правового до индивидуально-психологического. Эффективность такой работы обуславливается необходимостью одновременного реформирования правовой системы и трансформации общественного сознания.

В качестве детерминанты на пути преодоления правового нигилизма среди населения должны выступать: преодоление системного кризиса как базовое условие формирования и построения правового государства; совершенствование государственно-правового-механизма и создание действенных механизмов юридической ответственности; формирование новой «современной» парадигмы правового воспитания, с элементами интеграции правового образования на всех уровнях образовательной системы; развитие правовой активности граждан путем создания условий для формирования установок на законопослушное поведение.

Перспективные направления оптимизации правовоспитательной деятельности: внедрение компетентностного подхода в правовом образовании; разработка дифференцированных программ для различных возрастных и социальных групп; использование потенциала цифровой образовательной среды; создание системы мониторинга эффективности правовоспитательной работы [1].

Особое значение приобретает разработка критериев оценки уровня правовой культуры и правосознания, позволяющих осуществлять мониторинг эффективности реализуемых мер. Решение этой масштабной задачи требует консолидации усилий государства, гражданского общества и научного сообщества, а также разработки долгосрочной стратегии правового развития российского общества.

Актуальной проблемой современности становится оптимизация архитектуры механизма правового воспитания, включая его внутреннюю организацию и внешние коммуникационные каналы воздействия на воспитательное пространство. Особую сложность представляет разработка эффективной модели, обеспечивающей синхронизацию институциональных и неформальных практик правовой социализации.

Совершенствование law-making процессов выступает ключевым фактором ле-

гитимации правовой системы. Повышение технико-юридического уровня нормативных актов непосредственно влияет на: укрепление авторитета законодательства; эффективность правоприменительной практики; формирование позитивного отношения к праву.

Модернизация нормативно-правовой системы должна соответствовать динамике общественного развития, обеспечивая баланс между стабильностью и адаптивностью регулирования. Непрерывная актуализация законодательства требует решения фундаментальных задач: минимизация дефектных правовых решений через внедрение системы оценки регулирующего воздействия; повышение профессионального уровня субъектов правотворчества (например, посредством специализированной подготовки законодателей); внедрение научно-экспертного сопровождения на всех стадиях законодательного процесса.

Как справедливо отмечает О. Г. Шадский, «на подготовительном этапе правотворчества необходимо усиление роли ученых-правоведов и отраслевых специалистов для идентификации и коррекции дефектов проектов нормативных актов». Реализация этого подхода позволит: устранять системные противоречия на стадии проектирования; повышать доктринальное качество правовых текстов; обеспечивать соответствие нормативных предписаний практическим потребностям [2].

Согласно наблюдениям, М. М. Османова, добровольное следование законодательным нормам и активное противодействие их нарушению возникает естественным образом, когда граждане на собственном опыте удостоверяются в способности правовой системы обеспечивать защиту интересов населения и самого общества [3]. Борьба с коррупцией требует совместных усилий государственных органов, общественных институтов и рядовых граждан, представляя собой комплексную задачу. Для существенного снижения коррупционного уровня в обществе России необходимо создание эффективных механизмов. Просветительская деятельность среди служащих приобретает особую важность как ключевая задача, направленная на формирование антикоррупционной ответственности и сокращение незаконной активности определенных категорий населения. Важно понимать, что антикоррупционная стратегия является постепенной и перспективной, а ее результаты проявляются лишь через значительный промежуток времени после внедрения соответствующих мер.

Эффективная реализация государством функций по защите прав граждан возможна только при наличии комплексной системы социально-экономических и политических предпосылок. Эти условия создают основу для полноценного соблюдения свобод личности через специально разработанный институциональный инструментарий, известный как государственный механизм. Данная структура выступает ключевым элементом правоохранительной политики, объединяя организационные и правовые ресурсы для гарантий законных интересов общества [4].

Ключевыми компонентами этого механизма в Российской Федерации выступают: институт президентства как гарант конституционных норм; судебные органы (с особым статусом Конституционного Суда в разрешении правовых коллизий); надзорный институт прокуратуры; правоохранительные подразделения

МВД; институт омбудсмена, осуществляющий независимый контроль; законодательные органы власти (Федеральное Собрание); муниципальные структуры, реализующие права на местном уровне [5].

Важно подчеркнуть, что правосознание исторически носит классовый и политически обусловленный характер, защищая интересы доминирующих групп. Однако даже в условиях идеологических противоречий в нём сохраняются универсальные элементы: стремление к справедливости, законности и стабильности правопорядка.

Правовой нигилизм как социальный феномен проявляется в тотальном отрицании значимости права, его норм и социальной роли, что создает серьёзные вызовы для государства и граждан. Его ключевые признаки включают: отвержение общепринятых ценностей; радикализм и массовость распространения; связь с антисоциальными установками.

В качестве ключевых направлений (стратегических направлений) преодоления правового нигилизма в России должны быть:

1. Трансформация медиаполя как инструмента правовой социализации. В современных условиях средства массовой информации трансформировались в ключевой институт правовой социализации, выполняющий двоякую функцию: источник актуальной юридически значимой информации; интеграционный элемент системы правового просвещения.

Особую актуальность приобретает задача фильтрации контента - минимизация деструктивного информационного воздействия через сокращение доли криминальной хроники и коррупционных скандалов при параллельном увеличении объема материалов, посвященных практическим аспектам защиты прав граждан.

2. Цифровая среда: вызовы и возможности. Интернет-коммуникации сохраняют потенциал в преодолении правового нигилизма, однако требуют системного регулирования:

– Правовая база: действует модернизированная редакция Федерального закона «Об информации» (ст. 15.3) и КоАП РФ (ст. 13.15), предусматривающая ответственность за распространение заведомо ложной информации.

– Практика применения: сохраняются ограничения доступа к ресурсам, систематически нарушающим российское законодательство (включая признанные экстремистскими организации).

3. Образовательные инициативы как основа системных изменений. Приоритетные направления образовательной политики включают: разработку программ дополнительного профессионального образования для педагогических работников; внедрение актуальных методик преподавания правовых дисциплин; создание научно-методической базы через организацию целевых исследований.

4. Идеологические основания правового развития. Актуальной остается проблема формирования консолидирующей национальной идеи, способной: стать основой гражданской идентичности; выполнять профилактическую функцию против правового нигилизма; способствовать укреплению патриотических ориентиров.

5. Институциональные механизмы правового просвещения. Перспективные

форматы работы с молодежью: создание юридических клиник при образовательных организациях; организация правовых коворкинг-пространств; разработка системы «равный-равному» для правового консультирования.

6. Программно-целевой подход как основа государственной политики. Целесообразна разработка Федеральной программы «Развитие правовой культуры граждан РФ на 2026–2029 гг.», предусматривающей: систему измеримых показателей эффективности; механизмы обратной связи; регулярный мониторинг динамики правосознания.

Преодоление правового нигилизма требует синхронизации усилий государства, гражданского общества и образовательных институтов через:

- совершенствование законодательной базы;
- развитие цифровой грамотности населения;
- внедрение инновационных форм правового просвещения;
- формирование позитивного правового поля в медиасреде.

Реализация предложенных мер позволит создать устойчивую систему правовой социализации, адаптированную к вызовам современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.

2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

3. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1А. – С. 223–231.

4. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025. – ISBN 978-5-907877-43-6.

5. Котляров, С. Б. К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития : материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. – С. 113–118.

УДК 342.9

КРИТЕРИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Кадаев Андрей Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808888@ruc.su

CRITERIA AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF PARTICIPANTS IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Kadaev Andrey Alekseevich, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в современной административно-процессуальной науке единой, общепризнанной типологии субъектов административной юрисдикции. Доктринальный плюрализм в данном вопросе создает трудности как для правоприменительной практики, так и для дальнейшего развития законодательства об административных процедурах. Целью исследования является комплексный теоретико-правовой анализ существующих критериев дифференциации участников административного процесса и попытка разработки на его основе, унифицированной многоуровневой классификационной модели.

Ключевые слова: административный процесс, участники административного процесса, классификация, процессуальный статус, административная юрисдикция, теория права, критерии дифференциации, функциональная роль.

The relevance of the study is due to the absence in modern administrative and procedural science of a single, generally recognized typology of subjects of administrative jurisdiction. Doctrinal pluralism in this matter creates difficulties both for law enforcement practice and for the further development of legislation on administrative procedures. The purpose of the study is a comprehensive legal analysis of the existing criteria for differentiation of participants in the administrative process and an attempt to develop a unified multi-level classification model on its basis.

Keywords: administrative process, participants in the administrative process, classification, procedural status, administrative jurisdiction, legal theory, differentiation criteria, functional role.

Несмотря на существенное реформирование административного права, начатое еще в середине XX века, научное сообщество до сих пор не пришло к консенсусу относительно правового статуса участников административных действий и критериев их дифференциации. Классификация преследует цель глубокого анализа элементов правового статуса субъектов и четкого разграничения их процессуальных функций для обеспечения эффективности всего производства.

Учитывая многообразие существующих классификаций лиц, вовлеченных в административные процедуры, наиболее продуктивным представляется выделение тех категорий, которые позволяют наиболее четко разграничить их юридические позиции в рамках административно-правовых отношений.

Классификация участников административного процесса находит отражение в трудах таких юристов, как Коренев, который выделяет следующие группы: иностранных граждан, граждан Российской Федерации, а также лиц, не имеющих гражданства (апатридов); органы, предприятия и учреждения, принадлежащие государству; лиц, состоящих на государственной службе; органы, предприятия и учреждения, не принадлежащие государству; общественные объединения; другие формирования, не принадлежащие государству; лиц, являющиеся служащими различных общественных объединений [1]. Автор не останавливается на этом и делает дальнейшую классификацию данных групп участников административного процесса. Физические лица, указанные А. П. Кореневым, могут выступать потерпевшими в административном процессе.

Л. В. Коваль предлагает классифицировать участников по двум основаниям. Первое связано с административным деликтом и противопоставляет нарушителей (физических лиц) и правоприменителей. Второе основание – социальное – делит субъектов на людей (граждан, апатридов, должностных лиц и общественных представителей) и организации (государственные органы власти и другие наделенные полномочиями структуры) [2].

В исследовании Н. Ренова представлена классификация субъектов административных процедур, которая включает три ключевые группы. Первую составляют уполномоченные органы государственной власти и должностные лица, наделенные правом издания правовых актов и ведения процессуальной документации, тем самым задающие вектор развития административного процесса. Ко второй группе отнесены индивидуальные субъекты, чьи права и интересы находятся в прямой зависимости от итогового решения. Завершает классификацию третья группа – это различные организации и граждане, содействующие нормальному ходу административной деятельности [3].

Представленные в научном обороте классификации лиц, непосредственно вовлеченных в административный процесс, позволяют сформировать общее представление о системе их правовых статусов и функциональных ролей в производстве. Вместе с тем, существующие подходы не дают исчерпывающего ответа на вопрос об особенностях правового положения каждого участника. В этой связи для формирования целостной научной картины представляется целесообразным обратиться к анализу дополнительных критериев дифференциации.

Современная юридическая доктрина единодушно выделяет два взаимосвязанных аспекта, обеспечивающих реализацию прав и обязанностей потерпевшего: «материально-правовой» и «процессуально-правовой». Комплексное понимание правового статуса потерпевшего невозможно без анализа содержания каждого из них. Материально-правовой аспект очерчивает охранительное правоотношение, возникающее между правонарушителем и потерпевшим вследствие совершения административного деликта, который повлек за собой причинение физического, имущественного или морального вреда.

Ключевым фактором для отнесения участников к основным группам выступает «степень их заинтересованности в исходе дела». По данному критерию формируется дихотомия:

1. Лица, обладающие личной (материальной или процессуальной) заинтересованностью в результате разбирательства (привлекаемое к ответственности лицо, потерпевший, их законные представители), чьи действия мотивированы стремлением к защите субъективных прав.

2. Лица, не имеющие личной заинтересованности в исходе дела, но привлекаемые для обеспечения объективности и законности процедуры.

Участники первой группы, в свою очередь, могут быть подвергнуты дальнейшей классификации по процессуальным признакам, что способствует более глубокому анализу их позиций.

С точки зрения «возрастного критерия» и связанной с ним дееспособности, участники подразделяются на: достигших совершеннолетия и несовершеннолетних, которые, в соответствии с законом, могут нести ограниченную административную ответственность. Субъектный состав административных правоотношений не исчерпывается физическими и юридическими лицами, включая также наделенных властными полномочиями субъектов правоприменения. Критерием отнесения к конкретной группе служит характер связи лица с противоправным деянием, что находит свое подтверждение в ст. 5 КоАП РФ, устанавливающей принцип непосредственной связи между деянием и ответственностью.

В рамках института ответственности участников можно дифференцировать на: «несущих ответственность за собственные действия» и «несущих ответственность за действия третьих лиц» (например, родителей или опекунов несовершеннолетних).

Способ осуществления защиты позволяет выделить следующие категории: лица, самостоятельно защищающие свои права (полностью дееспособные граждане); лица, защищаемые через законных представителей (несовершеннолетние, недееспособные); лица, пользующиеся помощью профессиональных представителей (адвокатов), что характерно как для физических, так и для юридических лиц.

В научной среде существует позиция, согласно которой процессуальные отношения носят производный (вспомогательный) характер от материальных норм административного права. Однако, по нашему мнению, оба аспекта – материальный и процессуальный – являются необходимыми и равнозначными. Статус потерпевшего возникает с момента фактического причинения вреда, предусмотренного административным законодательством, однако реальная возможность защиты обеспечивается только через процессуальную форму, регламентированную КоАП РФ.

Правовой статус потерпевшего обладает определенной спецификой. В отличие от лица, привлекаемого к ответственности, момент официального признания потерпевшим в КоАП РФ четко не определен. Представляется логичным, что таким моментом следует считать «факт причинения вреда», даже если личность нарушителя на тот момент не установлена. В то же время процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство по делу, возникает с момента составления протокола или административного задержания. Таким образом, потерпевший получает возможность полноценно реализовать свои права с момента применения первых процессуальных мер к предполагаемому правонарушителю.

Участники второй категории (незаинтересованные лица) привлекаются в процесс для содействия в установлении объективной истины. Их функция заключается в оказании квалифицированной помощи на основе специальных знаний, навыков или статуса (эксперты, специалисты, переводчики, свидетели, понятые). Они способствуют укреплению доказательственной базы и обеспечению законности процессуальных действий.

Положения статьи 2.6 КоАП РФ устанавливают принцип равной административной ответственности для иностранных граждан и апатридов, совершивших правонарушения на территории России, по аналогии с гражданами РФ. Однако провозглашаемое формальное равенство не означает тождества их правового статуса в полном объеме. Несмотря на подведомственность российскому административному законодательству, правовое положение данных категорий лиц является производным и ограниченным по сравнению со статусом полноправных граждан. Таким образом, хотя иностранцы и лица без гражданства признаются участниками административного производства, объем их процессуальных прав и обязанностей не является эквивалентным объему прав российских граждан [4].

В настоящее время компенсация причиненного вреда регламентируется нормами гражданского законодательства, в первую очередь статьей 1069 ГК РФ.

Предусмотрен следующий механизм судебной защиты: потерпевший вправе обжаловать постановление по административному делу в районный суд, а впоследствии – в апелляционном порядке в суд субъекта федерации.

При рассмотрении апелляционной жалобы суд проверяет законность и обоснованность решения, вынесенного органом административной юрисдикции. Кроме того, судебному контролю подлежат отдельные действия (бездействие) должностных лиц в ходе производства, а в случае нарушений с их стороны возможна их дисциплинарная, административная или уголовная ответственность.

Судебная защита выступает конечной гарантией соблюдения прав потерпевшего, вступая в действие при неэффективности иных механизмов. Таким образом, право на судебное обжалование является ключевым элементом системы гарантий, обеспечивающих реализацию процессуальных прав потерпевшего.

Проведенный анализ института защиты прав потерпевшего в административном процессе свидетельствует о наличии развитой системы процессуальных гарантий, достаточной для обеспечения его прав при рассмотрении дела. Проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема классификации участников административного производства характеризуется значительным плюрализмом научных подходов. Многообразие предлагаемых в доктрине критериев систематизации не только отражает сложность и многогранность данного института, но и предоставляет богатый материал для комплексного анализа.

Изучение теоретических воззрений ведущих юристов в данной области способствует выявлению сущностных характеристик и процессуальных особенностей, определяющих правовое положение каждого участника. Такой анализ является необходимой основой для формирования целостного понимания их роли и функций в механизме административной юрисдикции.

Детальное исследование оснований для дифференциации субъектов административного делопроизводства, включая содержание их правомочий и юридических обязанностей, создает предпосылки для глубокого и всестороннего изучения их правового статуса. Эта работа имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку способствует совершенствованию административно-процессуального законодательства и оптимизации процедур рассмотрения дел. Таким образом, систематизация знаний о классификации участников выступает ключевым фактором для обеспечения эффективности и справедливости административного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнев, А. П. Административное право России. – Москва : Щит, 2002. – 308 с.
2. Коваль, Л. В. Административно-деликтное отношение. – Киев : Вища школа, 1979. – 230 с.
3. Бахрах, Д. Н. Административно-процессуальное принуждение // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 1989. – № 4. – С. 59–64.
4. Предупреждение правонарушений в сфере экономической деятельности: Учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров, В. Ю. Перепелкин ; Саранский кооперативный институт (филиал). – Саранск : РИЦ МГПИ, – 2019. – 108 с.

УДК 342.9

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРАВОВОЙ
СТАТУС ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Кадаев Андрей Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808888@ruc.su

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION THROUGH
THE LEGAL STATUS OF THE VICTIM IN CASES OF ADMINISTRATIVE
OFFENSES**

Kadaev Andrey Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В представленной статье осуществляется комплексный анализ процессуального положения потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях через призму реализации принципа состязательности. Особое внимание уделяется анализу процессуальных гарантий, обеспечивающих реальное, а не декларативное равенство сторон в административном судопроизводстве. На основе проведенного исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию административно-процессуального законодательства, направленные на усиление состязательных элементов через расширение процессуальных возможностей потерпевшего.

Ключевые слова: правовой статус, принцип состязательности, участники процесса, административная юстиция, равенство сторон в процессе.

In the submitted article, a comprehensive analysis of the procedural position of the victim in the proceedings on cases of administrative offenses is carried out through the prism of the implementation of the principle of adversarial. Particular attention is paid to the analysis of procedural guarantees that ensure real, rather than declarative, equality of parties in administrative proceedings. Based on the study, specific proposals are formulated to improve the administrative and procedural legislation aimed at strengthening the adversarial elements through expanding the procedural capabilities of the victim.

Keywords: legal status, adversarial principle, participants in the process, administrative justice, equality of parties in the process.

В современной юридической доктрине утвердилось понимание двухаспектной природы правового статуса потерпевшего в административном судопроизводстве. Подавляющее большинство исследователей выделяют материально-правовой и процессуально-правовой компоненты, образующие в совокупности комплексный правовой механизм защиты интересов пострадавшего лица.

Материально-правовой компонент статуса потерпевшего характеризуется возникновением особого вида правоотношений между причинителем вреда и потерпевшим, порожденных фактом совершения административного деликта. Содержанием данных правоотношений выступает претерпевание потерпевшим негативных последствий в форме физического, морального или имущественного вреда. Согласно легальной конструкции, закрепленной в ч. 1 ст. 4.7 КоАП РФ, именно наличие таких правоотношений составляет объективную предпосылку для судебного разрешения вопроса о возмещении причиненного вреда. Таким

образом, материальную основу статуса потерпевшего образует субъективное право на компенсацию вреда, нарушение которого является необходимым условием для признания лица потерпевшим в административном процессе.

Процессуально-правовой компонент проявляется в наделении потерпевшего специальным комплексом процессуальных правомочий и обязанностей, регламентированных административным законодательством. Однако в доктрине существует дискуссия относительно природы данных правовых установлений: некоторые правоведы рассматривают процессуальные отношения как производные от материальных норм административного права, отводя им вспомогательную, инструментальную функцию.

Представляется методологически верным признание равной значимости обоих аспектов в конструкции правового статуса потерпевшего. Основанием для признания лица потерпевшим выступает установленный юридический факт причинения вреда, содержащий признаки административного правонарушения. Вместе с тем, реализация материальных притязаний возможна исключительно через систему специальных процессуальных средств и форм, предусмотренных КоАП РФ, что подчеркивает неразрывную связь материального и процессуального элементов в механизме административно-правовой защиты.

В системе административно-деликтных правоотношений потерпевший обладает специальным правовым статусом, содержание которого имеет существенную законодательную лакуну. Нормативная неопределенность возникает в вопросе определения юридически значимого момента приобретения лицом, претерпевшим ущерб от административного правонарушения, статуса потерпевшего.

Доктринальное толкование позволяет предположить, что таким моментом следует считать фактическое причинение вреда, даже при отсутствии установленного правонарушителя. В отличие от этого, процессуальный статус лица, привлекаемого к ответственности, возникает в четко определенные моменты - при составлении протокола об административном правонарушении или в случае административного задержания. Данная правовая коллизия создает ситуацию, когда процессуальная правосубъектность потерпевшего оказывается производной от применения принудительных мер в отношении предполагаемого нарушителя.

Особый правовой режим устанавливается для иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых может применяться исключительная мера административного характера - принудительное выдворение за пределы Российской Федерации. Альтернативной формой реализации данной санкции выступает контролируемый самостоятельный выезд, предусмотренный статьей 3.10 КоАП РФ при наличии установленных законом оснований.

Таким образом, гражданская принадлежность субъектов административной юрисдикции представляет собой системообразующий элемент их правового положения, детерминирующий дифференциацию вида и объема применяемых административных санкций.

В контексте исследования гарантий прав участников административного производства особого внимания заслуживает механизм обеспечения конституционного права на защиту. Эффективная реализация субъективных прав в админи-

стративном процессе обусловлена наличием работоспособного институционального механизма, обеспечивающего возможность использования законных способов процессуальной защиты от неправомерных действий властных субъектов.

Структура защиты прав в административном производстве основана на принципе взаимосвязи: когда лицо, участвующее в процессе, использует свое право, у должностного лица или органа, рассматривающего дело, автоматически возникает обязанность обеспечить полную реализацию этого права.

Среди юридического сообщества до сих пор существуют различные точки зрения на систему гарантий прав человека. Тем не менее, большинство специалистов сходятся во мнении, что эта система представляет собой комплекс общих гарантий (включающих политические, экономические, социальные и идеологические аспекты) в сочетании с юридическими механизмами, совместно обеспечивающими эффективную защиту, реализацию и охрану законных интересов, прав и свобод граждан.

Классификация юридических гарантий по функциональному предназначению включает две основные категории: гарантии, направленные на обеспечение охраны и защиты существующих прав, а также гарантии, обеспечивающие практическую реализацию прав, предоставленных законодательством.

Специалисты в области права выделяют разнообразные инструменты, позволяющие гражданам эффективно осуществлять свои законные интересы и права. Среди таких механизмов особую значимость имеют: справедливые процессуальные формы правореализации, система поощрений и льгот для стимулирования законопослушной инициативы граждан, четкое определение юридических фактов, активирующих процесс реализации прав, а также ясное законодательное установление границ предоставляемых свобод и оснований для привлечения к юридической ответственности.

К средствам охраны и защиты прав участников административного процесса следует отнести следующие правовые инструменты:

1. Система контрольно-надзорных механизмов, осуществляющих мониторинг соблюдения процессуальных норм;
2. Юридические гарантии, обеспечивающие эффективную деятельность законного представителя;
3. Процессуальные формы самостоятельной защиты субъективных прав;
4. Меры юридической ответственности, применяемые к обязательным участникам производства за нарушение установленной процедуры.

Данная система средств защиты образует комплексный механизм обеспечения правовой безопасности участников административного производства и служит гарантией соблюдения принципа верховенства права в административно-юрисдикционной деятельности.

Профилактические и превентивные мероприятия, нацеленные на предотвращение нарушений, а также анализ поступающих обращений и претензий компетентными субъектами или органами, включают некоторые исследователями, в частности Н. В. Витруком, в инструментарий охранительных и защитных механизмов прав, дополняя традиционный перечень средств [1].

Анализ механизмов, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов

лица, вовлеченного в административно-деликтное производство, позволяет выделить систему процессуальных гарантий как ключевой элемент данной системы. Под процессуальными гарантиями понимается совокупность нормативно установленных положений административного законодательства, создающих необходимые условия для эффективной реализации правомочий субъекта, привлекаемого к административной ответственности.

Фундаментальной гарантией правовой защиты лица, в отношении которого инициировано административное производство, выступает детализированная законодательная регламентация обязанностей правоприменительных инстанций. Качество и полнота нормативного закрепления соответствующих юридических обязанностей непосредственно определяют степень эффективности реализации прав субъекта административного преследования.

При этом важным аспектом системы гарантий является право обвиняемого в совершении административного проступка на предъявление требований к публичным органам о надлежащем исполнении возложенных на них законодательных предписаний. Указанное правомочие составляет основу механизма взаимной ответственности в административно-юрисдикционной деятельности и обеспечивает баланс между государственным принуждением и защитой прав личности.

Таким образом, процессуальные гарантии образуют институциональную основу для реализации субъектом административного производства своих правомочий, создавая систему сдержек и противовесов в отношениях между индивидуумом и публичной властью [2].

Когда человек подвергается административному преследованию, его права защищены возможностью получить компенсацию. Эта компенсация предусмотрена в случаях неправомерного привлечения к ответственности, незаконного применения обеспечительных мер или при понесенных убытках в ходе административного разбирательства.

Восстановление статуса гражданина после неправомерных действий властей является частью реабилитационного механизма. Государство гарантирует такое восстановление, если действия или бездействие органов публичной власти признаны необоснованными или противоречащими закону. Этот механизм представляет собой важную гарантию защиты прав граждан в административном процессе [3]. В отличие от уголовного судопроизводства, институт реабилитации в административно-деликтных производствах не предполагает упрощенной процедуры восстановления нарушенных прав. Компенсация вреда, причиненного незаконным привлечением к административной ответственности, осуществляется исключительно через механизм гражданско-правового искового производства, что существенно осложняет и удлинняет процесс реабилитации.

Такой правовой режим обусловлен отсутствием в КоАП РФ специальных реабилитационных норм, аналогичных положениям УПК РФ, что создает существенный пробел в системе защиты прав граждан от неправомерных действий органов административной юрисдикции и требует от реабилитированного лица прохождения полной процедуры гражданского судопроизводства для восстановления своих нарушенных прав.

Административное законодательство нуждается в четкой регламентации вопросов компенсации ущерба, так как нередко возникают ситуации, когда органы, рассматривающие административные дела, неправомерно причиняют вред и убытки лицам. Правоприменительный опыт подтверждает частоту таких случаев, что делает данную проблему особенно актуальной [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук, Н. В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан / Н. В. Витрук // Правоведение. – 1964. – № 4. – С. 30–35.
2. Стахов, А. И. Административно-процедурная регламентация деятельности органов исполнительной власти в России: учебное пособие / А. И. Стахов. – Москва : Российский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2016. – 195 с.
3. Гуляков, А. Д. Конституционно-правовые основы реабилитации человека и гражданина / А. Д. Гуляков, А. А. Яшина // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 30–31.
4. Котляров, С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32–36.

УДК 342.9

СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЛА О ПРАВОНАРУШЕНИИ

Кадаев Андрей Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808888@ruc.su

SUBJECT OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION: PROBLEMS OF DETERMINING LEGAL STATUS IN THE CONTEXT OF AN OFFENCE CASE

Kadaev Andrey Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В представленной статье осуществляется комплексный теоретико-правовой анализ одной из ключевых процессуальных фигур в производстве по делу об административном правонарушении. Цель исследования – дефиниция и структурная декомпозиция правового положения субъекта административной юрисдикции, выявление системных проблем и правовых лакун в его нормативном закреплении. Автор доказывает, что правовой статус данного участника характеризуется дуализмом, совмеща в себе элементы как публично-властного подчинения, так и гарантий состязательности и защиты. В работе выявлены и классифицированы ключевые проблемы, связанные с неопределенностью процессуальной конструкции статуса, диффузностью границ между его правами и обязанностями, а также недостаточностью эффективных механизмов реализации предоставленных прав.

Ключевые слова: правовой статус, процессуальные права и обязанности, участники процесса, юридическая классификация правонарушения, совершенствование административного законодательства.

In the presented article, a comprehensive theoretical and legal analysis of one of the key procedural figures in the proceedings in the case of an administrative offense is carried out. The purpose of the study is the definition and structural decomposition of the legal position of the subject of administrative jurisdiction, the identification of systemic problems and legal gaps in its normative consolidation. The author argues that the legal status of this participant is characterized by dualism, combining elements of both public power subordination and guarantees of adversarial and protection. The work identified and classified key problems associated with the uncertainty of the procedural construction of status, the diffusion of boundaries between his rights and obligations, as well as the lack of effective mechanisms for the implementation of the rights granted.

Keywords: legal status, procedural rights and obligations, participants in the process, legal classification of the offense, improvement of administrative legislation.

В соответствии со ст. 1 Конституции РФ, Российская Федерация конституируется как правовое государство, что предопределяет его фундаментальную характеристику. Данный принцип имплицитно предполагает, что вся деятельность публичных институтов – как законодательной, так и исполнительной ветвей власти – должна быть субсидиарна общепризнанным принципам и нормам международного права. К их числу относятся положения Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, формирующие универсальный стандарт в области защиты фундаментальных прав и свобод личности.

Как следует из ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы обладают высшей ценностью, приобретая тем самым характер непосредственно действующего правового императива. В этой связи на государство в лице его властных структур возлагается позитивная обязанность не только по их признанию, но и по созданию эффективных механизмов защиты в рамках управленческой и правоприменительной деятельности.

Важнейшим аспектом российской конституционной модели является принцип непосредственного действия прав и свобод, который распространяется в равной мере на граждан Российской Федерации и иностранных лиц. Данный принцип детерминирует смыслообразующую функцию основных прав: именно они задают смысл, содержание и процедуру применения любого отраслевого законодательства, что обязаны учитывать в своей работе все публично-властные субъекты, включая органы местного самоуправления. Функция же юридического гаранта и обеспечения бесперебойной работы правового механизма возложена на судебную власть через отправление правосудия.

Таким образом, конституционная обязанность государства по обеспечению защиты неотъемлемых прав, свобод и законных интересов индивида актуализируется в случае их нарушения или оспаривания. Особую значимость эта защита приобретает в контексте публично-правовых отношений, характеризующихся властным подчинением одной стороны другой, когда государство реализует свои императивные полномочия, в том числе в рамках административно- и уголовно-правового принуждения. В подобных асимметричных правоотношениях эффективные судебные и административные гарантии становятся ключевым инструментом поддержания баланса интересов и справедливости.

Реальная модель правопорядка с гарантиями от государства формируется

лишь тогда, когда институты правового государства работают полноценно, трансформируя теоретические постулаты защиты фундаментальных прав и свобод в практику. Согласно позиции, В. П. Грибанова, субъективное право становится просто декларацией, если оно не обеспечено адекватными механизмами защиты [1].

Административно-правовой статус представляет собой конкретизированную составляющую общего правового статуса, обладающую собственной структурной автономией в рамках административно-юрисдикционного поля. Несмотря на то, что он сохраняет «родовую структуру» правового статуса, его содержание раскрывается преимущественно через систему правоотношений, регулируемых нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

В доктрине административного права сохраняется «плюрализм подходов» к определению содержательного наполнения административно-правового статуса. Однако в научном сообществе превалирует точка зрения, согласно которой его «системообразующим ядром» выступают субъективные права и юридические обязанности лица, реализуемые в контексте административного процесса.

Значимый вклад в развитие данной дискуссии внес Д. Н. Бахрах, обративший внимание на латентный характер административной деликтности. Ученый аргументированно указывал, что «круг лиц, фактически подвергающихся негативным последствиям противоправного поведения, существенно шире круга лиц, привлекаемых к административной ответственности». В качестве причин данной диспропорции он выделял такие факторы, как «высокий уровень латентности» правонарушений, невозможность идентификации субъекта деликта, а также истечение установленных законом «процессуальных сроков давности» привлечения к ответственности [2].

Субъект, в отношении которого инициировано административно-деликтное производство, представляет собой ключевого участника соответствующего комплекса процессуальных правоотношений. Его правовой статус требует не только четкой нормативной конкретизации, но и основательной доктринальной разработки, поскольку именно теоретический консенсус в научной среде создает прочную базу для последовательного совершенствования законодательной базы.

Важнейшим принципом административного судопроизводства, проводящим параллель с уголовно-процессуальной доктриной, является презумпция невиновности привлекаемого лица. В соответствии с императивной нормой, закрепленной в статье 1.5 КоАП РФ, лицо, вовлеченное в орбиту административного производства, не может быть признано виновным до тех пор, пока его вина не будет «процессуально легитимирована» — то есть доказана в установленном законом порядке и подтверждена вступившим в законную силу решением уполномоченного органа по делу [3].

Согласно мнению И. Д. Перлова, законодательное закрепление прав обвиняемого должно быть детализированным, что является обоснованным требованием. Тем не менее, необходимо также уделить особое внимание разработке комплексной системы процессуальных гарантий, которая обеспечит полноценную реализацию этих прав в ходе всего производства по делу [4].

В системе административно-деликтного производства процессуальные гарантии, обеспечивающие равноправие и состязательность сторон, имеют фундаментальное значение. Одной из ключевых гарантий является право на пользование родным языком и услугами переводчика, закрепленное в статье 25.1 КоАП РФ. Это право позволяет рассматриваемому лицу давать объяснения и показания на языке, которым оно свободно владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в ходе всего производства. В случаях, когда участник производства является глухим или немым, ему обеспечивается право на бесплатную помощь «сурдопереводчика». Законодатель также предусматривает возможность для лица пригласить собственного переводчика, что усиливает его процессуальную автономию. Реализация данного права обеспечивает практическое соблюдение принципа равенства сторон и создает условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Важнейшим инструментом судебной защиты выступает право на обжалование процессуальных актов. В соответствии с общим правилом, постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано в течение 10 суток со дня его вручения или получения. Жалоба подается в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо непосредственно в районный суд. Если обжалуемое постановление связано с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, жалоба подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

Законодатель устанавливает особые «процедуры» при производстве по делам с участием несовершеннолетних. Согласно статье 25.1 КоАП РФ, несовершеннолетнее лицо, в отношении которого ведется производство, может быть удалено на время рассмотрения тех обстоятельств дела, обсуждение которых способно оказать негативное воздействие на его психическое состояние.

Правовой статус субъекта административной ответственности дифференцирован. В отношении ряда лиц установлен специальный порядок привлечения к ответственности (например, для судей, прокуроров, депутатов). Помимо этого, законодатель предусматривает изъятия из общих правил назначения наказания для определенных категорий лиц (несовершеннолетние, беременные женщины, лица с инвалидностью I и II групп, военнослужащие).

Особое правовое регулирование распространяется на собственников (владельцев) транспортных средств, привлекаемых к ответственности в случае фиксации правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами (статья 2.6.1 КоАП РФ). В этой ситуации действует презумпция виновности собственника, который освобождается от ответственности, если докажет, что в момент нарушения транспортное средство находилось во владении или пользовании иного лица.

Гражданская принадлежность является значимым критерием, определяющим специфику административно-деликтного статуса. В соответствии со статьей 2.6 КоАП РФ, иностранные граждане и лица без гражданства (апатриды), совершившие административные правонарушения на территории России, несут ответственность на общих основаниях. Это означает, что к ним применяются все санк-

ции, предусмотренные КоАП РФ, за исключением случаев, установленных международными договорами или специальными нормами (например, в отношении лиц, пользующихся иммунитетом). За уклонение от исполнения наказания в виде административного выдворения установлена отдельная ответственность по части 3 статьи 20.25 КоАП РФ.

Иностранцы и апатриды, допустившие правонарушения на территории континентального шельфа или в исключительной экономической зоне РФ, подлежат административной ответственности в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Это касается деяний, квалифицируемых по ч. 2 ст. 8.16, ст. 8.17–8.20, а также ч. 2 ст. 19.4 КоАП [5].

Отсутствие легальной регламентации института реабилитации в административном законодательстве порождает системную проблему правоприменения, выражающуюся в отказе в восстановлении прав лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к административной ответственности. В этой связи представляется концептуально важным имплементировать в административное судопроизводство полноценный реабилитационный механизм через создание системы административной юстиции. Данная реформа предполагает возложение на специализированные судебные инстанции полномочий по рассмотрению дел о возмещении имущественного и морального вреда, причиненного в результате неправомерных действий субъектов административного процесса, а также компенсации процессуальных издержек, понесенных гражданами в ходе производства по делу об административном правонарушении.

Что касается доктринального понимания правового статуса лица, в отношении которого возбуждено административное производство, то его следует определять как нормативно закреплённый комплекс взаимных прав и обязанностей, возникающих между уполномоченными властными субъектами и привлекаемым лицом в связи с установлением факта совершения административного деликта. Неотъемлемым структурным элементом данного статуса выступает система процессуальных гарантий, обеспечивающих реальную возможность полноценного участия лица в административно-процессуальных правоотношениях и эффективную защиту его законных интересов на всех стадиях производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – Москва : Статут, 2000. – 411 с.
2. Бахрах, Д. Н. Юридическая ответственность по административному праву / Д. Н. Бахрах // Административное право и процесс. – 2010. – № 1. – С. 2–5.
3. Омариёва, А. Н. Презумпция невиновности и ее значение в отправлении правосудия / А. Н. Омариёва // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 72–78.
4. Перлов, И. Д. Право на защиту: учеб. пособие / И. Д. Перлов. – Москва : Знание, 1969. – 79 с.
5. Котляров, С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32–36.

**ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА ОКАЗАНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**

Кайминов Никита Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809163@ruc.su

**CONCEPT AND FUNCTIONS OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT
TO PROVIDE QUALIFIED LEGAL AID**

Kayminov Nikita Andreevich, graduate student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Рассматривается институт квалифицированной юридической помощи как механизм реализации конституционного права граждан на защиту своих интересов и доступ к правосудию. Проведен анализ нормативно-правовых основ данного права, а также научные подходы к его определению. В работе приведены виды квалифицированной юридической помощи и обозначены проблемы реализации. Выявлены ключевые функции оказания квалифицированной юридической помощи: обеспечение доступа к правосудию, защита от неправомерных решений, осуществление принципа равенства перед законом, повышение уровня правовой культуры, создание механизма реализации материальных норм. Квалифицированная юридическая помощь неотъемлемый элемент правового государства, обеспечивающий баланс интересов в правовом споре и доверие к институтам правосудия. Для разрешения проблем функционирования института квалифицированной юридической помощи необходимо совершенствовать его правовую базу и организационно-институциональные механизмы с целью полноценной реализации конституционных гарантий.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, конституционное право, доступ к правосудию, бесплатная юридическая помощь, правовая защита, адвокатская деятельность, функции юридической помощи.

The institution of qualified legal assistance is considered as a mechanism for the implementation of the constitutional right of citizens to protect their interests and access to justice. An analysis of the regulatory framework of this right, as well as scientific approaches to its definition, was carried out. The paper provides types of qualified legal assistance and identifies implementation problems. The key functions of providing qualified legal assistance were identified: ensuring access to justice, protection against unlawful decisions, the implementation of the principle of equality before the law, raising the level of legal culture, and creating a mechanism for the implementation of material norms. Qualified legal assistance is an integral element of the rule of law, ensuring a balance of interests in a legal dispute and trust in the institutions of justice. To resolve the problems of the functioning of the institution of qualified legal assistance, it is necessary to improve its legal framework and organizational and institutional mechanisms in order to fully implement constitutional guarantees.

Keywords: qualified legal aid, constitutional right, access to justice, free legal aid, legal defense, advocacy, legal aid functions.

Квалифицированная юридическая помощь выступает разновидностью социальной помощи, формируя самостоятельное институционально-организационное, социально-правовое образование. Все возрастающее значение квалифицированной юридической помощи обусловлено необходимостью воплощения концепции правового государства и полной защиты прав и свобод граждан.

В п. 1 ст. 48 Конституции РФ указано: «Каждому гарантируется право на по-

лучение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» [1]. Данное право носит универсальный характер, поскольку распространяется на всех лиц, находящихся на территории России. Также ему присущ признак неотчуждаемости (никто не может быть лишен данного права, без достаточных на то оснований) и гарантированности государством (государство принимает управленческие и организационно-правовые меры для его реализации).

Одной из целей Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» выступает: «создание условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации» [3]. Данный нормативно-правовой акт направлен на регулирование государственной и негосударственной систем юридической помощи, правовое информирование населения и повышение правовой культуры.

В законе не закреплено определение понятия «квалифицированная юридическая помощь», но сам термин содержится в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] в тексте определения понятия «адвокатская деятельность».

В научной литературе предлагаются различные способы определения термина «квалифицированная юридическая помощь». Так, А. Ю. Фофанова определяет понятие квалифицированной юридической помощи, делая акцент на ее признаках: наличие у субъектов оказания помощи высшего профессионального образования, прохождение субъектами оказания помощи квалификационного экзамена и регулярного повышения квалификации и др. [7, с. 154]. Данные признаки проявляют квалификационные особенности субъектов в процессе оказания юридической помощи.

Опираясь на закрепленные в законодательстве особенности квалифицированной юридической помощи, В. А. Мещерягина и Е. И. Семенова сформулировали следующее ее определение в качестве: «деятельности, по оказанию юридических услуг осуществляемой на систематической и профессиональной основе, лицами, имеющими на нее право, полученное при прохождении установленной законом процедуры и при соответствии установленным законодательством критериям» [6, с. 181]. В данном определении также акцент выстраивается на особенностях деятельности и соответствии квалификационным требованиям лиц, оказывающих юридическую помощь.

Несколько иного подхода придерживается Д. В. Ленкауцан, указывая, что «квалифицированная юридическая помощь – это такая деятельность государственных органов, негосударственных организаций, а также индивидуальных субъектов оказания данной помощи, которая основана на юридических знаниях, умениях и навыках, осуществляется при соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых контролем, а также является максимально положительным результатом для обратившегося за помощью лица» [5, 133 с.]. Эффективность работы лиц, оказывающих квалифицированную юриди-

ческую помощь в данном контексте указывает на систему мониторинга их деятельности и потенциальное создание рейтинга, позволяющего проводить контроль и управлять сферой оказания квалифицированной юридической помощи.

С позиции содержания конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, следует указать на то, что оно призвано обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан посредством комплекса различных юридических услуг: консультации, подготовка документов, представительство в суде и др. Данные услуги нашли отражение в ст. 6 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в котором указаны следующие виды бесплатной юридической помощи:

- 1) правового консультирования в устной и письменной форме;
- 2) составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;
- 3) представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [3].

На основании анализа понятия и содержания квалифицированной юридической помощи, укажем на ряд реализуемых этим институтом функций:

- 1) обеспечение доступа к правосудию
- 2) защита от неправомерных решений
- 3) осуществление принципа равенства перед законом
- 4) повышение уровня правовой культуры
- 5) создание механизма реализации материальных норм.

Конституционное право на оказание квалифицированной юридической помощи, несмотря на свою значимость для правовой системы в целом, сталкивается с рядом проблем в реализации. К таким проблемам отнесем:

- 1) недостаточная информированность населения о возможностях юридической поддержки [8, с. 37];
- 2) неэффективность механизма контроля качества оказания бесплатной юридической помощи;
- 3) соотношение рыночных и социальных аспектов в поле деятельности адвокатов [6, с. 182];
- 4) отсутствие четких критериев, определяющих качество предоставления бесплатной юридической помощи [4, с. 33];
- 5) кадровые ограничения (нехватка квалифицированных специалистов);
- 6) процедурные проблемы (сложности с своевременным получением гражданами юридической помощи, бюрократические препятствия).

Квалифицированная юридическая помощь выступает ключевым механизмом реализации права на правосудие. При отсутствии доступа к юридической помощи многие граждане лишаются возможности отстаивать свои законные интересы в суде. Квалифицированная юридическая помощь выполняет значимые функции в качестве составляющей правовой системы, обеспечивая: реализацию конституционных гарантий, баланс интересов сторон в правовом споре, доверие граждан к институтам правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru. – 06.10.2022, № 0001202210060013.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ; в ред. от 22 апреля 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
4. Габиева С. М., Алиева Н. Ш. Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. – 2023. – Т. 48, № 4 (68). – С. 30–34.
5. Ленкауцан Д. В. Проблемы толкования понятия квалифицированной юридической помощи // Молодой ученый. – 2018. – № 7(193). – С. 133–136.
6. Мещерягина В. А., Семенова Е. И. К понятию квалифицированной юридической помощи // Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № 4 (18). – С. 180–182.
7. Фофанова А. Ю. Восприятие понятия «квалифицированная юридическая помощь» в обществе // II Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям : сборник статей, Екатеринбург, 16 июня 2023 года / Институт цифровой экономики и права. – Екатеринбург : Институт Цифровой Экономики и Права, 2023. – С. 154–157.
8. Nadtochiy Y. B. Legal assistance: current state, problems and prospects // Юридические исследования. – 2023. – № 12. – С. 36–47. – URL: https://nbpublishxomTibrary_read_article.php?id=69386

УДК 342.56

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА: НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Канайкин Андрей Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809164@ruc.su

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE JUDICIARY IN THE CONTEXT OF MODERN LAW ENFORCEMENT: ON THE EXAMPLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey Andreevich Kanaykin, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу стратегических направлений развития судебной власти в Российской Федерации в контексте вызовов современного правопорядка. На примере Конституционного Суда РФ исследуется трансформация его роли в условиях цифровизации, технологических и геополитических изменений. В центре внимания – вопросы повышения эффективности правосудия, обеспечения судебного суверенитета и адаптации к новым социально-политическим реалиям.

Ключевые слова: современный правопорядок, судебный суверенитет, судебный прецедент, правовая определенность, нормокоррекция, судебная реформа, цифровизация правосудия, процессуальная революция.

The article is devoted to the analysis of strategic directions for the development of the judiciary in

the Russian Federation in the context of the challenges of modern law and order. The example of the Constitutional Court of the Russian Federation examines the transformation of its role in the context of digitalization, technological and geopolitical changes. The focus is on improving the effectiveness of justice, ensuring judicial sovereignty and adapting to new socio-political realities.

Keywords: modern law and order, judicial sovereignty, judicial precedent, legal certainty, norm correction, judicial reform, digitalization of justice, procedural revolution.

Прежде чем определить место и роль Конституционного Суда РФ в обеспечении верховенства права, необходимо раскрыть сущность конституционного контроля как комплексного правового явления. Конституционный контроль представляет собой специализированную правоохранительную деятельность, направленную на проверку соответствия законов и иных нормативных актов положениям Конституции государства. Данный институт выступает ключевым элементом системы сдержек и противовесов, обеспечивающим баланс между ветвями власти и защищающим основы конституционного строя.

В мировом конституционализме сложились различные модели его осуществления:

1. Европейская (централизованная) модель, при которой контроль осуществляет специализированный орган – конституционный суд (Германия, Австрия, Россия).

2. Американская (диффузная) модель, где правом проверки на конституционность обладают суды общей юрисдикции, вплоть до верховного суда (США, Канада).

3. Смешанные модели, включающие, например, конституционные советы (Франция), куда обращаться могут только органы власти, но не граждане.

По времени осуществления различают «предварительный» (до вступления акта в силу) и «последующий» контроль; по форме – «абстрактный» (вне связи с конкретным делом) и «конкретный» (связанный с применением акта в судебном споре). Российская модель сочетает в себе черты последующего, абстрактного и конкретного контроля, что позволяет гибко реагировать на правовые коллизии.

В Российской Федерации Конституционный Суд является «высшим судебным органом конституционного контроля», осуществляющим судебную власть независимо и самостоятельно посредством конституционного судопроизводства. Его правовые позиции носят обязательный и окончательный характер, не нуждаясь в подтверждении иными органами.

Ключевые полномочия Конституционного Суда РФ, закрепленные в законодательстве, включают:

- разрешение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента, Правительства, парламента, субъектов РФ, а также не вступивших в силу международных договоров.

- разрешение споров о компетенции между различными органами государственной власти.

- проверка конституционности закона по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод, а также по запросам судов.

- толкование Конституции РФ.

- участие в процедуре отрешения Президента от должности.

Особого внимания заслуживает недавно введенное полномочие Суда разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, если их истолкование противоречит Конституции РФ. Это отражает глобальную тенденцию поиска баланса между международным правом и национальным конституционным суверенитетом.

Современное состояние судебной власти в России характеризуется сложным переплетением унаследованных системных проблем и новых вызовов. Одним из наиболее дискуссионных аспектов является наблюдаемая в последние годы тенденция к ужесточению правоприменительной практики, что проявляется, в частности, в росте числа заключенных под стражу и снижении процента удовлетворения ходатайств о досрочном освобождении.

Данная тенденция требует не только констатации, но и глубокого системного анализа через призму конституционных принципов соразмерности и справедливости. В этой связи возрастает роль Конституционного Суда как «стабилизатора» правоприменительной практики. Например, как показывает анализ статистики, интенсивность конституционного контроля в чувствительных сферах, таких как оперативно-розыскная деятельность, постоянно возрастает. Конституционный Суд, реагируя на жалобы граждан, формирует правовые позиции, которые ограничивают усмотрение правоприменителей и задают конституционные ориентиры для судов общей юрисдикции, тем самым оказывая корректирующее воздействие на репрессивные тенденции.

Таким образом, дальнейшее развитие судебной власти видится в укреплении ее способности к самостоятельному и независимому толкованию права в строгом соответствии с Конституцией. Перспективным направлением является усиление роли конституционного контроля как инструмента не только защиты прав в конкретных делах, но и системной оптимизации всего законодательства, обеспечения его предсказуемости и соответствия высшей юридической силе Основного Закона.

Допустимость обращения по вопросу соответствия Конституции определяется несколькими обстоятельствами. Когда правоприменительный орган игнорирует нормативный акт или соглашение из-за предполагаемого противоречия Основному закону, но обратившаяся сторона считает их конституционными и настаивает на применении – это один из случаев. Ситуация, в которой заявитель видит противоречие между нормативным документом и Конституцией, делающее невозможным его использование, также является основанием. Кроме того, основанием для запроса становится решение международных правозащитных инстанций, указывающее на нарушение прав граждан положениями правового акта или договора, что требует внесения изменений для восстановления нарушенных прав.

Фундаментальной гарантией независимости судебной власти, а, следовательно, и защиты основ конституционного строя, выступает принцип судейского иммунитета (неприкосновенности). Данный правовой институт создает необходимые условия для беспристрастного отправления правосудия, ограждая судью от необоснованного давления и угрозы привлечения к ответственности за принятые судебные акты. Однако правовая природа неприкосновенности не является

абсолютной и должна получать взвешенное doctrinalное толкование, исключаящее как ее ослабление, подрывающее независимость суда, так и трансформацию в личную привилегию, выводящую судью из-под действия закона.

В контексте общенационального курса на цифровизацию государственных институтов, тема внедрения системы электронного документооборота (ЭДО) в судебную деятельность приобретает ключевое значение. Несмотря на признанную в научной литературе стратегическую важность данного процесса и доказанные преимущества ЭДО, такие как повышенная конфиденциальность, целостность данных и оперативность доступа, на практике наблюдается феномен организационного дуализма. Ряд судебных органов продолжает параллельно вести документооборот на бумажных носителях, что свидетельствует о наличии системных барьеров, среди которых можно выделить консерватизм управленческих подходов, недостаточную техническую оснащенность и сохраняющееся недоверие к цифровым форматам.

Отдельного осмысления требует вопрос о критериях использования дистанционных технологий в судебных заседаниях. Суд должен обладать дискреционными полномочиями по оценке целесообразности проведения процесса в онлайн-формате, исходя из принципа состязательности и равноправия сторон. Правоприменительная практика должна проводить четкое разграничение между ситуациями, когда дистанционный формат является инструментом обеспечения доступа к правосудию (например, для физического лица, находящегося в удаленном регионе), и случаями, когда его использование может создавать необоснованные преимущества для одной из сторон (к примеру, для кредитной организации с разветвленной сетью филиалов, имеющей все возможности для очного участия своего представителя). Таким образом, цифровизация судебной деятельности должна развиваться не как самоцель, а как средство оптимизации правосудия, где технологические решения подчинены задачам соблюдения фундаментальных процессуальных принципов [1].

Судебная система сталкивается с растущей нагрузкой, особенно в экономически развитых регионах, из-за возросшего доверия населения и увеличения числа обращений граждан. Для решения проблемы перегруженности судов предлагается комплекс мер: совершенствование механизмов исполнения судебных решений, развитие альтернативных способов урегулирования конфликтов вне судебных инстанций, более широкое применение упрощенных процедур рассмотрения дел. Кроме того, необходимы законодательные изменения в специфических областях права, включая совершенствование законодательства о банкротстве [2].

Внедрение цифровых технологий в судопроизводство представляет собой не временную меру, а стратегический вектор развития судебной системы, обладающий значительным оптимизационным потенциалом. Систематическое применение онлайн-платформ и электронного документооборота (ЭДО) способствует существенной процессуальной экономии – сокращению временных и материальных издержек как для участников судебного процесса, так и для сотрудников судебного аппарата. Параллельно данная практика выполняет важную социально-гигиеническую функцию, минимизируя эпидемиологические риски за счет снижения необходимости физического присутствия в зданиях судов.

Сформировавшийся тренд на цифровую трансформацию правосудия позволяет прогнозировать, что подача и обработка судебных документов в электронном виде станут универсальным стандартом. Этот процесс получает законодательное закрепление: порядок подачи документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа, регламентирован специальными приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Для обеспечения юридической силы такие документы должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью (КЭП), что придает им равный статус с бумажными носителями. Таким образом, формируется устойчивая правовая и технологическая основа для повсеместного внедрения «бесконтактного» и эффективного судопроизводства [3].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что вопросы оптимизации реализации судебной власти в Российской Федерации носят комплексный и перманентный характер. Их разрешение требует выработки системной стратегии, в рамках которой центральное место занимает конструирование эффективного механизма имплементации правовых предписаний на уровне правоприменительной практики. Интеграция цифровых технологий и современных управленческих моделей в деятельность судебных органов призвана активизировать процесс качественной трансформации всей отечественной судебной системы. Конечная эффективность данных новаций найдет свое объективное отражение в последующей эволюции системы отправления правосудия в направлении повышения ее доступности, оперативности и соответствия запросам современного общества.

В целях профилактики подобных системных сбоев представляется научно и практически обоснованным наделить Конституционный Суд РФ правом осуществления предварительного абстрактного нормоконтроля в отношении принятых, но не вступивших в силу федеральных законов. Данное полномочие, действующее в настоящее время в отношении нератифицированных международных договоров, может быть распространено на законы по аналогии правового регулирования. Подобная модернизация компетенции Конституционного Суда позволит осуществлять превентивное устранение потенциально неконституционных норм на стадии их законодательного генезиса. Это окажет позитивное влияние на общее состояние правового поля, будет способствовать укреплению режима правовой определенности, повышению уровня правовой культуры и, что наиболее значимо, усилит гарантии судебной защиты фундаментальных прав и свобод человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
3. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, – № 10-1. – С. 44–52.

УДК 342.9

**ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
В ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНОЙ СИСТЕМЕ**

Арюткина Марина Михайловна, магистрант

Канайкин Андрей Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808886@ruc.su; st809164@ruc.su

**RULE OF LAW AND CONSTITUTIONAL CONTROL: THE FUNCTIONAL
PARADIGM OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE STATE POWER SYSTEM**

Marina Mikhailovna Aryutkina, Master's Degree student

Andrey Andreevich Kanaykin, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу функциональной парадигмы Конституционного Суда Российской Федерации как ключевого института, обеспечивающего реализацию принципа верховенства права. Исследование фокусируется на роли Суда в государственно-властной системе через призму его полномочий по осуществлению конституционного контроля. В работе раскрывается, как деятельность специализированного органа конституционного контроля обеспечивает верховенство Конституции РФ, являющееся решающим для единства правового пространства.

Ключевые слова: конституционный контроль, Конституционный Суд РФ, функциональная парадигма, органы государственной власти, конституционная законность, правовое государство, судебная власть, гарантия прав человека, нормоконтроль.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the functional paradigm of the Constitutional Court of the Russian Federation as a key institution that ensures the implementation of the rule of law. The study focuses on the role of the Court in the state power system through the prism of its powers to exercise constitutional control. The work reveals how the activities of a specialized body of constitutional control ensure the supremacy of the Constitution of the Russian Federation, which is decisive for the unity of the legal space.

Keywords: constitutional control, Constitutional Court of the Russian Federation, functional paradigm, state authorities, constitutional legality, rule of law, judicial power, guarantee of human rights, regulatory control.

В государственном механизме России судебная ветвь власти включает в себя орган конституционного контроля – Конституционный Суд РФ. Чтобы полностью осознать роль этого органа в государственной системе, требуется двухэтапный анализ: вначале определить позицию судебной власти в общей структуре государственного управления, а затем исследовать специфическое положение Конституционного Суда внутри самой судебной системы.

Согласно конституционному положению, закреплённому в первой части статьи 118, судебные органы обладают исключительной монополией на отправление правосудия. Никакие иные институты не вправе брать на себя функции судебной власти в данной сфере, поскольку это является уникальной компетенцией судебной системы, что прямо следует из указанной конституционной нормы [1].

Даже при объявлении амнистии или осуществлении помилования ни Государственная Дума Российской Федерации, ни Президент России не наделены полномочиями по отмене судебного приговора в отношении соответствующих лиц. С правовой точки зрения, амнистия представляет собой «акт высшей милости государства», объявляемый Федеральным Собранием в отношении индивидуально не определенного круга лиц. Помилование же, согласно официальным проектным документам, трактуется как «гуманистический акт высшей власти», исходящий непосредственно от главы государства.

Таким образом, по своей юридической природе эти институты не являются формой пересмотра судебного акта или средством исправления судебной ошибки. Их применение не аннулирует сам приговор и не ставит под сомнение его законность и обоснованность. Судом в установленном порядке констатируются все элементы состава преступления и назначается наказание, а акты амнистии и помилования лишь «изменяют исполнение уже вынесенного и вступившего в законную силу наказания», смягчая его или полностью освобождая от него осужденного. Это подчеркивает их исключительно гуманитарное предназначение, направленное на реализацию принципов милосердия и справедливости, а не на переоценку установленных судом фактов.

Судебные процессы по делам различных категорий – уголовным, гражданским, административным или арбитражным – инициируются исключительно на основе поступивших материалов или по ходатайству заинтересованных лиц. Недопустимость самостоятельного возбуждения дел судом является гарантией его непредвзятости. Если бы суд самостоятельно инициировал разбирательства, это автоматически делало бы его участником процесса, например, выступающим на стороне обвинения, что противоречит фундаментальным принципам правосудия. Объективность судебного рассмотрения обеспечивается принципами состязательности и равноправия сторон, а также равенством всех перед законом. Именно поэтому суд не может изначально поддерживать ни одну из сторон – ни защиту, ни обвинение, ни истца, ни ответчика [2].

Конституционный Суд Российской Федерации, выступая неотъемлемым элементом системы государственной власти, занимает в ней уникальное положение, существенно отличающееся от статуса иных судебных органов. Данное отличие проявляется, прежде всего, в его неподчинении иерархической структуре, характерной для судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В последних действует строгая система инстанционности: решения мировых судей обжалуются в районные суды, которые, в свою очередь, поднадзорны судам областного уровня, с последующей возможностью апелляционного, кассационного обжалования и обращения в Верховный Суд РФ, возглавляющий эту систему.

Особый статус Конституционного Суда дополнительно детерминирован его ключевой ролью в механизме сдержек и противовесов. Разрешая споры о компетенции, Суд действует в качестве арбитра, обеспечивающего сохранение конституционного баланса между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Его деятельность направлена на недопущение выхода любого государственного органа за пределы дискреционных полномочий, очерченных Основным Законом страны, тем самым гарантируя устойчивость всей конструкции

государственной власти и верховенство Конституции. Это функциональное предназначение выводит его за рамки обычной судебной системы, наделяя качествами высшего интерпретатора Конституции и хранителя конституционного правопорядка [3–4].

Конституционный Суд Российской Федерации представляет собой «высший судебный орган конституционного контроля», чья деятельность направлена на защиту основ конституционного строя, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны. Его функционал выходит далеко за рамки рассмотрения индивидуальных жалоб; Суд играет ключевую роль в «нормотворческой деятельности», формируя правовые позиции, которые обязательны для всех государственных органов и оказывают существенное влияние на развитие законодательства. Через разрешение споров о компетенции между различными ветвями и уровнями власти он выступает гарантом сохранения конституционного баланса в системе сдержек и противовесов.

Зарождение и эволюция конституционного контроля в мире прошли несколько этапов, оформившись в две основные модели. Российская Федерация, как и большинство европейских стран, следует «европейской (централизованной) модели». После распада СССР создание сильного и независимого органа конституционного контроля стало одним из ключевых шагов в построении новой государственности. В 2025 году Конституционный Суд РФ продолжает активно работать, о чем свидетельствует рассмотрение им значимых дел, включая проверку конституционности отдельных положений Жилищного и Налогового кодексов, а также проходит процесс планового кадрового обновления.

Деятельность Конституционного Суда РФ остается чрезвычайно востребованной в современных условиях. В числе актуальных тенденций можно выделить:

1. Цифровизацию и новые вызовы: Суд сталкивается с необходимостью толкования конституционных норм в контексте стремительного развития технологий, что требует от судебных кадров не только глубоких правовых, но и специальных познаний в смежных отраслях.

2. Обеспечение судебного суверенитета: В компетенцию Суда входит разрешение вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, если их истолкование противоречит Конституции РФ, что подчеркивает его роль в защите национального правопорядка.

3. Превентивная функция: Анализируя практику Суда, можно говорить о его серьезной превентивной роли, когда правовые позиции побуждают органы государственной власти и граждан к конституционному образу действий.

Разрешение коллизий, связанных с разграничением властных полномочий между государственными институтами, представляет собой устоявшуюся практику в современных правовых системах. Функциональное предназначение судебных органов в данном процессе заключается в обеспечении арбитража, основанного на нормах права, а не на политической целесообразности. Будучи дистанцированным от процесса принятия политических решений и не имея ведомственной заинтересованности в исходе спора, суд позиционируется в качестве объективного и нейтрального интерпретатора конституционных предписаний.

Вместе с тем, специфика деятельности органов конституционной юстиции порождает фундаментальную коллизию. Принимая вердикт по спору о компетенции в пользу одного из властных субъектов, конституционный суд неминуемо вовлекается в политико-правовое поле, рискуя трансформироваться из беспристрастного арбитра в инструмент легитимации политических решений. Данный риск усугубляется императивной природой и окончательностью принимаемых судом решений, которые, как правило, не подлежат обжалованию в вышестоящих инстанциях, что придает им характер абсолютной юридической силы.

В целях нивелирования риска политизации и сохранения судебной объективности, в мировом конституционализме выработан комплекс специализированных гарантий. Институциональный дизайн этих механизмов направлен на создание максимально автономного положения суда в системе государственной власти. Универсальные принципы функционирования института конституционного контроля прослеживаются в демократических государствах, несмотря на разнообразие его механизмов в мировой практике. Современные юристы в своих исследованиях предлагают пути совершенствования правового регулирования полномочий российского Конституционного Суда, основываясь на анализе преимуществ и недостатков различных моделей данного института. [5; 6].

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что компетенционная структура Конституционного Суда Российской Федерации не исчерпывается широко известными и часто реализуемыми полномочиями. Помимо них, существует пласт специальных, в том числе «резервных» прерогатив, которые, несмотря на редкую практику применения, выполняют критически важную стабилизирующую и превентивную функции в конституционной системе. Комплексное исследование этих полномочий, не вошедших в первые две группы, представляется не просто желательным, а необходимым для формирования целостной доктрины российского конституционного контроля.

Особое место в этой системе занимает право дачи официального толкования Конституции Российской Федерации (п. 4 ст. 125 Конституции РФ). Это полномочие обладает конституционно-учредительной природой, поскольку его реализация не просто разрешает текущие юридические коллизии, а закладывает нормативно-доктринальные основы для всей последующей правоприменительной деятельности государства. Акты толкования, издаваемые Конституционным Судом, выполняют роль системообразующего каркаса, обеспечивающего единообразие в понимании и применении конституционных норм всеми ветвями власти, что было наглядно продемонстрировано, например, в Постановлении от 12 апреля 1995 года о толковании понятия «общее число депутатов».

Изучение этих инструментов позволяет сделать вывод о том, что Конституционный Суд выступает не только как орган разрешения споров, но и как гарант конституционной определенности и суверенитета. Его деятельность направлена на предотвращение нарушений высшего закона как на внутригосударственном, так и на международном уровне, что подчеркивает его системообразующую роль в защите основ конституционного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носков, Ю. Г. К вопросу о содержании понятия «судебная система» // Российский судья. – 2019. – № 3. – С. 34–38.
2. Клеандров, М. И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования: монография. – Москва : Норма, Инфра-М, 2021. – 286 с.
3. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – 608 с.
4. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
5. Котляров, С. Б. Развитие конституционного механизма защиты прав и свобод человека в России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // VII Юридические чтения : материалы нац. научно-практич. конф., Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 193–198.
6. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1А. – С. 223–231.

УДК 340

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОСТИ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Журавлева Мария Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; st112316@ruc.su

BANKING SYSTEM OF RUSSIA AS THE BASIS FOR THE STABILITY OF THE CREDIT AND FINANCIAL SYSTEM: CRIMINAL LAW ASPECT

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Zhuravleva Maria Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются место и особенности развития банковской системы России в системе кредитно-финансовых отношений и общемировых процессов. Показаны киберриски и угрозы конституционным основам обеспечения прав граждан и безопасности финансовой системы государства как основы ее устойчивого развития.

Ключевые слова: информационное общество, банковская система, кредитно-финансовая система, уголовная политика.

The article discusses the place and features of the development of the Russian banking system in the system of credit and financial relations and global processes. Cyber risks and threats to the constitutional foundations of ensuring the rights of citizens and the security of the state's financial system as the basis for its sustainable development are shown.

Keywords: information society, banking system, credit and financial system, criminal politics.

Современная российская банковская система является результатом развития новой формы экономических отношений в стране и определения ее места в глобальной кредитно-финансовой системе.

Практически на всем протяжении современной истории банковской системы она находилась в состоянии кризисного формирования и развития. Безусловно, финансы – это высокорисковая зона, что можно сказать и про кредитно-финансовую систему в целом.

Банковская деятельность в новой России перешла в разряд частного предпринимательства, став одним из первых видов бизнеса в стране. Предпринимательская деятельность – это самостоятельная (независимая) высокорисковая деятельность, основная цель которой – систематическое получение прибыли. То есть осознанный просчитанный субъектом риск ради постоянной прибыли в области финансов, находящихся на счетах банков.

В этом суть современной банковской системы во всем мире, поэтому вполне логично и кризисное существование банковской системы в рамках финансово-экономических отношений.

Именно банковский сектор российской экономики является основой ее стабильности и устойчивого развития, а стабильность экономической системы в современном мире во многом определяется устойчивостью финансовой системы.

Поэтому вполне логичным является при встроенности российской экономики в глобальную систему отношений в кризисных условиях поддержание банковского сектора экономики, чтобы предотвратить более глобальные последствия для большей части секторов экономики в виду проводимой кредитно-денежной политики в стране.

Именно в целях снижения негативных факторов в данной сфере и установления системных алгоритмов на рынке финансовых услуг, а в частности кредитования, был установлен специальный правовой режим банковской деятельности как предпринимательства.

Банковское дело в России стало особым видом предпринимательства, в ряде случаев включающего в себя и публично-правовые элементы (в частности, деятельность Банка России).

Двойственность правовой природы банковской деятельности предопределяет и особенности функционирования банковской системы в рамках общемировых процессов глобализации и цифровизации. Мировая банковская система в этих процессах выступает драйвером, о чем свидетельствуют официальные решения Группы Всемирного банка (далее – Всемирный банк) [1]. В целом же, «кризисное развитие» характерно не только для российской банковской системы. Геополитическая дестабилизация межгосударственных связей ведет к естественному снижению устойчивости мировой кредитно-финансовой системы.

При этом, являясь неотъемлемой частью мировой финансовой системы и имея показатели эффективной деятельности по направлениям, определяемым Всемирным банком (банкинг услуги, цифровая экономика, цифровая национальная валюта и др.), в отношении отдельных российских банков и межбанковских отношений введены геосанкционные меры ввиду проводимой финансовой политики РФ. Характерно и то, что обозначенные Всемирным банком тенденции развития мировой банковской системы прямо реализуются Банком России, несмотря на все санкционные ограничения.

Это четко проявляется в единой мировой практике цифровизации банковского сектора и экономики, что помимо комфорта, доступности, скорости и других

благ несет существенные риски и угрозы устойчивости финансовой системы в целом, в том числе, и рост преступности в сфере цифрового банкинга.

К примеру, в 2024 год [2] рост преступности с использованием компьютерных технологий вырос за год на 40 %, а доля финансового мошенничества составила почти 24 % от всего количества совершенных преступлений. Банк России [3] также указывает на рост за последние 5 лет банковских операций без согласия клиентов, что преимущественно связано с выводом денежных средств со счетов клиента или оформления им кредитных обязательств на удаленной основе при явном внешнем воздействии мошенников, методы которого принято называть социальным инженерингом.

Ситуация виртуального банковского кредитования с немедленным перечисление заимствованной суммы третьему лицу под воздействием социального инженеринга на клиента квалифицируется ст. 159.3 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

Однако в судебной практике нет единообразия в решениях о признании договора потребительского кредита недействительным. Самой распространенной практикой [4] является ссылка судов на то, что истец выразил волю в получении кредита путем отправления в банк СМС-кода.

Однако Верховный Суд [5] указал на то, что типовая форма договора с заранее проставленными в нем «галочками» об ознакомлении и согласии с различными условиями договора и обмен смс с банком фактически идет в нарушение правил о сделках гражданского законодательства.

Особенно киберрисковой стала зона трансформации банков в цифровые экосистемы на основе больших банков данных и формирования базы биометрических данных в виде «цифровой ДНК», «цифрового портфолио», «цифрового ID» клиентов и перевод банковской деятельности на основе виртуального денежного обращения на единую бесконтактную цифровую платформу.

В этой связи возникает необходимость разработки и внедрения универсального, единого в правопонимании категориального аппарата в области цифрового денежно-валютного правового регулирования, что позволит повысить результативность и эффективность проводимой политики по борьбе с преступностью в финансово-кредитной сфере.

Необходимым выступает обеспечение прозрачности и в вопросе защиты цифровых прав частных лиц и введение мер юридической ответственности лиц, в чьи обязанности входит формирование доступной цифровой среды и сбора персональных данных как основы/драйвера российской Экономики данных.

Важным является реальное, функциональное просвещение населения страны по вопросам внедрения новаций и использования цифровых технологий в общественные процессы в рамках проекта построения информационного общества России.

Таковыми мерами представляются проекты в виде разработки бесплатных мобильных приложений, содержащих бесплатные электронные справочные издания, периодические электронные (и традиционные печатные) каталоги, объявления, которые обобщали, предупреждали и давали целостную картину по состоянию и динамике развития цифровой среды и кредитно-финансовой системы в частности.

Однако наиболее серьезные риски возникают при кибератаках, нацеленных на общий доступ к базам данных банковского сектора, открывающих более широкие возможности для незаконного доступа к денежным средствам не только отдельных частных лиц, но прежде всего финансовым активам корпораций, правительств, что существенно способно подорвать стабильное функционирование финансовой системы страны. То есть, злободневным является не только тема защиты конституционных прав граждан в новых условиях кредитно-финансовых отношений, но обеспечение на уровне технологического безопасности публичных финансов и финансов юридических лиц, как финансовой основы проведения государственной внутренней и внешней политики.

Исходя из этого, необходимым является в целях защиты прав граждан и укрепления устойчивости финансовой системы государства ужесточить требования к стандартам добросовестности банков и кредитно-финансовых организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Группа Всемирного банка. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/>
2. МВД России: офиц. сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics>
3. Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/
4. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2021 по делу № 88-2590/2021 // СПС «Гарант»
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.05.2023 № 85-КГ23-1-К1 (УИД 40RS0026-01-2020-001006-05) // СПС «Гарант»

УДК 342.15

ГЕНЕЗИС И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Киушкина Юлия Дмитриевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810382@ruc.su

GENESIS AND INSTITUTIONALIZATION OF MUNICIPAL SERVICE IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Kiushkina Yulia Dmitrievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена реконструкции историко-правового генезиса института муниципальной службы в России, раскрывающей процессы его трансформации из системы сословного самоуправления в публично-правовой институт современного типа. На основе анализа нормативных актов различных исторических эпох выявляются этапы институционализации, определяемые сменой парадигмы государственного управления. Исследование демонстрирует, как эволюция правового статуса муниципальных служащих отражала баланс между централизацией государственной власти и автономией местного самоуправления.

Ключевые слова: генезис муниципальной службы, институционализация публичного управления, историко-правовой анализ, эволюция местного самоуправления, правовой статус муниципального служащего, административные традиции России.

The article is devoted to the reconstruction of the historical and legal genesis of the institution of

municipal service in Russia, revealing the processes of its transformation from a system of estate self-government into a public legal institution of a modern type. Based on the analysis of normative acts of various historical eras, stages of institutionalization are identified, determined by a change in the paradigm of public administration. The study demonstrates how the evolution of the legal status of municipal employees reflected the balance between the centralization of state power and the autonomy of local self-government.

Keywords: genesis of municipal service, institutionalization of public administration, historical and legal analysis, evolution of local self-government, legal status of a municipal employee, administrative traditions of Russia.

Институт муниципальной службы представляет собой сравнительно молодой публично-правовой феномен в системе российского государственного устройства. Его формирование и эволюция как особой разновидности публичной службы детерминированы генезисом отечественной модели местного самоуправления, что обуславливает их системную взаимосвязь. Специфика местного самоуправления как формы публичной власти территориального коллектива предопределяет отличительные характеристики муниципальной службы, выступающей ключевым элементом его организационного механизма.

В научной литературе принято выделять следующие хронологические этапы развития местного самоуправления в России: период вечевой демократии, трансформацию муниципальных институтов в XVIII столетии, эпоху земского и городского самоуправления, советскую модель организации местной власти, демократизацию конца 1980-х – начала 1990-х годов, а также современный этап институционального развития [1].

Примечательно, что первые три исторических периода, хронологически предшествующие революционным преобразованиям 1917 года, демонстрируют генетическую связь и институциональную преемственность, что позволяет рассматривать их в рамках единого дореволюционного этапа становления российского местного самоуправления. Данный подход обеспечивает целостное восприятие эволюции муниципальных институтов в контексте исторического развития российской государственности.

Псковская и Новгородская республики представляют собой архетипические примеры автономных городских общин в древнерусской государственности. В Псковской и Новгородской судных грамотах регламентировался как персональный состав вечевых собраний, так и субъектный круг инициаторов их созыва, включавший княжескую власть, отдельных представителей общества и коллективные решения народного собрания. Принципиально важным представляется отсутствие прямых аналогов данной системы городского самоуправления в современной ей европейской политической практике, что свидетельствует о уникальности пути развития древнерусских политических институтов [2].

До XVI столетия практика локального самоуправления не получала формального нормативного закрепления, оставаясь в сфере устных народных обычаев и региональных традиций. Кардинальная трансформация произошла в период правления Ивана IV, инициировавшего замену системы кормлений институтами земского и губного управления. Земская изба как выборный орган местного самоуправления осуществляла административные функции на уездном уровне,

включая в свой состав избираемого старосту, дьяка и целовальников. Параллельно губные избы, создававшиеся в регионах с преобладанием поместного землевладения, выполняли судебно-следственные полномочия по делам средней тяжести.

Сформировавшаяся в эпоху Ивана Грозного административно-территориальная иерархия в виде городов, волостей и уездов создала структурный фундамент для последующего развития местного самоуправления. Данная система не только обеспечивала децентрализацию управления, но и способствовала выработке уникальных механизмов взаимодействия центральной власти с региональными сообществами, заложив основы для последующей институционализации муниципальных институтов в российском государстве.

XVII столетие ознаменовалось системной трансформацией государственного устройства Руси, оказавшей непосредственное воздействие на эволюцию местного управления. Ключевым нововведением этого периода стало учреждение института воеводского правления, которое заняло центральное положение в системе региональной администрации российского государства.

В начале следующего столетия Петр I осуществил радикальную реформу, ликвидировавшую губное управление. В уездных территориях при воеводах были сформированы сословные представительные органы – дворянские советы, обладавшие совещательными полномочиями при решении локальных вопросов. Дальнейшая административная реорганизация привела к созданию губернской системы управления, первоначально включившей восемь территориальных единиц. Последовавшее в 1718 году учреждение провинций с последующим делением на дистрикты под управлением земских комиссаров завершило формирование новой управленческой иерархии [3].

Городская реформа 1720 года учредила коллегиальные органы городского самоуправления – магистраты, обладавшие значительной автономией от губернской и воеводской власти. Историческое значение петровских преобразований заключается в создании эффективной системы ресурсного обеспечения армии и флота, что стало одним из факторов победы в Северной войне.

Во второй половине XVIII века восстание под предводительством Пугачева продемонстрировало необходимость совершенствования системы местного управления. Изданное в 1775 году «Учреждение для управления губерний» Екатерины II заложило основы новой территориальной организации империи с четким разделением административных и судебных полномочий.

Кризис местного управления 1860-х годов, усугубленный последствиями поражения в Крымской войне, выявил неэффективность централизованного назначения чиновников, не знакомых с региональной спецификой. Это побудило Александра II к проведению комплексных преобразований, включая реорганизацию системы местного самоуправления.

Манифест 1861 года об отмене крепостного права стал катализатором глубинных преобразований в системе местного управления Российской империи. До данной реформы административная структура преимущественно воспроизводила волю центральных органов власти, поскольку большинство населения нахо-

дилось в крепостной зависимости. Освобождение крестьянства создало принципиально новые условия для развития самоуправленческих институтов.

В 1864 году императором Александром II были учреждены земства – уездные и губернские всеобщие органы местного самоуправления. Организационная структура земских учреждений включала уездные и губернские собрания как распорядительные органы, а также избираемые исполнительные органы – уездные и губернские управы. Эти институты стали прообразом современной системы местного самоуправления.

Правление Александра II имело определяющее значение для институционализации муниципальной службы в России. В результате проведенных реформ была сформирована организационная структура органов местного управления, установлены процедуры их формирования и компетенция. Именно в этот период началось концептуальное размежевание между государственной и муниципальной службой, определившее дальнейшие пути развития местного самоуправления.

При Александре III получила распространение государственная теория самоуправления, что повлекло пересмотр земского и городского законодательства. Были приняты новые редакции Положения о земских учреждениях и Городового Положения, усилившие правительственный контроль над деятельностью местных органов власти и изменившие принципы их взаимодействия с центральной администрацией.

Ключевым нововведением указа Николая II от 5 октября 1906 года стало предоставление сельским обывателям избирательных прав на вторых избирательных съездах. В 1911–1913 годах произошло последовательное внедрение земских учреждений в западных губерниях империи. С приходом к власти большевиков началась системная ликвидация земств как элементов буржуазного строя, замененных полностью подконтрольными Советами, что фактически упразднило местное самоуправление.

Возрождение институтов местного самоуправления произошло лишь в 1990-е годы благодаря Закону СССР «Об общих началах местного самоуправления», который определил концептуальные основы данного института и установил местные Советы в качестве его основного звена. Дополнительным импульсом стало принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР, закрепившей курс на создание системы местного самоуправления.

Становление современной модели местного самоуправления в Российской Федерации началось в постсоветский период и получило конституционное закрепление в 1993 году. Институционализация муниципальной службы как правового явления произошла с принятием Федерального закона № 154-ФЗ от 28 августа 1995 года, впервые установившего базовые дефиниции «муниципальная служба» и «муниципальный служащий».

Принципиально новый этап развития наступил с принятием Федерального закона № 8-ФЗ от 8 января 1998 года, который ввел концепцию профессиональной муниципальной службы на постоянной основе и закрепил понятие «муниципальная должность». Данный акт систематизировал основные принципы службы и правовой статус служащих.

Современная парадигма сформировалась благодаря Федеральному закону

№ 131-ФЗ от 6 октября 2003 года, ограничившему нормотворческие полномочия субъектов РФ в данной сфере, и Федеральному закону № 25-ФЗ от 2 марта 2007 года, создавшему комплексную систему правового регулирования муниципальной службы как элемента публично-правового механизма. Действующее законодательство устанавливает многоуровневую систему нормативного регулирования, основанную на принципах единства и дифференциации.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет констатировать наличие устойчивой корреляционной зависимости между эволюцией законодательства о муниципальной службе и трансформацией правового статуса муниципальных служащих в России. Каждая фаза реформирования нормативной базы детерминировала качественное изменение комплекса прав, обязанностей и гарантий служащих, отражая тем самым поступательную институционализацию муниципальной службы как самостоятельного публично-правового института. Выявленная закономерность демонстрирует диалектическое единство формально-юридических и содержательных аспектов в развитии муниципально-служебных отношений, где модификация нормативного регулирования выступает одновременно причиной и следствием преобразования правового положения субъектов муниципальной службы. Данный вывод подтверждает теоретическую гипотезу о системном характере эволюции российского муниципального права, где изменения в отдельных элементах правового регулирования закономерно влекут трансформацию всей системы муниципально-служебных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. История государственного управления в России. Учебник / Ф. О. Айсина, С. Д. Бородина, Н. О. Воскресенская [и др.]. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 319 с.
2. Тенденции развития конституционно-правовых основ местного самоуправления на современном этапе / О. В. Кукушкин, Ю. И. Каргин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика : монография. – Пенза : Наука и Просвещение, 2016. – С. 111–125.
3. Котляров, С. Б. История развития институтов прямого волеизъявления населения России в досоветский период / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Современное общество: наука, техника, образование : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах, Нефтекамск, 15 декабря 2016 года. Том 4. – Нефтекамск : Башкирский государственный университет, 2016. – С. 128–133.

УДК 328.185

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ФЕНОМЕН: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ, СУЩНОСТИ И КЛЮЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

Кукушкин Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) Казанский институт (филиал)

E-mail: kandidatistorii@rambler.ru, ovkuk@mail.ru

LEGAL SYSTEM AS A COMPLEX PHENOMENON: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT, ESSENCE AND KEY CHARACTERISTICS

Kotlyarov Sergey Borisovich, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Kukushkin Oleg Viktorovich, PhD (Philosophy), Associate Professor

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) Kazan Institute (branch) of the

Статья предлагает авторский концептуальный взгляд на правовую систему как целостный многоуровневый феномен, выходящий за рамки традиционного отождествления с системой права. В ходе теоретико-правового анализа выявляются имманентные свойства и структурные детерминанты, формирующие сущностное своеобразие данного социально-нормативного комплекса.

Ключевые слова: комплексная правовая система, теоретико-правовая парадигма, структурно-функциональный анализ, юридическая онтология, доктринальные подходы к правопониманию.

The article offers an author's conceptual view of the legal system as a holistic multilevel phenomenon that goes beyond the traditional identification with the system of law. In the course of theoretical and legal analysis, immanent properties and structural determinants are revealed that form the essential originality of this socio-normative complex.

Keywords: complex legal system, theoretical and legal paradigm, structural and functional analysis, legal ontology, doctrinal approaches to legal understanding.

Современная юридическая наука оперирует категорией «правовая семья» как фундаментальной типологической единицей, позволяющей классифицировать многообразие национальных правовых систем по историко-культурным и технико-юридическим признакам. К числу наиболее признанных в доктрине относятся романо-германская (континентальная) семья, основой которой является кодифицированное право; англосаксонская система (common law), базирующаяся на судебном прецеденте; религиозная семья (например, мусульманское право – шариат), а также семья обычного (традиционного) права, доминирующая в ряде регионов Африки и Азии [1, с. 45]. Данная классификация отражает не столько формальные различия, сколько глубинные цивилизационные особенности правопонимания и правореализации.

Структурно правовая система раскрывается как сложный социально-юридический организм, интегрирующий в себя не только позитивное право (нормативный блок), но и функционально-идеологические элементы. В её состав входят правотворчество и правоприменение как динамические процессы формирования и реализации юридических предписаний, толкование, обеспечивающее единообразное понимание норм, а также правовая идеология и правосознание, формирующие аксиологическую основу всей системы [2, с. 78]. Таким образом, правовая система представляет собой не статичный набор правил, а живой, развивающийся нормативно-регулятивный комплекс.

В федеративных государствах, таких как Российская Федерация, системный характер права проявляется в строго иерархическом взаимодействии его источников. Данная иерархия выстраивается по принципу верховенства федеральной

конституции и федерального законодательства, которое детализируется и развивается в законах субъектов Федерации. Завершают эту пирамиду подзаконные акты (указы, постановления, распоряжения), которые, не противореча законам, обеспечивают их оперативную реализацию в конкретных сферах публичного управления [3, с. 112].

В отечественной юридической доктрине не существует унитарного понимания правовой системы, что порождает множество конкурирующих теоретических моделей. С. С. Алексеев рассматривает ее как «целостное образование, аккумулирующее все конститутивные элементы правовой действительности, объективирующиеся в рамках конкретного государства» [4, с. 15]. Развивая эту мысль, можно утверждать, что Алексеев делает акцент на интегративной функции правовой системы, которая синтезирует нормативные, институциональные и ментальные компоненты в единый механизм правового регулирования, обеспечивающий стабильность и порядок в обществе.

О. Ф. Скакун определяет правовую систему как «созданный вне воли граждан объективными закономерностями развития общности целостный комплекс согласованных средств правового воздействия на общественные отношения, который применяется людьми и государством в целях достижения и реализации интересов, а также для реализации правового порядка» [5, с. 91]. Это определение подчеркивает объективный, надындивидуальный характер правовой системы, которая, будучи продуктом социальной эволюции, выступает инструментом согласования разнородных интересов и консолидации общества вокруг единых целей.

С позиции Ю. А. Тихомирова, правовая система предстает как «упорядоченный массив нормативных правовых актов, действующих на основе взаимозависимых принципов» [6, с. 203]. Продолжая его концепцию, важно отметить, что Тихомиров акцентирует внимание на формально-логическом аспекте, где системность обеспечивается не просто совокупностью актов, а их внутренней связью, соподчинением и базированием на единых фундаментальных началах (принципах), таких как справедливость, равенство и гуманизм.

Особый взгляд на проблему предлагает Д. А. Керимов, усматривающий сущность правовой системы, «прежде всего, в объективности внутреннего объединения правовых норм и их деления на отрасли» [7, с. 134]. Это видение позволяет сделать вывод о том, что Керимов рассматривает систему как имманентное, внутренне присущее праву свойство, которое проявляется в его логической структурированности и отраслевой дифференциации, отражающей многообразие регулируемых общественных отношений.

В чем же заключается социальная сущность и фундаментальная значимость правовой системы? Её первичная социальная функция заключается в создании и поддержании динамического баланса интересов различных социальных классов и групп. В сложно структурированном обществе неминуемо возникают разнонаправленные, а подчас и конфликтующие интересы – именно они получают легитимацию, формализацию и границы дозволенного через механизмы позитивного права и иные элементы правовой системы.

Дополнительно к этому, сущность системы раскрывается через закрепление монополии государства на легитимное принуждение. Императивность как ключевое свойство права обеспечивает гарантию правомерного поведения граждан,

устанавливая санкции за нарушение правовых предписаний. Однако принуждение – не самоцель, а средство обеспечения правовой безопасности и предсказуемости поведения всех участников общественных отношений.

Таким образом, на глубинном уровне сущность правовой системы заключается в выполнении стабилизирующей и организующей функций. Она служит универсальным социальным стабилизатором, гасящим возможные конфликты посредством четких процедур и норм, и одновременно – мощным организующим началом, придающим деятельности государства, его органов и граждан согласованный, целенаправленный и упорядоченный характер.

Ключевые признаки правовой системы раскрываются через следующие детерминанты:

1. Системообразующая роль: Правовая система выступает центральным элементом социальной организации, находясь в диалектической взаимосвязи с экономической и политической подсистемами общества.

2. Структурная сложность: Характеризуется внутренней противоречивостью, сочетающей целостность нормативно-регулятивного комплекса с дифференциацией составляющих его элементов.

3. Суверенно-автономный характер: Является атрибутом государственного суверенитета, обладая при этом собственной логикой развития и функциональной автономией.

4. Трансляционная функция: Обеспечивает преобразование нормативных предписаний в реальные модели правового поведения через механизмы правоприменительной практики.

5. Динамическая природа: Обладает развитым потенциалом адаптации, позволяющим эффективно реализовывать цели правовых субъектов и поддерживать общественный правопорядок.

Структура правовой системы представляет собой единство взаимосвязанных элементов, образующих целостный механизм правового регулирования, где каждый компонент выполняет строго определенную функциональную нагрузку в процессе правового воздействия на общественные отношения.

В рамках либертарно-юридической концепции В. С. Нерсисянца структура правовой системы раскрывается через четыре фундаментальных компонента. Первый образует доктринально-философский блок, включающий понятийно-категориальный аппарат юриспруденции и специфику правопонимания. Второй компонент представляет нормативное ядро системы – совокупность действующих правовых предписаний, обладающих формальной определенностью. Третий элемент составляет институциональную основу – совокупность правотворческих и правоприменительных учреждений. Четвертый компонент охватывает социологический аспект, воплощаясь в юридической практике, правореализационных процессах и правовых отношениях, образующих динамическую составляющую правовой системы [8].

Принципиальное значение для понимания правовой действительности имеет детальная характеристика элементов её внутренней организации. Особый интерес представляет феномен правоприменительной деятельности как сложного многогранного явления в механизме правового регулирования.

Правоприменение представляет собой властно-организованную деятельность

компетентных государственных органов, осуществляемую в установленных процессуальных формах. Данный процесс характеризуется стадийностью, функциональной специализацией и завершается принятием индивидуально-правового акта. Сущностной особенностью правоприменения является его государственно-обязательный характер, обеспечиваемый системой императивных полномочий уполномоченных субъектов.

В широком понимании, правоприменительная деятельность охватывает различные формы реализации правовых предписаний, включая как юрисдикционные процедуры, так и регистрационные действия (в частности, государственную регистрацию актов гражданского состояния). Это подчеркивает её инструментальную роль в переводе нормативных предписаний в практическую плоскость правореализации.

Система права представляет собой внутреннюю структуру права, состоящую из взаимосвязанных элементов. Основу системы образует правовая норма – формально закрепленное правило поведения, обладающее общеобязательным характером. Совокупность норм, регулирующих однородные общественные отношения, формирует отрасль права (трудовое, гражданское, уголовное).

Крупные отрасли дифференцируются на подотрасли (наследственное, авторское право), которые далее делятся на правовые институты и субинституты. Дополнительно система права классифицируется по следующим критериям: национальное и международное право; частное и публичное право; материальное и процессуальное право.

Правовая идеология как компонент правосознания представляет собой систему идей, теорий и представлений о праве в его статике и динамике. Её актуализация в российской юридической науке связана с преодолением правового нигилизма после распада СССР.

Правовая культура характеризует качественное состояние правовой жизни общества через уровень развития правовой системы, доступность правовой информации и эффективность правоприменительной деятельности. Она включает ценностные ориентации, правовые знания и практические умения применения правовых механизмов в регулировании общественных отношений.

Таким образом, правовая система представляет собой сложный многоуровневый механизм социального регулирования, органично сочетающий нормативные, институциональные и аксиологические компоненты. Её архитектура проявляется в иерархическом построении источников права, структурной дифференциации отраслей и институтов, а также в диалектическом единстве статических и динамических элементов. Многоаспектная природа правовой системы раскрывается через её основные детерминанты – системообразующую роль, суверенно-автономный характер и трансляционную функцию, обеспечивающую преобразование нормативных предписаний в реальные модели поведения. Фундаментальное значение системы заключается в её способности поддерживать динамический баланс общественных интересов, выступая одновременно стабилизирующим фактором и организующим началом правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение и правовые семьи мира / А. Х. Саидов. – Москва : Норма, 2024. – 320 с.

2. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Дело, 2022. – 528 с.
3. Тихомиров, Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Бек, 1995. – 496 с.
4. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – Москва : Бек, 1995. – 320 с.
5. Скакун, О. Ф. Теория государства и права / О. Ф. Скакун. – Харьков : Консум, 2000. – 704 с.
6. Тихомиров, Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Норма, 1996. – 432 с.
7. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – Москва : Инфра-М, 2021. – 472 с.
8. Коррупция: основные тенденции противодействия / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.]; Под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 196 с.

УДК 347

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РФ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Алукаев Альберт Рафаэлевич, магистрант

Коченов Александр Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Stroim-saransk@mail.ru; st802389@ruc.su

DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A WAY TO INCREASE THE ACCESSIBILITY AND QUALITY OF JUSTICE: IMPLEMENTATION PROBLEMS

Alukaev Albert Rafaelevich, Master's Degree student

Kochenov Alexander Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется проблема цифровизация судебной системы РФ как стратегический фактор формирования новой экономико-правовой реальности, ориентированный на повышение доступности и качества правосудия. Анализируются институциональные аспекты электронного правосудия в контексте судебной реформы, начавшейся с 2014 г. В работе исследованы успешные региональные практики (интеграция с МФЦ, «Интерактивный помощник» в Москве, система взаимодействия в Татарстане) и потенциал суперсервиса «Правосудие онлайн».

Проводится системный анализ проблем цифровизации судебной системы на практике, препятствующих ее полноценной реализации.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровизация судебной системы РФ, доступность правосудия, судебная реформа, ГАС «Правосудие», дистанционное судопроизводство.

The article examines the digitalization of the judicial system of the Russian Federation as a strategic factor in the formation of a new economic and legal reality aimed at improving the accessibility and quality of justice. The article analyzes the institutional aspects of e-justice in the context of judicial reform that began in 2014. The paper examines successful regional practices (integration with the IFC, the Interactive Assistant in Moscow, the interaction system in Tatarstan) and the potential of the Justice Online superservice.

A systematic analysis of the problems of digitalization of the judicial system in practice, which hinder its full implementation, is being conducted.

Keywords: e-justice, digitalization of the Russian judicial system, accessibility of justice, judicial reform, GAS "Justice", and remote legal proceedings.

Электронное правосудие в условиях цифровизации экономики формирует принципиально новую экономико-правовую реальность в рамках глобальной современности. Параллельно с этим происходит институционализация электронного правительства как структурного элемента концепции электронного государства, способствующего становлению цифрового общества.

Зарождение концепта электронного правосудия в Российской Федерации детерминировано принятием комплекса законодательных актов, регламентирующих использование документов в электронном виде в судопроизводстве. Данная нормативная база представляет собой ключевое направление текущей судебной реформы, начавшейся с объединения Верховного суда и Высшего арбитражного суда в 2014 году и направленной на системную реализацию и развитие института электронного правосудия в целом.

Как подчеркивалось в Верховном суде Российской Федерации, ключевая цель реализуемой реформы заключается в формировании оптимальной модели судебной системы, обеспечивающей соответствие актуальным запросам общества, обладающей его доверием и гарантирующей высокий уровень правовой защищенности для последнего.

Так, основным запросом общества в настоящее время является цифровизация (информатизация) всех сфер общественной жизни, включая правовую.

Согласно представленным Лебедевым данным, за отчетный период в судебные инстанции в цифровом формате направлено свыше 9 миллионов процессуальных документов, тогда как суммарный объем обращений посредством государственной автоматизированной системы «Правосудие» достиг экспоненциального показателя, превышающего 5 миллиардов.

При этом важно отметить высокую востребованность цифровой инфраструктуры, включая мультисервисную модель подачи исковых заявлений через многофункциональные центры, куда в 2023 году обратилось более 400 тысяч граждан.

Параллельно статистика дистанционных судебных заседаний демонстрирует устойчивую положительную динамику. Так, с применением технологии видеоконференц-связи проведено 490 тысяч сессий, а через веб-конференц-платформы – 611 тысяч [1].

Признавая цифровизацию судебной системы РФ стратегическим направлением для повышения доступности и качества правосудия, необходимо отметить первоочередную значимость ее реализации в судах общей юрисдикции и мировых судебных участках.

Данный приоритет детерминирован их процессуальной нагрузкой, характеризующейся следующими показателями, корпус из приблизительно 7,7 тысяч мировых судей разрешает порядка 80 % общесудебных споров, при этом индивидуальная нагрузка, например, в Москве, достигает 367 дел ежемесячно [2].

Особую значимость приобретает автоматизация подготовки судебных приказов, где ввиду отсутствия состязательной процедуры данное действие сводится преимущественно к техническому исполнению. Существующий цифровой потенциал отечественной судебной системы способен стать катализатором минимизации судебных издержек, сокращения сроков разрешения дел и обеспечения прозрачности процессуальной информации для участников.

В этом ключе перспективным представляется разработка интегрированного суперсервиса «Правосудие онлайн», однако по настоящее время он так не функционирует в полноценном режиме. Данная платформа призвана консолидировать ключевые функции дистанционного судопроизводства, подачу исков и жалоб через личный кабинет, получение информации о заседаниях, участие посредством веб-конференций, а также обеспечить сопутствующие автоматизированные сервисы – верификацию подсудности, классификацию исковых требований и калькуляцию госпошлины.

Несмотря на данные попытки создания полноценного суперсервиса в настоящее время для повышения доступности и качества правосудия необходима систематизация и последующая репликация (заимствование) передовых цифровых практик судебными органами.

В качестве основы можно взять пример интеграции портала «Госуслуги», обеспечивающего подачу процессуальных документов, дистанционный доступ к материалам делопроизводства и получение судебных актов посредством цифровых устройств, исключая необходимость повторного визита в МФЦ.

Также важно отметить и критическую значимость адаптации судебных сервисов для непрофессиональных пользователей (не юристов), беря во внимание успешную московскую модель цифровой трансформации. В качестве примера можно привести функционал автоматизированного интерфейса «Интерактивный помощник», размещенного на веб-ресурсе Мосгорсуда, который алгоритмизирует составление исковых заявлений по отдельным категориям споров, верификацию подсудности и калькуляцию государственной пошлины. Данную практику необходимо реализовывать и в других регионах РФ, включая Республику Мордовия.

Отметим и систему электронного взаимодействия с адвокатами, переводчиками и судебными экспертами, реализующую оперативный подбор защитников по уголовным делам, мониторинг их деятельности и генерацию платежных документов, причем данная платформа уже внедрена в Татарстане с планами расширения на 12 субъектов РФ, что в свою очередь значительным образом повысило качество и доступность правосудия.

Говоря о цифровой трансформации судебной системы нельзя забывать и о кадрах, которые будут её проводить, для чего необходимо уделить особое внимание подготовке специализированных кадров – в виде «юристов-программистов» – на базе крупных столичных вузов МГУ, МГЮА, ВШЭ.

В контексте анализа цифровизации судебной системы РФ как ключевого фактора повышения доступности и качества правосудия, необходимо осветить и аспекты, непосредственно затрагивающие судебский корпус. Так, в рамках дискуссии о цифровой этике, председателем Совета судей Момотовым инициировано создание специализированной рабочей группы при комиссии по этике для разработки нормативных комментариев, регламентирующих поведение судей в цифровой среде, включая социальные сети.

Данная мера обусловлена значительным ростом их онлайн-активности и сопутствующими рисками необдуманной публикации информации, подчеркивая неразрывность восприятия судьи обществом как носителя судебной власти вне зависимости от статуса (действующий или в отставке).

Параллельно необходимо обратить внимание на критическую важность финансовой осмотрительности судей при инвестировании. Так, приобретение паев, открытых ПИФов создает правовые коллизии ввиду косвенного владения иностранными активами через механизм общей долевой собственности на имущество фонда, что прямо противоречит нормам ФЗ «О статусе судей» и должно влечь за собой ответственность для судей [3].

При анализе проблем реализации цифровизации правосудия важно отметить, что ключевой барьер заключается не в отсутствии правовых механизмов или возможности их применения, а в отсутствии мотивации к их использованию на институциональном уровне. Так, несмотря на неоспоримый потенциал цифровых решений для оптимизации судопроизводства, на практике наблюдаются случаи, когда отдельные судебные органы произвольно ограничивают применение базовых цифровых инструментов (видеоконференцсвязи, веб-конференций, электронного ознакомления с материалами дела), апеллируя к дискреционному характеру соответствующих процессуальных прав, поскольку это является лишь правом суда, а не его обязанностями.

Подобная практика порождает диссонанс между декларируемыми целями цифровой трансформации и ее фактическим воплощением, зачастую усугубляемый не отсутствием технических возможностей, а целенаправленно созданными административными барьерами, ведущими к ограничению доступа к правосудию. Яркой иллюстрацией данной системной проблемы выступает проблема, связанная с Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 г. № 251, регламентирующим подачу документов в электронном виде. Согласно п. 3.1.3 указанного Порядка, предъявляются дифференцированные требования к представлению электронного ордера адвоката [4].

Так, для гражданского, административного и арбитражного процессов (ГПК РФ, КАС РФ) допускается заверение ордера простой или квалифицированной электронной подписью подающего лица, тогда как для уголовного судопроизводства (УПК РФ) неоправданно сохраняется исключительное требование об усиленной квалифицированной электронной подписи должностного лица адвокатского образования.

Данное нормативное противоречие, во-первых, лишено процессуальных оснований, поскольку форма ордера едина, а во-вторых, превышает компетенцию Судебного департамента, не обладающего полномочиями по регулированию формы адвокатского ордера, отнесенного к ведению Минюста России. Указанное ограничение демонстрирует, как ведомственное нормотворчество, игнорирующее принцип процессуальной экономии и единства регулирования так и создает искусственные административные барьеры, трансформируя цифровизацию из инструмента доступности в механизм избирательного ограничения процессуальных возможностей.

Таким образом цифровизация судебной системы РФ представляет собой одно из стратегических направлений реформирования судов, формирующий новую экономико-правовую реальность и направленный на повышение доступности и качества правосудия.

Однако несмотря на значительный прогресс, выраженный в обновлении нормативно-правовой базы (судебная реформа с 2014 г.), впечатляющих показателях использования цифровых сервисов (свыше 9 млн. электронных документов, более 5 млрд. обращений в ГАС «Правосудие», сотни тысяч дистанционных заседаний) и развитии региональных инноваций (МФЦ, «Интерактивный помощник» в Москве, системы взаимодействия в Татарстане), реализация сталкивается с системными вызовами.

Ключевыми проблемами являются:

1) неравномерность внедрения цифровых технологий на местах, обусловленная зачастую не отсутствием технических возможностей, а отсутствием мотивации судов к применению цифровых инструментов (ВКС, веб-конференции, электронное ознакомление), что создает дисбаланс между декларируемыми целями и практикой;

2) административные барьеры, проявляющиеся избыточными и дифференцированными требованиями к электронным документам (Ордер адвоката), не имеющими процессуальных оснований и порой превышающими компетенцию издающих органов, что представляет собой механизм избирательного ограничения доступа к правосудию;

3) недостаточная зрелость системной интеграции, проявляющаяся в задержке запуска ключевого суперсервиса «Правосудие онлайн» и отсутствии единой модели заимствования успешных практик (интеграции с «Госуслугами», адаптивных сервисов для непрофессионалов) на всей территории РФ, включая регионы вроде Мордовии.

Для дальнейшего устойчивого развития судебной системы используя цифровизацию судебной системы РФ как основной способ повышения доступности и качества правосудия необходимо преодоление этих барьеров через унификацию и стандартизацию процедур, также необходимо внедрить обязательность применения базовых цифровых инструментов, а также расширить практику пилотных проектов на всю Российскую Федерацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. О статусе судей в Российской Федерации : закон Российской Федерации от 26.06.1992 г. – № 3132-1 // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1373/
2. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=301&item=3658>
3. О цифровизации судебной системы // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33194/
4. Рукавишникова, И. В. Цифровизация судебной системы России повышает доступность и качество правосудия // Официальный интернет-портал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/158849/>

УДК 342.2

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ: КОНКУРЕНЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА КАК УГРОЗА СИСТЕМНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Кочешкова Алена Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810384@ruc.su

DOCTRINAL CHALLENGE: COMPETING SOURCES OF LAW AS A THREAT TO SYSTEMIC INTEGRITY

Kocheshkova Alena Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящая статья посвящена анализу феномена доктринального вызова, порождаемого конкуренцией источников права в современной российской правовой системе. Доказывается, что данная конкуренция трансформируется из фактора динамичного развития в системную угрозу, ведущую к правовой неопределенности и «эрозии» иерархии права. На основе системно-структурного подхода выявляются латентные конфликты между формальными и неформальными источниками, подрывающие целостность правового поля.

Ключевые слова: доктринальный вызов, конкуренция источников права, системная целостность права, легитимация источников, правовая нестабильность, иерархия права.

This article is devoted to the analysis of the phenomenon of doctrinal challenge generated by the competition of sources of law in the modern Russian legal system. It is proved that this competition is transforming from a factor of dynamic development into a systemic threat leading to legal uncertainty and "erosion" of the hierarchy of law. On the basis of a system-structural approach, latent conflicts between formal and informal sources are identified that undermine the integrity of the legal field.

Keywords: doctrinal challenge, competition of sources of law, systemic integrity of law, legitimation of sources, legal instability, hierarchy of law.

Генезис научной полемики вокруг систематизации и критериев классификации источников права относится к XIX–XX столетиям, что явилось закономерным ответом на усложнение юридической практики. Рост числа судебных дел с коллизионной составляющей, где сталкивались разноуровневые нормативные акты и даже правовые системы, остро поставил вопрос о необходимости их упорядочивания. Такие макросоциальные тренды, как утверждение всесословного правосудия, базирующегося на принципе формального равенства, интенсификация трансграничных экономических связей и глобальная поствоенная модернизация законодательств, выступили катализаторами этой дискуссии [1, С. 43]. Внутри национальных правовых моделей консенсус достигался относительно быстро, тогда как выход в сферу межгосударственного или даже внутрифедеративного взаимодействия, актуального для России (а ранее – СССР), порождал устойчивые очаги теоретического противостояния. Прежде чем анализировать исторически сложившиеся модели систематизации, представляется необходимым провести инвентаризацию самих объектов классификации – разнообразных форм права.

Правовой обычай, как архетипическая форма объективации права, представляет собой исторически сформировавшееся и в силу многократной репродукции

ставшее императивным правило поведения. Его ключевым атрибутивным признаком, отграничивающим его от неправовых социальных регуляторов (традиций, обрядов, деловых обыкновений), выступает санкционирующая роль государства, обеспечивающая его соблюдение мерами принуждения. Наделение обычая статусом источника права посредством официального признания со стороны публичной власти сообщает ему свойство нормативной безальтернативности, выводя из сферы возможного выбора субъектов правоприменения.

Правовой обычай служит наглядной демонстрацией дихотомии, присущей всей системе социальной регуляции: он одновременно является порождением коллективного сознания и инструментом государственного властвования. Общее для всех социальных норм заключается в их роли – быть императивными предписаниями поведения. Особенное же права, и обычая в том числе, кроется в его монополии на легитимное принуждение. Таким образом, девиация от норм морали или религии влечет санкции в форме общественного порицания, в то время как нарушение правового обычая инициирует применение аппарата государственного принуждения с его системой юридической ответственности.

Для того чтобы обычай стал элементом правовой системы, недостаточно его длительного существования и общественного признания. Решающим фактором является санкционирование со стороны государства, которое наделяет его властной защитой. Таким образом, правовыми становятся только те из обычаев, за которыми стоит возможность применения легитимного принуждения, что и отличает их от иных социальных регуляторов [2, С. 125–126]. Сегодня правовой обычай считается наименее популярным правовым источником. Ключевая его характеристика заключается в отсутствии письменной фиксации в официальных законодательных документах. Когда содержание обычая включается в законодательный акт, он утрачивает статус обычая и преобразуется в иную юридическую форму – например, становится частью нормативного документа. Постепенное расширение кодифицированного законодательства неизбежно сужает пространство для применения обычаев в современной правовой действительности.

Доминирующей формой объективации права в современной юриспруденции выступают нормативные правовые акты. Эти официальные документы, обладающие установленной формой и исходящие от уполномоченных органов, кодифицируют общеобязательные предписания. Их системообразующие характеристики включают общеобязательность, неконкретность адресата, формальную определенность и многократность применения в рамках очерченной юрисдикции. Несмотря на относительно позднее появление в исторической ретроспективе, именно нормативный акт приобрел статус краеугольного камня современных правопорядков [3, С. 174–176].

Ситуативное применение документов индивидуального характера – судебных постановлений, соглашений между сторонами, распоряжений органов власти – расширилось в значительно большей степени. Их фундаментальное отличие от нормативных актов заключается в индивидуально-разовом характере, поскольку они направлены на реализацию прав и обязанностей для персонифицированных

субъектов. Их юридическая сила производна – они черпают легитимность в нормах, установленных актами более высокого уровня, и представляют собой акт их операционализации.

Классическая доктрина в качестве ключевого критерия дифференциации называла неопределенный круг адресатов нормативного акта против конкретного – у правоприменительного. Эта дихотомия сохраняет наглядность при сопоставлении, например, закона и двустороннего договора. Однако современная реальность демонстрирует размывание этой границы, что наиболее рельефно проявляется в феномене судебных решений, приобретающих де-факто нормативную силу и начинающих регулировать поведение неопределенного множества субъектов.

В системе международно-правового регулирования нормативный международный договор выступает в качестве одной из фундаментальных форм правообразования.

В ином культурно-правовом контексте, не характерном для российской действительности, но сохраняющем свою значимость в ряде зарубежных государств, функцию источника права выполняют религиозные тексты. Данный феномен представляет собой непосредственное использование положений священных писаний в качестве регулятора общественных отношений, обеспечиваемого механизмом государственного принуждения. Наиболее рельефно эта модель проявляется в рамках правовых систем мусульманских стран, основанных на принципах шариата.

Наконец, существенную роль в мировой юриспруденции играет юридический прецедент. Наибольшую доктринальную и практическую разработанность он получил в рамках англосаксонской правовой семьи, историческим ядром которой является право Англии. По своей сути, прецедент представляет собой судебное решение по уникальному казусу, приобретающее значение нормативного образца для последующих судебных разбирательств со сходной фактической основой.

Актуальность прецедентного права в условиях развитой законодательной системы обусловлена рядом неоспоримых преимуществ. К их числу относятся:

1. Динамизм: способность оперативно адаптировать право к стремительно меняющимся общественным отношениям, которые законодатель не успевает формализовать.

2. Конкретизация: восполнение системных пробелов и коллизий, неизбежно возникающих в позитивном праве.

3. Совершенствование: возможность точечной коррекции и интерпретации законодательных положений, демонстрирующих свою неэффективность или неопределенность на практике.

4. Гибкость: нейтрализация возможностей для злоупотребления правом через поиск «лакун» (правовых лазеек) в нормативных актах, поскольку суд, создавая прецедент, может дать ситуативную оценку подобным действиям [4, С. 107–113].

Процесс формирования судебного прецедента в российской правовой системе характеризуется внутренней двойственностью. Несмотря на то, что законодательство обязывает суд рассмотреть любое обращение и вынести по нему решение, у судей отсутствует прямое указание на обязательность следования ранее

созданным образцам. В этой правовой коллизии судебные инстанции, по нашему мнению, избирают один из двух путей: либо апеллируют к правоположениям, сформулированным в аналогичных делах, либо, используя инструменты судебного толкования, конструируют новую нормативную модель непосредственно на основе действующих законодательных актов. Ключевыми атрибутами прецедента выступают гибкость, коллизионный потенциал, плюрализм мнений и казуистическая детализация. Наибольшие дискуссии на практике вызывает атрибут гибкости. Он проявляется в том, что сама природа прецедента предоставляет судье легитимное усмотрение при выборе окончательного варианта разрешения ситуации, поскольку правовая коллизия часто допускает несколько вариантов ее юридической квалификации [5, С. 112–113].

Риск субъективного толкования и неправомерных решений сохраняется из-за существующих изъянов в судебных институтах. Прецедентная система демонстрирует множество положительных сторон, однако не лишена слабых мест. Подобный механизм способен действовать значительно быстрее, чем громоздкий законотворческий аппарат, часто буксующий в ситуациях, требующих немедленного реагирования. Таким образом, справедливость может быть восстановлена именно через прецедентное регулирование, когда буквальное следование норме нарушает её истинный замысел [6, С. 18].

Кроме того, источниками права признаются доктринальные тексты – концепции и труды авторитетных правоведов. Например, в англосаксонской и исламской правовых семьях ссылки на научные доктрины официально интегрированы в правоприменительную практику.

Теория права также относит к источникам общие принципы права. В российской юридической системе они служат субсидиарным инструментом при невозможности применения аналогии закона (ч. 2 ст. 6 ГК РФ). В современной России доминирующим источником остается нормативный правовой акт, однако возрастает роль его интерпретации. Верховный Суд РФ в Постановлении № 25 от 23.06.2015 подчеркнул необходимость системного толкования гражданско-правовых норм в единстве с базовыми принципами отрасли.

Несмотря на существование в мире различных источников права – включая религиозные тексты – светский характер Российского государства (ст. 14 Конституции РФ) исключает возможность их использования в национальной правовой системе.

Таким образом, система источников права представляет собой структурно организованное единство, а не простую совокупность форм объективации норм. Ключевой проблемой современной теории остается определение места судебных и международных источников в национальной правовой системе. Функциональный потенциал судебного прецедента, обладающего значительными адаптивными возможностями, остается нереализованным в российской практике вследствие нерешенности вопроса о его системных связях с иными источниками.

Аналогичная проблематика характерна и для международных источников: при конституционном признании их значимости, отсутствие четких критериев и процедур применения препятствует их эффективной интеграции в правопримени-

тельную практику. Действенность любого источника права обусловлена его логичным включением в систему через определение субординационных и координационных связей, что остается актуальной задачей для современной правовой доктрины которой придерживается и законодательство российской правовой системы на современном этапе развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, М. В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности / М. В. Баранова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 1. – С. 43–45.
2. Доброва, А. В. Обычай в системе источников предпринимательского права / А. В. Доброва, С. И. Дьячков // Инновационная наука в глобализующемся мире. – 2017. – № 1 (4). – С. 125–126.
3. Ишмиева А.Ф. Федеральные законы как источники предпринимательского права // Законность в современном обществе : сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 частях. – 2017. – С. 174–176.
4. Матросов, П. С. Подходы к трактовке итоговых решений конституционного суда Российской Федерации как источника права в науке конституционного права / П. С. Матросов // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 1 (1). – С. 107–113.
5. Ефремова, П. А. Прецедент как источник права: современные подходы в теории права / П. А. Ефремова // Современные правовые проблемы в исследованиях аспирантов, студентов и курсантов : сборник научных статей. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. – С. 110–116.
6. Котляров, С. Б. Проблемы систематизации источников права в современной Российской правовой системе / С. Б. Котляров, А. Б. Студеникин // The Newman in Foreign Policy. – 2021. – Т. 2, № 59(103). – С. 17– 20.

УДК 342.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДОМИНИРОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО АКТА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

Кочешкова Алена Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810384@ruc.su

THEORETICAL AND HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE DOMINANCE OF A NORMATIVE ACT IN MODERN LAW AND ORDER

Kocheshkova Alena Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья раскрывает генезис нормативного акта как системообразующего элемента современного правопорядка через призму диалектического взаимодействия государственного суверенитета и социальной детерминации права. На основе компаративного анализа исторических форм правообразования доказывается, что доминирование нормативного акта стало следствием формирования этатистской парадигмы юридического позитивизма. В исследовании выявляются системные качества нормативного акта, обусловившие его функциональное превосходство над иными источниками права в условиях централизованного правового регулирования.

Ключевые слова: нормативный акт, этатизация права, юридический позитивизм, генетическая теория правообразования, иерархия источников права, легальная определенность, суверенизация правотворчества.

The article reveals the genesis of the normative act as a system-forming element of the modern law and order through the prism of the dialectical interaction of state sovereignty and the social determination of law. On the basis of a comparative analysis of historical forms of legal formation, it is proved that the dominance of a normative act was the result of the formation of a statistic paradigm of legal positivism. The study reveals the systemic qualities of the normative act, which determined its functional superiority over other sources of law in the context of centralized legal regulation.

Keywords: normative act, statisticization of law, legal positivism, genetic theory of legal education, hierarchy of sources of law, legal certainty, sovereignization of law-making.

Корректировка государственно-управленческой деятельности и принятие эффективных управленческих решений требуют междисциплинарного синтеза знаний, накопленных не только юридической, но и другими социальными науками. Такой подход обеспечивает научную обоснованность функционирования институтов государственной власти, что должно находить отражение в нормативном закреплении управленческих алгоритмов, основанных на принципе верховенства права.

В доктрине государственное управление принято дифференцировать на два концептуальных подхода: в широком значении – как деятельность всей системы государственных органов, в узком – как функционирование исключительно органов исполнительной власти. Последние реализуют свои полномочия через специальную разновидность правовых актов – административные акты.

Административный акт представляет собой юридическую форму реализации исполнительной власти, посредством которой осуществляется институционализация государственных органов, определяется их компетенция, распределяются ресурсы, а также обеспечивается реализация прав граждан и обязанностей должностных лиц.

Таким образом, административные акты можно определить как подзаконные акты управленческого характера, принимаемые уполномоченными субъектами исполнительной власти в установленных законодательством пределах и с соблюдением определенных процедурных требований.

Нормативно-правовые акты пронизывают все сферы социальной коммуникации, выступая системообразующим элементом правового регулирования общественных и государственных институтов. Генезис нормативных актов как источников права коррелирует с процессами централизации государственной власти и повышением их социальной значимости.

Посредством нормативно-правового регулирования осуществляется функционирование ключевых социально-экономических, политических и трудовых правоотношений. Именно нормативные акты устанавливают, модифицируют и отменяют правовые предписания, формируя единое нормативное пространство правового государства.

Государственное управление представляет собой особый вид юридически регламентированной творческой деятельности. Разработка и принятие административных актов составляют неотъемлемый элемент управленческого процесса, характеризующийся специфической процедурной формой.

Актуальность исследования обусловлена «dual nature» правовых актов: они не ограничиваются сферой государственного управления, но регламентируют отдельные аспекты общественных отношений, выступая юридическими фактами в различных отраслях права. При этом недостаточная регламентация административных актов создает предпосылки для злоупотребления властными полномочиями.

В исторической ретроспективе генезис права как социального регулятора привлекал внимание многочисленных исследователей. Разработанные доктринальные конструкции отражают эволюцию представлений о природе права, его формах и функциях в различные исторические эпохи, демонстрируя общие закономерности развития правовых актов как источников права.

В современных условиях, одной из основополагающих целей, является процесс детального изучения и проведения процедуры анализа истории формирования [1–3]. Для глубокого осмысления природы определённого юридического феномена и специфики его проявлений требуется установить его функциональное значение и позицию в структуре государственно-правовой организации.

С древнейших времён появления первых документированных правовых норм и до настоящего момента ключевую роль играет законодательный акт как основополагающая форма юридического регулирования. Любое официально задокументированное исправление, обладающее соответствующей правовой властью и содержащее обязательные для исполнения установления действующего в данном социуме правителя, оказывает всеобъемлющее воздействие на всех членов общества, включая влияние на их действия и поступки.

Правовые нормы формируются под влиянием различных факторов социальной действительности, которые в своей совокупности образуют то, что принято называть источниками права.

При рассмотрении и характеристике данного феномена следует выделить следующие возможные источники:

- объективная потребность в существовании правовых норм, обусловленная материальными условиями функционирования социума и комплексом общественных взаимодействий;

- непосредственное выражение народной воли, базирующееся на фундаментальных правовых принципах и правах личности как члена общества;

Юридические нормы, имеющие силу в пределах всей страны, формируются благодаря государственному волеизъявлению [4].

Генезис права как социального регулятора демонстрирует, как государственная воля детерминирует приоритет юридических норм над иными социальными регуляторами и частными волеизъявлениями. В этом контексте понятие источника права приобретает характер автономной и самодостаточной категории, обладающей собственной логикой развития. Его содержание раскрывается через многообразие социально-правовых детерминант, обуславливающих возникновение и функционирование права как имманентного элемента общественно-государственной организации.

В юридической доктрине закрепились полисемантика термина «источник права» [5–6]. В общепринятом значении под ним понимается специфический способ объективации и бытования правовых норм [7–9].

К основным внешним формам права относятся:

Правовой обычай – архаичный источник права, формирующийся вследствие многократного воспроизводства определенной поведенческой модели. Его правовая природа обусловлена официальным признанием со стороны государства исторически сложившихся правил, трансформирующихся в традиционные регуляторы общественных отношений.

Судебный прецедент – судебное решение, приобретающее нормативно-прецедентную силу. Характеризуется способностью создавать правовые положения, становящиеся обязательным образцом для последующих аналогичных судебных разбирательств. В странах англосаксонской правовой семьи данный источник занимает доминирующее положение [10].

Нормативный правовой акт – формализованный документ, исходящий от компетентного государственного органа и содержащий общеобязательные предписания. Его отличительными чертами являются специальная процедура принятия, письменная форма и системная организация нормативного материала.

Нормативный договор – современная форма права, основанная на принципе двустороннего волеизъявления. Широкое распространение получил в демократических государствах, где выступает инструментом согласования интересов различных субъектов права.

В российской правовой системе нормативный договор получил развитие в процессе формирования новой государственности после распада СССР, когда возникла необходимость правового оформления отношений между суверенными государствами.

В контексте российской правовой системы, развивающейся в парадигме романо-германской правовой семьи, нормативно-правовой акт представляет собой формализованный юридический документ, обладающий системообразующими характеристиками. Его сущностные особенности проявляются через триединство функций: правоустановление, правомодификация и правопрекращение. Легитимация данного источника осуществляется исключительно через специальную правотворческую процедуру, реализуемую компетентными органами государственной власти. Доминирующее положение нормативно-правового акта в иерархии источников российского права детерминировано его нормативной определённостью, общеобязательностью и системной организацией.

Историко-правовой анализ генезиса письменных форм права репрезентирует универсальную закономерность: первоначальные юридические документы возникали как результат кодификации социально одобряемых поведенческих паттернов. Эти архаичные тексты, фиксировавшие устоявшиеся правила поведения, можно квалифицировать как протоформы современных нормативно-правовых актов. Их появление знаменовало переход от обычного права к писаному праву, что стало ключевым этапом в становлении современных правовых систем.

Эволюция нормативно-правового акта как доминирующего источника права обусловлена следующими факторами:

1. Способностью к системной организации правового материала, обеспечивающей внутреннее единство и непротиворечивость правового регулирования.
2. Возможностью оперативного реагирования на изменяющиеся социальные реалии через механизмы правотворчества.

3. Гарантированностью государственной защиты, обеспечивающей реальность правовых предписаний.

Современный нормативно-правовой акт в российской правовой системе представляет собой сложный юридический феномен, характеризующийся: чёткой иерархической структурой; специальной процедурой принятия и вступления в силу; определённой юридической силой; публичной доступностью; формальной определённойностью.

Данные качества позволяют нормативно-правовому акту выполнять системообразующую функцию в правовом регулировании, обеспечивая стабильность и предсказуемость развития общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. Т. 2. – Москва : Юридическая литература, 1982. – 359 с.
2. Ермолаева, Т. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания / Т. А. Ермолаева, А. А. Ананьева // Lex russica. – 2019. – № 12(157). – С. 9–18
3. Братусь, С. Н. Субъекты гражданского права. – Москва : Изд-во Юридической литературы, 1950. – 368 с.
4. Соколов, Е. С. Субъектный состав административной юрисдикции: сущность, признаки и виды / Е. С. Соколов, В. С. Им // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 10-2(37). – С. 155–157.
5. Янбердина Ю. А. К вопросу об авторском праве в разных правовых системах / Ю. А. Янбердина, О. В. Кукушкин // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы Всерос. научно-практич. конф. – Казань : ЮрЭксПрактик, 2019. – С. 249–251.
6. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 10-1. – С. 44–52.
7. Котляров, С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4(27). – С. 49–51.
8. Котляров, С. Б. Проблемы систематизации источников права в современной Российской правовой системе / С. Б. Котляров, А. Б. Студеникин // The Newman in Foreign Policy. – 2021. – Т. 2. – № 59(103). – С. 17–20.
9. Милежик, А. В. Власть, общество и реформы в России: традиции и современность : учебно-методическое пособие / А. В. Милежик, А. В. Усов, Н. А. Шабельникова. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 80 с.
10. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.

УДК 347

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Крысин Андрей Николаевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Krysin.andrey2016@yandex.ru

MANAGEMENT TASKS OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES TO MEET STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Krysin Andrey Nikolaevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена теоретическому осмыслению задач государственной контрактной системы в системе государственного управления. Раскрыты и проанализированы управленческие механизмы, сопровождающие контрактную систему, определены общие функции контрольных мероприятий, реализуемых основными субъектами.

Ключевые слова: государственные закупки, бюджет, управленческие функции, нормы, контроль, предпочтения.

This article provides a theoretical understanding of the objectives of the state contract system in public administration. It describes and analyzes the management mechanisms that support the contract system, and identifies the general functions of the control measures implemented by the key actors.

Keywords: public procurement, budget, management functions, standards, control, preferences.

Контрактная система в сфере закупок товаров работ и услуг имеет более чем 10 летнюю историю. Вопросы зарождения контрактной системы и ее внедрение были нацелены на реализацию важнейших управленческих задач государственно-правового характера.

Одной из основных задач контрактной системы в сфере закупок является повышение эффективности бюджетных расходов при закупках для государственных и муниципальных нужд, а также решение ряда задач, связанных с государственным заказом:

- уменьшение затрат государства, связанных с осуществлением закупок;
- улучшением качества товаров, которые приобретаются на нужды государственных и муниципальных учреждений;
- создание здоровой конкурентной среды
- эффективность государственного управления.

Управленческие задачи контрактной системы возможно раскрыть через выполняемые функции публичных закупок:

1. Способствует экономическому воспроизводству внутри страны.
2. Стимулирует отечественных производителей и потребителей к освоению внутреннего рынка.
3. Развивает проектную и инновационную деятельности в структуре исполнительной власти.
4. Создает правовые условия для развития отдельных экономических субъектов.
5. Воздействует на ценообразование внутри страны.
6. Пробуждает интерес общественности к проблемам государства и способствует развитию институтов гражданского общества.

Система государственных закупок представлена многоуровневым межсубъектным взаимодействием, характеризующимся многоотраслевым характером, где на каждом этапе возможно возникновение бюджетных рисков, связанных с

различными обстоятельствами: нарушение регламентов, ошибок в оформлении документов, коррупционные составляющие, форс-мажорные случаи и т.д.

Кроме того, контрактная система стоит на службе у не менее сложного механизма реализации бюджетных правоотношений. Бюджетный процесс реализуется на всех уровнях организации власти, где кроме правил определения поставщика действует огромное множество норм бюджетного процесса. С другой стороны, сами государственные и муниципальные закупки, имея большие масштабы, осуществляются в среде, характеризующейся высокими рисками как для заказчиков, так и для поставщиков. Создание условий для минимизации всех этих рисков и есть одна из управленческих задач контрактной системы.

В современной юридической практики обозначились ряд направлений для решения обозначенных проблем:

- Обобщение нормативно-правовой базы, регулирующей контрактную систему ее унификация и действенность во всех сферах государственных закупок.
- Антикоррупционные мероприятия.
- Подготовка профессиональных кадров для контрактной системы.
- Доступность информации по реализации контрактной системы.
- Четкое разграничение полномочий между органами исполнительной власти в алгоритме реализации закупочной деятельности.

Отличительной особенностью отечественной контрактной системы является представление льготных условий для отдельных субъектов. Этот механизм позволяет поддерживать этих субъектов в их хозяйственно-экономической деятельности, признавая их особый социально-правовой статус. Одна из управленческих задач обуславливается исполнением нормы, согласно которой, на заказчика возложена обязанность 15 % годового объема закупок совершать и субъектов малого предпринимательства, СОНК, организаций-инвалидов, учреждений уголовно-исполнительной системы. Конечно, данная норма свидетельствует о реализации управленческих задач в государстве.

В рамках данного исследования целесообразно отметить, что управленческие задачи государственной контрактной системы достигаются посредством контрольных мероприятий.

Различают три вида контроля:

- ведомственный;
- общественный;
- внутренний.

Каждый из представленных видов контроля осуществляют специфичные субъекты, а также для каждого из них характерны собственные цели, функции и задачи и др.

Ведомственный контроль регламентирован ст. 100 ФЗ №44-ФЗ от 05.04.2013. В соответствии с данной статьей установлен перечень органов, осуществляющих ведомственный контроль. К данной категории лиц относятся государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, муниципальные органы, отдельные органы, осуществляющие ведомственный контроль (государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»).

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим порядок проведения

ведомственного контроля, является Постановление Правительства РФ № 89 от 10.02.2014, которым утверждены Правило осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд. Орган ведомственного контроля в месячный срок утверждает регламент, в котором устанавливают предмет ведомственного контроля. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 89 под предметом ведомственного контроля следует понимать соблюдение заказчиками законодательства Российской Федерации о контрактной системе.

Пункт 12 Постановления Правительства РФ № 89 устанавливает полномочия проверяющих, к которым относится:

- беспрепятственный доступ проверяющих на территорию здания заказчика;
- проверяющий имеет право вести видеозапись, беспрепятственно копировать документы при предъявлении им служебного удостоверения и уведомления о проведении конкретной проверки;
- проверяющий может получать необходимые документы, необходимые для указанных мероприятий;
- проверяющий имеет право на получение необходимых объяснений в письменной форме, в форме электронного документа или устной форме по вопросам проводимого мероприятия.

Общественный контроль проводится в целях:

- реализация принципов системы госзакупок;
- развития и усовершенствования контрактной системы;
- выявления и предупреждения нарушений нормативных актов в области государственных закупок;
- информирования контрольных органов в случае выявления правонарушений;

Задача построения эффективной организации внутренней системы закупочной деятельности является одной из самых значимых задач, стоящих перед заказчиком.

Федеральный закон № 44-ФЗ устанавливает перечень организационных действий по построению внутренней закупочной. Также указанный закон устанавливает ряд действий осуществляемые остается на усмотрение каждого отдельно взятого заказчика, например, создание комиссий, контрактных служб.

В целях организации внутреннего контроля за закупочной деятельностью контрактная служба (контрактный управляющий) может быть наделена полномочиями в сфере контроля исполнения документов планирования, контроля надлежащего и своевременного заключения контрактов, контроля надлежащего исполнения контрактов, контроля своевременности и полноты внесения сведений в реестр контрактов и в отчеты об исполнении контрактов.

Возможна ситуация, когда полномочия, связанные с контрольными мероприятиями, возлагаются на сотрудников, которые не относятся к контрактным службам, это оценивается как положительная тенденция в реализации системы управленческих задач. Широкая успешная практика реализации контрольных мероприятий связана с разработкой типовой документации необходимой для сопровождения закупочной деятельности.

Перечисленные инструменты внутреннего контроля не являются единственно

возможными. В зависимости от специфики деятельности и организации работы каждого конкретного заказчика могут быть успешно использоваться и другие механизмы внутреннего контроля закупок.

Таким образом, управленческие задачи государственной контрактной системы нацелены на достижение целей закупочной деятельности, связанных с эффективным использованием бюджетных средств, созданием условий развития конкурентной национальной среды, а также контрольными мероприятиями, повышающими престиж государственного управления в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ.
2. Фатин М. В. Концептуальные основы функционирования контрактной системы в России и за рубежом / М. В. Фатин, А. В. Трофимовская, Н. П. Гродская. – Москва : Русайнс, 2021. – 93 с. – ISBN 978-5-4365-8244-3.
3. Ковалева Е. А. Положительные и отрицательные эффекты института государственных закупок / Е. А. Ковалева // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 5 (186). – С. 121–124.
4. Глеба О. В. Некоторые проблемы и тенденции развития контрактной системы в России с учетом опыта зарубежных стран / О. В. Глеба // Право и экономика. – 2021. – № 1 (395). – С. 40–44.
5. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ.

УДК 342.5

ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Курганов Никита Игоревич, магистрант

Тимаков Иван Денисович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809165@ruc.su; st804474@ruc.su

UNDERSTANDING STATE POWER IN A STATE OF LAW

Kurganov Nikita Igorevich, Master's Degree student

Timakov Ivan Denisovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется природа государственной власти, раскрываются ее признаки свойства, формы и виды легитимации государственной власти. Отдельное внимание уделяется вопросу о сущности государственной власти в правовом государстве.

Ключевые слова: государственная власть, правовое государство, легитимность государственной власти, источник власти.

This article examines the nature of state power, revealing its characteristics, properties, forms, and types of legitimization of state power. Particular attention is given to the essence of state power in a state governed by the rule of law.

Keywords: state power, rule of law, legitimacy of state power, source of power.

Феномен власти рассматривается во всех социальных науках как достаточно сложная категория в общественных отношениях и опосредованных ими социаль-

ных связях. Отношения власти – это краеугольный камень всей истории человечества, на всех уровнях взаимоотношений людей друг с другом. С первобытно-общинных отношений и до сего времени, люди находились и находятся в системе власти и подчинения.

При всем разнообразии форм власти в обществе, особое место среди них занимает власть государственная, обладающая специфическими признаками и свойствами, среди которых: публичность, политичность, суверенность, легитимность, легальность, организованность, обеспеченность принудительной силой. Все эти признаки и свойства государственной власти, делают ее исключительной в системе властеотношений.

Публичный характер государственной власти означает, что государство распространяет свою волю на все общество, руководствуясь, в первую очередь, его интересами либо отдельных доминирующих в обществе социальных групп и от их имени. Современные демократические государства в понимании публичности государственной власти исходят из общесоциальной ее природы.

Политический характер государственной власти проявляется в том, что государство концертируя в себе сам механизм власти, опосредует ее через свои органы, реализующие задачи и функции государства по поводу управления делами общества в различных его сферах. Политическая власть государства, есть его воля реализовывать поставленных целей, без нее государство теряет свой публично-властный потенциал. Политические отношения в современном мире, преимущественно, строятся на основе широкого участия различных слоев населения (их объединений) в вопросах их участия в осуществлении государственной власти непосредственно либо через своих представителей в аппарате государства.

Суверенность государственной власти выражается в ее верховенстве и независимости, т.е. в способности государства самостоятельно осуществлять свою внутреннюю и внешнюю политику независимо от иных сил и властей будь то за ее пределами или внутри страны. Нет такой власти в стране, которая могла бы превосходить власть государственную и если все же такая власть (социальная сила) есть, то вопрос о суверенном характере государственной власти встает ребром. Потеря государством этого признака неминуемо влечет за собой нивелирование всех остальных его признаков и свойств.

Легитимность государственной власти предопределяет ее суверенность. Легитимная власть государства, есть такая власть, которая имеет свой социальный фундамент, на котором она зиждется. Государство может эффективно выражать свою волю в обществе, обеспечивать ее обязательный характер, только при условии признания и принятия ее обществом. Способов легитимации государственной власти множество, но преимущественно они сводятся к рациональным, иррациональным либо привычным (установочным) формам. К первой форме легитимации можно отнести такие ее способы, которые связаны с волеизъявлением населения страны посредством развитых демократических институтов. Вторая форма легитимации носит религиозный или идеологический характер, фундаментированный на догмах того или иного религиозного или идеологического учения, которые придают власти сакральный смысл. К иррациональной форме легитимации также можно отнести, так называемый, харизматический ее вари-

ант, имеющий психологические основы, связанные с эмоциональными, чувственными проявлениями, не к власти как таковой, а к ее лидеру (главе), который и олицетворяет собой государственную власть. Третья форма легитимации обусловлена преобладающими в обществе обычаями, традициями, формирующими в сознании населения понимание, восприятие власти как устоявшейся в обществе и передаваемой из поколения в поколение привычку относиться к власти как к данности, исторической неизбежности. Государственная власть существует и передается в обществе исходя из устоявшихся обычаев и традиций.

Легальность государственной власти определяется ее законностью. Государственная власть должна иметь юридически закрепленные обоснования и масштаб ее осуществления. Действующие в государстве законы закрепляют основополагающие нормы статуирующие его власть, распределяющие властные полномочия между государственными органами и пределы осуществления ими этих полномочий. Легальность государственной власти также предполагает установленные законом способы и процедуры взаимодействия населения страны и отдельных его социальных групп с государством и его органами по поводу их участия в управлении делами государства, т.е. соучастия в осуществлении государственной власти.

Государственная власть осуществляется организованно и структурированно, для этого государство обладает соответствующим аппаратом, состоящим из органов, наделенных властными полномочиями, посредством которых они решают задачи государства, реализуют его внутренние и внешние функции. Государственный аппарат организован и структурирован, в той или иной стране, согласно установленной и законодательно утвержденной модели осуществления государственной власти. Это может быть монархическая модель осуществления власти, в формах абсолютной или ограниченной монархий, либо республиканская модель, в формах президентской, парламентарной или смешанной республик. Модель осуществления государственной власти может быть и в сочетании монархической и республиканской форм.

Государственная власть, как и любая иная разновидность власти, осуществляется с применением способов (приемов) властвования, реализации воли в целях достижения заявленного (ожидаемого) результата. Такими способами являются убеждение, поощрение и принуждение. Первые два способа представляются наиболее предпочтительными, так как являются социально полезными и конструктивными. Однако воля властвующего часто сопряжена с осуществлением принуждения в различных формах и видах. Если говорить о государственной власти, то принуждение носит юридически закрепленный характер, т.е. основания и порядок привлечения к ответственности, а, равно как и меры ответственности установлены законом. При этом государство обладает монополией на принуждение, тем не менее, это не исключает право граждан на принуждение, но только в случаях прямо законом оговоренных, например, необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление и т.п.

Рассматривая власть в широком смысле, следует отметить, что она всегда связана с последствиями – позитивными или негативными для подвластного. Подвластный, независимо от его воли, руководствуется (подчиняется) волей властвующего, по причине осознания и предвидения последствий несоблюдения его

требований. Отсутствие последствий при осуществлении власти, фактически упраздняет волю властвующего. В государственном значении, это чревато последствиями общесоциального уровня – не соблюдение установленного правового порядка в обществе и режима законности, дезорганизация механизма государственного управления и т.д. Государство, стремящееся эффективно осуществлять свою власть, должна сохранять все признаки и свойства государственной власти, в противном случае, как говорится в русской пословице, «свято место пусто не бывает».

Власть власти – рознь. Не всякая государственная власть отвечает потребностям и интересам своего народа, точнее говоря, большей его части. Государство может быть классовым, направленным на удовлетворение и обеспечение интересов экономически господствующей части населения, может быть тираническим (тоталитарным), единовластие в котором обеспечивается неограниченной ничем силой аппарата принуждения, может быть теократическим, власть в котором «цементирована» религиозными догматами, может быть чиновничье-бюрократическим, власть в таком государстве «формализована», утяжелена бесконечными чиновничьими процедурами и согласованиями, уровень коррумпированности государственного аппарата крайне высок, чиновник фактически перерождается в особый социальный класс, а может быть и социально ориентированным, власть в котором имеет консенсуальный характер, функционирующая на демократических началах.

Консенсуальная природа государственной власти имеет цивилизационное значение для нашего времени. Такая разновидность государственной власти обладает свойством выражающееся в реализации механизма согласованных, компромиссных, паритетных, взаимовыгодных отношений между государством и обществом. Современные демократические государства – это государства, политикопубличная сущность власти в которых определяется признанием народа единственным источником власти. Народ, в лице граждан страны, принимает участие в управлении делами государства непосредственно (свободные выборы, референдум, плебисцит и т.д.) или через своих представителей в государственном аппарате (законодательные органы власти).

В конструкции консенсуальной государственной власти, народ понимается как законотворец – выражающий свою законодательную волю прямо (референдум, плебисцит и т.п.) либо посредством сформированных им органов законодательной власти. Одним из основополагающих принципов организации и деятельности такого государства является верховенство закона, иными словами, верховенство воли народа.

Принцип верховенства закона становясь сущностным содержанием государства, формирует в общественном сознании ценностные установки и идеи о государстве как публично-политическом институте, выражающем волю народа. Это специфическая форма идеологии в государстве. Как отмечается Ф. Ш. Ямбушевым, государственная идеология может быть основана только на том социальном фундаменте, который имеет четкие контуры государственности, выраженные в суверенитете народа – источника государственной власти [1, с. 107].

Рассматриваемый тип государства является по своей природе правовым государством, хотя это понятие имеет несколько размытый характер, так как любое

государство можно считать правовым (юридическим). Вне правовых отношений государства не существуют. Но в это понятие закладывается несколько иной смысл, связывающий государство с правовыми нормами, исходным началом которых выступает воля народа. Государственная власть, есть выраженная и концентрированная в государственном аппарате воля источника власти.

Государство, в правовом его смысле, не является абсолютным выражением власти в обществе. Б. С. Эбзеев отмечает, что в правовом государстве государственная власть ограничена. Речь идет не об объективной ограниченности любого государства экономическими, социальными и геополитическими факторами, а об установлении Конституцией и действующим законодательством пределов государственной власти, которые последней не могут быть преодолены правовым образом. Речь идет об обязанности всех государственных властей и их должностных лиц соблюдать Конституцию и действовать совместимым с законом образом [2 с. 331].

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что правовое государство не возникает на пустом месте, для этого необходимы социальные условия – исторические, политические, социально-экономические, культурные и ряд других. Совокупно они формируют в обществе институциональную систему – гражданское общество, которое в итоге и выступает фундаментом правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямбушев Ф. Ш. Бытие человека в государственно-организованном обществе // Регионология. – 2013. – № 2 (83). – С. 104–108.
2. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России : монография. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2013.

УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Логунова Анастасия Александровна, магистрант

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

E-mail: st808900@ruc.su

IMPROVEMENT OF STATE CONTROL AND SUPERVISION MECHANISMS IN THE EDUCATIONAL SPHERE: LEGAL ASPECTS

Logunova Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student

Saransk Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

В представленном исследовании рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в образовательной сфере. Анализируется эволюция подходов к государственному контролю, начиная с классических административных процедур и заканчивая современными риск-ориентированными моделями. Особое внимание уделяется проблемам дублирования полномочий и избыточной административной нагрузки на образовательные организации. В заключении формулируются конкретные предложения по оптимизации контрольно-надзорных механизмов, включая цифровизацию и внедрение стимулирующих методов регулирования. Материалы исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности и практической работе органов управления образованием.

Ключевые слова: государственный контроль, образовательный надзор, административное регулирование, качество образования, риск-ориентированный подход, оптимизация процедур, цифровизация контроля.

This study examines current issues of legal regulation of control and supervision activities in the educational sphere. The evolution of approaches to state control is analyzed, from classical administrative procedures to modern risk-oriented models. Special attention is paid to the problems of duplication of powers and excessive administrative burden on educational organizations. The conclusion formulates specific proposals for optimizing control and supervision mechanisms, including digitalization and the introduction of incentive-based regulation methods. The research materials can be used in norm-setting activities and practical work of education management bodies.

Keywords: state control, educational supervision, administrative regulation, quality of education, risk-oriented approach, procedure optimization, digitalization of control.

Система образования как социальный институт требует эффективного государственного регулирования, обеспечивающего баланс между автономией образовательных организаций и необходимостью гарантировать качество образовательных услуг. В последние годы наблюдается значительная трансформация контрольно-надзорной деятельности, связанная с реформированием системы государственного управления в целом [1, с. 34].

Актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью в поиске оптимальных правовых моделей, способных минимизировать административные барьеры без ущерба для эффективности контроля.

Современная правовая база контроля в сфере образования сформировалась в результате последовательного реформирования административных процедур.

Ключевым нормативным актом, определяющим основы контрольно-надзорной деятельности, остается Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», который закрепил дифференциацию форм контроля [2].

Дальнейшее развитие получил риск-ориентированный подход, законодательно закрепленный в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3].

Таблица 1. Сравнительный анализ
видов государственного контроля в образовании

Вид контроля	Объект проверки	Ключевые показатели	Периодичность
Надзор за соблюдением законодательства	Соответствие деятельности ОО законодательству РФ	Полнота выполнения лицензионных требований	В соответствии с планом проверок
Контроль качества образования	Соответствие ФГОС	Результаты образовательной деятельности	Не реже 1 раза в 3 года
Лицензионный контроль	Соблюдение лицензионных требований	Материально-техническое обеспечение, кадровый состав	При получении лицензии и в процессе деятельности

Проведенный анализ практики применения контрольно-надзорных механизмов позволяет выявить системные проблемы, снижающие эффективность государственного регулирования в образовательной сфере

Множественность контролирующих органов приводит к дублированию проверочных мероприятий, что создает значительную нагрузку на образовательные организации. Эмпирические исследования свидетельствуют, что в отдельных случаях до 35 % проверок затрагивают одни и те же аспекты деятельности [4, с. 112].

Чрезмерная отчетность остается серьезной проблемой, отвлекающей педагогических работников от непосредственной образовательной деятельности. Административная нагрузка продолжает занимать существенную часть рабочего времени преподавательского состава.

Формализм многих контрольных процедур проявляется в преобладании документальных проверок над содержательным анализом образовательного процесса и его результатов.

Совершенствование системы контроля требует комплексного подхода, сочетающего оптимизацию традиционных процедур с внедрением инновационных методов.

1. Консолидация контрольно-надзорных функций путем создания единого координационного центра, ответственного за планирование и организацию проверочных мероприятий.

2. Развитие риск-ориентированной модели, предусматривающей дифференциацию интенсивности контроля в зависимости от репутации и результатов предыдущей деятельности образовательной организации.

3. Цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности через внедрение технологий больших данных и элементов искусственного интеллекта для прогнозной аналитики, и выявления потенциальных нарушений.

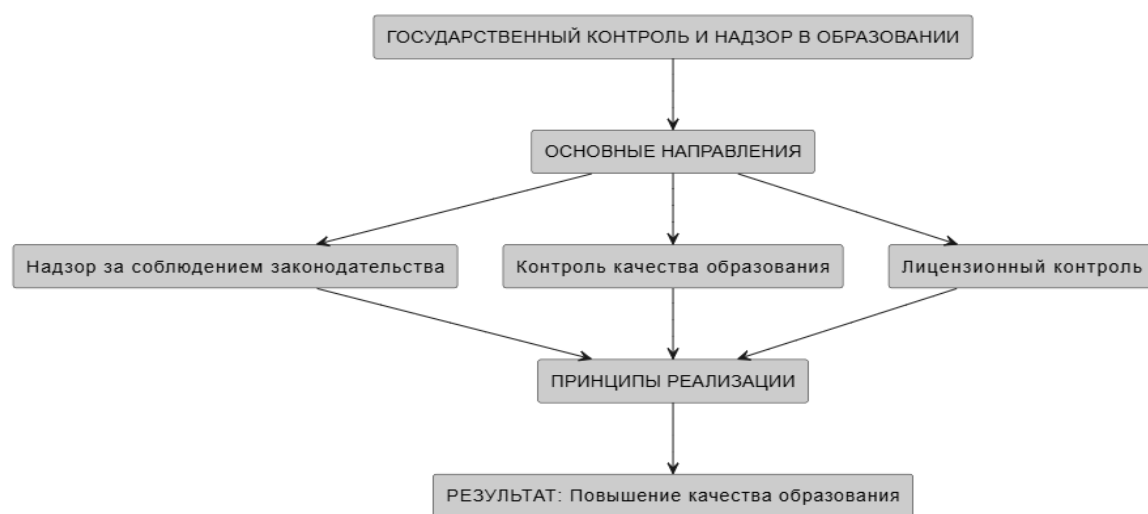

Рисунок 1 – Модель эффективного государственного контроля в образовании

Представленная модель предполагает переход от карательной парадигмы контроля к поддерживающей, где приоритетной задачей становится профилактика нарушений и методическое сопровождение образовательных организаций.

Реформирование контрольно-надзорной деятельности в сфере образования представляет собой сложный, многогранный процесс, требующий последовательной реализации. Современные вызовы обуславливают необходимость пересмотра устоявшихся подходов к организации контроля и поиска новых, более гибких форм регулирования.

Наиболее перспективными направлениями развития представляются цифровизация контрольно-надзорных процессов, внедрение риск-ориентированных моделей и оптимизация административных процедур. Реализация предложенных

мер будет способствовать повышению эффективности государственного контроля при одновременном снижении административного давления на образовательные организации, что в конечном итоге положительно скажется на качестве образовательных услуг.

Изучение зарубежного опыта организации контрольно-надзорной деятельности в образовательной сфере представляет значительный интерес для совершенствования отечественной системы. Сравнительный анализ позволяет выявить как общие тенденции, так и национальные особенности регулирования.

В странах Европейского Союза прослеживается устойчивая тенденция к гармонизации образовательных стандартов при сохранении автономии учебных заведений. Особого внимания заслуживает модель «регуляторной гильотины», реализованная в Великобритании, где проведена масштабная отмена устаревших нормативных актов [5, с. 124]. Германский опыт демонстрирует эффективность сочетания государственного контроля с развитием системы саморегулирования через профессиональные ассоциации.

В скандинавских странах успешно применяется модель «доверительного контроля», основанная на принципе subsidiarity. Например, в Финляндии акцент смещен на оценку образовательных результатов, а не на формальное соблюдение процедур. Это позволяет значительно снизить административную нагрузку на образовательные организации при сохранении высокого качества образования.

Интерес представляет опыт Сингапура, где внедрена комплексная система балльной оценки образовательных организаций, учитывающая как академические результаты, так и показатели инновационной деятельности. Данная система тесно интегрирована с механизмами финансирования, что создает дополнительные стимулы для повышения качества образовательных услуг.

Переход к современным моделям контроля сопряжен с рядом правовых проблем, требующих научного осмысления и практического решения. Одной из ключевых проблем является обеспечение баланса между эффективностью контроля и защитой прав образовательных организаций.

Внедрение риск-ориентированного подхода порождает вопросы правового характера, связанные с определением критериев отнесения организаций к категориям риска. Необходима разработка четких и транспарентных процедур оценки рисков, исключающих субъективный подход. Особую сложность представляет правовое закрепление алгоритмов перевода организаций из одной категории риска в другую.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности актуализирует проблемы защиты персональных данных и обеспечения информационной безопасности. Использование технологий больших данных требует установления правовых рамок для обработки информации об образовательных организациях и участниках образовательного процесса.

Существенной правовой проблемой остается разграничение полномочий между федеральными и региональными органами власти в области контроля качества образования. Необходимо четкое нормативное закрепление компетенции каждого уровня власти, исключающее дублирование и правовые коллизии.

Перспективным направлением представляется развитие публично-частного партнерства в сфере образовательного контроля. Однако это требует создания адекватной правовой базы, регулирующей взаимодействие государственных органов и независимых экспертных организаций.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что современное состояние контрольно-надзорной деятельности в образовательной сфере характеризуется сложным переплетением традиционных и инновационных подходов. Дальнейшее совершенствование механизмов контроля должно основываться на комплексном учете как отечественного, так и международного опыта, с обязательным учетом специфики российской правовой системы.

Особое значение приобретает разработка научно обоснованной концепции развития контрольно-надзорной деятельности, которая бы органично сочетала эффективность контроля с минимальным вмешательством в академическую автономию образовательных организаций. Решение этой задачи требует консолидированных усилий научного сообщества, законодателя и правоприменителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
2. Административная реформа в России: научно-практическое пособие / под ред. С. Е. Нарышкина. – Москва : Юриспруденция, 2021. – 288 с.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5006.
4. Петров А. И. Государственный контроль в образовании: проблемы и перспективы // Право и образование. – 2023. – № 2. – С. 45–52.
5. Сидорова М. К. Эффективность контрольно-надзорной деятельности: теоретико-правовой аспект // Вестник образования. – 2022. – № 4. – С. 78–85.

УДК 336.1

НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В СИСТЕМЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лысенкова Дарья Игоревна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809166@ruc.su

TAX ON PROFESSIONAL INCOME IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lysenkova Daria Igorevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена изучению общих вопросов, раскрывающих разноуровневые правоотношения при уплате налога на профессиональный доход. Анализируется общее социально – правовое значение деятельности самозанятых граждан, рассматриваются особенности юридической ответственности, возникающей в процессе уплаты налога, а также защите прав и законных интересов самозанятых граждан.

Ключевые слова: налог на профессиональный доход, самозанятые граждане, налоговые правоотношения, налоговый статус, ответственность, малые предприниматели.

This article examines general issues that reveal the various legal relationships involved in paying professional income tax. It analyzes the general socio-legal significance of self-employed individuals' activities, examines the specifics of legal liability arising during tax payment, and discusses the protection of their rights and legitimate interests

Keywords: professional income tax, self-employed citizens, tax relations, tax status, liability, small entrepreneurs.

Налоговые правоотношения Российской Федерации на современном этапе представляют комплекс финансовых правоотношений, возникающих между органами исполнительной власти и налогоплательщиками по поводу соблюдения норм налогового законодательства.

На наш взгляд, налоговая система Российской Федерации отличается простотой и доступностью для понимания субъектами налоговых правоотношений. Это умозаключение рождается из ряда положений:

1. Небольшого количества налогов взимаемых на территории РФ.
2. Социальное и медицинское страхование выведена из налоговой системы.
3. Современные цифровые технологии позволяют использовать налоговые услуги и сервисы в отдаленном режиме, без непосредственного контакта с налоговыми органами.

Усложнение происходит тогда, когда речь заходит об отдельном налоговом статусе ряда субъектов налоговых правоотношений, дифференциации налоговых возможностей, использование налоговых правил, отличающихся от общих налоговых требований. Особым налоговым статусом обладают субъекты малого предпринимательства. Налоговое положение малого бизнеса рождается из заинтересованности государства в их развитии и количественном росте. Наличие предпринимательской среды свидетельствует о высоком уровне рыночной экономики, является залогом материального благополучия граждан, показателем социально-экономической стабильности.

Но и внутри предпринимательской среды налоговая нагрузка может существенно различаться. Индивидуальные условия возникли в 2019 году у самозанятых граждан, которые получили возможность уплачивать налог в особом режиме. Этот эксперимент планируется к реализации в течение 10 лет. Платить налог на профессиональный доход могут те предприниматели, кто не имеет работников, не заключил трудовой договор с работодателем и имеет относительно невысокий доход от собственной предпринимательской деятельности. Основной целью введения данного режима было выход из налоговой тени целого сегмента самозанятых граждан, улучшение показателей фискальных задач за счет тех, кто кроме официального заработка имеет подработку.

По данным ФНС в 2024 году в качестве плательщиков данного налога зарегистрировано около 12 млн. человек [1]. Надо понимать, что регистрация в качестве плательщика по данному налогу не обязывает уплачивать данный налог с определенной периодичностью, речь идет о возникновении налоговой нагрузки при получении доходов от определенного вида деятельности.

Достаточно широкий круг исследований в современной юридической док-

трине посвящен значимости особого налогового статуса индивидуальных предпринимателей и самозанятых в частности, но методологического осмысления требуют вопросы налоговой ответственности.

Проблемы определения налоговой ответственности СМП осложнены их особым правовым статусом и неопределенностью в общем институте налоговой ответственности. В настоящее время российское законодательство не содержит официального определения «налоговой ответственности».

Данные пробелы обуславливают существование разнообразных подходов к определению правовой природы налоговой ответственности субъектов малого предпринимательства. В решении формирования методологических аспектов рассматриваемой природы отметим, что в настоящее время наметилось несколько точек в понимании природы налоговой ответственности, большинство из которых определяет, что налоговая ответственность – это разновидность административной ответственности.

Сторонниками данного подхода являются А. Н. Козырин, С. Г. Пепеляев, А. В. Брызгалин. Основание данного подхода дает В. А. Кинсбургская [2], говоря о том, что налоговые правонарушения не содержат признаков преступления, а, следовательно, по своей природе являются административными, также налоговые и административные правонарушения посягают на один объект – нормативно установленный порядок государственного управления. С. Г. Пепеляев. [3] представляет ответственность за нарушение налогового законодательства как совокупность различных видов ответственности: гражданско – правовой, дисциплинарной, материальной, административной и уголовной.

Раскрывая признаки налоговой ответственности самозанятых граждан отметим, что в большинстве случаев речь идет об административной ответственности. Виды налоговых нарушений, совершаемых самозанятыми связаны с ошибочным ведением налогового учета, неисполнением налоговых обязанностей, непредставлением сведений о налогах, нарушением установленного порядка расчета, использование недостоверных документов, сокрытия или занижения прибыли, задержкой перечисления налогов, незаконное привлечение наемных работников.

Вступая в целый комплекс налоговых правоотношений представителям малого предпринимательства приходится отстаивать свои права и законные интересы. Это может быть связано с подтверждением своего статуса, оформлением налоговых документов, внесением авансовых платежей, учетом налогооблагаемой базы и иными правоотношениями, имеющими особое социально-правовое значение.

«Защита представляет собой комплекс юридических, идеологических, материальных гарантии, которые установлены в рамках налоговой системы государства и призваны обеспечивать соразмерные ограничения прав конкретного налогоплательщика и интересов общества в целом» [4].

С нашей точки зрения категорию «защита прав» необходимо рассматривать в двух правовых плоскостях. В первой она подразумевает действия уполномоченных государственных органов по предупреждению, пресечению правонарушений в области налогообложения.

Во втором смысле, это комплекс законов, не допускающих двусмысленные, расплывчатые, противоречащие формулировки, пробелы по вопросам налогов и сборов, а также обеспечение качественной деятельности государственных органов, принимающих решения по вопросам налогообложения.

«Способом защиты прав малых предпринимателей является санкционированная законом мера, с помощью которой производится устранение нарушения, а также воздействие на нарушителя» [5].

Из множественности способов защиты прав наиболее распространенным является инициативный способ.

Материально-правовые способы защиты прав предпринимателей представляют собой нормы материального права и делятся на пресекательные, штрафные и восстановительные.

К пресекательным относятся способы, связанные с принудительным прекращением противоправных действий, мешающих индивидуальным предпринимателям работать безубыточно.

Восстановительные способы заключаются в признании за индивидуальным предпринимателем определенных прав и восстановление положения, которое имело место быть до нарушения права. (Возмещение убытков и компенсация морального вреда).

Штрафные способы направлены на применение материальных санкций против нарушителя за противоправное поведение. (Взыскание неустойки, конфискации).

Конституция Российской Федерации определяет значение судебного способа защиты прав. Заявление в суд может быть подано в течении трех месяцев со дня правонарушения, упущенные сроки восстанавливаются.

Безусловно в системе финансовых правоотношений особое значение имеет административный способ защиты, когда споры разрешаются в системе налоговых органов.

Малое предпринимательство- это сфера общественных отношений, где может быть применена досудебная система урегулирования конфликта. Медиация в системе налогообложения малого предпринимательства – это сфера имеющая зарубежный опыт развития, который может быть применен и в Российской Федерации в том числе. Анализ тенденции разрешения налоговых споров с участием малых предпринимателей показывает, что предпочтение отдается судебному урегулированию разногласий сторон. Это связано с тем, что заявители больше доверяют судам, считая их основным гарантом справедливости. Но ввиду того, что судебный процесс является достаточно трудоемким и требует определенных как материальных, так и временных затрат, на наш взгляд именно досудебный способ разрешения споров в системе налоговых правоотношений является наиболее приемлемым.

Таким образом мы видим, что налог на профессиональный доход представлен целым спектром отличительных характеристик в комплексе правоотношений Российской Федерации. Этими характеристиками являются: особый налоговый статус плательщиков, деятельность которых обуславливает экономическую безопасность государства, порядок уплаты налога, последствия неуплаты или нарушения правил уплаты, а также защиту прав и законных интересов субъектов малого предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная налоговая служба – официальный сайт. – URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/>
2. Кинсбургская В. А. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. – Москва : Юстицинформ, 2013 – с. 241
3. Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. – Москва : Альпина Паб-лишер, 2017. – С. 186
4. Гудын В. Н. Способы защиты прав налогоплательщиков: современное состояние и перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – С. 71.
5. Гурдзибеева А. А. Значение досудебного урегулирования налоговых споров // Известия Горского государственного аграрного университета. – 2015. – № 4. – С. 262.

УДК 342.5

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОНФЛИКТУ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Маланкина Наталья Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808902@ruc.su

LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING CONFLICTS OF INTEREST IN PUBLIC SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Malankina Natalya Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу правового института конфликта интересов в системе государственной службы Российской Федерации. Исследуется эффективность действующих административных и уголовно-правовых норм, направленных на предупреждение и урегулирование ситуаций конфликта интересов. На основе анализа законодательной базы и правоприменительной практики выявляются системные пробелы и противоречия, снижающие результативность данного института. В работе рассматриваются такие проблемы, как декларативный характер отдельных процедур, недостаточность механизмов контроля и недостаточная правовая регламентация отдельных видов конфликтов. В заключении автор предлагает конкретные меры по совершенствованию правового регулирования, включая усиление профилактической составляющей и развитие механизмов внешнего контроля.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, противодействие коррупции, правовое регулирование, служебное поведение, публичная должность, административно-правовые нормы.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal institution of a conflict of interest in the civil service system of the Russian Federation. The effectiveness of existing administrative and criminal law norms aimed at preventing and resolving situations of conflict of interest is being investigated. Based on the analysis of the legislative framework and law enforcement practice, systemic gaps and contradictions are identified that reduce the effectiveness of this institution. The paper examines such problems as the declarative nature of individual procedures, insufficient control mechanisms and insufficient legal regulation of certain types of conflicts. In conclusion, the author proposes specific measures to improve legal regulation, including strengthening the preventive component and the development of external control mechanisms.

Keywords: conflict of interest, public service, anti-corruption, legal regulation, official behavior, public position, administrative and legal norms.

Актуальность совершенствования правового регулирования конфликта интересов на государственной службе в Российской Федерации обусловлена его текущим состоянием, которое характеризуется значительной асимметрией. Данная противоречивость проявляется в следующем: несмотря на серьезную работу, проделанную федеральным законодателем и профильными органами власти за последнее десятилетие, результатом которой стало формирование в целом проработанной нормативной базы, в указанной сфере сохраняется обширный комплекс нерешенных проблем.

Особую общественную опасность среди подобных правонарушений представляет государственная коррупция. В связи с этим в научном сообществе неоднократно звучали предложения о создании в структуре МВД России специализированного подразделения, задачей которого стал бы комплексный анализ генезиса и эволюции коррупционных проявлений в регионах, их типологизации, а также изучения криминальных мотиваций.

Важно отметить, что за последние годы российское антикоррупционное законодательство, в том числе нормы, направленные на предотвращение конфликта интересов, претерпело качественную трансформацию. Эффективность принимаемых профилактических мер свидетельствует о позитивной динамике. При этом законодатель не ограничился совершенствованием правовых норм, а реализовал стратегию опережающего правового воздействия, установив превентивные барьеры для возникновения конфликтов интересов на государственной службе [1].

Законодательство РФ обязывает госслужащих активно участвовать в предупреждении и разрешении конфликтов интересов. Эта превентивная мера закреплена в нормативно-правовой базе: статьях 10 и 11 ФЗ №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (от 25.12.2008), а также в статье 19 ФЗ №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (от 27.07.2004). Данное требование стало важным инструментом в системе профилактических антикоррупционных мероприятий.

Конечной целью предпринимаемых законодательных и правоприменительных усилий должна стать выработка целостной и логически непротиворечивой системы правового регулирования, охватывающей все аспекты профилактики и разрешения конфликтов интересов на государственной службе. Важнейшим условием успешности антикоррупционной профилактики является наличие объективной, достоверной и репрезентативной информационной базы, её системный анализ и разработка на этой основе эффективных методических рекомендаций.

Вместе с тем приходится констатировать, что существующий уровень правового регулирования остаётся недостаточным для полноценной практической реализации законодательных требований в сфере предупреждения и урегулирования конфликтов интересов на гражданской службе.

Была выстроена многоуровневая система формирования законодательной базы по противодействию коррупции – от муниципального до федерального уровня. В неё интегрирована антикоррупционная деятельность организаций всех

уровней власти, наделённых правом принятия собственных нормативных актов в рамках федерального законодательства. Установлены рамки надзорной деятельности, возложенной на специализированные антикоррупционные комиссии и органы прокуратуры.

В глобальном контексте наблюдается устойчивая тенденция: с середины XX века происходит усиление негативного отношения к коррупции, приобретающее характер целенаправленной организованной борьбы. Во многих странах система профилактики коррупции возведена в ранг государственной политики, что позволяет существенно сокращать её уровень. Отмечается практика целенаправленного формирования коррупционерами сети «деловых партнёров» для обеспечения безопасности и масштабирования противоправных схем с вовлечением представителей бизнеса, госслужбы, судебной и правоохранительной систем.

Проведённый анализ российского законодательства о конфликте интересов выявил более пятнадцати системных проблем правового регулирования. Среди наиболее актуальных:

1. Отсутствие чётких правовых механизмов отказа от выгоды не только для государственного служащего, но и для иных бенефициаров конфликта интересов. Ключевым признаком действующего определения остаётся замещение лицом должности, обязывающей принимать меры по урегулированию конфликта.

2. Сложность доказывания факта конфликта интересов, который требует оперативного выявления и нейтрализации до наступления негативных последствий либо их минимизации.

Эффективная реализация антикоррупционной политики сталкивается с рядом системных вызовов. Одним из ключевых является проблема корректной квалификации ситуаций конфликта интересов, не связанных с имущественной заинтересованностью государственных служащих. Не менее сложной задачей выступает четкое разграничение конфликта интересов как дисциплинарного проступка и получения взятки как уголовного преступления.

Успешное преодоление этих трудностей напрямую зависит от качества кадрового обеспечения. Наличие у сотрудников, ответственных за противодействие коррупции, специальных знаний и практического опыта является критически важным условием. В этой связи особую ценность приобретают методические пособия, содержащие практические примеры и разъяснения. Подобные материалы позволяют руководителям, сотрудникам кадровых служб и другим ответственным лицам органов власти точнее применять законодательные нормы и принимать адекватные меры.

Важнейшим элементом противодействия преступности служит система её предупреждения, представляющая собой комплекс мер и механизмов профилактической работы с широким кругом участвующих субъектов.

При этом представленный перечень проблем не является исчерпывающим. Существенное влияние на ситуацию оказывают макроэкономические и политические риски. Их нормативное прогнозирование не только повышает эффективность управленческих решений, но и само становится фактором, воздействующим на эти процессы. Дополнительным переменным параметром выступают рейтинги международных организаций, способные значительно влиять на экономические показатели страны в условиях социально-политической нестабильности.

В процессе анализа обнаружилось, что ключевые затруднения в разрешении споров о конфликте интересов среди госслужащих напрямую связаны с недостатками в организационной структуре и юридическом обеспечении работы профильных комиссий. Данный вывод стал очевидным результатом исследования, проведенного при подготовке данной работы. Именно несовершенство нормативной базы и механизмов функционирования этих органов порождает большинство практических проблем в сфере предупреждения конфликтных ситуаций на государственной гражданской службе [2].

Проведенный анализ свидетельствует, что российская правовая доктрина продолжает активно развивать проблематику регулирования конфликта интересов, идентифицируя к 2025 году не менее десяти смежных и нерешенных проблемных узлов. Данный вызов требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства с развитием практических институтов.

В этом контексте показателен опыт Москвы, где создание Московского антикоррупционного агентства (МАО) стало знаковым шагом в деле де бюрократизации борьбы с коррупцией. Наделение Агентства расширенными полномочиями было обусловлено необходимостью противодействия наиболее латентным и сложно доказуемым правонарушениям, что подчеркивает ценность функции внутреннего надзора [3; 4]. Несмотря на первоначальную критику, связанную с рисками увеличения аппарата и усиления полицейских методов, практические результаты деятельности МАО доказали свою эффективность. Среди ключевых успехов следует выделить:

- Внедрение сквозной аналитической платформы, интегрирующей данные о коррупционных инцидентах в режиме, близком к реальному времени, с применением элементов прогнозной аналитики.
- Реализацию целевых антикоррупционных программ, основанных на риск-ориентированном подходе и включающих меры проактивного выявления уязвимостей.
- Формирование института общественного контроля с использованием цифровых инструментов для повышения прозрачности.
- Создание механизмов межведомственной координации, обеспечивающих согласованность действий органов власти и организаций городского подчинения.
- Разработку нормативных актов, направленных на устранение системных условий для коррупции, включая регулирование лоббистской деятельности.
- Мониторинг финансовых операций лиц, замещающих ключевые должности, с использованием технологий анализа больших данных.

В научном сообществе сохраняется консенсус относительно необходимости дальнейшего развития системы профилактики. Приоритетными задачами на 2025 год являются:

1. Повышение качества юридической техники нормативных актов для минимизации правовых коллизий и расширительного толкования.
2. Формализация и алгоритмизация процедур идентификации конфликта интересов в правоприменительной практике, включая использование экспертных систем.

3. Интеграция антикоррупционных компетенций в систему управления персоналом, включая обязательное закрепление персональной ответственности за профилактику конфликта интересов в должностных регламентах с использованием системы электронного ознакомления и тестирования.

Таким образом, развитие института конфликта интересов движется в сторону создания комплексной цифровой экосистемы управления рисками, где точечные административные меры дополняются технологическими решениями и проактивной кадровой политикой.

Ужесточение правил для госслужащих без должного регулирования конфликтов интересов не решает проблему, несмотря на заметный прогресс в законодательстве. Эффективное противодействие коррупции требовало всестороннего научного анализа механизмов предотвращения ситуаций, когда личные интересы сталкиваются с профессиональными обязанностями. Установление ответственности без четких регламентов представляется ошибочным подходом к решению данной задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция: основные тенденции противодействия / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.]; Под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 196 с.
2. Кабанов, П. А. Основания и порядок вывода членов комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов из их состава // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 3. – С. 10–13.
3. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В.С., 2025. – ISBN 978-5-907877-43-6.
4. Котляров, С. Б. К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития : материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. – С. 113–118.

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Мелешина Анастасия Сергеевна, магистрант

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: st808903@ruc.su

CURRENT ISSUES IN THE SPHERE OF MEDICAL LICENSING.

Meleshina Anastasia Sergeevna, Master's Degree student

Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

Лицензирование медицинской деятельности важная сфера общественной жизни, имеющая конституционную основу. В данной статье проводится комплексный анализ проблем в здравоохранении при проведении лицензирования.

Ключевые слова: лицензирование медицинской деятельности, лицензионные требования, правовое регулирование.

Licensing of medical activities is an important sphere of public life, which has a constitutional basis. This article provides a comprehensive analysis of the problems in healthcare during licensing.

Keywords: licensing of medical activities, licensing requirements, legal regulation.

Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности- один из ключевых механизмов государственного урегулирования в области здравоохранения, что обеспечивает гарантии соблюдения конституционного строя и охрану здоровья граждан. Данная процедура помогает контролировать предоставление качественной и высококвалифицированной медицинской помощи.

Основу правового регулирования составляет Федеральный закон № 99 от 04.05.2011 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Несмотря на то, что система лицензирования появилась достаточно давно, она ежедневно сталкивается с рядом проблем, которые создают всевозможные преграды для медицинских учреждений.

Самой главной проблемой является формальный подход к проверке соблюдения лицензионных требований при открытии медицинских учреждений.

Нормативные требования, предъявляемые к технической оснащенности медицинских учреждений, чаще всего основаны на санитарных нормах, которые теряют свою актуальность с течением времени и не учитывают современные строительные технологии, материалы и оборудование. Примером может послужить медицинская организация, способная оказать качественную медицинскую помощь и обеспечить безопасность пациентам, но будет признана не подходящей под лицензионные требования из-за несоответствия площади помещений и высоте потолков. Медицинское учреждение может быть подвергнуто ограничениям, вплоть до приостановления лицензионной деятельности, за несоответствие площади кабинета врача на 0,2 квадратных метра. Несмотря на высокотехнологичное поверенное оборудование. Прямое влияние на результат лечения пациента не оказывается, но органы Росздравнадзора ссылаются на законодательную базу, не оценивая риски в целом. Данная проблема регулярно находит свое отражение в судебной практике [1].

Пробелы в законодательстве в вопросах регулирования инновационных форм деятельности имеют место быть. Одним из наиболее значимых примеров является раздел телемедицины. Несмотря на ее закрепление в нормативно-правовых актах, механизм лицензирования данного вида деятельности остается размытым. Федеральный закон № 242 от 29.07.2017 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» легализовал использование телемедицинских консультаций, но механизм лицензирования по сей день остается предметом разночтений и дискуссий. Поскольку четкие разъяснения Министерства здравоохранения РФ и Росздравнадзора отсутствуют фактически сложилась неоднозначная правоприменительная практика. Со сложностями сталкиваются на первых этапах. В некоторых регионах контрольно-надзорные органы требуют от медицинских организаций при оказании ими телемедицинских консультаций получать отдельные лицензии на данный вид деятельности. В других же регионах столь строгие правила не предъявляют, что и создает коллизию и порождает правовые риски для добросовестных участников рынка [2].

Процедуры и алгоритмы, связанные с получением, переоформлением и внесением изменений в ту или иную лицензию на осуществление медицинской деятельности, остаются избыточно бюрократизированными и долгосрочными.

В частности, процесс расширения перечня оказываемых услуг по сложности не уступает проведению первичного лицензирования. Данный факт создает серьезные административные барьеры для оперативного адаптирования медицинского учреждения под меняющийся спрос, внедрение инновационных технологий. Владельцы малого и среднего бизнеса оказываются в наиболее уязвимом положении из-за этой проблемы, которые не обладают значительными административными ресурсами для сопровождения сложных и длительных процедур. Это сдерживает развитие конкурентной среды и, как следствие, ограничивает выбор и доступность медицинских услуг [3].

В системе контрольно-надзорной деятельности РФ провозглашен переход к риск-ориентированной модели. Однако, реализация данного подхода на практике в сфере лицензирования сталкивается с существенными трудностями.

Действующее законодательство не предусматривает дифференцирования лицензионных требований в зависимости от потенциального риска для тех или иных видов медицинской деятельности. Требования к стоматологическому кабинету, оказывающему преимущественно амбулаторную помощь, и к многопрофильному стационару, выполняющему сложные хирургические вмешательства, в основе своей одинаковы. Это не позволяет сконцентрировать ресурсы контрольно-надзорных органов на наиболее опасных направлениях. Критерии отнесения различной деятельности к определенной категории риска остаются двусмысленными, а плановые проверки могут носить лишь формальный характер, не всегда соотносимый с реальной эпидемиологической обстановкой и данными о качестве работы конкретной организации [4]. На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать ряд предложений по совершенствованию системы лицензирования медицинской деятельности в РФ:

1. Ревизия и актуализация нормативных регламентов.

Необходимо инициировать комплексный пересмотр всей нормативной базы, регламентирующей лицензионную деятельность (в первую очередь, санитарно-эпидемиологические и противопожарные нормы), с привлечением специалистов медицинский и фармацевтических сообществ. Целью такой деятельности должна стать отмена устаревших и необоснованных нормативов, не оказывающих прямого влияния на качество и безопасность медицинской помощи.

2. Разработка детализированных отраслевых регламентов.

Для устранения правовой неопределенности в отношении новых технологий Министерству здравоохранения РФ и Росздравнадзору следует разработать и принять комплекс методических рекомендаций, регламентирующих порядок лицензирования медицинской и фармацевтической деятельности с использованием телемедицинских технологий.

3. Упрощение административных процедур.

Целесообразно внедрить упрощенный порядок внесения изменений в лицензии для небольших имеющих низкие риски видов медицинской деятельности (например, добавление некоторых видов массажа, косметологических услуг без

инвазивных вмешательств). Это снизит административную нагрузку на малый бизнес.

Требуется разработка и законодательное закрепление четких и прозрачных критериев по отнесению определенных видов медицинской деятельности к тем или иным категориям риска. Для организаций, отнесенных к категориям умеренного и низкого риска, следует предусмотреть возможность дистанционного контроля, основанного на анализе предоставляемых ими данных о своей деятельности, с значительным сокращением количества плановых выездных проверок.

4. Цифровизация лицензионного процесса.

Необходимо продолжить работу по переводу всего лицензионного процесса в электронный формат, обеспечив полное межведомственное взаимодействие. Это позволит минимизировать необходимость предоставления документов, находящихся в распоряжении иных государственных органов, и существенно сократит сроки оказания государственных услуг [5].

Проведенное мною исследование позволяет сделать вывод о том, что действующая в Российской Федерации система лицензирования медицинской и фармацевтической деятельности выполняет в целом свою защитную функцию. Но характеризуется рядом системных дисфункций. Ключевые проблемы связаны с инертностью системы, формализмом и недостаточной гибкостью, что препятствует динамичному развитию системы здравоохранения и создает избыточные административные преграды. Предложенные в статье меры – ревизия нормативной базы, детализация регулирования новых технологий, дифференциация процедур, реализация риск-ориентированной модели и цифровизация – носят комплексный характер и направлены на достижение разумного баланса между интересами государства в обеспечении качества и безопасности медицинской помощи. Для медицинских организаций должны быть созданы благоприятные условия для ведения основной лицензионной деятельности. Их последовательная реализация будет способствовать повышению эффективности государственного регулирования и, в конечном счете, улучшению доступности и качества медицинской помощи.

В долгосрочной перспективе преобразование системы лицензирования должно быть тесно связано с общей стратегией развития государства в области здравоохранения. Включать в себя такие аспекты, как цифровая трансформация, подготовка квалифицированных кадров и развитие медицинской науки в РФ. Последовательная реализация предложенных в статье мер, по моему мнению, будет способствовать снижению коррупционных рисков, снижению административной нагрузки на бизнес и создаст стимулы для внедрения инновационного подхода. Все эти мероприятия повысят уровень доверия населения к системе здравоохранения в нашей стране.

Таким образом модернизация лицензионной деятельности представляет собой не просто техническое усовершенствование необходимых процедур, но и стратегическую инвестицию в качество человеческого капитала и устойчивое социальное развитие страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор судебной практики по спорам, связанным с лицензированием медицинской деятельности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.
2. Решетников А. В., Ермаков Д. Н. Правовые аспекты лицензирования телемедицинской деятельности в Российской Федерации // Менеджер здравоохранения. – 2020. – № 12. – С. 34–42.
3. Шишкин С. В., Потапчик Е. Г. Барьеры для развития частного сектора в здравоохранении России // Вопросы экономики. – 2020. – № 5. – С. 104–124.
4. Корчагина Н. П., Федосеева Л. В. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере здравоохранения: проблемы и перспективы // Экономика и управление в здравоохранении. – 2021. – № 3. – С. 45–51.
5. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».
6. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)».
7. Шарафутдинов М. К., Петров А. Н. Административно-правовые проблемы лицензирования медицинской деятельности в России // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 4. – С. 78–82.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГЕНЕЗИС, ПРИЧИНЫ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Меркулов Максим Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mvm_13@inbox.ru

ON THE ISSUE OF CORRUPTION IN THE CIVIL SERVICE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: GENESIS, CAUSES, WAYS TO OVERCOME

Merkulov Maxim Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье рассматриваются вопросы становления и последующего развития института коррупции в системе государственной службы Российской Федерации в целом на различных исторических этапах. Выделяются и раскрываются основные причины коррумпированности государственных служащих. Указывается значение нормативно-правовых актов при решении данной проблемы, а также ставится акцент на роль морально-нравственных категорий для осуществления противодействия коррупции в виде любых ее составляющих. Кроме этого, дается характеристика основных способов и средств преодоления рассматриваемого вида коррупции на сегодняшний день.

Ключевые слова: государственная служба Российской Федерации, государственный служащий, коррупция, противодействие коррупции, коррупционные проявления.

This scientific article examines the formation and subsequent development of the institution of corruption in the public service system of the Russian Federation as a whole at various historical

stages. The main causes of corruption among public servants are identified and explained. The importance of legal acts in addressing this issue is highlighted, and the role of moral and ethical categories in countering corruption in all its forms is emphasized. Additionally, the article provides a description of the current methods and tools for combating this type of corruption.

Keywords: State service of the Russian Federation, civil servant, corruption, anti-corruption, and corruption manifestations.

На сегодняшний день в Российской Федерации проблема коррупции в целом и коррумпированности должностных лиц органов государственной власти в частности стоит особенно остро как перед государством, так и перед его гражданами. Выступая абсолютно негативной социально-правовой категорией, она в значительной мере подрывает авторитет органов власти, качество их работы и доверие со стороны общественности к данному институту.

Изучая генезис рассматриваемого явления для более глубоко понимания масштабов обозначенной проблематики, можно сделать вывод в пользу того, что государственная служба на всем протяжении становления и последующего развития российской государственности и общества была подвержена негативному влиянию такого противоправного явления, как коррупция. Таким образом, проблема коррумпированности государственных служащих не является чем-то новым или неизвестным для Российской Федерации.

Отечественные историки связывают появление коррупции в нашей стране с системой кормлений, которая была учреждена в период феодальной раздробленности для удобства управления подвластными территориями. Впервые же уголовная ответственность за коррупционные действия была введена только в XVI веке.

Как отмечает О. А. Короткова «в России термин коррупции в 1913 г. ввел в научный оборот А. Я. Эстрин. До этого времени этот термин в российском законодательстве не употреблялся, хотя в течение российской истории под понимание коррупции попадали разнообразные корыстные злоупотребления своим должностным положением чиновников» [1, с. 47].

В правление Петра I, когда был сформирован довольно устойчивый чиновничий аппарат, стало очевидным то, насколько сильно сказываются на обществе разного рода коррупционные проявления: они дисбалансируют его, что в последующем негативно сказывается и на государстве.

В XVIII веке была учреждена должность фискалов, которые наделялись полномочиями для проведения тайной слежки за служащими, замешанными в казнокрадстве. Уголовная ответственность за данное преступление устанавливалась вплоть до смертной казни, однако даже такие жесткие меры не помогли решить проблему.

В XX веке ситуация не менялась: коррупция в среде государственных служащих не была ликвидирована ни полностью, ни в части. Примечательно, что с момента зарождения этого явления общество понимало и подчеркивало его негативные черты и результаты, но при этом искоренить его не удалось, как и не удастся до сих пор.

Рассматривая причины появления и довольно быстрого развития коррупционной составляющей в рамках государственной службы, исследователи выделяют несколько видов таких причин:

1) социально-экономические – в данную категорию включаются низкие заработные платы государственных служащих, что, в свою очередь, способствует появлению у них желания компенсировать недостаток денежного довольствия за свою работу путем получения различного рода подарков (сюда же относится такое проявление коррупции, как взяточничество, выступая максимально опасным выражением изучаемого явления);

2) политические – связаны, в основном, с несоблюдением открытого и прозрачного процесса назначения, как правило, на какую-либо из руководящих должностей. Здесь идет речь о личных связях (дружеских, приятельских и так далее), а также о неформальных договоренностях, которые выступают катализатором при вынесении решения о назначении на должность определенного лица.

В данном случае основная проблема заключается в том, что такое лицо может быть абсолютно некомпетентным в вопросах, которые ему предстоит решать в процессе своей трудовой деятельности. Логично, что вследствие непрофессионального выполнения своих прямых обязанностей государственными служащими будет стремительно понижаться всякого рода эффективность деятельности органов власти;

3) правовые – хотя основным законом в лице Конституции Российской Федерации и ряд законов федерального уровня вводят различные ограничения для государственных служащих (в целях пресечения действий коррупционной направленности), все же остается доступным довольно объемный перечень средств и способов, с помощью которых у них сохраняется объективная возможность для того, чтобы использовать свои служебные полномочия;

4) нравственные – ученые правоведы, занимающиеся вопросами коррумпированности государственной службы, отмечают, что в данном случае она имеет безоговорочно латентный характер. Это объясняется низким уровнем правовой культуры граждан, которые довольно редко пытаются путем обращения в правоохранительные органы препятствовать государственным служащим при совершении последними действий коррупционного характера.

В данный вид причин включаются также моральные характеристики личности и черты ее характера. Человек с низким уровнем морали вообще не считает коррупцию чем-то недопустимым или вредным для государства и общества, поскольку он извлекает пользу для себя. Такое отношение может привести к складыванию социума с низкими моральными стандартами, где проявление коррупции в экономической, политической и любых других сферах будет считаться нормой. Здесь же стоит отметить и влияние уровня образования государственных служащих на их взгляды и убеждения относительно важности выполнения собственных трудовых функций.

В. И. Гладких отмечает, что «причины коррупции состоят в объективных, социально-обусловленных процессах и противоречиях общества, порождающих коррупцию в различных ее проявлениях» [2, с. 42].

Поскольку проблема коррупционной составляющей на государственной

службе является актуальной, данный вопрос изучает большое количество исследователей. Все они стремятся выработать некие инструкции, следование которым поможет предотвратить, а в дальнейшем полностью искоренить, всякие коррупционные проявления в среде государственной службы.

Например, К. А. Дорошауп в своей научной работе подчеркивает следующее: «чтобы государство успешно противостояло коррупции, необходимо не только ужесточать наказания, но и выявлять причины, способствующие её возникновению. Для достижения максимальной эффективности требуется внедрение комплексных мер, направленных на предотвращение коррупционных действий еще на ранних стадиях. Эффективно противодействовать коррупции невозможно без политической воли высшего руководства, без непримиримой и последовательной борьбы с любыми ее проявлениями» [3, с. 55].

В настоящее время в Российской Федерации принят целый ряд нормативных актов, смысл и цель чьих положений заключается в оказании эффективного противодействия коррупции в любых ее проявлениях. Несмотря на это, стоит понимать, что только с их помощью никогда не станет возможным полностью уничтожить всякого рода коррупционные схемы.

Известно, что в любое время и в любом государстве правовые нормы выполняют свои прямые функции должным образом только в том случае, когда к этому готово общество: в нем должны четко и постоянно работать морально-нравственные принципы, которые поддерживают должный уровень правосознания граждан, при котором они явно осознают вред всякого коррупционного проявления, относятся к нему с неприятием и готовы предпринимать определенные действия для борьбы с ним.

Важно отметить, что коррупция в системе государственных органов Российской Федерации выступает одной из главнейших угроз для национальной безопасности страны, так как способствует активному процессу распада власти, что явно проявляется в тех случаях, когда лицо, уполномоченное на выполнение определенного круга государственных властных функций, начинает пользоваться своим служебным положением в личных целях, причем корыстных, незаконно при этом обогащаясь.

Для того, чтобы понимать, каким образом качественно выстроить систему способов противодействия осуществлению той или иной детальной коррупционной направленности среди государственных служащих необходимо, по мнению социологов и психологов, тщательно изучать данную категорию преступников, а именно их личностные характеристики [4, с. 216].

Зарубежная, как и отечественная, практика показывает – чтобы выработать действенные пути решения проблем, связанных с коррумпированностью государственных служащих, важно понять, что конкретно заставляет их нарушать закон и превышать свои служебные полномочия.

В заключении стоит отметить, что для успешной борьбы с коррупцией в сфере государственной службы необходимо применять комплексный подход, включающий в себя анализ действующего законодательства, работу по повышению гражданской активности, устранению основных причин коррумпированности, изучению личностных характеристик преступников.

Известно, что рассматриваемый вид коррупции выражается в различных формах, которые следует рассматривать как по отдельности, так и в совокупности. Причины же ее обуславливают появление друг друга.

Коррупция, безусловно, наносит ощутимый вред всем сферам жизнедеятельности общества и государства. В современном мире это довольно острая проблема, требующая рационального решения, поскольку государственный аппарат не может результативно функционировать в условиях коррумпированности своих органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короткова О. А. Коррупция как неотъемлемое явление государственного управления. Исторический аспект / О. А. Короткова. // Закон и право. – 2023. – № 7. – С. 46–49.
2. Гладких, В. И. Противодействие коррупции на государственной службе : учебник для вузов / В. И. Гладких, В. М. Алиев, В. Г. Степанов-Егиянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 207 с.
3. Дорошауп, К. А. Меры предупреждения коррупции в системе государственной службы / К. А. Дорошауп. // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 60–56.
4. Семёнов, А. А. Пути решения проблемы коррупции в системе государственной службы / А. А. Семёнов, И. А. Вильченко. // Молодой ученый. – 2023. – № 43 (490). – С. 215–217.

УДК 340.155

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Моисеев Александр Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805166@ruc.su

POLITICAL SYSTEM AS A MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND SOCIETY

Moiseev Alexander Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье представлен комплексный анализ взаимодействия и взаимовлияния государства, общества и политической системы. Центральное внимание уделяется исследованию их системной зависимости и взаимообусловленности в контексте современных социально-политических реалий. Особый акцент делается на роли права как ключевого элемента этой взаимосвязи.

Ключевые слова: право, юридическая инфраструктура, эволюция правовой системы, публично-властный институт, общество, механизм принятия политических решений, институциональный диалог.

The article presents a comprehensive analysis of the interaction and mutual influence of the state, society and the political system. Central attention is paid to the study of their systemic dependence and interdependence in the context of modern socio-political realities. Particular emphasis is placed on the role of law as a key element of this relationship.

Keywords: law, legal infrastructure, evolution of the legal system, public power institution, society, political decision-making mechanism, institutional dialogue.

На протяжении десятилетий научное сообщество ищет модель политической системы, лишенную антагонизма между человеком (обществом) и государством. Цель этих поисков – достижение такого состояния, при котором обе стороны не просто сосуществуют, а гармонично взаимодействуют и взаимно обогащают друг друга в социальной сфере. Ключевыми характеристиками такой системы должны стать целостность политических субъектов, а также прочная взаимосвязь между ее основными акторами – государством и обществом. Государству принадлежит роль системообразующего института, выступающего основным проводником крупных национальных целей и гарантом целостности сложного общественного организма. Эта функция реализуется через его исключительную способность мобилизовывать ресурсы, формировать долгосрочную стратегию и поддерживать правопорядок. Таким образом, именно государственная власть становится тем каркасом, который обеспечивает устойчивость всей конструкции перед лицом внутренних и внешних вызовов [1].

Проблема поиска идеального баланса в отношениях между государством и обществом остается актуальной для политической науки на протяжении многих лет. Исследователи стремятся определить параметры системы, исключающей конфронтацию и предполагающей синергетическое взаимодействие ее главных субъектов. Речь идет о состоянии функциональной взаимодополняемости, где система обеспечивает политическое единство и устойчивые связи между всеми участниками. В рамках этой модели государству отводится роль системообразующего элемента и основного механизма для достижения консенсуса и решения общезначимых проблем.

Научный дискурс о государстве, в трудах как российских, так и иностранных авторов, во многом остается в русле структурно-функциональной парадигмы. Фокус внимания зачастую сужен до анализа внутренней организации государства, рассматриваемого либо как статичная структура, либо как динамический механизм. Параллельно философский анализ обращается к таким метафизическим аспектам, как форма, сущность и роль государства.

Однако за этим многообразием исследовательских углов зрения скрывается заметный пробел: государство редко становится объектом анализа именно в качестве компонента более широкой политической системы. Преодоление этой ограниченности видится в смене оптики: необходимо изучать государственный механизм сквозь призму политических отношений. Это позволяет выявить его многоплановую роль: 1) как системообразующего элемента, 2) как института, тесно связанного с правящей партией, и 3) как актора, взаимодействующего с другими субъектами политической системы.

Организация власти в современной России базируется на трехуровневой структуре, функционирующей по принципу последовательного подчинения. Федеральный центр, сконцентрированный вокруг института президентства, задает генеральный вектор развития. Региональный уровень транслирует его установки на местный уровень, что де-факто превращает органы МСУ в нижнее звено государственного управления. Системообразующим признаком данной модели выступает жесткая административная зависимость «низов» от «верхов», что обуславливает повсеместное доминирование политических сил единой ориентации.

Непосредственным результатом этой централизации является укрепление вертикали управления и обеспечение последовательной реализации политики, определяемой федеральным центром. С другой стороны, существует риск снижения эффективности управления, проявляющийся в ухудшении качества реализации политических решений.

Государство определяется как всеобъемлющее политическое объединение, которое интегрирует в себя членов общества (с которыми его связывают прямые политико-правовые узы и взаимозависимость) вне зависимости от их социальных, возрастных или профессиональных характеристик. Именно государство выступает ключевым выразителем общественных интересов, а его управленческая деятельность формирует институциональные возможности для участия граждан в политической жизни. Идея вовлечения населения в решение вопросов государственной важности находит отражение во многих нормативных правовых актах, ярким примером которых служит Декларация прав и свобод человека и гражданина. В юридической доктрине распространена точка зрения, согласно которой государство служит фундаментом всей политической системы, хотя существуют и противоположные мнения, отрицающие за ним столь центральную роль. В ходе научных изысканий, посвященных государству как основе политической системы, нередко происходило его смешение с иными базисами – экономическим, социальным и идеологическим.

В политической системе существуют организации двух типов: государственные и негосударственные. Негосударственные структуры имеют ограниченные полномочия, фокусируясь на узких вопросах в определенных областях политической сферы. В то же время государство выступает как уникальная организация, обладающая полной властью в пределах национальных границ. Специфические законодательные документы определяют границы политической активности, устанавливая правила взаимодействия между властью и оппозицией через систему норм, принципов и процедурных механизмов.

Однако важно подчеркнуть, что государство, при всей его значительной роли и отмеченных достоинствах, не является тем центральным элементом структуры политической системы, который определяет её суть – эта роль отведена личности. Государству же в данной системе принадлежит статус особого, ключевого института. Для глубокого изучения этой специфической позиции требуется проанализировать характер взаимосвязей между государством и общественными объединениями, а также степень общности целей и задач, стоящих перед каждым из этих субъектов.

Совместная и согласованная деятельность государства и общественных организаций напрямую способствует развитию демократических принципов, что выражается в активном вовлечении граждан в управление общественными и государственными делами. Возникающие между ними противоречия и разногласия требуют своевременного и оперативного разрешения. Конструирование продуктивного взаимодействия с общественными формированиями должно исходить из четкого осознания их места в социальной структуре, функционального предназначения и ценностных ориентаций. Несмотря на существующий общегосударственный контрольный механизм, данные организации наделены значительным

объемом оперативной самостоятельности. Эта свобода действий проявляется в сферах внутреннего управления и реализации уставной деятельности, что позволяет говорить о них как о самостоятельных субъектах публичной политики.

Двусторонний характер взаимодействия между государством и общественными организациями очевиден. Значимость общественных объединений проистекает из их активного участия как в социальных процессах, так и в государственном управлении, что закрепляет за ними статус субъекта с особыми полномочиями. В их компетенцию входит осуществление общественного контроля, представительская функция в органах власти, а также право законодательной инициативы, реализуемое через парламентские фракции. Наличие столь весомых инструментов влияния подчеркивает их институциональную ценность для всей политической системы [2].

Правовое пространство, сформированное государством, определяет рамки функционирования объединений общественного характера. Этот юридический режим создаёт благоприятную среду для эффективной работы негосударственных организаций, помогая им достигать поставленных целей и развиваться структурно.

Среди основополагающих политических свобод в России особое место занимает право на объединение, закреплённое в Конституции наравне с возможностью участвовать в митингах, собраниях и демонстрациях. Государственная защита распространяется как на личные права граждан, так и на юридический статус общественных организаций в целом. Эта функция осуществляется во взаимодействии с правоохранительными и судебными институтами (суды, прокуратура), которые совместно с государством содействуют реализации организациями их законных интересов и помогают в преодолении возникающих трудностей [3].

Взаимодействие между государством и институтами гражданского общества представляет собой сложную систему кооперации, построенную на принципах двусторонней коммуникации и взаимного влияния. Особый правовой режим устанавливается для отдельных форм таких объединений, например, потребительских кооперативов, в отношении которых государство осуществляет специальные контрольно-надзорные функции. Отдельного внимания в контексте управления заслуживает модель органов власти, находящихся в статусе непосредственного подчинения Президенту РФ. Несмотря на централизованную подотчётность, эти структуры обладают широкими властными полномочиями и значительной автономией в принятии решений на вверенных им территориях [4].

В числе подобных структур находится Госсовет, конституционный орган прямого президентского подчинения, вовлечённый в процесс формирования векторов внутренней и внешней политической деятельности Российской Федерации. Следует также отметить Администрацию президента РФ, наделённую полномочиями по обеспечению исполнения президентских указов, контролю за воплощением согласованного государственного курса на всей территории России, а также участием в определении общего направления политической стратегии страны.

Ключевые функции данной структуры включают формирование стратегических векторов развития России, а также координацию работы различных ветвей

власти. Ключевой задачей данного органа является обеспечение всестороннего развития как федерации в целом, так и её отдельных субъектов через налаживание результативного сотрудничества между государственными структурами. Достижение комплексного прогресса страны становится возможным благодаря согласованию работы властных институтов и выявлению стратегических направлений государственного развития.

Иерархическая структура властных институтов с централизованным принятием политически окрашенных управленческих решений и дифференцированным распределением полномочий представляет собой вертикаль власти. Российская система управления базируется на принципе вертикального построения власти, где федеральные и региональные органы выступают основными элементами, взаимодействующими в рамках иерархических отношений.

Таким образом, феномен вертикали власти может быть определен как строго иерархическая модель организации системы государственного управления. Его фундаментальным принципом выступает асимметричное распределение властных ресурсов и компетенций, при котором процессы выработки и имплементации ключевых политико-управленческих решений жестко централизованы. Данная конструкция обеспечивает подчиненность нижестоящих институтов вышестоящим, создавая единый канал управления, пронизывающий всю политическую систему.

Применительно к российской действительности, архитектура вертикали власти институционально воплощена в системе федеральных и региональных органов государственной власти. Их взаимодействие строится на логике субординации и административной зависимости, где федеральный центр задает стратегические параметры развития, а региональные структуры выступают, в первую очередь, в роли исполнителей. Подобная конфигурация направлена на обеспечение политической стабильности, единства правового пространства и скоординированности действий на всей территории страны.

Однако функционирование этой модели порождает и ряд системных следствий. С одной стороны, оно минимизирует риски сепаратизма и усиливает управляемость. С другой – может ограничивать самостоятельность и инициативу регионов, приводя к излишней бюрократизации и снижению гибкости управления в ответ на локальные вызовы. Таким образом, вертикаль власти представляет собой ключевой, системообразующий элемент политического устройства современной России, определяющий характер взаимодействия между различными уровнями публичной власти и во многом предопределяющий специфику всего политического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 506 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
3. Кукушкин, О. В. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9-1. – С. 9–15.

4. Грачев, В. С. Общественные объединения как субъекты гражданского общества в Российской Федерации // Закон и право. – 2019. – № 3. С. 29–30.

УДК 340.155

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ И СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ:
ДИАЛЕКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОДСИСТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Моисеев Александр Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805166@ruc.su

**SYNERGY AND SYSTEMIC CONTRADICTIONS: DIALECTICS
OF POLITICAL, LEGAL AND ECONOMIC SUBSYSTEMS IN MODERN
RUSSIA**

Moiseev Alexander Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу взаимодействия ключевых подсистем общества – политической, правовой и экономической – в контексте современной России. Исследование фокусируется на выявлении как синергетических эффектов, возникающих при их согласованном функционировании, так и системных противоречий, порождающих актуальные challenges для развития. Автор приходит к выводу, что доминирующая роль политической системы в выстраивании институциональных рамок определяет вектор и специфику трансформаций в экономической и правовой сферах.

Ключевые слова: политическая система, правовая система, экономическая система, системный анализ, институциональное взаимодействие, синергетический эффект, системные противоречия, современная Россия, политическая экономия.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the interaction of key subsystems of society – political, legal and economic – in the context of modern Russia. The study focuses on identifying both synergistic effects arising from their coordinated functioning and systemic contradictions generating relevant challenges for development. The author concludes that the dominant role of the political system in building the institutional framework determines the vector and specifics of transformations in the economic and legal spheres.

Keywords: political system, legal system, economic system, system analysis, institutional interaction, synergistic effect, systemic contradictions, modern Russia, political economy.

Политическая система представляет собой центральный механизм организации общественной жизни, осуществляющий ключевые функции координации, управления и контроля. Ее приоритетный статус по отношению к другим социальным сферам обусловлен способностью принимать обязательные к исполнению решения, обеспечивая тем самым целостность и управляемость социума. Верховенство политической системы проявляется в ее задаче согласования развития всех общественных подсистем, что подчеркивает ее системообразующую роль.

Современный этап развития актуализирует необходимость трансформации деятельности политических институтов. Требуется совершенствование методов государственного управления, в том числе в экономической сфере, на основе

научно обоснованных подходов. Данная потребность диктуется задачами реализации стратегии экономического развития, повышения качества жизни граждан и активного внедрения инновационных практик в процесс построения гражданского общества [1].

Политическая и экономическая системы образуют фундаментальный симбиоз, выступая взаимозависимыми и взаимовлияющими подсистемами единого общественного организма. Их постоянное взаимодействие носит характер двусторонней детерминации: экономические отношения, составляя базис общества, во многом формируют политические институты и распределение властных полномочий. В то же время политическая система, обладая ресурсом принуждения и способностью создавать нормативно-правовые рамки, активно воздействует на экономику, определяя правила игры, перераспределяя ресурсы и задавая векторы развития.

Последствия этого динамичного взаимодействия проявляются в самых различных сферах. Со стороны экономики – это влияние выражается в лоббировании интересов ключевых экономических акторов, формировании политической повестки под давлением экономических кризисов или, наоборот, периодов роста. С противоположной стороны, политические решения – будь то налоговая реформа, изменение таможенных тарифов или запуск крупных государственных программ – оказывают прямое и непосредственное воздействие на экономические процессы, инвестиционный климат и конкурентную среду.

Актуальность комплексного исследования данной взаимосвязи не только сохраняется, но и усиливается в современных условиях. Если ранее дискуссии часто концентрировались вокруг дихотомии «рынок против государства», то сегодня фокус сместился в сторону анализа качества и эффективности государственного вмешательства. Ключевой вопрос современности заключается не в том, должно ли государство участвовать в экономической жизни, а в том, как оно это делает. Внимание исследователей приковано к поиску оптимальных моделей, при которых государственно-политические структуры способны обеспечить не просто стабильность, а качественный экономический прогресс.

В этой связи первостепенное значение приобретают такие задачи, как стимулирование инноваций и оптимизация новых, перспективных отраслей (например, цифровой экономики и «зеленых» технологий), достижение целей устойчивого развития, а также модернизация методов промышленного производства. Эффективная политическая система сегодня – это та, которая способна создавать адаптивные институты, гибко реагировать на технологические вызовы и формировать долгосрочные стратегии, синхронизирующие экономические интересы с общественными благами. Таким образом, взаимодействие политики и экономики трансформируется в стратегическое партнерство, от эффективности которого зависит конкурентоспособность и устойчивость национальной модели развития в глобальном контексте.

Научно обоснованное положение о том, что именно экономика – это материальная основа в общественном развитии, доказано в большинстве современных научных исследований [2–4]. Государство выполняет ряд ключевых функций в исследуемой сфере, требующих пристального внимания. Разрешение экономических противоречий напрямую зависит от эффективности государственного

управления и регулирования. В числе важнейших задач государства – поддержание устойчивого экономического роста, преодоление кризисных явлений и устранение их предпосылок, противодействие экономическим спадам. Не менее значимыми являются усилия по сглаживанию социально-экономических противоречий и урегулированию конфликтных ситуаций в социальной области [5].

Динамика экономических процессов детерминирована текущим состоянием политической и социальной сфер, а также особенностями внутренней и внешней экономической конъюнктуры. Наблюдается сложная взаимозависимость, где экономическая система испытывает на себе значительное влияние внешних факторов, преимущественно политического характера, что формирует устойчивое единство и тесную взаимосвязь этих двух подсистем.

Как уже отмечалось, институты политической системы оказывают прямое воздействие на экономические отношения и процессы. Данное влияние реализуется через систему политических стабилизаторов, предназначенных для целенаправленного развития экономики в целом. Речь идет о конкретных механизмах, обеспечивающих функционирование всех ветвей государственной власти – как на федеральном, так и на региональном уровне. Политические решения, принимаемые государством, непосредственно определяют интенсивность и вектор экономических процессов. Важно подчеркнуть амбивалентный характер этого воздействия: с одной стороны, оно может стимулировать устойчивый рост национального хозяйства, а с другой – создавать административные барьеры, замедляющие развитие отдельных отраслей в зависимости от конкретных обстоятельств.

Государство, будучи универсальным политическим объединением, интегрирует в себя всех членов общества через прямые политико-правовые связи. Именно государство аккумулирует и выражает совокупные интересы социума, а его управленческая деятельность формирует институциональные возможности для политического участия граждан. Эта роль закреплена в нормативных правовых актах, таких как Декларация прав и свобод человека и гражданина, которые фиксируют идеологию вовлечения населения в решение общественно значимых вопросов. Хотя в научной среде существуют дискуссии о степени центральности государства в политической системе, его ключевая роль в качестве основного организационного начала не оспаривается, несмотря на исторически сложившуюся тенденцию к смешению его функций с экономическими, социальными и идеологическими аспектами системы.

Одной из ключевых задач государственно-политических структур является формирование благоприятных условий для предпринимательства. Однако на практике разрешительный порядок регистрации и деятельности нередко трансформируется из регуляторного инструмента в барьер для развития малого и среднего бизнеса.

Политическая система включает как государственные, так и негосударственные организации, последние из которых специализируются на решении локальных задач в определенных сегментах политической жизни. При этом, несмотря на всю свою значимость, государство не является абсолютно доминирующим элементом системы – эта роль отводится личности. Государство же выступает

особым, центральным институтом, чей статус требует детального изучения характера его взаимодействия с общественными объединениями и степени общности их целей и задач.

Власть государства не является абсолютной и ограничена правовыми нормами, которые обязывают его признавать и защищать права и свободы граждан. Ограничение этих прав возможно лишь в строго оговоренных законом случаях. В нормативных актах закрепляются конкретные формы и методы реализации прав граждан, общества и самого государства.

Эффективное сотрудничество между государством и общественными организациями является катализатором развития демократических институтов и расширения участия граждан в управлении. Своевременное разрешение возникающих между ними противоречий – необходимое условие для построения гармоничных отношений, учитывающих специфику, цели и задачи общественных формирований. Несмотря на контрольно-надзорные функции государства, эти организации обладают операционной самостоятельностью, особенно в сферах самоуправления и внутренней деятельности.

Правовая система служит легитимным основанием для существования и функционирования всей политической системы, закрепляя ее структуру, принципы деятельности и пределы полномочий субъектов. Правовая регламентация политических процессов обеспечивает их стабильность и предсказуемость. Основная функция права в этом контексте – создавать условия для воспроизводства политической системы и предотвращать ее произвольные, дестабилизирующие изменения. Однако если правовые нормы перестают эффективно выполнять эту задачу, они же создают легальные механизмы для трансформации системы, вплоть до изменения избирательного законодательства как ключевого элемента политического процесса.

Таким образом, анализ соотношения правовой и политической систем позволяет заключить, что даже обладая формальной автономией, правовая система выполняет по отношению к политической ограничительную и обслуживающую функцию. Являясь ее инструментом, право регулирует политические процессы, обеспечивая легитимность, стабильность и воспроизводство существующей политической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов, Б. Н. Перспективы взаимодействия культуры, экономики и политики в современном мире / Б. Н. Герасимов, В. И. Ионесов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2017. – № 8. – С. 9–17.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
3. Кукушкин, О. В. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // *Вопросы российского и международного права*. – 2019. – Т. 9. – № 9-1. – С. 9–15.
4. Кулажников, В. В. Цифровые права – новый объект гражданских прав в Российской Федерации / В. В. Кулажников, А. В. Усов // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции, Иркутск, 06–07 июня 2019 г.* – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. – С. 304–305.

5. Беспалов, В. П. Влияние политических трансформаций на национальную экономическую безопасность России / В. П. Беспалов, С. М. Кулешов // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2020. – Т. 11. – №. 2 (27). – С. 107–112.

6. Левин, Ю. А. Концептуальные основы взаимодействия органов власти и предпринимательских структур на региональных рынках / Ю. А. Левин, Н. А. Лебедев // Инновации и инвестиции. – 2016. – №. 9. – С. 83–87.

УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ И ДОКТРИНА ПРАВА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Молчанов Евгений Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st814085@ruc.su

TRANSFORMATION OF THE NORMATIVE ACT INTO THE MAIN SOURCE OF THE LEGAL SYSTEM

Molchanov Evgeny Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу правовых обычаев и доктрины права как источников правового регулирования в современных правовых системах. Исследование раскрывает специфику функционирования этих источников права через сравнительно-правовой анализ национального и международного опыта. Особое внимание уделяется процессам трансформации обычаев в формализованные нормы права и механизмам влияния юридической доктрины на правотворческую и правоприменительную деятельность. На основе системного подхода автором выявляются тенденции развития данных источников права в условиях глобализации и цифровизации правового пространства.

Ключевые слова: правовой обычай, доктрина права, источники права, юридическая практика, нормативная система, обычаи делового оборота, правотворчество, юридическая герменевтика, системная интеграция, правовая аксиоматика, юридическая аргументация.

The article is devoted to a comprehensive analysis of legal customs and the doctrine of law as sources of legal regulation in modern legal systems. The study reveals the specifics of the functioning of these sources of law through comparative legal analysis of national and international experience. Particular attention is paid to the processes of transformation of customs into formalized norms of law and the mechanisms of influence of legal doctrine on law-making and law-enforcement activities. Based on a systematic approach, the author identifies trends in the development of these sources of law in the context of globalization and digitalization of the legal space.

Keywords: legal custom, doctrine of law, sources of law, legal practice, regulatory system, business customs, law-making, legal hermeneutics, system integration, legal axiomatics, legal argumentation.

В современной юридической доктрине сохраняется устойчивая тенденция к недооценке таких источников права, как правовой обычай, правовая доктрина, принципы права и религиозные нормы. Эти формы права часто воспринимаются как архаичные, маргинальные или вспомогательные по сравнению с доминирующими нормативными актами. Однако такой подход представляется методоло-

гически ограниченным, поскольку не учитывает системной сложности современного правовогенеза.

Современная правовая система, включая российскую, достигла высокой степени институционализации, что является закономерным результатом исторического развития. Однако ее эффективность и легитимность не могут адекватно оцениваться исключительно через призму формализованных нормативных актов. Как отмечалось ранее, расширительная трактовка источников права как совокупности факторов, детерминирующих формирование и развитие права, включает социально-политические процессы и экономические отношения. Именно эти сферы выступают первичным субстратом правовогенеза.

Современное состояние общества и экономики характеризуется исключительной сложностью, нелинейностью и полицентричностью. Наблюдаются процессы глубинной интеграции и одновременной фрагментации, возникновения доминирующих тенденций и контртенденций. Эта динамичная среда закономерно порождает альтернативные нормативным актам формы права, которые обладают значительным адаптивным потенциалом.

Нормативные акты, будучи продуктом целенаправленной деятельности уполномоченных государственных органов, выражают официальную волю и направлены на реализацию функций государства. Однако в процессе нормотворчества неизбежно возникает «регулятивный вакуум» – значительные сегменты общественной и экономической жизни остаются вне поля непосредственного государственного регулирования в силу различных причин (скорость социальных изменений, специализация отношений, ограниченность ресурсов нормотворчества).

Именно в этих лакунах формируются автономные регулятивные системы, которые восполняют функциональные пробелы официального права. Государство, осознавая ограниченность исключительно этатистского подхода, постепенно признает легитимность этих альтернативных механизмов правовогенеза. Это признание может выражаться в различных формах – от судебного применения правовых обычаев до ссылок на доктринальные источники в мотивировочной части судебных решений.

Таким образом, альтернативные источники права не являются второстепенными или пережитковыми элементами правовой системы. Они выполняют компенсаторную и инновационную функции, обеспечивая гибкость и адаптивность правового регулирования в условиях усложняющихся общественных отношений. Их системное изучение и адекватная оценка представляются необходимыми для понимания современной парадигмы правового развития.

Правовой обычай исторически признается первичной формой позитивного права, поскольку нормативные модели поведения кристаллизовались в обществе еще до возникновения государственных институтов. Ранние памятники права в большинстве правовых систем представляли собой инкорпорацию санкционированных государством обычных практик.

Современная теоретико-правовая парадигма исходит из презумпции, что юридическая сила обычая детерминирована актом государственной легитимации. Яркой иллюстрацией данного подхода выступает ст. 5 Гражданского кодекса РФ,

которая институционализирует обычаи делового оборота в качестве полноценного источника гражданско-правового регулирования.

Легальная дефиниция, закрепленная в указанной норме, релевантна для определения общеправовой природы обычая и устанавливает следующие его конститутивные признаки:

1. Хронологическая устойчивость – длительность существования и повторяемость применения;
2. Сфера бытования – распространенность в конкретной области общественных отношений (в данном случае – в предпринимательской деятельности);
3. Внелегальный характер – отсутствие формальной кодификации в нормативных актах;
4. Автономность формы – независимость юридической силы от способа фиксации (устная или письменная форма).

Данная конструкция позволяет рассматривать правовой обычай как автономный регулятивный механизм, функционирующий в симбиозе с государственным нормотворчеством и восполняющий лакуны законодательного регулирования [1].

Конечно, вот переработанный текст с повышенной уникальностью и научной стилистикой:

В российской правовой системе обычаи делового оборота получают легальное признание через прямые отсылки в гражданском законодательстве. Статьи 508 и 510 ГК РФ иллюстрируют инкорпорацию обычных практик в регулирование предпринимательской деятельности, что свидетельствует об их нормативной силе.

Значение обычая выходит за рамки частного права, находя применение в конституционно-правовой сфере многих государств. Яркими примерами служат некодифицированные правила формирования правительства в Великобритании, церемониальные процедуры парламентских заседаний и инаугурационные ритуалы. В международном праве сложилась уникальная практика признания нератифицированных договоров в качестве кодификации международных обычаев, демонстрирующая эволюционный характер этого источника права.

Особый интерес представляет феномен Инкотермс – систематизированных правил международной торговли, которые, имея договорную природу, фактически функционируют как нормативный комплекс обычаев делового оборота. Эта дуалистическая природа характерна для многих современных правовых явлений.

Историко-правовой анализ показывает, что доктринальное правопонимание берет начало в Древнем Риме, где труды авторитетных юристов (Ульпиан, Гай) обладали нормативной силой. В современных правовых системах, особенно англосаксонской и исламской, доктрина сохраняет значение источника права через:

- ссылки на научные труды в судебной практике;
- непосредственное использование религиозно-правовых предписаний;
- участие ученых в нормотворческом процессе [2].

Современная правовая доктрина характеризуется следующими системными признаками:

1. Научная обоснованность и профессиональный характер формирования.
2. Системность взглядов на проблемы правового регулирования.
3. Текстуальная форма выражения научных позиций.

4. Общественная значимость и соответствие потребностям развития общества.

В функциональном аспекте доктрина реализуется через:

- участие в законодательном процессе (экспертиза, разработка проектов);
- восполнение пробелов правового регулирования;
- толкование нормативных предписаний;
- ограничение судебного усмотрения доктринальными пределами [3].

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что правовые обычаи и юридическая доктрина образуют фундаментальный пласт правовой реальности, выполняющий роль связующего звена между историко-культурной традицией и актуальными потребностями правового развития. Этот синтез прошлого и настоящего создает уникальный механизм адаптации правовых систем к вызовам современности, обеспечивая их устойчивость и гибкость одновременно.

Глубокий анализ природы и функционирования этих источников права раскрывает их многогранную роль в современных правовых порядках. Правовые обычаи, выступая формой социальной памяти права, демонстрируют удивительную способность к трансформации – от архаичных обыкновений до сложных регулятивных комплексов международного уровня. Доктрина же представляет собой когнитивный ресурс права, обеспечивающий его теоретическое осмысление и концептуальное развитие.

В контексте глобализационных процессов значение данных источников права существенно возрастает. Они выступают: мостом между различными правовыми традициями; инструментом гармонизации национальных законодательств; средством преодоления правового партикуляризма; фактором формирования транснационального правового пространства.

Особого внимания заслуживает их комплементарная природа. Если обычаи обеспечивают эволюционную преемственность правового развития, то доктрина задает вектор его прогрессивной трансформации. Вместе они создают сбалансированную систему, способную одновременно сохранять идентичность правовой системы и обеспечивать ее адекватность меняющимся социальным условиям.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования для: совершенствования нормотворческой деятельности; оптимизации правоприменительной практики; разработки образовательных программ юридического профиля; формирования стратегии развития национальной правовой системы.

В конечном счете, понимание диалектики обычая и доктрины позволяет не только глубже постигать механизмы эволюции правовых систем, но и более эффективно управлять процессами правового развития в условиях нарастающей глобальной взаимозависимости. Эти источники права, сохраняя свою традиционную природу, обретают новое звучание в современном правовом дискурсе, подтверждая тезис о единстве преемственности и обновления как основе динамического равновесия правовой реальности.

Их изучение открывает возможности для прогнозирования «trajectories» развития права, создания более гибких правовых моделей и формирования инклюзивного правового пространства, способного адекватно реагировать на вызовы XXI века – от цифровой трансформации до глобальных экологических угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петросян М. А. Обычай как источник предпринимательского права / М. А. Петросян, К. М. Сулова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11-7. – С. 96–98
2. Котляров С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4(27). – С. 49–51.
3. Соколов Е. С. Субъектный состав административной юрисдикции: сущность, признаки и виды / Е. С. Соколов, В. С. Им // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №10-2(37). – С. 155–157.

УДК 342.9

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Морозов Игорь Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805167@ruc.su

WAYS TO IMPROVE LAW-MAKING POLICY AND ENFORCEMENT: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Morozov Igor Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу современных вызовов в сфере правотворческой политики и правоприменительной практики. Исследование выявляет системные проблемы, препятствующие эффективной реализации правовых норм, включая противоречивость законодательства, недостаточную профессиональную подготовку правоприменителей и низкий уровень правовой культуры. Особое внимание уделяется совершенствованию правоприменительной практики через создание прозрачных процедур принятия решений и внедрение специализированных обучающих программ для юристов.

Ключевые слова: эффективность правоприменения, законодательные коллизии, юридическая техника, правовая политика, качество законодательства, профессиональная подготовка юристов, цифровизация права, экспертиза законопроектов, правовая культура, судебная практика, законодательные пробелы, модернизация права.

The article is devoted to a comprehensive analysis of modern challenges in the field of law-making policy and law enforcement practice. The study identifies systemic problems that impede effective implementation of legal norms, including inconsistent legislation, insufficient training of law enforcement officers and a low level of legal culture. Particular attention is paid to improving law enforcement practice through the creation of transparent decision-making procedures and the introduction of specialized training programs for lawyers.

Keywords: effectiveness of law enforcement, legislative conflicts, legal technique, legal policy, quality of legislation, professional training of lawyers, digitalization of law, examination of bills, legal culture, judicial practice, legislative gaps, modernization of law.

В условиях трансформации международного правопорядка и формирования новых геополитических реалий актуализируется необходимость пересмотра концептуальных основ правотворческой деятельности в Российской Федерации. Современная юридическая наука призвана выйти за рамки традиционной функции

по разработке рекомендаций для точечных законодательных новелл, сфокусировавшись на системном прогнозировании и стратегическом моделировании правового развития.

Наблюдаемая в последнее десятилетие беспрецедентная интенсификация законодательных процессов, выражающаяся в значительном увеличении объема создаваемых федеральных и региональных нормативных правовых актов, требует глубокого осмысления. Ежегодно Федеральное Собрание РФ принимает свыше трех сотен законодательных инициатив, однако качественный анализ показывает, что значительная их часть представляет собой точечные поправки и изменения в уже существующие законы, что свидетельствует о переходе к фазе «точной настройки» правовой системы.

Для повышения эффективности правотворчества в современных условиях целесообразно акцентировать внимание на следующих направлениях:

1. Систематизация и цифровизация. Правотворчество должно активно интегрировать достижения цифровой экономики. Речь идет не только о признании цифровых прав и смарт-контрактов, но и о переводе в цифровую форму самих законодательных процедур, например, заключения договоров через портал «Госуслуги», что повышает доступность и прозрачность права.

2. Сбалансированность уровней правового регулирования. Эффективность законодательного процесса в федеративном государстве напрямую зависит от обеспечения баланса интересов Федерации и её субъектов. Региональное законодательство, обладая собственным кругом субъектов правовой инициативы, выступает важным полигоном для выявления пробелов и апробации правовых решений, что требует совершенствования механизмов их согласования с федеральным центром.

3. Повышение роли правоприменительной практики. В условиях обилия законодательных новаций ключевое значение приобретает анализ правоприменения. Исследование судебной практики и административных процедур позволяет выявлять коллизии и пробелы, превращая правотворчество из спонтанного реагирования в управляемый процесс.

4. Адаптация к новым социально-экономическим реалиям. Законодатель должен гибко реагировать на вызовы времени, будь то поддержка участников СВО и бизнеса через кредитные каникулы, регулирование цифровых активов или противодействие новым видам кибермошенничества. Это требует развития таких качеств закона, как гибкость, прогностичность и способность к быстрой адаптации.

Таким образом, современный этап развития правотворчества в России характеризуется переходом от экстенсивного увеличения количества актов к комплексному преобразованию, направленному на повышение системности, технологичности и практической эффективности права в условиях быстро меняющегося мира.

В настоящее время законотворческая активность российского парламента не только сохраняет высокие темпы, но и демонстрирует качественный рост. По итогам весенней сессии 2025 года восьмой созыв Государственной Думы РФ установил новый рекорд, приняв 354 федеральных закона. Более того, качественный анализ работы показывает, что 71 % из принятых актов являются законами

прямого действия, что представляет собой наивысший показатель за все время деятельности предыдущих созывов.

Помимо рекордных количественных показателей, текущий созыв характеризуется и значительной интенсивностью предварительной работы. На момент открытия осенней сессии 2025 года в законотворческом портфеле палаты находилось 1174 законопроекта, что подчеркивает насыщенность законодательной повестки. Из этого объема 251 проект был уже принят в первом чтении, 2 – во втором, а 921 инициатива находилась на стадии предварительного рассмотрения.

Таким образом, Государственная Дума восьмого созыва, работающая с октября 2021 года, подтверждает свою исключительную продуктивность не только за счет рекордного количества принятых актов за сессию, но и благодаря масштабной работе с законодательными инициативами на различных стадиях парламентского процесса.

Ключевым резервом повышения эффективности правотворческой деятельности является системная оптимизация её «процедурных основ», требующая детальной легальной регламентации процессуальных аспектов законодательной работы. В настоящее время законотворческий процесс Федерального Собрания РФ регулируется преимущественно внутренними регламентами палат, которые по своей юридической природе относятся к категории подзаконных актов. Безусловно, Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальные принципы распределения компетенции между субъектами законодательной инициативы и общие контуры законодательного процесса. Однако конституционные положения содержат лакуны правового регулирования, не охватывая всей сложности современных законодательных процедур.

Параллельно наблюдается устойчивый институциональный дисбаланс в пользу исполнительной и президентской власти, проявляющийся в доминировании правительственных законопроектов в парламентской повестке. Данная проблематика остается предметом активной научной дискуссии, где все чаще звучат предложения о законодательном закреплении гарантий равного доступа к правотворческому процессу для всех субъектов законодательной инициативы, что способствовало бы укреплению принципа разделения властей и повышению качества принимаемых нормативных решений. Такой подход позволил бы создать сбалансированную систему правового регулирования законодательного процесса, сочетающую конституционные основы с детальными процедурными гарантиями, обеспечивающими прозрачность и демократический характер законотворчества [1–2].

Формирование и последовательная реализация целостной правотворческой политики способна выступить в качестве системообразующего фактора, создающего необходимые предпосылки для оптимизации деятельности Федерального Собрания РФ. Её внедрение направлено на достижение ряда стратегических целей: совершенствование законопроектного процесса, построение логичной и внутренне согласованной системы отраслевого законодательства, а также выстраивание продуктивного диалога между институтами гражданского общества и государством.

Данный подход позволит перейти от фрагментарного реагирования на возникающие вызовы к стратегическому планированию в сфере нормотворчества, обеспечивая тем самым комплексное и сбалансированное регулирование ключевых общественных отношений.

Формирование институтов гражданского общества и правового государства в России, создание истинного парламентаризма, а также становление нового типа правовой системы напрямую зависят от рациональной правотворческой политики современности. Она выступает ключевым фактором демократических преобразований и гарантирует соблюдение конституционных и международно признанных прав и свобод граждан. Реализация таких прав в соответствии с Конституцией РФ и глобальными стандартами становится возможной именно благодаря продуманной стратегии в сфере правотворчества.

Сформировавшийся в российской юридической науке методологоконцептуальный аппарат теории правотворчества обладает значительным потенциалом для построения долгосрочных прогностических моделей оптимизации данной сферы государственной деятельности. Его адекватность обусловлена способностью аккумулировать и отражать актуальные политико-правовые тенденции развития национального законодательства.

В текущих условиях качество правотворчества детерминировано его комплексностью и системностью, что предполагает учет современной специфики и динамики регулируемых общественных отношений. Именно этим критериям должны отвечать все доктринальные акты стратегического планирования в данной области.

Обращение к отечественному историческому опыту, в частности, к практике разработки и реализации пятилетних планов развития народного хозяйства в советский период, демонстрирует наличие национальных традиций в области стратегического планирования. Однако в контексте современных глобализационных процессов данная модель требует критического переосмысления. Ее адаптация невозможна без учета долгосрочных факторов, выходящих за рамки национальной юрисдикции, а также без глубокой концептуализации взаимосвязей между различными сферами общественной жизни, государствами и глобальными экосистемами.

О необходимости формирования новой парадигмы правотворчества свидетельствует принятие в 2025 году нового акта стратегического планирования – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 года. Данный документ обладает комплексным, межотраслевым характером и реализуется в контексте достижения национальных целей развития, утвержденных Указом Президента РФ.

Для последовательного развития правовой сферы избран проверенный программно-целевой метод. Его применение создает системные предпосылки для последовательного реформирования общественных отношений не только за счет точечного совершенствования законодательства, но и путем его масштабной гармонизации и кодификации. Это создает долгосрочные условия для оптимизации нормотворческой деятельности всех публичных институтов, включая органы

государственной власти и местного самоуправления, а также обеспечивает гибкие механизмы для адаптации международно-правовых стандартов к российской правовой системе.

Реализация Концепции призвана обеспечить формирование качественной нормативной базы для решения ключевых задач государственной политики:

1. В экономической сфере – стимулирование устойчивых экономических процессов, обеспечение функционирования конкурентного рыночного механизма и наращивание национального благосостояния.

2. В социальной сфере – создание условий для социального и демографического роста, модернизация систем здравоохранения и пенсионного обеспечения.

3. В политико-управленческой сфере – совершенствование политических институтов, обеспечение эффективного участия граждан и общественных объединений в нормотворческом процессе, оптимизация системы государственного и муниципального управления.

4. В гуманитарной сфере – сохранение и развитие духовных ценностей, поддержка науки, образования и культуры [3].

Таким образом можно сделать следующие выводы:

1. В соответствии со своим собственным законодательством, которое закрепляет основные ценности, государство обязано заботиться о благосостоянии общества, охранять и защищать закреплённые в национальном законодательстве права и свободы человека и гражданина посредством правоприменительной деятельности через работу публичных органов власти;

2. Правовая политика государства должна быть направлена на охрану правовых ценностей общества;

3. В сфере уголовно-правового регулирования государство должно соблюдать баланс между безопасностью всего общества и правами отдельных граждан, избегая излишней криминализации общественных отношений и нарушения личных прав людей, не умаляя значение принципов уголовного права и конституционных принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешкова Н. П. Муниципальное правотворчество: понятие и сущность // Юридические исследования. – 2013. – № 7. – С. 67–87.

2. Храмцов А. В. Понятие и конституционно-правовая сущность правотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 6. – С. 9–11.

3. Котляров С. Б. Права и свободы граждан как критерий формирования гражданского общества и правового государства в современной России // II Юридические чтения : материалы заочной научно-практической конференции. – Саранск : ЮрЭксПрактик, 2016. – С. 23–24.

УДК 342.2

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ПРИНЦИПОВ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Морозов Игорь Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805167@ruc.su

FUNCTIONAL UNITY OF THE PRINCIPLES OF LAW-MAKING AND LAW ENFORCEMENT IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF LEGAL REALITY

Morozov Igor Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье делается теоретическое обоснование концепции функционального единства принципов правотворчества и правоприменения как системообразующего фактора, обеспечивающего целостность и динамику правовой реальности. В работе выявляется взаимосвязь и взаимовлияние базовых начал, лежащих в основе создания правовых норм и их реализации, демонстрируется, как их согласованное действие преодолевает разрыв между «правом в книгах» и «правом в жизни». В результате доказывается, что дисбаланс в системе этих принципов приводит к деформациям правовой системы, а их гармонизация является ключевым условием ее эффективности.

Ключевые слова: функциональное единство, принципы правотворчества, принципы правоприменения, правовая реальность, формирование права, реализация права, системность права, юридическая деятельность, эффективность правового регулирования, теория права.

The article makes a theoretical justification of the concept of the functional unity of the principles of law-making and law enforcement as a system-forming factor that ensures the integrity and dynamics of legal reality. The work reveals the relationship and mutual influence of the basic principles underlying the creation of legal norms and their implementation, demonstrates how their coordinated action bridges the gap between "law in books" and "law in life." As a result, it is proved that an imbalance in the system of these principles leads to deformations of the legal system, and their harmonization is a key condition for its effectiveness.

Keywords: functional unity, principles of law-making, principles of law enforcement, legal reality, formation of law, implementation of law, consistency of law, legal activity, effectiveness of legal regulation, theory of law.

Правотворчество представляет собой сложный многомерный процесс, осуществляемый государственными органами и легитимизированными субъектами в рамках регулирования общественных отношений. Эта деятельность характеризуется стадийностью и полисубъектностью, будучи направленной на создание и модификацию нормативных правовых актов, которые выступают доминирующей формой права в российской правовой системе. Несмотря на значительную доктринальную разработанность теории правотворчества и правоприменения, современный период характеризуется наличием существенных проблем в практической реализации соответствующих нормативных предписаний.

В данном контексте особую актуальность приобретает исследование государственной деятельности через призму аксиологического подхода, учитывающего ценности, формирующиеся в пространстве правовой культуры и получающие формальное выражение в принципах права. Это обуславливает необходимость рассмотрения принципов в качестве фундаментального основания всей юридической деятельности.

При концептуализации категории «принцип» методологически оправданным представляется обращение к общелингвистическому значению термина. Согласно лексикографическим источникам, понятие «принцип» раскрывается через три основных значения: базовое положение теории, устойчивое мировоззренче-

ское убеждение и фундаментальная особенность организации системы. Этимологический анализ показывает происхождение термина от латинского «*principium*» («начало»), что обосновывает правомерность его трактовки в юридической науке как исходного положения, руководящей идеи или основополагающего начала.

Философская рефлексия категории «принцип» восходит к античной традиции, где она осмысливалась в качестве фундаментального первоначала мироздания. В трудах древнегреческих философов принцип понимался как организующее и смыслообразующее ядро бытия, что предопределило его последующее восприятие в качестве устойчивой основы познания и социальной организации, сохраняющей свою методологическую значимость для современной юридической науки [1, с. 12].

В правовой литературе можно встретить достаточно широкий круг мнений авторов-правоведов по поводу толкования термина «принцип» [2–5]. Доктринальное поле юридической науки демонстрирует значительный разброс мнений относительно интерпретации категории «принцип». Эта методологическая ситуация обусловлена многогранностью данного понятия, которое, каюсь интуитивно понятным, приобретает специфические смысловые нюансы в различных отраслевых правовых контекстах. В качестве подтверждения данного тезиса представляет интерес позиция классика отечественной правовой мысли Н. Н. Алексеева, сформулированная еще в начале XX века. Ученый констатировал: «Обнаруживается огромная трудность формулировки общих принципов права... Догматическая юриспруденция распалась на множество обособленных дисциплин, лишенных единой системообразующей идеи. Каждая юридическая дисциплина вырабатывает собственную общую часть и уникальный понятийный аппарат... Именно эта дифференциация познавательных задач порождает противоречивую множественность логических дефиниций» [6, с. 11].

Проблема концептуализации термина «принцип» относится к числу классических для юридической науки, что предопределило формирование обширного спектра исследовательских подходов к его осмыслению. Сложившийся методологический плюрализм включает как устоявшиеся, доктринально выверенные позиции, так и дискуссионные, а подчас и маргинальные трактовки. Несмотря на солидную историю изысканий в данной области, вопрос не утрачивает своей научной остроты, а, напротив, приобретает новые измерения в контексте динамичного развития правовой реальности.

В современной теоретико-правовой парадигме продолжают зарождаться прогрессивные, а подчас и революционные идеи, бросающие вызов традиционным представлениям. Это обуславливает методологическую необходимость проведения всестороннего анализа широкого круга существующих позиций – от ретроспективного анализа классических концепций до критического осмысления новейших теорий. Лишь такой комплексный подход позволяет адекватно оценить эвристический потенциал и операциональную значимость категории «принцип» в современных правовых исследованиях.

Более того, углубленное изучение различных интерпретаций данного понятия способствует преодолению междисциплинарных барьеров, поскольку принципы

выполняют интегрирующую функцию в системе юридического знания. Их анализ позволяет выявить системные связи между философией права, догмой права и социологией права, формируя целостное представление о правовом регулировании. Таким образом, обращение к многообразию подходов является не только данью академической традиции, но и важным условием дальнейшего развития правовой теории и практики, обеспечивающим ее адаптацию к вызовам современности.

Данный анализ представляется особенно значимым для формирования современного методологического инструментария, применяемого как в нормотворческой деятельности, так и в правоприменительной практике, где точность понимания правовых принципов напрямую влияет на качество и эффективность принимаемых решений.

Для комплексного раскрытия темы представляется методологически оправданным обращение к отраслевому правовому дискурсу. В уголовно-правовой доктрине принципы занимают центральное место в системе регулятивных механизмов, что находит прямое закрепление в статьях 3–7 УК РФ. Эти основополагающие идеи детерминируют содержание уголовного законодательства и правоприменительной практики, выступая системообразующим каркасом всей отрасли. Специфика уголовно-правовых принципов проявляется в их императивной природе, что закономерно для публично-правовой отрасли с преобладанием запретительных норм.

В цивилистике принципы сохраняют свою фундаментальную роль, характеризуя сущностные характеристики частного права. Статья 1 ГК РФ, формулируя «основные начала», придает им нормативный характер общего положения. Особенностью гражданско-правовых принципов является их диспозитивный характер, проявляющийся в таких ключевых началах, как автономия воли участников и свобода договора. При этом законодатель предусматривает механизмы защиты слабой стороны в правоотношениях с асимметрией положения участников.

Генезис правовых принципов обусловлен не столько нормотворческой деятельностью, сколько органическим развитием правовой системы, отражающим объективные потребности социума. Юридическая наука выполняет когнитивную функцию, выявляя и систематизируя эти принципы через анализ правовой реальности. Можно выделить две основные формы существования принципов: непосредственно легализованные (как в УК РФ) и логически выводимые из системы норм (как принципы добросовестности в гражданском обороте).

В теоретико-правовом измерении принципы выполняют интегративную функцию, связывая философские основания права с догматической юриспруденцией. Их специфическими чертами являются: нормативная закреплённость, системообразующий характер, способность восполнять пробелы регулирования. Особого внимания заслуживает практическая реализация принципов при разрешении юридических коллизий и устранении противоречий в правоприменении.

Таким образом, категория «принципы права» обладает значительным эвристическим потенциалом для:

1. Построения непротиворечивой системы правового регулирования;
2. Обеспечения единства правового пространства через harmonization отраслевых подходов;

3. Разрешения правовых коллизий и восполнения законодательных пробелов;
4. Формирования методологической основы для дальнейшего развития правовой системы.

Данные выводы подчеркивают необходимость дальнейшего исследования функциональных возможностей правовых принципов в условиях усложнения общественных отношений и цифровой трансформации права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникушин С. В., Лысенков С. Г. Теоретико-философские аспекты понимания категории «Принцип» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №2 (62). – С. 11–16.
2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
3. Котляров С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4(27). – С. 49–51.
4. Котляров С. Б. Проблемы систематизации источников права в современной Российской правовой системе / С. Б. Котляров, А. Б. Студеникин // The Newman in Foreign Policy. – 2021. – Т. 2. – № 59(103). – С. 17–20.
5. Милежик А. В. Власть, общество и реформы в России: традиции и современность: Учебно-методическое пособие / А. В. Милежик, А. В. Усов, Н. А. Шабельникова. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 80 с.
6. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. – Москва : Книга по Требованию, 2011. – 161 с.

УДК 342.5

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Панюшкина Анна Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810416@ruc.su

CURRENT STATUS AND CHARACTERISTICS OF FINANCIAL FRAUD IN RUSSIA: IMPROVEMENT OF LEGAL MECHANISMS OF COUNTERACTION

Panyushkina Anna Alekseevna, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья исследует трансформацию финансового мошенничества в условиях цифровизации экономики, выявляя системные противоречия между динамикой преступных схем и инерционностью правового регулирования. На основе анализа актуальных способов противоправного завладения средствами автором разработана концепция адаптивной системы противодействия, интегрирующей превентивные, запретительные и компенсационные механизмы.

Ключевые слова: кибермошенничество, правовые коллизии, адаптивное регулирование, цифровая трансформация преступности, межведомственная координация, компенсационные механизмы, технологии правоприменения.

The article explores the transformation of financial fraud in the context of the digitalization of the economy, identifying systemic contradictions between the dynamics of criminal schemes and the inertia of legal regulation. Based on the analysis of current methods of unlawful seizure of funds, the author developed the concept of an adaptive countermeasures system that integrates preventive, prohibitive and compensatory mechanisms.

Keywords: cyber fraud, legal conflicts, adaptive regulation, digital transformation of crime, inter-departmental coordination, compensation mechanisms, law enforcement technologies.

Актуальность проблемы финансового мошенничества в Российской Федерации достигла беспрецедентного уровня в условиях интенсивной цифровизации экономики. По данным Совета Федерации, ущерб граждан от дистанционных мошенников только за прошлый год составил почти 200 млрд рублей, а в текущем году превысил отметку в 100 млрд рублей [1]. Стремительная трансформация мошеннических схем, их технологическая изощренность и организованный характер создают «системный вызов» для правоохранительных органов, финансовых институтов и общества в целом. Злоумышленники оперативно адаптируются к новым технологическим возможностям, используя методы социальной инженерии, фишинговые атаки и сложно обнаруживаемые каналы несанкционированного доступа к средствам граждан.

Научное осмысление проблем противодействия финансовому мошенничеству сосредоточено на разработке AI-инструментов и правовых механизмов защиты, однако лаг научного реагирования не успевает за криминальными инновациями. Эмпирические данные 2025 года свидетельствуют о доминировании социальной инженерии (90 % атак) и 50-процентном росте фишинговых схем, усугубляемых транснациональной природой преступных групп. Структурная адаптивность мошенников, эксплуатирующих актуальные информационные поводы и технологические уязвимости, детерминирует необходимость разработки опережающих правовых моделей регулирования.

Правовые основы противодействия финансовому мошенничеству в России составляют «многоуровневую систему» нормативных актов, включающую уголовное, финансовое, административное и информационное законодательство. Ключевыми элементами этой системы являются: Уголовный кодекс РФ (ст. 159, 159.3, 159.6), устанавливающий ответственность за мошенничество в различных формах его проявления; Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ, создающий основу для выявления подозрительных финансовых операций; Федеральный закон «О национальной платежной системе», регулирующий деятельность участников платежного рынка; Закон «О безопасности финансовой деятельности», определяющий полномочия органов финансового надзора.

Институциональная составляющая системы противодействия финансовому мошенничеству включает Банк России, Росфинмониторинг, МВД России, ФСБ России, а также операторов связи и кредитные организации. Каждый из этих субъектов выполняет специфические функции в общей системе противодействия.

С 1 сентября 2025 года в России вступают в силу новые законодательные нормы, призванные существенно усилить защиту граждан от мошенничества.

Эти изменения возлагают повышенную ответственность на операторов связи и банки, а также предоставляют абонентам новые инструменты для контроля над своими данными и нежелательными коммуникациями.

Одним из наиболее значимых нововведений становится «право абонентов отказываться» от получения массовых и автоматических вызовов. Если гражданин не желает получать подобные звонки, достаточно заявить об этом своему оператору связи, и он будет обязан прекратить их поступление (за исключением звонков от государственных органов).

Важным инструментом повышения прозрачности коммуникаций станет «обязательный определитель бизнес-звонков». С 1 сентября 2025 года, если инициатором вызова является компания или индивидуальный предприниматель, оператор связи обязан отображать его данные на экране телефона абонента, что позволит более эффективно распознавать нежелательные или потенциально мошеннические звонки.

С 1 октября 2025 года вступают в силу «новые требования Банка России» к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности. Регламент предусматривает использование шифрования, регулярные проверки систем на уязвимости и детальное протоколирование всех операционных действий. По мнению многих исследователей и ученых, эти меры создают серьезные технологические барьеры для злоумышленников, однако для комплексной защиты требуются дополнительные решения в области клиентского просвещения и поведенческого анализа.

Основной проблемой является «инерционность законодательного процесса», который не успевает за быстро меняющимися мошенническими практиками. Как отмечают эксперты, мошенники демонстрируют высокую адаптивность, ежегодно обновляя и усложняя схемы обмана, в то время как разработка и принятие законодательных норм занимает значительно больше времени. Это создает «окна уязвимости», когда новые схемы мошенничества уже активно используются, а адекватные правовые механизмы противодействия еще не созданы [2].

Действующее законодательство не в полной мере регулирует вопросы взаимодействия между различными участниками системы противодействия финансовому мошенничеству – банками, операторами связи, правоохранительными органами, регуляторами. Отсутствие единых стандартов обмена информацией о подозрительных операциях, скоординированных процедур реагирования и четкого разграничения ответственности снижает оперативность принятия мер по блокировке мошеннических операций.

Уголовно-процессуальные сложности связаны с квалификацией новых форм мошенничества, имеющих транснациональный характер и совершаемых с использованием высоких технологий. Недостаточная законодательная регламентация процедур электронного доказывания, изъятия и исследования цифровых доказательств создает серьезные препятствия для привлечения мошенников к ответственности. Особую сложность представляет расследование преступлений, совершаемых с территорий других государств.

Современное регулирование в значительной степени ориентировано на «запретительный подход» и установление ответственности за уже совершенные противоправные действия, в то время как превентивным мерам, направленным

на предотвращение мошенничеств, уделяется недостаточное внимание. Как отмечается в аналитических материалах, мошенники часто действуют не через взлом систем, а через обман людей, используя приемы социальной инженерии. Это требует смещения акцента в регулировании на меры по повышению финансовой грамотности населения и его осведомленности о рисках.

В целях повышения эффективности противодействия финансовому мошенничеству предлагается внедрение «системы непрерывного финансового просвещения» населения, закреплённой на законодательном уровне. Реализация данной меры должна включать: закрепление в Федеральном законе «О финансовой грамотности» обязанности кредитных организаций и операторов финансовых рынков регулярно информировать клиентов о современных схемах мошенничества и способах защиты от них; введение в образовательные стандарты обязательного модуля по финансовой безопасности для всех уровней образования; создание на базе Банка России и Росфинмониторинга «государственного информационного портала» с актуальными данными о мошеннических схемах, снабжённого возможностью оперативного оповещения граждан о новых видах угроз.

Эффективным механизмом защиты уязвимых категорий граждан может стать законодательное закрепление расширенного понятия «слабой стороны» в финансовых отношениях, предоставляющее дополнительную защиту пожилым людям, лицам с ограниченными возможностями и иным социально уязвимым группам.

Для противодействия использованию мошенниками персональных данных граждан предлагается: установить ужесточенные требования к операторам связи и финансовым организациям в части верификации клиентов при замене SIM-карт, восстановлении доступа к банковским счетам и изменении персональных данных; ввести законодательный запрет на использование неатрибутированных средств связи для осуществления финансовых операций, предусмотрев обязательную идентификацию абонентов для всех видов мобильной связи и т.д.

Совершенствование механизмов ответственности за финансовое мошенничество должно включать: введение «специального состава» мошенничества с использованием электронных средств платежа и IT-технологий с установлением повышенных санкций; закрепление на законодательном уровне «обязанности кредитных организаций» по возмещению клиентам средств, утраченных в результате мошеннических действий, при условии добросовестности клиента и своевременного информирования им банка о несанкционированной операции; установление упрощенного порядка взыскания ущерба с банков в случаях, когда клиент стал жертвой мошенничества из-за недостаточности внедрённых банком механизмов безопасности.

Ключевым предложением является создание «Единого реестра правонарушений», который должен заработать в полную силу с 1 марта 2026 года. Законодательное регулирование этого реестра должно предусматривать: четкие правила обмена информацией между банками, операторами связи, правоохранительными органами и регуляторами; регламенты доступа и использования данных реестра; механизмы защиты персональных данных граждан, содержащихся в реестре; процедуры оперативного реагирования на появление информации в реестре.

Перспективным направлением совершенствования правовых механизмов про-

противодействия финансовому мошенничеству является разработка законодательной базы для применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения. Как свидетельствуют исследования, проведенные в НИУ ВШЭ, методы машинного обучения позволяют значительно повысить качество обнаружения мошенничества даже в условиях дисбаланса классов и дрейфа концепции [3].

Необходимо разработать и законодательно закрепить: правовой статус систем ИИ в процессе выявления мошеннических операций; требования к качеству данных, используемых для обучения алгоритмов; процедуры проверки и сертификации алгоритмов обнаружения мошеннических операций; механизмы ответственности за решения, принятые с использованием ИИ. Глобализация финансовых рисков диктует новый формат межюрисдикционного взаимодействия, включающий гармонизацию уголовно-правовых дефиниций и создание транснациональных протоколов экстренного реагирования. Стратегическим приоритетом становится опережающая нормативная регламентация цифровых финансовых экосистем – от биометрической аутентификации до CBDC, обеспечивающая превентивную защиту от эксплуатации технологических уязвимостей мошенническими группировками.

Проведенное исследование позволило выявить «системные проблемы» в правовом регулировании противодействия финансовому мошенничеству в России и разработать комплекс предложений по их решению. Установлено, что, несмотря на значительную работу законодателя по усилению ответственности и внедрению новых защитных механизмов (включая вступающие в силу с сентября 2025 года нормы), сохраняются серьезные пробелы, связанные с недостаточной координацией субъектов противодействия, медленной адаптацией законодательства к новым вызовам и несбалансированностью запретительных и превентивных мер.

Ключевыми векторами оптимизации правового противодействия финансовому мошенничеству выступают синхронизация нормативного регулирования цифровой идентификации, внедрение проактивных систем мониторинга на базе ИИ и формирование транснациональных механизмов обмена оперативной информацией. Дальнейшая научная рефлексия должна быть сконцентрирована на разработке дифференцированных моделей регулирования инновационных платежных сервисов и поиске оптимального баланса между императивами безопасности и гарантиями приватности. Реализация предложенного комплекса мер сформирует адаптивную правовую экосистему, способную обеспечивать опережающий ответ на криминальные инновации в условиях цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк России. Противодействие мошенническим практикам. – 2025. – URL: https://www.cbr.ru/information_security/pmp/
2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
3. Воробьев, И. А. Исследования по разработке методов противодействия мошенничеству в финансовых организациях с применением машинного обучения : дис. ... канд. наук. – НИУ ВШЭ. – 2024.

УДК 342.56

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО: СЦЕНАРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Пискайкина Анна Павловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808908@ruc.su

CONTOURS OF THE FUTURE: SCENARIOS OF MODERNIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF RUSSIA

Piskaykina Anna Pavlovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе идентифицируются и подвергаются детальному осмыслению конкурирующие сценарии развития: от инерционного, ориентированного на постепенную эволюцию существующих институтов, до трансформационного, предполагающего тотальную ревизию архитектуры правосудия посредством цифровых технологий и институциональных реформ. В фокусе внимания находится система детерминирующих факторов, способных катализировать или, напротив, блокировать реализацию каждого из предложенных сценариев.

Ключевые слова: суд, судебная власть, судебная система, история суда, становление судебной власти.

In the work, competing scenarios of development are identified and subjected to detailed understanding: from inertial, focused on the gradual evolution of existing institutions, to transformational, involving a total revision of the architectonics of justice through digital technologies and institutional reforms. The focus is on a system of determining factors that can catalyze or, on the contrary, block the implementation of each of the proposed scenarios.

Keywords: court, judicial power, judicial system, court history, formation of judicial power.

Судебная система, являясь ключевым элементом общественной структуры, выполняет три фундаментальные функции, определяющие ее центральное положение. Во-первых, она служит основным механизмом для урегулирования правовых и социальных споров, тем самым непосредственно влияя на стабильность и динамику общественных отношений. Во-вторых, выступая гарантом защиты как общественных, так и государственных интересов, эта система воплощает в себе диалектическое единство традиции и формального права: она является наследником исторически сложившихся подходов к организации гражданского общества и в то же время строго функционирует в рамках закрепленных законодательством структур, ролей и статусов. Эта двойственность требует от нее постоянной адаптации к вызовам меняющегося социокультурного контекста. В-третьих, опираясь в своей деятельности на универсальные правовые принципы и уникальные для данного института «procedural rules», судебная власть активно формирует и закрепляет в общественном сознании определенные стандарты поведения, выступая тем самым не пассивным арбитром, а активным создателем нормативной среды.

Вопрос о наличии системных дисфункций в российской судебной системе является не просто дискуссионным, но и имманентно связанным с качеством российской государственности. Очевидно, что охват всей палитры проблемных зон

в рамках одной работы невозможен, что диктует необходимость сконцентрироваться на наиболее репрезентативных и деструктивных из них.

Центральное место в этом ряду занимает проблема формализма судебных решений, когда в их мотивировочной части отсутствует ответ на существенные правовые аргументы сторон. Данный феномен, выражающийся в игнорировании судом ключевых возражений участников процесса, не только нарушает право на справедливое судопроизводство, но и трансформирует судебный акт из инструмента правосудия в механизм легитимации заранее predetermined вывода.

Наблюдается тенденция к ужесточению судебной практики в российской правовой системе. Суды всё реже идут навстречу ходатайствам об условно-досрочном освобождении и одновременно увеличивают количество решений о заключении под стражу. Эти изменения в работе судебных инстанций свидетельствуют о нарастании карательного уклона в отечественном правосудии.

Проведенная в 2014 году реформа, выразившаяся в объединении Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда РФ, на практике доказала свою состоятельность. Эмпирические данные, накопленные за последующие годы, опровергли опасения о возникновении сложностей в системе инстанционного контроля. Напротив, функционирование единого высшего судебного органа не привело к существенным затруднениям в обжаловании и пересмотре общей массы судебных актов. Впрочем, нельзя игнорировать и критические оценки, звучавшие в научной среде в период непосредственного проведения реформы (2014–2015 гг.), где отмечались риски, связанные с ликвидацией специализированной высшей инстанции для арбитражной системы. Важным позитивным итогом данной реструктуризации стало обретение судебной властью в России большей структурной целостности и автономии.

Ключевым гарантом независимости судебной власти и, как следствие, защиты основ конституционного строя выступает принцип неприкосновенности судей. Данный институт обеспечивает условия для беспристрастного исполнения судьями своих обязанностей, ограждая их от неправомерного вмешательства. Однако данный инструмент не должен приобретать характер абсолютной личной неприкосновенности. Эволюция правового подхода в этом вопросе наглядно демонстрируется правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в рамках оценки одного из положений Закона «О статусе судей в РФ». Высший суд однозначно указал, что судейская неприкосновенность не носит безусловного характера и не может служить щитом от ответственности за правонарушения.

Институт обжалования решения о возбуждении уголовного преследования в отношении судьи служит действенным механизмом, обеспечивающим равновесную защиту интересов всех участников процесса. С одной стороны, он гарантирует права самого судьи от необоснованных посягательств на его профессиональный статус, а с другой – предоставляет правовые средства лицам, пострадавшим от его потенциально противоправных действий. Данная правовая конструкция является практической реализацией фундаментального конституционного права каждого на судебную защиту, закрепленного в статье 46 Конституции РФ.

При этом процедура привлечения судьи к ответственности инициируется исключительно при наличии юридически веских и процессуально закрепленных

оснований, подкрепленных надлежащей доказательственной базой. Все процессуальные действия должны осуществляться в строгом соответствии с регламентированными федеральным законодательством процедурами, базируясь на незыблемых принципах справедливости и верховенства закона. Соблюдение этого комплексного порядка создает правовые предпосылки для применения различных мер воздействия – начиная от временного отстранения судьи от исполнения полномочий и заканчивая их полным досрочным прекращением.

В результате масштабной модернизации судебной системы, спустя десятилетие, можно констатировать ряд системных положительных сдвигов. Ключевым из них является формирование устойчивой тенденции к институционализации взаимодействия между органами государственной власти и судебским сообществом. Данное сотрудничество эволюционировало от эпизодических контактов к структурированному и эффективному диалогу, основанному на принципах взаимного уважения властных прерогатив. Это способствовало укреплению судебной власти как независимого и полноценного института в рамках системы сдержек и противовесов.

Это эффективное взаимодействие, подкрепленное конкретными правовыми и организационными механизмами, оказало существенное влияние на процессы строительства гражданского общества в России. Последовательная реализация принципа независимости судей, включая их несменяемость и особый порядок привлечения к ответственности, заложила фундамент для повышения доверия граждан к правосудию как к инструменту защиты их прав и свобод, что является краеугольным камнем демократического строя.

Глобальная цифровизация, приведшая к становлению «информационного общества», стала мощным катализатором для обновления форм и методов осуществления государственной власти. В ответ на вызовы времени, все ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная – демонстрируют движение к формированию максимально интегрированной системы. Ярким примером служит активное внедрение и развитие единой системы межведомственного электронного документооборота (МЭДО). Данная система не просто налаживает бумажный обмен информацией, но и создает принципиально новую, прозрачную и сопряженную экосистему государственного управления, что в конечном итоге повышает эффективность реализации властных полномочий в целом.

Несмотря на то, что тема внедрения ЭДО в судебную систему является центральной в программах цифровизации, на пути ее реализации сохраняются определенные сложности. Хотя стратегическая важность перехода на цифровые документальные ресурсы неоднократно доказана, на практике в ряде судов сохраняется дуалистическая модель работы, при которой часть канцелярской работы дублируется на бумажных носителях. Это происходит даже с учетом очевидных преимуществ ЭДО, таких как повышенная конфиденциальность, сохранность данных и оперативность доступа. Подобная ситуация может быть обусловлена как инерционностью организационной культуры, так и недостаточной технической оснащенностью.

Ключевым вопросом остается выработка у судов принципов процессуальной целесообразности при решении об организации судебного заседания, в частности, при согласовании участия в режиме онлайн. Здесь необходимо проводить

четкую дифференциацию. С одной стороны, использование цифровых технологий является мощным инструментом обеспечения доступа к правосудию для физических лиц, находящихся в отдаленных регионах, что полностью соответствует принципам справедливости и равенства. С другой стороны, в случае участия в процессе крупной организации, вопрос о необходимости онлайн-участия должен оцениваться более строго, с учетом ее реальных возможностей обеспечить физическое присутствие представителя [1].

Судебная система сталкивается с растущей нагрузкой, особенно в экономически развитых регионах, когда повышается доверие граждан к правосудию и ускоряется рассмотрение дел. Это парадоксально приводит к увеличению числа обращений в суды. Для решения данной проблемы рассматриваются различные подходы: от реформирования специфических законодательных сфер, включая банкротство, до внедрения альтернативных методов урегулирования споров. Среди предлагаемых мер также фигурируют совершенствование механизмов исполнения судебных решений и более широкое применение упрощенных процедур рассмотрения дел. Все эти меры направлены на балансирование между доступностью правосудия и эффективностью работы судебной системы в целом [2].

Переход к использованию цифровых технологий в правосудии является исторически неизбежным процессом, однако его практическая реализация – скорость, масштаб и качество – остается функцией от адаптационного потенциала судебной системы. Реализация этой задачи требует комплексного подхода, который не ограничивается дистанционным судопроизводством. Для создания подлинно доступной и технологичной среды необходима глубокая интеграция электронных форматов на всех этапах судебного процесса. К числу приоритетов относится развитие инфраструктуры для электронной подачи процессуальных документов, а также создание защищенных каналов для дистанционного ознакомления с материалами дел, что в совокупности минимизирует «бумажную» составляющую и оптимизирует работу судов. [3]. Цифровизация судебной системы – это объективный вектор развития, конечная точка которого предопределена, однако траектория и скорость движения к ней зависят от способности системы к внутренним преобразованиям. Данный процесс должен носить всеобъемлющий характер, выходя далеко за пределы видеоконференцсвязи.

Предлагаемая инициатива по созданию специализированных должностей для обработки и сканирования судебных материалов представляет собой не просто техническое усовершенствование, а системный ответ на структурные проблемы судебного делопроизводства. Внедрение таких штатных единиц в структуру каждого суда или управления Судебного департамента является логичным шагом в рамках общей цифровой трансформации системы правосудия, направленной на повышение ее доступности и эффективности.

В настоящее время бремя работы с документами ложится на секретарей судебных заседаний, чьи обязанности и без того чрезвычайно обширны. Согласно регламентирующим документам, они должны вносить в систему автоматизированного учета множество данных: от категории спора и дат заседаний до полной информации о судебных актах. При этом они же несут ответственность за полноту и правильность заполнения электронных карточек. Наложение на них до-

полнительной нагрузки по оцифровке входящего документооборота ведет к профессиональному выгоранию и текучести кадров, которая в аппаратах судов, по некоторым данным, достигает 200–400 % в год. Таким образом, универсализация процесса цифровизации через создание специализированных должностей позволит не только оптимизировать рабочее пространство, но и решить острую кадровую проблему.

Таким образом, проблемы реализации судебной власти действительно носят системный и долгосрочный характер. Эффект от внедрения новых технологий, включая предлагаемую универсализацию документооборота, проявится не мгновенно, а в ходе дальнейшего совершенствования всей системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 198–207.

УДК 34.03

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ГРАЖДАНИН КАК ОСОБЫЙ СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Поршин Алексей Владиславович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809168@ruc.su

A MINOR CITIZEN AS A SPECIAL SUBJECT OF ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONS

Porshin Alexey Vladislavovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена вопросам административной ответственности несовершеннолетних и определению вменяемости в несовершеннолетнем возрасте. Представлены спорные моменты определения возрастной вменяемости, приводится авторская позиция по вопросу дифференциального подхода в привлечении к ответственности несовершеннолетних на основе использования критериев возрастной вменяемости.

Ключевые слова: право, административная ответственности, несовершеннолетний, критерии возраста административной ответственности, возрастная вменяемость.

This article examines the administrative liability of minors and the determination of sanity in adolescence. Controversial aspects of determining age-related sanity are discussed, and the author's position on the differential approach to holding minors accountable based on age-related sanity criteria is presented.

Keywords: law, administrative responsibility, minor, criteria for the age of administrative responsibility, age-related sanity.

Традиционно в праве несовершеннолетний рассматривается с двух позиций:

1) в качестве потерпевшего от правонарушения – лица, в отношении которого осуществлено противоправное посягательство;

2) в качестве субъекта правонарушения – лица, причинившего вред объекту административно-правовой охраны, в результате совершения противоправного деяния.

В первом случае несовершеннолетний выступает признаком объекта правонарушения (несовершеннолетний-потерпевший); во втором – признаком субъекта правонарушения.

В свою очередь, вменяемость и достижение возраста административной ответственности признаются обязательными признаками субъекта правонарушения; отсутствие хотя бы одного из данных признаков исключает такой элемент противоправного деяния, как субъект, и, соответственно, – исключается состав преступления в целом [1].

В рамках учения о субъекте административного правонарушения основные проблемы связаны именно с возрастом, по достижению которого наступает административная ответственность, поскольку теоретико-правовые исследования, связанные с правонарушениями, осуществляемыми несовершеннолетними, требуют глубокого научного осмысления.

Для того чтобы осуществить поиск решения проблем теоретического и правоприменительного характера относительно возраста административной ответственности ученые в области административного права вынуждены обращаться не только к специализированной юридической литературе, посвященной административной ответственности несовершеннолетних, а также к литературе, посвященной, медицинским (наука медицина), психологическим (наука психология) и социологическим (наука социология) особенностям несовершеннолетних, причинивших вред объекту административно-правовой охраны.

В последние десять лет в связи с тем, что наблюдается тенденция роста правонарушений, осуществляемых несовершеннолетними, в том числе правонарушений, относящихся к категории грубых противоправных деяний, а также правонарушений, совершаемых насильственным способом, в административно-правовой доктрине отдельными представителями научного сообщества высказываются предложения о снижении возраста административной ответственности за правонарушения, относящиеся к категории грубых [2].

По мнению Д. О. Савочкина, минимальный возраст – шестнадцать лет, с которого наступает административная ответственность, не является оптимальным, поскольку несовершеннолетние весьма часто совершают противоправные деяния на основании убежденности в административно-правовой безнаказанности. Автор в подтверждение своей позиции приводит примеры о совершении несовершеннолетними мелких хищений и иных противоправных деяний [3].

Общепринято критерии возраста административной ответственности подразделять на четыре категории:

1) хронологический критерий возраста несовершеннолетнего (устанавливается на основании паспорта, удостоверяющего личность);

2) биологический критерий возраста несовершеннолетнего (устанавливается

на основании функциональных и физиологических процессов развития несовершеннолетнего);

3) социальный критерий возраста несовершеннолетнего (устанавливается на основании общественных связей несовершеннолетнего);

4) психологический критерий возраста несовершеннолетнего (устанавливается на основании психических процессов, протекающих в сознании несовершеннолетнего) [4].

При привлечении к административной ответственности несовершеннолетнего правоприменитель руководствуется психологическим (психическим) критерием возраста. Данное обстоятельство обусловлено требованием законодателя.

Во-первых, обязательным условием привлечения виновного лица, в том числе и несовершеннолетнего, к административной ответственности, помимо возраста, признается вменяемость. Так, лицо, причинившее вред объекту административно-правовой охраны, на момент совершения противоправного деяния должно быть вменяемым, то есть психическое состояние несовершеннолетнего при выполнении объективной стороны правонарушения характеризуется способностью осознавать противоправность своего действия (бездействия), а также способностью руководить им.

Во-вторых, содержание вины образуют интеллектуальный и волевой компоненты. Интеллектуальный компонент вины при умысле заключается в осознании виновным, в том числе и несовершеннолетним, опасности осуществленного деяния и предвидении наступления опасных последствий; при неосторожности и – интеллектуальный компонент вины исключается, административная ответственность наступает в связи с тем, что лицо, в том числе и находящееся в возрасте до восемнадцати лет, должно было и могло предвидеть наступление опасных последствий.

То есть, установление психического критерия возраста несовершеннолетнего свидетельствует о вменяемости такого лица, совершившего противоправное деяние.

При привлечении к административной ответственности хронологический критерий возраста несовершеннолетнего не учитывается. Речь идет о так называемом понятии «возрастная невменяемость» [5], субъектами которой признаются несовершеннолетние, достигшие на момент осуществления противоправного деяния возраста административной ответственности, но не подлежащие административной ответственности в силу отставания в психическом развитии.

В правоприменительной деятельности вопрос о возрастной невменяемости несовершеннолетнего вызывает определенные сложности, поскольку на законодательном уровне не разработаны меры административно-правового воздействия, применяемые к таким лицам, причинившим вред объекту административно-правовой охраны.

В административно-правовой доктрине предлагается два основных способа, способствующих разрешению обозначенной проблемы.

Первый способ состоит в разработке специальных мер в отношении несовершеннолетних, находящихся в состоянии возрастной невменяемости.

Второй способ состоит в том, чтобы внести законодательные изменения в

нормы административного законодательства, в которых представляется возможным предусмотреть возможность применения к несовершеннолетним, находящимся на момент осуществления противоправного деяния в состоянии возрастной невменяемости, мер, предусмотренных для несовершеннолетних, находящихся в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет.

На наш взгляд, применение к несовершеннолетним, находящимся на момент осуществления противоправного деяния в состоянии возрастной невменяемости, мер, хотя и специально разработанных для такой категории несовершеннолетних, нецелесообразно.

Поэтому более правильно в отношении лиц, находящихся на момент осуществления противоправного деяния в состоянии возрастной невменяемости, применять общие административно-правовые меры, применяемые к несовершеннолетним.

Таким образом, в административном праве понимание возраста несовершеннолетнего усложняется категорией вменяемость, которая раскрывается через психологические, юридические, моральные составляющие. Не всегда только факт биологического наступления возраста может отражать зрелость волевых и моральных качеств личности. Для одного подростка достижение шестнадцатилетнего возраста - это готовность нести ответственность за свои поступки, для другого полное недопонимание и отреченность от социальной действительности. Тем не менее, институт ответственности должен быть уложен в четкие показатели и закрытые требования, поэтому, общие правила привлечения к ответственности несовершеннолетних являются залогом действенности права и его объективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамаев А. В. Ответственность несовершеннолетних лиц за совершение административных правонарушений // Интернаука. – 2019. – № 10. – С. 75.
2. Романюк К. А. Основные направления совершенствования законодательства в области применения мер административной ответственности за правонарушения со стороны несовершеннолетних // Образование и наука в России и за рубежом. – 2021. – № 5. – С. 69.
3. Савочкина Д. О. Тенденции развития института административной ответственности в отношении физических лиц как субъектов административных правонарушений // Административное право и процесс. – 2022. – № 6. – С. 50.
4. Попов Л. Л. Административное право Российской Федерации : учебник. изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва, 2021. – С. 238.
5. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Я. Сухарева. – Москва, 2020. – С. 312.

УДК 342.9

КОРПУС ЮРИДИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛИКТА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Ратькин Вадим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809062@ruc.su

CORPUS OF LEGAL ELEMENTS OF ADMINISTRATIVE TORT: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Ratkin Vadim Alekseevich, graduate student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена структурно-генетическому анализу корпуса юридических элементов административного деликта в контексте диалектического взаимодействия классических доктринальных подходов и современных правовых тенденций. На основе сравнительно-правовой методологии выявляются трансформирующиеся компоненты состава правонарушения и новые квалификационные признаки, обусловленные цифровизацией правоприменения и изменением парадигмы административной ответственности.

Ключевые слова: Административный деликт, юридический состав правонарушения, элементы корпуса деликта, административная догматика, эволюция административной ответственности, модернизация состава правонарушения, диалектика традиций и новаций.

The article is devoted to the structural and genetic analysis of the corpus of legal elements of administrative tort in the context of the dialectical interaction of classical doctrinal approaches and modern legal trends. On the basis of the comparative legal methodology, transforming components of the offense and new qualification features are revealed due to the digitalization of law enforcement and a change in the paradigm of administrative responsibility.

Keywords: Administrative tort, legal composition of the offense, elements of the tort corps, administrative dogma, evolution of administrative responsibility, modernization of the offense, dialectic of traditions and innovations.

Генезис научных представлений о детерминантах противоправного поведения восходит к античной философской мысли, где сформировались принципиально различные подходы к природе девиаций. Платон усматривал истоки правонарушений в дисгармонии человеческой души, предполагая доминирование аффективных состояний над рациональным началом. Аристотель, напротив, акцентировал социально-политический контекст, связывая генезис преступности с дисфункциями государственного устройства и ощущением социальной несправедливости.

Современная парадигма административно-деликтного права характеризуется динамичным развитием, обусловленным необходимостью реагирования на усложнение общественных отношений. Это актуализирует потребность в углубленном изучении онтологии административного правонарушения, систематизации его конститутивных признаков и совершенствовании правоприменительной практики.

Институт административной деликтности, обособившийся в самостоятельный объект научного познания во второй половине XX столетия, продолжает оставаться в фокусе исследовательского внимания. Комплексный анализ его доктринальных основ, нормативной структуры и практики имплементации осуществляется представителями административно-правовой науки и юридического сообщества [1–2].

Корпус научных исследований, посвященных административной деликтологии, демонстрирует удивительный парадокс: несмотря на многолетнюю историю изучения данного юридического феномена, его концептуальные основания остаются предметом острой дискуссии в современной доктрине [3–4]. Перманентная

полемичность вопроса о дефиниции административного правонарушения обусловлена не только естественной эволюцией правовых систем, но и фундаментальной методологической дивергенцией в понимании самой природы административной ответственности.

Современная палитра научных подходов к определению административного правонарушения отличается исключительным плюрализмом, где каждый исследователь предлагает собственную систему квалифицирующих признаков и детерминирующих характеристик. Особый интерес представляет позиция Н. А. Колоколова, который в своих работах концептуализирует административное правонарушение как социально-правовой антипод нормативного поведения личности в обществе [5]. Данная концепция акцентирует внимание на социально-философском аспекте деликтности, представляя административный проступок не просто как нарушение правовой нормы, но как форму девиации от социально одобряемых моделей поведения.

Развивая эту мысль, можно выделить несколько перспективных направлений научной полемики:

1. Телеологическая дискуссия о соотношении социальной вредности и юридической противоправности как конститутивных признаках административного деликта.

2. Методологический спор о приоритете формально-догматического или социологического подходов к определению природы правонарушения.

3. Праксиологическая дискуссия о функциональном назначении института административной ответственности в системе правового регулирования.

Представляется, что столь существенный разброс научных позиций обусловлен не только субъективными факторами, но и объективной сложностью самого феномена административной деликтности, находящегося на стыке правового принуждения, социального контроля и индивидуальной свободы.

Современная административно-деликтная доктрина стоит перед необходимостью разработки интегративной концепции административного правонарушения, способной синтезировать различные научные подходы и предложить универсальную, но в то же время гибкую дефиницию, адекватно отражающую сложную природу данного правового феномена в условиях динамично трансформирующегося общества.

Нормативная дефиниция административного правонарушения содержится в статье 2.1 КоАП РФ, где данный юридический феномен определяется как противоправное и виновное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, влекущее применение мер административной ответственности в соответствии с федеральным или региональным законодательством.

Доктринальный анализ законодательной конструкции позволяет вычленить четыре конститутивных элемента состава административного деликта: противоправность, поведенческий компонент (действие/бездействие), виновность и наказуемость. Противоправность представляет собой нарушение императивных предписаний административного законодательства, образующих нормативную основу правомерного поведения.

Поведенческий аспект административного правонарушения характеризуется дихотомией действия и бездействия. Действие представляет собой активную

форму противоправного поведения, выражающуюся в нарушении установленных правовых запретов. Бездействие же является пассивной формой противоправного поведения, проявляющейся в неисполнении возложенных юридических обязанностей при наличии реальной возможности их выполнения [6].

Квалификация административного правонарушения, предполагающая точную идентификацию всех элементов его состава, обеспечивает эффективную реализацию охранительной функции административного законодательства в сфере защиты публично-правовых интересов. Кроме того, правильная квалификация выполняет превентивную функцию, способствуя предупреждению административных деликтов, и служит процессуальной гарантией законности принимаемых уполномоченными субъектами решений о применении мер административного принуждения, что обеспечивает надлежащую защиту прав и законных интересов граждан.

Корректная квалификация всех компонентов состава административного правонарушения выступает фундаментальным условием для реализации ключевой задачи административного судопроизводства и правовой системы в целом. От этого напрямую зависит обеспечение всестороннего, объективного и оперативного разбирательства по каждому конкретному делу, а также выполнение важной разграничительной функции – четкого отграничения административных проступков от других видов противоправного поведения, в особенности от уголовно наказуемых деяний.

В науке административного права, исходя из характеристики объективной стороны, общепринятой является классификация составов правонарушений на две группы: формальные и материальные. Для формального состава законодатель не связывает юридическую ответственность с наступлением реальных вредных последствий. Административно-правовые нормы, описывающие такие составы, ограничиваются установлением запрета на само противоправное действие (или бездействие). Таким образом, применение мер государственного принуждения осуществляется исключительно за факт совершения деяния, вне зависимости от того, повлекло ли оно какие-либо материальные результаты.

Административно-правовая доктрина, основываясь на нормативных актах в сфере административного регулирования, определяет триаду ключевых характеристик специфического нарушителя в административно-правовой сфере. Первая категория включает характеристики, связанные с профессиональной деятельностью и должностными обязанностями граждан (к примеру, капитан воздушного судна, лицо, управляющее водным транспортом, работник торговли, сотрудник финансово-кредитного учреждения, наделённый властными полномочиями). Вторая группа объединяет особенности юридического положения субъекта (в частности, лицо, обладающее правом собственности на земельный надел или оружие). Третья категория отражает факты предшествующих нарушений законодательства данным субъектом (в частности, повторное наложение административных санкций на одно лицо в пределах годичного периода).

Среди ученых-административистов и юристов-практиков преобладает позиция о важности модернизации законодательства в сфере административных проступков, включая нормативное определение элементов состава такого деяния [7–

8]. Принцип виновности выступает необходимым условием для наступления административной ответственности организаций точно так же, как это требуется в отношении граждан. Нормотворец, вводя организации в качестве субъектов административно-деликтного права, установил однозначное требование: их ответственность наступает исключительно при наличии вины.

Современная концепция административной ответственности должна интегрировать фундаментальные ценности правовой демократии, доктринальные разработки и эмпирические данные о состоянии деликтности. Данный правовой институт характеризуется полифункциональностью: являясь инструментом реализации административной политики государства, он одновременно служит механизмом защиты публичных интересов и противодействия правонарушениям через установление и применение санкций в рамках демократического юрисдикционного процесса.

Современная правовая система демонстрирует выраженный дисбаланс в пользу уголовно-репрессивных механизмов регулирования. Хроническая недооценка общественной опасности административных деликтов деструктивно влияет на состояние правопорядка, формирование правосознания и совершенствование правоприменительной деятельности. Отсутствие в России концептуальных основ государственной политики в сфере противодействия административным правонарушениям актуализирует необходимость разработки системных ориентиров для защиты общества от противоправных посягательств.

Эффективная реализация административной политики требует внедрения комплексного подхода, интегрирующего социальные, экономические и правовые механизмы. К социальному блоку относятся специализированные программы, направленные на создание условий для правомерного поведения и нейтрализацию детерминант административной деликтности. Экономический компонент предполагает разработку финансового обеспечения профилактических мероприятий и систему стимулов для взаимодействия с юрисдикционными органами.

Правовые меры должны быть ориентированы на формирование сбалансированного нормативного массива, регламентирующего основания и процедуры привлечения к административной ответственности. Приоритетными направлениями являются унификация критериев правовой оценки административных правонарушений на федеральном уровне и оптимизация системы административно-правовых запретов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугенец, А. С. Юридический состав административного правонарушения / А. С. Дугенец // Административное право и процесс. – 2006. – № 3. – С. 19–24.
2. Котляров, С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4(27). – С. 49–51.
3. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
4. Щанкина, Л. Н. Антикоррупционное законодательство в годы советской власти / Л. Н. Щанкина // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 4(20). – С. 72–79.
5. Колоколов, Н. А. Рассмотрение дел об административных правонарушениях. Практика судов общей юрисдикции : учебное пособие. – Москва : Юнити-Дана, 2015. – 439 с.

6. Карпов, О. В. К вопросу о понятии административного правонарушения / О. В. Карпов, Т. В. Бережная // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». – 2018. – № 5 (21). – С. 272–275.

7. Казина, Т. В. Актуальные вопросы в правоприменительной деятельности органов административной юрисдикции // СПС КонсультантПлюс. – 2025.

8. Камолов, С. Г. Институт административной ответственности / С. Г. Камолов, Е. А. Кириллова, А. В. Павлюк. – Москва : Актуальность.РФ, 2017. – 208 с.

УДК 342.9

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ СУДОВ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Раткин Вадим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809062@ruc.su

LEGAL NATURE AND CONTENT OF THE COMPETENCE OF ADMINISTRATIVE COURTS

Ratkin Vadim Alekseevich, graduate student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ правовой природы и содержания компетенции судов по делам об административных правонарушениях в российской правовой системе. Исследуется конституционная основа судебной власти, ее место в системе административной юрисдикции, а также конкретные полномочия судов в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Особое внимание уделяется разграничению компетенции между судами общей юрисдикции, арбитражными судами и иными юрисдикционными органами. Выявляются проблемные аспекты и формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: административная юрисдикция, компетенция судов, административное правонарушение, КоАП РФ, подсудность, судебная власть, правовая природа.

The article provides a comprehensive analysis of the legal nature and content of the competence of courts in cases of administrative offenses in the Russian legal system. The constitutional basis of the judiciary, its place in the system of administrative jurisdiction, as well as the specific powers of the courts within the framework of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) are being investigated. Particular attention is paid to the delimitation of competence between courts of general jurisdiction, arbitration courts and other jurisdictional bodies. Problematic aspects are identified and proposals for improving legal regulation are formulated.

Keywords: administrative jurisdiction, competence of courts, administrative offense, Administrative Code of the Russian Federation, jurisdiction, judicial power, legal nature.

Институт административной ответственности занимает центральное место в системе мер публично-правового принуждения, направленных на обеспечение правопорядка. Эффективность данного института в решающей степени определяется четким нормативным закреплением и последовательной реализацией компетенции органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Среди них особая роль отведена судам, что обусловлено

конституционными принципами независимости, самостоятельности судебной власти и права на справедливое судебное разбирательство.

Структурно-функциональный анализ судебной компетенции позволяет выделить в её составе два фундаментальных элемента: подведомственность и властные полномочия. Категория подведомственности служит правовым критерием, очерчивающим круг объектов и вопросов, в отношении которых тот или иной орган государственной власти правомочен осуществлять свою деятельность. Иными словами, она отвечает на вопрос о том, какое именно учреждение уполномочено «вести» конкретное дело.

В доктрине административного права система подведомственности традиционно дифференцируется на четыре уровня, образующие иерархическую конструкцию: родовой (разграничение между ветвями власти), видовой, территориальный и должностной.

Содержательная сущность данного института раскрыта в трудах ведущих отечественных правоведов. Так, Д. Н. Бахрах определяет подведомственность как «юридически установленную относимость правовых споров или вопросов индивидуального характера, требующих властного разрешения, к ведению определённых государственных органов, в силу их специализации в соответствующей области юрисдикции» [1]. Схожую позицию занимает Ю. К. Осипов, который в своём диссертационном исследовании характеризует подведомственность в качестве функционального механизма, предназначенного для идентификации юрисдикционного органа, уполномоченного на рассмотрение конкретного юридического дела [2].

Таким образом, подведомственность представляет собой правоохранительное отношение, связывающее юридически значимый спор (или правонарушение) с компетентным органом, наделённым полномочием по его разрешению. Важнейшим инструментом практической реализации этого института в сфере судопроизводства выступает его частная разновидность – подсудность. Именно этот механизм обеспечивает эффективное, специализированное и, что принципиально важно, объективное разбирательство, поскольку каждый судебный орган осуществляет правосудие строго в пределах отведённой ему сферы ведения.

Актуальность темы исследования обусловлена продолжающимся реформированием административного и административно-процессуального законодательства, а также значительным объемом дел об административных правонарушениях, рассматриваемых судами. Ежегодно к административной ответственности привлекаются миллионы граждан и юридических лиц, что делает вопрос о пределах и содержании судебной компетенции чрезвычайно важным с точки зрения защиты прав человека и законности.

Правовая природа компетенции судов по делам об административных правонарушениях коренится в фундаментальных принципах, закреплённых в Конституции РФ. Согласно статье 118, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, а судебная власть реализуется, в том числе, и посредством «административного судопроизводства». Это положение определяет судебную деятельность как исключительную прерогативу суда и форму реализации государственной власти.

Важнейшим аспектом правовой природы судебной компетенции является

«принцип независимости судей» и их подчинения только Конституции и федеральному закону (ст. 120 Конституции РФ). Данный принцип обеспечивает объективность и беспристрастность суда при разрешении спора между государством и лицом, привлекаемым к ответственности.

Кроме того, компетенция судов в данной сфере представляет собой форму «административной юрисдикции», которая заключается в рассмотрении административно-правовых споров в установленной законом процессуальной форме специально уполномоченным на то органом – судом. В рамках этой деятельности суд разрешает публично-правовой спор, одной из сторон в котором всегда выступает субъект, наделенный властными полномочиями. Таким образом, суд осуществляет контроль за законностью действий публичной администрации, защищая тем самым права и свободы граждан от произвола [3].

Содержание компетенции судов по делам об административных правонарушениях раскрывается через систему их полномочий, закрепленных в КоАП РФ. Анализ законодательства позволяет выделить несколько ключевых аспектов этой компетенции. Согласно статье 22.1 КоАП РФ, дела об административных правонарушениях рассматриваются в пределах своей компетенции судьями (мировыми судьями, судьями районных, арбитражных судов и т.д.), а также рядом органов исполнительной власти. Это означает, что судебная компетенция является частью более широкой системы административной юрисдикции, но занимает в ней центральное место в силу своей исключительности и высшей юридической силы принимаемых решений.

Важно разграничивать понятия «компетенции» и «подсудности». Компетенция суда представляет собой установленный нормативно-правовыми актами объем его полномочий и перечень вопросов, относящихся к его юрисдикции. Подсудность же является процессуальным институтом, с помощью которого определяется конкретный суд, уполномоченный рассматривать то или иное дело в качестве суда первой инстанции.

Законодатель устанавливает четкие критерии, в соответствии с которыми дело об административном правонарушении подлежит рассмотрению именно в суде. Анализ ст. 23.1 КоАП РФ позволяет выделить следующие критерии:

1. Характер и тяжесть правонарушения. К судебной компетенции отнесены дела о наиболее серьезных проступках, за которые может быть назначено наказание в виде административного ареста, дисквалификации, лишения специального права (например, права управления транспортным средством).

2. Субъект правонарушения. Ряд составов правонарушений, где субъектом выступает специальное лицо (долностное лицо, юридическое лицо), подсудны арбитражным судам или судам общей юрисдикции.

3. Необходимость судебной проверки законности решений иных органов. Суд рассматривает жалобы на постановления иных органов по делам об административных правонарушениях, выполняя контрольно-надзорную функцию.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, в реализации судебной компетенции по делам об административных правонарушениях сохраняется ряд проблем:

1. Проблема разграничения компетенции между судами и органами исполнительной власти. Иногда возникают коллизии при определении юрисдикционного

органа, что может приводить к нарушению прав граждан на своевременное рассмотрение их дела.

2. Неопределенность понятий «однородности» и «повторности» правонарушений. В правоприменительной практике возникают сложности с квалификацией повторных и однородных административных правонарушений, поскольку эти понятия в КоАП РФ четко не определены. Это создает почву для неединообразного применения закона и судебного усмотрения, что требует более детальных разъяснений от Верховного Суда РФ.

3. Вопрос о природе административного правонарушения. В доктрине административного права продолжается дискуссия о том, обладает ли административное правонарушение признаком «общественной опасности» или ему присуща лишь «общественная вредность». Разрешение этой дискуссии имеет непосредственное значение для правоприменительной практики, поскольку влияет на оценку степени вины, соразмерность наказания и разграничение административных проступков и преступлений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что компетенция судов по делам об административных правонарушениях обладает сложной правовой природой, сочетающей в себе черты исключительной судебной власти и специализированной административной юрисдикции. Ее содержание детально регламентировано нормами КоАП РФ и основывается на конституционных принципах правосудия.

Суды выступают не просто как один из многих субъектов административной юрисдикции, а как ключевой гарант законности и защиты прав граждан в публично-правовом споре с государством. Нормативное закрепление широкого перечня дел, подсудных судам, подчеркивает особую роль судебной власти в механизме административно-правового принуждения.

Выявленные в ходе исследования проблемные аспекты, связанные с коллизийным разграничением компетенции и терминологической нечеткостью ключевых правовых дефиниций, не являются лишь частными недоработками законодательной техники. Они представляют собой «системный вызов», который указывает на настоятельную необходимость проведения глубокой и последовательной работы по дальнейшему совершенствованию как законодательной базы, так и устоявшихся подходов в судебной практике.

Несовершенство действующего правового регулирования порождает ряд негативных последствий, выходящих за рамки теоретических дискуссий. Это, прежде всего, «правовая неопределенность», которая создает почву для злоупотреблений и коррупционных рисков, когда отнесение дела к юрисдикции того или иного органа может зависеть от субъективного усмотрения. Для граждан и бизнеса это выливается в нарушение конституционного права на законного судью и на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, поскольку споры о подведомственности и подсудности затягивают процедуру. Кроме того, размытость критериев подрывает принцип «единообразия судебной практики»: сходные по своей фактической и юридической природе дела могут разрешаться разными юрисдикционными органами, что ведет к принятию противоречивых решений и девальвирует идею равенства всех перед законом и судом.

Устранение указанных недостатков требует не точечных изменений, а «комплексного пересмотра» ряда положений КоАП РФ и смежного законодательства. Ключевыми задачами являются:

– формализация критериев разграничения. Необходимо разработать и закрепить в законе четкие, объективные и проверяемые критерии для разграничения компетенции между судами общей юрисдикции, арбитражными судами и административными органами. Это позволит минимизировать судебные споры о подведомственности на стадии возбуждения дела.

– доктринальная консолидация понятийного аппарата. Требуется легальное закрепление дефиниций таких оценочных категорий, как «однородность» и «повторность» правонарушений, а также более точное определение признаков, отличающих административный проступок от уголовного преступления. Эта работа должна быть основана на достижениях современной правовой доктрины и данных обобщенной судебной практики.

– интеграция с новыми процессуальными реалиями. Активное развитие административного судопроизводства в соответствии с КАС РФ диктует необходимость синхронизации материальных норм КоАП РФ с процессуальными стандартами, обеспечивающими повышенные гарантии защиты прав граждан в спорах с публичной властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах, Д. Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни / Д. Н. Бахрах // Российское право. – 2005. – № 4. – С. 46–60.
2. Осипов, Ю. К. Подведомственность юридических дел. – Свердловск, 1973. – 264 с.
3. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.

УДК 342.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ СУДА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВОЙ И АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЙ

Ратькин Вадим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809062@ruc.su

PROCEDURAL POWERS OF THE COURT IN ADMINISTRATIVE CASES: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FIRST AND APPELLATE INSTANCES

Ratkin Vadim Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье проводится сравнительный анализ процессуальных полномочий судов первой и апелляционной инстанций в производстве по делам об административных правонарушениях. Используя зарубежную доктринальную концепцию процедурной и содержательной рациональности, автор исследует особенности реализации судебной власти на каждой стадии

процесса. Выявляются проблемные аспекты, включая вопросы независимости судей и соблюдения прав человека, и предлагаются пути совершенствования административно-юрисдикционного процесса.

Ключевые слова: административное судопроизводство, процессуальные полномочия, суд первой инстанции, апелляционная инстанция, процедурная рациональность, содержательная рациональность, справедливое судебное разбирательство.

This article provides a comparative analysis of the procedural powers of the courts of first and appeal instances in proceedings on cases of administrative offenses. Using the foreign doctrinal concept of procedural and substantive rationality, the author explores the peculiarities of the implementation of the judiciary at each stage of the process. Problematic aspects are identified, including the independence of judges and respect for human rights, and ways to improve the administrative and jurisdictional process are proposed.

Keywords: administrative proceedings, procedural powers, court of first instance, appellate instance, procedural rationality, substantive rationality, fair trial.

Институт административной ответственности занимает центральное место в системе правовых мер охраны публичных интересов и обеспечения правопорядка. Эффективность и справедливость производства по делам об административных правонарушениях в решающей степени определяются четким нормативным закреплением и последовательной реализацией процессуальных полномочий суда. В условиях продолжающейся реформы административного судопроизводства в России научный анализ юрисдикционных возможностей судебных инстанций приобретает особую актуальность.

Целью настоящего исследования является проведение сравнительного анализа объема, характера и содержания процессуальных полномочий судов первой и апелляционной инстанций в производстве по делам об административных правонарушениях. Для достижения этой цели автором используется оригинальный методологический подход, основанный на адаптации англо-саксонской правовой доктрины, разграничивающей «процедурную рациональность» (procedural reasonableness) и «содержательную рациональность» (substantive reasonableness) судебных решений. Это позволяет выйти за рамки традиционного догматического описания и предложить новую оптику для оценки эффективности и справедливости административного процесса.

В зарубежной правовой доктрине, в частности в практике федеральных апелляционных судов США, устоялось разграничение двух аспектов оценки судебных решений: процедурной и содержательной рациональности. Адаптация этой концепции к российской системе административной юстиции представляет значительный научный интерес.

«Процедурная рациональность» (procedural reasonableness) фокусируется на справедливости и корректности самого процесса, приведшего к принятию судебного акта. Ее ключевыми элементами являются:

- «соблюдение установленных процедурных норм»: суд должен неукоснительно следовать регламентированному порядку рассмотрения дела.
- предоставление равных возможностей сторонам: и обвинение, и защита должны иметь полноценную возможность представить свои аргументы, доказательства и ходатайства.

– мотивированность судебного решения: судья обязан привести ясные и убедительные основания своего решения, демонстрируя, что оно базируется на анализе доказательств и применении соответствующих норм права.

«Содержательная рациональность» (substantive reasonableness) относится к оценке справедливости и соразмерности самого результата – вынесенного судом решения или наказания. Она проверяет, является ли наказание пропорциональным тяжести совершенного правонарушения, учитывает ли обстоятельства дела и личность правонарушителя, а также соответствует ли целям наказания, таким как предупреждение новых нарушений и защита общества.

Это разграничение служит эффективным инструментом для структурирования анализа полномочий судебных инстанций: суд первой инстанции в первую очередь обеспечивает процедурную рациональность, в то время как апелляция проверяет ее соблюдение и оценивает содержательную рациональность решения нижестоящего суда [1].

Суд первой инстанции является основным субъектом, формирующим материалы дела и принимающим по нему решение. Его полномочия направлены на создание условий для всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, что составляет суть процедурной рациональности.

Именно на этой стадии закладываются основы для последующего обжалования. Любое нарушение процедурных прав сторон, например, необоснованный отказ в приобщении доказательств или ненадлежащее оформление протокола, может стать основанием для отмены решения в апелляции в силу нарушения процедурной рациональности.

Апелляционная инстанция выполняет контрольную функцию, проверяя законность и обоснованность решений суда первой инстанции. Ее полномочия напрямую коррелируют с dualistic концепцией рациональности, предполагая проверку как процедуры, так и содержания.

Апелляционный суд проверяет, были ли соблюдены все существенные нормы процессуального права. Ключевые полномочия в этой сфере включают:

– проверка соблюдения процедуры рассмотрения дела: Суд апелляции анализирует материалы дела на предмет нарушений, таких как ограничение права на защиту, непредоставление слова участникам процесса, нарушения при извещении сторон и т.д.

– оценка правильности применения норм процессуального права: Устанавливает, корректно ли суд первой инстанции применял нормы КоАП РФ, регулирующие порядок производства.

– истребование и исследование новых доказательств: в отличие от кассации, апелляция вправе принимать и исследовать новые доказательства, если признает, что они не могли быть представлены в суд первой инстанции, тем самым исправляя его процедурные упущения.

Что касается контроля содержательной рациональности: этот аспект деятельности апелляции направлен на оценку справедливости самого решения. Соответствующие полномочия заключаются в следующем:

– проверка правильности квалификации правонарушения: Апелляция оценивает, верно ли суд применил нормы материального права, квалифицировав деяние.

– оценка соразмерности назначенного наказания: Суд проверяет, учтены ли все смягчающие и отягчающие обстоятельства, является ли наказание справедливым и соответствует ли принципу индивидуализации. Это прямая проверка содержательной рациональности.

– анализ обоснованности решения: Апелляционный суд изучает, насколько полно и объективно суд первой инстанции исследовал доказательства, и соответствует ли выводы суда фактическим обстоятельствам дела.

Стандартом проверки здесь зачастую является «злоупотребление дискреционными полномочиями» (*abuse of discretion*). Если решение первой инстанции явно несправедливо, не мотивировано или выходит за рамки разумной дискреции судьи, апелляция вправе его изменить [2].

Сравнительный анализ выявляет ряд системных проблем в распределении и реализации процессуальных полномочий между инстанциями.

1. Формализм при проверке процедурной рациональности в апелляции. На практике апелляционные суды иногда отказываются отменять решения по процедурным нарушениям, если считают, что эти нарушения не повлияли на исход дела. Это ослабляет гарантии справедливости судебного разбирательства.

2. Низкий уровень отмены судебных актов в апелляции. Как отмечается в исследованиях, в России фиксируется крайне низкий процент оправдательных приговоров и отмен судебных решений, что может свидетельствовать о недостаточно эффективном контроле со стороны вышестоящих инстанций. В контексте административных дел эта тенденция также прослеживается.

3. Вопросы независимости судебского корпуса. Исследования указывают на риски внешнего давления на судей, что может влиять на реализацию их полномочий как в первой, так и в апелляционной инстанции. Это ставит под сомнение как процедурную, так и содержательную рациональность выносимых решений.

4. Слабое развитие инструментов содержательного контроля. Апелляция зачастую ограничивается проверкой формальной законности, не углубляясь в оценку справедливости и соразмерности наказания, то есть оставляет без должного внимания аспект содержательной рациональности.

Необходимо отметить, что в качестве предложений по совершенствованию, на наш взгляд, следует сделать следующие «шаги»:

– закрепить в процессуальном законе презумпцию существенности *procedural violations*, согласно которой любое существенное нарушение процедуры считается влияющим на исход дела;

– стимулировать апелляционные суды к более активному использованию полномочий по проверке соразмерности наказания, развивая доктрину содержательной рациональности в российской правоприменительной практике;

– рассмотреть вопрос о расширении полномочий апелляции по переходу к повторному рассмотрению дела по существу в случаях, когда этого требуют интересы правосудия.

Проведенный сравнительный анализ показал, что процессуальные полномочия суда первой и апелляционной инстанций в производстве по делам об административных правонарушениях имеют четко выраженную специализацию, которая успешно описывается с помощью концепции процедурной и содержательной рациональности.

Суд «первой инстанции» выступает в роли создателя процедурной рациональности, обеспечивая соблюдение всех формальных требований процесса и формируя полноценную доказательственную базу для принятия мотивированного решения. Его деятельность направлена на достижение справедливости в конкретном деле.

Суд «апелляционной инстанции» выполняет функции арбитра, осуществляющего комплексный контроль. Он проверяет, насколько нижестоящий суд соблюдал процедурные стандарты (процедурная рациональность) и насколько вынесенное им решение является справедливым и соразмерным (содержательная рациональность). Его деятельность направлена на обеспечение единообразия судебной практики и исправление фундаментальных ошибок.

Выявленные проблемные аспекты, такие как формализм, низкая доля отмен и вопросы судебской независимости, указывают на необходимость дальнейшего реформирования административной юстиции. Предлагаемые меры, включая усиление содержательного контроля и укрепление гарантий процедурной чистоты процесса, будут способствовать повышению эффективности и легитимности производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салищева, Н. Г. Административный процесс в России: проблемы и перспективы развития / Н. Г. Салищева // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 15–28.
2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.

УДК 347.73

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПЕНСИОННОЕ СТРАХОВАНИЕ И НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Родькина Галина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: rodkina2433@mail.ru

MANDATORY PENSION INSURANCE AND NON-STATE PENSION PROVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Galina Sergeevna Rodkina, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования изучаемой проблемы исходит из необходимости поддержания высокого уровня жизни пенсионеров в условиях демографического старения населения и экономических изменений.

Ключевые слова: обязательное пенсионное страхование и негосударственное пенсионное обеспечение в Российской Федерации, трудовой стаж, ответственность государства, накопительная часть пенсии, законодательная база пенсионного страхования

The relevance of this research stems from the need to maintain a high standard of living for pensioners in the context of demographic aging and economic change.

Keywords: mandatory pension insurance and non-state pension provision in the Russian Federation, work experience, state responsibility, funded portion of pensions, legislative framework for pension insurance

Современная система пенсионного обеспечения в России сочетает элементы обязательного и добровольного накоплений. Это создает комплексную структуру, позволяющую каждому гражданину получать гарантированную государством пенсию и дополнительно повышать свою финансовую безопасность в старости посредством участия в негосударственном пенсионном обеспечении [1].

Основой системы обязательного пенсионного страхования являются положения Федерального закона №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [2].

Обязательно пенсионное страхование в Российской Федерации выступает важнейшим элементом социальной защиты населения, обеспечивая всем гражданам поддержку со стороны государства путем гарантированного представления всех видов пенсий.

Основной задачей обязательного пенсионного страхования является создание государством финансовой стабильности граждан при достижении пенсионного возраста или иных жизненных обстоятельствах, таких как инвалидность или потеря кормильца.

Каждый работающий гражданин автоматически включается в систему обязательного пенсионного страхования. Страховые взносы поступают от работодателей либо самозанятых граждан и направляются на формирование будущих страховых выплат [5].

Размеры пенсий определяются исходя из величины уплаченных страховых взносов, продолжительности трудового стажа и величины индивидуального пенсионного коэффициента. Пенсия начисляется ежегодно с учетом индексации, установленных федеральным бюджетом.

Вся система обязательного пенсионного страхования подразделяется на два вида: страховая пенсия и накопительная пенсия.

Средства распределяются следующим образом:

1) Страховая пенсия: формируется из солидарной части взносов и выплачивается исходя из трудового стажа и заработка гражданина.

2) Накопительная пенсия: предусмотрена возможностью направления части страхового взноса на индивидуальный инвестиционный счет, управление которым осуществляется Пенсионным фондом России или частным управляющим фондом. Но с 2014 года правительство Российской Федерации приостановило до 2025 года формирование накопительной части. Но средства, которые были накоплены до введения моратория могут способствовать увеличению будущей страховой пенсии.

Выплата пенсий осуществляется Пенсионным Фондом Российской Федерации непосредственно застрахованным лицам.

Преимущества обязательного пенсионного страхования:

– Гарантированная выплата государством минимальной пенсии, защищающая права пенсионеров вне зависимости от экономического состояния рынка труда.

– Простота оформления и прозрачность процесса уплаты взносов работодателями.

Однако обязательным пенсионным обеспечением часто бывает недостаточно для комфортного существования в старости, особенно учитывая инфляцию и рост стоимости жизни. Поэтому актуальным становится участие в дополнительном пенсионном обеспечении.

Дополнительные пенсионные программы позволяют россиянам создавать собственные финансовые резервы на период выхода на пенсию.

Граждане могут заключать договоры с негосударственными пенсионными фондами, отчисляя туда часть своего ежемесячного дохода. Такие фонды инвестируют полученные средства в надежные активы, обеспечивая стабильный доход вкладчикам.

Центральным элементом является обязательная государственная пенсионная система.

Основные принципы обязательного пенсионного страхования. Работающие граждане России обязаны уплачивать взносы в Пенсионный фонд России (ПФР), причем большая часть платежа поступает непосредственно от работодателя. Самозанятые лица также имеют обязанность вносить платежи самостоятельно [3].

В зависимости от продолжительности трудовой деятельности и размера заработной платы определяется сумма страховой пенсии, которую получает пенсионер по достижении установленного возраста.

Граждане вправе направить часть взносов на создание дополнительной накопительной пенсии, которая управляется специальными фондами.

По состоянию на сегодняшний день государство обеспечивает минимальный уровень социального обеспечения, гарантируя регулярную выплату базовой пенсии, рассчитанной по специальным формулам и условиям.

Стоит отметить, что развитие правового регулирования обязательного пенсионного обеспечения направлено на поддержание уровня жизни граждан пожилого возраста и должна обеспечивать стабильность и предсказуемость механизмов реализации пенсионных прав.

Помимо обязательного пенсионного страхования существует негосударственное пенсионное обеспечение, регулируемое Федеральным законом №75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» [4]. Оно предусматривает возможность самостоятельного увеличения пенсионных накоплений путем заключения договоров с негосударственными пенсионными фондами.

Основной целью негосударственного пенсионного обеспечения выступает предоставление дополнительной пенсионной поддержки на добровольной основе, позволяя гражданам увеличивать размеры своего пенсионного дохода.

Важные преимущества негосударственными пенсионными фондами:

- Индивидуальное регулирование суммы и срока внесения платежей.
- Возможность управления своими средствами через выбор надежного управляющего фонда.
- Налоговые льготы и возврат налогов по взносам в рамках корпоративных пенсионных программ.

Важно отметить, что решение о вступлении в программу негосударственного

пенсионного обеспечения должно приниматься осознанно, с тщательным изучением условий выбранного фонда и осознанием финансовых последствий.

Важно учитывать персональные предпочтения и финансовую ситуацию при выборе формы пенсионного обеспечения. Обязательное пенсионное страхование обеспечивает минимальную социальную поддержку, а негосударственное пенсионное обеспечение дает возможность значительно увеличить пенсионные накопления и получить дополнительный источник дохода в будущем.

Таким образом следует что обязательное пенсионное страхование выступает базовой основой пенсионного обеспечения и основывается на поддержке со стороны государства, а негосударственное пенсионное обеспечение выступает в роли дополнительного пенсионного обеспечения, позволяющего повысить качество жизни граждан.

Но несмотря на развитый правовой фундамент, современная пенсионная система сталкивается с рядом серьезных проблем, вызванных низкой рождаемостью, старением населения и нехватка молодых кадров.

Решением указанных проблем служит модернизация правовых норм, стимулирующих увеличение пенсионных накоплений, улучшения качества инвестиционного менеджмента пенсионных средств и активное использование цифровых технологий для оптимизации процедур взаимодействия граждан с органами власти.

Несмотря на недостатки, система обязательного пенсионного страхования остается фундаментальной основой гарантируя всем гражданам Российской Федерации социальную стабильность и финансовую защиту со стороны государства. Она способствует повышению качества жизни, снижению бедности и созданию условий для достойного существования как людей пожилого возраста, так и той категории населения, которые попали в трудную жизненную ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (офиц. текст с изменениями и поправками от 01.07.2020) г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31. – ст. 4398.
2. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федер. закон [15.12.2001 N 167-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 51. – ст. 4832.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федер. закон [03.10.2018 N 350-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 41. – ст. 6190.
4. О негосударственных пенсионных фондах: федеральный закон [07.05.1998 N 75-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 19. – ст. 2071.
5. О государственной социальной помощи: федер. закон [17.07.1999 N 178-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 29. – ст. 3699.

УДК 347.73

СТРАХОВЫЕ ВЗНОСЫ КАК ОСНОВЫ ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Родькина Галина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: rodkina2433@mail.ru

MANDATORY PENSION INSURANCE AND NON-STATE PENSION PROVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Rodkina Galina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования изучаемой проблемы исходит из необходимости обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы и защиты экономических интересов граждан в условиях демографических изменений и нестабильной экономической обстановки.

Ключевые слова: Страховые взносы, пенсионное обеспечение в Российской Федерации, пенсия по старости, пенсия по инвалидности, пенсия по случаю потери кормильца, пенсия за выслугу лет, социальная пенсия, пенсионная реформа.

The relevance of this research stems from the need to ensure the financial sustainability of the pension system and protect citizens' economic interests in the face of demographic change and an unstable economic environment.

Keywords: Pension provision in the Russian Federation, old-age pension, disability pension, survivor's pension, length of service pension, social pension, pension reform.

Жизнь каждого человека связана с определёнными этапами, каждый из которых накладывает отпечаток на дальнейшую судьбу и благополучие.

Одной из важнейших составляющих современного российского общества является институт пенсионного обеспечения, представляющий собой целую систему социальных гарантий, защищающих права граждан, находящихся в сложных жизненных ситуациях. Вопрос пенсионных выплат особенно важен именно в нашей стране, учитывая демографические изменения последних десятилетий и стремительное увеличение доли пожилых людей [1].

Право на пенсионные выплаты по государственному пенсионному обеспечению приобретают исключительно те граждане, чьи обстоятельства соответствуют установленным нормам закона. Существует чёткий список требований, определяющих основания для возникновения такого права [2]:

- Достижение официально установленного пенсионного возраста.
- Потеря работоспособности ввиду наступления инвалидности первой, второй или третьей группы.
- Утрата кормильца семьёй, ранее находившейся на его полном финансовом обеспечении.
- Особые заслуги перед страной, позволяющие досрочный выход на пенсию или получение особых доплат.

Важно отметить, что каждая ситуация рассматривается отдельно, поскольку количество претендентов на пенсию достаточно велико, а причины для обращения разнообразны.

В современной России действуют разные типы пенсионных выплат, которые позволяют наиболее точно учесть потребности разных групп граждан. Рассмотрим подробнее каждую категорию [3]:

1. Пенсия по старости.

Основной вид пенсии, предназначенный для граждан, достигших предельного возраста выхода на заслуженный отдых. Современное законодательство предусматривает следующую градацию возрастных границ:

Мужчины выходят на пенсию в возрасте 65 лет. Женщины достигают пенсионного возраста в 60 лет.

Вместе с тем отдельные категории граждан могут воспользоваться правом раннего выхода на пенсию, имея значительный стаж работы в тяжёлых или опасных производственных условиях.

Размер самой пенсии по старости вычисляется индивидуально и зависит от многих факторов, таких как продолжительность трудового стажа, общий заработок, размер страховых взносов и накопленный индивидуальный коэффициент, выраженный в баллах.

2. Пенсия по инвалидности.

Пенсия по инвалидности выплачивается гражданам, признанным врачебной комиссией ограниченными в дееспособности первой, второй или третьей группы. Такая поддержка направлена на возмещение утраченных доходов и компенсационные меры, облегчающие жизнь инвалида. Вычисление размера пенсии также индивидуализировано и включает ряд критериев, зависящих от общего стажа работы и особенностей конкретного случая.

При оформлении пенсии обязательно предъявляются медицинские документы, удостоверяющие факт наличия инвалидности [4].

3. Пенсия по случаю потери кормильца.

Получатели этой пенсии – члены семьи, оставшейся без своего кормильца, чей уход повлек ухудшение финансового положения домочадцев. Чаще всего такая помощь оказывается следующим категориям граждан:

Дети до совершеннолетия (до 18 лет).

Родственники, воспитывающие несовершеннолетних детей возрастом менее восьми лет.

Старики, находившиеся на содержании сына или дочери, умерших преждевременно.

Размер пенсии устанавливается на основании среднего заработка ушедшего кормильца и страхового стажа последнего.

3. Пенсия за выслугу лет.

Отдельные категории граждан, посвятившие значительную часть своей жизни службе обществу и государству, заслуженно получают право на пенсию за выслугу лет. Среди таких профессий:

– Сотрудники полиции и силовых структур.

– Военные офицеры и контрактники.

– Судьи и прокуроры.

– Госслужащие высших уровней.

– Оформляя пенсию за выслугу лет, важно учитывать достигнутый стаж службы, занимаемую должность и звание сотрудника.

5. Социальная пенсия.

Социальная пенсия выделяется гражданам, не сумевшим заработать достаточное количество страхового стажа для получения полноценной пенсии. Обычно это касается престарелых людей, инвалидов детства или многодетных матерей, отказавшихся от карьеры ради воспитания детей. Такой вид пенсии направлен на устранение социальной несправедливости и поддержания равноправия среди граждан.

Дополнительные разновидности пенсий предназначены специально для узких категорий населения, обладающих особыми заслугами перед Отечеством, например, участники военных конфликтов, ликвидаторы чернобыльской катастрофы, герои социалистического труда и представители культуры [5].

Система подвергается постоянным улучшениям и адаптациям, соответствующим требованиям времени и новым экономическим реалиям.

Одним из серьёзных испытаний стала реформа пенсионного возраста, проведённая в 2019 году. Несмотря на критику, этот шаг стал неизбежным решением проблемы старения населения и увеличения дефицита Пенсионного фонда.

Российское общество стремительно меняется, и вместе с ним должна меняться и пенсионная политика. Необходимо дальнейшее совершенствование механизмов исчисления пенсий, создание новых стимулов для активного участия граждан в формировании собственных пенсионных накоплений, внедрение цифровых технологий и улучшение качества обслуживания будущих пенсионеров.

Страховые взносы образуют ядро действующей в России системы пенсионного страхования, выступая главным источником финансирования выплат будущим пенсионерам. Данная система выстроена на фундаментальном принципе солидарности поколений, при котором действующие работники поддерживают предыдущую когорту пенсионеров, формируя своими вкладами денежные потоки, необходимые для поддержания благополучия общества.

Основной компонент страховых взносов – это взнос на обязательное пенсионное страхование. Размер этого платежа установлен законодательно и подлежит ежегодному индексированию в зависимости от макроэкономической обстановки и решения Правительства Российской Федерации. В настоящее время общий размер тарифа страховых взносов составляет порядка 22 % от фонда оплаты труда работника, из которых большая часть идет на формирование пенсионных прав текущего поколения пенсионеров.

Кроме обязательного пенсионного страхования существуют и другие виды социальных платежей, такие как:

- Взносы на медицинское страхование (около 5,1 %), предназначенные для обеспечения бесплатной медицинской помощи населению.

- Взносы на социальное страхование (около 2,9 %) для поддержки нетрудоспособных граждан, пострадавших от несчастных случаев на производстве или профессиональных заболеваний.

Эти три типа взносов входят в состав единого социального налога, уплачиваемого всеми хозяйствующими субъектами, ведущими деятельность на территории Российской Федерации.

Согласно действующему законодательству, обязанность по уплате страховых взносов возлагается на две группы субъектов:

1. Организации и индивидуальные предприниматели, выступающие в роли работодателей, которые обязаны удерживать соответствующую долю с заработных плат своих сотрудников и передавать ее государству.

2. Самостоятельно занятые граждане (частнопрактикующие юристы, нотариусы, адвокаты, фермеры и другие), которым предоставлена возможность добровольно оплачивать страховые взносы в полном объеме.

Отсутствие регулярных взносов ведет к ограничениям в праве на получение пенсионных пособий и иных видов социальной поддержки.

Получаемые страховые взносы поступают в специальный целевой фонд – Пенсионный фонд Российской Федерации, который несет ответственность за сбор, учет и распределение денежных средств. Основное направление расходования средств – это выплата текущих пенсий, предусмотренных законодательными актами.

Дополнительная задача Пенсионного фонда – сохранение баланса между объемом собранных взносов и величиной необходимых выплат. Для этого создаются специальные резервные фонды, используемые для смягчения последствий возможных кризисов или временных дисбалансов.

Страховые взносы позволяют каждому российскому гражданину обрести уверенность в завтрашнем дне, гарантируя ему минимальное пенсионное пособие, достаточное для удовлетворения базовых потребностей в старости. При условии регулярного исполнения обязанностей по внесению взносов работник приобретает права на пенсию, зависящие от трудового стажа, среднемесячного заработка и общего экономического положения региона проживания.

Российская пенсионная система находится в постоянном развитии, адаптируясь к меняющимся экономическим условиям и требованиям современного общества. Законодателям предстоит решить целый комплекс вопросов, касающихся повышения прозрачности расчетов пенсионных выплат, расширения возможностей добровольного пенсионного страхования и интеграции современных информационных технологий для эффективного администрирования пенсионных процессов. Будущее пенсионной системы связано с необходимостью дальнейшей трансформации. Современная экономическая обстановка требует более эффективной организации процесса, лучшего контроля за использованием ресурсов и усиления ответственности всех сторон, участвующих в процессе пенсионного обеспечения.

Таким образом страховые взносы выполняют ключевую роль в российском пенсионном обеспечении, создавая прочную базу для спокойствия и уверенности граждан в завтрашнем дне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (офиц. текст с изменениями и поправками от 01.07.2020) г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31. – ст. 4398.
2. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федер. закон [15.12.2001 N 167-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 51. – ст. 4832.
3. О страховых пенсиях: федер. закон [28.12.2013 № 400-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014 – № 2 (часть II) (поправка).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федер. закон [03.10.2018 № 350-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 41. – ст. 6190.
5. О государственной социальной помощи: федер. закон [17.07.1999 № 178-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 29. – ст. 3699.

THE CONCEPT, SIGNS AND PROPERTIES OF LEGAL TECHNOLOGY

Sayfullova Alsu Ravilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данной статье рассматривается понятие юридической техники. Описываются различные подходы ученых к определению «юридическая техника». В статье уделяется внимание основным признакам и свойствам юридической техники. Автор подчеркивает статические и динамические аспекты юридической техники. Анализируются некоторые проблемы юридической техники, которые особо актуальны в настоящее время.

Ключевые слова: юридическая техника, правила, свойства юридической техники, проблемы, методы, средства.

This article discusses the concept of legal technology. Various approaches of scientists to the definition of "legal technique" are described. The article focuses on the main features and properties of legal technology. The author emphasizes the static and dynamic aspects of legal technique. Some problems of legal technology that are particularly relevant at the present time are analyzed.

Keywords: legal technique, rules, properties of legal technique, problems, methods, tools.

Значению юридической техники в настоящее время уделяется особое внимание. Юридическая техника представляет собой систему правовых приемов и методов, используемых для формулировки и структурирования нормативно-правовых актов. Обеспечение точности и эффективности изданных нормативно-правовых актов является главной задачей юридической техники. В современной юриспруденции вопросы юридической техники занимают важное место в научных и практических исследованиях. С каждым годом увеличивается не просто число публикаций по данной теме, но и происходит неизменное углубление научного анализа.

Отметим, что учёные по-разному интерпретируют и описывают содержание юридической техники. Изучим наиболее значимые точки зрения авторов по данному вопросу.

Я. Н. Колоколов утверждает, что «основная цель юридической техники заключается в рационализации юридического процесса и достижении положительного результата в четкости, ясности, понятности, незамысловатости, краткости, простоты предопределенной стандартности, стереотипности, единообразия (унифицированности) юридических документов» [1, С. 28].

А. С. Александров в своих работах при формулировке определения понятия «юридическая техника» утверждает, что «юридическая техника – это оперирование приемами, средствами и способами юридического языка, который включает в себя актуализацию коннотативных смыслов и значений, а также диалектов в соответствии с общественными ожиданиями и с целью разъяснения и интерпретации смысла и значения правовой нормы – текста в данном контексте» [2, С. 4].

В самом общем виде термин юридической техники рассмотрен Т. Н. Радько,

который определяет его в качестве «набора правил, приемов, методов, средств, которые имеются в юридической практике в области осуществления уполномоченным субъектом деятельности, которую направляют в результате, на подготовку оптимального и целесообразного по форме и структуре закона» [3, С. 134].

В. М. Баранов говорит о том, что «юридическая техника – это совокупность средств, приемов, правил, которые используют с целью опубликования и оформления нормативных правовых, правоприменительных, интерпретационных и других актов» [4, С. 103].

В. Н. Власенко указывает на то, что «юридическая техника, это правила, средства, приемы выработки, оформления и систематизации законодательства для внесения ясности, понятности, и для их эффективности» [5, С. 103].

В свою очередь, И.В. Колесник, рассматривая вопрос значимости юридической техники, особое место выделяет «правовой конкретизации, как определенной мыслительной деятельности, способной привязать норму права к конкретным условиям правовой регламентации» и приходит к выводу, что «на сегодняшнем этапе развития права требуется выработать определенные критерии, которые могут качественным образом повлиять на ново издаваемые законодательные акты» [6, С. 173].

А. С. Носова выделяет следующие признаки «юридической техники»:

- юридическая техника – это комплекс юридических инструментов, применяющихся в строгой последовательности. Так, например, работая над проектом нормативного акта необходимо сначала определиться с понятиями, затем выстраивать конструкции, определять презумпции, применять фикции и т.п.;
- юридическая техника содействует наиболее рациональному преобразованию информации в нормативный правовой акт;
- юридическая техника помогает эффективно осуществлять юридическую работу;
- юридический инструментарий находится в зависимости от уровня развития общества и достигнутых им высот в различных социальных сферах» [7, С. 202].

По своей сути, юридическая техника представляет собой систему действий, этапов и приемов, направленных на эффективное создание, введение в действие правовых предписаний и подготовку юридических документов.

На основании приведенных выше точек зрения, мы пришли к выводу, что юридическая техника – это комплекс методов и средств, используемых для разработки и систематизации нормативно-правовых актов, целью которой является обеспечение высокого качества и эффективности этих документов.

Юридическая техника представляет собой набор специализированных приемов и инструментов, применяемых юристами для разработки законов и ведения иной юридической работы, такой как создание, толкование и применение права. Эти приемы помогают добиться высокого качества как по форме, так и по содержанию.

Исходя из сказанного, можно назвать следующие свойства юридической техники:

- Статичность. Юридическая техника представляет собой набор методов,

средств, правил и приемов, как общесоциальных, так и специальных юридических и технических, нужных для развития права в целом и юридической деятельности в частности;

– Динамичность. Этот момент отражает практическую сторону юридической техники, что делает ее относительно независимой в системе правоправедения.

Поэтому юридическую технику следует рассматривать с обеих сторон: как статическую, так и динамическую.

Все виды юридической техники имеют существенное значение и выполняют свои функции на различных этапах правового регулирования, начиная с момента формирования нормативных актов и заканчивая их реализацией через правоприменительные решения.

Юридическая техника – это система, которая организует и структурирует правовой материал, способствуя рационализации юридической деятельности и оптимизации процесса правового регулирования общественных отношений в Российской Федерации.

На сегодняшний день, качество, эффективность законов находится в тесной, неразрывной связи с использованием, применением современных методологических правил и требований юридической техники.

Юридическая техника является основным фактором внутреннего развития нормативных правовых актов и обретения ими официально признанных свойств. Ее значение не стоит приуменьшать, наоборот, оно увеличивается в условиях стремительного развития российского законодательства.

Исследователи уже давно рассматривают и изучают проблемы юридической техники.

В сфере систематизации правовых актов в Российской Федерации существует проблема, связанная с неполнотой и несовершенством методик юридической систематизации.

Не в полной мере проработанная юридическая систематизация содержит дублирующие и противоречащие нормы, усложняющие их применение. Дублирующие предписания увеличивают объем документов и усложняют их анализ. Кроме всего прочего система не всегда оперативно реагирует на изменения, что приводит к тому, что некоторые правила становятся неактуальными или неэффективными.

Одной из проблем юридической техники является проблема качества терминологической базы законодательных актов. С развитием новых областей регулирования правоотношений возникает необходимость в разработке значительного количества новых терминов, которые должны точно отражать их сущность и обеспечивать единообразие в использовании.

Также, к числу проблем юридической техники относятся проблемы, связанные с технико-юридическими ошибками. Выделяют три типа таких ошибок: языковые, логические и гносеологические.

Из-за нарушения грамматических и пунктуационных правил часто возникают языковые ошибки. Такие ошибки можно встретить в текстах законопроектов. При этом, в уже принятых федеральных законах подобные ошибки встречаются крайне редко. Несоблюдение гносеологических правил в юридической технике приводит к когнитивным ошибкам.

Существующие проблемы юридической техники отрицательно влияют на качество нормативных актов и препятствуют их унификации. В связи с этим применение юридической техники в процессе разработки законодательства является крайне важным для нашей страны.

Таким образом, юридическая техника играет ключевую роль в создании единого и непротиворечивого законодательства. Основной формой российского права выступает нормативно-правовой акт, который регулирует общественные отношения. Усиление государственного механизма и возникновение новых субъектов правотворчества привели к увеличению количества законодательных актов, одновременно повысив и требования к их качеству. Качественное, эффективное и устойчивое законодательство является важным элементом правовой государственности, что делает юридическую технику значимой для применения и совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колоколов, Я. Н. В поисках критериев эффективности аутентического толкования / Я. Н. Колоколов // Бюллетень нотариальной практики. – 2010 – № 6. – С. 28–32.
2. Александров, А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / А. С. Александров // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 3. – С. 4–7.
3. Радько, Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие / Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2014. – 244 с.
4. Общая теория права : краткая энциклопедия / В. К. Бабаев, В. М. Баранов. – Нижний Новгород : Нижегород. юрид. ин-т, 1998. – 203 с.
5. Теория государства и права : учебник / В. Н. Власенко, Т. В. Власова, В. М. Дуэль [и др.] ; под ред. В. В. Ершова, отв. ред. Т. В. Власова, Т. С. Лесовая. – Москва : РГУП, 2023. – 464 с.
6. Колесник, И. В. Принцип конкретизации в российском законодательстве: теоретико-методологический аспект проблемы / И. В. Колесник // Юридическая техника : «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». – 2020. – № 14. – С. 173–176.
7. Носова, А. С. Юридическая техника: современные подходы / А. С. Носова // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России : материалы X Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 20 апреля 2017 года. Том Выпуск 10. – Саратов : Саратовский источник, 2017. – С. 202–204.

УДК 342.33

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сардаев Данила Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st803025@ruc.su

SOME ISSUES OF IMPROVING THE REGULATION OF THE PROCEDURE FOR CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS IN THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sardaev Danila Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу процессуальных аспектов деятельности Конституционного Суда РФ и выявлению направлений их оптимизации. Автор исследует гибридную модель регулирования конституционного судопроизводства, сочетающую законодательные нормы и правовые положения, формируемые самим Судом. На основе выявления лакун и коллизий в существующем регламентировании обосновывается необходимость дифференциации юридических процедур в зависимости от категории рассматриваемых дел.

Ключевые слова: судебная доктрина, нормотворчество Конституционного Суда, доктринальные источники права, прецедентная сила правовых позиций, основы конституционного регулирования.

The article is devoted to the analysis of the procedural aspects of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and the identification of areas for their optimization. The author explores a hybrid model of regulation of constitutional proceedings, combining legislative norms and legal positions formed by the Court itself. Based on the identification of gaps and conflicts in the existing regulation, the need to differentiate legal procedures depending on the category of cases under consideration is justified.

Keywords: judicial doctrine, rule-making of the Constitutional Court, doctrinal sources of law, precedent power of legal positions, foundations of constitutional regulation.

Повышение эффективности отправления конституционного правосудия требует системной модернизации процессуальных основ деятельности Конституционного Суда РФ. Совершенствование процедур рассмотрения дел в рамках установленной юрисдикции представляет собой необходимое условие для качественной реализации судом своих полномочий.

Конституционное судопроизводство как автономная процессуальная форма представляет собой сложный комплекс правоотношений, регламентированных нормами конститутивного законодательства. Данная система включает взаимодействие между судом и иными участниками процесса при разрешении конституционно-правовых коллизий и споров о компетенции, направленное на достижение целей конституционного контроля.

Значение процессуальной регламентации проявляется в следующих аспектах:

- обеспечение единообразного понимания и применения материальных конституционных норм;
- создание механизмов защиты прав и законных интересов участников процесса;
- формирование условий для вынесения обоснованных и объективных судебных актов.

Нарушение установленных процедур ведет к девальвации авторитета конституционной юстиции, ставит под сомнение легитимность принимаемых решений и снижает уровень судебной защиты прав заявителей.

Современное регулирование конституционного судопроизводства осуществляется преимущественно Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Регламентом Суда. В условиях процессуальных лакун Суд применяет аналогию права или формирует новые процедурные правила, основываясь на собственных правовых позициях и сложившейся практике [1].

Несмотря на признание дискреционных полномочий Суда в процессуальной сфере, ключевые основы конституционного судопроизводства должны получать

законодательное закрепление. Такой подход обеспечит стабильность судебной практики и будет способствовать развитию института конституционной юстиции в России, создавая баланс между судебной гибкостью и процессуальной определенностью.

Анализ соотношения итогового решения и правовой позиции Конституционного Суда РФ выявляет законодательно закрепленный дуализм понятия «решение». Согласно ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», этот термин охватывает два аспекта. Во-первых, решение предстает как формализованный правовой акт, обладающий сложной архитектурой, детально регламентированной статьей 75 Закона и включающей вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части. Во-вторых, в узком смысле, решение – это итоговый вывод Суда, официальная формула, закрепляющая результат конституционного контроля. Данная формулировка, излагаемая в резолютивной части, получает свою конкретизацию через систему «итоговых решений», перечисленных в специальных нормах Закона (ст. 87–110). Эти нормы устанавливают исчерпывающий перечень юридических квалификаций, таких как признание нормы соответствующей или не соответствующей Конституции РФ, разрешение компетенционного спора или констатация соблюдения/нарушения процедуры отрешения Президента.

Правовая природа актов Конституционного Суда РФ характеризуется двойственностью понятия «решение», что закреплено в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В широком понимании решение – это структурированный документ, состоящий из нескольких частей, архитектура которого строго определена статьей 75 Закона. В узком, смыслообразующем значении, решение представляет собой итоговую резолютивную формулу – вердикт Суда по рассматриваемому делу.

Законодатель детализирует возможные варианты таких вердиктивов через систему отсылочных норм (ст. 87, 91, 95, 100, 104, 110 Закона), предписывая Суду использовать строго определенные юридические конструкции: от признания акта конституционным или неконституционным до разрешения споров о компетенции. Особняком в этом ряду стоит решение о толковании Конституции (ст. 106), которое является официальным и общеобязательным актом раскрытия ее смысла, где резолютивная часть синтезирует развернутую аргументацию мотивировочной.

Ключевой проблемой в модернизации конституционного судопроизводства остается неопределенность процессуального статуса государственных органов, участвующих в деле в качестве третьих лиц [2]. В отличие от предшествующего законодательства РСФСР и современных практик зарубежных стран (на примере Азербайджана), Регламент КС РФ существенно ограничивает их процессуальные возможности, хотя их позиция обладает значительным доказательственным значением. В целях совершенствования процедуры представляется необходимым:

- закрепить исчерпывающий перечень процессуальных полномочий для представителей государственных органов, включая право заявлять ходатайства, представлять доказательства и участвовать в их исследовании;
- установить обязательное участие ключевых правозащитных институтов

(Верховного Суда, Генпрокуратуры, Уполномоченного по правам человека) в делах о защите прав граждан;

– четко регламентировать статус специалистов как самостоятельных участников процесса, расширив их полномочия до уровня экспертов.

Особого внимания заслуживает вопрос законодательного регулирования деятельности специалистов в конституционном судопроизводстве. Целесообразно установить специальные квалификационные требования к данным участникам процесса и детализировать форму письменного заключения. Параллельно следует наделить их дополнительными процессуальными возможностями, включая право задавать вопросы участникам процесса, заявлять ходатайства о истребовании дополнительных материалов и давать пояснения по запросам судей.

Предлагаемые меры позволят преодолеть фрагментарность правового регулирования и создать сбалансированную систему процессуальных гарантий для всех участников конституционного судопроизводства. Это будет способствовать повышению качества конституционного правосудия и укреплению доверия к институту конституционного контроля.

Значительным препятствием в развитии конституционного судебного процесса выступает отсутствие системной регламентации доказательственной деятельности. Современное законодательство не содержит четких положений о гносеологической природе доказательств в конституционном процессе, их классификации и критериях оценки. Восполнение данной лакуны требует легальной фиксации основных элементов доказательственной теории: понятийного аппарата, системы допустимых доказательств, методов доказывания и критериев их оценки, что составит методологический фундамент для формирования обоснованных правовых позиций Суда [3–4].

Отдельного внимания заслуживает процессуальная регламентация стадийности конституционного судопроизводства. Совершенствование данной системы предполагает дифференциацию процессуального инструментария на каждом этапе разбирательства. На стадии предварительного рассмотрения обращений (ст. 42 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») целесообразно институционализировать процедуру собеседования с заявителями для уточнения позиций по вопросам подведомственности и допустимости обращений. Это позволит осуществлять предварительный анализ перспектив дела и формировать более обоснованную практику принятия обращений к производству.

Развитие стадийной архитектуры судопроизводства должно включать расширение дискурсивных возможностей участников процесса через внедрение элементов состязательности. На этапе предварительного изучения обращения необходимо предусмотреть право Суда инициировать представление дополнительных аргументов и правовых позиций от сторон, что будет способствовать формированию более полной доказательственной базы уже на начальной стадии процесса.

Усовершенствование доказательственных процедур и стадийной организации конституционного судопроизводства позволит преодолеть фрагментарность современного регулирования и создать целостную систему судебной герменевтики. Это будет способствовать повышению качества конституционного кон-

троля через формирование методологически выверенных подходов к установлению фактических обстоятельств и применению конституционных норм.

Введение законодательной нормы о применении примирительных механизмов открывает новые горизонты для развития системы конституционного правосудия. Речь идёт о том, чтобы наделить Конституционный Суд РФ полномочиями по урегулированию компетенционных разногласий и конституционных коллизий путём согласования позиций сторон. Такой инструментарий можно задействовать как в период предварительной подготовки материалов, так и непосредственно во время слушаний – до того момента, когда участники произнесут финальные речи и будет объявлено о завершении рассмотрения. Подобный подход способствует достижению целей конституционного судопроизводства при максимально экономном использовании процессуальных ресурсов судебной системы и создаёт условия для взаимоприемлемого разрешения противоречий между участниками процесса.

Введение специализированных примирительных механизмов в деятельность Конституционного Суда требует установления новых критериев и механизмов для временной остановки либо окончательного завершения судопроизводства. Процесс может быть приостановлен с целью урегулирования конфликтов между государственными властными структурами, а затем продолжен при сохранении спорных моментов. Альтернативный вариант предполагает полное прекращение разбирательства в ситуации, когда инициатор обращения отказывается от своего заявления до момента начала слушаний в Конституционном Суде Российской Федерации по результатам проведённых согласительных переговоров.

Таким образом, институциональное закрепление механизма пересмотра актов конституционной юстиции представляется теоретически обоснованным и практически востребованным. Обнаружение вновь открывшихся обстоятельств, к которым следует относить фундаментальные юридические факты, способные детерминировать динамику конституционных правоотношений (такие как формирование нелегитимного судебного состава, обнаружение фальсифицированных доказательств или emergence новых доказательных материалов), объективно требует создания специализированных ревизионных производств. Легитимация указанных оснований должна осуществляться исключительно через юрисдикционные процедуры самого Конституционного Суда, что обеспечит сохранение баланса между принципом правовой определенности и императивами конституционной справедливости. Реализация данного подхода позволит преодолеть существующий правовой вакуум в сфере пересмотра судебных актов конституционной юрисдикции при сохранении верховенства конституционного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. 4-е изд. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. – 592 с.
2. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1А. – С. 223–231.
3. Арюткина, М. М. Правовые пробелы и их разрешение в практике Конституционного суда России / М. М. Арюткина, С. Б. Котляров // Дни науки: Сборник по материалам VI междуна-

родной студенческой конференции, приуроченной Всемирному Дню Науки, Казань, 27 февраля 2025 года. – Казань : Российский университет кооперации, 2025. – С. 5–10.

4. Котляров, С. Б. Признаки правового государства: современные проблемы взаимной ответственности личности и государства / С. Б. Котляров, Е. М. Кечайкина, О. В. Кукушкин // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 2(77). – С. 33–38.

УДК 342.33

**НОРМОТВОРЧЕСТВО КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА:
ДОКТРИНАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ**

Сардаев Данила Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st803025@ruc.su

**CONSTITUTIONAL COURT RULEMAKING: DOCTRINAL STATUS
OF LEGAL POSITIONS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM**

Sardaev Danila Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В представленной статье осуществлен комплексный анализ правовых позиций и решений Конституционного Суда РФ в их качественном преобразовании. Обосновывается тезис о том, что они эволюционировали в полноценные доктринальные источники конституционного права, заполняющие правовые лакуны и конкретизирующие нормы Основного закона. Доказывается, что данные правовые позиции формируют устойчивый каркас для конституционно-правового регулирования, обеспечивая его динамичное развитие и адаптацию к изменяющимся общественным отношениям.

Ключевые слова: судебная доктрина, нормотворчество Конституционного Суда, доктринальные источники права, прецедентная сила правовых позиций, основы конституционного регулирования.

The presented article provides a comprehensive analysis of the legal positions and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in their qualitative transformation. The thesis is substantiated that they have evolved into full-fledged doctrinal sources of constitutional law, filling legal gaps and specifying the norms of the Basic Law. It is proved that these legal positions form a stable framework for constitutional and legal regulation, ensuring its dynamic development and adaptation to changing social relations.

Keywords: judicial doctrine, rule-making of the Constitutional Court, doctrinal sources of law, precedent power of legal positions, foundations of constitutional regulation.

Сущностное понимание решений Конституционного Суда РФ в качестве нормативно-интерпретационных актов концентрируется вокруг вырабатываемых Судом правовых позиций. Однако сама категория «правовая позиция» остается предметом острой научной дискуссии, демонстрируя отсутствие консенсуса в доктрине. В научном сообществе продолжаются фундаментальные споры, затрагивающие саму сущность правовой позиции. Дискуссия ведется по трем основным направлениям: поиск ее процессуального статуса (интегральная часть решения vs. продукт мотивировки), квалификация юридической силы (императивный характер vs. доктринальное разъяснение) и определение временного горизонта ее действия (ретроспектива и настоящее vs. включение будущих правоотношений) [1].

Анализ соотношения итогового решения и правовой позиции Конституционного Суда РФ выявляет законодательно закреплённый дуализм понятия «решение». Согласно ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», этот термин охватывает два аспекта. Во-первых, решение предстает как формализованный правовой акт, обладающий сложной архитектурой, детально регламентированной статьей 75 Закона и включающей вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части.

Во-вторых, в узком смысле, решение – это итоговый вывод Суда, официальная формула, закрепляющая результат конституционного контроля. Данная формулировка, излагаемая в резолютивной части, получает свою конкретизацию через систему «итоговых решений», перечисленных в специальных нормах Закона (ст. 87–110). Эти нормы устанавливают исчерпывающий перечень юридических квалификаций, таких как признание нормы соответствующей или не соответствующей Конституции РФ, разрешение компетенционного спора или констатация соблюдения/нарушения процедуры отрешения Президента.

Правовая природа актов Конституционного Суда РФ характеризуется двойственностью понятия «решение», что закреплено в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В широком понимании решение – это структурированный документ, состоящий из нескольких частей, архитектура которого строго определена статьей 75 Закона. В узком, смыслообразующем значении, решение представляет собой итоговую резолютивную формулу – вердикт Суда по рассматриваемому делу.

Законодатель детализирует возможные варианты таких вердиктивов через систему отсылочных норм (ст. 87, 91, 95, 100, 104, 110 Закона), предписывая Суду использовать строго определенные юридические конструкции: от признания акта конституционным или неконституционным до разрешения споров о компетенции. Особняком в этом ряду стоит решение о толковании Конституции (ст. 106), которое является официальным и общеобязательным актом раскрытия ее смысла, где резолютивная часть синтезирует развернутую аргументацию мотивировочной.

Структурное ядро мотивировочной части решений Конституционного Суда РФ, согласно пункту 9 части 1 статьи 75 Закона о КС РФ, образуют не только фактологические данные, но и система правовых доводов, обосновывающих итоговую позицию Суда, включая контраргументацию против утверждений сторон. По своей сути, эти доводы представляют собой развернутую правовую аргументацию – юридическое обоснование решения, которое может подкрепляться также историческим, социальным и иным контекстом.

Ключевым инструментом выработки данного обоснования выступает толкование Конституции РФ, которое имманентно присуще любой форме реализации полномочий КС РФ. Будь то оценка конституционности правового акта или разрешение спора о компетенции, выводы Суда всегда детерминированы предшествующей им интерпретацией фундаментальных конституционных принципов и норм, что отражает саму природу конституционного контроля.

Законодатель прямо закрепляет эту интерпретационную парадигму, обязывая Суд указывать в решении конституционные нормы, которыми он руководство-

вался (п. 8 ч. 1 ст. 75), что предполагает не формальную ссылку, а содержательное раскрытие их смысла. Законодательная директива (ч. 2 ст. 74 Закона) предписывает Конституционному Суду осуществлять контекстуальную интерпретацию, выходящую за пределы вербального текста акта в сферу его юрисдикционной биографии и системных координат в правовом поле. Исполнение этой директивы имплицитно требует проведения сравнительно-конституционного анализа, нацеленного на идентификацию идеальной конституционной модели оспариваемых предписаний через призму действующей конституционной доктрины.

В правовой позиции, сформулированной 21.04.2009, Конституционный Суд РФ фактически констатировал существование «правоприменительного разрыва» – ситуации, когда его решения не обретают должной эффективности. Это свидетельствует о переходе проблемы из плоскости теоретической в область острой практической несостоятельности. Преодоление данного разрыва является «*conditio sine qua non*» для трансформации формальных правовых положений в действующие гарантии, поскольку ценность судебного акта определяется не его принятием, а его способностью реально изменять правовую ситуацию в пользу личности [2]. Безусловная имплементация решений Конституционного Суда РФ всеми публично-властными институтами выступает ключевым условием поддержания режима конституционной законности и системной гармонизации законодательства. Именно последовательное исполнение актов конституционной юстиции обеспечивает целостность правового пространства федеративного государства, создавая реальные гарантии верховенства и прямого действия Конституции. Как подчеркивает сам Суд, формирование эффективных механизмов, обеспечивающих принцип общеобязательности его решений, относится к числу приоритетных задач развития законодательной и правоприменительной практики [3].

Особый интерес в данном контексте представляет позиция Председателя КС РФ В. Д. Зорькина, констатирующего системный характер проблемы: «Накоплен значительный массив фактов неисполнения решений Конституционного Суда всеми уровнями власти, включая законодательную. Имеются прецеденты, когда законодатель в течение двух лет игнорировал правовые позиции Суда. При этом наши решения, по своей юридической природе, не нуждаются в ратификации иными институтами власти и подлежат безусловной реализации» [4]. Ценность данной оценки заключается в том, что она представляет собой «взгляд изнутри» системы, и сам факт ее озвучивания высшим должностным лицом Суда свидетельствует о высокой степени актуальности и остроты обозначенной проблемы.

В научной доктрине для преодоления правоприменительного нигилизма разрабатываются различные механизмы повышения эффективности имплементации итоговых решений КС РФ. Ю. С. Поликутин выдвигает инновационное предложение о наделении Суда полномочиями выдавать «исполнительный лист» для обязательного исполнения государственными структурами независимо от их принадлежности к конкретной ветви власти. В рамках данной модели роль контролёров-исполнителей отводится тем государственным институтам или руководителям, которые осуществляют взаимный контроль с нарушителем согласно принципу разделения властей.

Новые процессуальные инструменты формировались под влиянием конституционной системы взаимных ограничений при определении контролирующего органа. В качестве иллюстрации: парламент мог бы контролировать выполнение постановлений органов конституционного правосудия главой государства или кабинетом министров, тогда как Президент РФ, руководствуясь вердиктами КС РФ, получил бы возможность применять ограничительные меры к законодательным органам [5].

Многообразие правовых позиций КС РФ охватывает различные сферы общественных отношений. Необходимость их систематизации, первоначально возникшая в практической деятельности Суда, была реализована в ведомственных сборниках 1996 и 1998 годов, которые, несмотря на внутренний характер, получили широкий резонанс.

Последующим этапом в эволюции систематизации правовых позиций Конституционного Суда выступило масштабное трехтомное комментаторское издание, посвященное его постановлениям. Данный труд представляет собой качественно новую ступень осмысления судебной практики, поскольку он не просто компилирует решения, а осуществляет их глубокую доктринальную интерпретацию. В отличие от более ранних сборников, его основной метод заключается в «контекстуально-аналитическом разборе» каждой правовой позиции, неразрывно связывая ее с конкретными фактическими обстоятельствами и правовыми коллизиями, породившими то или иное постановление.

Этот комментарий выполняет несколько фундаментальных функций:

1. Структурирующую: он выстраивает сложную систему взаимосвязей между различными правовыми позициями, раскрывая их иерархию и эволюцию во времени.

2. Интерпретационную: авторский коллектив, в состав которого вошли как действующие судьи и сотрудники Секретариата КС РФ, так и ведущие ученые-правоведы, предлагает развернутое толкование содержания позиций, выявляя их скрытые смыслы и потенциальную сферу применения.

3. Практико-ориентирующую: Издание служит незаменимым инструментом для правоприменителя, переводя абстрактные конституционные формулы на язык конкретных юридических решений. Оно демонстрирует, каким образом правовые позиции Суда могут быть использованы для разрешения споров в различных отраслях права.

Таким образом, трехтомный комментарий трансформировался из простого сборника в «доктринальный мост», соединяющий теорию конституционного права с потребностями судебной и административной практики. Его появление знаменует переход от инвентаризации правовых позиций к созданию целостной, динамичной системы конституционно-судебной доктрины, оказывающей непосредственное влияние на формирование единого правового пространства.

Таким образом, императивная сила актов конституционной юстиции, основанная на синергетической связи их мотивировочной и резолютивной составляющих, детерминирует непреходящую актуальность исследования правовых позиций КС РФ для всех участников правоприменительного процесса. Инкорпорация данных позиций в образовательную парадигму юридического образования вы-

полняет триединую задачу: она формирует целостное восприятие конституционных установлений через призму их аутентичного толкования, культивирует гибкое, антидогматическое юридическое мировоззрение и закладывает основы профессионального инструментария для последующей имплементации судебных решений в практическую деятельность институтов всех ветвей государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1А. – С. 223–231.
2. Решение КС РФ от 21.04.2009 «Об информации об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации». – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/InformationKS/Pages/ExecutionKS.aspx>
3. Решение КС РФ от 21.04.2009 «Об информации об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации». – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/InformationKS/Pages/ExecutionKS.aspx>
4. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – Москва : Норма, 2007. – 399 с.
5. Поликутин, Ю. С. Проблемы неисполнения итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации как фактор развития правового нигилизма в России // Гуманитарный научный журнал. – 2009. – URL: <http://hsjournal.org/2009/12/26/problemneispolneniya-itogovyh-reshe/>

УДК 34.07

КОНТРОЛЬНЫЕ И НАДЗОРНЫЕ СУБЪЕКТЫ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сидорова Анастасия Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: adementieva1997@yandex.ru

CONTROL AND SUPERVISORY ENTITIES OF PHARMACEUTICAL ACTIVITIES

Sidorova Anastasia Yur'evna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена фундаментальной значимостью фармацевтической деятельности для обеспечения национальной безопасности, охраны здоровья населения и поддержания высокого качества жизни граждан. Фармацевтический рынок, будучи одним из наиболее социально ориентированных и жестко регулируемых сегментов экономики, непосредственно затрагивает ключевое конституционное право человека и гражданина – право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Неэффективность или пробельность в системе контроля и надзора в данной сфере способна повлечь за собой катастрофические последствия, включая оборот недоброкачественных, фальсифицированных и контрафактных лекарственных средств, причинение вреда жизни и здоровью потребителей, дестабилизацию системы лекарственного обеспечения и подрыв доверия к государству как к гаранту общественного благополучия. В этой связи построение целостной, непротиворечивой и эффективной системы контрольно-надзорной деятельности в фармацевтической сфере представ-

ляет собой не просто административную задачу, но и важнейшую публично-правовую обязанность государства, что и предопределяет необходимость ее комплексного научного осмысления.

Ключевые слова: контроль, надзор, юридическая ответственность, фармацевтическая сфера, производство лекарственных средств, нелегализованная деятельность, механизмы ответственности.

The relevance of the topic of this study is due to the fundamental importance of pharmaceutical activities for ensuring national security, protecting public health and maintaining a high quality of life of citizens. The pharmaceutical market, being one of the most socially oriented and strictly regulated segments of the economy, directly affects the key constitutional right of a person and a citizen – the right to health care and medical care (Article 41 of the Constitution of the Russian Federation) [1]. Inefficiency or gaps in the system of control and supervision in this area can lead to catastrophic consequences, including the circulation of substandard, falsified and counterfeit medicines, harm to the life and health of consumers, destabilization of the drug supply system and undermining confidence in the state as a guarantor of public welfare. In this regard, the construction of an integral, consistent and effective system of control and supervisory activities in the pharmaceutical sector is not just an administrative task, but also the most important public legal obligation of the state, which predetermines the need for its comprehensive scientific comprehension.

Keywords: control, supervision, legal liability, pharmaceutical sphere, production of medicines, unlicensed activities, liability mechanisms.

Теоретические основы контроля и надзора в фармацевтической деятельности требуют первичного определения её понятийного аппарата. В юридической доктрине отсутствует единый подход к дефиниции «фармацевтической деятельности». Так, в узком смысле, её часто сводят к деятельности, связанной с изготовлением и реализацией лекарственных препаратов. Однако более широкая трактовка, отражающая современные реалии, включает в себя весь комплекс работ и услуг по оптовой и розничной торговле лекарственными средствами, их изготовлению, отпуску, хранению, перевозке, уничтожению, а также фармацевтическому консультированию и фармаконадзору.

Законодательное определение, закрепленное в пункте 34 статьи 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ № 61-ФЗ), трактует её как деятельность, включающую оптовую торговлю лекарственными средствами, их хранение, перевозку и (или) розничную торговлю лекарственными препаратами, их изготовление, отпуск, хранение, перевозку [1].

Ряд авторов, таких как Ю. В. Агапов, справедливо расширяют это понятие, включая в него также «научные исследования, доклинические и клинические испытания, экспертизу лекарственных средств и государственную регистрацию» [2, с. 215].

Таким образом, представляется обоснованным определить фармацевтическую деятельность как совокупность общественных отношений, урегулированных нормами права, возникающих в связи с разработкой, доклиническими и клиническими исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, стандартизацией, качеством, изготовлением, производством, хранением, перевозкой, отпуском, реализацией, применением и уничтожением лекарственных средств для медицинского применения, направленных на обеспечение населения эффективными, безопасными и качественными лекарственными препаратами.

Что касается видового разнообразия, то фармацевтическую деятельность можно классифицировать по различным основаниям: по стадиям жизненного цикла лекарственного средства (доклиническая, клиническая, производственная, дистрибуция, медицинское применение), по субъектному составу (деятельность производителей, дистрибьюторов, аптечных организаций, медицинских организаций), по её содержанию (производственная, торговая, информационно-консультационная, экспертная).

Цели и задачи контроля и надзора в фармацевтической сфере являются производными от её публичной значимости. Ключевой целью является обеспечение единства правового и экономического пространства в сфере обращения лекарственных средств, гарантирование их качества, безопасности и эффективности на всех этапах жизненного цикла, а также защита прав и законных интересов потребителей (пациентов) и добросовестных участников фармацевтического рынка. В качестве задач выступают: предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований законодательства; предотвращение причинения вреда жизни и здоровью граждан; создание условий для добросовестной конкуренции; обеспечение доступности лекарственной помощи.

Как отмечает С. В. Шишкин, «система контроля в фармацевтике носит превентивный характер и нацелена на минимизацию фармацевтических рисков» [3, с. 288].

В отличие от него, А. Н. Пилипенко акцентирует внимание на карательно-восстановительной функции надзора, направленной на «привлечение виновных к ответственности и восстановление нарушенного права» [4, с. 45].

На наш взгляд, современная парадигма контрольно-надзорной деятельности, отраженная в Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 248-ФЗ), предполагает синтез этих подходов, где профилактика нарушений является приоритетной, но не исключает применения строгих мер воздействия за уже совершенные нарушения [5].

Система контрольных и надзорных субъектов в фармацевтической деятельности отличается значительной разветвленностью и многосубъектностью, что обусловлено сложностью и многогранностью самого объекта регулирования. Данную систему можно классифицировать по нескольким критериям. По характеру полномочий и природе субъекта выделяются:

- 1) государственные контрольно-надзорные органы (федерального и регионального уровня);
- 2) органы местного самоуправления, осуществляющие муниципальный контроль в части лицензирования;
- 3) негосударственные субъекты (саморегулируемые организации, аккредитованные экспертные организации, субъекты внутреннего контроля);
- 4) общественные и международные организации (например, профессиональные ассоциации, Всемирная организация здравоохранения).

По специализации контроля можно выделить органы общей компетенции (прокуратура) и специализированные (Росздравнадзор, Роспотребнадзор). Особое место занимает внутренний контроль, осуществляемый самими субъектами фармацевтического рынка в рамках системы менеджмента качества (GMP, GLP,

GCP, GDP) и фармаконадзора, который, хотя и не является публичным, составляет фундамент всей системы обеспечения качества и безопасности.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что эффективность контроля достигается лишь при условии слаженного взаимодействия всех элементов этой сложной, многоуровневой системы, построенной на принципах риск-ориентированного подхода, превентивности и координации.

Правовой статус и компетенция контрольных и надзорных органов в сфере фармацевтической деятельности детально регламентированы отраслевым законодательством. Центральное место в системе федеральных органов исполнительной власти занимает Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор).

В соответствии с Положением о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 323, к её ключевым полномочиям относятся:

- осуществление государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности в части, касающейся обращения лекарственных средств;
- государственный надзор за обращением медицинских изделий;
- лицензирование фармацевтической деятельности;
- организация и проведение проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- выдача разрешений на ввоз лекарственных средств на территорию РФ;
- ведение государственного реестра лекарственных средств и др.

Не менее значимую роль играет Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), которая в рамках санитарно-эпидемиологического надзора контролирует соблюдение санитарного законодательства на объектах, связанных с производством и оборотом лекарств (условия труда, хранение). Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) осуществляет контроль за соблюдением антимонопольного законодательства, пресекает недобросовестную конкуренцию и картельные сговоры на фармацевтическом рынке, а также контролирует государственные закупки лекарственных препаратов. Федеральная таможенная служба (ФТС России) играет критически важную роль на этапе пересечения лекарственными средствами таможенной границы ЕАЭС, пресекая ввоз контрафактной и недоброкачественной продукции.

На уровне субъектов Российской Федерации контрольные полномочия осуществляют органы исполнительной власти в сфере охраны здоровья. В качестве конкретного примера, в Республике Мордовия данным субъектом является Министерство здравоохранения Республики Мордовия. В рамках, переданных федеральным законодательством полномочий данный орган, в частности, осуществляет лицензионный контроль за соблюдением лицензионных требований при осуществлении фармацевтической деятельности аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию, а также медицинскими организациями, подведомственными исполнительным органам государственной власти Республики Мордовия. Его деятельность строится во взаимодействии и под методологическим руководством Росздравнадзора.

Что касается органов местного самоуправления, то их роль в свете фармацевтического законодательства существенно сузилась. В настоящее время в соответствии со статьей 14 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензирование фармацевтической деятельности отнесено к полномочиям федеральных органов власти (Росздравнадзора) [6].

Таким образом, органы местного самоуправления не осуществляют самостоятельного контроля в фармацевтической сфере, однако могут участвовать в организации лекарственного обеспечения населения в рамках реализации отдельных вопросов местного значения.

Негосударственные организации как субъекты контроля и надзора в фармацевтической деятельности представляют собой институт развивающийся. К их числу относятся, прежде всего, саморегулируемые организации (СРО), которые в перспективе могут взять на себя часть функций по контролю за добросовестностью участников рынка, хотя на сегодняшний день их роль в фармацевтике не столь значима, как, например, в строительстве.

Аккредитованные экспертные организации привлекаются для проведения независимой экспертизы в рамках процедур оценки соответствия. Весьма активную роль играют общественные объединения, такие как «Лига защитников пациентов» или Национальная ассоциация организаций по контролю качества лекарственных средств («НАКККИ»), которые осуществляют общественный контроль, проводят собственные расследования и выступают с гражданско-правовыми исками в защиту неопределенного круга лиц. Правовые основы их деятельности заложены в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Формы и методы их участия варьируются от независимого мониторинга и экспертизы до подачи обращений в уполномоченные государственные органы и участия в судебных процессах.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы. Система контрольных и надзорных субъектов фармацевтической деятельности в Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый механизм, сочетающий государственные, негосударственные и корпоративные элементы. Её ядро составляют федеральные органы исполнительной власти, наделенные широкими властными полномочиями, среди которых ключевая роль отведена Росздравнадзору. Региональные органы власти действуют в рамках делегированных им полномочий, обеспечивая контроль на местах. Наблюдается тенденция к расширению участия негосударственных субъектов, что соответствует общим принципам развития контрольно-надзорной деятельности, ориентированной на сотрудничество государства и общества. Однако сохраняются проблемы, связанные с дублированием функций отдельных контролирующих органов, необходимостью дальнейшего внедрения риск-ориентированного подхода и усиления мер по противодействию обороту фальсифицированных лекарственных средств. Повышение эффективности всей системы видится в дальнейшей гармонизации законодательства, укреплении межведомственного взаимодействия, включая использование возможностей единой цифровой платформы, и стимулировании развития институтов профессионального саморегулирования и общественного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.
2. Агапов, Ю. В. Административно-правовое регулирование фармацевтической деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Агапов. – Москва, 2015. – 215 с.
3. Шишкин, С. В. Контроль и надзор в сфере обращения лекарственных средств: теория и практика административно-правового регулирования: монография / С. В. Шишкин. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 288 с.
4. Пилипенко, А. Н. Актуальные проблемы административно-правового регулирования и контроля в сфере фармацевтической деятельности / А. Н. Пилипенко // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 45–49.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (Часть I). – Ст. 5006.
6. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

УДК 34.07

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сидорова Анастасия Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: adementieva1997@yandex.ru

IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PHARMACEUTICAL ACTIVITIES

Sidorova Anastasia Yur'evna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность совершенствования административно-правового регулирования фармацевтической деятельности обусловлена ее стратегическим характером для обеспечения национальной безопасности, высокой степенью потенциального риска для жизни и здоровья граждан, а также необходимостью формирования сбалансированной системы, которая, с одной стороны, гарантировала бы качество и доступность лекарственных средств, а с другой – не подавляла инициативу субъектов фармацевтического рынка и стимулировала инновации.

Ключевые слова: фармацевтическая деятельность, административно-правовое регулирование, лицензирование, государственная регистрация лекарственных средств, контроль качества, ценовое регулирование, государственный контроль.

The relevance of improving the administrative and legal regulation of pharmaceutical activities is determined by its strategic nature for ensuring national security, the high degree of potential risk to the life and health of citizens, and the need to form a balanced system that, on the one hand, would guarantee the quality and availability of medicines, and on the other hand, would not suppress the initiative of pharmaceutical market entities and would stimulate innovation.

Keywords: pharmaceutical activity, administrative-legal regulation, licensing, state registration of medicines, quality control, price regulation, state control.

Фармацевтическая деятельность как объект административно-правового воздействия представляет собой сложный, многогранный феномен, юридическое понятие которого продолжает вызывать дискуссии в научной среде. В узком

смысле, вслед за законодателем, закрепленным в Федеральном законе от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», ее часто сводят к деятельности, включающей оптовую и розничную торговлю лекарственными препаратами, их изготовление, отпуск, хранение, перевозку [1]. Однако такой подход представляется излишне редуccionистским, не охватывающим всей полноты общественных отношений, возникающих в данной сфере.

Более широкая трактовка, предлагаемая рядом исследователей, таких как Ю. Н. Старилов, включает в это понятие также «научные исследования, доклинические и клинические испытания, экспертизу, стандартизацию и собственно государственное регулирование» [2, с. 496]. Подобная полемика не является сугубо терминологической, поскольку от точности определения объекта напрямую зависит адекватность и эффективность применяемых к нему методов правового воздействия. В своем содержании фармацевтическая деятельность интегрирует в себе черты предпринимательской, профессиональной (фармацевтической) и социально-ориентированной деятельности, что и предопределяет необходимость особого, комплексного подхода к ее регулированию, в котором административно-правовые средства играют доминирующую роль.

Особенности административно-правового регулирования в фармацевтической деятельности определяются рядом сущностных признаков, главным из которых, безусловно, является ее высочайшая общественная значимость. Речь идет не просто об удовлетворении спроса на товары или услуги, а об обеспечении одного из фундаментальных конституционных прав граждан – права на охрану здоровья, что прямо закреплено в статье 41 Конституции Российской Федерации [3].

Как справедливо отмечает С. В. Лозовая, «в данной сфере частный интерес предпринимателя максимально опосредован интересом публичным, что и обуславливает превалирование императивного метода регулирования. Вторым ключевым признаком выступает перманентно высокий уровень рисков, как для жизни и здоровья потребителей, так и для национальной безопасности государства в целом. Некачественный или фальсифицированный лекарственный препарат представляет собой не просто бракованный товар, а прямую угрозу. Этот фактор риска диктует необходимость внедрения на всех этапах обращения лекарственных средств строгих разрешительных процедур и непрерывного государственного контроля. Третий признак – наличие специфических субъектов и объектов регулирования» [4, с. 188].

Субъектный состав, помимо традиционных для административного права органов исполнительной власти, включает узкопрофильных участников, чья деятельность требует специального допуска (например, врачи-клинические фармакологи, субъекты обращения лекарственных средств).

Объектом же выступают лекарственные средства – продукты, обладающие установленной фармакологической активностью, что требует от регулирующих органов наличия специальных знаний и компетенций.

Наконец, все вышеперечисленное синтезируется в признаке необходимости непрерывного, системного и глубокого государственного контроля, пронизывающего всю цепочку от разработки молекулы до отпуска готового препарата конечному потребителю.

Таким образом, административно-правовое регулирование фармацевтической

деятельности приобретает характер всеобъемлющего гаранта ее безопасности и эффективности.

Система источников административно-правового регулирования фармацевтической деятельности отличается многоуровневостью и сложной иерархией. Ее формирование начинается на международном уровне, где Российская Федерация, участвуя в рамках Евразийского экономического союза, руководствуется международными договорами и соглашениями, в частности, Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 года, который закладывает основы для формирования единого фармацевтического рынка и гармонизации требований к лекарственным средствам. Верховенство в национальной системе источников занимает Конституция РФ, устанавливающая основы правового статуса личности и разграничения предметов ведения [3].

Ключевым, системообразующим актом отрасли является уже упомянутый Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», который задает conceptual-ные рамки и детализирует ключевые процедуры [1]. Его положения развиваются и конкретизируются в подзаконных нормативных правовых актах, среди которых особое место занимают постановления Правительства РФ (например, Постановление Правительства РФ от 22.06.2009 № 513 «Об утверждении Правил лабораторной практики») и ведомственные акты Министерства здравоохранения РФ.

Региональный уровень, в частности, нормативные правовые акты Республики Мордовия, не может устанавливать самостоятельное регулирование в данной сфере, поскольку она отнесена к исключительному ведению Российской Федерации. Однако органы власти субъектов РФ играют важную роль в организации обеспечения населения лекарственными средствами, в реализации социальных программ льготного лекарственного обеспечения, что осуществляется в рамках федерального законодательства. Следовательно, система источников представляет собой пирамиду, где на каждом последующем уровне происходит не создание новых правил, а имплементация и операционализация установленных на высшем уровне норм.

Административно-правовые методы регулирования фармацевтической деятельности образуют разветвленный и взаимосвязанный комплекс, направленный на достижение баланса между публичными и частными интересами. Центральное место среди них занимает административное лицензирование, выступающее условным фильтром, допускающим на рынок лишь тех субъектов, которые соответствуют установленным требованиям к материально-технической базе, квалификации персонала и организации деятельности. Последующее регулирование обеспечивается через метод государственной регистрации лекарственных средств, который, по сути, является оценкой соотношения пользы и риска конкретного препарата и лишь по ее положительному результату разрешает его обращение на территории страны. Методы сертификации и декларирования соответствия, хотя и в модифицированном виде, применяются в отношении медицинских изделий, сопутствующих фармацевтической деятельности. Непрерывность контроля обеспечивается методом государственного надзора (контроля), включающего в себя плановые и внеплановые проверки, мониторинг безопасности лекарственных препаратов (фармаконадзор). Особняком стоит метод ценового

регулирования, который, будучи по своей природе экономическим, реализуется через административно-правовые механизмы (установление предельных надбавок, регистрация предельных отпускных цен производителя на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты (ЖНВЛП)), что подчеркивает межотраслевой характер регулирования. Наконец, все процессы обслуживаются множеством административных процедур – регистрационных, разрешительных, согласительных, которые формализуют взаимодействие между субъектами деятельности и органами власти. Каждый из этих методов не существует изолированно; они образуют единый цикл административно-правового воздействия, охватывающий весь жизненный цикл лекарственного средства и деятельности по его обращению.

Административно-правовой режим лицензирования фармацевтической деятельности служит краеугольным камнем всей системы допуска. Его сущность заключается в установлении специальных разрешительных условий для осуществления отдельных видов деятельности, связанных с повышенной опасностью или особой социальной значимостью. Значение данного режима трудно переоценить: он является основным барьером на пути недобросовестных участников рынка, призванным гарантировать, что деятельность по изготовлению и обращению лекарственных средств будет осуществляться организациями и индивидуальными предпринимателями, имеющими все необходимые для этого условия. К видам лицензируемой деятельности в соответствии с Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и Постановлением Правительства РФ от 22.12.2011 № 1081 относятся фармацевтическая деятельность, деятельность по производству лекарственных средств и деятельность по хранению лекарственных средств.

Однако действующее регулирование сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, это проблема формального подхода лицензирующих органов при проверке соответствия соискателя лицензионным требованиям, когда основное внимание уделяется документальной проверке, а не реальному состоянию дел.

Во-вторых, сохраняется определенная несогласованность требований между различными контролирующими органами.

В-третьих, требует модернизации сама процедура лицензирования, ее цифровизация и упрощение для добросовестных участников оборота.

Пути совершенствования видятся в дальнейшей дифференциации лицензионных требований в зависимости от конкретного вида деятельности, внедрении подхода, при котором интенсивность последующего контроля прямо коррелирует с историей соблюдения субъектом требований законодательства, а также в более широком использовании предлицензионного консультирования.

Административно-правовой режим государственной регистрации лекарственных средств представляет собой процедуру принятия уполномоченным федеральным органом исполнительной власти решения о разрешении оборота лекарственного препарата на территории Российской Федерации на основании оценки его качества, эффективности и безопасности. Целями данного режима являются, с одной стороны, защита населения от небезопасных, неэффективных и некачественных лекарств, а с другой – легализация и допуск на рынок препаратов, прошедших всестороннюю экспертизу. Ключевой проблемой данного режима на

протяжении многих лет являлась его исключительная длительность и бюрократизированность, что создавало барьеры для вывода на рынок новых препаратов, в том числе инновационных. Частично эту проблему призвано решить вступление в силу с 2016 года правил ЕАЭС, гармонизирующих процедуры регистрации и предусматривающих возможность признания регистрационных досье, одобренных уполномоченными органами государств-членов Союза. Однако на практике процесс своего рода гармонизации еще далек от завершения и сталкивается с техническими и административными сложностями. Еще одной актуальной проблемой является регистрация лекарственных средств, уже давно находящихся в обороте (так называемые «воспроизведенные» препараты), и необходимость доказательства их терапевтической эквивалентности оригинальным. Совершенствование регулирования видится в дальнейшем упрощении и ускорении процедур за счет цифровизации, более широком применении механизмов ускоренной регистрации для орфанных препаратов и препаратов, предназначенных для лечения социально значимых заболеваний, а также в укреплении научно-экспертного потенциала регистрирующего органа.

Административно-правовой режим контроля качества лекарственных средств является процессом, обеспечивающим соответствие лекарственных препаратов установленным требованиям на всех этапах их обращения. Его значение заключается в практической реализации тех гарантий качества и безопасности, которые были заложены на этапе регистрации. Инструментом данного контроля выступает лекарственный мониторинг (фармаконадзор), направленный на выявление, оценку и профилактику нежелательных реакций и других проблем, связанных с применением лекарственных средств. Однако ключевой проблемой остается эффективность выявления фальсифицированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных препаратов.

Существующая система, как отмечают многие эксперты, включая М. А. Ковальчук, «зачастую носит фрагментарный и реактивный характер, активизируясь уже после выявления факта нарушения. Низкий уровень административной и уголовной ответственности не создает достаточного сдерживающего эффекта» [6, с. 12].

Пути совершенствования лежат в области создания комплексной системы прослеживаемости движения лекарственных препаратов от производителя до конечного потребителя, основанной на системе маркировки средствами идентификации. Это позволит не только оперативно выявлять нелегальный товар, но и прогнозировать риски его появления. Кроме того, необходима консолидация усилий всех контрольно-надзорных органов (Росздравнадзора, ФТС, ФСБ, МВД) в рамках единой информационной системы и повышение ответственности за оборот фальсификата.

Административно-правовой режим ценового регулирования лекарственных средств имеет ярко выраженную социальную направленность и нацелен на обеспечение доступности жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для широких слоев населения. Его правовую основу составляют как Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», так и Постановление Правительства РФ от 29.10.2010 № 865 «О госу-

дарственном регулировании цен на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты».

Ключевыми принципами являются установление предельных размеров оптовых и розничных надбавок к фактической отпускной цене производителя, а также регистрация и контроль самих отпускных цен производителей на препараты, включенные в перечень ЖНВЛП. Основным органом, осуществляющим это регулирование, является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России). Тем не менее, проблемы здесь носят системный характер.

Во-первых, механизм регистрации цен зачастую приводит к их искусственному завышению на этапе вывода препарата на рынок.

Во-вторых, отсутствие гибких механизмов пересмотра цен в сторону понижения по мере старения препарата и появления на рынке дженериков.

В-третьих, проблема доступности дорогостоящих инновационных препаратов, не входящих в перечень ЖНВЛП, для пациентов.

Совершенствование режима требует внедрения более сложных и экономически обоснованных методов ценообразования, таких как ориентирование на цены в странах с сопоставимым уровнем доходов, внедрение механизмов разделения рисков между государством и производителями, а также расширение практики заключения соглашений о долгосрочных поставках и снижении цен в обмен на гарантированные объемы закупок в рамках государственных программ.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к убедительному выводу о том, что административно-правовое регулирование фармацевтической деятельности представляет собой динамичную, сложноорганизованную систему, находящуюся в постоянном поиске баланса между императивностью и стимулированием, между безопасностью и доступностью. Ее ядро составляют взаимосвязанные и взаимодополняющие административно-правовые режимы, каждый из которых решает свою специфическую задачу в общей цепи обеспечения населения качественными, эффективными и безопасными лекарственными средствами. Однако выявленные системные проблемы – избыточная бюрократизация, фрагментарность контроля, недостаточная эффективность ценовых механизмов – указывают на необходимость качественной трансформации существующих подходов. Вектор совершенствования должен быть направлен на дальнейшую цифровизацию и декриминализацию административных процедур, внедрение риск-ориентированной модели, при которой интенсивность вмешательства государства пропорциональна потенциальному риску, а также на углубление международной гармонизации в рамках ЕАЭС. Только такой комплексный, модернизированный подход сможет адекватно ответить на вызовы времени и обеспечить устойчивое развитие фармацевтической отрасли в интересах охраны здоровья нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об обращении лекарственных средств : Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.
2. Старилов Ю. Н. Административное право : в 2 ч. Часть 2 : Книга вторая: Формы и методы управленческих действий. Правовые акты управления. Административная юстиция : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2021. – 496 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с

изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

4. Лозовая С. В. Административно-правовые режимы в сфере здравоохранения: теоретико-прикладной аспект : монография. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 188 с.

5. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 02.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

6. Ковальчук М. А. Актуальные проблемы административно-правового регулирования оборота лекарственных средств // Медицинское право. – 2020. – № 4. – С. 12–17.

УДК 342.9

**КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ: ГЕНЕЗИС, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
И ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ В ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Старостин Дмитрий Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: tkches@mail.ru

**CORPORATE LEGAL CONSCIOUSNESS AS AN OBJECT
OF LEGAL DOCTRINE: GENESIS, MODERN CHALLENGES
AND WAYS OF INTEGRATION INTO THE LEGAL PROCESS**

Starostin Dmitry Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья осуществляет проблематизацию корпоративного правосознания в качестве самостоятельного объекта юридической доктрины, требующего комплексного теоретического осмысления. В контексте современных вызовов, обусловленных цифровизацией и трансформацией государственного управления, анализируются структурные деформации и новые формы проявления корпоративного правосознания.

Ключевые слова: корпоративное правосознание, юридическая доктрина, генетический анализ правовых концепций, правотворческая деятельность, правовая аксиоматика, цифровая трансформация права, антропоцентрический подход в юриспруденции, интеграция правовых концепций, догматика корпоративного права, ценностно-нормативное регулирование.

The article problematizes the corporate legal consciousness as an independent object of legal doctrine, requiring a comprehensive theoretical understanding. In the context of modern challenges caused by digitalization and transformation of public administration, structural deformations and new forms of manifestation of corporate legal awareness are analyzed.

Keywords: corporate legal consciousness, legal doctrine, genetic analysis of legal concepts, law-making activities, legal axiomatics, digital transformation of law, anthropocentric approach in jurisprudence, integration of legal concepts, dogma of corporate law, value-normative regulation.

Проблема соотношения права и нравственности представляет собой один из центральных, «вечных» вопросов философии права, не теряющий своей актуальности на протяжении всей интеллектуальной истории человечества. Их связь носит не механический, а «глубоко диалектический характер», что выражается в постоянном взаимопроникновении, взаимовлиянии и, в известной степени, взаимном ограничении. Право, будучи формализованным каркасом социального взаимодействия, и нравственность, как сфера внутренних убеждений и этиче-

ских императивов, выступают двумя автономными, но сопряженными системами регуляции, совместно конституирующими порядок общественной жизни.

Роль государства в этом процессе является «ключевой и многогранной». Оно выступает не просто арбитром, а активным субъектом, ответственным за поддержание динамического равновесия между правовым принуждением и моральной автономией личности. С одной стороны, государство легитимирует и санкционирует через правовые тексты те моральные нормы, которые достигли уровня общественного консенсуса и признаны базовыми для сохранения социального целого (например, табу на убийство, воровство). С другой стороны, оно обязано воздерживаться от тотальной юридизации морали, оставляя пространство для личного нравственного выбора и развития гражданского сознания, не подлежащего прямому правовому регулированию.

Влияние права на нравственность, привычки и традиции носит «конституирующий и трансформирующий характер». Через законодательство, судебную практику и правоприменительные акты право не просто отражает, но и активно формирует новые социальные практики, способствуя эволюции коллективного сознания. Например, принятие антидискриминационного законодательства или экологических стандартов со временем приводит к их интериоризации обществом, превращая правовые предписания во внутренние моральные убеждения и новые социальные привычки. Таким образом, право выступает мощным инструментом социального инжиниринга и катализатором изменений в ценностной матрице общества.

Одновременно право само находится под «глубоким обратным влиянием» нравственных императивов, существующих в общественном сознании. Нравственность выполняет функцию «социального заказа» на право, выступая источником его легитимности. Правовые нормы, вступающие в радикальное противоречие с господствующими в обществе моральными представлениями (например, о справедливости, долге, достоинстве), либо саботируются, либо становятся объектом массового гражданского неповиновения, что ведет к правовому нигилизму и социальной дестабилизации. Исторические примеры, такие как краток тоталитарных режимов, пытавшихся создать «новое право» в отрыве от универсальной морали, наглядно демонстрируют тупиковость этого пути.

Таким образом, конечной общей целью этого непрерывного диалектического взаимодействия является не статичное состояние, а «поступательное движение к общей справедливости». Справедливость в данном контексте выступает не как абстрактный идеал, а как практический регулятивный принцип, достигаемый через синтез правовой формальной определенности и нравственного гуманистического содержания. В этом движении право обеспечивает процедурные гарантии и всеобщность, а нравственность – содержательное наполнение и гуманистическую направленность, а государство выполняет роль рефлексивного медиатора, обеспечивающего условия для их конструктивного диалога. Эти идеи нашли свое отражение в Конституции РФ [1]. Весь комплекс общих положений Конституции ориентирован на достижение этой справедливости в обществе, сочетание морали и законности. На основе этого и формируется правосознание.

Одновременно с этим, данные концептуальные положения предстают в качестве сложносоставных феноменов, обладающих значительным эвристическим

потенциалом. Указанная характеристика детерминирована принципиальной амбивалентностью и полиструктурностью общественного устройства, пребывающего в состоянии перманентной динамики и качественных метаморфоз. В данном контексте многомерная природа правосознания подвергается существенной реконфигурации под влиянием конституционных новаций, которые, в свою очередь, актуализируют необходимость пересмотра устоявшейся парадигмы его теоретического осмысления и стимулируют формирование новой исследовательской оптики.

В структуре настоящего исследования особое методологическое значение приобретает комплексный анализ российского антикоррупционного законодательства, выступающего ключевым фактором формирования корпоративного правосознания в публично-властной среде. Нормативный массив в этой области представлен системой взаимодополняющих федеральных законов, образующих единый регулятивный комплекс: «О противодействии коррупции» [2], «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3], «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [4] и др. Институциональное значение указанных актов заключается не только в установлении правовых ограничений и запретов, но и в формировании этико-правовых стандартов поведения, которые, инкорпорируясь в корпоративную культуру государственных органов, становятся структурными элементами правосознания российских управленцев. Системный анализ данных нормативных положений позволяет выявить механизмы трансляции общегражданских правовых ценностей в профессиональную юридическую среду и определить степень их влияния на формирование антикоррупционных установок в структуре корпоративного правосознания.

Формирование национальной правовой культуры в Российской Федерации представляет собой целенаправленный и системный процесс, инициируемый и координируемый на высшем уровне государственной власти. Нормативно-программой основой для этого масштабного проекта выступает комплекс документов, ключевым из которых являются «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан».

Утвержденные Президентом РФ 28 апреля 2011 г. (№ Пр-1168) [5], данный документ обладает статусом «системообразующего акта», закладывающего стратегические ориентиры и концептуальные подходы в области правового просвещения. Он консолидирует усилия всех государственных и общественных институтов, задавая единую идеологическую и методологическую платформу для формирования у граждан высокого уровня правовой культуры, адекватного современным вызовам и потребностям правового государства. Таким образом, именно этот программный акт определяет долгосрочные векторы и содержание государственной политики, направленной на качественную трансформацию правосознания российского общества.

Синтез представленных теоретических конструктов открывает возможность их операционализации применительно к анализу деформационных процессов в структуре корпоративного правосознания современной российской бюрократии.

Данный методологический перенос находит свое обоснование в ряде авторитетных исследований [6], подтверждающих универсальный характер выявленных закономерностей.

Генезис научного интереса к феномену деформации правосознания государственных служащих восходит к середине XX века и связан с работами классика социологии Роберта Мертона. Развитие его идей представителями Колумбийской школы в социологии позволило сформировать целостную модель анализа поведенческих установок и ролевых дисфункций чиновничества в институциональной структуре государственного аппарата, что было эмпирически верифицировано на примере США.

Эвристическая ценность этого теоретического наследия сохраняет свою актуальность для диагностики проблем в современной российской административной системе. Последняя функционирует в контексте исторически сложившегося в обществе правового нигилизма, который нашел свое отражение в национальной ментальности, закрепленной в афористичных формулах: «закон – что дышло» и «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Данный социокультурный код не мог не быть интериоризирован и государственными служащими, выступая латентным фактором, детерминирующим их профессиональное поведение.

Следствием указанного комплекса причин становится распространение дисфункциональных служебных практик, проявляющихся в различных формах – от патернализма и правового пассивности до злоупотребления дискреционными полномочиями. Эти проявления требуют системного анализа, поскольку их генезис обусловлен не только индивидуальными девиациями, но и глубинными структурными противоречиями в самой системе корпоративного правосознания государственного аппарата.

С точки зрения влияния на общественное развитие, корпоративная организация представляет собой двоякое правовое явление. Когда корпорация становится ключевым элементом в структуре гражданского общества, она выполняет позитивную роль. Её основное предназначение в этом случае – артикуляция и воплощение в жизнь потребностей конкретных социальных слоёв, объединённых единой профессиональной деятельностью и системой ценностей.

Благотворное воздействие наблюдается в ситуациях, где корпоративные структуры функционируют как защитные механизмы для профессиональных и трудовых интересов своих участников. Примерами таких объединений служат профсоюзы работников образования, объединения адвокатов и судей, ассоциации юристов и предпринимателей, а также иные корпоративные формирования, выступающие базовыми единицами развитого гражданского общества.

Деформация корпоративного правосознания возникает при доминировании узкогрупповых интересов над общественными. Это проявляется в уклонении от социальной ответственности и ориентации на сиюминутную выгоду, что противоречит задачам развития правового государства.

Формируется специфическая корпоративная этика с дихотомией «свой-чужой», где лояльность к организации превалирует над законностью. На практике это приводит к сокрытию правонарушений в профессиональных сообществах

(правоохранительных, медицинских и иных), когда внутренняя солидарность препятствует объективному расследованию.

Подобные случаи подрывают доверие к государственным институтам и актуализируют необходимость системного изучения корпоративного правосознания. Совершенствование корпоративной культуры и этики становится условием не только преодоления правового нигилизма, но и развития конструктивных общественно-правовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система. – 2025.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Консультант плюс: справочно-правовая система. – 2025.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система. – 2025.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Консультант плюс: справочно-правовая система. – 2025.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г. № Пр-1168) // Консультант плюс: справочно-правовая система. – 2025.
6. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1-1. – С. 223–231.

УДК 342.9

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Старостин Дмитрий Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: tkches@mail.ru

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF CORPORATE LEGAL AWARENESS IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN STATEHOOD

Starostin Dmitry Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена разработке концептуальных основ корпоративного правосознания в системе органов современной российской государственности. В рамках исследования применяется междисциплинарный подход, интегрирующий методологию теории права, социологии и институционального анализа. Выявляется несоответствие между классическими теоретическими конструкциями правосознания и комплексной природой его корпоративной формы, проявляющейся в деятельности государственного аппарата. На основе проведенного анализа автором предлагается оригинальная структурно-функциональная модель корпоративного правосознания, синтезирующая его аксиологический, институциональный и коммуникативный аспекты.

Ключевые слова: корпоративное правосознание, государственно-правовая идентичность, концептуальные основы права, административно-правовое регулирование, правовой менталитет бюрократии, институционализация правовых ценностей, механизм правовой коммуникации.

The article is devoted to the development of the conceptual foundations of corporate legal awareness in the system of bodies of modern Russian statehood. The study takes an interdisciplinary approach integrating the methodology of legal theory, sociology and institutional analysis. A discrepancy is revealed between the classical theoretical constructions of legal awareness and the complex nature of its corporate form, manifested in the activities of the state apparatus. Based on the analysis, the author proposes an original structural and functional model of corporate legal awareness, synthesizing its axiological, institutional and communicative aspects.

Keywords: corporate legal consciousness, state-legal identity, conceptual foundations of law, administrative and legal regulation, legal mentality of bureaucracy, institutionalization of legal values, legal communication mechanism.

Конституция РФ выполняет роль не просто нормативного акта, а «фундаментального правового и идеологического источника», формирующего основы национального правосознания. Этот статус определяется совокупностью ее уникальных качеств:

- учредительная и легитимирующая функция: Конституция, принятая многонациональным народом, является актом учредительной власти, легитимирующим всю систему государственной власти и правопорядка в стране. Это превращает ее в ключевой символ коллективной воли и источник легитимности.

- нормативно-ценностный синтез: она не только закрепляет правила поведения, но и аккумулирует «базовые правовые ценности» (человеческое достоинство, права и свободы, демократия, правовое государство), выступая эталоном для формирования индивидуальных и коллективных правовых представлений.

- инструментально-мировоззренческое качество: будучи непосредственно действующим правовым документом, Конституция одновременно задает систему координат для восприятия правовой действительности, предлагая официально признанную «картину права», на которую ориентируются граждане, госорганы и корпоративные структуры.

Влияние Основного закона на правосознание реализуется через несколько конкретных механизмов:

1. Прямое действие и правоприменение: Статья 15 Конституции закрепляет ее прямое действие. Ссылки на конституционные нормы в судебных решениях делают их реальным инструментом защиты прав, формируя у граждан убежденность в практической ценности права и доверия к нему.

2. Инкорпорация общих принципов: Конституция транслирует общепризнанные принципы международного права, интегрируя их в национальное правосознание и способствуя его обогащению и сближению с мировыми правовыми стандартами.

3. Идеологический исток: преамбула и первые статьи Конституции формулируют систему ценностей и общие цели развития общества. Этот каркас служит идеологической основой для формирования как общественного правосознания в целом, так и профессионального или корпоративного правосознания различных групп.

Развитие вашей мысли открывает несколько перспективных направлений для дальнейшего исследования:

- изучение восприятия конституционных ценностей: можно исследовать, как конкретные корпоративные группы (государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов, корпоративные юристы) интерпретируют и реализуют в своей деятельности конституционные принципы.

- анализ судебной практики: изучение того, как ссылки на Конституцию в корпоративных спорах влияют на правовую позицию и внутренние стандарты поведения компаний.

- сравнительно-правовой анализ: сопоставление роли конституционных текстов в формировании корпоративного правосознания в России и других странах.

Действительно, в современной юридической науке наблюдается отсутствие не только унифицированного подхода, но и конвенционального определения понятия «правосознание». Этот концептуальный плюрализм является следствием глубоких методологических расхождений. Юриспруденция, занимая пограничное положение между строгими нормативными дисциплинами и интерпретационными социально-гуманитарными науками, зачастую отказывается от формализованных правил научного мышления, что оправдывается спецификой ее объекта. Данная ситуация усугубляется двумя ключевыми факторами:

- слабость междисциплинарного диалога: Существующие интерпретации правосознания как социально-правового феномена развиваются в значительной степени изолированно. Отсутствие прочных связей с философией, социологией, когнитивной психологией и антропологией лишает юридическую науку мощного эвристического потенциала этих дисциплин для проникновения в сущность правосознания.

- динамизм и неоднозначность внутренней структуры: Научные представления о компонентном составе правосознания, соотношении его идеологических и психологических элементов, а также о функциях этих компонентов находятся в постоянном развитии. Именно эта динамичная структура и формирует содержательное наполнение понятия, делая его «подвижной мишенью» для исследователей.

Особую остроту проблема определения правосознания приобретает в контексте цифровизации общества. Трансформация, driven современными технологиями, порождает принципиально новые формы социального взаимодействия, которые требуют адекватного правового опосредования.

Дискуссия о методологических основаниях юридической науки, в том числе и учения о правосознании, носит принципиальный характер. В академической среде сталкиваются две позиции:

- критика позитивизма: часть исследователей указывает на ограниченность позитивистской методологии, считая ее непригодной для полноценного познания таких сложных феноменов, как правосознание.

- защита научного подхода: в то же время, как отмечается в источниках, «все докори нашей науке относительно ее позитивистской ограниченности... формулируются не столько в научном, сколько в философском пространстве». Современное научное познание переосмыслило эти упреки через представления о неклассическом и постнеклассическом типах научной рациональности.

Эта полемика напрямую влияет на понимание правосознания, поскольку от выбора методологии зависит, будет ли оно изучаться как строгий научный объект или как феномен, требующий герменевтического понимания [1]. Таким образом, можно с уверенностью, утверждать, что границы традиционных представлений о человеческих моральных требованиях, моральных ценностях подрывают ценность человеческой жизни, свободы, целостности, чести и достоинства, видоизменяют саму сущностную характеристику и восприятие ключевых принципов общественного сознания.

Социальное взаимодействие в рамках любого общества исторически детерминировано комплексом нормативно-ценностных систем, к которым традиционно относятся мораль, право, религиозные доктрины, обычаи и корпоративные нормы. Данные феномены аккумулируют в себе фундаментальную социогенетическую потребность в упорядочивании коллективного бытия, выступая, таким образом, ключевыми инструментами социальной регуляции. Через их призму общество осуществляет структурирование поведения индивидов и их групп, обеспечивая предсказуемость социальных связей и минимизацию девиаций. Каждый из этих регуляторов, обладая специфическим генезисом и механизмом действия, в совокупности формируют многомерное нормативное поле, в пределах которого только и возможна устойчивая коммуникация и воспроизводство социального порядка [2, с. 4].

Функциональное назначение всей совокупности социальных норм заключается в конституировании стабильного порядка публичного поведения и обеспечении сохранения социодинамического равновесия. При этом каждый класс нормативных регуляторов обладает качественным своеобразием, обусловленным его внутренней архитектурой и механизмом воздействия на волю и сознание индивидов. Сравнительный анализ специфических черт позволяет выявить системообразующие различия между отдельными типами социальных регуляторов – правовыми, моральными, религиозными и корпоративными нормами.

Методологической основой исследования выступает антропоцентрическая парадигма, в рамках которой личность рассматривается в качестве высшей ценности и конечного блага. В этом контексте недопустима реификация человека, его низведение до уровня объекта правоотношений. Индивид представляет собой полноправного субъекта социального взаимодействия, наделенного правосубъектностью для самостоятельного определения интересов и использования легальных средств для их реализации. Данный статус получает свои гарантии через принцип равноправия, распространяемый и на государство как на участника правоотношений, что обеспечивает баланс частных и публичных интересов в правовом поле [3, с. 13].

В результате реформы системы государственного управления в России сформировался новый тип региональных руководителей, которых в экспертной среде характеризуют как «молодых технократов» – квалифицированных специалистов-управленцев, нанимаемых для решения конкретных задач. Несмотря на активное обсуждение этого феномена в политологии, его «теоретико-правовое осмысление, в частности влияние на правосознание властных структур, остается лакуной в юридической науке».

В связи с этим, актуализируется задача не только объективной оценки существующих научных подходов к корпоративному правосознанию, но и «выявления его нового социально-правового содержания» в контексте меняющейся реальности. Современные исследования констатируют «методологический плюрализм» в понимании правосознания, что затрудняет выработку единого подхода и делает такую попытку особенно востребованной в современных условиях [4–6].

Научная новизна и потенциальный вклад данного направления заключаются в «аргументированном выделении корпоративного правосознания в качестве самостоятельного вида». Такой подход позволяет преодолеть традиционное узко-нормативное понимание и раскрыть его роль как системообразующего фактора, влияющего на правотворчество, правоприменение и формирование правовой идентичности в рамках конкретных корпораций, включая государственные структуры. Это открывает перспективы для как теоретического переосмысления ряда юридических конструкций, так и для решения прикладных задач повышения эффективности государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности : дис... канд. юрид. наук. Тамбов, – 2005. – 181 с.
2. Мелешко Е. Д., Верховский Д. А. Мораль и право как социокультурные регуляции // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2014. – № 4 (12). – С. 3–9.
3. Зеленина О. А. К вопросу о взаимодействии права и морали в современном российском обществе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 5 (181). – С. 12–17.
4. Кукушкин О. В., Котляров С. Б. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1-1. – С. 223–231.
5. Кукушкин О. В. Правосознание как юридическая категория // Юридические чтения : материалы заочной научно-практической конференции, Саранск, 10 апреля 2016 года. – Саранск : ЮрЭксПрактик, 2016. – С. 9–10.
6. Котляров С. Б., Кукушкин О. В. Правосознание как элемент правовых систем // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Саранск, 20–21 апреля 2021 года / Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 273–277.

УДК 342.9

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА КОРПОРАТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Старостин Дмитрий Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: tkches@mail.ru

MODERN PARADIGM OF CORPORATE LEGAL AWARENESS: THEORETICAL AND LEGAL DIMENSION

Starostin Dmitry Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена концептуализации современной парадигмы корпоративного правосознания как комплексного системного образования. В работе раскрывается его специфическая структура, детерминированная цифровой трансформацией экономики и глобализацией правового поля. На основе проведенного теоретико-правового анализа автор предлагает модель корпоративного правосознания, интегрирующую ценности социальной ответственности и инновационные юридические практики.

Ключевые слова: корпоративное правосознание, теоретико-правовое измерение, правовая ментальность бизнес-структур, парадигмальный сдвиг в правовом регулировании, корпоративная правовая культура, доктринальные основания корпоративного права.

The article is devoted to the conceptualization of the modern paradigm of corporate legal consciousness as a comprehensive system education. The work reveals its specific structure, determined by the digital transformation of the economy and the globalization of the legal field. Based on the conducted theoretical and legal analysis, the author proposes a model of corporate legal awareness that integrates the values of social responsibility and innovative legal practices.

Keywords: corporate legal consciousness, theoretical and legal dimension, legal mentality of business structures, paradigm shift in legal regulation, corporate legal culture, doctrinal grounds of corporate law.

В современной российской общей теории государства и права феномен корпоративного правосознания остается лакуной, особенно в аспекте его воздействия на государственный аппарат и административно-правовое регулирование. Генезис данной проблематики коренится в советской правовой парадигме, где сам концепт «корпорации» являлся идеологически табуированным в силу его несовместимости с доминировавшей политико-экономической моделью. Эта методологическая установка породила обширный, но внутренне гомогенный массив исследований, характеризующийся содержательным единообразием в трактовке структуры и социальной роли правосознания.

Актуальность настоящего исследования, таким образом, обусловлена необходимостью преодоления сложившегося теоретического вакуума и выработки объективной концепции правового самосознания корпораций, в том числе в сфере государственной службы.

Методологической основой для такого анализа служит междисциплинарный подход, интегрирующий правоведение и социологию. Как демонстрирует научный инструментарий социологии права, право представляет собой не только систему норм, но и институт, воплощающий коллективные представления. Классическая работа Э. Дюркгейма, интерпретировавшего право в качестве новой формы коллективного сознания в условиях функционально дифференцированного общества, заложила теоретический фундамент для изучения правосознания как ключевого элемента гражданской этики.

Зарождение научной концепции правосознания в российской юриспруденции связано с именами дореволюционных мыслителей, заложивших ее теоретико-методологические основания. Так, Л. И. Петражицкий [1, с. 110] вывел проблему из сугубо нормативной плоскости, обосновав ее в рамках психологической теории права. П. И. Новгородцев [2, с. 134] придал понятию философско-правовое измерение, а И. А. Ильин [3, с. 68] углубил его анализ, акцентируя роль эмоционально-интуитивных начал в правовой жизни общества. Таким образом, уже на

начальном этапе изучения правосознание рассматривалось отечественными учеными как сложный, многогранный феномен, выходящий за рамки рационального восприятия норм.

Советский период в изучении правосознания находился под определяющим влиянием марксистско-ленинской доктрины. Пионерами в этой области выступили такие теоретики права, как Е. Б. Пашуканис [4, с. 191] и П. И. Стучка [5, с. 82], заложившие основы классового подхода к феномену. Послевоенный период ознаменовался значительным снижением исследовательского интереса к данной проблематике, которая была возрождена лишь в эпоху «оттепели» трудами отраслевых правоведов – О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородского [6, с. 381], И. Е. Фарбера [7, с. 69] и Е. А. Лукашевой [8, с. 41]. Особого внимания заслуживает новаторский вклад И. Е. Фарбера, впервые в отечественной науке обратившегося к анализу правовых чувств и убеждений как структурных элементов правосознания, что стало значимым прорывом в попытке его целостной концептуализации.

В поздний советский этап существенный вклад в разработку темы внесли Г. С. Остроумов, В. М. Сырых и В. А. Чефранов. Работа последнего выделяется проведением одного из первых в советской юриспруденции многоаспектных анализов правосознания, интегрирующего разнообразные научные подходы и перспективы.

Современный российский этап характеризуется смещением фокуса в сторону исследования профессионального и, в частности, корпоративного правосознания, понимаемого как коллективная форма сознания юридического сообщества. Теоретико-правовые аспекты этого феномена активно разрабатываются в трудах М. И. Абдуллаева, П. П. Баранова и других авторов.

В зарубежной науке систематическое изучение правового сознания (legal consciousness) институционализируется в 1960-е годы в рамках движения «Law and Society». Интеллектуальными предшественниками этого направления выступили американские правовые реалисты 1920-х годов (Оливер Холмс, Бенджамин Кардозо, Роско Паунд), чьи идеи заложили фундамент для последующих эмпирических изысканий. Термин «реализм», введенный Карлом Ллевеллином в 1929 г., объединил группу ученых, стремившихся поставить достижения социальных наук на службу праву. Это движение представляло собой не просто академический интерес, но и широкую политическую программу, нацеленную на поиск решений для организации коллективного социального бытия.

В послевоенный период университетская система США вступила в эпоху стремительной экспансии, характеризующейся как демографическим ростом, так и значительной диверсификацией учебных программ. В этом контексте социальные дисциплины начали доминировать в академическом дискурсе, оттеснив на второй план традиционные гуманитарные и естественнонаучные дисциплины, ранее составлявшие ядро классического образования. В рамках данной парадигмы отдельные представители социальных наук обратились к расширяющемуся методологическому инструментарию для эмпирического анализа правового поведения внутри институтов. К середине 1960-х гг. сформировалось целое направление исследований: политологи применяли статистические методы для изучения судебных решений, социологи проводили включенное наблюдение в

патрульных автомобилях для анализа инициации уголовного преследования, а антропологи документировали особенности правовых процессов в локальных сообществах по всему миру.

Генезис исследований правового сознания непосредственно связан с этим междисциплинарным синтезом. Анализ правовой идеологии представляет собой не просто изучение властных отношений, опосредованных правом. Его критический потенциал раскрывается в демонстрации того, как власть, осуществляемая через правовые символы и категории, воспроизводит социальную несправедливость. Таким образом, сама концепция «идеологии» в этом ключе становится инструментом социальной критики, а изучение правового сознания развилось непосредственно из этой интеллектуальной традиции, фокусирующей на проблематике взаимосвязи идеологии, власти и справедливости.

Изначально разработанная в западной социолого-правовой науке для объяснения устойчивости институциональной власти права в широких временных, пространственных и социальных контекстах, концепция правового сознания в современных эмпирических исследованиях все чаще редуцируется до уровня индивидуального субъекта. Методология таких изысканий преимущественно сводится к фиксации того, как индивиды вербализуют свое отношение к праву и практикуют (либо игнорируют) его нормы в повседневности. Ученые выявляют признаки правового сознания, наблюдая за когнитивными и поведенческими паттернами социальных акторов. Однако, понимаемое как соучастие в производстве правовых значений (легитимности), правовое сознание не может быть сведено к совокупности наблюдаемых действий.

В результате в современной западной науке сформировались два основных исследовательских вектора: первый принимает индивида в качестве ключевой единицы анализа, тогда как второй концентрируется на институциональном уровне, синтезируя эмпирические данные для моделирования структур легитимности.

Интеграция выводов обоих подходов позволяет вычлнить центральный элемент в конструировании дефиниции корпоративного правосознания – собственно понятие «правосознание». В этой связи релевантным представляется определение, предлагаемое отечественным ученым В. Д. Переваловым, который рассматривает правосознание как систему представлений и эмоциональных оценок, отражающих отношение индивидов и социальных групп к правовой реальности, а также ее ментальное и чувственное восприятие.

Исследовав соответствующие источники, можно заключить, что правосознание представляет собой комплекс чувств и представлений, отражающих восприятие людьми как существующего правового поля, так и идеального права. Являясь компонентом общественного сознания, правосознание неизбежно подвергается воздействию политических и идеологических концепций. Его динамичная эволюция происходит под влиянием трансформирующихся объективных условий и процессов. Примечательно, что правосознание вторично по отношению к экономическим отношениям ввиду общности их природы с правом. Формирование правосознания непосредственно обусловлено объективными потребностями и интересами как общества в целом, так и отдельных социальных групп, и организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 1. – Москва : Юрайт, 2019. – 237 с.
2. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – Москва : Наука, 1996. – 269 с.
3. Ильин И. Л. О сущности правосознания. – Москва : Рарог, 1993. – 234 с.
4. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. – Москва : Изд-во Коммунистической Академии, 1950. – 191 с.
5. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига : Латгосиздат, 1964. – 748 с.
6. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – Москва : Госюриздат, 1961. – 381 с.
7. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. – Москва : Юрид. лит., 1963. – 206 с.
8. Лукашева Е. А. Социальное правосознание и законность. – Москва : Юрид. Лит., – 1973. – 342 с.

УДК 630

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ ЛЕСНОГО ФОНДА

Туряева Ангелина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810402@ruc.su

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FOREST LANDS

Turyaeva Angelina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу специфики правового режима земель лесного фонда, которые изъяты из гражданского оборота и находящиеся в исключительной собственности Российской Федерации. Ключевая сложность заключается в разграничении таких земель на лесные и нелесные, что, в свою очередь, требует разработки для каждой из этих категорий уникального правового статуса. В фокусе исследования находятся основополагающие принципы лесных правоотношений, особое внимание уделяется также процессу делегирования отдельных полномочий по управлению лесным хозяйством на уровень субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: земли лесного фонда, правовое регулирование, федеральная собственность, лесные земли, нелесные земли, лесные правоотношения.

The article is devoted to the analysis of the specifics of the legal regime of forest fund lands that are withdrawn from civil circulation and are in the exclusive ownership of the Russian Federation. The key difficulty lies in the delineation of such lands into forest and non-forest, which, in turn, requires the development of a unique legal status for each of these categories. The study focuses on the fundamental principles of forest legal relations, with particular attention also paid to the process of delegating individual powers for forest management to the level of constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: forest fund lands, legal regulation, federal property, forest lands, non-forest lands, forest legal relations.

Земли лесного фонда, большей частью принадлежащие государству, обладают особым правовым статусом. Их главная особенность заключается в изъятии из

гражданского оборота либо в установлении серьезных ограничений для их оборотоспособности. Сфера действия этого регулирования охватывает не только земли, непосредственно занятые лесом, но и прочие угодья, которые функционально связаны с решением задач лесного хозяйства и использованием лесных ресурсов. Вовлечение подобных территорий в хозяйственный оборот преимущественно осуществляется через механизм аренды лесных участков. Данный правовой институт, наряду с прочими формами лесопользования, формирует ядро предмета лесных правоотношений. Администрирование указанного земельного массива осуществляется посредством институтов государственного лесного надзора и охраны лесов, формирующих в своей совокупности закрепленную нормами Лесного кодекса РФ модель государственного управления лесным фондом.

Специфический правовой режим земель лесного фонда закрепляет их исключительную принадлежность к федеральной собственности. Законодатель прямо ограничивает оборотоспособность данных территорий, что полностью исключает их переход в частные руки. В качестве альтернативы собственности законодательство предусматривает иные правовые формы освоения ресурсов: постоянное (бессрочное) пользование, аренду или безвозмездное срочное пользование.

Основу правового регулирования лесных отношений составляют фундаментальные принципы, среди которых доминирует закрепление земель лесного фонда в федеральной собственности. Однако управленческие полномочия в этой сфере распределены: существенная часть государственных функций передана на уровень субъектов РФ. Лесопользование реализуется преимущественно в заявительном порядке и носит возмездный характер, где аренда лесных участков выступает основной формой эксплуатации ресурсов. На арендатора же возлагается обязанность по проведению всего комплекса лесохозяйственных работ на закрепленной за ним территории.

Законодательная классификация земель лесного фонда предполагает их деление на две фундаментальные группы: земли, непосредственно занятые лесом, и территории, не имеющие лесного покрова.

Термин «лесные земли» имеет более широкое содержание, выходящее за рамки площадей, занятых исключительно древостоем. Он распространяется и на те участки, чье прямое целевое назначение связано с восстановлением лесного фонда. Следовательно, к этой категории правомерно относить и гари, и пустыри, и редины, и вырубки.

К нелесным землям относятся территории, выделенные для нужд лесного хозяйства: дорожная сеть, просеки и схожие объекты инфраструктуры. В эту же группу включаются земли, практическое использование которых затруднено или полностью исключено в силу природных особенностей – это болота, зыбучие пески, галечники и прочие аналогичные ландшафтные формы.

Дифференциация правового режима для лесных и нелесных территорий в границах лесного фонда представляется насущной необходимостью. Нынешняя унификация правового регулирования, уравнивающая, скажем, древостой и транспортные артерии, болотные экосистемы или линии просек, юридически несостоятельна и требует пересмотра.

Часть 1 статьи 10 Лесного кодекса РФ устанавливает, что вся лесная растительность в пределах земель лесного фонда распределяется по трем основным категориям: защитной, эксплуатационной и резервной.

В соответствии со Стратегией развития лесного комплекса до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ №312-р от 11.02.2021), отечественное лесное право закрепляет систематизацию лесов, расположенных на землях лесного фонда [1]. Структурный анализ выявляет три доминирующие группы: защитные леса составляют 24,9 %, эксплуатационные – 51,9 %, тогда как резервным отводится 23,2 %.

Границы земель лесного фонда получают правовое оформление по периметру лесничеств. В этих пределах формируется лесной участок, который по своей сути представляет собой земельный участок. Процедура его образования детально регулируется предписаниями земельного законодательства и Лесного кодекса РФ, что прямо зафиксировано в статье 7 Лесного кодекса РФ.

Порядок использования и охраны земель лесного фонда определяется нормами, закрепленными в двух основополагающих правовых актах: Земельном кодексе РФ (статья 101) и Лесном кодексе РФ (статья 6.1).

Формирование лесных участков осуществляется в соответствии с положениями п. 2.1 ст. 11.3 Земельного кодекса РФ. Процедура их образования базируется на проектной документации, подготовленной для конкретных территорий. Исключительный порядок действует при строительстве либо реконструкции линейных объектов: здесь обязательным условием становится разработка документации по планировке территории. В таких случаях правовым основанием для образования лесных участков выступает уже утвержденный проект межевания.

В российской правовой системе перечень допустимых способов эксплуатации лесных ресурсов закреплён не только в Лесном кодексе, но и в третьем разделе Стратегии развития лесного комплекса до 2030 года. Законодатель дифференцирует их на несколько видов: аренда, постоянное (бессрочное) пользование и безвозмездное пользование лесными участками. Параллельно с этим существуют и ограниченные формы – сервитут и публичный сервитут.

Земельный кодекс РФ в подпункте 2 пункта 2 статьи 39.30 прямо запрещает возможность перевода земель лесного фонда в собственность муниципалитетов или субъектов Федерации. Вместе с тем, в ведение регионов Российской Федерации передан обширный комплекс полномочий по управлению данными территориями. Часть 1 статьи 83 Лесного кодекса РФ закрепляет перечень соответствующих полномочий, среди которых – предоставление лесных участков. Оно может осуществляться на праве постоянного (бессрочного) пользования, аренды либо безвозмездного срочного пользования. Кроме того, на региональные власти возлагается функция заключения сделок по реализации лесных насаждений. В их компетенцию также входит установление сервитутов, в том числе публичного характера. Наконец, именно эти органы санкционируют геологическое изучение недр и организацию изыскательских работ в пределах территорий, отнесенных к лесному фонду.

Земельный кодекс РФ в части 2 статьи 39.9 устанавливает, что возможность постоянного (бессрочного) пользования лесными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, предоставлена весьма

ограниченному перечню лиц. К указанному перечню относятся органы государственной и муниципальной власти, а также подотчетные им казенные предприятия, государственные и муниципальные учреждения, центры исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий, и Банк России. В соответствии с частью 2 статьи 71 Лесного кодекса РФ, предоставление лесных участков юридическим лицам осуществляется на праве постоянного (бессрочного) пользования, аренды либо безвозмездного пользования. Эти договорные формы и составляют юридический фундамент для эксплуатации лесов. Что касается граждан, то они вправе осуществить данное полномочие, заключив договор аренды или вступив в правоотношения безвозмездного пользования.

В соответствии с ч. 1 ст. 74.3 Лесного кодекса РФ, договор безвозмездного пользования лесным участком заключается в заявительном порядке. Данная процедура избавляет стороны от организации и проведения торгов.

Заключение подобного соглашения допускается в следующих случаях:

- с физическими лицами, ведущими сельскохозяйственную деятельность, в том числе пчеловодство, для удовлетворения собственных нужд (пункт 4 статьи 38 ЛК РФ);

- с гражданами и юрлицами, в чьей собственности, постоянном пользовании, аренде, хозяйственном ведении или оперативном управлении находятся линейные объекты, размещенные в пределах лесного участка (пункт 3 статьи 45 ЛК РФ);

- с религиозными организациями для совершения ими обрядов и церемоний, предписанных вероучением (пункт 3 статьи 47 Лесного кодекса).

Служебные наделы, формируемые из земель лесного фонда, предоставляются в безвозмездное пользование определенным категориям работников. Их право на получение участка возникает из трудового договора, а срок использования напрямую привязан к периоду действия этого соглашения. Данный правовой режим регламентирован пунктом 2 статьи 24 Земельного кодекса Российской Федерации.

Земли лесного фонда изъяты из-под действия градостроительных регламентов. Их эксплуатационный режим, распространяющийся и на отдельные участки, определяется лесохозяйственным регламентом, утверждаемым профильным органом госвласти субъекта РФ. Указанная нормативная база фиксируется положениями ч. 6 и 7 ст. 36 Градостроительного кодекса, а также ч. 2 ст. 87 Лесного кодекса Российской Федерации.

Аренда лесных участков, чей предельный срок по закону не может превышать сорока девяти лет, представляет собой доминирующую модель в правовом регулировании лесопользования.

Основным механизмом предоставления лесных ресурсов служат аукционы, по итогам которых заключаются договоры купли-продажи лесных насаждений. Данный порядок, тем не менее, не носит универсального характера и предусматривает ряд исключений. Так, от проведения торгов освобождены граждане, осуществляющие заготовку древесины для собственных нужд. Аналогичное изъятие действует и для договоров, формируемых в контексте государственных заданий или контрактов, чьей целью выступает выполнение работ по охране, защите и воспроизводству лесов.

Институт аренды лесных участков в правовом поле функционирует на основе унифицированных договорных конструкций. Нормативную основу для этих отношений формирует Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 542 от 30.07.2020 г., закрепивший типовые формы арендных соглашений; документ актуален в своей последней редакции, датированной 23 марта 2023 года [2].

Анализ стандартного договора аренды лесных участков и его гражданско-правовых норм демонстрирует методологическую ошибочность отнесения подобных соглашений к классическим видам аренды по ГК РФ. Сложившаяся правовая коллизия требует внесения изменений во вторую часть ГК РФ, с параллельным созданием обособленного договора о природопользовании. Лесопользование как правовой институт должно получить адекватное оформление именно в рамках этой специальной юридической конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 11 февр. 2021 г. № 312-р // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 8. – Ст. 1326.

2. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

УДК 342.9

СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Учаев Данила Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: uchaevherov@mail.ru

SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES: PROBLEMS OF MODERN JURISPRUDENCE

Uchaev Danila Anatolyevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу системы правового регулирования деятельности правоохранительных органов через призму актуальных проблем современной юридической науки. Исследование выявляет системные противоречия и коллизии в нормативно-правовом массиве, регулирующем функционирование силовых структур. Особое внимание уделяется проблемам гармонизации отраслевого законодательства и адаптации правовых механизмов к новым вызовам безопасности. На основе проведенного анализа предлагаются концептуальные подходы к совершенствованию правовых основ деятельности правоохранительных органов в контексте современных требований к правовому государству.

Ключевые слова: система правового регулирования, правоохранительные органы, проблемное поле юриспруденции, административно-процессуальные нормы, законность оперативно-розыскной деятельности, правовые механизмы контроля, нормотворческие лакуны.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the system of legal regulation of the activities of law enforcement agencies through the prism of topical problems of modern legal science. The study identifies systemic contradictions and conflicts in the regulatory framework governing the functioning of law enforcement agencies. Particular attention is paid to the problems of harmonization of

sectoral legislation and adaptation of legal mechanisms to new security challenges. Based on the analysis, conceptual approaches are proposed to improve the legal framework for the activities of law enforcement agencies in the context of modern requirements for the legal state.

Keywords: system of legal regulation, law enforcement agencies, problematic field of jurisprudence, administrative and procedural norms, legality of operational-search activities, legal control mechanisms, regulatory gaps.

Нормативно-правовая база правоохранительной деятельности отличается структурной сложностью и динамическим характером развития. Полиотраслевая природа регулирования обусловлена многообразием общественных отношений, подлежащих правоохранительной защите, тогда как перманентная трансформация нормативного массива детерминирована процессами реформирования судебной и административной систем.

Конституция РФ выполняет системообразующую роль в регулировании правоохранительной деятельности, устанавливая:

- базовые принципы защиты прав и свобод человека (статья 2, глава 2);
- фундаментальные основы организации судебной власти (статьи 118–128);
- конституционные параметры деятельности прокуратуры (статья 129);

Нормативный каркас правоохранительной системы формируется посредством:

1. Федеральных конституционных законов («О судебной системе», «О Конституционном Суде РФ»);
2. Кодифицированных актов отраслевого законодательства (УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ);
3. Статутных законов институционального характера (о прокуратуре, о полиции, о ФСБ).

В системе нормативного регулирования выделяются: комплексные акты, определяющие организационно-функциональные параметры правоохранительных органов; специализированные законы, регламентирующие отдельные аспекты деятельности; эксклюзивные случаи регулирования посредством нормативных постановлений законодательных органов [1].

Региональное законодательство выполняет субсидиарную функцию в регулировании вопросов: организации деятельности мировых судей; функционирования судов субъектов Федерации; отдельных аспектов административно-юрисдикционной деятельности [2–4].

Подобная архитектура нормативного регулирования обеспечивает системное единство правоохранительной деятельности при сохранении функциональной специализации ее элементов. В иерархии источников российского права подзаконные нормативные акты сохраняют роль ключевого инструмента оперативного управления и детализации деятельности правоохранительных органов. Их издание осуществляется на основе и во исполнение Конституции РФ и федеральных законов, что формирует сложную, многоуровневую систему регламентации.

Функционирование правоохранительной системы в 2025 году по-прежнему детерминировано указами Президента РФ, которые выполняют роль первичных актов институционального строительства. Именно ими утверждаются положения о ключевых ведомствах: Министерстве внутренних дел, Федеральной

службе исполнения наказаний (ФСИН), Федеральной службе судебных приставов (ФССП) и других. Эти акты определяют не только внутреннюю структуру, но и функционально-целевые параметры работы органов, устанавливая их место в общей системе обеспечения национальной безопасности. Указами Президента также осуществляется гибкое реформирование правоохранительного блока – упраздняются одни и создаются другие его звенья, что отражает адаптацию государственного аппарата к новым вызовам и угрозам.

Современная система подзаконных актов отличается значительной сложностью и включает несколько уровней.

В 2025 году система подзаконного регулирования продолжает динамично развиваться, реагируя на новые вызовы, такие как:

- цифровая трансформация: принимаются акты, регулирующие использование искусственного интеллекта в прогнозировании преступности, работу с большими данными (big data) и кибердознание;

- ответ на гибридные угрозы: совершенствуется нормативная база в сфере противодействия кибертерроризму и обеспечению информационной безопасности, что отражает общемировые тенденции;

- проблема правовых лакун: скорость принятия подзаконных актов зачастую опережает их научную и общественную экспертизу, что порождает риски избыточного администрирования и потенциального ограничения прав граждан;

- сравнительно-правовой контекст: анализ показывает сходство российской модели с практикой делегированного законодательства в Европейском союзе, где Комиссия также наделяется полномочиями по принятию детализирующих актов в рамках базового закона.

Таким образом, подзаконное регулирование в 2025 году остается динамичным и мощным каркасом правоохранительной системы. Его развитие характеризуется усилением технологической составляющей и оперативным реагированием на вызовы времени, что, однако, актуализирует задачу поиска баланса между эффективностью и защитой прав человека.

Стратегическое и тактическое управление правоохранительной системой осуществляется через многоуровневую структуру нормативного регулирования, где подзаконные акты играют ключевую операционализирующую роль. Постановления и распоряжения Правительства РФ формируют ресурсное и организационное обеспечение деятельности правоохранительных органов, регламентируя вопросы бюджетного финансирования, межведомственного взаимодействия и кадровой политики.

Ведомственное нормотворчество представляет собой детализированный уровень правового регулирования. Руководители Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Министерства юстиции РФ издают нормативные акты (приказы, инструкции, наставления), которые конкретизируют процедурные аспекты деятельности подведомственных структур. Например, приказ Министерства юстиции РФ «Положение о следственном изоляторе» или ведомственные наставления МВД по предупреждению преступлений образуют детализированный регламент практической реализации правоохранительных функций.

Международно-правовой компонент правовой системы России, инкорпорированный частью 4 статьи 15 Конституции РФ, оказывает существенное влияние

на формирование идеологических основ правоохранительной деятельности. Имплементация международных стандартов, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах, происходит преимущественно через адаптацию национального законодательства. При этом международные договоры РФ содержат прямодействующие нормы, регулирующие конкретные аспекты трансграничного сотрудничества в сфере правовой помощи и борьбы с преступностью.

Особое значение в обеспечении единообразия правоприменительной практики принадлежит актам судебного толкования. Постановления Верховного Суда РФ, не обладая формальной нормативностью, выполняют важнейшую доктринальную функцию, выступая ориентиром для правоприменителей при интерпретации сложных юридических конструкций в повседневной правоохранительной деятельности.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что правовые основы правоохранительной деятельности представляют собой сложный многоуровневый нормативный комплекс, интегрирующий международно-правовые стандарты и национальное законодательство. Однако системный анализ выявил концептуальный пробел в российском правовом поле – отсутствие единого системообразующего акта, определяющего парадигму и параметры всей правоохранительной деятельности.

В контексте современной правовой реформы и усиления общественного контроля становится очевидной необходимость законодательной формализации концепции правоохранительной деятельности через принятие специализированного федерального закона. Проектируемый акт условной номинации «О правоохранительной деятельности в Российской Федерации» должен выполнить следующие системообразующие функции: легитимировать доктринальное определение и содержание правоохранительной деятельности; установить единые критерии отнесения органов к правоохранительной системе; закрепить координирующие механизмы межведомственного взаимодействия; институционализировать формы гражданского контроля.

Кодификация правоохранительной деятельности в рамках базового федерального закона представляет собой необходимое условие для формирования непротиворечивой правовой системы, способной эффективно реагировать на современные вызовы. Такой законодательный акт позволит преодолеть фрагментарность правового регулирования и создаст методологическую основу для формирования целостной правоохранительной системы, соответствующей конституционным принципам и международным стандартам прав человека.

Значение предлагаемого закона заключается в его системообразующей функции – он призван стать нормативным каркасом, объединяющим currently разрозненные элементы правоохранительного законодательства. В частности, закон должен: установить единые концептуальные подходы к определению правоохранительной деятельности; закрепить систему принципов и приоритетов осуществления правоохранительных функций; определить критерии отнесения государственных органов к правоохранительной системе; установить механизмы координации и взаимодействия между различными правоохранительными институтами.

Особую актуальность принимаемый закон приобретает в контексте современных вызовов, связанных с цифровизацией преступности, необходимостью защиты цифрового суверенитета и противодействия новым формам транснациональной преступности. Закон должен создать правовые основы для применения цифровых технологий в правоохранительной деятельности, одновременно обеспечивая защиту прав граждан в цифровом пространстве.

Важнейшим аспектом предлагаемого законодательного регулирования является создание эффективных механизмов общественного контроля и обеспечения прозрачности деятельности правоохранительных органов. Это соответствует как конституционным принципам открытости власти, так и международным стандартам в области прав человека. Закон должен предусматривать: формы и процедуры общественного контроля; механизмы обратной связи с гражданским обществом; стандарты информационной открытости правоохранительных органов; гарантии защиты прав граждан при осуществлении правоохранительной деятельности.

Принятие базового закона о правоохранительной деятельности позволит не только устранить существующие законодательные пробелы, но и создать основу для дальнейшего системного развития всего правоохранительного блока. Это будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью, укреплению законности и, в конечном счете – построению правового государства, отвечающего современным требованиям и вызовам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова, Н. И. Правоохранительные органы: Учебно-методическое пособие / Н. И. Крюкова, М. П. Коротенков, Т. Э. Зульфугарзаде; Под редакцией Н. И. Крюковой. – Москва : РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2014. – 101 с.
2. Коррупция: основные тенденции противодействия: Коллективная монография / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.] ; под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 196 с.
3. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025.
4. Шагиева, Р. В. Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования / Р. В. Шагиева, Б. В. Шагиев // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 2(69). – С. 166–171.

УДК 342.9

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СИСТЕМА ПРИЗНАКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Учаев Данила Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: uchaevherov@mail.ru

ESSENTIAL CHARACTERISTICS AND SYSTEM OF FEATURES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Uchaev Danila Anatolyevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье предпринята попытка деконструкции устоявшихся подходов к определению правоохранительных органов. Целью исследования является переосмысление их сущности не через простое перечисление функций, а через выявление системы взаимосвязанных и взаимообусловленных признаков, образующих их правовую матрицу. Критикуя фрагментарность существующих дефиниций, автор обосновывает необходимость выделения имплементационных и инструментальных признаков.

Ключевые слова: правоохранительные органы, сущностная характеристика, система признаков, функционально-правовой профиль, публично-правовая деятельность, имплементационные и инструментальные признаки, институциональная специфика, механизм государства, административно-правовой статус, юридическая доктрина.

This paper attempts to deconstruct established approaches to defining law enforcement. The purpose of the study is to rethink their essence not through a simple enumeration of functions, but through the identification of a system of interconnected and interconnected features that form their legal matrix. Criticizing the fragmentation of existing definitions, the author justifies the need to highlight implementation and instrumental features.

Keywords: law enforcement agencies, essential characteristics, system of features, functional and legal profile, public and legal activities, implementation and instrumental features, institutional specifics, state mechanism, administrative and legal status, legal doctrine.

В структуре современного государства правоохранительные органы представляют собой конституирующий элемент системы публичной власти, выполняющий критически важные функции в обеспечении правового порядка. Несмотря на их институциональную значимость, в отечественной юридической доктрине сохраняется дискуссионный характер определения исчерпывающего перечня таких органов [1–3]. Наиболее методологически обоснованной представляется позиция исследователей, которые через призму анализа содержания и форм правоохранительной деятельности включают в эту систему судебные инстанции, органы прокуратуры, безопасности, внутренних дел, контроля за наркотическими средствами, таможенные и миграционные службы, а также органы юстиции и предварительного расследования [4].

Несмотря на функциональную специализацию и различия в компетенции, перечисленные институты обладают комплексом системообразующих признаков, позволяющих рассматривать их как единый публично-правовой феномен. К таким признакам относятся: осуществление государственно-властных полномочий, легитимированное принуждение, обеспечение баланса интересов личности, общества и государства. Интегрирующим началом выступает общая цель – охрана права и обеспечение различных видов безопасности (государственной, общественной, личностной), что обуславливает их координационно-субординационное взаимодействие в рамках целостного институционального образования.

В системе современной государственности правоохранительные органы представляют собой структурный элемент государственного принудительного аппарата, выполняющий ключевые функции в механизме реализации власти. Данный институт осуществляет свою деятельность в строгом соответствии с нормативно-процессуальными регламентами национального и международного права, обеспечивая охрану правопорядка и опосредуя регулирование правоотношений как внутри государства, так и в международно-правовом пространстве.

Специфика правоохранительных органов проявляется в их исключительной

компетенции применять меры государственного принуждения, что отличает их от иных государственных институтов. Принимаемые ими властные предписания обладают императивным характером и подлежат безусловному исполнению всеми субъектами правовых отношений.

Институциональная роль правоохранительных структур проявляется в их многогранном участии в реализации государственной правовой политики. Они выступают в качестве:

- элемента организационно-реализационного механизма правового регулирования;
- субъекта международных правовых коммуникаций;
- института обеспечения действия правовых норм и контроля за их соблюдением.

Особое значение приобретает их функция в правоприменительном процессе, где через систему специализированных методов и процедур они обеспечивают имплементацию нормативных предписаний в социальную практику. Помимо этого, правоохранительные органы участвуют в правотворческой, интерпретационной и правопедагогической деятельности, формируя единое правовое пространство государства [5].

Государственная власть, через свои высшие органы, осуществляет непрерывный надзор за деятельностью правоохранительных структур, которые функционируют как элементы государственного аппарата. Эффективная реализация социально-правовых функций и достижение поставленных перед правоохранительными органами целей невозможны без их строгого подчинения вышестоящим инстанциям. Указания и директивы, исходящие от высших органов власти, формируют обязательную основу для организации повседневной работы и стратегического развития правоохранительных институтов. Именно такая система соподчинения обеспечивает правоохранительным органам возможность практической реализации своих общественных ролей в рамках установленного правового статуса.

Управление органами правопорядка со стороны государства необходимо для обеспечения их ресурсной базы, установления векторов развития и защиты граждан от возможных злоупотреблений властью. Нормативно-правовые акты и Конституция РФ формируют юридическую основу, определяющую компетенции высших властных структур в сфере контроля над правоохранительной системой. Это позволяет адаптировать работу силовых ведомств к текущей общественно-политической обстановке, предотвращать нарушения прав и свобод населения, а также не допускать превышения должностных полномочий представителями правоохранительных органов.

Правоохранительные органы образуют формализованную и функционально интегрированную систему государственных институтов, которые, обладая организационной автономией, определенным местом в иерархии власти и специфическим правовым статусом, реализуют комплекс задач по охране правопорядка, обеспечению различных видов безопасности (государственной, общественной, личностной) и защите правовых основ общества. Функциональное распределение между ними характеризуется дифференциацией: отдельные институты спе-

циализируются на узком круге задач, другие осуществляют полифункциональную деятельность, при этом особо значимые функции закрепляются за исключительной компетенцией специально уполномоченных органов.

Судебная система, представляющая самостоятельную ветвь власти и включающая Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции и конституционные (уставные) суды субъектов федерации, осуществляет фундаментальные функции конституционного контроля и отправления правосудия. Прокуратура как автономный государственный институт выполняет надзорные функции за соблюдением законодательства, защитой прав и свобод граждан, а также координирует антикриминальную деятельность правоохранительных структур [6].

Органы внутренних дел в структуре исполнительной власти реализуют оперативно-розыскные, следственные и административные функции. Аналогичными полномочиями в сфере оперативно-розыскной деятельности наделены органы безопасности, которые дополнительно осуществляют мониторинг угроз национальным интересам, разведывательные и контрразведывательные операции, противодействие терроризму и обеспечение информационной безопасности.

Следственный аппарат специализируется на организации уголовно-процессуальной деятельности, тогда как таможенные органы фокусируются на защите экономического суверенитета и обеспечении экономической безопасности государства.

Институциональное построение и деятельность правоохранительной системы детерминированы строгими нормативными предписаниями, закрепленными в иерархии правовых актов – от Конституции РФ до ведомственных нормативных документов. Регламентации подлежат структурная организация, компетенционный объем, кадровая политика, принципы деятельности и критерии эффективности каждого элемента системы.

Правоохранительные институты выступают инструментом реализации не только охранительных, но и конституционно-защитных функций, обеспечивая сохранность основ государственного строя и политического режима. В условиях стабильной политической системы они сохраняют функциональную нейтральность, что подтверждается законодательным запретом на политическую ангажированность их сотрудников. Однако историческая ретроспектива демонстрирует потенциал их трансформации в самостоятельных политических акторов в периоды делегитимации власти и системных кризисов, что актуализирует вопрос об эффективности механизмов обеспечения их институциональной стабильности и правовой обусловленности функционирования.

Данная концептуализация позволяет рассматривать правоохранительную систему как сложный многоуровневый институт, сочетающий специализацию элементов с интеграцией функций в рамках единого государственного механизма.

В процессе достижения своих целей и решения поставленных задач правоохранительные структуры государства активно сотрудничают с различными организациями. Взаимодействие осуществляется как с государственными учреждениями (финансовыми, нотариальными, ЗАГС, налоговыми и другими), так и с негосударственным сектором. Последний включает частные охранные и детективные агентства, адвокатские объединения, товарищеские и третейские суды, негосударственные экспертные учреждения и частных нотариусов [7].

Тактико-оперативные задачи правоохранительных органов по защите правопорядка, обеспечения национальной и общественной безопасности подвергаются постоянной оперативной конкретизации в соответствии с динамикой внешних и внутренних вызовов. Эта трансформация находит нормативное закрепление в системе стратегического планирования, прежде всего в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где выделены ключевые направления деятельности.

Современная система стратегических приоритетов включает:

1. Гарантирование защиты конституционного строя и базовых правовых ценностей;
2. Обеспечение гражданского согласия и социально-политической стабильности;
3. Противодействие террористическим, экстремистским и радикальным проявлениям;
4. Комплексное противодействие преступности и коррупционным практикам;

Особую актуальность приобретает разработка специализированных механизмов противодействия деструктивной деятельности в информационно-коммуникационной сфере, включая: нейтрализацию киберугроз и цифровых форм экстремизма; противодействие информационно-психологическим операциям; защиту цифрового суверенитета и критической информационной инфраструктуры.

Современные правоохранительные органы эволюционировали в комплексный многофункциональный институт, сочетающий силовой потенциал с развитым аппаратом стратегического планирования. Их деятельность трансформировалась от реагирования на отдельные правонарушения к системному противодействию гибридным угрозам в условиях цифровой реальности. Это обуславливает их системообразующую роль в обеспечении национальной безопасности через синтез охранительных, превентивных и стабилизационных функций, что делает их ключевым элементом в архитектуре современной государственности, способным адекватно реагировать на вызовы сложной рискогенной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы : учебник. 3-е изд., исп. и перераб. / К. Ф. Гуценко. – Москва : Кнорус, 2014. – с. 23–24
2. Коррупция: основные тенденции противодействия: Коллективная монография / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.] ; под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 196 с.
3. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025.
4. Ендольцева А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для студентов вузов / А. В. Ендольцева, О. В. Хомичева, Г. Б. Мирзоев. – Москва : Юнити-Дана, 2013. – 351 с.
5. Божьев В. П. Правоохранительные органы России : учебник для бакалавров / В. П. Божьев, Б. Я. Гаврилов. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – 381 с.
6. Ендольцева А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для студентов вузов / А. В. Ендольцева, О. В. Хомичева, Г. Б. Мирзоев. – Москва : Юнити-Дана, 2013. – 353 с.
7. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы : учебник. 3-е изд., исп. и перераб. / К. Ф. Гуценко. – Москва : Кнорус, 2014. – 436 с.

УДК 342.9

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ
И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ**

Учаев Данила Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: uchaevherov@mail.ru

**CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR LAW ENFORCEMENT:
SYSTEMATIC ANALYSIS OF PRINCIPLES AND THEIR
IMPLEMENTATION**

Uchaev Danila Anatolyevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья представляет собой комплексное исследование концептуальных оснований правоохранительной деятельности через призму системной организации ее принципов. Автор проводит декомпозицию системы принципов правоохранительной деятельности, выявляя иерархические взаимосвязи между конституционными, отраслевыми и институциональными уровнями правового регулирования. Особое внимание уделяется механизмам имплементации принципов в практическую деятельность правоохранительных органов, анализируются лакуны и коллизии в их нормативном закреплении.

Ключевые слова: концептуальные основы правоохранительной деятельности, имплементация принципов, правоохранительная доктрина, иерархия принципов, оптимизация правоохранительной деятельности.

The article is a comprehensive study of the conceptual foundations of law enforcement through the prism of the systemic organization of its principles. The author decomposes the system of principles of law enforcement, identifying hierarchical relationships between constitutional, sectoral and institutional levels of legal regulation. Particular attention is paid to the mechanisms for implementing the principles in the practical activities of law enforcement agencies, gaps and conflicts in their normative consolidation are analyzed.

Keywords: conceptual foundations of law enforcement, implementation of principles, law enforcement doctrine, hierarchy of principles, optimization of law enforcement.

Правовое регулирование организации и функционирования правоохранительных органов Российской Федерации базируется на системе основополагающих норм, определяющих их концептуальные параметры. В иерархии правового регулирования данные нормы занимают высший уровень, устанавливая стратегические ориентиры для всей системы правоохранительной деятельности.

В юридической доктрине сформировались различные подходы к пониманию правовых принципов. Согласно превалирующей позиции, принципы представляют собой фундаментальные положения, которые могут быть как нормативно закреплены в актах высшей юридической силы, так и выводиться из системного анализа правового массива. Отдельные исследователи расширительно трактуют данную категорию, включая в нее научно обоснованные положения, отражающие объективные закономерности общественного развития, даже при отсутствии их прямого нормативного закрепления [1]. Единство и системность правового регулирования в правоохранительной сфере достигаются благодаря мето-

дологической основе, которая объединяет доктринальные концепции и законодательные нормы через базовые принципы этой деятельности.

Сформулированная дефиниция позволяет определить принципы правоохранительной деятельности как систему руководящих положений, детерминирующих стратегические векторы правового регулирования в сфере обеспечения законности, правопорядка и защиты прав субъектов правовых отношений, независимо от формы их нормативного закрепления.

В рамках предложенной классификации по степени нормативной общности выделяются:

1. Универсальные принципы правоохранительной деятельности;
2. Специализированные отраслевые принципы.

Универсальные принципы представляют собой императивные методологические основания, обладающие трансотраслевым характером и определяющие парадигму всей правоохранительной системы. К их числу относятся основополагающие начала, закрепленные в Конституции РФ и международных правовых актах, такие как верховенство права, законность, уважение достоинства личности и социальная справедливость. Эти принципы выполняют системообразующую функцию, обеспечивая концептуальное единство различных направлений правоохранительной практики.

Специализированные отраслевые принципы представляют собой конкретизацию универсальных начал применительно к отдельным сегментам правоохранительной деятельности. Они обладают выраженной функциональной спецификой, отражая особенности правового регулирования в уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной и иных сферах. Например, в уголовном судопроизводстве таковыми являются принципы непосредственности исследования доказательств, свободы оценки доказательств и обеспечения подозреваемому права на защиту.

Между этими двумя уровнями существует диалектическая взаимосвязь: универсальные принципы определяют стратегические ориентиры развития, в то время как отраслевые принципы обеспечивают их операционализацию в практической деятельности. Такое многоуровневое построение системы принципов позволяет, с одной стороны, сохранять единство правоохранительной политики, а с другой – учитывать специфику различных видов правоохранительной деятельности. Дальнейшее совершенствование этой системы должно быть направлено на оптимизацию механизмов имплементации конституционных положений в отраслевое законодательство и правоприменительную практику.

Принцип верховенства права конституирован в части 2 статьи 15 Конституции РФ, устанавливающей императив соблюдения законодательства всеми субъектами правовых отношений. Данный принцип имплементирован во все сферы правового регулирования, формируя единое нормативное пространство.

Принцип процессуальной инициативы проявляется в обязанности возбуждения уголовного производства при обнаружении индикаторов преступной деятельности. Сущностной характеристикой выступает обязанность правоохранительных структур реализовывать комплекс процессуальных действий, направленных на установление объективной истины по делу, независимо от субъективного усмотрения участников процесса.

Принцип правового равенства, закрепленный статьей 19 Конституции РФ, гарантирует унифицированный подход к реализации прав и свобод человека вне зависимости от социально-демографических, политических или экономических детерминант. Нормативным выражением данного принципа выступает запрет любых форм дискриминации в правоохранительной практике.

Представленная система принципов формирует концептуальную основу для построения единого правового пространства правоохранительной деятельности, обеспечивая баланс публичных и частных интересов в процессе реализации охранительной функции государства.

Принцип защиты личной свободы и приватности базируется на конституционных положениях (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ), гарантирующих неприкосновенность личности, жилища и частной коммуникации. В правоприменительной практике это выражается в судебном характере санкционирования ограничительных мер, допустимых исключительно при установлении процессуальных оснований для предотвращения противодействия следствию.

Принцип обеспечения права на защиту устанавливает процессуальный паритет между обвинением и защитой. Уголовно-процессуальное законодательство гарантирует обвиняемому комплекс правовых возможностей для опровержения предъявленных обвинений, включая самостоятельную защиту и профессиональную юридическую помощь (ст. 17, 45 Конституции РФ).

Принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ) формирует методологическую основу доказывания в уголовном процессе [2]. Его нормативное содержание включает:

- освобождение обвиняемого от обязанности доказывания невиновности;
- императив официального подтверждения вины в судебном порядке;
- обязательность толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого.

Указанные принципы образуют системные гарантии соблюдения прав личности в рамках правоохранительной деятельности, обеспечивая баланс между интересами государства и защитой гражданских свобод.

Языковая доступность в работе государственных силовых структур. Данная концепция подразумевает возможность любого человека направлять запросы в органы охраны правопорядка для отстаивания собственных интересов и прав, используя тот язык, на котором он говорит – будь то его национальный язык или иной, которым он свободно владеет. Со своей стороны, силовые ведомства обязаны рассматривать такие обращения независимо от того, на каком языке они составлены, и не могут использовать языковой барьер как основание для отклонения заявления. Данное положение вытекает из конституционных норм – статья 26, часть вторая Конституции РФ гарантирует, что любой человек располагает правом применять свой родной язык и самостоятельно определять, на каком языке вести коммуникацию [3].

Конституционный принцип информационной открытости (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) гарантирует доступ граждан к документам, непосредственно затрагивающим их права. Этот принцип трансформируется в правоохранительной практике в требование прозрачности процессуальных действий при сохранении охраняемой законом тайны.

Институт общественного участия реализуется через многоуровневую систему вовлечения граждан:

- отправление правосудия (присяжные и народные заседатели);
- общественное обвинение и защита;
- участие в оперативно-розыскных мероприятиях (ст. 17 Закона «Об ОРД»).

Принцип гуманизма проявляется в дифференцированном подходе при избрании мер пресечения, требующем учета личности обвиняемого, его семейного положения и состояния здоровья (ст. 91, 98 УПК РФ). Данный принцип служит основой для презумпции невиновности и реализации права на защиту.

Демократическая природа правоохранительной системы выражается в ее ориентации на защиту интересов общества через механизмы:

- независимости судебной власти;
- народного представительства в отпадвлении правосудия;
- верховенства закона как выражения народной воли.

Справедливость интегрирует различные аспекты правоохранительной деятельности через:

- независимость судебной власти;
- презумпцию невиновности;
- обеспечение состязательности процесса.

Данный принцип синтезирует гуманистические и демократические начала, проявляясь в требованиях публичности, равенства перед законом и использования национального языка в судопроизводстве [4]. Императив обязательности возбуждения уголовного дела при обнаружении признаков преступления представляет собой не только выражение принципа публичности, но и форму социальной справедливости по отношению к потерпевшим и обществу в целом.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что система общих принципов правоохранительной деятельности представляет собой не статичный нормативный каркас, а динамическую доктринальную основу, обладающую значительным эвристическим потенциалом. Действительно, системная природа общих принципов закономерно предполагает их последующую конкретизацию через установление и имплементацию отраслевых, специализированных принципов в различных сферах правоохранительной деятельности, что находит свое последовательное воплощение в действующем законодательстве.

Таким образом, системообразующая роль общих принципов проявляется не только в их нормативном закреплении, но и в способности генерировать специализированные правовые регуляторы, обеспечивающие единство и внутреннюю согласованность всей правоохранительной системы в условиях ее постоянной эволюции и усложнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков А. В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России : монография. – Москва : Юстицинформ, 2015. – 188 с.
2. Коррупция: основные тенденции противодействия : монография / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.] ; под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 196 с.

3. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025.
4. Ендольцева А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. В. Ендольцева, О. В. Химичева, Г. Б. Мирзоев. – Москва : Юнити-Дана, 2013. – 325 с.

УДК 342.56

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Фиров Дмитрий Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802408@ruc.su

JUDICIAL POWER AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Firov Dmitry Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена вопросам законодательной регламентации и практике внедрения цифровых технологий в деятельности органов судебной власти при отправлении ими правосудия. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современное государство немыслимо вне концепции «цифрового государства» и судебная власть, как одна из ключевых ветвей государственной власти, не может оставаться в стороне от этих процессов.

В рамках данной статьи автором, помимо анализа вопросов электронного правосудия, также исследуются проблемы возникающие в этой области и пути их решения.

Ключевые слова: цифровизация, судебная власть, суды, доступность правосудия, информационные технологии.

The article is devoted to the issues of legislative regulation and the practice of introducing digital technologies in the activities of judicial authorities in the administration of justice. The relevance of the research topic is due to the fact that a modern state is unthinkable outside the concept of a «digital state» and the judiciary, as one of the key branches of government, cannot remain aloof from these processes. In this article, the author, in addition to analyzing the issues of electronic justice, also explores the problems that arise in this area and ways to solve them.

Keywords: digitalization, judicial power, courts, accessibility of justice, information technology.

В настоящий период времени мир сложно представить без цифровых технологий, которые проникают во все сферы жизни. Не обошли стороной достижения в информационной сфере право и судебную систему. Цифровизация юридической деятельности и органов правосудия представляет собой объективную необходимость, основной направленностью которой выступает повышение эффективности, прозрачности и доступности правовых и процессуальных институтов посредством внедрения информационных технологий и достижений науки и техники в деятельность органов государственной власти, судебной ветви власти в частности.

В настоящее время технический прогресс, проникая во все сферы жизнедеятельности человека, оказывает огромное влияние на процессуальные отрасли права, поскольку данные отрасли, характеризующиеся императивным началом, направлены на защиту публичных и частных интересов. Это подразумевает, что в процессуальных отраслях права и судебной деятельности в целом появляются и

активно применяются такие понятия, как: заседания в онлайн режиме, электронный документооборот, аудиопотоколирование, автоматизированная система, цифровые доказательства и другие. Все это важно с точки зрения соответствия судебной власти современным реалиям. Рассмотрим более подробно процесс и особенности внедрения цифровых технологий в судебную ветвь власти.

В первую очередь обратимся к такому термину, как «электронное правосудие». Данное понятие согласно Приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 подразумевает под собой способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [1].

Так, А. А. Фомин в своей научной статье предлагается обращаться к более широкому понятию электронного правосудия, а именно: «Как основанных на применении информационно-коммуникационных технологий способов организации и функционирования судебной деятельности во всех ее проявлениях (имеются в виду организационная структура и количество судов, судопроизводство и виртуальные судебные процедуры, судебное делопроизводство и межведомственный документооборот, администрирование деятельности судов и обеспечение доступа граждан к правосудию)» [2].

Под электронным правосудием представляется логичным понимать и как сам процесс перехода в сферу информационных технологий определенного круга процессуальных действий суда и участников процесса, а также механизм организационно-технического обеспечения деятельности и функционирования судебных органов.

Для цифровизации деятельность системы арбитражных судов была разработана информационная система, именуемая «Картотека арбитражных дел» (ИС КАД). Данная система позволяет любому лицу ознакомиться с карточкой того или иного дела, находящегося в производстве суда, согласно рассмотрению, его в порядке инстанционности, увидеть, какие процессуальные действия совершали участники спора, какие процессуальные акты были вынесены судом на какое число назначено следующее судебное заседание.

Более того, данная система при наличии подтвержденных документами полномочий (доверенность, паспорт) предоставляет возможность ознакомиться подробно со всеми материалами дела, включая исковое, поступившие от сторон ходатайства, заключение эксперта, позиции третьих лиц и другое. Такая функция может быть активирована стороной по делу или иным участником конкретного спора при подаче ходатайства об ознакомлении с материалами дела в электронном формате. Это стало возможным применять на практике, поскольку электронный документооборот, реализуемый в судах, предполагает, что поступившие от участников спора документы подлежат переводу в электронный вид.

Данная деятельность (подача документов в электронном виде) осуществляется на сайте <https://my.arbitr.ru/> при авторизации пользователя через личный кабинет на сайте Госуслуги.

Безусловно, говорить о полноценной замене личному ознакомлению с материалами дела ознакомлению в электронном формате все-таки на сегодняшний день

не приходится, поскольку зачастую в материалах дела имеются документы, фото-, видео-, аудиоматериалы, которые приобщаются к материалам дела на CD-носителях, флеш-накопителях, которые не переносятся в электронное дело.

Положительными характеристиками работы данной системы можем отметить следующие: обновление вносимой в систему информации происходит практически моментально, а внесение каких-либо правок или изменений в материалы дела находится в компетенции авторизованных субъектов, что не позволяет несанкционированно изменять материалы дела. Для отслеживания хода дела, появления новых процессуальных актов или документов, поданных лицом, участвующим в деле, каждый может оформить подписку на данное дело и получать уведомления об обновлениях в картотеке арбитражных дел.

Считаем, что данная система оправдывает все ожидания от работы арбитражных судов в вопросе цифровизации деятельности судов.

Для автоматизации и цифровизации деятельности работников суда применению подлежит система, именуемая программный комплекс «Судебно-арбитражное делопроизводство» (ПК САД). Данный комплекс состоит из следующих подсистем: «Судопроизводство», «Судебная статистика», «Делопроизводство». С ее помощью можно распределить судебные дела, создать тексты процессуальных документов, опубликовать их, вести журналы учета корреспонденции, вести отчетность.

Что касается системы судов общей юрисдикции и работы мировых судей, то в рамках их деятельности функционирует система ГАС «Правосудие», которая также предусматривает возможность подачи искового заявления, различного вида жалоб, ходатайств, заявлений.

Однако, отметим существенную разницу в работе двух данных систем. Если в рамках гражданского дела участник процесса подаст ходатайство об ознакомлении с материалами дела, ознакомление будет проходить только в очном формате. Это обусловлено тем, что в судах общей юрисдикции (в частности, в районных судах) Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» [3] не предусматривается обязанность сканирование всех поступающих документов непроцессуального характера с прикреплением электронных образов документов к регистрационным карточкам, чего не скажешь про организацию делопроизводства в арбитражных судах, когда такая обязанность прямо предусмотрена Постановлением Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» [4]. Следовательно, в рамках гражданского, уголовного судопроизводства участники не смогут ознакомиться в удаленном формате с материалами дела.

Более того, отметим еще одну особенность. Ведение бумажного документооборота, несмотря на активное ведение электронного документооборота, никто не отменял. При этом сотрудники судов в век широкого развития информационных технологий выполняют двойную работу. Это заключается в том, что в судах общей юрисдикции повестки для участия в судебном заседании участникам направляются почтовым направлением, при этом информация размещается в

карточке дела на официальном сайте суда в сети Интернет, при наличии возможности уведомлять о первом и последующих заседаниях посредством направления телефонограммы или телеграммы, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, что предусмотрено ст. 113 Гражданского процессуального кодекса РФ [5] и ст. 96 Кодекса административного судопроизводства РФ [6].

В системе арбитражных судов законодатель закрепил следующий механизм: первоначальное извещение (совместно с определением о принятии искового заявления к производству суда) участника о возбуждении производства по делу и дате судебного заседания. В таком определении суды обычно указывают следующее «Информацию о движении дела, включая сведения об объявленных перерывах, о времени и месте рассмотрения дела, можно получить на официальном сайте Арбитражного суда Краснодарского края <http://krasnodar.arbitr.ru/>».

Так, в соответствии с п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, если ко дню принятия решения суд располагает доказательствами вручения им соответствующих копий, направленных заказным письмом с уведомлением о вручении [7].

Данную проблему представляется возможным разрешить при постепенном отказе от ведения стандартного документооборота и введения электронного. Считаем, что первым шагом на пути к этому можно обозначить отказ направления извещений или судебных актов в печатном виде почтовыми направлениями участникам процесса, поскольку в Российской Федерации функционирует специальный сервис «Госпочта». Данные нововведения могут способствовать уменьшению расходной части по статье доставка писем, а также сокращению сроков судопроизводства.

Сущность работы данного сервиса заключается в том, что он позволяет обеспечить пересылку заказных писем в электронном виде, то есть адресаты, даже в случае временной или постоянной смены места пребывания или жительства смогут получать доступные для скачивания письма в электронном формате, которые будут иметь юридическую силу [8].

Безусловно, внедрение современных информационных систем в работу судов кардинально оптимизирует судопроизводство. Автоматизация рутинных операций на всех стадиях процесса ведет к значительной экономии временных и материальных ресурсов. Одновременно технологии гарантируют прозрачность, предоставляя сторонам дела оперативный доступ к информации о ходе заседаний и вынесенных решениях, а также налаживая эффективную коммуникацию между участниками процесса и судом. Ключевым вектором развития для российской судебной системы является поэтапный переход на полностью цифровое делопроизводство, при котором все материалы дела формируются в электронном виде, что в будущем создаст основу для комплексных электронных архивов.

Дополнительно в рамках настоящего научного исследования отметим внедрение цифровых технологий в процедуру распределения судебной нагрузки, которая активно применяется в арбитражных судах. Как отмечает

М. М. Панарина: «Управление судебной нагрузкой – это процесс эффективного распределения рабочего времени, являющийся частью деятельности суда» [9]. Данный процесс подразумевает, что после регистрации система автоматически выбирает судебную коллегия, судебный состав и судью по необходимой специализации, исходя из принципа равномерного распределения судебной нагрузки при учете сложности дела. В данном случае процесс цифровизации дает возможность повлиять в положительном ключе на снижение нагрузки аппарата суда и ускорение судопроизводства в целом.

Отметим также, что, на наш взгляд, наиболее «ярким» проявлением процесса взаимодействия цифровых технологий и судебной власти выступает внедрение в судебную систему возможности принимать участие в онлайн заседаниях. Одним из катализаторов для внедрения такого института выступил период времени, когда в 2020 году вводились новые меры в связи с ковидными ограничениями. Далее после их отмены нормы материального и процессуального законодательства стали быстрее развиваться и развиваются в настоящее время «в ногу» с развитием информационных технологий в данной сфере. Однако, поскольку данный институт – это достаточно обширная тема, выступающая в качестве достаточной в рамках самостоятельного научного исследования и индивидуальной научной статьи, поэтому отметим в целом, что институт онлайн заседаний – это совокупность процессуальных норм, посредством которых регламентируется дистанционное участие в судебном заседании участника процесса посредством применения технических средств, реализуемое виде видео-конференц-связь и веб-конференции.

Таким образом, приходим к выводу, что Россия только-только встала на путь создания электронного правосудия, однако важность этого движения сложно преувеличить. Цифровая трансформация судов призвана сломать бюрократические барьеры и значительно сократить время, которое граждане тратят на защиту своих прав и законных интересов. В результате защита в суде становится не только быстрее и дешевле, но и доступнее для каждого. Одновременно цифровизация делает работу судебной власти более открытой, предоставляя гражданскому обществу эффективные инструменты для наблюдения за ее деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420324231?marker=6560IO>
2. Фомин А. А. Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России // Администратор суда. – № 3. – 2024. – С. 2.
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 01.09.2025) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ : в ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ : в ред. от 07.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1392.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

8. Заказные письма СФР теперь можно получать в электронном виде // Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/news/1661313/>

9. Панарина М. М. Управление судебной нагрузкой как необходимая мера в организации деятельности судов // Адвокатская практика. – № 2. – 2024. – С. 1.

УДК 34.096

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН В ПРОЕКТАХ САМООБЛОЖЕНИЯ И ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

Фролов Максим Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808613@ruc.su

LEGAL BASIS FOR FINANCIAL ACTIVITIES OF CITIZENS IN SELF-TAXATION AND PARTICIPATORY BUDGETING PROJECTS

Frolov Maxim Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В центре внимания исследования – правовая природа финансовой деятельности граждан, которая реализуется на стыке публичных и частных интересов в рамках самообложения и инициативного бюджетирования. Анализируется, как современное законодательство конструирует правомочия физических лиц по прямому влиянию на распределение бюджетных средств и привлечению собственных финансовых ресурсов для решения вопросов местного значения. Делается вывод о становлении уникальной модели «гражданина-создателя бюджета», чья финансовая активность получает легитимное правовое оформление.

Ключевые слова: самообложение, инициативное бюджетирование, государство, правительство, закон.

The focus of the study is the legal nature of the financial activities of citizens, which is implemented at the intersection of public and private interests within the framework of self-taxation and initiative budgeting. It analyzes how modern legislation constructs the powers of individuals by direct influence on the distribution of budgetary funds and attracting their own financial resources to resolve issues of local importance. A conclusion is made about the formation of a unique model of a "citizen-creator of the budget," whose financial activity receives legitimate legal registration.

Keywords: self-taxation, participatory budgeting projects, state, government, law.

Современная парадигма развития российской государственности актуализирует запрос на расширение участия граждан в управленческих процессах, что находит практическое воплощение на уровне муниципалитетов. Ключевым проявлением этой тенденции выступает право населения напрямую влиять на целесообразность и направленность расходования локальных финансовых ресурсов, что имеет высокую социальную значимость для жителей. Правовой базой для данной практики послужило принятие Федерального закона № 131-ФЗ, который легитимизировал механизмы инициативного бюджетирования и самообложения [1].

В рамках законодательства самообложение трактуется как единовременные взносы физических лиц, целью которых является решение конкретных задач, направленных на улучшение инфраструктуры и условий жизни в границах муниципального образования. Примечательно, что сумма такого сбора является фиксированной и единой для всех проживающих на данной территории, за исключением законодательно установленной льготной категории, чья численность не может превышать 30 % от общего числа жителей и для которой допустимо снижение размера платежа.

Правовой механизм самообложения граждан может быть запущен исключительно по итогам прямого волеизъявления населения – через местный референдум или сход. Несмотря на существующую правовую основу, данный институт на протяжении длительного времени оставался малоиспользуемым в большинстве регионов России. К примеру, на территории Республики Мордовия самообложение граждан получило мощный импульс развития после принятия постановления Правительства Республики Мордовия от 16.10.2017 г. № 558. Так за период с 2018 по 2024 г. размер средств, поступивших в бюджеты муниципальных образований вырос в 95 раз, с 330,1 тыс. рублей в 2018 г. до 31 429,6 тыс. рублей в 2024 г. Во многих субъектах России самообложение граждан дополнительно софинансируется из региональных бюджетов. На территории Республики Мордовия размер софинансирования равен 1 рубль граждан к 4 рублям, выделяемым из республиканского бюджета Республики Мордовия [2].

Средства, мобилизованные в порядке самообложения, имеют строго целевой характер и подлежат направлению исключительно на цели, предварительно утвержденные в ходе схода или референдума граждан. Правовая регламентация вопросов, по которым допустимо проведение подобных сборов, установлена федеральным законодательством, в частности, законом от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Наиболее распространенной сферой применения данного финансового инструмента выступает благоустройство территорий муниципальных образований.

Вместе с тем, институт самообложения сопряжен с рядом проблемных аспектов. Как отмечает Н. В. Васильева, ввиду высокой ресурсоемкости и сложности процедуры инициирования, более целесообразным представляется делегирование права установления подобных платежей представительным органам муниципальной власти [3, с. 127]. Дополнительную дискуссию вызывает регламентация механизма внесения платежей и контроля за их целевым использованием. При этом прозрачность расходования мобилизованных финансовых ресурсов выступает ключевым фактором, детерминирующим уровень общественного доверия к данному институту.

Важнейшим инструментом вовлечения населения в решение вопросов местного значения является инициативное бюджетирование, представляющее собой форму партиципаторного управления распределением части бюджетных ассигнований. Легитимация данного термина в российской практике связана с круглым столом «Гражданские инициативы и вовлеченность граждан в открытый бюджет», организованным Министерством финансов РФ. Несмотря на относи-

тельно невысокий удельный вес расходов на проекты инициативного бюджетирования в структуре региональных и местных бюджетов, их социально-политическая значимость существенна, поскольку они выполняют функцию катализатора гражданской активности на муниципальном уровне.

Реализация практик инициативного бюджетирования и непосредственное функционирование можно охарактеризовать устойчивой динамикой в совокупности с изменениями в области реализации участия граждан в бюджетном процессе. На сегодняшний день в 82 субъектах Российской Федерации инициативное бюджетирование регламентируется более чем 120 нормативно правовыми актами, подавляющее большинство из которых являются госпрограммами [4, с. 216].

Рисунок 1 – Динамика количества практик с 2015 года по 2023 год

Начиная с 2015 года общее число инициативных практик растет. С 31 в 2015 г. до 548 в 2023 года (рис. 1). Из указанного графика следует, что региональные и местные власти заинтересованы в развитии практик инициативного бюджетирования. Необходимо отметить, что наиболее популярными моделями инициативного бюджетирования можно отнести решения на базе бюджетных комиссий граждан, различных цифровых решений, а также школьных инициативных бюджетирований.

В качестве источника финансирования для инициативного бюджетирования служат бюджетные ассигнования из бюджетов субъектов, а также средства из бюджетов муниципальных образований. При этом жители муниципального образования также могут оказать финансовую поддержку тем или иным проектам инициативного бюджетирования. Так в 2024 г. объем средств, поступивших в консолидированные бюджеты субъектов, составил – 1 932 млн. рублей, рост по сравнению с 2021 годом в 2,1 раза.

Необходимо констатировать, что процесс имплементации института инициативного бюджетирования сопряжен с рядом системных ограничений. Ключевой проблемой выступает нестабильность бюджетного финансирования, обусловленная циклическими колебаниями экономической конъюнктуры, что порождает риски бюджетной несбалансированности. Параллельно существует проблема ресурсной недостаточности, когда заложенных бюджетных ассигнований

всех уровней оказывается недостаточно в условиях роста сметной стоимости проектов. Существенным правовым дефектом является отсутствие единого федерального законодательного акта, регламентирующего данную сферу, что приводит к фрагментарности правового поля и формированию разнородных региональных и муниципальных нормативных моделей.

За двадцатидвухлетний период действия ФЗ № 131-ФЗ анализируемые механизмы прошли значительную эволюцию – от стадии первичного внедрения до конституирования в качестве полноценных элементов финансовой системы муниципалитетов. В современных условиях самообложение трансформировалось в эффективный инструмент прямой демократии, позволяющий населению непосредственно влиять на решение вопросов локального значения. Дополнительным катализатором развития выступает распространенная практика бюджетного софинансирования со стороны субъектов Федерации, существенно расширяющая ресурсные возможности муниципальных образований. Перспективы развития связаны с дальнейшей оптимизацией административных процедур и диверсификацией перечня вопросов, подлежащих решению с помощью данного финансового инструмента.

Инициативное бюджетирование развивается уже более 15 лет и на сегодняшний период стал самой популярной формой участия граждан в решении вопросов местного значения. Несмотря на установлении основных параметров свойственных инициативному бюджетированию, по мнению О. В. Мошненко, присутствует некоторая «правовая неопределенность» в части реализации механизма инициативного бюджетирования, в связи с отсутствием на федеральном уровне закрепленного понятия «инициативное бюджетирование» [5, с. 23].

Таким образом, наряду с финансово-управленческой составляющей, самообложение и инициативное бюджетирование выполняют глубокую социально-политическую функцию. Если на локальном уровне мотивация граждан определяется не юридическими конструкциями, а прагматичными соображениями общественной пользы и целесообразности, то на общегосударственном уровне именно нормативное закрепление базовых понятий и принципов формирует унифицированное правовое поле. Это создает четкие и транспарентные правила для всех участников процессов, что является практической реализацией конституционного принципа открытости бюджетной системы и способствует легитимации самих этих институтов в глазах общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 24.04.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
2. Постановление Правительства Республики Мордовия от 16 октября 2017 г. № 558 «Об утверждении Правил предоставления из республиканского бюджета Республики Мордовия и Методики распределения иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований в Республике Мордовия на решение вопросов местного значения, осуществляемое с привлечением средств самообложения граждан» // Известия Мордовии. – 2017. – № 42. – С. 8–14.
3. Васильева, Н. В. Публичные доходы в Российской Федерации: финансово-правовой аспект: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. – Москва : НОРМА, 2017. – 304 с.

4. Куцури, Г. Н. Развитие моделей инициативного бюджетирования в Российской Федерации / Г. Н. Куцури, А. А. Харламова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 11-2. – С. 216–221.

5. Мошненко, О. В. Критерии отбора инициативных проектов и их влияние на достижение целей и задач инициативного бюджетирования в Российской Федерации / О. В. Мошненко // Финансовое право. – 2022. – № 5. – С. 23–26.

УДК 34

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ОЦЕНКА РИСКОВ В ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ

Чавкин Булат Дамирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Buli5@mail.ru

RESPONSIBILITY AND RISK ASSESSMENT IN FINANCIAL CONTROL

Chavkin Bulat Damirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена оценке рисков аудита по несоблюдению нормативно-правовых актов бухгалтерского учета, налогообложения, трудового, административного и гражданского законодательства. Аудитор обязан снизить указанные риски путем увеличения объема аудиторских выборок по документам и учетным операциям компании, применяя более расширенные аудиторские процедуры, которые отражаются на сроках проверки, увеличивая их продолжительность. Существенные правонарушения могут быть квалифицированы как уход от уплаты налогов в особо крупных размерах. Это уголовная ответственность ключевых лиц компании.

Если в ходе проверки аудитору станут известны факты нарушения Закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ, в части отмывания доходов, полученных преступным путем, то проверяющие обязаны сообщить об этом в соответствующие органы.

Ключевые слова: анализ, риски аудита, ответственность, международные стандарты аудита, принцип независимости, финансовый контроль, бухгалтерская отчетность, аудиторское заключение.

The article assesses audit risks related to non-compliance with regulatory acts in accounting, taxation, as well as labor, administrative, and civil legislation. The auditor is obliged to mitigate these risks by increasing the volume of audit samples of company documents and accounting operation, applying more extensive audit procedures. These measures impact the audit timeline, leading to an increasing duration of the engagement. Material violations may be classified as large-scale tax evasion, which entails criminal liability for the company's key personalities.

Furthermore, if during the audit the auditor becomes aware of facts indicating violations of Federal Law No. 115-FZ dated August 7, 2001, concerning the laundering of illegally obtained funds, the auditors are obligated to report this to the relevant authorities.

Keywords: analysis, audit risks, responsibility, International Standards on Auditing, principle of independence, financial control, accounting records, audit report.

Аудит, как форма финансового контроля, представляет собой форму независимой проверки финансовой отчетности организации, осуществляемой квалифицированными специалистами – аудиторами. Его основная цель заключается в оценке соответствия бухгалтерской документации установленным стандартам учета и требованиям законодательства, а также предоставлении объективного мнения, относительно достоверности представленной финансовой информации.

Процесс проведения аудита включает несколько ключевых этапов, обеспечивающих всестороннее изучение финансово-хозяйственной деятельности проверяемого объекта.

В рамках аудиторской проверки, компании получают официальные запросы, на которые обязаны ответить. Независимо от того, какой проводится аудит – обязательный или инициативный, на количество и состав запросов о предоставлении информации это не влияет. Если аудиторская фирма оказывает компании, сопутствующие аудиту услуги, то состав и количество запросов будут зависеть от вида услуги. Например, при выполнении согласованных процедур, где не выражается мнение аудитора о достоверности отчетности в целом, запросы будут только в части тех вопросов, в отношении которых проводятся процедуры.

Оформление ответа на запрос аудитора осуществляется на фирменном бланке, с печатью и подписью лица, отвечающего за корпоративное управление компанией, или генерального директора, если он единственный участник (учредитель) компании. В соответствии с требованиями международных стандартов аудита и Законом об аудиторской деятельности, от 30.12.2008 № 307-ФЗ, отказ от ответа ухудшит аудиторское заключение [1].

Таким образом, аудируемому лицу следует понимать, что если не предоставить ответы аудиторам или дать формальные отписки, либо заведомо ложную информацию, то аудиторы расценят данный факт как наличие высоких рисков по несоблюдению нормативно-правовых актов по бухгалтерскому учету, налогообложению, трудовому, гражданскому законодательству. Кроме того, они посчитают это индикатором высоких рисков по совершению недобросовестных действий (мошенничества) сотрудниками и ответственными лицами проверяемой компании. В этом случае, согласно МСА (ISA) 330 аудитор обязан «... снизить указанные риски путем увеличения объема аудиторских выборок по документам и учетным операциям компании, применения более расширенных аудиторских процедур проверки» [2]. Эти меры увеличат сроки проверки и, как правило, стоимость аудиторских услуг.

В случае если в ответах компании аудитор заметит формальные отписки, несоответствие указанной информации действительности, то по результатам расширенных аудиторских процедур и объема выборки по детальной проверке учета, бизнес-процессов компании, уставных документов, договоров и прочих документов аудитор может прийти к выводу об умышленном искажении бухгалтерской (финансовой) отчетности с целью финансового обогащения третьих лиц или неуплаты налогов, что является основанием для выдачи отрицательного аудиторского заключения [3–4].

Если же в ходе такой проверки аудитору станут известны факты нарушения Закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ, в части отмыывания доходов, полученных преступным путем, то проверяющие обязаны сообщить об этом в соответствующие органы [5]. Помимо вышеуказанных негативных последствий для компании, действуют требования, согласно которым аудиторы обязаны сообщать по запросу из УФНС или ИФНС любую информацию об аудируемом лице, предоставлять его документы и сообщать сведения о налоговых правонарушениях [6]. Необходимо отметить, что существенные правонарушения могут быть квалифи-

цированы как уход от уплаты налогов в особо крупных размерах. Это уже уголовная ответственность ключевых лиц компании, которая предусматривает лишение свободы до трех лет.

Необходимо отметить, что отдельного вида ответственности за уклонение от обязательного аудита нет. Однако если коммерческая компания обязана сдать бухгалтерскую отчетность вместе с аудиторским заключением в Государственный информационный ресурс бухгалтерской отчетности, но этого не сделала, компанию накажут штрафом, который составит:

- для организации – от 3000 до 5000 руб.;
- для должностного лица – от 300 до 500 руб.

Это предусмотрено статьей 19.7 КоАП [3].

Если отчетность вместе с аудиторским заключением не сдается в Государственный информационный ресурс бухгалтерской отчетности, но подается отдельно в ИФНС, то за несдачу заключения в ФНС полагается ответственность в виде штрафа в размере 200 руб. за каждый документ (ст. 126 НК) [7]. Дополнительно должностных лиц компании оштрафуют в размере от 300 до 500 руб. (ч. 1 ст. 15.6 КоАП) [3].

В том случае, когда организация не провела обязательный аудит и у нее нет аудиторского заключения, это может быть квалифицировано судом как грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету и отчетности. Штрафы предусмотрены статьей 15.11 КоАП (3). Сумма штрафа для должностных лиц – от 5000 до 10 000 руб., при повторном нарушении – до 20 000 руб. или дисквалификация от года до двух лет.

Особая ответственность предусмотрена для компаний, которые не являются акционерными обществами, обществами с ограниченной ответственностью, не относятся к НФО, не торгуют на рынке ценных бумаг. Если профессиональные участники рынка ценных бумаг, Негосударственный Пенсионный фонд, инвестиционные фонды не опубликовали свою бухгалтерскую отчетность вместе с аудиторским заключением и не представили аудиторское заключение акционерам, оштрафуют в соответствии с частью 1 статьи 15.19 и частью 2 статьи 15.23.1 КоАП. «Сумма штрафа составит:

- для организаций – от 500 000 до 700 000 руб.;
- для должностных лиц – от 20 000 до 30 000 руб. или дисквалификация до одного года» [3].

Для строительных компаний – застройщиков предусмотрена отдельная ответственность за сдачу ее в неполном составе или недостоверном виде, то есть без аудиторского заключения. Должностных лиц оштрафуют «...в размере от 5000 до 15 000 руб., а компанию-застройщика – от 200 000 до 400 000 руб» [3], (п. 2 ст. 14.28 КоАП).

Субъектам малого и среднего предпринимательства инспекторы могут заменить штраф на предупреждение, если:

- нарушение совершили впервые;
- нет материального ущерба;
- нет угрозы возникновения природных или техногенных чрезвычайных ситуаций;

- нет вреда или угрозы жизни и здоровью людей, животным и растительности, окружающей среде, памятникам истории и культуры, безопасности России.

При проверке аудиторы могут выявить, что компания проводит операции и совершает сделки, целью которых может быть легализация преступных доходов или финансирование терроризма. Если у аудиторов возникают такие подозрения, они обязаны сообщить об этом в Федеральную службу по финансовому мониторингу. Это предусмотрено пунктом 2.1 статьи 7.1 Закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ [5], пунктом 3.2 части 2 статьи 13 Закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ [1], пунктом 4 Правил, утвержденных постановлением Правительства от 11.02.2025 № 131 [8].

Федеральной службой по финансовому мониторингу даны методические рекомендации для аудиторов, на основе которых определяются подозрительные операции. Оценивать сделки аудиторы могут по перечню рисков, указанных в данных рекомендациях. Например, операция вызовет подозрение, если:

- компания неоднократно меняла организационно-правовую форму;
- число сотрудников или организационная структура компании не соответствуют размерам или характеру деятельности. К примеру, большой оборот при незначительном количестве работников и объеме активов;
- компания совершала значительные трансграничные переводы денег без коммерческого обоснования или большое количество операций с наличными средствами.

Таким образом, отчетность аудитора должна основываться исключительно на фактах и доказательствах, полученных в ходе проверки. Его ответственность заключается не только в соблюдении формальных требований стандартов МСА, но также в обеспечении качественной оценки финансового состояния компании и своевременном выявлении нарушений, способных подорвать финансовый контроль и нанести ущерб интересам пользователей бухгалтерской отчетности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изменениями и дополнениями) от 30 декабря 2008 г. – URL: <https://base.garant.ru/12164283/>
2. Приказ Минфина России № 192н Международный стандарт аудита (МСА) 330 «Аудиторские процедуры в ответ на оцененные риски» от 24.10.2016 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями) – URL: <https://base.garant.ru/12125267/>
4. Приказ Минфина России № 207н Международный стандарт аудита (МСА) 705 (пересмотренный) «Модифицированное мнение в аудиторском заключении» от 09.11.2016 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
5. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изменениями и дополнениями) от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ. – URL: <https://base.garant.ru/12123862/>
6. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/71999912/>
7. Налоговый Кодекс РФ. – URL: <https://base.garant.ru/10900200/>
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 131 «Об утверждении Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу...». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498732/

УДК 347.73

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ АУДИТОРА В ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ

Чавкин Булат Дамирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Buli5@mail.ru

THE PRINCIPLE OF AUDITOR INDEPENDENCE IN FINANCIAL CONTROL

Chavkin Bulat Damirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу нормативно-правовой базы аудита, как средства финансового контроля. Закон об аудиторской деятельности уточнен поправкой о независимости аудитора.

На основе обобщенных нормативных материалов сделан вывод о том, что принцип независимости является одним из основополагающих условий профессиональной деятельности аудиторов. Однако, действие принципа независимости требует постоянного совершенствования методов оценки потенциальных конфликтов интересов, повышения прозрачности процедур назначения и финансирования аудиторских проверок.

Ключевые слова: анализ, аудит, ответственность, международные стандарты аудита, принцип независимости, финансовый контроль, бухгалтерская отчетность, аудиторское заключение.

The article analyzes the regulatory framework of audit as a tool of financial control. Federal Law on Auditing has been refined by an amendment concerning auditor independence.

Based on a review of regulatory materials, it is concluded that the principle of independence is one of the fundamental conditions for the professional activities of auditors. However, the effectiveness of this principle requires continuous improvement of methods for assessing potential conflicts of interest and enhancing the transparency of procedures for appointing auditors and financing audit engagements.

Keywords: analysis, audit, responsibility, International Standards on Auditing, principle of independence, financial control, financial statements, audit report.

Аудит представляет собой форму финансового контроля, направленную на проверку бухгалтерской отчетности компаний, организаций или предприятий. Основная цель аудита заключается в оценке достоверности финансовой информации, выявления нарушений бухгалтерского учета и налоговых обязательств, а также обозначение слабых мест и рисков в управлении финансовыми ресурсами организации.

Существует несколько видов аудиторских проверок, каждый из которых имеет свою специфику и назначение.

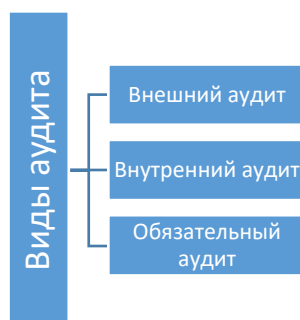

Рисунок 1 – Виды аудита

Внешний аудит проводится независимой организацией, имеющей лицензию на осуществление такой деятельности. Цель любого внешнего аудита – это выражение мнения о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности (ч. 3 ст. 1 Закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ) [1]. Основные требования аудита и цели его проведения установлены в Международных стандартах аудита: 200 «Основные принципы аудита» [2], 320 «Существенность при планировании и проведении аудита» [3], 450 «Оценка искажений, выявленных в ходе аудита» [4], 500 «Сбор доказательств в процессе аудита» [5], 700 «Формулировка аудиторского заключения» [6]. К ним, относятся правила о независимости аудитора по отношению к компании-заказчику, проверки с профессиональным скептицизмом, с получением достаточного количества надлежащих доказательств для обоснования мнения, учета принципа существенности. К примеру, его целью является подтверждение достоверности отчетных документов компании перед налоговыми органами, инвесторами или акционерами.

Внутренний аудит осуществляется специалистами самой компании. Целью внутреннего аудита является выявление внутренних проблем управления и снижение финансовых рисков путем оценки эффективности системы корпоративного управления и процессов принятия решений.

Обязательный аудит предусмотрен законом для определения категорий юридических лиц, таких, как акционерные общества открытого типа, банки, страховые компании и другие крупные предприятия.

Таким образом, аудит является важным инструментом обеспечения надежности и точности финансовой отчетности, способствующим укреплению доверия к бизнесу и улучшению качества управления компаниями и организациями.

При проверке бухгалтерской (финансовой) отчетности аудиторы принимают во внимание и руководствуются не только международными стандартами аудита, но и рекомендациями финансового ведомства. Министерство финансов Российской Федерации ежегодно выпускает в виде Письма – рекомендации аудиторам и аудиторским организациям по проверке годовой бухгалтерской отчетности организаций. Данные рекомендации касаются не только аудиторских компаний, но и аудируемых лиц – компаний, которые аудиторы проверяют.

Особое внимание в нормативной базе, касающейся финансового контроля, уделяется принципу независимости аудитора, который означает отсутствие отношений связанности, основанной на имущественной, родственной или иной зависимости аудиторской организации, аудитора от аудируемого лица (компании), его собственников, руководителей, иных должностных и других лиц (п. 1 ст. 8 Закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ) [1]. Если этот принцип не был соблюден, то выданное аудиторское заключение считается неверным. Кроме того, так нарушаются требования по контролю качества оказываемых услуг, в соответствии с Международным стандартом аудита 220 [7].

Перед тем как брать компанию на обслуживание, аудитор проверяет ее на независимость по отношению к аудиторской фирме и ее сотрудникам. В письменном виде аудиторская фирма и ее сотрудники подтверждают, что они независимы от компании – аудируемого лица. Сама компания, которую собираются аудировать, также дает письменное подтверждение о своей независимости от

аудиторской компании, кроме того, аудиторская фирма сама должна перепроверить факт независимости компании-заказчика (аудируемого лица).

Аудиторские компании, индивидуальные аудиторы и аудиторы- физлица – сотрудники аудиторских фирм обязаны соблюдать при оказании услуг по независимой аудиторской проверке отчетности компаний и сопутствующих аудиту услуг Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций. Данные документы были обновлены Саморегулируемой организацией аудиторов ассоциация Содружество (СРО ААС), одобрены Минфином и Банком России 14.03.2025[8].

Закон об аудиторской деятельности уточнен поправкой о независимости. Ужесточены требования к соблюдению принципа независимости. Если выяснится, что принцип независимости нарушается, то аудиторы откажут не только в аудите, но и в оказании сопутствующих аудиту услуг. Такую поправку внесли в статью 8 Закона об аудиторской деятельности [9].

Ввели запрет проводить не только аудит, но и оказывать сопутствующие аудиту услуги тем компаниям-заказчикам, с которыми нарушается принцип независимости у аудиторов-физических лиц, индивидуальных аудиторов и аудиторских фирм. К примеру, к сопутствующим услугам относят налоговый аудит, обзорные проверки, согласованные процедуры по проверке определенного участка учета, одной формы отчетности и т. д., а также услуги по компиляции финансовой информации. Это, как правило, трансформация Российских стандартов бухгалтерской отчетности в отчетность по Международным стандартам финансовой отчетности. Перечень случаев «зависимости» проверяющих от компаний-заказчиков дополнен: нельзя заказывать услуги у тех аудиторских фирм или индивидуальных аудиторов, у которых с заказчиком есть общие учредители, подконтрольные и должностные лица, бенефициары.

На проверку отчетности общественно значимых организаций запрещено приглашать аудиторскую фирму, если кто-то из фирмы владеет финансовыми инструментами данной ОЗО. Это касается не только должностных лиц аудиторских компаний, но и членов аудиторской группы, их родственников. Помимо этого, вводится пункт о дополнительных запретах на аудит или оказание услуг тем или иным организациям-заказчикам, если такие ограничения установлены другими законами.

Организации, которые ранее практиковали обзорные проверки или прочие проверки бухгалтерской отчетности на промежуточных этапах ее подготовки, могут лишиться широкого выбора на аудиторском рынке. Необходима всеобъемлющая проверка на независимость исполнителей – аудиторские организации и индивидуальных аудиторов - перед заключением договора.

Кроме того, перед заключением договора на аудит отчетности ОЗО следует проверить владельцев и выгодоприобретателей по финансовым инструментам данной общественно-значимой организации. Помимо этого, перед подписанием договора на аудит или сопутствующие услуги аудиторы сами проверяют себя на независимость от будущего заказчика. Соответственно, руководство организаций должно быть готово, что им может быть отказано в услугах по причине нарушения принципа независимости.

Таким образом, принцип независимости является основополагающим условием профессиональной деятельности аудиторов. Его соблюдение обеспечивает объективность и надежность аудиторских заключений, а способствует повышению доверия заинтересованных пользователей в соблюдении строго финансового контроля. В то же время, действие принципа независимости требует постоянного совершенствования методов оценки потенциальных конфликтов интересов, повышения прозрачности процедур назначения и финансирования аудиторских проверок, а также внедрения системы информирования всех участников процесса о выявленных рисках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изменениями и дополнениями) от 30 декабря 2008 г. – URL: <https://base.garant.ru/12164283/>
2. Приказ Минфина России № 192н Международный стандарт аудита (МСА) 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» от 24.10.2016. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
3. Приказ Минфина России № 192н Международный стандарт аудита (МСА) 320 «Существенность при планировании и проведении аудита» от 24.10.2016. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
4. Приказ Минфина России № 2н Международный стандарт аудита (МСА) 450 «Оценка искажений, выявленных в ходе аудита» от 09.01.2019. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
5. Приказ Минфина России № 192н Международный стандарт аудита (МСА) 500 «Аудиторские доказательства» от 24.10.2016. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
6. Приказ Минфина России № 207н Международный стандарт аудита (МСА) 700 (пересмотренный) «Формирование мнения и составление заключения о финансовой отчетности» от 09.11.2016. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
7. Приказ Минфина России № 192н Международный стандарт аудита (МСА) 220 «Контроль качества при проведении аудита финансовой отчетности» от 24.10.2016. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71765/
8. Правила независимости аудиторов и аудиторских организаций (редакция № 2) (утв. решением Правления СРО ААС от 14.03.2025, протокол № 725). – URL: <https://legalacts.ru/doc/pravila-nezavisimosti-auditorov-i-auditorskikh-organizatsii-utv-resheniem-pravlenija/>
9. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об аудиторской деятельности"» от 17.02.2023 № 31-ФЗ (последняя редакция). – URL: <https://base.garant.ru/406400033/>

УДК 342.591

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ: ВЕКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Шепелева Елена Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: uchaevherov@mail.ru

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PARADIGM OF RESPONSIBILITY IN LOCAL SELF-GOVERNMENT: VECTORS FOR IMPROVING LEGISLATIVE REGULATION

Shepeleva Elena Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию конституционно-правовой парадигмы ответственности как системообразующего элемента механизма местного самоуправления. В работе анализируются современные вызовы и противоречия в законодательном регулировании института муниципально-правовой ответственности. На основе сравнительно-правового анализа выявляются дисфункции действующего нормативного регулирования и предлагаются концептуальные подходы к их преодолению. Автор обосновывает необходимость формирования сбалансированной системы конституционно-правовых гарантий и санкций в муниципально-правовой сфере.

Ключевые слова: конституционно-правовая парадигма, муниципально-правовая ответственность, местное самоуправление, законодательное регулирование, конституционные гарантии, механизм ответственности, оптимизация законодательства.

The article is devoted to the study of the constitutional and legal paradigm of responsibility as a system-forming element of the local self-government mechanism. The work analyzes modern challenges and contradictions in the legislative regulation of the institution of municipal legal responsibility. On the basis of comparative legal analysis, dysfunctions of the current regulatory framework are identified and conceptual approaches to overcoming them are proposed. The author justifies the need to form a balanced system of constitutional and legal guarantees and sanctions in the municipal legal sphere.

Keywords: constitutional-legal paradigm, municipal-legal responsibility, local self-government, legislative regulation, constitutional guarantees, mechanism of responsibility, optimization of legislation.

Институт конституционно-правовой ответственности выполняет системообразующую функцию в механизме обеспечения правопорядка, выступая не только средством защиты от правонарушений, но и важнейшим инструментом поддержания баланса в системе публичной власти. В контексте современной российской государственности местное самоуправление представляет собой фундаментальный элемент конструкции «государственно-муниципального управления», чья функциональная предназначенность заключается в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности муниципальных образований. Однако эффективность реализации данной модели существенно нивелируется наличием системных дисфункций, среди которых центральное место занимает проблема «бюджетной обеспеченности» муниципалитетов.

Анализ современного состояния местного самоуправления позволяет выявить устойчивую тенденцию к нарастанию дисбаланса между объемом делегированных полномочий и реальными финансово-экономическими возможностями их реализации. Недостаточность собственной доходной базы, сочетающаяся с увеличением объема нефинансируемых мандатов, создает предпосылки для формирования «ловушки неэффективности», когда муниципальные образования теряют способность к качественному исполнению своих базовых функций. Как следствие, возникает комплексная проблема легитимации местной власти, проявляющаяся в

росте общественного недоверия не только к институтам местного самоуправления, но и к вертикали государственной власти в целом.

Проведенное исследование демонстрирует, что современная модель местного самоуправления в Российской Федерации требует существенной модернизации в соответствии с вызовами времени. Накопившийся комплекс проблем – от ограниченности «фискальной автономии» до недостатков в системе межбюджетных отношений – детерминирует необходимость проведения глубокого научного анализа для выявления ключевых точек роста. Особое значение приобретает исследование конституционных основ местного самоуправления, закрепленных в статьях 12 и 130–133 Конституции РФ, а также их развитие в федеральном законодательстве, включая ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Перспективным направлением совершенствования представляется разработка комплексной модели оптимизации конституционно-правовой ответственности, способной обеспечить синхронизацию интересов всех уровней публичной власти. Такая модель должна включать как механизмы расширения фискальных возможностей муниципалитетов, так и инструменты повышения качества муниципального управления, что в совокупности позволит преодолеть существующий разрыв между нормативными предписаниями и практикой их реализации.

На современном этапе реализации законодательства о местном самоуправлении становится очевидным наличие существенного разрыва между нормативными предписаниями и практикой их имплементации. Феномен, условно обозначаемый как «конституционно-правовая иллюзия», проявляется в ситуации, когда закрепленные в федеральном законодательстве полномочия муниципальных образований не могут быть реализованы в полном объеме ввиду системных ограничений. Критический анализ позволяет выявить три ключевых детерминанты данной проблемы: хроническую недостаточность финансовых ресурсов, ограниченность материально-технической базы и, в отдельных случаях, дефицит административной воли у представителей местных властей. Особую остроту данной проблеме придает временной фактор – необходимость оперативного решения вопросов местного значения в условиях законодательно установленных краткосрочных сроков.

Историко-правовой экскурс демонстрирует, что механизмы организации местной власти в России имеют глубокие исторические корни, эволюционируя от новгородско-псковского вечевого устройства до земской реформы 1864 года и советской модели советов. Однако современная парадигма местного самоуправления, основанная на принципах децентрализации и самостоятельности, входит в противоречие с унаследованными административными традициями централизованного управления. Принцип разделения властей и независимости муниципальных органов в принятии решений, провозглашенный в статье 12 Конституции РФ, зачастую носит декларативный характер, сталкиваясь с реалиями межбюджетных отношений и вертикалью исполнительной власти.

Проблема финансового обеспечения местного самоуправления приобрела в последние годы характер системного кризиса. Трансформации в системе государственного управления, начатые в 2000-х годах, привели к существенному от-

ходу от первоначальных конституционных принципов самостоятельности муниципальной власти. Анализ бюджетной статистики свидетельствует, что доходная база большинства муниципальных образований является недостаточной не только для осуществления переданных государственных полномочий, но и для реализации вопросов местного значения. Следствием этого становится формирование «институциональной ловушки», когда муниципалитеты формально обладают широкой компетенцией, но фактически лишены возможностей для ее реализации.

Эффективность решения вопросов местного значения имеет определяющее значение для легитимации всей системы публичной власти. Повседневные проблемы граждан – от качества ЖКХ до состояния дорог и социальной инфраструктуры – формируют непосредственное восприятие эффективности как местной, так и государственной власти. В этой связи пространство местного самоуправления следует рассматривать как сложную экономико-правовую систему, включающую взаимосвязанные компоненты:

- деятельность хозяйствующих субъектов муниципального образования;
- состояние инфраструктурных объектов;
- доступность трудовых и финансовых ресурсов;
- развитие транспортно-логистических систем;
- инвестиционный климат территории [1–2].

Дисфункции в любом из указанных элементов порождают кумулятивный эффект, снижая общий потенциал территориального развития. Таким образом, совершенствование законодательства о местном самоуправлении требует комплексного подхода, учитывающего как исторические особенности формирования муниципальной власти в России, так и современные экономические реалии.

Институты социокультурной сферы выступают значимым фактором формирования уникального экономического ландшафта территорий местного самоуправления, выполняя функцию аккумуляции и репродукции человеческого капитала. Инфраструктурный комплекс муниципального образования представляет собой многокомпонентную систему, включающую инженерные коммуникации, транспортные связи, цифровую инфраструктуру, а также объекты культурно-просветительского назначения, которые в своей совокупности формируют среду жизнедеятельности и определяют инвестиционную привлекательность территории.

Развитая инфраструктура генерирует синергетический эффект, проявляющийся в ускорении темпов экономического роста, диверсификации местной экономики и увеличении налоговых поступлений в бюджет муниципалитета. Этот мультипликативный эффект создает предпосылки для качественного решения вопросов местного значения в оптимальные сроки при рациональном использовании финансовых ресурсов.

Достижение модели устойчивого развития муниципальных образований требует последовательной реализации стратегического планирования и консолидации усилий всех субъектов местного самоуправления. Формирование самодостаточной системы местной власти, обладающей финансовой автономией и минимальной зависимостью от субвенций вышестоящих бюджетов, должно рассматриваться в качестве целевой модели территориального развития. Реализация данного подхода позволит преодолеть иждивенческие настроения и создать условия

для эффективного функционирования институтов местного самоуправления в рамках их конституционно закреплённой компетенции.

Практическая реализация отстранения руководителя муниципалитета представляет собой многоступенчатую процедуру, которая стартует с обращения от первого лица региона и завершается фактическим выполнением полномочий чиновниками и властными структурами. Создание механизмов конституционной и правовой ответственности обусловлено необходимостью оградить население и социум от возможных правонарушений и отстоять их законные права [3].

Институт отрешения от должности главы муниципального образования представляет собой сложный многоаспектный административный процесс, инициируемый обращением высшего должностного лица субъекта Федерации и завершающийся фактической реализацией властных полномочий уполномоченными органами и должностными лицами. В контексте правоприменительной практики данный механизм последовательно проходит через несколько административно-процессуальных стадий, каждая из которых обладает собственной процедурной спецификой и требует строгого соблюдения установленных законодательных параметров [4–5].

Формирование эффективной системы конституционно-правовой ответственности муниципальных служащих детерминировано объективной необходимостью создания действенных гарантий защиты правового порядка и обеспечения публичных интересов. Данный правовой институт выполняет превентивно-охранительную функцию, направленную на минимизацию потенциальных правонарушений в сфере местного самоуправления и создание надежных механизмов судебной и административной защиты законных прав как отдельных граждан, так и их объединений. Развитие указанных правовых конструкций соответствует фундаментальным принципам правового государства, закреплённым в Конституции Российской Федерации, и способствует укреплению доверия населения к институтам публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеева, Н. О. Местное самоуправление в системе публичной власти / Н. О. Валеева // Российская государственность: история и современность : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 27 октября 2023 года. – Абакан : ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2023. – С. 21–22.
2. Колоколова, Е. О. Полномочия органов местного самоуправления в реализации государственной жилищной политики Российской Федерации / Е. О. Колоколова, С. Б. Котляров // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 6–8.
3. Лебедева, Ю. Н. Взаимодействие органов государственной власти с органами местного самоуправления: современное состояние / Ю. Н. Лебедева // Образование и право. – 2023. – № 7. – С. 147–150.
4. Саушкин, В. Г. Роль местного самоуправления (главы местного самоуправления) в системе взаимодействия власти и общества / В. Г. Саушкин // IX Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. – Саранск: Рузаевский печатник, 2023. – С. 307–312.
5. Шастина, А. Р. О соотношении понятий «организация местного самоуправления» и «организационные основы местного самоуправления»: теоретический аспект / А. Р. Шастина, В. В. Чуксина // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6(234). – С. 368–370.

УДК 34.03

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Шишканов Максим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809175@ruc.su

ON THE IMPORTANCE OF THE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Shishkanov Maxim Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье рассматриваются значение деятельности некоммерческих организаций в системе публичных правоотношений. Приводятся полномочия управленческого характера, позволяющие определить некоммерческие организации в качестве субъектов публичных правоотношений. Анализируются законодательные основы публично-правового характера, регламентирующие деятельность некоммерческих организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации, публичные правоотношения, законодательство, государственно-управленческие полномочия, субъекты контроля.

This article examines the role of non-profit organizations in the system of public legal relations. It describes the administrative powers that allow non-profit organizations to be defined as entities in public legal relations. It also analyzes the public legal framework governing the activities of non-profit organizations.

Keywords: non-profit organizations, public legal relations, legislation, state administrative powers, subjects of control.

В публичных правоотношениях сложилась двухзвенная система субъектов: к первому звену относят – индивидуальных субъектов публичных правоотношений; ко второму звену – коллективных субъектов публичных правоотношений. Что касается некоммерческих организаций, им отведена роль

В системе публичных правоотношений наблюдается тенденция роста роли некоммерческих организаций. Данное обстоятельство представляется возможным объяснить развитием и укреплением института «самоорганизации управления», сущность которого, с одной стороны, заключается в снижении степени контроля государства за субъектами, участвующими в правовых отношениях в сферах, начиная от экономики и завершая политикой, а, с другой стороны, – в делегировании части социально-важных функций объединениям, не функционирующим от имени государства, то есть коммерческим негосударственным структурам.

В связи с передачей отдельных государственно-управленческих полномочий властного характера некоммерческим организациям в системе публичных правоотношений встречаются ситуации, в соответствии с которыми публичные правоотношения реализуются без участия органа государственной власти или без участия должностных лиц соответствующих органов. Как отмечает А. В. Равнюшкин, подобного рода ситуации встречаются крайне редко [1]. Думается, с соответствующим высказыванием ученого нельзя согласиться на том основании, что участие некоммерческого сектора в системе государственного управления не является исключением из правил, и, как следствие, исключением в системе публичных правоотношений.

При рассмотрении проблемы некоммерческих субъектов в системы субъектов публичных правоотношений следует сказать, что в публичных правоотношениях правовая сущность некоммерческих организаций определяется сквозь призму гражданско-правового статуса и публично-правового статуса, в частности административно-правового статуса, которые взаимосвязаны между собой. Дело в том, что деятельность некоммерческих организаций, вне зависимости от того обстоятельства, в гражданско-правовых или публично-правовых отношениях они участвуют, регламентируется одними и теми же нормативными актами, без учета специализации направленности правовых отношений.

Далее необходимо определить, какие именно полномочия властно-управленческого характера делегированы государством некоммерческим организациям.

Во-первых, некоммерческие организации наделены правом на правотворчество локального характера.

Во-вторых, некоммерческие организации наделены правом контролировать деятельность своих участников.

В-третьих, некоммерческие организации наделены правом рассматривать различного типа обращения, которые непосредственно связаны с деятельностью таких организаций.

В-четвертых, некоммерческие организации наделены правом обеспечения информационной гласности их деятельности [2].

Специфика публично-правового статуса некоммерческих организаций связана с многообразием форм, в которых могут создаваться соответствующие организации. При этом важно обратить внимание на то обстоятельство, что в соответствии с положениями гражданского законодательства формы, в которых создаются некоммерческие организации, условно представляется возможным разделить на две группы.

В числе первой группы необходимо рассматривать некоммерческие организации корпоративного типа:

- 1) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы общественной организации;
- 2) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы общественного движения;
- 3) некоммерческие организации, которые создаются в качестве разновидности органа общественной самодеятельности;
- 4) некоммерческие организации, которые создаются в качестве разновидности политической партии;
- 5) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы общин коренных малочисленных народов;
- 6) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы казачьего общества;
- 7) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы некоммерческого партнерства;
- 8) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы ассоциаций и союзов.

Ко второй группе следует относить некоммерческие организации унитарного типа:

1) некоммерческие организации, которые создаются в качестве разновидности общественного учреждения;

2) некоммерческие организации, которые создаются в качестве разновидности общественного фонда;

3) некоммерческие организации, которые создаются в качестве самостоятельной формы автономной некоммерческой организации [3].

Несмотря на тот факт, что деятельность некоммерческих организаций с позиции субъектов публичных правоотношений, также, как и с позиции субъектов гражданских правоотношений, регламентируется преимущественно гражданским законодательством, разница между публично-правовым и гражданско-правовым статусом некоммерческих организаций все же имеется. В частности, в рамках гражданских правоотношений некоммерческая организация признается организационно-правовой формой юридического лица, то есть некоммерческая организация характеризуется как субъект гражданского оборота; в рамках публичных правоотношений некоммерческая организация признается особой формой реализации прав граждан публичного характера, реализуемых в государственно-управленческой сфере, в том числе и в сфере реализации отдельных публичных полномочий государственно-управленческой направленности, переданных некоммерческим организациям государством.

Другой особенностью публично-правового статуса некоммерческих организаций является то, что деятельность таких организаций, как субъектов публичных правоотношений регламентируется не только посредством норм гражданского законодательства, но и специализированными законодательными источниками права, а в ряде случаев – и правовыми обычаями народов, проживающих на определенной территории.

Отдельными представителями научного сообщества высказывается достаточно интересная, на наш взгляд, точка зрения, в соответствии с которой в системе источников законодательного регулирования деятельности некоммерческих организаций важнейшим источником признаются нормы гражданского законодательства [4]. При этом в силу того обстоятельства, что наиболее часто цель создания и функционирования некоммерческих организаций связана с решением задач публичного характера, а также в силу того обстоятельства, что в правоприменительной деятельности некоммерческие организации наиболее часто выступают в качестве субъектов публично-правовых, а не гражданско-правовых отношений, целесообразно вести речь о том, что система законодательства о некоммерческих организациях нуждается в реформировании и совершенствовании.

Учитывая тот факт, что некоммерческие организации наделены правом контролировать деятельность своих участников, принципиально важным представляется вопрос о том, правомерно ли некоммерческие организации в случаях, когда они являются участниками публичных правоотношений, рассматривать в числе субъектов общественного контроля. Думается, хотя законодатель в ФЗ № 7 прямо и не указывает на то, что некоммерческие организации признаются самостоятельными субъектами общественного контроля, на поставленный вопрос представляется возможным дать положительный ответ.

Для того чтобы в этом убедиться в качестве примера приведем соответствующую позицию Конституционного Суда РФ применительно к нотариальным платам. Так, Высший орган конституционного правосудия определяет особенности публично-правового статуса такого вида некоммерческих организаций, как нотариальные палаты, указывая, что основное предназначение деятельности нотариальных палат выражается в контроле осуществления функций частными нотариусами, а также в том, что нотариальным палатам предоставлено право обращаться в судебные органы по вопросам лишения частных нотариусов, деятельность которых связана с нарушением законодательных положений, соответствующего статуса [5].

В публичных правоотношениях сущность некоммерческих организаций определяется сквозь призму гражданско-правового статуса и публично-правового статуса, в частности административно-правового статуса, которые взаимосвязаны между собой.

Таким образом, мы видим, что некоммерческие организации несмотря на свой особый правовой статус, характеризующейся независимостью выполняют ряд публично-властных полномочий, позволяющих отнести их к субъектам государственного управления. Эта тенденция имеет относительно инновационный характер существования и должны быть наполнена юридическим содержанием в вопросах правового регулирования деятельности некоммерческих организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административное право : курс лекций / Под ред. А. В. Равнюшкина. 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 186.
2. Губарева Т. И. Административное право : учебное пособие. – Москва, 2021. – С. 196.
3. Берлизов М. П. Административно-деликтное право : учебно-методическое пособие. Краснодар, 2019. – С. 45.
4. Кононов П. И. Очерки общей теории современного административного права : монография. – Москва, 2021. – С. 128.
5. Конин Н. М. Административное право : учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2020. – С. 219.
6. Спиридонов П. Е. Некоммерческие организации как субъекты административного права // П. Е. Спиридонов, журнал «Lex Russica», N 1, январь 2019 г.

УДК 34.03

К ВОПРОСУ О ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.

Шишканов Максим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809175@ruc.su

ON THE QUESTION OF THE HISTORICAL FORMATION OF NON-COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF PUBLIC LEGAL RELATIONS.

Shishkanov Maxim Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена вопросам историко-правового становления некоммерческих организаций в системе публичных правоотношений. Приводятся исследования, которые изучают примеры и социально-правовое значение деятельности первых некоммерческих организаций, анализируется историческое зарождение российских общественных институтов. В работе доказывается необходимость правового регулирования деятельности НКО со стороны государства.

Ключевые слова: некоммерческие организации, правовое регулирование, публичные правоотношения, государство, право.

This article examines the historical and legal development of non-profit organizations within the public legal system. It cites studies examining examples and the socio-legal significance of the activities of the first non-profit organizations and analyzes the historical origins of Russian public institutions. The paper argues for the need for state legal regulation of NPO activities.

Keywords: non-profit organizations, legal regulation, public legal relations, state, law.

В социального-экономической и политической сферах любого государства, в том числе и российского, особая роль отведена некоммерческим организациям. Основное предназначение некоммерческих организаций заключается в том, что их деятельность связана с обеспечением общественных благ, направленных на удовлетворение потребностей общества. Дело в том, что в развитых странах, в которых функционирует рыночная экономика, не способны при помощи частного сектора справиться со всеми проблемами социального характера. В этой связи для реализации задач в сферах медицины, образования, спорта, духовного воспитания, экологии и других создаются некоммерческие организации [1].

Самые первые прототипы некоммерческих организаций берут свои истоки с Древнего Рима. Здесь следует оговориться, что, разумеется, в VII до нашей эры таких категорий как «юридическое лицо» или «некоммерческая организация» не существовало. Вызывает интерес тот факт, что в данный период в Афинах функционировали своего рода тайные общества олигархов, которые назывались – гетериями. Аналогичные организации – объединения сторонников аристократии, существовали и в Риме, которые имели название – оптиматов.

В дальнейшем развитие объединений некоммерческого характера непосредственно связано с заимствованием римского права иными странами. В Европе в эпоху Средневековья формировались объединения политической и религиозной направленности, а также гильдии. Также на данном этапе наблюдалась специфика современного понимания категории юридического лица, которая заключалась в том, что в контексте юридических лиц правоспособность была характерна не для индивидуальных субъектов, а для всего объединения в целом. В IX веке нашей эры направления некоммерческих организаций существенным образом расширялись – стали появляться, например, купеческие гильдии, а также гильдии в ремесленной и благотворительной сферах.

Обращаясь к российской истории становления и развития некоммерческих организаций следует учитывать то обстоятельство, что традиционного для российского государства свойственны идеи сострадания. Поэтому одними из первых некоммерческих организаций, появившихся в нашем государстве, были некоммерческие благотворительные организации [2]. Так, благотворительные организации существовали еще в Киевской Руси на этапе принятия и распространения

христианской веры, а именно княжеской властью духовенство наделено обязанностью общественного призрения. По этой причине религиозные организации, в частности монастыри, церкви, выступали основным элементом социальной помощи нуждающимся категориям населения – старикам, инвалидам и т.п. Соответствующие обязанности религиозных организаций были закреплены в нормативно-правовых документах того времени, в частности, в Церковных Уставах князя Владимира, князя Ярослава и др.

Под общественным призрением понималась система организаций, целью деятельности которых выступала помощь гражданам, нуждающимся в жилье, питании и т.п. То есть, общественное призрение рассматривалось в качестве одной из форм благотворительной деятельности и поддержки со стороны общества. Призреть нуждающихся означало опеку и заботу о таких лицах.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что, по сути, законодательство о некоммерческих организациях в истории российского государства стало формироваться в период правления Екатерины II, а именно с момента принятия в 1775 году Указа «Об образовании частных и общественных благотворительных организаций». После принятия данного нормативно-правового акта губернаторы губерний стали возглавлять приказы общественного призрения, которые в последующем приобрели статус благотворительных организаций [3].

Так, например, в Томской губернии через девять лет после принятия Указа 1775 года открылся приказ. При этом целесообразно подчеркнуть, что подобным приказам, открывшимся к тому моменту во многих губерниях, государство в качестве капитала выделяло лишь 15 тысяч рублей, рекомендовав в ходе осуществления деятельности изыскивать денежные средства самостоятельно.

Также следует констатировать тот факт, что в течение ста лет после принятия Указа 1775 года численность благотворительных организаций не более 100. Следует предположить, что до первой половины XIX столетия некоммерческие организации образовывались либо по инициативе духовенства (например, Дружеское ученое общество), либо по инициативе монарха (например, Вольное экономическое общество).

Думается, что медленное развитие института некоммерческих организаций в данный период обусловлено отсутствием специального закона об организациях некоммерческой направленности, поскольку Указ 1775 года регулировал деятельность некоммерческих благотворительных организаций. При этом даже для открытия некоммерческих благотворительных организаций было необходимо получить разрешение монарха [4]. Сложившаяся ситуация наводит на мысль о том, что в российском государстве до первой половины XIX столетия действовал распорядительный порядок создания общественных организаций, в том числе и благотворительных.

Важную роль в развитии законодательства о некоммерческих организациях сыграл Устав благочиния, принятый в 1785 году. В данном законодательном акте определялся порядок создания некоммерческих организаций, а также контроль над деятельностью таких организаций. Кроме того, в Уставе 1785 года законодатель различал два типа соответствующих учреждений:

- 1) общества, учредителем которых выступало государство;
- 2) тайные общества, деятельность которых запрещалась [5].

В конце XIX столетия, а именно в 1892 году появился специализированный нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность некоммерческих благотворительных учреждений, – «Устав об общественном призрении в России», в соответствии с положениями которого частным лицам было предоставлено право создавать некоммерческие благотворительные общества.

При этом нужно заметить, что законодательство того времени затронуло порядок создания не всех некоммерческих организаций, а только благотворительных учреждений. Для того чтобы создать некоммерческие организации иной направленности, не связанной с благотворительностью, по-прежнему требовалось разрешение императора. Так, например, в период правления Александра II им был отклонен запрос о создании гимнастического общества в Петербурге.

Деятельность некоммерческих учреждений в Советское время отмечается специализированным характером правового регламентирования. Основным закон СССР, принятый в 1918 году, а также иные нормативные акты содержали законодательные положения о необходимости материальной и социальной поддержки рабочего класса. С этой целью на законодательном уровне создан механизм образования и деятельности некоммерческих организаций.

При этом, буквально через два года, политика государственных органов советской власти была направлена на сокращение числа таких объединений. Так, например, 1930 год был связан с появлением первого нормативного документа о некоммерческих учреждениях «О Всесоюзных обществах и союзах», а в 1932 году был принят второй нормативный акт соответствующей направленности – «О добровольных обществах и союзах». В частности, добровольные общества определялись в качестве организаций, занимающихся общественной самодеятельностью, приоритетным направлением деятельности которых выступало содействие укреплению государства [6]. Необходимо иметь в виду, что деятельность таких организаций полностью предопределялась планом народного хозяйства. При этом были ужесточены к требованиям создания и функционирования организаций некоммерческой направленности, в связи с чем сократилось их количество.

Соответствующая тенденция наблюдалась вплоть до 1960 годов. Именно с данного периода стали активно появляться некоммерческие организации в научной, культурной, образовательной областях. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: в 1930 годы деятельность некоммерческих организаций была связана либо с непосредственной помощью бедным слоям населения, либо с непосредственной помощью государственным структурам в реализации советской идеологии; в 1960 годы – тенденции деятельности некоммерческих организаций претерпели существенные изменения – основным направлением таких организаций стало духовное и культурное просвещение граждан.

Современный этап развития законодательства о некоммерческих организациях берет свое начало с 1991 года. Это период развития правовой основы деятельности НКО принес новые вызовы и обозначил новые проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунова И. В. Актуальные проблемы административного права : учебник. – Абакан, 2022. – С. 126.
2. Свод законов Российской Империи. Том XV. – Санкт-Петербург, 1857. – С. 72.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V ; под ред. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 238.
4. Свод законов Российской Империи. Том XVI. – Санкт-Петербург, 1858. – С. 39.
5. Барабаш А. С. Административное право : учебное пособие. – Екатеринбург, 2021. – С. 211.
6. Третьякова С. Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – С. 74.

УДК 630

ЛЕСНАЯ АМНИСТИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Туряева Ангелина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su, st810402@ruc.su

FOREST AMNESTY: CONCEPT AND PROBLEMS

Yambushev Fail Shamilieovich, PhD (Jurisprudence) Associate Professor

Turyaeva Angelina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена юридическому анализу понятия «лесная амнистия» – механизму, введенному Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ для устранения противоречий между Единым государственным реестром недвижимости и Государственным лесным реестром.

Рассматриваются исторические предпосылки возникновения проблемы наложения границ земельных участков на земли лесного фонда. Автор раскрывает процедуру и ключевые проблемы правоприменительной практики, а также обозначает пробелы в законодательстве, требующие дополнительной детализации для эффективной реализации закона.

Ключевые слова: лесная амнистия, земельный участок, лесной участок.

The article is devoted to the legal analysis of the concept of “forest amnesty” – a mechanism introduced by Federal Law No. 280-FZ dated July 29, 2017, to eliminate contradictions between the Unified State Register of Real Estate and the State Forest Register.

The historical background of the problem of overlapping the boundaries of land plots with forest lands is examined. The author reveals the procedure and key issues of law enforcement practice, and also identifies gaps in the legislation that require additional details for the effective implementation of the law.

Keywords: forest amnesty, land plot, forest area

В эпоху СССР и в последующие годы государство активно выделяло гражданам и организациям земельные наделы. Цели предоставления были разнообразны: от садоводства и огородничества до возведения жилья, прокладки линейных сооружений или ведения личного подсобного хозяйства. Эта практика, однако, имела существенный изъян – выделенные территории зачастую либо вторгались в границы земель лесного фонда, либо непосредственно к ним примыкали, создавая почву для будущих юридических коллизий.

Согласно Постановлению Совета Министров РСФСР №110 от 22 февраля 1991

года, гражданам для садоводства и огородничества выделялись земли лесного фонда, при этом их целевое назначение оставалось прежним. Однако последующие правовые коррективы породили правовую коллизию, в рамках которой подтверждение законности владения подобными наделами стало возможным лишь через судебные инстанции.

Советская правовая система, равно как и лесное законодательство того периода, исторически отводили территории под садоводческие, огороднические и дачные кооперативы преимущественно в границах государственного лесного фонда либо на смежных с ним землях. Эта устойчивая практика предопределила возникновение в современный период сложного массива недвижимости, чьи границы конфликтуют с лесными угодьями.

В процессе отвода земельных наделов и их последующего предоставления гражданам либо организациям муниципальные власти зачастую игнорировали процедуру сверки границ с территориями лесного фонда. Типичной является ситуация, при которой надел, согласно положениям генплана, классифицируется как земля поселений с ВРИ под ИЖС, тогда как данные государственного лесного реестра указывают на его принадлежность к лесному фонду. В результате правообладатели подобных участков сталкивались не только с административными взысканиями, но и с предписаниями о возврате земель в состав лесных территорий.

Важнейшим катализатором данной проблемы выступает несовершенство методик инвентаризации лесных территорий и земель иного целевого назначения. Подобная несогласованность породила множество коллизий в сфере правового регулирования отношений собственности и землепользования. Разрешение этих конфликтов оказалось возможным исключительно через судебные инстанции, что, в свою очередь, не только блокировало хозяйственное освоение участков, но и создало значительную нагрузку на судебную систему.

С 11 августа 2017 года в правовом поле России начал действовать – Федеральный закон от 29.07.2017 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель». Его нормы создали правовой механизм для разрешения проблемных ситуаций, связанных с расхождениями в данных реестров и легального определения категории земель для конкретных участков [1].

Федеральный закон № 280-ФЗ учреждает особый административный порядок, направленный на разрешение коллизий между границами частных земельных наделов и территориями гослесфонда. В публичном дискурсе этот механизм прочно закрепился под неформальным наименованием «лесная амнистия».

Федеральный закон № 280-ФЗ был принят для устранения противоречий между двумя информационными системами: Единым государственным реестром недвижимости и Государственным лесным реестром.

Законодательная инициатива № 280-ФЗ создаёт внесудебный механизм для урегулирования территориальных коллизий, возникающих при наложении границ лесных территорий на пределы населённых пунктов и их зонирования. Па-

раллельно данный правовой инструмент снимает проблему некорректной классификации земельных наделов, ошибочно причисленных к лесному фонду.

Установленный законодателем административный порядок снятия противоречий между реестрами сохраняет свою силу вплоть до 1 января 2026 года [2].

Нередко в Государственном лесном реестре и Едином государственном реестре недвижимости фиксируются дублирующиеся либо прямо противоречащие друг другу сведения.

Федеральный закон № 280-ФЗ закрепляет приоритет данных, внесённых в Единый государственный реестр недвижимости. Данный нормативный акт детально прописывает процедурный алгоритм и формирует правовые нормы, призванные разрешить коллизии границ территорий лесного фонда с наделами иных категорий.

Согласно аналитическим и статистическим сведениям, формирование реестра, фиксирующего зоны взаимного наложения земельных участков и территорий лесного фонда, оказалось технически неосуществимым. Эмпирическая апробация положений Закона № 280-ФЗ выявила, что пространственное пересечение границ наделов с лесными массивами представляет собой наиболее распространённую и одновременно проблемную ситуацию, создающую существенные ограничения для их хозяйственного освоения правообладателями.

Согласно положениям части 11 статьи 60.2 Федерального закона № 218-ФЗ от 13 июля 2015 года «О государственной регистрации недвижимости», возникает следующая правовая коллизия. В процессе исправления реестровой ошибки, касающейся земельных участков из части 9 той же статьи, может выясниться, что границы лесного участка полностью накладываются на границы других наделов. Альтернативно – его площадь совпадает с площадью иного участка на 95 и более процентов. В такой ситуации законодатель предписывает строгую процедуру: лесной участок подлежит снятию с кадастрового учета. Данная мера осуществляется одновременно с государственной регистрацией прекращения всех зарегистрированных прав, ограничений и обременений, на него наложенных.

Действующее ранее законодательство (ч.6 ст. 47 Закона № 221-ФЗ) допускало передачу лесных территорий в эксплуатацию без обязательной процедуры постановки на кадастровый учет. Эта правовая коллизия порождает современную проблему: идентификация пересекающихся лесных наделов в арендных соглашениях осуществляется не через кадастровый номер ЕГРН, а посредством регистрационного номера в Государственном лесном реестре.

В соответствии со ст. 60.2 Закона № 218-ФЗ, законодатель устанавливает ряд ситуаций, когда разрешается корректировка описания границ. Это касается как территорий лесничеств и лесопарков, так и рубежей отдельных земельных участков, отнесенных к землям лесного фонда. Подобные меры применяются именно для устранения выявленных пересечений:

- корректировка категории земель населенных пунктов, в которую включен участок, первоначально выделенный из состава лесного фонда вследствие определения административных рубежей населенного пункта;

- уточнение границ лесных участков, лесничеств и лесопарков при обнаружении их наложения на контуры смежных земельных наделов;

- формирование земельного надела в пределах лесничества или лесопарка при

наличии на нем объекта капитального строительства, права на который возникли и зафиксированы в ЕГРН до 1 января 2016 года, при условии, что его целевое использование не связано с ведением лесного хозяйства.

При наличии соответствующих сведений в Едином государственном реестре недвижимости, уполномоченный орган по регистрации прав в одностороннем порядке корректирует границы лесных территорий, относящихся к лесничествам и лесопаркам. Данная административная процедура автоматически влечёт за собой трансформацию рубежей земель лесного фонда.

Аренда лесных территорий выступает важным инструментом экономического стимулирования в лесной отрасли. В соответствии с законодательством, как физические, так и юридические лица наделяются правом оформления аренды на участки лесного фонда для строго определённых видов деятельности. Ключевым условием предоставления земли становится обязательное обоснование заявителем планируемого использования ресурсов, что требует подготовки и подачи соответствующего пакета документов.

проектная документация, касающаяся лесного земельного участка, либо утверждённый план межевания территории;

документ, подтверждающий постановку участка на кадастровый учёт;

юридическое основание для оформления договора аренды, публичного сервитута, соглашения о безвозмездном пользовании и тому подобного;

непосредственно договор аренды, безвозмездного пользования или публичного сервитута;

разработанный проект освоения лесов;

лесная декларация.

Упомянутые нормативные акты допускают эксплуатацию земельного участка при условии документального подтверждения характера деятельности и целевого назначения, заявленных арендатором.

Для постановки на кадастровый учёт земельного надела обязательным условием служит наличие присвоенного кадастрового номера и регистрационной записи в Государственном лесном реестре (ГЛР). Формат номера записи в ГЛР имеет следующую структуру: первым элементом выступает порядковый номер (цифровая последовательность до дефиса), за которым следуют цифровые обозначения года и месяца осуществления регистрации.

Законодательная норма обязывает поставить лесной участок на кадастровый учёт в ЕГРН до его передачи в аренду и внесения сведений в ГЛР. Данный порядок демонстрирует, что приоритет Единого государственного реестра недвижимости над Государственным лесным реестром сохраняется даже для территорий, целиком относящихся к землям лесного фонда.

Установленный приоритет данных Единого государственного реестра недвижимости при отнесении земельного участка к конкретной категории земель имеет законодательно закреплённые исключения. Изъятия из общего правила, в частности, зафиксированы в части 6 статьи 14 Закона № 172-ФЗ и пункте 1 статьи 6 Закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ.

– находящиеся в пределах особо охраняемых природных территорий, а также земель, отведённых под объекты культурного наследия, имеющие религиозное предназначение;

– отнесённые к промышленным, энергетическим, транспортным землям, землям связи, радиовещания, телевидения, информатики, землям для обеспечения космической деятельности, обороны, безопасности или землям иного специального назначения, при условии отсутствия на них зарегистрированных объектов недвижимости;

– приуроченные к землям сельхозназначения, чей оборот регламентируется профильным федеральным законодательством, при условии, что в ЕГРН зафиксированы итоги федерального государственного земельного надзора, удостоверяющие ненадлежащее использование данных участков либо их эксплуатацию с отступлением от норм российского права.

Тем не менее, данное изъятие утрачивает силу при условии, что орган регистрации прав в трёхмесячный срок с момента направления решения об устранении реестровой ошибки по конкретному участку не получит от уполномоченного органа власти официального уведомления о подаче искового заявления в суд с целью оспорить зарегистрированное право (ч. 8 ст. 14 Закона № 172-ФЗ, ч. 4 ст. 60.2, ч. 6 ст. 61 Закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ).

Законодательная инициатива, воплощенная в ФЗ-280, изначально исходила из презумпции, что после завершения установленных административных процедур земельные участки будут полностью исключены из зон пересечения с лесным фондом. Практика правоприменения, однако, выявила существенную проблему: регламентация правового статуса лесных территорий, занятых капитальными объектами, создала для их владельцев чрезвычайно сложный и запутанный механизм легализации.

Федеральный Закон № 280-ФЗ не содержит детально прописанного регламента действий, что порождает на практике его систематическое игнорирование судебными инстанциями. Следствием этой законодательной неопределенности становится повсеместный отказ в удовлетворении исковых заявлений, подаваемых административными истцами.

Действующая редакция Федерального закона № 280-ФЗ обнаруживает потребность в корректировке. Требуется разработка дополнительных норм, обеспечивающих практическое воплощение законодательного замысла без изъятий. Требуется законодательная корректировка, затрагивающая порядок предварительного согласования выделения застроенных лесных территорий. Данную функцию осуществляет региональный орган исполнительной власти, ответственный за лесные отношения. Отдельного урегулирования требует вопрос формирования земельного участка посредством раздела исходного (материнского) надела, сведения о котором отсутствуют в государственном кадастре недвижимости. Кроме того, законодательство не содержит четких предписаний относительно категории и разрешенного использования формируемых участков из земель государственного лесного фонда. Отсутствует регламентация возложения обязанности по кадастровому учету на заинтересованное лицо. Не определены критерии для установления площади, отчуждаемой в пользу владельца недвижимости. Законодатель не установил однозначных признаков капитальных объектов. Не урегулирован порядок передачи в собственность лесных участков с существующей застройкой, включая вопрос о безвозмездности такой передачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель» // Российская газета. №172. – 04.08.2017.

2. Федеральный закон от 19.12.2022 № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. №290. – 22.12.2022

УДК 342.52

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Белова Татьяна Борисовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su, st810659@ruc.su

LEGISLATIVE POWER IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS

Yambushev Fail Shamilevich, PhD (Jurisprudence) Associate Professor

Belova Tatyana Borisovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются вопросы понимания принципа разделения властей и его значения в организации и деятельности современного государства. Отдельное внимание уделяется законодательной ветви государственной власти, обладающей особыми признаками, одним из которых является ее представительный характер, опосредованный волей народа, как единственного источника государственной власти.

Ключевые слова: государственная власть, разделение властей, законодательная власть, воля народа, источник власти.

The article examines the issues of understanding the principle of separation of powers and its significance in the organization and activities of the modern state. Special attention is paid to the legislative branch of state power, which has special characteristics, one of which is its representative nature, mediated by the will of the people, as the only source of state power.

Keywords: state power, separation of powers, legislative power, will of the people, source of power.

В организации и деятельности аппарата современного государства принцип разделения властей, является его фундаментальным, основополагающим, концептуальным началом. Современное государство впитала положения данного принципа и легализовала его, придав ему конституционный характер.

Принцип разделения властей зиждется на такой модели организации государственной власти, при которой ее ветви обладая самостоятельностью, контролируют друг друга, не допуская чрезмерной концентрации власти в одной из них, что должно предотвращать узурпацию власти. Это первый тезис принципа разделения властей.

Вторым тезисом данного принципа является положение о государственной власти, источником которой выступает народ. Воля народа выражается в принимаемых государством законах. Законотворческая функция возложена на законодательную ветвь власти, формируемая населением страны. Таким образом, воля

народа опосредована в полномочиях законодательного органа власти, который призван руководствоваться в принимаемых решениях (законах), интересами и потребностями своих избирателей.

Народ, как источник государственной власти, является политической силой демократического государства. Вне этой силы демократические государства не формируются и не функционируют, так как, в данном случае, отсутствует социальная база у такого типа государства. Народ может быть объектом или субъектом государственной власти. Бесспорно, объектом властвования народ является в любом случае, именно применительно к нему государство осуществляет свое властное воздействие, в целях управления делами общества и обеспечения установленного государством общественного порядка. Но, народ в механизме государственной власти представленный только как его объект, лишен участия в формировании и осуществлении этой самой власти. Субъектов власти он становится только тогда, когда его воля выступает определяющей в качестве и содержании государственной власти.

Воля народа – это краеугольный камень демократического государства, выражаемая, в установленных законом формах, непосредственно или опосредованно, по поводу управления делами государства. Непосредственно воля народа может быть выражена в формах свободных выборов, референдума, плебисцита, собраний, митингов, демонстраций и т.д., а опосредованно, через органы государства им же формируемые, которые в этой связи и получили название – представительные органы государственной власти.

Законодательная ветвь власти наделяется не только функциями законотворческого характера, но и контрольно-учредительными, что обеспечивает ей согласовывать деятельность иных ветвей власти и напрямую участвовать в осуществлении внутренней и внешней политики государства. Так, законодательные органы власти, в большинстве демократических стран, участвуют в формировании органов исполнительной и судебной власти, утверждают бюджет государства и контролируют его исполнение, реагируют на ненадлежащую деятельность высшего органа исполнительной власти, в лице правительства, кабинета министров и т.п., путем выражения недоверия и его отставки или требования отставки, а равно как, объявлять импичмент главе государства. Помимо этого, законодательная ветвь власти правомочна проводить парламентские расследования по злоупотреблениям властью высшими должностными лицами страны и принимать соответствующие решения, вплоть до инициирования (обращения в компетентные правоохранительные органы) уголовного преследования в отношении этих должностных лиц правоохранительными органами. Законодательные органы власти могут наделяться и другими контрольно-учредительными полномочиями, в рамках, предусмотренных законодательством конкретной страны.

Все вышеописанное не говорит об исключительной роли законодательной ветви власти в аппарате демократического государства и не возвеличивает ее над остальными ветвями власти, а лишь определяет ее особое место в системе разделения властей.

Законодательная ветвь власти, в свою очередь, согласно принципа разделения

властей, основанного на механизме сдержек и противовесов, испытывает влияние исполнительной и судебной ветвей власти, которая, в первую очередь, выражается в контроле за ней и сохранении баланса государственной власти. Исполнительная ветвь власти, в лице правительства, может препятствовать принятию отдельных законов, которые требуют обязательного с ним согласования, наложение главой государства вето на принятые законодательным органом законы, а также инициировать процедуру роспуска законодательного органа власти, в случаях и на основаниях предусмотренных законодательством страны. Кроме этого исполнительная власть может наделяться правом делегированного законотворчества.

Во главе угла судебной ветви власти находится функция – осуществления правосудия в установленных законодательством страны видах. Ни одна ветвь государственной власти и ни один государственный орган не правомочны подменять собой суд и осуществлять правосудие. Суды самостоятельны и независимы в реализации своих полномочий и подчиняются только закону.

Судебная ветвь власти взаимодействуя с законодательной властью по контролю за ней полномочна, в установленных процессуальных формах и основаниях, проверять принимаемые законодательными органами законы на их соответствие основному закону (конституции) страны и другим основополагающим законам, при установлении их несоответствия, уполномоченные на то органы судебной власти обязывают законодательный орган привести принятый закон в соответствие либо отменяют его действие. При этом контроль судом за законностью закона может осуществляться еще на стадиях его рассмотрения и принятия в законодательном органе.

Логика организации и деятельности государственного аппарата, согласно концепции разделения властей, согласована с функциональной ролью каждой из ветвей власти. Законодательная ветвь власти законы принимает, исполнительная ветвь власти законы исполняет, а судебная ветвь власти на основании и в соответствии с законами рассматривает и разрешает споры о праве (юридические конфликты). При этом каждая из ветвей государственной власти должна быть как самостоятельная, так и независимая. Ветви власти контролируя друг друга должны балансировать таким образом, чтобы не допускать концентрации власти в отдельной ее ветви, дабы власть не приобретала тиранические и деспотические формы.

Такое понимание в организации и деятельности государственного аппарата вытекает из самой концепции разделения властей предложенной ее основоположниками, так частности, Ш. Монтескье писал: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола...» [1].

Однако в этой связи необходимо понимать, что сама по себе концепция, какой бы разумной и обоснованной она ни представлялась, не является гарантией от

тирании и политической диктатуры, также, как и практическое ее воплощение в организации государственного аппарата (в истории отдельных государств есть такие примеры).

Нет и не может быть абсолютно одинаковых государств. Каждое государство, как и народ ее населяющий, уникальны в культурном, политическом, экономическом, правовом, этническом, территориально-географическом и т.д. его аспектах. История каждого государства, это отдельная страница истории человечества, написанная светлыми и темными чернилами. И. А. Ильин писал: «Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть, одинаковых форм и конституций» [2].

Так и с концепцией разделения властей, государства интерпретируют ее исходя из реалий особенностей своей государственности, опосредованной множеством социальных и естественных факторов. У государств в практике реализации концепции разделения властей есть свои нюансы. Отдельные государства идут по пути увеличения политического веса у одних ветвей власти и уменьшения его у других, иные же государства учреждают единоличный орган власти, который формально не включается ни в одну из ветвей власти, но при этом сосредотачивает в себе широкие властные полномочия либо наоборот, крайне ограниченные полномочия. Но есть и такие государства, в которых государственная власть, организованная на принципе разделения властей приближена к его исходному пониманию.

Необходимо понимать, что в основе разделения властей лежит примат воли народа, как единственного источника власти. Вне этого источника система разделения властей теряет всякий политический смысл и значение. Законодательная ветвь власти концентрирует в себе волю источника власти и материализует ее, придает ей юридически значимый характер посредством принимаемых законов и реализуемых им полномочий, отвечающих потребностям и интересам народа. Но при этом и сам народ должен действовать как политическая сила, осознавать себя источником и субъектом государственной власти. Вне этой взаимосвязи, ни народ, ни государство не сформируют устойчивые демократические традиции и институты, а это, в свою очередь, будет являться серьезным препятствием в реализации принципа разделения властей.

У всякой государственной власти есть своя социальная основа (социальный фундамент), обеспечивающая легальность и устойчивость государственной власти. В демократическом государстве, такой социальной основой власти выступает та многочисленная часть населения, которая, в наше время, получила свое устойчивое понятие – средний класс, наиболее политически активный слой населения, ориентированный, преимущественно, на взаимодействие с государством через легальные гражданские демократические институты, одним из которых являются свободные выборы в законодательные (представительные) органы. Граждане страны избирают в них своих же сограждан, наделяя последних государственной властью, в целях решения задач общественного развития, общественной безопасности, обеспечения достойного уровня жизни и т.д., а также недопущения узурпации власти и перерождения демократического государства в тоталитарное (деспотическое).

ЛИТЕРАТУРА

1. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. – Москва : Гослитиздат, 1955.
2. Ильин И. А. О государственной форме : собрание сочинений в 10 томах. – Москва : Русская книга, 1994.

УДК 342.33

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Уланов Данил Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su; st809173@ruc.su

THE CIVILIZATIONAL SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT OF SEPARATION OF POWER

Yambushev Fail Shamilievich, PhD (Jurisprudence) Associate Professor

Ulanov Danil Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию значения практической реализации концепции разделения властей на формирование новой социальной реальности – цивилизации, основанной на организации и осуществлении государственной власти, в основе которой лежат принципы народовластия, плюрализма, конкуренции и свободы личности.

Социальным и цивилизационным фундаментом государственной власти и в целом отношений в сферах политики, экономики, культуры является средний класс.

Ключевые слова: разделение властей, представительство, демократия, средний класс, цивилизация.

The article is devoted to the study of the significance of the practical implementation of the concept of the separation of powers in the formation of a new social reality – a civilization based on the organization and exercise of state power, which is based on the principles of democracy, pluralism, competition, and individual freedom. The middle class is the social and civilizational foundation of state power and, in general, of relations in the fields of politics, economics, and culture.

Keywords: separation of powers, representation, democracy, middle class, civilization.

Концепции разделения властей посвящено множество научных и околонаучных работ и изысканий. Казалось бы, что можно в ней еще обнаружить и исследовать, кроме как бесконечно обобщать уже имеющиеся знания и представления о ней. Да, эта концепция имеет основополагающее значение в организации и деятельности многих государств современности, она является фундаментом их государственности, исходным кодом демократии в обустройстве государственного механизма. Но мы подойдем к этому вопросу немного с другой стороны.

Начнем с того, что теоретическое обоснование данной концепции (не углубляясь в труды мыслителей античного периода) получила в трудах таких мыслителей, как М. Падуанский, Дж. Локк, Ш. Монтескье. В частности, Ш. Монтескье писал: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так

же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола ...» [1].

И так, что такое разделение властей, в общепринятом понимании? Это такой способ организации государственного аппарата, при котором государственная власть не концентрируется в одних руках (лице, органе власти), а имеет характер равновесного распределения власти между отдельными государственными органами, образующими собой, так называемые, ветви власти, полномочия которых производны от формы и способов осуществления государственной власти – законодательная, исполнительная, судебная. Равновесность ветвей государственной власти является сущностным содержанием данной концепции, которая зиждется в принципе «сдержек и противовесов».

При таком способе организации государственного аппарата, народ (население) из объекта власти трансформируется в ее субъект. Народ, как субъект власти, приобретает качество представительства в государственном аппарате посредством, в первую очередь, формируемой им же законодательной ветви власти, которая принимает законы, выражающие волю народа, обладающие высшей юридической силой, обязательные для исполнения всеми и лежащие в основе деятельности всех органов государственного аппарата. Такой способ осуществления государственной власти, на протяжении многих десятилетий, исключал и исключает деспотизм власти, в странах, утвердивших модель организации и деятельности государственного аппарата на основе концепции разделения властей.

Если обратиться к истории государств, то на шкале времени государственно-организованных обществ, практической реализации рассматриваемой концепции будет отмерен незначительный период времени. При условии, что за точку отсчета мы берем время становления государственности США во второй половине XIX века. Так как именно США первыми в истории государств осуществили попытку практической реализации концепции разделения властей, отталкиваясь от учения ее основоположников. С этого времени государственно-организованные общества начинают претерпевать существенные изменения как в организации государственного аппарата, так и в понимании политической природы государственной власти, – источником которой признается народ. Эти события постепенно приводили общества к формированию нового типа общественного сознания – гражданского сознания. В истории человечества открылись горизонты новой цивилизации. В ее основание легли принципы, вытекающие из природы человека, как социально организованного разумного субъекта, обладающего осознанными интересами и потребностями, мыслящего индивида.

Государственная власть уже перестает пониматься и восприниматься как удел немногих, обладающих правом властвовать в силу происхождения, воли высших сил, укоренившихся в обществе традиций, обычаев и т.п. Государственная власть приобретает в общественном сознании качество цели достижения общего для всего социума результата. Иными словами, государственная власть – это общее дело, дело всего населения страны. В значении, которое возникло в понимании государства еще в Древнем Риме – «*Res publica*» [2].

В пирамиде государственной власти, в таком ее смысле, народ находящийся в

основании пирамиды, из исключительно как объекта власти, становится ее источником (фундаментом). Это обстоятельство формирует уже новую модель, не только организации власти, но и всех остальных институтов общественной жизни.

Политические (гражданские) права и свободы, приобретаемые населением вследствие слома коренных догматов о государственной власти, доминировавших в прежние времена, изменяют саму архитектуру государственной власти – это уже не пирамида, а круг, в центре которого находятся органы государственной власти, опоясываемые гражданами страны, взаимодействие между ними приобретает, в большей степени, не вертикальный, а горизонтальный характер.

Отношения, формирующиеся в обществе на протяжении длительного времени, связанные с новой архитектурой государственной власти опосредуют изменения в экономической сфере – признание и реализация политических прав и свобод запускает механизм экономической свободы. Человек волен сам выбирать вид и род профессиональной деятельности, а не быть заложником чей-то экономической воли, как собственника средств производства или профессиональной семейной преемственности.

Человек начинает высвобождать свой творческий, интеллектуальный, физический потенциал. Однако, выражаясь советской терминологией, пережитки прошлого, конечно еще сохраняются, но уже активно уступают место новой экономической модели организации общества основанной на принципах свободы экономической деятельности, вида и рода занятий; запрета дискриминации в предпринимательской и трудовой деятельности; конкуренции; признания и защиты частной собственности; равенства форм собственности и др.

Трансформация экономических отношений приводит общество к образованию новых форм взаимосвязей между обществом и государством в вопросах достижения, удержания и осуществления государственной власти. Речь идет о формировании и функционировании демократических институтов, активными субъектами которых становится новый класс, возникший вследствие политических и экономических преобразований – средний класс. В общественных науках подходы в понимании среднего класса весьма разнообразны и во много обусловлены временем проводимых исследований по этому вопросу, остановимся на отдельных из них. Так, М. Вебер в начале XX в. относил к среднему классу тех, кто обладают определенной собственностью или соответствующей квалификацией, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда – это свободные крестьяне, ремесленники, торговцы, банкиры, квалифицированные работники и т.п. [3].

Во второй половине XX века увеличивается доступ населения к образованию и начинает активно развиваться рынок услуг. В связи с этим на первый план выходит роль человеческого капитала и его специфических активов. Исследователи того времени начинают выделять старый и новый средний класс (М. Севедж, Р. Льюис, Г. Коул). В новый средний класс включаются менеджеры, ученые, инженеры и др.

В нашем веке, веке информационного общества, экономические, политические, юридические, культурные отношения развиваются под влиянием информационно-коммуникационных технологий, в том числе с использованием искус-

ственного интеллекта, что привело к формированию нового класса – специалистов в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта.

Средний класс по видам и сферам деятельности в настоящее время достаточно разнороден, однако, одними из существенных критериев, характеризующих его можно назвать уровень дохода, социальный статус, уровень образования, культуры, обладание собственностью, самоидентификацией в качестве представителя среднего класса.

Средний класс, это не только социально-экономическая единица или группа населения, это и элемент политической системы демократического государства и, притом самый активный его элемент.

Тоталитарные (деспотические) государственные режимы неспособны породить средний класс. Формирование и расширение слоя населения страны, который обладает признаками среднего класса удел демократических государств, общества в которых развиваются на принципах плюрализма, конкуренции и свободы личности.

Именно средний класс формирует новую социальную реальность юридически, политически и экономически равных и свободных граждан, которые и выступают опорой (столпами) государственной власти демократического государства. Иначе и не может быть. Так и формируется гражданское общество – из свободных, равных и самодостаточных граждан страны, взаимодействующие с государством посредством развитых институтов народовластия и широкого представительства граждан в структурах государственного аппарата, основными из которых являются законодательные органы власти.

А. Тойнби считал, что развитие современной цивилизации должно идти в сторону увеличения среднего класса, что будет являться главным достижением общества [4, с. 360]. Даже при сохранении уже имеющихся темпов развития общественных отношений, можно ожидать все более расширяющуюся вовлеченность населения в сферы осуществления государственной власти, экономической деятельности, культуры, образования, посредством использования информационных технологий. Это, в свою очередь приведет к формированию цивилизации информационного типа, а увеличение числа граждан, относимых к среднему классу, переродит его в основной класс общества, который и будет олицетворять собой новую цивилизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. – Москва : Гослитиздат, 1955.
2. Понятие, в переводе с латинского, означающее «общее дело или общественное дело».
3. Вебер М. Основные понятия социальной стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5.
4. Тойнби А. Постигание истории. – Москва : ИНФРА-М, 1991.

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ, ГРАЖДАНСКИЕ И УГОЛОВНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 343

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Еремкина Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: n.v.ermkina@ruc.su, t.v.abdulmyanova@ruc.su

PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW-MAKING

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Eremkina Nadezhda Vasilyevna, PhD (Philology), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Уголовное правотворчество представляет собой особый вид интеллектуальной и формализованной деятельности уполномоченных органов государственной власти по созданию, изменению или отмене норм уголовного права. Эта деятельность обладает высочайшей степенью социальной ответственности, поскольку связана с установлением самых суровых мер государственного принуждения – уголовной ответственности и наказания. В силу этого процесс формирования уголовного закона не может быть произвольным; он подчинен строгой системе фундаментальных, руководящих начал – принципов.

Целью данного исследования является комплексный анализ системы принципов уголовного правотворчества в Российской Федерации, раскрытие их содержания, взаимосвязи и значения для формирования уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: правотворчество, правоприменение, законодательство, норма права, нормативно-правовой акт, принципы правоприменения, уголовный закон, уголовное право.

Criminal lawmaking is a special type of intellectual and formalized activity of authorized state authorities to create, amend, or repeal criminal law norms. This activity carries the highest degree of social responsibility, as it involves establishing the harshest measures of state coercion – criminal liability and punishment. Therefore, the process of formulating criminal law cannot be arbitrary; it is subject to a strict system of fundamental, guiding principles.

The purpose of this study is a comprehensive analysis of the system of principles of criminal lawmaking in the Russian Federation, revealing their content, interrelationships and significance for the formation of criminal law policy.

Keywords: lawmaking, law enforcement, legislation, legal norm, normative legal act, principles of law enforcement, criminal law, criminal law.

Принципы уголовного правотворчества – это не просто теоретическая конструкция. Они выступают в качестве системообразующего каркаса, который определяет идеологию, содержание и границы допустимого вмешательства законодателя в сферу прав и свобод человека. Соблюдение этих принципов является залогом создания справедливого, эффективного и легитимного уголовного закона, способного адекватно реагировать на вызовы современной преступности, не нарушая при этом базовых ценностей правового государства [1].

Принципы уголовного правотворчества образуют сложную, иерархическую систему, которую можно структурировать на несколько уровней:

1. **Общеправовые принципы.** Имеют универсальный характер и распространяются на все отрасли права и виды правотворческой деятельности (верховенство права, демократизм, гуманизм, федерализм).

2. **Межотраслевые принципы.** Действуют в нескольких смежных отраслях права, прежде всего в уголовном и уголовно-процессуальном (справедливость, виновная ответственность, недопустимость повторного привлечения к ответственности).

3. **Специальные (отраслевые) принципы уголовного правотворчества.** Являются конкретизацией более общих начал применительно к специфике создания именно уголовно-правовых норм. Именно они составляют ядро данной системы.

Все уровни принципов находятся в диалектическом единстве, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

1. **Принцип законности (верховенства права) в правотворчестве.** Данный принцип, закрепленный в ст. 3 Уголовного кодекса РФ («Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»), в контексте правотворчества приобретает расширительное толкование. Он включает следующие требования:

- **компетентность.** Правом создания уголовно-правовых норм обладают исключительно федеральные органы законодательной власти (Государственная Дума и Совет Федерации РФ). Никакой иной орган, включая субъекты Федерации, не может устанавливать преступность и наказуемость деяний.

- **процедурность.** Весь процесс разработки, обсуждения, принятия и обнародования уголовного закона должен строго соответствовать регламентам палат Федерального Собрания и Конституции РФ.

- **запрет обратной силы закона, устанавливающего или усиливающего ответственность.** Законодатель связан требованием ст. 54 Конституции РФ, что является важнейшей гарантией прав личности и правовой определенности.

- **формальная определенность.** Создаваемая уголовно-правовая норма должна быть сформулирована максимально четко и ясно, чтобы исключить произвольное толкование ее содержания правоприменителями. Размытые формулировки диспозиций статей противоречат принципу законности [2].

2. **Принцип виновной ответственности (субъективного вменения).**

Закрепленный в ст. 5 УК РФ, этот принцип обязывает законодателя конструировать нормы таким образом, чтобы уголовная ответственность могла наступать только при наличии вины лица в форме умысла или неосторожности. Недопустимо создание норм о так называемом «объективном вменении», то есть ответственности за сами по себе наступившие последствия без установления виновного отношения к ним. Этот принцип требует от законодателя тщательной проработки субъективной стороны каждого состава преступления.

3. **Принцип справедливости.** Принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) в правотворчестве имеет два основных аспекта:

- **законодатель должен признавать преступным лишь то деяние, которое обладает существенной общественной опасностью.** Уголовный закон должен быть крайним средством и применяться лишь тогда, когда иные меры правового и социального воздействия исчерпаны или заведомо неэффективны. Некритичная

криминализация малозначительных проступков ведет к чрезмерной репрессивности и девальвации авторитета уголовного закона.

– устанавливаемое санкцией наказание должно быть соразмерно характеру и степени общественной опасности преступления. Законодатель обязан выстраивать санкции в строгой иерархии, обеспечивая дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести деяния. Несправедливым является как установление чрезмерно сурового наказания за малозначительное преступление, так и неоправданно мягкого – за тяжкое [3].

4. Принцип гуманизма. Содержание принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ) также двойственно:

– уголовный закон призван обеспечить защиту человека, его прав и свобод от преступных посягательств, то есть быть гуманным к жертвам преступления.

– наказание и иные меры уголовно-правового характера не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Этот аспект обязывает законодателя: отказываться от жестоких, архаичных видов наказаний; шире использовать наказания, не связанные с изоляцией от общества; закреплять механизмы освобождения от уголовной ответственности и наказания, особенно для несовершеннолетних и лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести.

5. Принцип демократизма (публичности).

Данный принцип предполагает, что уголовный закон должен выражать волю и интересы народа. Он реализуется через:

– гласность и открытость обсуждения законопроектов. Проекты уголовных законов должны проходить широкое публичное обсуждение с привлечением экспертов, научного сообщества, правозащитных организаций и граждан.

– учет общественного мнения. Законодатель не может игнорировать социальный запрос на защиту от наиболее опасных видов преступности, но при этом должен противостоять популизму и «карательным» настроениям, основываясь на данных криминологии и правовой науки.

6. Принцип научной обоснованности. Один из ключевых, но часто нарушаемых принципов. Он требует, чтобы любое решение законодателя о криминализации или декриминализации деяния, или изменении санкции было подкреплено:

– данными криминологии и социологии – анализом распространенности деяния, его общественной опасности, причин и условий, способствующих его совершению.

– прогнозом последствий – оценкой потенциальных социальных, экономических и правовых последствий принятия новой нормы.

– системным анализом – учетом системных связей вводимой нормы с другими положениями УК РФ и смежного законодательства для недопущения коллизий и пробелов [4].

Несмотря на их законодательное закрепление, в практике российского уголовного правотворчества наблюдаются устойчивые проблемы, связанные с отступлением от рассмотренных принципов.

1. Нарушение принципа научной обоснованности и справедливости («законо-

дательная инфляция»). Хаотичное, поспешное принятие многочисленных поправок в УК РФ, часто под влиянием отдельных резонансных событий, без проведения должного криминологического и прогностического анализа. Это приводит к появлению «символических» законов, неэффективных на практике, и нарушает системность уголовного права.

2. Нарушение принципа формальной определенности. Принятие норм с размытыми, оценочными диспозициями («явное неуважение к обществу», «иное нарушение общественного порядка»), что создает почву для произвольного толкования и применения, нарушая принцип законности.

3. Дисбаланс между карательностью и гуманизмом. Параллельно с процессом декриминализации и либерализации ответственности за преступления небольшой тяжести наблюдается устойчивая тенденция к ужесточению наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также за рецидив. Зачастую такая ужесточенность не имеет убедительной научной аргументации и может расходиться с принципом справедливости.

4. Проблема «мнимой криминализации». Иногда законодатель идет по пути криминализации деяний, которые могли бы быть эффективно пресечены с помощью административного или гражданско-правового инструментария, игнорируя принцип предельного соотношения [5].

В заключении можно сделать вывод, что принципы уголовного правотворчества представляют собой не просто набор декларативных пожеланий, а строгую систему требований, предъявляемых к содержанию и процедуре создания уголовного закона. Их соблюдение является необходимым условием для формирования уголовного законодательства, адекватного вызовам современности, эффективного в борьбе с преступностью и одновременно уважающего права и свободы человека.

Игнорирование этих принципов, как это зачастую происходит в условиях «законодательной инфляции» и популистских запросов, ведет к созданию противоречивых, несистемных и зачастую неработающих правовых норм, которые подрывают авторитет власти, способствуют правовому нигилизму и в конечном счете снижают эффективность всей уголовно-правовой политики государства.

Таким образом, дальнейшее развитие Уголовного кодекса Российской Федерации должно осуществляться не путем лавинообразного внесения точечных, зачастую конъюнктурных поправок, а на основе последовательной и неуклонной реализации системы фундаментальных принципов уголовного правотворчества. Только такой путь обеспечит создание качественного, справедливого и легитимного уголовного закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов, И. В. Уголовно-правовая политика государства и влияние на неё науки в процессе правотворчества // Уголовно-правовое воздействие: теория и практика: сборник научных статей. – Курск, 2025. – С. 67–70.

2. Стельмах, Д. Д. Принципы уголовного права, их влияние на законодательство и (или) правоприменительную практику // Актуальные тенденции в развитии современного общества: влияние культурно-исторического наследия на социально-политический дискурс и выбор ци-

визационного пути : сборник научных трудов по итогам XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2025. – С. 160–164.

3. Шухалов, Н. А. Место принципа справедливости и проблемы его реализации в уголовном праве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1(79). – С. 374–388.

4. Коренева, Л. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной практике // Флагман науки. – 2024. – № 1(12). – С. 451–454.

5. Ахмедова, Э. Ш. Принципы уголовного права: реализация, проблемные аспекты и пути их решения // Проблемы публичного и частного права : сборник студенческих научных работ. – Тверь, 2023. – С. 439–446.

УДК 343

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Карабанова Марьям Муратовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st810410@ruc.su

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE LEGAL INSTITUTION OF THE PROTECTION OF PERSONAL FREEDOM

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Karabanova Maryam Muratovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность темы обусловлена фундаментальным значением свободы личности как базовой ценности правового государства. В статье рассматриваются основные этапы исторического формирования института защиты личной свободы – от древнеримского права и средневековых актов до закрепления в Конституции Российской Федерации. Анализируется развитие идей естественных прав человека, принципа личной неприкосновенности и судебных гарантий свободы. Особое внимание уделено влиянию общественно-политических трансформаций и международных правовых норм на формирование современного российского законодательства о защите свободы личности.

Ключевые слова: свобода личности, права человека, правовое государство, личная неприкосновенность, история права, конституционные гарантии, правовой институт.

The relevance of the topic is determined by the fundamental importance of personal freedom as a core value of a legal state. The article examines the main historical stages in the formation of the legal institution of personal freedom protection – from Roman law and medieval acts to its consolidation in the Constitution of the Russian Federation. The development of ideas of natural human rights, the principle of personal inviolability, and judicial guarantees of freedom are analyzed. Special attention is paid to the influence of socio-political transformations and international legal norms on the formation of modern Russian legislation on the protection of personal freedom.

Keywords: personal freedom, human rights, rule of law, personal inviolability, history of law, constitutional guarantees, legal institution.

Свобода личности как правовая категория является одной из фундаментальных ценностей, обеспечивающих защиту индивида от произвольных посяга-

тельств со стороны государства или третьих лиц. Формирование института защиты свободы личности происходило на протяжении тысячелетий, отражая изменения в общественно-политических системах, философских воззрениях и правовых традициях. Актуальность изучения его истории обусловлена современными вызовами, такими как угрозы терроризма, киберпреступности и авторитарных тенденций, которые создают риски для личных свобод. Исторический анализ позволяет глубже понять механизмы защиты и определить пути их совершенствования в национальном и международном праве [3].

Первые элементы защиты свободы личности прослеживаются в правовых системах древних цивилизаций. В Древнем Вавилоне Кодекс Хаммурапи содержал нормы, ограничивающие произвольное насилие, хотя они преимущественно регулировали имущественные отношения. В Древней Греции афинская демократия вводила процедуры судебного контроля за арестами, а римское право закрепило принцип «нет преступления без закона», ставший основой для защиты от необоснованных обвинений. В римской практике зародились процедуры, схожие с современным институтом судебного приказа о проверке законности задержания, что стало важным шагом в защите личной свободы [1].

В Средние века развитие института защиты свободы личности столкнулось с феодальной системой, где власть монарха и феодалов часто была абсолютной. Ключевым событием стала Великая хартия вольностей, принятая в Англии, которая закрепила принцип, что никто не может быть арестован или лишен свободы без законного суда. Этот документ заложил основу для развития процедур судебного контроля и повлиял на формирование правовых традиций в Европе. В континентальной Европе аналогичные идеи развивались через каноническое право и городские хартии, которые подчеркивали неприкосновенность личности и ограничивали произвол властей [2].

Эпоха Просвещения и буржуазные революции XVIII века стали переломным этапом в становлении института. Французская Декларация прав человека и гражданина провозгласила свободу личности неотъемлемым правом, защищаемым от произвольного ареста и насилия. Американская Конституция и Билль о правах закрепили гарантии защиты от необоснованных задержаний и жестоких наказаний. Философские концепции Джона Локка и Жан-Жака Руссо, обосновывающие естественные права человека, легли в основу конституционного права, где свобода личности стала центральной категорией. Эти идеи способствовали созданию практических механизмов защиты, таких как независимый судебный контроль и институт прокуратуры [4].

В России становление института защиты свободы личности прошло сложный и многогранный путь, обусловленный историческими, социальными и политическими особенностями. В период Киевской Руси правовые нормы, регулирующие защиту личности, были фрагментарными и тесно связаны с обычным правом. «Русская Правда» Ярослава Мудрого содержала положения о наказаниях за преступления против личности, однако защита свободы была ограничена и распространялась преимущественно на привилегированные сословия, такие как дружинники и купцы. Основная масса населения, включая смердов, находилась в зависимом положении, что исключало равную защиту их прав [6].

В Московском государстве правовая система укрепляла власть монарха, а права личности подчинялись государственным и церковным интересам. Судебники 1497 и 1550 годов закрепляли наказания за преступления против личности, но отсутствовали механизмы защиты от произвольного ареста или насилия со стороны властей. Крепостное право, окончательно оформившееся в XVII веке с принятием Соборного уложения 1649 года, существенно ограничивало личную свободу значительной части населения. Тем не менее, в этот период начали появляться элементы правового регулирования, например, в виде челобитных, которые позволяли обращаться к царю с жалобами на произвол местных властей [3].

Реформы Петра I заложили основы для модернизации правовой системы. Введение «Табели о рангах» и попытки упорядочить судебную систему способствовали формированию более четких процедур, хотя защита свободы личности оставалась ограниченной из-за авторитарного характера власти. Во второй половине XVIII века Екатерина II, вдохновленная идеями Просвещения, инициировала Наказ Уложенной комиссии, в котором декларировались принципы гуманизма и ограничения произвола. Однако на практике эти идеи не получили широкого применения, и крепостное право продолжало ограничивать свободу большинства населения [4].

Значительный прогресс в развитии института защиты свободы личности в России связан с Судебной реформой 1864 года, проведенной при Александре II. Эта реформа ввела принципы гласности, состязательности и независимости суда, а также закрепила гарантии защиты от произвольного ареста. Впервые в российской истории были установлены процедуры, требующие судебного решения для лишения свободы, а также право обвиняемых на защиту в суде. Создание института присяжных заседателей и адвокатуры стало важным шагом в обеспечении прав личности. Однако реформа распространялась не на все регионы и сословия, а политические преступления по-прежнему рассматривались в особом порядке, что ограничивало гарантии свободы [7].

После Октябрьской революции 1917 года советская правовая система провозглашала защиту прав граждан, но на практике приоритет отдавался государственным и идеологическим интересам. Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1936 года декларировали право на личную неприкосновенность, однако отсутствие независимой судебной системы и массовые репрессии 1930-х годов свели эти нормы к формальности. Политические заключения, внесудебные расправы и деятельность «троек» НКВД стали серьезным отступлением от принципов защиты свободы личности. Конституция СССР 1977 года формально закрепляла права граждан, включая неприкосновенность личности, но реальная защита была ограничена из-за отсутствия механизмов контроля за действиями властей [3].

Переломным моментом в российской истории стало принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, которая провозгласила свободу личности одной из высших ценностей. Статья 45 Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека, а статья 46 закрепляет право на судебную защиту, включая обжалование незаконного ареста. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» установили механизмы судебного

контроля за арестами, включая обязательное судебное решение для продления сроков содержания под стражей. Россия также присоединилась к международным актам, таким как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, что обязало страну соблюдать международные стандарты защиты прав личности [4].

Современный этап развития института защиты свободы личности в России характеризуется как достижениями, так и вызовами. С одной стороны, сформирована нормативная база, соответствующая международным стандартам, включая механизмы судебного и общественного контроля. Институт уполномоченного по правам человека, созданный в 1993 году, играет важную роль в мониторинге нарушений и защите прав граждан. С другой стороны, на практике сохраняются проблемы, связанные с нарушениями сроков содержания под стражей, ограниченным доступом к квалифицированной юридической помощи, особенно в регионах, и недостаточной независимостью судебной системы. Политически мотивированные дела и давление на адвокатов также создают барьеры для полноценной защиты свободы личности [5].

Цифровизация и глобализация вносят новые вызовы. Развитие технологий, таких как системы видеонаблюдения, биометрической идентификации и анализа больших данных, повышает эффективность правоохранительной деятельности, но увеличивает риски вмешательства в личную жизнь. Киберпреступность и угрозы информационной безопасности требуют новых подходов к защите данных и конфиденциальности. Федеральный закон «О персональных данных» регулирует эти вопросы, но его применение осложняется быстрым развитием технологий и недостаточной технической оснащенностью правоохранительных органов [3].

Высокая латентность нарушений прав личности, особенно в местах содержания под стражей, остается серьезной проблемой. Нарушения часто выявляются лишь постфактум, что подчеркивает необходимость усиления превентивных механизмов, включая общественный контроль и независимый мониторинг. Важное значение имеет совершенствование кадрового обеспечения: сотрудники правоохранительных органов и судов должны обладать глубокими знаниями в области прав человека и международных стандартов. Развитие программ профессиональной подготовки, включая специализированные курсы по правам человека, позволит повысить качество защиты прав личности [4].

Эффективность защиты свободы личности зависит от скоординированной работы государственных органов, включая суды, прокуратуру, следственные органы и институт уполномоченного по правам человека. Межведомственное взаимодействие, обмен информацией и унификация подходов к защите прав граждан способствуют своевременному выявлению нарушений и их предотвращению. Однако сохраняются проблемы, связанные с перегруженностью судов, нехваткой специалистов в области прав человека и недостаточной технической оснащенностью региональных структур [5].

Современное состояние института защиты свободы личности в Российской Федерации можно охарактеризовать как переходное: сформирована нормативно-

правовая база, соответствующая международным стандартам, внедряются механизмы судебного и общественного контроля, но сохраняются сложности, связанные с практическим применением норм, недостаточной независимостью судебной системы и влиянием технологических вызовов. Повышение эффективности защиты возможно при дальнейшем совершенствовании законодательства, укреплении межведомственного взаимодействия и активном внедрении современных инструментов контроля и мониторинга. Это позволит укрепить верховенство права, обеспечить защиту свобод личности и повысить доверие граждан к государственным институтам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // КонсультантПлюс.
2. Великая хартия вольностей (1215 г.) // Исторические источники права. – URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Ковалёв А. А. Права человека в исторической перспективе. – Москва : Юрайт, 2023. – 554 с.
4. Лапаева В. В. Защита прав и свобод личности: проблемы теории и практики. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2022. – 458 с.
5. Макаров И. В. Правовое регулирование цифровой среды и защита прав человека. – Москва : Проспект, 2021. – 350 с.
6. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск : Афанасьев, 2024.
7. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. – Том Раздел VIII. – Саранск, 2023. – 100 с.

УДК 343

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

**Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Сальникова Ангелина Олеговна, магистрант**

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st810394@ruc.su

THE CURRENT STATE OF COUNTERING ECONOMIC CRIMES

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Salnikova Angelina Olegovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования определяется современными тенденциями развития экономической преступности в Российской Федерации, характеризующейся высокой латентностью, сложностью выявления и усложнением схем совершения преступлений. В статье анализируется современная правовая база и практика противодействия экономическим преступлениям, рассматриваются проблемы квалификации деяний, формирования доказательной базы и особенностей расследований в условиях цифровизации экономики. На основе проведённого анализа выявляются ключевые направления совершенствования уголовного и процессуального

законодательства, а также методов деятельности правоохранительных органов и финансового контроля, что позволяет повысить эффективность противодействия экономическим преступлениям и укрепить экономическую безопасность государства.

Ключевые слова: экономические преступления, уголовное право, финансовый контроль, расследование, цифровая экономика, деятельность правоохранительных органов, правовое регулирование.

The relevance of the study is determined by current trends in the development of economic crimes in the Russian Federation, characterized by high latent rates, difficulties in detection, and increasing complexity of criminal schemes. The article analyzes the current legal framework and practice of countering economic crimes, examines issues of crime qualification, evidence formation, and investigation specifics in the context of a digital economy. Based on this analysis, key directions for improving criminal and procedural legislation, as well as the methods of law enforcement and financial control authorities, are identified, which allows enhancing the effectiveness of countering economic crimes and strengthening the economic security of the state.

Keywords: economic crimes, criminal law, financial monitoring, investigation, digital economy, law enforcement, legal regulation.

Экономическая преступность представляет собой серьёзную угрозу экономической стабильности государства, подрывает доверие к финансовым институтам и способствует теневизации экономики. Современные преступления в экономической сфере отличаются высокой степенью латентности, что существенно затрудняет их выявление, расследование и предупреждение. В отличие от традиционных форм преступности, экономические правонарушения всё чаще совершаются в организованных формах и с применением сложных схем, включающих использование цифровых технологий, международных финансовых операций и подставных юридических лиц. В условиях развития цифровой экономики преступники адаптируют свои действия к новым реалиям, применяя инструменты криптовалют, электронных кошельков и удалённого документооборота, что требует постоянного совершенствования методов противодействия и обновления правовой базы [3].

Правовую основу борьбы с экономическими преступлениями в Российской Федерации составляет Уголовный кодекс РФ, нормы которого регулируют ответственность за деяния, посягающие на экономическую безопасность и финансовые интересы государства. К основным видам экономических преступлений относятся незаконная предпринимательская деятельность, уклонение от уплаты налогов, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, а также легализация доходов, полученных преступным путём. Указанные деяния предусмотрены статьями 171, 174–174.1, 198–199.2, 201 и 204 УК РФ. Применение этих статей на практике показывает как их значимость для поддержания правопорядка, так и наличие трудностей при квалификации преступлений, определении степени общественной опасности и формировании доказательной базы, особенно в случаях, связанных с многоуровневыми схемами ухода от налогов или использованием фиктивных фирм [4].

Комплексная нормативная база дополняется рядом федеральных законов, создающих систему финансового контроля и мониторинга. Среди них – Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных

преступным путём, и финансированию терроризма» [1], Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» [5]. В совокупности эти акты формируют правовые рамки противодействия экономическим преступлениям, обеспечивают контроль за финансовыми операциями, регулируют ответственность за злоупотребления в сфере предпринимательства и устанавливают механизмы предотвращения незаконных действий с цифровыми активами [7].

Однако эффективность действия нормативной базы во многом зависит от её применения. На практике правоохранительные органы сталкиваются с трудностями в доказывании умысла, особенно в делах о налоговых преступлениях и злоупотреблениях в коммерческих организациях. Разграничение уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений вызывает споры и нередко становится предметом судебных разбирательств. Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на необходимость соблюдения принципов справедливости и соразмерности наказания, подчёркивая, что привлечение предпринимателей к уголовной ответственности допустимо лишь при наличии очевидного умысла на извлечение незаконной выгоды [4].

Одной из ключевых проблем современного состояния противодействия экономическим преступлениям остаётся их высокая латентность. Существенная часть противоправных действий скрывается за видимостью законной деятельности, что создаёт благоприятную почву для злоупотреблений и искажает статистическую картину. Преступные схемы включают использование подставных фирм, фиктивных договоров, двойной бухгалтерии и электронных транзакций, проводимых через зарубежные счета. Особенно часто злоумышленники прибегают к использованию фирм-«однодневок», цепочек фиктивных контрагентов, многоступенчатых сделок и посреднических структур, призванных скрыть конечного выгодоприобретателя. Такие действия позволяют затруднить установление реальных участников противоправных операций и источников происхождения денежных средств.

Высокая латентность экономических преступлений во многом обусловлена и спецификой самой экономической деятельности, где границы между законной предпринимательской инициативой и противоправными действиями нередко оказываются размытыми. В ряде случаев нарушения носят сложный, многофакторный характер, а выявление состава преступления требует детального финансового анализа, сопоставления большого объёма бухгалтерских и электронных данных. Кроме того, значительная часть преступлений совершается при содействии должностных лиц, что создаёт дополнительный барьер для раскрытия и способствует формированию коррупционных связей между бизнесом и представителями власти [6].

Латентность снижает эффективность работы следственных органов и создаёт дополнительные риски для финансовой системы. Зачастую противоправные операции выявляются лишь постфактум – после наступления значительного экономического ущерба или банкротства организаций. В этих условиях ключевое зна-

чение приобретают механизмы предварительного финансового контроля, внутреннего аудита и мониторинга, позволяющие выявлять подозрительные операции ещё до их перехода в уголовно наказуемую форму. Современные методы финансового мониторинга предполагают использование автоматизированных систем анализа операций, оценку рисков клиентов, формирование «профилей подозрительной активности», что повышает эффективность выявления преступлений и способствует предупреждению финансовых нарушений [3].

Цифровизация экономики оказывает значительное влияние на природу и структуру экономической преступности. Развитие электронных платёжных систем, дистанционного банковского обслуживания и криптовалютных платформ одновременно открывает новые возможности для предпринимательства и создаёт благоприятные условия для совершения преступлений. С одной стороны, цифровые инструменты позволяют отслеживать движение денежных средств и повышают прозрачность финансовых потоков, с другой – создают риски для контроля со стороны государства, поскольку часть операций может осуществляться вне традиционной банковской системы. Закон «О цифровых финансовых активах» стал важным шагом в правовом регулировании этой сферы, закрепив понятие цифровых прав и установив ответственность за их незаконное использование [5].

В этих условиях правоохранительные органы вынуждены осваивать новые методы расследования, включающие цифровую криминалистику, анализ электронных доказательств, отслеживание сетевых транзакций и использование программных средств анализа больших данных. Всё более востребованными становятся судебно-экономические экспертизы, позволяющие установить действительные обстоятельства финансовых операций, оценить их экономическую обоснованность и выявить признаки противоправных действий [3]. Применение таких технологий способствует более точному установлению причинно-следственных связей между действиями подозреваемых и наступившими последствиями, а также формированию надёжной доказательной базы.

Эффективность противодействия экономическим преступлениям во многом определяется уровнем взаимодействия между различными структурами – следственными подразделениями, органами прокуратуры, судом, Росфинмониторингом, Федеральной налоговой службой и Банком России. Только при скоординированной деятельности возможно обеспечить своевременное выявление подозрительных операций и блокировку незаконных финансовых потоков [1]. На практике реализуются меры по интеграции информационных систем, обмену аналитическими данными и унификации подходов к оценке рисков. В то же время сохраняются проблемы, связанные с недостаточной технической оснащённостью региональных подразделений, перегруженностью следователей и нехваткой специалистов в сфере экономического анализа и цифровых технологий.

Важное значение для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями имеет совершенствование кадрового обеспечения. Сотрудники правоохранительных органов должны обладать не только правовыми знаниями, но и глубоким пониманием финансовых процессов, бухгалтерского учёта, цифровых технологий. Развитие системы профессиональной подготовки, внедрение

специализированных курсов и программ повышения квалификации, направленных на обучение методам финансового анализа и работе с цифровыми доказательствами, позволит повысить качество расследований и уменьшить количество ошибок при квалификации деяний [4].

Современное состояние противодействия экономическим преступлениям в Российской Федерации можно охарактеризовать как переходное: с одной стороны, формируется обновлённая нормативно-правовая база, внедряются цифровые технологии контроля и мониторинга, развивается аналитическая деятельность; с другой – сохраняются сложности, связанные с высокой латентностью преступлений, несовершенством методик расследования и недостаточной подготовкой кадров. Повышение эффективности противодействия возможно при условии дальнейшего совершенствования уголовного и процессуального законодательства, укрепления межведомственного взаимодействия и активного внедрения современных цифровых инструментов [3]. Это позволит укрепить экономическую безопасность государства, обеспечить устойчивость финансовой системы и повысить доверие граждан к институтам правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». – URL: <https://www.consultant.ru/>
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». – URL: <https://www.consultant.ru/>
3. Костюков А. А. Противодействие экономическим преступлениям в условиях цифровизации экономики. – Москва : Юрайт, 2022. – 450 с.
4. Лапаева В. В. Борьба с преступностью в сфере экономики: проблемы правового регулирования. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. – 325 с.
5. Макаров И. В. Правовое регулирование цифровой экономики в России. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. – 120 с.
6. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. – Раздел VIII. – Саранск, 2023. – 100 с.
7. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования : монография / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. – Саранск, 2025.

УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Халикова Исламия Фяритовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st808971@ruc.su

TOPICAL ISSUES OF QUALIFICATION OF THE INVOLVEMENT OF A MINOR IN THE COMMITMENT OF A CRIME

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Khalikova Islamia Faryitovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования вопросов квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления обусловлена последними изменениями в уголовном законодательстве, вступившими в силу в 2025 году, а также наличием значительных сложностей в правоприменительной практике, требующих научного осмысления и выработки единообразных подходов.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовная ответственность, несовершеннолетний, привлечение, преступление, противоправное деяние.

Involving minors in criminal activity is one of the most socially dangerous crimes against the family and minors, since it not only contributes to the commission of a specific illegal act, but also has a corrupting effect on the fragile psyche of teenagers, forming persistent antisocial attitudes in them.

The relevance of research into the classification of this crime is determined by the latest changes in criminal legislation, which came into force in 2025, as well as the presence of significant difficulties in law enforcement practice, requiring scientific understanding and the development of uniform approaches.

Keywords: criminal law, criminal liability, minor, prosecution, crime, unlawful act.

Общественная опасность рассматриваемого преступления против несовершеннолетних как членов семьи состоит в том, что оно наносит ущерб нравственному, духовному и физическому развитию несовершеннолетних, подрывает основы семейного воспитания и создает угрозу для нормального развития личности ребенка. Дополнительная опасность заключается в том, что такие преступления часто совершаются лицами, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, – родителями, педагогами, что усиливает разрушительное воздействие на психику ребенка и затрудняет своевременное выявление и пресечение этих деяний [1].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ актуальных проблем квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, выявление пробелов и противоречий в правовом регулировании и правоприменительной практике, а также разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Основной объект преступления, предусмотренного статьей 150 УК РФ, – общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, психическое и нравственное развитие несовершеннолетнего, его правильное воспитание и условия для полноценного формирования личности. Дополнительный объект – общественная безопасность, поскольку вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность способствует росту преступности в целом.

Объективная сторона преступления выражается в активных действиях виновного, направленных на склонение несовершеннолетнего к совершению преступления. Законодатель предусматривает различные способы вовлечения: обещания, обман, угрозы или иной способ.

Так, например, Иван (25 лет), ранее судимый за кражи, знал, что его сосед, подросток Алексей (16 лет), хочет купить новый дорогой смартфон, но у него нет денег. Несовершеннолетний Алексей учится в школе, ранее к ответственности не привлекался. Иван замечает, что в одной из квартир его дома часто открывают окна, и владельцы надолго уезжают. Он решает совершить кражу, но понимает,

что ему нужен сообщник, который меньше вызовет подозрений, например, сможет пролезть в узкое открытое окно на первом этаже. Иван встречает Алексея во дворе и заводит разговор: «Слышал, ты телефон присматриваешь. Я знаю, где можно быстро раздобыть денег. Дело несложное: покараулишь на улице, когда я буду в квартире, и дашь сигнал, если кто-то пойдет. Делиться будем пополам. Тебе хватит на телефон». Тем самым Иван обещает Алексею легкие деньги. Иван преуменьшает риск, говоря «дело несложное», «никто не узнает», создавая у подростка ложное впечатление безопасности. Алексей, соблазненный обещаниями и недооценивая последствия, соглашается. Ночью они вместе идут к дому. Иван проникает в квартиру через окно. Иван похищает деньги, украшения и электронику. Их замечает сосед, возвращающийся домой, и вызывает полицию. Оба задерживаются на месте преступления.

Ключевой признак вовлечения – это активные действия взрослого, направленные на склонение несовершеннолетнего к преступной деятельности, когда взрослый является инициатором и организатором, используя неопытность, доверчивость или материальные трудности подростка.

Под иными способами на практике понимаются уговоры, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти или других низменных побуждений, а также обман относительно правовой оценки деяния (убеждение в безнаказанности).

Так, например, обладая информацией о длительном отсутствии хозяина соседней дачи, гражданин Силантьев разработал план противоправных действий, направленный на завладение имуществом соседа – велосипедом. Реализацию данного плана он решил возложить на несовершеннолетнего Ваничкина, применив для этого комплекс методов психологического воздействия.

Чтобы нейтрализовать возможные моральные барьеры у подростка, Силантьев сфабриковал историю о якобы существующем долге соседа, который тот отказывается возвращать. Он представил предстоящую кражу не как преступление, а как акт «восстановления справедливости», где велосипед должен был стать компенсацией. Дополнительным стимулом стало прямое денежное вознаграждение, обещанное несовершеннолетнему после успешного выполнения указаний.

В назначенное время Силантьев привёл подростка к месту происшествия. Свою роль организатора он ограничил инструктажем, отведя себе роль наблюдателя под ложным предлогом обеспечения прикрытия. Фактически же он поручил Ваничкину самостоятельно преодолеть ограждение и проникнуть в хозяйственную постройку через оконный проём. Сразу после этого Силантьев покинул место преступления, минимизировав таким образом свой непосредственный риск.

Исполнив все полученные указания, несовершеннолетний в одиночку извёз велосипед и доставил его Силантьеву по месту жительства. В результате этих действий Силантьев достиг преступной цели, оставаясь в тени и переложив всю оперативную часть, а, следовательно, и первоочередную уголовную ответственность, на подростка.

Преступление считается оконченным с момента начала вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, независимо от того, было ли доведено до конца преступление, в которое вовлекался несовершеннолетний. Для квалификации не требуется, чтобы несовершеннолетний фактически совершил

преступление – достаточно установить сам факт противоправного воздействия на него с целью склонения к преступной деятельности [2].

Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ внесены существенные изменения в статьи 150 и 151 УК РФ, усиливающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность. Эти изменения отражают новые вызовы и угрозы, связанные с развитием информационных технологий и увеличением распространенности организованных форм вовлечения несовершеннолетних в преступность.

Ключевые новеллы законодательства включают:

- вовлечение через интернет – введен новый квалифицирующий признак, предусматривающий ответственность за совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Этот признак отражает современные реалии, когда значительная часть вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность происходит через социальные сети, мессенджеры и онлайн-игры.

- вовлечение двух и более лиц – усилена ответственность за вовлечение в преступную деятельность нескольких несовершеннолетних, что свидетельствует о повышенной общественной опасности таких форм вовлечения.

- вовлечение малолетних – установлен особый квалифицирующий признак для случаев вовлечения в преступную деятельность лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Это связано с их повышенной уязвимостью и неспособностью в полной мере осознавать противоправность своих действий.

Максимальное наказание за совершение преступления при особо квалифицирующих обстоятельствах теперь предусмотрено в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет (ранее от пяти до восьми лет). За вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий максимальное наказание до восьми лет лишения свободы (ранее до шести лет).

В правоприменительной практике возникает ряд сложностей при разграничении вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления со смежными составами, что требует тщательного анализа объективных и субъективных признаков каждого деяния [3].

Разграничение с организацией преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) возникает в случаях, когда несовершеннолетний вовлекается в уже существующую преступную группу. Ключевым критерием разграничения является характер деятельности виновного: при вовлечении основное значение имеют действия по склонению к совершению преступления, тогда как при организации – создание устойчивой группы, руководство ею или координация преступных действий.

Разграничение с подстрекательством к преступлению представляет особую сложность, поскольку вовлечение по своей природе является разновидностью подстрекательства. В теории уголовного права выработан критерий разграничения, согласно которому вовлечение характеризуется систематическим воздействием на несовершеннолетнего, направленным на формирование у него устойчивой готовности к совершению преступлений, в то время как подстрекательство обычно ограничивается склонением к совершению конкретного преступления.

Отличие от неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего

(ст. 156 УК РФ) проводится по характеру бездействия: при неисполнении обязанностей виновный не выполняет возложенные на него законом обязанности по воспитанию, что может создавать условия для вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, но не связано с активными действиями по склонению к совершению преступления.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления, и желает этого. Мотивы и цели преступления могут быть различными: корыстные побуждения, желание использовать несовершеннолетнего в своих интересах, стремление привить ему антиобщественные установки и т.д. На квалификацию мотив не влияет, но может учитываться при назначении наказания.

Так, например, в обстановке совместного распития алкогольных напитков в комнате общежития, где проживал Вагапов, между ним и двумя случайными знакомыми, Гасеевым и Вахтеровым, возник преступный умысел. Вагапов, располагая точными сведениями о том, что жильцы соседней квартиры отсутствуют, выдвинул предложение о её ограблении. В качестве мотивации для подростков он использовал обещание потратить добытые средства на пышное продолжение вечера в ресторане.

Поддавшись уговорам, вся группа поднялась на нужный этаж, где незаконно проникла в жилище, предварительно вскрыв входную дверь. Преступный план был реализован: похищенные ценности были обращены в денежный эквивалент и, как и планировалось, потрачены в заведении общественного питания.

В ходе последующего расследования Вагапов в качестве линии защиты избрал утверждение о неосведомлённости относительно истинного возраста своих подельников. Он ссылаясь на их внешность, казавшуюся ему старше паспортных данных, и на случайный характер знакомства. Следствие проверило данный довод, и его оценка повлияла на окончательную юридическую квалификацию деяний обвиняемого.

Субъект преступления – специальный: лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Особую общественную опасность представляют случаи, когда преступление совершается родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Эти лица в силу своего положения обладают значительным влиянием на несовершеннолетнего и их противоправные действия оказывают особенно разрушительное воздействие на его психику.

Сравнительный анализ уголовного законодательства зарубежных стран показывает различные подходы к установлению ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

В Уголовном кодексе Германии (§ 30) предусмотрена ответственность за склонение другого лица к совершению тяжкого преступления, при этом возраст склоняемого лица не имеет значения. Однако германское законодательство устанавливает повышенную ответственность за преступления против молодежи, включая вовлечение несовершеннолетних в потребление алкоголя и наркотиков.

Уголовный кодекс Франции (ст. 221-5) устанавливает ответственность за склонение несовершеннолетнего к совершению преступления, при этом предусмат-

ривает повышенное наказание, если склонение осуществлялось с использованием интернета или других электронных средств связи. Французское законодательство также предусматривает ответственность за «моральное разложение» несовершеннолетнего, которое может включать различные формы негативного воздействия на его нравственное развитие.

В уголовном законодательстве стран СНГ (Украина, Беларусь, Казахстан) предусмотрены специальные нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, аналогичные ст. 150 УК РФ. Однако в некоторых государствах (например, в Грузии) отсутствует специальная норма, и такие действия квалифицируются как подстрекательство к преступлению [4].

На основе анализа правоприменительной практики и теоретических разработок можно сформулировать ряд рекомендаций, направленных на совершенствование квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений:

1. Разработать критерии оценки «иных способов» вовлечения – Верховному Суду РФ целесообразно дать разъяснения относительно содержания понятия «иной способ» вовлечения, указав конкретные примеры из судебной практики, чтобы обеспечить единообразное применение этого оценочного понятия.

2. Уточнить признаки использования интернета – в связи с введением нового квалифицирующего признака необходимо определить, какие именно действия в интернете следует рассматривать как вовлечение (создание тематических групп, рассылка предложений, использование игровых платформ и т.д.).

3. Усилить профилактическую направленность – правоохранительным органам следует активнее использовать возможности профилактики вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, особенно в интернет-пространстве, путем мониторинга ресурсов, специализирующихся на противоправном контенте для несовершеннолетних.

4. Совершенствовать межведомственное взаимодействие – необходимо наладить эффективное взаимодействие между органами внутренних дел, образования, социальной защиты, а также интернет-провайдерами для своевременного выявления и пресечения фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

5. Разработать методики доказывания – следует создать специализированные методические рекомендации по доказыванию субъективной стороны преступления, особенно в случаях, когда виновный использует скрытые формы воздействия на несовершеннолетнего (манипуляции, косвенные угрозы, психологическое давление) [5].

В заключении можно сделать вывод, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления остается одним из наиболее социально опасных деяний против семьи и несовершеннолетних, требующих повышенного внимания со стороны законодателя и правоприменителя.

Последние изменения в уголовном законе, вступившие в силу в 2025 году, свидетельствуют о стремлении законодателя адекватно реагировать на новые вызовы, связанные с развитием информационных технологий и появлением новых форм вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что остаются актуальные проблемы квалификации, связанные с разграничением со смежными

составами преступлений, определением содержания оценочных понятий, установлением субъективной стороны и доказыванием факта вовлечения. Решение этих проблем требует, как дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, так и разработки подробных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения ст. 150 УК РФ.

Эффективная борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность возможна только при условии комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые меры с профилактической и воспитательной работой, направленной на формирование у несовершеннолетних устойчивых правовых установок и навыков критической оценки предложений в противоправной деятельности. Особое внимание следует уделить защите несовершеннолетних в интернет-пространстве, где сегодня сосредоточены основные угрозы их нормальному развитию и формированию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирзоян, А. Г. Развитие российского законодательства об ответственности за преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних // Аллея науки. – 2024. – Т. 1. – № 3(90). – С. 646–650.
2. Григорьева, Ю. М. Особенности объективной стороны состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов : сборник научных статей по итогам научно-практической конференции магистрантов. – Воронеж-Симферополь, 2024. – С. 31–34.
3. Абдульмянова, Т. В. Историко-правовой анализ становления и развития мер уголовно-правовой охраны института семьи и прав несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 1(51). – С. 82–88.
4. Морозова, Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ) : учебное пособие для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования. – Санкт-Петербург, 2020. – 90 с.
5. Филиппов, П. А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних : учебное пособие. – Москва, 2019. – 296 с.

УДК 340

ДОВЕРЕННОСТЬ В НАЛОГОВОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автаев Михаил Иванович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808883@ruc.su

POWER OF ATTORNEY IN THE TAX OFFICE: FEATURES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Avtaev Mikhail Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы и особенности правоприменительной практики налогового представительства, обусловленные положениями ст. 29 Налогового кодекса РФ.

Ключевые слова: налоговое представительство, законодательство о налогах и сборах, гражданское законодательство, доверенность, уполномоченный представитель налогоплательщика.

The article considers topical issues and features of the law enforcement practice of tax representation, due to the provisions of Art. 29 of the Tax Code of the Russian Federation.

Keywords: tax representation, legislation on taxes and fees, civil legislation, power of attorney, authorized representative of the taxpayer.

Налоговое представительство согласно нормам Налогового кодекса Российской Федерации 1998 года (далее – НК РФ, Налоговый кодекс) предусматривает два вида – законное и уполномоченное. Данный институт по праву является способом защиты прав и интересов налогоплательщиков, плательщиков страховых взносов, сборов (п. 7 ст. 21 НК РФ) [1]. А в виду усложнения и реформирования системы налогов и сборов в 2026 году данная тема представляет все больший интерес как для обывателей и представителей бизнеса в связи с необходимостью учета всех тонкостей налогового законодательства.

В соответствии с нормами ст. 29 Налогового кодекса налогоплательщик вправе участвовать в налоговых отношениях как лично, так и через своего уполномоченного представителя, действующего на основании письменной доверенности.

Доверенность в налоговом представительстве представляет собой документ в письменной или электронной форме, который является основанием возникновения полномочий представителя налогоплательщика в налоговых отношениях.

Рассматривая правовую сущность доверенности, следует обратиться к нормам гражданского законодательства, а также правовым актам ФНС России, Федеральной нотариальной палаты, поскольку в налоговых отношениях доверенность от имени налогоплательщика – физического лица предусматривает обязательную нотариальную форму или приравненную к ней, о чем свидетельствует и судебная практика [2].

В соответствии с положениями ст. 185 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами [3].

В статьях главы 10 ГК РФ не содержится четких требований к оформлению и содержанию доверенности как документу. В целом же, изучение трудов практикующих юристов, разъяснений ведомственных актов уполномоченных органов позволяет понимать содержание доверенности как совокупности или одно полномочие, которые делегирует представляемое лицо (доверитель - налогоплательщик) своему представителю (поверенному), которые не должны противоречить, а в ряде случаев прямо предусмотрены федеральным законодательством.

Представляет интерес Письмо Федеральной нотариальной палаты (далее ФНП), в котором содержатся общие требования к доверенности. Это правомерность и осуществимость полномочий представителя, правомерность и конкретность его действий в соответствии с выданной доверенностью, а также пределы полномочий в рамках правоспособности представляемого [4].

В доверенности налогоплательщик вправе указать такие полномочия представителя как: подача в налоговый орган декларации, заявления, жалобы и других документов; получение адресованных налогоплательщику документов; участие

в мероприятиях налогового контроля, в том числе в рассмотрении материалов налоговой проверки либо акта о выявленных налоговых правонарушениях; предоставление пояснений по вопросам исчисления и уплаты налогов.

Электронная форма взаимодействия уполномоченного представителя налогоплательщика с налоговым органом предусматривает законом требование оформления доверенности в электронном формате, заверенной усиленной квалифицированной электронной подписью налогоплательщика. Примером электронного документооборота может стать электронная налоговая отчетность, предоставление сведений из внебюджетных фондов по уплате страховых взносов и т.д. Отметим лишь, что согласно п. 3 ст. 29 НК РФ эти правила применимы к юридическим лицам.

В п. 5.1 ст. 23 НК РФ закреплено, что обязанность по обмену с налоговыми органами электронными документами может быть передана по доверенности уполномоченному лицу.

То есть уполномоченный представитель налогоплательщика несет обязанности по предоставлению необходимой налоговой отчетности, но и вправе получать от налогового органа различные электронные документы, т.е. осуществлять электронный документооборот.

Обязанность лица считается исполненной при наличии в указанном налоговом органе также документов, подтверждающих полномочия уполномоченного представителя лица – владельца указанного квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи на получение документов от указанного налогового органа. При этом, если уполномоченным представителем лица является юридическое лицо, такая обязанность считается исполненной при наличии в указанном налоговом органе также документов, подтверждающих полномочия физического лица – владельца указанного сертификата ключа проверки электронной подписи на получение документов от указанного налогового органа (за исключением случаев, если физическое лицо является законным представителем такого юридического лица).

Однако НК РФ содержит нормы, устанавливающие и иные правила представления доверенности. К примеру, положениями абз. 3 п. 5 ст. 80 НК РФ установлена только обязанность уполномоченного представителя вместе с налоговой декларацией (расчетом) представить копию доверенности, подтверждающую его полномочия. Разъяснения о порядке представления доверенности в отсканированном виде содержатся в письмах ФНС России, что копия доверенности должна быть представлена налоговому органу до направления отчетности.

В п. 5.1 ст. 23 НК РФ определен срок предоставления подтверждающих документов на право получения электронных документов представителем налогоплательщика – не позднее десяти дней со дня предоставления уполномоченному представителю соответствующих полномочий. Такие правила вполне обоснованы предоставлением представителю налогоплательщика допуска к информации, составляющей налоговую тайну в целях защиты прав последнего [5].

В целом неопределенность содержания доверенности на практике порождает много вопросов, а подробная детализация способствует минимизации возмож-

ных рисков для представляемого. В налоговых отношениях, основанных на императиве, это имеет особое значение и поможет предотвратить возможные споры с налоговыми органами на предмет легальности доверенности уполномоченного представителя.

В п. 1 ст. 185 ГК РФ содержится четкое предписание на то, что доверенность должна быть совершена в письменной форме, а в ряде случаев предусмотрено нотариальное удостоверение (ст. 185.1 ГК РФ).

Особенностью оформления доверенности для налогоплательщика является разграничение обязательной нотариальной формы заверения для представителей физических лиц и простой письменной формы для представителей организаций.

Так доверенность от имени налогоплательщика-организации подтверждается подписью ее руководителя или иного уполномоченного на это ее учредительными документами лица. Юридическая сила простой письменной формы доверенности не зависит от того, будут ли соблюдены учетные и иные технические требования к ее оформлению, установленные на конкретном предприятии или организации. При этом в некоторых случаях закон требует указания в доверенности подобных дополнительных индивидуализирующих признаков (место жительства или место нахождения, паспортные данные представителя и представляемого) [6].

Доверенность налогоплательщика – физического лица согласно законодательству о налогах и сборах требует нотариального заверения, поэтому для ее правильного оформления следует руководствоваться рекомендациями, а также готовыми конструкциями/формами. Согласно нормам ст. 186 ГК РФ, ст. 45.1 Основ законодательства РФ о нотариате, п. 6.2 Методических рекомендаций Письма ФНП установлен полный перечень сведений, составляющих содержание доверенности.

В случае передачи представителем сообщений в налоговый орган в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи такие сообщения должны быть заверены его усиленной квалифицированной электронной подписью (п. 7 ст. 23 НК РФ).

Закон не исключает возможности выдачи доверенности в электронной форме. В силу ст. 6 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ [7] информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством РФ, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Содержание текста доверенности должно быть точно определено, не иметь разночтений, смысловой неопределенности и нарушение предписаний закона. Неясности и двусмысленность общепринятого смысла соответствующих слов и выражений обуславливает использование иных методов толкования в рамках судебного разбирательства [8].

Таким образом, доверенность выступает правовой формой реализации уполномоченного представительства в налоговых отношениях, к которой законом предусмотрены определенные требования. Содержание доверенности составляют полномочия, которые не противоречат, а в ряде случаев прямо предусмотрены федеральным законодательством, ведомственными правовыми актами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 29.11.2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 22.07.2016 № 2668/03-16-3 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
5. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Особенности правового режима налоговой тайны: теория и практика // Научные исследования в социально-экономическом развитии общества : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Саранск : Принт-Издат, 2018. – С. 331–335.
6. Об акционерных обществах: федер. закон Росс. Федерации от 26.12.1995 № 208-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
7. Об электронной подписи: федер. закон Росс. Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ: ред. от 21.04.2025 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
8. Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2015): утв. Президиумом ВС РФ 25.11.2015: ред. от 28.03.2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

УДК 340

НАЛОГОВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КИБЕРРИСКИ И ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Автаев Михаил Иванович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808883@ruc.su

DIGITAL TAX REPRESENTATION: CYBER RISKS AND LEGAL PERSPECTIVES

Avtayev Mikhail Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемы и перспективы цифровой трансформации налоговых отношений в рамках налогового представительства на основе анализа законодательства и правоприменительной практики в РФ.

Ключевые слова: налоговое представительство, законодательство о налогах и сборах, киберриски, цифровое пространство, защита прав налогоплательщика.

The article examines the problems and prospects of digital transformation of tax relations within the framework of tax representation based on an analysis of legislation and law enforcement practice in the Russian Federation.

Keywords: tax representation, legislation on taxes and fees, cyber risks, digital space, protection of taxpayer rights.

Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы в соответствии со ст. 57 Конституции Российской Федерации [1]. Данная конституционная обязанность определяет широкий спектр налоговых отношений, в том числе и вытекающих из обязанностей государства прав налогоплательщика (п. 2 ст. 22, статьи глав 3 и 5 Налогового кодекса Российской Федерации) [2]. В частности, это право на представительство в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах (ст. 26 Налогового кодекса Российской Федерации), образующее комплексный институт представительства в налоговом праве.

Разноаспектные существенные изменения российской системы налогообложения и налогового администрирования в целом в условиях построения глобального цифрового пространства требуют от налогоплательщиков современных знаний, включенности в правовую и цифровую среду.

В силу разного рода обстоятельств не каждый самостоятельно способен выдерживать и удерживать такие ритмы, поэтому право обращения к помощи специалиста в решении вопросов в налоговых органах способствует надлежащей реализации субъективных прав и экономических интересов налогоплательщика.

Интересен факт, что по данным 2023 года за всё время существования Налогового кодекса РФ в него было внесено 732 изменения, а период стабильности составил примерно 12 дней в году [3]. То есть, при всем желании каждый не в силах отследить новации налогового законодательства с единственной целью – не нарушить новые правила.

Не могут быть уполномоченными представителями налогоплательщика должностные лица налоговых органов, таможенных органов, органов внутренних дел, судьи, следователи и прокуроры (п. 2 ст. 29 Налогового кодекса Российской Федерации).

Представительство в налоговых отношениях несет не только материально-правовой оттенок, но согласно п. 1 ст. 22 Налогового кодекса Российской Федерации гарантируется административная и судебная защита их прав и законных интересов, т.е. процессуальный характер.

Данное правило также находит свое закрепление в нормах ст. 31 и отражено в Определении Конституционного суда РФ [4].

Новеллы налогового законодательства прямо закрепляют право налогоплательщика использовать электронный документооборот и реализовывать свои права на основе сервисов и информационных платформ: многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, единый портал государственных и муниципальных услуг, личный кабинет налогоплательщика, мобильные приложения и др.

Такие новации определены курсом на построение информационного общества и Экономики данных в российском государстве в рамках глобального проекта построения мирового цифрового пространства [5].

В таких условиях цифровой трансформации общественных отношений в целом должно сформироваться общество знаний – общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Однако в условиях стремительной цифровой трансформации общественного устройства и внедрения новых технологий на практике это несет в себе риски и угрозы интересам налогоплательщиков, т.е. практически каждого.

«Цифра» в налоговой сфере позволила, с одной стороны, существенно повысить и удерживать на высоком уровне собираемость налогов, сборов, взносов в стране.

С другой стороны, собраны колоссальные сведения о налогоплательщиках, что привело к необходимости обработки данных и формирования ФНС России централизованной единой государственно значимой электронной базы данных в соответствии с Федеральным законом «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации от 08.06.2020 № 168-ФЗ.

Использование технологий больших данных увеличивает риск нарушения баланса частных и публичных интересов в силу объективных факторов непросвещенности общества по целям сбора такого рода информации и принудительно-властного характера формирования электронной базы данных по каждому на основе аккумуляции абсолютно всех электронных сведений о субъекте.

Налогоплательщик, участвуя лично или через своего представителя в налоговых отношениях, не подозревает о том, что информация о нем формируется в виде цифрового портфолио на вполне законных основаниях.

Безусловно, необходимо также обратить внимание на отсутствие информационной гигиены и воспитания населения, стимулируемое продвижением социальных сетей и разного рода мессенджеров, когда практически каждый живет на показ.

Однако введение четких понятных правил о привлечении к юридической ответственности лиц, нарушающих информационное пространство, приобретающих, хранящих и передающих данные о лицах без их согласия и ведома также могло бы способствовать борьбе с незаконным оборотом налоговозначимой информации.

Как показывает правоприменительная практика ИТ-риски возникают и при прохождении обязательных процедур авторизации, регистрации, предоставления дополнительной информации, в том числе биометрических данных, на платформах, мобильных приложениях, личных кабинетах, что приводит к возникновению реальных ситуаций «утечки» информации из служебных баз данных [6; 47].

Кроме того, практически открытый доступ ко всей финансовой отчетности и хозяйственной деятельности налогоплательщика в рамках проведения налогового мониторинга с использованием информационных систем несет киберриски и ставит в прямую зависимость от благонадежности сотрудников налоговых органов и надежности программного обеспечения.

Здесь следует отдельно указать на проблему соблюдения налоговой тайны также лицом, т.е. представителем, получившим доступ к такого рода сведениям в рамках налогового представительства [7]. В этом случае вопрос из публично-правового (разглашение служебной тайны, сбой информационных платформ и т.д.) переходит в частно-правовой порядок защиты нарушенного права доверителя поверенных прав.

Разглашение конфиденциальной информации несет не только негативные

имущественные последствия и репутационные риски, но может представлять интерес для налоговых органов, собирающих информацию по налогоплательщикам. Важно отметить, что согласно Постановлению Президиума ВАС РФ иных оснований для истребования у налогоплательщика объяснений, а также первичных учетных документов, кроме как указанных в ст. 88 Налогового кодекса Российской Федерации нет [8].

Киберриски обусловлены широким внедрением электронного документооборота и их обработкой алгоритмами искусственного интеллекта, который уже в настоящий момент определяет тенденцию системной модернизации налогового администрирования и вторжения в частную жизнь граждан, что идет вразрез действующему российскому законодательству и международному праву.

Личные права гражданина и человека гарантированы Конституцией РФ 1993 года, международно-правовыми актами (Всеобщая декларация прав человека (ст. 12), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 17), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 8)). А Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» высказала озабоченность новыми технологиями слежения за гражданами, призвав все государства уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни, в том числе в контексте цифровой коммуникации [9].

В целом, юридическая защита прав налогоплательщиков в современном информационном обществе должна быть понятной и базироваться на четких принципах. Но при этом каждому необходимо помнить о своей информационной безопасности и уделять особое внимание вопросам управления собственной приватностью (частной жизнью).

Остановить процессы цифровизации, в том числе в налоговой сфере, практически не представляет интерес для государства, поскольку на данном этапе они имеют положительные результаты. При этом важно обеспечить их прозрачность и понятность, сформировать действенный комплексный механизм защиты прав населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 29.11.2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
3. Количество новых нормативных актов растет ежегодно // Справочно-правовая система «Гарант»
4. Определение КС РФ от 20.11.2014 № 2630-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
6. Никитин К., Вихлянцева Е. Особенности государственного контроля деятельности ИТ-компаний // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». – 2024. – № 1. – С. 46–49.
7. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Особенности правового режима налоговой тайны: тео-

рия и практика // Научные исследования в социально-экономическом развитии общества : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Саранск : Принт-Издат, 2018. – С. 331–335.

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.11.2008 № 7307/08 по делу № А07-10131/2007-А-РФ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

9. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – Москва, 2023. – 165 с.

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ МЕЛКОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМ

Агафонова Екатерина Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810405@ruc.su

THE PUBLIC DANGER OF PETER BRIBERY AND LEGAL MEASURES TO COMBAT IT

Agafonova Ekaterina Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования обусловлена тем, что мелкое взяточничество часто воспринимается как малозначительное нарушение, однако его системный характер и массовость причиняют существенный вред общественным отношениям. Введение в 2016 году специальной статьи 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество» отразило необходимость дифференцированного подхода к уголовной ответственности за коррупционные преступления и создания более эффективного механизма противодействия этому социально опасному явлению.

В настоящей статье автором рассматриваются особенности общественной опасности мелкого взяточничества, анализируются правовые меры борьбы с этим явлением и предлагаются направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, уголовная ответственность, способы взяточничества, общественная опасность взяточничества, противодействие коррупции.

The relevance of the study is due to the fact that petty bribery is often perceived as an insignificant violation, but its systemic nature and widespread nature cause significant harm to public relations. The introduction of a special article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, «Petty Bribery» in 2016 reflected the need for a differentiated approach to criminal liability for corruption crimes and the creation of a more effective mechanism to combat this socially dangerous phenomenon.

In this article, the author examines the particularities of the social danger of petty bribery, analyzes legal measures to combat this phenomenon, and proposes directions for improving legislation and law enforcement practice.

Keywords: bribe, bribery, criminal liability, methods of bribery, social danger of bribery, combating corruption.

Мелкое взяточничество представляет собой одну из наиболее распространенных форм коррупционных правонарушений в современной российской действительности. Несмотря на относительно небольшие размеры взяток (до 10 000 рублей), данное явление обладает значительной общественной опасностью, поскольку подрывает основы государственной власти, дискредитирует институты публичной власти и разрушает доверие граждан к государственному аппарату. Согласно статистике, в 2024 году к ответственности за мелкое взяточничество

было привлечено 12 406 граждан, что свидетельствует о масштабности данной проблемы.

Мелкое взяточничество регламентируется статьей 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая была введена в 2016 году. Объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственного аппарата и аппарата местного самоуправления. Объективная сторона заключается в получении или даче взятки лично либо через посредника в размере, не превышающем 10 000 рублей [1, С. 191].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом: лицо осознает, что передает или получает незаконное вознаграждение за совершение определенных действий (бездействие) с использованием служебного положения, и желает этого. Субъектом получения взятки является должностное лицо (в том числе иностранное), а также должностное лицо публичной международной организации. Субъектом дачи взятки выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Особенностью мелкого взяточничества является то, что законодательно минимальный порог взятки не определен. В судебной практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности за взятку в 1000 и даже 500 рублей. Однако если размер вознаграждения совсем небольшой, уголовное дело может быть не открыто вовсе в силу малозначительности деяния (часть 2 статьи 14 УК РФ).

Статистические данные свидетельствуют о значительной распространенности мелкого взяточничества в России. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 году к ответственности за это преступление было привлечено 2 406 граждан. В первом квартале 2025 года доля мелкого взяточничества составила 20,3 % от всех зарегистрированных случаев взяточничества, что свидетельствует о некотором снижении данного показателя по сравнению с предыдущими годами (в 2017 году – 48,2 %, в 2024 году – 27 %).

Снижение доли мелкого взяточничества может объясняться как усилением борьбы с коррупцией, так и изменением характера коррупционных проявлений, в частности, ростом числа преступлений, совершаемых в крупном и особо крупном размере. По данным Генпрокуратуры, в первом квартале 2025 года число коррупционных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере, увеличилось на 65,7 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года.

Общественная опасность мелкого взяточничества не ограничивается размером незаконного вознаграждения. Это преступление наносит существенный вред всему обществу, подрывая основы государственной власти и управления. Как отмечается в юридической литературе, мелкое взяточничество создает питательную среду для более серьезных форм коррупции, формирует у граждан представление о возможности решения вопросов через незаконные способы [2].

Ключевые аспекты общественной опасности включают:

- дискредитацию государственной власти – каждый случай мелкого взяточничества подрывает авторитет государственных органов и доверие граждан к ним;
- нарушение принципа верховенства закона – создается ситуация, когда реше-

ния принимаются не на основе правовых норм, а в зависимости от личной заинтересованности должностных лиц;

- формирование коррупционной культуры – массовость мелкого взяточничества создает иллюзию его обыденности и приемлемости в обществе;

- экономический ущерб – даже небольшие взятки в совокупности наносят существенный материальный вред, искажающий бюджетные расходы и увеличивая затрат оказания публичных услуг.

Особенность мелкого взяточничества заключается в его повседневном характере. Чаще всего такие взятки даются и берутся при взаимодействии граждан с представителями государственных органов в повседневных ситуациях: в сфере здравоохранения, образования, ГИБДД, муниципальных услуг. Это создает у граждан ощущение, что коррупция – это нормальная практика, без которой невозможно решить даже простейшие вопросы.

Психологический механизм оправдания мелкого взяточничества часто связан с так называемой «бытовой коррупцией», когда взятка воспринимается не как преступление, а как «благодарность» или «вознаграждение» за услугу. Однако даже в таких случаях происходит размывание моральных границ и формирование установки на возможность нарушения закона ради личной выгоды.

Еще одним аспектом общественной опасности является связь мелкого взяточничества с организованной преступностью. Как показывает практика, систематическое получение мелких взяток может быть элементом организованной преступной деятельности, когда должностные лица создают условия для вымогательства незаконных вознаграждений [3].

Структура уголовной ответственности за мелкое взяточничество предусмотрена статьей 291.2 УК РФ, которая состоит из двух частей. Часть 1 устанавливает ответственность за простое мелкое взяточничество, а часть 2 – за то же деяние, совершенное лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные статьями 290, 291 или 291.1 УК РФ.

Санкции за мелкое взяточничество включают:

- штраф до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев;
- исправительные работы на срок до одного года;
- ограничение свободы на срок до двух лет;
- лишение свободы на срок до одного года.

За мелкое взяточничество при наличии предыдущей судимости за коррупционные преступления наказание ужесточается:

- штраф до 1 миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев;
- исправительные работы на срок до трех лет;
- ограничение свободы на срок до четырех лет;
- лишение свободы на срок до трех лет.

Уголовный кодекс предусматривает условия освобождения от ответственности за мелкое взяточничество. Согласно статье 291.2 УК РФ, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления, либо в отношении его имело

место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо оно добровольно сообщило о даче взятки в орган, имеющий право возбудить уголовное дело.

Вымогательство взятки, упомянутое как одно из оснований для освобождения от ответственности, понимается в судебной практике не только как прямое требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия, которые могут причинить вред законным интересам лица, но и как заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов.

Одной из ключевых проблем правоприменительной практики является разграничение мелкого взяточничества и административных правонарушений коррупционной направленности. Законодательство не устанавливает минимального размера взятки, что создает возможность привлечения к уголовной ответственности даже за незначительные суммы. Однако в силу части 2 статьи 14 УК РФ малозначительное деяние, не представляющее общественной опасности, не признается преступлением [4, С. 52].

Судебная практика по этому вопросу неоднозначна. С одной стороны, есть случаи привлечения к ответственности за взятки в размере 500–1000 рублей, с другой – некоторые дела прекращаются за малозначительностью. Критерии малозначительности определяются судами индивидуально, с учетом всех обстоятельств дела, личности виновного, мотивов совершения преступления и других факторов.

Процесс доказывания по делам о мелком взяточничестве имеет свои особенности. Ключевое значение имеет установление корыстной цели и связи между передачей вознаграждения и действиями (бездействием) должностного лица. Нередко взятка маскируется под подарок, благодарность или оплату услуг, что затрудняет доказывание преступного умысла.

Еще одной проблемой является провокация взятки (статья 304 УК РФ). Если передача денежных средств или иного имущества инициирована самим взяткодателем или правоохранительными органами в рамках оперативно-розыскных мероприятий, это может быть квалифицировано как провокация, что исключает уголовную ответственность за взяточничество.

Эффективное противодействие мелкому взяточничеству требует не только уголовно-правовых мер, но и комплексного подхода, включающего профилактические и организационные мероприятия. Важное значение имеет формирование в обществе нетерпимого отношения к любым проявлениям коррупции, включая ее «бытовые» формы.

К ключевым профилактическим мерам относятся:

- правовое просвещение населения о последствиях дачи и получения взяток;
- создание механизмов для легального решения вопросов без участия посредников и взяток;
- упрощение административных процедур и повышение прозрачности деятельности государственных органов;
- внедрение систем электронного взаимодействия между гражданами и государственными органами, минимизирующего личный контакт.

Организационные меры должны быть направлены на снижение коррупционных рисков в деятельности государственных служащих. Это включает регулярную ротацию кадров, осуществление внутреннего контроля, создание комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Совершенствование законодательства о противодействии мелкому взяточничеству должно идти по нескольким направлениям:

Уточнение критериев малозначительности – необходимо разработать более четкие критерии разграничения уголовно наказуемого мелкого взяточничества и малозначительных деяний, не представляющих общественной опасности. Это позволит унифицировать судебную практику и избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Дифференциация санкций – существующая система наказаний за мелкое взяточничество требует дальнейшей дифференциации с учетом конкретных обстоятельств дела, размера взятки, мотивов и личности виновного. Целесообразно расширить применение альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, особенно для лиц, впервые совершивших преступление.

Стимулирование добровольного сообщения о даче взятки – необходимо упростить процедуру освобождения от ответственности для лиц, добровольно сообщивших о факте взятки или оказавших активное содействие в раскрытии преступления. Это будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупцией [5, С. 50].

Мелкое взяточничество, несмотря на относительно небольшие размеры взятки, представляет собой серьезную общественную опасность, подрывающую основы государственной власти, дискредитирующую институты публичной власти и разрушающую доверие граждан к государственному аппарату. Массовый характер этого явления создает питательную среду для более серьезных форм коррупции и формирует в обществе представление о обыденности и приемлемости коррупционного поведения.

Уголовно-правовые меры борьбы с мелким взяточничеством, предусмотренные статьей 291.2 УК РФ, являются важным, но недостаточным средством противодействия этому явлению. Необходим комплексный подход, включающий профилактические, организационные и воспитательные меры, направленные на формирование в обществе нетерпимого отношения к любым проявлениям коррупции.

Совершенствование законодательства должно идти по пути уточнения критериев малозначительности, дифференциации санкций и стимулирования добровольного сообщения о фактах взяток. Важное значение имеет также формирование единообразной судебной практики и повышение эффективности правоприменения.

Только системное противодействие мелкому взяточничеству на всех уровнях – от законодательного до правоприменительного – позволит снизить уровень коррупции в стране и восстановить доверие граждан к государственным институтам. Это соответствует не только интересам государства, но и потребностям общества в справедливом и честном публичном управлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева, А. А. Актуальные вопросы взяточничества как одного из видов коррупционных преступлений // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 9. – С. 190–196.
2. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2023. – 21 с.
3. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025.
4. Ходоровский, Д. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России // Трибуна ученого. – 2025. – № 2. – С. 52–57.
5. Семенова, И. С. Разграничение ответственности за мелкое взяточничество как способ совершенствования противодействия коррупции / И. С. Семенова // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – Т. 24. – № 4. – С. 48–55.

УДК 343

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

Алямкин Алексей Иванович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st803673@ruc.su

THE BINDINGNESS OF COURT DECISIONS AS ONE OF THE MOST IMPORTANT PRINCIPLES OF JUSTICE

Alyamkin Alexey Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Правосудие как особая форма государственной деятельности, направленная на разрешение социальных и правовых конфликтов, основывается на системе взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов. Среди них – независимость судей, гласность, состязательность и равноправие сторон. Однако все эти принципы теряют свой смысл без реального действия одного из фундаментальных начал – принципа обязательности судебных постановлений.

Ключевые слова: преступление, судебное постановление, деяние, уголовный закон, неисполнение, общественная опасность, судебная власть, уголовно-правовые последствия.

Justice as a special form of state activity aimed at resolving social and legal conflicts is based on a system of interconnected and interdependent principles. These include judicial independence, transparency, adversarial proceedings, and equality of arms. However, all these principles are meaningless without the effective application of one fundamental principle: the principle of the binding nature of judicial decisions.

Keywords: crime, court order, act, criminal law, non-compliance, public danger, judicial authority, criminal law consequences

Принцип обязательности судебных постановлений означает, что вступившие в законную силу решения, определения и постановления судов являются общеобязательными и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории государства всеми без исключения органами власти, юридическими и физическими лицами. Именно в нем находит свое материальное воплощение сила судебной власти, которая, в отличие от законодательной и исполнительной, не обладает физическими механизмами принуждения, но опирается на авторитет закона и безусловное исполнение своих решений.

Обязательность судебного акта – это не просто техническая норма процесса, это основа всего правопорядка. Он обеспечивает стабильность общественных отношений, гарантирует защиту нарушенных прав и подтверждает верховенство права. Если решение суда может быть проигнорировано без последствий, то вся система правосудия превращается в фикцию, а право утрачивает свою регулятивную функцию. Таким образом, обязательность судебных постановлений является логическим завершением любого судопроизводства и главной гарантией эффективности правосудия [1].

Принцип обязательности судебных постановлений закреплён на всех уровнях правовой системы Российской Федерации, что подчеркивает его исключительную важность.

Основной закон государства – Конституция РФ – в статье 6 устанавливает, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие. Из этого вытекает верховенство права, которое невозможно без обязательности судебных решений. Статья 46 гарантирует каждому право на судебную защиту, что предполагает не только вынесение, но и реализацию судебного акта. Ключевой является статья 15 Конституции РФ, которая прямо гласит: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Поскольку судебные решения являются актами применения закона, их обязательность прямо вытекает из этой нормы.

Более детально принцип регламентирован в процессуальных кодексах:

- Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ): статья 13 «Обязательность судебных постановлений» прямо провозглашает, что вступившие в законную силу судебные постановления являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан и организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории РФ.

- Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ): статья 16 носит аналогичное название и содержание, распространяясь на сферу предпринимательской и экономической деятельности.

- Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ): хотя в нём нет отдельной статьи с аналогичным названием, обязательность приговора и других судебных решений вытекает из принципа законности (ст. 7), а также из норм об обращении приговора к исполнению (гл. 46 УПК РФ).

- Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»: статья 6 закрепляет, что вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными для всех [2].

Обязательность решений международных судов, в частности, Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), для России закреплена в статье 15 Конституции РФ и Федеральном законе «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Постановления ЕСПЧ являются основанием для пересмотра судебных актов в связи с новыми обстоятельствами и обязательны для исполнения государственными органами.

Для лиц, участвующих в деле (истца, ответчика, заявителя, ответчика по делу

особого производства и т.д.), судебное решение имеет наибольшую значимость. Оно непосредственно порождает для них права и обязанности (уплатить денежную сумму, передать имущество, прекратить действия, нарушающие право, и пр.). Эта обязательность обеспечивается механизмом принудительного исполнения через службу судебных приставов.

Обязательность для государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц. Это одна из ключевых групп. Судебные акты, обязывающие государственный орган совершить определенные действия (зарегистрировать право, выделить пособие, предоставить информацию, исправить допущенную ошибку), должны исполняться беспрекословно и в установленный срок. Неисполнение судебного решения государственным органом представляет собой грубейшее нарушение принципа верховенства права и подрывает авторитет власти в целом.

Обязательность для граждан и организаций, не участвующих в деле. Даже если лицо не было участником процесса, оно не вправе игнорировать судебный акт. Например, решение суда о признании права собственности на недвижимость является основанием для регистрации этого права в Росреестре для любых третьих лиц. Решение, обязывающее ответчика прекратить деятельность, нарушающую санитарные нормы, обязательно для соблюдения всеми жителями территории.

Обязательность для самих судов. Вступившее в законную силу судебное решение приобретает свойство преюдициальности (предрешенности). Это означает, что обстоятельства, установленные таким решением, не подлежат повторному доказыванию и признаются судами в других делах с участием тех же лиц. Кроме того, вышестоящие суды обязаны учитывать правовую позицию нижестоящих при пересмотре дел. Это обеспечивает единство судебной практики и правопорядка.

Сама по себе декларация обязательности была бы недостаточной без создания эффективного механизма ее обеспечения.

Основным инструментом реализации имущественных решений является деятельность Федеральной службы судебных приставов (ФССП России). На основании исполнительного листа, выдаваемого судом, судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство и применяет весь комплекс мер, предусмотренных Федеральным законом «Об исполнительном производстве»:

- Арест и обращение взыскания на имущество должника;
- Наложение ареста на денежные средства и ценные бумаги;
- Ограничение на выезд из РФ;
- Временное ограничение на пользование специальным правом (например, правом управления транспортным средством);
- Обращение в регистрирующие органы для ареста прав на имущество (доли в ООО, недвижимость).

Для решений неимущественного характера (например, восстановление на работе) законом также предусмотрены механизмы принуждения, включая наложение штрафов на организацию-должника [3].

Меры процессуальной и юридической ответственности за неисполнение судебных постановлений. Законодательство предусматривает санкции за неисполнение судебных актов:

- Судебный штраф: назначается судом за неисполнение судебного акта не только должником, но и любым лицом, включая государственные органы (ст. 332 АПК РФ, ст. 105 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

- Административная ответственность: по статье 17.14 КоАП РФ за нарушение законодательства об исполнительном производстве (например, непредставление сведений о работе должника).

- Уголовная ответственность: статья 315 УК РФ («Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта») предусматривает наказание для должностных лиц, злостно уклоняющихся от исполнения судебного акта.

- Гражданско-правовая ответственность: возмещение убытков, причиненных незаконными действиями (бездействием) государственных органов, в том числе выразившимися в неисполнении судебного решения.

Несмотря на детальную правовую регламентацию, на практике реализация принципа обязательности сталкивается с серьезными вызовами.

Во-первых, проблема неисполнения судебных решений государственными органами. Это одна из самых острых проблем. Зачастую решения судов, обязывающие госорганы совершить те или иные действия (например, предоставить жилье, выплатить компенсацию), исполняются с огромной задержкой или требуют многократных напоминаний и жалоб. Причины носят как бюрократический, так и финансовый характер. Пути решения: усиление персональной ответственности руководителей ведомств, автоматизация процессов исполнения, более активное применение судебных штрафов и уголовного преследования по ст. 315 УК РФ.

Во-вторых, злоупотребление правом на обжалование. Нередко сторона, не заинтересованная в быстром исполнении решения, использует все предоставленные законом средства обжалования вплоть до подачи кассационных и надзорных жалоб без реальных правовых оснований, исключительно с целью затянуть процесс. Это подрывает принцип правовой определенности. Противодействием этому служит введение института апелляции в гражданском и арбитражном процессе, который призван повысить качество решений судов первой инстанции, а также закрепление пределов пересмотра судебных актов в вышестоящих инстанциях.

В-третьих, вопросы исполнения решений международных судов. Исполнение решений ЕСПЧ зачастую сопряжено с необходимостью изменения сложившейся судебной практики или даже внесения изменений в законодательство. Это сложный и длительный политико-правовой процесс. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 14.07.2015 указал на возможность неисполнения решений межгосударственных органов, если они противоречат основам российского конституционного строя. Данная правовая позиция создает определенную коллизию, требующую взвешенного подхода и поиска баланса между международными обязательствами и государственным суверенитетом [4].

Таким образом, принцип обязательности судебных постановлений – это не просто proceduralный институт, а системообразующий элемент всей современной правовой системы. Он является материальным воплощением власти и авторитета суда,

конечной гарантией реализации конституционного права на судебную защиту и фундаментальным условием существования правового государства.

Без безусловного уважения и исполнения судебных решений всеми субъектами права, от частного лица до высших органов государственной власти, невозможно построение общества, основанного на верховенстве закона, предсказуемости и стабильности правовых отношений. Преодоление существующих проблем в реализации этого принципа требует не только совершенствования законодательства и правоприменительной практики, но и формирования правовой культуры, основанной на глубоком уважении к суду как органу правосудия. Укрепление гарантий обязательности судебных актов – это прямой путь к укреплению доверия граждан к государству и к обеспечению реального, а не декларативного верховенства права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / В. В. Сверчков. – Москва, 2025. – 741 с.
2. Абдульмянова Т. В. Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров; Российский университет кооперации. – Саранск, 2019. – 80 с.
3. Судебный приговор. Научно-практическое пособие / М. Т. Тащилин. – Пятигорск, 2024. – 496 с.
4. Неисполнение решения суда. – URL: <https://els24.com/article/2431-neispolnenie-resheniya-suda/>

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФОРМЫ ВИНЫ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Антипова Елена Григорьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su

THE PROBLEM OF DETERMINING THE FORM OF GUILT IN A CRIME

Antipova Elena Grigoryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется проблема определения формы вины для транспортных преступлений с материальной конструкцией и деянии, предусмотренном ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства).

В статье делается вывод, что транспортные составы с обязательными вредными последствиями не удовлетворяют совокупности признаков преступлений, совершённых с двумя формами вины. Показано, что признаки, закреплённые в ч. 2 ст. 110 УК РФ (заведомость, публичность, групповой способ), исключают неосторожную форму вины и указывают на умышленный характер деяния, преимущественно в форме косвенного умысла, при одновременном отсутствии оснований для квалификации как убийства ввиду разрыва прямой причинно-следственной связи.

Ключевые слова: форма вины, две формы вины, транспортные преступления, материальный состав, квалифицирующие признаки, доведение до самоубийства, ст. 27 УК РФ, ст. 110 УК РФ, заведомость, причинная связь.

The article analyzes the problem of determining the form of guilt for transport crimes with a material structure and the act provided for in Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (driving to suicide).

The article concludes that convoys with mandatory harmful consequences do not satisfy the totality of the signs of crimes committed with two forms of guilt. It is shown that the signs fixed in Part 2 of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (knowingness, publicity, group method) exclude a careless form of guilt and indicate the intentional nature of the act, mainly in the form of indirect intent, while there are no grounds for qualifying as murder due to the rupture of a direct causal relationship.

Keywords: form of guilt, two forms of guilt, transport crimes, material composition, qualifying signs, driving to suicide, art. 27 of the Criminal Code, art. 110 of the Criminal Code, knowledge, causation.

В настоящее время Уголовный кодекс РФ содержит в себе различные способы нормативного закрепления форм вины.

Во-первых, применяется прямое обозначение вины в диспозиции. Тем самым законодатель прямо квалифицирует деяние как умышленное или неосторожное (ст. 105, 109, 167, 168 УК РФ) [1].

Во-вторых, используется опосредованное определение умысла через конструкцию состава. При всем этом общественно опасные последствия не выступают обязательным признаком, а наличие цели и (или) мотива, а также терминов, описывающих прямой умысел (злостность, жестокость и др.), либо специальных способов совершения деяния (обман, злоупотребление служебным положением) свидетельствуют о данном психическом отношении к содеянному. Так, например, ст. ст. 177 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, типичны для этой группы преступлений.

В-третьих, сама формулировка диспозиции может указывать на отношение к наступившим последствиям. Такие деяния представлены как нарушением правил или требований, которые по неосторожности повлекли, как правило, тяжкие последствия (ст. 143, 216, 219, 264 УК РФ).

В ст. 110, 121, 250 УК РФ и т.д. законодателем форма вины не указывается не в каком виде [2].

Проблематика определения формы вины в наибольшей степени проявляется в сфере транспортных преступлений и характерна для материальных составов. Напротив, по большинству формальных составов главы 27 УК РФ вопрос определения формы вины и дальнейшей квалификации преступления решается без затруднений, поскольку такие деяния как правило совершаются умышленно.

Основная причина сложности в определении формы вины в материальных составах заключается в том, что помимо нарушения установленных правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, она включает общественно-опасные последствия и причинно-следственную связь между нарушением и результатом.

Отсюда вытекает ключевой теоретический выбор в виде необходимости рассматривать соответствующие преступления целиком как неосторожные, либо же дифференцировать психическое отношение к различным объективным признакам, признавая умысел относительно действия и неосторожность относительно наступивших последствий.

Первая позиция, поддержанная рядом авторов (А. И. Чучаев, А. И. Коробеев, И. М. Тяжкова и др.), исходит из того, что для транспортных составов решающим является отношение к вреду, а потому в целом форма вины должна определяться как неосторожность [3].

Альтернативный подход (в частности, В. А. Якушина) предлагает квалифицировать такие посягательства как совершённые с двумя формами вины, учитывая психическое отношение виновного как к самому деянию, так и к наступившим последствиям [4].

Преступление, совершенное с двумя формами вины в виде дефиниции, впервые легально было закреплено в УК РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

В соответствии со ст. 27 УК РФ умышленное преступление признается совершённым с двумя формами вины в случаях, когда наступают тяжкие последствия, влекущие по закону более строгое наказание и не охваченные умыслом, при этом ответственность за такие последствия наступает при самонадеянном расчете на их предотвращение при предвидении их возможности либо при непредвидении при наличии обязанности и реальной возможности предвидения. При всём этом преступление в целом сохраняет умышленный характер.

Из данного определения вытекают обобщающие признаки соответствующей группы. Так, в одном составе сочетаются умысел и неосторожность, а каждая форма адресована своему юридически значимому элементу объективной стороны, неосторожное отношение допустимо лишь к квалифицирующим последствиям, конструкция возможна только в рамках квалифицированных составов, а итоговая оценка деяния по закону остаётся умышленной.

Такая нормативная установка задает вектор и для транспортных преступлений. Тем самым либо признаётся общая неосторожность, либо проводится разграничение психического отношения к действию и к последствию с квалификацией по модели из двух форм вины.

Опираясь на перечисленные признаки, в научной литературе традиционно выделяют две разновидности преступлений, совершаемых с двумя формами вины.

Первая – это умышленное деяние, в конструкции которого квалифицирующее значение придаётся более тяжкому последствию, не охваченному умыслом и вменяемому по неосторожности.

Характерным образцом выступает ч. 4 ст. 111 УК РФ в которой основное деяние обладает умышленным характером, тогда как дополнительный результат в виде смерти не предвиделся при наличии реальной возможности такого предвидения.

Вторая разновидность охватывает умышленные преступления формального типа, в которых повышенная общественная опасность связана с наступлением последствий, к которым виновный относится неосторожно.

Так, по ст. 126 УК РФ похищение человека признается оконченным с момента изъятия потерпевшего из его обычной среды независимо от последствий, однако п. «в» ч. 3 той же статьи устанавливает более строгую ответственность при причинении по неосторожности смерти либо иных тяжких последствий.

Аналогичный подход реализован в ч. 3 ст. 123 УК РФ и ч. 3 ст. 211 УК РФ. Из

чего логически вытекает дополнительный основополагающий критерий, заключающийся в том, что в составах с двумя формами вины неизменно присутствует самостоятельное умышленное деяние, уголовная ответственность за которое наступает независимо от того, проявились ли последующие квалифицирующие последствия, вменяемые по неосторожности. С учетом этой конструкции следует заключить, что транспортные преступления материального типа не подпадают под указанную категорию. Их объективная сторона изначально включает общественно опасные последствия в качестве обязательного признака, поэтому они не удовлетворяют совокупности необходимых условий для признания преступления совершённым с двумя формами вины.

Также интересной является проблематика определения формы вины субъекта по ст. 110 УК РФ.

Распространённая в уголовно-правовой доктрине позиция сводится к тому, что соответствующее посягательство возможно лишь при косвенном умысле. Прямой умысел, по ее логике, автоматически трансформирует данное деяние в убийство, реализованное «руками» самого потерпевшего.

Данный подход подвергается, по нашему мнению, аргументированной критике. Так, А. И. Коробеев справедливо указывает, что, несмотря на влияние виновного на волю жертвы, инкриминирование убийства исключается из-за отсутствия прямой причинно-следственной связи между поведением субъекта и физиологическим лишением жизни, поскольку последнее осуществляется самим потерпевшим.

Также имеется и иная точка зрения, сводящая доведение до самоубийства к неосторожности в форме небрежности. Однако В. М. Ким убедительно показывает, что конструктивные признаки, закрепленные в ч. 2 ст. 110 УК РФ (заведомость, публичный характер действий) по своей природе предполагают сознательный контроль над причинением психической травмы и потому несовместимы с неосторожной виной.

Концептуальную рамку интерпретации нормы задает само содержание ее диспозиции. Довести означает привести в определенное состояние, вызвать последствия, а путем – это значит посредством, при помощи чего-нибудь, что акцентирует причинно-целевой характер влияния на потерпевшего.

Тем самым способы совершения данного деяния обладают выраженной умышленной направленностью. Угроза должна быть действительной и вызывать у её адресата обоснованные опасения ее реализации, иначе она не способна вызвать дальнейшее суицидальное поведение.

Жестокое обращение охватывает как активные формы насилия (истязания, причинение телесных повреждений), так и умышленное бездействие, включая лишение питания и воды, если они используются для подавления воли потерпевшего.

Систематическое унижение достоинства проявляется в устойчивом снижении самооценки и статуса личности. В уголовно-правовом смысле систематичность традиционно связывается с множественностью не менее трёх эпизодов психического либо физического воздействия, образующих устойчивую причинную связь.

Тем самым форма вины по данному составу преступления является умышленной в виде прямого или косвенного умысла на доведение до самоубийства.

Таким образом модель двух форм вины применима к ограниченному кругу составов преступлений и не может применяться для транспортных преступлений с материальной конструкцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/

2. Пантюхина И. В., Южанин В. Е. Проблема определения формы вины в составе преступления, в котором она не конкретизирована, и способ ее разрешения // Вестник Сургутского государственного университета. – 2025; № 13(2). – С. 126–134. – URL: <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-2-12>

3. Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: дисс. ... д. ю. н. – Москва, – 1990. – 511 с.

4. Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти : ТолПИ, – 1998. – 296 с.

УДК 343.5

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Вольнов Игорь Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; st810486@ruc.su

MORALITY AS A PHILOSOPHICAL AND ETHICAL CATEGORY

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate Professor

Volnov Igor Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья представляет собой комплексный анализ нравственности как фундаментальной философско-этической категории. Исследуются исторические этапы формирования понятия от античности до современности. Рассматриваются основные этические парадигмы в трактовке нравственности: добродетель, долг, последствия действий. Анализируется соотношение нравственности с сопредельными понятиями морали и этики. Выявляется специфика нравственного сознания и его структурные компоненты. Освещаются современные проблемы и трансформации нравственности в условиях глобализации и технологического развития.

Ключевые слова: нравственность, мораль, этика, философия, добродетель, долг, ценности, категорический императив, совесть, моральное сознание.

This article presents a comprehensive analysis of morality as a fundamental philosophical and ethical category. The historical stages of the concept formation from antiquity to modernity are investigated. The main ethical paradigms in the interpretation of morality are considered: virtue, duty, consequences of actions. The correlation of morality with the adjacent concepts of morality and ethics is analyzed. The specifics of moral consciousness and its structural components are revealed. Modern problems and transformations of morality in the context of globalization and technological development are highlighted.

Keywords: morality, morality, ethics, philosophy, virtue, duty, values, categorical imperative, conscience, moral consciousness.

Проблема нравственности занимает центральное место в философском дискурсе на протяжении всей истории человеческой мысли. Как фундаментальная философско-этическая категория, нравственность представляет собой сложный, многогранный феномен, определяющий духовное измерение человеческого существования. Актуальность исследования обусловлена перманентным кризисом ценностных ориентиров в современном мире, необходимостью осмысления оснований морального выбора и поиска универсальных этических принципов в условиях культурного плюрализма. Нравственность выступает не только предметом теоретической рефлексии, но и практическим ориентиром, регулирующим межличностные и социальные отношения. Ее изучение требует междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения философии, психологии, социологии и культурологии. Цель настоящей статьи заключается в системном анализе генезиса и развития концепции нравственности, выявлении ее сущностных характеристик и структурных компонентов в контексте основных философско-этических учений.

Историко-философский анализ категории нравственности демонстрирует эволюцию ее понимания от космологической трактовки к антропоцентрической. В античной философии, особенно в трудах Сократа, Платона и Аристотеля, нравственность рассматривалась как неотъемлемая характеристика добродетельной жизни, направленной на достижение эвдемонии – высшего блага человека. Аристотель в «Никомаховой этике» обосновал учение о добродетелях как среднем пути между избытком и недостатком, заложив основы этики как практической философии. Нравственность понималась как реализация человеческой природы в соответствии с разумным началом [1].

Средневековая философия, находясь под влиянием христианского мировоззрения, переосмыслила античное понимание нравственности через призму теоцентризма. Нравственность стала трактоваться как божественный закон, данный в откровении, а высшей добродетелью провозглашалась любовь к Богу. Аврелий Августин и Фома Аквинский разрабатывали концепцию вечного закона, соответствие которому составляет суть нравственной жизни. В этот период закрепляется различие между естественной нравственностью, основанной на разуме, и сверхъестественной, основанной на благодати.

Эпоха Возрождения и Новое время ознаменовались секуляризацией этики и переносом акцента на автономию человеческого разума. Рене Декарт обосновал принцип морального достоверного знания, Бенедикт Спиноза разработал рационалистическое учение о аффектах и свободе как осознанной необходимости. Особое значение имела философия Иммануила Канта, совершившего «коперниканский переворот» в понимании нравственности. Кант утверждал, что моральный закон имеет априорный характер и проистекает из автономии практического разума. Его категорический императив – поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом – стал краеугольным камнем деонтологической этики.

В современной философии сформировались несколько основных парадигм интерпретации нравственности, каждая из которых предлагает специфическое понимание ее природы и оснований.

Деонтологический подход, берущий начало в философии Канта, акцентирует внимание на моральном долге и универсальных принципах, которые должны определять нравственную жизнь. Согласно этому подходу, нравственная ценность поступка определяется не его последствиями, но соответствием моральному закону и чистоте мотива. Нравственность в деонтологической перспективе представляет собой систему безусловных обязательств, имеющих абсолютный характер и не зависящих от конкретных обстоятельств.

Консеквенциалистская парадигма, наиболее полно выраженная в утилитаризме Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля, напротив, утверждает, что нравственность поступка определяется его последствиями. Принцип полезности, согласно которому действия должны быть направлены на достижение наибольшего счастья для наибольшего числа людей, становится критерием моральной оценки. В этой парадигме нравственность приобретает инструментальный характер и подлежит рациональному расчету.

Этика добродетелей, возрождающая аристотелевскую традицию в современной философии (Аласдер Макинтайр, Марта Нуссбаум), смещает фокус с поступков на характер. Нравственность понимается как совокупность устойчивых диспозиций характера – добродетелей, формирующихся через воспитание и привычку. В отличие от деонтологии и утилитаризма, этика добродетелей подчеркивает важность моральной мудрости и целостности личности в конкретных жизненных ситуациях.

Коммуникативная этика, разработанная в рамках критической теории (Юрген Хабермас, Карл-Отто Апель), предлагает дискурсивное понимание нравственности. Согласно этому подходу, моральные нормы получают обоснование в процессе идеальной коммуникации, где все участники имеют равные права и руководствуются целью достижения консенсуса. Нравственность здесь предстает как продукт рационального дискурса и взаимного признания.

Феномен нравственности невозможно адекватно понять без анализа структуры нравственного сознания, которое представляет собой сложное многоуровневое образование. Центральными компонентами нравственного сознания являются нравственные ценности, нормы, принципы, санкции и идеалы [2, с. 432].

Нравственные ценности составляют аксиологическое ядро нравственности, выражая положительную или отрицательную значимость явлений для человека и общества. К высшим нравственным ценностям традиционно относят добро, справедливость, свободу, достоинство, любовь. Ценности выполняют ориентационную функцию, задавая вектор нравственного развития личности.

Нравственные нормы представляют собой конкретные предписания, регулирующие поведение людей в типичных ситуациях. В отличие от правовых норм, нравственные нормы обеспечиваются не внешним принуждением, а внутренним убеждением и общественным мнением. Примером могут служить нормы «не лги», «помогай нуждающимся», «уважай старших».

Нравственные принципы – это фундаментальные положения, выражающие универсальные требования нравственности. Такие принципы, как гуманизм, альтруизм, толерантность, составляют теоретический фундамент морали и служат основанием для вывода более частных норм.

Особое место в структуре нравственного сознания занимает совесть – способность личности к моральному самоконтролю, эмоциональной реакции на нарушение нравственных требований и потребности в нравственном самосовершенствовании. Совесть выступает как внутренний «судья», обеспечивающий автономию морального субъекта [3, с. 122].

Современная эпоха характеризуется глубокой трансформацией нравственности под влиянием процессов глобализации, технологического прогресса и культурной фрагментации. Одной из ключевых проблем становится моральный плюрализм – сосуществование различных, зачастую несовместимых моральных систем в рамках одного общества. Это ставит под вопрос существование универсальных нравственных принципов и актуализирует поиск оснований для межкультурного диалога.

Кризис традиционных ценностей и рост индивидуализма в постиндустриальных обществах ведут к переосмыслению природы нравственности. Постмодернистская философия подвергает сомнению метанарративы Просвещения, подчеркивая контекстуальный и ситуативный характер моральных решений. В этих условиях нравственность все чаще трактуется не как система универсальных предписаний, а как личный поиск аутентичного существования.

Одновременно наблюдаются процессы глобализации нравственности, выражающиеся в формировании общечеловеческих ценностей и развитии международного права прав человека. Такие проблемы, как изменение климата, бедность, терроризм, требуют выработки глобальной этики ответственности, выходящей за рамки национальных и культурных границ.

Нравственность как философско-этическая категория представляет собой сложный, исторически развивающийся феномен, сущность которого раскрывается через взаимосвязь индивидуального и социального, универсального и конкретно-исторического. От античного понимания нравственности как пути к эвдемонии через средневековое отождествление с божественным законом к кантовской автономии морального субъекта и современным дискурсивным моделям – философская мысль последовательно углубляла понимание оснований и природы нравственности [4, с. 235].

Многообразие этических парадигм – деонтологической, консеквенциалистской, этики добродетелей и коммуникативной этики – свидетельствует о многомерности самого феномена и невозможности его редукции к единому основанию. Структура нравственного сознания с его ключевыми компонентами – ценностями, нормами, принципами и совестью – образует сложную систему регуляции человеческого поведения, обеспечивающую как социальную интеграцию, так и личностную автономию.

Современные вызовы – моральный плюрализм, технологические революции, экологические кризисы – требуют дальнейшего развития философско-этической рефлексии о природе нравственности. Перспективы исследования видятся в разработке интегративных подходов, способных синтезировать достижения различных этических традиций, в осмыслении нравственности в контексте глобальных проблем современности, в поиске баланса между универсальными принципами и уважением к культурному разнообразию. Нравственность остается не только

предметом академического исследования, но и практическим ориентиром в поиске ответов на фундаментальные вопросы человеческого существования.

В этом контексте особую актуальность приобретает разработка глобальной этики, которая могла бы предложить универсальные, но не унифицирующие принципы для решения общечеловеческих проблем. Такой подход не отрицает культурного разнообразия, но ищет точки морального консенсуса в вопросах, от которых зависит выживание человечества как вида. Интегративные подходы должны включать не только синтез западных и восточных традиций, но и диалог между религиозным и светским пониманием нравственности, между академической философией и народной мудростью.

Технологические вызовы, особенно в сфере искусственного интеллекта, биотехнологии и цифровизации, требуют опережающего этического моделирования. Нравственность не может оставаться лишь реакцией на уже свершившиеся технологические прорывы; она должна активно участвовать в формировании вектора технологического развития. Это предполагает развитие таких направлений, как этика искусственного интеллекта, биоэтика и цифровая этика, которые ставят классические философские вопросы о свободе, ответственности и достоинстве в совершенно новом контексте [5, с. 143].

В условиях морального плюрализма ключевой задачей становится развитие этического диалога как искусства ведения конструктивной дискуссии между носителями различных ценностных систем. Такой диалог невозможен без определенных универсальных процедурных норм и добродетелей – уважения к другому, готовности к самокритике, способности слышать и понимать инаковость. Это требует воспитания особого типа личности – способной к моральной рефлексии в условиях неопределенности и ценностного разнообразия.

Таким образом, нравственность XXI века – это не свод готовых ответов, а динамическая способность к моральной навигации в сложном, быстро меняющемся мире. Ее развитие связано с формированием глобального сознания, ответственного отношения к технологиям и природе, а также с культивированием навыков межкультурного диалога. Практическая функция нравственности в современную эпоху проявляется в ее способности служить ориентиром для человечества на пути к более справедливому, устойчивому и гуманному будущему, определяя не только то, какие поступки мы совершаем, но и то, какими существами мы становимся в процессе технологической и культурной трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова; Саран. кооп. ин-т (фил.) РУК. – Саранск : Афанасьев В. С., 2022.
2. Асанова И. П. Проблемы реализации гражданами права на необходимую оборону // Инновации в образовательной среде : материалы международной научно-практической конференции. – Саранск, 2015. – С. 431–434.
3. Асанова И. П. Актуальные вопросы борьбы с масштабами роста кибермошенничества // Вестник РУК. – 2021. – № 4 (46). – С. 120–123.
4. Чиняков О. Е. Организатор преступления: понятие и уголовно-правовое значение / О. Е. Чиняков, В. Ю. Перепелкин, И. П. Асанова // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 232–238.

5. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1-1. – С. 134–145.

УДК 343

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСЦЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Надин Евгений Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; st809211@ruc.su

THE PROBLEM OF QUALIFICATION OF THE EXCESS OF THE PERPETRATOR OF THE CRIME

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate Professor

Nadine Evgeny Andreevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования обусловлена сложностью и неоднозначностью теоретического осмысления эксцесса исполнителя в институте соучастия. Эксцесс рассматривается как нарушение ключевого признака соучастия совместности и общности умысла. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам установления границ общего умысла соучастников и критериям отграничения эксцесса от смежных уголовно-правовых конструкций, таких как соучастие в преступлениях с неконкретизированным умыслом и ошибка в объекте. Целью исследования является систематизация теоретических подходов к пониманию эксцесса исполнителя и разработка на их основе рекомендаций по совершенствованию практики квалификации.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя, соучастие в преступлении, совместность умысла, общий умысел, квалификация преступления, институт соучастия, вина в соучастии.

The relevance of the study is due to the complexity and ambiguity of the theoretical understanding of the excess of the performer in the institution of complicity. Excess is seen as a violation of the key sign of complicity, togetherness and community of intent. Special attention is paid to the controversial issues of establishing the boundaries of the common intent of accomplices and the criteria for distinguishing excess from related criminal law structures, such as complicity in crimes with unspecified intent and an error in the object. The purpose of the study is to systematize theoretical approaches to understanding the excess of a performer and to develop recommendations based on them for improving the practice of qualification.

Keywords: excess of the perpetrator, complicity in a crime, joint intent, common intent, qualification of the crime, institution of complicity, guilt in complicity.

Институт соучастия, будучи одним из наиболее сложных в уголовном праве, порождает множество проблем квалификации, среди которых особое место занимает эксцесс исполнителя. Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат [1]. Речь может идти о совершении исполнителем иного преступления, нежели то, которое было предметом предварительного соглашения (например, разбойного нападения вместо ограбления или убийства вместо

избиения), либо о совершении не простого обусловленного соглашением вида преступления, а квалифицированного (например, убийства с особой жестокостью) [2].

Нормативное закрепление эксцесса исполнителя в ст. 36 УК РФ отличается лаконичностью, что порождает доктринальные дискуссии относительно его сущности. Эксцесс исполнителя имеет сложную дуалистическую природу так как с одной стороны он напрямую связан с соучастием, а с другой он выходит за его рамки. Как отмечает А. А. Гюлбанкян, «деяние исполнителя, допустившего эксцесс, хотя бы частично остается в границах соучастия, ведь исполнитель эксцесса и иные соучастники связаны объективными и субъективными деяниями, общей целью и совместными усилиями для ее достижения [1]. Эта двойственность проявляется в том, что преступное поведение исполнителя включает два структурных элемента: деяние, совершенное в соучастии, и эксцессное деяние, выходящее за пределы единого умысла.

Традиционная классификация выделяет количественный и качественный эксцесс. Количественный эксцесс предполагает совершение однородного, но более тяжкого преступления (например, разбой вместо кражи). Качественный эксцесс представляет собой посягательство на иной объект, полностью выходящее за рамки первоначального замысла группы [2]. Однако в правоприменительной практике разграничение часто условно, поскольку одно деяние может сочетать признаки обоих видов. Так, совершение кражи, в ходе которой исполнитель применяет насилие, переqualифицирующее деяние в грабеж или разбой, может быть рассмотрено не только как количественное отягчение, но и как изменение юридической сущности деяния, то есть его качественное преобразование. Это подчеркивает условность деления и приоритетность установления действительного содержания умысла каждого соучастника.

Центральной проблемой квалификации является разграничение эксцесса и преступления, совершенного в соучастии с неконкретизированным (неопределенным) умыслом. Если соучастники сознательно допускали наступление различных последствий или развитие событий по альтернативному сценарию, то их умысел охватывает весь спектр реализованных исполнителем действий. Например, при совместном избиении, в ходе которого один из участников причинил смерть потерпевшему, решающее значение имеет установление характера сговора. Использование группой предметов, объективно способных причинить смерть, может свидетельствовать в пользу общего умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, а не об эксцессе. Следовательно, эксцесс наличествует лишь тогда, когда исполнитель совершил действия, которые заведомо не могли быть одобрены другими соучастниками в силу их явного выхода за установленные рамки.

Сложным является отграничение эксцесса от ошибки в объекте. Критерием разграничения служит направленность умысла: при ошибке она не меняется, при эксцессе – кардинально трансформируется. Например, если исполнитель, действуя в рамках общего умысла на кражу из квартиры, по ошибке выносит вещи, не входящие в круг охраняемых уголовным законом объектов собственности, это

является ошибкой, влияющей на квалификацию. Однако если тот же исполнитель, находясь в квартире, совершает иное преступление, например, уничтожает важные документы, налицо качественный эксцесс, поскольку его умысел был направлен на новый объект.

Особую теоретическую проблему представляет квалификация «эксцесса в меньшую сторону» – ситуации, когда исполнитель, вопреки полученным указаниям, совершает менее тяжкое преступление. В доктрине сформировались противоречивые подходы к квалификации действий иных соучастников в такой ситуации. С. Ф. Милуков полагает, что подстрекатель должен нести ответственность за подстрекательство к более тяжкому преступлению, даже если исполнитель совершил менее тяжкое [3]. В отличие от этой позиции, О. С. Капинус и К. В. Ображнев считают, что квалификация действий иных соучастников должна быть производной от квалификации исполнительских действий [4].

Дискуссионным остается вопрос о «посредственном эксцессе» – когда в качестве исполнителя используется лицо, не подлежащее уголовной ответственности. Если такое лицо выходит за пределы данных ему указаний, возникает коллизия. Разрешение этой коллизии видится в применении общих правил: если посредственный причинитель действовал вне рамок умысла инициатора, последний несет ответственность лишь за те действия, которые охватывались его собственным умыслом. Этот подход подтверждает тезис о том, что институт эксцесса служит гарантией принципа субъективного вменения.

Сложности в квалификации эксцесса исполнителя особенно ярко проявляются при разграничении его количественной и качественной разновидностей. Количественный эксцесс, понимаемый как причинение более тяжких последствий в рамках одного объекта посягательства, на практике часто переплетается с вопросами о содержании первоначального умысла соучастников. Как отмечает А. А. Гюлбанкян, договоренность соучастников о применении конкретного способа совершения преступления задает верхнюю границу, за которую не должен выходить исполнитель [5].

Особую сложность представляет ситуация, когда исполнитель, действуя в рамках общего умысла на совершение кражи, применяет насилие к потерпевшему, что переqualифицирует деяние в грабеж или разбой. Суды в таких случаях должны устанавливать, могло ли применение насилия охватываться умыслом других соучастников. Если организатор преступления предоставил исполнителю оружие, это может свидетельствовать о наличии общего умысла на применение насилия. Аналогичные сложности возникают при квалификации преступлений против жизни и здоровья, когда в ходе группового избиения один из участников причиняет смерть потерпевшему.

Качественный эксцесс, предполагающий посягательство на совершенно иной объект, также порождает дискуссионные вопросы. Например, если при хищении документов из квартиры исполнитель дополнительно совершает их подделку, возникает вопрос о наличии эксцесса. Судебная практика в таких случаях идет по пути тщательного исследования содержания умысла каждого соучастника. Если другие участники не знали и не должны были знать о возможной подделке документов, а их умысел был направлен исключительно на завладение имуществом, действия исполнителя по подделке квалифицируются как эксцесс.

Определение момента, когда исполнитель выходит за пределы общего умысла, представляет собой одну из наиболее сложных теоретических проблем. В доктрине уголовного права выработан ряд критериев для установления этих границ. Прежде всего, учитывается степень конкретизации преступного намерения в сговоре соучастников. Если сговор носил конкретный характер относительно объекта посягательства, способа совершения преступления, используемых средств, то любое отклонение от этих параметров может рассматриваться как эксцесс.

Важное значение имеет и субъективное восприятие ситуации другими соучастниками. Если они, узнав о отклонении исполнителя от первоначального плана, не выразили своего согласия с этими действиями и не оказали ему содействия, это свидетельствует в пользу эксцесса. Однако если другие соучастники, оставаясь на месте преступления, сознательно допускали развитие событий по иному сценарию, их бездействие может быть расценено как молчаливое одобрение, что исключает квалификацию эксцесса.

Таким образом, данная ситуация демонстрирует тенденцию к более детальному установлению субъективной стороны преступления, совершаемого в соучастии. Это особенно важно при квалификации эксцесса, поскольку именно субъективный критерий – содержание умысла каждого соучастника – является определяющим.

Для преодоления проблем квалификации целесообразно расширить содержание ст. 36 УК РФ. Как обоснованно отмечают Т. В. Кленова и Д. Л. Миацаканян, в действующем уголовном законодательстве норма об эксцессе необоснованно ограничивается указанием на исполнителя преступления, несмотря на то что доктриной и практикой выявлены примеры эксцесса и других соучастников преступления [6].

Целесообразно предусмотреть в законе не только эксцесс исполнителя, но и эксцесс иных соучастников преступления. Н. В. Зимин справедливо указывает на необходимость поиска единого понимания термина «эксцесс исполнителя», поскольку различия в понимании термина препятствуют быстрому и качественному расследованию преступления, изобличению и привлечению виновного к ответственности [7].

Представляется необходимым закрепить в ст. 36 УК РФ понятие «эксцесс соучастника», что позволит распространить установленные правила не только на исполнителя, но и на организатора, подстрекателя и пособника. Это будет способствовать реализации принципов справедливости и индивидуализации ответственности, а также обеспечению единообразия судебной практики.

Таким образом, можно констатировать, что проблема квалификации эксцесса исполнителя остается одной из наиболее сложных и дискуссионных в современном уголовном праве. Многогранность этой проблемы обусловлена дуалистической природой самого института эксцесса, который, с одной стороны, генетически связан с соучастием, а с другой – знаменует его прекращение в части выходящей за рамки общего умысла деятельности.

Ключевые трудности правоприменительной практики связаны с отсутствием четких законодательных критериев для определения границ общего умысла со-

участников, что приводит к противоречиям в квалификации «эксцесса в меньшую сторону» и случаев трансформации умысла в группе. Существенным пробелом в законодательстве остается отсутствие регламентации эксцесса иных соучастников, не являющихся исполнителями, хотя теория и практика однозначно подтверждают возможность такого эксцесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гюлбанкян А. А. Юридическая природа эксцесса исполнителя преступления // Общество и право. – 2023. – № 3 (85). – С. 41.
2. Черненко Т. Г. Проблемные вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 44. – С. 94.
3. Милюков С. Ф. Уголовное законодательство: опыт критического анализа. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 32.
4. Капинус О. С., Образнев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 47.
5. Гюлбанкян А. А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 133.
6. Кленова Т. В., Миацаканян Д. Л. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 70.
7. Зимин Н. В. Некоторые особенности квалификации эксцесса исполнителя // Закон и право. – 2024. – № 5. – С. 231.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

УДК 347

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Попова Татьяна Валерьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: pop.tv@ruc.su

CRIMES AGAINST PUBLIC HEALTH AND PUBLIC MORALS: GENERAL CHARACTERISTICS, OPPOSITION TO GLOBAL CHANGES CAUSED BY THE DEVELOPMENT OF THE CHEMICAL INDUSTRY

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate Professor

Popova Tatiana Valeryevna, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья раскрывает историко-правовую эволюцию регулирования противодействия терроризму в России от дореволюционных норм к действующему в настоящее время Уголовному Кодексу РФ и федеральному закону «О противодействии терроризму», содержащему легальные дефиниции и разграничению категорий «терроризм» и «террористический акт».

Обосновывается родовидовая связь понятий и её значение для правильной квалификации деяний, учитывающей цели деяния, объект посягательства и общеопасные способы.

Показана роль принципов законности, превентивности и комплексности в формировании

уголовно-правовой политики, а также влияние наднациональных (международных) стандартов ПОД/ФТ (рекомендации ФАТФ, Вольфсбергские принципы) на перекрытие финансовых каналов террористической деятельности. В статье делается вывод о необходимости поддержания баланса между безопасностью и правами человека через межведомственную координацию и интеграцию международных требований.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, уголовное право, квалификация преступлений, цели и объект посягательства, общеопасные способы, принцип законности, превентивность, комплексность, ПОД/ФТ, рекомендации ФАТФ, Вольфсбергские принципы, международное сотрудничество.

The article reveals the historical and legal evolution of counter-terrorism regulation in Russia from pre-revolutionary norms to the current Criminal Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Countering Terrorism", which contains legal definitions and delineation of the categories «terrorism» and «terrorist act».

The author substantiates the generic-specific relationship of concepts and its significance for the correct qualification of acts, taking into account the objectives of the act, the object of encroachment and generally dangerous methods.

The role of the principles of legality, preventativeness and complexity in the formation of criminal law policy is shown, as well as the influence of supranational (international) AML/CFT standards (FATF recommendations, Wolfsberg Principles) on blocking financial channels of terrorist activity. The article concludes that it is necessary to maintain a balance between security and human rights through interagency coordination and integration of international requirements.

Keywords: terrorism, terrorist act, criminal law, qualification of crimes, goals and object of encroachment, generally dangerous methods, principle of legality, prevention, complexity, AML/CFT, FATF recommendations, Wolfsberg Principles, international cooperation.

Терроризм как объект уголовно-правового регулирования должен рассматриваться сквозь призму его исторической трансформации, нормативной конкретизации и действующих принципов уголовно-правовой политики. Так, в дореволюционном праве отсутствовали легальные дефиниции терроризма и террористического акта. При этом данные, сходные, по сути, и содержанию посягательства пресекались институтами охраны верховной власти и государственного правопорядка [1–2].

Взрывной рост насилия в начале XX века, подтверждаемый статистическими данными о резком росте числа нападений на государственных и частных лиц после революции 1905 года, предопределил необходимость терминологического и конструктивного уточнения уголовно-правовых составов.

По официальной статистике, только с января 1908 по май 1910 года было зафиксировано почти 20 000 террористических актов, что резко задало и определило вектор противодействия данному явлению.

Советский этап впервые ввёл термин «террористический акт» на уровне позитивного права. Тем самым УК РСФСР 1922 года закрепил уголовную ответственность за соответствующие деяния, а редакция 1926 года, оставив ответственность за них в системе государственных преступлений, отказалась от обязательной «контрреволюционной» цели как конструктивного признака [2–4].

В УК РСФСР 1960 года получил развитие специальный состав, структурно близкий к его современному пониманию (включая особый состав против представителя иностранного государства) [3, 5].

В постсоветский период законодатель обозначил «терроризм» как состав и как часть родовой категории преступлений террористической направленности (ныне утративший свою законную силу ФЗ от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ ввёл в УК РСФСР статью о терроризме с охватом взрыва, поджога и иных действий, создающих опасность гибели людей и тяжкие последствия, с дифференциацией санкций и нормой о возможности добровольного предотвращения и отказа от преступления) [4, 6].

Дальнейшая кодификация всего пласта законодательства завершилась разграничением дефиниций. Так, законодатель в ФЗ «О противодействии терроризму» закрепил «терроризм» как идеологию насилия и практику воздействия на решения органов публичной власти и международных организаций путём устрашения населения, тогда как «террористический акт» был нормативно определён как конкретное деяние с общепасными способами причинения вреда и специальными целями (устрашение, принуждение власти).

Соотношение категорий носит характер «род-вид». При этом терроризм объединяет систему преступлений террористической направленности, а террористический акт выступает их типичной формой реализации.

Отграничение смежных явлений сохраняет ключевое значение для квалификации. Статья 205 УК РФ устанавливает ответственность за террористический акт, тогда как статья 282 УК РФ – за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды и унижение достоинства по охраняемым признакам.

Для правильной квалификации деяний необходимо четко понимать и разграничивать его направленность в виде цели (устрашение населения, принуждение власти), объекта посягательства и способа совершения деяния (взрывы, поджоги, захват заложников и т.д.).

Эффективность пресечения террористических угроз зависит от следования базовым принципам уголовно-правовой политики. Принцип законности исключает произвольное расширение полномочий и возлагает на правоприменителя обязанность действовать строго в пределах нормативных предписаний, тем самым обеспечивая защиту прав и свобод.

Принцип превентивности смещает акцент на раннее выявление угроз, построение систем мониторинга и анализа, а также профилактику радикализации посредством образовательных и социальных программ, что позволяет не допустить возникновения умысла до его реализации.

Принцип комплексности требует межведомственной координации правоохранительных и судебных органов, надлежащее правоприменение уголовно-правовых, административных и социальных средств воздействия, основанных на ФЗ «О противодействии терроризму» [5, 7].

Помимо национального законодательства существует наднациональный пласт стандартов, направленных на противодействие терроризму, что в свою очередь совершенствует и дополняет национальные механизмы через стандарты ПОД/ФТ, нацеленные на перекрытие финансовой подпитки терроризма.

Рекомендации ФАТФ, принятые на пленарном заседании ФАТФ в феврале 2012 года, задают минимум требований к уголовно-правовым и регуляторным

практикам, обеспечивая сопоставимость национальных режимов и формируя основу для взаимной оценки [6, 8].

Параллельно «Вольфсбергские принципы» как саморегулятивный стандарт частного банковского сектора закрепляют риск-ориентированный подход к установлению отношений с клиентами и «знай своего клиента» как базовую профилактическую меру [7, 9]. Они обязательны для исполнения кредитными организациями и закреплены в виде Указания ЦБ РФ от 15 февраля 2001 года № 24-Т «О Вольфсбергских принципах» [8, 10].

В совокупности указанные стандарты формируют так называемое мягкое регулирование, которое, несмотря на рекомендательный характер, служит инструментом унификации и повышения прозрачности финансового оборота, включая цифровые и криптоактивы.

Вектор развития ПОД/ФТ характеризуется одновременной тенденцией к гармонизации и стандартизации требований и риском регуляторного арбитража в условиях финтех-инноваций и трансграничного оборота капитала, что требует поиска устойчивого баланса между комплаенсом, доступностью услуг и свободой движения капитала.

Усиление наднационального уровня объясняется ограниченностью чисто национального контроля, наряду с ФАТФ формируются альтернативные центры формирования качественно новых стандартов (например, ЕАГ), позволяющие учитывать региональную специфику при сохранении общих ориентиров прозрачности и открытости.

Практическая архитектура противодействия терроризму строится на институциональной кооперации и международном сотрудничестве, не смотря на прямо враждебную нам санкционную политику среди Европейских стран.

Взаимный обмен информацией, совместные спецоперации правоохранительных органов и согласование стратегий дополняют внутренние механизмы и дают возможность государствам отвечать на вызовы со стороны террористов в пост-индустриальном (информационном) обществе.

Помимо государства гражданское общество, образовательные и социальные институты вовлекаются в профилактику, снижая предпосылки радикализации общества и поддерживая доверие к власти и государству.

Тем самым поддержание баланса между безопасностью государства и общества и правами человека требует прозрачности и подотчётности всех участников, а также постоянного совершенствования законодательства и профессионализма правоохранительных органов.

Таким образом историческая эволюция противодействия терроризму исходит от общих охранительных норм, направленных в первую очередь на защиту государственного строя к проведению соответствующей духу времени и состоянию научно-технического прогресса уголовно-правовой политики, которая основывается и провозглашает права человека наивысшей ценностью, соблюдая баланс общих и частных интересов.

Говоря о таких правовых категориях как терроризм и террористический акт, важно отметить, что первая категория фиксирует идеологию и практику насиль-

ственного воздействия на публичную власть, а вторая же конкретизирует общественно опасное деяние со своими целями и способами, что обеспечивает возможность квалификации таких деяний и как следствие применение мер государственного принуждения.

Принципы законности, превентивности и комплексности задают критерии допустимого вмешательства и организационную конфигурацию правового регулирования, ориентированную на раннее предупреждение и межведомственную координацию.

Интеграция национального законодательства с ПОД/ФТ-стандартами выводит борьбу с терроризмом за рамки сугубо национальной юрисдикции, перекрывая финансовые каналы и формируя единые ориентиры риск-менеджмента в банковском и смежных секторах.

В этой связке уголовно-правовые запреты дают возможность осуществлению операционной и технической поддержке, а превентивные механизмы находят надлежащую институциональную и международно-правовую опору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовное уложение 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 16 апреля 1903 г. – № 38. – Ст. 416.
3. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1922. – № 80. – Ст. 153.
4. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР –1926. – № 80. – Ст. 600.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
6. О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР: федер. закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ // Российские вести. –1994. –№ 123. – П. 41.
7. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 48.
8. The FATF Recommendations. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. Paris: FATF, 2012.
9. The Wolfsberg Group. Wolfsberg AML Principles for Private Banking. 2000.
10. Письмо Банка России от 15.02.2001 № 24-Т «О Вольфсбергских принципах».

УДК 347

ЭКСТРЕМИЗМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ И ФИНАНСИРОВАНИЯ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Стрелков Иван Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: strelok.iv@ruc.su

EXTREMISM IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: CRIMINAL LAW GUIDELINES FOR THE SUPPRESSION OF PUBLIC APPEALS AND FINANCING

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor

Strelkov Ivan Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются криминологические и уголовно-правовые особенности экстремизма в условиях постиндустриального (информационного) общества. На основе ведомственной статистики за 2024–2025 гг. и актуальных нормативных ориентиров обосновывается смещение правоприменительного фокуса к пресечению публичных призывов (ст. 280 УК РФ) и усилению противодействия финансированию экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) как ключевых драйверов радикализации.

Показано, что трансграничный характер интернет-коммуникаций усложняет разграничение составов (ст. 280 и 282 УК РФ), повышает сложность сбора и фиксации допустимых доказательств (установление авторства, форензика цифровых следов, экспертные исследования) и актуализирует превентивные финансовые меры (список Росфинмониторинга, заморозка активов).

Ключевые слова: экстремизм, публичные призывы, разжигание ненависти, финансирование экстремистской деятельности.

The article examines the criminological and criminal law features of extremism in a post-industrial (information) society. Based on departmental statistics for 2024–2025 and current regulatory guidelines, a shift in law enforcement focus towards suppressing public appeals (Article 280 of the Criminal Code) and strengthening counteraction to the financing of extremist activities (Article 282.3 of the Criminal Code) is justified as key drivers of radicalization.

It is shown that the cross-border nature of Internet communications complicates the differentiation of compositions (Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation), increases the complexity of collecting and recording acceptable evidence (identification of authorship, digital trace verification, expert research) and actualizes preventive financial measures (Rosfinmonitoring list, asset freeze).

Keywords: extremism, public appeals, incitement to hatred, financing of extremist activities.

Современная уголовно-правовая политика подтверждает устойчивую криминологическую значимость экстремизма как сложного многокомпонентного и многоаспектного явления, охватывающего политические, религиозные, этнические и идеологические мотивы и проявляющегося как в насилии, так и в виде нетерпимости, дискриминации и радикализма, что стало особенно актуально для постиндустриального (информационного) общества.

По данным МВД России, в 2024 году зарегистрировано 1 719 преступлений экстремистской направленности, что на 28,3 % выше уровня 2023 года, что свидетельствует о росте как криминальной активности, так и выявляемости соответствующих деяний [1, 3].

Судебная статистика наглядным образом иллюстрирует смещение акцентов правоприменения в сторону пресечения публичных призывов к экстремистской деятельности, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Так в 2024 году по ст. 280 УК РФ осуждены 215 лиц (12 из которых по ч. 1 и 203 по ч. 2), тогда как по ст. 282 УК РФ вынесены 42 обвинительных приговора (13 по ч. 1 и 29 по ч. 2 соответственно) [2, 4].

Такое соотношение наглядным образом демонстрирует приоритет преследования публичных форм экстремистской коммуникации над оценочными составами, требующими доказывания разжигания ненависти, вражды или унижения достоинства.

При квалификации экстремистских преступлений судам необходимо руководствоваться разъяснениями, сформулированными Пленумом Верховного Суда РФ. Тем самым судам необходимо выявлять и доказывать мотивы и цели деяний, разграничивать экстремистские преступления от смежных нарушений свободы слова и вероисповедания, обеспечивая баланс охраны публичных интересов и защиты конституционных прав отдельной личности.

Разъяснения Пленума № 11 от 28 июня 2011 г. имеют системообразующее значение для оценки характера публичности высказываний, адресата, контекста и используемой платформы, в том числе сети «Интернет» [3].

Особую актуальность в настоящее время сохраняет пресечение финансирования экстремистской деятельности как элемента материального и ресурсного обеспечения радикальных экстремистских структур.

Диспозиция ст. 282.3 УК РФ охватывает предоставление, сбор средств и оказание финансовых услуг для обеспечения экстремистских организаций или сообществ. Вместе с тем законодатель предусматривает специальное основание освобождения от уголовной ответственности при добровольном содействии предотвращению или пресечению финансируемого преступления либо деятельности соответствующих структур. Сформулированная таким образом уголовно-правовая конструкция сочетает превентивные цели с поощрением отказа от участия в финансовой поддержке экстремизма и требует от следственных органов точной фиксации направления и движения денежных средств и их целевого назначения [4].

Как правило финансирование экстремизма криминологически высоколатентно, поскольку преступниками используются многообразные платёжные механизмы, транзит через третьи, зачастую недружественные и прямо враждебные нам страны и юрисдикции, маскировка под благотворительность или вознаграждения за информационные услуги.

Совокупность данных факторов значительным образом осложняет доказывание целевого назначения средств и порождает конкуренцию норм с составами террористической направленности. Для противодействия данным преступлениям государством реализуются и применяются специальные ограничения в отношении лиц, включённых Росфинмониторингом в Перечень причастных к экстремистской деятельности или терроризму. Также активно используется режим заморозки активов и лимитирование допустимых операций тем самым снижая риск повторного вовлечения в экстремистскую деятельность данных лиц.

Значительное влияние на уголовно-правовую сферу, направленную на борьбу с экстремизмом оказало и введение в 2018 году административной преюдиции по ч. 1 ст. 282 УК РФ, что в свою очередь значительным образом сузило сферу уголовной ответственности за первичные проявления разжигания ненависти, и как следствие отразилось на уголовно-правовой статистике обвинительных приговоров по этой норме [5].

Важно отметить тот факт, что в 2024–2025 гг. устойчиво фиксируется рост выявляемых преступлений экстремистской направленности, в том числе связанных с сетевым распространением материалов посредством ИКТ и координацией противоправных действий.

Такая тенденция при этом как правило сопряжена с трансграничным характером коммуникаций, что облегчает удалённое подстрекательство и организацию деяний, нацеленных на дестабилизацию общественных процессов (включая избирательные кампании), и тем самым повышает нагрузку на систему обеспечения правопорядка.

Нормативная рамка противодействия экстремизму была обновлена Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124, которым утверждена новая Стратегия противодействия экстремизму. Данный указ Президента заменил стратегию 2020 года и задал единые цели, задачи и механизмы межведомственного взаимодействия.

В числе приоритетов данного указа следует отметить пресечение использования информационно-телекоммуникационных сетей для вербовки, координации противоправной активности, распространения идеологии и финансового обеспечения экстремистских структур, а также укрепление информационной политики государства и кибербезопасности.

Стратегия противодействия экстремизму прямо коррелирует противодействие экстремизму с обеспечением национальной безопасности, гражданского согласия и устойчивости конституционного строя, тем самым задавая судам и правоохранительным органам контекст для квалификации деяний и оценки их общественной опасности.

Системные эффекты цифровой координации проявляются и в форме массовых ложных сообщений об актах терроризма, распространяемых по электронной почте и мессенджерам. Несмотря на то, что такие деяния квалифицируются по ст. 207 УК РФ, их оперативные последствия (эвакуации, отвлечение значительных сил МВД, МЧС и служб экстренного реагирования) создают уязвимости на иных местах и тем самым опосредованно подрывают общественную безопасность и доверие к институтам государства.

Официальные сообщения силовых ведомств регулярно фиксируют вербовку граждан через интернет-каналы для совершения подобных действий, что дополнительно подтверждает необходимость приоритизации профилактики и быстрого реагирования на сетевые формы организации преступлений.

Таким образом экстремизм в цифровую эпоху проявляется прежде всего через публичные призывы и финансирование экстремисткой деятельности, что усиливает его угрозу для основ конституционного строя государства и общественной безопасности и стабильности в целом. Современная правоприменительная практика закономерно концентрируется на пресечении сетевой коммуникации и перекрытии финансовых потоков, однако требует дальнейшей унификации квалификационных критериев по ст. 280, 282 и 282.3 УК РФ, повышения качества цифровой идентификации и тесной координации уголовно-правовых и процессуальных методов с механизмами финансового мониторинга.

Обновлённая Стратегия противодействия экстремизму в виде указа Президента от 2024 года задаёт системные ориентиры для сочетания репрессивных мер в виде наказания и превенции в виде профилактики. При этом её эффективная реализация предполагает развитие методик сбора допустимых доказательств в цифровой среде с активным внедрением использованием ИКТ и адаптацию санкционной политики к реальной общественной опасности сетевых форм экстремистской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 28.10.2021) // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/>
3. МВД России. Главный информационно-аналитический центр. Состояние преступности в России: январь-декабрь 2024 г. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203>
4. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Судебная статистика РФ: данные о назначенном наказании по статьям УК за 2024 год. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>
5. Госдума ввела административную преюдицию в ст. 282 УК. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/gosduma-vvela-administrativnuyu-preyuditsiyu-v-st-282-uk>

УДК 347

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ДИВЕРСИИ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Шемякин Илья Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; malish.ni@ruc.su

LEGAL FEATURES OF THE DISTINCTION BETWEEN A TERRORIST ACT AND SABOTAGE

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate professor

Shemyakin Ilya Mikhailovich, Master's Student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предложено целостное изложение критериев разграничения террористического акта (ст. 205 УК РФ) и диверсии (ст. 281 УК РФ) с опорой на нормативно-правовую базу, современную доктрину и конкретные судебные примеры.

В результате данного исследования было установлено, что для квалификации деяния как террористического определяющими являются публичная цель устрашения населения и (или) воздействия на власть.

Для диверсии данная цель заключается в причинении ущерба объектам критической инфраструктуры ради подрыва экономической безопасности и обороноспособности без присутствия такого обязательного компонента как «устрашение».

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическое законодательство, историко-правовой анализ, финансирование терроризма, публичные призывы, террористическое сообщество.

The article offers a holistic presentation of the criteria for distinguishing a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation) and sabotage (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation) based on the regulatory framework, modern doctrine and specific judicial examples.

As a result of this study, it was found that the defining criteria for classifying an act as a terrorist act is the public goal of intimidating the population and (or) influencing the authorities.

For sabotage, this goal is to cause damage to critical infrastructure facilities in order to undermine economic security and defense capabilities without the presence of such a mandatory component as "intimidation".

Keywords: terrorism, anti-terrorist legislation, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, historical and legal analysis, financing of terrorism, public appeals, terrorist community.

В условиях повышенной террористической и диверсионной активности, правильность квалификации деяний, связанных с терроризмом и осуществлением диверсий приобретает особую актуальность, имеющую системообразующее значение для нормального функционирования всего государства и общества. Так, говоря простым языком от правильного ответа на вопрос «кому адресовано воздействие населению или власти либо же инфраструктуре и оборонному потенциалу?» зависит квалификация деяния и как следствие уголовная ответственность лица.

Диверсия в современном уголовно-правовом смысле представляет собой заранее организованные и скрытно реализуемые действия, выполняемые как диверсионно-разведывательными группами, так и одиночными исполнителями, направленные на выведение из строя критически важных объектов или их функциональных элементов как в период вооружённых конфликтов, так и в мирное время.

Угроза диверсий влечёт не только системный ущерб экономике и обороноспособности, но и создаёт повышенный риск для жизни и здоровья граждан, поскольку поражение транспортной, энергетической и связной инфраструктуры неизбежно порождает негативные последствия и для общественной безопасности, а в межгосударственном измерении способно дестабилизировать мирные отношения, провоцируя эскалацию конфликтов.

При этом диверсионные акции нередко используются не ради «публичного эффекта», а как инструмент оперативного ослабления противника в ходе военных действий, что сближает их по способам с террористическими актами, но различает по цели и адресату воздействия.

Говоря о квалификации данных деяний в научной литературе, подчёркивается, что совпадение способов (взрыв, поджог, иные общеопасные действия) не определяет квалификацию. Определяющими выступают целеполагание и объект охраны.

Для террористического акта такой целью является устрашение населения и (или) воздействие на принятие решений органами власти либо международными организациями. Для диверсии подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства, причинение вреда объектам промышленной, транспортной, энергетической, связной и иной критической инфраструктуры без необходимого компонента устрашения в виде устрашения [1, 3].

Так, в ст. 281 УК РФ законодатель исчерпывающе фиксирует круг охраняемых объектов (предприятий, сооружений, объектов транспорта, связи, жизнеобеспечения), в отличие от ст. 205 УК РФ, не содержащей закрытого перечня предметов посягательства.

По мнению И. А. Тихониной, для терроризма решающе значимым признаком для квалификации деяния выступает цель публичного устрашения и давления на власть, тогда как для диверсии это разрушение или повреждение инфраструктуры как средство подрыва экономической либо оборонной устойчивости государства [2, 5].

Однако в настоящее время активизация террористической и диверсионной деятельности достигла своего пика ввиду проведения СВО на территории Украины. Так, взрывчатые устройства, поджоги релейных шкафов, акты повреждения энергетики и транспорта нередко сопровождаются сетевыми сообщениями, которые то создают видимость «публичного послания», то сводятся к техническим заданиям на выведение из строя без цели создания общественного резонанса.

Показательным примером диверсии при внешнем сходстве с осуществлением террористической деятельности является дело о нападении на Баксанскую ГЭС (Кабардино-Балкарская Республика, 2010 г.), где правоохранительные органы квалифицировали содеянное, в числе прочего, по ст. 281 УК РФ [3, 1]. Так, в приговоре и последующем кассационном рассмотрении дела в вышестоящей инстанции было установлено, что целевая направленность заключалась в причинении крупного имущественного и инфраструктурного ущерба энергетическому объекту, а не в публичном устрашении населения или давлении на власть.

Однако в настоящее время зачастую возникают на практике случаи, в которых в одном эпизоде соединяются действия в отношении критической инфраструктуры и элементы подготовки и (или) попытки воздействия на органы власти или население. Так, в феврале 2025 г. Челябинский областной суд вынес приговор по делу, где лицо было признано виновным в диверсии на объекте транспортной инфраструктуры и одновременно в покушении на террористический акт в отношении объекта Минобороны.

Совокупность квалификаций (включая ст. 275 УК РФ) показывает, что суды дифференцируют эпизоды по целям. Так, инфраструктурный ущерб как самостоятельная цель будет квалифицироваться как диверсия, а подготовка к воздействию на военное ведомство с целью устрашения уже террористическая деятельность. Тем самым при наличии двух разных целей деяния должны быть квалифицированы как совокупность преступлений.

Важно отметить, что в ряде уголовных дел с несовершеннолетними, получавшими через мессенджеры «задания» на повреждение железнодорожной автоматики, первоначальная «террористическая» квалификация следствия впоследствии заменялась на диверсию. Так, например, при детальном анализе переписки выяснялось, что требовалось вывести из строя конкретные элементы инфраструктуры без цели устрашения населения или предъявления требований органам власти. Также на практике можно встретить уголовные дела, где способ и объект совпадают, однако ввиду отсутствия публичной направленности они были квалифицированы по ст. 281 УК РФ вместо ст. 205 УК РФ.

В большинстве уголовных дел о поджогах зданий органов власти и военных комиссариатов, где следствие рассматривало эпизоды как повреждение объектов инфраструктуры и (или) как общеопасные преступления без специальной цели, однако по мере получения дополнительной информации из цифровых источников и глобальной сети Интернет (угроз, «присвоения ответственности», призывов, адресованных власти) квалификация изменялась с диверсионной на террористическую деятельность исходя из цели деяния.

Тем самым для квалификации деяния как террористического акта, помимо установления общеопасного способа, необходимо важно получить доказательства наличия именно публичного компонента в виде, например, угрозы, манифеста, требования органам власти, согласованного «тайминга» под событие, «присвоения ответственности».

Для диверсии же напротив, решающим фактом является то, что разрушительное действие нацелено на снижение обороноспособности и экономической устойчивости, в том числе через формирование заторов в логистике, вывод из строя связи и энергетики, подрыв функционирования предприятий ВПК, и при этом отсутствует намерение устрашения населения или давления на власть.

Субъективная сторона террористического акта и диверсии характеризуется виной в форме прямого умысла, преступник осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления [4].

Отдельного рассмотрения заслуживают дела о повреждении железнодорожной инфраструктуры. В ряде приговоров последних двух лет суды квалифицировали подобные действия как диверсию, указывая на прицельный вред логистике военных перевозок без публично-коммуникативной цели. Например, по первым приговорам Белгородского областного суда лица, планировавшие повреждение участка железной дороги «в интересах иностранного государства», получили приговор по ст. 281 УК РФ, причём фабула дела указывает именно на инфраструктурно-военную направленность умысла.

С другой стороны, подборки дел о совокупности (ст. 281 УК РФ, а также ст. 205 УК РФ и ст. 205.1–205.3 УК РФ) показывают, что при одновременном наличии инфраструктурного ущерба и зафиксированной подготовки к воздействию на власть один состав никак не поглощает и не заменяет другой, а разделяет такие эпизоды по целям.

Тем самым разграничение ст. 205 и ст. 281 УК РФ производится исходя из установления непосредственного объекта посягательства (общественная безопасность как коммуникационная сфера против экономической и (или) оборонной безопасности и устойчивости инфраструктуры).

Цель и адресат воздействия (устрашение населения и давление на власть против инфраструктурного и (или) военного ущерба без публичного компонента). Для правильного установления цели и как следствия квалификации особенно важно определить преступный умысел, с чем зачастую помогают цифровые источники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025). СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – Москва, – 2015. – Т. 2.
4. Тутуков, А. Ю., Татаров, Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnaya-kvalifikatsiya-terroristicheskogo-akta-i-ego-otgranichenie-ot-diversii>
5. Тихонин, И. А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) / И. А. Тихонин // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 477–484.

УДК 340

КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РАЗНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Барцаев Владислав Владимирович, магистрант

Саушкина Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: nastasya.saushkina@bk.ru

CONCEPTS OF NATIONAL DIGITAL CURRENCY IN DIFFERENT COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Bartsaev Vladislav Vladimirovich, Master's Degree student

Saushkina Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются современные подходы к разработке и внедрению национальных цифровых валют в различных странах мира. Автор отмечает, что, несмотря на наличие передовых идей и определенных стимулов при использовании национальной цифровой валюты в качестве средства платежа, ее популярность среди населения и бизнеса остается крайне низкой ввиду отсутствия доверия к власти и наличия иных альтернативных и более популярных способов осуществления расчетов. При этом применение принудительных мер по распространению цифровых валют не обеспечивают их массового принятия.

Ключевые слова: национальная цифровая валюта, цифровой юань, песчаный доллар, цифровая крона, цифровой рубль, финансовый суверенитет.

The article discusses modern approaches to the development and implementation of national digital currencies in various countries around the world. The author notes that despite the availability of advanced ideas and certain incentives when using the national digital currency as a means of payment, its popularity among the population and businesses remains extremely low due to the lack of trust in the authorities and the availability of other alternative and more popular payment methods. At the same time, the use of coercive measures to distribute digital currencies does not ensure their mass adoption.

Keywords: national digital currency, digital yuan, sand dollar, digital crown, digital ruble, financial sovereignty.

В последние годы мировая финансовая система переживает одно из самых заметных технологических преобразований – переход к национальным цифровым валютам. Основной особенностью и преимуществом национальной цифровой валюты можно считать сохранение государственного контроля над денежным обращением и признание официальным обязательством государства, что делает её более безопасной для использования. Именно указанное отличает национальную цифровую валюту от криптовалют, которые ничем не обеспечены.

Впервые идеи разработки и применения национальной цифровой валюты появились 15 лет назад. Но распространение получили только в 2020 году. На сегодняшний день свыше 130 стран проводят эксперименты по внедрению национальной цифровой валюты, при этом цели и способы реализации в разных странах существенно отличаются [1, с. 24].

Например, развитые страны рассматривают национальные цифровые валюты как механизм поддержания доверия к государственным деньгам в условиях повсеместного распространения и популяризации криптовалют.

Государства, стремящиеся решать в первую очередь геополитические вопросы, с помощью национальной цифровой валюты предпринимают попытки по укреплению своего финансового суверенитета.

Как показывает практика, наиболее успешно развиваются национальные цифровые валюты в тех странах, где действительно есть потребность в дополнительных способах осуществления электронных платежей. При этом важно отметить, что высокая популярность электронных платежей в стране напротив показала обратный эффект. Так, например, в Китае, где электронные платежи достигают внушительного количества национальная цифровая валюта имеет не такую популярность, как ожидали власти.

Опыт Китая по внедрению национальной цифровой валюты является достаточно интересным, поскольку в целом его население активно пользуется цифровыми деньгами, в частности, цифровыми кошельками, платформы которых принадлежат коммерческим организациям [2, с. 40].

Некоторые авторы указывают, что именно популярность коммерческих цифровых кошельков подтолкнула китайских властей к разработке национальной цифровой валюты, поскольку в стране ведется полномасштабное законодательное регулирование, направленное на ограничение деятельности организаций, контролирующих цифровые платежи.

При этом в качестве официальной версии разработки и внедрения национальной цифровой валюты Китай указывает необходимость расширения финансовых услуг.

Оператором китайской национальной цифровой валюты являются коммерческие банки, которые получили на это необходимые разрешения. Но, несмотря на это, центральный банк Китая имеет доступ ко всем операциям, осуществляемым с цифровыми юанями.

В настоящее время китайская национальная цифровая валюта охватывает всю сферу услуг, а также оплату многих обязательных платежей в бюджет. Однако, во многом это обусловлено применением китайскими властями мер принужде-

ния. Например, китайское законодательство обязывает платить зарплату госслужащим и работникам отдельных крупных компаний только в цифровой валюте [3, с. 51].

Таким образом, китайская национальная цифровая валюта пока не достигла какого-либо масштабного уровня обращения. Ситуация осложняется тем, что население имеет крайне низкий уровень доверия к власти, в связи с чем любые проекты государства не имеют большой популярности и рассматриваются как очередное средство контроля.

Весьма современный подход при внедрении национальной цифровой валюты применяет Зимбабве. Здесь власти выпустили цифровую валюту, которой можно не только расплачиваться, но и размещать ее на депозитах.

Национальная цифровая валюта Зимбабве используется наряду с иной государственной валютой и представлена в виде цифровых токенов, которые обеспечиваются золотом [4, с. 18]. Отличительной особенностью цифровой валюты Зимбабве является то, что она может выступать в качестве предмета залога.

Официальной версией появления цифровых токенов, обеспеченных золотом, является необходимость снижения темпов роста инфляции в Зимбабве. Кроме того, таким образом власти пытаются снизить популярность американских долларов среди населения. Стоит отметить, что данные меры не имеют результатов, так как население Зимбабве живет за чертой бедности.

При этом Зимбабве не единственная африканская страна, применяющая достаточно разнообразные и при других экономических условиях способные быть более эффективными методы внедрения национальной цифровой валюты. Так, например, в Нигерии существует eNaira, которая введена для расширения сферы финансовых услуг, однако, как и в Зимбабве из-за высокой инфляции и недоверия к властям не имеет популярности.

Власти Нигерии в поисках возможностей максимально успешно и эффективно внедрить национальную цифровую валюту разработали ряд стимулирующих мер. Так, к примеру, была отменена комиссия на все операции с национальной цифровой валютой [5, с. 41].

Кроме того, законодательством Нигерии была введена обязанность оплачивать государственные заказы только национальной цифровой валютой, а также выдавать государственные кредиты. Указанное направлено на повышение прозрачности использования бюджетных средств.

Фактически в Нигерии складывается ситуация, аналогичная той, что сейчас происходит в Китае: власти вынуждены путем принуждения влиять на применение национальной цифровой валюты.

Весьма объективной представляется причина внедрения национальной цифровой валюты на Багамских островах. В связи с тем, что на отдаленных островах отсутствует банковское обслуживание, власти приняли решения ввести в обращение песчаный доллар. По началу проект национальной цифровой валюты действительно имел успех, однако, затем доля песчаного доллара в обороте резко снизилась. Основная причина – высокий контроль со стороны государства, а также отсутствие заинтересованности коммерческих банков в распространении национальной цифровой валюты в связи с её хранением на счетах центрального банка [6, с. 30].

Интересным представляется опыт стран, которые разработали национальную цифровую валюту, но при этом приняли решение не вводить ее в массовый оборот.

К таким странам относится Швеция, в которой полностью отсутствует оборот наличных денежных средств. Все платежи в Швеции осуществляются с помощью карт и мобильных приложений. Поэтому в данной стране вопрос об увеличении прозрачности платежей не стоит.

Центральный банк Швеции мотивировал запуск национальной цифровой валюты возможностью увеличить устойчивость национальной платежной системы и дополнить уже существующий объем платежных услуг, оказываемых частным сектором. Фактически национальная цифровая валюта должна была стать запасным вариантом на случай технических сбоев.

Предполагалось, что функции эмитента цифровой кроны будет выполнять центральный банк Швеции, но к платежной инфраструктуре доступ смогли бы получить все платежные агенты.

Швецией была проведена серьезная работа по вопросу внедрения цифровой кроны. Однако по итогу власти пришли к выводу, что пока потребность у экономики страны в цифровой валюте отсутствует [7, с. 84].

Таким образом, опыт других стран показывает, что основной проблемой при внедрении национальных цифровых валют является низкое доверие населения и бизнеса к власти. Государствам приходится применять методы законодательного принуждения для увеличения доли национальной цифровой валюты в обороте. Отдельные страны при этом вообще не спешат вводить такой вид валюты, поскольку понимают отсутствие заинтересованности и потребности в ней ввиду наличия иных, более привычных и понятных альтернативных способов расчетов.

Учитывая международный опыт, России при разработке и внедрении цифрового рубля необходимо более тщательно подойти к вопросу стимулов, наличие которых могло бы повысить заинтересованность экономических субъектов в использовании национальной цифровой валюты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якушева Е. Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 4. – С. 23–30.
2. Иванущенко А. В. Цифровизация национальной валюты: мировой и отечественный опыт // Журнал экономики и финансов. – 2021. – № 5. – С. 39–43.
3. Андреева Е. М. Фиатные цифровые валюты: от идеи до реализации // Law Journal СПбГУ. – 2023. – № 7. – С. 49–54.
4. Хромова И. Н. Концепция цифровой национальной валюты Российской Федерации и ее функционирование в платежном обороте страны // Экономика и право. – 2023. – № 9. – С. 15–20.
5. Осипова В. С. Цифровая национальная валюта стран мира. Этапы развития // Вопросы экономики и права. – 2024. – № 8. – С. 37–43.
6. Солдаткин С. Н. Цифровой рубль: особенности российской модели // Журнал экономики и финансов. – 2021. – № 6. – С. 27–32.
7. Родина И. Б. Парадигма цифровой национальной валюты: риски и перспективы // Вестник ГУУ. – 2022. – № 1. – С. 81–86.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОВЕРКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Бойцова Алена Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808854@ruc.su

FEATURES OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE

IN THE VERIFICATION OF CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION

Boytsova Alyona Alekseevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается комплексный процесс применения специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации. Анализируются процессуальные и непроцессуальные формы их использования, включая судебную экспертизу, специалиста и ревизию. Особое внимание уделено роли специальных знаний на первоначальном этапе расследования для выдвижения версий и оценки следственных ситуаций. Подчеркивается значение интеграции знаний из различных научных сфер для преодоления информационных барьеров. Доказывается, что эффективная верификация информации напрямую зависит от корректного выбора и применения специальных познаний.

Ключевые слова: специальные знания, криминалистически значимая информация, судебная экспертиза, специалист, проверка данных, расследование преступлений, верификация, следственные действия, информационные барьеры.

The article examines the complex process of applying special knowledge in the verification of criminally significant information. The article analyzes the procedural and non-procedural forms of their use, including forensic examination, specialist and audit. Special attention is paid to the role of special knowledge at the initial stage of the investigation to advance theories and assess investigative situations. The importance of integrating knowledge from various scientific fields to overcome information barriers is emphasized. It is proved that effective verification of information directly depends on the correct choice and application of special knowledge.

Keywords: special knowledge, criminalistically significant information, forensic examination, specialist, data verification, crime investigation, verification, investigative actions, information barriers.

Современная следственная и судебная практика характеризуется значительным усложнением способов совершения преступлений, их транснациональным характером и активным использованием преступниками достижений науки и техники. В этих условиях центральное место в процессе расследования занимает работа с информацией – ее сбор, проверка, анализ и оценка. Криминалистически значимая информация, понимаемая как система сведений о расследуемом событии, его участниках, их связях и иных обстоятельствах, имеющих значение для установления истины по делу, зачастую носит скрытый, фрагментарный или замаскированный характер.

Для ее выявления и, что особенно важно, достоверной проверки следователь или дознаватель в подавляющем большинстве случаев не может ограничиваться лишь своими профессиональными навыками и житейским опытом. Возникает объективная необходимость привлечения специальных знаний, под которыми в

криминалистике понимается совокупность теоретических положений и практических навыков в области науки, техники, искусства или ремесла, не являющихся общедоступными и приобретаемых в результате специальной подготовки или профессиональной деятельности [1, с. 84].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ особенностей и процессуальных форм использования специальных знаний на ключевом этапе работы с криминалистически значимой информацией – этапе ее проверки и верификации. Актуальность темы обусловлена потребностью в оптимизации расследования посредством грамотного и своевременного привлечения возможностей современной науки.

Криминалистически значимая информация является первоосновой для построения моделей расследуемого события. Ее источниками выступают не только традиционные вещественные доказательства и показания свидетелей, но и данные, содержащиеся в электронных носителях, финансовых документах, биологических следах, а также информация, носящая ориентирующий характер (например, слухи, оперативные данные). Проверка такой информации – это деятельность по установлению ее достоверности, полноты и соответствия объективной реальности.

Процесс проверки сопряжен с рядом трудностей: информационная неопределенность – исходные данные часто противоречивы и неполны; процессуальные ограничения – требуется соблюдение норм уголовно-процессуального закона при собирании и закреплении сведений; необходимость научной интерпретации – многие данные (микрочастицы, цифровые артефакты, особенности почерка) не могут быть правильно истолкованы без применения специальных методик.

Именно на преодоление этих трудностей и направлено использование специальных знаний. Они выступают в роли своеобразного «интерпретационного ключа», позволяющего перевести сырые, зачастую непонятные для неспециалиста данные, в систему веских доказательств. Таким образом, проверка информации – это не только ее сопоставление с другими фактами, но и глубокое исследование ее свойств и происхождения с помощью научно обоснованных методов.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает несколько легальных каналов для привлечения специальных знаний, каждый из которых обладает собственной спецификой и сферой оптимального применения при проверке информации.

Судебная экспертиза является наиболее регламентированной и доказательственной формой. Ее главная особенность – проведение исследования на строгой научно-методической основе с предоставлением заключения – процессуального документа, имеющего статус доказательства.

При проверке информации экспертиза решает ряд ключевых задач: идентификационные: установление тождества лица или объекта (дактилоскопическая, баллистическая, почерковедческая экспертизы). Например, проверка информации о причастности конкретного лица к оставлению следов рук на месте происшествия; диагностические: выявление свойств и состояний объектов, установление механизма события (автотехническая, пожарно-техническая, судебно-медицинская экспертизы). Позволяет проверить версию о том, как именно произошло дорожно-транспортное происшествие; классификационные: отнесение объекта к

определенному классу, виду (товароведческая, химическая экспертизы). Может проверять информацию о происхождении вещества, изъятого у подозреваемого.

Экспертиза незаменима, когда проверка информации требует проведения сложного, многоэтапного исследования в лабораторных условиях. Однако ее недостатком является относительная длительность и формализованность процедуры [2, с. 225].

В отличие от эксперта, специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств и предметов, а также для консультации по вопросам, требующим специальных познаний. Эта форма является более оперативной и гибкой.

Роль специалиста при проверке информации в ходе, например, осмотра места происшествия или обыска, трудно переоценить: криминалист помогает обнаружить слабовидимые следы (например, с помощью источников экспертного света), что проверяет и дополняет информацию о действиях преступника; специалист в области компьютерной техники обеспечивает корректное изъятие электронных носителей, проверяя их на предмет наличия скрытой или удаленной информации; врач-токсиколог может сразу на месте дать предварительное заключение о природе вещества, что позволяет оперативно проверить версию о его незаконном обороте.

Использование специалиста позволяет верифицировать информацию «здесь и сейчас», немедленно скорректировать направление расследования и грамотно собрать материал для последующей возможной экспертизы.

Для проверки криминалистически значимой информации в сфере экономических преступлений ключевую роль играют такие формы, как ревизия и документальная проверка. Они представляют собой комплекс действий по контролю за финансово-хозяйственной деятельностью организации на основе специальных знаний в области бухгалтерского учета, аудита и финансового анализа.

С их помощью проверяется информация о недостатках товарно-материальных ценностей; хищениях денежных средств через фиктивные операции; сокрытии доходов от налогообложения; легализации (отмывании) преступных доходов.

Акт ревизии или проверки, будучи документом, основанным на специальных знаниях, служит не только источником ориентирующей информации, но и может стать основой для формулировки обвинения, тем самым верифицируя исходные оперативные и следственные данные.

Помимо процессуальных форм, специальные знания активно используются и в непроцессуальной деятельности, прежде всего на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении и в оперативно-розыскной работе.

Следователь может получать устные или письменные справки от ученых, практиков, различных организаций. Это помогает быстро проверить техническую возможность совершения определенных действий, значение специальных терминов, свойства материалов и т.д. Хотя такая консультация не является доказательством, она предоставляет ценную ориентирующую информацию для выдвижения версий.

Использование криминалистических учетов, баз данных по баллистике, дактилоскопии, ДНК, а также общедоступных научных баз данных позволяет про-

вести предварительную проверку информации (например, установить, не значился ли изъятый пистолет в числе похищенных).

Современная преступность носит межотраслевой характер, что требует комплексного подхода к проверке информации. Все чаще возникает необходимость в интеграции знаний из разных, порой далеких друг от друга областей.

Цифровая криминалистика (Computer Forensics): знания в области информатики и программирования необходимы для проверки информации, содержащейся в компьютерах, смартфонах, облачных хранилищах. Это позволяет восстановить удаленные файлы, проанализировать метаданные, проверить историю браузера и коммуникаций [3, с. 6].

Генетика: методы ДНК-анализа кардинально изменили подход к проверке информации о причастности лица к преступлению по биологическим следам микрочастиц.

Лингвистика и психолингвистика: позволяют проверить авторство анонимного текста (например, записки с угрозами или фишингового письма), установить психологические характеристики личности по речи.

Финансовый анализ и аудит: ключевые для верификации информации в делах о мошенничестве, коррупции, отмывании денег.

Синтез этих знаний проявляется в проведении комплексных и комиссионных экспертиз, когда для проверки единого блока информации привлекаются эксперты разных специальностей (например, лингвист и программист для анализа контента в darknet).

Несмотря на развитую теоретическую базу и законодательное регулирование, на практике возникают проблемы, снижающие эффективность использования специальных знаний при проверке информации. Следовательно, не обладая глубокими специальными познаниями, может поставить вопрос некорректно или слишком широко, что делает заключение эксперта неясным или малопригодным для проверки конкретной информации. Иногда следователи слепо полагаются на мнение эксперта, не подвергая его критической оценке с точки зрения других доказательств по делу. Недостаточное использование возможностей специалиста на месте происшествия приводит к утрате латентной информации, которую можно было бы проверить на раннем этапе. В таких областях, как IT, методики экспертизы могут отставать от темпов появления новых технологий, что создает сложности в проверке актуальной информации.

Перспективным направлением является развитие таких форм, как: проактивное консультирование: создание мобильных групп специалистов, оперативно выезжающих на места происшествий для оказания консультационной поддержки; автоматизация проверки информации: использование систем искусственного интеллекта для первичного анализа больших массивов данных (например, в рамках финансового мониторинга) с целью выявления аномалий, требующих углубленной проверки с привлечением экспертов; стандартизация и аккредитация: повышение требований к методикам и квалификации экспертных учреждений для обеспечения единообразия и достоверности результатов проверки [4].

Таким образом, использование специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации представляет собой сложный, многогранный процесс, являющийся краеугольным камнем современного расследования. Его

эффективность напрямую зависит от правильного выбора процессуальной или непроцессуальной формы их привлечения, соответствующей задачам проверки на конкретном этапе работы с делом.

Судебная экспертиза, специалист, ревизия – это не взаимозаменяемые, а взаимодополняющие инструменты в арсенале следователя. Их грамотное и своевременное применение, подкрепленное интеграцией достижений из различных научных сфер, позволяет преодолеть информационную неопределенность, преобразовать сырые данные в надежную доказательственную базу и, в конечном счете, установить объективную истину по уголовному делу. Дальнейшее развитие криминалистики и уголовного процесса видится в оптимизации этого взаимодействия через внедрение новых технологий и повышение уровня профессиональной подготовки всех участников процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубин А. Ф., Губанищев В. В. Общая модель механизма преступной деятельности в сфере экономики: условия формирования // Экономическая безопасность России. – 2009. – № 1. – С. 82–88.
2. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики / В. В. Данилов // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты : материалы Международ. науч.-практ. конф. XV Макаркин. науч. Чтения / отв. ред. Н. И. Учайкина ; Мордов. гуманитар. ин-т. – Саранск, 2015. – С. 220–226.
3. Данилов В. В. Неблагополучная семья – детерминант рецидивной преступности несовершеннолетних // Мир науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 6.
4. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс. – Саранск : Афанасьев В. С., 2024.

УДК 343.9

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Бойцова Алена Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808854@ruc.su

SELECTED ISSUES OF ALGORITHMIZATION OF VERIFICATION AND EVALUATION OF CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT INFORMATION OBTAINED DURING INVESTIGATIVE ACTIONS

Boytsova Alyona Alekseevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются теоретические и практические аспекты алгоритмизации процесса проверки и оценки криминалистически значимой информации. Анализируется понятие следственного алгоритма применительно к работе с информационными потоками. Рассматриваются структура и типы алгоритмов, используемых на различных стадиях уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено алгоритмам верификации информации, полученной в ходе допросов, осмотров и обысков. Выявляются проблемы и ограничения формализации оценочной деятельности следователя. Определяются перспективные направления внедрения алгоритмических систем для поддержки принятия процессуальных решений.

Ключевые слова: алгоритмизация, криминалистически значимая информация, проверка и оценка информации, следственные действия, следственный алгоритм, формализация, верификация, модель принятия решений.

The article examines the theoretical and practical aspects of algorithmization of the process of verification and evaluation of criminally significant information. The concept of an investigative algorithm is analyzed in relation to working with information flows. The structure and types of algorithms used at various stages of criminal proceedings are considered. Special attention is paid to algorithms for verifying information obtained during interrogations, inspections and searches. The problems and limitations of the formalization of the investigator's evaluation activity are revealed. Promising directions for the implementation of algorithmic systems to support procedural decision-making are being determined.

Keywords: algorithmization, criminalistically significant information, verification and evaluation of information, investigative actions, investigative algorithm, formalization, verification, decision-making model.

Современная следственная практика характеризуется постоянным увеличением объемов информации, подлежащей обработке в условиях дефицита времени и ресурсов. Информация, полученная в ходе следственных действий, составляет основу для построения версий, выдвижения доказательственных гипотез и принятия ключевых процессуальных решений. Однако ее избыточность, противоречивость и несистематизированность зачастую приводят к субъективным ошибкам на этапах проверки и оценки. В этой связи актуализируется проблема внедрения научно обоснованных методов организации интеллектуальной деятельности следователя, среди которых ведущее место занимает алгоритмизация.

Алгоритмизация в криминалистическом контексте представляет собой методологию пошаговой формализации процесса решения типовых следственных задач, направленную на минимизацию субъективизма и обеспечение полноты, всесторонности и объективности расследования [1, с. 217]. Несмотря на длительную историю разработки криминалистических рекомендаций и методик, вопрос создания гибких, адаптивных алгоритмов, ориентированных конкретно на операции с информацией, а не только на порядок действий, остается недостаточно изученным.

Целью настоящей статьи является анализ отдельных аспектов алгоритмизации процессов проверки и оценки криминалистически значимой информации, получаемой в ходе следственных действий, с выделением их структуры, типологии и практической значимости для оптимизации доказывания.

Традиционно под следственным алгоритмом понимается программа действий следователя, детально определяющая последовательность и содержание операций, направленных на достижение конкретной цели в типовой следственной ситуации. Применительно к работе с информацией это понятие приобретает более глубокое содержание. В данном случае алгоритм – это не просто перечень шагов, а логико-информационная модель, описывающая путь преобразования исходных, часто неупорядоченных данных (сырой информации) в систему проверенных и оцененных сведений, обладающих доказательственной ценностью.

Ключевыми характеристиками такого алгоритма являются: детерминирован-

ность (определенность): каждый шаг алгоритма должен быть четко сформулирован и не допускать двусмысленного толкования. Например, «сопоставить показания свидетеля А с протоколом осмотра места происшествия на предмет наличия противоречий в описании обстановки»; дискретность (пошаговость): процесс проверки и оценки разбивается на последовательные, логически связанные этапы (выявление противоречий, выдвижение версий об их причинах, планирование и проведение действий по их устранению); массовость: алгоритм должен быть применим для работы с однотипными категориями информации, полученной в рамках различных категорий уголовных дел (например, алгоритм проверки алиби); результативность: выполнение алгоритма должно с высокой степенью вероятности приводить к достижению поставленной цели – установлению достоверности или недостоверности проверяемого блока информации.

Таким образом, алгоритм выступает в роли интеллектуального инструмента, структурирующего мыслительную деятельность следователя и переводящего ее из области интуитивных догадок в плоскость управляемого, рационального процесса.

Алгоритмы, используемые для верификации и анализа криминалистически значимой информации, можно классифицировать по нескольким основаниям.

По объему и характеру решаемой задачи: стратегические (общие) алгоритмы. Охватывают весь процесс работы с информацией по делу в целом. Например, алгоритм организации и проведения проверки собранных доказательств на их взаимную согласованность в соответствии со ст. 88 УПК РФ. Такие алгоритмы носят рамочный характер и задают общее направление деятельности; тактические (частные) алгоритмы. Направлены на решение конкретной задачи в рамках отдельного следственного действия или проверки отдельного блока информации. Примером может служить алгоритм проверки показаний на месте, включающий последовательность действий по сопоставлению демонстрируемых действий с ранее данными показаниями и вещественной обстановкой; ситуационные алгоритмы. «Запускаются» при наступлении определенной информационной ситуации. Например, алгоритм действий следователя при выявлении существенного противоречия в показаниях двух свидетелей. Такой алгоритм будет включать этапы фиксации противоречия, анализа его возможных причин, планирования и проведения очных ставок, назначения экспертиз и т.д [2, с. 6].

По источнику получаемой информации: алгоритмы работы с личностно-ориентированной информацией (показаниями, объяснениями). Включают блоки оценки психофизиологического состояния лица, выявления признаков лжи по вербальным и невербальным сигналам, проверки на внутреннюю и внешнюю непротиворечивость; алгоритмы работы с вещно-ориентированной информацией (протоколами осмотров, заключениями экспертов). Сфокусированы на установлении связи предмета с событием преступления, проверке правильности его изъятия и сохранности, анализе заключения эксперта на полноту и обоснованность; алгоритмы работы с цифровой информацией (данными с электронных носителей). Предполагают строгую последовательность действий по ее изъятию, копированию, криминалистическому анализу и оценке на предмет аутентичности и неизменности.

Алгоритм верификации информации, полученной при допросе. Данный алгоритм может быть представлен в виде следующей последовательности ключевых блоков:

1. Предварительный анализ: Оценка личности допрашиваемого, его отношения к делу, мотивов дачи показаний.
2. Проверка на внутреннюю непротиворечивость: Выявление противоречий внутри самих показаний (логический контроль).
3. Проверка на внешнюю непротиворечивость: Сопоставление показаний с другими имеющимися в деле доказательствами (вещественными, документальными).
4. Выдвижение и проверка версий о причинах выявленных противоречий (заблуждение, умышленная ложь, ошибка восприятия и др.).
5. Планирование и проведение действий по устранению противоречий: проведение очной ставки, назначение экспертизы, проведение дополнительного допроса, проверка алиби.
6. Формирование итоговой оценки: Вывод о достоверности (полной, частичной) или недостоверности показаний.

Современный этап развития криминалистики и следственной практики характеризуется нарастающей сложностью информационной среды, в которой осуществляется предварительное расследование. Объемы данных, подлежащих обработке следователем, многократно возросли, что актуализирует проблему оптимизации познавательной деятельности на основе рациональных, научно обоснованных методов. Одним из наиболее перспективных направлений такой оптимизации выступает алгоритмизация процесса проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной в ходе производства следственных действий. Внедрение алгоритмических подходов не подразумевает замены творческого мышления следователя механистической схемой, но направлено на структурирование его интеллектуальной деятельности, минимизацию рисков пропуска существенных обстоятельств и субъективных ошибок [3].

Криминалистически значимая информация представляет собой совокупность сведений о фактах, событиях, лицах и их взаимоотношениях, которые обладают свойством релевантности для установления предмета доказывания по уголовному делу. Ее отличительной чертой является процессуальная форма получения, прежде всего, через производство следственных действий. Однако сам по себе процессуальный характер источника не гарантирует достоверности и полноты содержащихся в нем сведений. Следовательно, проверка и оценка такой информации превращаются в центральное звено следственного познания. Традиционно эти процессы рассматривались как сугубо эвристические, основанные на профессиональной интуиции и опыте следователя. Однако накопленный криминалистикой массив знаний о закономерностях формирования доказательств, типичных когнитивных искажениях и логических операциях позволяет перейти к созданию формализованных, хотя и гибких, алгоритмических моделей.

Алгоритмизация в данном контексте понимается как определение последовательности логически взаимосвязанных и целесообразных операций, направленных на достижение конкретного результата – установления достоверности, значения и взаимосвязи полученных информационных фрагментов. Такой алгоритм

не является жестким предписанием, а служит интеллектуальным инструментом, своеобразным «напоминанием» о необходимых проверочных действиях и критериях оценки. Его основу составляет системный подход, требующий рассматривать любую информацию не изолированно, а в комплексе со всеми другими материалами уголовного дела.

Первым этапом алгоритма проверки и оценки выступает первичная фильтрация и систематизация информации, поступившей в результате следственного действия. На этой стадии следователь должен осуществить разделение сведений на непосредственно доказательственную информацию и так называемые «ориентирующие» сведения. Последние, не являясь доказательствами в процессуальном смысле, могут играть ключевую роль в выдвижении версий, планировании дальнейших действий и поиске новых источников доказательств. Алгоритм на этом этапе включает операцию идентификации источника информации в рамках следственного действия (показания допрашиваемого, протокольное описание вещественного доказательства, заключение эксперта и т.д.), а также фиксацию внутренних противоречий внутри самого полученного информационного массива. Например, в показаниях свидетеля алгоритм предписывает выявить и зафиксировать все логические нестыковки, изменения в описании одних и тех же событий.

Следующим, ключевым этапом алгоритма является проверка достоверности информации. Данный этап может быть структурирован на несколько направлений. Первое направление – это оценка компетентности и добросовестности источника. Если источником является лицо, алгоритм предполагает анализ его процессуального статуса, заинтересованности в исходе дела, физических и психических возможностей восприятия и воспроизведения информации. Второе направление – проверка объективной возможности существования описанных фактов. Сюда относится сопоставление полученных сведений с данными о законах природы, технических возможностях, временных и пространственных параметрах. Третье направление, наиболее объемное, – это перекрестная проверка путем сопоставления с уже имеющейся в деле информацией. Алгоритм здесь требует не простого констатирования совпадения или несовпадения, а глубокого анализа причин расхождений. Расхождения могут быть следствием добросовестного заблуждения, умышленного искажения фактов, но также и результатом отражения разных сторон одного сложного события. Алгоритмический подход учит, что непротиворечивость информации не всегда является синонимом ее достоверности, поскольку несколько лиц могут быть одинаково заблуждающимися или действовать по предварительному сговору.

Оценка значения проверенной информации – это этап, на котором устанавливается ее доказательственная сила и место в системе устанавливаемых по делу обстоятельств. Алгоритм оценки предполагает определение, какие именно обстоятельства, входящие в предмет доказывания, могут быть подтверждены или опровергнуты данной информацией. На этом этапе критически важной является операция ранжирования информации по ее значимости. Одни сведения могут носить ключевой, определяющий характер для построения обвинения, в то время как другие имеют вспомогательное или ориентирующее значение. Алгоритм по-

могает избежать распространенной ошибки – «замыливания взгляда» на второстепенные детали в ущерб анализу центральных фактов. Кроме того, на данном этапе осуществляется оценка допустимости информации как доказательства. Алгоритм включает контроль за соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок производства следственного действия и фиксации его результатов. Любые, даже самые ценные сведения, полученные с нарушением закона, не могут быть положены в основу процессуальных решений [4, с. 87].

Особую сложность представляет алгоритмизация оценки информации, носящей вероятностный или косвенный характер. Например, оценка показаний, основанных на предположениях, или вещественных доказательств, которые могут быть истолкованы неоднозначно. В такой ситуации алгоритм должен включать процедуру построения и проверки всех возможных версий, объясняющих происхождение и значение данной информации. Применительно к косвенным доказательствам действует строгий алгоритм их оценки в системе: каждое отдельное косвенное доказательство должно быть проверено и признано достоверным; они должны быть объективно связаны между собой и с предметом доказывания; в своей совокупности они должны образовывать систему, приводящую к единственно возможному выводу о доказываемом обстоятельстве. Нарушение этого алгоритма, пропуск хотя бы одного из его элементов, ведет к ошибкам в выводах.

Внедрение алгоритмических предписаний в следственную практику сталкивается с определенными трудностями. Прежде всего, это психологическое сопротивление, связанное с опасением излишней формализации творческого процесса. Преодоление этого барьера возможно через демонстрацию того, что алгоритм освобождает мышление следователя от рутинных операций, позволяя сконцентрироваться на решении наиболее сложных, нестандартных задач. Другой проблемой является вариабельность ситуаций расследования, что требует создания не единого жесткого алгоритма, а системы типовых алгоритмических моделей, адаптируемых под конкретные категории дел и виды следственных действий. Например, можно говорить о специфических алгоритмах проверки информации, полученной при допросе, при осмотре места происшествия или при назначении судебной экспертизы.

Таким образом, алгоритмизация проверки и оценки криминалистически значимой информации представляет собой закономерный и необходимый этап развития методики расследования. Она выступает действенным средством против субъективизма, способствует повышению культуры следственной деятельности, обеспечивает полноту, всесторонность и объективность исследования обстоятельств уголовного дела. Разработанные алгоритмы не должны носить характер догмы, а должны быть гибким интеллектуальным инструментом, основанным на достижениях криминалистики, логики, психологии и юридической практики. Их дальнейшая разработка и внедрение в образовательные программы и практическую деятельность следственных органов является одной из актуальных задач современной юридической науки. Строгое следование алгоритмическим предписаниям позволяет не только минимизировать риски судебных ошибок, но и выстроить стройную, логически безупречную и убедительную систему доказательств, что является залогом достижения целей уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Асанова И. П. Проблемы применения судом обстоятельств, отягчающих уголовное наказание // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – С. 215–220.
2. Данилов В. В. Неблагополучная семья – детерминант рецидивной преступности несовершеннолетних // Мир науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 6.
3. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс. – Саранск: Издательство Афанасьев, 2024.
4. Лубин А. Ф., Губанищев В. В. Общая модель механизма преступной деятельности в сфере экономики: условия формирования // Экономическая безопасность России. – 2009. – № 1. – С. 82–88.

УДК 340

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Бурносова Виктория Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: miss.burnosova@mail.ru

JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: EFFICIENCY AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN MODERN CHALLENGES

Burnosova Victoria Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы определения эффективности функционирования судебной системы и перспективных направлений по повышению результативности судебной деятельности.

Ключевые слова: электронное правосудие, суд, судебная система, эффективность, конституционные права.

The article discusses topical issues of determining the effectiveness of the functioning of the judicial system and promising areas for increasing the effectiveness of judicial activity.

Keywords: e-justice, court, judicial system, efficiency, constitutional rights.

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Конституционные нормы закрепили многовековую доктрину разделения властей и исключительные требования к органам, осуществляющим правосудие.

В соответствии с нормами Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Следовательно, осуществление правосудия в стране подразумевает профессиональную основу с привлечением непрофессионалов в рамках действующих принципов, норм процессуального законодательства и принципов демократизма, гуманизма.

Суды как органы государственной власти наделены властными полномочиями

и исполняют обязанности государства, именно поэтому и судебные акты принимаются/оглашаются от имени Российской Федерации. Закон категорично определил, что только суд осуществляет правосудие на территории РФ, что делает невозможным исполнение полномочий в данной сфере иными государственными и негосударственными структурами, в т.ч. и чрезвычайными, что особенно актуально в настоящее время.

Судебная система, как часть государственного устройства и общественной жизни, создана и функционирует в целях обеспечения гарантии прав и свобод личности, законности и правопорядка в стране. Этими целями во многом обусловлены те судебные реформы, изменения, однако не всегда в полной мере им соответствующие и демонстрирующие эффективность деятельности органов правосудия.

В качестве положительных и эффективных новаций процессуалисты и практики относят создание девяти кассационных судов общей юрисдикции и пяти апелляционных судов общей юрисдикции (далее – кассационные суды и апелляционные суды).

Данная новелла направлена на реализацию принципа независимости и объективности в осуществлении правосудия, поскольку так называемая полиинстанционность, когда пересмотр дела происходит в том же суде, но другим составом, нередко вызывает сомнения и вопросы в беспристрастности суда, с одной стороны. С другой стороны, разделение полномочий между судами позволило существенно снизить нагрузку на высшие региональные суды, снять конфликт интересов внутри одного ведомства и обеспечить равные права участников судебного разбирательства в вопросе обжалования постановлений суда первой инстанции.

К примеру, до 1 октября 2019 года апелляционное и кассационное производство после рассмотрения дела судом первой инстанции (районным) проходило в верховном суде субъекта, что сложно назвать соответствием принципу независимости судей в виду психолого-социальных факторов взаимодействия на коллегиальной основе. Кроме того, складывалась ситуация, что наиболее сложные дела в юрисдикции высших судов региона теряли возможность в пересмотре таких дел в кассационном порядке. Помимо этого, такая существенная нагрузка на Верховный Суд РФ (в рамках апелляционного и надзорного производства) отводила на вторые роли его ключевую функцию – формирование практикообразующих правовых позиций по наиболее сложным вопросам [1].

Приведенные примеры судебной реформы 2018 года выступают примером формирования системы правосудия на беспристрастной, открытой, доступной основе, что должно в перспективе только повышать эффективность деятельности судов и уровень доверия населения к государству.

Безусловно, и в данных мероприятиях есть свои проблемные точки, как вопрос транспортной доступности таких экстерриториальных судов и соответственно реализация права на судебную защиту. И здесь все чаще поднимается тема электронного правосудия, что коррелирует современной повестке построения информационного общества и электронного государства в России.

Электронное правосудие выступает формой правоприменительной деятельности судебной власти в рамках осуществления того или иного вида судопроиз-

водства на основе применения IT-технологий и платформенных систем. Преимуществами данной формы является предоставление альтернативы в реализации конституционного права на судебную защиту, на разрешение споров, что способствует укреплению правовой системы доверия населения к государственной власти.

Именно дистант-формат подачи заявлений, возможность участия в судебном заседании на основе системы видео-конференц связи, электронное делопроизводство – это те немногие примеры телекоммуникативных возможностей, используемых при осуществлении правосудия, что во многом повышает эффективность судопроизводства и организацию деятельности судов в целом.

Однако здесь достаточно остро обозначились вопросы защиты персональных данных участников судебного производства, электронных баз данных в рамках электронного правосудия (электронный архив, электронные дела и др.). Это возможные риски, обусловленные хакерскими атаками, чрезвычайными обстоятельствами, как-то: масштабные сбои, аварии энергосетей и др. Примером может послужить уничтожение огромного массива электронной информации в Южной Корее (государственного облачного хранилища – российского аналога «Госуслуг» и повреждение других ключевых государственных информационных систем), и как следствие – «утечка» информации, т.е. баз данных банковских структур.

Кроме того, в вопросе эффективности деятельности судов по защите прав граждан достаточно острым выступает вопрос доступности правосудия населению страны.

Налоговая реформа последних двух лет непосредственно коснулась и процессуальных отношений, поскольку существенно были повышены государственные пошлины на реализацию права на судебную защиту и введена платность за иные услуги в ходе судебного разбирательства. В частности, речь идет о платности (государственная пошлина) за разъяснение судебного акта, а следует отметить, что участие в гражданских делах и бремя доказывания не обязывает осуществление на профессиональной основе.

Тема эффективности деятельности судов при этом приобретает двойное значение. С одной стороны, повышение такого рода неналоговых сборов по мнению законодателя направлена на увеличение в будущем бюджетных расходов на содержание судебной системы, что должно повысить эффективность деятельности судов [2].

С другой стороны, ставится под сомнение сама возможность в отстаивании собственных прав и интересов, поскольку данная государственная услуга становится непосильным финансовым бременем прежде всего для населения с низким уровнем доходов. Само обращение в суд и оплата государственной пошлины – это только начало возможных судебных издержек, связанных с обращением к юридической помощи специалиста, проведением экспертиз, компенсацией затрат при формировании доказательственной базы и т.д.

В этой дилемме согласимся с мнением Станкина А. Н., что эффективность работы судов должна определяться качеством кадрового состава, уровнем его профессионализма и количественным составом судебного корпуса [3].

Так кадровая нехватка судей крайне отрицательно сказывается на результативности судебной деятельности ввиду увеличения интенсивности и отсутствия надлежащих условий труда и отдыха [4].

Такого рода проблема получает свое разрешение через так называемую разгрузку судебной системы от типовых бесспорных дел. Как пример, с 1 ноября 2025 года ФНС России получила право внесудебного взыскания налоговой задолженности, т.е. списания долгов по налоговым платежам без обязательного до этой нормы судебного разбирательства и вынесения судебного решения. Безусловно, у граждан сохранилось право на судебную защиту, но в этом случае оно носит заявительный со стороны налогоплательщика характер.

При определении эффективности деятельности судов крайне важно брать во внимание и стадию исполнения судебных решений, как высшую форму проявления судебной защиты. Именно исполнение судебных решений по сути определяет эффективность деятельности всей системы правосудия, поскольку в полной мере позволяет «прочувствовать» торжество закона в правоприменительной практике.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что государство обязано создавать эффективные механизмы своевременного и полного исполнения судебных актов, о чем свидетельствуют показатели и отчетность деятельности органов принудительного исполнения [5].

В современных условиях повышение эффективности работы судебной системы должно носить комплексный характер. Это меры по повышению уровня квалификации судей и снижению загруженности; постепенному внедрению практики внесудебного рассмотрения дела с правом судебного обжалования такого взыскания, в том числе, на основе обработки информации искусственным интеллектом. В качестве предложения можно рассматривать и пересмотр системы оплаты сотрудников органов принудительного исполнения в зависимости от положительного выполнения исполнительных документов (судебных решений).

В совокупности эти немногие из возможного комплекса государственных решений должны быть направлены в конечном итоге на самое основное – незыблемость и гарантию конституционных идей, ценностей и принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцева Е. В. Право на обжалование в российском гражданском процессе – безусловно или с барьерами? // Закон. – 2021. – № 7. – С. 44–51.
2. Госпошлины при рассмотрении дел в суде будут проиндексированы. Мера позволит обеспечить повышение эффективности судебной системы. – URL: <http://duma.gov.ru/news/59728/>
3. Станкин А. Н. Вопросы эффективности судебной системы Российской Федерации // Мировой судья. – 2025. – № 5. – С. 34–37.
4. Сурина Я. В России не хватает более 4 000 судей. На семинаре-совещании судей России объявили, что нехватка кадров негативно сказывается на общей нагрузке // Ведомости. 2024. 3 апреля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/03/1029530-v-rossii-ne-hvataet-4000-sudei>
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2024 г. № 3-П. // СПС «Гарант»

УДК 343

ПОНЯТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ МОШЕННИЧЕСТВА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Волостнова Дарья Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: volostnovadari@yandex.ru

THE CONCEPT AND PUBLIC DANGER OF FRAUD ON THE GLOBAL INTERNET

Volostnova Daria Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования проблемы интернет-мошенничества обусловлена стремительным ростом количества таких преступлений и их транснациональным характером. По данным Генеральной прокуратуры РФ, только за 2024 год и первое полугодие 2025 года ущерб от кибермошенничеств в России превысил 150 миллиардов рублей, что на 40 % больше показателей аналогичного периода предыдущего года. Однако материальный ущерб представляет собой лишь видимую часть айсберга – гораздо более серьезными являются системные последствия для общества в целом.

Цель настоящей статьи – комплексный анализ понятия мошенничества в глобальной сети Интернет и многоаспектное исследование его общественной опасности. Автором статьи раскрыта – юридическая сущность кибермошенничества, классификация его основных видов, анализ структуры преступной деятельности и оценка деструктивного воздействия на различные сферы общественной жизни.

Ключевые слова: мошенничество, общественная опасность, кибермошенничество, преступная деятельность, информационно-телекоммуникационные технологии, предупреждение.

The relevance of research into the problem of Internet fraud is due to the rapid growth in the number of such crimes and their transnational nature. According to the Russian Prosecutor General's Office, damage from cyber fraud in Russia in 2024 and the first half of 2025 alone exceeded 150 billion rubles, 40 % more than the same period last year. However, material damage is only the tip of the iceberg – the systemic consequences for society as a whole are much more serious.

The purpose of this article is a comprehensive analysis of the concept of fraud on the global Internet and a multifaceted study of its social danger. The author of the article reveals – the legal essence of cyber fraud, the classification of its main types, an analysis of the structure of criminal activity and an assessment of the destructive impact on various spheres of public life.

Keywords: fraud, public danger, cyber fraud, criminal activity, information and telecommunication technologies, prevention.

Современный этап развития общества характеризуется глубочайшей цифровой трансформацией всех сфер человеческой жизнедеятельности. Глобальная сеть Интернет, создав беспрецедентные возможности для коммуникации, образования, бизнеса и социального взаимодействия, одновременно породила новые формы противоправной деятельности. Среди них особое место занимает мошенничество, которое в условиях цифровой среды приобрело качественно новые характеристики и масштабы.

Кибермошенничество представляет собой качественно новое явление, характеризующееся следующими отличительными признаками:

– использование информационно-телекоммуникационных технологий как основного инструмента преступления;

- дистанционный характер взаимодействия преступника и жертвы;
- трансграничность преступной деятельности;
- высокая степень латентности и анонимности; пособность к массовому распространению [1].

Общественная опасность интернет-мошенничества проявляется на нескольких уровнях. На социально-психологическом уровне наблюдаются:

1. Эрозия цифрового доверия – систематическое подрывание доверия граждан к цифровым институтам, официальным каналам коммуникации, банковским и государственным услугам. По данным ВЦИОМ, 73 % россиян испытывают недоверие к любым звонкам от незнакомых номеров, даже если они исходят от официальных организаций.

2. Психологическая травматизация жертв – в отличие от традиционного мошенничества, жертвы киберпреступлений часто испытывают чувство вины и стыда за свою «неосмотрительность», что приводит к развитию посттравматических стрессовых расстройств, депрессий и социальной самоизоляции.

3. Социальная атомизация – рост подозрительности в обществе, разрушение социальных связей, так как мошенники активно эксплуатируют доверительные отношения между родственниками, друзьями, коллегами.

Экономический ущерб от интернет-мошенничества имеет многоуровневый характер:

- прямые финансовые потери граждан и организаций;
- косвенные издержки, связанные с внедрением систем безопасности;
- снижение инвестиционной привлекательности цифровой экономики;
- рост стоимости финансовых услуг из-за необходимости компенсации убытков;
- снижение темпов развития электронной коммерции и цифровизации

Исследования Российской ассоциации электронных коммуникаций показывают, что каждый пятый россиянин ограничивает использование онлайн-банкинга и интернет-покупок из-за страха стать жертвой мошенников.

Интернет-мошенничество создает серьезные угрозы национальной безопасности:

- подрыв доверия к государственным институтам;
- дестабилизация финансовой системы через массовые атаки на банковский сектор;
- финансирование организованной преступности и терроризма.

Таксономия интернет-мошенничеств – это классификация различных видов онлайн-мошенничества по их типам, методам и целям. Такая классификация помогает систематизировать понимание угроз, разрабатывать методы противодействия и повышать осведомленность пользователей.

1. Социально-инженерные мошенничества. Данная категория основана на манипуляции человеческим сознанием и эксплуатации психологических особенностей личности.

а) Телефонные мошенничества (вишинг). Современные вишинговые атаки характеризуются высочайшим уровнем персонализации. Преступники используют технику «социального профилирования», предварительно собирая информацию о жертве из открытых источников и утекших баз данных. Особую опасность

представляют схемы с имитацией голоса близких родственников с использованием технологий глубокого обучения, когда создается точная голосовая копия, сообщающая о критической ситуации и требующая срочного денежного перевода.

б) Фишинг многоканального действия. Эволюция классического фишинга привела к созданию интегрированных систем обмана. Жертва последовательно получает сообщения через различные каналы коммуникации: электронную почту, SMS, мессенджеры и социальные сети. Каждое последующее сообщение усиливает доверие к предыдущему, создавая эффект «подтверждения из независимых источников». Например, после фишинг-письма о блокировке банковского счета следует SMS от «службы безопасности», затем звонок от «сотрудника правоохранительных органов».

2. Технологически ориентированные мошенничества. Данная группа использует передовые технические средства и уязвимости цифровой инфраструктуры.

а) Мобильные банковские трояны нового поколения. Современные вредоносные программы для мобильных устройств обладают способностью к ситуационной адаптации. Они активируются только при определенных условиях: при открытии банковского приложения, получении SMS от банка или совершении платежной операции. Используются технологии подмены интерфейса, когда поверх легитимного приложения банка создается фальшивое окно ввода данных. Особенностью последнего поколения троянов является функция «перехвата сессии», позволяющая оставаться в системе даже после ввода корректных учетных данных.

б) Криптовалютные мошенничества с использованием смарт-контрактов. Преступники создают поддельные криптовалютные платформы и инвестиционные фонды, использующие уязвимости в смарт-контрактах. Предлагаются «уникальные возможности» для инвестирования в новые токены с гарантированной доходностью. Реализуются схемы – искусственное завышение стоимости актива через координацию действий в закрытых чатах с последующей продажей по пиковой цене [2].

3. Комплексные гибридные мошенничества. Данный вид сочетает социальную инженерию с техническими средствами атаки.

а) Мошенничества в сфере дистанционного банковского обслуживания. Создаются мультиплатформенные системы, имитирующие полный цикл взаимодействия с банком. Жертве поступает звонок о «подозрительной операции», затем предлагается установить «специальное приложение для защиты» или предоставить доступ к устройству через службы удаленного администрирования. Далее осуществляется контроль над банковской сессией под видом «помощи в блокировании несанкционированных операций».

б) Целевые атаки на корпоративный сектор (BEC-атаки). Проводится глубокая разведка организационной структуры компании, изучаются стили коммуникации руководства, подписи в электронных письмах. Создаются компрометированные домены, визуально неотличимые от официальных. Рассылаются фишинговые письма от имени руководителей с просьбой срочно перевести средства на контрагентские счета, контролируемые преступниками.

4. Мошенничества в новых цифровых средах.

а) Мошенничества в метавселенных и VR-пространствах. Создаются виртуальные торговые площадки, предлагающие «эксклюзивные» цифровые активы – земельные участки, предметы коллекционирования, виртуальную недвижимость. Используются методы искусственного ажиотажа, социального доказательства через подставных агентов. После получения предоплаты продавец исчезает, а цифровые активы оказываются неликвидными или несуществующими.

б) Мошенничества с использованием нейросетей. Генеративные сети (GAN) используются для создания фальшивых отзывов, новостных сайтов, рекламных материалов. Мошеннические маркетплейсы наполняются тысячами правдоподобных товарных позиций с «реалистичными» отзывами, сгенерированными нейросетевыми моделями. Создаются полноценные интернет-магазины-призраки с уникальным дизайном и контентом, полностью созданным искусственным интеллектом [3].

Законодательная база для борьбы с интернет-мошенничеством является краеугольным камнем любой комплексной системы профилактики, устанавливая правовые границы, механизмы правоприменения и структуры подотчетности. Россия значительно усилила свой нормативный арсенал в последние годы, приняв специальное законодательство, которое решает уникальные проблемы, создаваемые цифровой преступностью. Федеральный закон «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, связанным с использованием информационно-коммуникационных технологий» ввел важные положения, действующие с 1 июня 2025 года, включая обязательную маркировку звонков, ограничения на общение через иностранные мессенджеры для официальных целей, запрет на несанкционированную передачу SIM-карт и усиленный контроль за наличными операциями через банкоматы. Эти меры представляют собой стратегический подход к закрытию уязвимостей, которыми часто пользуются мошенники.

Уголовный кодекс России содержит конкретные статьи, касающиеся цифровых преступлений, причем статья 159.6 УК РФ прямо определяет и наказывает «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Это законодательство устанавливает наказания в зависимости от тяжести правонарушения: от штрафов в размере 120 000 рублей за базовые нарушения до лишения свободы на срок до десяти лет за преступления, совершенные организованными группами или связанные с особо крупными размерами [4].

Юридическое определение охватывает различные методы цифрового мошенничества, включая ввод, удаление, блокировку, модификацию компьютерной информации или иное вмешательство в системы хранения, обработки или передачи информации. Эта точная юридическая формулировка позволяет правоохранительным и судебным органам эффективно преследовать все более сложные киберпреступления, эксплуатирующие технические уязвимости цифровой инфраструктуры.

Помимо непосредственных законодательных мер, Россия создала всеобъемлющие стратегические рамки для координации долгосрочных усилий по борьбе с цифровым мошенничеством. Один из таких документов – «План мероприятий

по реализации Концепции государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий», – синхронизирует деятельность всех ведомств для достижения общей цели создания комфортной и безопасной цифровой среды. Этот системный подход включает около 30 приоритетных мер, которые уже реализуются, таких как недавно принятый закон об уголовной ответственности для «дропперов» (посредников, переводящих незаконные средства). План также предписывает разработку дополнительных законодательных инициатив к третьему кварталу 2027 года, включая потенциальные требования к операторам связи, интернет-провайдерам и организаторам распространения информации уведомлять правоохранительные органы при выявлении признаков цифровых преступлений [5].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мошенничество в глобальной сети Интернет представляет собой качественно новую угрозу для современного общества. Его отличительными чертами являются транснациональный характер, использование высоких технологий, высокая степень организации и способность наносить системный ущерб.

Общественная опасность интернет-мошенничества проявляется на трех основных уровнях: социально-психологическом (разрушение доверия, психологическая травматизация, социальная атомизация), экономическом (прямые и косвенные финансовые потери, торможение цифровизации) и уровне национальной безопасности (подрыв институтов, дестабилизация финансовой системы, угрозы цифровому суверенитету).

Борьба с этим явлением требует комплексного подхода, включающего:

1. Совершенствование законодательной базы и межгосударственного сотрудничества.
2. Развитие технологических систем защиты и обнаружения угроз.
3. Формирование эффективной системы публично-частного партнерства.
4. Реализацию масштабной программы повышения цифровой грамотности населения

Только создание целостной цифровой безопасности, объединяющей усилия государства, бизнеса и гражданского общества, способно противостоять этой масштабной угрозе XXI века. Необходима выработка новой парадигмы противодействия кибермошенничеству, основанной на принципах опережающего развития, международной кооперации и приоритете профилактических мер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филатова, А. А. Мошенничество в сети интернет : сборник статей II Международной научно-практической конференции // Наука и технологии – 2025. – Петрозаводск, 2025. – С. 151–156.
2. Истюков, Т. А. Мошенничество в сети Интернет. Виды и способы защиты // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 122-5. – С. 96–98.
3. Сазанова, А. А. Современные способы мошенничества в сети интернет : материалы международной научно-практической конференции // Актуальные проблемы инновационных систем информатизации и безопасности. – Воронеж, 2025. – С. 491–493.
4. Войтюль, А. Н. Особенности предупреждение мошенничества, совершаемого посредством сети Интернет // Студенческий вестник. – 2023. – № 33-1(272). – С. 38–40.
5. Беликова, Е. Д. К вопросу о противодействии мошенническим действиям в глобальной

УДК 343.5

НРАВСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Вольнов Игорь Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810486@ruc.su

MORALITY AND ITS LEGAL CONSOLIDATION

Volnov Igor Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья исследует сложную и многогранную взаимосвязь между нравственностью и правом. Анализируется их фундаментальное единство и существующие между ними противоречия. Рассматривается исторический процесс закрепления ключевых моральных норм в законодательных системах. Особое внимание уделяется механизмам трансформации нравственных императивов в конкретные правовые предписания и санкции. Статья подчеркивает, что право служит минимальным стандартом нравственности, необходимым для функционирования общества.

Ключевые слова: нравственность, право, мораль, законодательство, ценности, справедливость, правовые нормы, этика, юридическая ответственность.

This article explores the complex and multifaceted relationship between morality and law. Their fundamental unity and the contradictions existing between them are analyzed. The historical process of consolidating key moral norms in legislative systems is considered. Special attention is paid to the mechanisms of transformation of moral imperatives into specific legal regulations and sanctions. The article emphasizes that law serves as the minimum standard of morality necessary for the functioning of society.

Keywords: morality, law, morality, legislation, values, justice, legal norms, ethics, legal responsibility.

Проблема соотношения нравственности и права является одной из центральных в философии, юриспруденции и социологии. С древнейших времен мыслители пытались ответить на вопрос: где проходит граница между личным моральным выбором и публичным правовым принуждением? Нравственность, как совокупность внутренних духовных принципов и представлений о добре и зле, и право, как система общеобязательных формальных норм, находятся в состоянии постоянного диалога. Этот диалог определяет не только содержание законов, но и моральный климат в обществе. Право не создается в ценностном вакууме; оно черпает свои основополагающие идеи из морального сознания социума. В свою очередь, правовые установления оказывают мощное влияние на формирование и укрепление определенных нравственных ориентиров. Таким образом, изучение процесса правового закрепления нравственности позволяет глубже понять природу как самого права, так и общественной морали, раскрывая механизмы их взаимного обогащения и конфликта.

Прежде чем анализировать процесс правового закрепления, необходимо четко определить сходства и различия между двумя феноменами. Нравственность и

право являются регуляторами общественных отношений, стремятся к установлению порядка и справедливости. Обе системы содержат предписания, запреты и оценки, направляющие поведение человека [1].

Их единство проявляется, прежде всего, в ценностной основе. Такие фундаментальные принципы, как справедливость, равенство, уважение к человеческому достоинству, изначально сформировались в сфере морали и лишь впоследствии были инкорпорированы в право. Запреты на убийство, кражу, насилие имеют глубокие нравственные корни и лишь вторично получают формальное юридическое выражение. И право, и нравственность выполняют воспитательную функцию, формируя у членов общества представление о должном и недопустимом.

Однако между ними существуют и принципиальные различия, которые не позволяют полностью отождествлять эти понятия.

Источник происхождения: Нравственность зарождается стихийно в общественном сознании, ее нормы не имеют конкретного автора. Право же устанавливается или санкционируется государством в лице его уполномоченных органов.

Форма выражения: Моральные нормы, как правило, неформализованны, они живут в традициях, обычаях, общественном мнении. Правовые нормы всегда закреплены в официальных источниках – законах, указах, постановлениях, что обеспечивает их определенность и единообразие.

Способ обеспечения: Соблюдение нравственных норм гарантируется силой общественного осуждения, внутренними убеждениями человека, его совестью. Право же обеспечивается принудительной силой государства, которое в случае нарушения применяет юридическую ответственность.

Сфера регулирования: Нравственность регулирует более широкий круг отношений, включая сферу помыслов, чувств и личных предпочтений (например, дружба, любовь). Право вторгается лишь в те области, которые имеют существенное значение для поддержания общественного порядка, оставляя пространство для личной моральной автономии.

Таким образом, право можно охарактеризовать как минимум нравственности, юридически закрепленный и охраняемый государством. Оно устанавливает тот низший порог морально допустимого поведения, ниже которого общество существовать не может [2, с. 104].

История права представляет собой непрерывный процесс объективации нравственных представлений. В архаичных обществах право и мораль были практически неразделимы, выступая в форме религиозных заповедей, мифов и обычаев. Древнейшие своды законов, такие как Законы Хаммурапи или Законы Ману, были пронизаны религиозно-нравственными идеями о воздаянии, долге и касте.

Античная философия, в лице Платона и Аристотеля, впервые поставила вопрос о справедливости как основной добродетели и государства, и права. Римское право, будучи высокоразвитой технической системой, тем не менее, опиралось на понятие «естественного права» – высшего, разумного и справедливого закона, корнящегося в самой природе человека. Это стало мощным катализатором для закрепления в праве идей универсальной человеческой ценности.

Эпоха Просвещения и становления современных наций-государств придала этому процессу новый импульс. Теория общественного договора, разработанная

Гоббсом, Локком и Руссо, по сути, была попыткой рационально обосновать правопорядок, исходя из моральных принципов свободы, равенства и согласия. Великая французская «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года стала классическим примером прямого закрепления в праве моральных идеалов – свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению.

В XX веке трагический опыт тоталитарных режимов, создававших преступные, но формально легитимные законы, привел к возрождению идей естественного права. Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками юридически утвердил принцип, что существует высший моральный закон, который стоит выше писаного права, и его нарушение не может быть оправдано ссылкой на государственный приказ. Это стало триумфом нравственности над юридическим формализмом.

Процесс трансформации нравственного императива в правовую норму сложен и многогранен. Он осуществляется через несколько ключевых механизмов [3, с. 120].

Во-первых, это прямое закрепление основополагающих моральных принципов в текстах конституций и основополагающих законов. Принципы уважения достоинства личности, прав и свобод человека, социальной справедливости, гуманизма сегодня являются конституционной основой большинства демократических государств. Они служат не только декларацией, но и ориентиром для законодателя и правоприменителя.

Во-вторых, нравственность воплощается в конкретных отраслевых нормах. Уголовное право, по своей сути, есть кодификация основных моральных табу. Запреты на убийство, причинение телесных повреждений, кражу, мошенничество – это прямые юридические аналоги нравственных запретов [4, с. 291]. Семейное право закрепляет моральные обязательства супругов, родителей и детей. Гражданское право, опираясь на принципы добросовестности, разумности и справедливости, регулирует отношения в экономической сфере, не допуская безнравственного поведения.

В-третьих, важным механизмом является использование в законодательстве оценочных категорий, имеющих явный моральный подтекст. Такие понятия, как «добросовестность», «злоупотребление правом», «аморальное поведение», «противоречие основам правопорядка и нравственности» (публичный порядок), предоставляют судам и иным правоприменительным органам возможность напрямую апеллировать к моральным критериям при разрешении конкретных споров. Это позволяет «оживить» закон, наполнить его текущими нравственными представлениями общества.

В-четвертых, нравственность влияет на право через институт юридической ответственности. Само наказание, помимо карательной и превентивной, несет в себе мощный моральный заряд. Оно представляет собой акт публичного осуждения не только с правовой, но и с нравственной точки зрения. Восстановительные процедуры, такие как возмещение вреда, также имеют глубокий нравственный смысл, ориентированный на исправление ситуации и восстановление справедливости.

Несмотря на тесную связь, между нравственностью и правом возможны и серьезные конфликты. Наиболее очевидный из них – ситуация, когда закон вступает в противоречие с индивидуальной или групповой моралью. Яркими историческими примерами являются законы о расовой сегрегации или уголовное преследование за инакомыслие. В таких случаях возникает проблема гражданского неповиновения, когда моральный долг требует нарушения несправедливого, с точки зрения человека, закона.

Более сложный аспект связан с проблемой нравственного плюрализма в современном обществе. В гомогенном обществе с единой системой ценностей процесс правового закрепления нравственности происходит относительно безболезненно. Однако в условиях культурного и религиозного разнообразия представления о добре и зле, должном и предосудительном могут кардинально расходиться.

В этой ситуации право не может и не должно брать на себя роль арбитра во всех моральных спорах. Его задача – обеспечить мирное сосуществование различных мировоззрений. Поэтому право часто создает так называемые «зонтики» или «нейтральные рамки», внутри которых индивиды и группы могут свободно следовать своим нравственным убеждениям, не нарушая при этом прав других. Принцип светскости государства, свобода совести, право на приватность – все это правовые инструменты, позволяющие оградить сферу личной нравственности от чрезмерного вмешательства закона.

Классической дилеммой является вопрос о криминализации или декриминализации тех или иных деяний, которые часть общества считает безнравственными (например, аборт, эвтаназия, проституция). Законодатель в таких случаях вынужден находить баланс между защитой публичной морали, охраной прав и свобод отдельных лиц и поддержанием общественного порядка.

Правовое закрепление нравственности не ограничивается созданием законов. Не менее важен нравственный аспект их применения. Самый совершенный закон может быть извращен в процессе его реализации. Поэтому профессиональная этика юриста, судьи, полицейского становится ключевым элементом обеспечения справедливости [5, с. 137].

Принцип презумпции невиновности, состязательность судебного процесса, право на защиту – все это не только юридические, но и глубоко нравственные категории, призванные защитить личность от произвола государственной машины. Судья, выносящий решение, руководствуется не только буквой закона, но и внутренним убеждением, основанным на совести и понимании справедливости. Адвокат, защищающий даже явно виновного, исполняет моральный долг, обеспечивая соблюдение справедливости процедуры.

Таким образом, правоприменение – это та стадия, на которой формальное право «очеловечивается», наполняется конкретным нравственным содержанием. Без этого связующего звена право рискует вырождаться в бездушный механизм, лишенный авторитета в глазах общества.

Взаимосвязь нравственности и права представляет собой динамичный и непрерывный процесс. Право служит мощным инструментом закрепления и за-

щиты базовых нравственных ценностей общества, выступая в роли минимального стандарта поведения. Оно придает моральным нормам общеобязательный характер и обеспечивает их соблюдение силой государственного принуждения.

Однако было бы ошибкой сводить роль права лишь к пассивному отражению морали. Успешно инкорпорируя в себя нравственные принципы, право само начинает активно влиять на моральное сознание общества, воспитывая уважение к закону, справедливости и правам человека. Оно формирует правовую культуру, которая является неотъемлемой частью культуры нравственной.

В то же время, в условиях плюралистического общества право не может и не должно регулировать все сферы морального выбора. Его задача – создать нейтральные правовые рамки, гарантирующие свободу совести и мировоззренческий плюрализм, и разрешать наиболее острые конфликты, где сталкиваются фундаментальные права и интересы. Идеалом является такое состояние, когда законопослушание становится не вынужденной необходимостью, а внутренней потребностью нравственной личности, а право, в свою очередь, остается чувствительным к велениям общественной совести и стремится к высшим идеалам справедливости и гуманизма. Постоянный диалог между правом и нравственностью – залог здорового и развивающегося общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и следования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.
2. Асанова И. П. Современное состояние российского уголовного законодательства о незаконном обороте специальных технических средств / И. П. Асанова // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. – С. 102–105.
3. Асанова И. П. Актуальные вопросы борьбы с масштабами роста кибермошенничества // Вестник РУК. – 2021. – № 4 (46). – С. 120–123.
4. Данилов В. В., Асанова И. П., Перепелкин В. Ю. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 288–297.
5. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1-1. – С. 134–145.

УДК 343.5

ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Вольнов Игорь Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810486@ruc.su

PUBLIC MORALITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Volnov Igor Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящая статья посвящена исследованию теоретических основ классификации преступлений против общественной нравственности в российском уголовном праве. Анализируется концепция общественной нравственности как сложного социально-правового феномена и объекта уголовно-правовой охраны. Рассматриваются исторические и философские предпосылки формирования уголовно-правовых запретов в сфере морали. Выявляются системообразующие критерии для построения научно обоснованной типологии соответствующих деяний. Освещаются проблемные аспекты квалификации, связанные с динамичностью моральных норм и плюрализмом общественного сознания. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования классификационных моделей для нужд правотворческой и правоприменительной практики.

Ключевые слова: теоретические основы, классификация преступлений, общественная нравственность, уголовное право, объект преступления, критерии классификации, систематизация, квалификация преступлений, мораль.

This article is devoted to the study of the theoretical foundations of the classification of crimes against public morality in Russian criminal law. The article analyzes the concept of public morality as a complex socio-legal phenomenon and an object of criminal law protection. The historical and philosophical prerequisites for the formation of criminal law prohibitions in the field of morality are considered. The system-forming criteria for constructing a scientifically based typology of relevant acts are identified. The problematic aspects of qualifications related to the dynamism of moral norms and the pluralism of public consciousness are highlighted. The necessity of further improvement of classification models for the needs of law-making and law enforcement practice is substantiated.

Keywords: theoretical foundations, classification of crimes, public morality, criminal law, object of crime, classification criteria, systematization, qualification of crimes, morality.

Систематизация знаний о преступлениях против общественной нравственности представляет собой одну из актуальных задач современной уголовно-правовой науки. Теоретические основы классификации этих деяний базируются на междисциплинарном подходе, интегрирующем достижения юриспруденции, философии, социологии и криминологии. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны является сложным, многогранным социальным конструктом, содержание которого исторически изменчиво и зависит от культурного, религиозного и идеологического контекста конкретного общества [1, с. 103]. Это обуславливает значительные сложности в выработке универсальных и стабильных критериев для их типологии. Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования законодательной техники, оптимизации квалификационной деятельности правоприменителей и разработки эффективных мер предупреждения данной группы преступлений. Таким образом, комплексный анализ теоретических основ классификации преступлений против общественной нравственности направлен на формирование целостного научного представления о их природе, системе и направлениях дифференциации.

Отправной точкой для построения любой классификации является четкое определение ее базовых понятий. В российском уголовном законодательстве отсутствует легальная дефиниция «общественной нравственности», что создает теоретико-прикладной вакуум, восполняемый доктринальными толкованиями. В общетеоретическом плане под общественной нравственностью понимается система коллективных представлений о добре и зле, справедливости, должном и

предосудительном поведении, исторически сложившаяся в данном социуме и охраняемая силой общественного мнения.

С уголовно-правовой точки зрения, общественная нравственность признается факультативным объектом преступления. Это означает, что в различных составах она может выступать в разных качествах: как основной, дополнительный или обязательный признак основного объекта посягательства. Например, в таких составах, как жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ), общественная нравственность является одним из основных объектов охраны, тогда как при организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) она выступает дополнительным объектом наряду с общественным порядком и здоровьем населения. Философское обоснование необходимости правовой защиты моральных устоев общества можно найти в концепциях классической школы криминологии. Так, идеи Томаса Гоббса и Иеремии Бентама о «социальном договоре» и «сдерживании через наказание» имплицитно предполагают, что право, включая уголовное, служит инструментом защиты фундаментальных ценностей, обеспечивающих социальную стабильность, к которым, безусловно, относится и общественная нравственность [2, с. 123].

Исторический анализ показывает, что подходы к классификации и криминализации посягательств на общественную нравственность претерпели значительную эволюцию. В дореволюционном российском праве соответствующие запреты были тесно переплетены с религиозными нормами и сословными представлениями о морали. Уложение о наказаниях 1845 года содержало развернутые главы о преступлениях против веры и семейных устоев, где религиозная и светская мораль практически не разделялись.

В советский период произошла секуляризация права, однако на смену религиозной пришла идеология «социалистической нравственности». Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов криминализировали деяния, противоречащие задачам строительства коммунистического общества, такие как «тунеядство» или «паразитический образ жизни». Это демонстрирует, как классификационные критерии формируются под влиянием господствующей идеологии. Исследование мотивов преступлений, проведенное Б. С. Волковым, подчеркивает, что антиобщественное поведение всегда рассматривалось как сознательно избирательный мотивированный акт, что имеет прямое отношение к оценке нравственной составляющей деяния.

Современный этап характеризуется отказом от жесткой идеологизации и стремлением привести нормы в соответствие с международными стандартами прав человека. Это привело к декриминализации ряда деяний (например, добровольных гомосексуальных контактов), но одновременно – к появлению новых составов, отражающих современные вызовы, такие как кибербуллинг или распространение деструктивного контента в интернете. Теоретической основой современной классификации становится концепция нравственного плюрализма, признающая многообразие моральных систем в обществе при сохранении необходимости защиты их минимального общего знаменателя [3].

Построение научно обоснованной типологии преступлений против общественной нравственности требует выявления и анализа системы критериев, позволяющих дифференцировать эти деяния на внутренне однородные группы.

1. Критерий непосредственного объекта посягательства. Это один из основных системообразующих критериев, позволяющий выделить группы преступлений в зависимости от того, на какую конкретную сферу нравственных отношений они направлены.

Преступления, посягающие на основы половой морали. К этой группе относятся вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ). Общим для них является то, что они направлены против общественных отношений, охраняющих устои сексуальной нравственности.

Преступления, посягающие на этические нормы отношения к живой природе и памяти умерших. Ярким примером является жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ), которое посягает на сложившиеся в обществе нормы гуманности и сострадания. Сюда же относится надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ), нарушающее моральные и часто религиозные чувства, связанные с почитанием памяти усопших [4, с. 142].

2. Критерий характера и способа преступного деяния. Данный критерий позволяет дифференцировать преступления по особенностям объективной стороны.

Преступления, связанные с эксплуатацией. Это деяния, в основе которых лежит использование одного лица другим для извлечения выгоды аморального характера (ст. ст. 240, 241 УК РФ).

Преступления, связанные с изготовлением и распространением продукции, вредной для нравственности. Это, прежде всего, незаконные действия с порнографическими материалами (ст. 242 УК РФ).

Преступления, выражающиеся в жестоком и уничижительном поведении. К этой группе относятся деяния, предусмотренные ст. ст. 245, 244 УК РФ, объективная сторона которых реализуется в актах жестокости, осквернения или глумления.

3. Критерий субъективной стороны и мотивации. Теоретической основой здесь служат работы, подобные исследованию Б. С. Волкова, где подчеркивается, что мотив является центральным элементом в структуре субъективной стороны и служит основанием для нравственно-этической оценки поведения. Выделяются:

Корыстные мотивы (при организации проституции, иногда при распространении порнографии).

Хулиганские побуждения (при жестоком обращении с животными, надругательстве над телами умерших).

Иные низменные побуждения (например, мотивы мести, религиозной или социальной ненависти).

Современная теория классификации преступлений против общественной нравственности сталкивается с рядом вызовов, требующих глубокого научного осмысления.

Во-первых, это проблема динамизма моральных норм. Критерии, положенные в основу классификации, не являются раз и навсегда данными. Социальные представления о допустимом и недопустимом постоянно трансформируются, что приводит к необходимости периодического пересмотра как самих составов преступлений, так и их систематизации. Деяния, еще недавно считавшиеся серьезными преступлениями против нравственности, сегодня могут восприниматься как малозначительные отклонения или вовсе выходить за рамки уголовно-правового регулирования.

Во-вторых, сохраняется вызов, связанный с плюрализмом моральных систем. В условиях поликультурного и многоконфессионального общества единый стандарт нравственности отсутствует. Это порождает вопрос: нормы какой социальной группы должны приниматься за основу при криминализации и последующей классификации? Теоретической основой для решения этой проблемы может служить концепция «минимума нравственности», предполагающая выделение и защиту тех моральных норм, которые являются консолидирующими для всего общества, независимо от частных различий.

В-третьих, остается сложность доказывания «нравственного вреда». В отличие от материального или физического вреда, ущерб общественной нравственности носит идеальный характер и не поддается прямому измерению [5, с. 294]. Это создает серьезные проблемы для правоприменителя при квалификации соответствующих деяний и отграничении их от административных правонарушений или аморальных проступков, не имеющих уголовно-правового значения. Теория классификации должна предлагать четкие ориентиры для решения этой задачи.

Теоретические основы классификации преступлений против общественной нравственности представляют собой развивающуюся систему знаний, интегрирующую уголовно-правовые, криминологические, философские и социологические подходы. Ключевыми элементами этой системы являются учение о непосредственном объекте, анализ исторической эволюции соответствующих запретов, а также выявление комплекса критериев для дифференциации деяний (объект, характер деяния, мотивация). Современные классификационные модели должны учитывать динамичный характер моральных норм и плюрализм современного общества, фокусируясь на защите не конкретной моральной доктрины, а того минимального нравственного консенсуса, который обеспечивает духовную безопасность и социальную стабильность. Дальнейшее развитие теоретических основ видится в углублении междисциплинарных исследований, разработке более тонких и гибких критериев классификации и учете новых форм девиантного поведения в цифровой среде. Это позволит не только совершенствовать законодательство и правоприменительную практику, но и способствовать формированию адекватного понимания роли уголовного права в защите духовных основ общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанова И. П. Современное состояние российского уголовного законодательства о незаконном обороте специальных технических средств / И. П. Асанова // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. – С. 102–105.

2. Асанова И. П. Актуальные вопросы борьбы с масштабами роста кибермошенничества // Вестник РУК. – 2021. – № 4 (46). – С. 120–123.

3. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.

4. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1-1. – С. 134–145.

5. Данилов В. В., Асанова И. П., Перепелкин В. Ю. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 288–297.

УДК 340

ПРАКТИКА И КОЛЛИЗИИ ПРЕКРАЩЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА В РОССИИ

Голованова Екатерина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: 9168487813@mail.ru

PRACTICE AND CONFLICTS OF TERMINATION OF LAWYER STATUS IN RUSSIA

Golovanova Ekaterina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные проблемы дисциплинарной практики адвокатских палат Российской Федерации, связанные с прекращением статуса адвоката. Автор анализирует случаи, демонстрирующие отсутствие единых критериев при применении мер дисциплинарного взыскания, что приводит к неоднородности решений и правовой неопределенности. Особое внимание уделяется случаям политизации дисциплинарных процедур, а также вопросам соразмерности наказаний и соблюдения сроков давности.

Ключевые слова: адвокат, прекращение статуса адвоката, дисциплинарная ответственность, адвокатская палата, независимость адвокатуры, Минюст России, правовое регулирование.

The article discusses the current problems of the disciplinary practice of the Chambers of advocates of the Russian Federation related to the termination of the status of a lawyer. The author analyzes cases demonstrating the lack of uniform criteria in the application of disciplinary measures, which leads to heterogeneity of decisions and legal uncertainty. Particular attention is paid to cases of politicization of disciplinary procedures, as well as issues of proportionality of punishments and compliance with the statute of limitations.

Keywords: lawyer, termination of the status of lawyer, disciplinary responsibility, bar association, independence of the bar, Ministry of Justice of Russia, legal regulation.

Современная дисциплинарная практика адвокатских палат Российской Федерации показывает неоднородность в подходах к применению оснований для прекращения статуса адвоката. В отсутствие единых методических стандартов складывается негативная практика в применении мер дисциплинарного взыскания к адвокатам, приводящая к существенным расхождениям в квалификации проступков и применяемых к ним санкциях.

Наиболее распространенные проблемы, возникающие при прекращении статуса адвоката, можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся дела, в которых лишение статуса адвоката осуществляется по причине его политической активности. Так, например, один из адвокатов, который строил свою карьеру на ведении политических дел, был лишен своего статуса за размещение в одной из социальных сетей сообщений, которые носили оскорбительный характер и были адресованы его оппонентам.

В ходе рассмотрения дела адвокат признал свою вину, однако указал, что для привлечения его к дисциплинарной ответственности истек шестимесячный срок давности, предусмотренный Кодексом профессиональной этики адвоката.

Как следует из материалов дела ранее на адвоката поступала жалоба по тем же основаниям, но тогда адвокатская палата вынесла отказ в возбуждении дисциплинарного производства. Чуть позднее аналогичная жалоба от того же лица поступила в Минюст России, а затем снова в адвокатскую палату. Соответственно, срок давности для привлечения к дисциплинарной ответственности начал течь с момента подачи первой жалобы. Кроме того, нельзя признать совершенный проступок длящимся, так как все сообщения, на которые поступила жалоба, были удалены до ее подачи в адвокатскую палату.

Однако, все указанные доводы при принятии решения были отклонены и адвоката лишили статуса [1].

В другом деле статус адвоката был приостановлен после вмешательства в дело Минюста России, который в качестве обоснования своей жалобы ссылаясь на то, что адвокат получал финансирование от коллегии адвокатов, которая в свою очередь получала деньги из иностранных источников. Также Минюст России указал, что адвокат являлся президентом иностранной некоммерческой организации.

В совокупности со всеми вышеизложенными фактами адвокат был обвинен в ведении политической деятельности, поскольку его команда несколько раз выкладывала статьи, имеющие, по мнению Минюста России, негативные высказывания в адрес руководства страны и проводимой им политики.

В итоге адвокат был вынужден покинуть страну, а его подзащитный, дело которого он вёл в период рассмотрения вопроса о его привлечении к дисциплинарной ответственности, фактически остался без защитника [2].

Стоит отметить, что Минюст России в последние годы осуществляет более пристальный контроль за деятельностью адвокатов. Например, в 2024 году именно Минюст стал инициатором законопроекта, в результате которого в российском законодательстве появилось новое основание для лишения статуса адвоката: выезд на постоянное место жительства либо на срок более одного года за пределы России [3].

Юридическое сообщество неоднозначно отреагировало на введение указанной нормы, поскольку она создала опасность использования дисциплинарных механизмов для контроля политической или гражданской позиции адвокатов, а также поставила вопрос о соответствии таких мер принципам независимости адвокатуры и международным стандартам.

Указанные примеры говорят о политизации дисциплинарной практики, что несет в себе угрозу не только для общественных отношений, но и для личной неприкосновенности лиц, осуществляющих адвокатскую деятельность.

Во вторую группу можно включить дисциплинарные проступки, за которые решение о лишении статуса адвоката выносится без учета соразмерности наказания тяжести совершенного проступка.

В качестве примера можно привести дело, в котором Адвокатская палата Московской области лишила статуса адвоката 70-летнего мужчину, добросовестно исполнявшего свои обязанности на протяжении 18 лет.

В период пандемии мужчина был лишен возможности осуществлять свою деятельность, так как это было опасно для его здоровья. В этот же период он прекратил уплату членских взносов, в связи с отсутствием заработка. После снятия всех ограничений адвокат предпринимал попытки уточнить размер своей задолженности, но ответа не получил. Затем адвокат подал заявление на добровольное прекращение статуса адвоката и в ответ получил не просто отказ, а решение о лишении его статуса адвоката за неуплату членских взносов.

Не согласившись с указанным решением, адвокат обратился в суд, который признал решение о лишении статуса адвоката незаконным, поскольку не учтены тяжесть совершенного проступка, обстоятельства его совершения, в том числе введенные в связи с пандемией ограничения, и отсутствие у истца дохода. Кроме того, судом было принято во внимание, что задолженность не причинила существенного вреда адвокатской палате.

Таким образом, суд указал, что совершенный адвокатом проступок является малозначительным и не может быть признан достаточным основанием для лишения лица статуса адвоката [4].

В другом деле адвокат был вынужден обратиться в Верховный суд Республики Башкортостан для защиты своих нарушенных прав. Адвокатская палата Республики Башкортостан лишила его статуса адвоката на основании жалобы женщины, которая являлась потерпевшей по делу, в котором адвокат защищал обвиняемого.

Как следовало из жалобы, адвокат пытался подкупить потерпевшую, неэтично высказывался в ее адрес в ходе судебного разбирательства, а также применял некорректные выражения в апелляционной и кассационной жалобах, чем унизил ее человеческое достоинство.

Рассматривая дело, Адвокатская палата Республики Башкортостан пришла к выводу, что действительно адвокат нарушил этические нормы и допустил в отношении потерпевшей по делу недопустимое поведение, что является достаточным основанием для лишения его статуса адвоката.

Решение Адвокатской палаты Республики Башкортостан было обжаловано адвокатом в суд, который отказал в признании обжалуемого решения незаконным. Отказ был мотивирован тем, что оценка профессионального поведения адвоката находится в исключительной компетенции органов адвокатского сообщества.

На защиту адвоката встал Верховный суд Республики Башкортостан, указав, что нижестоящий суд должен был проверить действительно ли в действиях адвоката были нарушения, на которые указала адвокатская палата, а не обойтись формальным указанием на то, что подобные требования не могут быть рассмотрены в суде [5].

Вышеуказанные ситуации дают основание полагать, что отсутствие унифицированных критериев для установления в действиях адвоката признаков совершения дисциплинарного проступка приводит к тому, что адвокатские палаты в регионах по-разному трактуют одни и те же понятия, а суды вынуждены вмешиваться в такие дела для восстановления баланса между предоставленным адвокатскому сообществу правом самостоятельно определять этичность поведения адвокатов и законностью.

Анализ подобных случаев демонстрирует отсутствие единого подхода в применении статьи 17 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6]. Адвокатские палаты действуют в рамках предоставленных им законом полномочий, но без детализированных федеральных критериев и стандартизированной процедуры расследования этических нарушений. В результате аналогичные по сути деяния в одних регионах ведут к строгому взысканию вплоть до прекращения статуса, а в других – лишь к замечанию или предупреждению.

Распространение практики лишения статуса адвокатов за публичную активность или высказывания, за малозначительные проступки подрывает независимость адвокатуры. Важно указать, что, хотя адвокат и обладает особым статусом, предусматривающим определенные ограничения в поведении, он при этом остается гражданином. Соответственно, он обладает наравне со всеми конституционными правами.

Таким образом, можно сделать вывод, что дисциплинарное воздействие должно применяться лишь в случае, если поведение адвоката действительно наносит вред авторитету правосудия или интересам доверителя, а не служить инструментом контроля.

Кроме того, необходимо на федеральном уровне утвердить единые методические рекомендации для адвокатских палат по возбуждению и рассмотрению дисциплинарных дел, а также создать механизм независимого апелляционного пересмотра решений палат для того, чтобы снизить количество жалоб, поступающих в суды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение Хамовнического районного суда города Москвы по делу № 02-3138/2018 от 01.10.2018 // СПС «КонсультантПлюс».
2. АП Петербурга усмотрела нарушения со стороны Ивана Павлова // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru>
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ // СЗ РФ. – 2396. – 2024.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-27764/2021 от 12.06.2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 33-18931/2022 от 08.11.2025 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 100.

MODERN PROBLEMS OF LAWYER'S ETHICS IN RUSSIA

Golovanova Ekaterina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются ключевые аспекты адвокатской этики как совокупности моральных, профессиональных и правовых норм, регулирующих деятельность адвокатов в Российской Федерации. Особое внимание уделено современным проблемам соблюдения этических стандартов: феномену «карманных адвокатов», нарушению принципа независимости и конфиденциальности, а также практике уголовного преследования адвокатов за исполнение профессиональных обязанностей.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, статус адвоката, адвокатская этика, профессиональная этика, этические нормы.

The article examines the key aspects of lawyer's ethics as a set of moral, professional and legal norms regulating the activities of lawyers in the Russian Federation. Special attention is paid to the current problems of compliance with ethical standards: the phenomenon of "pocket lawyers", the violation of the principle of independence and confidentiality, as well as the practice of criminal prosecution of lawyers for the performance of their professional duties.

Keywords: legal profession, legal practice, status of a lawyer, lawyer's ethics, professional ethics, ethical standards.

Деятельность адвокатов, как и любой иной вид профессиональной деятельности, основывается на определенных нормах, принципах и правилах, совокупность которых представляет собой адвокатскую этику. Существование достаточно жестких требований к поведению адвоката обусловлено необходимостью обеспечения справедливости, защиты прав и интересов клиентов, соблюдения закона и поддержания высокого уровня профессиональной репутации адвокатуры.

Важно отметить, что адвокатская этика сочетает в себе элементы общей морали, профессиональной ответственности и юридических стандартов. При этом ее отличительной особенностью является наличие правовой базы, закрепляющей конкретные правила поведения и ответственность за их нарушение.

На сегодняшний день нормативным актом, регулирующим вопросы адвокатской этики, является Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ [1]. Указанный закон определяет основные аспекты адвокатской этики, которые преимущественно раскрываются через систему обязанностей адвоката.

Согласно положениям вышеназванного закона при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан честно и добросовестно выполнять свою работу, избегать конфликта интересов, соблюдать конфиденциальность данных, полученных от доверителя, а также не допускать влияния интересов третьих лиц на результаты своей работы.

Более детальные требования к адвокатской этике содержатся в Кодексе профессиональной этики адвоката в России (далее – Кодекс), который был принят в

2003 году и по своей правовой природе является подзаконным актом [2]. Его положения разработаны в соответствии с федеральным законодательством и обязательны для соблюдения всеми адвокатами, которые зарегистрированы в адвокатских палатах.

Однако, несмотря на наличие детальной правовой регламентации, на практике вопросы соблюдения адвокатской этики имеют достаточно важные проблемы. Так, согласно официальным данным за 2024 год лишены статуса 300 адвокатов, из которых 100 – за нарушение этических норм [3].

Одной из наиболее актуальных на протяжении многих лет остается проблема «карманных адвокатов», суть которой заключается в том, что адвокаты не оказывают своим доверителям квалифицированной юридической помощи и сотрудничают со следствием вопреки их интересам.

Рассматриваемая проблема возникла в постсоветский период, когда фактически отсутствовал контроль за адвокатской деятельностью и не были определены единые для всех адвокатов этические нормы.

В основном проблема «карманных адвокатов» наиболее ярко проявляется в уголовном процессе, где зачастую следователи для повышения раскрываемости дел привлекают лояльных адвокатов в качестве защитника по назначению, а адвокаты соглашались на подобное сотрудничество с целью увеличения количества проведенных дел, что обеспечивает высокие размеры гонорара. То есть фактически между стороной обвинения и стороной защиты складывается взаимовыгодное, но противоречащее законодательству сотрудничество.

Федеральная палата адвокатов РФ неоднократно указывала, что проблема «карманных адвокатов» подрывает доверие к адвокатуре и нарушает права доверителей.

С целью пресечения описанных нарушений в 2018 году была внедрена информационная система, предусматривающая возможность распределения адвокатов по назначению в случайном порядке, что должно было исключить их субъективный выбор органами следствия. По состоянию на декабрь 2024 года к системе было подключено 80 % адвокатских палат [4].

Тем не менее, как показывает практика, даже при наличии вышеуказанной информационной системы допускаются нарушения адвокатской этики. Так, к примеру, в Ямало-Ненецком автономном округе адвокат был лишен статуса за содействие органам следствия, которое было выражено в подписании протоколов допроса, содержащих недостоверные данные. Кроме того, в ходе расследования было установлено, что адвокат оказывал юридическую помощь в качестве защитника по назначению, не получив при этом надлежаще оформленных заявок на ведение дел, то есть в обход информационной системы [5, с. 25].

Подобное дело было рассмотрено Адвокатской палатой Забайкальского края, которая установила, что адвокат принимал заявки на участие в неотложных следственных действиях непосредственно от сотрудников органов следствия, то есть также в обход информационной системы [6, с. 43].

Среди проблем, связанных с адвокатской этикой, важное место занимает проблема соблюдения адвокатской тайны и независимости. При чем в данном во-

просе прослеживается достаточно интересная тенденция, при которой одни адвокаты сознательно идут на нарушение этических норм, а другие подвергаются уголовным преследованиям за добросовестное исполнение обязанностей.

Так, к примеру, в 2017 году Адвокатская палата Пензенской области привлекла к дисциплинарной ответственности адвоката, который вёл резонансное дело, связанное с созданием террористического сообщества [7]. Причиной для назначения дисциплинарного взыскания послужил факт того, что адвокат согласился дать интервью, в ходе которого допустил неосторожные высказывания, из которых следовало, что его подзащитный понимал, что нарушает закон. Также адвокат отметил, что у следствия есть все необходимые доказательства вины его подзащитного.

Из изложенного следует, что адвокат допустил сразу два нарушения: разгласил адвокатскую тайну и тайну следствия. Кроме того, было допущено нарушение презумпции невиновности, так как адвокат высказал свои предположения о том, что его подзащитный умышленно нарушил закон, хотя по факту обвинительный приговор еще не был вынесен.

Особую актуальность имеет проблема уголовного преследования адвокатов, которое осуществляется в связи с исполнением ими своих адвокатских обязанностей.

В качестве примера можно привести вынесение оправдательного приговора в отношении адвоката, чья доверительница нарушила условия домашнего ареста [8]. Как следует из материалов дела, адвокат в качестве подтверждения уважительности причины допущенного нарушения предоставил суду справку, которая, как выяснилось позднее, содержала ложные сведения. Следствие посчитало, что адвокат был в сговоре с доверительницей и возбудило в отношении него дело по ч. 1 ст. 294 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за вмешательство в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что в действиях адвоката отсутствуют признаки состава вменяемого ему преступления. При этом, как отметил вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Генри Резник, адвокат не обязан проверять достоверность сведений, предоставленных ему доверителем. Адвокатская деятельность основана на принципе доверия – при получении документов от доверителя адвокат исходит из презумпции их подлинности и не проверяет достоверность содержащихся в них сведений.

Соответственно, в описанном случае фактически адвокат был подвергнут уголовному преследованию за добросовестное исполнение своих профессиональных обязанностей и соблюдение требований адвокатской этики.

Описанная ситуация является лишь одним из многих примеров, когда органы следствия, применяя административный ресурс, оказывают давление на адвокатов.

Например, одним из наиболее резонансных за последние несколько лет дел, стало дело об уголовном преследовании известного адвоката, защищающего интересы лиц, являющихся фигурантами политических дел [9]. Адвокат допускал освещение в СМИ нарушений, которые допускались при проведении предварительного расследования, что стало основанием для возбуждения в отношении него уголовного дела. В результате в ходе проведенных в доме адвоката обысков

следствием были изъяты все документы, содержащие сведения о доверителе, который в рассматриваемый период времени являлся обвиняемым по делу о госизмене.

В данную ситуацию пришлось вмешаться Федеральной палате адвокатов РФ, поскольку фактически действиями органов следствия, выраженными в изъятии документов, содержащих данные, необходимые для защиты лица, признанного обвиняемым по уголовному делу, была нарушена адвокатская тайна. Кроме того, в отношении адвоката было возбуждено уголовное дело в связи с исполнением им своих профессиональных обязанностей, что является крайне негативной тенденцией, ставящей под угрозу личную безопасность лиц, осуществляющих адвокатскую деятельность.

Таким образом, проблемы этики в российской адвокатуре выражаются не только в личной непорядочности отдельных адвокатов, но и в недостатках российской правовой системы. В складывающихся условиях соблюдение профессиональной этики адвоката становится достаточно сложной задачей, выполнение которой необходимо как для обеспечения защиты законных интересов и прав граждан, так и для поддержания надлежащего уровня правопорядка в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 100.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката в России: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Реформа судебного представительства // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru>
4. Правительство рассматривает проект реформы рынка юридических услуг // Российская газета. – URL: <https://rg.ru>
5. Виноградов А. В. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. – 2020. – № 11. – С. 23–27.
6. Виноградов А. В. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. – 2021. – № 6. – С. 42–51.
7. Адвокату вынесено замечание за неосторожный комментарий в СМИ по делу его подзащитного // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru>
8. Суд оправдал адвоката Александра Лебедева, обвинявшегося в воспрепятствовании правосудию // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru>
9. В АП Санкт-Петербурга подготовлено заключение по делу в отношении адвоката Ивана Павлова // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru>

УДК 347

НЕЗАКОННОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ОБОРОТ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ В СВЕТЕ ИЗДАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 37 И РАЗВИТИЯ ДИПФЕЙК-ТЕХНОЛОГИЙ: ГРАНИЦЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И КВАЛИФИКАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Гусев Владислав Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: kondr.ac@ruc.su

ILLEGAL PRODUCTION AND TRADE OF PORNOGRAPHIC MATERIALS OR ITEMS IN LIGHT OF THE PUBLICATION OF RESOLUTION No. 37 OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DEVELOPMENT OF DEEPFAKE TECHNOLOGIES: THE BOUNDARIES OF CRIMINAL LAW PROTECTION AND QUALIFICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Gusev Vladislav Alexandrovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В условиях стремительной цифровизации и переноса оборота порнографического контента в сетевое пространство традиционные конструкции незаконного изготовления и распространения (ст. 242 УК РФ) сталкиваются с такими проблемами как отсутствие легальной дефиниции «порнографического материала» применительно к электронным формам фиксации, а также неурегулированностью использования технологий глубокого синтеза (дипфейков).

Предлагается нормативно закрепить расширенную дефиницию цифрового порнографического материала (включая синтетические изображения), ввести квалифицирующий признак «с использованием технологии глубокого синтеза», уточнить пределы «публичной демонстрации» в режиме онлайн и процессуальные стандарты доказывания искусственного происхождения записи.

Ключевые слова: порнографические материалы, распространение, публичная демонстрация, интернет, потоковая трансляция, дипфейк, глубокий синтез, изготовление, квалифицирующие признаки, уголовная политика.

In the context of rapid digitalization and the transfer of pornographic content turnover to the online space, traditional designs of illegal production and distribution (Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation) face such problems as the lack of a legal definition of "pornographic material" in relation to electronic forms of fixation, as well as the unregulated use of deep synthesis technologies (deepfakes).

It is proposed to establish an expanded definition of digital pornographic material (including synthetic images), introduce a qualifying feature "using deep synthesis technology", clarify the limits of "public demonstration" online and the procedural standards for proving the artificial origin of the recording.

Keywords: pornographic materials, distribution, public demonstration, Internet, streaming, deepfake, deep synthesis, production, qualifying features, criminal policy.

Разъяснение уголовно-правовых признаков незаконного изготовления и оборота порнографических материалов и предметов подробно разработано в отечественной доктрине, однако современная практика демонстрирует качественную трансформацию соответствующей преступной деятельности. Импульсом к этим изменениям стало устойчивое ежегодное увеличение числа зарегистрированных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, что в свою очередь существенным образом осложняет правоприменение, прежде всего в части квалификации.

При этом важно отметить, что в отличие от статей связанных со сбытом наркотических средств по ст. 242 УК РФ отсутствуют подробные разъяснения Верховного суда РФ в виде Постановления пленума ВС РФ, а Постановление от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно

телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» (далее по тексту ПП ВС РФ № 37), является недостаточным и не раскрывает в полной мере проблемы возникающие при правоприменении данной статьи на практике [1]. Однако данным ПП ВС РФ был решен вопрос, касающийся таких действий, совершенных в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, – стриминговых сервисах).

Показателен пример, когда суд квалифицировал поведение лица по ст. 242 УК РФ как незаконные изготовление и распространение материалов порнографического характера, но при этом возникли нерешённые противоречия относительно участия этого лица в качестве «веб-модели» в синхронном общении через онлайн-трансляцию. Так, не было установлено, преследовали ли его действия цель непосредственного изготовления материалов для последующего распространения либо имело место лишь участие в интерактивном общении без фиксации происходящего на материальном или электронно-цифровом носителе.

В результате чего встал принципиальный вопрос, а может ли вообще потоковая передача изображений сексуального характера в режиме реального времени квалифицироваться как незаконные изготовление, публичная демонстрация либо распространение порнографических материалов в смысле ст. 242 УК РФ. И только посредством данного ПП ВС РФ №37 были даны следующие разъяснения: «как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, – стриминговых сервисах)» [2, 3].

Оценивая факты распространения порнографических материалов и предметов в сети Интернет, судебная практика, как правило, опирается на пункт 9 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому распространение информации трактуется как действия, направленные на её получение или передачу неопределённому кругу лиц. Такой подход корреспондирует доктринальной характеристике общественной опасности рассматриваемого деяния, где под распространением понимается предоставление соответствующих материалов или предметов для использования группе либо неограниченному числу адресатов. В то же время правовая позиция Конституционного Суда РФ акцентирует, что нормы названного закона имеют самостоятельный предмет регулирования и касаются именно информации, вследствие чего они не детерминируют содержание и объём уголовно-правовых запретов, установленных в сфере оборота порнографических материалов и предметов.

При этом изложенный Конституционным Судом РФ подход связанный, с возможностью квалификации деяния по ст. 242 УК РФ при передаче порнографической продукции даже одному адресату. Данный подход в дальнейшем обусловил расширительное понимание признака «распространение» и был зафиксированное в ПП ВС РФ № 37. По смыслу данных разъяснений, распространением признаётся незаконное предоставление возможности пользования соответствующими материалами как неопределённому кругу лиц, так и конкретному адресату, в том числе посредством персонализированной пересылки через электронную

почту, социальные сети, мессенджеры и иные цифровые сервисы, массовой рассылки в групповых чатах, размещения на личных страницах и в сообществах, а также направления гиперссылок для последующего скачивания.

Тем самым содержание инкриминируемого деяния фактически сближается с устоявшимся в уголовном праве понятием сбыта предметов, изъятых из гражданского оборота. Тем самым законодателем акцент переносится с численности аудитории на сам факт предоставления доступа.

В результате чего на практике в случае предоставления порноматериалов даже одному лицу (супругу, другу) судом должно квалифицироваться по ст. 242 УК РФ. Данный подход, по нашему мнению, не является правильным, поскольку в данном деянии отсутствует какая-либо общественная опасность. Для того чтобы такое деяние не было квалифицировано по данной статье в настоящее время необходим факт того, что оно совершено по неосторожности.

По настоящее время отсутствие в законе нормативных дефиниций ключевых понятий и разъяснений Верховного Суда РФ по делам данной категории обуславливает необходимость уточнения ряда аспектов.

Прежде всего, уголовный закон не содержит и легального определения термина «порнографический материал» применительно к ст. 242 УК РФ что требует своего закрепления.

Также в УК РФ не установлен правовой статус и так называемых дипфейков.

Отсутствие нормативной дефиниции цифрового «порнографического материала», охватывающей синтетические (скомбинированные, подставные) изображения и записи, и неопределённость пределов уголовной ответственности при использовании технологии дипфейк в качестве способа совершения преступления.

Современная уголовно-правовая доктрина сходится на том, что дипфейк чаще выполняет инструментальную роль и по своей логике должен усиливать общественную опасность преступлений, при этом не образуя самостоятельный объект криминализации.

Вместе с тем, по нашему мнению, имеется необходимость дифференциации уголовной ответственности путём введения специального квалифицирующего признака «совершение преступления с использованием технологии дипфейк» и на допустимость квалификации подмены лица (FaceSwap) как «изготовления» материала по ст. 242 УК РФ при условии наличия порнографического содержания и целевой направленности на оборот.

Исходя из этих выводов и с учётом современного понимания «распространения» как предоставления доступа не только неопределённому кругу лиц, но и одному адресату требуется законодательно закрепить расширенную легальную дефиницию «порнографических материалов (предметов)» применительно к главе 25 УК РФ.

Под таковыми следует понимать любые зафиксированные на материальном или электронном носителе изображения либо описания сексуального характера, включая созданные методами компьютерного моделирования и глубокого синтеза, если их восприятие возможно без дополнительного творческого преобразования.

Такая формулировка одновременно закрывает спор о форме (цифровая запись,

файл, фрагмент кода, обеспечивающий воспроизведение) и фиксирует признак «статичности» результата, отделяя его от эфемерной онлайн-трансляции. При этом демонстрация в реальном времени без записи подлежит охвату как «публичная демонстрация» и (при адресной передаче доступа) как «распространение», поскольку объект посягательства не материальный носитель, а фактическое предоставление возможности восприятия.

Также необходимо ВС РФ необходимо дать разъяснения, касающиеся диспозиций ст. 242 и 242.1 УК РФ, прямо обозначающие, что «изготовлением» признаётся не только первоначальная съёмка, но и синтетическое порождение либо модификация изображения, включая подмену лица и иные трансформации, в результате которых создаётся новый порнографический материал.

Дополнительно в примечаниях помимо размера дохода для крупного размера следует закрепить критерий «идентифицируемости» изображённого лица (совокупность устойчивых биометрических и контекстуальных признаков), поскольку именно использование узнаваемого образа обуславливает качественно иную степень вреда частным благам.

В части дифференциации ответственности же по нашему мнению целесообразно ввести квалифицирующий признак для ст. 242 и 242.1 УК РФ: «совершение преступления с использованием технологии глубокого синтеза (дипфейк)», отражающий повышенную доказательную убедительность и виртуальность такого контента, а для ст. 242.1 УК РФ специальный признак «с использованием изображения несовершеннолетнего (в том числе синтетически сгенерированного либо подставленного)», при котором факт того что лицо знает или допускает совершеннолетность исходного исполнителя не исключает вины при осознании факта подмены лица ребёнком.

В УПК РФ и ведомственных актах следует закрепить обязательность комплексной компьютерно-технической и видеотехнической экспертизы при расследовании дел по ст. 242, 242.1 УК РФ с проверяемыми методиками детекции синтетических артефактов, стандарт доказывания «искусственного происхождения» (совокупность признаков, исключающих правдоподобную естественную природу записи), а также презумпцию необходимости проверки источника распространения и цепочки сохранения файла.

Таким образом для правильного применения правоохранительными органами уголовного законодательства ВС РФ представляется обоснованным принять постановление, систематизирующее квалификацию деяний с использованием дипфейка в сфере незаконного оборота порнографических материалов, разъяснить, что под «изготовлением» по ст. 242 УК РФ охватываются действия по созданию синтетических порнографических материалов вне зависимости от того, использован ли исходник с иным лицом. Под «распространением» понимается предоставление доступа к таким материалам неопределённому кругу лиц, в том числе посредством отправки ссылки, временного токена доступа или экранирования в режиме реального времени;

Для практической эффективности предложенных изменений необходимо сопряжение материально-правовых и криминалистических режимов. Также в свою

очередь необходимо ввести в учёт преступности и статистической отчётности обязательное выделение способа «с использованием технологии дипфейк» применительно к составам главы 25 УК РФ, унифицировать терминологию («технология глубокого синтеза (дипфейк)», «синтетическое изображение», «идентифицируемое лицо»), закрепить в разъяснениях Пленума приоритет оценки не «носителя», а «факта предоставления доступа», что устраняет пробел между традиционным вещно-ориентированным пониманием «материала» и сетевой реальностью.

Такая модель согласуется с доктринальным подходом, согласно которому реальная потребность правовой политики состоит не в криминализации любых действий с дипфейками, а в тонкой правовой настройке существующих составов и процессуальных процедур доказывания под особенности технологии с усилением ответственности за её вредоносное применение и с сохранением пространства для легитимного использования в науке, образовании и медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации...». – СПС «КонсультантПлюс»
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики по делу № 22-3288/14 от 4 декабря 2014 года. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕРОЧНО-ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Бойцова Алена Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vdanilov@ruc.su; st808854@ruc.su

CRIMINALISTIC ASPECTS OF THE VERIFICATION AND EVALUATION ACTIVITIES OF PERSONS AUTHORIZED TO CARRY OUT A PRELIMINARY INVESTIGATION

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Boytsova Alyona Alekseevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Проверочно-оценочная деятельность следователя представляет собой сложный интеллектуально-волевой процесс, направленный на установление достоверности собранных доказательств и их соответствия законодательным требованиям. В работе раскрывается сущность и содержание проверочно-оценочной деятельности на разных стадиях предварительного расследования. Анализируются криминалистические аспекты оценки доказательств через призму внутреннего убеждения следователя. Рассматриваются методологические основы формирования критериев оценки доказательственной информации. Особое внимание уделяется психоло-

гическим механизмам оценочной деятельности и возможным когнитивным ошибкам. Исследуются современные проблемы оценки цифровых доказательств в условиях информатизации общества. Определяются перспективы совершенствования проверочно-оценочной деятельности через внедрение криминалистических методик и технологий. Обосновывается необходимость разработки научно-практических рекомендаций по оптимизации оценочных процессов.

Ключевые слова: проверочно-оценочная деятельность, предварительное расследование, оценка доказательств, внутреннее убеждение, достоверность доказательств, относимость доказательств, допустимость доказательств, криминалистическая методика, когнитивные ошибки, цифровые доказательства.

The verification and evaluation activity of an investigator is a complex intellectual and volitional process aimed at establishing the reliability of the collected evidence and its compliance with legislative requirements. The paper reveals the essence and content of the verification and evaluation activities at different stages of the preliminary investigation. The criminalistic aspects of evaluating evidence through the prism of the investigator's inner conviction are analyzed. The methodological foundations of the formation of criteria for evaluating evidentiary information are considered. Special attention is paid to the psychological mechanisms of evaluation activity and possible cognitive errors. The article examines the current problems of evaluating digital evidence in the context of informatization of society. The prospects for improving verification and evaluation activities through the introduction of forensic techniques and technologies are being determined. The necessity of developing scientific and practical recommendations for optimizing evaluation processes is substantiated.

Keywords: verification and evaluation activities, preliminary investigation, evaluation of evidence, internal conviction, reliability of evidence, relevance of evidence, admissibility of evidence, forensic methodology, cognitive errors, digital evidence.

Современная уголовно-процессуальная система России возлагает на лиц, осуществляющих предварительное расследование, ответственность за сбор, проверку и оценку доказательств, составляющих основу принимаемых процессуальных решений. Проверочно-оценочная деятельность представляет собой комплексный феномен, интегрирующий нормы уголовно-процессуального права, криминалистические рекомендации и психологические закономерности познавательной деятельности. Актуальность исследования криминалистических аспектов этой деятельности обусловлена необходимостью повышения эффективности предварительного расследования в условиях роста сложности и латентности преступности.

Проверочно-оценочная деятельность в криминалистическом понимании представляет собой сложный, многоуровневый процесс, включающий взаимосвязанные элементы познавательного, удостоверительного и организационно-управленческого характера. Содержание этой деятельности раскрывается через единство трех основных компонентов: гносеологического (познавательного), аксиологического (ценностного) и праксиологического (деятельностного) [1, с. 43].

С методологической точки зрения, проверочно-оценочная деятельность базируется на диалектическом подходе, позволяющем исследовать доказательства в их развитии и взаимосвязи. Криминалистический аспект этой деятельности проявляется в использовании специальных знаний, методов и средств для установления соответствия доказательств критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Структурно проверочно-оценочная деятельность включает следующие элементы:

1. Субъект оценки – следователь, дознаватель, обладающие необходимой процессуальной самостоятельностью и профессиональной компетенцией;
2. Объект оценки – доказательства и их совокупность, подлежащие проверке и оценке;
3. Критерии оценки – система требований, установленных уголовно-процессуальным законом и сформулированных в судебной практике;
4. Процедура оценки – последовательность мыслительных и процессуальных операций, направленных на формирование вывода о доказательственном значении информации;
5. Результат оценки – внутреннее убеждение следователя о качестве и достаточности доказательств для принятия процессуального решения.

Криминалистический подход к оценке доказательств предполагает использование системы критериев, позволяющих определить их доказательственную ценность и место в системе установления обстоятельств преступления [2, с. 86]. Традиционно в уголовном процессе выделяются четыре основных критерия оценки доказательств: относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Однако криминалистическая наука расширяет и детализирует эту систему, вводя дополнительные оценочные параметры.

Относимость доказательства с криминалистической точки зрения означает не только его связь с предметом доказывания, но и потенциальную способность устанавливать промежуточные факты, имеющие значение для построения и проверки следственных версий. Криминалистический аспект относимости проявляется в определении доказательственной роли информации в реконструкции механизма преступления.

Допустимость доказательства в криминалистическом понимании включает не только соблюдение процедуры его получения, но и соответствие технических средств и методов, использованных при его фиксации, современным научно-техническим требованиям. Особое значение приобретает оценка профессиональной компетенции специалистов, участвовавших в получении доказательства.

Достоверность доказательства оценивается через призму его внутренней и внешней согласованности. Криминалистический подход предполагает использование специальных методик выявления противоречий в показаниях, определения соответствия вещественных доказательств обстановке места происшествия, установления причин возможной добросовестной заблуждаемости допрашиваемых лиц.

Достаточность доказательств в криминалистической интерпретации означает не только их количественную характеристику, но и качественную завершенность системы доказательств, позволяющую однозначно установить все элементы состава преступления и идентифицировать виновное лицо.

Процесс оценки доказательств представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, подверженную влиянию психологических факторов и когнитивных искажений. Понимание этих механизмов имеет важное криминалистиче-

ское значение для повышения объективности и эффективности проверочно-оценочной деятельности.

Ключевым психологическим механизмом оценочной деятельности является формирование внутреннего убеждения – особого психического состояния следователя, характеризующегося уверенностью в достоверности своих выводов на основе совокупности исследованных доказательств. Формирование внутреннего убеждения проходит несколько стадий: восприятие доказательственной информации, ее анализ и синтез, выдвижение версий, их проверка и, наконец, формирование итогового вывода.

Среди наиболее распространенных когнитивных ошибок, влияющих на оценку доказательств, выделяют: 1. Эффект первичности – тенденция придавать большее значение информации, полученной на начальном этапе расследования, что может привести к преждевременному формированию вывода и игнорированию последующих противоречащих доказательств; 2. Подтверждающая предвзятость – склонность искать, интерпретировать и запоминать информацию, подтверждающую первоначальную гипотезу, при одновременном игнорировании опровергающих фактов; 3. Эффект ореола – влияние общего впечатления о личности обвиняемого или потерпевшего на оценку конкретных доказательств, связанных с ним; 4. Переоценка прямых доказательств – тенденция придавать большее значение прямым доказательствам (например, показаниям свидетелей) по сравнению с косвенными, даже когда последние имеют более высокую доказательственную силу; 5. Профессиональная деформация – влияние стереотипов и шаблонов, сложившихся в следственной практике, на оценку нестандартных ситуаций и доказательств.

Криминалистическими средствами минимизации когнитивных ошибок являются: использование методик децентрации (рассмотрение доказательств с разных точек зрения), применение алгоритмов проверки доказательств на противоречивость, ведение дневника следователя для фиксации хода мыслей, коллегиальное обсуждение сложных ситуаций [3, с. 19].

Цифровая трансформация общества обусловила появление новых видов доказательств, оценка которых требует специальных криминалистических знаний и навыков. Цифровые доказательства – это информация, полученная из электронных источников, которая имеет значение для установления обстоятельств уголовного дела. К ним относятся данные из компьютеров, мобильных устройств, систем видеонаблюдения, социальных сетей, облачных хранилищ и других цифровых источников.

Криминалистические проблемы оценки цифровых доказательств включают:

1. Установление допустимости – определение правомерности изъятия и исследования электронных носителей, соответствия применяемых методов и программных средств законодательным требованиям;
2. Обеспечение целостности – проверка неизменности цифровой информации с момента ее изъятия до представления в суд, что требует использования специальных криптографических методов фиксации;
3. Определение аутентичности – установление подлинности цифровых данных, отсутствия их фальсификации или модификации;

4. Интерпретация содержания – правильное понимание смысла и контекста цифровой информации, которая может быть закодирована, фрагментирована или представлена в специфическом формате;

5. Оценка источника – установление принадлежности цифровых данных конкретному лицу или устройству, что особенно сложно в условиях анонимности сети Интернет.

Для решения этих проблем криминалистика разрабатывает специальные методики оценки цифровых доказательств, включающие использование программно-аппаратных комплексов, привлечение специалистов в области компьютерной криминалистики, применение стандартов обеспечения целостности цифровой информации.

Проверочно-оценочная деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование, представляет собой сложный, многогранный процесс, имеющий фундаментальное значение для обеспечения законности и обоснованности принимаемых процессуальных решений. Криминалистические аспекты этой деятельности охватывают широкий спектр проблем – от методологических основ оценки доказательств до практических вопросов преодоления когнитивных ошибок и работы с цифровыми доказательствами.

Современное развитие проверочно-оценочной деятельности характеризуется возрастанием роли специальных знаний и технологий, необходимостью адаптации традиционных криминалистических подходов к новым реалиям цифровой эпохи [4, с. 21]. Эффективность этой деятельности напрямую зависит от профессиональной компетенции следователей, уровня развития их криминалистического мышления, способности к критической оценке информации.

Перспективы совершенствования проверочно-оценочной деятельности связаны с внедрением алгоритмических решений, развитием экспертных систем, использованием технологий визуализации доказательств, разработкой специализированного программного обеспечения. Не менее важным является совершенствование системы профессиональной подготовки следователей, ориентированной на развитие критического мышления и освоение современных криминалистических методик.

Дальнейшие научные исследования в области криминалистических аспектов проверочно-оценочной деятельности должны быть направлены на разработку интегрированных подходов, сочетающих достижения уголовного процесса, криминалистики, психологии и информационных технологий. Это позволит создать комплексную систему обеспечения качества проверочно-оценочной деятельности, отвечающую вызовам современной преступности и соответствующим требованиям справедливого правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиняков, О. Е. Критерии невменяемости лица, совершившего преступление / О. Е. Чиняков, В. В. Данилов // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – № 3(22). – С. 39–48.
2. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 4А. – С. 82–90.

3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики: автореф. дис.. канд. юрид. н./В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.

4. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс. – Саранск : Афанасьев В. С., 2024.

УДК 343.9

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИИ РАБОТЫ
С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПОТЕРПЕВШИМИ И СВИДЕТЕЛЯМИ
В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Сафронов Сергей Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vdanilov@ruc.su; st808087@ruc.su

**ORGANIZATIONAL MECHANISMS AND STRATEGIES FOR WORKING
WITH MINOR VICTIMS AND WITNESSES WITHIN THE FRAMEWORK
OF PRE-TRIAL INVESTIGATION**

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Safronov Sergey Mikhailovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

На этапе предварительного расследования – будь то дознание или следствие – организационные и тактические аспекты вовлечения несовершеннолетних потерпевших и свидетелей раскрываются более детально, чем на стадии доследственной проверки. Именно здесь они официально приобретают процессуальный статус, наделяющий их чёткими правами, обязанностями и юридическими гарантиями, включая доступ к средствам защиты, предусмотренным как законодательством, так и криминалистическими методиками. В рамках анализа организационно-тактических механизмов целесообразно сосредоточиться на правах несовершеннолетних потерпевших. Их правовой статус отличается большей полнотой и нормативной проработанностью по сравнению с правами несовершеннолетних свидетелей. Более того, многие из этих прав могут обеспечиваться не только нормами закона, но и инструментами криминалистики – например, через применение специальных тактик допроса, привлечение психологов или использование видеозаписи для минимизации вторичной травматизации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, потерпевший, преступление, предварительное расследование, свидетель, следственные действия.

At the stage of preliminary investigation – whether inquiry or investigation – the organizational and tactical aspects of involving minor victims and witnesses are disclosed in more detail than at the stage of pre-investigation check. It is here that they officially acquire procedural status, which grants them clear rights, obligations and legal guarantees, including access to remedies provided by both legislation and forensic methods. As part of the analysis of organizational and tactical mechanisms, it is advisable to focus on the rights of minor victims. Their legal status is more comprehensive and normatively developed compared to the rights of minor witnesses. Moreover, many of these rights can be ensured not only by the norms of the law, but also by forensic tools – for example, through the use of special interrogation tactics, the involvement of psychologists or the use of video recording to minimize secondary trauma.

Keywords: minor, victim, crime, preliminary investigation, witness, investigative actions.

Права потерпевшего, включая несовершеннолетнего, базируются на нормах ст. 22 УПК РФ. Центральным среди них является право участвовать в уголовном процессе. Хотя закон формально ограничивает это право участием в уголовном преследовании, его следует интерпретировать шире, поскольку производство по делу не сводится исключительно к карательным мерам в отношении обвиняемого. Например, потерпевший может ходатайствовать о возмещении ущерба, требовать обеспечения безопасности или привлечения специалистов – то есть использовать процессуальные механизмы для защиты и восстановления своих нарушенных прав, а не только для наказания виновного.

Фактически, потерпевший зачастую фокусируется не на судьбе обвиняемого, а на решении собственных проблем: компенсации вреда, психологической реабилитации или предотвращения дальнейших угроз. Это особенно актуально для несовершеннолетних, чьи интересы могут включать дополнительные гарантии – от сопровождения педагога на допросе до ограничения публичности процесса [1, с. 47]. Таким образом, расширительное толкование права на участие позволяет учесть комплексный характер защиты, где уголовное преследование становится лишь одним из инструментов, а не самоцелью.

Анализ прав потерпевшего, закреплённых в ст. 42 УПК РФ, показывает, что их цель не сводится исключительно к уголовному преследованию. Многие из этих прав направлены на защиту личных интересов, что подчёркивает двойственность роли потерпевшего в процессе. Например, право обжаловать действия дознавателя, следователя или прокурора (п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) формально существует в рамках стороны обвинения, где интересы потерпевшего и правоохранительных органов теоретически должны совпадать. Однако на практике это право часто используется для отстаивания частных, а не публичных интересов – например, для оспаривания процессуальных нарушений, затрагивающих личные права потерпевшего. Таким образом, основная функция потерпевшего в уголовном процессе заключается не в поддержании обвинения, а в защите своих уголовно-правовых интересов [2, с. 89]. Это может включать требование компенсации морального вреда, обеспечение безопасности или корректировку действий следствия, которые потерпевший считает несправедливыми. Подобный подход меняет традиционное восприятие роли потерпевшего, смещая акцент с «помощника обвинения» на самостоятельного участника, чьи цели могут лишь частично пересекаться с задачами государства.

Право потерпевшего участвовать в уголовном преследовании (ст. 42 УПК РФ) может быть реализовано не только через процессуальные инструменты, но и с использованием криминалистических методов. Например, согласно п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, потерпевший (включая несовершеннолетнего) после завершения предварительного расследования вправе изучать все материалы дела, копировать их, в том числе с применением технических средств. Это позволяет ему выявлять противоречия, несоответствия или пробелы в работе следствия. Полученная информация может стать основанием для обращения к криминалистическому эксперту или специалисту. Например, несовершеннолетний потерпевший или его законный представитель вправе инициировать оценку качества действий дознавателя, следователя, суда или прокурора с точки зрения научных стандартов и

процессуальных норм. Такой анализ помогает не только усилить позицию потерпевшего, но и повысить объективность расследования – например, выявить нарушения при проведении экспертиз или несоблюдение сроков. Полагаем, что, учитывая неосведомленность несовершеннолетнего потерпевшего в специальных вопросах, касающихся раскрытия и расследования преступлений, право обратиться к специалисту за заключением о качестве проведенных по уголовному делу следственных действий, которые могут быть оценены с точки зрения криминалистической науки, не выходит за рамки предоставленных потерпевшему законом прав. В процессе выполнения задания по оценке деятельности указанных органов специалист может обнаружить допущенные ими в процессе предварительного расследования ошибки, а порой и злоупотребления, высказать компетентные суждения о достоверности имеющихся в уголовном деле сведений, положенных в основу принятых по нему решений, и т. д.

Для несовершеннолетнего потерпевшего право обращения к криминалистическим специалистам имеет двойное значение. Во-первых, это позволяет проверить достоверность информации, полученной в ходе следствия, и оценить обоснованность решений следователя [3, с. 72]. Во-вторых, такая возможность помогает потерпевшему, осознающему риски несправедливого обвинения, инициировать прекращение дела в отношении лица, чья вина не подтверждена. Например, заключение эксперта может выявить, что обвинение основано на недостаточных или ошибочных доказательствах, либо вовсе направлено против невиновного или непричастного лица. Этот механизм особенно важен в условиях роста числа случаев, когда предварительное следствие выдвигает необоснованные обвинения, а суды выносят решения с нарушениями закона.

Среди прав несовершеннолетнего потерпевшего, наиболее важных с точки зрения обеспечения их действенной защиты, в том числе с помощью криминалистических средств и методов, помимо указанного общего права участвовать в уголовном деле существует еще целый комплекс наиболее перспективных для криминалистического реагирования прав. В их числе, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие общие для всех потерпевших права, которые, несомненно, относятся и к несовершеннолетним (ч. 2 ст. 42 УПК РФ): 1) право давать показания (п. 2); 2) знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1); 3) представлять доказательства (п. 4); 4) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по ходатайству самого потерпевшего либо его представителя (п. 9); 5) знакомиться с протоколами следственных действий, производимых с его участием, и подавать на них замечания (п. 10); 6) заявлять ходатайства (п. 5); 7) получать копии основных процессуальных документов, включая итоговые, отражающие ход расследования и движение уголовного дела (п. 13); 8) обжаловать действия (а при необходимости и бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда (п. 18–19); 9) знать о принесенных другими участниками судопроизводства жалобах и представлениях по уголовному делу и подавать на них свои мотивированные возражения (п. 20).

Права несовершеннолетних свидетелей в уголовном процессе, в отличие от потерпевших, законодательно сужены, что обусловлено их ролью. Свидетель

обязан сообщать известные ему сведения о событии преступления, однако это является его обязанностью, а не правом. Исключение закреплено ст. 51 Конституции РФ: несовершеннолетний вправе отказаться от показаний против себя или близких родственников.

Для свидетелей старше 16 лет невыполнение этой обязанности грозит уголовной ответственностью за отказ или ложь. Для лиц младше 16 лет такие санкции законом не предусмотрены – они несут лишь моральную ответственность [4, с. 11]. Однако на практике следователи нередко нарушают эти нормы, незаконно предупреждая несовершеннолетних младше 16 лет об уголовной ответственности и беря с них соответствующие подписки. Подобные действия, хотя и распространены, противоречат закону и ставят под сомнение достоверность показаний.

Участие несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в предварительном расследовании не ограничивается реализацией их процессуальных прав. Важную роль играют также особенности проведения следственных действий, включая их цели, состав участников и применяемые методы. Например, помимо стандартных процедур вроде допросов, очных ставок или опознаний, к ним могут привлекаться при таких сложных действиях, как обыск, следственный эксперимент или экспертиза. Каждое из этих действий требует организационной, технической, тактической и психологической подготовки, особенно при работе с несовершеннолетними.

Однако долгое время криминалистика не уделяла достаточного внимания разработке методов, адаптированных к возрастным и психологическим особенностям несовершеннолетних [5, с. 227]. Например, тактические рекомендации по проведению обыска или экспертиз часто создавались без учёта того, как такие действия влияют на подростковую психику. Это приводит к рискам: неточности в показаниях из-за стресса или непонимания процедур; нарушение прав несовершеннолетних при отсутствии чётких правил взаимодействия; снижение эффективности расследования из-за некорректно собранных доказательств.

Ситуацию усугубляет то, что научные исследования до недавнего времени фокусировались на общих тактиках следственных действий, игнорируя специфику работы с подростками. Например, при допросе ребёнка редко учитываются его эмоциональная лабильность или необходимость присутствия педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиняков, О. Е. Критерии невменяемости лица, совершившего преступление / О. Е. Чиняков, В. В. Данилов // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – № 3(22). – С. 39–48.
2. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 4А. – С. 82–90.
3. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.
4. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики: автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.

5. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2021. – С. 227–231.

УДК 343.9

СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО, СВИДЕТЕЛЯ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Тимошкин Александр Витальевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vdanilov@ruc.su; st808931@ruc.su

THE STRUCTURE OF THE FORENSIC EXAMINATION OF THE IDENTITY OF A MINOR VICTIM, WITNESS

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Timoshkin Alexander Vitalievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля представляет собой сложный, структурированный процесс, имеющий фундаментальное значение для современного уголовного судопроизводства. В работе обоснована необходимость формирования специального учения о личности данной категории участников процесса. Выделены и проанализированы ключевые структурные компоненты криминалистического изучения: теоретико-методологический, информационный, процессуальный и тактический. Особое внимание уделяется криминалистически значимым свойствам личности несовершеннолетнего, источникам получения такой информации и методам ее исследования. Проанализированы организационно-тактические формы участия несовершеннолетних на разных стадиях уголовного процесса. Рассмотрены проблемы установления и поддержания психологического контакта с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями.

Ключевые слова: криминалистическое изучение личности, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель, структура изучения, психологический контакт, следственные действия, тактические приемы, возрастные особенности, криминалистически значимые свойства, уголовное судопроизводство.

The forensic examination of the identity of a minor victim and witness is a complex, structured process of fundamental importance for modern criminal proceedings. The paper substantiates the need for the formation of a special doctrine about the personality of this category of participants in the process. The key structural components of criminalistic study are identified and analyzed: theoretical and methodological, informational, procedural and tactical. Special attention is paid to criminalistically significant personality traits of a minor, sources of obtaining such information and methods of its research. The organizational and tactical forms of participation of minors at different stages of the criminal process are analyzed. The problems of establishing and maintaining psychological contact with minor victims and witnesses are considered.

Keywords: criminalistic personality study, minor victim, minor witness, study structure, psychological contact, investigative actions, tactical techniques, age characteristics, criminalistically significant properties, criminal proceedings.

В современной криминалистической науке особое место занимает исследование личности участников уголовного судопроизводства. Среди них несовершеннолетние потерпевшие и свидетели представляют собой специфическую категорию, требующую специального подхода в силу возрастных особенностей их психического развития, социального положения и восприятия. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей формируется как частная криминалистическая теория, призванная обеспечить эффективность раскрытия и расследования преступлений при безусловной защите прав и законных интересов несовершеннолетних.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что несовершеннолетние, ставшие жертвами преступлений или свидетелями по уголовным делам, в силу своих возрастных характеристик нуждаются в особой защите, поскольку их возможности самостоятельно осуществлять такую защиту существенно ограничены. Международные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, подчеркивают приоритетность защиты прав потерпевших, что в полной мере относится и к несовершеннолетним участникам процесса [1, с. 137].

Целью статьи является комплексный анализ структуры криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, определение ее компонентного состава и системных взаимосвязей. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть сущность и содержание криминалистического учения о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей; определить структурные элементы криминалистического изучения личности; проанализировать методы и средства исследования личности несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего; выявить особенности установления психологического контакта с несовершеннолетними в уголовном процессе.

Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей представляет собой систематизированную совокупность знаний о закономерностях формирования и функционирования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства как источника криминалистически значимой информации, а также о методах и средствах получения и использования этой информации в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Это учение является частной криминалистической теорией, занимающей определенное место в структуре общей теории криминалистики.

Личность несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства рассматривается в данном учении как научная криминалистическая категория, имеющая сложный генезис и многоплановое значение для практики борьбы с преступностью. Изучение этой личности направлено не только на получение доказательственной информации, но и на обеспечение специальных мер защиты, учитывающих возрастные, психофизические и социальные особенности несовершеннолетних.

Центральное место в данном учении занимает понятие «криминалистически значимые свойства личности» несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля

[2, с. 92]. К таким свойствам относятся: возрастные особенности психического развития; индивидуально-психологические характеристики (темперамент, характер, эмоционально-волевая сфера); уровень психического развития и социализации; особенности памяти, внимания, восприятия; морально-нравственные качества; социальный статус и условия воспитания; наличие психических аномалий и заболеваний; предыдущий жизненный опыт, в том числе опыт взаимодействия с правоохранительными органами.

Структура криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля представляет собой сложное системное образование, состоящее из нескольких взаимосвязанных компонентов. Выделяются следующие структурные элементы данного процесса:

1. Теоретико-методологический компонент, включающий философские, общенаучные и частнонаучные основы исследования личности несовершеннолетнего в уголовном процессе. Этот компонент определяет методологические принципы изучения личности: объективности, системности, комплексности, индивидуального подхода, законности и этичности.

2. Информационный компонент, охватывающий источники информации о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а также методы работы с этими источниками. К источникам информации относятся: материалы уголовного дела; документы, характеризующие личность (характеристики из образовательных учреждений, медицинская документация, документы из комиссий по делам несовершеннолетних); результаты следственных действий; информация, полученная от законных представителей, педагогов, психологов, специалистов органов системы профилактики.

3. Процессуальный компонент, определяющий порядок и условия участия несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в различных стадиях уголовного процесса. Этот компонент включает регламентацию их правового статуса, особенностей процедуры допроса и иных следственных действий с их участием, гарантий защиты их прав и законных интересов.

4. Тактико-психологический компонент, содержащий тактические приемы и психологические методы установления контакта с несовершеннолетними, получения от них достоверной информации, нейтрализации неправомерных воздействий на них со стороны заинтересованных лиц.

Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля осуществляется в рамках определенных организационно-тактических форм, которые систематизированы в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. можно выделить следующие организационно-тактические формы:

1. На стадии возбуждения уголовного дела: участие несовершеннолетних в подаче заявления о преступлении, даче объяснений, проведении проверочных действий, осуществлении процедур медиации (где это предусмотрено законодательством). Особое значение на этой стадии имеет обеспечение безопасности несовершеннолетнего и предотвращение воздействия на него со стороны предполагаемого преступника.

2. На стадии предварительного расследования: участие несовершеннолетних в

следственных действиях (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания и др.). Для каждой из этих форм характерны специфические тактические приемы, учитывающие возрастные и индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего.

3. В судебном разбирательстве: участие несовершеннолетних в судебных действиях, дача показаний в суде, участие в судебных прениях (через законных представителей). Особенностью данной стадии является повышенная психологическая нагрузка на несовершеннолетнего, связанная с официальной обстановкой суда, присутствием сторон обвинения и защиты, что требует специальных мер по созданию благоприятной психологической атмосферы.

Каждая из этих организационно-тактических форм требует учета криминалистически значимых свойств личности несовершеннолетнего, что позволяет оптимизировать его участие в уголовном процессе и повысить эффективность получения от него информации.

Одной из центральных проблем криминалистического изучения личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей является установление и поддержание психологического контакта. Психологический контакт понимается как создание оптимального психологического состояния взаимодействия, характеризующегося обоюдной готовностью сторон к общению, доверительностью, взаимопониманием и совместными усилиями для достижения общей цели [3, с. 429].

Особенности психологического контакта с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими определяются их возрастными характеристиками:

1. Для дошкольного и младшего школьного возраста характерны высокая внушаемость, склонность к фантазированию, зависимость от взрослых, недостаточное развитие критического мышления, непосредственность восприятия и выражение эмоций.

2. Для подросткового возраста свойственны стремление к самоутверждению, повышенная эмоциональность, неустойчивость поведения, критическое отношение к взрослым при одновременной зависимости от мнения сверстников, формирование собственной системы ценностей.

3. Для старшего подросткового возраста характерны более зрелые формы мышления, стабилизация эмоциональной сферы, формирование жизненных планов, однако возможно проявление негативизма и сопротивления авторитетам.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что структура криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля представляет собой сложное, многокомпонентное образование, включающее теоретико-методологический, информационный, процессуальный и тактико-психологический элементы. Каждый из этих элементов выполняет специфическую функцию в целостном процессе изучения личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

Эффективность криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля напрямую зависит от учета возрастных и индивидуально-психологических особенностей, которые определяют специфику их

поведения в уголовном процессе, особенности восприятия, запоминания и воспроизведения информации, восприимчивость к внешнему влиянию и психологическому давлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова Т. В, Асанова И. П., Данилов В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 1-1. – С.1 34–145.
2. Уголовное право: общая и особенная части: учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, И. Ю. Янина, В. В. Данилов; Российский университет кооперации. – Саранск : Принт-ИЗДАТ, 2018. – 208 с.
3. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений : материалы Национальной научно-практической конференции. – Саранск, 2023. – С. 428–432.

УДК 343.9

ЛИЧНОСТЬ КОНТРАБАНДИСТА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПЕРЕВОЗКУ НАРКОТИКОВ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Сергомасова Яна Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vdanilov@ruc.su; st808928@ruc.su

THE IDENTITY OF A DRUG SMUGGLER WHO TRANSPORTS DRUGS BY AIR

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Sergomasova Yana Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится криминологический анализ личности контрабандиста, осуществляющего перевозку наркотических средств воздушным транспортом. Рассматриваются ключевые социально-демографические и психологические черты данного типа правонарушителей. Выявляются основные мотивы и способы вовлечения людей в противоправную деятельность. Особое внимание уделяется специфике поведения и стратегиям маскировки, применяемым в условиях аэропортового контроля. На основе проведенного анализа формулируются рекомендации, направленные на совершенствование профилирования и выявления подобных преступников.

Ключевые слова: контрабанда наркотиков, воздушный транспорт, личность преступника, криминологическое профилирование, «наркокурьер», мотивация, способы сокрытия, авиационная безопасность.

The article provides a criminological analysis of the identity of a smuggler who transports narcotic drugs by air. The key socio-demographic and psychological features of this type of offenders are considered. The main motives and ways of involving people in illegal activities are revealed. Special attention is paid to the specifics of behavior and concealment strategies used in airport control conditions. Based on the analysis, recommendations are formulated aimed at improving the profiling and identification of such criminals.

Keywords: drug smuggling, air transport, criminal identity, criminological profiling, «drug courier», motivation, methods of concealment, aviation security.

Воздушный транспорт, являясь одним из наиболее скоростных и эффективных средств сообщения, одновременно представляет собой канал повышенного риска для транснациональной преступной деятельности. Контрабанда наркотических средств и психотропных веществ посредством авиаперевозок остается одной из наиболее острых проблем для правоохранительных органов и служб безопасности по всему миру. Высокая мобильность, интенсивность пассажиропотоков и сложность логистических цепочек создают благоприятные условия для попыток нелегального провоза запрещенных веществ.

Борьба с данным видом преступлений не может ограничиваться лишь техническими средствами контроля и ужесточением законодательства. Важнейшим элементом эффективного противодействия является глубокое понимание фигуры самого нарушителя. Криминологический анализ личности контрабандиста, специализирующегося на перевозке наркотиков воздушным транспортом, позволяет выявить не только типичные характеристики, но и модели поведения, мотивационные механизмы и уязвимые места в его противоправной деятельности [1, с. 43]. Такой подход способствует переходу от случайного выявления к целенаправленному и системному прогнозированию и пресечению преступлений.

Целью данной статьи является комплексное исследование личности контрабандиста-наркоперевозчика, действующего в сфере воздушных сообщений. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить социально-демографический портрет, проанализировать психологические особенности, классифицировать основные типы мотивации, изучить распространенные способы сокрытия наркотиков и стратегии поведения в аэропорту, а также сформулировать практические выводы для правоохранительной практики.

Личность контрабандиста, использующего воздушный транспорт, отличается значительной гетерогенностью, что осложняет его идентификацию. Тем не менее, анализ следственной и судебной практики позволяет выделить ряд устойчивых социально-демографических характеристик. Типичный наркокурьер часто относится к возрастной категории от 18 до 35 лет. Это объясняется как физической выносливостью, необходимой для перенесения стресса и потенциально опасных способов транспортировки, так и определенной социальной незрелостью, легкомыслием и склонностью к риску.

В гендерном соотношении наблюдается паритет, однако отмечаются некоторые особенности: женщины часто используются организаторами в расчете на менее пристальное внимание со стороны служб безопасности, а также в силу большей исполнительности и меньшей склонности к паникерству в критической ситуации. Мужчины же чаще вовлекаются в роли, требующие большей физической подготовки или организации на месте.

С точки зрения социального статуса и образования, спектр весьма широк: от безработных и лиц с низким уровнем дохода и образования до студентов и даже представителей среднего класса, оказавшихся в сложной финансовой ситуации.

Объединяющим фактором часто является наличие острой потребности в денежных средствах. В отличие от организованных преступников высшего звена, непосредственный перевозчик редко обладает глубокими познаниями в криминальной сфере, что делает его уязвимым звеном в цепочке.

Условно всех контрабандистов-наркоперевозчиков на воздушном транспорте можно разделить на несколько типов: «жертвы обстоятельств» (вынужденные перевозчики). Данная категория лиц вовлекается в преступление под воздействием шантажа, угроз жизни и здоровью себе или своим близким, либо в силу крайней материальной нужды. Их мотивация носит, в первую очередь, защитный характер» «искатели легкой наживы» (корыстные перевозчики). Этот тип движим желанием быстро и без значительных усилий получить крупное денежное вознаграждение. Они осознанно идут на риск, часто недооценивая возможные последствия. Сюда же можно отнести лиц, желающих таким образом покрыть долги или финансировать дорогостоящий образ жизни; «обманутые» (недискриминационные перевозчики). Значительный пласт составляют лица, которые изначально не знали о характере перевозимого груза. Им могут предложить перевезти «подарок», «сувениры», «образцы косметики» или «документы» за вознаграждение. Часто в эту категорию попадают туристы, студенты, работающие за границей, то есть люди, имеющие легальные причины для поездок; «профессионалы» (организованные перевозчики). Наименее многочисленная, но наиболее опасная категория. Это лица, которые работают напрямую на преступные группировки, обладают специальной подготовкой, используют изощренные методы конспирации и сокрытия. Их социальный портрет может быть самым разным, а поведение в аэропорту практически неотличимо от поведения добропорядочного пассажира.

Психологический портрет наркокурьера является многогранным и зачастую противоречивым. Несмотря на разнообразие типов, можно выделить ряд общих психологических черт [2, с. 86].

Когнитивная сфера: для многих перевозчиков, особенно из категории «искателей легкой наживы», характерны ошибки в оценке рисков. Срабатывает когнитивное искажение, известное как «оптимистический уклон» – вера в то, что неудача постигнет кого угодно, но только не их. Они склонны переоценивать свои способности к маскировке и недооценивать эффективность работы таможенных и правоохранительных органов. У «жертв обстоятельств» и «обманутых» преобладает высокая степень тревожности, которая, однако, может подавляться под воздействием страха или надежды на разрешение своих проблем.

Эмоционально-волевая сфера: эмоциональное состояние контрабандиста в момент выполнения «миссии» характеризуется крайним напряжением. Страх разоблачения, чувство вины, паранойя – постоянные спутники. При этом, они вынуждены демонстрировать внешнее спокойствие и уверенность. У «профессионалов» развита эмоциональная холодность и высокий самоконтроль, позволяющий подавлять внешние проявления стресса. Для многих непрофессиональных перевозчиков характерна слабость волевой регуляции, неспособность противостоять внешнему давлению (со стороны вербовщиков) или внутренним искушениям (деньги).

Мотивация является центральным звеном в структуре личности преступника. Доминирующим, безусловно, является корыстный мотив. Однако его природа может различаться: от банальной жажды обогащения до вынужденного поиска средств для лечения близкого человека или спасения от долговой ямы. Вынужденный мотив тесно связан со страхом – страхом физической расправы, разорения, (разоблачения) компрометирующей информации. В некоторых случаях наблюдается идейный мотив или мотив принадлежности, когда человек перевозит наркотики из ложного чувства долга перед «другом» или преступным сообществом, воспринимая это как испытание на прочность.

Важно понимать, что мотивы часто переплетаются. Например, финансовая нужда может усугубляться психологической зависимостью от вербовщика, который создает иллюзию заботы и поддержки, формируя так называемую «связь травмы».

Тактика контрабандистов постоянно эволюционирует, приспосабливаясь к новым технологиям контроля. Все способы сокрытия можно разделить на две крупные категории: сокрытие при личности и сокрытие в багаже.

Сокрытие при личности: проглатывание капсул. Классический и чрезвычайно опасный для здоровья и жизни перевозчика способ. Требует тщательной подготовки и используется преимущественно «профессионалами» или отчаявшимися людьми; сокрытие в естественных полостях тела. Менее подготовленный вариант, когда наркотики в упаковке помещаются в анальную или вагинальную полость; сокрытие в специально сшитой одежде, под париками, в гипсовых повязках, в полостях бытовых предметов (зарядные устройства, банки с напитками). Этот метод требует изобретательности и расчета на то, что досмотр не будет столь тщательным [3, с. 19].

Сокрытие в багаже: в потайных отделениях чемоданов (двойное дно, стенки). Профессионально изготовленные «чемоданы с сюрпризом» являются распространенным инструментом организованных преступных групп; в полостях бытовых предметов: внутри книг, электронной техники, продуктов питания, средств гигиены, сувенирной продукции; импрегнация (пропитка) материалов: наркотики в жидком или порошкообразном виде могут быть впитаны в ткани, ковры, бумагу с последующей экстракцией в пункте назначения.

Поведенческие стратегии в аэропорту направлены на минимизацию внимания со стороны служб безопасности. Контрабандист стремится выглядеть «типичным пассажиром». Однако стрессовое состояние часто выдает его через невербальные сигналы: избыточная нервозность или, наоборот, неестественная заторможенность; избегание зрительного контакта с сотрудниками служб безопасности; неадекватная реакция на стандартные вопросы («Цель поездки?», «Где остановитесь?»); слишком бедный или, напротив, чрезмерно богатый багаж, не соответствующий заявленной цели поездки; признаки «памяти тела»: непроизвольное ощупывание места, где спрятаны наркотики, скованность в движениях.

«Профессионалы» отрабатывают свое поведение до автоматизма, их маршруты и легенды тщательно прорабатываются, что делает их выявление наиболее сложной задачей [4, с. 21].

Проведенный анализ позволяет заключить, что личность контрабандиста, перевозящего наркотики воздушным транспортом, представляет собой сложный синтез социальной уязвимости, специфических психологических черт и внешнего криминального влияния. Не существует универсального, стопроцентного портрета такого преступника, что требует от сотрудников правоохранительных и таможенных органов гибкого и комплексного подхода.

Выводы: 1. Развитие системы криминологического и поведенческого профилирования. Подготовка сотрудников авиационной безопасности должна включать модули по психологии, изучению невербальных признаков лжи и стресса. Акцент должен делаться не на поиске «преступной внешности», а на выявлении несоответствий в поведении, документах и логистике поездки. 2. Совершенствование информационного обмена. Создание единых баз данных о наиболее распространенных способах сокрытия, маршрутах и методах вербовки курьеров позволит оперативно реагировать на меняющиеся тактики преступников. 3. Проведение целенаправленных профилактических кампаний. Информирование потенциально уязвимых групп населения (студенты, безработные, путешественники) о реальных рисках и последствиях работы «наркокурьером», а также о методах вербовки, используемых преступными группировками. Необходимо разрушать миф о «легких деньгах», наглядно демонстрируя уголовную ответственность и физическую опасность таких действий. 4. Фокус на пресечение деятельности вербовщиков. Поскольку рядовой перевозчик является лишь исполнителем, ключевой задачей должно стать выявление и нейтрализация организаторов, которые создают и поддерживают эти преступные схемы. Это требует проведения оперативно-розыскных мероприятий и работы с осведомленной частью общества.

Таким образом, эффективная борьба с контрабандой наркотиков на воздушном транспорте возможна лишь при сочетании технического оснащения, профессиональной подготовки кадров и глубокого понимания человеческого фактора, заключающегося в личности самого нарушителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиняков, О. Е. Критерии невменяемости лица, совершившего преступление / О. Е. Чиняков, В. В. Данилов // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – № 3(22). – С. 39–48.
2. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 4А. – С. 82–90.
3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики: автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
4. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс. – Саранск : Афанасьев В. С., 2024.

УДК 347

**КВАЛИФИКАЦИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В УСЛОВИЯХ СРЕДСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЕДИНОЕ
ПРОДОЛЖАЕМОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ СОВОКУПНОСТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Ежов Артемий Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ezh.ac@ruc.su

**QUALIFICATION OF THE SALE OF NARCOTIC DRUGS
IN THE CONTEXT OF RAPID DIGITALIZATION:
A SINGLE ONGOING CRIME OR A SET OF CRIMES**

Yezhov Artemy Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена квалификации сбыта наркотических средств в условиях цифровизации нелегального рынка. Рассматривается проблематика между квалификацией деяния как единого продолжаемого преступления и совокупности эпизодов преступлений применительно к «закладочной» схеме и актуальному для настоящего времени даркнет-ритейлу.

На основе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ № 14 и Обзора судебной практики от 26.06.2024 г. обосновывается преобладающий подход к разделению эпизодов по числу адресатов, что обусловлено рефрагментацией наркорынков, ростом эпизодов преступлением с использованием ИКТ и групповых форм, а также с увеличением «внутреннего» наркопроизводства и стратегическими ориентирами антинаркотической политики до 2030 г.

Ключевые слова: сбыт наркотических средств, продолжаемое преступление, совокупность преступлений, «закладки», даркнет, цифровые доказательства, Пленум ВС РФ № 1, Обзор судебной практики, Стратегия до 2030 г., Hydra.

The article is devoted to the qualification of the sale of narcotic drugs in the context of the digitalization of the illegal market. The article considers the problem between the qualification of an act as a single ongoing crime and a set of episodes of crimes in relation to the "bookmark" scheme and the currently relevant darknet retail.

Based on the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 and the Review of Judicial Practice dated 06/26/2024, the prevailing approach to dividing episodes by the number of addressees is substantiated, which is due to the refragmentation of drug markets, the growth of episodes of crime using ICT and group forms, as well as with an increase in «internal» drug production and strategic guidelines for anti-drug policy until 2030.

Keywords: sale of narcotic drugs, ongoing crime, set of crimes, "bookmarks", darknet, digital evidence, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1, Review of practice 06/26/2024, Strategy until 2030, Hydra.

Современная модель сбыта наркотических средств в российских и транснациональных масштабах радикально изменилась. Коренным образом не нее повлияла цифровизация криминальной инфраструктуры, распределение ролей и обезличенная логистика вывели на первый план дистанционные способы реализации, опирающиеся на даркнет-маркетплейсы, зашифрованные мессенджеры и криптовалютные расчёты.

В результате зафиксирован не столько рост единичных эпизодов, сколько нарастание организованности преступности с высокой латентностью. Так, по

итогах мониторинга наркоситуации за 2023 год удельный вес преступлений, связанных именно со сбытом наркотиков, достиг 66,1 % из 190,9 тыс. зарегистрированных деяний. При всем этом количество наркопреступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выросло на 25,7 % (103,9 тыс. против 82,7 тыс. в 2022 г.), что подтверждает системный сдвиг в сторону сетевых форм преступной деятельности.

Закрытие в апреле 2022 года крупнейшего русскоязычного даркнет-рынка Hydra усилиями правоохранительных органов Германии и США стало важной вехой, однако не привело ко всему коллапсу теневого рынка. Тем самым в результате данного факта произошла его рефрагментация и перераспределение потоков на конкурирующие площадки, сохранившие схожий бесконтактный формат и финансовые сервисы по легализации доходов.

По данным немецкого ВКА и Министерства юстиции США, вместе с инфраструктурой Hydra были изъяты криптоактивы, а масштаб операций измерялся миллиардами долларов. Тем не менее последующая динамика показала всплеск активности альтернативных рынков, что фиксируют как журналистские, так и аналитические источники, связанные с правоохранительными органами [1,5].

Российский сегмент после «эффекта Hydra» характеризуется конкуренцией крупных площадок и «кибервойнами» между ними, где маркетинговые и технические практики (DDoS-атаки, агрессивная реклама, интеграция обменных сервисов) становятся частью стратегии завоевания спроса.

На этом фоне проявился феномен «Мориарти» – медиапроекта, позиционируемого как «внешний голос» крупнейших русскоязычных даркнет-игроков и связанного в публикациях зарубежных СМИ с маркетплейсом Mega.

Контент «Мориарти» одновременно выполняет несколько функций. Он легитимирует цифровую архитектуру сбыта как «неизбежную реальность», нормализует язык и практики теневого рынка, транслирует конспирологические и псевдо-образовательные нарративы о том, «как на самом деле устроены» площадки и спецслужбы, а также упаковывает криминальный опыт в формат мотивационного инфотейнмента.

По оценкам журналистских расследований и отраслевых аналитиков, аудитория связанного с «Мориарти» контента измеряется сотнями тысяч подписчиков в мессенджере Telegram и миллионами просмотров и подписчиков на видеохостинге YouTube.

При этом ряд его материалов напрямую эксплуатирует пост-Hydra повестку («кто создал Hydra», «как работает dead-drop» и т.д.), подчеркивая неэффективность государства и предпринимательно-финансовую привлекательность самого криминального наркоритейла.

Такая медиастратегия опасна как с точки зрения криминологической виктимизации (рекрутирование новых исполнителей так называемых кладменов, операторов, посредников), так и с точки зрения размывания этико-правовых границ, когда противоправные схемы подаются как технологическая инновация, естественная эволюция торговли и неизбежная новая реальность.

Исследовательские и медиа-сводки отмечают, что «клад»-логистика закрепляется как базовая технология наркоритейла, а русскоязычные рынки (в том числе

Kraken, Mega, BlackSprut и др.) демонстрируют устойчивость спроса и оборотов. Данные наблюдения согласуются с оценками профильных аналитиков о росте доли российских площадок на фоне глобального снижения даркнет-продаж, что указывает на локальную специфику криминального предложения и платежных привычек.

Параллельно усиливается индустриальный контур так называемого внутригосударственного производства. Так, по данным Государственного антинаркотического комитета (далее по тексту ГАК), в 2023 году из незаконного оборота изъято 35,9 т наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ (+27,2 % к 2022 г.), 41,2 т прекурсоров (+174,4 %) а также была пресечена деятельность более 200 нарколабораторий, сконцентрированных преимущественно в Московском регионе, Санкт-Петербурге, Ленинградской и Челябинской областях, а также вблизи крупных транспортно-логистических узлов.

При этом число расследованных наркопреступлений, совершённых в групповых формах, выросло на 55,2 % за год, что свидетельствует об институционализации ролей и устойчивости сетевых структур [2, 4].

На уровне государственной политики эти тренды отражены в Стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года, которая исходит из необходимости консолидации ресурсов правоохранительных органов, здравоохранения и профилактики с учётом транснационального и цифрового характера незаконного оборота [3, 1].

Сдвиг к синтетическим веществам и «распределённым» способам сбыта требует, согласно доктринальным и нормативным ориентирам, одновременного усиления оперативно-розыскного сопровождения цифровых эпизодов, обновления процессуальных стандартов работы с электронными доказательствами и развития мер, направленных на снижение спроса (лечение, реабилитация, адресная профилактика).

Международный контекст только должен усиливать национальную повестку. По данным ЮНП ООН (World Drug Report 2024), продолжается расширение рынков кокаина и синтетических стимуляторов, а также диверсификация новых психоактивных веществ, что влечёт усложнение трансграничных потоков, логистики и финансовых схем.

Для российского сектора это означает перманентное давление внешнего предложения, подпитывающее внутренние каналы сбыта и адаптирующееся к ограничениям, включая санкционные барьеры и усиление контроля над международными отправлениями.

Криминальная архитектура сбыта в цифровой среде порождает и методические вызовы для правоприменения.

Тем самым происходит размазывание объективной стороны между юрисдикциями: коммуникации, реклама, оплата и физическая передача предмета преступления оказываются разделёнными в пространстве и времени, что ставит вопросы о пределах уголовной юрисдикции, стандартах трансграничного обмена данными и допустимости электронных доказательств.

Факт доминирования «бесконтактных» моделей («dead-drop») усложняет фикс-

сацию момента окончания преступления и требует особого внимания, направленного на сохранение цифровых следов, посредством которых могут быть получены допустимые доказательства в уголовном процессе и, следовательно, установлен и доказан умысел преступников на сбыт, что требует технической фиксации от логов и метаданных до паттернов платёжных транзакций и сетевых идентификаторов.

Многоэпизодность данных деяний с распределением функций («администраторы», операторы витрин, «цифровые курьеры», «обменники») усиливают значимость доктринальных критериев разграничения ролей в институте соучастия и повышают доказательственную ценность компьютерно-технических экспертиз.

Закрепившийся в правоприменении «сетевой» формат незаконного сбыта наркотиков обострил старую дискуссию о его квалификации. Возникает закономерный вопрос стоит ли рассматривать типичные для даркнет-ритейла серии «закладок» как единое продолжаемое деяние либо как совокупность отдельных преступлений [4, 6].

Отправной точкой для решения данного вопроса является позиция Пленума Верховного Суда РФ (далее по тексту ПП ВС РФ), согласно которой под сбытом понимается любая незаконная передача либо создание реальной возможности её совершения (в том числе через сообщение координат тайника, «закладку», передачу инъекцией и др.) [5, 2]. Такая широта охвата деяния закрепляет конструкцию сбыта как действия, завершённого уже на стадии предоставления приобретателю доступа к предмету, а не только при фактическом изъятии вещества адресатом.

Критерии продолжаемого преступления традиционно выводятся из единства умысла, предмета и способа, а также его близости во времени. Множественные однородные эпизоды рассматриваются как части одного деяния, если они заранее охвачены общей волей и служат достижению единой цели. Данная доктрина подробно разъясняется как в юридической практике, так и в теоретических учебно-практических материалах, где подчёркивается, что «разбивка» на эпизоды допустима лишь при отсутствии единого умысла, смене объекта посягательства либо адресата.

Такая современная реальность как распределённые партии, фасовка на малые дозы, рассылка координат неопределённому кругу покупателей радикально изменяет фактическую картину, и Верховный Суд в Обзоре судебной практики от 26 июня 2024 г. сформулировал ключевую для квалификации презумпцию: «действия, направленные на сбыт нескольким потенциальным приобретателям и выражающиеся в размещении расфасованных доз в разных тайниках, оцениваются применительно к каждой «закладке» как отдельное преступление с самостоятельным конкретизированным умыслом» [6, 3].

В целом же такая модель образует совокупность преступлений по ст. 228.1 УК РФ. Такая правовая позиция смещает акцент с «единства партии» на множественность адресатов и фактическое дробление реализации на самостоятельные акты возможности передачи наркотических средств.

Практика отражает напряжение между классическими критериями продолжа-

емости и цифровой механикой сбыта. Так, по ряду дел следствие квалифицировало каждую «закладку» и даже обнаруженные у посредника неразмещённые свёртки как отдельные эпизоды покушения, тогда как защита добивалась признания единого продолжаемого деяния, ссылаясь на один источник приобретения, короткий промежуток времени и идентичный способ.

В отдельных случаях кассационные инстанции принимали аргументацию защиты и ограничивались одной квалификацией по совокупности квалифицирующих признаков (крупный размер, группа, ИКТ), однако общим трендом после того, как был опубликован Обзор судебной практики за 2024 г. Является движение к разделению эпизодов при классической модели сбыта наркотических средств разным покупателям.

С правовой точки зрения данная логика является понятной и исходит она из того, что при даркнет-ритейле вред причиняется не единому адресату, а множеству независимых получателей, что разрушает саму суть «единой цели» в смысле доктрины продолжаемости. Поскольку каждая «закладка» обслуживает самостоятельную сделку с индивидуальным рискованым исходом.

Стадия окончания сбыта (предоставление реальной возможности получения) наступает по каждой закладке независимо и автономно друг от друга, а потому и покушение на сбыт (размещение, фотографирование координат, передача их посреднику) формируется отдельно в отношении каждой будущей передачи.

При этом сам по себе факт использование ИКТ и анонимной логистики не агрегирует эпизоды, а, напротив, размывает их во времени и по адресатам, непосредственно свидетельствуя о множественности объектов посягательства в виде здоровья каждого конкретного приобретателя.

Такая конструкция прямо вытекает из п. 13 Постановления № 14 и последующего Обзора судебной практики за 2024 г., где подчёркнута самостоятельность эпизодов, направленных на разных получателей.

Таким образом для признания продолжаемого преступления в виде сбыта наркотических средств необходимо соответствие следующим критериям: единый заранее сформированный умысел на реализацию одной партии одному получателю, отсутствие самостоятельной расфасовки наркотических средств на большое количество доз, с отдельной упаковкой для каждой дозы, количество совершение действий в крайне сжатом интервале и при стабильной «доставке» одному адресату.

В противном случае данные деяния должны квалифицироваться как совокупность преступлений, что более точно отражает отдельные акты посягательства и их социальную опасность, что соответствует актуальной судебной практике начиная с 2024 года и разъяснениям, содержащимся в ПП ВС РФ № 14 и Обзоре судебной практики.

Тем самым современная правовая доктрина и практика смещает акцент с формального «единства партии» на материальные признаки множественности самостоятельных сделок и адресатов.

Для цифровой модели «закладок» это обычно означает совокупность преступлений по числу самостоятельных актов предоставления реальной возможности

получения приобретателю, тогда как для отдельных эпизодов возможна квалификация как одного длящегося, продолжаемого преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 (ред. от 29.03.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024 г. // СПС «КонсультантПлюс»
4. Государственный антинаркотический комитет. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году. – Москва, 2024.
5. UNODC. World Drug Report 2024: Key findings and conclusions; Drug market patterns and trends. – Вена : UNODC, 2024.
6. Количество «закладок» определяет масштабность преступления // РАПСИ

УДК 340.12

ПРАВОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Еремкина Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: n.v.ermkina@ruc.su

LAW-MAKING AND LAW ENFORCEMENT AS INTERRELATED FORMS OF IMPLEMENTATION OF PUBLIC AUTHORITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Eremkina Nadezhda Vasilyevna, PhD (Philology), Associate Professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность темы исследования обусловлена постоянным поиском баланса между качеством создаваемых правовых норм и эффективностью их реализации. Проблемы законотворчества, такие как избыточность, противоречивость или низкая исполнимость нормативных актов, немедленно сказываются на правоприменительной практике, порождая правовую неопределенность, коррупционные риски и снижая уровень доверия граждан к государству. И наоборот, сложности и противоречия в применении закона являются важнейшим сигналом для правотворческого органа о необходимости корректировки существующих норм.

Целью данного исследования является комплексный анализ правотворчества и правоприменения как взаимозависимых и взаимообуславливающих форм реализации публичной власти в России, выявление специфики их взаимодействия и проблем в современный период.

Ключевые слова: публичная власть, правотворчество, правоприменение, законодательство, норма права, нормативно-правовой акт, принципы правоприменения.

The relevance of the research topic is determined by the constant search for a balance between the quality of created legal norms and the effectiveness of their implementation. Problems with lawmaking, such as redundancy, inconsistency, or poor enforcement of regulations, immediately impact law enforcement practices, creating legal uncertainty, corruption risks, and reducing citizens' trust in the

state. Conversely, difficulties and contradictions in the application of the law are a crucial signal to the law-making body about the need to adjust existing norms.

The purpose of this study is a comprehensive analysis of lawmaking and law enforcement as interdependent and mutually conditioning forms of implementation of public authority in Russia, identifying the specifics of their interaction and problems in the modern period.

Keywords: public authority, lawmaking, law enforcement, legislation, legal norm, normative legal act, principles of law enforcement.

Публичная власть, будучи атрибутом государства, для реализации своих целей и функций нуждается в эффективных и легитимных механизмах. В современном правовом государстве, каковым провозглашена Российская Федерация (ст. 1 Конституции РФ), такими ключевыми механизмами выступают правотворчество и правоприменение. Эти две формы государственной деятельности не просто существуют, а находятся в состоянии неразрывной диалектической связи, образуя жизненный цикл права: от его зарождения в виде идеи или социальной потребности до его конкретной реализации в отношении отдельных субъектов и ситуаций.

Правотворчество – это особый вид деятельности уполномоченных органов государственной власти, а в предусмотренных законом случаях – и народа (референдум), направленный на создание, изменение или отмену правовых норм. Это первичная форма, ибо именно в ее рамках публичная власть облекает свою волю в общеобязательные, формально-определенные правила поведения [1].

Основными признаками правотворчества в РФ являются следующие:

- во-первых, волевой характер. Правотворчество есть выражение государственной воли, которая, в идеале, должна аккумулировать и согласовывать интересы различных социальных групп. В конечном счете, эта воля получает властно-обязательную силу.

- во-вторых, формальная определенность. Процесс и результаты правотворчества строго регламентированы. Принятый акт должен обладать установленной формой (закон, указ, постановление) и соответствовать процедурным требованиям.

- в-третьих, иерархичность. Система правовых актов в России строится на строгой иерархии (правовая пирамида), где Конституция РФ обладает высшей юридической силой, за ней следуют федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные акты и т.д. Это обеспечивает системность права.

- в-четвертых, процессуальность. Правотворчество представляет собой не единовременный акт, а сложный, состоящий из ряда стадий процесс: законодательная инициатива, обсуждение проекта, принятие, подписание и официальное опубликование.

Конституция РФ закрепляет разветвленную систему субъектов правотворчества, что отражает федеративный и демократический характер российского государства.

1. Народ Российской Федерации. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ст. 3 Конституции РФ). На федеральном уровне может проводиться всероссийский референдум, ре-

шения которого обладают высшей юридической силой и не нуждаются в дополнительном утверждении.

2. Федеральное Собрание РФ является представительным и законодательным органом (ст. 94 Конституции РФ). Его прерогатива – принятие федеральных законов и федеральных конституционных законов. Государственная Дума рассматривает и принимает законы, а Совет Федерации их одобряет (за исключением узкой категории законов, где его одобрение не требуется).

3. Президент РФ. Будучи главой государства, Президент РФ наделен правом законодательной инициативы, подписания и обнародования федеральных законов. Кроме того, он издает собственные нормативные правовые акты – указы и распоряжения, которые обязательны для исполнения на всей территории РФ и не должны противоречить Конституции и федеральным законам.

4. Правительство РФ. На основании и во исполнение Конституции, федеральных законов, нормативных указов Президента Правительство РФ издает постановления и распоряжения, обеспечивая их исполнение.

5. Федеральные органы исполнительной власти (министерства, службы, агентства) издают нормативные приказы и инструкции в пределах своей компетенции.

6. Органы государственной власти субъектов РФ. В соответствии с принципом разграничения предметов ведения (ст. 71–73 Конституции РФ), субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие конституций (уставов) и законов.

7. Органы местного самоуправления. Не входя в систему органов государственной власти, они принимают муниципальные правовые акты по вопросам местного значения, что также является формой реализации публичной власти [2].

Такая многосубъектность создает сложную ткань правового регулирования, где ключевой задачей является обеспечение единства правового пространства.

Если правотворчество «создает» право, то правоприменение «вдыхает в него жизнь». Правоприменение – это властная, организующая деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по реализации правовых норм в отношении конкретных жизненных обстоятельств и персонально-определенных лиц, результатом которой является вынесение индивидуально-конкретного правового акта (приговора, решения, постановления).

Специфическими чертами правоприменения можно назвать следующие:

- во-первых, государственно-властный характер, т.е. процесс правоприменения осуществляется от имени государства и обеспечивается его принудительной силой.

- во-вторых, индивидуализированность, т.е. правоприменение направлено на регламентацию поведения конкретных субъектов в конкретной ситуации.

- в-третьих, процессуальная регламентированность, т.е. деятельность по применению права строго регламентирована процессуальными нормами (гражданско-процессуальными, уголовно-процессуальными и т.д.), что призвано гарантировать законность и обоснованность принимаемых решений.

- в-четвертых, креативный (творческий) характер, т.е. правоприменитель не

просто механически подводит факты под норму закона. Он зачастую осуществляет толкование нормы, восполняет пробелы, преодолевает коллизии, что требует высокой квалификации и правосознания.

Основными субъектами правоприменения в РФ являются суды, органы прокуратуры, следственные органы, органы внутренних дел, налоговые и таможенные службы и многие другие государственные структуры.

Правоприменительный процесс, как правило, включает следующие стадии:

1. Установление фактических обстоятельств дела. Сбор и анализ доказательств, позволяющих восстановить картину события.

2. Выбор и анализ правовой нормы (правовая квалификация). Определение отрасли права, института и конкретной нормы, под которую подпадают установленные факты. На этой стадии решающее значение имеет толкование права.

3. Принятие решения. Вынесение властного, индивидуально-конкретного акта (решения суда, постановления следователя, приказа руководителя).

4. Исполнение принятого решения. Реальная реализация предписаний правоприменительного акта.

Взаимосвязь между правотворчеством и правоприменением носит не линейный, а циклический и диалектический характер. Их можно рассматривать как две стороны одной медали – реализации публичной власти.

Правотворчество задает рамки и содержание правоприменительной деятельности. Качество правовой нормы непосредственно определяет эффективность ее применения. Чем точнее, полнее и системнее сформулирована норма, тем меньше свободы усмотрения у правоприменителя и тем выше единообразие практики. Например, четко прописанный в Уголовном кодексе РФ состав преступления минимизирует риски произвольного привлечения к ответственности [3].

Именно правотворческий акт определяет, какой орган, в каком порядке и какие меры может применять. Федеральный закон «О полиции» детально регламентирует права и обязанности сотрудников полиции.

Правотворчество создает процессуальные кодексы (ГПК РФ, УПК РФ), которые являются «инструкцией» для правоприменителя, гарантирующей соблюдение прав граждан.

Однако если норма сформулирована расплывчато, содержит внутренние противоречия или пробелы, это неминуемо порождает проблемы в правоприменении: судебные споры, злоупотребления со стороны чиновников, правовой нигилизм.

Правоприменительная практика в свою очередь выступает в роли «лакмусовой бумажки» для проверки качества созданных норм и источником информации для их совершенствования.

Во-первых, происходит выявление пробелов и коллизий в законах. В процессе применения закона суды и иные органы сталкиваются с ситуациями, не урегулированными правом, или с противоречиями между нормами. Это является прямым сигналом для законодателя о необходимости внесения изменений.

Во-вторых, происходит формирование правовых позиций высших судов. Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, вырабатывая устойчивые подходы к

толкованию тех или иных норм, фактически выполняют правотворческую функцию. Их постановления и определения обязательны для всех правоприменителей. Более того, правовые позиции КС РФ часто требуют внесения изменений в законодательство. Например, признание той или иной нормы неконституционной делает ее утратившей силу и обязывает законодателя предложить новый регуляторный механизм.

В-третьих, происходит правоприменительный мониторинг. Систематический анализ практики применения того или иного закона позволяет выявить его системные недостатки и внести целенаправленные коррективы. Например, многочисленные изменения в антикоррупционное или миграционное законодательство часто вносятся по итогам обобщения судебной и административной практики.

Таким образом, правоприменение – это не пассивный исполнительский механизм, а активный участник процесса совершенствования права.

Несмотря на конституционное закрепление принципов правового государства, взаимодействие между двумя анализируемыми формами реализации власти в России сталкивается с рядом системных проблем.

Ключевыми проблемами можно выделить следующие.

1. «Законодательная инфляция» и низкое качество законов. Высокая скорость принятия новых законов и поправок, их объем и зачастую низкая техническая проработка приводят к внутренним противоречиям, затрудняющим их применение. Правоприменитель оказывается в ситуации, когда ему приходится разбираться в «лабиринте» нормативных актов.

2. Диспропорция между законодательством и подзаконным регулированием. Нередко ключевые детали регулирования переносятся на уровень подзаконных актов (постановлений Правительства, ведомственных приказов), которые принимаются без должного публичного обсуждения. Это создает риски административного произвола и снижает предсказуемость права.

3. Недостаточный учет правоприменительной практики в законотворческом процессе. Запрос на изменение закона, идущий «снизу», от судей, прокуроров, адвокатов, зачастую долго и сложно проходит путь до законодателя. Механизмы обратной связи, такие как обязательное заключение Верховного Суда на законопроекты, связанные с юстицией, работают, но их недостаточно.

4. Проблема судейского усмотрения и единообразия практики. Неопределенность правовых норм ведет к расширению судейского усмотрения, что, в свою очередь, порождает противоречивую судебную практику по сходным категориям дел, подрывая принцип равенства всех перед законом [4].

В заключении можно сделать вывод, что правотворчество и правоприменение представляют собой две неразрывно связанные и взаимозависимые формы реализации публичной власти в Российской Федерации.

Правотворчество, будучи первичным актом волеизъявления государства, создает нормативную основу для всей последующей деятельности. Оно определяет цели, принципы и модели поведения, стремясь упорядочить общественные отношения.

Правоприменение, в свою очередь, является тем механизмом, который пере-

водит абстрактные нормативные предписания в плоскость конкретных правоотношений, обеспечивая реальное действие права и достижение целей, поставленных законодателем. Однако его роль не сводится к пассивному исполнению. Будучи «испытанием» для закона, правоприменительная практика, особенно в лице высших судебных инстанций, выступает мощным источником обратной связи, выявляя недостатки правового регулирования и стимулируя его развитие и совершенствование.

Таким образом, эффективность публичной власти в целом напрямую зависит от слаженности и сбалансированности этого тандема. Качественное, продуманное, системное правотворчество является залогом стабильного и предсказуемого правоприменения. А чуткое, профессиональное и аналитическое правоприменение, в свою очередь, – необходимое условие для эволюции и оптимизации законодательства. Преодоление существующих дисбалансов в их взаимодействии – через повышение культуры законотворчества, усиление роли судебного толкования и внедрение современных технологий – является магистральным путем укрепления российской государственности и построения подлинно правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева, Е. В. процесс творчества в правовой сфере // Современные проблемы правоприменения : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Краснодар : ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России, 2023. – С. 321–324.
2. Душкина, Е. В. Теория государства и права (теория права) : учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2025. – 86 с.
3. Коваленко, Н. Е. Особенности проявления правового сознания в процессе правотворчества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Юридические науки. – 2025. – Т. 11. – № 1. – С. 479–483.
4. Честнов, И. Л. Теория государства и права : учебник. – Москва, 2025. – 165 с.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В ЭКОСИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Зайкина Ксения Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ksuvlasova01@mail.ru

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR SECURING AND PROTECTING CONSTITUTIONAL INDIVIDUAL RIGHTS IN THE E-JUSTICE ECOSYSTEM

Zaykina Ksenia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения безопасности и защиты конституционных прав личности в экосистеме электронного правосудия по законодательству РФ.

Ключевые слова: электронное правосудие, киберугрозы, судебная система, конституционные права личности, экосистема.

The article discusses topical issues of ensuring security and protecting constitutional rights of individuals in the e-justice ecosystem under the legislation of the Russian Federation.

Keywords: electronic justice, cyber threats, judicial system, constitutional rights of the individual, ecosystem.

Российская равно и мировая правовые системы в современный отрезок времени претерпевают кардинальные изменения, обусловленные процессом цифровизации, в том числе сферы государственных услуг.

Новые условия определили и новые требования к правоприменительной практике, нацеленные как на повышение доступности, качества, скорости оказываемых государственных услуг населению и эффективности деятельности государственного аппарата в целом. Наряду с этим обеспечение безопасности и защита цифровых данных (кибербезопасность), соблюдение конституционных прав человека стали одновременно зоной повышенного риска и альтернативной реализацией возможностей.

В этой связи задача нормативно-правового регулирования механизмов кибербезопасности актуальна как для национальных правовых систем, так и в международном праве практически во всех направлениях цифровизации общественных отношений.

Ускоренное внедрение цифровых приоритетов ставит вопрос о конституционных рисках как в сфере государственного управления, так и затрагивает частные интересы [1].

В построении информационного общества именно информационные данные, цифровые базы данных представляют основу, движущий механизм цифрового взаимодействия. Полагаем этим определяется переход на построение от цифровой экономики, к Экономике данных [2].

Поэтому новеллы 2020 года Конституции РФ, в частности, п. м ст. 71 – обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных – стало не просто конституционной нормой, но фундаментальной основой в построении информационного общества в России [3].

Концептуальная сторона повсеместного внедрения цифровых технологий, а также возникающие на практике, в правоприменительной деятельности сложности поставили перед научным сообществом и государством задачу по пересмотру действующих норм законодательства и формирования новой правовой оболочки цифровых правоотношений и прежде всего, в вопросе кибербезопасности сферы государственных услуг.

Очевидно, что управление электронным правосудием должно обеспечивать кроме собственной технологической и информационной безопасности также и защиту данных всех участников процессуальных отношений. Этот процесс носит высокозатратный и системный характер (целостность системы конфиденциальности информации, средства и гарантии защиты, контроль и подотчетность). Поэтому вопросы кибербезопасности сферы правоприменительной деятельности – это вопрос не для отдельно взятого пусть и высшего уровня звена суда, но для всей судебной системы РФ, организации системы правосудия.

При этом важно учитывать не только техническую оснащенность, способную

отразить или предотвратить хакерские атаки, но человеческий фактор. И здесь важно понимание первопричин киберугроз как социального явления.

Во-первых, киберпреступность можно ликвидировать или пресечь, если только искоренить преступность как явление. Однако развитие технологий всегда взаимобусловлено с появлением новых способов совершения преступлений.

Во-вторых, комфортные и удобные для обывателя информационные технологии определяют тенденцию повышения уровня потребления, но, в свою очередь, требуют необходимых знаний в области IT-технологий, соблюдения правил информационной культуры и гигиены.

Существующие на сегодня нормативные правовые акты в полной мере не способствуют решению проблемы информационной безопасности участников виртуальных отношений в целом, поскольку в большинстве своем носят бессистемный, не концептуальный характер.

Считаем необходимым с учетом предложений научного сообщества сформулировать новые подходы к информационной безопасности и киберустойчивости существующих экосистем, в том числе электронного правосудия. Особенно это актуально в условиях применения таких технологий как Big Data и искусственный интеллект (далее – ИИ).

Данная проблема актуальна уже сегодня и носит трансграничный характер, поскольку внедряемые супертехнологии по примеру ИИ в недалекой перспективе несут большие риски не только для отдельного человека, общества, но самой государственной системы.

Нейронные сети и ИИ активно используются для выполнения сложнейших функциональных задач – начиная от анализа больших массивов данных (big data) и распознавания образов и лиц до создания фейкового видеоконтента с применением методики синтеза изображений – deerfake [4].

Но главное предназначение ИИ – осуществление сбора и обработки информации, что для самой системы грозит неблагоприятными правовыми последствиями – расшифровка паролей, кодов замков, несанкционированный электронный документооборот и иные виды киберпреступлений, связанные с утечкой и незаконным использованием баз данных экосистемы. Следовательно, ИИ несет в себе два вида киберрисков. С одной стороны, использование новых программ ИИ против своей системы, с другой, – против получателей государственных услуг.

Сложилась достаточно выстроенная система по получению незаконного доступа к базам данным путем использования методов социального инжиниринга (принудительного свойства) и дальнейшего использования полученных сведений для извлечения незаконной выгоды [5].

При этом как показывает практика применения ИИ в разных сферах жизнедеятельности именно автоматизация процесса информационной защиты системы обеспечивает ее устойчивость к кибератакам, поскольку решение проблем в «ручном режиме» потребует большего количества опытного кадрового состава, а это дополнительные финансовые затраты, профессиональный кадровый дефицит и этическая составляющая их деятельности.

Поэтому, исходя из содержания конституционно-правовых рисков и цифровых ориентиров в вопросах кибербезопасности, вполне обоснованной следует считать возможность введения в отношении той или иной информации специального правового режима, что отражено в материалах судебной практики [6].

В этом направлении происходит трансформация отношений по получению доступа и использования виртуальной информации в виду противоречивости существующей на данный момент информационной открытости сети Интернет. Бесспорным остается факт, что цифровое пространство формирует новый тип правоотношений, где «субъектом» выступает цифровой код.

При этом в вопросе обеспечения защиты персональных данных нормы материального права не позволяют в полной мере реализовать свое процессуальное право (оно одновременно и бремя доказывания в гражданском судопроизводстве) участнику судебного разбирательства в части предоставления доказательств по делу. То есть нередки случаи, когда закон запрещает использовать в процессе доказывания те сведения (доказательства), которые содержат данные о других лицах без их на то согласия в соответствии с законодательством о защите персональных данных (Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ), учитывая, что материалы электронного дела составляют открытую электронную базу данных – электронный архив судебной системы [7].

В связи с этим нормы Закона № 152-ФЗ не раз оспаривались в Конституционном суде РФ как ограничивающие, по мнению заявителей, процессуальные права участников процесса [8].

Поэтому в новом проекте Экономике данных подчеркивается необходимость обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных, надежности работы инфраструктуры и сети Интернет, поставлен вопрос о борьбе с преступлениями на основе цифровых технологий.

В целом, вопросы эффективного администрирования и использования больших данных в правоприменительной деятельности, обеспечения их информационной защиты на основе современных технологий носят трансграничный характер. В России, как и во всем мире, достаточно остро стоит вопрос о формировании комплексного правового механизма по защите прав граждан в виртуальном пространстве. Поэтому в вопросе обеспечения кибербезопасности цифровой среды важно обеспечить защиту данных и конституционных прав получателей цифровых услуг в новом типе общественных отношений - информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Затулина Т. Н. Государственное публичное управление цифровой средой: реализация идеи в условиях выявления и устранения конституционных рисков // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 10] // СПС «Гарант»
2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // СПС «Гарант»
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портале правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
4. Самойлов И. Н., Камышанский Д. Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 4. – С. 17–22.

5. Фентти М. Г. Правовые механизмы противодействия хищению денежных средств с банковских счетов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 6 // СПС «Гарант»
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П; Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2003 № 173-О // СПС «Гарант»
7. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов, Д. Р. Алимова, Х. И. Гаджиев и др. // СПС «Гарант». – Москва : ИСиСП, КОНТРАКТ, 2020. – 176 с
8. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 3-О-О // СПС «Гарант»

УДК 347

СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СВЯЗАННЫЕ С ХИЩЕНИЕМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОСТИ, ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ИХ РЕШЕНИЕ

Зайцев Николай Борисович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: zay.ac@ruc.su

OFFENCES RELATED TO EMBEZZLEMENT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF CONSISTENCY, LAW ENFORCEMENT AND THEIR SOLUTION

Zaitsev Nikolay Borisovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются ключевые проблемы связанные с отсутствием системности норм главы 21 УК РФ о хищениях, несогласованность преюдиционных составов (ст. 158.1 УК РФ) с общими положениями о стадиях преступления, критериальная неопределенность значительного ущерба при квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а также конкуренция норм на стыке традиционных и цифровых способов изъятия имущества.

Обосновывается необходимость концептуальной реорганизации перечня составов хищений с ясной иерархией общих и специальных норм, унифицированными критериями разграничения уголовной и административной ответственности и нормативно-правового закрепления критериев позволяющих определить значительность ущерба, учитывающим имущественное положение потерпевшего.

Ключевые слова: уголовное право, хищение, системность уголовно-правовых составов, административная преюдиция, мелкое хищение, значительный ущерб, кража, мошенничество, цифровые платежи, безналичные денежные средства; квалификация, законодательная техника.

The article analyzes the key problems related to the lack of consistency of the norms of Chapter 21 of the Criminal Code on theft, the inconsistency of the pre-traditional formulations (art. 158.1 of the Criminal Code) with the general provisions on the stages of crime, the criterion uncertainty of significant damage in qualifying theft under paragraph "b" of Part 2 of Art. 158 of the Criminal Code, as well as the competition of norms at the junction of traditional and digital methods of property seizure.

The article substantiates the need for a conceptual reorganization of the list of embezzlement structures with a clear hierarchy of general and special norms, unified criteria for distinguishing criminal and administrative liability, and regulatory criteria for determining the significance of damage, taking into account the property status of the victim.

Keywords: criminal law, embezzlement, consistency of criminal law structures, administrative

prejudice, petty theft, significant damage, theft, fraud, digital payments, non-cash funds; qualifications, legislative technique.

Необходимость реформирования уголовно-правовых норм об ответственности за хищения признается как доктриной, так и законодателем, однако последовательные корректировки главы 21 УК РФ (более 100 изменений) не устранили ключевую проблему в виде несоответствия правового регулирования потребностям современной экономики в новом постиндустриальном (информационном) обществе, однако при этом привели к практически полной утрате системности в уголовном законодательстве [1].

По мнению правоведа и судьи Архипова Андрея Валерьевича наращивание специальных норм лишь усилило казуистичность и конкуренцию составов, и мы согласны с его позицией. Так, Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ добавил шесть статей без изменения объема деяний, охватываемых общим понятием хищения. [2, 3]. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ ввел ст. 158.1 УК РФ, формально именуемую «хищением», фактически сближенную с административным проступком, и возвратил предпринимательское мошенничество в виде дополнительных частей ст. 159 УК РФ, нарушив логику главы [3, 4]. Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ, признав безналичные денежные средства предметом кражи, одновременно сохранил специальные составы хищения с использованием электронных средств платежа и манипуляции с компьютерной информацией, создав нормативно-правовую конкуренцию, в частности между ст.ст. 158, 159.3 и 159.6 УК РФ [4, 6].

Данная проблема носит концептуальный и фундаментальный характер поскольку в настоящее время в законодательстве отсутствует системный подход к уголовно-правовой защите имущественных отношений и исходная модель, позволяющая выстроить непротиворечивую конструкцию составов хищений, адекватную рискам цифровизированного оборота.

Между тем именно состав преступления определяет границы запрета, уровень охраны общественных отношений и как следствие дальнейшую предсказуемость при его правоприменении.

Попытка унифицировать многообразие форм изъятия в одном «универсальном» составе порождает либо неопределенность диспозиций, либо лавинообразный рост специальных норм. Проблема заключается в том, что необходима не очередная точечная правка, а научно обоснованная и при этом основанная на практике реформа законодательства с четкой и последовательной иерархией общих и специальных норм, а также с минимизацией межстатейной конкуренции.

Помимо проблематики связанной с отсутствием системности в уголовном законодательстве в данной главе и по данным составам преступлений, также основной проблемой по нашему мнению, представляется, что являются ключевые затруднения разграничения уголовной и административной ответственности за хищения которые проявляются в следующих нюансах в виде административной преюдиции, определении критериев значительного размера ущерба при квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а также как было ранее сказано в конкуренции составов в условиях цифровизации оборота в информационном обществе.

Такие нормативно-правовые пробелы и коллизии порождают разнонаправленную практику и, как следствие, подрывают предсказуемость правоприменения и тем самым влекут за собой недоверие ко всей судебной ветви власти и государству в целом.

Так, при введении в 2016 г. ст. 158.1 УК РФ законодатель фактически перенес в уголовно-правовую плоскость последствия повторного мелкого хищения (после административного наказания по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ), не как не связав конструкцию с общими положениями о стадиях преступления [5,5].

При всем этом несмотря на отсутствие в КоАП РФ такого института как «покушения на административное правонарушение», Верховный Суд РФ подтвердил допустимость квалификации деяния как покушения на преступление с административной преюдицией (ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ).

Показательно Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 31.03.2022 № 8-УДП22-3-К2, в котором оставлено в силе привлечение по ч. 3 ст. 30 и ст. 158.1 УК РФ за покушение на мелкое хищение лицом, ранее подвергнутым административному наказанию. Тем самым данная позиция Судебной коллегии закрепляет и тем самым институционализирует стадийность в преступлениях преюдиционного типа, невзирая на административное происхождение первого эпизода.

Неопределенность такой правовой категории как значительный ущерб продолжает подрывать единообразие судебной практики и единообразной квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Примечания к данной норме указывает на так называемую двуединую модель, которая основывается на учете имущественного положения потерпевшего при нижней границе не менее 5 000 руб. При этом ориентиры ранних разъяснений Пленума ВС РФ о необходимости оценки «значительности» с учетом индивидуального имущественного положения потерпевшего применяются судами и в настоящее время.

Правоприменительная проблема проявляется в типовых составах, когда стоимость похищенного имущества находится в размере 7–10 тыс. руб., но суды квалифицируют по п. «в» ч. 2 ст. 158, опираясь на доказанную значимость утраты данного имущества именно для этого потерпевшего.

Вместе с тем кассационные инстанции продолжают указывать на недопустимость формального подхода к оценке значительности без какого-либо реального анализа доходов и жизненной ситуации потерпевшего.

Сохраняется по настоящее время и проблематика конкурирующих квалификаций между «традиционными» составами преступлений и их цифровыми формами. Верховный Суд акцентировал различие между кражей безналичных средств (в т. ч. с банковского счета) и мошенничеством с использованием электронных средств платежа. Так, при оплате чужой картой в торговой точке квалификация зависит от механизма изъятия (списание как кража с банковского счета либо обман торговой организации как мошенничество по ст. 159.3 УК РФ), что прямо отражено в позиции ВС (напр., по делу № 12-УДП20-5-К6).

Важно отметить, что мелкое хищение по КоАП РФ возможно лишь при отсутствии квалифицирующих признаков хищения. Их же наличие (например, кража «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем»)

независимо от стоимости похищенного ведет к квалификации по ч. 2 ст. 158 УК РФ, что прямо подтверждается судебной практикой [6,2].

В результате повторное мелкое хищение и составы с небольшим размером по ч. 2 ст. 158 не взаимоисключающие составы, а составы, требующие для их применения наличие разных юридически значимых фактов. Для ст. 158.1 УК РФ это наличие административной преюдиции и наличием квалифицирующего признака для второй части указанной статьи.

Тем самым преюдиционная конструкция ст. 158.1 УК РФ закрепились в связке с общими положениями о стадиях преступления, что требует от правоприменителя доказательства факта предыдущего административного наказания и надлежащего истечения/неистечения сроков, но при этом не исключает квалификации покушения.

Размер значительности ущерба должен пониматься как совокупный критерий (минимальный порог в сочетании с индивидуальная значимость для каждого потерпевшего).

При цифровых формах посягательства выбор между квалификации по ст.ст. 158 УК РФ и ст.ст. 159.3, 159.6 УК РФ определяется фактической моделью изъятия в виде тайного несанкционированного списания либо обманом или злоупотреблением доверием.

Таким образом, необходимо сделать акцент на следующих ключевых моментах: уточнить примечание к ст. 158 УК РФ в части определения значительности (доход, состав семьи, длительность утраты вещи, необходимость её замены и т.д.), реализовать прямое нормативное закрепление стадийности для преступлений с административной преюдицией во избежание логических противоречий об отсутствии покушения на административное правонарушение. Также необходимо произвести унификацию разграничительных критериев для имущественных посягательств в цифровой среде (операции с банковскими картами, дистанционные списания, электронные средства платежа), корреспондирующих подходу, уже сформированному Верховным Судом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. и с изм.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
3. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Офиц. опубликование. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». – Офиц. опубликование. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм. и доп.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/

6. Архипов, А. В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет – URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/7/635/dissert_dl.pdf

УДК 34

РОЛЬ СЕМЬИ И БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Игнатова Марина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809206@ruc.su

THE ROLE OF FAMILY AND IMMEDIATE ENVIRONMENT IN PREVENTING RECIDIVISM

Ignatova Marina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Повторное совершение преступлений – это не просто выбор отдельного человека, а результат сложного взаимодействия индивидуальных (импульсивность, агрессивность, зависимость), социально-экономических (бедность, безработица, отсутствие жилья) и институциональных (слабая эффективность пенитенциарной системы, стигматизация) факторов. Семья и ближайшее окружение могут выступать как фактор защиты, снижая риск повторного преступления, или как фактор риска, усиливая влияние криминальных и деструктивных моделей поведения.

Ключевые слова: семья, ближайшее окружение, ресоциализация, стигматизация, бывший осуждённый, рецидив.

Recidivism is not simply the choice of an individual, but the result of a complex interaction of individual (impulsiveness, aggressiveness, dependency), socio-economic (poverty, unemployment, homelessness) and institutional (poor performance of the prison system, stigmatization) factors. The family and close environment can act as a protective factor, reducing the risk of reoffending, or as a risk factor, increasing the influence of criminal and destructive patterns of behavior.

Keywords: family, close environment, re-socialization, stigmatization, ex-convict, recidivism.

Эмоциональная поддержка – это то, что необходимо человеку, освобожденного из мест лишения свободы. Когда он выходит на свободу, первое, что он чувствует, это страх, тревогу, неизвестность. Для таких людей будущее становится слишком туманным, неопределенным. Поэтому так важно, чтобы рядом были близкие люди, способные выслушать, поддержать, помочь. Это позволит снизить стресс и в какой-то мере дать надежду, что впереди их ждёт новая жизнь возможностей исправить ошибки прошлого.

Наряду с эмоциональной сферой важное значение имеет материально-бытовой аспект. Многие бывшие заключенные выходят на свободу без жилья, без стабильно работы и с минимальными накоплениями, если таковые вообще имеются. В такой ситуации именно семья зачастую становится единственным источником ресурсов, позволяющим избежать маргинализации.

Помощь в бытовых вопросах может выражаться по-разному: предоставление временного жилья, помощь в поиске работы, финансовая помощь на первое

время. Всё это играет ключевую роль в преодолении кризисного периода после освобождения. Если базовые потребности удовлетворены, снижается риск того, что человек вернётся к преступным способам добычи средств. Напротив, у него появляется шанс сосредоточиться на поиске законных путей существования и планировании будущего.

Семья выступает и как важный механизм социального контроля. Именно через близких человек чаще всего сталкивается с моральными ожиданиями, которые помогают закрепить новые, законопослушные модели поведения. Родители, супруги или дети становятся своеобразным «якорем», удерживающим от срыва. Простейшие вещи – просьба не подвести близких, стремление быть примером для ребёнка, желание оправдать доверие супруги – нередко оказываются куда сильнее, чем санкции со стороны государства.

Кроме того, семья способна формировать новые ценностные ориентиры. Когда человек занят заботой о близких, совместным решением бытовых и финансовых вопросов, он ощущает собственную значимость и начинает воспринимать ответственность как естественную часть жизни. Такой опыт снижает привлекательность прежних девиантных действий, ведь в них нет ни признания, ни доверия, которые он получает от своей семьи.

Наряду с положительным воздействием, семья может стать и источником серьёзных проблем. Если в доме царят конфликты, агрессия или злоупотребление алкоголем и наркотиками, возвращение в такую среду не способствует ресоциализации, а напротив, ведёт к закреплению старых привычек. Особенно опасно, когда ближайшее окружение само вовлечено в криминальную деятельность. В этом случае бывший осуждённый оказывается в ситуации, где давление среды вынуждает его возвращаться к преступному образу жизни.

Таким образом, семья может выполнять двойственную функцию: быть либо поддерживающим фактором, помогающим преодолеть трудности, либо источником риска, повышающим вероятность рецидива. Именно поэтому при планировании мер по ресоциализации важно учитывать качество семейных связей. В случаях, когда семья не готова или не способна выполнять поддерживающую роль, следует предусматривать альтернативные механизмы – участие социальных служб или специализированных программ сопровождения.

Окружение играет едва ли не решающую роль в том сможет ли человек после освобождения закрепиться в законопослушной жизни или снова вернётся к преступной. Именно ближайшие люди, с которыми бывший осуждённый сталкивается ежедневно, формируют у него представление о допустимых нормах поведения и задают вектор его будущего. Ближайшее окружение человека – это люди, те, с которыми мы общаемся на протяжении всей жизни чаще всего вынужденно или по собственному желанию [1]. Оно как правило подразделяется на позитивное и негативное окружение.

Позитивное окружение способствует ресоциализации. Это могут быть близкие друзья, которые не имеют криминального прошлого и готовы оказать поддержку, а также коллеги по работе, вовлекающие в трудовую деятельность. Положительное окружение выполняет несколько функций: предоставляет примеры законопослушного поведения; помогает адаптироваться к новым социальным

ролям (работника, родителя, соседа и т.д.); расширяет социальные связи, что облегчает доступ к работе и образовательным возможностям. Например, человек, освободившийся из мест лишения свободы, устраивается работать на предприятие. Коллеги принимают его в коллектив, вовлекают в совместные дела, помогают освоиться с обязанностями. Постепенно у бывшего осужденного формируется новый круг общения, где ценятся ответственность и честный труд. Это снижает тягу к старым криминальным связям, потому что у него проявляются другие способы самореализации и признания.

Негативное окружение, напротив, способно быстро свести на нет усилия по ресоциализации. Если человек возвращается в прежнюю компанию, где преобладают криминальные установки, риск повторного преступления резко возрастает. «Старые знакомые» могут оказывать давление, вовлекать в незаконную деятельность или убеждать, что «ничего не изменилось» и законопослушная жизнь ему не подходит. Примером может быть ситуация, когда бывший заключённый выходит на свободу и сразу попадает в компанию, где распространены употребление спиртных напитков, наркотиков или мелкая преступность. Даже при искреннем намерении начать «с чистого листа» он оказывается в среде, где нарушать закон – это норма, а любая попытка дистанцироваться воспринимается как предательство. В результате вероятность рецидива возрастает в разы.

Следовательно, ближайшее окружение может выполнять двойную функцию: быть мощным ресурсом поддержки и интеграции в общество, либо, наоборот, фактором риска и возврата в криминальную среду. Именно поэтому профилактика рецидива невозможна без анализа и корректировки социального круга бывшего осужденного.

Наряду с ближайшими друзьями и родственниками, на судьбу человека, освободившегося из мест лишения свободы, огромное влияние оказывает общественное мнение. Часто люди навешивают ярлыки не только на себя, но и на других людей [2]. И здесь ключевым фактором становится стигматизация – устойчивое восприятие бывшего заключённого как «опасного», «неисправимого» или «ненадежного».

Даже при искреннем желании начать новую жизнь люди сталкиваются с недоверием и предвзятым отношением. Работодатели неохотно принимают их на работу, арендодатели избегают сдавать жилье, соседи относятся настороженно. Это формирует замкнутый круг: невозможность легально устроиться и закрепиться в обществе повышает риск возврата к прежним стратегиям выживания.

Стигматизация особенно опасна тем, что она закрепляется в самосознании человека. Если окружающие постоянно транслируют идею о том, что «бывших преступников не бывает, они всегда возвращаются к старым привычкам (преступлениям)», то со временем и сам человек начинает воспринимать себя как «неисправимого преступника», а не полноценного гражданина. Это снижает мотивацию к изменениям, формирует чувство безысходности и может подтолкнуть к рецидиву.

Вместе с тем в обществе существуют и примеры положительного отношения, когда социальные инициативы помогают разрушать барьеры. Например, когда работодатели нанимают бывших осужденных, позволяя им получить работу,

оказывая некое доверие, как никак при таких ситуациях всегда имеется риск. Отсюда можно рассмотреть такой пример: бывший осужденный устраивается на работу, в первую очередь из-за материальной потребности, усердно трудится, чтобы его старания были вознаграждены в виде заработной платы. Постепенно он начнёт замечать иное отношение коллег, которые реже напоминают ему о его прошлом, больше обращая внимание на его вклад, делая акцент на этом. Это срабатывает как мотивация держать эту планку и даже стремится стать лучше, поскольку начинаешь ощущать себя человеком.

Таким образом, можно сделать вывод, что предупреждение рецидивной преступности – это не только задача криминологов правоохранительных органов, но и общественная задача, требующая совместных усилий семьи, ближайшего окружения и социальных институтов. Только такой интегрированный подход создаёт реальные условия для успешной ресоциализации, защиты общества и восстановления личности после заключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ащева, К. М. Влияние социального окружения на личность человека / К. М. Ащева, О. А. Бирюкова // Юный ученый. – 2024. – № 2 (76). – С. 172–175.
2. Нугманова, Л. Р. Стигматизация как условие развития девиантного поведения / Л. Р. Нугманова // Молодой ученый. – 2020. – № 7 (297). – С. 222–223.

УДК 340

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Барцаев Владислав Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru

DIGITAL RUBLE AND DIGITAL CURRENCY IN COMBATING LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROCEEDS OF CRIME: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Bartsaev Vladislav Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье на основе действующего федерального законодательства проводится сравнительный анализ цифрового рубля и цифровой валюты; рассматриваются проблемные аспекты и преимущества цифровизации денежного обращения в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем; вносятся предложения по ликвидации противоречий в правоприменительной практике.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, противодействие легализации (отмыванию) незаконно полученных доходов.

In the article, on the basis of the current federal legislation, a comparative analysis of the digital ruble and digital currency is carried out; the problematic aspects and advantages of digitalization of

money circulation in countering the legalization (laundering) of proceeds from crime are considered; proposals are made to eliminate contradictions in law enforcement practice.

Keywords: digital currency, digital ruble, counteraction to legalization (laundering) of illegally obtained income.

Цифровизация денежного обращения – тема в российской научной среде достаточно изученная, одна из наиболее злободневных в повестке цифровой экономики. Задолго до официальных шагов по внедрению информационно-телекоммуникационных технологий в денежное обращение России в научных трудах изучались достаточно спорные вопросы, сохранившие свою актуальность и на сегодняшний день, несмотря на уже оформившуюся законодательную основу. Это работы Кучерова И. И., Сеницына С. А., Рождественской Т. Э., Гузнова А. Г., Ледневой Ю. В., Ситника А. А., Поветкиной Н. А. и мн. др.

Технологические новации в денежной системе – это общемировой тренд проекта глобальной цифровизации с активным продвижением цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ – CBDC).

Сложившиеся нормы российского законодательства не позволяют в полной мере четко и однозначно раскрыть суть ЦВЦБ, его правовую природу в виду противоречивости и правовой неопределенности. И такое положение дел создает серьезные риски для устойчивости финансовой системы государства, трудности в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Впервые на официальном уровне вопросы цифровизации национальной российской валюты получили широкий резонанс с представлением Банком России Концепции цифрового рубля в 2021 году и разработкой специального федерального закона о цифровом рубле [1]. При этом ни в Концепции, ни в принятых федеральных законах определения и четкости понимания цифрового рубля законодательно не закреплено.

Отсутствие четкого правового понимания цифрового рубля уже на данном этапе вызывает вопросы в правоприменительной практике.

Нормами гражданского законодательства цифровой рубль определен как безналичное денежное средство как объект гражданского права, как разновидность безналичных денег (ст. 128, 140 Гражданского кодекса РФ).

Поправки в Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» также относят цифровой рубль к безналичной валюте как средства на банковских счетах и банковских вкладах.

Однако, такое приравнивание цифрового рубля к безналичным расчетам может означать, во-первых, необходимость ускоренного включения России в систему международных расчетов на базе цифровых денег. Во-вторых, это постепенное или поэтапное раскрытия функционала цифрового рубля, чтобы как можно лояльнее модернизировать традиционную систему общественных отношений. В этом случае и потребуются формирование специального правового режима.

При исследовании сущности цифрового рубля важно обратить внимание на достаточно спорное использование в отношении цифрового рубля понятия «цифровая валюта» по примеру международной практики.

Дело в том, что законодательно в отношении российской валюты – рубля закреплена прямая противоположность официальных или государственных денег в цифровом пространстве – это виртуальные частные деньги (криптовалюта), которые российский законодатель обозначил как цифровая валюта.

То есть, формально-юридически рубль – это валюта, следовательно, цифровой рубль должен быть приравнен к цифровой валюте. Кроме того, по аналогии международной практики цифровой рубль – это разновидность цифровой валюты центральных банков.

В научных исследованиях ученые также рассматривают цифровой рубль как российскую национальную цифровую валюту [2]. И только такое полное наименование цифрового рубля как валюты или ЦВЦБ считаем обстоятельным, не входящим в противоречие действующим нормам.

Подтверждением тому нормы Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 31.07.2020 № 259-ФЗ, что цифровая валюта – совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей.

В целях приведения терминологии в соответствие с международными положениями, доктринальными положениями в российской правовой науке в области криптовалюты, а также исправления несовершенства юридической техники предлагаем внести изменения в вышеуказанный закон и узаконить в правовом обороте понятие криптовалюты, а цифровую валюту и цифровой рубль приравнять в своем значении как взаимозаменяемые.

Это предложение вполне обосновано тем, что, во-первых, в правительственных документах и сами финансовые органы в правоприменительной практике используют более точное понятие криптовалюта [3]. Во-вторых, в соответствии с новеллами налогового законодательства [4] криптовалюта признана имуществом, но однозначно не деньгами или частным средством обмена.

Цифровой рубль предлагаем понимать, как национальную денежную единицу (законное средство платежа) в форме электронных данных (цифрового кода или обозначения, не имеющего материального воплощения) информационной системы Банка России, осуществляющего его цифровую эмиссию.

В целом же, цифровой рубль в соответствии с действующими нормами цифровой валютой не является, но обладает при этом признаками криптовалюты – это существование в форме цифрового кода [5].

В этой связи, остается открытым вопрос о цифровом рубле не только как о форме национальной валюты. Но, прежде всего, как о деньгах с их ключевыми функциями, поскольку цифровой рубль по действующему законодательству является только средством платежа [6], но не объектом кредитно-депозитных отношений, без возможности обналичивания и действующий в отрезок времени.

Цифровая сущность рубля расширяет предметное пространство, далеко выходя за рамки финансового права, поскольку на первый план выступают вопросы

не только законодательного определения правил эмиссии, обращения, кибербезопасности и противодействия финансовой преступности.

С точки зрения конституционных гарантий считаем более серьезным для разрешения вопросы защиты прав человека, искусственно погружаемого в новую (виртуальную) реальность без объективного представления о правилах и принципах выстраивания цифровых отношений, при отсутствии неких единых правовых и технологических стандартов построения информационного общества.

В этой связи считаем жизненно важным провести ревизию российских законодательных актов и внести комплексные изменения в валютное, банковское, гражданское, уголовное законодательство в соответствии с единой цифровой правовой основой. Такой основой мог бы стать специальный закон в области информационного права как отражение объективных процессов формирования нового информационного пространства.

При этом объективно необходимо указать и о заявленных несомненных преимуществах цифрового рубля – это возможность проведения платежных операций без доступа сети Интернет (только на базе электронного кошелька), прямая интеграция в мировые платежные системы, в том числе частных лиц непосредственно.

Кроме того, возможность осуществления цифрового контроллинга в отношении централизованной и децентрализованной цифровой валюты, цифровые следы на коде цифрового рубля, в перспективе авторизация /привязка аккаунта к крипто-кошельку (по примеру отдельных криптовалют) – безусловно, это существенным образом способствует борьбе с финансированием терроризма и противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Банка России. – URL: <http://www.cbr.ru/>
2. Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8. – С. 25.
3. Письмо Минфина России от 10.02.2022 № 03-0405/9243; Письмо ФНС России от 26.05.2023 № СД-4-3/6639@ // СПС «Гарант»
4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации от 29.11.2024 № 418-ФЗ // Парламентская газета». № 45с. 10.12.2024.
5. Сарнакова А. В., Жижин Н. С. Вопросы соотношения безналичных денежных средств, электронных денежных средств и цифрового рубля // Юрист. – 2022. – № 5. – С. 27.
6. Болотов С. Все ответы о цифровом рубле [Интервью с А. Бакиной] // Официальный сайт Банка России. – URL: <http://www.cbr.ru/>

УДК 340

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЦИФРОВОМ ПРАВОСУДИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Бурносова Виктория Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekchaykina@list.ru; miss.burnosova@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DIGITAL JUSTICE: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Burnosova Victoria Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровизации российской системы правосудия и построения информационного общества; проблемные аспекты внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство.

Ключевые слова: электронное правосудие, искусственный интеллект, судебная система, информационное общество, законодательство.

The article discusses topical issues of digitalization of the Russian justice system and building an information society; problematic aspects of the introduction of artificial intelligence in legal proceedings.

Keywords: electronic justice, artificial intelligence, judicial system, information society, legislation.

Стремительный прорыв информационных технологий в последние несколько лет демонстрирует возможность их повсеместного внедрения во все сферы жизнедеятельности, формируя виртуальную реальность в планетарном масштабе.

Идея построения платформенной экономики и экосистем в системе государственного управления не являются новаторством.

В своем большинстве классические экономические и управленческие связи построены на основе кооперирования на одной территории/участке в целях предоставления комплекса услуг, товаров, выгодного как потребителю, так и производителю в продвижении своего продукта (примером в зависимости от масштаба являются само государство, города, торговые центры, газеты объявлений и т.д.).

Новеллой в построении и функционировании современных экосистем выступают информационные технологии и образуемая ими новая «экологичная» среда, соответствующая климатической повестке «Зеленой экономики» – информационное общество. Совокупность же платформенных сервисов в определенно части общественных отношений образует экосистему и выполняют функции квазирегулятора.

Цифровая трансформация процессуальных отношений и судебной системы в целом также основана на обмене электронной информацией и использовании информационных систем и технологий в судопроизводстве и организации деятельности судов. Цифровые новации все чаще становятся предметом острых дискуссии в научных кругах и в среде практиков по вопросам установления особого режима защиты платформ государственных органов и обеспечения защиты персональных данных, их обмена и обработки.

Защита прав человека и гражданина в цифровом процессе наиболее острая тема. И возможные, а также реальные сложности обусловлены не только техническими ошибками и сбоями, правовой и цифровой неграмотностью или неосведомленностью лиц в виду стремительности изменения виртуальной среды и ее сервисов, но и таких технологических возможностей единого бесшовного инте-

гированного цифрового процесса, которые не позволяют в полной мере понимать степень надежности той или иной платформы в силу ее включенности в другие автоматизированные системы данных.

Безусловно, цифровые технологии завоевали свою нишу в бизнесе и вполне эффективно и востребовано себя показали в рамках деятельности Электронного правительства и его электронной площадки государственных и муниципальных услуг, а также инструментарии правоприменительной практики в виде электронных справочных правовых систем, правовых порталов и автоматизированных систем по компетенции органов публичной власти, в том числе в области правосудия.

Информатизация и автоматизация деятельности судов существенным образом преобразили саму систему правосудия, расширили возможности для участников процессуальных отношений, повысили оперативность и эффективность самого судопроизводства за счет альтернативных цифровых возможностей в организации деятельности судов.

Безусловным положительным аспектом признаются и электронный документооборот, и дистанционный формат обращения в суд, получение онлайн-консультации, правовая информация общего типа и материалы правоприменительной практики на сайтах судов, проведение видеоконференц-связи в зале судебного заседания, аудиопотоколирование, легализация электронных доказательств и др.

Некие споры ведутся по вопросам использования системы веб-конференции в рамках проведения судебного заседания «на удаленке» для участников судебного процесса. Это во многом обусловлено установлением личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, участвующих в судебном заседании с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия (единой системы идентификации и аутентификации, государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных») (ст. 155.2 Гражданского процессуального кодекса РФ) [1].

Однако первенство по остроте и противоречивости дискуссий среди ученых и практиков, безусловно, занимают технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) в электронном судопроизводстве.

Проблема состоит в том, что активное широкое использование ИИ и внедрение данной технологии в систему правосудия осуществляется без четких основ правового регулирования цифровых отношений, которые сложно назвать сложившимися.

Все чаще поднимаются вопросы об установлении контроля над разработкой, распространением и использованием ИИ, что особенно актуально для сферы государственных и муниципальных услуг, и установлении подконтрольного и безопасного ИИ [2, 51].

Активное применение нейросетей в юридической области как на профессиональной, так и не профессиональной основе стремительно завоевывает внимание людей, что позволяет во многом разобраться в насущных вопросах практически

в «энергосберегающем режиме». Однако, в этом случае следует указать на проблему некорректной выдачи информации и способности критически оценивать и разбираться в текущей юридической практике.

Особенно это важно при использовании ИИ в судебной практике. Прежде всего, следует подчеркнуть, что использование ИИ в судопроизводстве законодательно в России не закреплено. Кроме того, существующая бессистемность в работе нейросетей, т.е. без четких концептуальных, системных, методологических основ современной правовой науки способна привести к серьезным правовым последствиям.

Именно этим можно объяснить ограничения в работе нейросетей при запросах в области права и других остро социальных сферах [3].

Безусловно, мировой тренд на цифровизацию правовой среды, а также современные российские проблемы загруженности судов и кадрового дефицита в судебной системе во многом обусловили активное внедрение ИИ в процессуальные отношения.

Так использование нейросетей стало обыденностью для 35 % российских судов от протоколирования, анализа нормативно-правовой базы, документов до составления проектов судебных актов [4].

Интерес представляет прецедент, способный существенно изменить электронное судопроизводство, ввиду нормативной неопределенности и отсутствия законодательного закрепления законного использования ИИ при вынесении судебного решения/приговора.

Апелляционный суд отклонил предоставленные доказательства использования ИИ в составлении судебного постановления и вынес определение об оставлении его в силе. Следовательно, применение нейросетей ставит под угрозу сам смысл вынесения решения по четко определенному делу по итогам судебного разбирательства, ставит под вопрос тему судебного познания, а данный этап судопроизводства определяет как рутинный, типовой [5].

Крайне важно, что не определен юридически и сам статус ИИ, однако, проводимые им анализ, предложения, решения получают все большее распространение и закрепление в правоприменительной практике. Сложилась ситуация, при которой ИИ «перерос» функцию вспомогательного инструмента и способен изменить самую важную систему в обеспечении конституционных основ государственности и прав человека – систему правосудия.

Однако здесь необходимо подчеркнуть, что ИИ – это не замена состава суда или судьи. Алгоритмы современных технологий не способны вытеснить творческое, живое сознание человека в аксиологии права и морали, гносеологии естественного права и права позитивного, эмпирическое познание самой сущности и содержания бытия человека.

Безусловно, нейросети показывают результативность и скорость, однако это в свою очередь несет прямую угрозу достойному существованию человека, поскольку вытесняют последнего с рынка труда по гуманитарным направлениям. Обезличивание обостряет проблему обезчеловечивания или нравственной составляющей в современном информационном обществе.

В конечном итоге неурегулированное нормой права стремительное внедрение

цифровых нейротехнологий, особенно в системе правосудия ставит под сомнение сам институт законности в государстве и обеспечения права на судебную защиту, как высшей формы защиты прав и свобод личности.

Полагаем, что общественное мнение, выводы и предложения научного сообщества, анализ выявленных проблемных зон в системе электронного правосудия с применением ИИ смогут преломить сложившуюся ситуацию и будут приняты во внимание при определении содержания универсального законодательного регулирования цифровых платформ российской системы публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
2. Тулиглов И. А., Певцова И. Е. Применение искусственного интеллекта в судебной деятельности // Российский судья. – 2025. – № 8. – С. 49–52.
3. Цена вопроса – человеческая жизнь. Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2025/11/04/plohogo-ne-posovetuet.html>
4. 35 % Российских судов используют искусственный интеллект в работе. – URL: <https://pravo.ru/news/258775/>
5. В кубанских приговорах появился интеллект. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8120207>

УДК 340

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ: РИСКИ И УГРОЗЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Саушкина Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; nastasya.saushkina@bk.ru

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL RUBLE: RISKS AND THREATS OF INTRODUCTION INTO THE RUSSIAN ECONOMY

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Saushkina Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проанализированы ключевые риски и угрозы, связанные с внедрением цифрового рубля. Авторы указывают на наличие угроз, связанных с кибербезопасностью и несовершенством правового регулирования обращения цифрового рубля, что существенно снижает его привлекательность для населения и бизнеса. В качестве основных направлений минимизации выявленных рисков предлагается совершенствование законодательства, развитие международного сотрудничества, а также развитие института страхования для повышения доверия к цифровому рублю.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, национальная валюта, киберпреступления, киберугрозы, международное сотрудничество.

The article analyzes the key risks and threats associated with the introduction of the digital ruble. The authors point out the presence of threats related to cybersecurity and the imperfect legal regulation of the circulation of the digital ruble, which significantly reduces its attractiveness for the population and business. As the main directions for minimizing the identified risks, it is proposed to improve legislation, develop international cooperation, as well as develop an insurance institution to increase confidence in the digital ruble.

Keywords: digital ruble, digital currency, national currency, cybercrimes, cyber threats, international cooperation.

На сегодняшний день во всем мире наблюдается полномасштабная цифровизация экономики, основная роль в которой принадлежит центральным банкам, которые активно исследуют и внедряют национальные цифровые валюты.

По состоянию на 2025 год практически 90 % стран начали разработки в рассматриваемой сфере [1, с. 35]. Основной целью при этом является повышение эффективности платежных систем и снижение издержек на осуществление транзакций.

В России такой цифровой валютой является цифровой рубль, концепция которого была разработана Банком России в 2020 году. В текущей экономической обстановке, которая осложняется санкционным давлением, цифровой рубль позиционируется как стратегически важный инструмент, с помощью которого планируется осуществить качественные изменения национальной платежной инфраструктуры.

Пилотный проект цифрового рубля был запущен в 2023 году. В тот период к участию в проекте было привлечено 13 крупнейших российских банков. Их количество увеличилось до 30 в период с 2024 года по 2025 год [2]. По итогам к июню 2025 года было протестировано около одного миллиона операций с цифровыми рублями. Тем не менее, его массовое внедрение запланировано только на 2026 год, при этом оно будет проходить поэтапно: в первую очередь в цифровых рублях начнут выплачивать пенсии, пособия и иные виды государственных выплат. Затем изменения коснутся бизнеса и граждан.

Преимущества цифрового рубля заключаются в снижении издержек на эмиссию и расчеты, а также в повышении прозрачности финансовых операций, в особенности осуществляемых с применением бюджетных денежных средств. Кроме того, появление национальной цифровой валюты позволит повысить устойчивость финансового суверенитета страны в условиях международных санкций.

Однако, важно отметить, что применение цифрового рубля во многом связано с существенными рисками и угрозами для финансовой стабильности и доверия населения. Так, одной из наиболее важных угроз является обеспечение безопасности субъектов экономической деятельности. Из-за использования информационных технологий, возрастают риски киберпреступности, поскольку цифровые активы имеют высокую ценность и представляют особый интерес для злоумышленников.

Объектом интереса киберпреступников является информация, получив которую, они могут использовать ее по своему усмотрению для извлечения собственных выгод. Опасность киберпреступлений заключается также в том, что они носят не только характер внутригосударственной проблемы, но и имеют транснациональные риски. Совершение кибератак хакерами из других стран де-

лает практически невозможным установление места нахождения злоумышленников и, соответственно, восстановление нарушенных прав потерпевших лиц [3, с. 27].

Согласно официальным данным МВД РФ в 2024 году было зарегистрировано больше 700 тысяч преступлений. При этом их раскрываемость составляет не более 25 %. В 2025 году ситуация с количеством преступлений улучшилась, однако, возрос на 16 % ущерб от их совершения [4, с. 70].

В особой зоне риска находится уголовно-правовая сфера, поскольку именно уголовное законодательство имеет ряд устаревших норм и нуждается в качественной переработке нормативных положений. Фактически в настоящий момент уголовное законодательство имеет крайне мало механизмов, позволяющих привлечь к ответственности киберпреступников.

Уголовный кодекс РФ [5] содержит составы преступлений в сфере киберпреступности, которые были известны законодателю в 1996 году. С тех пор в кодифицированный акт в данной части изменения не вносились. Безусловно, это говорит о том, что действующие нормы существенно устарели, так как за практически 30 лет произошло значительное развитие технологий и имеющиеся в настоящий момент составы преступлений не отвечают существующему запросу общества на кибербезопасность.

Негативное влияние на кибербезопасность и раскрываемость киберпреступлений оказывает низкая заинтересованность России в налаживании международных контактов в области взаимодействия правоохранительных органов. Из-за отказа России становится участницей соответствующих международных соглашений невозможно получение данных о лицах, совершающих киберпреступления против российских граждан и компаний, находясь в других странах.

Немаловажной проблемой является отсутствие надлежащего правового регулирования обращения цифрового рубля. Указанное порождает правовую неопределенность во многих вопросах, к примеру, как будет происходить подтверждение права собственности на цифровые рубли, в особенности в случае смерти их владельца.

Так, если владелец цифрового рубля умирает, его наследники могут столкнуться с трудностями в получении доступа к средствам, особенно если не были заранее прописаны механизмы передачи доступа. Процедура аутентификации и подтверждения личности наследников может оказаться затянутой и сложной [6, с. 49].

Технические аспекты также играют важную роль в этом процессе. Безопасность хранения и передачи ключей доступа к цифровым активам является важной проблемой. Если владелец умирает, и ключи не были должным образом задокументированы или переданы, наследники могут навсегда потерять доступ к средствам. Кроме того, использование многофакторной аутентификации и других средств защиты может усложнить процесс получения наследства, требуя от наследников дополнительных действий, которые могут быть трудными в условиях потери близкого человека.

Не менее важной проблемой является отсутствие межгосударственных соглашений, которыми был бы предусмотрен порядок передачи цифровых активов, наследуемых согласно законодательству разных стран. Отсутствие детального

регламента создает трудности в ситуациях, когда наследодатель и наследник являются гражданами разных стран или если наследуемое имущество находится в другом государстве. Представляется, что решение рассмотренных проблем возможно путем разработки и повсеместного внедрения превентивных мер, основанных на современных технологиях и направленных на защиту законных интересов и прав граждан и бизнеса от киберпреступлений.

Стоит отметить, что для ведения полноценной борьбы с киберпреступностью необходимо наладить обмен информацией с другими странами, поскольку преступники могут размещаться за пределами России, что делает их поиск и привлечение к ответственности невозможным без соответствующего взаимодействия. На практике подобные вопросы решаются через заключение соответствующих соглашений, предусматривающих возможность информационного обмена между странами. Однако, в ситуации санкционного давления в России реализовать данную меру будет достаточно проблематично.

Одним из вариантов решения проблемы, связанной с невозможностью установления личности киберпреступников и взыскания с них причиненного ущерба, является страхование. Пока в России страхование киберрисков не приобрело особой популярности, однако, международная практика показывает его эффективность, особенно при использовании франшизы. При такой модели страхования покрываются только крупные убытки, а мелкие страхователь должен оплачивать самостоятельно, что стимулирует его более ответственно относиться к разработке систем безопасности.

В совершенствовании нуждается и законодательная база, которая существенно отстает от быстро меняющихся реалий. Это негативно сказывается на правоприменении и влечет нарушение прав граждан и бизнеса.

Таким образом, можно сделать вывод, что для успешного запуска проекта цифрового рубля нужен комплексный подход к нивелированию всех рассмотренных рисков и угроз, который обеспечит адекватное и сбалансированное применение необходимых мер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиванов А. С. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Журнал «Финансы и кредит». – 2025. – № 3. – С. 30–39.
2. Цифровой рубль // Банк России. – URL: <https://cbr.ru/>
3. Зотова Л. С. Цифровой рубль для населения: риски или преимущества // Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2025. – № 4. – С. 27–29.
4. Козлова А. В. Что означает переход на цифровой рубль для россиян: от опасностей до последствий // π-Есопоту. – 2025. – № 7. – С. 62–73.
5. Уголовный кодекс РФ: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ; в ред. от 15.10.2025 // Российская газета. – 1996. – № 113.
6. Князева О. Н. Риски внедрения цифрового рубля для банковского сектора России // Журнал «Финансы и кредит». – 2024. – Т. 30. – № 7. – С. 48–57.

УДК 340

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ЭКОСИСТЕМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Зайкина Ксения Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; ksuvlasova01@mail.ru

ELECTRONIC JUSTICE AS AN ECOSYSTEM: TOPICAL ISSUES OF DIGITALIZATION UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Zaykina Ksenia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровизации судопроизводства и формирования экосистемы электронного правосудия в России в рамках построения информационного общества.

Ключевые слова: электронное правосудие, суд, судебная система, информационное общество, экосистема.

The article discusses topical issues of digitalization of legal proceedings and the formation of an ecosystem of electronic justice in Russia as part of the construction of an information society.

Keywords: e-justice, court, judicial system, information society, ecosystem.

Цифровизация общественных отношений выступает устойчивым вектором развития, характерным как для российской, так и мировой практики. Плановое и масштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий в рамках государственной политики охватывает все сферы жизнедеятельности общества, все звенья государственной власти, в том числе судебной.

В соответствии с действующими нормами законодательства в настоящее время цифровую модернизацию претерпевает судебная система РФ в виде формирования судебной экосистемы – электронного правосудия. Это прежде всего Федеральные законы от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», указы Президента РФ по построению информационного общества, приказы Судебного департамента при Верховном Суде РФ о правилах внедрения и использования современных технологий, а также иные правовые акты и судебные акты высших судов, как то Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

Но нельзя сказать, что именно законодательно в России было предопределено развитие в данном направлении. Скорее объективные процессы получали свое

правовое оформление, поскольку право в информационном пространстве выступает и регулятором, и объектом одновременно.

Среди ученых и практиков также наблюдается повышенный интерес к процессу цифровизации процессуальных отношений и судебной деятельности, вносятся предложения, обсуждаются проблемные вопросы на предмет соотношения положений процессуального законодательства современным реалиям становления цифрового пространства [1].

Электронное правосудие на сегодняшний день представляет собой экосистему как комплексный феномен. А поскольку экосистема представляет собой партнерство на основе обмена и использования такого рода информации, то именно она становится предметом острых споров об установлении особого режима защиты персональных данных в цифровой среде. Поэтому необходимо законодательно урегулировать вопрос обмена и обработки персональных данных внутри экосистемы в соответствии с действующим законодательством о защите информации и цифровыми реалиями в целях обеспечения защиты конституционных прав человека и гражданина.

В правовом поле предлагаем рассматривать экосистему электронного правосудия как систему сложных правоотношений в цифровом пространстве на основе нескольких цифровых платформ, входящих в группу органов системы публичной власти, в целях осуществления правосудия и предоставления государственных услуг на основе разнородной устойчивой системы государственных и муниципальных связей.

Экосистему электронного правосудия следует рассматривать как одну из форм правоприменительной деятельности судебной власти в рамках осуществления того или иного вида судопроизводства на основе применения IT-технологий и платформенных систем.

Опираясь на исследования ученых [2] разных видов экосистем [3], выделим ключевые ее элементы/компоненты, применительные и к электронному правосудию.

Во-первых, среда или информационное пространство. Под этим мы понимаем информационные технологии и цифровые платформы в виде мобильных приложений, сайтов, автоматизированных систем, удобных и необходимых в правоприменительной деятельности. Здесь же речь идет о создании технических возможностей для электронного взаимодействия всех участников электронного правосудия.

Важным для открытости и доступности информации является размещение актуальной информации в сети Интернет о судебной системе и отдельных судах, правовой информации, обеспечение доступа к судебной практике, возможностям чат-ботов для получения быстрой и бесплатной информации, проведению видеотрансляций в соответствии с нормами процессуального законодательства и др. К примеру, официальный сайт Верховного суда Республики Мордовия содержит ссылку на видеоканал с видеозаписями интервью с судьями и видеорепортажами на отдельные темы.

Что касается судебной практики, то именно IT-технологии обеспечивают открытый доступ и позволяют аккумулировать данные на порталах ГАС «Правосудие», Росправосудие, судебныерешения.рф, а также в справочных правовых

системах, что важно и необходимо для формирования единой и непротиворечивой судебной практики.

Во-вторых, участники. В экосистеме сложно выделить субъектов, поскольку управление осуществляется в отношении всех ее участников на основе правил взаимодействия информационных систем (с фундаментальным ресурсом для информационного пространства – базами данных) несколько видов субъектов. Вне цифрового поля к таким субъектам относятся не только органы судебной, правоохранительной систем (в целом органы системы публичной власти), а также операторы, партнеры платформы, пользователи.

В-третьих, это конечный продукт функционирования экосистемы – услуги. Это государственные услуги по осуществлению правосудия, разбирательства по спорам в соответствии с нормами действующего законодательства.

Основу формирования и жизнеспособности экосистемы электронного правосудия составляют базы данных уполномоченных на их ведение ведомств (ФНС России, ФТС России, ФССП России, МВД России и др.), а также оцифрованная информация, биометрические данные и иные сведения в соответствии с нормами Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Именно базы данных позволяют функционировать не только экосистеме электронного правосудия, но и в целом цифровой экономике, получившей название Экономики данных. Об этом свидетельствует и переход на новый национальный проект «Экономика данных» с построением цифровых платформ, и формирование единой системы сбора информации о населении – федерального регистра.

Так в соответствии с указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [4] по решению Правительства РФ в бюджет были заложены дополнительные средства на реализацию мероприятий национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [5].

Безусловно, цифровое взаимодействие органов правосудия с гражданами и юрлицами как участниками судопроизводства предоставляет широкие возможности: от онлайн-консультаций до участия в судебном заседании. При уникальных возможностях электронного документооборота в соответствии с нормами федерального законодательства по ходатайству участника судопроизводства судебное решение может быть получено в виде электронного документа при соблюдении к нему всех требований.

Достаточно спорная и неоднозначная практика судебных извещений также находит свое разрешение в рамках электронного правосудия. Так возможность электронного обращения в суд и подачи документов в рамках искового заявления, дальнейшего предоставления необходимых материалов предусматривает и обратные возможности уже для работы с обращениями граждан. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 внесены изменения, касающиеся СМС-уведомления участников процесса, что экономит финансовые ресурсы и трудозатраты при организации судебного заседания и всего процесса судопроизводства.

Отметим также необходимые в организации судебной деятельности технические возможности, в полной мере коррелирующие принципам судопроизводства.

Это и возможности онлайн-подключения в системе видео-конференц-связи, обязательное ведение аудиопотоколирования, формирование электронного архива, который составляют все электронные дела по всем спорам, и, безусловно, многоуровневая, сложная работа ГАС «Правосудие», необходимая в организации работы внутри судов (это и судебное делопроизводство, статистика, автоматическое распределение дел и др.).

Процесс цифровизации как объективная данность обуславливает общественную потребность в получении знаний на профессиональной основе для работы в среде электронного правосудия и просвещении населения о виртуальных возможностях в защите нарушенных прав и интересов [6].

Экосистема электронного правосудия на сегодняшний день сохраняет такие преимущества как доступность, бесплатность и универсальность. При этом следует помнить о защите персональных данных и конституционных прав участников процессуальных отношений, обеспечении безопасности информационной среды внутри экосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронное правосудие: проблемы гармонизации технических возможностей и основополагающих принципов судопроизводства // Вестник судейского сообщества Белгородской области. – 2016. – № 5. – 96 с.
2. Карцхия А.А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. – 2020. – № 4 // СПС «Гарант»
3. Бурова А. Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 11 // СПС «Гарант»
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // СПС «Гарант»
5. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: федер. закон Росс. Федерации от 30.11.2024 № 419-ФЗ // Российская газета. № 277. 05.12.2024.
6. Шарифуллин Р. А., Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. – 2018. – № 6. – С. 57–62.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОРЫСТНЫХ И КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Кибакوف Никита Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809215@ruc.su

PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN MERCENARY AND MERCENARY-VIOLENT CRIMES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Kibakov Nikita Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Наличие пробелов и противоречий в квалификации корыстных и корыстно-насильственных преступлений определяет актуальность изучения в данной области. Особое внимание уделяется анализу критериев разграничения составов преступлений, в частности, оценке характера и степени общественной опасности применяемого насилия, а также установлению момента изменения умысла виновного лица. В статье на основе анализа доктрины предлагается система

признаков для дифференциации грабежа и разбоя, а также смежных составов, направленная на совершенствование правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: корыстные преступления, корыстно-насильственные преступления, разграничение составов, грабеж, разбой, насилие, квалификация, преступления против собственности.

The presence of gaps and contradictions in the qualification of mercenary and mercenary-violent crimes determines the relevance of the study in this area. Special attention is paid to the analysis of criteria for distinguishing between crimes, in particular, assessing the nature and degree of public danger of the violence used, as well as determining the moment when the perpetrator's intent changed. Based on the analysis of the doctrine, the article proposes a system of signs for differentiating robbery and robbery, as well as related compounds, aimed at improving law enforcement activities.

Keywords: mercenary crimes, mercenary-violent crimes, differentiation of structures, robbery, robbery, violence, qualification, crimes against property.

Корыстные и корыстно-насильственные преступления традиционно составляют значительную часть в структуре преступности в Российской Федерации. Несмотря на кажущуюся простоту законодательных формулировок, правоприменительная практика сталкивается со значительными сложностями при квалификации данных деяний. Наличие дискуссионных вопросов и противоречивых подходов при разграничении составов преступлений, обусловленных исключительно корыстным мотивом, и составов, в которых корысть сочетается с насилием, приводит к судебным ошибкам, влекущим нарушение принципов законности, справедливости и индивидуализации ответственности. Ошибочная квалификация, в свою очередь, влечет неправильное определение подсудственности, а в конечном итоге – назначение неадекватного наказания.

Методологически проблема разграничения корыстных и корыстно-насильственных преступлений требует изначально обращения к доктринальному анализу субъективной стороны составов. Корыстный мотив, понимаемый как внутреннее побуждение к получению материальной выгоды противоправным путем, выступает родовым признаком для всей рассматриваемой группы деяний. Однако его одного оказывается недостаточно для дифференциации конкретных составов. Общеуголовная корыстная преступность должна дифференцироваться на два вида: общеуголовная корыстно-насильственная преступность и общеуголовная ненасильственная корыстная преступность [1].

В доктрине уголовного права сформировались различные подходы к определению места корыстно-насильственных преступлений в структуре преступности. Одни исследователи рассматривают их как часть насильственной преступности, другие – как разновидность корыстной, тогда как третьи определяют их в качестве относительно самостоятельной группы, занимающей промежуточное положение [2].

В этом контексте принципиальное значение приобретает характеристика умысла. Как известно из теории уголовного права – хищения совершаются исключительно с прямым умыслом: виновный сознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. При этом корыстная

цель заключается в стремлении обратить чужое имущество в свою пользу или в пользу других лиц.

Однако содержательное наполнение этого умысла варьируется в зависимости от конструкции объективной стороны преступления. При краже умысел направлен на тайное изъятие имущества, при мошенничестве получается на завладение им путем обмана или злоупотребления доверием. В корыстно-насильственных же преступлениях умысел изначально включает насильственный компонент как необходимый способ достижения корыстной цели.

Так, в доктрине сформировались следующие основания для разграничения. По направленности умысла, что выражаются в исключительно на изъятии имущества, тогда как при корыстно-насильственных следует обращать внимание на соединение изъятия с применением такого фактора как – насилие. По содержанию преступного намерения, которое выражается в нескольких случаях, в первом случае достаточно желания изъять или отобрать имущество, во втором необходимо желание применить насилие как средство изъятия. По моменту формирования умысла для корыстно-насильственных преступлений характерно наличие изначально сформированного умысла на применение насилия.

Таким образом, отправной точкой для разграничения служит даже не столько сам по себе корыстный мотив, сколько тот конкретный способ, который избирает преступник для его реализации. И именно способ позволяет разделить корыстные преступления на две большие группы: те, где насилие отсутствует как элемент состава, и те, где оно становится его сутью.

Критерии разграничения насилия как квалифицирующего признака.

Ключевой проблемой квалификации является установление качественных характеристик применяемого насилия. Законодательная дифференциация насилия на «опасное» и «не опасное» для жизни или здоровья, закреплённая в статьях 161 и 162 УК РФ [3], порождает на практике значительные сложности в толковании. В этой связи особую ценность приобретает доктринальное определение, согласно которому насилие понимается как: умышленное, противоправное физическое или психическое воздействие на человека, осуществляемое против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму [4].

Также насилие раскрывается как – преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [5].

При этом важно отметить, что для квалификации насилия как неопасного не требуется установления конкретных телесных повреждений – достаточно самого факта применения физической силы, ограничивающей свободу потерпевшего.

Качественно иной характер имеет насилие, опасное для жизни или здоровья. Его правовая природа раскрывается через систему взаимосвязанных критериев, куда входят: объективный критерий, который подразумевает оценку реальной

опасности действия для жизни или здоровья потерпевшего, независимо от того, наступили ли фактические последствия. То есть эта оценка основывается на характере действия, применённых средствах и способах, а также на медицинских данных и экспертных заключениях; субъективный критерий, который связан с восприятием угрозы самим потерпевшим – насколько серьёзной и реальной для него была угроза жизни или здоровью; критерий по способу совершения, который учитывает характер и опасность используемых орудий или методов воздействия, например применение оружия, предметов, способных причинить тяжкий вред или смерть, либо иных средств, которые объективно несут угрозу жизни или здоровью.

Система этих критериев применяется для правильной квалификации деяния, особенно при разграничении преступлений, где наличие или отсутствие насилия, опасного для жизни или здоровья, является определяющим признаком (например, при квалификации разбоя).

Правоприменитель сталкивается с наибольшими трудностями в ситуациях «перерастания» одного состава в другой. Типичной является ситуация, когда виновный, начав кражу, будучи застигнутым на месте преступления, применяет насилие для удержания похищенного. В данном случае ключевое значение имеет установление момента осознания потерпевшим факта изъятия и соответствующего изменения умысла виновного.

Наиболее доступное разграничение корыстных и корыстно-насильственных преступлений можно проиллюстрировать на примере грабежа и разбоя. Грабеж является корыстным преступлением, объективная сторона которого выражается в открытом хищении чужого имущества без использования насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы такого насилия. Для квалификации по статье 161 УК РФ необходимо, чтобы деяние имело характер активных действий, повлекших причинение ущерба собственнику, и при этом хищение совершалось открыто, то есть без скрытности. Состав грабежа материальный, он считается оконченным с момента фактического изъятия имущества и наступления реальной возможности пользования им у виновного. Разбой, напротив, является корыстно-насильственным преступлением и регулируется статьей 162 УК РФ [5]. Его объективная сторона включает нападение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения такого насилия, только при условии хищения чужого имущества. В отличие от грабежа, разбой по своей конструкции усеченный состав и считается оконченным с момента нападения, даже если имущество еще не изъято. Это связано с обязательным использованием опасного для здоровья или жизни насилия или угрозы [6].

Таким образом, ключевым разграничительным признаком между грабежом и разбой является применение или угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья, что относит преступление к категории корыстно-насильственных. В случае отсутствия опасного для жизни или здоровья насилия, деяние квалифицируется как грабеж – корыстное, но без таких насильственных признаков.

Для преодоления выявленных проблем представляется необходимым осуществить следующие меры.

Систематизировать критерии оценки опасности насилия. Например, создать рекомендации судам, чтобы в приговорах более детально отражались какие именно обстоятельства (характер действий виновного, используемые предметы, локализация ударов, субъективное восприятие угрозы потерпевшим) свидетельствуют о наличии или отсутствии опасности для жизни или здоровья.

Также следует разработать методические рекомендации по оценке субъективной стороны при «перерастании» составов. Акцент должен делаться на доказывании прямого умысла и момента его формирования, используя для этого не только показания участников процесса, но и объективные данные (место, время, характер повреждений и т.д.) [7].

Для окончательного разрешения данной проблемы следует усилить внимание к процессуальной фиксации хода квалификации. В обвинительном заключении и приговоре следует аргументированно излагать, почему действия виновного не содержат признаков смежного состава, со ссылкой на конкретные установленные по делу факты и их правовую оценку.

Из вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Проблема разграничения корыстных и корыстно-насильственных преступлений носит комплексный характер, коренясь именно в оценке ключевых законодательных дефиниций, таких как «насилие, опасное для жизни или здоровья». Наиболее сложными с точки зрения квалификации являются ситуации перехода деяния кражи в грабеж или разбой, а также отграничение грабежа от разбоя, особенно когда насилие или угроза его применения не были реализованы в виде конкретных телесных повреждений.

Таким образом, правильное разграничение требует тщательного учета комплекса обстоятельств, анализа характера насилия, его общественной опасности и психического отношения потерпевшего, что в совокупности способствует объективной квалификации и справедливому применению норм уголовного права в отношении корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клим, А. М. Общеуголовная корыстная преступность: криминологическое понятие и типология // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – № 2(40). – С. 35–41.
2. Артеменко, Н. Н. Преступления против собственности : учеб. пособие. – Москва, 2024. – 250 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Иванова, Л. М. Место корыстных преступлений, совершаемых с применением насилия, в криминологической классификации преступлений // Глаголь правосудия. – 2018. – № 2. – С. 42–45.
5. Мгдсян Г. Э. Уголовно-правовая оценка корыстных и корыстно-насильственных преступлений // Наука. Общество. Государство. – 2017. – № 3. – С. 1–8.
6. Ефремова, И. А. Уголовное право (Особенная часть): курс лекций. Саратов, 2023. – 265 с.
7. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. – Саранск, 2025.

УДК 343.1

**НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА
КАК МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Кизрин Кирилл Вячеславович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810411@ruc.su

**THE INJUSTICE OF PUNISHMENT AND OTHER CRIMINAL
LAW MEASURES AS A SUBSTANTIVE ASPECT OF THE INJUSTICE
OF JUDICIAL PROCEEDINGS**

Kizrin Kirill Vyacheslav, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящая статья посвящена исследованию несправедливости наказания и иных мер уголовно-правового характера в качестве материально-правового аспекта общей несправедливости судопроизводства. Анализируется сущность справедливого наказания как фундаментального принципа уголовного права. Рассматриваются критерии несправедливости приговора, включая его несоразмерность, дискриминационный характер и нарушение принципа индивидуализации. Исследуется взаимосвязь между материальной несправедливостью итогового решения и процессуальными нарушениями, допущенными в ходе судопроизводства.

Ключевые слова: несправедливость наказания, уголовно-правовые меры, материально-правовая несправедливость, справедливость судопроизводства, соразмерность наказания, принцип индивидуализации, пересмотр приговора.

This article is devoted to the study of the injustice of punishment and other criminal law measures as a substantive aspect of the general injustice of judicial proceedings. The article analyzes the essence of fair punishment as a fundamental principle of criminal law. The criteria of the injustice of the sentence are considered, including its disproportionality, discriminatory nature and violation of the principle of individualization. The article examines the relationship between the material injustice of the final decision and the procedural violations committed during the proceedings.

Keywords: injustice of punishment, criminal law measures, substantive injustice, fairness of judicial proceedings, proportionality of punishment, the principle of individualization, sentence review.

Понятие справедливости является центральным, системообразующим началом для всей правовой системы, но именно в уголовном праве и процессе оно приобретает особую, судьбоносную значимость. Судопроизводство, будучи формой отправления правосудия, по самой своей сути призвано быть справедливым [1]. Однако справедливость – категория многогранная. Ее принято подразделять на процессуальную, связанную с соблюдением правил судебного разбирательства, и материальную, относящуюся к результату судебной деятельности – вынесенному решению, прежде всего, приговору.

В данной статье предметом специального рассмотрения выступает материально-правовая несправедливость, конкретным выражением которой служит несправедливое наказание или применение иных мер уголовно-правового характера. Актуальность темы обусловлена тем, что даже безупречное с процессуальной точки зрения производство может привести к материально несправедливому

итогу, что в конечном счете дискредитирует саму идею правосудия. Несправедливый приговор – это не просто юридическая ошибка; это глубокая социальная и этическая проблема, подрывающая доверие к государству и закону.

Цель работы заключается в комплексном анализе несправедливости наказания как материально-правового ядра несправедливого судопроизводства, выявлении ее критериев, взаимосвязи с процессуальными нарушениями и разработке на этой основе путей совершенствования правовых гарантий.

Справедливость наказания является сложным, многокомпонентным понятием, уходящим корнями в философию права и теории уголовной репрессии. В современном правопонимании она не сводится исключительно к возмездию (ретрибутивизм), но включает в себя элементы утилитаризма, целью которого является предупреждение новых преступлений, а также ресоциализация осужденного.

С материально-правовой точки зрения, справедливое наказание базируется на нескольких взаимосвязанных принципах:

1. Принцип законности. Наказание применяется только на основании уголовного закона, криминализирующего совершенное деяние. Несправедливость здесь может заключаться в применении закона, не подлежащего применению, или в неправильной квалификации, влекущей более строгую санкцию.

2. Принцип вины (субъективного вменения). Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть привлечение к ответственности без вины, является грубейшей формой материальной несправедливости.

3. Принцип соразмерности. Наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Этот принцип является ключевым для понимания материальной справедливости.

4. Принцип гуманизма. Наказание не может иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Даже карая, государство должно сохранять в осужденном личность.

5. Принцип индивидуализации. Суд обязан учитывать все конкретные обстоятельства дела, как смягчающие, так и отягчающие, и данные о личности подсудимого для избрания именно той меры воздействия, которая необходима и достаточна для его исправления.

Таким образом, справедливое наказание – это всегда индивидуализированная, соразмерная, законная и гуманная мера государственного принуждения.

Несправедливость приговора с материальной точки зрения может проявляться в различных формах, которые можно классифицировать по указанным выше принципам [2, с. 225].

Несоразмерность наказания. Наиболее очевидной и распространенной формой несправедливости является несоразмерность назначенного наказания. Она может выражаться в двух основных вариантах:

- Чрезмерная суровость (неоправданно строгое наказание). Назначение реального лишения свободы за преступление небольшой или средней тяжести, не

представляющее значительной общественной опасности, когда цели наказания могли бы быть достигнуты с помощью штрафа, исправительных работ или условного осуждения. Классическим примером является лишение свободы за экономические преступления без признаков корыстной направленности в крупном размере, где ущерб мог быть возмещен, а виновный не является рецидивистом.

- Чрезмерная мягкость (неоправданно мягкое наказание). Назначение наказания, которое явно не отражает общественной опасности содеянного, например, условное осуждение за тяжкое наказание, сопряженное с особой жестокостью. Хотя этот аспект реже становится предметом общественного обсуждения, он также подрывает веру в справедливость, так как не обеспечивает должной защиты общества и не выполняет предупредительной функции.

Несоразмерность зачастую возникает вследствие формального подхода суда к назначению наказания, когда не учитываются все обстоятельства дела в их совокупности, а решение принимается вблизи низшего или высшего предела санкции статьи без достаточных оснований [3, с. 6].

Нарушение принципа индивидуализации. Данная форма несправедливости напрямую связана с несоразмерностью, но имеет свою специфику. Она заключается в игнорировании личности виновного и конкретных условий совершения преступления. Суд может не придавать значения смягчающим обстоятельствам (явка с повинной, активное способствование раскрытию преступления, оказание медицинской помощи потерпевшему, наличие малолетних детей и т.д.), либо, напротив, переоценить значение отягчающих обстоятельств (рецидив, группа лиц), превратив их в автоматическое основание для ужесточения наказания без анализа их реальной роли в совершении преступления.

Индивидуализация также предполагает выбор вида наказания, адекватного личности осужденного. Несправедливым, например, будет назначение штрафа лицу, не имеющему самостоятельного заработка, или ареста – единственному кормильцу в семье.

Дискриминационный характер наказания. Материальная несправедливость достигает своей высшей точки, когда наказание обусловлено не обстоятельствами дела, а социальными, расовыми, национальными, религиозными или иными признаками обвиняемого. Хотя уголовный закон прямо запрещает такую практику, латентные формы дискриминации могут присутствовать. Это проявляется в систематически более строгой практике назначения наказания для определенных социальных групп по сравнению с другими, совершившими аналогичные деяния.

Несправедливость иных мер уголовно-правового характера. Помимо наказания, уголовный закон предусматривает иные меры государственного принуждения, такие как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества. Их применение также может быть несправедливым. Например, назначение принудительного лечения лицу, не нуждающемуся в нем, или, наоборот, отказ в его назначении лицу, страдающему тяжелым психическим расстройством. Несправедливой может быть и конфискация имущества, если она затра-

гивает законные интересы третьих лиц или является непропорциональной тяжести совершенного преступления.

Хотя материальная несправедливость может существовать и при формальном соблюдении процессуальных норм, в подавляющем большинстве случаев эти два аспекта тесно переплетены. Процессуальные нарушения часто служат питательной средой для вынесения материально несправедливого приговора [4, с. 293].

Неполнота судебного следствия. Недоказанность обстоятельств, имеющих значение для правильной квалификации деяния и назначения наказания, приводит к тому, что суд выносит решение на основе неполной или искаженной картины происшедшего. Неисследование алиби, невыяснение мотива, непринятие во внимание данных о личности подсудимого – все это прямые пути к несправедливому приговору.

Недопустимые доказательства. Если обвинение, а впоследствии и приговор, основываются на доказательствах, полученных с нарушением закона (например, через пытки, давление, без надлежащего процессуального оформления), то такой приговор не может считаться справедливым, даже если он «правильный» по существу. Цель правосудия не может оправдывать противозаконные средства.

Нарушение принципа состязательности. Односторонность судебного разбирательства, когда защита лишена реальной возможности оспаривать доводы обвинения, представлять свои доказательства и заявлять ходатайства, неминуемо ведет к обвинительному уклону и, как следствие, к чрезмерно суровому наказанию.

Предвзятость суда. Если суд с самого процесса занимает обвинительную позицию и перекладывает бремя доказывания на защиту, это делает судопроизводство несправедливым в процессуальном плане, что почти гарантированно приводит к материально несправедливому итогу.

Таким образом, материальная несправедливость наказания часто является симптомом, внешним проявлением глубинных процессуальных изъянов всего судопроизводства.

Признание несправедливости наказания влечет за собой необходимость ее устранения. Основным механизмом для этого в национальном праве является институт пересмотра судебных решений.

Апелляционное и кассационное производство. В этих стадиях вышестоящие суды проверяют как процессуальную правильность, так и материальную законность и справедливость приговора. В качестве основания для отмены или изменения приговора Уголовно-процессуальный кодекс прямо указывает «несправедливость приговора», понимая под этим его несоразмерность тяжести преступления и личности осужденного.

Надзорное производство. Хотя его роль в последние годы сужена, оно остается крайним средством для исправления судебных ошибок, в том числе связанных с несправедливым наказанием.

Возобновление производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Этот институт позволяет пересмотреть приговор, если, например, будут обнаружены новые данные, свидетельствующие о непричастности осужденного или о существенных нарушениях, повлиявших на исход дела.

Помимо судебных механизмов, важную роль играет деятельность органов исполнения наказания, которые через институты условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, могут корректировать избыточную суровость приговора, реализуя принцип гуманизма [5, с. 14].

На международном уровне лицо, исчерпавшее все внутренние средства правовой защиты, вправе обратиться в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). Хотя ЕСПЧ не является четвертой инстанцией и не переоценивает факты по делу, он может констатировать нарушение статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на справедливое судебное разбирательство), если процессуальные нарушения привели к материально несправедливому результату, или статьи 3 (запрет пыток и бесчеловечного обращения), если само наказание или условия его отбывания носят унижающий человеческое достоинство характер.

Несправедливость наказания и иных мер уголовно-правового характера представляет собой наиболее острую и социально значимую форму материально-правовой несправедливости судопроизводства. Она проявляется в несоразмерности, нарушении принципа индивидуализации, дискриминации и неправильном применении иных мер принуждения. Будучи тесно связанной с процессуальными нарушениями, материальная несправедливость, тем не менее, обладает собственной природой, поскольку ставит под сомнение не только путь, но и сам результат отправления правосудия.

Преодоление этого явления требует комплексного подхода, включающего в себя не только совершенствование механизмов судебного контроля и пересмотра, но и повышение общей правовой культуры судейского корпуса, усиление гарантий принципа состязательности, развитие юриспруденции, основанной на ценностях справедливости и гуманизма. Только когда материальная справедливость приговора станет приоритетом для всей системы уголовной юстиции, можно будет говорить о подлинно справедливом судопроизводстве, которое не только карает, но и восстанавливает нарушенный правопорядок, не унижая при этом человеческое достоинство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.
2. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики / В. В. Данилов // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. XV Макаркин. науч. чтения / отв. ред. Н. И. Учайкина; Мордов. гуманитар. ин-т. – Саранск, 2015. – С. 220–226.
3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики: автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
4. Данилов В. В., Асанова И. П., Перепелкин В. Ю. Некоторые особенности возбуждения

уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 288–297.

5. Данилов В. В., Старостин Д. Н. Особенности тактики производства следственного осмотра и освидетельствования при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения. – Саранск, 2021. – С. 13–18.

УДК 343

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА НАРКОТИЗМА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Кильдешова Людмила Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810412@ruc.su

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF DRUG ABUSE AS A SOCIO-LEGAL PHENOMENON

Kildeshova Luydmila Alexsandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается феномен наркотизма как сложное социально-правовое явление, объединяющее в себе медицинские, психологические, экономические и правовые аспекты. Анализируются понятие наркотизма, его социальная обусловленность и структура, включающая индивидуальный, групповой и институциональный уровни проявления. Особое внимание уделяется взаимодействию правовой системы и общества в процессе профилактики, предупреждения и противодействия наркомании. На основе анализа законодательства и социологических исследований обосновывается необходимость комплексного подхода к борьбе с наркотизмом, сочетающего меры уголовно-правового, административного и социально-профилактического характера.

Ключевые слова: наркотизм, наркомания, социально-правовое явление, преступность, профилактика, правовое регулирование, общественная безопасность.

This article examines the phenomenon of drug abuse as a complex socio-legal phenomenon, encompassing medical, psychological, economic, and legal aspects. The concepts of drug abuse, its social determinants, and its structure-including individual, group, and institutional levels of manifestation-are analyzed. Special attention is given to the interaction between the legal system and society in the processes of prevention, deterrence, and counteraction of drug addiction. Based on an analysis of legislation and sociological research, the study substantiates the need for a comprehensive approach to combating drug abuse, combining criminal-law, administrative, and social-preventive measures.

Keywords: drug abuse, addiction, socio-legal phenomenon, crime, prevention, legal regulation, public safety.

Наркотизм представляет собой одно из наиболее опасных и противоречивых явлений современной социальной жизни, оказывая разрушительное воздействие не только на отдельные категории граждан, но и на общество в целом. Его распространение сказывается на здоровье населения, демографической ситуации, экономике, социальной стабильности и национальной безопасности государства. В отличие от узкого понимания наркомании как исключительно медицинской болезни или психологической зависимости, наркотизм рассматривается как мно-

гоаспектное социальное явление, включающее совокупность процессов, связанных с производством, распространением, потреблением и правовым регулированием наркотических веществ. Он является не только предметом медицинского и психологического анализа, но и объектом социологического, экономического и правового исследования, так как охватывает широкий спектр социальных отношений и механизмов государственного регулирования.

В научной литературе наркотизм определяется как совокупность социальных отношений, возникающих в результате взаимодействия личности, общества и государства по поводу наркотических веществ. При этом исследователи подчёркивают, что наркотизм не ограничивается индивидуальной зависимостью, а представляет собой комплекс явлений, включающий криминальные, экономические и культурные аспекты. Употребление наркотиков влияет на качество человеческого капитала, формирует криминальную среду и способствует разрушению семейных и социальных связей, что в конечном итоге снижает социальную устойчивость общества [5].

Историческое развитие наркотизма обусловлено социально-экономическими и культурными процессами. В традиционных обществах употребление наркотических веществ зачастую имело ритуальный, религиозный или медицинский характер и воспринималось как элемент культуры, не считавшийся социальным злом. С развитием индустриального общества, усилением урбанизации, ростом социального отчуждения и экономического неравенства наркотизм приобрёл массовые формы. Он стал отражением кризисных процессов в духовной, социальной и экономической сферах, символом утраты социальных ориентиров и снижения уровня правосознания граждан. Современные исследования показывают, что наркотизм тесно связан с проблемами безработицы, бедности, маргинализации молодёжи, недостаточной эффективностью системы профилактики и контроля, а также с ростом неформальных групп, вовлекающих молодое поколение в потребление психоактивных веществ [3].

Правовая наука рассматривает наркотизм как объект регулирования и контроля со стороны государства. Основы законодательного регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации закреплены в Федеральном законе № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1]. Этот закон определяет правовые режимы производства, хранения, реализации, использования и уничтожения наркотических веществ, устанавливая при этом жесткий контроль за соблюдением установленных правил. Однако правовая сторона проблемы не ограничивается только оборотом наркотиков. В уголовном и административном праве предусмотрена ответственность за незаконное производство, сбыт и потребление наркотиков, а также за вовлечение других лиц в употребление психоактивных веществ [4]. Тем самым правовое регулирование охватывает как репрессивные меры, направленные на ограничение преступных проявлений, так и профилактические механизмы, связанные с охраной здоровья граждан и предупреждением наркомании среди населения.

Понятие наркотизма включает три взаимосвязанных уровня – индивидуальный, групповой и институциональный. На индивидуальном уровне наркотизм

проявляется через личную зависимость, разрушение физического и психического здоровья, утрату социальных связей и ограничение правового статуса личности. На групповом уровне формируются устойчивые микросообщества – группы потребителей, посредников и распространителей, деятельность которых часто носит криминальный и антисоциальный характер. Институциональный уровень охватывает деятельность государственных органов, медицинских и правоохранительных учреждений, общественных организаций, взаимодействующих в сфере профилактики и противодействия наркотизму [2].

Структура наркотизма как социально-правового явления может быть представлена через взаимосвязь трёх элементов: субъектов, норм и институтов. Субъектами являются как граждане, находящиеся в состоянии зависимости или вовлечённые в незаконный оборот наркотиков, так и органы государственной власти, наделённые полномочиями в сфере контроля и профилактики. Нормативный элемент включает совокупность правовых актов, регулирующих отношения, связанные с наркотиками. Институциональный элемент выражается в деятельности специализированных органов – Министерства здравоохранения, Министерства внутренних дел, органов прокуратуры и социальной защиты, которые совместно обеспечивают контроль, профилактику и реабилитацию [3]. В совокупности эти элементы формируют систему, направленную на достижение баланса между ограничением преступных проявлений и обеспечением социальной поддержки для лиц, страдающих зависимостью.

Экономический аспект наркотизма проявляется в его двойственной природе. С одной стороны, наркорынок представляет собой мощный теневой сектор экономики, формирующий незаконные финансовые потоки, способствующий развитию организованной преступности и подрыву законного предпринимательства. С другой стороны, государство вынуждено направлять значительные бюджетные ресурсы на борьбу с наркоманией, лечение и социальную реабилитацию зависимых. Совокупные экономические потери общества включают не только прямые расходы на медицинскую помощь и правоохранительные мероприятия, но и косвенные убытки от снижения производительности труда, роста преступности и социальной дезорганизации [5].

Социально-правовая характеристика наркотизма требует анализа взаимодействия правовых норм и общественных институтов. В условиях современной России правовая политика в сфере борьбы с наркотизмом формируется на принципах гуманизма, профилактики и реабилитации. Однако практика показывает преобладание карательного подхода, ориентированного на наказание, а не на предупреждение. Ужесточение уголовной ответственности при отсутствии достаточного социального сопровождения приводит к маргинализации зависимых лиц и снижению эффективности государственной политики [4]. Международный опыт демонстрирует, что наибольшие результаты достигаются при комплексном сочетании юридических, медицинских и образовательных мер, а также при активном вовлечении гражданского общества в профилактическую деятельность [3].

Наркотизм как социально-правовое явление отражает общие тенденции трансформации общества. Его распространение свидетельствует о кризисе ценностных ориентиров, падении авторитета права и недостаточной адаптации правовой

системы к современным вызовам. Противодействие наркотизму требует не только совершенствования законодательства, но и укрепления институциональной среды, способной объединить усилия государства, бизнеса и гражданского общества. Эффективная борьба с наркотизмом невозможна без социально-экономических реформ, направленных на снижение бедности, безработицы и неравенства, поскольку именно эти факторы формируют питательную среду для распространения зависимости и криминальной деятельности [5].

Таким образом, наркотизм представляет собой сложное переплетение социальных, экономических и правовых факторов, а его структура демонстрирует взаимодействие индивидуальных, групповых и институциональных уровней. Борьба с наркотизмом должна носить системный характер, сочетая правовые, медицинские и социально-экономические меры. Только при комплексном подходе возможно достижение устойчивого результата, направленного на укрепление общественной безопасности, защиту здоровья нации и реализацию конституционного принципа охраны личности и общества от угроз, подрывающих их развитие [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». – URL: <https://www.consultant.ru/>
2. Абдуллаев С. Р. Наркотизм и его социальные последствия. – Москва : Юрайт, 2022. – 312 с.
3. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2020. – 428 с.
4. Бородин С. В. Правовые меры борьбы с наркопреступностью. – Москва : Проспект, 2019. – 256 с.
5. Кудрявцев В. Н. Преступность и социальный контроль. – Москва : Наука, 2018. – 410 с.

УДК 343

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Климкина Кристина Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st8104005@ruc.su

DIFFERENTIATION OF PUBLIC-LAW LIABILITY FOR CORRUPTIONAL BEHAVIOR

Klimkina Kristina Mikhailovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Публично-правовая ответственность за коррупционные правонарушения представляет собой сложный и многогранный институт современной правовой системы Российской Федерации. Дифференциация ответственности является ключевым принципом, позволяющим применять различные меры воздействия с учетом характера и степени общественной опасности деяния, статуса правонарушителя и иных значимых обстоятельств.

В настоящей статье автором рассматриваются теоретические и практические аспекты дифференциации публично-правовой ответственности за коррупционное поведение, анализируются существующие правовые механизмы и предлагаются направления совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: правовая система, коррупционное поведение, противодействие коррупции, дифференциация ответственности, правонарушение, преступление, меры воздействия.

Public liability for corruption offenses is a complex and multifaceted institution of the modern legal system of the Russian Federation. Differentiation of responsibility is a key principle that allows for the application of various measures of influence, taking into account the nature and degree of public danger of the act, the status of the offender and other significant circumstances. In this article, the author examines the theoretical and practical aspects of differentiating public liability for corrupt behavior, analyzes existing legal mechanisms and proposes directions for improving legislation in this area.

Keywords: legal system, corrupt behavior, anti-corruption, differentiation of responsibility, offense, crime, measures of influence.

Эволюция антикоррупционного законодательства демонстрирует постоянный поиск баланса между унификацией требований ко всем публичным должностным лицам и необходимостью дифференцированного подхода к установлению ответственности с учетом специфики различных категорий таких лиц. Такой подход позволяет более эффективно достигать целей противодействия коррупции, обеспечивая при этом соблюдение принципов справедливости и соразмерности ответственности.

Дифференциация ответственности в контексте противодействия коррупции представляет собой установление различных мер правового воздействия на правонарушителей в зависимости от определенных критериев и факторов. Теоретической основой дифференциации является принцип справедливости, требующий соразмерности мер ответственности характеру и степени общественной опасности совершенного правонарушения, а также личности правонарушителя [1, С. 475].

В антикоррупционном законодательстве дифференциация проявляется через:

- Установление различных видов ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой) за коррупционные правонарушения
- Определение критериев дифференциации в зависимости от статуса публичного должностного лица, характера и тяжести совершенного правонарушения
- Закрепление смягчающих и отягчающих обстоятельств, влияющих на вид и меру ответственности
- Создание специальных процедур привлечения к ответственности для различных категорий лиц

Оптимальный механизм антикоррупционного регулирования должен основываться на сочетании дифференциации и унификации с преобладанием последнего. Необходимость дифференциации антикоррупционных ограничений и механизмов их применения должна быть обусловлена особенностями статуса категории публичного должностного лица.

Коррупционные правонарушения характеризуются как противоправные деяния, совершенные с использованием своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды. Федеральный закон «О противодействии коррупции» дает следующее определение

коррупции – «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды» [2, С. 103].

Особенностью коррупционных правонарушений является их комплексный характер, предполагающий возможность привлечения виновных лиц к различным видам юридической ответственности - уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой. Такая комплексность обусловлена тем, что коррупционные деяния посягают одновременно на несколько групп общественных отношений: нормальное функционирование публичной власти, принципы добросовестного выполнения должностных обязанностей, имущественные отношения и другие.

В российском законодательстве предусмотрена система видов ответственности за коррупционные правонарушения, каждый из которых имеет собственные цели, функции и механизмы реализации.

Таблица. Виды юридической ответственности за коррупционные правонарушения.

Вид ответственности	Нормативная основа	Основные меры воздействия	Субъекты ответственности
Уголовная	Уголовный кодекс РФ	Штраф, лишение свободы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности	Физические лица
Административная	Кодекс об административных правонарушениях РФ	Штраф, дисквалификация	Физические и юридические лица
Дисциплинарная	Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ»	Замечание, выговор, увольнение	Государственные и муниципальные служащие
Гражданско-правовая	Гражданский кодекс РФ	Возмещение убытков, взыскание незаконно полученного имущества	Физические и юридические лица

Дифференциация ответственности за коррупционные правонарушения осуществляется на основе системы критериев, позволяющих индивидуализировать меры правового воздействия:

1. Характер и степень общественной опасности деяния – это основной критерий, определяющий выбор между различными видами ответственности. Например, получение взятки в крупном размере влечет уголовную ответственность, тогда как неприявление конфликта интересов может повлечь дисциплинарную ответственность.

2. Статус правонарушителя – для различных категорий публичных должностных лиц устанавливаются особые правила привлечения к ответственности. Как

отмечается в исследованиях, существует проблема несправедливости в отношении муниципальных депутатов, для которых предусмотрен «самый жесткий вариант ответственности: либо отставка, либо досрочное прекращение полномочий».

3. Обстоятельства совершения правонарушения – наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств существенно влияет на вид и меру ответственности. Например, активное содействие раскрытию преступления или добровольное сообщение о даче взятки могут служить основанием для смягчения наказания.

4. Размер причиненного вреда – величина материального ущерба или тяжесть иных негативных последствий коррупционного правонарушения влияет на строгость ответственности. Законодатель устанавливает различные санкции в зависимости от размера взятки или суммы причиненного ущерба [3].

Одной из наиболее актуальных проблем антикоррупционного регулирования является недостаточная дифференциация ответственности для различных категорий публичных должностных лиц. Как отмечается в исследовании, проведенном Комитетом Государственной думы по безопасности и противодействию коррупции, существующий механизм ответственности для муниципальных депутатов является излишне жестким и не учитывает специфику их статуса.

Особую проблему представляет собой декларационная обязанность для сельских депутатов, которые в большинстве случаев работают на непостоянной основе и не имеют значительных доходов. Заполнить и подать декларацию для депутата данной категории непросто. Получить банковские справки, когда отделений банков нет на местах и даже в районных центрах, получить сведения об имуществе в госучреждениях, которых также нет даже в райцентрах – настоящая проблема.

В этой связи предлагается введение дифференцированного подхода к декларированию доходов для различных категорий публичных должностных лиц. Для сельских депутатов, например, может быть предусмотрена однократная подача декларации на момент участия в выборах, а в последующем – уведомительный порядок сообщения о крупных сделках и доходах.

В научной литературе отмечается, что эволюция антикоррупционного законодательства подчинена двум противоположным тенденциям: с одной стороны, унификация антикоррупционных требований ко всем категориям публичных должностных лиц, с другой – необходимость дифференциации таких требований с учетом особенностей правового статуса различных категорий лиц.

Критериями обоснованной дифференциации могут выступать:

- Характер и объем властных полномочий публичного должностного лица
- Уровень его доходов и возможность влияния на распределение бюджетных средств
- Степень риска коррупционных правонарушений в соответствующей сфере
- Профессиональные особенности деятельности [4, С. 62].

Совершенствование механизмов дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения требует комплексного подхода и реализации ряда мер законодательного и организационного характера. Как отмечается в исследова-

ниях, коррупционная преступность в России приобретает все более массовый характер и становится обыденностью, что требует усиления профилактических мер и разработки направлений совершенствования уголовно-правовой политики.

Основными направлениями совершенствования законодательства о дифференциации ответственности являются:

1. Разработка системы критериев дифференциации ответственности в зависимости от характера и тяжести правонарушения, статуса правонарушителя и иных значимых обстоятельств. Эта система должна быть закреплена на законодательном уровне и обеспечивать единообразное применение антикоррупционных норм.

2. Введение градации мер ответственности для различных категорий публичных должностных лиц. Как справедливо отмечается в литературе, «сейчас законодательством для муниципальных депутатов, выборных должностных лиц, глав муниципальных образований предусмотрен самый жесткий вариант ответственности: либо отставка, либо досрочное прекращение полномочий».

3. Оптимизация декларационных обязанностей для отдельных категорий публичных должностных лиц, в частности для сельских депутатов, которые работают на непостоянной основе и не имеют значительных доходов. Предлагается введение уведомительного порядка сообщения об изменениях в имущественном положении вместо ежегодного декларирования.

4. Создание системы профилактических мер для случаев незначительных нарушений антикоррупционного законодательства. Как отмечается в исследованиях «чиновник, допустивший формальную ошибку в заполнении декларации, не может быть объявлен коррупционером и отправлен в отставку. Для таких случаев необходимо предусмотреть профилактические меры: разъяснять, как правильно соблюдать антикоррупционные стандарты».

Реализация дифференцированного подхода к установлению ответственности за коррупционные правонарушения требует создания эффективных механизмов применения соответствующих норм. Важную роль в этом процессе играет правоприменительная практика, особенно судебная и прокурорская.

При назначении наказания за коррупционные преступления должны учитываться такие обстоятельства, как «данные о личности виновного (положительные или отрицательные), обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи». Учет всех этих обстоятельств позволяет назначить конкретному виновному лицу справедливое наказание.

Важным механизмом дифференциации ответственности является система смягчающих и отягчающих обстоятельств, закреплённая в уголовном и административном законодательстве. Например, активное содействие раскрытию преступления, добровольное сообщение о даче взятки, оказание помощи в раскрытии преступления могут служить основанием для смягчения наказания.

Еще одним механизмом дифференциации является институт освобождения от ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим. Однако в случае с коррупционными преступлениями применение этих ин-

ституты имеет определенную специфику, связанную с повышенной общественной опасностью таких деяний [5, С. 11].

В заключении можно сделать вывод, что дифференциация публично-правовой ответственности за коррупционные правонарушения представляет собой сложный и динамичный правовой институт, требующий постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям. Как показывает анализ законодательства и правоприменительной практики, современная система антикоррупционного регулирования стремится найти баланс между унификацией требований ко всем публичным должностным лицам и необходимостью дифференцированного подхода к установлению ответственности с учетом специфики статуса различных категорий таких лиц.

Перспективы развития института дифференциации ответственности связаны с совершенствованием критериев разграничения видов ответственности, оптимизацией декларационных обязанностей для отдельных категорий публичных должностных лиц, разработкой системы профилактических мер для случаев незначительных нарушений. Особого внимания заслуживает проблема излишне жесткой ответственности для муниципальных депутатов, особенно в сельских поселениях, где их работа носит непостоянный характер и не связана с значительными доходами.

Как справедливо отмечается в научной литературе, оптимальный механизм антикоррупционного регулирования должен основываться на сочетании дифференциации и унификации с преобладанием последнего. Необходимость дифференциации антикоррупционных ограничений и механизмов их применения должна быть обусловлена особенностями статуса категории публичного должностного лица. Все изменения в законодательство о противодействии коррупции следует подвергать экспертизе с точки зрения применения требования унификации, а любая дифференциация должна быть обоснована.

Дальнейшее развитие института дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупцией, обеспечению принципов справедливости и соразмерности ответственности, укреплению доверия граждан к институтам публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапенкова, О. И. Привлечение к ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // Наукосфера. – 2023. – № 1-2. – С. 472–477.
2. Кусиев, М. В. Ответственность за коррупционные правонарушения в системе государственной власти // Инновации. Наука. Образование. – 2023. – № 91. – С. 101–107.
3. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. – Саранск, 2025.
4. Хаснутдинов, Р. Р. Система юридической ответственности за правонарушения в сфере противодействия коррупции: постановка вопроса на основе анализа правоприменительной практики // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 4(208). – С. 60–62.
5. Резевская, Ю. Б. Проблемы юридической ответственности государственных служащих // Экономика и право в России и мире : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2025. – С. 7–12.

УДК 347.25

ОБ УЗУФРУКТЕ В ЖИЛИЩНОМ ПРАВЕ РФ

Колоколова Елена Олеговна, кандидат философских наук, доцент

Минеева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: kolokolovalena@mail.ru; irina.min82@gmail.com

ABOUT USUFRUCT IN HOUSING LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kolokolova Elena Olegovna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Mineeva Irina Nikolaevna, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье автор анализирует необходимость систематизации иных вещных прав пользователей жилых помещений, сопоставляя нормы действующего законодательства с римской моделью узупрукта. Выделенные иные вещные права на жилое помещение позволяют упростить правоприменение и избежать нарушения прав пользователей жилых помещений, не являющимися их собственниками.

Ключевые слова: узупрукт, право пользования, ограниченные вещные права, жилое помещение, жилищные права, право собственности.

In the article, the author analyzes the need to systematize other property rights of residential premises users, comparing the norms of current legislation with the Roman model of usufruct. The allocated other property rights to residential premises will simplify law enforcement and avoid violations of the rights of users of residential premises who are not their owners.

Keywords: usufruct, right of use, limited property rights, residential premises, housing rights, property rights

Узупрукт (лат. *ususfructus*: *usus* – использование, лат. *fructus* – доход) правовая категория, закрепляющая право личного пользования на чужую вещь, известная правовой цивилистике еще в середине II века нашей эры. Институты Гая, Сентенции Павла содержали упоминания об узупрукте как о правовой категории, закрепляющей правомочия лица на чужую вещь. В последующем данный институт получил более детальное развитие. Например, в Ватиканских фрагментах о римском праве, в Дигестах Юстиниана.

В римском праве узупрукт трактовался как право пользования чужой вещью с возможностью извлечения плодов, но обязательным обеспечением сохранности вещи в натуре. Узупрукт как вещное право на чужую вещь выступал как обременение права собственника такой вещи.

Положения об узупрукте были приняты в законодательство различных зарубежных стран. Гражданское законодательство Франции определяет узупрукт как право пользование вещью собственника с учетом сохранения ее существенных качеств. Такое пользование может устанавливаться как законом, так и волею человека с условиями, оговорками или без таковых. Право пользования чужой вещью может реализовываться как в отношении движимого, так и недвижимого имущества (Ст. 578–581 ФГК) [1].

В отличие от французского законодательства в Германии узупрукт трактуется как разновидность сервитута, не наделяя данное правомочие характером самостоятельного ограниченного вещного права. Согласно параграфам 1030–1089

Германского гражданского уложения, в рамках узуфрукта лицо вправе извлекать пользу от пользования вещью, что является определенным ее обременением. При этом могут быть установлены определенные виды пользования вещью и исключены другие (§ 1030 ГГУ) [2].

В отличие от германского гражданского законодательства в Италии статьи 978–1020 ГК узуфрукт определяют как самостоятельное ограниченное вещное право наряду с сервитутом. Пользователь наделяется самостоятельным правом в отношении чужой вещи при условии соблюдения ее хозяйственного назначения.

Правовая ретроспектива существования института узуфрукта как вещного права на чужую вещь позволяет констатировать, что данное правомочие признается необходимым и значимым элементом выстраивания правоотношений между собственником и пользователем и за время своего существования показал практическую значимость и необходимость применения в правовом поле.

В русском правовом поле категория «кормля» идентична понятию «узуфрукт» встречается в статье 88 Псковской Судной Грамоты (1397–1467 гг.) [3].

При этом в Соборном Уложении 1649 г. как важном, масштабном и фундаментальном акте, представляющем свод законов того времени, не было упоминания об узуфрукте или об аналогичных правомочиях лица на чужую вещь.

Действующий как источник права с 1835 года Свод законов гражданских Российской империи уже включал в свое содержание раздел, в котором регулировались полномочия лиц по владению и пользованию отличные от права собственности [4].

В период советского периода институт ограниченных вещных прав выпал из правового поля, исключив данные правоотношения из сферы регулирования гражданского законодательства.

Однако, аналогичные узуфрукту полномочия все же можно найти в законодательстве данного периода.

Несмотря на это отдельные вещные права по характеру своего содержания подобные модели римского узуфрукта все же существовали в правовом поле.

Например, земля могла предоставляться исключительно в пользование и не могла выступать объектом гражданского оборота, находясь в государственной собственности [5].

Признавались советским законодателем и регламентировались такие правомочия как пожизненно наследуемое владение и право постоянного (бессрочного) пользования, которые по своему содержанию строились по модели правовой сущности узуфрукта [6].

Действующее российское законодательство также обошло стороной прямое упоминание узуфрукта как института, который формирует ограниченные вещные права. Рассматриваемый термин не имеет легального закрепления в рамках как гражданских правоотношений, так и иных отраслей правовой системы РФ. Однако, такие права находят регламентацию, например, в рамках регулирования отношений по пользованию отказополучателем жилым помещением, предоставленным ему по завещательному отказу. Специфика прав пользования устанавливается и в отношении членов семьи собственника жилого помещения, с учетом

норм не только гражданского, жилищного, но и семейного законодательства.

Исследуя вопросы права пользования жилым помещением, которое возникает не у собственника такого объекта недвижимости, приходится констатировать, что ни гражданское, ни жилищное законодательство не содержит систематизации таких ограниченных вещных прав. Часто нормы ГК РФ и ЖК РФ просто дублируют друг друга, соотносясь как общее и специальное в правовом регулировании, не давая ясности и конкретизации. Нормы жилищного законодательства, которые регулируют отношения по предоставлению права пользования субъектам, не являющимися собственниками жилого помещения разбросаны, не системны, что усложняет правоприменительную практику.

В соотношении с содержательным пониманием римской модели узуфрукта, системный анализ норм жилищного законодательства позволяет выделить следующие права пользования чужой вещью исходя из специфики предмета правового регулирования жилищных правоотношений.

В соответствии со статьей 124 ЖК РФ членство в жилищном кооперативе выступает в качестве основания для владения, пользования, а в установленных законом пределах и распоряжением жилым помещением в таком кооперативном доме. При этом, право собственности согласно п. 1 статьи 129 ЖК РФ у члена кооператива возникает только после полной выплаты паевого взноса. Соответственно, до этого момента член кооператива не наделяется правом распоряжаться данным объектом. После введения многоквартирного дома в эксплуатацию, член кооператива может вселиться и пользоваться данным объектом в соответствии с требованиями жилищного и гражданского законодательства. Следует отметить, что отсутствие правомочия распоряжения в рассматриваемый период влияет также на порядок наследования.

Право пользования жилым помещением возникает также у членов семьи собственника жилого помещения. При этом, при наличии определенных условий, даже в случае прекращения семейных правоотношений суд может сохранить право пользование, по сути, уже чужим жилым помещением за бывшим членом семьи собственника. К сожалению, следует констатировать отсутствие прямого указания в нормах статьи 31 ЖК РФ и статьи 292 ГК РФ, которые определяют статус таких пользователей, на возможность сохранения за такими членами семьи самостоятельного права на жилое помещение в случаях приобретения жилья в браке или при отказе от участия в приватизации. Хотя такое указание содержится в иных нормах закона.

Отказополучатель в рамках завещательного отказа наделяется правом личного пользования жилым помещением наследника, которое он получил в порядке наследования. Пользование может быть усыновлено завещательным отказом как на определенный срок, так и без указания такового. Важно отметить, что завещательным отказом предоставляется только личное право пользования, т.е. это право не может быть передано отказополучателем иным лицам ни в рамках универсального, ни в рамках сингулярного правопреемства.

Договор пожизненного содержания с иждивением также является основанием предоставления пользования жилым помещением по модели узуфрукта. Следует

отметить, что законодатель при регулировании рассматриваемых отношений применяет аналогию закона, отсылая правоприменителя к нормам статьи 33 ЖК РФ о пользовании жилым помещением, предоставленном на основании завещательного отказа. Не вполне оправданное решение, т.к. завещательный отказ и пожизненное содержание с иждивением различны по правовой природе, а значит и право пользования лиц, чье право возникло из данных юридических фактов должно быть предметом самостоятельного регулирования.

Определенные ограничения возникают также у собственников, которые получили в установленном законом порядке решение об изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд.

Особенности в реализации правомочий установлены законом по отношению к общему имуществу собственников помещений в многоквартирном доме, т.к. такое имущество не может выступать самостоятельным объектом гражданского оборота, следуя судьбе помещения, находящегося в собственности лица. На таком имуществе не распространяет действие норма о преимущественном праве выкупа доли сособственником и т.д. Пользование общим имуществом осуществляется по согласованию всех собственников и только в рамках, установленных законом. Аналогичный режим установлен по отношению к общему имуществу в коммунальной квартире.

Право пожизненного пользования также сохраняется у лиц, отказавшихся от участия в приватизации жилого помещения в пользу других членов семьи. Данное право следует судьбе вещи, т.е. в случае продажи такого приватизированного жилого помещения новый собственник обязан предоставлять право пользования жильем лицам, ранее отказавшимся от участия в приватизации данного жилого помещения при условии, что они не снялись с регистрационного учета из данного жилого помещения. Однако, во избежание нарушения жилищных прав указанной категории субъектов правоотношений и свободного усмотрения в правоприменительной практике, необходимо все же на законодательном уровне установить критерии признания лица, отказавшемся от участия в приватизации, утратившим право пользования данным жилым помещением.

У лица по договору найма (аренды) жилого помещения также возникает право пользования [7, с. 39]. В данном случае, наоборот, следует отметить, что в формулировке п. 1 статьи 671 ГК РФ существует пробел, т.к. нормы указанной статьи закрепляют лишь право владения и пользования с целью проживания в таком жилом помещении, хотя наниматель с согласия собственника может реализовать и распорядительные функции, например, сдать в поднайм. Поэтому следует указать норму скорректировать, указав, что наниматель вправе осуществлять распоряжение таким жилым помещением в пределах, установленных законом.

Таким образом, узуфрукт как право личного пользования в жилищном праве представлен целым перечнем правомочий обладателя ограниченного вещного права, каждое из которых предоставляет лицу, не являющемуся собственником жилого помещения, право пользования таким объектом недвижимости с учетом соблюдения норм об обеспечении его сохранности, функционального назначения, прав и законных интересов иных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – Москва : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4–592.
2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. – 4–е изд., перераб. – Москва : Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII–XIX.
3. Псковская Судная Грамота. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg>.
4. Свод законов Российской Империи. Том X. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1900 г.
5. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 11.11.1922: в ред. от 01.02.1949 г. // Известия ВЦИК. – 1922. – № 256.
6. Земельный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 25.04.1991 № 1103-1: в ред. от 24.12.1993г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 22. – Ст. 768 (утратил силу)
7. Колоколова Е. О. Вещное право на жилое помещение // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 1. – С. 35–39.

УДК 349.3

К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ И НАДЗОРЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Логутенков Александр Владимирович, преподаватель

Харитонов Мария Игоревна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: a.v.logutenkov@ruc.su, m.i.haritonova@ruc.su

ON THE ISSUE OF CONTROL AND SUPERVISION IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION

Logutenkov Alexander Vladimirovich, Lecturer

Kharitonova Maria Igorevna, Lecturer

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования обусловлена возрастающей необходимостью осуществления контроля и надзора в сфере социальной поддержки населения, поскольку она является мощным средством оживления кризисов, улаживания конфликтов, возникающих вследствие происходящих в экономике преобразований, а также проблем социально-биологического характера (например, COVID-19). Качество социального менеджмента оценивается, в первую очередь, по конкретным мероприятиям, проводимым в социальной сфере.

Ключевые слова: контроль, надзор, органы прокуратуры, общественный контроль.

The relevance of the study is due to the growing need for control and supervision in the field of social support, as it is a powerful tool for resolving crises and conflicts that arise as a result of economic transformations, as well as socio-biological issues (such as COVID-19). The quality of social management is primarily assessed based on the specific measures taken in the social sphere.

Keywords: control, supervision, prosecutor's office, and public control.

Нестабильность в социально-экономическом секторе Российской Федерации, социально-биологические проблемы мирового масштаба обуславливают повышение доктринального и практического интереса к правоотношениям в области социальной поддержки населения страны.

Социально-ориентированная государственная политика России нашла прямое

отражение в Конституции РФ. Провозглашая человека высшей ценностью, государство гарантирует поддержку всем жителям страны, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Эффективное развитие государственности невозможно без укрепления начал поддержки населения страны, попавшего в трудные жизненные ситуации, поскольку от этого зависит стабильность общества, его устойчивое развитие, а в итоге его национальная безопасность.

В свете экономических кризисов и политической нестабильности социальная поддержка населения представляет собой ключевой элемент адекватно организованной социальной политики государства.

В настоящее время социальное обеспечение выступает некоторой «подушкой безопасности», реализация механизма которого начинается с момента наступления трудной жизненной ситуации или страховых случаев, предусмотренных действующим законодательством. Механизмы социального обеспечения призваны минимизировать (нивелировать) последствия социальных рисков.

Детальное изучение и анализ социальных явлений и процессов является частью общемировой политики. На основе этих исследований должны создаваться системы государственного управления. Стратегия контроля и надзора, в данном случае, должны рассматриваться как реализация управленческих функций с целью обеспечения удовлетворения гарантированных социальных потребностей общества.

Федеральным органом исполнительной власти, реализующим функции по выработке и реализации государственной социальной политики, в том числе осуществляющим федеральный государственный контроль (надзор), является Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [1].

Одним из подконтрольных Минтруду направлений является трудоустройство ветеранов специальной военной операции. Действующим законодательством предусмотрена гарантия сохранения рабочего места, а также возможность бесплатного профессионального переобучения.

На участников СВО распространяется программа субсидирования найма. Для центров занятости Минтрудом России разработан отдельный стандарт помощи ветеранам специальной военной операции. В 2024 году было трудоустроено по этому направлению 13,5 тысячи ветеранов и членов семей погибших героев.

Реализуя контрольную функцию Минтруд России выступил одним из разработчиков нацпроекта «Кадры», вступившего в силу с 1 января 2025 года [2. С. 14].

Под особым контролем Минтруда России находится работа, направленная на реализацию семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации.

По инициативе Минтруда России внедрен в промышленную эксплуатацию сервис «Социальное казначейство», посредством которого внедрены механизмы получения мер поддержки. Ряд мер предоставляются через Единый портал государственных услуг, либо проактивно – при наступлении той или иной жизненной ситуации у гражданина.

По состоянию на 1 января 2025 года 70 мер социальной поддержки можно получить посредством рассматриваемого сервиса.

Примером такого механизма или применения принципа социального казначейства является как раз единое пособие для детей в возрасте до 17 лет и беременных женщин. Сегодня такое пособие назначается на основе заявления гражданина, поданного на Едином портале государственных услуг. Социальный фонд, получая это заявление, собирает все необходимые сведения посредством межведомственных запросов у заинтересованных ведомств.

Под непрерывным наблюдением (надзором) Минтруда России находится адресная социальная поддержка граждан пожилого возраста, инвалидов и ветеранов.

Немаловажное значение в системе контрольных мероприятий социальной сферы является независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры, здравоохранения, образования, социального обслуживания.

Независимая оценка качества осуществляется в следующих формах:

- 1) анкетирование получателей услуг (в том числе онлайн анкетирование);
- 2) интервьюирование получателей услуг;
- 3) телефонный опрос получателей услуг.

Так, например, по результатам анализа независимой оценки качества условий оказания услуг федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, проведенного в 2024 году, установлено следующее.

По критерию «Открытость и доступность информации об организации» самый высокий балл (97,97 из 100 возможных баллов) набрало ФКУ «ГБ МСЭ по г. Москве». На втором месте ФКУ «ГБ МСЭ по г. Санкт-Петербургу», набравшее 97,45 балла, на третьем – ФКУ «ГБ МСЭ по Республике Татарстан», набравшее 96,64 балла.

По критерию «Доступность услуг для инвалидов» самый высокий результат 96,46 баллов из 100 возможных набрало ФКУ «ГБ МСЭ по Республике Татарстан». На втором месте «ФКУ ГБ МСЭ по г. Санкт-Петербургу» – 96,14 балла, на третьем – ФКУ «ГБ МСЭ по Удмуртской Республике» – 95,22 балла.

По критерию «Доброжелательность, вежливость работников федерального учреждения медико-социальной экспертизы» самый высокий балл (97,7 из 100) у ФКУ «ГБ МСЭ по Республике Татарстан». На втором месте ФКУ «ГБ МСЭ по г. Санкт-Петербургу» – 97,06 балла, на третьем – ФКУ «ГБ МСЭ по Костромской области» – 92,97 балла.

По критерию «Удовлетворенность условиями оказания услуг» первое место у ФКУ «ГБ МСЭ по Республике Татарстан» – 97,4 балла из 100. Второе место заняло ФКУ «ГБ МСЭ по г. Санкт-Петербургу» – 96,76 балла. Третье место у ФКУ «ГБ МСЭ по г. Москве» – 92,64 балла [3].

Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере соблюдения прав и социальных гарантий наиболее незащищенных слоев населения является важнейшим инструментом обеспечения социальной справедливости и защиты прав граждан. Эта деятельность направлена на предотвращение и пресечение нарушений прав социально уязвимых категорий граждан, таких как инвалиды, пенсионеры, дети-сироты, малоимущие семьи и другие лица, нуждающиеся в особой поддержке государства.

Основой для осуществления прокурорского надзора в сфере социальной защиты является Конституция Российской Федерации, которая провозглашает

права и свободы человека высшей ценностью (статья 2) и обязывает государство обеспечивать их защиту.

В развитие конституционных положений принят закон «О прокуратуре Российской Федерации», определяющий функции и полномочия прокуратуры, включая надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [4].

Прокуратура контролирует своевременность и полноту предоставления социальных выплат, пенсий, пособий и иных льгот гражданам, имеющим на них право. Выявляются случаи неправомерного отказа в назначении выплат, задержки их перечисления или незаконного уменьшения размеров. Например, в ходе проверок могут быть обнаружены факты несвоевременной выплаты пенсий или отказа в предоставлении пособий многодетным семьям без законных оснований.

Органы прокуратуры проводят проверки в домах-интернатах, центрах социального обслуживания, детских домах и других учреждениях, обеспечивая соблюдение прав, проживающих и получателей услуг. Особое внимание уделяется условиям проживания, качеству предоставляемых услуг и соблюдению санитарно-гигиенических норм. Например, прокурорские проверки могут выявлять случаи ненадлежащего ухода за пожилыми людьми в домах престарелых или нарушения прав детей в детских домах [5, С. 82].

Прокуратура, выступая субъектом контроля (надзора), следит за обеспечением доступной среды для лиц с ограниченными возможностями, их правом на труд, образование, медицинское обслуживание и социальную интеграцию. Выявляются случаи дискриминации, отказа в трудоустройстве или обучении по причине инвалидности. Например, могут быть выявлены случаи отсутствия пандусов в общественных местах или отказа в приеме на работу квалифицированного специалиста из-за его инвалидности.

Особое внимание уделяется обеспечению жильем детей-сирот, многодетных семей, инвалидов и других категорий граждан, имеющих право на получение жилых помещений от государства. Прокуратура проверяет законность отказов в предоставлении жилья, соблюдение очередности и условий предоставления. Например, могут быть выявлены случаи незаконного отказа в предоставлении жилья детям-сиротам или нарушения очередности при распределении жилых помещений.

Прокуратура контролирует доступность и качество медицинских услуг для социально незащищенных слоев населения, обеспечение их необходимыми лекарственными средствами и медицинскими изделиями. Выявляются случаи отказа в предоставлении бесплатной медицинской помощи или незаконного взимания платы за услуги. Например, могут быть обнаружены факты отказа в госпитализации малоимущих граждан или взимания платы за медицинские услуги, которые должны предоставляться бесплатно.

Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году органами прокуратуры выявлено более 3,7 миллиона нарушений законодательства, что на 17 % больше по сравнению с предыдущим годом. Из этого числа 35,1 % касались соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Эти цифры

свидетельствуют о значительном количестве нарушений в сфере социальной защиты и подчеркивают необходимость усиления прокурорского надзора для их предотвращения и устранения.

Несмотря на активную деятельность органов прокуратуры, в сфере социальной защиты сохраняются определенные проблемы:

1) Недостаточная информированность граждан о своих правах. Например, некоторые семьи могут не знать о положенных им пособиях или льготах, что приводит к их неполучению.

2) Бюрократические препятствия. Сложные и длительные процедуры оформления социальных выплат и льгот могут приводить к нарушению прав граждан.

Для повышения эффективности прокурорского надзора в сфере социальной защиты необходимо:

1) усиление взаимодействия с общественными организациями. Совместная работа с НКО, занимающимися защитой прав социально незащищенных граждан, позволит оперативно выявлять и реагировать на нарушения;

2) повышение правовой грамотности населения посредством проведения информационных кампаний, разъяснительной работы и консультирования граждан с целью понимания своих прав и механизмов их защиты.

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере соблюдения прав и социальных гарантий наиболее незащищенных слоев населения является важнейшим инструментом обеспечения социальной справедливости и защиты прав граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 610; в ред. от 09 июня 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 26. – Ст. 3528.

2. Зобова Е. Послание Президента РФ: развитие страны в ближайшие шесть лет / Е. Зобова // Казенные учреждения: учет, налоги, право. – 2024. – № 5. – С. 13–21.

3. Федеральное бюро медико-социальной экспертизы: официальный сайт. 2025. – URL: <https://fbmse.ru/>.

4. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1; в ред. от 3 февраля 2025 г. // Российская газета. – 1992. – № 39.

5. Ступаченко Е. В. Организация прокурорской деятельности как необходимое условие развития общества / Е. В. Ступаченко // Административное право и процесс. – 2024. – № 9. – С. 81–85.

УДК 340

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Ломакин Павел Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: lomakin_pavel_5@mail.ru

COUNTERING CRIMES IN THE SPHERE OF PUBLIC FINANCES IN THE SYSTEM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Lomakin Pavel Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы по противодействию преступлениям в области государственных финансов в рамках проводимой государственной политики по обеспечению экономической безопасности РФ.

Ключевые слова: государственные финансы, противодействие преступлениям в области бюджетных средств, экономическая безопасность, бюджетная политика государства.

The article considers topical issues on countering crimes in the field of public finance within the framework of the current state policy to ensure the economic security of the Russian Federation.

Keywords: public finances, countering crimes in the field of budgetary funds, economic security, budgetary policy of the state.

В соответствии с федеральными законами от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 была утверждена Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия).

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400

«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» подчеркивается, что целями обеспечения экономической безопасности Российской Федерации являются укрепление экономического суверенитета страны, повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз, создание условий для экономического роста Российской Федерации [1].

Неотъемлемой частью экономического суверенитета государства является обеспечение финансовой безопасности, предотвращение финансовых рисков, т.е. возможного нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в финансово-экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности.

Экономическая безопасность государства неотъемлемо связана со стабильностью элементов финансовой системы, но прежде всего устойчивостью бюджетной системы РФ как ее ключевого звена [2], как совокупности федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

В широком понимании бюджетная система представляет собой сложноорганизованный феномен финансово-правовой действительности, это многоуровневые прямые и обратные связи бюджетных отношений, направленных.

С одной стороны, бюджетная система – это объект финансовой безопасности, требующий защиты, с другой стороны, она сама является субъектным элементом в системе обеспечения экономической безопасности государства, поскольку государственные финансы (бюджетные средства) обеспечивают выполнение государством всех своих функций и задач [3].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П бюджетная система определена как финансово-экономическая основа реализации публичных функций Российской Федерации, субъектов РФ и местного самоуправления, целью функционирования которой является гарантирование основ конституционного строя, финансовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина [4].

Во многом состояние устойчивости бюджетной системы, ее безопасность являются базисом экономической безопасности государства на тактическом и стратегическом уровнях. По сути, в своем содержании государственные финансы отражают процесс перехода права собственности на денежные средства из частной формы собственности в публичную либо наоборот, что выступает также мощным перераспределительным инструментом, средством управления на основе косвенных методов воздействия.

Именно потому в Стратегии основными задачами по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, определены:

- совершенствование механизмов бюджетного планирования, осуществления контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, предотвращения картельных сговоров;
- повышение эффективности бюджетных расходов;
- совершенствование деятельности контрольно-надзорных органов, в том числе на основе широкого внедрения риск-ориентированного подхода и развития практики страхования ответственности субъектов экономической деятельности;
- борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой.

Именно этим во многом обусловлен научный интерес и практическая значимость вопросов противодействия преступлениям в области государственных финансов (бюджетных средств) как основной угрозы финансовой устойчивости государства.

К примеру, остается острой проблема закрепления института ответственности за бюджетные нарушения и легализации понятия бюджетного преступления [5]. Законодатель в базовом для государства вопросе использования / расходования государственных финансов (централизованных денежных фондов государства и муниципальных образований) законодательно не закрепил понятие бюджетного преступления, бюджетных санкций, в Бюджетном кодексе Российской Федерации не содержится определения правонарушения в бюджетной сфере, а только нарушение бюджетных норм.

Отметим также, что несмотря на действующие в законе нормы о публично-правовом характере бюджетных средств, их строго целевом предназначении в рамках предписаний бюджетного законодательства и законов о бюджете (правовых актов о местном бюджете), нормативном закреплении движения финансовых операций согласно бюджетной классификации, государственные денежные средства остаются в высокорисковой зоне и становятся объектом преступных посягательств.

Объективный независимый парламентский контроль, осуществляемый Счетной палатой РФ в отношении средств федерального бюджета, за 2024 год выявил бюджетные нарушения на сумму, превышающую 400 млрд руб. Кроме того, были направлены 22 обращения в Генеральную прокуратуру РФ, 6 обращений в ФСБ, 2 обращения в МВД и одно в Следственный комитет [6].

Не менее важным в вопросе профилактики преступлений в сфере государственных финансов является изучение пробелов в законодательстве о налогах и сборах. Это обусловлено тем, что налоговые платежи являются системообразующими в доходах бюджетной системы, т.е. государственные финансы составляют не менее 70 % доходов государственных финансов (бюджетных средств) [7].

Анализ примеров отсутствия процессуальных и материальных гарантий защиты прав налогоплательщиков, вектор повышения эффективности в достижении публичных целей без должного обеспечения прав граждан, может привести к насилию и произволу, а расширение налоговыми органами арсенала получения доказательств стирает грани между налоговым, административным и уголовным процессами [8]. Состояние неопределенности и страха перед неизбежностью наказания по сомнительным основаниям подрывает доверие к государству, способствует укреплению тенденции вывода капитала из страны, повышения оборота теневой экономики, поскольку именно доверие создает условия для развития общества и роста благосостояния наиболее быстрым и эффективным способом.

Конституционно-закрепленная значимость и экономическое содержание государственных финансов ставят вопросы противодействия по незаконному расходованию бюджетных средств в качестве системообразующих в обеспечении экономической безопасности страны.

Это есть насущная общественная потребность, требующая разрешения и устранения противоречий и неопределённости в нормативной базе, несовершенство которой в конечном итоге обуславливает причины совершения финансовых правонарушений.

Финансовое законодательство как комплексная отрасль, объединяющая различные по своей правовой природе подотрасли и институты законодательства, объективно необходимо требует совершенствования в части направления по противодействия финансовой преступности, прежде всего в сфере государственных финансов.

Ученые и практики выступают за унификацию финансового законодательства и нормативное закрепление понятий «финансы», «финансовые правоотношения», «финансовый контроль», «финансовые санкции», «финансовое правонарушение» и др.

Это позволит упорядочить, усовершенствовать процесс формирования централизованных и децентрализованных денежных фондов, их использование по целевому назначению, движение денежных потоков в рамках денежной системы, повысит финансовую дисциплину и ответственность хозяйствующих субъектов, улучшит процесс предоставления финансовой отчетности, что во многом бы усилило позиции в борьбе с финансовой преступностью, ориентировало и дисциплинировало бы и федерального, и регионального законодателя. Поскольку из анализа су-

дебной практики высших судов, часто спорным вопросом выступает именно несоответствие регионального законодательства федеральным нормам [9].

Поэтому четкость и определенность нормативной правовой базы в сфере бюджетного регулирования во многом является гарантией эффективности правоприменительной практики по противодействию преступлениям в финансовой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Справочно-правовая система «Гарант»
2. Институты финансовой безопасности: монография / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина и др. – Москва, 2020.
3. Омелехина Н. В. Бюджетная система Российской Федерации в системе институтов финансовой безопасности государства // Журнал российского права. 2017. – № 7 // Справочно-правовая система «Гарант»
4. Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П. // Справочно-правовая система «Гарант»
5. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Институт ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации // V Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции. отв. редактор Р. Р. Хайров. – 2019. – С. 12–16.
6. Счетная палата РФ: официальный сайт. – URL: <https://ach.gov.ru/>
7. Единый портал бюджетной системы РФ: официальный сайт. – URL: <https://budget.gov.ru/>
8. Султанов А. Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах: монография. – Москва : Статут, 2022. 472 с. // Справочно-правовая система «Гарант»
9. Апелляционное определение ВС РФ от 17.10.2018 № 83-АПГ18-6; Апелляционное определение ВС РФ от 22.08.2018 № 66-АПГ18-26; Апелляционное определение ВС РФ от 24.10.2018 № 58-АПГ18-13 // Справочно-правовая система «Гарант»

УДК 340

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

Ломакин Павел Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: lomakin_pavel_5@mail.ru

FINANCIAL CONTROL AS A WAY TO COUNTER CRIME IN PUBLIC FINANCE

Lomakin Pavel Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы осуществления государственного финансового (бюджетного) контроля и контроля в сфере государственных закупок в борьбе с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой.

Ключевые слова: контроль в финансово-бюджетной сфере, профилактика финансовых преступлений, государственные финансы, экономическая безопасность, бюджетное законодательство.

The article discusses the implementation of state financial (budgetary) control and control in the field of public procurement in the fight against the misuse and theft of public funds, corruption, shadow and criminal economy.

Keywords: control in the financial and budgetary sphere, prevention of financial crimes, public finance, economic security, budgetary legislation.

Вопросы организации и осуществления контроля, полномочия контролирующих субъектов, виды контрольных мероприятий, их форма и сроки четко регламентированы законодательством, поскольку являются неотъемлемым и ключевым элементом в развитии эффективной системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования, в том числе в сфере экономики.

Совершенствование механизмов бюджетного планирования, осуществления контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд; повышение эффективности бюджетных расходов; совершенствование деятельности контрольно-надзорных органов Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» определены как основные направления в борьбе с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой [1].

Контроль как правовая форма государственного и муниципального управления представляет собой комплекс мероприятий, направленных на проверку исполнения нормативных предписаний. То есть фактически цель контроля – это выявление того, насколько действия, совершаемые органами власти и иными субъектами, соответствуют действующим в конкретной отрасли нормативным требованиям. Можно сказать, что финансовый контроль за государственными финансами регламентирован на стадии формирования доходов бюджетов нормами налогового законодательства, нормами бюджетного законодательства и законодательства о контрактной системе – на стадии распределения и использования (расходования) бюджетных средств.

Действующие нормы закрепляют за каждым субъектом экономических отношений его конституционную обязанность по уплате налогов, которые, составляя основу доходов бюджетных фондов государства и муниципальных образований. В бюджетных отношениях важно проведение контрольных действий, связанных с распределением, перераспределением и использованием бюджетных средств на всех уровнях и во всех бюджетах бюджетной системы государства. Поскольку бюджет – это финансовая основа, инструмент, обеспечивающий реализацию всех функций и задач государства в его внутренней и внешней политике. Следует также отметить, что значение финансового контроля сложно переоценить и в банковском секторе экономики, который рассматривают как «кровеносную систему» денежных отношений в стране.

В соответствии с нормами действующего законодательства выделяют следующие виды контроля: парламентский, государственный (муниципальный) и общественный, каждый из которых регламентирован специальным правовым актом.

Контрольно-надзорная деятельность государства в финансово-бюджетной сфере также предполагает условное деление на парламентский контроль (независимый контроль со стороны Счетной палаты РФ и контрольно-счетных орга-

нов субъектов РФ и муниципальных образований) и государственный (муниципальный) контроль.

В Постановлении КС РФ Счетная палата РФ в своем статусе определена как специально созданный, постоянно действующий орган парламентского контроля за исполнением федерального бюджета [2].

В сфере государственных закупок законодатель подчеркивает особые полномочия специального контролирующего государственного органа в сфере закупок – Федеральной антимонопольной службы. Ее контрольные мероприятия большей частью имеют организационный характер, т.е. по вопросам планирования, исполнения условий контракта, определения контрагента, вопросы организации ЕИС www.zakupki.gov.ru, ведения реестра заключенных контрактов и недобросовестных контрагентов и др.

Федеральная антимонопольная служба наделена контрольными полномочиями в отношении всех существующих в России видов закупок.

Разновидностью государственного контроля является бюджетный контроль (согласно нормам Бюджетного кодекса – государственный финансовый контроль), который осуществляется Федеральным казначейством России и только в отношении закупок, осуществляемых за счет бюджетных средств.

Предмет бюджетного контроля в сфере закупок составляют соблюдение участниками процесса закупок своих обязанностей по эффективному, целевому и результативному расходованию средств бюджета, нормированию закупок, порядка применения мер ответственности в случае выявленных нарушений.

Стоит отметить, что ряд авторов относит к государственному (муниципальному) контролю в том числе ведомственный, который может быть внутренним и внешним [3].

Немного иная классификация видов контроля закреплена в законодательстве о контрактной системе, регламентирующем государственные и муниципальные закупки. В частности, оно предусматривает три вида контроля: ведомственный, контроль самого заказчика и общественный, суть которого одинакова для обеих классификаций.

Каждый контролирующий орган выполняет свои полномочия в соответствии с перечнем, установленным законом. И если речь идет о полномочиях финансовых контролирующих органов, то проверяется выполнение участниками финансовых обязательств перед государством и органами местного самоуправления; на правильность использования денежных ресурсов (бюджетных и собственных средств, банковских ссуд, внебюджетных и других средств); соблюдение ими правил совершения финансовых операций, расчетов и др. [4].

Если проверку проводит уполномоченная Федеральная антимонопольная служба, то контроль проводится преимущественно организационно-процессуального плана: порядок определения категории риска субъектов контроля и ведение реестров по закупкам, соблюдение требований по процедуре проведения торгов и заключения контрактов, выявление нарушений на стадии планирования закупок и др.

То есть, контроль в сфере закупок представляет собой комплексный институт,

основу которого составляют нормы бюджетного и специального законодательства, направленные на эффективное, рациональное и целевое расходование государственных финансов.

Контроль в сфере закупок можно представить в узком понимании как строго регламентированную деятельность уполномоченных контролирующих органов, а также уполномоченных в соответствии с законом лиц, за соблюдением федерального законодательства в сфере закупок.

В широком смысле контроль в области закупок следует рассматривать как неотъемлемый элемент управления централизованными фондами денежных средств в целях обеспечения эффективного и рационального использования публичных ресурсов, а также ресурсов, принадлежащих субъектам, чья деятельность регулируется специальным законодательством, в интересах общества и государства.

Важно отметить, что государственный финансовый (бюджетный) контроль за формированием, распределением и использованием бюджетных средств после упразднения федеральной службы финансово-бюджетного надзора осуществляет Федеральное казначейство. Данная служба также наделена полномочиями правоприменительной деятельности по исполнению и кассовому обслуживанию бюджетов бюджетной системы РФ, поэтому в соответствии с нормами Бюджетного кодекса РФ бюджетный контроль носит внутренний характер. Внешний или независимый государственный финансовый контроль в области государственных финансов осуществляет Счетная палата РФ [5].

Согласно нормам части первой Налогового кодекса РФ законодатель устанавливает налоговый контроль как деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, им установленном (ст. 82) [6].

Налоговый контроль проводится Федеральной налоговой службой должностными лицами налоговых органов в пределах своей компетенции.

Нормы глав и разделов НК РФ по налоговому контролю представляют собой внутренне несогласованный набор статей, которые регулируют одновременно материальные и процессуальные налоговые отношения, что порождает огромное количество подзаконных нормативных правовых актов финансовых и налоговых органов (которые не составляют налоговое законодательство, но учитываются при вынесении судебных решений в пользу налоговых органов).

К примеру, не установленные Налоговым кодексом РФ формы и методы, судом признаны законными - проверка порядка исполнения обязанности по уплате налога, контроль за использованием налоговых льгот и др. «Иные формы налогового контроля» судами признаются как правомерные и применяются в качестве самостоятельных контрольных мероприятий, а по сути есть одна и та же форма, но отличается названием [7].

Полагаем, что внесение ясности в формулировки статей Налогового кодекса РФ, регулирующих отношения по проведению налогового контроля, безусловно, назрели и необходимы, о чем свидетельствует судебная и правоприменительная практики.

В целом, государственный контроль неотделимым от самого государства, поскольку без проведения соответствующих контрольных мероприятий невозможно построение эффективного механизма реализации государственной власти. Финансовый контроль предстает неотъемлемой частью системы управления государственными финансами и государственного управления в целом, а его функции носят не только характер пресекательный в борьбе с финансовыми преступлениями, но и профилактический, прогностический в обеспечении функционирования всей системы хозяйствования государства и ее экономической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Справочно-правовая система «Гарант»
2. Постановление КС РФ от 23.04.2004 № 9-П // Справочно-правовая система «Гарант»
3. Шахбанова А. М. Государственный контроль в сфере закупок // Финансовый бизнес. – 2021. – № 12 (222). – С. 97.
4. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Институт ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации // V Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции. отв. редактор Р. Р. Хайров. – Саранск, 2019. – С. 12–16.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон Росс. Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Справочно-правовая система «Гарант»
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025 // Справочно-правовая система «Гарант»
7. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 09.02.2005 № Ф04-151/2005(8265-А45-25); Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.04.2004 № А13-7309/03-05 // Справочно-правовая система «Гарант»

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Макалов Илья Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808598@ruc.su

THE CONCEPT AND TYPES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Makalov Ilya Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В статье особое внимание уделяется понятию и видам доказательств в уголовном судопроизводстве. Проведен анализ различных точек зрения на понятие доказательства и его роли в уголовном судопроизводстве. В статье представлена классификация доказательств в уголовном судопроизводстве. А также в статье уделено внимание недопустимым доказательствам, которые не имеют юридической силы в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательства, сведения, личные и вещественные доказательства, прямые и косвенные доказательства, недопустимые доказательства.

The article focuses on the concept and types of evidence in criminal proceedings. It analyzes various perspectives on the concept of evidence and its role in criminal proceedings. The article presents a classification of evidence in criminal proceedings. Additionally, the article addresses the issue of inadmissible evidence, which lacks legal force in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, evidence, information, personal and material evidence, direct and indirect evidence, inadmissible evidence.

Уголовное судопроизводство, подобно сложной системе взаимосвязанных компонентов, функционирует на основе многообразных элементов, каждый из которых выполняет специфическую функцию в процессе установления истины. В этом контексте доказательства занимают центральное место, являясь ключевыми элементами в обеспечении объективности и справедливости судебного разбирательства.

В науке нет единого определения понятия «доказательство». Поэтому стоит рассмотреть различные подходы к этому термину.

С. В. Курылёв считал, что «доказательство – это известный суду факт, находящийся в определённой связи с неизвестным» [1, с. 125].

А. С. Корнилов делал вывод, что «доказательства необходимо определять, как целостность содержания и формы, где содержание – сведения о фактически значимых обстоятельствах по уголовному делу, а под формой подразумевается процессуальная фиксация доказательства в законодательно установленной форме (вид доказательства)» [2, с. 227].

В. С. Трусова считала, что «доказательства представляют собой любые подлинные, реально существующие данные, полученные и удостоверенные в законодательно предусмотренной форме, с помощью которых решается вопрос о наличии состава преступления, невиновности или виновности лица, и прочие обстоятельства, имеющие значение для расследуемого уголовного дела» [3, с. 210].

В. В. Молчанов считал, что «доказательства – универсальный способ опосредованного познания, который используется в разных отраслях человеческой деятельности, в том числе и судопроизводства» [4, с. 6].

Таким образом, доказательства можно рассматривать как известные суду факты, связанные с неизвестным, как целостность содержания и формы, как подлинные данные, полученные и удостоверенные в законодательно предусмотренной форме, а также как универсальный способ опосредованного познания в судопроизводстве.

Основную роль в установлении фактических обстоятельств дела в рамках уголовного судопроизводства представляют собой доказательства. Так как именно они формируют доказательственную базу, которая в свою очередь позволяет всесторонне исследовать все стороны уголовного дела.

Процедура сбора доказательства возможна из различных источников. К таким источникам можно отнести заявления потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, свидетельские показания, заключения экспертов, протоколы следственных и судебных мероприятий и другие

Только при строгом соблюдении всех процессуальных норм и требований к доказательствам, можно гарантировать законность и справедливость судебного разбирательства. Поэтому проверка и оценка доказательств должна быть проведена в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

В ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. доказательствами

признавались «любые фактические данные, лежащие в основе установления наличия или отсутствия виновности совершившего деяние лица, общественной опасности этого деяния и иных обстоятельств, которые для правильного разрешения дела имеют значение, органом дознания, следователем и судом» [5].

Согласно действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, в ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ доказательства определяются, как «любые сведения, являющиеся основанием для суда, следователя, прокурора, дознавателя, чтобы установить наличие или отсутствие подлежащих доказыванию обстоятельств по уголовному делу, применяя порядок, определенный Уголовно-процессуальным кодексом РФ» [6].

Применительно к уголовному процессу, существует возможность разделения доказательств по различным классификационным признакам.

1. Личные и вещественные доказательства. Личные доказательства являются самым распространённым видом доказательств. Личное доказательство происходит от человека, и человек в конечном итоге является его источником. Личное доказательство включает устное или письменное сообщение лица об обстоятельствах дела. Вещественные доказательства играют важную роль в расследовании. Они включают в себя материальные объекты, такие как фото- и видеоматериалы, предметы, использованные при совершении преступления, деньги, имущество и другие вещи, которые могут подтвердить или опровергнуть факты.

2. Прямые и косвенные доказательства. Прямые доказательства представляют собой объективные свидетельства, которые однозначно указывают на виновность или невиновность лица. К данной категории доказательств относятся такие элементы, как признание обвиняемого, а также показания свидетеля, непосредственно наблюдавшего совершение преступления. Косвенные доказательства представляют собой информацию, которая указывает на обстоятельства, связанные с преступлением, но при этом не предоставляет прямого и однозначного подтверждения виновности или невиновности подозреваемого. Косвенные доказательства играют особую роль, когда прямые доказательства отсутствуют.

3. Устные и письменные доказательства. К устным доказательствам относятся сведения, полученные в ходе допросов, очных ставок и других следственных действий. Письменные доказательства являются важнейшим источником информации в уголовном судопроизводстве. Вопрос признания письменных доказательств играет ключевую роль в процессе доказывания, поскольку от этого зависит достоверность и юридическая значимость представленных материалов. К письменным доказательствам можно отнести документы, записи, акты, протоколы и другие письменные источники информации.

4. Цифровые доказательства. Развитие цифровизации значительно увеличило количество цифровой информации, которая в свою очередь может быть использована в качестве доказательств. К цифровым доказательствам можно отнести к примеру, аудиозапись и видеозапись. Цифровые доказательства требуют строгого соблюдения их хранения. Так как цифровые доказательства крайне подвержены изменениям или уничтожению, что представляет собой угрозу их целостности. В уголовном процессе безусловно цифровые доказательства имеют

огромное значение. Но нельзя не отметить, что получение цифровых доказательств сопряжено с рядом серьезных проблем.

Классификация доказательств необходима для эффективной правоприменительной практики и повышения качества судебных решений.

Если лицо или орган не имел права на сбор и фиксирование доказательства, но они были им собраны, то такие доказательства также считаются полученными с нарушением закона и не имеют юридической силы.

Доказательство, полученное из неизвестного источника, недопустимо. Так как одно из обязательных условий допустимого доказательства, это известность его источника происхождения. Поэтому анонимное доказательство не может служить основанием для решения по делу и признается недопустимым доказательством.

Подделка и фальсификация доказательств подразумевает преднамеренное искажение и изменение фактов, которые являются предметом доказывания по делу, с целью их передачи суду для рассмотрения и оценки.

В комментарии к статье 303 Уголовного кодекса Российской Федерации упоминается, что «под фальсификацией подразумевается создание подделок, искажение (включая уничтожение), изменение подлинной информации (или ее носителей), а также подмену подлинных доказательств ложными, искусственно изготовленными или полученными из ненадлежащих источников» [7, с. 159].

Существует множество способов фальсификации и подделки доказательств. Вещественные доказательства могут подвергаться деформированию, подмене или иному способу искажения информации. Например, на одежду могут быть намеренно нанесены пятна крови. Письменные доказательства могут быть сфальсифицированы путем подделки документов, внесением ложных сведений, путем подчистки (материальный подлог) либо путем составления ложных по содержанию письменных доказательств (интеллектуальный подлог).

Фальсификация доказательств подрывает доверие к судебной системе и может привести к ошибочным обвинительным приговорам. В России фальсификация доказательств является уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое предусмотрена в положениях ст. 303 УК РФ.

На примере данных с сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно статистическим отчетам, число осужденных по ст. 303 УК РФ составило:

За 2022 г. – 135 человек из числа, которых:

- 88 осужденных по ч. 1 ст. 303 УК РФ;
- 23 осужденных по ч. 2 ст. 303 УК РФ;
- 23 осуждённых по ч. 3 ст. 303 УК РФ;
- 1 осужденный по ч. 4 ст. 303 УК РФ.

За 2023 г. – 153 человек из числа, которых:

- 99 осужденных по ч. 1 ст. 303 УК РФ;
- 31 осужденных по ч. 2 ст. 303 УК РФ;
- 22 осуждённых по ч. 3 ст. 303 УК РФ;
- 1 осужденный по ч. 4 ст. 303 УК РФ;

За 2024 г. – 135 человек из числа, которых:

- 78 осужденных по ч. 1 ст. 303 УК РФ;
- 30 осужденных по ч. 2 ст. 303 УК РФ;
- 20 осужденных по ч. 3 ст. 303 УК РФ;
- 7 осужденный по ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Проблемы фальсификации доказательств в уголовном процессе представляют серьезную угрозу для справедливости и законности судопроизводства.

В 2023 году в Российской Федерации зарегистрировали свыше трех миллионов уголовных дел, из которых 80 % завершились вынесением обвинительного приговора. На основании представленных данных можно сказать, что достоверность доказательств играет важную роль в принятии судебного решения.

Согласно ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «недопустимы доказательства, полученные с нарушением закона, в том числе и те, которые получены под давлением, угрозами или иным незаконным воздействием». Если участник процесса утверждает, что давал показания под давлением, суд обязан провести проверку этого заявления. В рамках проверки могут быть вызваны на допрос сотрудники, которые участвовали в следственных действиях.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить, что основным средством установления истины по делу являются доказательства. Доказательства – это информация, которая используется в уголовном процессе для установления виновности или невиновности обвиняемого. Суд, следователь, прокурор и дознаватель собирают, анализируют и оценивают эту информацию в соответствии с процедурами, предусмотренными Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Доказательства имеют ключевое значение в уголовном процессе, так как они предоставляют объективные и достоверные сведения о преступлении. С развитием технологий возникают новые виды доказательств, что, в свою очередь, ставит перед следствием новые задачи по их исследованию и применению в уголовном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Курылев – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 204 с.
2. Корнилов, А. С. К вопросу об историческом развитии понятия доказательства в уголовном праве России / С. А. Корнилов // Actualscience. – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 226–228.
3. Трусова, В. С. Понятия и свойства доказательств в уголовном судопроизводстве / В. С. Трусова // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования : сб. ст. по мат. XV Междунар. студ. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2017. – № 4 (15). – С. 219–214.
4. Молчанов, В. В. Собираение доказательств в гражданском процессе : учебник / В. В. Молчанов. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 94 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 27 октября 1960; в ред. от 29 декабря 2001 // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – ст. 592.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный); 9-е издание, переработанное и дополненное; под ред. Г. А. Есакова. – Москва : Проспект, 2021 – 650 с.

УДК 343.13

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Макалов Илья Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808598@ruc.su

PHYSICAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT AND FEATURES

Makalov Ilya Olegovich, Master's Student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В статье рассматривается понятие вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве, их характеристики и значимость. Приводятся различные точки зрения ученых на понятие вещественных доказательств. В данной статье также анализируется процедура проверки, оценки и хранения вещественных доказательств. Вещественные доказательства играют ключевую роль в установлении истины и справедливости судебного разбирательства, требуя высокой квалификации от следователей и судей.

Ключевые слова: доказательства, оценка, хранение, уголовный процесс, проверка, вещественные доказательства, истина.

The article examines the concept of physical evidence in criminal proceedings, their characteristics and significance. Various points of view of scientists on the concept of physical evidence are given. This article also analyzes the procedure for checking, evaluating, and storing physical evidence. Physical evidence plays a key role in establishing the truth and fairness of the trial, requiring highly qualified investigators and judges.

Keywords: evidence, assessment, storage, criminal procedure, verification, physical evidence, truth.

Значение доказывания в уголовном процессе трудно переоценить, ведь это сложный и развивающийся институт. Его истоки можно проследить до Древней Руси, где уже существовали формы фиксации вещественных доказательств. Сегодня мы видим, как этот процесс продолжает эволюционировать, проявляясь в еще более сложных формах доказательств.

Вещественные доказательства являются неотъемлемым элементом доказательственной базы, определяющим полноту установления обстоятельств дела в рамках уголовного или гражданского судопроизводства. Оценка их значимости и влияния на исход дела возможна лишь при условии тщательного изучения и сопоставления всех данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Советский государственный деятель, юрист, дипломат А. Я. Вышинский рассматривал «вещественное доказательство как предмет, который служит уликой совершенного преступления, уликами, изобличающими лицо, совершившее преступление, или служащие для его оправдания, для установления, например, его алиби» [1, С. 124].

М. С. Строгович рассматривал вещественное доказательство как «любую вещь, которая в соответствии с установленными процессуальным законом условиями может служить доказательством по делу, то есть быть источником по делу

о доказательственном и главном факте и тем самым устанавливать существенные для дела обстоятельства» [2, С. 98].

В. Я. Дорохов считает, что вещественные доказательства – «это материальные свойства и состояния обнаруженного при производстве следственного действия вещественного объекта, которые отражают обстоятельства предмета доказывания или побочные факты» [3, С. 109].

Н. А. Селиванов определяет «вещественные доказательства как предметы, бывшие частью той среды, в которую преступлением либо иными установленными по делу событиями внесены (или должны быть внесены) какие-либо изменения» [4, 78].

Р. А. Белкин подчёркивает, что «вещественные доказательства обладают такими свойствами, которые служат фактическими данными, имеющими значение для дела. Доказательствами, таким образом, является не сама вещь, а её свойства» [5, С. 359].

В уголовном процессе вещественные доказательства – это предметы, использованные в преступлении, сохранившие его следы или подтверждающие участие в преступных действиях. К ним относятся деньги, ценные вещи и другие объекты, способствующие раскрытию дела и доказыванию вины.

В уголовном процессе вещественные доказательства используются строго в соответствии с процедурой их признания и приобщения. Эта процедура включает определённые условия и порядок проведения следственных действий, документирование всех этапов, осмотр предметов и документов, а также вынесение постановления о признании доказательств и их приобщении к уголовному делу.

В соответствии со ст. 87 УПК РФ «проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [6].

Проверка вещественных доказательств – это мыслительный и практический процесс, направленный на тщательное изучение характеристик доказательств и определение их пригодности для использования. В процессе проверки они оцениваются на основе их значимости для дела, законности и надёжности.

Вещественные доказательства проверяются следственными действиями и логическим анализом. Следственные действия делятся на сбор и проверку доказательств. Допросы и осмотры собирают доказательства, очные ставки, проверки показаний на месте и следственные эксперименты их проверяют. Однако это деление условно: допрос может проверять доказательства, а эксперимент – собирать новые.

Оценка доказательств – это процесс мыслительной деятельности субъекта, который занимается доказыванием. Этот процесс включает в себя определение относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Целью такой оценки является принятие дальнейших процессуальных решений.

Субъект может оценивать доказательства как предварительно, так и окончательно. Предварительная оценка проводится на этапе сбора доказательств. Итоговая оценка осуществляется при вынесении окончательного решения. Оценка

доказательств приводит к принятию различных процессуальных актов, таких как определения, постановления, обвинительные акты или заключения, а также обвинительные постановления или приговоры.

Отметим, что оценка вещественных доказательств в уголовном процессе влечет за собой вынесение какого-либо решения, акта, постановления или же приговора. Так, согласно мнению И. Кэртеса: «основу оценки вещественных доказательств составляют качество и количество содержащейся в них информации...» [7, С. 94].

Для формирования всеобъемлющего понимания, вещественные доказательства в процессе оценки подвергаются глубокому изучению и сопоставлению. В. Д. Арсеньев справедливо подчёркивает, что «оценка доказательств позволяет определить силу и значение каждого доказательства в отдельности и всех доказательств в целостной системе» [8, С. 135].

Чтобы установить подлинность вещественного доказательства, необходимо тщательно проанализировать обстоятельства его происхождения, хранения или копирования. Важно также убедиться в законности следственных мероприятий, в результате которых было получено доказательство, и в правильности оформления процессуальных документов. Только при соблюдении этих условий оценка вещественных доказательств будет объективной и значимой. Оценка включает в себя анализ процесса формирования доказательства.

Для того чтобы оценить вещественные доказательства и определить их допустимость, необходимо выяснить, были ли они получены в соответствии с законодательством и предусмотренными им методами. Этот этап оценки служит важным гарантом достоверности собранных доказательств и является необходимым элементом защиты участников уголовного процесса.

В настоящее время действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает особые положения, регламентирующие порядок работы с вещественными доказательствами, и эти положения находятся в процессе постоянного развития.

Для вещественных доказательств, которые нельзя сохранить вместе с уголовным делом (например, из-за размеров), предусмотрены специальные правила. Необходимо провести фото- или видеофиксацию и, если возможно, запечатать доказательства. В материалах дела должна быть указана их локация. Если вернуть доказательства владельцам невозможно, они подлежат оценке и реализации по закону РФ. Реализация возможна только с согласия владельца или по решению суда.

Из-за своей природы (быстрая порча или устаревание) вещественные доказательства требуют особого режима хранения. Если вернуть их владельцам не представляется возможным, их судьба решается либо через продажу (с согласия владельца или по решению суда), либо, в редких случаях, через уничтожение, но только после тщательного рассмотрения всех аспектов. Важно подчеркнуть, что наркотики и психотропные вещества всегда уничтожаются по решению суда.

Вещественные доказательства по уголовным делам могут быть возвращены владельцам или оставлены на хранение в финансовом отделе, который их изъял. Электронные носители информации требуют особой защиты от несанкционированного доступа, иначе они подлежат возврату. Рассматриваются специальные

правила для работы с электронными доказательствами, которые могут включать привлечение экспертов. Животные, выступающие в роли доказательств, возвращаются владельцам, передаются на временное содержание или реализуются.

С прогрессом в области информационных технологий в уголовном процессе все чаще обращаются к физическим носителям данных в качестве вещественных доказательств. Современные исследователи предлагают классифицировать этот вид доказательств как отдельную категорию, так как они могут подтверждать факты преступления и устанавливать степень виновности.

В век цифровых технологий вопрос отнесения электронных доказательств к вещественным остается актуальным. Облачные хранилища, являясь вещественными доказательствами, не могут храниться при деле, что вызывает проблему их изъятия. Изъятие возможно совместно с носителем или через логин и пароль, но дистанционный доступ может привести к удалению или искажению информации. Действующее законодательство не регулирует хранение облачных хранилищ. УПК РФ не применим к ним из-за отсутствия материального отображения. Предлагается внести нормы, регулирующие изъятие и хранение данных из облачных хранилищ, включая специальные условия для обеспечения сохранности информации.

Современное уголовно-процессуальное законодательство детально регулирует работу с вещественными доказательствами по завершении уголовного дела. Все изъятые предметы, оружие и инструменты, использованные в преступлении, передаются в специализированные учреждения или подлежат уничтожению. Деньги и материальные ценности возвращаются их законным владельцам, а документы передаются заинтересованным лицам, что восстанавливает нарушенные права и интересы. Такой подход способствует правильному использованию доказательств и минимизирует риски их неправомерного использования, обеспечивая соблюдение принципов справедливости и правовой определенности.

Таким образом, доказательства играют особую роль в уголовном процессе. Они помогают установить все обстоятельства дела и вынести справедливое решение по нему. На основании этого, мы с уверенностью можем сказать, что вещественные доказательства также играют ключевую роль в установлении всех обстоятельств дела. Все вещественные доказательства подлежат необходимой проверки и оценки. Для выполнения процедуры проверки и оценки вещественных доказательств необходимо соблюдать все необходимые процедуры. Комплексное развитие цифровых технологий не оставила без внимания и вещественные доказательства. В связи с этим требуется более детальное изучение этого вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышинский, А. Я. Теория доказательств в советском праве : учебник / А. Я. Вышинский. – Москва, 1941. – 328 с.
2. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учебное пособие / М. С. Строгович. – Москва : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1946. – 358 с.
3. Дорохов, В. Я. Природа вещественных доказательств / В. Я. Дорохов // Сов. гос-во и право. – 1971. – № 10. – С. 109–114.

4. Селиванов, Н. А. Вещественные доказательства: учебник / Н. А. Селиванов. – Москва : Юрид. лит., 1971. – 200 с.
5. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / А. Р. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 471 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
7. Кертэс, И. Основы теории вещественных доказательств / МВД СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т. – Москва, 1973. – 102 с.
8. Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. – Москва, 1964 – 664 с.

УДК 343.1

ПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ДОПУСТИМОСТЬ, ОТНОСИМОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Макалов Илья Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808598@ruc.su

LEGAL PROPERTIES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ADMISSIBILITY, RELEVANCE, AND AUTHENTICITY

Makalov Ilya Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данной статье анализируются правовые свойства доказательств в уголовном судопроизводстве. Установлены ключевые характеристики уголовно-процессуальных доказательств, выраженных в виде фактических данных. К ним относятся: относимость, допустимость, достоверность. В свою очередь в статье анализируются подходы к пониманию указанных свойств, определяется их место в уголовном судопроизводстве, а также их взаимосвязи друг с другом.

Ключевые слова: свойство доказательств, судопроизводство, допустимость, относимость, достоверность, недопустимые доказательства, истина.

This article analyzes the legal properties of evidence in criminal proceedings. It identifies the key characteristics of criminal procedural evidence, which are expressed in the form of factual data. These characteristics include relevance, admissibility, and reliability. The article also examines the various opinions of well-known authors on the understanding of these properties, their place in criminal proceedings, and their relationship to each other.

Keywords: property of evidence, legal proceedings, admissibility, relevance, reliability, inadmissible evidence, truth.

Познание преступления, как явления прошлого, опирается исключительно на исследование его следов и отпечатков, которые проявляются в материальных объектах или в сознании людей. Однако и эти следы, и отпечатки еще не могут считаться доказательствами.

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ «доказательства определяются, как любые сведения, являющиеся основанием для суда, следователя, прокурора, дознавателя,

чтобы установить наличие или отсутствие подлежащих доказыванию обстоятельств по уголовному делу, применяя порядок, определенный Уголовно-процессуальным кодексом РФ» [1].

Понятие «свойства доказательств» широко используется в уголовно-процессуальной литературе. При этом рассматриваемые процессуалистами свойства доказательств имеют в качестве своей правовой основы положения ч. 1 ст. 88 УПК РФ, устанавливающей, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела

На основании вышесказанного можно выделить три основных свойства доказательств: их допустимость, относимость и достоверность. Необходимо также, чтобы представленные доказательства были признаны достаточными для рассмотрения дела.

Существует несколько точек зрения относительно понятия «допустимость». Рассмотрим некоторые из них.

С точки зрения Ю. Н. Назаренко «допустимость – это свойство доказательства, характеризующее законность источника, условий и способов получения фактических данных» [2, с. 106].

По словам М. С. Строговича «допустимость доказательства – это его способность как источника сведений о факте быть средством установления этого факта» [3, с. 204].

Н. В. Сибилева придерживается мнения, что «допустимость доказательств – это признанная законодателем возможность использования данного источника в качестве процессуального носителя информации о фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу» [4, с. 23].

Допустимость доказательства определяется его соответствием нормам уголовно-процессуального законодательства. Эти нормы регламентируют процесс сбора и представления доказательств, гарантируя их законность.

Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств».

Недопустимые доказательства в уголовном процессе могут привести к серьезным последствиям: нарушению прав обвиняемого, ошибочному обвинению невиновного, подрыву доверия к судебной системе, затруднению вынесения справедливого приговора, негативному влиянию на репутацию даже при оправдании и снижению качества правосудия. Для обеспечения справедливости необходимо строго соблюдать процедуры сбора и представления доказательств. При сборе доказательств необходимо строго соблюдать уголовно-процессуальные нормы и категорически избегать применения незаконных методов, включая насилие или обман.

Допустимость представляет собой важное условие, которое обеспечивает реализацию и защиту прав и свобод участников уголовного процесса. Применение доказательств в уголовном судопроизводстве возможно только при условии, что

они признаны допустимыми, то есть соответствуют установленным законом критериям. Поэтому суд вышестоящей инстанции вправе отменить приговор, если будет установлен факт использования недопустимых доказательств.

Современные информационные технологии в юридической деятельности способствуют прозрачности и контролю правовых процедур при обеспечении прав и законных интересов граждан.

Цифровая трансформация упрощает и ускоряет доказывание, позволяя искать и фиксировать доказательства на цифровых носителях. Цифровые доказательства должны быть неизменными и исключать подделку. В связи с этим должны приниматься меры для предотвращения компьютерного редактирования цифровых доказательств.

Относимость – это фундаментальное свойство любого доказательства. Относимыми считаются такие доказательства, которые имеют отношения к делу, а также способствуют установлению обстоятельств уголовного дела. В качестве доказательств не должны приниматься сведения, не связанные с рассматриваемым уголовным делом.

Как полагает С. В. Зуев «относимость – это свойство доказательства, благодаря которому информация, являющаяся его содержанием, способна устанавливать обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела (по-иному – относиться к предмету доказывания по делу)» [5, с. 121].

Р. Г. Неправнов подчеркивает, что «относимость доказательств – это способность доказательства устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [6, с. 50].

Одним из ключевых критериев относимости доказательств является их способность предоставлять информацию о фактах, связанных с материалами уголовного дела. Связь должна быть подкреплена законодательной базой, этическими и моральными нормами, а также соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства. В данном случае представляется возможным рассматривать уголовное дело и доказательственную базу как единый механизм. Такой подход гарантирует собрать всю необходимую информацию, раскрыть дело в кратчайшие сроки и обеспечить справедливое правосудие.

Доказательства, которые не соответствуют критерию относимости, должны быть признаны неотносимыми. Эти доказательства подлежат исключению из процесса доказывания. Этого можно добиться либо путем отказа в приобщении соответствующих сведений в качестве доказательств, либо, если они уже имеются в деле, путем их оценки и исключения из совокупности доказательств, на которые опирается или которые опровергает уголовно-процессуальное решение.

Исключение из процесса доказывания не относящихся к делу доказательств представляет собой значимый шаг по ряду причин:

- 1) такие доказательства не имеют значения, поскольку они не подкрепляют никаких фактов, связанных с рассматриваемым уголовным делом;
- 2) они могут быть не только бесполезными, но и вредными, отвлекая внимание от ключевых аспектов расследования и тем самым мешая достижению истины.

В уголовно-процессуальном законодательстве не дано легального определения достоверного доказательства. Наличие данного обстоятельства демонстрирует существенный недостаток в законодательстве, в связи с тем, что в ч. 1 ст. 88 УПК РФ законодатель закрепил, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Основой для оценки доказательств в уголовном процессе является их достоверность, что означает их полное соответствие действительным фактам и обстоятельствам дела. Без достоверных данных невозможно установить истину, поэтому это свойство доказательств имеет первостепенное значение. Достоверность доказательств включает в себя её известность, качество и возможность проверки как источника доказательств, так и метода их получения.

В уголовном процессе категория достаточности доказательств играет важную роль, для признания обвиняемого виновным в преступлении. Эта категория помогает обеспечить выполнение требований, предъявляемых к приговору, таких как законность, обоснованность и справедливость.

Не одно доказательство само по себе, а их совокупность определяет достаточность. Это означает, что, когда все собранные по уголовному делу доказательства рассматриваются вместе, они позволяют лицу, осуществляющему доказывание, сделать обоснованный вывод о том, существуют ли обстоятельства, которые необходимо доказать. При этом, чтобы доказательства были учтены в этой совокупности, они должны соответствовать требованиям относимости (иметь отношение к делу), допустимости (получены законным путем) и достоверности (правдивы и не вызывают сомнений).

Таким образом, в ходе исследования установлено, что доказательство характеризуется такими ключевыми правовыми свойствами, как допустимость, относимость и достоверность. Соблюдение прав и свобод участников уголовного процесса обеспечивается допустимостью, которая является ключевым критерием. Важным аспектом относимости доказательств является их способность предоставлять информацию о фактах, связанных с материалами уголовного дела. Только относимые доказательства имеют ценность. Достоверность доказательств трактуется как соответствие сведений объективной действительности и играет ключевую роль для установления истины. Итак, на основании вышесказанного можно сказать, что правовые свойства доказательств в уголовном судопроизводстве играют важную роль в установлении истины по делу. Соответствие доказательства требованиям относимости, допустимости и достоверности гарантирует установление истины как при расследовании, так и в суде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Назаренко Ю. Н. Доказательства в уголовном процессе России и их признаки / Ю. Н. Назаренко // Юридический факт. – 2020. – № 120. – С. 106.
3. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / Чл.-кор. Акад. наук СССР проф.

М. С. Строгович ; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А. Я. Вышинского. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.

4. Сибилева, Н. В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе / Н. В. Сибилева. – Киев : УМК ВО, 1990. – 66 с.

5. Зуев, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Зуев, К. И. Сутягин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 688 с.

6. Непранов, Р. Г. Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовно-процессуальном праве России / Р. Г. Непранов // Юрист-Правоведъ. – 2016. – № 4(59). – С. 45–52.

УДК 343

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОСТОЯНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ НАКАЗАННОСТИ

Макаров Владислав Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809215@ruc.su

THE CONCEPT AND LEGAL CONSEQUENCES OF THE STATE OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

Makarov Vladislav Anatolievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в законодательстве легального определения понятия «состояние административной наказанности», несмотря на его значимые правовые последствия. В статье анализируется правовая природа данного состояния, систематизируются его юридические последствия, а также исследуются две ключевые функции: роль в качестве квалифицирующего признака правонарушения (повторность) и отягчающего обстоятельства.

Ключевые слова: состояние административной наказанности, административное правонарушение, правовые последствия, повторность, срок погашения, квалифицирующий признак, отягчающее обстоятельство, административная ответственность.

The relevance of the study is due to the lack of a legal definition of the concept of "state of administrative punishment" in the legislation, despite its significant legal consequences. The article analyzes the legal nature of this condition, systematizes its legal consequences, and examines two key functions: the role as a qualifying sign of an offense (repetition) and an aggravating circumstance.

Keywords: the state of administrative punishment, administrative offense, legal consequences, repetition, repayment period, qualifying feature, aggravating circumstance, administrative responsibility.

Нормативное закрепление состояния административной наказанности содержится в статье 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, однако сам термин в тексте закона отсутствует. Данная категория является продуктом доктринального осмысления правовых последствий, возникающих после исполнения основного административного наказания. «Претерпевание административного наказания правонарушителем не исчерпывает значение факта привлечения к административной ответственности... Состояние лица,

привлеченного к административной ответственности после привлечения к ответственности и окончания исполнения наказания, когда правонарушитель еще ощущает негативные последствия своего проступка в виде дополнительных ограничений или обязанностей, можно назвать состоянием административной наказанности» [3].

В отличие от уголовно-правового института судимости, состояние административной наказанности характеризуется менее острым, но существенным публично-правовым воздействием на нарушителя. Справедливо указывается, что «когда лицо подвергается административной ответственности, для него наступает особое неблагоприятное правовое последствие – начинается течение срока погашения административного наказания» [6]. Это означает, что в течение определённого времени (как правило, одного года) после исполнения постановления о наказании соответствующий факт продолжает сохранять юридическое значение.

В юридической науке сформировалось несколько конкурирующих подходов к пониманию сущности анализируемого состояния. Представляется, что наиболее полное определение должно интегрировать оба аспекта. Состояние административной наказанности – это длящееся правовое положение физического или юридического лица, возникающее с момента полного исполнения назначенного административного наказания и продолжающееся в течение одного года, влекущее возможность квалификации нового правонарушения как повторного и учитываемое при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства.

Ключевым моментом в возникновении состояния административной наказанности является не день вынесения постановления, а момент фактического и полного исполнения назначенной меры государственного принуждения. Это принципиальное отличие от уголовной судимости, которая возникает со дня вступления обвинительного приговора в силу. Исполнение административного штрафа, исчисление срока лишения специального права, отбытие административного ареста – все эти действия формируют юридический состав, необходимый для начала течения годичного срока состояния наказанности. Как установлено законодателем, «Статья 4.6 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает, что срок погашения административного наказания – один год со дня исполнения постановления» [1]. В течение этого периода лицо считается привлечённым к административной ответственности, что способно оказывать влияние на применение мер воздействия в будущем, в частности, при повторных правонарушениях.

Дискуссионным остается вопрос о моменте прекращения данного состояния. Статья 4.6 КоАП РФ устанавливает, что лицо считается подвергнутым наказанию со дня вступления соответствующего постановления в силу до истечения одного года со дня окончания исполнения постановления. Формально-логическое толкование данной нормы приводит к выводу о том, что состояние прекращается автоматически по истечении указанного срока, без необходимости какого-либо процессуального акта. Однако на практике возникает проблема исчисления срока, особенно в случаях, когда исполнение наказания было приостановлено или производилось по частям.

Наиболее значимым с практической точки зрения последствием рассматриваемого состояния является его влияние на квалификацию нового противоправного деяния и на избираемую меру ответственности.

Повторность как квалифицирующий признак. Законодатель в ряде статей Особенной части КоАП РФ прямо указывает на повторность как на квалифицирующий признак, влекущий существенное усиление санкции. Яркими примерами служат статьи 12.26, 20.2 КоАП РФ. Для правильной квалификации решающее значение имеет установление тождества или однородности правонарушений. Если в течение года лицо вновь совершает аналогичное правонарушение, это рассматривается как повторное нарушение и влечёт применение более строгих мер [6]. К числу таких мер относятся: увеличение размера штрафа до пределов, установленных санкцией статьи, административная приостановка деятельности, лишение специального права (например, права управления транспортным средством) на более длительный срок, обязательные работы с увеличенной продолжительностью, а в отдельных случаях – возможность привлечения к уголовной ответственности за повторное деяние (например, повторное управление автомобилем в состоянии опьянения) в соответствии со ст. 264.1 УК РФ [2]. Таким образом, повторность правонарушения усугубляет правовое положение лица и служит усиленным средством воспитательного и предупреждающего воздействия со стороны государства в рамках административной и уголовной ответственности.

Под тождественностью понимается совершение одного и того же деяния, описываемого конкретной частью статьи КоАП РФ. Совершение, например, двух правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 20.1 (мелкое хулиганство), в течение года будет образовывать повторность по ч. 2 той же статьи.

Понятие однородности является более сложным и оценочным. Отсутствие единого законодательного определения термина «однородность» правонарушений приводит к различному толкованию указанного понятия, как в судебной практике, так и в науке административного права [5]. Однородными признаются правонарушения, посягающие на один родовой объект и имеющие сходные объективные стороны. Классическим примером является квалификация управления транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ) лицом, ранее подвергнутым наказанию за невыполнение законного требования о прохождении освидетельствования (ст. 12.26 КоАП РФ). Оба деяния посягают на безопасность дорожного движения и связаны с состоянием опьянения, что позволяет правоприменителю считать их однородными.

Следует также рассмотреть обстоятельство совершения нового правонарушения в состоянии наказанности как отягчающее обстоятельство. Даже если повторность не является специальным квалифицирующим признаком состава, состояние административной наказанности самостоятельно учитывается при назначении наказания. Пункт 2 части 1 статьи 4.3 КоАП РФ относит «повторное совершение однородного административного правонарушения...» к числу отягчающих обстоятельств.

Это создает своеобразную «двойную конструкцию», в которой состояние наказанности может выступать одновременно и как квалифицирующий признак (если это прямо предусмотрено нормой), и как отягчающее ответственность обстоятельство (в остальных случаях). На практике это означает, что суд или должностное

лицо, назначая наказание за любое однородное правонарушение, совершенное в состоянии наказанности, обязаны рассмотреть этот факт, как отягчающий, что влияет на избрание вида и размера наказания в пределах санкции статьи.

Вместе с тем, правило об отягчающем обстоятельстве повторности на практике зачастую не реализуется в полной мере, поскольку безальтернативные санкции КоАП РФ и отсутствие возможности назначить наказание строже установленных рамок не всегда позволяют реально усилить ответственность [4]. Что касается бремя доказывания состояния административной наказанности, то она лежит на стороне обвинения. Это означает, что должностное лицо или орган, возбудившие дело о новом правонарушении, обязаны предоставить данные, подтверждающие, что ранее вынесенное постановление было исполнено и с момента его исполнения не истек годичный срок.

Ключевым инструментом для установления данного факта является единая информационная система, предусмотренная статьей 26.10 КоАП РФ. Однако на практике ее функционирование не всегда является безупречным. Нередки случаи, когда данные об исполнении наказания вносятся с задержкой или содержат ошибки. Это порождает риски нарушения прав лица, привлекаемого к ответственности, которое может оспаривать сам факт повторности, ссылаясь на отсутствие в информационной системе достоверных сведений об исполнении предыдущего наказания.

Суды в такой ситуации сталкиваются с необходимостью толкования процессуальных норм. Ряд судебных актов указывает на то, что отсутствие сведений в системе не является безусловным основанием для непризнания состояния наказанности, если сторона обвинения может подтвердить этот факт иными доказательствами (например, квитанцией об уплате штрафа). Подобный подход, с одной стороны, обеспечивает реализацию целей административной ответственности, а с другой – возлагает на лицо, привлекаемое к ответственности, дополнительную обязанность по сохранению и предоставлению документов, доказывающих исполнение наказания.

Анализ правовой природы и последствий состояния административной наказанности позволяет сделать ряд системных выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Несмотря на кажущуюся простоту законодательной конструкции, закрепленной в статье 4.6 КоАП РФ, данный институт обладает значительной сложностью и порождает множество проблем в правоприменительной практике.

Прежде всего, констатируется, что состояние административной наказанности представляет собой самостоятельный правовой феномен, выполняющий превентивную и регулятивную функции. Оно служит инструментом усиленного правового воздействия на лиц, демонстрирующих устойчивую противоправную ориентацию, что проявляется в совершении нового однородного или тождественного правонарушения в течение установленного законом срока. Как известно, назначение административного наказания включает в себя не только правовое урегулирование поведения правонарушителя, но и воспроизводит в его статусе принудительный эффект, выражающийся в ограничении его прав и возложении дополнительных обязанностей, что направлено на предупреждение новых правонарушений. Целью установления данного срока является создание временного

интервала, в течение которого обеспечивается контроль за поведением правонарушителя, а также реализуется превентивный эффект наказания, направленный на недопущение повторных правонарушений и формирование у граждан осознанной ответственности за нарушение правовых норм [7].

Ключевой проблемой, требующей незамедлительного разрешения, остается отсутствие легального определения базовых понятий. Термины «тождественное» и «однородное» правонарушение, от корректного использования которых напрямую зависит квалификация деяния и мера ответственности, законодателем не раскрыты. Это приводит к избыточному усмотрению правоприменителя и риску нарушения принципа законности.

Таким образом, состояние административной наказанности, будучи формально кратковременным правовым последствием, обладает значительным ограничительным потенциалом. Дальнейшее совершенствование данного института должно быть направлено на достижение баланса между эффективностью административно-правового воздействия и незыблемостью гарантий прав и законных интересов личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Морозова, Н. А. Состояние административной наказанности // Lex russica. – 2021. – № 9. – С. 44–53.
4. Телегин, А. С., Тиунова Н. В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 626–650.
5. Ахтанина, Н. А. Правовая характеристика повторности административных правонарушений // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 4. – С. 55–65.
6. Стахов А. И. Административное право России : учебник для вузов / А. И. Стахов. Москва, 2025. – 340 с.
7. Россинский Б. В. Административное право : учебник. – Москва, 2025. – 450 с.

УДК 347

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ОВД И ПУТИ ИХ МИНИМИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Макеев Николай Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808921@ruc.su

CORRUPTION RISKS IN THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS AND WAYS TO MINIMIZE THEM THROUGH DIGITAL EDUCATION AND SCIENCE

Makeev Nikolay Aleksandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу коррупционных рисков в органах внутренних дел Российской Федерации, представляющих серьезную угрозу национальной безопасности. Осу-

ществляется критический обзор существующих подходов к определению коррупционных рисков, а также предлагается авторское определение данного понятия. Исследуются основные причины увеличения количества коррупционных преступлений среди сотрудников ОВД и формы их проявления. Обосновывается потребность в интегрированном подходе к предупреждению коррупционных проявлений, включающем активное применение инновационных цифровых технологий, ориентированных на усиление антикоррупционной устойчивости в правоохранительных органах.

Ключевые слова: противодействие коррупции, цифровизация, антикоррупционное поведение, образовательные программы, правоохранительные органы.

The article is devoted to a comprehensive analysis of corruption risks in the internal affairs bodies of the Russian Federation, which pose a serious threat to national security. A critical review of existing approaches to identifying corruption risks is being conducted, and the author's definition of this concept is also proposed. The main reasons for the increase in corruption crimes among employees of the Department of Internal Affairs and their manifestations are being investigated. The need for an integrated approach to the prevention of corruption is substantiated, including the active use of innovative digital technologies aimed at strengthening anti-corruption resilience in law enforcement agencies.

Keywords: anti-corruption measures, digitalization, anti-corruption behavior, educational programs, law enforcement agencies.

Коррупция является одной из серьезнейших и опаснейших угроз национальной безопасности современной России сопоставимой с такими глобальными проблемами, как экстремизм и терроризм. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, противодействие коррупции входит в перечень приоритетных направлений государственной политики [1].

Регулярное внимание представителей государственной власти Российской Федерации сосредоточено на совершенствовании комплекса мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и профилактику проявлений коррупции. На данный фактор неоднократно обращает внимание глава России – В. В. Путин в ежегодных посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ. Кроме того, глава МВД России Владимир Колокольцев также систематически указывает на актуальность задачи по укреплению дисциплины и законности среди личного состава. В 2024 году Министр внутренних дел отметил, что чрезвычайно высока роль Министерства внутренних дел в борьбе с коррупцией [2].

Сотрудникам органам внутренних дел всегда уделяется повышенное внимание в рамках анализа коррупционных правоотношений, поскольку специфика их профессиональной деятельности непосредственно влияет на состояние правопорядка и безопасность общества. Совершение ими преступлений коррупционной направленности дискредитирует российскую полицию, нарушают принцип верховенства права, а также негативно влияет на состояние законности и правопорядка в обществе.

Результаты анализа статистических данных Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации о количестве преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД России за период с 2020 по 2024 год, свидетельствуют о стабильном росте преступности в правоохранительных органах. Особую опасность вызывает отрицательная динамика увеличения тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе коррупционной направленности [3].

Такого рода негативная тенденция заставляет обратить пристальное внимание на проблему коррупционных рисков в правоохранительных органах. Для понимания возможных подходов к решению обозначенной проблемы необходимо исследовать природу коррупционных рисков, выявить особенности их формирования и предложить действенные методы минимизации таких рисков.

В настоящее время единое определение понятия «коррупционные риски» отсутствует как в действующем законодательстве, так и на монографическом уровне. Приведем несколько примеров дефиниции рассматриваемого термина.

В соответствии с Рекомендацией по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации под коррупционными рисками понимается вероятность совершения работником организации либо другим лицом от имени или в интересах данной организации коррупционного правонарушения [4].

В Методических рекомендациях по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции коррупционные риски определяются как вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызванных ими [5].

И. Н. Дементьева под рассматриваемой категорией понимает «заложенные в системе государственного и муниципального управления возможности для действия (бездействия) должностных лиц и рядовых сотрудников с целью незаконного извлечения материальной и иной выгоды при выполнении своих должностных полномочий...» [6, С. 77].

В. В. Астанин определяет коррупционные риски как «вероятность возникновения коррупционного поведения, которое может быть вызвано: несоблюдением обязанностей, запретов и ограничений, установленных для государственных служащих в связи с прохождением государственной службы; реализацией полномочий при осуществлении служебной деятельности государственного служащего» [7, С. 11].

Исследование имеющихся дефиниций рассматриваемого понятия, которые закреплены в подзаконных актах и указаны в доктрине, послужило основанием для формулировки собственного авторского толкования категории коррупционных рисков в органах внутренних дел. Под которым мы понимаем вероятность (возможность) совершения сотрудником (работником) ОВД противоправного деяния, направленного на достижения определенной выгоды (преимущественно имущественного характера), которое ведет к наступлению обстоятельств, характеризующих данное деяние как коррупционное правонарушение».

Коррупционные риски можно подразделить на два типа:

1. Объективные риски, обусловленные несовершенством правовых норм, организационно-техническими недостатками и низким качеством управления.
2. Субъективные риски, возникающие из-за индивидуальных качеств сотрудников, склонных к нарушению установленных правовых и поведенческих правил.

Формами проявления коррупционных рисков в МВД России могут выступать следующие: получение и дача взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, незаконное вознаграждение, сокрытие сведений о конфликте интересов и др.

Наиболее значительными причинами совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД выступают:

- недостаточность заработной платы, вынуждающая сотрудников искать дополнительные доходы, нередко нелегальным путем;
- низкое качество отбора кандидатов на службу, допускающее поступление недобросовестных лиц в структуру МВД;
- ограниченность действенных механизмов внутренней дисциплинарной ответственности и неотвратимости наказания за совершение коррупционных проступков;
- наличие скрытых традиций двойных стандартов, когда сотрудники руководствуются негласными правилами, отличающимися от официальных положений и инструкций;
- несовершенство системы технического оснащения подразделений ОВД, ведущее к зависимости сотрудников от посредников и подрядчиков, заинтересованных в получении преференций за оказание услуг;
- общие культурные особенности, такие как пренебрежительное отношение к закону, патернализм и вера в собственную неприкасаемость, усугубляющие ситуацию и способствующие укоренению порочной практики;
- недостаточность регулярного мониторинга и оценивания процессов принятия решений.

Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, включающего в том числе совершенствование информационного образования правоохранителей. Ведь именно понимание природы коррупционных рисков, эффективное обучение и развитие новых технологических решений становятся ключевыми инструментами минимизации подобного рода преступлений.

На наш взгляд наиболее эффективными направлениями цифровой образовательной деятельности сотрудников ОВД с целью минимизации коррупционных рисков являются следующие:

1. Создание специализированных дистанционных образовательных платформ, предусматривающих изучение сотрудниками ОВД фундаментальных основ антикоррупционного законодательства, профессионально-этических норм и кодексов служебного поведения.

2. Разработка и внедрение цифровых учебно-тренировочных комплексов, использующих технологии виртуального моделирования, направленных на приобретение персоналом навыков адекватного реагирования на провоцирующие коррупционные ситуации.

3. Организация удаленного режима прохождения обязательных аттестаций и перееаттестаций сотрудников, осуществляемого в режиме онлайн-тестирования, что обеспечивает независимость и объективность проверяемых показателей профессионализма.

4. Реализация модулей по выявлению и разрешению конфликтов интересов, содержащих инструкции и порядок уведомлений руководителей о потенциально возникающих коррупционных рисках.

5. Проведение регулярных лекций и практических занятий, призванных повышать общую антикоррупционную грамотность сотрудников и формировать внутренний климат нетерпимости к фактам коррупции.

6. Реализация симуляторов реальных ситуаций, позволяющих сотрудникам приобретать опыт реагирования на критически важные ситуации, способные привести к возникновению коррупционных правонарушений.

Итожим: Коррупционные риски в органах внутренних дел продолжают представлять значительную проблему для российского общества, однако благодаря широкому применению современных цифровых технологий и активному привлечению научного потенциала возможно существенно сократить число случаев коррупции и укрепить доверие граждан к правоохранительным органам, государству. Эффективная реализация поставленных целей потребует привлечения значительных ресурсов, но ожидаемые позитивные изменения будут способствовать укреплению правовой стабильности и обеспечению надлежащего уровня правопорядка в государстве.

Таким образом, дальнейшее исследование вопросов, связанных с применением цифровых технологий и образовательных методик в целях минимизации коррупционных рисков, выступает неотъемлемым условием эффективного противодействия деструктивным явлениям, угрожающим стабильному функционированию правоохранительной системы Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1(ч. II). – Ст. 212.
2. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Официальный сайт МВД России. – URL.: <https://мвд.рф/news/item/62189090>
3. Статистическая форма отчетности «Отчет о результатах работы органов внутренних дел» за 2020–2024 гг. // Доступ из ФКУ «ГИАЦ МВД России»
4. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации (утв. Минтрудом России) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: consult.ru
5. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции (утв. протоколом заседания проектного комитета от 13.07.2017 года № 47/7) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: consult.ru
6. Дементьева И. Н. Исследование коррупционных рисков в региональных органах государственной власти // Проблемы развития территории. – 2012. – № 2. – Т. 58. – С. 75–85.
7. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты. – Москва : Юнити-Дана, 2012. – 255 с.

УДК 347

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Макеев Николай Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808921@ruc.su

COUNTERING CORRUPTION IN THE ERA OF DIGITALIZATION: ANALYSIS AND PROSPECTS FOR OVERCOMING IT

Makeev Nikolay Aleksandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на проблему коррупции в России. Автор рассматриваются современные вызовы, связанные с внедрением цифровых технологий, и предлагаются меры по совершенствованию антикоррупционной политики. Проанализированы статистические данные динамики совершения коррупционных преступлений за последние годы, выявлены причины их увеличения. Предложены способы борьбы органов внутренних дел с коррупцией, которые включают два направления: повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел посредством внедрения цифровых технологий в образовательный процесс и цифровизация самой структуры МВД для более эффективного выявления коррупционных деяний.

Ключевые слова: цифровые технологии, антикоррупционные меры, образовательные программы, методики выявления и пресечения коррупционных преступлений.

This article explores the impact of digitalization on the issue of corruption in Russia. The author discusses the current challenges associated with the introduction of digital technologies, and measures are proposed to improve anti-corruption policy. The article analyzes the statistical data on the dynamics of corruption crimes in recent years and identifies the reasons for their increase. The article proposes ways for the internal affairs bodies to combat corruption, which include two areas: improving the qualifications of internal affairs officers through the introduction of digital technologies in the educational process, and digitizing the internal affairs bodies themselves in order to more effectively detect corruption.

Keywords: digital technologies, anti-corruption measures, educational programs, methods of detection and suppression of corruption crimes.

Цифровизация стала неотъемлемым элементом современной реальности, оказывающее значительное влияние на все сферы общественной жизни. Сегодня цифровые технологии проникают практически во все экономические процессы, формируя новую действительность, характеризующуюся ускоренными темпами обмена информацией, расширением возможностей дистанционного взаимодействия, развитием электронного документооборота и автоматизированных систем управления.

Вместе с тем процесс перехода от традиционных (бумажных) методов хранения, обработки и передачи информации к электронным цифровым технологиям, а также активное внедрение цифровых платформ, облачных технологий, искусственного интеллекта порождает ряд серьезных вызовов и рисков. Среди которых можно выделить обеспечение кибербезопасности, защиту персональных данных, а также предотвращение новых видов преступности, включая коррупционные преступления, в том числе, совершаемые с использованием информационных телекоммуникационных технологий.

Проблема противодействия коррупции приобретает особую значимость в эпоху цифровизации, поскольку классические схемы выявления и расследования коррупционных деяний нередко оказываются неэффективными в условиях стремительного распространения цифровых технологий. Именно поэтому актуальным представляется комплексное изучение особенностей влияния цифровизации на развитие коррупции, способов совершения противоправных деяний в этой сфере, а также предложение рекомендаций по эффективному противодействию коррупционным правонарушениям.

Коррупция является одной из важнейших угроз государству, непосредственно

влияющей на доверие граждан к государственным органам, стабильность и безопасность общества, эффективное развитие страны. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации коррупция рассматривается как угроза, сопоставимая по своей опасности с терроризмом и экстремизмом [1]. Что подтверждает масштаб негативных последствий, вызванных коррупционными действиями.

Коррупция негативно сказывается на всех аспектах жизнедеятельности государства, приводя к серьезным (разрушительным) экономическим последствиям. Они могут проявляться в следующих формах:

- недополучение доходов бюджета в связи с потерей налоговых поступлений, хищений бюджетных средств и неэффективного расходования государственных (денежных) ресурсов;
- рост теневой экономики, затрудняющий контроль экономических процессов;
- дискриминация конкуренции из-за нарушений принципов свободной конкуренции;
- усиление социального неравенства, провоцирующего общественные конфликты, а также иные.

Исследуем статистические показатели коррупционной преступности в России с целью оценки количественных характеристик коррупционных преступлений, зарегистрированной правоохранительными органами. Рассмотрим динамику изменений указанных показателей за последние пять лет, оценим влияние эффективность проводимой антикоррупционной политики.

Таблица 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений и преступлений коррупционной направленности в России за 2019–2024 гг. [2]

год	всего преступлений	из них коррупционной направленности
2019	2024337	30991
2020	2044221	30813
2021	2004404	35051
2022	1966795	35340
2023	1947161	36407
2024	1911258	38503

Анализ представленных статистических данных за исследуемый период свидетельствует о следующем:

- общее количество зарегистрированных преступлений ежегодно сокращается: в 2024 году по сравнению с 2019 годом их совершено меньше почти на 113 тыс., то есть снижение на 5,6 %;
- число преступлений коррупционной направленности, напротив, демонстрирует стабильный ежегодный прирост (+7512 преступлений за весь исследуемый период или +24 %);
- относительная доля преступлений коррупционной направленности постепенно увеличивается: если в 2019 г. она составляла около 1,5 % от общего числа преступлений, то к 2024 году достигла уже порядка 2 %.

Отметим, что наиболее заметный скачок совершения коррупционной преступности произошел в 2021 году (+4238 преступлений относительно предыдущего периода). На наш взгляд, такая отрицательная динамика связана с пандемией COVID-19 и переходом значительной части государственных и коммерческих организаций на дистанционный формат (удаленную работу), а также активным внедрением и использованием цифровых технологий.

В связи с увеличением количества коррупционных правонарушений необходимо дальнейшее совершенствование антикоррупционных мер, в том числе посредством применения современных информационных технологий.

Главными субъектами противодействия коррупционной преступности выступают сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД). Поскольку современное общество стремительно движется по пути цифровизации, крайне важно, чтобы полицейские своевременно адаптировались к новым условиям, характеризующимися быстро развивающимися технологиями и использовали потенциал цифровых инноваций для повышения эффективности своей деятельности по борьбе с преступностью [3, с. 125].

Рассмотрим два основных направления совершенствования деятельности ОВД с целью противодействия коррупции:

Первое: повышение квалификации сотрудников ОВД путем внедрения современных цифровых технологий в образовательный процесс.

Важно обеспечить подготовку квалифицированных кадров, обладающих необходимыми компетенциями для своевременного выявления признаков коррупционных преступлений и оперативного реагирования на их совершение. Актуальным видится внедрение следующих методов в процесс обучения:

- разработка специальных программ подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, направленные на формирование профессиональных навыков и умений в области борьбы с коррупционными преступлениями [4, с. 159]. Особенно акцентировать внимание необходимо на работу с большими объемами информации и использованию информационно-коммуникационных технологий;
- использование специализированных симуляторов и тренажеров для отработки практических навыков обнаружения признаков коррупционных правонарушений, сбора и фиксации доказательств;
- имитация реальных ситуаций с применением VR-технологий, позволяющая сотрудникам приобретать опыт в расследовании сложных коррупционных схем;
- организация онлайн-курсов и вебинаров по изучению новых схем совершения преступлений злоумышленниками, а также методов их выявления.

Также отметим, что эффективность реализации указанных мер зависит от сформированной культуры нетерпимости к любым формам коррупции среди личного состава МВД.

Второе направление: цифровизация самой структуры МВД, а также механизма выявления коррупционных правонарушений.

Активное внедрение в деятельность ОВД новых цифровых платформ и технологий позволит анализировать и обрабатывать большие объемы информации, выявлять скрытые коррупционные схемы, а также сократить время реагирования

на правонарушения [5, с. 61]. Для реализации этой цели актуально реализовать следующие меры:

- создать централизованную цифровую базу данных о коррупционных преступлениях, которая позволит анализировать статистику, выявлять повторяющиеся схемы и формировать портрет коррупционного преступника;
- внедрить цифровизацию документооборота, что увеличит прозрачность и открытость деятельности государственных органов и юридических лиц;
- использовать цифровые каналы коммуникации и обратной связи с гражданами, позволяющее последним анонимно сообщать о фактах коррупции и оперативно передавать важную информацию правоохранительным органам;
- применять искусственный интеллект для автоматического анализа большого массива данных, выявления следов коррупционной преступности (например, подозрительных финансовых операций или сомнительные действия / бездействия граждан). По мнению А. И. Овчинникова программное выявление фактов коррупции имеет огромный потенциал. В его поддержку выступают Д. М. Фарахiev и Д. Ф. Минзянова, указывающие, что внедрение искусственного интеллекта позволит «...впоследствии выработать меры противодействия коррупции с учетом принципиально новых механизмов их совершения» [6].

Обобщая сказанное выше, проблема противодействия коррупции приобретает особую актуальность в эпоху стремительно развивающихся цифровых технологий. С цифровизацией общества возросло количество совершаемых преступлений коррупционной направленности, в связи с чем в настоящее время возникла острая необходимость в применении комплексного подхода по совершенствованию антикоррупционных мер. На наш взгляд, противодействию рассматриваемому негативному явлению будет способствовать интеграции современных информационных технологий и передовых методик в деятельность ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. – № 1(ч. II). – Ст. 212.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за 2019-2024 года // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/7/>
3. Астафьев, Н. В. Подготовка сотрудников полиции в образовательно-служебных и научных кластерах МВД России с реализацией профессиональных образовательных программ в сетевой форме. Тюмень, СПб ун-т МВД России, 2025. – 186 с.
4. Овчинников, А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 158–170.
5. Фарахiev Д. М., Минзянова Д. Ф. Перспективы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность оперативных подразделений полиции по противодействию коррупции // Современная наука. – 2022. № 1. – С. 60–63.
6. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. – Саранск : Афанасьев В. С., 2025.

УДК 347

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК СИСТЕМНАЯ УГРОЗА КОНСТИТУЦИОННОМУ СТРОЮ ГОСУДАРСТВА

Малышонков Никита Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: malish.ni@ruc.su

DIGITALIZATION OF SOCIETY AS A SYSTEMIC THREAT TO THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE STATE

Malyshonkov Nikita Igorevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В условиях стремительной цифровизации и трансформации публичной сферы коммуникаций в глобальную сеть Интернет устойчивое и стремительное распространение экстремистского материала в социальных сетях приобрело характер системной угрозы национальной безопасности нашего государства. Данный факт предопределяет необходимость выработки одновременно взаимосвязанного как правового, так и технологического инструментария его своевременного выявления и пресечения. Также особое внимание необходимо уделить и профилактике такого опасного явления.

В настоящей работе анализируется и делается попытка создания и внедрения междисциплинарной методики юридически-технологической идентификации интернет-сообществ с признаками экстремизма на основе интеграции графо-аналитического моделирования сетевых взаимодействий.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, мессенджеры, Telegram, WhatsApp, MTProto, секретные чаты, конституционный строй, безопасность, сквозное шифрование (E2EE), бэкдор, уязвимости нулевого дня, тайна связи, OSINT, Avalanche (VERONA); мониторинг каналов и групп.

In the context of rapid digitalization and transformation of the public sphere of communications into the global Internet, the steady and rapid spread of extremist material on social networks has become a systemic threat to the national security of our state. This fact determines the need to develop simultaneously interrelated legal and technological tools for its timely detection and suppression. Special attention should also be paid to the prevention of such a dangerous phenomenon.

This paper analyzes and attempts to create and implement an interdisciplinary methodology for the legal and technological identification of Internet communities with signs of extremism based on the integration of graphical analytical modeling of network interactions.

Keywords: extremism, terrorism, messengers, Telegram, WhatsApp, MTProto, secret chats, constitutional order, security, end-to-end encryption (E2EE), backdoor, zero-day vulnerabilities, communication secrecy, OSINT, Avalanche (VERONA); monitoring of channels and groups.

Цифровая трансформация, обусловленная развитием глобальной сети Интернет, совершенствование криптографических методов и появление технологий искусственного интеллекта формирует новые общественные отношения, требующие адаптации правового регулирования и механизмов обеспечения национальной безопасности, причём сложность их правоприменительного решения последовательно возрастает.

Современные мессенджеры выступают самостоятельными субъектами информационных правоотношений. Так, в частности, Telegram, имея значительный охват и функции публичной трансляции контента, фактически выполняет меди-

ароль платформы массового распространения информации и подпадает под режим регулирования, применимый к организаторам распространения информации и, в ряде случаев, к деятельности СМИ [1].

Широкое внедрение интернет-технологий одновременно повысило доступность связи (удобство, мобильность, оперативность) и расширило поле правовых рисков от размещения экстремистских материалов и публичных призывов к противоправным действиям до создания открытых и закрытых сообществ, ориентированных на дестабилизацию общественного порядка и подрыв основ конституционного строя государства.

Используя глобальную сеть и возможности интернет-коммуникации, создатели и идеологи экстремистских и террористических объединений осуществляют дистанционное массовое воздействие на сознание граждан, прежде всего на молодёжь, что образует самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны и профилактики.

В последние годы фиксируется рост вовлечённости в террористическую деятельность и обострение экстремистской проблематики, квалифицируемые как угроза национальной безопасности и предмет общегосударственного противодействия. Анонимизация и упрощённый обмен данными существенно осложняют оперативно-розыскное и процессуальное фиксирование и закрепление противоправной деятельности.

Данными возможностями Telegram активно пользуются вербовщики террористических и экстремистских структур, скрывая свою личность и каналы коммуникации от правоохранительных органов. Так, запущенный 14 августа 2013 года Telegram – это кроссплатформенный сервис мгновенных коммуникаций (текст, аудио, видео, изображения и файлы различных форматов) с аудиторией по словам основателя Telegram Павла Дурова более 1 млрд активных пользователей мессенджера по всему миру и более 100 млн уникальных пользователей в России, облачная архитектура которого обеспечивает одновременную доступность чатов и файлов на нескольких устройствах (за исключением секретных чатов), что порождает сложные правовые вопросы связанные с юрисдикцией, хранением и законному доступу к частным сведениям лиц, по запросам компетентных правоохранительных органов [2, 3].

Криптографическая защита данного мессенджера реализована через собственный протокол MTProto, разработанный Николаем Дуровым и др. программистами, предполагающий использование нескольких алгоритмов шифрования. Для сравнения, в WhatsApp сквозное шифрование переписки включено по умолчанию – данные шифруются на устройстве отправителя, дешифруются на устройстве получателя и сопровождаются хранением ключевого материала на конечных устройствах, что юридически затрудняет исполнение требований о предоставлении ключей третьим лицам.

В Telegram режим end to end окончательное шифрование действует исключительно в «секретных чатах» (с 8 октября 2013 года). Общий ключ устанавливается непосредственно между двумя участниками на базе MTProto, серверная расшифровка исключена, а история переписки сохраняется лишь локально на тех двух устройствах, где создан диалог.

Такой режим, также описываемый как «нулевой доступ» или «шифрование на стороне клиента», гарантирует, что содержанием сообщения располагают только отправитель и получатель. Криптографические же операции выполняются на конечных устройствах, а данные остаются зашифрованными вплоть до момента доставки.

При всем этом сам контент секретных чатов не хранится на серверах Telegram, а пересылка сообщений и файлов и создание скриншотов, и запись экрана ограничены, вследствие чего фактически единственный способ сохранить переписку это ручное копирование текста. Удаление чата необратимо, а попытка записи экрана приводит к выводу сплошного фона, что одновременно минимизирует посреднический доступ и усложняет фиксацию доказательственной базы в уголовном процессе.

Однако для решения данных проблем спецслужбы разных стран заставляют разработчиков программ и программного обеспечения оставлять так называемые бэкдоры или же используют уязвимости нулевого дня 0-day (англ. zero day).

Под «бэкдором» целесообразно понимать преднамеренно встроенную в программный код скрытую функциональность либо техническую закладку (включая механизмы обхода согласования ключей и клиентского шифрования), создающую у третьих лиц возможность доступа к защищённым коммуникациям вне общего правового режима и процедур судебного контроля. Так, является показательным факт того, что в раскрытых в 2013 г. материалах Э. Сноудена сообщалось о доступе спецслужб США к содержанию сведений в Skype после поглощения Microsoft в 2011 году за 8,5 млрд. долларов, несмотря на публичные заявления о сквозном шифровании.

В отношении мессенджеров дискуссия о бэкдорах неизбежно пересекается с вопросами законного получения доступа к конфиденциальной информации и использования бэкдоров и уязвимостей.

Эмпирические данные по России свидетельствуют, что доказательства по делам нередко формируются не через официальные запросы и получения данных с сервера, а посредством извлечения данных с изъятых устройств (мобильная криминалистика, включая коммерческие средства наподобие Cellebrite), OSINT-мониторинга открытых групп и каналов, а также доступа к облачным резервным копиям, что позволяет следственным органам предъявлять в суде переписку в мессенджерах при соблюдении правил допустимости цифровых доказательств.

При этом ранее актуальная (до выхода России из Совета Европы) правовая позиция Европейского суда по правам человека по делу *Podchasov v. Russia* прямо указывает, что предписания провайдерам хранить трафик и выдавать ключи/сведения для массовой дешифрации нарушают право на частную жизнь всех пользователей [3].

Что касается конкретно Telegram, публично подтверждённых фактов существования серверного бэкдора нет, вместо этого в ряде резонансных дел обыски и доступ к устройствам, а также эксплуатация уязвимостей на стороне клиента объясняют появление у следствия массивов сообщений, хотя журналистские расследования периодически выдвигают версии о «теневого доступе» к инфраструктуре,

которые компания отвергает, указывая на отсутствие серверов и персонала в России и невозможность передачи личных сообщений третьим лицам.

На практике значимую роль в поиске экстремистского контента должна играть разведка по открытым источникам для чего необходимо активно внедрять и развивать продвинутую экосистему OSINT-инструментов и ботов по Telegram, применимых к выявлению сетей распространения противоправного контента и их администраторов (включая анализ графов, поведенческой активности и сопоставление идентификаторов), что при должной процессуальной фиксации может и должно служить допустимыми доказательствами для последующих процессуальных действий в виде судебного следствия и вынесения приговора судом.

В этом контексте примечательна платформа Avalanche (разработчик – А. Масалович), позиционируемая как российская система интернет-разведки [4]. По нашему мнению, такого рода OSINT-платформы позволяют формализовать мониторинг публичных каналов и групп Telegram (в т. ч., по ключевым словам, семантическим паттернам, сетевой структуре администраторов и пересечению аудиторий), что должно активно применяться для раннего выявления (профилактики) призывов к экстремистской деятельности и организации насильственных действий против государства и общества [5].

Говоря о бэкдорах, можно отметить тот факт, что среди проанализированных уголовных дел, где именно серверный бэкдор мессенджера стал непосредственной причиной задержания экстремистов, не выявлено. Однако можно отметить случаи, когда сообщения из Telegram фигурируют в материалах дел благодаря доступу к устройству, извлечению данных и оперативно-розыскным мероприятием (включая OSINT), что наглядным образом подчёркивает тот факт, что даже при отсутствии доступа к серверам Telegram, совокупность клиентских уязвимостей и публичной активности в каналах/группах даёт возможность правоохранительным органам собирать допустимые доказательства и своевременно проводить расследование по данным категориям уголовных дел.

Тем самым оправданной выглядит модель технико-правового регулирования, которая одновременно не допускает использования в качестве допустимых доказательств сведений, полученных посредством бэкдоров, как несоразмерные и создающие риск для всех пользователей, но которая при этом закрепляет процессуально проверяемые механизмы точечного доступа к данным на конечных устройствах и их проверке на противоправность. Также необходимо процессуально закрепить OSINT-мониторинг для более активного исследования публичных телеграм-площадок с целью противодействия экстремизму и терроризму, тем самым поддерживая баланс между эффективностью правоприменения и гарантиями тайны коммуникаций.

В совокупности эти технологические свойства мессенджеров, и Telegram, в частности, требуют тонкого баланса защиты конституционных прав в виде тайны связи и неприкосновенности частной жизни с задачей защиты основ конституционного строя и безопасности государства. В свою очередь данный факт требует уточнения правового статуса платформ как организаторов распространения информации по смыслу 149 ФЗ и выработки соразмерных процедур взаимодей-

ствия с государством без подрыва криптографических механизмов, использующихся для защиты частной коммуникации граждан.

Таким образом возрастающая активность радикальных сообществ в цифровой среде обуславливает необходимость системной интеграции правовых, организационных и технико-аналитических средств выявления и пресечения противоправной деятельности, осуществляемой через социальные сети и платформы в глобальной сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.). – СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
2. Европейский суд по правам человека. Постановление от 13.02.2024 по делу Podchasov v. Russia (заявл. № 33696/19). – HUDOC. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-230854>
3. Телеграмм достиг более 1 млрд. пользователей. – 2025. – URL: <https://www.businessinsider.com/telegram-celebrates-1-billion-active-users-pavel-durov-swipe-whatsapp-2025-3>
4. Андрей Масалович – разработчик системы Avalanche. – Образовательный портал. – URL: <https://www.360sec.ru/educators/2>
5. Presentation of the Russian Avalanche VERONA OSINT Platform. – Видеопрезентация, 28.07.2023 (архивная копия). – URL: https://archive.org/details/youtube-S_mrpTZLIF0

УДК 349.2

КАДРОВЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Моисеева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Панфилов Михаил Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: e.n.moiseeva@ruc.su

HR ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Moiseeva Elena Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Panfilov Mikhail Anatolyevich, PhD (Pedagogy), Associate professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются преимущества использования в организации кадрового электронного документооборота, приводятся примеры способов его применения.

Ключевые слова: кадровые документы, электронный документооборот, обработка документов, кадровая служба организации, оптимизация кадрового документооборота.

The article discusses the advantages of using electronic personnel records management in an organization and provides examples of how it can be implemented.

Keywords: personnel documents, electronic document management, document processing, personnel service of an organization, and optimization of personnel document management.

Кадровый электронный документооборот (далее – КЭДО) – это система для работы с кадровыми документами организации в цифровом формате. Она появилась в России сравнительно недавно – в 2021 году и регламентируется такими нормативными документами, как: Федеральным законом от 13.12.2024 г. № 470-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» [2], Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4] и Приказом Минтруда от 20.09.2022 г. № 578Н «Об утверждении единых требований к составу и форматам документов, связанных с работой, оформляемых в электронном виде без дублирования на бумажном носителе»[5].

Принцип работы КЭДО заключается в следующем: в систему загружается документ, направляемый сотруднику. Тот получает уведомление о необходимости ознакомиться с документом, ставит электронную подпись, после чего сервис возвращает документ в отдел кадров.

Стоит отметить, что не все документы подлежат хранению и подписанию в КЭДО. В перечень документов, разрешенных подписывать в КЭДО, входят: заявление о приеме на работу, трудовой договор, договор о материальной ответственности, заявление на отпуск, заявление на перевод, приказ о командировании и др.

В КЭДО запрещено подписывать: трудовую книжку, акт о несчастном случае на производстве, приказ или распоряжение об увольнении сотрудника, инструктаж по пожарной безопасности и охране труда и др.

Обязательный порядок перехода организаций на КЭДО не предусмотрен, однако ведение кадрового документооборота с его использованием гораздо динамичнее и дешевле.

Необходимость перехода на КЭДО была обусловлена влиянием пандемии Covid19, в связи с которой сотрудники организаций массово переходили на удаленный режим работы. Для подписания документов приходилось использовать услуги курьерских служб, что увеличивало время и финансовые затраты. Решение о переводе документов в цифровой формат и использование кадрового электронного документооборота позволило оптимизировать в целом весь процесс документооборота организации. Также использованию такой системы способствовало появление большого числа удаленных сотрудников и после окончания пандемии Covid19[1].

Основными преимуществами перехода на КЭДО являются:

- экономия времени. Для подписания документа достаточно пару кликов, сотрудникам не нужно приезжать в офис, компании экономят на курьерских доставках.

- экономия денежных ресурсов для канцелярских принадлежностей и краски для принтера;

- безопасность данных. Облачные хранилища обеспечивают документы системами шифрования, которые позволяют сохранить конфиденциальность данных;

- доступность информации круглосуточно. Сотрудник всегда может посмотреть количество дней отдыха, а также получить справку вне зависимости от времени суток и своего места нахождения.

Для перехода к системе КЭДО необходимо:

1) изучить кадровые процессы в компании, определить требования для системы, установить сроки, порядок внедрения КЭДО, а также определить список документов, которые будут переведены в электронный формат;

2) выбрать систему КЭДО. Это могут быть: готовые решения, действующие в соответствии с требованиями российского законодательства, и собственные разработки, что является более ресурсозатратным способом, требует больших вложений и времени, но гарантирует сохранность персональных данных внутри компании;

3) сообщение о переходе и сбор согласий от сотрудников;

4) разработка локальной документации: положение о переходе, в котором должны прописываться процедура перехода и условия использования электронных документов; приказ о переходе, обязательно должны указываться ответственные за новый документооборот; документ удостоверяющий согласие сотрудников на переход в КЭДО, а также их согласие на обработку хранения и передачу персональных данных и ознакомление с приказом и положением;

5) установление системы КЭДО и добавление в неё сотрудников.

На сегодняшний день многие компании переходят на КЭДО.

Сервисы для автоматизации КЭДО, доступные на российском рынке представлены: VK Tech; Directum HR Pro; 1С:Зарплата и управление персоналом; Saby Staff; HRlink; EmplDocs; ELMA365 КЭДО; Симфония; Docsvision КЭДО; Noraper; Pyrus; Контур.КЭДО; Docs5; LDM.КЭДО; ТопФактор: Личный кабинет сотрудника.

Наиболее распространенной является КЭДО-платформа HRlink, которая обладает возможностями создания автоматически электронной цифровой подписи для каждого сотрудника, что значительно упрощает работу с документооборотом, а именно подписание документа через личный кабинет с любого устройства.

Результатами перехода на КЭДО стало следующее:

- оцифровка всех кадровых документов;
- экономия затрат на подготовку документов для каждого сотрудника;
- сокращение потребления бумаги, (политика компании в области социальной ответственности);
- ускорение и упорядочивание документооборота внутри организации, а также повышение исполнительности сотрудников в связи с упрощением соблюдения сроков регламента на подписание документов.

VK HR Tek – система кадрового электронного документооборота, предназначенная для любых по размеру компаний.

Сервис реализован для обмена кадровыми документами между всеми сотрудниками компании: работниками, руководителями и кадровиками в дистанционном формате.

Удобством данного сервиса является возможность со смартфона работать с любыми документами: подписание приказов, подача заявлений на отпуск или смену должности и т.д.

VK HR Tek предоставляет личный кабинет с заранее определенными виджетами. Например, для сотрудников – это список активных заявок, календарь, в ко-

тором можно отследить дни своего отсутствия на рабочем месте и причину, информация о персональных данных и доходах (расчетные листы). Для HR-специалистов – это автоматизация найма, возможность настроить маршрут согласования документов, автоматически трудоустроить сотрудника после проверки службой безопасности, настроить массовую отправку и получение документов с электронной подписью.

Из достоинств данной платформы можно выделить:

- наличие валидаторов и дедлайнов дают возможность контролировать сроки подписания документов. Уведомления о подписании могут приходить в виде СМС, на электронную почту или Telegram по выбору пользователя. С приближением срока на подписание частота сообщений увеличивается;
- при планировании отпуска, система заранее показывает доступное количество дней отпуска;
- все заявления заранее имеют шаблоны, в которые достаточно внести свои данные;
- наличие возможности настройки цепочки согласования документов между руководителями и сотрудником;
- наличие модуля найма для трудоустройства онлайн, который включает отправку предложения после проверки службой безопасности, сбор необходимых документов и проверка данных кандидата;
- логирование всех действий пользователей таких как: регистрация, выпуск и подписание УНЭП, изменение данных пользователя, работа с заявками, а также бессрочное их хранение;
- двухфакторная аутентификация: при входе в личный кабинет запрашивается сначала пароль, а после по СМС приходит код подтверждения, который необходимо ввести.
- сервис входит в реестр российского программного обеспечения, работа которого организована в соответствии с Федеральными законами №152-ФЗ «О персональных данных» [3] и № 63-ФЗ «Об электронной подписи», а также присутствует аттестат соответствия облачной системы требованиям ФСТЭК по защите информации.

К недостаткам можно отнести:

- отсутствие точного графика работы технической поддержки в связи с чем возникают трудности связаться с ней особенно в праздничные дни;
- проблемы в работе личного кабинета, например, случаи невозможности входа в личный кабинет в результате постоянного обновления страницы без возможности зайти в нужный раздел;
- отсутствие возможности изменить некоторые этапы подписания документов под запросы компании в связи с тем, что в системе они уже прописаны и скорректировать их невозможно;
- отсутствие возможности отредактировать загруженный документ. Если в документе обнаружена ошибка, отсутствует возможность ее исправить, в связи с чем процесс подписания нужно запускать заново.

В КЭДО существует возможность использования технологии интеллектуальной

обработки документов. Данная технология использует искусственный интеллект для автоматизации рутинных процессов обработки документов, такие как:

- распознавать и классифицировать текст (извлекает из отсканированных документов необходимые данные, преобразует их в электронный формат, группирует и систематизирует, архивирует);

- извлекать данные. ИИ извлекает любые данные, например, даты, сумму, адреса и структурирует полученную информацию в необходимом виде;

- заполнять отчеты. Полученную информацию ИИ может сформировать либо в текстовом виде, либо в виде отображения на диаграмме;

- проверять документы. ИИ анализирует документы, и может сообщать о некорректных формулировках в контрактах или указывать на несоответствие в договорах;

- каталогизировать документы. Система за счет автоматического индексирования находит необходимые документы по ключевым словам.

Использование искусственного интеллекта значительно упростит работу кадровика, исключит ошибки при заполнении информации ручным методом. Также на базе ИИ можно внедрить в компанию платформу, которая будет проводить первую волну собеседования. Принцип работы состоит в том, что кандидаты проходят тестирование на цифровых платформах или полноценное собеседование с роботом, в ходе которого автоматически считываются необходимые для компании качества для будущего сотрудника, которые также можно настроить в зависимости от потребностей работодателя. После успешного прохождения первого этапа, кандидату высылается приглашение на вторую волну собеседования, которую проводит уже при личном присутствии.

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день КЭДО представляет собой комплексный личный кабинет с различными виджетами под каждого сотрудника в зависимости от его роли в компании. КЭДО дает возможность настраивать взаимодействие сотрудника и компании в зависимости от её потребностей. Данная система является новейшей технологией в культуре работы и ориентирована на интуитивно понятный интерфейс, открытость операций и стимуляцию постоянного развития бизнес-процессов.

Таким образом, оптимизация документооборота – это совокупность мер, направленных на улучшение процесса работы с документами включая их создание, обработку, передачу и хранение. Целью оптимизации является ускорение бизнес-процессов. К задачам оптимизации можно отнести: сокращение времени на подписание документов, минимизация ошибок со стороны сотрудника и кадрового отдела, снижение затрат на канцелярские принадлежности и курьерскую службу.

Переход компаний на кадровый электронный документооборот значительно упрощает работу кадровой службы и самих сотрудников. За счёт внедрения КЭДО ускоряется процесс согласования документов (подписание графика отпусков, запланированных командировок). Также КЭДО позволяет сотрудникам, работающим удаленно, оформлять заявления без обязательного присутствия в офисе компании. Это существенно влияет и на сохранение личного времени со-

трудника, и на уменьшение нагрузки оформления и подписания документов кадровым отделом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеева, Е. Н. К вопросу об особенностях трудовых отношений с дистанционными работниками / Е. Н. Моисеева // Результаты современных научных исследований: Материалы Международной научно-практической конференции. Саранск, 20–21 апреля 2021 года / Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Часть 2. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 194–199.
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.12.2024 г. № 470-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493068/
3. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 г. №152-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801
4. Об электронной подписи: федер. закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
5. Об утверждении единых требований к составу и форматам документов, связанных с работой, оформляемых в электронном виде без дублирования на бумажном носителе: Приказ Минтруда от 20.09.2022 г. № 578Н // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427901/

УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Надин Евгений Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809211@ruc.su

ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF COMPLICITY IN CRIME

Nadine Evgeny Andreevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем квалификации соучастия в преступлении. Исследование охватывает дискуссионные вопросы разграничения группового преступления и параллельного причинения вреда, установления пределов ответственности при эксцессе исполнителя. Особое внимание уделено проблемам доказывания умысла и функциональной роли организатора преступления.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, групповая преступность, эксцесс исполнителя, организатор преступления, пособничество, квалификация преступлений, совместность умысла, организованная группа.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the current problems of qualifying complicity in a crime. The study covers the controversial issues of distinguishing between a group crime and parallel harm, setting limits on liability in the event of an excess of the perpetrator. Special attention is paid to the problems of proving intent and the functional role of the organizer of the crime.

Keywords: complicity in a crime, gang crime, excess of the perpetrator, organizer of the crime, complicity, qualification of crimes, joint intent, organized group.

Институт соучастия продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных в уголовном праве, несмотря на кажущуюся законодательную урегулированность. Правоприменительная практика демонстрирует устойчивые проблемы при установлении ключевого признака совместности, что порождает существенные расхождения в квалификации групповых преступлений. Совершение преступления в соучастии характеризуется умышленным совместным участием двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Совместность предполагает согласованное поведение соучастников [1]. В законодательстве соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [2].

Однако на практике этот признак часто трактуется расширительно, что приводит к судебным ошибкам. Фундаментальная проблема заключается в отсутствии единого понимания минимально необходимой степени согласованности между участниками. Является ли достаточным осознание совместного характера действий, или требуется элементарная договоренность, пусть и возникшая в момент начала преступления? В теории доминирует позиция, согласно которой совместность предполагает взаимную осведомленность и направленность воли на достижение единого преступного результата.

На практике это приводит к спорным ситуациям, когда один субъект начинает избивать потерпевшего, а второй, находясь рядом, присоединяется, не обмениваясь с первым ни словом, ни жестом. Квалификация таких действий как групповых вызывает обоснованные сомнения, поскольку отсутствует признак двусторонней связи, что сближает ситуацию с эксцессом исполнителя в преступлении.

Эксцесс исполнителя представляет собой ситуацию, в которой наиболее остро проявляется акцессорная природа соучастия и его зависимость от действий главного исполнителя. Если мотив и (или) цель указаны в законе в качестве обязательных признаков состава преступления, как соучастники несут ответственность лишь те из них, кто знал о наличии других мотивов и целей у совместно действующих с ними лиц [3].

Также классическая проблема возникает при квалификации тяжких последствий, наступивших в результате действий исполнителя, вышедшего за рамки договоренности. Например, если группа договорилась о тайном хищении имущества, но один из участников, будучи застигнутым на месте преступления, применил насилие, переqualифицировав деяние в грабеж или разбой. Поэтому необходимо проводить качественную квалификацию действий пособника. Разграничение пособничества и заранее не обещанного укрывательства остается одной из самых запутанных областей квалификации. Ключевым критерием традиционно считается временной момент. Пособничество оказывается до или во время совершения преступления, укрывательство же после его окончания. Однако на практике эта граница часто оказывается размытой.

Наибольшие сложности вызывает доказывание умысла пособника, особенно при так называемом понятии «интеллектуального содействия». Интеллектуальное пособничество, выражающееся в предоставлении советов, указаний или информации, представляет наибольшую сложность для доказывания в рамках уголовного судопроизводства [4].

Предоставление информации, советов, указаний составляет объективную сторону пособничества лишь при условии, что лицо достоверно знало о преступных намерениях исполнителя. Если же лицо лишь допускало возможность криминального использования своих советов, возникает вопрос о наличии косвенного умысла, которого для пособничества недостаточно.

Не менее дискуссионное положение занимает вопрос о квалификации действий лица, которое предоставило исполнителю орудие преступления без явного обещания, но в обстоятельствах, явно указывающих на его преступные цели. Суды в таких ситуациях вынуждены анализировать всю совокупность доказательств, что зачастую приводит к оценочным и не всегда предсказуемым решениям.

Следующей значимой фигурой является организатор, который занимает центральное место в групповой преступности, однако ее юридические границы остаются недостаточно четкими. На практике постоянно возникает проблема отграничения организатора от подстрекателя, который также склоняет других к совершению преступления, но не берет на себя функции руководства или обеспечения.

Организатор преступления не просто вызывает у других лиц решимость совершить преступление, но и разрабатывает план его осуществления, распределяет роли между другими соучастниками, обеспечивает средствами совершения преступления или руководит исполнением [5].

Эта многоаспектность организаторской деятельности создает существенные сложности при квалификации. Особую остроту приобретает конкуренция между общей нормой об организации преступления и специальной нормой об организации преступного сообщества. Действия по созданию устойчивой вооруженной группы с целью нападения на граждан могут образовывать как состав организации преступного сообщества, так и состав бандитизма, где организация является конструктивным признаком основного состава. Доказывание того, что группа перешла от стадии приготовления к созданной и готовой к реализации преступным целям организации, представляет значительную процессуальную трудность и требует от следствия фиксации конкретных действий, подтверждающих устойчивость и сплоченность группы.

Сложность разграничения организатора и подстрекателя имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку напрямую влияет на правильную квалификацию действий соучастников и индивидуализацию их ответственности.

Организатор преступления не просто вызывает у других лиц решимость совершить преступление, но и разрабатывает план его осуществления, распределяет роли между другими соучастниками, обеспечивает средствами совершения преступления или руководит исполнением. В отличие от него, подстрекатель ограничивается склонением к преступлению, не участвуя далее в его реализации.

Также выделяется интеллектуальное пособничество, выражающееся в предоставлении советов, указаний или информации, представляет наибольшую сложность для доказывания в рамках уголовного судопроизводства. Ключевая проблема заключается в установлении осведомленности пособника о преступных намерениях исполнителя.

Без доказывания этого элемента состава невозможно отграничить преступное

пособничество от невиновного предоставления информации или добросовестного консультирования. Сложность усугубляется тем, что интеллектуальное пособничество часто носит завуалированный характер и может маскироваться под обычное общение или профессиональную консультацию.

В. А. Гаужаева обращает внимание на то, что «в современной правоприменительной практике прослеживается тенденция к отождествлению интеллектуального пособничества с подстрекательством» [4]. Однако подобный подход представляется не вполне обоснованным, поскольку каждая разновидность пособничества имеет свою специфику и требует индивидуального подхода к доказыванию.

Установление умысла пособника требует тщательного анализа всех обстоятельств дела, включая характер взаимоотношений между соучастниками, содержание их переговоров, предшествующий опыт взаимодействия и другие значимые факторы.

Проблема форм и видов соучастия требует не только теоретического осмысления, но и практического решения, поскольку неправильная квалификация влечет нарушение принципа индивидуализации ответственности [6].

Особую остроту приобретает конкуренция между общей нормой об организации преступления (ст. 33 УК РФ) и специальной нормой об организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ). Действия по созданию устойчивой вооруженной группы с целью нападения на граждан могут образовывать как состав организации преступного сообщества, так и состав бандитизма (ст. 209 УК РФ), где организация является конструктивным признаком основного состава. Пленум ВС РФ в своем Постановлении от 10.06.2010 № 12 разъяснил, что в таких случаях применяется специальная норма, но момент окончания преступления само создание организованной структуры, часто является предметом спора [7].

Доказывание того, что группа перешла от стадии приготовления к созданной и готовой к реализации преступным целям организации, представляет значительную процессуальную трудность и требует от следствия фиксации конкретных действий, подтверждающих устойчивость и сплоченность группы.

Отсутствие ясности и конкретности уголовных норм, касающихся соучастия, неоднозначная судебная практика создают трудности в вопросах квалификации групповых преступлений [8].

Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость принятия нового постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое заменило бы устаревшие положения Постановления № 12 от 10 июня 2010 года. Действующее разъяснение не в полной мере учитывает современные тенденции групповой преступности и не содержит четких критериев разграничения различных форм соучастия.

Подобный формальный подход противоречит принципу субъективного вменения и приводит к объективной ответственности. Дифференциация ответственности соучастников должна основываться на точном установлении формы и вида их участия в преступлении [6]. Актуализация разъяснений высшей судебной инстанции позволит унифицировать практику и избежать нарушений принципа виновной ответственности при квалификации групповых преступлений. Большое количество способов группового совершения преступлений требует выработки единообразных подходов к их квалификации [8].

Проведенное исследование показало, что институт соучастия в преступлении продолжает оставаться одной из наиболее проблемных областей уголовного права. Наиболее острые проблемы связаны с разграничением группового преступления и параллельного причинения вреда, установлением пределов ответственности при эксцессе исполнителя, а также отграничением пособничества от прикосновенности к преступлению.

Особую сложность представляет доказывание субъективной стороны соучастия, особенно в случаях интеллектуального пособничества и установления содержания умысла каждого соучастника. Для решения выявленных проблем необходима комплексная модернизация как законодательного регулирования, так и правоприменительной практики. Первоочередной мерой должна стать разработка новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, актуализирующих положения устаревших постановлений и учитывающих современные тенденции групповой преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Священюк Н. И. Формы соучастия в преступлении по УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9. – С. 173–177.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Дуюнов В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В. К. Дуюнов, Москва, 2025. – С. 700
4. Гаужаева В.А. Соучастие в преступлении: некоторые проблемы квалификации и ответственности // Право и управление. – 2025. – № 1. – С. 247–253.
5. Ситникова А. И. Законодательно-текстологическое моделирование института соучастия в преступлении // Российский следователь. – 2016. – № 2. – С. 81–99.
6. Соболев В. В. формы и виды соучастия: теоретическая проблема или практическая необходимость // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 7. – С. 129–132.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/
8. Житков А. А. Актуальные проблемы соучастия в современном уголовном праве // Вестник института. – 2017. – № 2 (38). – С. 26–30.

УДК 34

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОГЛАСИЯ НА ОБРАБОТКУ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Нелюбина Екатерина Андреевна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: e.a.nelubina@ruc.su

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CONSENT TO PROCESSING AND DISTRIBUTION OF PERSONAL DATA

Nelyubina Ekaterina Andreevna, teacher

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Персональные данные играют ключевую роль в функционировании современного бизнеса, предоставляя компаниям инструменты для эффективного взаимодействия с потребителями. Одновременно, для физических лиц, эти данные представляют собой элемент их частной жизни, что обуславливает необходимость их усиленной защиты. Для достижения баланса между деловыми потребностями в использовании персональных данных и конституционным правом граждан на неприкосновенность частной жизни, законодательство устанавливает императивные нормы, регулирующие обработку такой информации. Данные нормы определяют правовые основания для обработки данных оператором. Законные интересы оператора и третьих лиц представляют собой наименее детализированное основание для обработки данных, что обуславливает повышенный интерес со стороны бизнес-сообщества и исследовательской среды.

Ключевые слова: персональные данные, обработка персональных данных, распространение персональных данных, согласие на обработку персональных данных, политика обработки персональных данных.

Personal data plays a key role in the functioning of modern business, providing companies with tools for effective interaction with consumers. At the same time, for individuals, this data represents an element of their private life, which necessitates its enhanced protection. To strike a balance between the business needs for the use of personal data and the constitutional right of citizens to privacy, legislation establishes mandatory regulations governing the processing of such information. These regulations define the legal grounds for data processing by the operator. The legitimate interests of the operator and third parties represent the least detailed basis for data processing, which explains the increased interest from the business community and research environment.

Keywords: personal data, processing of personal data, dissemination of personal data, consent to the processing of personal data, personal data processing policy.

Персональные данные обрабатывают все компании и индивидуальные предприниматели, у которых есть сотрудники. В одних случаях данные сотрудников можно обрабатывать независимо от их согласия, в других – приходится согласие оформлять.

Кадровый специалист вправе без согласия сотрудника собирать данные, которые относятся к трудовой деятельности последнего (п. 2, 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных») [1]. Пример такой информации: паспортные данные. Их нужно указывать в трудовом договоре сотрудника. Следовательно, получать согласие на то, чтобы внести эти сведения в договор, не нужно. То же самое относится к СНИЛС, сведениям об образовании соискателя. Обрабатывать такие персональные данные можно без согласия субъекта. Есть и другие случаи. Например, для должности есть медицинские ограничения. В таком случае кадровый специалист вправе требовать у сотрудника без отдельного согласия на обработку персональных данных сведения о его здоровье: справки или медкнижку. Согласие не нужно, чтобы заполнить личную карточку формы № Т-2, например, указать информацию о родственниках сотрудника.

Если персональные данные не относятся к трудовой деятельности сотрудника, обрабатывать их работодатель не вправе (п. 3 ч. 1 ст. 86 Трудового кодекса РФ, ст. 9 Закона «О персональных данных»). Например, если кандидату на должность продавца продуктового магазина нужна медкнижка – ее можно попросить сделать и представить. С сотрудника колл-центра этот документ требовать нельзя, потому что ему он для работы не нужен.

Собирать можно только те персональные данные, которые строго необходимы для достижения заявленной цели. Например, кадровый специалист не может требовать от кандидата сведения о том, сколько раз он был женат или какую религию исповедует. Такая информация не нужна для того, чтобы оформить прием на работу.

Если оператор достиг целей обработки, дальше он должен хранить документы весь срок нормативного хранения. Документы должны храниться в том же виде, как их создали. Правило касается не только документов на бумаге, но и электронных документов. Обезличивать данные сотрудников нельзя.

Для обработки любых иных персональных данных сотрудника требуется его предварительное письменное согласие.

Отдельные согласия нужно оформлять, чтобы передать данные сотрудника конкретному лицу или неограниченному кругу лиц. В первом случае нужно запросить согласие на обработку персональных данных и указать в нем предоставление в качестве возможного действия (п. 6 ч. 1 ст. 3, ст. 9 Закона «О персональных данных»). Во втором варианте требуется предварительный запрос и получение согласия на использование данных для распространения (ст. 10.1 Закона «О персональных данных»).

Например, согласие на передачу персональных данных понадобится, чтобы направить данные бывшего сотрудника его нынешнему работодателю. Согласие на распространение данных понадобится, чтобы опубликовать данные сотрудников на сайте.

Исключением из правила будет ситуация, если обязанность передавать информацию устанавливает закон. Так, независимо от решения сотрудника, работодатель должен передавать данные в СФР, налоговую, военкомат и т. д. Еще одна ситуация – если данные о работнике запрашивают правоохранительные органы. Такие правила устанавливают статьи 6 и 10.1 Закона «О персональных данных».

Перечень данных, которые разрешает распространять, сотрудник должен определить сам. Потому в форме согласия стоит предусмотреть специальную графу, где сотрудник укажет, какие данные о себе разрешает распространять, а какие – нет. Самовольно распространять сведения, которых в согласии нет, нельзя (ст. 10.1 Закона «О персональных данных»).

Чтобы начать обрабатывать персональные данные сотрудников, нужно уведомить об этом Роскомнадзор. Раньше формально можно было не направлять уведомление, если обрабатывали данные сотрудников только в целях трудового законодательства. Теперь работодатель обязан уведомлять о начале обработки, даже если обрабатывает их в целях трудового законодательства, чтобы оформить пропуск в офис или заключить гражданско-правовой договор.

Исключений, когда можно обрабатывать данные без уведомления Роскомнадзора, оставили всего три. Это возможно, если:

- данные включили в госсистему персональных данных, чтобы защитить безопасность государства и общественный порядок;
- работодатель обрабатывает данные исключительно без средств автоматизации;
- данные обрабатывают, чтобы обеспечить транспортную безопасность в случаях, которые определяет специальное законодательство.

Если работодатель не уведомит Роскомнадзор, ему грозит штраф до 5 тыс. рублей (ст. 19.7 КоАП РФ).

Направить уведомление можно в бумажном виде в адрес территориального органа Роскомнадзора или в электронном виде через портал персональных данных (ч. 3 ст. 22 Закона «О персональных данных»). Чтобы подать электронное уведомление, нужна квалифицированная электронная подпись. Подавать документ можно не только через портал Роскомнадзора, но еще и через сайт «Госуслуги». Для этого потребуется регистрация в ЕСИА.

Если сведения, которые указали в уведомлении, изменились, об этом нужно сообщить в Роскомнадзор. Сделать это нужно не позднее 15-го числа месяца, следующего после месяца, в котором произошли изменения

Следует отметить, что сотрудник может передумать и отозвать согласие на обработку или распространение персональных данных. После этого работодатель должен прекратить обрабатывать данные сотрудника. Однако это не касается ситуаций, в которых работодатель может использовать данные сотрудников без их согласия (ч. 2 ст. 9 Закона «О персональных данных»).

Например, работодатель может продолжать обрабатывать данные сотрудника даже после отзыва, чтобы направлять бухгалтерскую отчетность и хранить кадровые документы.

Те данные, которые больше нельзя использовать после отзыва сотрудника, нужно уничтожить в течение 30 дней. Если работодатель не успевает, данные нужно хотя бы заблокировать.

В ситуации, когда сотрудник отозвал согласие на распространение данных, их нужно немедленно удалить из общего доступа в течение трех рабочих дней.

Важно заметить, что нельзя оформить согласие на обработку и согласие на распространение персональных данных одним документом.

Итак, персональные данные – это сведения, которые прямо или косвенно позволяют идентифицировать конкретного человека.

В случае, если персональные данные связаны с профессиональной деятельностью работника, кадровый специалист вправе их обрабатывать без получения его согласия.

Роскомнадзор должен быть уведомлен до начала обработки персональных данных сотрудников. Уведомление требуется как о начале обработки, так и об изменениях в ранее предоставленных данных.

Работник имеет право в любой момент изменить свое решение и отозвать ранее предоставленное согласие на обработку или распространение своих персональных данных. В таком случае работодатель обязан незамедлительно прекратить дальнейшую обработку персональных данных данного сотрудника. Исключения составляют случаи, когда законодательство предусматривает возможность обработки персональных данных без получения согласия работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.

УДК 34

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Нестеренко Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: asya_ntsadaa@mail.ru

JUDGES' PROFESSIONAL DEVELOPMENT AS AN INSTRUMENT OF JUDICIAL REFORM

Nesterenko Anastasia Aleksandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию роли повышения квалификации судей как инструмента судебной реформы в Российской Федерации. Рассматриваются нормативно-правовые основы, современные вызовы и требования к профессиональному развитию судейского корпуса в контексте цифровизации и усложнения правоприменительной практики. Особое внимание уделяется институциональным механизмам организации обучения и их влиянию на эффективность судебной системы и повышение доверия общества к правосудию.

Ключевые слова: судебная реформа, повышение квалификации, профессиональное развитие, правосудие.

The article is devoted to examining the role of judges' professional development as an instrument of judicial reform in the Russian Federation. It discusses the legal framework, contemporary challenges, and requirements for professional advancement of the judicial corps in the context of digitalization and the increasing complexity of law enforcement practices. Particular attention is paid to institutional mechanisms of training organization and their impact on the effectiveness of the judicial system and the growth of public trust in justice.

Keywords: judicial reform, professional development, continuing education, justice, judges.

Современное состояние российской судебной системы характеризуется интенсивным реформированием, направленным на повышение эффективности правосудия и укрепление доверия граждан к судебной власти. Президент России В. В. Путин подчеркивает: «Эффективность судебской власти, доверие к ней со стороны людей зависит от глубоких знаний, компетентности, высокого профессионализма всех, кто занят в судопроизводстве, и прежде всего, конечно, самих судей» [1].

Профессиональное развитие судей, являющееся ключевым аспектом функционирования судебной системы, формирует устойчивые предпосылки для повышения качества судопроизводства на всех уровнях. С. И. Пухнаревич, обращаясь к историческим условиям развития института повышения квалификации, отмечает: «От того, насколько профессионально подготовлены судьи, зависят качество рассмотрения дел в суде, защита прав и законных интересов физических и юридических лиц и, в конечном счете, реализация такой функции государства, как отправление правосудия» [2, с. 129].

Реализация программ профессионального развития создаёт предпосылки для внедрения новых стандартов работы судейских органов, формируя единообразие правоприменения на всей территории страны. Формирование доверия граждан к

судебной системе оказывается тесно связанным с успешностью и комплексностью реформ, где повышение квалификации стоит особняком как инструмент поддержания прозрачности и повышения качества рассмотрения дел. В конечном счёте, устойчивое развитие судейского корпуса, гарантированное постоянным профессиональным обучением, становится решающим фактором успешной модернизации правосудия, что подтверждается теоретическими и эмпирическими исследованиями последних лет [3].

Цифровизация судебной деятельности определяет структуру подготовки судей. Внедрение электронных документов, видеоконференций, дистанционного обучения и автоматизированных систем ориентирует специалистов судебной отрасли на овладение цифровыми технологиями, способными упростить и оптимизировать судебные процессы. Немаловажным обстоятельством, влияющим на требования к судейскому корпусу, является усложнение экономического и социального контекста споров. Рост числа сложных трансграничных, корпоративных и интеллектуальных дел требует глубокого понимания экономических механизмов, финансовых инструментов, специфики работы с крупными субъектами — участниками судебных процессов. Обеспечение эффективной судебной защиты прав в современных условиях невозможно без владения соответствующими знаниями в смежных областях, применением аналитических методов и моделирования сложных правовых ситуаций [4].

Повышение квалификации судей представлено важной составной частью проводимой судебной реформы и интегрировано в стратегию модернизации судебной системы Российской Федерации. Законодательная основа данного института закреплена в статье 20.1 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в редакции от 16 апреля 2022 г.), где установлена обязанность каждого судьи повышать квалификацию не реже одного раза в три года [5]. Детальная регламентация процесса осуществляется Положением о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденным постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2018 г. с изменениями от 22 июля 2020 г., которое определяет конкретные механизмы и формы образовательной деятельности [6].

Центральную роль в реализации образовательных программ в системе повышения квалификации судей играет федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», созданное на основании Указа Президента РФ от 11 мая 1998 г. № 528. Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов закрепляет за университетом комплексные полномочия по реализации образовательного процесса — от научно-методической разработки программ до проведения итоговой аттестации слушателей. Территориальная структура РГУП включает головной вуз в Москве и 11 филиалов. Образовательная деятельность осуществляется по двум основным направлениям. Программы повышения квалификации продолжительностью от 40 до 112 часов предназначены для обновления теоретических знаний и совершенствования практических навыков действующих судей в связи с изменениями в российском и международном праве. Программы профессиональной переподготовки

общей продолжительностью до шести месяцев (для федеральных судей – 312 часов, для мировых судей – 288 часов) обязательны для впервые назначенных судей и включают теоретическое обучение в сочетании со стажировкой в судах соответствующего уровня.

Стажировка в федеральных судах различных инстанций представляет самостоятельную форму повышения квалификации, регламентированную специальными положениями. Данный формат предусматривает закрепление наставника из числа опытных судей, ведение дневника практической деятельности и защиту итогового отчета о прохождении стажировки. Система обучения адаптирована к вызовам цифровой трансформации правосудия и включает освоение электронных технологий, дистанционных форматов работы и новых процедур судопроизводства. Программы обязательно включают вопросы противодействия коррупции и соблюдения требований Кодекса судейской этики, что соответствует антикоррупционной стратегии государства. Региональные филиалы РГУП организуют специализированные семинары и курсы для мировых судей субъектов РФ. Планы профессиональной переподготовки и повышения квалификации разрабатываются университетом по согласованию с Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и ежегодно утверждаются Верховным Судом РФ [5].

Таким образом, повышение квалификации судей в Российской Федерации выступает не только профессиональной обязанностью, но и одним из базовых инструментов успешной реализации судебной реформы. Динамичное развитие социальной и правовой среды, а также регулярное обновление нормативной базы требуют от представителей судейского корпуса системного освоения актуальных знаний, новых практик и технологий. Программа профессионального обучения, регламентированная на уровне федерального закона, обеспечивает формирование единых стандартов качества судопроизводства, что непосредственно влияет на эффективность работы суда и укрепляет доверие граждан к системе правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Путин подчеркнул значимость социальной направленности правосудия // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vladimir-putin-podcherknul-znachimost-sotsialnoy-napravlenosti-pravosudiya/>
2. Пухнарович, С. И. Переподготовка и повышение квалификации судей в России: историко-правовое исследование / С. И. Пухнарович // Правосудие. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 126–145.
3. Лебедев, В. М. Подготовка квалифицированных судебных кадров в России: состояние и перспективы / В. М. Лебедев // Российское правосудие. – 2023. – № S1. – С. 6–18.
4. Игнатенков И. В. Правовые основы обучения и повышения квалификации судей в Российской Федерации // Наука, образование и культура. 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-obucheniya-i-povysheniya-kvalifikatsii-sudey-v-rossiyskoy-federatsii>
5. Федеральный закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/
6. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 г. (в ред. от 22 июля 2020 г.) «Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406366/

УДК 34

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ И ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Нестеренко Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: asya_ntsadaa@mail.ru

DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM AS A TOOL FOR ENHANCING TRANSPARENCY AND ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN RUSSIA

Nesterenko Anastasia Aleksandrovna, Master's Degree student

Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

В статье проведен анализ процесса цифровизации российской судебной системы. Автор исследует влияние цифровых технологий на повышение прозрачности судебной деятельности и доступности правосудия. Особое внимание уделяется выявлению ключевых достижений цифровой трансформации, анализу существующих проблем технического и правового характера, а также определению перспектив развития электронного правосудия.

Ключевые слова: судебная система, цифровизация, правосудие, электронное судопроизводство.

The article analyzes the process of digitalization of the Russian judicial system. The author examines the impact of digital technologies on enhancing the transparency of judicial activities and the accessibility of justice. Particular attention is given to identifying the key achievements of digital transformation, analyzing existing technical and legal challenges, as well as outlining the prospects for the development of electronic justice.

Keywords: judicial system, digitalization, justice, electronic proceedings.

В российском обществе рубежа 2020-х отмечается устойчивая тенденция к модернизации ключевых сфер государственного управления, среди которых судебная система занимает особое место. Динамичное развитие цифровых инструментов, обусловленное технологическим прогрессом, способствовало преобразованию судов в институты, способные оперативно реагировать на общественный запрос к открытости процедур и ускорению рассмотрения дел. Процесс цифровой трансформации российской судебной системы берет начало с середины 2010-х годов, когда впервые появились элементы электронного взаимодействия между судами и участниками процесса. Начальным этапом модернизации стало принятие приказа МВД России от 29 августа 2014 года № 736 о возможности направления заявлений о преступлениях в электронной форме посредством официальных сайтов органов внутренних дел [1]. Данное нововведение положило основу для последующего масштабного развития электронного документооборота в судебной системе Российской Федерации.

Значительным прорывом в развитии цифровизации стало внедрение системы «ГАС Правосудие», которая обеспечила автоматизированную работу арбитражных и федеральных судов общей юрисдикции. К 2016–2017 годам была реализована возможность подачи исков в электронном виде, электронной регистрации заявлений и представления отзывов через специальные формы на официальных сайтах судов.

Качественным скачком в цифровизации судопроизводства стало принятие федерального закона от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ, предусматривающего возможность подачи в суд ходатайств, заявлений, жалоб в форме электронного документа. Развитие получило дальнейшее продолжение принятием федерального закона от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ, который ввел элементы электронного документооборота в досудебное производство по уголовным делам [2]. Особое внимание заслуживает подписанный президентом РФ 7 апреля 2025 года закон № 59-ФЗ, предоставляющий участникам дел об административных правонарушениях возможность подавать документы как в бумажном, так и в электронном виде через Единый портал госуслуг [3]. Приоритетным направлением текущего периода становится совершенствование правовых основ сервиса «Правосудие онлайн», создаваемого в рамках партнерства Верховного суда и профильных министерств для формирования единой цифровой среды отправления правосудия [4].

Внедрение цифровых технологий в судебную систему привело к изменениям в механизмах обеспечения открытости и прозрачности судебной деятельности. Пользователи получили возможность поиска по тексту документов, категориям дел и иным параметрам, что обеспечивает доступность юридической информации для научных исследований и практического применения. Дополнительным механизмом транспарентности выступает видеофиксация судебных заседаний, особенно актуальная для дел общественного значения. Внедрение систем видеоконференцсвязи позволило не просто обеспечить дистанционное участие, но и создать возможности для общественного наблюдения за ходом судебного процесса. Значимым эффектом цифровизации является снижение коррупционных рисков в управленческой деятельности судов, поскольку прозрачность процедур и автоматизация ключевых операций минимизируют возможности для злоупотреблений. Данные факторы в совокупности способствуют укреплению общественного доверия к судебной системе, формируя основу для более эффективного взаимодействия между судебной властью и гражданским обществом.

Наряду с обеспечением прозрачности судебных процедур цифровизация выполняет ключевую функцию повышения доступности правосудия для всех категорий граждан и профессиональных участников процесса, устраняя территориальные, временные и финансовые барьеры [5].

Участники процесса получают возможность полноценного взаимодействия с судебной системой при наличии лишь персонального компьютера или смартфона с доступом в Интернет. Исследования демонстрируют, что электронное правосудие упрощает и ускоряет подачу документов, облегчает ознакомление с материалами дела и подготовку процессуальной позиции. Граждане могут реализовывать процессуальные права в режиме реального времени независимо от географического местоположения, что особенно актуально для жителей отдаленных регионов и лиц с ограниченными возможностями передвижения [6].

Однако цифровизация судебной системы сопряжена с существенными проблемами и рисками. Среди технических вызовов особое место занимает фрагментарность автоматизации процессов. Как отмечает Счетная палата в отчете за 2025 год, поддержка устаревших систем приводит к высоким затратам на обслуживание и экономической нецелесообразности их дальнейшего использования без

модернизации. Разрозненные закупки оборудования усугубляют ситуацию, поскольку техника часто остается невостребованной из-за отсутствия квалифицированных специалистов по ее обслуживанию, что снижает общий уровень цифровизации судов.

Потенциальные негативные последствия цифровизации затрагивают содержательную сторону правосудия, проявляясь в опасности шаблонности решений и исключении человеческого фактора. Внедрение искусственного интеллекта, по мнению экспертов, может привести к алгоритмизации принципов судебной власти, где машины не учитывают нюансы добросовестности или этических аспектов, делая приговоры предсказуемыми, но лишенными индивидуального подхода. Юристы указывают, что расширение заочного правосудия снижает возможность участников быть заслушанными, превращая процесс в формальную процедуру без оценки доказательств в реальном взаимодействии [7]. Указанные тенденции создают предпосылки для снижения качества отправления правосудия, поскольку цифровые платформы преимущественно ориентированы на ускорение процедур, что не всегда соответствует требованиям справедливости и всестороннего рассмотрения дел.

Таким образом, анализ цифровой трансформации российской судебной системы за период 2014–2025 годов демонстрирует значительные достижения в повышении прозрачности и доступности правосудия. Публикация судебных решений в открытом доступе, видеофиксация заседаний и дистанционное участие участников процесса существенно расширили возможности общественного контроля за отправлением правосудия. Вместе с тем выявленные проблемы требуют комплексного решения. Первоочередными задачами выступают централизация разрозненных информационных систем, устранение технических барьеров и совершенствование нормативно-правовой базы цифрового судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ МВД России от 29 августа 2014 года №736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976/>
2. Федеральный закон от 25 декабря 2023 года №672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465608/
3. Закон №59-ФЗ от 7 апреля 2025 года «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51817>
4. Правосудие онлайн: когда в России появится настоящий цифровой суд // Рынок Взыскания. – 2025. – URL: <https://rvzrus.ru/blog/3027>
5. Якушева Е. Е. Цифровые технологии и обеспечение доступности правосудия / Е. Е. Якушева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 7. – С. 8–12.
6. Крейн, А. В. Цифровизация судебной системы Российской Федерации по гражданским делам как решение проблемы загруженности судов и повышения качества правосудия / А. В. Крейн // Lawinfo.ru. – 2023. – № 12. – URL: <https://lawinfo.ru/articles/8434/cifrovizaciya-sudebnoi-sistemy-rossiiskoi-federacii-po-grazdanskim-delam-kak-resenie-problemy-zagruzennosti-sudov-i-povysheniya-kacstva-pravosudiya>
7. Лыкасов М. Е. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия в России / М. Е. Лыкасов // Вестник науки. – 2025. – № 5. – С. 514–520.

УДК 174.8

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Никишова Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: nikishova.2011@mail.ru

THE CONCEPT AND ESSENCE OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH

Nikishova Natalia Valerievna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предпринимается попытка социально-философского анализа понятия «корпоративная социальная ответственность» в современном обществе. Определяется содержательное наполнение категории в основных её концепциях и их критический анализ. Автор приходит к выводу, что в современном обществе корпоративная социальная ответственность – это морально-этическая категория, разумно ограничивающая свободу бизнес-сообществ, опирающаяся на нормативный подход и выступающая как основа социального бытия. На сегодняшний день в науке нет единой точки зрения на понимание ее сущности, но близко к этому подошли теории «разумного эгоизма» и «морального агента».

Ключевые слова: общество, мораль, устойчивое развитие, бизнес, корпоративная социальная ответственность.

The article attempts a socio-philosophical analysis of the concept of «corporate social responsibility» in modern society. The substantive content of the category in its main concepts and their critical analysis are determined. The author comes to the conclusion that in modern society, corporate social responsibility is a moral and ethical category that reasonably restricts the freedom of business communities, based on a normative approach and acting as the basis of social existence. To date, there is no single point of view in science on understanding its essence, but the theories of «reasonable egoism» and «moral agent» have come close to this.

Keywords: society, morality, sustainable development, business, corporate social responsibility

Современная глобальная политика опирается на парадигму устойчивого развития, которая, рассматривая вопросы распределения ограниченных природных ресурсов, учитывает интересы не только настоящего поколения, но и будущего. Необходимость выработки новой стратегии развития для мирового сообщества было вызвано острым цивилизационным конфликтом, возникшим в 80-х годах XX века. Это привело к утверждению концепции устойчивого развития, разработанной комиссией ООН на конференции, посвященной окружающей среде [1]. Но данная концепция предусматривает несколько индикаторов своего развития – экологический, проявляющийся в реализации разнообразных государственных и общественных природоохранных проектов; экономический, предусматривающий внедрение в производство инновационных технологий; социальный, решающий проблемы широких слоев населения по обеспечению нормальной жизнедеятельности; и институциональный, заключающийся в развитии новых общечеловеческих ценностей.

Для продвижения концепции устойчивого развития и его индикаторов потребовались усилия как государственных структур, так и бизнес-сообщества. Последние не сразу осознали необходимость трансформации условий своего функ-

ционирования, так как основная их цель – получение прибыли, и дополнительные финансовые издержки только уменьшали её. Однако успех компании в современных экономических условиях стал зависеть как от качества товаров и услуг, так и от имиджа, формирующийся в зависимости от социальной позиции руководства. Собственники бизнеса осознали, что мнение и собственных работников, и общества в целом благоприятно сказывается на финансовых результатах. Всё это предопределило развитие корпоративной социальной ответственности как средства взаимодействия бизнеса и социума.

В литературе нет точного определения корпоративной социальной ответственности. Исследователи трактуют ее либо как обязанность предпринимателей выполнять установленные государством требования социально-экономического и экологического характера (узкий подход), либо как добровольный вклад в развитие социальной и духовной сферы общества, который выходит за рамки установленного законом государственного минимума и опирается на этические нормы, регулирующие взаимодействие человека с социально-экономическими институтами (широкий подход) [2, 3].

Наиболее распространённым является второй, широкий подход, так как бизнесмен, стремящийся только к максимизации прибыли, не будет принят в современном обществе в качестве равноправного партнера и будет постоянно испытывать давление со стороны. Социальная ответственность – это нечто вроде приемлемого соглашения, которое заключают стороны для реализации собственных задач и удовлетворения потребностей. Общество вовлекает инвесторов в реализацию государственной социальной политики для улучшения качества жизни населения, а организация – повышает узнаваемость своего бренда и его популярность, что дает ему возможность оставаться конкурентоспособным в современных нестабильных экономических условиях.

Корпоративная социальная ответственность выступает в качестве морально-этической категории, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, в ее основе лежит понятие «ответственность», которая является важнейшим понятием аксиологии – раздела системы философского знания, объектом исследования которого выступают ценности. Во-вторых, социальная ответственность формируется под воздействием тех норм и правил, что нашли свое закрепление в конкретном обществе. В-третьих, носителем корпоративной социальной ответственности являются бизнес-сообщества, которые выступают не только экономическими, но и социальными институтами, взаимодействующими с социумом в процессе создания системы ценностей.

С точки зрения истории философии, первые представления об ответственности перед обществом рассматривались в контексте выделения качеств человека как социального существа. Аристотель, давая характеристику человека, определяет его потребность в существовании с другими людьми как ядро его сущности. Совместное проживание требует выстраивание отношений на основе добродетели, т.е. ответственности, но не по отношению к себе, а к другим. А это, как отмечает философ, очень трудное дело, так как моральные нормы включают в ответственность не только выполнение общественно полезных действий, но и внутреннего, душевного, желания их выполнять. От человека требуется соблюдение установленных социальных принципов во всех его действиях.

Еще одним ученым, который сделал ответственность объектом своего исследования, стал немецкий философ И. Кант. Он рассматривал ее через призму априорного нравственного закона – категорического императива, определяющий для человека необходимость совершения поступков с позиции долга перед обществом и другими людьми. Только такое поведение может стать основой законодательства.

В XIX–начале XX века ответственность предпринимателей рассматривалась как часть «христианской ответственности» в протестантской этике. Люди, заработавшие капитал, были обязаны поддержать тех членов социума, которые не смогли реализовать свои возможности, и таким образом восстанавливалась справедливость. В частности, представители диалектической теологии – К. Барт, Р. Нибур, М. Бубер, пришли к мысли, что руководитель предприятия проявляет ответственность, «если представляет себе руководимое им предприятие в его конкретности, если он видит в нем не совокупность центров механических сил и обслуживающих организмов, которые дифференцируются для него лишь по своим функциям, а совокупность людей, и воспринимает этих людей как личности» [4, с. 138]. Однако не все были согласны с такой трактовкой и это привело к религиозно-практическим дискуссиям вокруг определения «ответственности бизнеса».

В XX в. сформировались четыре основные концепции корпоративной социальной ответственности – теории «корпоративного эгоизма», «корпоративного альтруизма», «разумного эгоизма» и «морального агента».

Теория «корпоративного эгоизма» представлена в работах таких ученых, как Т. Левитт, М. Фридман, Г. Саймон, П. Хейне. Они рассматривали социальную ответственность предпринимателей в узком смысле, которая должна ограничиваться уплатой налогов, созданием рабочих мест с удовлетворительными условиями труда и выполнением обозначенных в законе социальных обязательств. Реализация иных направлений социальной деятельности – это уже самостоятельный выбор учредителей компаний, продиктованный их личными убеждениями или внутренней корпоративной этикой, но не государством. М. Фридман вообще утверждал, что бизнес-сообщество не имеет право решать вопросы, касающиеся путей развития общества, так как это прерогатива политических деятелей. А общество выиграет больше, если человек будет стремиться удовлетворить собственные интересы, а не человеческого сообщества в целом.

Однако эта позиция сразу вызвала критику со стороны многих философско-экономических школ. Экономика, при всей своей самостоятельности, определяется людьми с их нравственными представлениями о должном. Именно мораль устанавливает цель развития общества, а значит и формирует ее для сферы экономических отношений. Предприниматели должны руководствоваться не просто стремлением максимизировать свои прибыли в короткий срок, но и видеть перспективу в финансовых вложениях для улучшения своего имиджа, для установления доверительных отношений с местным сообществом. Это предположение находит свое подтверждение в статистических отчетах, которые ежегодно предоставляют мировые компании о своей социальной деятельности.

Теория «корпоративного альтруизма» была разработана в США, но широкое

распространение получила в странах Европы и Японии. В рамках теории была выделена концепция стейкхолдеров (И. Ансофф, Р. Стюарт, М. Дошер), т.е. заинтересованных лиц, которые образуют социальную группу из сотрудников и агентов, а также общественности, стремящейся включить в стратегию развития компании ответственность перед социумом. С этой позиции корпоративная ответственность предполагала уже не просто выделение средств на благотворительность, но и реализации собственных социальных проектов, направленных на создание благоприятной среды проживания как для работников компании, так и для потребителей, поставщиков, населения в целом. С 80-х годов XX в. данная концепция стала использоваться в системе корпоративного управления как средство формирования механизма устойчивого развития бизнеса в долгосрочной перспективе.

Но и здесь были обнаружены препятствия для утверждения теории «корпоративного альтруизма» в качестве всеобщего стандарта включения бизнес-сообщества в индекс социально ответственного поведения. Во-первых, реализовать концепцию на практике смогли только крупные компании, имеющие финансовые возможности; во-вторых, внедрение корпоративной социальной ответственности не всегда приводила к производственной демократии и возможности получить дополнительные блага; в-третьих, идея альтруизма изменялась настолько, что искажалась ее сущность.

Компромиссом стала теория «разумного эгоизма», предложенная швейцарским экономистом А. Рихом, где утверждалось необходимость, с одной стороны, социальных инвестиций от руководителей компаний, но с другой стороны, взаимодействие предпринимателей и общества было ограничено определенным минимумом. Ведение бизнеса прежде всего должно быть направлено на удовлетворение собственных экономических интересов и внедрение социальной ответственности в стратегию этому должно способствовать, а не мешать.

Четвертая теория, «морального агента», сформировалась в конце XX в. и основоположником ее считают К. Годпастера. Основная идея в том, что компания – это искусственное образование, имеющее собственные цели, принципы и задачи, закрепленные в уставных документах, и которое выступает в правовом поле как самостоятельный субъект. Таким же субъектом компания выступает и в сфере морали.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что в современном обществе корпоративная социальная ответственность – это морально-этическая категория, разумно ограничивающая свободу бизнес-сообществ, опирающаяся на нормативный подход и выступающая как основа социального бытия. На сегодняшний день в науке нет единой точки зрения на понимание ее сущности, но близко к этому подошли теории «разумного эгоизма» и «морального агента». Однако динамика развития социума свидетельствует о том, что вопросы в области корпоративной социальной ответственности будут только умножаться и данная тема еще не раз поставит перед учеными новые задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>
2. Ячменева, В. М. Сущность понятия «корпоративная социальная ответственность организации» / В. М. Ячменева, С. А. Хищенко // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем: Труды X Международной Юбилейной научно-практической конференции, Симферополь ¾ Гурзуф, 15–17 февраля 2024 года. – Симферополь : Зуева Т. В., 2024. – С. 92–94.
3. Вихорева, М. В. Корпоративная социальная ответственность: противоречия в определениях и пути их преодоления / М. В. Вихорева // Репутациология. – 2025. – № 1-2(75-76). – С. 48–50.
4. Соколова, Ю. В. Понятие корпоративной социальной ответственности: подходы к определению / Ю. В. Соколова, А. В. Шмыглева // Современное управление: векторы развития: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Калининград, 23 декабря 2020 года. – Калининград : РА Полиграфычъ, 2020. – С. 137–139.

УДК 343.1

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Панков Владислав Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810405@ruc.su

HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION

Pankov Vladislav Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Прокуратура Российской Федерации представляет собой уникальный государственный институт, который на протяжении трёх столетий остается неотъемлемой частью российской государственности. Её история – это не просто хронология реформ и преобразований, а отражение сложного и зачастую противоречивого пути развития самого российского государства и права. Изучение этапов становления и развития прокуратуры позволяет глубже понять её современную роль, предназначение и те вызовы, перед которыми она оказывалась в разные исторические периоды. От «ока государева» до правозащитного органа – таков масштаб трансформации, которую претерпела российская прокуратура, неизменно оставаясь на страже закона, как это определено её основным функционалом.

Данный в статье анализ призван осветить ключевые вехи этого пути, выделив характерные черты каждого из этапов и их влияние на формирование современной модели прокурорского надзора в России.

Ключевые слова: российская государственность, реформы, прокурорский надзор, прокуратура, правозащитная деятельность, государственная деятельность, государство, законность, закон.

The Prosecutor's Office of the Russian Federation is a unique state institution that has remained an integral part of Russian statehood for three centuries. Its history is not simply a chronology of reforms and transformations, but a reflection of the complex and often contradictory development of the Russian state and law itself. Studying the stages of formation and development of the prosecutor's office allows us to gain a deeper understanding of its modern role, purpose, and the challenges it has faced in different historical periods. From the "eye of the sovereign" to a human rights body—such is

the scale of the transformation that the Russian prosecutor's office has undergone, while remaining steadfast in its duty to uphold the law, as defined by its core function.

This article's analysis aims to highlight key milestones along this path, highlighting the characteristic features of each stage and their influence on the development of the modern model of prosecutorial oversight in Russia.

Keywords: Russian statehood, reforms, prosecutorial supervision, prosecutor's office, human rights activities, state activities, state, legality, law.

Коллегия прокуроров в России являет собой самобытный государственный институт, сохраняющий свою значимость на протяжении трёхвековой истории отечественной государственности. Её становление представляет собой не просто последовательность административных изменений, а сложный процесс, отражающий эволюцию российского государства и его правовой системы [1, С. 286].

Анализ генезиса и трансформации органов прокурорского надзора даёт ключ к пониманию их современного функционала, стратегических задач и проблем, с которыми они сталкивались в различные исторические эпохи. Российская прокуратура демонстрирует уникальную способность к преобразованиям, не изменяя своей фундаментальной задаче – обеспечению соблюдения законодательства.

Зарождение прокуратуры в России было обусловлено острой практической необходимостью. Конец XVII – начало XVIII веков характеризовались значительным ростом злоупотреблений, казнокрадства, взяточничества и неисполнением царских указов со стороны органов власти. Для создания единого централизованного государства Петру I требовался эффективный механизм контроля за исполнением его воли и законности в целом [2, С. 34–35].

12 января 1722 года Пётр I подписал указ, которым учредил должности генерал-прокурора при Сенате и обер-прокурора, а также прокуроров при коллегиях. В указе от 27 апреля 1722 года генерал-прокурор был назван «оком государевым», что точно определяло его суть – он должен был следить за деятельностью Сената и соблюдением законности. Первым генерал-прокурором стал граф Павел Иванович Ягужинский. Петровская прокуратура обладала широким диапазоном возможностей, унаследовав черты французской (надзор за работой органа, к которому приставлена), шведских омбудсменов (защита прав человека) и германских фискалов (пополнение казны) [3, С. 75].

При преемниках Петра I значение прокуратуры колебалась. Однако при Екатерине II её роль не только восстановилась, но и усилилась. С разделением Сената на департаменты генерал-прокурор охватывал своим контролем всю их деятельность, а к концу XVIII века, продолжая оставаться органом надзора, фактически стал высшим органом управления общей компетенции. Важным событием стало издание Указа от 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи», который заложил основы централизованной системы прокуратуры на местах, определил порядок назначения прокуроров и их основные права и обязанности.

Манифест Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 года объединил посты генерал-прокурора и министра юстиции в одном лице, что

превратило губернскую прокуратуру в орган юстиции на местах. Наиболее существенные изменения прокуратура претерпела в ходе судебной реформы Александра II 1864 года. Судебные уставы возложили на прокуратуру функции надзора за дознанием и предварительным следствием, а также поддержания государственного обвинения в судах. В связи с этим прокуратура превратилась преимущественно в орган уголовного преследования, а её деятельность была ограничена судебным ведомством. В этот период повысились требования к прокурорским работникам, был введен принцип состязательности в судебном процессе. Как отмечал известный юрист А.Ф. Кони, государственный обвинитель в суде – это «говорящий публично судья», чья обязанность – убедиться в виновности и заявить об этом суду [4, С. 93].

После Октябрьской революции 1917 года отношение новой власти к старому государственному аппарату было резко отрицательным. Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года полностью упразднил институты прежней судебной власти и прокуратуры. Однако уже вскоре стало очевидно, что построение нового государства невозможно без единого органа, надзирающего за законностью.

28 мая 1922 года III сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, которое ввело с 1 августа 1922 года Государственную прокуратуру в составе Народного комиссариата юстиции. Её целью провозглашалось «осуществление надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью». Фактически, в советский период прокуратура вернулась к «петровскому» варианту с широкими надзорными полномочиями.

В 1923 году была образована Прокуратура Верховного суда СССР, получившая право законодательной инициативы. Спустя десятилетие, в 1933 году, прокуратура стала самостоятельным государственным органом, что подчеркнуло её возрастающую роль в системе государственного управления.

В годы войны на прокуратуру легла колоссальная нагрузка. Прокурорские работники осуществляли надзор за строгим соблюдением законности как в тылу (что было критически важно для обеспечения фронта), так и на передовой. Их деятельность была направлена на укрепление государственной дисциплины и борьбу с преступлениями в экстремальных условиях военного времени [5, С. 204].

Распад СССР и формирование новой российской государственности обусловили очередной виток преобразований прокуратуры. Этот период характеризуется её адаптацией к условиям демократического правового государства, где ключевое значение приобретает защита прав и свобод человека [6, С. 178].

Принятие 17 января 1992 года Федерального закона № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» заложило правовой фундамент для деятельности прокуратуры в новых условиях. Закон определил прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, закрепив её основные функции и полномочия.

Конституция Российской Федерации 1993 года определила место прокуратуры в системе государственных органов. Важным изменением стало смещение акцентов в деятельности прокуратуры в сторону защиты прав и свобод человека и гражданина, что отразило новые конституционные ценности [7, С. 45–46].

В последующие годы прокуратура продолжала развиваться, сталкиваясь с новыми вызовами: ростом преступности в 1990-е годы, необходимостью обеспечения единства правового пространства в федеративном государстве, противодействием коррупции. Её полномочия уточнялись и корректировались в ходе многочисленных поправок в федеральное законодательство. Несмотря на дискуссии о её роли в контексте принципа разделения властей, прокуратура сохранила статус мощного надзорного органа с широким мандатом [8, С. 173–174].

Исторический путь российской прокуратуры, охватывающий три столетия, демонстрирует её удивительную устойчивость и способность к адаптации. Пройдя через кардинальные трансформации – от имперского «ока государева» до судебного обвинителя и далее до многофункционального надзорного органа советской и современной эпох, – прокуратура сохранила свою сущностную основу.

Неизменным предназначением органов прокуратуры остаётся обеспечение верховенства закона, защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

Каждый из рассмотренных нами исторических этапов внёс свой вклад в формирование современного облика прокуратуры России, которая, опираясь на богатое историческое наследие, продолжает играть ключевую роль в укреплении законности и правопорядка в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова, С. Н. Прокурорский надзор как особый вид государственной деятельности // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 2. – С. 281–287.
2. Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства / Е. Н. Асташкина, Е. В. Богатова, А. А. Васильев [и др.]. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2025. – 120 с.
3. Вологина, Е. В. Генезис отечественного законодательства, регулирующего прокурорский надзор в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. – № 1(72). – С. 73–81.
4. Легостаев, С. В. Курс лекций по дисциплине «Прокурорский надзор»: (общая часть). Рязань, 2025. – 106 с.
5. Шубин, А. А. Прокурорский надзор как вид государственной деятельности // Моисеевские чтения. Гуманитарные вызовы и угрозы XXI века. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2023. – С. 203–208.
6. Светухина, А. А. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // Eromen. Global. 2024. – № 45. – С. 176–183.
7. Прокурорский надзор: Курс лекций. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – 140 с.
8. Собитова, У. М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод гражданина // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. – С. 173–178.

УДК 343.1

МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА: СТРУКТУРА, ПРОЦЕДУРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Панков Владислав Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810405@ruc.su

MECHANISM OF IMPLEMENTING PROSECUTORIAL SUPERVISION: STRUCTURE, PROCEDURES AND MODERN TRENDS

Pankov Vladislav Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Институт прокурорского надзора представляет собой сложный многоуровневый механизм, обеспечивающий реализацию конституционной функции прокуратуры по надзору за соблюдением законов. Эффективность этого механизма напрямую влияет на состояние законности и правопорядка в государстве, защиту прав и свобод граждан, а также на обеспечение интересов общества и государства. Актуальность исследования механизма прокурорского надзора обусловлена постоянным реформированием государственного аппарата, изменением законодательной базы и появлением новых вызовов в сфере обеспечения законности.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ автором организационно-правового механизма осуществления прокурорского надзора, включая его структурные элементы, процедурные аспекты и инструментальное обеспечение. Особое внимание уделяется практическим вопросам реализации прокурорских полномочий и современным тенденциям совершенствования надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, правозащитная деятельность, государственная деятельность, государство, законность, закон, механизм надзора, нормативно-правовая основа.

The institution of prosecutorial supervision is a complex multi-level mechanism that ensures the constitutional function of the prosecutor's office to supervise compliance with laws. The effectiveness of this mechanism directly impacts the state of law and order in the state, the protection of the rights and freedoms of citizens, and the protection of the interests of society and the state. The relevance of the study of the prosecutorial supervision mechanism is determined by the ongoing reform of the state apparatus, changes in the legislative framework and the emergence of new challenges in the area of ensuring the rule of law.

The purpose of this article is a comprehensive analysis by the author of the organizational and legal mechanism for the implementation of prosecutorial supervision, including its structural elements, procedural aspects and instrumental support. Particular attention is paid to practical issues of implementing prosecutorial powers and modern trends in improving supervisory activities.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutor's office, human rights activities, state activities, state, legality, law, oversight mechanism, regulatory framework.

Механизм прокурорского надзора представляет собой систему взаимосвязанных элементов, включающую нормативно-правовую базу, организационную структуру, процедурные формы и методы деятельности, которые в совокупности обеспечивают реализацию надзорных полномочий прокуратуры.

Структурно механизм включает следующие ключевые компоненты:

- нормативно-правовая основа – совокупность законодательных актов, регламентирующих организацию и деятельность органов прокуратуры;
- организационный компонент – система прокурорских органов, их структура и компетенция;
- процедурный блок – порядок осуществления надзорных мероприятий;
- инструментальный элемент – средства и методы прокурорского реагирования;
- ресурсное обеспечение – кадровые, материально-технические и информационные ресурсы

Особенностью механизма прокурорского надзора является его комплексный характер, сочетающий элементы контроля, координации и правоприменения.

Деятельность органов прокуратуры строится на системе взаимосвязанных принципов, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве. Эти принципы обеспечивают единство подходов к организации и осуществлению прокурорского надзора на всей территории страны [1, С. 63].

Принцип законности является основополагающим для прокурорской деятельности. Он проявляется в том, что сама прокуратура обязана строго соблюдать требования закона при осуществлении своих полномочий. Все действия прокуроров должны основываться на положениях законодательства, а принимаемые решения – соответствовать установленным правовым предписаниям. Этот принцип имеет двустороннюю направленность: с одной стороны, прокуратура обеспечивает соблюдение закона другими субъектами, с другой – сама действует в строгих правовых рамках.

Принцип независимости означает, что органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений. Гарантими независимости выступают: особый порядок назначения прокуроров на должность и освобождения от должности; запрет на вмешательство в деятельность прокурора; особый правовой статус прокурорских работников; финансирование и материально-техническое обеспечение органов прокуратуры за счет средств федерального бюджета.

Принцип единства предполагает, что все органы прокуратуры составляют единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации. Это обеспечивает единство подходов к осуществлению надзора, возможность перераспределения сил и средств, а также эффективное управление прокурорской системой.

Принцип гласности выражается в информировании прокуратурой федеральных органов власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также населения о состоянии законности. Реализация этого принципа осуществляется через средства массовой информации, официальные сайты органов прокуратуры, выступления прокуроров на различных форумах и совещаниях.

Организационные принципы определяют построение системы органов прокуратуры и обеспечивают её эффективное функционирование. Эти принципы закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и конкретизированы в ведомственных нормативных актах.

Принцип централизации выражается в едином руководстве всеми органами прокуратуры со стороны Генерального прокурора Российской Федерации. Нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим и Генеральному прокурору, что обеспечивает строгую вертикаль власти в прокурорской системе. Этот принцип позволяет оперативно реагировать на нарушения законности в любом регионе страны и обеспечивать единообразие в применении законодательства [2, С. 71].

Принцип территориальности проявляется в построении органов прокуратуры в соответствии с административно-территориальным делением Российской Федерации. На каждом уровне – федеральном, региональном, местном – создаются соответствующие прокуратуры, осуществляющие надзор на подведомственной территории. Это обеспечивает полноту прокурорского надзора на всей территории страны.

Принцип специализации заключается в создании специализированных прокуратур, осуществляющих надзор в определенных сферах или на особо важных объектах. К ним относятся транспортные, природоохранные, военные прокуратуры, прокуратуры по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях и другие. Специализация позволяет обеспечить высокий профессиональный уровень прокурорского надзора в сложных и специфических областях.

Принцип взаимодействия предполагает координацию деятельности прокуратуры с другими государственными органами, общественными организациями и институтами гражданского общества. Это взаимодействие осуществляется в различных формах – создание координационных советов, проведение совместных проверок, обмен информацией, методическое обеспечение [3, С. 175].

Организационная структура механизма прокурорского надзора включает многоуровневую систему органов прокуратуры.

Федеральный уровень представлен Генеральной прокуратурой Российской Федерации, которая осуществляет общее руководство деятельностью всех органов прокуратуры и координацию их работы.

Региональный уровень включает прокуратуры субъектов Российской Федерации, которые обеспечивают надзор за исполнением законов на территории соответствующего региона.

Местный уровень состоит из прокуратур городов и районов, осуществляющих непосредственный надзор за соблюдением законности на подведомственной территории [4, С. 15].

Специализированные прокуратуры (транспортные, природоохранные, военные и др.) обеспечивают надзор в указанных сферах деятельности.

Компетенция органов прокуратуры распределяется исходя из территориального и функционального принципов:

- территориальный принцип предполагает, что каждый прокурор осуществляет надзор на закрепленной территории;
- функциональный принцип означает специализацию прокуроров по определенным направлениям надзорной деятельности;
- принцип иерархичности позволяет вышестоящим прокурорам передавать часть полномочий нижестоящим, а также принимать к своему производству любые дела.

Процессуальный механизм осуществления прокурорского надзора включает последовательность взаимосвязанных стадий:

1. планирование надзорной деятельности – разработка планов прокурорских проверок и иных мероприятий на основе анализа состояния законности.
2. информационное обеспечение – сбор и анализ сведений о нарушениях законности из различных источников.

3. организация и проведение проверок – непосредственная реализация надзорных мероприятий.

4. принятие решений – выбор мер прокурорского реагирования по результатам проверок.

5. контроль исполнения – отслеживание реализации принятых решений и мер прокурорского реагирования.

Законодательство предусматривает различные меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения. К ним относятся следующие:

– протест прокурора – приносится на правовой акт, противоречащий закону, и подлежит обязательному рассмотрению;

– представление прокурора – вносится в орган или должностному лицу, уполномоченным устранить допущенное нарушение закона;

– постановление прокурора – выносится по вопросам возбуждения административного производства или уголовного дела;

– предостережение о недопустимости нарушения закона – применяется в целях предупреждения правонарушений.

Среди основных проблем механизма прокурорского надзора можно выделить:

– дублирование функций с другими контролирующими органами;

– недостаточная эффективность некоторых мер прокурорского реагирования;

– ограниченность ресурсов при возрастающем объеме задач;

– сложность координации деятельности различных правоохранительных структур [5, С. 177].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что механизм прокурорского надзора представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему, эффективность которой напрямую влияет на состояние законности в государстве. Современный этап развития этого механизма характеризуется активной цифровой трансформацией, специализацией и поиском оптимальных организационных решений.

Перспективы развития механизма прокурорского надзора связаны с дальнейшим совершенствованием его нормативной базы, оптимизацией организационной структуры, внедрением современных технологий и укреплением кадрового потенциала. Особое значение приобретает развитие превентивной составляющей прокурорской деятельности и усиление координационных функций прокуратуры.

Эффективность механизма прокурорского надзора в современных условиях зависит от способности адаптироваться к новым вызовам, включая цифровизацию общественных отношений, глобализацию преступности и изменение социально-экономических условий. Дальнейшее развитие этого механизма должно осуществляться с учетом необходимости баланса между эффективностью надзора и соблюдением прав граждан и организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Легостаев, С. В. Курс лекций по дисциплине «Прокурорский надзор»: (общая часть). – Рязань, 2025. – 106 с.
2. Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства / Е. Н. Асташкина,

Е. В. Богатова, А. А. Васильев [и др.]. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2025. – 120 с.

3. Светухина, А. А. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // *Еромен. Global*. – 2024. – № 45. – С. 176–183.

4. Прокурорский надзор: Курс лекций. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – 140 с.

5. Собитова, У. М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод гражданина // *Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей IX Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2025. – С. 173–178.

УДК 343.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Панков Владислав Владимирович, магистрант

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810405@ruc.su; t.v.abdulmyanova@ruc.su,

THEORETICAL AND LEGAL NATURE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Pankov Vladislav Vladimirovich, Master's Degree student

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования института прокурорского надзора обусловлена его фундаментальной ролью в обеспечении единства правового пространства Российской Федерации. В условиях динамично развивающегося законодательства и усложнения общественных отношений прокуратура остается стабилизирующим элементом системы государственного управления. Институт прокурорского надзора представляет собой сложный многогранный феномен, сочетающий в себе черты правоохранительного органа, инструмента обеспечения законности и механизма защиты прав граждан.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ концептуальных основ прокурорского надзора, его сущностных характеристик, принципиальных основ и основных направлений деятельности. Особое внимание уделяется системному рассмотрению трансформации прокурорского надзора в контексте современных вызовов и потребностей общества.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, принципы, правозащитная деятельность, государственная деятельность, государство, законность, закон, защита прав.

The relevance of research into the institution of prosecutorial oversight stems from its fundamental role in ensuring the integrity of the legal space of the Russian Federation. In a context of dynamically evolving legislation and increasingly complex social relations, the prosecutor's office remains a stabilizing element of the public administration system. The institution of prosecutorial oversight is a complex, multifaceted phenomenon that combines the characteristics of a law enforcement agency, an instrument for ensuring the rule of law, and a mechanism for protecting citizens' rights.

The purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of the conceptual foundations of prosecutorial oversight, its essential characteristics, fundamental principles, and key areas of activity. Particular attention is given to a systemic examination of the transformation of prosecutorial oversight in the context of contemporary challenges and societal needs.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutor's office, principles, human rights activities, state activities, state, legality, law, protection of rights.

Прокурорский надзор в современной российской правовой системе представляет собой специализированную деятельность органов прокуратуры, осуществляемую от имени Российской Федерации и направленную на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Содержательная характеристика прокурорского надзора раскрывается через его основные компоненты. Прежде всего, это деятельность преимущественно надзорного характера, что отличает её от иных форм государственного контроля. Надзорная функция прокуратуры имеет превентивную направленность – она нацелена не только на выявление нарушений, но и на их предупреждение. Важной особенностью является вневедомственный характер этого надзора, что позволяет прокуратуре осуществлять контроль за самыми различными государственными органами, включая правоохранительные структуры [1, С. 281–282].

Содержание прокурорского надзора включает несколько взаимосвязанных элементов: мониторинг правоприменительной практики и анализ состояния законности; выявление фактов нарушения законодательства и установление их причин; принятие мер по устранению нарушений закона и восстановлению нарушенных прав; проведение профилактической работы по предупреждению правонарушений; правотворческая инициатива по совершенствованию законодательства.

Особенностью современного понимания сущности прокурорского надзора является его ориентация на защиту прав граждан. Эта функция приобрела особое значение в последние десятилетия, что отразилось в изменении приоритетов прокурорской деятельности. Сегодня прокуратура рассматривается не только как орган надзора за исполнением законов, но и как институт, обеспечивающий правовую защиту личности.

Институт прокурорского надзора обладает рядом специфических характеристик, которые позволяют отграничить его от иных форм государственного контроля. Эти отличительные черты сложились исторически и отражают уникальное положение прокуратуры в системе государственных органов.

Во-первых, прокурорский надзор характеризуется универсальностью предмета проверки. В отличие от ведомственного контроля, который ограничен рамками конкретного государственного органа или сферы деятельности, прокурорский надзор может распространяться на любые отношения, урегулированные законодательством. Эта универсальность обеспечивает комплексный подход к обеспечению законности.

Во-вторых, прокурорский надзор обладает особым процедурным инструментарием. Прокурор наделен специфическими полномочиями, которые не свойственны другим контролирующим органам. К ним относятся: возбуждение производства об административном правонарушении; внесение протестов на противоречащие закону правовые акты; представления об устранении нарушений закона; предостережения о недопустимости нарушения закона.

В-третьих, прокурорский надзор отличается всеохватывающим характером.

Он распространяется на федеральные органы исполнительной власти, законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы военного управления, органы контроля, их должностных лиц, а также на органы управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций [2, С. 76].

Важной отличительной чертой является координационная функция прокуратуры. В соответствии с законом, прокурор координирует деятельность по борьбе с преступностью различных правоохранительных органов. Это позволяет обеспечить единство подходов и эффективность взаимодействия в сфере противодействия преступности.

Деятельность органов прокуратуры осуществляется на основе развитой системы нормативно-правовых актов, которые образуют иерархическую структуру. Основу этой системы составляет Конституция Российской Федерации, которая определяет место прокуратуры в системе государственных органов и закрепляет основные принципы её организации и деятельности.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» является базовым нормативным актом, детально регулирующим организацию и функционирование прокурорской системы. Этот закон определяет: систему и структуру органов прокуратуры; принципы организации и деятельности прокуратуры; полномочия прокуроров различных уровней; службу в органах прокуратуры; особенности организации и обеспечения деятельности военной прокуратуры [3, С. 204].

Важное значение имеют отраслевые федеральные законы, которые определяют специфику прокурорского надзора в отдельных сферах. К ним относятся Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях и другие нормативные акты, регулирующие порядок осуществления прокурорского надзора в конкретных областях правоприменения.

Особую группу составляют международные правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией, которые устанавливают стандарты в области защиты прав человека и определяют международные обязательства России в сфере обеспечения законности. К ним относятся Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах и другие международные договоры.

Внутренние акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации – приказы, указания, распоряжения и инструкции – составляют ведомственное регулирование прокурорской деятельности. Эти акты конкретизируют порядок осуществления надзорных полномочий и организацию работы в органах прокуратуры.

Деятельность органов прокуратуры строится на системе взаимосвязанных принципов, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве. Эти принципы обеспечивают единство подходов к организации и осуществлению прокурорского надзора на всей территории страны [4, С. 177].

Принцип законности является основополагающим для прокурорской деятельности. Он проявляется в том, что сама прокуратура обязана строго соблюдать

требования закона при осуществлении своих полномочий. Все действия прокуроров должны основываться на положениях законодательства, а принимаемые решения – соответствовать установленным правовым предписаниям. Этот принцип имеет двустороннюю направленность: с одной стороны, прокуратура обеспечивает соблюдение закона другими субъектами, с другой – сама действует в строгих правовых рамках.

Принцип независимости означает, что органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений. Гарантиями независимости выступают: особый порядок назначения прокуроров на должность и освобождения от должности; запрет на вмешательство в деятельность прокурора; особый правовой статус прокурорских работников; финансирование и материально-техническое обеспечение органов прокуратуры за счет средств федерального бюджета.

Принцип единства предполагает, что все органы прокуратуры составляют единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации. Это обеспечивает единство подходов к осуществлению надзора, возможность перераспределения сил и средств, а также эффективное управление прокурорской системой.

Принцип гласности выражается в информировании прокуратурой федеральных органов власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также населения о состоянии законности. Реализация этого принципа осуществляется через средства массовой информации, официальные сайты органов прокуратуры, выступления прокуроров на различных форумах и совещаниях.

Организационные принципы определяют построение системы органов прокуратуры и обеспечивают её эффективное функционирование. Эти принципы закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и конкретизированы в ведомственных нормативных актах.

Принцип централизации выражается в едином руководстве всеми органами прокуратуры со стороны Генерального прокурора Российской Федерации. Нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим и Генеральному прокурору, что обеспечивает строгую вертикаль власти в прокурорской системе. Этот принцип позволяет оперативно реагировать на нарушения законности в любом регионе страны и обеспечивать единообразие в применении законодательства.

Принцип территориальности проявляется в построении органов прокуратуры в соответствии с административно-территориальным делением Российской Федерации. На каждом уровне – федеральном, региональном, местном – создаются соответствующие прокуратуры, осуществляющие надзор на подведомственной территории. Это обеспечивает полноту прокурорского надзора на всей территории страны.

Принцип специализации заключается в создании специализированных прокуратур, осуществляющих надзор в определенных сферах или на особо важных объектах. К ним относятся транспортные, природоохранные, военные прокуратуры,

прокуратуры по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях и другие. Специализация позволяет обеспечить высокий профессиональный уровень прокурорского надзора в сложных и специфических областях.

Принцип взаимодействия предполагает координацию деятельности прокуратуры с другими государственными органами, общественными организациями и институтами гражданского общества. Это взаимодействие осуществляется в различных формах – создание координационных советов, проведение совместных проверок, обмен информацией, методическое обеспечение [5, С. 35].

Функциональные принципы определяют непосредственно процесс осуществления прокурорского надзора. Эти принципы выработаны многолетней практикой прокурорской деятельности и закреплены в законодательстве.

Принцип объективности требует от прокурора всестороннего, полного и беспристрастного исследования всех обстоятельств дела. Прокурор обязан учитывать, как обстоятельства, свидетельствующие о наличии нарушения закона, так и оправдывающие или смягчающие вину лица. Объективность проявляется также в беспристрастности прокурора при принятии решений.

Принцип равенства перед законом означает, что прокурорский надзор осуществляется в отношении всех субъектов права независимо от их организационно-правовой формы, формы собственности, подчиненности и других обстоятельств. Этот принцип обеспечивает единство требований к соблюдению законодательства всеми участниками общественных отношений.

Принцип недопустимости вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность организаций ограничивает пределы прокурорского надзора. Прокурор не вправе подменять органы управления организаций, оценивать экономическую целесообразность принимаемых решений, если они не противоречат законодательству. Это принцип разграничивает сферу правового надзора и хозяйственного управления.

Принцип оперативности требует от прокурора своевременного реагирования на выявленные нарушения закона. Этот принцип предполагает быструю оценку информации о нарушениях, принятие необходимых мер прокурорского реагирования и контроль за их исполнением. Оперативность особенно важна в случаях, когда нарушения закона сопряжены с причинением существенного вреда правам граждан или государственным интересам [6, С. 87].

Далее рассмотрим основные направления прокурорского надзора.

Надзор за исполнением законов представляет собой одно из основных направлений прокурорской деятельности. Это направление имеет наиболее широкую сферу применения и охватывает деятельность огромного количества субъектов – от федеральных министерств до муниципальных учреждений.

В последние годы приоритеты в этом направлении надзора существенно сместились в сторону защиты социальных прав граждан. Особое внимание уделяется надзору за исполнением законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства, охраны здоровья, образования, социального обеспечения. Прокуроры активно реагируют на нарушения в этих сферах, поскольку они непосредственно затрагивают жизненно важные интересы населения.

Важным аспектом является надзор за законностью правовых актов, издаваемых органами власти и управления. Прокуроры осуществляют экспертизу нормативных актов на их соответствие федеральному законодательству. В случае выявления противоречий вносятся протесты, которые подлежат обязательному рассмотрению. Эта деятельность способствует обеспечению единства правового пространства страны.

Серьезной проблемой в данном направлении остается так называемый «показушный» надзор, когда проверки носят формальный характер и не выявляют реальных проблем. Борьба с этим явлением ведется через совершенствование методик прокурорских проверок, внедрение риск-ориентированного подхода, повышение профессиональной подготовки прокуроров.

Отраслевые направления прокурорского надзора характеризуются специализацией на определенных сферах правового регулирования. Эти направления развиваются в соответствии с потребностями общества и изменениями в законодательстве.

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина занимает особое место в системе отраслевых направлений. В рамках этого направления прокуратура рассматривает жалобы и обращения граждан, проводит проверки по фактам нарушений прав, принимает меры к их восстановлению. Особенностью этого направления является его ярко выраженная социальная ориентированность.

Надзор в сфере экономики и предпринимательской деятельности направлен на создание благоприятных условий для ведения бизнеса, защиту прав предпринимателей, борьбу с коррупцией в экономической сфере. Прокуроры уделяют внимание соблюдению антимонопольного законодательства, законодательства о закупках, о банкротстве.

Надзор в уголовно-правовой сфере включает несколько аспектов: надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия; поддержание государственного обвинения в суде; надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание.

Экологический надзор приобретает все большее значение в условиях обострения экологических проблем. Прокуроры осуществляют надзор за исполнением природоохранного законодательства, требований в области охраны атмосферного воздуха, водных объектов, земельного законодательства.

Современный этап развития прокурорского надзора характеризуется рядом значимых тенденций, обусловленных изменениями в обществе, экономике и технологиях.

Цифровая трансформация прокурорской деятельности проявляется во внедрении информационных технологий во все аспекты работы прокуратуры. Создаются автоматизированные системы анализа состояния законности, системы электронного документооборота, развиваются средства дистанционного взаимодействия с гражданами и организациями. Это позволяет повысить эффективность прокурорского надзора и сократить время реагирования на нарушения.

Смещение акцентов на превентивную деятельность выражается в развитии системы предупреждения правонарушений. Прокуроры все чаще используют такие

меры, как предостережения о недопустимости нарушения закона, профилактические беседы, аналитические обзоры типичных нарушений. Это позволяет предотвращать нарушения на ранней стадии.

Специализация прокурорского надзора продолжает углубляться. Появляются новые специализированные направления, связанные с развитием законодательства. Например, все большее внимание уделяется надзору в сфере цифровых прав, защиты персональных данных, регулирования искусственного интеллекта.

Развитие международного сотрудничества выражается в усилении взаимодействия с правоохранительными органами других стран, участии в международных организациях и форумах, гармонизации практики прокурорского надзора с международными стандартами [7, С. 175].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что прокурорский надзор в Российской Федерации представляет собой сложный, многогранный правовой институт, играющий ключевую роль в обеспечении верховенства закона и защиты прав граждан. Его сущность характеризуется сочетанием надзорных, правозащитных и координационных функций, что определяет уникальное место прокуратуры в системе государственных органов.

Система принципов прокурорского надзора обеспечивает его эффективное функционирование и соответствие конституционным ценностям. Единство, централизация и независимость прокурорской системы создают необходимые предпосылки для выполнения возложенных на неё задач. При этом развитие принципов прокурорской деятельности продолжается, отражая изменения в обществе и государстве.

Основные направления прокурорского надзора демонстрируют способность прокуратуры адаптироваться к новым вызовам и потребностям общества. Смещение акцентов в сторону защиты социальных прав граждан, усиление профилактической составляющей, цифровая трансформация деятельности – все это свидетельствует о динамичном развитии института прокурорского надзора.

Современные тенденции развития прокурорского надзора указывают на его дальнейшую эволюцию в направлении повышения эффективности, специализации и соответствия международным стандартам. При этом сохраняется преемственность с историческими традициями российской прокуратуры, что обеспечивает стабильность этого института в условиях социальных преобразований.

Перспективы развития прокурорского надзора связаны с дальнейшим совершенствованием его правовой основы, внедрением новых методик и технологий, укреплением кадрового потенциала органов прокуратуры. Важное значение будет иметь развитие международного сотрудничества и гармонизация практики прокурорского надзора с международными правовыми стандартами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова, С. Н. Прокурорский надзор как особый вид государственной деятельности // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 2. – С. 281–287.
2. Вологина, Е. В. Генезис отечественного законодательства, регулирующего прокурорский надзор в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 1(72). – С. 73–81.

3. Шубин, А. А. Прокурорский надзор как вид государственной деятельности // Моисеевские чтения. Гуманитарные вызовы и угрозы XXI века. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2023. – С. 203–208.
4. Светухина, А. А. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // *Eromen. Global*. – 2024. – № 45. – С. 176–183.
5. Организация деятельности прокуратуры: в 2 ч. / А. А. Титова, Т. М. Авдониная, С. Б. Аникин [и др.]. Москва, 2025. – 140 с.
6. Прокурорский надзор: курс лекций. – Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – 140 с.
7. Собитова, У. М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод гражданина // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. – С. 173–178.

УДК 342.922

**АВТОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ
В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Панюшин Геннадий Викторович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: expertprof13@mail.ru

**AUTOTECHNICAL EXPERTISE AS A MEANS
OF EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE OFFENSE PROCEEDINGS**

Panyushin Gennady Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье рассмотрено значение автотехнической экспертизы в установлении виновности участников ДТП. Автором проанализированы три экспертных заключения, с которыми невозможно не согласиться. Изученные судебные автотехнические экспертизы, основаны на нормах действующего законодательства, составлены на основании достаточного объема специальной научной литературы. Рассмотренные экспертные заключения на момент их исследования проанализированы судами, им дана правовая оценка как доказательствам.

Ключевые слова: доказательства, обстоятельства дела, специальные познания, автотехническая экспертиза, эксперт, ПДД РФ.

This article discusses the importance of forensic engineering in determining the guilt of road accident participants. The author analyzes three expert opinions that cannot be disputed. The forensic engineering studies are based on the current legislation and are based on a sufficient amount of specialized scientific literature. The expert opinions reviewed have been analyzed by the courts and given legal evaluation as evidence.

Keywords: evidence, case circumstances, special knowledge, auto technical examination, expert, Russian traffic regulations.

Автотехническая экспертиза представляет собой исследование эксперта на предмет выявления причин и условий совершения ДТП, установления вины конкретного водителя транспортного средства – участника ДТП, позволяет определить размер вреда, причиненного автомобилям в результате столкновения.

Анализ материалов правоприменительной практики показывает, что неред-

кими являются случаи обжалования Постановлений по делам об административных правонарушениях в связи с несогласием с вменяемой виной в совершении ДТП.

В данном случае заключение эксперта может служить контраргументом вменяемой участнику ДТП вины.

Практический аспект наличия, либо отсутствия вины в действиях конкретного водителя-участника ДТП видится и в справедливом распределении материальной ответственности, возникающей в рамках обязательного страхования автогражданской ответственности владельцев транспортных средств, предполагающей возмещение имущественного вреда потерпевшему виновником ДТП в случае недостаточности страхового возмещения по правилам ОСАГО.

В настоящее время частыми при рассмотрении дел об административных правонарушениях стали автотехнические экспертизы на предмет соответствия действий водителя п. 10.1 ПДД РФ.

Абзац 2 названного пункта Правил обязывает водителя принять меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства при возникновении и обнаружении опасности [1].

Особенность вышеуказанного пункта ПДД РФ заключается в том, что ответственность за его нарушение участниками дорожного движения не предусмотрена действующим КоАП РФ. Именно поэтому на практике возникает необходимость анализа действий водителя на предмет соответствия п.10.1 ПДД РФ, для осуществления которого необходимы специальные знания.

Рассмотрим некоторые выводы экспертов-автотехников по делам, связанным с исследованием действий водителя в конкретных ситуациях.

Согласно фабуле дела водитель АНГ на автомобиле HYUNDAI IX35 двигалась по автодороге Ковылкино – Краснослободск – Ельники – Первомайск со стороны г. Краснослободска в сторону г. Ковылкино. В пути следования, в условиях гололеда, не справилась с управлением, съехала на правую обочину и далее в кювет с последующим опрокидыванием транспортного средства.

Наличие тормозного пути автомобиля HYUNDAI IX35 на проезжей части не установлено.

Должностным лицом в производстве которого находилось расследование данного дорожно-транспортного происшествия, не установлено каких-либо внешних причин (внешние возмущающие силы, неровности дороги, порыв бокового ветра и т.д.), которые могли бы вызвать занос автомобиля на проезжей части. Действия водителя автомобиля HYUNDAI IX35 перед столкновением эксперту не задавались, поэтому определить возможность водителя, как оператора, обеспечить безопасность движения на данном участке дороги не представляется возможным. При этом экспертом-автотехником оценка субъективных качеств водителя автомобиля HYUNDAI IX35 не возможна, поскольку такая оценка выходит за пределы области профессиональных знаний эксперта.

Одной из причин, с технической точки зрения, съезда автомобиля HYUNDAI IX35 с проезжей части в кювет, может являться применение водителем неправильных приёмов управления (резкий поворот руля, потеря равновесия, резкое торможение и т.п.).

По мнению эксперта водителю транспортного средства необходимо было осуществлять должный контроль движения автомобиля HYUNDAI IX35, соблюдать требования п. 10.1 ПДД РФ, что исключило было дорожно-транспортное происшествие.

В данной дорожной ситуации водитель автомобиля HYUNDAI IX35 государственный регистрационный знак А156АВ000 АНГ должна была руководствоваться и в её действиях усматриваются не соответствия требованиям п.п. 1.5 абз.1 и 10.1 абз. 1 Правил дорожного движения Российской Федерации.

Согласно фабуле следующего дела водитель автомобиля «Мазда 3» г.р.з. Х957ЕК/000 ЧМЮ, двигаясь в условиях темное времени суток со скоростью 80 км/ч по автомобильной дороге «Саранск-Сурское-Ульяновск» в сторону г. Саранска, в населенном пункте с. Аксеново совершил наезд на препятствие (выбоину), находящуюся на проезжей части дороги.

По мнению эксперта, поскольку скорость автомобиля «Мазда 3» г.р.з. Х957ЕК/000 под управлением водителя ЧМЮ перед происшествием составляла 80 км/ч, то можно заключить, что в заданной дорожно-транспортной ситуации действия водителя автомобиля «Мазда 3» г.р.з. Х957ЕК/000 ЧМЮ по выбору скоростного режима в населённом пункте требованиям пунктов 10.1 абз.1, 10.2 Правил дорожного движения РФ, с технической точки зрения, не соответствовали.

Решить вопрос о соответствии (либо несоответствии) действий водителя автомобиля «Мазда 3» г.р.з. Х957ЕК/000 ЧМЮ требованиям пункта 10.1 абз.2 Правил дорожного движения РФ, возможно только после определения наличия (отсутствия) у него технической возможности путем применения торможения предотвратить наезд на препятствие (выбоину).

В данном рассматриваемом случае для решения вопроса о том, располагал ли водитель автомобиля «Мазда 3» г.р.з. Х957ЕК/000 ЧМЮ технической возможностью избежать наезда на выбоину при движении со скоростью 80 км/ч и 60 км/ч, необходимо установить имел ли водитель вышеуказанного транспортного средства в создавшейся дорожно-транспортной ситуации своевременно обнаружить неподвижное препятствие в виде выбоины на проезжей части и принять необходимые меры к предотвращению наезда снижением скорости.

Методика исследования вопроса о технической возможности предотвратить дорожно-транспортное происшествие в условиях ограниченной видимости (в ночное время), в данном случае наезд на препятствие в виде дефекта на дорожном покрытии проезжей части дороги (выбоины), связана с оценкой условий видимости дороги и различных объектов в зоне происшествия с рабочего места водителя. Изначально решается вопрос о соответствии выбранной водителем скорости движения транспортного средства расстоянию видимости дороги. Если скорость движения, выбранная водителем, не соответствовала этому расстоянию, то расчетным путем устанавливается скорость, соответствующая расстоянию видимости. Лишь после этого решается вопрос о технической возможности предотвратить происшествие путем торможения в условиях места происшествия.

В данном случае, для решения вопроса о наличии (отсутствии) технической

возможности предотвратить наезд на препятствие (выбоину) в условиях ограниченной видимости (темное время суток), для экспертного исследования необходимы данные о расстоянии видимости дороги с рабочего места водителя при движении транспортного средства и о расстоянии, с которого водитель мог обнаружить препятствие на дорожном покрытии проезжей части дороги. Эти исходные данные, которые устанавливаются следствием или судом, в представленных на исследование материалах отсутствуют.

Таким образом, по имеющимся в материалах дела данным определить экспертным путем, имел ли водитель автомобиля «Мазда 3» г.р.з. Х957ЕК/000 ЧМЮ техническую возможность избежать наезда на выбоину при движении со скоростью 80 км/ч и 60 км/ч, не представляется возможным.

В третьем случае эксперту на основе следующих обстоятельств дела поручено сделать вывод о наличии либо отсутствии в действиях водителя признаков нарушения п. 10.1 ПДД РФ.

Так, согласно материалам дела, при движении по автодороге сообщением «г. Саранск – с. Берсеневка – с. Пензятка», со скоростью значительно ниже разрешенной (примерно 40 км/ч), истец КСН совершил наезд на ледяную колею в результате чего автомобиль «Рено Сандеро», г.р.з. К 203 ОХ/00 под его управлением совершил съезд в правую по ходу движения обочину с последующим опрокидыванием.

По данному факту были вызваны сотрудники ГИБДД, которые составили соответствующие документы о ДТП и Акт выявленных недостатков в эксплуатационном состоянии автомобильной дороги, согласно которому на участке 6 км. + 500 м. автодороги сообщением «Саранск – Берсеневка – Пензятка» выявлены следующие недостатки: наличие на проезжей части дороги снежно-ледяных образований; колеяность 5,5 см.

Анализируя обстоятельства дорожно-транспортного происшествия, изложенные в определении и в представленных для исследования материалах следует, что при движении автомобиля «Рено Сандеро», г.р.з. К 203 ОХ/00 под управлением КСН по заснеженной и накатанной дороге, где в обоих направлениях образовалась колея, глубиной до 5,5 метра, что просматривается в представленных для исследования фотоматериалах, произошел его занос с последующей потерей курсовой устойчивости, в результате чего последний съехал в правый по ходу своего движения заснеженный кювет, где произошло опрокидывание транспортного средства.

В рассматриваемой дорожно-транспортной ситуации действия водителя автомобиля «Рено Сандеро», г.р.з. К 203 ОХ/13 КСН. регламентированы требованиями пункта 10.1 Правил дорожного движения РФ, в частности: «водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом дорожные и метеорологические условия; скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля, за движением транспортного средства для выполнения требований Правил».

В данном случае фактическое состояние проезжей части дороги, по которой двигался автомобиль «Рено Сандеро», г.р.з. К 203 ОХ/00 под управлением КСН,

не могло представлять, какой-либо внезапной опасности для движения, поскольку данное состояние проезжей части имелось на продолжительном участке пути движения автомобиля «Рено Сандеро», г.р.з. К 203 ОХ/00, что в свою очередь водитель КСН мог заблаговременно обнаружить и соответственно выбрать скорость движения, которая бы обеспечивала возможность постоянного контроля за движением транспортного средства.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, следует заключить, что в рассматриваемой дорожно-транспортной ситуации водитель автомобиля «Рено Сандеро», г.р.з. К 203 ОХ/00 КСН должен был действовать в соответствии с требованиями пункта 10.1 абз.1 Правил дорожного движения и в его действиях усматриваются несоответствия требованиям данного пункта Правил.

В заключение настоящего исследования следует отметить, что автотехническая экспертиза, целью которой является оценка действий водителя на предмет соответствия ПДД РФ, является важным процессуальным инструментом установления виновности либо невиновности конкретного водителя в совершении ДТП.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090; в ред. от 16 июля 2025 г. // Российские вести. – 1993. – № 227.

УДК 342.922

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Панюшин Геннадий Викторович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: expertprof13@mail.ru

EVIDENCE VALUE OF EXPERTISE IN ADMINISTRATIVE OFFENSE CASES

Panyushin Gennady Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящая статья посвящена доказательственному значению экспертных исследований для целей производства по делам об административных правонарушениях. Автором исследования приводится краткая характеристика некоторых видов экспертиз, назначаемых и проводимых по делам об административных правонарушениях. В ходе исследования автором проанализировано правовое регулирование назначения и проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, выдвигается мнение об отнесении такого освидетельствования к медицинской экспертизе.

Ключевые слова: доказательства, обстоятельства, подлежащие доказыванию, специальные познания, лингвистическая экспертиза, эксперт, специальные знания.

The article discusses the importance of expert research for the proceedings in cases of administrative offenses. It provides a brief description of some types of examinations that are appointed in cases

of administrative offenses. The author analyzes the legal and regulatory framework for the appointment and conduct of medical examinations for intoxication, and suggests that such examinations should be classified as medical examinations.

Keywords: evidence, circumstances to be proven, special knowledge, linguistic examination, expert, special knowledge.

Особая значимость изучения заключений эксперта как процессуальной формы доказывания по делам об административных правонарушениях объясняется недостатком в современной правовой науке системных исследований по данной проблематике.

Исследование рассматриваемого вопроса имеет практическое значение для всех участников производства по делам об административных правонарушениях, оно может способствовать укреплению законности при привлечении к административной ответственности, а для лиц, привлекаемых к административной ответственности – может выступать информационным источником о способах и средствах защиты субъективных прав и законных интересов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях

Действующее административное законодательство в качестве одной из основных задач производства по делам об административных правонарушениях определяет объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела (ст. 24.1 КоАП РФ).

При этом обстоятельства совершения противоправного действия, запрещенного КоАП РФ должны быть подтверждены достоверными, допустимыми, относимыми и необходимыми доказательствами.

Так, например, в качестве таких доказательств могут выступать фотоматериалы, полученные с камер автоматической фиксации административных правонарушений, достоверно закрепляющих факт и обстоятельства совершения правонарушения.

В некоторых случаях обстоятельства совершения административного правонарушения могут быть достоверно установлены лишь экспертом, обладающим соответствующими знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле.

Доказательственное значение экспертизы вытекает из действующего законодательства и признается учеными-процессуалистами.

На важность экспертизы как доказательства указывается в трудах Беланова Г. О., считающего, что среди средств доказывания, известных российскому процессу, важное место занимает заключение эксперта [2, с. 68].

Порядок назначения экспертизы по делам об административных правонарушениях регламентирован ст. 26.4 КоАП РФ. Правом вынесения определения о назначении экспертизы по делу об административном правонарушении обладает субъект, принявший к производству административный материал.

Исследование составов правонарушений, содержащихся в КоАП РФ показывает, что по ряду из них экспертиза является необходимым инструментом доказывания факта и обстоятельств, позволяющих установить противоправность деяния.

Статьями 20.20, 20.21, 20.22 КоАП РФ предусмотрена ответственность за по-

ребление алкогольной, продукции, наркотических средств, психотропных веществ, новых психоактивных или одурманивающих веществ, за появление в общественных местах в состоянии опьянения.

По данным правонарушения необходимо проведение экспертизы на предмет исследования наркотических средств и психотропных веществ (далее – НСПВ) [3, с. 188].

Указанная экспертиза включает в себя несколько ключевых аспектов, направленных на установление состава, свойств, происхождения и возможных эффектов вещества:

- химический анализ позволяющий выявить состав вещества, а также определить его принадлежность к группе наркотических средств или психотропных веществ;

- токсикологическая экспертиза: направлена на идентификацию и количественное определение в биоматериалах человека широкого спектра психоактивных веществ, включая наркотические средства, психотропные соединения и этанол, а также их метаболиты;

- фармакологический анализ, т.е. всестороннее исследование характера и механизмов воздействия конкретного вещества на центральную нервную систему, поведенческие реакции и общее физиологическое состояние организма.

Касаемо исследования на предмет установления алкогольного опьянения и степени его тяжести необходимо отметить следующее.

Законодателем предусмотрена такая мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении как направление на медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения.

При наличии оснований, предусмотренных законом, направление на медицинское освидетельствование оформляется протоколом по форме, установленной законом.

В основе правового регулирования освидетельствования на состояние алкогольного опьянения лежит Постановление Правительства РФ от 21.10.2022 г. № 1882 [4].

При этом правом проведения медицинского освидетельствования наделены учреждения здравоохранения, получившие в установленном законом порядке лицензию на осуществление деятельности в области медицины и указанием в ней соответствующих видов работ и услуг. Освидетельствование проводится врачом либо фельдшером, имеющими соответствующую специальную подготовку [5, с. 45].

Несмотря на то, что законодательством процедура медицинского освидетельствования отнесена к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, автор настоящей статьи считает возможным, отнести исследование на предмет наличия алкоголя в крови или следов его распада к медицинской экспертизе, поскольку оно является исследованием и требует специальных познаний, а результаты исследования оформляются актом, являющимся основанием привлечения к ответственности.

Следующий вид, проводимой по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.61, 5.61.1, 20.1 КоАП РФ экспертизы – лингвистическая.

При проведении данной экспертизы проводится исследование речевых продуктов [6, с. 256].

В процессе проведения исследования эксперт-лингвист дает оценку следующим категориям:

– унижение чести и достоинства. И.А. Стернин в своей методике выделяет два существенных признака унижения (умаления) чести и достоинства:

а) сообщение порочащих (негативных) сведений о лице;

б) прямая относимость таких сведений к лицу (непосредственная адресация) [7, с. 232];

– неприличная форма выражения. Для выявления неприличности выражения эксперту необходимо установить наличие языковых признаков, указывающих на неприличность высказывания, т. е. наличие нецензурной лексики;

– иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма. В настоящее время рассматриваемая новелла не имеет практической проработанности судами судебной системы России. В настоящее время рассматриваемый квалифицирующий признак оскорбления рассматривается судами через призму унижения чести и достоинства, выраженного в неприличной форме.

Рассмотренные автором в настоящей статье виды экспертных исследований, применяемых при рассмотрении дел об административных правонарушениях не являются исчерпывающими.

В заключение данной статьи необходимо отметить, что ключевое значение экспертизы как средства доказывания по делам об административных правонарушениях видится: в обеспечении объективности и беспристрастности рассмотрения административных материалов; обеспечении законности и обоснованности привлечения к административной ответственности лиц, допустивших совершение действия, запрещенного КоАП РФ; усилении доказательственной базы по делу; предотвращении злоупотреблений со стороны участников производства по делу об административном правонарушении; обеспечении защиты прав лица, привлекаемого к административной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Российская газета. – 2001. – № 256.

2. Беланова, Г. О., Институт доказывания и доказательств в цивилистическом процессе : учебное пособие / Г. О. Беланова, Н. В. Бушная, Е. В. Жуков, Г. В. Станкевич. – Москва : Русайнс, 2024. – 128 с. – ISBN 978-5-466-04712-7. – URL: <https://book.ru/book/953454>

3. Ключева, Ю. А. Совершенствование понятийного аппарата судебной экспертизы психоактивных веществ как инструмент повышения доказательственного значения заключения эксперта / Ю. А. Ключева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции. в 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 188–191.

4. О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (вместе с "Правилами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения"):

постановление Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1882 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. – 2022. – 24 октября.

5. Егорова, Н. Э. Об актуальности проведения судебно-медицинских экспертиз при производстве по делам об административных правонарушениях / Н. Э. Егорова // Актуальные проблемы права, экономики бизнеса и управления : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 03 апреля 2023 года / Отв. редактор Н. А. Бобученко. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт экономики и права, 2023. – С. 42–48.

6. Ахунзянова, Ф. Т. Современная лингвоэкспертная практика в сфере речевых правонарушений: актуальность и проблемы / Ф. Т. Ахунзянова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 254–265.

7. Логутенков, А. В. Актуальные вопросы административной ответственности / А. В. Логутенков, Л. Н. Свешникова // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск : Рузаевский печатник, 2021. – С. 230–234.

УДК 347

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прокина Екатерина Васильевна, преподаватель

Учайкина Наталья Юрьевна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: prokina-ekaterina@mail.ru; n.yu.uchaykina@ruc.su

DIGITALIZATION OF CIVIL LAW: CHALLENGES AND PROSPECTS

Prokina Ekaterina Vasilyevna, teacher

Uchaikina Natalia Yurievna, teacher

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

По мере развития цифрового общества цифровизация гражданских правоотношений является одной из наиболее острых и фундаментальных в современной юриспруденции тем. Она обусловлена не просто технологическим прогрессом, а глубинными трансформациями, которые цифровые технологии вносят в общественные отношения, составляющие предмет гражданского права. Современном правовом пространстве, львиная доля сделок осуществляется в интернете. Появляются новые формы цифровых активов в виде криптовалюты, NFT, токены и др. Широко применяются электронный документооборот и цифровые подписи. Все эти правоотношения требуют правового регулирования статуса новых цифровых объектов, требуют переосмысления классических принципов для формы электронных договоров и др.

Ключевые слова: цифровые платформы, электронный документооборот, искусственный интеллект, киберпреступность, смарт-контракты.

As the digital society develops, the digitalization of civil legal relations is one of the most pressing and fundamental topics in modern jurisprudence. This is not just due to technological advancements, but also to the profound transformations that digital technologies are bringing to the social relations that are the subject of civil law. In today's legal landscape, the majority of transactions are conducted online. New forms of digital assets, such as cryptocurrencies, NFTs, tokens, and others, are emerging. Electronic document management and digital signatures are widely used. All these legal relations require legal regulation of the status of new digital objects, require a rethinking of classical principles for the form of electronic contracts, etc.

Keywords: digital platforms, electronic document management, artificial intelligence, cyber-crime, smart contracts

Вступление человечества в эпоху цифровых технологий радикально меняет все сферы жизни, включая правовую. Цифровизация, проникая в экономику, государственное управление и социальные взаимодействия, неизбежно трансформирует и гражданское право – основу регулирования имущественных и личных неимущественных отношений. Этот процесс характеризуется появлением новых объектов гражданских прав (цифровые активы), способов заключения сделок (смарт-контракты), форм представительства (алгоритмы ИИ) и механизмов разрешения споров (онлайн-арбитраж).

Однако, цифровизация гражданского права несет в себе не только колоссальные перспективы для повышения эффективности, прозрачности и доступности правосудия, но и порождает целый ряд серьезных вызовов. К ним относятся вопросы правовой неопределенности, идентификации участников цифровых отношений, обеспечения кибербезопасности, разграничения ответственности и формирования адекватной юрисдикции.

Целью данной статьи является подробный анализ основных направлений цифровизации гражданского права, выявление ключевых вызовов, с которыми сталкивается правоприменительная практика и законодатель, а также определение перспектив развития данной отрасли права в условиях глобальной цифровой трансформации.

Процесс цифровизации гражданского общества неизбежен в современных реалиях, так как происходит активная интеграция цифровых технологий в механизм возникновения гражданско-правовых отношений. Данный процесс охватывает несколько ключевых направлений.

Один из них это электронное взаимодействие и документооборот. Гражданский кодекс допускает возможность совершения сделок и иных юридически значимых действий в электронной форме. При этом закон требует соблюдение определенных условия, которые позволяют достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору [1]. Для придания юридической силы электронным сделкам и документам федеральный закон от 06 апреля 2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», разрешает применять электронный подписи и порядок их использования.[2] Дистанционно допускается регистрация прав на недвижимость в ЕГРН, юридических лиц в Федеральной налоговой службе и различных сделок.

С появлением цифровых технологий в гражданском праве появляются новые объекты гражданских правоотношений, которые требуют особое правовое регулирования. В марте 2019 года федеральным законом №34-ФЗ от 18.03.2019 г. были внесены изменения в Гражданский кодекс, конкретно, были добавлены новые объекты правоотношений – цифровые права. «Цифровые права признаются имущественными правами, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, в которой эти права существуют» [3]. Осуществление, распоряжение цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Данный нормативный акт дал правовую основу для таких цифровых объектов как токенов, криптовалют и др.

Ключевым фактором формирования правовой системы будущего является

развитие смарт-контрактов. Данный вид современных договоров не регулируются гражданским законодательством, однако их функционирование может быть урегулировано в рамках ст. 421 ГК РФ (свобода договора) и ст. 429.1 ГК РФ (рамочные договоры), а также через концепцию цифровых прав. Сущность смарт-контрактов заключается в том, что обязательства, прописанные в них, автоматически выполняются при наступлении заранее определенных условий, без участия посредников. Применение данных договоров существенно экономит время сторон и снижает операционные издержки, устраняя потребность в третьих сторонах (юристах, банках, нотариусах, эскроу-агентах).

Широко применяются в гражданско-правовых отношениях и помощь искусственного интеллекта и робототехники. Вышеуказанные современные цифровые технологии используются в процессе заключения сделок, оказания услуг (чат-боты, роботы-консультанты).

Порываева О. В. в своих работах так характеризует процесс цифровизации гражданского права: «Цифровизация ставит перед гражданским правом новые задачи: расширяет его предмет, усложняет правовую ответственность. Возрастает значение института интеллектуальной собственности. Благодаря цифровым технологиям создаются новые способы получения правообладателем доходов от эксплуатации прав интеллектуальной собственности, а это в свою очередь способствует разработке новых бизнесмоделей коммерциализации интеллектуальной собственности. Изменения претерпевает и традиционная сфера интеллектуальной собственности – авторское право.

Все популярнее становятся так называемые свободные лицензии, предусматривающие минимальное количество ограничений для их обладателей при коммерческой эксплуатации. Это позволяет без нарушения авторских прав создавать производные произведения, т. е. расширять пределы осуществления исключительного права в цифровом пространстве. Появился новый механизм обработки информации о правах и правообладателях на основе блокчейн-технологий, который не только позволяет хранить и обрабатывать информацию об объектах интеллектуальной собственности и сделках с ними, но и предоставляет правообладателям и пользователям возможность использовать смарт-контракты, осуществлять автоматическое исполнение сделок» [4, с. 61].

Несмотря на огромный потенциал и преимущество цифровых технологий, при их применении возникают ряд проблем. Эти проблемы возникают на стыке традиционных правовых концепций и стремительно развивающихся технологий, требуя от юристов и законодателей переосмысления устоявшихся подходов.

Во-первых, существующее законодательство зачастую не успевает за темпами развития технологий. Это приводит к пробелам в регулировании новых явлений (например, правовой статус, вопросы владения и наследования цифровых активов). Порождает неясность правовой природы некоторых цифровых объектов: являются ли они имуществом, ценными бумагами. Основания возникновения гражданских прав и обязанностей прописанных в ст. 2 и ст. 8 Гражданского кодекса должны быть расширены так как появились новые способы создания и передачи прав.

Во-вторых, возникает проблема обеспечения надежной идентификации сторон в сделке, которая совершается в электронной среде. Зачастую сложно верифицировать личность и ее электронную подпись, что приводит к проволочкам при заключении договоров. На практике все чаще встречаются случаи использования недобросовестными контрагентами «цифровых двойников» или фейковых аккаунтов.

В-третьих, при использовании смарт-контрактов стороны сталкиваются с рядом проблем: информация смарт-контракта, которая размещена на блокчейне не может быть изменена, даже по согласованию сторон, что на практике приводит к существенным проблемам; смарт-контракты не могут напрямую взаимодействовать с внешним миром, им нужны внешние источники данных, которые могут быть не защищены; создание смарт-контрактов требуют специализированных знаний в области блокчейна программировании.

Несмотря на недостатки смарт-контракты – это мощный инструмент, который уже сейчас меняет финансовую, юридическую и технологическую сферы. Их значение заключается в способности создавать более эффективные, прозрачные и безопасные системы для заключения и исполнения соглашений. Их роль будет только расти по мере развития технологий блокчейна и их интеграции в повседневную жизнь, требуя при этом адекватного правового регулирования и стандартизации.

Таким образом цифровизация гражданского права – это объективный и необратимый процесс, который глубоко проникает в самую суть правового регулирования. Она не только изменяет форму и способы совершения сделок, но и порождает принципиально новые объекты гражданских прав и виды правоотношений.

Основные проблемы заключаются в необходимости преодоления правовой неопределенности, адаптации существующих институтов к цифровой среде, решении вопросов идентификации, и обеспечения кибербезопасности, а также в формировании адекватных механизмов ответственности за действия автономных систем.

Вместе с тем, перспективы цифровизации колоссальны. Она способна значительно повысить эффективность гражданского оборота, обеспечить прозрачность и автоматизацию сделок, создать новые возможности для экономического развития и инвестиций, а также сделать правосудие более доступным и оперативным.

Для успешной реализации этих перспектив и минимизации рисков требуется постоянная и оперативная работа законодателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Об электронной подписи: федер. закон от 06 апреля 2011 № 63-ФЗ; в ред. от 21 апреля 2025 г. // Российская газета. – 2011. – № 75.
3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2019 N 34-ФЗ // Парламентская газета. – 2019. – № 11.
4. Порываева О. В. Некоторые аспекты влияния цифровизации на гражданское право / О. В. Порываева // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 3. – С. 60–64.

УДК 347

ДОБРОВОЛЬНАЯ СДАЧА В ПЛЕН КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Ревна Камиля Анваровна, магистрант

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: rev.ka@ruc.su

VOLUNTARY SURRENDER AS A CRIME AGAINST MILITARY SERVICE

Revnova Kamilya Anvarovna, Master's Degree student

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена актуальным вопросам уголовно-правовой оценки преступлений против военной службы в условиях вооружённого конфликта, с акцентом на новый состав ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен».

Показано, как сентябрьские изменения 2022 г. и последующие корректировки законодательства, включая распространение ответственности на участников добровольческих формирований, трансформировали круг специальных субъектов.

В статье обобщены ключевые положения Постановления Пленума ВС РФ от 18.05.2023 г. № 11 о разграничении добровольной сдачи и вынужденного пленения, границах «добровольности» и соотношении со ст. 275 УК РФ.

Проанализирована актуальная судебная практика за 2024-2025 гг., демонстрирующая конкуренцию уголовно-правовых норм и возможность применения составов Главы 33 по совокупности. Сформулированы прикладные ориентиры для следственной и судебной практики.

Ключевые слова: уголовное право, глава 33 УК РФ, преступления против военной службы, добровольная сдача в плен, ст. 352.1 УК РФ.

The article is devoted to topical issues of the criminal law assessment of crimes against military service in an armed conflict, with an emphasis on the new composition of Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Voluntary surrender."

It shows how the September 2022 changes and subsequent legislative adjustments, including the extension of responsibility to members of volunteer formations, transformed the range of special subjects.

The article summarizes the key provisions of the Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation dated 05/18/2023 No. 11 on the distinction between voluntary surrender and forced captivity, the boundaries of "voluntariness" and the relationship with art. 275 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The current judicial practice for 2024-2025 is analyzed, demonstrating the competition of criminal law norms and the possibility of applying the provisions of Chapter 33 in aggregate. The applied guidelines for investigative and judicial practice are formulated.

Keywords: criminal law, Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation, crimes against military service, voluntary surrender, Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Вопрос, связанный с военной службой и как следствие преступлениями совершаемыми военными служащими и приравненных к ним лицам стал особенно актуален в настоящее время ввиду проведения специальной военной операции на территории Украины и враждебными действиями по отношению к нашему государству и обществу со стороны недружественных нам стран.

Важно отметить тот факт, что сама военная служба как особый вид государственной службы осуществляется не только в Вооружённых Силах РФ, но и в

иных силовых структурах, где закон предусматривает прохождение военной службы.

Специфика статуса военнослужащего выражается в значительно расширенном перечне ограничений и обязанностей, возложенных в целях обеспечения обороноспособности и военной безопасности государства.

Уставные предписания и федеральные законы формируют нормативно-правовую основу дисциплины и подчинения, нарушение которой способно породить за собой как дисциплинарные проступки, так и уголовно наказуемые деяния.

В системе российского уголовного права соответствующие посягательства содержатся в главе 33 УК РФ. Они направлены на охрану установленного порядка прохождения службы, уставных взаимоотношений, правил использования и бережения военного имущества, а также безопасности эксплуатации военной техники, полётов и кораблевождения.

Каждое из таких деяний, вне зависимости от конкретной диспозиции, неизбежно затрагивает обороноспособность и морально-психологическое состояние воинских коллективов, что объясняет повышенную общественную опасность воинских преступлений в сравнении с обычными «гражданскими» преступлениями, где отсутствует специальный субъект.

Сентябрьские изменения уголовного законодательства 2022 года, принятые на фоне вооружённого конфликта, существенно усилили уголовную ответственность по ряду уже имеющихся составов, а также были введены и новые составы (самовольное оставление части, дезертирство, уничтожение и повреждение военного имущества, добровольная сдача в плен). Данным фактом была обусловлена необходимость в унификации судебной практики. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18 мая 2023 года предложил комплекс разъяснений, увязав юридические признаки с фактическими условиями боевой обстановки, периодами мобилизации, военного положения и военного времени.

Также в данном ПП ВС РФ делается акцент на необходимости доказуемости материального вреда интересам службы и причинной связи, отграничению уголовной ответственности от дисциплинарной, разграничению смежных составов и уточнение значения уставных обязанностей при оценке «добровольности» и «возможности сопротивления» в делах о сдаче в плен.

Важной особенностью стало расширение круга специальных субъектов за счёт включения граждан в добровольческих формированиях, что делает их специальным субъектом наряду с военнослужащими, поскольку до 2023 г. добровольцы, например, из ЧВК «Вагнер» не являлись специальным субъектом военных преступлений.

Наибольший интерес в рамках данного исследования вызывает статья 352.1 УК РФ, которая закрепляет самостоятельный состав преступления – добровольную сдачу в плен при отсутствии признаков государственной измены, тем самым криминализуя поведение военнослужащего, подрывающее военную безопасность и боеспособность в условиях вооруженного конфликта.

Данная уголовно-правовая норма появилась в системе российского уголовного права относительно недавно как ответ на изменившуюся военно-полити-

ческую реальность и обстановку и была введена Федеральным законом от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ.

Санкция по данной статье установлена в пределах от трёх до десяти лет лишения свободы. Примечание предусматривает специальное основание освобождения от уголовной ответственности при совокупности условий (принятие мер к освобождению, возвращение в часть, отсутствие иных преступлений в плену) [1].

В доктрине и правоприменении сразу возник вопрос о границах «добровольности» и о том, как отделять сдачу в плен от иных посягательств Главы 33 УК РФ, а также от государственной измены по ст. 275 УК РФ.

Пленум ВС РФ сформировал в единый понятийный аппарат такие дефиниции как «военное время», «вооруженный конфликт» и «боевые действия», подчёркивая, что боевые действия – это организованное применение Вооружённых Сил РФ, других войск и органов в международном или внутреннем вооружённом конфликте, а также в иных ситуациях для защиты интересов РФ, поддержания международного мира и безопасности.

В том числе прямо названы участие в контртеррористической операции и специальной военной операции. Важный для квалификации элемент – это локализация во времени и пространстве, поскольку боевые действия ведутся в конкретном районе и в конкретный период, при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач.

Ключевой особенностью конструкции ст. 352.1 УК РФ является такая необходимая для квалификации по ней дефиниция как добровольность.

ПП ВС РФ разъяснил, что состав образуется только если сдача в плен совершена сознательно при наличии у военнослужащего реальной возможности оказывать решительное сопротивление и избегать захвата. Если лицо по физическому состоянию не способно уклониться от плена (беспомощность вследствие тяжёлого ранения, контузии и т.п.), фактический захват противником состава не образует [2].

Под сдачей в плен понимаются различные действия и бездействие, в результате которых военнослужащий переходит во власть противника. Неудачная попытка сдачи в плен при незавершённости по независящим от лица причинам квалифицируется как покушение.

Тем самым «добровольность» наполнена объективным критерием наличия альтернативы сопротивления и уклонения и субъективным критерием сознательности выбора.

Также данный Пленум ВС РФ увязал фабулу ст. 352.1 УК РФ с комплексом военно-уставных обязанностей. Тем самым военным судам предписано учитывать положения ст. 23 Устава внутренней службы ВС РФ о том, что в ходе боевых действий военнослужащий, даже находясь в отрыве от своей части и в окружении, обязан оказывать решительное сопротивление, избегая плена, и с честью выполнить свой долг. При этом сам Устав формулирует общие обязанности без наличия и раскрытия термина «решительное сопротивление», привязка к нему выполняет функцию своего рода нормативного ориентира, а наличие тактической возможности обороны (или отхода к своим) при прочих равных свидетельствует о добровольности сдачи [3].

При этом если установлено, что сдача в плен совершена именно в целях перехода на сторону противника, содеянное оценивается как государственная измена, а не по ст. 352.1 УК РФ.

Также важно разграничивать квалификацию деяния по ст. 352.1 УК РФ с дезертирством (ст. 338 УК РФ), когда добровольная сдача в плен предшествует или следует за самовольным оставлением части, и с покушением на сдачу в плен (ч. 3 ст. 30 и ст. 352.1 УК РФ).

Рассмотрим следующую актуальную судебную практику. Так, в апреле 2025 г. Южно-Сахалинский гарнизонный военный суд признал военнослужащего виновным по совокупности преступлений, а именно, добровольная сдача в плен, попытка добровольной сдачи и дезертирство, назначив 15 лет лишения свободы с лишением воинского звания [4].

Также интересным является следующее уголовное дело. В 2024 г. суд в Саратовской области признал виновным местного жителя по ч. 1 ст. 30 и ст. 352.1 УК РФ за склонение участника СВО к сдаче в плен за «приготовление к добровольной сдаче в плен». Хотя субъектом по ст. 352.1 УК РФ должен быть военнослужащий, квалификация деяния в стадии приготовления решена через инкриминирование действий, направленных на создание условий для сдачи (склонение) [5].

Содержательно объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ может реализовываться как действием (намеренное оставление позиции с целью немедленного перехода во власть противника), так и бездействием (сознательное уклонение от предусмотренных уставом действий по сопротивлению и отходу при наличии реальной возможности), что прямо вытекает из разъяснения ПП ВС РФ о «различных действиях (бездействии)», приводящих к переходу во власть противника.

Таким образом оценка обстановки – это центральный элемент квалификации, поскольку правоохранительным органам необходимо доказывать, что у лица была конкретная альтернативная линия поведения (например, отход к своим, занятие обороны, вызов огневой поддержки), а не абстрактная «обязанность сопротивляться».

Доказывание же сознательности выбора требует сопоставления тактической картины (место, время, характер огневого воздействия, соотношение сил, наличие/отсутствие связи и боеприпасов) с психическим отношением лица к последствиям.

Введенное ПП ВС РФ понятие «решительного сопротивления» носит оценочный характер и, по сути, заполняет правовой пробел. Сам по себе данный термин не раскрыт ни в УК РФ, ни напрямую в общевоинских уставах, однако через отсылку к уставной обязанности и к объективным условиям боя суд получает критерии для отграничения добровольной сдачи от вынужденного попадания в плен.

Субъект преступления – специальный, а именно военнослужащий (включая призывников, контрактников, военнослужащих иных силовых структур, где предусмотрена военная служба, и отдельных категорий, указанных в ПП ВС РФ) в период прохождения службы.

Субъективная сторона – это прямой умысел. В особых периодах (мобилизация, военное положение, военное время, вооруженный конфликт, ведение боевых действий) общественная опасность деяния повышена; если такой признак

прямо не включён в диспозицию, суд учитывает его как отягчающее обстоятельство по п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ,

Если сдача в плен служит способом реализации иной цели в виде перехода на сторону противника и участие в его вооруженных формированиях, то такое деяние должно квалифицироваться ст. 275 УК РФ (государственная измена в форме перехода).

Если же имело место самовольное оставление части без цели сдачи, последующая «вынужденная» сдача в плен при отсутствии возможности сопротивления не образует квалификации по ст. 352.1 УК РФ, но может квалифицироваться по ст. 338 УК РФ. И наоборот, добровольная сдача при наличии возможности обороны и уклонения может сочетаться с дезертирством в своей совокупности.

Покушение на сдачу в плен (например, выход к позициям противника с целью перехода во власть при пресечении внешними обстоятельствами) образует ч. 3 ст. 30 и ст. 352.1 УК РФ.

Применение примечания к 352.1 об освобождении от ответственности требует доказывания всех условий в совокупности и не должно сводиться к формальному «возвращению» суд должен оценивать факт того предпринимались ли реальные меры к освобождению, и не совершались ли в плену иные преступления.

Таким образом ст. 352.1 УК РФ встроена в Главу 33 УК РФ как норма, защищающая порядок прохождения военной службы и военную безопасность.

Разъяснения по вопросам квалификации деяний по данной уголовно-правовой норме в Постановлении Пленума № 11 задало каркас для разграничения добровольной сдачи и вынужденного пленения, установило взаимосвязь с уставными обязанностями и смежными составами. Судебная практика исходит из возможности применения данной нормы по совокупности преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // Верховный суд. – 2023. – URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/32440/>

3. Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооружённых Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооружённых Сил Российской Федерации») // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806

4. Южно-Сахалинский гарнизонный военный суд: первый приговор по ст. 352.1 УК РФ (15 лет лишения свободы по совокупности) // Forbes Russia, 15.04.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/society/535137-sud-na-sahaline-vynes-pervyj-prigovor-po-delu-o-dobrovolnoj-sdace-v-plen-vsu>

5. Приговор по делу о приготовлении к добровольной сдаче в плен (ч. 1 ст. 30, ст. 352.1 УК РФ) «Версия-Саратов». 21.05.2024. – URL: <https://nversia.ru/news/muzhchina-sklonyal-uchastnika-svo-k-sdache-v-plen-prigovor>

УДК 347

**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ
СЛУЖБЫ В РОССИИ**

Ревна Камиля Анваровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: rev.ka@ruc.su

**HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY
FOR CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE IN RUSSIA**

Revnova Kamilya Anvarovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье последовательно анализируется становление и развитие системы уголовно-правовой охраны порядка военной службы в России от московского допетровского этапа через петровские уставы и уставы второй половины XIX века к советской кодификации и современной главе 33 УК РФ, закрепляющей современные составы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против военной службы.

Также в данной работе были обобщены ориентиры современной судебной практики по разграничению составов ст. 337 УК РФ и 338 УК РФ, оценке причинной связи по ст. 332 УК РФ и квалификации насилия в отношении начальника по ст. 334 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против военной службы, воинские преступления, Артикул воинский 1715 г., Устав морской 1720 г., Воинский устав о наказаниях 1869 г., советская кодификация, глава 33 УК РФ.

The article consistently analyzes the formation and development of the system of criminal law protection of military service in Russia from the Moscow pre-Petrine stage through the Petrine charters and charters of the second half of the 19th century to the Soviet codification and modern Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes modern structures that establish criminal liability for crimes against military service.

This paper also summarizes the guidelines of modern judicial practice on the differentiation of the composition of Articles 337 of the Criminal Code and 338 of the Criminal Code, the assessment of causality under Article 332 of the Criminal Code and the qualification of violence against the boss under Article 334 of the Criminal Code.

Keywords: crimes against military service, military crimes, Military Article 1715, Naval Statute 1720, Military Statute on Punishments 1869, Soviet codification, Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Истоки отечественного регулирования ответственности за нарушения порядка несения военной службы уходят к раннему Московскому государству. Уже Боярский приговор о станичной и сторожевой службе 1571 г. фиксировал уголовно наказуемые посягательства на режим охраны рубежей, а Соборное Уложение 1649 г. включило целый комплекс воинских деликтов от побегов и мародёрства до должностных злоупотреблений воевод и «служилых людей».

Системообразующими в ту эпоху были три признака образующих состав преступления. Среди которых выделяли объект (интересы государя и воинского дела), субъект (ратные люди, но иногда и «мирские» в связи с военными обозами и снабжением) и время совершения (военное время и боевая обстановка).

Именно совокупность этих признаков позволяла законодателю ограничивать

воинские составы от прочих преступных деяний и выстраивать ранние воинские составы, например, против порядка подчинённости, порядка службы, правил караульной и сторожевой службы, имущественных и изменнических посягательств. Тем самым уже в дореволюционной и дореформенной России складывалась именно «система» воинских преступлений, а не набор разрозненных запретов.

Петровские реформы радикально изменили данную систему законодательства. Так, появление регулярной армии и флота потребовало двуединой систематизации воинских преступлений и тем самым для сухопутных действовал Артикул воинский 1715–1716 гг., а для флота Морской устав 1720 г [1–3].

С этого момента признак субъекта («лицо, состоящее в военном ведомстве») стал ведущим, к нему относились не только нижние чины, но и офицерство, а также гражданские чиновники военного и морского ведомств.

Законодатели детализировали старые элементы (неповиновение дифференцировалось по адресату и обстановке), ввели новые составы (поединки, нарушения морского боя, «воинские должностные преступления» включительно с превышением власти и сдачей крепости), а также расширили диспозиции составов.

Важная методологическая особенность дореформенного законодательства состояла в разделении мирного и военного времени.

Если на первом этапе уголовная ответственность преимущественно «привязана» к войне, то теперь она распространяется и на повседневную службу, а тяжесть посягательств повышается в боевой обстановке. Данная логика законодателя прослеживается и в дальнейших уставах 1867–1869 гг. [2, 4–5].

Во второй половине XIX века система законодательства претерпела внутреннее упорядочение. В Воинском уставе о наказаниях 1869 г. и Военно-морском уставе о наказаниях 1867 г. закрепились устойчивые составы связанные с нарушением чинопочитания и подчинённости, посягательства на порядок несения караульной/вахтенной/дежурной служб, уклонения и самоповреждения ради освобождения от службы, воинские должностные преступления (злоупотребление / бездействие начальника, слабый надзор), правила пользования казённым имуществом и отчётности, нарушения законов и обычаев войны, в том числе при взятии трофеев.

Наука уголовного и военно-уголовного права к тому времени уже мыслит объект как «сферу интересов военной службы», что ограничивает прямую отнесённость к воинским преступлениям нарушений общегражданских обязанностей и относит их к общему уголовному закону.

Революционные трансформации XX века привели к новой нормотворческой деятельности и коренным образом поменяло законодательство по сравнению с дореволюционным.

Так, советская власть видоизменила обязательную военную службу и унифицировала уголовную политику в масштабах Союза.

Уже в 1918 г. декреты о воинской повинности и срочной службе в РККА придали особую общественную опасность дезертирству, а после образования СССР и Конституции 1924 г. было принято союзное «Положение о воинских преступлениях», а в УК РСФСР 1922 г. воинские преступления получили самостоятельную главу [3, 6].

Военное время обусловило и особый порядок исполнения наказания. Например, отсрочки отбытия лишения свободы с направлением на фронт, досрочное освобождение от дисциплинарных батальонов – всё это исходит в первую очередь из принципа военной целесообразности применения санкций.

Завершением классической советской кодификации стал Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления», зафиксировавший систематику составов и санкций, уже приспособленную к армии массового призыва и ведомственной судебной системе (военные суды как звено общей юрисдикции продолжают действовать с петровских времён, теперь уже в единой судебной системе СССР) [4, 7].

Переход к современному российскому уголовному праву – это не полное переустройство законодательства, а глубокая адаптация советского каркаса к новой модели военной организации и служб.

С 1996 года Особенная часть УК РФ содержит главу 33 «Преступления против военной службы», а Общая часть содержит общие правила их вменения к специальным субъектам военнослужащим по призыву и контракту, а также гражданам, проходящим военные сборы (ст. 331–352.1 УК РФ с последующими поправками).

Структурно глава 33 состоит следующих составов: неповиновение и неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ), сопротивление начальнику и насилие против него в отношении начальника (ст. 333–334), нарушение уставных правил взаимоотношений (ст. 335 УК РФ), самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ), дезертирство (ст. 338 УК РФ) и т.д. [5, 1].

Для правильного правоприменения данных составов было опубликовано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 (далее по тексту ПП ВС РФ № 11), которое соединило общие принципы с новыми вызовами, продиктованными проведением специальной военной операции на территории Украины. Высшей судебной инстанцией были разъяснены вопросы, связанные с мобилизацией, военным положением, вооружённым конфликтом и ведением боевых действий [6, 8].

ПП ВС РФ № 11 подчеркнуло повышенную общественную опасность деяний, совершённых в «особые периоды», и дал судам детальные ориентиры по квалификации, разграничению и оценке умысла и последствий деяний, связанных с военной службой.

Новейший этап (2022–2025 гг.) можно отметить и связать с значимыми поправками, обусловленными частичной мобилизацией и обеспечением ведения боевых действий. Так, были ужесточены санкции по ряду составов при совершении их «в период мобилизации, военного положения, военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий». В УК РФ была введена ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен» (санкция которой предусматривает лишение свободы от 3 до 10 лет при отсутствии признаков состава госизмены), с оговорённой возможностью освобождения от ответственности при добровольном возвращении в часть, принятии мер к освобождению и отсутствии иных преступлений в плену; криминализовано мародёрство в отдельной норме.

Судебная практика последних лет демонстрирует, что ключевыми проблемными аспектами правоприменения остаются разграничение ст. 337 УК РФ и 338 УК РФ (самовольное оставление части и дезертирство), установление причинно-следственной связи и формы вины при неисполнении приказа (ст. 332 УК РФ), а также квалификация насилия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ) с учётом «особых периодов».

Верховный Суд в разъяснениях и обзорах подчёркивает, что по делам о самовольном оставлении части ключевым является не только продолжительность (для ч. 4 ст. 337 УК РФ – это свыше месяца), но и доказуемая направленность умысла на уклонение от обязанностей военной службы [7, 9].

Отказ от участия в боевых действиях оценивается как прямой умысел, а по ст. 332 УК РФ необходимо устанавливать причинную связь между неисполнением приказа и наступившими общественно опасными последствиями.

При насилии в отношении начальника преступление окончено с момента применения насилия или угроз, даже если начальник не прекратил исполнение обязанностей.

При квалификации действий группы в контексте ст. 332 УК РФ все участники признаются соисполнителями по ч. 2 без ссылки на ст. 33 УК.

Непосредственно применительно к ст. 337 УК РФ в 2023-2025 гг. военные суды и коллегия ВС РФ формируют устойчивые подходы к оценке доказательств умысла, уважительности причин отсутствия (в т. ч. лечение, форс-мажор, семейные обстоятельства) и к исчислению сроков «свыше суток-десяти суток-месяца», а также к назначению наказаний с учётом «особых периодов».

Введённая в 2022 г. ст. 352.1 УК РФ («добровольная сдача в плен») породила ряд острых практических вопросов. Наиболее значимые из них касаются доказывания добровольности при динамичной постоянно меняющейся боевой обстановке (отделение от группы и вынужденного выхода из окружения и объективной невозможности сопротивления от сознательного перехода на сторону противника), оценивания действий по освобождению из плена, а также квалификации при совокупности с иными составами (например, со ст. 275 УК РФ при наличии признаков государственной измены).

Во многом современная глава 33 УК РФ фактически воспроизводит историческую структуру и основу дореволюционного и советского права. Так базовое ядро составов, ориентированных на охрану подчинённости, дисциплины и специальных служб, соседствует со специальными должностными преступлениями в военной сфере.

В качестве значимых изменений последнего десятилетия можно выделить закрепление в законе усиление санкций и квалификации на период мобилизации и войны, а также введение специфических составов, продиктованных реалиями современного конфликта (например, добровольная сдача в плен), что функционально перекликается с дореволюционными нормами «военного времени», но юридически оформлено иначе (через квалифицирующие признаки и специальные статьи).

Тем самым прослеживается преемственность правовых норм, устанавливающих ответственность за военные преступления.

Таким образом проведя данное исследование, можно отметить что особые периоды – от войн XVII–XX вв. до современного проведения СВО всегда приводят к ужесточению ответственности, расширению составов и усилению роли уставных обязанностей.

Что наглядным образом демонстрирует нынешняя редакция Главы 33 УК РФ и разъяснения ПП ВС РФ № 11.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Артикул воинский (редакция 1715 г.). – Текст: электронный // Документы по истории России. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335533> (дата обращения: 22.10.2025).
3. Устав морской. 1720 г. – Текст: электронный // Документы по истории России. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335429> (дата обращения: 30.10.2025).
4. Воинский устав о наказаниях. – СПб., 1869. – Текст: электронный // Военная литература (militera). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335429> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Военно-морской устав о наказаниях. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1898. – IX, 127 с. – Текст: электронный // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/1090076> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: офиц. текст. – Текст: электронный. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 20.10.2025).
7. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления». – Текст: электронный. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5358.htm (дата обращения: 10.10.2025).
8. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // Верховный суд. 2023. 2 июня. Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/32440/> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против военной службы и некоторым должностным преступлениям военнослужащих. – Текст: электронный. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_50/sudebnaia-kollegiia-po-delam-voennosluzhashchikh-po-ugolovnym-delam/ (дата обращения: 15.10.2025).

УДК 347

ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ КВАЛИФИКАЦИИ

Ревна Камиля Анваровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: savel.dm@ruc.su

GENERAL CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE: REGULATORY FRAMEWORK AND DISTINGUISHING CRITERIA OF QUALIFICATION

Kamilya Anvarovna Revnova, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье даётся общая уголовно-криминалистическая характеристика преступлений против военной службы. Статья систематизирует криминалистическую характеристику преступлений против военной службы на основе ст. 331 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11.

Ст. 331 УК РФ выполняет функцию нормы-дефиниции, фиксирует специальный объект (установленный порядок прохождения военной службы) и специальный субъект (военнослужащие по призыву или контракту; граждане запаса на сборах), а конкретные составы и санкции раскрываются в последующих статьях главы 33 УК РФ.

Уточняются разграничительные критерии между уголовно наказуемыми деяниями и дисциплинарными проступками по признакам «существенного вреда» и «тяжких последствий», а также специфика квалификации в особые периоды (мобилизация, военное положение, военное время).

Ключевые слова: преступления против военной службы, криминалистическая характеристика, мотив и цель, дезертирство, неисполнение приказа, уставные взаимоотношения, особые периоды.

The article provides a general criminal and criminalistic description of crimes against military service. The article systematizes the criminalistic characteristics of crimes against military service on the basis of art. 331 of the Criminal Code of the Russian Federation and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/18/2023 No. 11.

Art. 331 of the Criminal Code performs the function of a definition norm, fixes a special object (established procedure for military service) and a special subject (conscripted or contracted military personnel; reserve citizens fees), and specific compositions and sanctions are disclosed in subsequent articles of Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The distinguishing criteria between criminally punishable acts and disciplinary offenses on the grounds of "significant harm" and "grave consequences" are clarified, as well as the specifics of qualifications during special periods (mobilization, martial law, wartime).

Keywords: crimes against military service, criminalistic characteristics, motive and purpose, desertion, failure to comply with orders, statutory relationships, special periods.

Глава 33 УК РФ открывается нормой-дефиницией. Так, в ст. 331 УК РФ законодателем установлено, что «преступлениями против военной службы» признаются предусмотренные этой главой деяния, посягающие на установленный порядок прохождения службы и совершаемые военнослужащими по призыву либо контракту, а также гражданами запаса во время сборов [1,1].

При этом данная статья Уголовного кодекса РФ носит рамочный характер, тем самым она очерчивает специальный объект охраны и круг специальных субъектов, но не содержит описаний конкретных составов и санкций, которые раскрываются в последующих статьях исследуемой главы.

Исследуя данную статью необходимо отметить тот факт, что части 2 и 3 ст. 331 УК РФ были последовательно исключены федеральными законами от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ и от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ, однако базовая дефиниция, содержащаяся в первой части, осталась неизменной с 2008 г.

Данная правовая норма согласуется с общим понятием преступления, содержащимся в ст. 14 УК РФ, выполняя системообразующую функцию перехода к специальным воинским составам, где конкретизируются признаки объективной стороны, формы вины и устанавливаются меры ответственности.

Правоприменительная практика дополнительно показывает особенности квалификации в особых периодах (мобилизация, военное положение, военное

время). Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» от 18.05.2023 г. № 11 (далее по тексту ПП ВС РФ № 11) указал на повышенную общественную опасность соответствующих деяний и дал ориентиры разграничения уголовных и дисциплинарных проступков.

Говоря об общей характеристике преступлений против военной службы важно отметить их криминалистическую характеристику. Криминалистическая характеристика преступлений – это система взаимосвязанных сведений о типичных признаках деяний определённого вида и закономерностях их отражения, используемая для построения и проверки следственных версий в целях эффективного расследования [2, 3].

Применительно к преступлениям против военной службы базовая дефиниция определяется в ст. 331 УК РФ. Специальный объект – это установленный порядок прохождения службы, специальным субъектом являются военнослужащие по призыву или контракту, а также граждане запаса во время сборов.

Отдельные же составы и санкции за их совершение раскрываются в последующих нормах главы 33 УК РФ.

ПП ВС РФ № 11 уточняет и конкретизирует разграничительные критерии между уголовно наказуемыми посягательствами и грубыми дисциплинарными проступками при оценочных последствиях («существенный вред», «тяжкие последствия»). При отсутствии данных обязательно требуемых последствий состав преступления по главе 33 отсутствует [3,2].

Отметим следующие ключевые элементы криминалистической характеристики для данной группы составов, предусмотренных Главой 33 УК РФ. Способ преступного поведения охватывает подготовку, совершение и сокрытие деяния, но в ряде составов подготовительная стадия отсутствует либо исключается неосторожной формой вины. Ст. 332 УК РФ является показательной поскольку ответственность варьируется по форме вины, а групповые формы (группа лиц, предварительный сговор, организованная группа) возможны лишь при одной из форм вины в виде умысла. По мнению К. С. Латыповой, к соучастию как правило привлекаются военнослужащие, которые только были призваны на военную службу, а также военнослужащие, которые находятся в прямом подчинении у преступника [4].

Типичные нарушения уставного порядка можно разделить по отдельным блокам Главы 33 УК РФ: неисполнение законного приказа (ст. 332 УК РФ), посягательства на уставные взаимоотношения (ст. 333–335 УК РФ), нарушения специальных видов службы (боевое дежурство, караульная, пограничная и др. ст. 340–344 УК РФ), правил обращения с оружием и иными опасными предметами (ст. 349–352.1 УК РФ).

ПП ВС РФ № 11 подчёркивает, что перечни нарушений конкретизируются подведомственными актами (общевойсковые уставы, положения о видах службы), которые суд должны быть в обязательном порядке исследованы судом.

Мотив и цель нередко играют значимую роль для квалификации данного вида деяний. Так, для дезертирства (ст. 338 УК РФ) решающей является цель окончательного уклонения от исполнения обязанностей. Самовольное оставление части

по ст. 337 УК РФ предполагает намерение временно уклониться с последующим возвращением. Так называемая «трансформация намерения» после оставления части в пользу окончательного уклонения влечёт пере kvalификацию в дезертирство.

Для уклонения посредством симуляции болезни или причинения себе повреждений (ст. 339 УК РФ) важен особый способ, а соучастники, изготовившие подложные документы, несут ответственность по совокупности (в т. ч. ст. 327 УК РФ).

В отдельные «особые периоды» (мобилизация, военное положение, военное время) отказ подчинённого от участия в военных или боевых действиях образует состав уже по факту неисполнения приказа, а при наличии последствий осуществляется квалификация по частям 2.2 ст. 332 УК РФ.

Применение оружия по смыслу уголовного закона понимается как использование его поражающих свойств, удары «тупыми» частями (рукояткой, прикладом) сами по себе не образуют «применение оружия» по смыслу Главы 33.

Вопрос о тяжести вреда и необходимости дополнительной квалификации решается исходя из разъяснений данных ВС РФ в своем ПП ВС РФ № 11. Средний вред – квалифицирующий признак по статьям главы 33 при отсутствии совокупности с Главой 16 УК РФ устанавливающей уголовную ответственность за преступления против жизни и здоровья, тяжкий же вред в ряде случаев для квалификации требует совокупности со ст. 111 УК РФ.

Для квалификации деяния по ст. 332 УК РФ дополнительно необходима проверка законности и порядка отдачи приказа, подчинённости адресата и осознания факта неисполнения.

Криминалистически значимые сведения о личности подозреваемого и потерпевшего связаны с иерархией и уставным статусом. Статус начальника/подчинённого, функциональные обязанности, опыт службы и дисциплинарные взыскания. [5].

Вместе с тем личные мотивы (месть, неприязнь) не исключают квалификации по ст. 334 УК РФ, если действия совершены «в связи с исполнением обязанностей военной службы» (в том числе во внеслужебное время).

Таким образом ст. 331 УК РФ выполняет роль нормы-дефиниции и задаёт правовую основу для всей главы 33 УК РФ. Она фиксирует специальный объект и субъект, тогда как признаки составов и санкции раскрываются в последующих статьях.

Разъяснения Пленума ВС РФ № 11 обеспечивают чёткие критерии разграничения уголовных деяний и дисциплинарных проступков по наступившим последствиям, что особенно значимо в условиях мобилизации, военного положения и военного времени.

Криминалистическая характеристика данной группы преступлений сводится к последовательной оценке способа (подготовка-совершение-сокрытие) и формы вины, а также исходит из типичных нарушений уставного порядка, мотива и цели, которые нередко определяют квалификацию (в частности, при дезертирстве, самовольном оставлении части и симуляции болезни).

Эффективное расследование данной группы преступных деяний требует проверки законности приказа и субординации, анализа нормативной документации, а также учёта статуса и ролей участников служебных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // Верховный суд. – 2023. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/32440/>
3. Денисов, С. Л. Понятие «Криминалистическая характеристика преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kriminalisticheskaya-harakteristika-prestupleniya>
4. Латыпова, К. С. К вопросу о способе совершения преступлений против военной службы // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 193–195.
5. Степанов С. А. Методика расследования против военной службы, сопряженных с применением физического насилия 12.00.12 криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Степанов Сергей Андреевич. Москва. – 2018. – 251 с.

УДК 343.1

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Родина Юлия Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808927@ruc.su

GLOBAL JUSTICE: PROBLEM ASPECTS

Rodina Yulia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется проблематика развития мировой юстиции на современном этапе. Приводятся данные статистики, которые свидетельствуют о большом количестве дел, которые рассматривают мировые судьи, что в свою очередь ведет к колоссальной нагрузке. Это в свою очередь порождает необходимость определения норм нагрузки на судей в нормативном акте. Обращается внимание на обязательность закрепления единых требований в применении информационно-телекоммуникационных сетей, информационных ресурсов в деятельности мировых судей с объединением их в единую базу данных. Проблема финансирования деятельности мировых судов и его аппарата требует принятия стандартов, в которых будут отражены как заработная плата и штатное расписание, так и материально-техническое обеспечение мировых судей.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировой суд, суд, нагрузка, нормы, стандарт, проблемы, финансирование, единая база данных, аппарат суда, судебный участок, председатель суда, возложение обязанностей.

This article examines the current development of the justice of the peace. Statistical data is presented, demonstrating the large number of cases heard by justices of the peace, which in turn leads to a colossal workload. This, in turn, necessitates defining standards for judges' workload in a regulatory act. The article emphasizes the need to establish uniform requirements for the use of information and telecommunications networks and information resources in the work of justices of the peace, consolidating them into a single database. The issue of funding the activities of justices of the peace and their staff requires the adoption of standards that will reflect both the salaries, staffing schedule, and logistical support for justices of the peace.

Keywords: justice of the peace, magistrate's court, court, workload, norms, standard, problems, financing, unified database, court apparatus, judicial district, court chairman, assignment of duties.

За достаточно длительный путь развития мировая юстиция прошла сложный путь становления, развития и реформирования. Но по-прежнему остаются вопросы, которые требуют внимания.

Мировая юстиция способствует улучшению защиты прав и свобод человека, обеспечивая доступность правосудия благодаря близкому к населению территориальному размещению мировых судей. К их подсудности относится огромный «пласт» дел, подлежащих рассмотрению и способствующих эффективному функционированию судебной системы. Данные статистики свидетельствуют о том, что количество уголовных дел в 2024 году было рассмотрено меньше, чем гражданских и административных, по сравнению с 2023 годом. Так, число уголовных дел, поступивших на рассмотрение мировым судьям, по итогам 2024 года составило 164,1 тыс. и в сравнении с 2023 годом (187,8 тыс.) снизилось почти на 13 % (-12,7 %). А количество гражданских и административных дел в 2024 году, принятых к производству мировыми судьями, по сравнению с 2023 годом увеличилось на 13,2 % или более, чем на 3 млн 528 тыс. (с 26 млн 672 тыс. до 30 млн 199 тыс. дел). Число окончанных производством дел также увеличилось на 13,5 % с 26 млн 654 тыс. до 30 млн 244 тыс. дел [1].

Мировой судья осуществляет свою деятельность ввиду отсутствия специализации и рассматривает как гражданские и административные, так и уголовные дела. Следовательно, такая широкая специализация может возлагать на него и дополнительную нагрузку. В частности, отмечается, запредельная нагрузка мировых судей – в среднем 543,4 дела в месяц по итогам 2024 года, что в 10 раз превышает нагрузку судей районных судов, при сохраняющейся тенденции к ежегодному росту. Наблюдается резкая дифференциация в организационном обеспечении – анализ выявил различия в финансировании судебных участков между регионами в 2–4 раза, сокращение бюджета в 34 субъектах в 2025 году, недостаточное финансирование в 48 регионах [2].

На сегодняшний день отсутствует утвержденный правовой акт, который бы устанавливал нормы нагрузки на мировых судей. Хотя определенные поправки в законодательство были внесены. Во-первых, они касались определения численности судебного участка (от 15 до 23 тысяч человек; если менее 15 тысяч, то создается один судебный участок). Во-вторых, возможность замены мирового судьи, в случае его отсутствия по уважительной причине. В-третьих, для исполнения обязанностей мирового судьи была предусмотрена возможность привлечения судей в отставку.

Но если рассматривать детально «поселенческий» принцип, то можно отметить и его недостатки. Так, он не вполне отражает в реальности нагрузку на мировую судью, поскольку может учитывать только проживающих лиц, но не располагаемых в границах территории конкретных юридических лиц (офисов, банков, торговых центров и др.). Также не совсем ясным является исполнение обязанностей судьи в период болезни или отпуска. На практике этот вопрос решается по-разному в части юридического оформления, но суть сводится в наложении дополнительной нагрузки на судью другого участка, что безусловно влечет его перезагруженность.

В литературе высказано мнение о том, что для снижения нагрузки на мировых

судей необходимо изменить их компетенцию путем передачи отдельных их полномочий по разрешению гражданских и административных дел органам государственной власти, а дел частного обвинения в разряд дел частно-публичного обвинения [3, с. 19]. Безусловно подобный подход позволит разгрузить деятельность мировых судей. Можно поддержать позицию автора в части возможности, например, исключить из производства мирового судьи дела о расторжении брака, когда есть согласие обоих супругов и отсутствует спор о детях. Кроме того, дела частного обвинения – это всего два состава, предусматривающие ответственность в нормах УК РФ (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ), в которых суд принимает не совсем свойственные ему функции по осуществлению расследования дела. По таким делам, пострадавшему лицу, не обладающему специальными познаниями достаточно сложно поддерживать обвинение в суде и доказывать обстоятельства совершенного преступления. Поэтому упразднение дел частного обвинения и перевод их в категорию дел частно-публичного обвинения позволит осуществлять расследование дела правоохранительными органами, а не потерпевшим лицом. Да, и в целом, если посмотреть данные исследования, проведенного Н.А Колоколовым, то в нем отмечается, что в деятельности мировой юстиции дела частного обвинения перестали быть чем-то заметным. И в подтверждение приводятся материалы рассмотренных дел частного обвинения с промежутком в десять лет. То есть, в 2013 году от граждан мировым судьям поступило 71,2 тысяч заявлений по делам частного обвинения, то в 2023 году – 6,2 тысяч таких заявлений. При этом в половине случаев такие дела были прекращены по реабилитирующим основаниям [4, с. 2].

Уровень обеспечения мировых судей в России действительно зависит от бюджетного финансирования каждого субъекта, что может привести к неравномерности в их работе. Одним из препятствий является отсутствие единой нормативно-правовой базы, что затрудняет создание единых стандартов и подходов. Все это, послужило основой для необходимости разработки Судебным департаментом РФ минимальных нормативов обеспечения деятельности мировых судей. В частности, они позволили закрепить информационные ресурсы мировых судей в объединенные базы данных, определить единые технологии по их использованию в судопроизводстве и делопроизводстве, единые требования в применении информационно-телекоммуникационных сетей. Это позволяет в деятельности мировых судей применять программно-аппаратные средства ГАС «Правосудие», что находит согласование с Концепцией информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года, утвержденной постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 2 декабря 2019 года № 785. Во-вторых, затронуты вопросы деятельности аппарата суда. Так, при установлении нормативов расходов на финансовое обеспечение отдельных полномочий (создание и упразднение судебных участков, порядка назначения мировых судей, их материально-технического, организационного обеспечения, оплаты труда работников аппарата), высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации взаимодействует с советом судей субъекта Российской Федерации [5].

Еще одной, весьма интересной представляется проблема финансирования деятельности мировых судов. Согласно ст. 124 Конституции РФ финансирование

судов осуществляется только из федерального бюджета. Положения федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», конкретизируя Конституцию РФ, в ст. 33 закрепляют, что финансирование судов осуществляется на основе нормативов, утвержденных федеральным законом. При этом, в отношении мировой юстиции законодательно установленных стандартов финансирования не предусмотрено. Более того, если оплата труда мировых судей осуществляется через федеральное финансирование Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, то работников аппарата за счет бюджетных ассигнований субъекта Российской Федерации. И это, на наш взгляд, является не вполне справедливым, что в свою очередь диктует разрешение этого вопроса путем разработки и принятия стандартов заработной платы, штатного расписания, материально-технического обеспечения мировых судей.

Практика показывает, что зачастую материально-техническая составляющая мировых судей в разных субъектах Российской Федерации находится в зависимости от социально-экономического развития региона. Могут возникать проблемы в отдаленности зданий судов от судебного участка, в целом с размещением в зданиях, которые не соответствуют нормам и требованиям законодательства, переагруженности архивов, оборудования залов судебных заседаний, банально – нехваткой компьютеров, бумаги. Но самой острой и важной остается проблема нехватки кадров аппарата мировых судей, зачастую вызванная высокими нагрузками, сложностью работы и несоразмерной им оплатой труда. Безусловно, работа в этой части ведется и ее показатели будут более заметны при осуществлении взаимодействия председателями судов с органами государственной власти регионов и активной позиции советов судей.

Весьма интересной представляется проблема замещения временно отсутствующего мирового судьи, поскольку касается вопросов организации и зачастую по-разному разрешается на практике. Согласно п. 3 ст. 8 федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» установлено, что в случаях временного отсутствия мирового судьи (болезнь, отпуск и иные уважительные причины) исполнение его обязанностей возлагается на мирового судью другого судебного участка того же судебного района постановлением председателя соответствующего районного суда. При этом деятельность мировых судей осуществляется в границах судебного участка, следовательно, они создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации.

Исходя из буквального текста закона следует, что председатель суда возлагает обязанность на мирового судью одного судебного участка еще и дополнительно рассматривать дела иного судебного участка. В этом случае постановления председателя районного суда рассматривается как определенный документ, которым наделяется полномочиями судья, осуществляющий правосудие на двух судебных участках одновременно. Следовательно, происходит увеличение территории и возникает ситуация, при которой постановлением районного судьи, мировой судья начинает пребывать в двух статусах: действующего и замещающего судьи. При этом, исходя из норм федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» председатель районного суда не отнесен к числу субъектов, которые имеют право наделить мирового судью полномочиями.

Как справедливо отмечает Г. В. Чех «отсутствие четкого нормативного регулирования вопроса передачи дел и материалов порождает у лиц, участвующих в деле, сомнения в правомочиях мирового судьи на рассмотрение дела, выступает поводом обжалования состоявшихся судебных актов по мотиву неподсудности дела» [6, с. 11].

Следовательно, данный вопрос является предметом более детального и глубокого осмысления, а самое главное нормативного регулирования на уровне федерального закона. Это позволит установить единообразные требования с детальной регламентацией статуса замещающего судьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. – с. 61. – URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf
2. Судебный департамент разработал единые нормативы обеспечения мировых судей. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250625/310976669.html
3. Усольцев Е. Ю. О перспективах снижения нагрузки и развития компетенции мировой юстиции // Мировой судья. – 2024. – № 2. – С. 19–23.
4. Колоколов Н. А. Дела частного обвинения: вечное или уходящее? Статья первая: что думают о проблеме некоторые ученые. Статистика // Мировой судья. – 2024. – № 9. – С. 2–9.
5. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 27.12.2021. – № 52 (часть I). – Ст. 8973.
6. Чех Г. В. Замещение временно отсутствующего мирового судьи: рядовая процедура с глобальным содержанием // Мировой судья. – 2025. – № 1. – С. 11–16.

УДК 343.131.8

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПАССИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УСЛОВИЯХ БЕСКОНФИКТНОГО ДОПРОСА

Романович Галина Александровна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: gala198909@mail.ru

TACTICAL TECHNIQUES FOR NEUTRALIZING MANIPULATIVE BEHAVIOR AND PASSIVE RESISTANCE OF A SUSPECT IN A CONFLICT-FREE INTERROGATION

Romanovich Galina Aleksandrovna, Lecturer

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена решению актуальной проблемы следственной практики – противодействию подозреваемых в форме манипуляции и пассивного сопротивления. Рассмотрена совокупность приемов нейтрализации противодействия, соответствующих принципам неконфликтного взаимодействия, в рамках тактической составляющей бесконфликтного допроса. На основе теоретического анализа систематизированы основные формы сопротивления и предложена классификация тактических приемов их преодоления. Доказывается, что грамотное применение специализированных вербальных и невербальных техник повышает результативность допроса, не нарушая его бесконфликтный характер. Материалы статьи имеют практическую значимость для совершенствования методик обучения следователей.

Ключевые слова: бесконфликтный допрос, манипулятивное поведение, пассивное сопротивление, тактические приемы, нейтрализация противодействия, коммуникативные тактики.

The article is devoted to solving an urgent problem of investigative practice – countering suspects in the form of manipulation and passive resistance. A set of counteraction neutralization techniques corresponding to the principles of non-conflict interaction is considered within the framework of the tactical component of conflict-free interrogation. Based on the theoretical analysis, the main forms of resistance are systematized and a classification of tactical techniques for overcoming them is proposed. It is proved that the competent use of specialized verbal and non-verbal techniques increases the effectiveness of interrogation without violating its conflict-free nature. The materials of the article are of practical importance for improving the methods of training investigators.

Keywords: non-conflict interrogation, manipulative behavior, passive resistance, tactical techniques, counteraction neutralization, communication tactics.

Современное развитие уголовного судопроизводства характеризуется повышенным вниманием к соблюдению прав личности, что закономерно ведет к эволюции форм противодействия расследованию. Подозреваемые, обладая широким спектром процессуальных прав, нередко используют их для создания препятствий на пути установления истины. В этих условиях классические методы давления и конфронтации не только теряют эффективность, но и вступают в противоречие с требованиями закона и профессиональной этики. Альтернативой выступает модель бесконфликтного допроса, основанная на психологическом контакте и сотрудничестве, теоретические основы которой были заложены в трудах Р. С. Белкина [1]. Однако на практике следователь сталкивается с активным манипулятивным поведением или пассивным сопротивлением, которые саботируют процесс взаимодействия. Это создает очевидный парадокс: как нейтрализовать противодействие, не выходя из рамок кооперативной модели? Разрешению данного противоречия и посвящена настоящая статья.

Целью работы является анализ конкретных тактических приемов, позволяющих преодолевать сопротивление подозреваемого, оставаясь в парадигме бесконфликтного допроса. Мы предполагаем, что такая тактика должна быть основана не на силовом доминировании, а на тонком управлении коммуникацией, перехвате инициативы и мягком нивелировании попыток саботажа, что соответствует современным взглядам на нейтрализацию противодействия [3].

Под бесконфликтным допросом понимается стратегия, направленная на получение достоверной информации через установление психологического контакта и добровольное сотрудничество допрашиваемого [1]. В отличие от устаревшей конфликтной модели, где следователь и подозреваемый видят друг в друге оппонентов, здесь цель – стать если не союзниками, то, по крайней мере, собеседниками, совместно ищущими разрешения ситуации.

Однако рассчитывать на полную добровольность со стороны лица, привлекаемого к уголовной ответственности, наивно. Наиболее распространенными формами противодействия являются манипулятивное поведение и пассивное сопротивление. Манипуляция – это активная форма, включающая в себя ложь, провокацию жалости, обвинение следователя в предвзятости, попытки дискредитации следствия, что подробно изучено в психологии [5]. Пассивное сопротивление выражается в уклонении от ответов: молчании, односложных реакциях («не знаю»,

«не помню»), демонстративной апатии или забывчивости, что рассматривается как форма психологической защиты [5].

Ключевая задача следователя – корректно идентифицировать тип сопротивления и применить адекватный прием нейтрализации, соответствующий принципам следственной тактики [4].

Для противодействия манипуляциям эффективна тактика, условно обозначаемая как «информационная пауза». Ее суть заключается в том, чтобы не опровергать провокационные заявления подозреваемого напрямую. Например, в ответ на обвинение в предвзятости не следует сразу же оправдываться или агрессивно контратаковать. Вместо этого полезно вербально зафиксировать реплику («Я услышал ваше мнение»), выдержать короткую паузу, демонстрируя осмысление сказанного, и затем спокойно вернуть беседу в первообразное русло. Этот прием, по мнению специалистов [2], лишает манипуляцию ее энергии – эмоциональной реакции жертвы – и позволяет следователю сохранить контроль над ходом диалога.

В ситуации пассивного сопротивления, когда подозреваемый уходит от ответов, прямая постановка вопросов часто лишь усугубляет коммуникативный барьер. Здесь уместен метод «косвенного допроса». Его суть – в смещении фокуса внимания с центрального события на сопутствующие, порой нейтральные обстоятельства. Вместо ключевого вопроса «Где вы были вечером 12 числа?» целесообразно выстроить цепь вопросов о смежных темах: «Как обычно проводите свободное время?», «Какие маршруты используете для перемещения по городу?». Подобные формулировки, как отмечается в работах по тактике [2, 4], снимают непосредственную угрозу, так как не касаются сути обвинения напрямую, и апеллируют к бытовой памяти, которая менее контролируется допрашиваемым. Эта иллюзия безопасности позволяет получить отдельные детали, которые впоследствии, будучи увязаны в единую картину, разрушают стратегию пассивного саботажа.

Еще одним эффективным приемом является «позитивное переформулирование». Он применяется, когда подозреваемый дает уклончивый или негативный ответ. Задача следователя – переинтерпретировать его в позитивном или нейтральном ключе. Например, на реплику «Я ничего не видел и ничего вам не скажу» можно ответить: «Я понимаю, что вы хотите быть точным в своих показаниях и не спешите с выводами. Давайте тогда вместе восстановим те события, которые вы можете вспомнить». Это снимает напряженность и формально соглашается с собеседником, но при этом мягко продолжает давление в нужном направлении, что является ключевым элементом бесконфликтного подхода [1, 3].

Важным аспектом является сочетание вербальных и невербальных техник. Открытая поза, поддерживающий кивок, визуальный контакт на 60–70% времени – эти элементы создают атмосферу сотрудничества. Однако следует избегать излишней навязчивости, которая может восприниматься как манипуляция.

Невербальные техники включают также работу с паузами. Длинная пауза после уклончивого ответа часто провоцирует допрашиваемого на уточнения, так как молчание воспринимается как недоверие. Важно варьировать длительность пауз в зависимости от психологического типа подозреваемого.

Специфической техникой является «избирательное отражение эмоций», когда

следователь вербализует только нейтральные или позитивные эмоции подозреваемого, игнорируя негативные. Это способствует постепенному снижению напряжения и переходу к более конструктивному взаимодействию.

Стоит отметить прием «контролируемого диалога», когда следователь позволяет подозреваемому высказаться по второстепенным темам, но мягко возвращает беседу в нужное русло. Это создает иллюзию контроля у допрашиваемого, при этом инициатива остается у следователя. Например, «Я понимаю Вашу озабоченность условиями содержания, и мы обязательно вернемся к этому вопросу позже. А сейчас давайте уточним...»

Для случаев особо упорного сопротивления эффективна техника «парадоксального вмешательства», когда следователь не оспаривает позицию подозреваемого, а развивает ее до абсурда. Например, если подозреваемый утверждает, что «ничего не видел», можно предложить: «Давайте тогда составим подробное описание того, как именно Вы ничего не видели – в каких направлениях смотрели, что мешало обзору...»

Особую сложность представляет работа с подозреваемыми, имеющими опыт противодействия следствию. В таких случаях эффективна тактика «процедурной безупречности», когда следователь демонстративно соблюдает все процессуальные формальности, лишая подозреваемого возможности критиковать процессуальные действия.

Техника «нормализации» также показывает высокую эффективность: формулировки типа «Многие люди в Вашей ситуации...» или «Это вполне нормальная реакция...» снижают психологическое напряжение и способствуют установлению контакта.

В случаях же агрессивного манипулирования применяется прием «информационного зеркала», когда следователь возвращает подозреваемому его же слова в переформулированном виде: «Если я правильно понимаю, Вы утверждаете, что...» Это позволяет выявить противоречия без прямого обвинения во лжи.

Важнейшим аспектом остается постоянный мониторинг собственного эмоционального состояния следователем. Техники эмоциональной саморегуляции позволяют сохранять профессиональную дистанцию и предотвращать эмоциональное выгорание при работе с сопротивлением.

Современные разработки в области нейролингвистического программирования предлагают дополнительные возможности через использование предикатов, соответствующих ведущей репрезентативной системе допрашиваемого (визуальной, аудиальной, кинестетической). Однако применение таких техник требует специальной подготовки и должно осуществляться с осторожностью.

Эффективность любого приема зависит от способности следователя к быстрой диагностике типа сопротивления и гибкому применению соответствующего технического инструментария. Это требует не только теоретической подготовки, но и развития практических навыков через симуляционные тренинги и разбор реальных случаев из следственной практики.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости развития классической концепции бесконфликтного допроса с учетом современных вызовов следственной практике. Предложенная система тактических приемов

демонстрирует эффективность при работе с различными формами противодействия.

Ключевыми преимуществами рассмотренных техник являются:

1. Сохранение конструктивной атмосферы взаимодействия.
2. Предотвращение эскалации конфликта.
3. Соблюдение процессуальных и этических норм.
4. Оптимизация временных ресурсов следствия.

Особую значимость приобретает комбинаторное применение приемов. Например, сочетание «информационной паузы» с элементами «позитивного переформулирования» позволяет эффективно нейтрализовать попытки процессуального саботажа.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка дифференцированных тактических алгоритмов для различных категорий подозреваемых с учетом их психологических особенностей и процессуального статуса. Также требует изучения вопрос адаптации рассмотренных техник к особенностям следственной деятельности в современных условиях цифровизации.

Внедрение предложенных методик в образовательные программы для следователей будет способствовать формированию нового поколения специалистов, способных эффективно работать в условиях повышенных требований к законности и соблюдению прав личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – Москва : Юрид. лит., 1988. – 302 с.
2. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.
3. Концепция противодействия раскрытию и расследованию преступлений и мер по его нейтрализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 44–50.
4. Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики / Под ред. А. И. Михайлова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 154 с.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: Феномены, механизмы и защита. – Москва : ЧеРо: Изд-во МГУ, 1996. – 342 с.

УДК 347

КОРЫСТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Савельева Дарья Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: savel.dm@ruc.su

MERCENARY CRIME UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Savelyeva Darya Mikhailovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена уточнению содержания категории корыстной преступности в уголовном праве Российской Федерации и ее разграничению с традиционными формами хищения. Показано, что корысть выступает не только мотивационным признаком, но и объективированным в способе совершения преступления поведением, охватывающим как непосредственное изъятие имущества, так и опосредованные модели извлечения выгоды.

Обосновывается необходимость учитывать трансформацию корыстных посягательств в условиях цифровизации экономики и развития информационно-коммуникационных технологий, что смещает акцент с физического воздействия на контроль и анализ за информационными потоками и платёжной инфраструктурой.

Ключевые слова: корыстная преступность, хищение, корыстный мотив, корыстные цели, имущество, информационно-коммуникационные технологии, вымогательство, причинение имущественного ущерба, разграничение составов.

The article is devoted to clarifying the content of the category of mercenary criminality in the criminal law of the Russian Federation and its differentiation from traditional forms of theft. It is shown that self-interest acts not only as a motivational feature, but also as an objectified behavior in the method of committing a crime, covering both the direct seizure of property and indirect models of profit.

The article substantiates the need to take into account the transformation of mercenary encroachments in the context of the digitalization of the economy and the development of information and communication technologies, which shifts the focus from physical impact to control and analysis of information flows and payment infrastructure.

Keywords: mercenary crime, embezzlement, selfish motive, selfish goals, property, information and communication technologies, extortion, causing property damage, differentiation of structures.

Корыстная преступность традиционно занимает центральное место в общей структуре преступности, поскольку посягает на базовые для частноправового и публичного порядка блага. Прежде всего это на право собственности и обусловленные им имущественные отношения.

В широком смысле речь идет о совокупности деяний, направленных на противоправное извлечение материальной выгоды за счет другого лица. Среди них особую системообразующую роль играет хищение как классический способ безвозмездного обращения чужого имущества в пользу самого преступника либо же третьих лиц.

Подход разграничению и квалификации таких деяний лежит в категории корысти, которая в правовой доктрине представляет собой ничто иное как сознательное стремление личности получить имущественную выгоду вне наличия каких-либо правовых оснований, противопоставляя частный интерес общественному и правопорядку в целом.

Не случайно отмечалось, что импульс корыстного предпочтения материальному интересу способен выступать побудительной причиной для самых различных преступных форм поведения [1,4]. Важно отметить, что корыстность не исчерпывается узко психологическим содержанием мотива.

В уголовно-правовом смысле она проявляется и как квалифицирующий признак, и как отождествленный в способе совершения преступления вектор поведения от тайного или открытого изъятия имущества до злоупотребления доверием, присвоения, растраты, коррупционно обусловленных сделок и иных форм опосредованного завладения имуществом.

Корыстные формы преступности в том или ином виде существовали и существуют на всем протяжении истории и развития общества, что не исключает их качественной трансформации.

В условиях постиндустриального (информационного общества) которое напрямую связано и опосредовано с цифровизацией экономики и повсеместного внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту ИКТ) корыстные посягательства смещают свой акцент с физического воздействия на деяния ведущие к манипулированию информационными потоками и платежной инфраструктурой, дистанционному доступу к денежным средствам и безналичному обороту.

Данная эволюция не столько отменяет, сколько переформирует традиционный механизм противоправного завладения имуществом, а потому требует обновления уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминалистической методики и технологий, направленных на возможность сбора доказательств пользующихся всем актуальным инструментарием научно-технических достижений.

Вместе с тем термин корыстная преступность остается многогранным и многоаспектным, трактуясь при этом в литературе весьма неоднозначно и зачастую противоречиво. Так, наряду с подходом, ориентированным на её понимание в широком смысле и хватающим экономически ориентированные посягательства, совершенные для удовлетворения разнообразных социальных и личных потребностей, сохраняется и узкое понимание, которое сводит данное явление к преступлениям, совершенным с корыстным мотивом в целях неосновательного обогащения.

Такая конкуренция двух разных подходов отражает глубинную теоретико-правовую проблему в виде поиска критерия отнесения конкретных составов к корыстным, где неизбежно возникает закономерный вопрос, а доминирует ли мотивационный аспект, либо решающее значение имеет объективная направленность деяния на имущественный результат и характер причиненного вреда.

Вопрос существенно осложняется тем фактом, что мотивация личности не существует изолированно от социально-экономического контекста, а резкий переход от социализма и дальнейшее поступательное возникновение и развитие частной собственности, усложнение оборота, формирование новых цифровых объектов гражданских прав создают дополнительные возможности для противоправного перераспределения имущественных благ и одновременно маскируют противоправность посредством легитимных на вид действий и транзакций.

В этих условиях доктринально и практико-ориентированно значимо не только фиксировать статистику корыстных преступлений, но и обозначить внутреннюю структуру соответствующей группы составов, уточнять границы между смежными посягательствами, а также переосмысливать традиционные признаки хищения в контексте новых способов доступа к имуществу и денежным средствам.

В отечественной уголовно-правовой доктрине и законодательстве категория корысти имеет следующее выражение. Так, УК РФ оперирует как термином корыстные побуждения – например, в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, где он выступает в

числе квалифицирующих обстоятельств убийства, – так и конструкцией корыстные цели, закрепленной в примечании к ст. 158 УК РФ и определяющей хищение как противоправного безвозмездного обращения чужого имущества в пользу виновного либо третьих лиц [2].

Такая разносторонняя легализация корысти соответствует и исходит из широты охраняемых публичным правом благ. Объектами корыстных преступлений могут являться отношения собственности, личная безопасность и неприкосновенность, интересы государства и правосудия, здоровье населения, экологическая безопасность, сфера управления и иные общественные отношения.

При этом корыстная мотивация хоть и придает деянию качественно иной криминологический и уголовно-правовой смысл, но при этом не исчерпывает всего многообразия мотивов, способных сосуществовать в рамках одной и той же юридической квалификации, а потому не всегда выступает единственной детерминантой преступного поведения.

Общеуголовная корыстная преступность, в свою очередь, приобретает насильственную и ненасильственную формы в зависимости от способа завладения и характера воздействия на потерпевшего [4]. Ее сущность не связана с использованием официального статуса или специальных управленческих полномочий, напротив, она выражает «бытовой» для криминального оборота способ перераспределения имущественных благ путем незаконного изъятия чужого имущества ради извлечения выгоды при отсутствии правового основания для такого обогащения.

Ключевые признаки здесь проявляются в направленности посягательства на чужое имущество, в наличии корыстного мотива и в цели неосновательного обогащения за счет потерпевшего. Классическими уголовно-правовыми составами здесь является кража, грабеж, разбой, вымогательство и мошенничество, каждая из которых посягает на отношения собственности как непосредственный объект уголовно-правовой охраны [3,5].

Системная значимость права собственности в конституционном строе Российской Федерации предопределяет и повышенную чувствительность правопорядка к любым формам ее криминального нарушения, поскольку гарантированная на уровне Основного закона, собственность выступает структурообразующим элементом гражданского оборота, а потому ее уголовно-правовая защита должна учитывать все многообразие форм и способов противоправного завладения имуществом.

Также важно отметить и корыстные преступления против собственности, не связанные с хищением (ст. 163, 165, 166 УК РФ) [4,1]. Данные составы преступлений образуют самостоятельный пласт корыстных деяний, где корысть проявляется не столько в «обращении» имущества в пользу виновного, сколько в навязывании потерпевшему имущественно неблагоприятного поведения, создании для него избыточных рисков или временном изъятии возможности владения и распоряжения вещью.

При этом они фиксируют иные модели извлечения выгоды в виде не обращения уже имеющегося у потерпевшего имущества в пользу виновного, а принуж-

дение к имущественно неблагоприятному поведению, создание рисков или временное изъятие возможности владения и распоряжения вещью.

Вымогательство доктринально и практико-ориентированно описывается как формальный двуобъектный состав, объективная сторона которого складывается из предъявления требования имущественного характера и сопряженной с ним угрозы причинения вреда личности или имуществу либо распространения сведений, способных нанести существенный вред правам и законным интересам потерпевшего. Преступление считается оконченным с момента доведения такого требования, вне зависимости от его исполнения.

Предмет посягательства охватывает не только вещи и денежные средства (включая безналичные), но и имущественные права, а также иные действия имущественного характера (исполнение обязательства, прощение долга, отказ от права и т. п.).

Обязательным критерием для квалификации данного преступления выступает реальность угрозы, то есть её способность вызвать у потерпевшего обоснованное опасение наступления заявленных последствий. Вместе с тем латентность вымогательства остается довольно высокой в силу страха повторных посягательств и виктимизации.

Существенными остаются и вопросы конкуренции норм при правомерном по своему содержанию требовании (например, возврате долга) и противоправном способе его предъявления [5,3]. Устойчивую доктринальную позицию занимает подход, по которому правомерность интереса не легализует противоправное средство принуждения, а оценка добросовестности посягательства влияет на пределы ответственности и квалификацию деяния соответственно.

Конструкция ст. 165 УК РФ институционально отделяет причинение имущественного ущерба от мошенничества.

Общий объект в виде отношения собственности не устраняет ключевого отличия по результату. При мошенничестве виновный получает чужое имущество (либо право на него), тогда как по ст. 165 УК РФ ущерб возникает без перехода имущества к виновному, зачастую в форме упущенной выгоды при формальной добровольности действий управомоченного лица. При этом обман может быть как активным, так и пассивным, а злоупотребление доверием опосредоваться особыми фактическими отношениями сторон.

Именно такая особая правовая природа ущерба предопределяет сложность доказывания субъективной стороны и границ конкуренции со специальными экономическими составами, требуя грамотной оценки и квалификации беря во внимание момент причинения вреда и направленности умысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о вымогательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.
3. Архипов, А. В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2025. – 186 с. – URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/7/635/dissert_dl.pdf

4. Волков, Б. С. Корысть как мотив преступления // Государство и право. – 2002. – № 6. – С. 54–60.
5. Шарипова, А. Р. Общеуголовная корыстная преступность: понятие, тенденции развития / А. Р. Шарипова // Современная наука. – 2025. – № 1. – С. 51–54.

УДК 340.13

ПРАВОВЫЕ СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Сайфуллова Алсу Равильевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: alsu.sayfullova@mail.ru

LEGAL SYMBOLS AS A MEANS OF LEGAL TECHNIQUE

Sayfullova Alsu Ravilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данной статье рассматривается понятие правовых символов как одного из средств юридической техники. Описываются различные подходы ученых к определению понятия «правовые символы». Правовые символы как средства юридической техники особо важны в силу разнообразия задач и возможностей их применения. В большинстве случаев правовые символы служат наиболее эффективным и легко воспринимаемым способом управления социальными взаимодействиями. В статье автором рассмотрены некоторые положения об ответственности за несоблюдение порядка использования правовых символов.

Ключевые слова: юридическая техника, правовые символы, средства, ответственность, классификация правовых символов, преимущества правовых символов.

This article discusses the concept of legal symbols as one of the means of legal technology. Various approaches of scientists to the definition of "legal symbols" are described. Legal symbols as a means of legal technology are especially important due to the variety of tasks and possibilities of their application. In most cases, legal symbols serve as the most effective and easily perceived way to manage social interactions. In the article, the author discusses some provisions on liability for non-compliance with the procedure for using legal symbols.

Keywords: Keywords: legal technique, legal symbols, means, responsibility, classification of legal symbols, advantages of legal symbols.

Понятие «символ» часто встречается в повседневной жизни. «Весы – символ правосудия», «корона – символ монархии», «крест – символ христианства», «мифологический конструкт, двуглавый орел – символ России, запечатленный на гербе РФ» [1, С. 30] и т. д.

В настоящее время специфическая форма существования привлекает внимание исследователей к правовым символам и обуславливает их особое положение в системе инструментария юридической техники.

С философской точки зрения «символизм укоренен в гуманитарной природе; символическое – искони человеческое. У истоков последнего – преодоление инстинктивного, таящееся в склонности вырабатывать символическое» [2, С. 126].

Например, «в Древней Руси использовалось клятвенное подтверждение аргументов ответчика (при отсутствии свидетельств против него) и свидетелей, которое имело ритуальный демонстративный характер» [3, С. 58].

Отметим, что учёные по-разному интерпретируют и описывают правовые символы. Изучим наиболее значимые точки зрения авторов по данному вопросу.

Э. М. Спирова указывает на то, что «ни один символ не изобретается намеренно. Если же и бывает так, что его пытаются изобрести, то он может стать символом лишь при условии, что бессознательное определенной группы его одобрит» [4, С. 206].

Н. С. Гончарова считает «правовой символ как некую нормативно закреплённую условную единицу, создаваемую по договоренности субъектов правотворчества или правоприменителей для определенных групп, категорий людей, являющуюся своеобразной и эффективной формой передачи правового материала и предназначенная для совершенствования юридической деятельности» [5, С. 67].

По мнению Шарно О. И. «правовой символ наглядное средство формализации правовой информации, используемое с целью экономии правового воздействия, снижения текстового перегруза, демонстрации правового значения в ракурсе правовой коммуникации, под которой понимается процесс передачи правовой информации от правотворческого органа через правоприменителя к конкретному индивиду» [6, С. 13].

Нельзя не согласиться с М. Л. Давыдовой в том, что «правовые символы являются специфическими неязыковыми средствами юридической техники и среди них можно выделить три частично пересекающиеся группы:

- 1) символы, закреплённые в официальных источниках права и охраняемые государством («правовые символы» в узком смысле);
- 2) символы, используемые в праве, независимо от нормативного закрепления («правовые символы» в широком смысле);
- 3) юридически-значимые символы (в том числе, запрещённые действующим правом)» [7, С. 20].

Правовые символы выступают связующим звеном между общей культурой и правовой культурой. Правовые символы важны как для общения внутри страны, так и на международном уровне. Именно правовые символы представляют собой универсальный способ достижения взаимопонимания между людьми из разных государств и говорящих на разных языках.

Дискуссионным вопросом остается и вопрос классификации правовых символов. Ученые теоретики стараются применять различные критерии классификации правовых символов, тем самым формируя множественные типологии (в зависимости от формы внешнего выражения, по функциональному значению, по форме нормативной фиксации, по сфере действия и др.) [8, С. 401].

Среди всех существующих классификаций, наиболее полным является вариант А. В. Никитина и «включает в себя:

- предметные символы;
- символы-действия;
- изобразительные символы;
- звуковые символы;
- световые символы;
- языковые или словесные символы (письменные и устные)» [9, С. 22].

Классификация, созданная А. В. Никитиным, не является окончательной, так

как методологические сложности затрудняют определение четких границ использования символов, и некоторые из них могут принадлежать нескольким группам одновременно. Например, Красная площадь – это и конкретное место, и символ важных государственных событий.

Юридическая техника – это система, которая организует и структурирует правовой материал, способствуя рационализации юридической деятельности и оптимизации процесса правового регулирования общественных отношений в Российской Федерации. Юридическая техника ставит перед собой несколько целей, тесно связанных друг с другом. В основном, они направлены на то, чтобы улучшить работу по созданию и применению законов.

Правовые символы, как средства юридической техники, особо важны в силу разнообразия задач и возможностей их применения. Они обладают широким спектром достоинств, среди них в науке можно выделить наиболее главные:

- Улучшение наглядности. Правовые символы используемые для представления информации визуально помогает особенно людям без специальных юридических знаний, сделать правовые акты более понятными и доступными. Например, чтобы сослаться на конкретный закон или правило в юридических текстах для удобства восприятия, часто используют значки, например, § (параграф) или ст. (статья);

- Экономия времени и места. Применяемые в текстах правовые символы, позволяют значительно упростить его восприятие и ускорить процесс обработки информации в тексте, а также сократить его объем. К примеру, использование аббревиатур (РФ – Российская Федерация, ФЗ – Федеральный закон, СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации, АНО – Автономная некоммерческая организация или вместо фразы «согласно статье 312 Гражданского кодекса Российской Федерации» можно использовать аббревиатуру «ст. 312 ГК РФ», и другие);

- Унификация и стандартизация. Правовые символы способствуют однозначному пониманию юридических норм и концепций, тем самым уменьшая вероятность неточностей и разногласий. В определенных случаях применение общепринятых символов позволяет понимать норму вне зависимости от языкового барьера. Например, большая часть дорожных знаков понятна водителям в разных странах.

Унификация и стандартизация правовых символов упрощает международное сотрудничество, облегчает понимание юридических документов для иностранных лиц, повышая эффективность международно-правовых институтов;

- Усиление эмоционального воздействия. Правовые символы могут влиять на чувства и эмоции людей. Они помогают лучше понимать и запоминать правовые нормы, а также побуждают людей к их соблюдению.

Отметим, что применение в юридической технике правовых символов повышают эффективность правовых документов. Правовые символы способствуют унификации и стандартизации, усиливают эмоциональное воздействие, экономят место и время. В результате, правовые документы становятся более понятными и доступными, для людей не имеющих специальных знаний в области юриспруденции.

Законодательство содержит положения об ответственности за несоблюдение порядка использования правовых символов.

Так, за нарушение порядка официального использования государственных символов (государственного флага, герба, гимна) лицо подлежит в соответствии с КоАП РФ административной ответственности.

За надругательство над государственными символами (например, уничтожение или повреждение герба, нанесение нецензурных надписей) предусмотрена уголовная ответственность.

Таким образом, юридическая техника использует особые неязыковые инструменты, а именно правовые символы. Особенно важны те символы, которые закреплены в законах. Правовые символы являются ключевым средством юридической техники. Использование символов подходит для разных видов нормативных правовых предписаний и помогает сделать право более эффективным и лучше регулировать общественные отношения. Правовые символы способны сэкономить место в тексте документов и время для его анализа, а также они улучшают наглядность и способствуют усилению эмоционального воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыжова, В. А. Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания / В. А. Рыжова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 27–31.
2. Ильин, В. В. К понятию символа / В. В. Ильин, И. О. Куренков. // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 126–132.
3. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
4. Спирова, Э. М. Функции символа / Э. М. Спирова // Проблемы понимания. – 2009. – № 2. – С. 205–212.
5. Гончарова, Н. С. Правовой символ: понятие и признаки / Н. С. Гончарова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 3. – С. 67–74.
6. Шарно, О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шарно Оксана Игоревна; СГЮА. – Саратов, 2014. – 33 с.
7. Давыдова, М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : автореф. дис. ... д-ра юрид. Наук : 12.00.01 / Давыдова Марина Леонидовна ; ГОУ ВПО ВГУ. – Волгоград, 2010. – 51 с.
8. Чернегова, В. В. Место правовых символов в инструментарии юридической техники / В. В. Чернегова, О. А. Авдеева // Современность в творчестве начинающего исследователя : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 27 марта 2025 года. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025. – С. 399–403.
9. Никитин А. В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 448 с.

УДК 340

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И РОЛЬ БАНКА РОССИИ В ЕГО РЕГУЛИРОВАНИИ

Саушкина Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; nastasya.sauhkina@bk.ru

THE CONCEPT OF THE DIGITAL RUBLE AND THE ROLE OF THE BANK OF RUSSIA IN ITS REGULATION

Saushkina Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье автором рассматривается правовая природа цифрового рубля и особенности его правового регулирования. Проанализировано текущее состояние законодательства и выделены основные проблемы, связанные с отсутствием единого понятия цифрового рубля. Также особое внимание в статье уделяется роли Банка России как основному субъекту, осуществляющему правовое регулирование обращения цифрового рубля, и проблеме его правового статуса.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровизация экономики, цифровая платформа, национальная валюта, цифровая валюта, эмитент, Банк России

In this article, the author examines the legal nature of the digital ruble and the specifics of its legal regulation. The current state of legislation is analyzed, and the main problems associated with the lack of a unified concept of the digital ruble are highlighted. The article also focuses on the role of the Bank of Russia as the primary entity responsible for the legal regulation of the digital ruble and the issue of its legal status.

Keywords: digital ruble, digitalization of the economy, digital platform, national currency, digital currency, issuer, Bank of Russia

В современном мире происходит стремительное развитие цифровых технологий, что не может не влиять на состояние финансовых систем различных государств. Складывающаяся общемировая тенденция к укреплению финансового суверенитета привела к тому, что в настоящее время государства особое внимание стали уделять созданию и внедрению национальных цифровых валют. Это обеспечивает не только финансовую независимость государства на мировой арене, но и повышает безопасность всей финансовой системы внутри конкретной страны. Кроме того, цифровая валюта, как универсальный инструмент выстраивания международных расчетов имеет ключевое значение для института внешне долговых обязательств государства в обеспечении устойчивости финансовой системы России [1].

В России достаточно давно начат процесс разработки национальной цифровой валюты. Так, впервые Банк России в 2020 году презентовал концепцию «Цифровой рубль» [2]. Именно тогда были раскрыты первые подробности о возможной модели его реализации и особенностях функционирования.

В том же году был принят специальный федеральный закон [3], в котором законодатель закрепил общие положения, касающиеся правового регулирования цифровой валюты, но не акцентировал внимание на цифровом рубле, в результате чего его понятие так и не было раскрыто ни в упомянутом законе, ни в других принятых позже законодательных актах.

В настоящий момент единого законодательно закрепленного понятия цифрового рубля не существует. В связи с указанным все положения, необходимые для регулирования правоотношений, связанных с обращением цифрового рубля, относятся к нормам гражданского права. Именно Гражданский кодекс РФ дает понимание правовой природы цифрового рубля, характеризуя его как безналичное денежное средство [4].

Указанное следует из ряда норм, которые как прямо, так и косвенно указывают на обязательственную природу цифрового рубля. Так, например, в Гражданском кодексе РФ указано, что счет, открываемый для цифровых рублей, обслуживается на основании договора, содержание которого регулируется нормами гражданского законодательства о банковском счете. При этом расчеты, осуществляемые при помощи цифровых рублей, являются безналичными расчетами, которые имеют специальную форму.

В подтверждение обязательственного характера цифрового рубля законодательство, регулирующее порядок организации платежей в России, включает в себя нормы, определяющие алгоритм определения размера обязательств оператора платформы цифрового рубля перед его владельцами [5].

То есть, даже несмотря на отсутствие единого понятия, имеющиеся в действующем законодательстве отдельные положения, касающиеся цифрового рубля, дают основания полагать, что по своей правовой природе цифровой рубль относится к безналичным денежным средствам.

Вместе с тем, на своем официальном сайте Банк России неоднократно делал публикации, из которых следовало, что главный финансовый регулятор рассматривает цифровой рубль именно как самостоятельную форму денег, не относящуюся ни к наличным денежным средствам, ни к безналичным.

Указанную позицию необходимо принимать во внимание, поскольку именно Банк России является эмитентом цифрового рубля и на практике осуществляет регулирование его обращения. Это придает особую важность и устойчивость цифровому рублю в финансовой системе, так как он обеспечен государственными гарантиями.

Примечательно, что изначально ярким противником разработки и внедрения концепции цифрового рубля был Банк России. Его представители указывали, что появление такого вида цифровой валюты несет в себе серьезные риски для всего экономического сектора.

Тем не менее сегодня Банк России остается фактически единственным органом, который всесторонне занимается вопросом правового регулирования обращения цифрового рубля. Так, деятельность специальной платформы, на которой осуществляются все операции с цифровыми рублями, контролируется Банком России. Он же отвечает за все вопросы, связанные с обеспечением безопасности обращения цифрового рубля, снижением финансовых рисков и его применением при трансграничных переводах и расчетах с участием бюджетов.

Поскольку управление рисками также является обязанностью Банка России, он ведет специальный реестр, в котором фиксируются все возможные риски финансовых операций, совершаемых с цифровыми рублями. Данный реестр обновляется не реже одного раза в год и включает в себя, наряду с описанием возможных последствий реализации рисков, меры, с помощью которых такие риски можно минимизировать или полностью исключить [6; с. 53].

Техническое сопровождение функционирования платформы цифрового рубля также относится к компетенции Банка России.

Столь глобальная роль Банка России в разработке и внедрении в денежное об-

ращение страны еще одной формы денег объясняется тем, что Банк России является владельцем платежной системы, которая имеет системно значимый статус. Фактически через нее реализуется вся финансовая система России. Вероятно, наличие опыта работы с национальной платежной системой подтолкнуло законодателя выбрать Банк России в качестве единственного эмитента цифрового рубля [7; с. 17].

Но, несмотря на всё вышеотмеченное, стоит указать, что проблема отставания законодательного регулирования от фактических правоотношений, приводит к проблемам, особенно сказывающимся на правоприменении. Так, из-за отсутствия правовых норм, которые бы детально регламентировали те или иные ситуации, восполнение законодательных пробелов осуществляется судебной практикой. Указанный порядок не приемлем, особенно в ситуации, когда происходит формирование новых правоотношений.

С одной стороны, именно Банк России мог бы стать органом, который осуществляет принятие нормативных положений, регламентирующих порядок обращения цифровых рублей. Но на пути такого решения стоит вопрос о наличии у Банка России достаточных полномочий.

Согласно действующему законодательству, Банк России не относится ни к одной из трех ветвей власти. Тем не менее в юридическом сообществе ведутся многочисленные споры относительно публично-правовой природы юридического статуса Банка России. Например, встречаются мнения, обосновывающие наличие у него определенных публично-правовых полномочий. Однако, существуют и противоположные мнения, где специалисты указывают, что Банк России не является органом государственной власти и наделение его подобными полномочиями неприемлемо [8; с. 20].

Более точно вопрос административно-правового статуса Банка России был определен в судебном порядке [9]. Так, исходя из конституционно-правового толкования полномочий Банка России, именно он обладает исключительным правом на осуществление денежной эмиссии, а также именно он обязан обеспечивать стабильность рубля. Подобные функции и наделяют Банк России административно-правовым статусом, поскольку подразумевают возможность принятия им мер государственного принуждения. Кроме того, в указанной сфере у Банка России есть нормотворческие полномочия, в результате реализации которых издаются правовые акты, обязательные к исполнению всеми публичными органами власти, а также иными субъектами правоотношений, регулирование которых входит в компетенцию Банка России.

Изложенное указывает на то, что Банк России выполняет функции исполнительной власти, пусть и в усеченной форме. Соответственно, и нормотворческие полномочия относятся к числу полномочий Банка России, что дает ему право регулировать любые вопросы, связанные с обращением цифрового рубля, а также определять и применять меры принуждения за нарушение своих предписаний в указанной сфере.

Подводя итог вышеизложенному, важно отметить, что, несмотря на продвижение концепции «Цифровой рубль», его правовое регулирование остается достаточно фрагментарным. Это создает риски для общественных отношений, в которых будет применяться рассматриваемая концепция.

Основными проблемами на сегодняшний день остаются отсутствие дефиниции цифрового рубля, которая должна быть закреплена на федеральном уровне, высокая зависимость цифрового рубля от общих норм гражданского законодательства, что вызывает неопределенность в правоприменении, а также зарегулированность большим количеством подзаконных актов, что делает правовое регулирование цифрового рубля крайне нестабильным.

В решении указанных проблем первоочередное значение должно быть отдано разработке и принятию специального закона, который всесторонне отразит понятие и особенности правового регулирования цифрового рубля. В ином случае цифровой рубль может так и не реализовать свой потенциал в сфере обеспечения финансового суверенитета государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Правовое регулирование государственного (муниципального) внешнего долга как института обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – № 3-1. – С. 12–19.
2. Цифровой рубль // Банк России. – URL: <https://cbr.ru>
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ; в ред. от 27.10.2025 // Российская газета. – 2020. – № 173
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; в ред. от 31.07.2025 // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
5. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ; в ред. от 23.05.2025 // Российская газета. – 2011. – № 139.
6. Калашникова Е. Б., Воронина П. А. Развитие цифровой экономики и информационных технологий в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-4(50). – С. 53–55.
7. Кириченко И. А. Цифровая экономика: перспективы развития и возможные риски // Российский экономический журнал. – 2022. – № 6. – С. 13–20.
8. Ермолаев К. Н., Павлова Ю. А. К вопросу об уточнении понятия цифровизация экономики // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № 3. – С. 15–27.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 268-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 2.

УДК 343.9

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОТЕРПЕВШИМ И СВИДЕТЕЛЕМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сафронов Сергей Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808087@ruc.su

THE CONCEPT AND ESSENCE OF PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH A MINOR VICTIM AND WITNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Safronov Sergey Mikhailovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Уголовное производство, представляя собой деятельность уполномоченных органов по расследованию и разрешению уголовных дел, неизбежно предполагает взаимодействие с лицами, владеющими значимой информацией, а также с теми, кто способен помочь в её получении. К первой категории относятся участники процесса, такие как подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие и свидетели, выступающие основными источниками сведений. Ко второй – специалисты и эксперты, содействующие в фиксации и анализе доказательств. Однако карательная природа этой деятельности, связанная с принуждением и ограничением прав, закономерно вызывает противодействие. Это проявляется как в сопротивлении лиц, стремящихся избежать ответственности за преступления, так и в активности их сообщников или близких, пытающихся повлиять на ход расследования. Для достижения целей правосудия – установления истины, привлечения виновных и защиты прав пострадавших – критически важно выстраивать коммуникацию с участниками процесса таким образом, чтобы обеспечить получение полных и объективных данных. Это требует создания правовых и организационных механизмов, минимизирующих искажение информации и повышающих эффективность следственных действий.

Ключевые слова: доказывание, несовершеннолетний, потерпевший, преступление, расследование, свидетель.

Criminal proceedings, being the activity of authorized bodies for the investigation and resolution of criminal cases, inevitably involve interaction with persons possessing significant information, as well as with those who can assist in obtaining it. The first category includes participants in the process, such as suspects, accused, victims and witnesses, who act as the main sources of information. The second category includes specialists and experts assisting in the recording and analysis of evidence. However, the punitive nature of this activity, associated with coercion and restriction of rights, naturally causes opposition. This is manifested both in the resistance of persons seeking to avoid responsibility for crimes, and in the activity of their accomplices or relatives trying to influence the course of the investigation. In order to achieve the goals of justice – establishing the truth, bringing the guilty to justice and protecting the rights of victims – it is critically important to build communication with participants in the process in such a way as to ensure the receipt of complete and objective data. This requires the creation of legal and organizational mechanisms that minimize the distortion of information and increase the effectiveness of investigative actions.

Keywords: proof, minor, victim, crime, investigation, witness.

Для достижения ключевых целей уголовного судопроизводства - установления обстоятельств дела, привлечения виновных к ответственности и восстановления прав потерпевших – необходимо обеспечить такие условия взаимодействия с носителями доказательственной информации, которые позволят получить от них максимально полные и точные сведения. Это требует от сотрудников правоохранительных органов (следователей, дознавателей, оперативных работников) выстраивания профессиональных отношений, направленных на снижение уровня недоверия и психологической дистанции между сторонами. В криминалистике подобное взаимодействие, при котором участники процесса, связанные определенными рамками, способны к продуктивному обмену информацией, определяется как психологический контакт [1, с. 229].

При этом установление такого контакта становится необходимым не только в ходе допросов, но и при проведении других вербальных процедур: очных ставок, опознаний, проверки показаний на месте. Более того, потребность в коммуникативном взаимодействии возникает и при невербальных следственных действиях – осмотрах, обысках, освидетельствованиях, экспериментах, где участвуют обвиняемые, потерпевшие или свидетели. Даже в условиях конфликта интересов

правоприменители (суд, прокурор, следователь) обязаны находить баланс между процессуальной строгостью и поддержанием диалога, обеспечивающего эффективность расследования и соблюдение прав всех участников процесса.

Психологический контакт, как особая форма взаимодействия между людьми, неизбежно связан с противоречиями интересов, что создаёт почву для конфликтов. В зависимости от характера коммуникации, он может принимать конструктивный (способствующий сотрудничеству) или деструктивный (подрывающий взаимопонимание) характер. Успех следственных действий и расследования в целом напрямую зависит от умения следователя предотвращать конфликты между участниками процесса, а при их возникновении – оперативно устранять негативные последствия. Это особенно актуально в случаях, когда к делу привлекаются несовершеннолетние свидетели или потерпевшие. Работа с ними требует от следователя не только глубокого понимания возрастной психологии и педагогических принципов, но и способности адаптировать методы общения к индивидуальным особенностям подростков. Например, важно учитывать их эмоциональную восприимчивость, уровень развития и социальный контекст.

Специфика взаимодействия с несовершеннолетними настолько значима, что вопросы установления психологического контакта с ними должны быть продуманы заранее, ещё на этапе планирования конкретных следственных действий. Это включает выбор подходящего времени и места беседы, формулировку вопросов в доступной для ребёнка форме, а также привлечение специалистов (психологов, педагогов) при необходимости [2, с. 17]. Игнорирование этих аспектов может не только затруднить получение достоверной информации, но и травмировать несовершеннолетнего участника процесса, что противоречит принципам защиты прав детей в уголовном судопроизводстве.

Ошибочно полагать, что получение достоверной информации от несовершеннолетних потерпевших и свидетелей проще, чем от взрослых обвиняемых или подозреваемых. Напротив, взаимодействие с этой категорией участников процесса сопряжено с рядом специфических сложностей. Главная из них – повышенная подверженность детей внешнему влиянию, включая воздействие со стороны самого следователя, которое возникает даже в ходе формального общения.

В отличие от взрослых, которые в конфликтных ситуациях могут сознательно вступать в диалог, манипулируя информацией, несовершеннолетние, как правило, лишены подобной расчётливости. Однако их искренность не гарантирует надёжности контакта: даже установившееся доверие легко разрушается из-за неграмотных действий или неэтичного поведения следователя. Например, резкий тон, невнимание к эмоциональному состоянию ребёнка или нарушение процедуры допроса могут спровоцировать замкнутость или искажение показаний. Это требует от правоохранителей не только профессиональной чуткости, но и строгого следования принципам возрастной психологии, чтобы минимизировать риски деформации доказательственной базы.

Слово «контакт», в свою очередь, имеет множество толкований. Это и техническое слово, означающее физическое соприкосновение или соединение (например, электрический контакт), специальное приспособление, деталь, обеспечивающую надежное соединение (например, контакт проводников), и коммерческое

(деловые контакты, внешнеторговая связь), и непосредственное общение с кем-либо или с кем-либо (контакты с коллегами по работе) [3, с. 291]. Для характеристики контакта, именуемого психологическим, последнее его толкование, надо полагать, более подходит, по сравнению со всеми остальными, поскольку речь идет о взаимоотношениях между участниками уголовного судопроизводства.

Исходя из этимологии термина «психологический», можно заключить, что психологический контакт не подразумевает какого-либо физического взаимодействия. Его нельзя сводить к совместной деятельности, прямому общению или иным формам «материального» соприкосновения между людьми. Суть этого понятия лежит исключительно в ментальной сфере – оно описывает состояние психики индивидов, осознающих необходимость или неизбежность коммуникации друг с другом и внутренне готовых к такому взаимодействию.

Таким образом, психологический контакт возникает не в момент физического присутствия собеседников, а на уровне их сознания, когда человек мысленно признает потребность в общении или его вынужденный характер. Например, участник уголовного процесса, понимая, что взаимодействие со следователем неизбежно, психологически адаптируется к этой ситуации. Именно такое осознание, формирующееся в психике, а не внешние проявления диалога, и составляет основу психологического контакта. Он существует как идеальная конструкция, отражающая готовность сторон к коммуникации, даже если реальное взаимодействие ещё не началось или сопровождается конфликтом интересов.

Психологический контакт – это, прежде всего, ментальная готовность к коммуникации, основанная на осознании её необходимости, а не просто формальная возможность вступить в диалог. Важно понимать, что сама по себе подготовка к общению – например, проверка оборудования, изучение материалов дела или составление выписок для предъявления участнику процесса – относится к прагматическим действиям и не заменяет сути психологического контакта.

Таким образом, психологический контакт можно определить как состояние сознания, проявляющееся в готовности человека к взаимодействию с другими [4, с. 86]. Ключевым условием здесь является взаимный психический настрой сторон: если одна из них не воспринимает необходимость общения, контакт не возникает. Например, следователь, даже тщательно подготовившись к допросу, не достигнет цели, если не учтёт внутреннюю позицию допрашиваемого.

В уголовном процессе такой контакт должен не только предварять, но и сопровождать всё взаимодействие с участниками дела. Это обеспечивает продуктивность общения: от первого вопроса до завершения следственного действия. Без постоянного поддержания взаимного понимания даже технически грамотно организованная процедура может привести к искажению информации или конфликту.

Надо сказать, что роль и задачи каждого участника уголовного судопроизводства в формировании психологического контакта могут существенно отличаться от аналогичных задач, решаемых, например, при деловом, бытовом или ином общении. В уголовном судопроизводстве, как известно, ведущая роль в организации общения с участниками расследования и судебного разбирательства уголовных дел принадлежит следователю (дознавателю), прокурору, суду.

Межличностное взаимодействие на этапе предварительного следствия обладает уникальной двойственностью: формально оно является двусторонним, но фактически управляется односторонними властными полномочиями следователя в рамках уголовно-процессуального законодательства. Жёсткая формализация такого общения подавляет психическую активность участников процесса, что вынуждает следователя демонстрировать коммуникативную адаптивность и применять специальные методики для вовлечения сторон в продуктивный диалог.

В отличие от потерпевших, обвиняемых или свидетелей, следователь, как инициатор взаимодействия, обязан сохранять постоянную психологическую готовность к коммуникации с любыми участниками процесса. Это подразумевает не только формальную компетентность, но и осознанную ментальную настройку, позволяющую гибко реагировать на эмоциональные, процессуальные и этические нюансы общения. Таким образом, успех следственных действий во многом зависит от способности следователя преодолевать ограничения формализованного взаимодействия, сохраняя его содержательность и направленность на установление истины.

Однако сама по себе готовность следователя или суда к взаимодействию ещё не формирует психологический контакт. Это лишь потенциальная возможность, обусловленная их должностными обязанностями и требованиями закона. Реальный контакт с обвиняемым, свидетелем, потерпевшим или подсудимым возникает только тогда, когда у обеих сторон появляется осознание необходимости общения в рамках следственных или судебных действий.

Задача следователя или суда заключается в том, чтобы сформировать у участников процесса понимание неизбежности такого взаимодействия. Например, обвиняемый должен осознать, что коммуникация – не формальность, а ключевой элемент установления истины. Лишь при достижении этой взаимной психологической готовности можно говорить о конструктивном контакте, который способствует эффективному сбору доказательств, объективному рассмотрению дела и соблюдению прав всех сторон.

Таким образом, успех коммуникации зависит не только от процессуальной роли следователя, но и от его умения трансформировать формальную обязанность общения в осознанную необходимость для всех участников. Без этого даже технически корректные действия могут остаться бесплодными [5, с. 43].

Ошибочно считать, что доверительные отношения между следователем и участниками процесса, основанные на взаимной готовности к коммуникации, раскрывают суть психологического контакта. Эти условия – такие как открытость сторон, взаимопонимание и атмосфера сотрудничества – следует рассматривать не как признаки самого контакта, а как его следствие. Они выступают результатом успешного установления психологического взаимодействия, которое формирует среду, способствующую получению полных и объективных данных о расследуемом событии. Таким образом, доверие и готовность к диалогу – это инструменты, возникающие после налаживания контакта, а не его сущность. Их роль заключается в минимизации барьеров общения, что позволяет следователю эффективно выполнять свои задачи: выяснять обстоятельства дела, анализиро-

вать доказательства и обеспечивать справедливость процедуры. Сама же природа психологического контакта лежит глубже – в осознании сторонами необходимости взаимодействия, даже если их интересы изначально противоречивы. И поэтому психологический контакт между участниками судопроизводства как внутреннее их состояние есть не что иное, как необходимое условие достижения целей любого следственного действия, к производству которого привлекаются обвиняемые, потерпевшие, свидетели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приемы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2021. – С. 227–231.
2. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 938 с.
4. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 4А. – С. 82–90.
5. Чиняков, О. Е. Критерии невменяемости лица, совершившего преступление / О. Е. Чиняков, В. В. Данилов // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – № 3(22). – С. 39–48.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА НАРКОКОНТРАБАНДЫ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Сергомасова Яна Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808928@ruc.su

FEATURES OF THE SUBJECT OF DRUG TRAFFICKING IN AIR TRANSPORT

Sergomasova Yana Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу особенностей предмета наркоконтрабанды на воздушном транспорте. Рассматриваются специфические характеристики наркотических средств и психотропных веществ, определяющие их пригодность для авиаперевозок. Исследуется взаимосвязь физико-химических свойств запрещенных веществ с избираемыми способами их сокрытия. Анализируется влияние рыночной стоимости и концентрации веществ на выбор маршрутов и методов контрабанды. Особое внимание уделяется тенденциям изменения номенклатуры перевозимых веществ в связи с ужесточением мер контроля и эволюцией потребительского спроса.

Ключевые слова: предмет наркоконтрабанды, воздушный транспорт, наркотические средства, психотропные вещества, свойства наркотиков, классификация, стоимость, концентрация, объем, вес.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the features of the subject of drug trafficking in air transport. The specific characteristics of narcotic drugs and psychotropic substances that determine their suitability for air transportation are considered. The interrelation of the physico-chemical properties of prohibited substances with the chosen methods of their concealment is investigated. The influence of the market value and concentration of substances on the choice of routes and methods of smuggling is analyzed. Particular attention is paid to trends in the nomenclature of transported substances due to stricter control measures and the evolution of consumer demand.

Keywords: drug trafficking subject, air transport, narcotic drugs, psychotropic substances, drug properties, classification, cost, concentration, volume, weight.

Проблема контрабанды наркотических средств и психотропных веществ воздушным транспортом остается одной из наиболее актуальных в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. В то время как значительное внимание уделяется способам сокрытия и личностям перевозчиков, особенностям непосредственного предмета преступления – наркотических средств – зачастую не уделяется достаточного анализа. Между тем, именно физико-химические, экономические и потребительские свойства запрещенных веществ во многом определяют логику, масштабы и специфику контрабандной деятельности на воздушном транспорте.

Воздушный транспорт как среда для контрабанды предъявляет особые требования к перевозимым веществам. Ограничения по весу и габаритам багажа, строгий досмотровый режим, наличие кинологических служб и высокочувствительного оборудования формируют уникальные условия, влияющие на выбор контрабандистами конкретного типа наркотиков. Эти условия способствуют формированию специфического «ассортимента» веществ, наиболее приспособленных для перевозки воздушным путем, отличающегося от номенклатуры, перевозимой другими видами транспорта [1, с. 5].

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация особенностей предмета наркоконтрабанды на воздушном транспорте. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: проанализировать влияние физико-химических свойств наркотиков на выбор способов их сокрытия; исследовать взаимосвязь экономических характеристик веществ с маршрутами и объемами их контрабанды; определить тенденции изменения номенклатуры перевозимых веществ в современных условиях.

Особенности предмета наркоконтрабанды в значительной степени обусловлены его физико-химическими свойствами, которые непосредственно влияют на избираемые методы сокрытия и транспортировки. Анализ практики позволяет выявить устойчивую корреляцию между агрегатным состоянием, летучестью, растворимостью веществ и способами их маскировки.

Агрегатное состояние и форма вещества играют ключевую роль в выборе методов контрабанды. Наркотические средства, перевозимые воздушным транспортом, встречаются во всех трех агрегатных состояниях. Твердые вещества (порошки, кристаллы, таблетки), к которым относятся героин, кокаин, амфетамины, метамфетамин, характеризуются возможностью прессования и формирования компактных грузов с высокой плотностью. Например, героин часто прессуют в

брикеты, которым затем придают форму различных бытовых предметов или размещают в полостях багажа. Порошкообразные формы легко поддаются импрегнации – пропитке текстильных, бумажных или деревянных материалов [2, с. 194].

Жидкие вещества, включая многочисленные новейшие психоактивные соединения и растворы для электронных сигарет, обладают важным преимуществом – возможностью растворения в легальных жидкостях. Алкоголь, парфюмерия, средства гигиены могут служить идеальной средой для маскировки жидких наркотиков. Выявление таких веществ требует применения специального химического анализа, что значительно осложняет их обнаружение в условиях массового пассажиропотока. Газообразные вещества представляют наименее распространенную категорию, однако некоторые летучие психоактивные соединения могут перевозиться в небольших баллонах под видом технических или медицинских газов.

Запах и летучесть являются критически важными факторами при организации контрабанды. Сильнопахнущие вещества (марихуана, гашиш) представляют наибольший риск для контрабандистов в связи с высокой эффективностью работы кинологических служб в аэропортах. Это обуславливает заметную тенденцию к перевозке более очищенных и дезодорированных форм традиционных наркотиков, а также рост популярности синтетических веществ, не имеющих выраженного запаха. Летучесть веществ также влияет на выбор упаковки, которая должна быть не только скрытной, но и герметичной, чтобы избежать распространения молекул вещества в воздухе, что может быть зафиксировано современными газовыми анализаторами.

Растворимость и устойчивость к температурам открывают перед контрабандистами возможность использования методов химической маскировки. Кокаин, легко растворимый в алкоголе и воде, героин, растворимый в органических растворителях, могут перевозиться в виде растворов, замаскированных под легальные жидкости. Устойчивость веществ к температурным воздействиям определяет возможность использования экстремальных способов сокрытия, таких как проглатывание, где наркотик подвергается воздействию агрессивной среды желудочно-кишечного тракта. Нестабильные вещества для таких целей не подходят, что ограничивает номенклатуру наркотиков, перевозимых данным способом.

Помимо физико-химических свойств, важнейшими особенностями предмета наркоконтрабанды являются его экономические и потребительские характеристики, которые детерминируют логистические схемы, объемы перевозок и маршруты [3, с. 12].

Стоимость и объемно-весовые характеристики формируют особые требования к предмету контрабанды на воздушном транспорте. Высокая стоимость авиаперевозок делает экономически нецелесообразной контрабанду дешевых и объемных наркотиков. Это приводит к своеобразной «селекции» веществ по принципу максимальной стоимости за единицу веса. Преимущественно перевозятся наркотики с высокой удельной стоимостью – кокаин, героин, синтетические стимуляторы высокой чистоты. Это позволяет получить значительную прибыль от перевозки малого по объему и весу груза. Несколько килограмм кокаина могут иметь

стоимость, исчисляемую миллионами долларов, что оправдывает риски и затраты на организацию контрабанды воздушным путем.

Идеальный для воздушной контрабанды наркотик обладает максимальной психоактивной активностью при минимальном объеме и весе. Эта тенденция стимулирует рост популярности мощных синтетических веществ, таких как фентанилы и производные триптаминов, эффективная доза которых измеряется миллиграммами. Партия такого вещества, способная обеспечить тысячи доз, может уместиться в конверте, что значительно снижает риски обнаружения. Экономическая эффективность становится ключевым фактором при выборе конкретного типа наркотика для контрабанды воздушным транспортом [4, с. 294].

Потребительский спрос и сегментация рынка непосредственно отражаются на номенклатуре контрабандируемых веществ. В сегменте «массовых» наркотиков доминируют стимуляторы (кокаин, амфетамины), остающиеся наиболее популярными в клубной и деловой среде крупных мегаполисов. Их стабильно высокий спрос обуславливает постоянство контрабандных потоков. Воздушным транспортом активно перевозятся дорогостоящие «премиальные» наркотики и многочисленные новые психоактивные вещества (НПВ). Последние представляют особую проблему, так как их юридический статус часто не определен, а химическая формула постоянно меняется производителями.

Отдельным сегментом является контрабанда рецептурных лекарственных средств, обладающих наркотическим потенциалом. Опиоидные анальгетики, бензодиазепины, стимуляторы – их легальный статус в одних странах и запрет в других создают благоприятные условия для контрабандных перевозок под видом личных медицинских нужд пассажира. Структура потребительского спроса в регионах назначения напрямую определяет ассортиментную линейку контрабандируемых воздушным транспортом веществ.

Предмет наркоконтрабанды на воздушном транспорте не является статичным. Его номенклатура и характеристики непрерывно эволюционируют под воздействием рыночных сил, мер контроля и научно-технического прогресса. Его номенклатура и характеристики непрерывно эволюционируют под воздействием рыночных сил, мер контроля и научно-технического прогресса.

Эта динамика проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, наблюдается постоянный сдвиг в предпочтениях видов наркотиков. Под давлением эффективного межведомственного взаимодействия и контроля классических маршрутов поставок, преступные группы все чаще переходят от транспортировки объемных растительных наркотиков (таких как марихуана или гашиш) к концентрированным синтетическим веществам. Новые психоактивные вещества (НПВ), такие как синтетические каннабиноиды («спайсы») и катиноны («соли»), обладают исключительно высокой активностью, что позволяет в микроскопических дозах перевозить партии, рассчитанные на тысячи разовых потреблений. Это напрямую влияет на логистику: вместо громоздких тюков требуются лишь несколько сотен граммов вещества, легко маскируемых в любом предмете багажа.

Сдвиг в сторону синтетических веществ представляет собой наиболее выра-

женную современную тенденцию. Наблюдается отчетливое вытеснение растительных наркотиков (гашиш, марихуана) синтетическими аналогами. Это обусловлено совокупностью значимых факторов. Синтетические вещества, как правило, не имеют выраженного запаха, обладают высокой концентрацией и однородностью состава, что делает их более предпочтительными для контрабанды. Производство синтетики не привязано к агрокультуре и может осуществляться круглогодично в любом регионе мира, обеспечивая стабильность поставок. Постоянное появление новых структурных формул опережает процесс их внесения в запретительные списки и разработки методик идентификации.

Концентрация и миниатюризация становятся ответом на усиление систем безопасности. Под давлением контролирующих органов происходит естественный отбор в пользу все более концентрированных веществ. Логистическая цепочка все чаще строится по принципу «сырье – концентрат – конечный продукт». Ключевые перевалочные узлы связаны с перевозкой именно концентратов, которые затем разбавляются уже в стране назначения. Это снижает издержки и риски на основном, самом защищенном отрезке пути. Современные наркотики характеризуются возрастающей психоактивной мощностью при уменьшении физического объема, что идеально соответствует ограничениям воздушного транспорта.

Проведенное исследование позволяет заключить, что предмет наркоконтрабанды на воздушном транспорте обладает комплексом специфических особенностей, которые определяют стратегию и тактику противоправной деятельности. Эти особенности формируются под влиянием физико-химических свойств (агрегатное состояние, запах, растворимость), экономических параметров (стоимость, объем, вес) и потребительских характеристик (спрос, сегментация рынка) [5, с. 16].

Ключевыми современными тенденциями являются: переход к высококонцентрированным синтетическим веществам с минимальным объемом и максимальной стоимостью; рост доли жидких и растворенных форм, сложных для выявления; активная эксплуатация правовых лакун, связанных с новыми психоактивными веществами. Эволюция предмета контрабанды носит адаптивный характер, являясь прямым ответом на ужесточение мер контроля и совершенствование технологий досмотра.

Выявленные особенности имеют важное прикладное значение для совершенствования противодействия наркоконтрабанде. Они указывают на необходимость смещения акцентов в работе правоохранительных и таможенных органов в сторону профилирования грузов на основе анализа их физико-химических и экономических параметров. Дальнейшие исследования в данном направлении должны быть ориентированы на прогнозирование появления новых типов наркотических средств, оптимально приспособленных для контрабандных перевозок воздушным транспортом, и разработку превентивных мер на основе такого прогнозирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В. История и нормативно-правовое регулирование оборота наркотических средств и наркопреступности в СССР и России в XX веке // Мир науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 5.

2. Данилов, В. В. Появление и регулирование наркопреступности в России в XX веке // Инновационные тенденции, социально-экономические и правовые проблемы взаимодействия в международном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск, 2016. – С. 194–196.

3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.

4. Данилов В. В., Асанова И. П., Перепелкин В. Ю. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 288–297.

5. Данилов В. В., Старостин Д. Н. Особенности тактики производства следственного осмотра и освидетельствования при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения– Саранск, 2021. – С. 13–18.

УДК 343.9

СПОСОБЫ КОНТРАБАНДНОЙ ПЕРЕВОЗКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Сергомасова Яна Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808928@rnc.su

METHODS OF SMUGGLING NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY AIR

Sergomasova Yana Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ современных способов контрабандной перевозки наркотических средств и психотропных веществ с использованием воздушного транспорта. Рассматриваются методы сокрытия запрещенных веществ в багаже, на теле пассажиров (с проглатыванием и в полостях тела), а также в грузовых отправлениях. Особое внимание уделяется изощренным технологическим приемам, включающим маскировку в предметах бытовой электроники, одежды и иных материальных объектов. Отдельно исследуется проблема вовлечения в наркоторговлю третьих лиц, таких как курьеры («мулы») и представители авиационного персонала. В заключении подчеркивается необходимость применения комплексного подхода, сочетающего технические средства досмотра, оперативно-розыскную деятельность и международное сотрудничество для эффективного противодействия данному виду преступности.

Ключевые слова: контрабанда наркотиков, воздушный транспорт, пассажирские перевозки, грузовые авиаперевозки, сокрытие наркотических средств, досмотр, «наркокурьеры», безопасность, таможенный контроль, психотропные вещества.

The article provides a comprehensive analysis of modern methods of smuggling narcotic drugs and psychotropic substances using air transport. Methods of hiding prohibited substances in baggage, on passengers' bodies (with ingestion and in body cavities), as well as in cargo shipments are considered. Special attention is paid to sophisticated technological techniques, including disguise in consumer electronics, clothing, and other tangible objects. The problem of involving third parties in drug trafficking, such as couriers ("mules") and representatives of aviation personnel, is being investigated separately. In conclusion, it is emphasized the need for an integrated approach combining technical means of inspection, operational investigative activities and international cooperation to effectively counter this type of crime.

Keywords: drug smuggling, air transport, passenger transportation, cargo air transportation, concealment of narcotic drugs, inspection, "drug couriers", security, customs control, psychotropic substances.

Воздушный транспорт, являясь одним из наиболее быстрых и эффективных средств коммуникации в глобальном масштабе, одновременно представляет собой ключевой канал для незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее НС и ПВ). Высокая скорость доставки, интенсивность пассажиропотоков и объемов грузовых перевозок создают уникальные вызовы для правоохранительных и таможенных органов по всему миру [1, с. 17]. Преступные группировки постоянно изощряются в разработке новых и совершенствовании существующих методов контрабанды, стремясь минимизировать риски обнаружения запрещенных веществ. Актуальность темы обусловлена постоянной эволюцией криминальных схем, что требует адекватного и своевременного реагирования со стороны систем обеспечения безопасности. Целью данной статьи является систематизация и детальный анализ современных способов сокрытия и перевозки НС и ПВ на воздушном транспорте, что может способствовать повышению эффективности мер по их выявлению и пресечению. Исследование охватывает как методы, связанные с пассажирами и их багажом, так и специфические схемы, используемые в грузовых авиаперевозках.

Многообразие способов незаконной транспортировки наркотиков воздушным путем можно классифицировать по нескольким ключевым критериям, главным из которых является объект, используемый для сокрытия. Наиболее распространенная классификация включает три крупных блока: перевозка с использованием пассажиров (включая «наркокурьеров»), сокрытие в багаже и ручной клади, а также контрабанда через каналы грузовых авиаперевозок. Каждый из этих блоков, в свою очередь, подразделяется на множество изощренных методик, выбор которых зависит от вида наркотика, маршрута, уровня контроля в аэропортах отправления и назначения, а также от ресурсов преступной организации. Понимание данной классификации является фундаментальным для построения эффективной системы противодействия.

Данный метод остается одним из самых распространенных в силу своей относительной простоты и возможности дистанцирования организаторов от непосредственного риска. Преступники используют багаж как пассажиров, не подозревающих о содержимом своих чемоданов (например, при оформлении фальшивых туров или «подарков» от новых знакомых), так и специально нанятых курьеров [2, с. 291].

Маскировка в предметах личного пользования. Наркотики упаковываются в герметичные пакеты и прячутся внутри полостей повседневных вещей. Это могут быть полости косметичек, флаконов с шампунем или кремом (содержимое которых заменяется на наркотическое вещество), упаковки с пищевыми продуктами (чай, кофе, конфеты), где оригинальный продукт смешивается с замаскированным наркотиком или полностью им заменяется. Широко известны случаи сокрытия в полостях обуви, под стельками, в переплетах книг, внутри электронных

устройств (ноутбуков, колонок, блоков питания), где наркотики размещаются вместо аккумуляторов или иных компонентов.

Конструктивное видоизменение предметов багажа. Более сложный метод, предполагающий оборудование в чемоданах, сумках или коробках специальных тайников-«схронов». Создаются ложные дна и стенки, используются потайные карманы в одежде, которые визуальны и при поверхностном ощупывании неотличимы от обычных. Для изготовления таких тайников часто применяются материалы, маскирующие наркотики от рентгеновских лучей, например, слои фольги или определенных полимеров.

Пропитка материалов. Жидкие или порошкообразные наркотики могут растворяться и пропитывать текстильные материалы: одежду, полотенца, ковры. После доставки в пункт назначения вещество экстрагируется с помощью химических реактивов. Этот метод представляет особую сложность для обнаружения, так как стандартные досмотровые системы могут не идентифицировать измененную структуру материала. Эффективность данного способа базируется на фундаментальных физико-химических процессах. В качестве носителя чаще всего используются материалы с высокими абсорбционными свойствами, такие как хлопок, шерсть или некоторые виды синтетических тканей. Наркотическое вещество предварительно превращается в раствор с использованием летучих органических растворителей, которые, испаряясь, оставляют молекулы наркотика глубоко в волокнистой структуре текстиля. Происходит не просто поверхностное нанесение, а глубокая диффузия, вплоть до химической адсорбции на поверхности волокон.

Процесс экстракции в пункте назначения является критически важным и одновременно уязвимым звеном всей цепи. Для обратного выделения наркотика пропитанный предмет погружают в подходящий растворитель (например, ацетон, этанол или дистиллированную воду, в зависимости от свойств наркотика), который «вымывает» активное вещество из ткани. Последующая стадия включает в себя очистку полученного раствора и выпаривание растворителя для получения готового к сбыту продукта. Однако этот процесс неизбежно приводит к частичной, а иногда и полной деградации наркотического вещества, снижая его чистоту и психоактивный эффект. Кроме того, для проведения такой операции требуются базовые лабораторные условия и знания, что повышает риски для преступников.

Главная проблема для служб безопасности при выявлении такой контрабанды заключается в ее «нематериальности». Стандартные рентгенотелевизионные интроскопы (РТИ), настроенные на выявление аномалий плотности и распознавание форм спрятанных предметов, оказываются малоэффективными. Тонкий слой наркотика, распределенный по большому объему ткани, не создает четкого рентгеноконтрастного изображения. Сложности добавляет и то, что многие текстильные изделия сами по себе имеют неоднородную структуру, что еще больше маскирует наличие пропитки.

Перевозка наркотиков на теле пассажиров и с проглатыванием непосредственное участие человека-курьера («мула») и считается одним из наиболее рискованных, но при этом трудновывяемых на этапе стандартного досмотра [3, с. 12].

Соккрытие в естественных полостях тела. Данный метод подразумевает помещение специально упакованных наркотиков (как правило, в виде герметичных капсул, обернутых в несколько слоев латекса или иного прочного материала) в прямую кишку или влагалище. Обнаружение таких капсул требует проведения сложных медицинских процедур и возможно только при наличии веских оснований для подозрений, подтвержденных, например, с помощью позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ) или рентгена. Риск для курьера чрезвычайно высок – в случае разрыва упаковки возможна мгновенная передозировка и летальный исход.

Проглатывание контейнеров с наркотиками. Аналогичный по сути, но еще более опасный метод. Курьер проглатывает десятки герметично упакованных капсул с наркотиком (чаще всего кокаином или героином). Транспортировка занимает несколько дней, в течение которых курьер не может принимать пищу и находится в состоянии постоянного стресса. Извлечение капсул происходит естественным путем после прибытия. Риск разрыва упаковки в желудочно-кишечном тракте крайне велик и почти всегда приводит к трагическим последствиям.

Наружное соккрытие на теле. Наркотики в плоских упаковках прикрепляются к телу с помощью скотча, специальных поясов или корсетов, маскируясь под нательное белье или под одеждой. Для маскировки запаха упаковки часто обрабатываются сильно пахнущими веществами (кофе, специи). Обнаружение возможно при личном досмотре или с помощью металлодетекторов, если в упаковке присутствуют металлические элементы.

Грузовой авиатранспорт представляет для наркоторговцев особый интерес в связи с огромными объемами перевозок, что позволяет скрывать значительные партии наркотиков. Методы соккрытия здесь ограничены лишь фантазией преступников.

Маскировка в легальных коммерческих товарах. Наркотики прячутся среди или внутри партий легальных товаров. Классическими примерами являются соккрытие в партиях продуктов питания (фрукты, овощи, мясо, где наркотики замораживаются вместе с продукцией), в промышленном оборудовании, в рулонах тканей, в предметах мебели и декора, в строительных материалах [4, с. 296].

Использование «подставных» или фальсифицированных грузов. Создаются фиктивные транспортно-логистические компании, которые оформляют отправку легального груза, но по факту в нем содержатся наркотики. Документы на груз могут быть поддельными, что затрудняет отслеживание реального отправителя и получателя. Иногда наркотики подкладываются в грузы добросовестных компаний без их ведома, что требует от последних усиления мер внутренней безопасности.

Технологически сложные методы соккрытия. Преступные организации все чаще прибегают к помощи высококвалифицированных специалистов. Наркотики могут быть вкраплены в пластиковые изделия, растворены в жидкостях (например, в чернилах для принтеров или парфюмерии), или даже включены в состав других порошкообразных материалов, таких как удобрения или химические реактивы. Выявление таких партий требует применения сложных химико-

аналитических методов в лабораторных условиях, что делает сплошной контроль всего грузового потока практически невозможным.

Наиболее трудно выявляемым каналом контрабанды является вовлечение в нее сотрудников авиапредприятий. Доступ таких лиц в зоны строгого контроля предоставляет им уникальные возможности.

Вовлеченность членов экипажей и наземных служб. Бортпроводники, пилоты и работники наземного обслуживания, имеющие доступ к самолетам и служебным помещениям, могут проносить наркотики, минуя стандартные пассажирские и грузовые процедуры досмотра. Наркотики могут быть спрятаны в служебных помещениях самолета, в личных вещах персонала, которые не досматриваются так тщательно, как вещи пассажиров.

Использование служебного багажа и почты. Преступники могут использовать каналы служебной авиапочты или дипломатической почты, которая в соответствии с международными конвенциями обладает иммунитетом от досмотра. Это один из самых защищенных, но в то же время крайне рискованных для злоупотреблений каналов.

«Броски» через периметр аэропорта. Иногда наркотики перебрасываются через ограждение периметра аэропорта в заранее условленное место на территории строгого режима, откуда их забирает сообщник из числа персонала и помещает на борт самолета. Данный метод требует тщательной координации и уязвим при усилении контроля за периметром и видеонаблюдения.

Борьба с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ на воздушном транспорте представляет собой непрерывное противостояние между преступными инновациями и системами безопасности. Анализ показывает, что спектр способов сокрытия чрезвычайно широк – от примитивных «закладок» в багаже до высокотехнологичных методов маскировки в грузах и использования внутренних каналов аэропортов. Ни один из способов не является стопроцентно надежным, но их многообразие позволяет наркоторговцам адаптироваться к мерам контроля [5, с. 5].

Эффективное противодействие требует комплексного подхода, сочетающего в себе несколько элементов. Во-первых, это постоянное технологическое совершенствование досмотрового оборудования: рентгенотелевизионных интроскопов, спектрометров, детекторов паров и микроследов наркотических веществ. Во-вторых, необходима реализация системы управления рисками, позволяющей сфокусировать ресурсы на наиболее вероятных угрозах, используя анализ данных и профилирование. В-третьих, неотъемлемой частью является оперативно-розыскная деятельность, направленная на выявление и пресечение деятельности преступных групп, вербовку информаторов и проведение контролируемых поставок. Наконец, ключевое значение имеет международное сотрудничество правоохранительных и таможенных служб, обмен разведывательной информацией и гармонизация стандартов безопасности. Только такой многоуровневый и проактивный подход может обеспечить достаточный уровень защиты воздушного транспорта от использования его в противоправных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Старостин Д. Н. Особенности тактики производства следственного осмотра и освидетельствования при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения. – Саранск, 2021. – С. 13–18.
2. Данилов В. В., Асанова И. П., Перепелкин В. Ю. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 288–297.
3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
4. Данилов, В. В. Появление и регулирование наркопреступности в России в XX веке // Инновационные тенденции, социально-экономические и правовые проблемы взаимодействия в международном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск, 2016. – С. 194–196.
5. Данилов В. В. История и нормативно -правовое регулирование оборота наркотических средств и наркопреступности в СССР и России в XX веке // Мир науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 5.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Солдатова Татьяна Вячеславовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: SoldatovaTV@yandex.ru

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN A STATE OF AFFECTION

Soldatova Tatyana Vyacheslavovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта. Автор обращает внимание на наличие несоответствий между фактическими обстоятельствами дел и мягкостью назначаемых наказаний, что во многих случаях обусловлено субъективным подходом к оценке состояния аффекта. Анализ существующей судебной практики показывает существование тенденции к оправданию насильственных действий посредством признания состояния сильного душевного волнения у преступника в момент совершения преступления. Делается вывод о целесообразности реформирования института аффекта с целью повышения объективности и справедливости судебных решений.

Ключевые слова: аффект, квалификация преступлений, уголовное право, судебная практика, гендерная предвзятость, судебно-психологическая экспертиза, уголовная ответственность.

The article discusses the problems of qualification of crimes committed in a state of affect. The author draws attention to the existence of inconsistencies between the actual circumstances of cases and the leniency of the imposed penalties, which in many cases is due to a subjective approach to assessing the state of affect. An analysis of existing judicial practice shows the existence of a tendency to justify violent actions by recognizing the state of strong mental agitation in the criminal at the time of committing the crime. It is concluded that it is expedient to reform the institution of affect in order to increase the objectivity and fairness of court decisions.

Keywords: affect, qualification of crimes, criminal law, judicial practice, gender bias, forensic psychological examination, criminal liability.

В российском уголовном праве преступление, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), часто квалифицируется как совершенное со смягчающим обстоятельством, что приводит к относительно мягким приговорам - от исправительных работ до нескольких лет лишения свободы. В результате при квалификации таких противоправных деяний основной проблемой является то, что зачастую преступления, совершенные с особой жестокостью либо представляющие собой факты домашнего насилия, практически оправдывают преступника, что ставит под сомнение защиту потерпевшего. По причине указанного расследование таких преступлений и связанные с ними судебные процессы вызывают широкий общественный резонанс, что показывает наличие проблем в правоприменительной практике, связанных с существованием множества оценочных понятий при квалификации преступлений, совершенных в состоянии аффекта.

К числу таких дел можно отнести расследование преступления, в котором мужчина задушил женщину, нанес удары по лицу, а затем утопил ее тело в болоте. Согласно приговору ему было назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 3 года, поскольку экспертиза подтвердила наличие у него физиологического аффекта.

Данное дело вызвало неоднозначную общественную реакцию в связи с тем, что по обстоятельствам дела аффект возник как ответная реакция на неуважительный отказ женщины вступить в отношения. При этом из материалов дела следует, что преступные действия были совершены именно как реакция на тяжкое оскорбление.

В юридическом сообществе велись споры на тему может ли вообще отказ вступить в отношения считаться тяжким оскорблением и указывалось на существование гендерной предвзятости при оценке аффекта, так как в данном деле уделялось особое внимание именно унижению, которое испытал мужчина, получив отказ [1].

Проблема гендерной предвзятости является достаточно актуальной и широко распространенной в России. В подтверждение указанного можно привести уголовное дело, в котором мужчина убил свою бывшую жену, ударив ее по голове рукояткой пистолета. После этого он завернул ее в ковер и оставил в квартире, где труп женщины нашли соседи.

В данном деле экспертиза установила наличие физиологического аффекта, который, как и в предыдущем деле, возник из-за нанесенного тяжкого оскорбления (женщина оскорбила дочерей мужчины от нового брака).

Результаты экспертизы подвергались многочисленной критике из-за фокусирования внимания на аморальном поведении женщины и субъективизме, применяемом в подходах к установлению аффекта [2].

Аналогично аффект был установлен в деле, где мужчине назначили наказание в виде 2,5 лет лишения свободы в колонии общего режима. Экспертиза устано-

вила наличие аффекта, возникшего из-за аморального поведения женщины, выразившегося в систематических изменах.

Примечательно, что в данной ситуации имело место двойное убийство: мужчина убил свою жену, нанеся ей 46 ударов ножом, и её любовника, которому отсек половой орган.

Особой критике подвергались факты множественности убийства в состоянии аффекта, что является редкостью, а также очередное использование аморальности поведения жертвы с целью смягчения наказания [3].

В другом деле была ярко выражена существующая в России проблема домашнего насилия, которое зачастую приводит к совершению преступлений. Так, к наказанию в виде ограничения свободы в 1,5 года была привлечена женщина, убившая собственную дочь, нанеся ей 40 ударов топором.

Из материалов дела следует, что между женщинами происходили систематические конфликты, в которых дочь требовала от матери деньги под угрозой ограничения общения с внучкой.

По итогам экспертизы было установлено, что преступление действительно совершено в состоянии аффекта, который возник в результате многолетнего накопительного эффекта на почве эмоциональных конфликтов с систематическим применением насилия.

В юридическом сообществе отмечалось, что приговор является достаточно мягким с учетом особой жестокости, с которой было совершено убийство, и с учетом семейного контекста.

В схожем деле мужчина убил свою мать, страдающую психическим расстройством. Ему было назначено всего 8 месяцев ограничения свободы, поскольку экспертиза установила наличие состояния аффекта в момент совершения преступления. При этом аффект также, как и в предыдущей ситуации, имел накопительный эффект из-за хронического стресса.

Данное дело также подвергалось критике из-за мягкости приговора [4].

Аффект достаточно часто становится предметом злоупотреблений как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. С помощью данного правового института предпринимаются попытки смягчить ответственность преступников, переложив часть вины на поведение потерпевшей стороны.

Так, к примеру, широко обсуждалось дело, в котором мужчина убил и расчленил женщину. Стороной защиты активно предпринимались попытки оправдать убийство истерикой жертвы, однако, характер совершенного преступления, в частности, наличие видео с места преступления, которое сделал сам мужчина, вызвали широкое общественное обсуждение, в ходе которого тысячи людей требовали не смягчать приговор. В итоге, мужчине было назначено наказание как за обычное убийство в виде 12,5 лет лишения свободы в колонии строго режима [5].

Весной 2025 года общественность потрясло преступление, совершенное 19-летним парнем, который нанес 83 ножевых ранения своей несовершеннолетней девушке.

В деле фигурировали сведения об аморальном поведении девушки, выразившемся в отказе от вступления в отношения и оскорблении близких обвиняемого. Указанные обстоятельства защита пыталась выставить как основание для возникновения состояния аффекта в момент совершения преступления.

Благодаря общественному резонансу, преступление было квалифицировано как убийство, совершенное с особой жестокостью. Преступнику назначено наказание в виде 19,5 лет лишения свободы в колонии строгого режима [6].

Вышеописанные случаи показывают, что аффект чаще всего применяется в бытовых конфликтах (ревность, оскорбления, накопленный стресс). При этом, квалификация таких преступлений, как совершенных в состоянии аффекта, приводит к назначению достаточно мягких приговоров, которые представляют собой ограничение свободы на срок до 3 лет в 90 % дел [7, с. 36].

В заключение можно сделать вывод, что институт аффекта в России требует реформирования, поскольку назрела необходимость в закреплении более четких законодательных критериев для разграничения состояний сильного душевного волнения и обычных эмоциональных реакций.

В частности, предлагается унифицировать проведение судебно-психологических экспертиз с целью исключить субъективизм и манипуляции при их проведении. Кроме того, необходимо ужесточить ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью или по мотивам гендерного насилия, даже при наличии признаков совершения в состоянии аффекта.

Представляется, что для решения рассматриваемой проблемы также важно обеспечить усиление контроля со стороны общественности и судов за квалификацией таких дел, чтобы исключить оправдание насилия состоянием аффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оскорбившийся житель Урала убил женщину и вышел на свободу. – URL: <https://www.mk.ru>
2. Убивший свою жену экс-полицейский в Дагестане избежал наказания. – URL: <https://pravo.ru>
3. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2023 г. № 35-УД23-26-А1 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант»
4. Апелляционное определение Московского областного суда от 13 июня 2020 г. по делу № 22-3857/2020 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант»
5. Суд дал расчленившему аспирантку историку Соколову 12,5 лет. – URL: <https://rbc.ru>
6. Суд вынес приговор по уголовному делу об убийстве 17-летней девушки. – URL: <https://pravo.ru>
7. Скворцова О. В. Некоторые аспекты уголовно-правовой регламентации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – № 3. – С. 35–42.

УДК 340

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ: ПОНЯТИЕ, ОТЛИЧИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Солдатова Татьяна Вячеславовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: SoldatovaTV@yandex.ru

PHYSIOLOGICAL AND PATHOLOGICAL AFFECT: CONCEPT, DIFFERENCES, AND SIGNIFICANCE FOR CRIMINAL LAW THE ROLE OF Soldatova Tatyana Vyacheslavovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе рассматривается одно из ключевых понятий уголовного права – аффект, его виды, правовое и психологическое содержание, а также значение для квалификации преступлений. Автор выделяет два основных вида аффекта – физиологический и патологический, анализируя их признаки, механизм возникновения и правовые последствия. В работе подчеркивается необходимость четкого определения признаков аффекта для обеспечения справедливости уголовного судопроизводства и единообразия правоприменения.

Ключевые слова: аффект, смягчающие обстоятельства, физиологический аффект, патологический аффект, судебно-психиатрическая экспертиза, вменяемость, уголовная ответственность

The paper examines one of the key concepts of criminal law – affect, its types, legal and psychological content, as well as its significance for the qualification of crimes. The author distinguishes two main types of affect – physiological and pathological, analyzing their characteristics, mechanism of occurrence, and legal consequences. The paper emphasizes the need for a clear definition of the characteristics of affect to ensure the fairness of criminal proceedings and the uniformity of law enforcement.

Keywords: affect, mitigating circumstances, physiological affect, pathological affect, forensic psychiatric examination, sanity, criminal liability

Аффект является одной из наиболее спорных категорий уголовного права, но при этом имеет важное практическое значение, поскольку его наличие непосредственно влияет на правильную квалификацию совершенного преступления. В зависимости от вида аффекта устанавливается вменяемость обвиняемого, а также возможность его привлечения к уголовной ответственности.

В законодательстве и судебной практике возникает достаточно много противоречий, которые обусловлены использованием оценочных понятий, а именно таких, как: «аморальное поведение потерпевшего», «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и другие. Отсутствие единого подхода к пониманию подобных понятий порождает спорные ситуации при решении вопроса о наличии состояния аффекта у обвиняемого в момент совершения преступления, а, соответственно, и возможности квалификации противоправного деяния по статьям, имеющим привилегированный состав.

В медицинской литературе под аффектом понимается кратковременное, интенсивное эмоциональное состояние с выраженным нарушением регуляции поведения, часто сопровождаемое сужением сознания и снижением самоконтроля [1, с. 115].

Различают два вида аффекта: физиологический и патологический.

Физиологический аффект рассматривается в литературе как нормальное психическое состояние человека, характеризующееся высокой эмоциональной реакцией, но не исключающее вменяемость человека.

Ф. С. Сафуанов отмечает, что физиологический аффект имеет три стадии: подготовительную, аффективный взрыв и стадию истощения. При этом физиологи-

ческий аффект возникает как реакция на психотравмирующую ситуацию с последующей эмоциональной разрядкой [2, с. 300].

Физиологический аффект вызывает сужение сознания, которое влияет на целостность восприятия и способность контролировать поведение. Именно указанные характеристики имеют значение для юридической оценки аффекта: внезапность, импульсивность, снижение самоконтроля.

Для физиологического аффекта характерны следующие признаки:

- наличие психотравмирующего раздражителя;

Аффект возникает как ответная реакция либо на внезапную и значимую ситуацию, либо как выплеск накопленного напряжения.

- внезапность и неожиданность;

Состояние аффекта возникает быстро без подготовительной фазы в сознании человека.

- дезорганизация психики;

При аффекте нарушается способность к волевой регуляции, выбору адекватного поведения.

- импульсивность действий;

Под влиянием сильного эмоционального волнения человек совершает необдуманные действия, которые в обычном состоянии для него нехарактерны.

- отсутствие патологического состояния;

Несмотря на сильное эмоциональное возбуждение, психическое состояние нельзя охарактеризовать как болезненное, в связи с чем человек признается вменяемым.

Юридическая значимость физиологического аффекта заключается в том, что его наличие позволяет определить, что обвиняемый в момент совершения преступления находился под влиянием эмоционального переживания и это снизило возможность контролировать поведение, но при этом не повлияло на вменяемость.

Важно отличать физиологический аффект от патологического, поскольку наличие патологического аффекта исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности. В связи с этим большое внимание уделяется доказательственной базе: показаниям свидетелей, экспертизе.

Как указывает Д. М. Апкаев, не менее значимой проблемой является разграничение физиологического аффекта и обычной эмоциональной реакции, поскольку существует риск признания любого эмоционального состояния аффектом и, как следствие, неправомерного смягчения ответственности [3, с. 126].

Иначе обстоит ситуация с патологическим аффектом, который рассматривается как психическое расстройство, исключающее уголовную ответственность в связи с невменяемым состоянием человека в момент совершения преступления.

Так, Е. В. Никульченкова указывает, что патологический аффект характеризуется кратковременным расстройством психики, которое сопровождается потерей контроля над поведением [4, с. 27]. Патологический аффект может возникать также, как и физиологический, в ответ на интенсивную психотравмирующую ситуацию. Но его отличительной особенностью является именно полная потеря контроля.

В судебно-психиатрической литературе указывается, что характерными признаками патологического аффекта являются: «глубокое помрачение сознания», «бурное двигательное возбуждение с автоматическими действиями», «полная или почти полная амнезия» [5, с. 50].

Указанное подчёркивает, что патологический аффект схож с кратковременным психическим расстройством, в связи с чем он является не только основанием для освобождения от уголовной ответственности, но и основанием для направления на принудительное лечение.

Характерными признаками патологического аффекта являются следующие:

- наличие психического заболевания;

Как правило, патологический аффект является следствием имеющегося у человека психического заболевания, например, шизофрении или психопатии.

- внезапность возникновения;

Состояние патологического аффекта возникает в результате сильной психической травмы, вызванной конфликтом или иной психотравмирующей ситуацией.

- потеря контроля над поведением;

При патологическом аффекте поведение имеет импульсивный характер, в результате чего человек не осознает и не контролирует свое поведение.

- возможность потери памяти;

Как правило, после совершения деяния в состоянии патологического аффекта человек не помнит о случившемся либо имеет искаженные воспоминания.

- характер действий;

Совершаемые в состоянии патологического аффекта действия носят хаотичный характер, что может выражаться в применении подручных средств совершения преступления, непродуманности действий и т.д.

Юридическое значение патологического аффекта заключается в том, что невменяемость лица является основанием для его освобождения от уголовной ответственности, поскольку в таком состоянии оно не могло осознавать общественную опасность совершаемого деяния. При этом такое состояние также, как и физиологический аффект, подтверждается на основании экспертизы.

Основными проблемными моментами является то, что при проведении экспертизы граница между физиологическим аффектом и патологическим аффектом достаточно часто является расплывчатой, что делает невозможным подготовку достоверного заключения. Кроме того, не всегда однозначным является наличие предпосылок в виде предшествующего психического заболевания, в связи с чем существует необходимость выяснения имеет ли место патология или просто сильная эмоциональная реакция [6, с. 117].

Т. Е. Кострова отмечает, что существующие виды аффекта имеют много общих признаков, что создает риски злоупотреблений, совершаемых с целью ухода от уголовной ответственности, а невозможность юридического закрепления исчерпывающих признаков каждого из видов аффекта создает проблему для единообразия практики и экспертных оценок [7; с. 40].

Таким образом, установление наличия аффекта при совершении противоправного деяния имеет важное значение для его уголовно-правовой квалификации, поскольку от вида аффекта зависит не только возможность смягчения наказания, но и возможность освобождения лица от уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – Москва : Юридическая литература, 2021. – 224 с.
2. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза : учебник для вузов. – Москва : Юрайт, 2024. – 421 с.
3. Апкаев Д. М. Понятие «аффект» в уголовном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №3. – С. 125–128.
4. Никульченкова Е. В. Психофизиологические и юридические критерии аффекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – № 5. – С. 20–27.
5. Олейник Ю. В. Физиологический аффект: его уголовно-правовое и психологическое значение и отличие от патологического аффекта // Юридическая техника. – 2022. – № 5. – С. 47–53.
6. Климов С. Н. Состояние аффекта как категория уголовного права: анализ теории и практики // Вестник Пензенского государственного университета. – 2022. – № 10. – С. 117–123.
7. Кострова Т. Е. Виды и значение аффекта в уголовном праве // Актуальные исследования. – 2023. – № 7. – С. 37–42.

УДК 34

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Спиридонова Мария Николаевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810419@ruc.su

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR COMBATING CORRUPTION IN THE LEGAL FIELD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Spiridonova Mariya Nikolaevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Представленная работа посвящена анализу международных стандартов противодействия коррупции, а также механизмов их реализации в антикоррупционном законодательстве Российской Федерации. Особое внимание уделяется соответствию российских правовых норм требованиям Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. В данной статье мы приходим к выводу о том, что борьба с таким деструктивным явлением, как коррупция, должна носить системный и комплексный характер, с имплементацией положительного опыта реализации антикоррупционных международно-правовых стандартов в российское законодательство.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, международно-правовые стандарты, антикоррупционное законодательство, Конвенция.

The presented work is devoted to the analysis of international anti-corruption standards, as well as the mechanisms of their implementation in the anti-corruption legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the compliance of Russian legal norms with the requirements of the UN Convention against Corruption and the Council of Europe Convention on Criminal Liability for Corruption. In this article, we conclude that the fight against such a destructive phenomenon as corruption should be systematic and comprehensive, with the implementation of positive experience in the implementation of anti-corruption international legal standards in Russian legislation.

Keywords: corruption, anti-corruption measures, international legal standards, anti-corruption legislation, The Convention.

В современном мире коррупция остаётся одной из наиболее острых и масштабных проблем, оказывая деструктивное влияние на глобальную безопасность, устойчивость экономического развития и социальное благополучие обществ. С целью противодействия этому явлению международным сообществом разработан и принят ряд конвенций, резолюций и других нормативных документов, направленных на борьбу с коррупционными проявлениями. Российская Федерация, присоединившись к ключевым международным договорам в данной сфере, последовательно реализует их положения в национальной правовой системе и совершенствует внутренние механизмы антикоррупционной политики.

В соответствии с международно-правовыми стандартами противодействие коррупции реализуется на нескольких уровнях и закреплено в ряде ключевых международных конвенций. К числу таких документов относятся: Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 г. [1]; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [2]; Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [3]; а также Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [4].

Российская Федерация в 2000-х годах ратифицировала указанные международные договоры: 8 марта 2006 г. был принят Федеральный закон № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции», а 14 июля того же года – Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию». Кроме того, с 1 февраля 2007 г. Россия официально присоединилась к Группе государств против коррупции (ГРЕКО), что обусловило необходимость адаптации и имплементации положений данных международных правовых актов в национальное законодательство.

Конвенция ООН против коррупции 2003 года (далее – Конвенция ООН) представляет собой ключевой международно-правовой акт, закрепляющий универсальные нормы и принципы борьбы с коррупцией [5]. В её преамбуле подробно обозначены коррупционные угрозы, рассматриваемые как фактор, подрывающий устойчивость мирового сообщества и безопасность человечества, особенно в условиях глобализационных процессов. Ратифицировав Конвенцию, Российская Федерация взяла на себя обязательства по уголовному преследованию коррупционных преступлений, профилактике коррупции в государственных и частных структурах, а также по развитию международного сотрудничества в сфере расследования и возврата незаконно выведенных активов. Кроме того, документ предусматривает создание специализированных органов, отвечающих за противодействие коррупции. В России данное положение было реализовано посредством Указа Президента РФ от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции», которым учрежден Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции.

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от

1999 г. (далее – Конвенция) направлена на гармонизацию уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции. Российская Федерация, после присоединения в 2006 году, внесла существенные изменения в Уголовный кодекс, такие как: установление ответственности за подкуп иностранных должностных лиц, расширение перечня коррупционных преступлений. Кроме этого, Конвенция предусматривает меры по защите лиц, сообщающих о коррупции, что нашло отражение в российском законодательстве (ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Приоритетным направлением развития антикоррупционного законодательства Российской Федерации является поступательная адаптация международных норм и стандартов противодействия коррупции к национальной правовой системе. В целях их реализации в стране разработан и функционирует Национальный план противодействия коррупции, который регулярно корректируется и дополняется с учётом мировых тенденций и рекомендаций международных организаций.

В соответствии с международными обязательствами в России приняты ключевые нормативные акты, в числе которых Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6] и Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Также были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации и ряд федеральных законов – включая Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Указанные поправки направлены на ужесточение ответственности за коррупционные деяния и повышение эффективности антикоррупционных механизмов.

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, в отечественной антикоррупционной политике сохраняются определённые противоречия и проблемы. Реализация международных стандартов противодействия коррупции в Российской Федерации осложняется федеративным устройством государства, что делает единообразное правоприменение на уровне регионов и муниципалитетов достаточно сложной задачей. В региональных нормативных актах нередко выявляются следующие недостатки: отсутствие унифицированной системы оценки уровня коррупции, расхождения в терминологии по сравнению с федеральным законодательством, а также дублирование положений федеральных правовых актов в праве субъектов Российской Федерации.

Подобные проблемы закономерно актуализируют идею разработки единого антикоррупционного кодекса, который мог бы объединить принципы и инструменты регулирования на федеральном и региональном уровнях, устранив существующие правовые коллизии. Как отмечает Т. Я. Хабриева, концепция принятия федерального закона, закрепляющего основы и принципы законодательства субъектов Федерации в сфере противодействия коррупции, представляется перспективной. Такой подход позволит достичь правовой гармонизации, обеспечить сопоставимость региональных актов и интегрировать успешный опыт субъектов Российской Федерации в общегосударственную антикоррупционную систему [7].

Продолжая анализ реализации международных антикоррупционных стандартов, необходимо отметить, что ключевую роль в обеспечении эффективности национальной политики противодействия коррупции играет адаптация положений международных конвенций к особенностям российской правовой системы. В частности, положения Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию сформировали основу для разработки нормативных механизмов, направленных на повышение прозрачности деятельности государственных органов и предотвращение конфликта интересов среди должностных лиц [2, 4].

На практике внедрение данных положений проявляется через совершенствование антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, развитие института декларирования доходов и имущества государственных служащих, а также создание условий для участия гражданского общества в контроле над деятельностью органов власти. Особое значение при этом приобретают меры по обеспечению открытости бюджетного процесса и внедрению цифровых инструментов, позволяющих минимизировать коррупционные риски при предоставлении государственных и муниципальных услуг [5].

Следует подчеркнуть, что важным направлением реализации международно-правовых обязательств России остаётся укрепление межведомственного и международного сотрудничества. В этом контексте повышается роль таких институтов, как Генеральная прокуратура РФ, Министерство юстиции и Счётная палата, которые обеспечивают взаимодействие с международными организациями в сфере обмена информацией и возврата активов, полученных преступным путём. В последние годы также активно развиваются механизмы правовой помощи при расследовании коррупционных преступлений, что соответствует положениям Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [3].

Тем не менее, несмотря на наличие значительной нормативной базы и развитую систему координации, ряд исследователей отмечают сохраняющееся несоответствие между формальным выполнением международных стандартов и фактическим уровнем эффективности их применения. По мнению А. В. Иванова, проблема заключается в том, что имплементация международных норм в России зачастую носит декларативный характер, не всегда сопровождаясь реальным изменением правоприменительной практики [5]. Данный вывод подтверждается статистическими данными о низкой результативности отдельных антикоррупционных программ на уровне субъектов Российской Федерации.

Особое внимание следует уделить вопросам институциональной устойчивости антикоррупционной системы. Несмотря на наличие правовых механизмов контроля и ответственности, практика показывает, что уровень независимости уполномоченных органов по-прежнему ограничен административным влиянием. Это снижает их способность эффективно выявлять коррупционные проявления на высших уровнях государственного управления. В связи с этим представляется целесообразным дальнейшее развитие организационно-правовых гарантий независимости антикоррупционных органов, а также внедрение механизмов общественного мониторинга их деятельности.

Кроме того, актуальным направлением является формирование антикоррупционной культуры, предполагающей повышение правосознания граждан и нетерпимости общества к проявлениям коррупции. Международный опыт показывает, что устойчивое снижение уровня коррупции возможно лишь при комплексном подходе, включающем не только карательные, но и воспитательные, профилактические и просветительские меры [1, 7]. В этой связи Россия постепенно внедряет образовательные программы по антикоррупционной тематике, ориентированные на студентов, государственных служащих и работников правоохранительных органов.

В заключение следует отметить, что процесс реализации международно-правовых стандартов противодействия коррупции в Российской Федерации можно охарактеризовать как поступательный и многоплановый. Несмотря на сохраняющиеся проблемы институционального и правоприменительного характера, отечественная правовая система в целом демонстрирует тенденцию к повышению транспарентности и соответствию международным требованиям. Дальнейшее совершенствование законодательства должно опираться на углубление взаимодействия с международными организациями, систематизацию правовых норм и укрепление механизмов общественного контроля, что позволит обеспечить более высокий уровень реализации антикоррупционных принципов, закреплённых в международных документах.

Российская Федерация принимает активные действия по имплементации международных антикоррупционных стандартов, однако для полного соответствия требованиям Конвенции ООН и других Конвенций требуется дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Ключевыми направлениями развития антикоррупционного законодательства является усиление международного сотрудничества в борьбе с транснациональной коррупцией и повышение прозрачности государственного управления. Однако, для достижения успехов в борьбе с коррупцией, необходима консолидация всего мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120806
2. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544
3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543
4. Конвенция ООН против коррупции // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140
5. Иванов А. В. Реализация антикоррупционных международно-правовых стандартов в Российской Федерации // Вестник МГУ. Серия «Право». – 2021. – № 4. – С. 78–92.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959
7. Хабриева Т. Я. Антикоррупционное законодательство: категорирование, систематизация и применение // Актуальные вопросы формирования антикоррупционных стандартов и их применения : материалы всероссийской научно-практической конференции (Казань, 31 мая 2017г.). – Казань, 2017. – С. 15–22.

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Теричева Марина Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810422@ruc.su

THE CONCEPT OF ACCESS TO JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tericheva Marina Yurievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена комплексному исследованию понятия доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает доступ к правосудию как фундаментальный принцип, обеспечивающий реальную возможность защиты нарушенных прав и законных интересов. В работе анализируется содержание данного понятия через призму международно-правовых стандартов и национального уголовно-процессуального законодательства. Особое внимание уделяется процессуальным гарантиям, обеспечивающим реализацию доступа к правосудию для различных участников процесса. Исследуются проблемные аспекты, связанные с практической реализацией этого права. В заключение формулируются выводы о значении эффективного доступа к правосудию для построения правового государства.

Ключевые слова: доступ к правосудию, уголовное судопроизводство, право на судебную защиту, справедливое судебное разбирательство, процессуальные гарантии, правосудие, участники уголовного процесса, международные стандарты.

This article is devoted to a comprehensive study of the concept of access to justice in criminal proceedings. The author considers access to justice as a fundamental principle that provides a real opportunity to protect violated rights and legitimate interests. The paper analyzes the content of this concept through the prism of international legal standards and national criminal procedure legislation. Special attention is paid to procedural guarantees that ensure access to justice for various participants in the process. The problematic aspects related to the practical implementation of this right are investigated. In conclusion, conclusions are drawn about the importance of effective access to justice for building a State governed by the rule of law.

Keywords: access to justice, criminal proceedings, right to judicial protection, fair trial, procedural guarantees, justice, participants in criminal proceedings, international standards.

Современное демократическое общество немыслимо без эффективно функционирующей системы правосудия, ядром которой является обеспечение неотвратимости ответственности за совершенное преступление и защита личности от незаконного обвинения. Центральное место в этой системе занимает категория «доступ к правосудию», которая выступает не только правовым принципом, но и практическим ориентиром для построения всего уголовного процесса. В условиях роста социальной значимости судебной власти и повышения требований к качеству отправления правосудия исследование сущности и содержания доступа к правосудию приобретает особую актуальность.

Актуальность темы обусловлена также необходимостью имплементации международных стандартов в области прав человека в национальное законодательство и правоприменительную практику. Право на доступ к правосудию, закрепленное в ряде важнейших международных документов, является основополагающим элементом концепции справедливого судебного разбирательства [1, с. 16].

Его реализация в уголовном судопроизводстве напрямую влияет на уровень доверия граждан к государству и его институтам, а также на восприятие справедливости выносимых судебных решений.

Целью настоящей статьи является комплексный теоретико-правовой анализ понятия доступа к правосудию как многогранной категории в уголовном судопроизводстве. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть сущность и содержание доступа к правосудию; проанализировать его международно-правовые основы; определить систему процессуальных гарантий, обеспечивающих его реализацию для различных участников уголовного процесса; выявить проблемные аспекты и наметить пути их решения.

Понятие «доступ к правосудию» (access to justice) не имеет единого легального определения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, что обуславливает его доктринальный характер. В широком смысле доступ к правосудию понимается как совокупность юридических механизмов и условий, обеспечивающих каждому лицу возможность эффективной защиты своих прав и законных интересов в суде. В контексте уголовного судопроизводства это понятие приобретает специфическое содержание, охватывая как стадию возбуждения уголовного дела, так и все последующие стадии процесса.

Сущность доступа к правосудию заключается в преодолении барьеров – как материального, так и процессуального характера, – которые могут препятствовать лицу в поиске защиты от преступного посягательства или в оспаривании предъявленного обвинения. Это не просто формальная возможность подать жалобу или иск, а реальная, гарантированная государством способность добиться справедливого разрешения своего дела. Таким образом, доступ к правосудию представляет собой единство двух взаимосвязанных элементов: формального (право на обращение в суд) и материального (право на получение эффективной судебной защиты) [2, с. 19].

Содержательный аспект доступа к правосудию в уголовном процессе многогранен. Во-первых, это доступ для потерпевшего от преступления, который включает в себя право на заявление о преступлении, право на участие в доказывании, право на поддержание государственного обвинения и, наконец, право на возмещение причиненного вреда. Во-вторых, это доступ для подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, который гарантирует право на защиту, презумпцию невиновности, право на беспристрастный и независимый суд, право не свидетельствовать против себя самого. В-третьих, это доступ для иных участников процесса, чьи права и интересы могут быть затронуты в ходе производства по уголовному делу (свидетели, гражданские истцы и ответчики).

Следовательно, доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве – это комплексный правовой институт, обеспечивающий всем участникам процесса равные и эффективные возможности для реализации своих процессуальных прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства, с целью достижения справедливого и законного итогового решения.

Международное право сыграло ключевую роль в формировании и развитии концепции доступа к правосудию как неотъемлемого элемента правового госу-

дарства. Основопологающие принципы закреплены в ряде универсальных и региональных международных документов, которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

Важнейшим универсальным актом является Всеобщая декларация прав человека 1948 года, статья 8 которой провозглашает, что «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом». Более детально это право раскрыто в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года. Статья 14 Пакта устанавливает, что «все лица равны перед судами и трибуналами» и что «каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения против него на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Для европейского правового пространства эталонным документом выступает Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ЕКПЧ). Статья 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» является краеугольным камнем для понимания доступа к правосудию в интерпретации Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Практика ЕСПЧ существенно обогатила содержание этого понятия. Суд неоднократно подчеркивал, что статья 6 ЕКЧ гарантирует не просто теоретический, а практический и эффективный доступ к правосудию. Это включает в себя, помимо прочего:

1. Право на доступ к суду. Лишение лица возможности обратиться в суд для разрешения спора о его гражданских правах и обязанностях или любого уголовного обвинения против него представляет собой нарушение ст. 6.

2. Право на эффективное участие в процессе. Это подразумевает, в частности, для обвиняемого право быть выслушанным судом, право на защитника, в том числе бесплатного, при наличии достаточных оснований, право на ознакомление с материалами дела.

3. Принцип правовой определенности. Вынесенные судебные решения должны быть окончательными и исполняемыми, а судебные процедуры не должны быть чрезмерно длительными.

Имплементация этих международных стандартов в российское уголовно-процессуальное законодательство (УПК РФ) является непрерывным процессом. Принципы состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности, закрепленные в ст. 6, 14, 15, 16 УПК РФ, напрямую вытекают из международных обязательств России и направлены на обеспечение реального доступа к правосудию для всех участников процесса [3, с. 295].

Обеспечение доступа к правосудию для лица, пострадавшего от преступления, является одной из первостепенных задач уголовного судопроизводства. Государство, монополизировавшее право на уголовное преследование, берет на себя обязанность гарантировать потерпевшему эффективные средства защиты его нарушенных прав.

Система гарантий для потерпевшего начинается уже на досудебных стадиях

процесса. Ключевой гарантией является право на доступ в уголовное судопроизводство, реализуемое через право на заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ). Органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение в установленный законом срок. Необоснованный отказ в приеме сообщения о преступлении или его необоснованная проверка представляют собой грубейшее нарушение доступа к правосудию.

После признания лица потерпевшим (ст. 42 УПК РФ) ему предоставляется широкий спектр процессуальных прав, обеспечивающих его эффективное участие в деле:

1. Право на участие в уголовном преследовании. Потерпевший может поддерживать обвинение по делам частного и частно-публичного обвинения, а также участвовать в доказывании по всем категориям дел, представляя доказательства, заявляя ходатайства и т.д.

2. Право на получение информации о ходе производства по делу. Потерпевший имеет право знать о предъявленном обвиняемому обвинении, знакомиться с ключевыми процессуальными решениями, а по окончании предварительного следствия – с материалами уголовного дела.

3. Право на участие в судебном разбирательстве. Это включает в себя право выступать в судебных прениях, поддерживать государственное обвинение (в определенных случаях), высказывать свое мнение по вопросам, возникающим в ходе судебного заседания.

4. Право на защиту от преследования и запугивания. В случаях необходимости потерпевшему могут быть применены меры безопасности, предусмотренные главой 16 УПК РФ.

5. Право на возмещение причиненного преступлением вреда. Потерпевший может предъявить гражданский иск в уголовном процессе, что является процессуально эффективным механизмом компенсации, поскольку рассмотрение иска происходит одновременно с уголовным делом.

Несмотря на декларированную широкую систему прав, на практике доступ потерпевшего к правосудию часто сталкивается с проблемами, такими как пассивность органов предварительного расследования, формальное отношение к ходатайствам потерпевшего, недостаточное информирование о ходе дела, а также сложности с реальным взысканием причиненного вреда.

Для обвиняемого (подозреваемого) доступ к правосудию трансформируется в право на справедливую защиту от предъявленного обвинения. Государство, обладая всей мощностью карательного аппарата, обязано обеспечить такой баланс процессуальных прав, который позволил бы личности эффективно противостоять обвинению. Это является краеугольным камнем концепции состязательного процесса.

Гарантии доступа к правосудию для обвиняемого носят фундаментальный характер и закреплены как в международном праве, так и в Конституции РФ и УПК РФ.

Презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ). Этот принцип обязывает суд, прокурора, следователя и дознавателя рассматривать обвиняемого как невиновного,

пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Бремя доказывания лежит на стороне обвинения.

Право на защиту (ст. 16 УПК РФ). Данное право включает в себя как право пользоваться помощью защитника (адвоката), так и право защищаться самостоятельно. Обвиняемый имеет право на встречу с защитником наедине и конфиденциально с момента, определенного законом, без ограничения их количества и продолжительности. В случаях, предусмотренных законом, защитник предоставляется бесплатно.

Право знать, в чем он обвиняется. Обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомлен на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения (п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Право на достаточное время и возможности для подготовки защиты. Это подразумевает своевременное ознакомление с материалами уголовного дела, возможность собирать и представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы.

Право не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников (ст. 51 Конституции РФ). Это право защищает личность от принуждения к самоизобличению.

Право на пересмотр приговора вышестоящим судом. Каждый осужденный имеет право на то, чтобы его приговор был пересмотрен вышестоящей судебной инстанцией в порядке, установленном законом (апелляция, кассация, надзор).

Эти гарантии призваны нивелировать изначальное неравенство между государством-обвинителем и личностью-обвиняемым, обеспечивая последнему реальную, а не фиктивную возможность оспорить обвинение и доказать свою невиновность. Качество реализации этих гарантий напрямую определяет, является ли судопроизводство по-настоящему справедливым [4, с. 221].

Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный, многокомпонентный институт, пронизывающий все стадии уголовного процесса. Это не просто техническая возможность обратиться в суд, а система гарантий, обеспечивающих реальную и эффективную защиту прав и законных интересов всех без исключения участников судопроизводства – как потерпевшего, так и обвиняемого.

Анализ международно-правовых стандартов и национального законодательства показывает, что Россия создала солидную нормативную основу для обеспечения этого доступа. Однако наличие пробелов и противоречий в правоприменительной практике свидетельствует о том, что провозглашенные принципы не всегда работают в полной мере. Преодоление обвинительного уклона, обеспечение подлинной состязательности, сокращение сроков судопроизводства и повышение качества юридической помощи – вот ключевые направления для дальнейшего совершенствования системы [6].

Эффективный доступ к правосудию является не только требованием закона, но и важнейшим показателем зрелости гражданского общества и уровня развития правового государства. Только когда каждый гражданин будет уверен, что его права могут быть защищены в суде быстро, справедливо и эффективно, можно говорить о действительном верховенстве права и справедливости в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Старостин Д. Н. Особенности тактики производства следственного осмотра и освидетельствования при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : материалы Национальной научно-практической конференции VII Юридические чтения. – Саранск, 2021. – С. 13–18.
2. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
3. Данилов В. В., Асанова И. П., Перепелкин В. Ю. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 288–297.
4. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики/В. В. Данилов//Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты : материалы Международ. науч.-практ. конф XV Макаркин. науч. чтения / отв. ред. Н. И. Учайкина ; Мордов. гуманитар. ин-т. – Саранск, 2015. – С. 220–226.
5. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Тимошкин Павел Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810656@ruc.su

PUBLIC DANGER OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING

Timoshkin Pavel Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Общественная опасность наркопреступности проявляется в многогранном негативном воздействии на здоровье населения, демографическую ситуацию, экономику и правопорядок. В условиях трансформации наркоситуации, появления новых видов синтетических веществ и смещения наркотрафиков в киберпространство, оценка общественной опасности данных преступлений требует особого внимания и научно обоснованного подхода.

В настоящем исследовании рассматриваются основные аспекты общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, анализируются современные тенденции и особенности данных противоправных деяний, а также приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие применение законодательства в этой области.

Ключевые слова: наркопреступления, наркотики, уголовный закон, незаконный оборот, наркопреступность, противодействие наркотизму.

The social danger of drug-related crime manifests itself in its multifaceted negative impact on public health, the demographic situation, the economy, and law and order. In the context of the transformation of the drug situation, the emergence of new types of synthetic substances, and the shift of drug trafficking into cyberspace, assessing the public danger of these crimes requires special attention and a scientifically based approach.

This study examines the main aspects of the social danger of crimes in the sphere of illegal drug

trafficking, analyzes current trends and characteristics of these illegal acts, and provides examples from judicial practice illustrating the application of legislation in this area.

Keywords: drug crimes, drugs, criminal law, illegal trafficking, drug crime, counteraction to drug addiction, drug crimes.

Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств представляет собой качественно-количественную характеристику, определяющую степень вредоносности этих деяний для важнейших социальных ценностей.

Характер общественной опасности основывается на признаках объекта преступления. В случае с наркопреступлениями родовым объектом выступают общественная безопасность и общественный порядок, видовым объектом – здоровье населения, а непосредственным объектом – здоровье конкретных лиц, которые могут потреблять наркотические средства.

Особенность наркопреступлений заключается в их неперсонифицированном характере – они направлены против неопределенно широкого круга лиц, и их совершение ставит под угрозу здоровье и жизнь нации в целом. Это отличает их от преступлений против жизни и здоровья конкретного человека, так как вред причиняется не только непосредственным потребителям наркотиков, но и всему обществу в виде разрушения социальных связей, увеличения затрат на медицинскую помощь, снижения производительности труда и других негативных последствий [1].

Наркопреступность представляет собой сложное системное явление, которое может быть классифицировано по различным основаниям:

- по возрасту субъекта – подростковая и взрослая наркопреступность;
- по предмету преступления – связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами, новыми потенциально опасными психоактивными веществами;
- по наличию заболевания наркоманией – совершаемые зависимыми и независимыми лицами;
- по целям совершения – для личного потребления и с корыстной целью.

Наиболее общественно опасными являются преступления, совершаемые в рамках организованных групп и преступных сообществ, с использованием ИТ-технологий и направленные на сбыт наркотических средств в крупных и особо крупных размерах. Так, согласно статистике, в 2024 году число осужденных за сбыт наркотиков в составе организованной группы увеличилось на 31,4% по сравнению с 2023 годом.

В последние годы наркоситуация в России претерпела значительные изменения, связанные с появлением новых видов веществ, моделей потребления, смещением наркотрафиков и центров производства наркотиков. Характерной чертой современного наркорынка стало доминирование синтетических наркотиков, которые частично вытеснили наркотики естественного происхождения (героин, кокаин).

Основными причинами роста популярности синтетических наркотиков являются:

- доступная цена – средняя разовая доза «синтетики» дешевле аналогичной дозы героина;
- простота производства – возможность организации лабораторий в жилых помещениях;
- сложность обнаружения – многие синтетические наркотики не обнаруживаются стандартными тест-системами.

Еще одной значимой тенденцией стало массовое перемещение наркопреступности в киберпространство. По данным статистики, в 2024 году 47,2 % лиц, осужденных за сбыт наркотических средств, совершили преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Наркобизнес активно использует мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Viber), площадки в даркнете (Гидра), криптовалюты для расчетов и систему закладок для бесконтактного сбыта.

Особую тревогу вызывает вовлечение в наркопреступность молодых людей. По данным за 2024 год, 35,6 % осужденных за наркопреступления относились к возрастной группе от 18 до 29 лет, а 2 % лиц на момент совершения преступления не достигли совершеннолетия.

Общественная опасность вовлечения молодежи в наркопреступность проявляется в:

- деградации человеческого потенциала нации;
- формировании наркозависимости в молодом возрасте, что осложняет лечение и реабилитацию;
- распространении наркотической субкультуры и ценностей, противоположных здоровому образу жизни;
- сокращении продолжительности жизни и повышении уровня смертности среди молодежи [2].

Пандемия COVID-19 усугубила проблемы, связанные с наркопреступностью. С одной стороны, возрос уровень стресса среди населения, что повысило спрос на наркотические вещества. С другой стороны, перегруженность медицинских учреждений привела к тому, что больные наркоманией фактически остались без необходимой медицинской помощи.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 15 июня 2006 года № 14 дал подробные разъяснения по вопросам квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. На практике часто возникают сложности с разграничением хранения без цели сбыта (ст. 228 УК РФ) и хранения с целью сбыта (ст. 228.1 УК РФ).

Пример из практики: Гражданин И. был задержан с наркотическим средством в значительном размере. В ходе следствия было установлено, что он приобрел наркотик для личного потребления, не предпринимал действий по поиску покупателей и не имел при себе средств для фасовки и взвешивания. Суд квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 228 УК РФ как незаконное приобретение и хранение без цели сбыта.

В другом случае гражданка К. была задержана с наркотическим средством в крупном размере. При ней были обнаружены электронные весы, полиэтиленовые пакетики для фасовки, а в мобильном телефоне - переписка, свидетельствующая

о намерении реализовать наркотик. Суд правомерно квалифицировал ее действия по ч. 3 ст. 228.1 УК РФ как незаконные приобретение, хранение и сбыт наркотических средств в крупном размере.

Судебная практика показывает, что при назначении наказания за наркопреступления суды учитывают размер изъятых веществ, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступной группе, данные о личности и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Важным смягчающим обстоятельством является добровольная сдача наркотических средств и активное способствование раскрытию преступления. Пример из практики: Гражданин С. добровольно явился в органы внутренних дел, сдал наркотическое средство, которое хранил для личного потребления, и сообщил о месте его приобретения. Суд учел это обстоятельство и назначил наказание, не связанное с лишением свободы.

Вместе с тем, использование несовершеннолетних для сбыта наркотических средств признается отягчающим обстоятельством. Так, например, гражданин Р. вовлек несовершеннолетнего М. в преступную деятельность по распространению наркотиков путем закладок. Суд назначил Р. наказание в виде 12 лет лишения свободы, учтя его роль организатора и использование несовершеннолетнего.

Проблема наркотиков имеет глобальный характер, что требует кардинальных международных усилий. По данным ООН, в мире порядка 300 миллионов человек употребляют наркотики. Международно-правовая база противодействия наркопреступности включает три конвенции: Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 года, Конвенцию о психотропных веществах 1971 года и Конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [3].

Российская Федерация активно участвует в международном сотрудничестве в сфере противодействия наркопреступности. В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и других структур осуществляются совместные операции по пресечению наркотрафиков, обмен оперативной информацией и гармонизация законодательства.

Особое внимание уделяется борьбе с синтетическими наркотиками и их аналогами. Как отмечается в докладе УНП ООН, в последние годы наблюдается резкий рост производства и потребления синтетических опиоидов, психостимуляторов и новых психоактивных веществ. Это требует совершенствования методов лабораторного анализа, усиления контроля за прекурсорами и оперативного обмена информацией о новых веществах.

Совершенствование противодействия наркопреступности требует комплексного подхода, включающего правовые, организационные, профилактические и медицинские меры.

К ключевым правовым мерам относятся:

- совершенствование законодательства в части установления ответственности за новые формы наркопреступности (например, использование криптовалют для расчетов);
- усиление контроля за оборотом прекурсоров и химических веществ, используемых для производства наркотиков;

– гармонизация законодательства с международными стандартами и практиками

Организационные меры включают:

– развитие межведомственного взаимодействия правоохранительных, медицинских и образовательных учреждений;

– создание специализированных подразделений по борьбе с кибернаркопреступностью;

– внедрение современных технологий мониторинга интернет-пространства и даркнета.

Профилактика наркопотребления и наркопреступности является важнейшим направлением противодействия. К эффективным профилактическим мерам относятся:

– развитие системы раннего выявления потребителей наркотиков в образовательных учреждениях;

– проведение информационных кампаний о последствиях наркопотребления, особенно среди молодежи;

– создание условий для здорового образа жизни и занятости несовершеннолетних и молодежи.

Медицинские меры должны быть направлены на:

– расширение доступности лечения и реабилитации для больных наркоманией;

– внедрение доказанных методов терапии и реабилитационных программ;

– подготовку специалистов в области наркологии и реабилитологии.

Особое внимание следует уделить социальной реабилитации лиц, отбывших наказание за наркопреступления, чтобы предотвратить рецидивы. Как показывает практика, без эффективной реабилитации и ресоциализации бывшие осужденные часто вновь вовлекаются в наркопреступность [4].

В заключении можно сказать, что общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлена многоаспектным негативным воздействием на здоровье населения, демографическую ситуацию, экономику и общественную безопасность. Трансформация наркорынка, появление синтетических наркотиков, перемещение наркопреступности в киберпространство и вовлечение молодежи требуют адекватного ответа со стороны государства и общества.

Судебная практика показывает необходимость точной квалификации наркопреступлений, учета смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также индивидуального подхода к назначению наказания.

Эффективное противодействие наркопреступности возможно только на основе комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные, профилактические и медицинские меры, а также активное международное сотрудничество.

Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на сбалансированность уголовной репрессии и профилактики, защиту прав человека и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаринова, В. Ю. Понятие наркотизма и наркомании: проблемы толкования // Аллея науки. – 2025. – Т. 1. – № 2(101). – С. 186–190.
2. Карклин, Е. Ю. Наркотики, их воздействие на человека и ответственность, предусмотренная законодательством Российской Федерации / Е. Ю. Карклин // Научный аспект. – 2024. – Т. 36. – № 5. – С. 4930–4936.
3. Михалев, А. К. Наркотики в современном мире: влияние на человека, общество и личностное развитие // Вестник науки. – 2024. – Т. 3. – № 6(75). – С. 594–599.
4. Фляц, М. В. Синтетические наркотики и их негативное влияние на организм человека // Аграрная наука в контексте времени : сборник трудов LX международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Тюмень : Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2025. – С. 29–32.

УДК 343.9

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ

Тимошкин Александр Витальевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808931@ruc.su

SOURCES OF INFORMATION ABOUT THE IDENTITY OF MINOR VICTIMS AND WITNESSES

Timoshkin Alexander Vitalievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Криминалистическое изучение личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей представляет собой сложный, структурированный процесс, имеющий фундаментальное значение для современного уголовного судопроизводства. В работе обоснована необходимость формирования специального учения о личности данной категории участников процесса. Выделены и проанализированы ключевые структурные компоненты криминалистического изучения: теоретико-методологический, информационный, процессуальный и тактический. Особое внимание уделяется криминалистически значимым свойствам личности несовершеннолетнего, источникам получения такой информации и методам ее исследования. Проанализированы организационно-тактические формы участия несовершеннолетних на разных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: криминалистическое изучение личности, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель, источники информации, психологический контакт, следственные действия, тактические приемы, возрастные особенности, криминалистически значимые свойства, уголовное судопроизводство.

The forensic examination of the identity of minor victims and witnesses is a complex, structured process of fundamental importance for modern criminal proceedings. The paper substantiates the need for the formation of a special doctrine about the personality of this category of participants in the process. The key structural components of criminalistic study are identified and analyzed: theoretical and methodological, informational, procedural and tactical. Special attention is paid to criminalistically significant personality traits of a minor, sources of obtaining such information and methods of its research. The organizational and tactical forms of participation of minors at different stages of the criminal process are analyzed.

Keywords: criminalistic study of personality, minor victim, minor witness, information sources, psychological contact, investigative actions, tactical techniques, age characteristics, criminalistically significant properties, criminal proceedings.

В современной криминалистической науке особое место занимает исследование личности участников уголовного судопроизводства. Среди них несовершеннолетние потерпевшие и свидетели представляют собой специфическую категорию, требующую специального подхода в силу возрастных особенностей их психического развития, социального положения и восприятия. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей формируется как частная криминалистическая теория, призванная обеспечить эффективность раскрытия и расследования преступлений при безусловной защите прав и законных интересов несовершеннолетних.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несовершеннолетние, ставшие жертвами преступлений или свидетелями по уголовным делам, в силу своих возрастных характеристик нуждаются в особой защите, поскольку их возможности самостоятельно осуществлять такую защиту существенно ограничены. Международные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, подчеркивают приоритетность защиты прав потерпевших, что в полной мере относится и к несовершеннолетним участникам процесса [1, с. 89].

Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей представляет собой систематизированную совокупность знаний о закономерностях формирования и функционирования личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства как источника криминалистически значимой информации, а также о методах и средствах получения и использования этой информации в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Это учение является частной криминалистической теорией, занимающей определенное место в структуре общей теории криминалистики.

Личность несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства рассматривается в данном учении как научная криминалистическая категория, имеющая сложный генезис и многоплановое значение для практики борьбы с преступностью. Изучение этой личности направлено не только на получение доказательственной информации, но и на обеспечение специальных мер защиты, учитывающих возрастные, психофизические и социальные особенности несовершеннолетних.

Центральное место в данном учении занимает понятие «криминалистически значимые свойства личности» несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. К таким свойствам относятся: возрастные особенности психического развития; индивидуально-психологические характеристики (темперамент, характер, эмоционально-волевая сфера); уровень психического развития и социализации; особенности памяти, внимания, восприятия; морально-нравственные качества; социальный статус и условия воспитания; наличие психических аномалий и заболеваний; предыдущий жизненный опыт, в том числе опыт взаимодействия с правоохранительными органами.

Структура источников информации о личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля представляет собой сложное системное образование, состоящее из нескольких взаимосвязанных компонентов. Выделяются следующие основные группы источников информации:

1. Процессуальные источники информации, включающие материалы уголовного дела, протоколы следственных действий, показания несовершеннолетних, заключения экспертов и специалистов. Эти источники обладают высокой юридической силой и являются доказательствами по уголовному делу.

2. Непроцессуальные источники информации, охватывающие документы, характеризующие личность (характеристики из образовательных учреждений, медицинская документация, документы из комиссий по делам несовершеннолетних); информацию, полученную от законных представителей, педагогов, психологов, специалистов органов системы профилактики; результаты оперативно-розыскной деятельности.

3. Специальные психолого-педагогические источники, содержащие данные о психологических особенностях несовершеннолетнего, полученные в результате проведения судебно-психологической экспертизы или консультаций со специалистами-психологами. Эти источники позволяют выявить индивидуальные особенности восприятия, памяти, мышления, эмоционально-волевой сферы несовершеннолетнего.

4. Социально-демографические источники, включающие информацию о возрасте, социальном положении, условиях жизни и воспитания, образовательном уровне, семейном положении несовершеннолетнего. Эти данные имеют важное значение для понимания социального контекста формирования личности несовершеннолетнего.

Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля осуществляется в рамках определенных организационно-тактических форм, которые систематизированы в зависимости от стадии уголовного судопроизводства [2, с. 5]. Выделяют следующие организационно-тактические формы:

1. На стадии возбуждения уголовного дела.
2. На стадии предварительного расследования.
3. В судебном разбирательстве.

Каждая из этих организационно-тактических форм требует учета криминалистически значимых свойств личности несовершеннолетнего, что позволяет оптимизировать его участие в уголовном процессе и повысить эффективность получения от него информации.

Одной из центральных проблем криминалистического изучения личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей является установление и поддержание психологического контакта, в чем особая роль принадлежит специалисту-психологу. Психологический контакт понимается как создание оптимального психологического состояния взаимодействия, характеризующегося обоюдной готовностью сторон к общению, доверительностью, взаимопониманием и совместными усилиями для достижения общей цели.

Особенности психологического контакта с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими определяются их возрастными характеристиками:

1. Для дошкольного и младшего школьного возраста характерны высокая внушаемость, склонность к фантазированию, зависимость от взрослых, недостаточное развитие критического мышления, непосредственность восприятия и выражение эмоций.

2. Для подросткового возраста свойственны стремление к самоутверждению, повышенная эмоциональность, неустойчивость поведения, критическое отношение к взрослым при одновременной зависимости от мнения сверстников, формирование собственной системы ценностей.

3. Для старшего подросткового возраста характерны более зрелые формы мышления, стабилизация эмоциональной сферы, формирование жизненных планов, однако возможно проявление негативизма и сопротивления авторитетам.

Участие психолога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей является важным тактическим приемом, позволяющим получить достоверную информацию о личности несовершеннолетнего [3, с. 229]. Психолог может определить способность несовершеннолетнего правильно ориентироваться во времени, дать оценку его психическому состоянию в момент восприятия преступного события, подсказать тактику проведения допроса, сгладить возможное состояние скованности, настороженности, недоверия допрашиваемого, преодолеть стыдливость и стеснение несовершеннолетней, потерпевшей от полового посягательства.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что система источников информации о личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля представляет собой сложное, многокомпонентное образование, включающее процессуальные, непроцессуальные, специальные психолого-педагогические и социально-демографические источники. Каждый из этих источников выполняет специфическую функцию в целостном процессе изучения личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

Эффективность криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля напрямую зависит от учета возрастных и индивидуально-психологических особенностей, которые определяют специфику их поведения в уголовном процессе, особенности восприятия, запоминания и воспроизведения информации, *susceptibility* к внешнему влиянию и психологическому давлению.

Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей как частная криминалистическая теория продолжает развиваться, отвечая на вызовы современной правоприменительной практики [4, с. 430]. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку новых методов и средств изучения личности несовершеннолетних, совершенствование тактики производства следственных действий с их участием, создание эффективных механизмов защиты их прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Внедрение достижений криминалистического учения о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в практическую деятельность правоохранительных органов будет способствовать не только повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, но и укреплению гарантий защиты прав одной из наиболее уязвимых категорий участников уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 4А. – С. 82–90.
2. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
3. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2021. – С. 227–231.
4. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений : материалы Национальной научно-практической конференции IX Юридические чтения. – Саранск, 2023. – С. 428–432.

УДК 343.98

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕТРАДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМА

Тугушев Тимур Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802643@ruc.su

DIAGNOSTIC STUDIES OF MANUSCRIPTS MADE USING NON-TRADITIONAL WRITING MATERIALS

Tugushev Timur Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные проблемы диагностических исследований рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма. Проанализированы особенности изменения признаков почерка при использовании различных пишущих средств и поверхностей. Исследованы современные методы идентификации исполнителей рукописных текстов в сложных условиях. Разработаны практические рекомендации для судебных экспертов по работе с нетрадиционными материалами письма. Предложены новые подходы к комплексному исследованию рукописей с учетом современных вызовов криминалистики.

Ключевые слова: судебная почерковедческая экспертиза, нетрадиционные материалы письма, диагностические исследования, идентификация исполнителя, пишущие средства, поверхности для письма, современные методы анализа, криминалистика, рукописные тексты, признаки почерка.

The paper discusses the current problems of diagnostic studies of manuscripts made using non-traditional writing materials. The peculiarities of changes in handwriting features when using various writing tools and surfaces are analyzed. Modern methods of identification of performers of handwritten texts in difficult conditions are investigated. Practical recommendations have been developed for forensic experts on working with non-traditional writing materials. New approaches to the comprehensive study of manuscripts are proposed, taking into account modern challenges of criminology.

Keywords: forensic handwriting examination, non-traditional writing materials, diagnostic studies, identification of the performer, writing tools, writing surfaces, modern methods of analysis, criminalistics, handwritten texts, handwriting signs.

Современное развитие технологий и появление новых материалов создает значительные проблемы для традиционной судебной почерковедческой экспертизы. Диагностические исследования рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма, представляют собой актуальное направление криминалистики, требующее разработки новых методических подходов и совершенствования существующих методов анализа. Использование нестандартных пишущих средств и поверхностей существенно изменяет проявление идентификационных признаков почерка, что осложняет установление исполнителя рукописного текста.

Современный рынок пишущих средств характеризуется значительным разнообразием, что создает новые проблемы для судебной почерковедческой экспертизы [1, с. 389]. Нетрадиционные пишущие средства можно классифицировать по нескольким основаниям, учитывая их конструктивные особенности и физико-химические свойства чернил.

Основные группы нетрадиционных пишущих средств включают: а) гелиевые ручки и роллеры – характеризуются высокой интенсивностью цвета, низким давлением при письме, специфической вязкостью чернил. Особенностью является изменение толщины штриха в зависимости от угла наклона и скорости письма, что влияет на проявление таких признаков почерка как разгон и координация движений. б) маркеры и фломастеры – отличаются значительной шириной пишущего узла, высокой скоростью расхода красящего вещества. При использовании этих средств наблюдается увеличение размерных признаков почерка, упрощение структуры движений, изменение проявления нажима. в) стилусы для электронных устройств – создают цифровые рукописные тексты, которые фиксируются в виде последовательности координат. Особенностью является отсутствие физического контакта с поверхностью, изменение тактильных ощущений, что существенно влияет на автоматизм письма. г) специализированные художественные материалы (кисти, перья, уголь) – характеризуются максимальной вариативностью толщины штриха, специфической техникой письма, необходимостью специальных навыков для использования.

Каждое из этих пишущих средств оказывает специфическое влияние на проявление идентификационных признаков почерка, что необходимо учитывать при проведении диагностических исследований.

Поверхность, на которой выполняется рукописный текст, является важным фактором, влияющим на характеристики почерка. Нетрадиционные поверхности для письма существенно изменяют условия выполнения рукописного текста, что отражается на проявлении идентификационных признаков.

К основным типам нетрадиционных поверхностей относятся: 1. Текстурированные и шероховатые поверхности (картон, гофрированная бумага, ткань) – создают дополнительное сопротивление движению пишущего средства, что приводит к увеличению прерывистости штрихов, изменению проявления нажима, появлению дополнительных микродвижений. 2. Глянцевые и слабовпитывающие поверхности (пластик, стекло, металл) – характеризуются низким сцеплением с пишущим средством, что приводит к уменьшению контроля над движениями, изменению скорости письма, появлению дополнительных извилин и

упрощений. 3. Электронные поверхности (графические планшеты, сенсорные экраны) – регистрируют не только визуальное изображение текста, но и динамические параметры письма (скорость, ускорение, давление). Особенностью является возможность постобработки и коррекции написанного, что может маскировать индивидуальные особенности почерка. 4. Нестандартные основы (кожа, дерево, камень) – создают неравномерное сопротивление движению, что приводит к деформации привычных движений, изменению размерных признаков, появлению дополнительных элементов в структуре букв [2, с. 6].

Влияние поверхности на почерк проявляется через изменение кинестетического и визуального контроля, тактильных ощущений, скорости и точности движений. Эксперт должен учитывать эти факторы при анализе рукописей, выполненных на нетрадиционных поверхностях.

Диагностика рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма, требует комплексного подхода, сочетающего традиционные методы почерковедческой экспертизы с современными технологическими решениями. Современные методы анализа направлены на выявление и оценку устойчивых идентификационных признаков, сохраняющихся несмотря на изменение условий письма.

Ключевые методы диагностических исследований включают: сравнительный анализ динамических параметров – исследование скорости письма, ускорения, ритмичности движений с использованием специализированного программного обеспечения. Особую эффективность этот метод демонстрирует при анализе рукописей, выполненных на электронных устройствах, которые фиксируют динамические характеристики письма; микроскопический анализ морфологии штрихов – изучение особенностей формирования штрихов с помощью оптических и электронных микроскопов. Этот метод позволяет выявить специфические особенности, связанные с использованием конкретных пишущих средств и поверхностей; спектральный анализ красящих веществ – определение химического состава чернил с помощью хроматографических, спектрофотометрических и других физико-химических методов. Результаты такого анализа помогают установить тип пишущего средства и исключить фальсификацию; статистический анализ признаков почерка – применение методов математической статистики для оценки устойчивости идентификационных признаков в условиях использования нетрадиционных материалов письма. Этот подход позволяет количественно оценить влияние различных факторов на проявление признаков почерка.

Особое значение приобретает разработка интегральных методик, сочетающих несколько методов анализа для повышения достоверности выводов экспертизы. Комплексный подход позволяет нивелировать искажающее влияние нетрадиционных материалов письма и выявить устойчивые идентификационные признаки [3, с. 89].

Идентификация исполнителя рукописных текстов, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма, связана с рядом методологических проблем, требующих специальных подходов к их решению. Основные проблемы идентификации включают изменение идентификационных признаков почерка, ограниченность сравнительного материала, необходимость учета дополнительных факторов влияния.

К наиболее значимым проблемам относятся: изменение размерных признаков почерка; искажение признаков координации движений; ограниченность сравнительного материала; Влияние адаптационных процессов.

Для решения этих проблем разрабатываются специализированные методики, включающие этап предварительной диагностики условий выполнения рукописи, выделения группы устойчивых идентификационных признаков, комплексной оценки полученных результатов с учетом всех факторов влияния.

Диагностические исследования рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма, представляют собой динамично развивающееся направление судебного почерковедения, имеющее важное практическое значение для правоохранительной деятельности. Современное разнообразие пишущих средств и поверхностей создает значительные проблемы для традиционной экспертной практики, требующие разработки новых методических подходов и совершенствования существующих методов анализа.

Комплексный анализ проблем диагностики рукописей позволяет выделить ключевые факторы, влияющие на проявление идентификационных признаков почерка при использовании нетрадиционных материалов. К ним относятся физико-химические свойства пишущих средств, характеристики поверхностей для письма, условия выполнения рукописного текста. Учет этих факторов является необходимым условием получения достоверных результатов экспертизы.

Современные методы диагностических исследований включают как традиционные подходы почерковедческой экспертизы, так и инновационные технологические решения, основанные на цифровой обработке изображений, искусственном интеллекте, динамическом анализе письма. Интеграция этих методов в экспертную практику позволяет повысить точность и объективность исследований [4, с. 227].

Перспективы развития диагностических исследований рукописей связаны с совершенствованием методической базы, внедрением новых технологий, повышением профессиональной подготовки экспертов. Дальнейшие научные исследования должны быть направлены на выявление инвариантных признаков почерка, устойчивых к влиянию нетрадиционных материалов письма, разработку специализированных методик для различных сочетаний пишущих средств и поверхностей, создание стандартизированных процедур проведения экспертиз.

Реализация этих направлений будет способствовать повышению эффективности судебной почерковедческой экспертизы в условиях современных вызовов, обеспечению достоверности и доказательственного значения рукописных текстов в уголовном и гражданском судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений : материалы Национальной научно-практической конференции IX Юридические чтения. – Саранск, 2023. – С. 428–432.
2. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.

3. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 4А. – С. 82–90.

4. Данилов, В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2021. – С. 227–231.

УДК 343

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тюльнев Николай Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st452780@ruc.su

HISTORY OF THE FORMATION OF JUDICIAL POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tyulnev Nikolai Mikhailovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется эволюция судебной власти в России от дореволюционного периода до современности. Рассматриваются ключевые этапы реформирования судебной системы: Судебная реформа 1864 года, советский период, переход к постсоветской модели и конституционные реформы 1990–2020-х годов. Особое внимание уделено принципам независимости судов, разделения властей, конституционного контроля и цифровизации судопроизводства. Подчёркивается роль Конституции РФ 1993 года как основы современной судебной системы и необходимость дальнейшего совершенствования механизмов обеспечения независимости и доступности правосудия.

Ключевые слова: судебная власть, судебная реформа, независимость судей, Конституционный Суд РФ, разделение властей, цифровизация судопроизводства, правосудие.

The article analyzes the evolution of judicial power in Russia from the pre-revolutionary period to the present day. Key stages of judicial system reform are examined: the Judicial Reform of 1864, the Soviet period, the transition to the post-Soviet model, and constitutional reforms of the 1990s–2020s. Special attention is paid to the principles of judicial independence, separation of powers, constitutional review, and digitalization of judicial proceedings. The role of the 1993 Constitution of the Russian Federation as the foundation of the modern judicial system is emphasized, along with the need for further improvement of mechanisms to ensure independence and accessibility of justice.

Keywords: judicial power, judicial reform, judicial independence, Constitutional Court of the Russian Federation, separation of powers, digitalization of judicial proceedings, justice.

Судебная власть в Российской Федерации является одной из ключевых ветвей государственной власти, предназначенной для обеспечения законности, защиты прав и свобод граждан, стабильности общественных отношений и реализации принципа верховенства права. История формирования судебной системы России охватывает несколько столетий и демонстрирует сложную динамику социальных, политических и правовых преобразований. Эволюция судебной системы отражает процесс от сословного судопроизводства Древней Руси и Московского

государства до современной конституционной модели, основанной на принципах независимости, прозрачности и профессионализма судей.

В Древней Руси судебная практика была тесно связана с княжеской властью и обычным правом. Основные нормы уголовной, имущественной и процессуальной ответственности содержались в «Русской Правде» XI века. Судебные функции выполнялись князем, посадниками и старостами общин, решения опирались на коллективную ответственность и компенсацию ущерба потерпевшему. Несмотря на ограниченную независимость судей, уже в этот период формировались первые элементы процессуальных правил, включая апелляционные процедуры и возможность пересмотра решений вышестоящими лицами. Эти основы создавали первые предпосылки для становления судебной системы как инструмента поддержания социальной стабильности и справедливости [2].

С развитием Московского государства судебная власть постепенно централизовалась. Судебники XV–XVI веков закрепляли полномочия наместников, губных старост и представителей центральной власти, определяли порядок рассмотрения споров и исполнения судебных решений. Основной акцент делался на поддержание административного контроля и политической стабильности. Несмотря на ограниченную независимость судей, формировалась система апелляций, контролировались должностные лица, что создавало основу для профессионализации судебной деятельности [2].

Судебная реформа 1864 года при императоре Александре II стала поворотным моментом в истории судебной власти. Она закрепила принципы гласности, состязательности, независимости судей и их несменяемости. Были созданы суды общей юрисдикции, судебные палаты, введен институт присяжных заседателей, формировалась адвокатура и усиливался прокурорский надзор. Принятые меры обеспечили равноправное участие сторон в процессе, возможность обжалования решений и единообразие судебной практики. Реформа значительно повысила профессионализм судей и доверие общества к судебной системе, став фундаментом для формирования правового государства в России [3].

Советский период характеризовался трансформацией судебной системы в соответствии с идеологическими принципами государства. Судебная власть становилась инструментом реализации государственной политики, однако сохранялась практика урегулирования имущественных, трудовых и семейных споров. Укреплялись коллегиальные органы судейского контроля, но независимость судей была ограничена партийным влиянием. В то же время создавались системы подготовки и повышения квалификации судей, формировались специализированные суды, включая военные и народные, обеспечивались единые процессуальные стандарты и дисциплинарная ответственность [4].

С 1993 года, с принятием Конституции Российской Федерации, судебная власть получила статус самостоятельной ветви государственной власти. Конституция закрепила независимость судей, их несменяемость, финансовое обеспечение из федерального бюджета и гарантии конституционного контроля. Были определены формы судопроизводства – конституционное, гражданское, административное и уголовное, а также права граждан на судебную защиту, доступ к

информации о деятельности судов и обжалование решений. Эти меры существенно повысили прозрачность и эффективность судебного процесса.

Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» регламентировал единство судебной системы, определил иерархию судов и статус судей. В соответствии с законом, судебная система включает Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции, арбитражные суды и мировых судей. Закон обеспечил единообразие судебной практики, независимость судей и детализировал организацию судов, включая дисциплинарные механизмы и аттестацию [1].

Поправки 2020 года усилили полномочия Конституционного Суда РФ в проверке законов на соответствие Конституции, ввели новые механизмы назначения судей высших инстанций и расширили полномочия по конституционному контролю. Эти изменения повысили устойчивость судебной системы к внешним воздействиям, укрепили верховенство Конституции, обеспечили баланс между федеральными и региональными органами власти, а также защиту прав граждан [5].

Современные реформы предусматривают цифровизацию судебной системы как важнейший элемент её развития. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» создал нормативную основу для электронного документооборота, защиты данных участников процесса и внедрения информационных технологий в судебную систему. С 2010 года функционирует Государственная автоматизированная система «Правосудие», а с 2017 года – портал электронного правосудия, обеспечивающий онлайн-подачу исков, участие в заседаниях через видеоконференции и доступ к судебным актам. Эти меры способствуют повышению оперативности рассмотрения дел, прозрачности и доступности правосудия [4].

Цифровизация также позволяет эффективно контролировать нагрузку на суды, прогнозировать сроки рассмотрения дел и снижать коррупционные риски. Использование информационных систем для аналитики делопроизводства, интеграция с базами данных судебной практики и автоматизация рутинных процедур обеспечивают более высокую эффективность судебной системы, уменьшают количество процессуальных ошибок и повышают доверие общества к правосудию [3].

Социальный аспект деятельности судебной власти играет ключевую роль в обеспечении стабильности общества и укреплении доверия граждан к государственным институтам. Эффективное правосудие не ограничивается лишь рассмотрением дел и вынесением решений; оно формирует восприятие справедливости в обществе, способствует укреплению правовой культуры и уменьшает склонность к девиантному поведению. Доверие граждан к судебной системе является одним из индикаторов правового государства: чем выше прозрачность процессов, доступность информации и соблюдение сроков исполнения решений, тем выше легитимность судебной власти в глазах населения [2].

Международный опыт также оказывает значительное влияние на развитие российской судебной системы. Гармонизация национального законодательства с европейскими стандартами и международными нормами, включая практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), позволяет учитывать лучшие мировые практики в правоприменении, повышает качество судебной работы и

обеспечивает защиту прав человека на уровне международного права. Взаимодействие с Советом Европы и другими международными организациями даёт возможность внедрять механизмы независимого контроля, совершенствовать процессуальные процедуры и корректировать внутренние нормативные акты, учитывая международные стандарты [5].

Особое значение имеет адаптация судебной системы к современным социальным вызовам. Сегодня перед российскими судами стоят задачи не только рассмотрения сложных и разнообразных дел, но и обеспечения справедливого распределения нагрузки, повышения эффективности кадрового потенциала и внедрения современных технологий для оптимизации работы. В условиях растущего количества дел и усложнения правоприменительной практики государственная политика направлена на подготовку квалифицированных кадров, внедрение образовательных программ и тренингов для судей, развитие аналитической поддержки и использование программного обеспечения, позволяющего систематизировать и анализировать судебную практику [5].

История судебной власти в России демонстрирует постоянное совершенствование принципов независимости, гласности и профессионализма судей, а также институциональной структуры и внедрение современных технологий. Судебная система прошла путь от зависимого сословного судопроизводства Древней Руси и Московского государства, через реформы XIX века и советский период, к современной конституционной модели, обеспечивающей независимость, прозрачность и эффективность. Сегодня российская судебная система выполняет комплексные функции: защиту прав и свобод граждан, обеспечение законности, формирование правовой культуры, адаптацию к технологическим изменениям, повышение доверия общества к государственным институтам, а также интеграцию международного опыта и стандартов.

Комплексное выполнение этих функций позволяет судебной власти не только реагировать на текущие правовые и социальные вызовы, но и предвидеть потенциальные угрозы, разрабатывать стратегические меры по их предотвращению и обеспечивать долгосрочную устойчивость правовой системы. Таким образом, социальный аспект деятельности судебной системы является неотъемлемой частью её функционирования, влияя на весь спектр общественных отношений и определяя качество правосудия, уровень доверия граждан и эффективность государства в целом.

Эволюция судебной власти в Российской Федерации отражает сложное переплетение исторических, политических, правовых и социальных факторов, демонстрирует необходимость комплексного подхода к правосудию и постоянного совершенствования нормативной, организационной и технологической базы. Судебная власть выполняет не только юридические, но и социальные функции, обеспечивая стабильность общества и устойчивое развитие государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196/
2. Абдуллаев С. Р. Наркотизм и его социальные последствия. – Москва : Юрайт, 2022. – 312 с.

3. Бородин С. В. Правовые меры борьбы с наркопреступностью. – Москва : Проспект, 2019. – 256 с.
4. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2020. – 428 с.
5. Кудрявцев В. Н. Преступность и социальный контроль. – Москва : Наука, 2018. – 410 с.

УДК 343.9

**РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ
В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Фирсова Анна Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: an.firsova2000@yandex.ru

**DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL ETHICS PRINCIPLES
IN FORENSIC EXPERTISE: CURRENT CHALLENGES AND PROSPECTS**

Firsova Anna Yurievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается эволюция и современное состояние профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности (СЭД) в Российской Федерации. Анализируются ключевые этические принципы, такие как объективность, независимость, беспристрастность и конфиденциальность. Особое внимание уделяется проблеме дачи заведомо ложного заключения, этическим требованиям к руководителям судебно-экспертных учреждений (СЭУ), а также вызовам, связанным с развитием негосударственного экспертного сектора и цифровизацией. На основе анализа научных публикаций обосновывается необходимость разработки единого кодекса судебно-экспертной этики и усиления этического компонента в подготовке экспертных кадров.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, профессиональная этика, судебный эксперт, руководитель СЭУ, конфиденциальность, этический кодекс, аксиология СЭД.

The article examines the evolution and current state of professional ethics in forensic expert activities (FEA) in the Russian Federation. Key ethical principles, such as objectivity, independence, impartiality, and confidentiality, are analyzed. Special attention is given to the issue of providing a false opinion, ethical requirements for the heads of forensic expert institutions (FEIs), and challenges related to the development of the non-governmental expert sector and digitalization. Based on the analysis of scientific publications, the article substantiates the need to develop a unified code of forensic expert ethics and strengthen the ethical component in the training of expert personnel.

Keywords: forensic activities, professional ethics, forensic expert, head of the forensic examination unit, confidentiality, ethical code, and the axiology of forensic examination.

Профессиональная этика как система моральных норм и принципов, регулирующих поведение специалиста, приобретает особое значение в сфере судебно-экспертной деятельности. СЭД направлена на установление обстоятельств, имеющих значение для правосудия, что предъявляет повышенные требования к добросовестности, объективности и независимости ее субъектов. Несмотря на длительную историю изучения юридической этики, профессиональная этика судебного эксперта, а тем более руководителя СЭУ, остается одной из наименее разработанных областей [1].

Основные этапы развития и современное состояние экспертной этики

Исторический анализ позволяет выделить три ключевых этапа в развитии профессиональной этики в СЭД в России:

Развитие основ этики участников судопроизводства с точечным вниманием к фигуре эксперта (начало XX в. – середина XX в.).

Накопление научного знания непосредственно в области этических основ судебного эксперта (середина XX в. – начало XXI в.).

Современный этап, характеризующийся осознанием необходимости развития не только этики эксперта, но и этики всех субъектов СЭД, включая руководителей государственных и негосударственных экспертных организаций [1].

Современное состояние экспертной этики характеризуется рядом вызовов. Во-первых, рост числа негосударственных СЭУ и частных экспертов, с одной стороны, повышает доступность специальных знаний, а с другой – создает риски снижения качества экспертиз и обострения конфликта интересов, когда извлечение прибыли может вступать в противоречие с целями правосудия [1, 4]. Во-вторых, сохраняется серьезная проблема дачи заведомо ложного заключения, сложность доказывания умысла в котором снижает эффективность уголовной и административной ответственности по ст. 307 УК РФ и ст. 17.9 КоАП РФ [1].

Ключевые этические принципы и проблемные зоны. К числу базовых принципов СЭД, имеющих не только правовое, но и этическое значение, относятся законность, независимость, объективность, всесторонность и полнота исследований [1, 3, 4]. Особую роль играет принцип конфиденциальности. Обязанность эксперта не разглашать сведения, ставшие ему известными в ходе производства экспертизы, закреплена процессуальным законодательством и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако, как справедливо отмечает К. М. Мыскина, существует законодательный пробел в части ответственности за разглашение конфиденциальной информации вне рамок предварительного расследования, что требует восполнения [3]. Цифровизация СЭД, создание баз данных экспертных заключений обострили вопросы защиты информации, требующие комплексного подхода, включающего технические, юридические и организационные меры [3, 9].

Роль руководителя СЭУ в формировании этической среды. Руководитель судебно-экспертного учреждения является центральной фигурой, от которой во многом зависит этический климат в организации. На него возлагаются задачи не только по распределению заданий, но и по формированию кадрового состава, воспитанию молодых специалистов, обеспечению конфиденциальности и предотвращению конфликтов интересов [2]. О. А. Суровая подчеркивает, что этическая компетентность руководителя должна включать такие качества, как беспристрастность, добросовестность, неподкупность, честность и незаинтересованность [2]. Эффективным инструментом становления профессиональной этики молодых экспертов является система наставничества, позволяющая передать не только знания, но и морально-нравственные ценности профессии [2].

Аксиологический аспект и пути совершенствования. Аксиология СЭД, то есть учение о ее ценностях, непосредственно связана с этикой. С. А. Смирнова ука-

зывает на двойственную природу СЭД: с одной стороны, это познавательная деятельность, с другой – неотъемлемая часть правоохранительной системы [4]. Эта бифункциональность порождает необходимость баланса между частными и государственными интересами. В качестве ключевых этико-аксиологических проблем автор выделяет:

Сохранение судебной экспертизы как единой целостной системы государства.

Обеспечение эффективного взаимодействия между всеми звеньями этой системы (междисциплинарного, межведомственного, межрегионального) [4].

Для решения этих задач и укрепления этических основ СЭД необходим комплекс мер:

Систематизация законодательства и создание единого кодекса судебно – экспертной этики, который бы закрепил основные принципы и стандарты поведения для всех субъектов СЭД, включая руководителей и частных экспертов [1, 2, 3].

Усиление этического компонента в подготовке и аттестации экспертных кадров, активное использование института наставничества [2].

Развитие механизмов контроля и ответственности за нарушение этических норм, включая совершенствование законодательства об ответственности за разглашение конфиденциальной информации и дачу заведомо ложного заключения [1, 3].

Соблюдение баланса между государственным регулированием и разумной свободой в деятельности негосударственного экспертного сектора для обеспечения единства правового и этического пространства СЭД [4].

Таким образом, профессиональная этика в судебно-экспертной деятельности является не абстрактным понятием, а фундаментальным условием ее эффективности и доверия со стороны общества и правосудия. Современные вызовы, такие как коммерциализация, цифровизация и усложнение преступности, требуют не только правового, но и глубокого этического осмысления деятельности всех субъектов СЭД. Разработка и внедрение единого этического кодекса, наряду с целенаправленной работой по воспитанию этической культуры среди экспертов и руководителей СЭУ, станет важным шагом на пути укрепления правовых основ государства и повышения качества судебно-экспертной деятельности в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова Н. С. История и современное состояние профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Название журнала и выходные данные по elibrary_35195276_17710702.pdf. – С. 1–3.
2. Суровая О. А. К вопросу о профессиональной этике руководителя судебно - экспертного учреждения // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Т. 14. – №3. – С. 72–77.
3. Мыскина К. М. Соблюдение конфиденциальности информации как принцип судебно-экспертной этики // Вестник криминалистики. – 2021. – № 1(77). – С. 63–67.
4. Смирнова С.А. Этика и аксиология судебно-экспертной деятельности: баланс смыслов, интересов, новые вызовы времени и старые проблемы // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 159–163.
5. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

УДК 343.9

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ЭТИКА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фирсова Анна Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: an.firsova2000@yandex.ru

FORENSIC ETHICS AS A SYSTEM– FORMING ELEMENT OF LEGAL SUPPORT FOR FORENSIC EXPERTISE

Firsova Anna Yuryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается судебно-экспертная этика не как внешнее дополнение, а как неотъемлемая составляющая правового обеспечения судебно-экспертной деятельности. Доказывается, что этические нормы выполняют восполнительную и конкретизирующую функцию по отношению к законодательным пробелам, обеспечивая надлежащее качество и достоверность экспертного заключения. Анализируется взаимодействие правовых и этических регуляторов в деятельности эксперта.

Ключевые слова: этический кодекс, процессуальное право, независимость судебного эксперта, правовое обеспечение, судебно-экспертная этика, достоверность доказательств.

The article considers forensic ethics not as an external supplement, but as an integral component of the legal support of forensic expertise. It is proved that ethical standards perform a complementary and concretizing function in relation to legislative gaps, ensuring the proper quality and reliability of expert opinion. The interaction of legal and ethical regulators in the expert's activities is analyzed.

Keywords: code of ethics, procedural law, independence of a judicial expert, legal support, forensic ethics, reliability of evidence.

В условиях состязательного процесса заключение эксперта зачастую становится ключевым доказательством, определяющим исход дела. Следовательно, вопросы его достоверности, объективности и научной обоснованности выходят на первый план. Этика выступает внутренним гарантом качества экспертизы, без которого даже формально правильное заключение может быть необъективным. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности – это система взаимосвязанных нормативных правовых актов (ФЗ-73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и др.), регламентирующих организацию, производство и процедуру назначения экспертиз.

Закон устанавливает общие рамки (обязанность эксперта явиться по вызову, дать объективное заключение и т.д.), но не может детально регламентировать все нюансы поведения эксперта в нестандартных ситуациях, моральные дилеммы, вопросы профессиональной совести. Этика выступает здесь в качестве «мягкого права» (soft law), восполняющего правовые пробелы. Она является не просто моральным ориентиром, а профессиональным стандартом, без которого правовое регулирование остается неполным и уязвимым для злоупотреблений.

Судебно-экспертная этика – это система специфических нравственных ориентиров, принципов и стандартов поведения эксперта, обеспечивающих доверие к результатам его деятельности и институту судебной экспертизы в целом [2, с. 54].

Ключевые принципы (с правовой проекцией):

– Принцип независимости и объективности (ст. 7 ФЗ-73): Этические нормы запрещают любую форму зависимости (материальной, служебной, психологической), даже если она не очевидна для закона. Пример: этическая недопустимость неформального общения с стороной по делу [1]

– Принцип профессиональной компетентности: Закон требует от эксперта наличия специальных знаний. Этика обязывает его постоянно совершенствоваться, осознавать границы своей компетенции и отказываться от производства экспертизы при их недостаточности.

– Принцип конфиденциальности (ст. 16 ФЗ-73): Правовой запрет на разглашение данных дополняется этическим требованием не использовать полученную информацию в личных целях. [1]

– Принцип научной добросовестности и личной ответственности: Эксперт несет не только юридическую (ст. 307 УК РФ за заведомо ложное заключение), но и моральную ответственность за каждый вывод. Этически неприемлемо подгонять результаты под «ожидания» следователя или суда.

Функции этики в правовом поле:

1. Восполнительная: Заполняет пробелы в законодательстве.

2. Конкретизирующая: Детализирует общие правовые предписания.

3. Оценочная: Позволяет оценить поведение эксперта в ситуациях, не урегулированных прямыми нормами права.

4. Воспитательная: Формирует внутренние убеждения эксперта, делая соблюдение закона осознанной необходимостью.

В большинстве случаев правовые и этические нормы гармонично дополняют друг друга. Соблюдение этики гарантирует соблюдение закона.

Закон (ст. 14 ФЗ-73) дает право отказа при недостаточной компетенции или при отсутствии условий. Этика обязывает эксперта отказаться в такой ситуации, даже если существует административное давление.

Закон формально регулирует права и обязанности. Этика предписывает сохранять нейтралитет, избегая действий, которые могут быть истолкованы как предвзятость (например, согласование выводов до суда).

Закон устанавливает общие требования к содержанию. Этика требует предельной ясности, обоснованности, разграничения установленных и вероятностных выводов, чтобы не вводить суд в заблуждение.

В спорной ситуации профессиональный долг эксперта должен склоняться в сторону этического выбора, так как он в конечном счете служит гарантией объективности, что является высшей целью правосудия.

Кодексы профессиональной этики (например, Кодекс профессиональной этики федерального государственного гражданского служащего Минюста России, кодексы профессиональных объединений экспертов) являются актами корпоративного регулирования.

Хотя они не являются источниками права в строгом смысле, их нормы:

– Могут использоваться судом и руководителем экспертного учреждения для оценки действий эксперта.

– Служат основой для применения дисциплинарных взысканий.

– Являются доказательством сложившегося в профессиональном сообществе стандарта поведения, на который можно ссылаться при оценке добросовестности эксперта.

Институционализация этики в форме кодексов придает ей более весомый правовой статус, превращая моральные императивы в профессиональные обязательства, подкрепленные корпоративной ответственностью.

Обобщая сказанное выше, отмечу, что судебно-экспертная этика является не внешним по отношению к праву феноменом, а имманентной и системообразующей составляющей его правового обеспечения. Она пронизывает все стадии экспертной деятельности, обеспечивая реализацию правовых норм в их истинном смысле. Эффективное правовое регулирование судебно-экспертной деятельности невозможно без опоры на развитую систему профессиональной этики. Право задает формальные рамки, а этика наполняет их содержанием, обеспечивая гибкость, адаптивность и высокое качество экспертной практики. В условиях совершенствования процессуального законодательства и роста требований к качеству доказательств, дальнейшая разработка и внедрение четких этических стандартов становится ключевым фактором укрепления доверия к судебной власти и обеспечения принципа состязательности сторон.

Таким образом, правовое обеспечение и судебно-экспертная этика представляют собой две стороны единого механизма, направленного на достижение главной цели – установление истины по делу на основе научно-обоснованного, объективного и беспристрастного экспертного заключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
2. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – Москва : Норма, 2019. – 656 с.
3. Зинин А. М., Майлис Н. П. Научные и правовые основы судебной экспертизы: курс лекций. – Москва : Право и закон, 2002. – 304 с.
4. Эриашвили М. Я., Павлушин А. А. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов : учебное пособие. – Москва : Юнити-Дана, 2019. – 255 с.
5. Жукова Ю. В. Этические основы судебно-экспертной деятельности : монография. – Москва : Проспект, 2017. – 176 с.
6. Орлов Ю. К. Процессуальные и этические проблемы судебной экспертизы // Законодательство. – 2018. – № 5. – С. 65–72.
7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в современный период // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3 (126). – С. 16–25.
8. Кудрявцева А. В. Нравственные начала в судебно-экспертной деятельности // Адвокатская практика. – 2019. – № 4. – С. 44–48.
9. Майлис Н. П. Судебная экспертиза: теория, практика, дидактика. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 384 с.
10. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики федерального государственного гражданского служащего Министерства юстиции Российской Федерации» (с изм. и доп.).

УДК 343.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ЭТИКИ

Фирсова Анна Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: an.firsova2000@yandex.ru

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ETHICS

Firsova Anna Yuryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется комплекс вопросов, связанных с судебно-экспертной этикой как фундаментальной основой профессиональной деятельности эксперта в правовом поле. Рассматриваются теоретические основы экспертной этики, анализируется ее нормативно-правовое закрепление в российском законодательстве и выявляются организационные механизмы, обеспечивающие соблюдение этических норм. Автор приходит к выводу о системном характере судебно-экспертной этики, интегрирующей моральные, правовые и организационные начала, и определяет направления совершенствования этических стандартов в экспертной практике для повышения качества правосудия и защиты прав личности.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, профессиональная этика, этический кодекс, независимость эксперта, объективность, беспристрастность, процессуальное право, доказательства.

The article examines a set of issues related to forensic ethics as the fundamental basis of an expert's professional activity in the legal field. The article examines the theoretical foundations of expert ethics, analyzes its regulatory and legal consolidation in Russian legislation, and identifies organizational mechanisms that ensure compliance with ethical standards. The author comes to the conclusion about the systemic nature of forensic ethics, which integrates moral, legal and organizational principles, and identifies areas for improving ethical standards in expert practice to improve the quality of justice and protect individual rights.

Keywords: forensic expertise, professional ethics, code of ethics, expert independence, objectivity, impartiality, procedural law, evidence.

Современное правосудие немыслимо без использования специальных знаний, воплощенных в заключении эксперта. Данное заключение, являясь доказательством по делу, зачастую обладает высокой степенью убедительности и может предопределить исход судебного разбирательства. В этой связи морально-нравственные качества судебного эксперта, его профессиональная честность и непредвзятость выходят на первый план, становясь не только личным делом специалиста, но и гарантией реализации принципов справедливости и законности. Судебно-экспертная этика представляет собой совокупность моральных принципов и правил поведения, регулирующих профессиональную деятельность эксперта. Ее значение обусловлено необходимостью обеспечения достоверности доказательств, формируемых в результате экспертных исследований, и защиты прав участников процесса от возможных злоупотреблений и ошибок.

Теоретические аспекты судебно-экспертной этики. Теоретической основой судебно-экспертной этики являются общие принципы профессиональной этики, адаптированные к специфике экспертной деятельности, которая протекает в строгих рамках закона и обладает ярко выраженной социальной направленностью.

К числу ключевых теоретических принципов относятся:

– Принцип независимости и беспристрастности. Это краеугольный камень всей экспертной деятельности. Эксперт не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначившего экспертизу, сторон по делу или иных заинтересованных лиц. Его выводы должны основываться исключительно на объективных данных исследования, а не на внешнем давлении или предполагаемой «целесообразности» [1, с. 45].

– Принцип объективности и научной обоснованности. Эксперт обязан провести полное и всестороннее исследование, используя современные достижения науки и техники. Выводы должны быть логически выверены, научно аргументированы и вытекать из проведенных исследований. Любые формы предвзятости, тенденциозности и подгонки результатов под ожидания заказчика недопустимы.

– Принцип конфиденциальности и сохранения экспертной тайны. Эксперт не вправе разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, без разрешения органа или лица, ее назначившего. Это касается как хода исследования, так и его предварительных и окончательных результатов.

– Принцип профессиональной компетентности и ответственности. Эксперт должен браться за производство экспертизы только в случае наличия у него соответствующей квалификации и специальных знаний. Осознание высокой степени ответственности за даваемые заключения, которые влияют на судьбы людей и принятие судебных решений, является его профессиональным долгом.

Правовые аспекты судебно-экспертной этики. В Российской Федерации этические требования к деятельности судебного эксперта закреплены на законодательном уровне, что подчеркивает их обязательный, а не рекомендательный характер.

Основными источниками правового регулирования являются:

Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Статья 16 Закона прямо устанавливает обязанности эксперта, которые по своей сути являются этическими нормами: принять к производству порученную ему экспертизу, провести полное исследование, составить объективное и обоснованное заключение, не разглашать сведения и т.д. [2].

Процессуальное законодательство (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ). Каждый кодекс содержит нормы, регулирующие основания для отвода эксперта (например, ст. 70 УПК РФ), его права и обязанности, а также требования к содержанию заключения. Нарушение этических принципов (например, наличие заинтересованности в исходе дела) является прямым основанием для отвода эксперта и признания его заключения недопустимым доказательством.

Ведомственные нормативные акты и этические кодексы. МВД России, Минюст России и другие ведомства, имеющие в своем подчинении экспертные учреждения, принимают собственные кодексы профессиональной этики и инструкции, которые детализируют этические правила применительно к конкретным видам экспертиз и условиям работы [3].

Таким образом, правовые аспекты переводят теоретические этические постулаты в плоскость юридически обязательных предписаний, за нарушение которых эксперт может нести дисциплинарную, гражданско-правовую и даже уголовную ответственность (например, по ст. 307 УК РФ – за заведомо ложное заключение).

Организационные аспекты обеспечения судебно-экспертной этики. Теоретические принципы и правовые нормы требуют создания организационных механизмов, обеспечивающих их реализацию на практике. К таким механизмам относятся:

Профессиональный отбор и подготовка. Вузы и экспертные учреждения должны уделять особое внимание этическому воспитанию будущих экспертов, включая в учебные курсы дисциплины, посвященные профессиональной этике.

Система внутреннего и внешнего контроля. Руководители экспертных учреждений обязаны организовывать проверки качества и объективности проводимых экспертиз. Со стороны суда и сторон процесса также осуществляется контроль через оценку заключения эксперта как доказательства, его проверку и критику.

Создание экспертных советов и комиссий по этике. Данные структуры могут быть созданы при профильных министерствах и ведомствах или профессиональных общественных объединениях (например, в Российской Федерации судебных экспертов) для рассмотрения сложных этических коллизий и жалоб на действия экспертов.

Развитие системы профессиональной сертификации и аккредитации, где соблюдение этических норм является одним из ключевых критериев допуска к экспертной деятельности.

Обобщая сказанное выше, отмечу, что судебно-экспертная этика представляет собой многогранное явление, синтезирующее в себе мораль, право и организационные начала. Ее соблюдение является не просто формальным требованием, а неременным условием для выполнения основной функции судебной экспертизы – оказания содействия правосудию в установлении истины. Теоретические принципы закладывают нравственный фундамент деятельности эксперта, правовые аспекты придают этим принципам обязательную силу, а организационные механизмы создают инфраструктуру для их практической реализации. Дальнейшее совершенствование системы судебно-экспертной этики, включая унификацию этических кодексов, усиление воспитательной работы и развитие механизмов контроля, будет напрямую способствовать повышению доверия к институту судебной экспертизы, укреплению законности и эффективной защите прав и свобод человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – Москва : Норма, 2018. – 512 с.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
3. Кодекс профессиональной этики судебного эксперта системы Министерства юстиции Российской Федерации (утв. Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237). – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Зинин А. М., Майлис Н. П. Настольная книга судебного эксперта: теоретические, организационные и методические основы судебной экспертизы. – Москва : Юрайт, 2019. – 423 с.
5. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. – Москва : Юрист, 2017. – 335 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.10.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ИНТЕРЕСЫ СЕМЬИ

Халикова Исламия Фяритовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808971@ruc.su

PUBLIC DANGER OF CRIMES INFRINGING ON FAMILY INTERESTS

Khalikova Islamia Faryitovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Уголовное законодательство Российской Федерации выделяет преступления против семьи и несовершеннолетних в отдельную главу 20 УК РФ, что подчеркивает их особую значимость и специфику. Необходимость их изучения обусловлена ростом распространенности данных деяний в условиях социально-экономической трансформации, а также их высокой латентностью. Целью данной статьи является комплексное рассмотрение общественной опасности этих преступлений через призму уголовного права, криминологии и социальной политики.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовная ответственность, семья, семейные отношения, несовершеннолетний, преступление, противоправное деяние, общественная опасность.

Russian criminal law specifically identifies crimes against families and minors in Chapter 20 of the Criminal Code, emphasizing their particular significance and specificity. The need to study them is driven by the increasing prevalence of these crimes in the context of socioeconomic transformation, as well as their high latency. The purpose of this article is to comprehensively examine the social danger of these crimes through the prism of criminal law, criminology and social policy.

Keywords: criminal law, criminal liability, family, family relations, minor, crime, illegal act, social danger.

Семья и несовершеннолетние представляют собой фундаментальные социальные институты, нуждающиеся в особой защите со стороны государства. Общественная опасность преступлений против семьи и несовершеннолетних заключается не только в причинении вреда конкретной личности, но и в подрыве основ общества. Эти преступления нарушают условия для нормального физического, интеллектуального и нравственного формирования личности несовершеннолетнего, а также стабильность семейных отношений, что имеет далеко идущие последствия для демографического, социального и экономического развития государства.

Видовым объектом преступлений против семьи и несовершеннолетних являются общественные отношения, обеспечивающие материальные и нематериальные условия для нормального развития личности несовершеннолетнего, а также нормальное существование нетрудоспособных членов семьи [1, С. 50].

Уголовный кодекс РФ предусматривает несколько составов преступлений, которые можно классифицировать на две основные группы:

1. Преступления против несовершеннолетних:

- Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)
- Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ)
- Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ)
- Вовлечение в действия, опасные для жизни (ст. 151.2 УК РФ)
- Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ).

2. Преступления против семьи:

- Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ)
- Незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ)
- Разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ)
- Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ).

Объективная сторона большинства этих преступлений выражается в действиях (активное поведение), за исключением ст. 156 и ст. 157 УК РФ, которые чаще всего совершаются путем бездействия – невыполнения возложенных законом обязанностей. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, а в некоторых составах обязательными признаками являются корыстные или низменные побуждения.

Общественная опасность преступлений против несовершеннолетних носит многоуровневый характер. Прежде всего, эти деяния наносят непосредственный вред физическому и психическому здоровью ребенка, нарушают его нормальное развитие и социализацию.

Вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность (ст. 150–151 УК РФ) представляет особую угрозу, так как виновный не просто совершает преступление сам, а калечит личность подростка, прививая ему криминальные установки и модели поведения. Способы вовлечения (обещания, обман, угрозы) делают несовершеннолетнего не только объектом, но и впоследствии субъектом преступления, что способствует воспроизводству преступности в обществе.

Значительную опасность представляет неисполнение обязанностей по воспитанию (ст. 156 УК РФ), особенно соединенное с жестоким обращением. Это ведет к социальной и педагогической запущенности детей, их безнадзорности, что, в свою очередь, создает почву для их дальнейшего вовлечения в преступную деятельность [2, С. 56]. Как справедливо отмечено в разъяснениях прокуратуры, «предпосылками к совершению уголовно-наказуемых деяний в отношении несовершеннолетних в некоторых случаях являются их социальное неблагополучие и безнадзорность». Такие дети часто становятся жертвами более тяжких преступлений.

Продажа алкогольной продукции несовершеннолетним (ст. 151.1 УК РФ) подрывает здоровье нации, способствует росту подросткового алкоголизма, кото-

рый является питательной средой для антиобщественного поведения и преступности. Опасность этого деяния заключается в опосредованном воздействии на несовершеннолетнего, которое может иметь долгосрочные негативные последствия для его физического и психического здоровья.

Преступления против семьи наносят удар по основам социальной организации, поскольку семья является естественной и основной ячейкой общества, имеющей право на защиту со стороны государства и общества.

Центральное место в этой группе занимает злостное уклонение от уплаты алиментов (ст. 157 УК РФ). Общественная опасность этого преступления заключается в том, что ставятся под угрозу материальные условия существования наиболее уязвимых членов общества – несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей. Массовый характер данного преступления (как показала судебная практика Хабаровского края, по ч. 1 ст. 157 УК РФ осуждается до 98 % всех лиц, осужденных по гл. 20 УК РФ) превращает его из частной проблемы отдельных семей в острую социальную проблему. Неполучение алиментов зачастую ведет к обнищанию семей, росту социального сиротства, когда дети из-за бедности помещаются в государственные учреждения [3, С. 45].

Преступления в сфере усыновления (удочерения) – незаконное усыновление (ст. 154 УК РФ) и разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ) – подрывают институт замещающей семьи, который призван обеспечить воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, в максимально благоприятных условиях. Эти деяния нарушают психологический покой ребенка и семьи, причиняя им моральные страдания, и дискредитируют саму идею усыновления, тем самым нанося вред не только конкретным лицам, но и обществу в целом.

Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ) хотя и является сегодня крайне редким явлением, представляет собой грубейшее посягательство на связь родителей и ребенка, нарушая естественное течение семейной жизни и причиняя непоправимый психологический вред всем непосредственным участникам преступления.

Последствия рассматриваемых преступлений носят системный и многогранный характер, затрагивая различные сферы жизни общества.

Подрывая институт семьи, эти преступления способствуют снижению рождаемости, росту числа разводов и внебрачной рождаемости, а также увеличению числа детей, оставшихся без попечения родителей. Дети из таких семей пополняют группу людей повышенного социального риска. Нарастают социальные проблемы сиротства, жестокого обращения с детьми и подростками [4, С. 87].

Государство вынуждено нести дополнительные финансовые расходы на содержание детей-сирот, социальную поддержку неполных и малообеспеченных семей, финансирование программ реабилитации жертв семейного насилия. Рост безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних ведет к увеличению затрат на правоохранительную систему и пенитенциарные учреждения.

Преступления против семьи и несовершеннолетних являются криминогенным фактором воспроизводства преступности. Дети, выросшие в неблагополучных условиях, часто сами вовлекаются в преступную деятельность. Таким образом, возникает «порочный круг» насилия и противоправного поведения, который крайне сложно разорвать [5].

Правовые последствия выражаются в необходимости постоянного совершенствования уголовного, семейного и административного законодательства, а также механизмов правоприменения. Судебная практика показывает, что за большинство преступлений против семьи и несовершеннолетних назначаются наказания, не связанные с лишением свободы (например, исправительные работы), что, с одной стороны, соответствует принципу гуманизма, а с другой – требует развития эффективной системы уголовного надзора.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о высокой степени общественной опасности преступлений против семьи и несовершеннолетних. Эта опасность заключается не только в непосредственном причинении вреда правам и законным интересам конкретных лиц, но и в посягательстве на фундаментальные основы общества и государства. Семья и подрастающее поколение являются теми опорами, на которых базируется будущее любой нации, и их защита должна рассматриваться как приоритетная задача уголовной политики.

Эффективная борьба с этими преступлениями требует комплексного подхода, сочетающего:

1. Уголовно-правовые меры – адекватную квалификацию деяний, назначение справедливого и целесообразного наказания, ориентированного как на кару, так и на восстановление социальной справедливости.

2. Криминологическую профилактику – выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению этих преступлений (социальное неблагополучие, безнадзорность, экономические проблемы).

3. Социальную поддержку – развитие системы помощи семьям и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, повышение доступности социальных услуг.

4. Межведомственное взаимодействие – координацию усилий правоохранительных органов, социальных служб, образовательных и медицинских учреждений [6, С. 252].

Как отмечается в международных правовых документах, семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства. Реализация этой задачи возможна только через создание целостной системы охраны семейных ценностей, в которой уголовно-правовые средства будут сочетаться с мерами социально-экономического, воспитательного и культурного характера. Только так можно обеспечить нормальные условия для формирования личности несовершеннолетнего и укрепления института семьи, что является залогом стабильного и процветающего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чубукина, А. Е. Криминологический анализ преступлений в семейной сфере // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 104. – С. 47–51.

2. Заграничная, А. В. Особенности уголовной политики в сфере охраны семьи и несовершеннолетних // Интернаука. – 2025. – № 18-6(382). – С. 55–57.

3. Морозова, Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ): учебное пособие для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования. – Санкт-Петербург, 2020. – 90 с.

4. Гнетова, Л. В. Проблемы применения норм уголовного права при защите прав и интересов семьи / Л. В. Гнетова, Т. Б. Гуляева, А. В. Коротких // Международный научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 85–88.

5. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск : Афанасьев, 2024.

6. Чучаев, А. И. Преступления против семьи: правовая природа и проблемы характеристики // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2025. – Т. 20. – № 2. – С. 240–272.

УДК 343

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Халикова Исламия Фяритовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808971@ruc.su

FAMILY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Khalikova Islamia Faryitovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Институт семьи представляет собой фундаментальную основу общества, выполняющую решающие функции по воспроизводству населения, социализации новых поколений и сохранению культурных традиций. В современных условиях семья подвергается многочисленным вызовам и угрозам, что обуславливает необходимость ее всесторонней правовой защиты, включая уголовно-правовые средства.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовная ответственность, семья, семейные отношения, несовершеннолетний, преступление, противоправное деяние, общественная опасность.

The institution of the family is the fundamental basis of society, performing decisive functions in the reproduction of the population, the socialization of new generations and the preservation of cultural traditions. In modern conditions, the family is exposed to numerous challenges and threats, which necessitates its comprehensive legal protection, including criminal law.

Keywords: criminal law, criminal liability, family, family relations, minor, crime, illegal act, social danger.

Семья считается абсолютной государственной ценностью во многих культурах по всему миру. Она рассматривается как основа общества, фундамент, на котором строятся все остальные институты. Семья обеспечивает любовь, поддержку и стабильность для своих членов и необходима для благополучия и развития детей. Правительства также несут ответственность за защиту и поощрение прав семей, обеспечивая им возможность процветать и выполнять свою роль в обществе. В целом, концепция семьи как абсолютной государственной ценности подчеркивает фундаментальную важность крепких и здоровых семей для построения гармоничного и процветающего общества. Уделяя приоритетное внимание благополучию семей, правительство может помочь обеспечить будущий успех и стабильность своих стран [1, С. 162].

Уголовно-правовая охрана семьи направлена на защиту наиболее значимых семейных ценностей от преступных посягательств. Особая социальная значимость семьи как института определяет ее специальный статус в системе уголовного права. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования законодательства в условиях изменения социальных реалий и роста преступлений, посягающих на семейные отношения.

Целью работы является комплексный анализ семьи как объекта уголовно-правовой охраны, выявление проблем правового регулирования и разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства в данной сфере.

Семья представляет собой сложный многоаспектный социальный феномен, имеющий различные определения в социологии, психологии и юриспруденции. С правовой точки зрения, семья – это основанное на браке или родстве объединение лиц, связанных взаимными личными и имущественными правами и обязанностями, моральной и материальной общностью, взаимной поддержкой, воспитанием детей и ведением общего хозяйства [2, С. 85].

Функции семьи в современном обществе включают:

- репродуктивную (биологическое воспроизводство населения);
- воспитательную (социализация подрастающего поколения);
- экономическую (ведение совместного хозяйства, материальная поддержка);
- эмоционально-психологическую (удовлетворение потребностей в любви, признании, безопасности);
- защитную (физическая, экономическая и психологическая защита членов семьи);
- коммуникативную (организация внутрисемейного общения).

Правовая защита семьи осуществляется посредством комплексного воздействия различных отраслей права: семейного, гражданского, административного и уголовного. Уголовное право выполняет в этом механизме особую роль, обеспечивая защиту наиболее значимых семейных ценностей от серьезных правонарушений, обладающих высокой степенью общественной опасности.

Исторический анализ показывает эволюцию подходов к уголовно-правовой охране семьи в российском законодательстве. В древнерусский период защита семейных отношений осуществлялась преимущественно нормами обычного права, а затем – церковными установлениями.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержало ряд норм, направленных на защиту семейных отношений. К преступлениям против семьи относились: многобрачие, нарушение супружеской верности, кровосмешение, оставление детей родителями и жестокое обращение с детьми.

В советский период произошла значительная трансформация подходов к уголовно-правовой охране семьи. Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов последовательно расширяли перечень составов преступлений против семьи. Особое внимание уделялось защите интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Современный этап развития уголовно-правовой охраны семьи связан с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года, который впервые выделил преступления против семьи и несовершеннолетних в отдельную главу (глава 20). Это отразило

повышенное внимание законодателя к защите семейных ценностей в новых социально-экономических условиях.

В действующем Уголовном кодексе РФ нормы об охране семьи сосредоточены преимущественно в главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» [3, С. 50].

Система составов преступлений против семьи включает:

1. Преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних:

- Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)
- Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ)
- Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ)

2. Преступления, посягающие на институт семьи:

- Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ)
- Незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ)
- Разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ)
- Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)

Родовым объектом данных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование семьи, надлежащее воспитание несовершеннолетних и реализацию семейных прав и обязанностей.

Сравнительный анализ уголовно-правовой охраны семьи в зарубежных странах позволяет выявить различные подходы к защите семейных ценностей.

В странах континентальной правовой семьи (Германия, Франция, Испания) обычно предусматривается специальный раздел в уголовных кодексах, посвященный преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Например, УК Германии содержит главу «Преступления против гражданского статуса, брака и семьи», которая включает составы, направленные на защиту брака, семейных отношений и интересов несовершеннолетних.

В англо-американской правовой системе защита семьи осуществляется преимущественно через законодательство о домашнем насилии, жестоком обращении с детьми и нарушениях алиментных обязательств. Многие составы формулируются как преступления против личности, а не против семьи как института.

Скандинавские страны отличаются комплексным подходом к защите семьи, сочетающим уголовно-правовые меры с развитой системой социальной поддержки. Особое внимание уделяется профилактике семейного насилия и защите прав детей.

В странах исламской правовой традиции уголовно-правовая охрана семьи базируется на религиозных нормах и направлена на защиту традиционной патриархальной семьи. Значительное внимание уделяется охране морально-нравственных основ семейной жизни.

Анализ современной правоприменительной практики выявляет ряд проблем в области уголовно-правовой охраны семьи:

1. Проблемы квалификации преступлений против семьи:

- сложность разграничения уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений в семейной сфере;
- неопределенность формулировок отдельных составов преступлений;
- проблемы доказывания субъективной стороны преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере.

2. Проблемы предупреждения преступлений против семьи:

- высокая латентность семейных преступлений, особенно связанных с домашним насилием;
- недостаточная эффективность мер профилактики;
- слабая координация между правоохранительными органами и социальными службами.

3. Перспективы совершенствования законодательства:

- криминализация новых видов общественно опасных деяний в семейной сфере (например, экономического насилия в семье);
- дифференциация ответственности с учетом степени общественной опасности деяния;
- развитие системы восстановительного правосудия применительно к преступлениям против семьи;
- усиление защиты прав потерпевших членов семьи [4, С. 288].

Семья как объект уголовно-правовой охраны представляет собой многоаспектный институт, требующий специальной правовой защиты. Уголовное право выполняет в системе защиты семьи решающую роль, обеспечивая охрану наиболее значимых семейных ценностей от серьезных правонарушений [5, С. 341].

Современная система уголовно-правовой охраны семьи в Российской Федерации в целом соответствует международным стандартам, однако требует дальнейшего совершенствования. Основными направлениями развития должны стать: криминализация новых общественно опасных деяний в семейной сфере, дифференциация ответственности, усиление защиты прав потерпевших и развитие восстановительных подходов.

Эффективная уголовно-правовая охрана семьи возможна только в рамках комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые меры с административными, гражданско-правовыми и социальными механизмами защиты семейных ценностей. Важное значение имеет также гармонизация российского законодательства с международными стандартами в области защиты семьи и прав ребенка.

Дальнейшее развитие уголовно-правовой охраны семьи должно быть направлено на достижение баланса между защитой семейных ценностей и соблюдением прав отдельных членов семьи, между карательной и восстановительной функциями уголовного права, между государственным вмешательством в семейные отношения и уважением частной жизни семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилова, А. Е. Понятие и классификация преступлений против семьи и несовершеннолетних // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2024. – Т. 1. – № 2(107). – С. 160–167.

2. Абдульмянова, Т. В. Историко-правовой анализ становления и развития мер уголовно-правовой охраны института семьи и прав несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 1(51). – С. 82–88.

3. Чубукина, А. Е. Криминологический анализ преступлений в семейной сфере // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 104. – С. 47–51.

4. Еловикова, Ю. С. Семья как традиционная ценность и объект уголовно-правовой охраны // Власть Закона. – 2025. – № 2(62). – С. 282–300.

5. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям. – Москва, 2025. – 479 с.

УДК 343

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Чалдышев Даниил Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809215@ruc.su

RESPONSIBILITY FOR A MURDER COMMITTED IN A STATE OF PASSION

Chaldyshev Daniil Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается уголовно-правовая ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта. Анализируются признаки сильного душевного волнения, возникающего в ответ на насилие, оскорбление или иные противоправные действия со стороны потерпевшего. Рассматриваются критерии квалификации преступления, отличия от умышленного убийства и смягчающие обстоятельства. Приводится обзор судебной практики, а также обсуждаются проблемы доказывания состояния аффекта и его влияние на наказание.

Ключевые слова: убийство, состоянии аффекта, обстоятельства, душевное волнение, меры наказания, факторы

The article discusses criminal liability for murder committed in a state of passion. The article analyzes the signs of severe mental agitation that occurs in response to violence, insult or other illegal actions on the part of the victim. The criteria for the qualification of a crime, differences from pre-meditated murder and mitigating circumstances are considered. The article provides an overview of judicial practice, as well as discusses the problems of proving the state of passion and its impact on punishment.

Keywords: murder, state of passion, circumstances, emotional agitation, punishments, factors

В иерархии уголовно наказуемых деяний убийству отводится статус одного из наиболее общественно опасных посягательств. Несмотря на безусловную тяжесть санкций за его совершение, уголовно-правовая доктрина и законодатель признают наличие исключительных юридических фактов, способных детерминировать смягчение применяемых к виновному лицу мер ответственности. К числу таковых правоприменительная практика относит совершение противоправного деяния в состоянии аффекта.

Аффект в уголовно-правовом значении представляет собой внезапно возникшую кратковременную, но интенсивную эмоциональную реакцию (душевное волнение), спровоцированную противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Подобное физиологическое состояние сопровождается существенным снижением волевого и интеллектуального контроля над собственными поведенческими актами, что в критических ситуациях может детерминировать совершение насильственных преступлений против личности [1].

В доктрине уголовного права состояние аффекта признаётся особым субъективным основанием, детерминирующим дифференциацию юридической ответственности. Легитимация данного института в законодательстве большинства государств коррелирует с принципом субъективного времени. Для квалификации деяния как совершенного в состоянии аффекта правоприменителю необходимо установить комплекс взаимосвязанных критериев:

1. Казуальная связь с противоправными действиями потерпевшего – аффективная реакция должна быть имманентно обусловлена виктимным поведением, характеризующимся внезапностью, интенсивностью и противоправностью (применение насилия, тяжкое оскорбление, угроза безопасности третьих лиц).

2. Психофизиологическая неспособность к произвольной регуляции деятельности – в момент совершения деяния у обвиняемого констатируется существенная редукция когнитивного контроля и волевой саморегуляции, что исключает возможность полноценного осознания фактического характера и общественной опасности своих действий.

3. Временная параметризация аффективного состояния – уголовно-релевантный аффект характеризуется транзитивностью и кратковременностью. Судебная практика исходит из необходимости непосредственной временной связи между провоцирующим воздействием и криминальным актом, поскольку значительный временной интервал свидетельствует об утрате аффектом своей смягчающей функции.

Правовые последствия установления аффекта для обвиняемого

Позитивное для стороны защиты установление факта совершения противоправного деяния в состоянии аффекта влечет за собой существенную трансформацию применяемых к виновному лицу мер уголовно-правового характера. В контексте дифференциации уголовной ответственности данное обстоятельство выполняет функцию юридического факта, детерминирующего смягчение репрессивности наказания.

В зависимости от особенностей национального законодательства, санкционный эффект от такой квалификации может реализовываться в следующих формах:

– Избрание наказания, сопряженного с минимальным сроком изоляции от общества, в рамках санкции соответствующей статьи особенной части уголовного закона.

– Назначение мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией в пенитенциарных учреждениях. Речь может идти о таких альтернативных санкциях, как принудительные работы или принудительные меры медицинского характера, фокусирующиеся на ресоциализации и коррекции состояния лица.

– Эскульпация (освобождение от уголовной ответственности). Данная правовая возможность актуализируется в исключительных случаях, когда доказывается, что вследствие физиологического аффекта у лица наступило временное расстройство психической деятельности, полностью исключающее его способность к инкриминируемой вине [2].

Современная правоприменительная практика демонстрирует обширную категорию уголовных дел, в которых установление состояния аффекта стало ключевым фактором для квалификации содеянного и назначения наказания. Яркой иллюстрацией выступают дела, связанные с причинением смерти одним из супругов другому на почве внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Типичными катализаторами аффективной реакции в рамках семейно-бытовых конфликтов выступают:

- противоправные и аморальные действия потерпевшего, такие как физическое или систематическое психологическое насилие в отношении обвиняемого;
- обнаружение факта супружеской неверности, которое воспринимается как грубое нарушение моральных устоев и личностных прав.

При рассмотрении подобных категорий дел судебные инстанции осуществляют тщательный анализ фактического контекста происшедшего, уделяя особое внимание установлению причинно-следственной связи между виктимным (провоцирующим) поведением потерпевшего и последующей внезапной реализацией умысла со стороны обвиняемого. В случаях, когда доказывается, что противоправные действия были совершены под влиянием острой психотравмирующей ситуации, сформировавшей состояние аффекта суд признает данное обстоятельство в качестве смягчающего, что влечет за собой применение специального состава преступления и, соответственно, более мягкой санкции.

Примеры из практики

1. Случай измены: в одном из дел, супруг, узнав о неверности своей жены, в состоянии аффекта совершил убийство. Суд, рассматривая дело, учел, что эмоциональное состояние обвиняемого было вызвано резким и неожиданным ударом, что привело к потере контроля над собой. В результате, наказание было смягчено, и обвиняемый получил меньший срок лишения свободы.

2. Защита близкого человека: в другом случае, мужчина, ставший свидетелем нападения на своего друга, в состоянии аффекта убил нападавшего. Суд признал, что действия обвиняемого были спровоцированы угрозой жизни его друга, и это также стало основанием для смягчения наказания.

3. Физическое насилие: в случае, когда женщина, долгое время подвергавшаяся домашнему насилию, в состоянии аффекта убила своего агрессора, суд учел предшествующие обстоятельства и признал, что ее действия были вызваны длительным стрессом и страхом за свою жизнь.

Состояние аффекта является важным обстоятельством, которое может существенно повлиять на решение суда о степени вины и наказания за убийство. Однако, несмотря на возможность смягчения ответственности, важно помнить, что каждое дело рассматривается индивидуально, и суды принимают во внимание множество факторов, включая предшествующее поведение сторон, характер провокации и последствия совершенного преступления [3].

Психолого-правовая природа аффективного состояния.

Аффект представляет собой междисциплинарный феномен, имеющий комплексное значение как для уголовно-правовой доктрины, так и для судебной психологии. С психологической точки зрения, данное состояние характеризуется транзитивным, но интенсивным эмоциональным возбуждением, спектр проявлений которого может простираться от агрессивной эксплозивности (ярость) до состояния психогенного ступора (глубокая печаль). Ключевым признаком выступает дезинтеграция произвольной регуляции поведения, приводящая к совершению импульсивных действий при резко суженном сознании и ослабленном прогнозировании их последствий.

Современные психологические исследования подтверждают, что в фазе аффекта происходит существенная депривация когнитивных функций, в первую очередь – способности к рациональному анализу и критической оценке ситуации. Когнитивный дефицит, в свою очередь, детерминирует повышенную восприимчивость индивида к внешним провокациям, лишая его возможности на адекватное и взвешенное реагирование.

Детерминация поведенческих актов в условиях аффекта.

Влияние аффективного состояния на процессы принятия решений проявляется в кардинальной трансформации поведенческих паттернов. Индивид может совершать поступки, абсолютно нехарактерные для него в состоянии психологической нормы. Нейрофизиологический механизм данного явления связан с активацией древних подкорковых структур мозга, ответственных за инстинкты самосохранения и реализацию реакции «бей или беги». В результате происходит гиперболизация угрозы – даже при отсутствии объективной опасности, ее восприятие становится непосредственным и экзистенциальным, что и служит ключевым триггером для противоправных действий. Этим обстоятельством объясняется статистическая распространенность криминальных эпизодов, совершенных в состоянии аффекта, в контексте ситуаций, субъективно воспринимаемых лицом как угрожающие его физической неприкосновенности или психологической целостности.

Социальные и культурные факторы.

Правовая оценка состояния аффекта не может быть изолирована от учета социокультурных детерминант. На интенсивность и характер эмоциональных реакций индивида оказывают существенное влияние нормы и ценности, доминирующие в конкретной социальной среде. В частности, культурно обусловленные паттерны восприятия таких событий, как предательство или посягательство на личную неприкосновенность, могут формировать повышенную психологическую восприимчивость к ним. Данное обстоятельство оказывает непосредственное влияние на правоприменительную практику, поскольку задает специфический контекст для судебного усмотрения при оценке степени общественной опасности содеянного и вины лица. Ярким примером служат социумы с высокой степенью значимости категорий чести и достоинства личности, где совершение противоправного деяния в ответ на их грубое поправление может получать иную нормативную оценку по сравнению с правовыми системами, базирующимися на иных аксиологических основаниях.

Проблемы правоприменения. Несмотря на формальную определенность легальных критериев аффекта, его операционализация в ходе судопроизводства сопряжена с рядом имманентных сложностей. Ключевая проблема заключается в ретроспективном установлении психофизиологического состояния обвиняемого в инкриминируемый момент, что зачастую превышает возможности судебно-психологической и комплексной медико-психологической экспертизы. Отсутствие объективных маркеров и зависимость экспертных заключений от субъективной интерпретации данных создают риски судебных ошибок. Указанная диагностическая неопределенность порождает потенциал для злоупотреблений со стороны защиты, которая может прибегать к симуляции аффективного состояния с целью классификации состава преступления в более мягкую категорию, что входит в коллизию с принципами объективной истины и справедливого наказания.

Применение альтернативных мер уголовно-правового характера. Установление в ходе судопроизводства состояния аффекта открывает возможность для применения к виновному лицу мер, альтернативных лишению свободы. В таких случаях правоприменитель может избрать санкции, связанные с принудительными мерами медицинского характера или программами психолого-социальной реабилитации.

Сравнительный анализ рецидивной преступности демонстрирует, что подобный комплексный подход обладает более высокой степенью эффективности в сравнении с карательной парадигмой, ориентированной исключительно на изоляцию. Его пенитенциарное значение заключается в реализации превентивной функции – недопущении совершения новых противоправных деяний посредством коррекции психоэмоционального состояния правонарушителя и его последующей ресоциализации [4].

Таким образом, аффективное состояние выполняет в уголовном праве двоякую функцию: с одной стороны, оно выступает в качестве юридического факта, смягчающего вину и ответственность, а с другой – детерминирует необходимость установления каузальной цепочки, приведшей к криминальному результату. Изложенное актуализирует потребность в имплементации комплексного подхода к квалификации деяний против жизни, предполагающего не только формальную оценку состава преступления, но и всестороннее исследование субъективной стороны, включая психофизиологическое состояние виновного лица на момент совершения противоправного деяния. Реализация данного подхода является императивом для вынесения объективного и справедливого судебного решения, соответствующего принципам вины и индивидуализации юридической ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, О. С. Понятие убийства, совершенного в состоянии аффекта // Грамота. – 2011. – № 1. – С. 23–25.
2. Аталикова, И. Р. Отграничение убийства, совершенного в состоянии аффекта, от смежных составов // Наука через призму времени. – 2018. – № 1 (10). – С. 126–128.
3. Богданова, Н. В., Волкова Н. А. Аффект по российскому законодательству: исторический аспект : сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. в 3 ч. – 2018. – С. 26–29.

4. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.

УДК 343

**УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА
(СТ. 107 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
С ДРУГИМИ ВИДАМИ УБИЙСТВ**

Чалдышев Даниил Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809215@ruc.su

**MURDER COMMITTED IN A STATE OF PASSION
(ARTICLE 107 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION): PROBLEMS OF DIFFERENTIATION FROM OTHER
TYPES OF MURDER**

Chaldyshev Daniil Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ уголовно-правовых проблем, связанных с квалификацией убийства, совершенного в состоянии аффекта, по ст. 107 УК РФ. Автор исследует понятие аффекта с междисциплинарных позиций уголовного права, психологии и судебной психиатрии, детально рассматривает состав данного преступления. Центральное место в работе занимает проблема разграничения убийства в состоянии аффекта со смежными составами: убийством с косвенным умыслом (ст. 105 УК РФ), убийством при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ) и убийством при превышении мер, необходимых для задержания лица (ст. 114 УК РФ). На основе анализа судебной практики и доктринальных источников выявляются типичные ошибки квалификации, формулируются конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: убийство, аффект, ст. 107 УК РФ, физиологический аффект, разграничение составов, косвенный умысел, необходимая оборона, задержание преступника, судебная практика, квалификация преступлений.

The article provides a comprehensive analysis of the criminal law problems associated with the qualification of murder committed in a state of affect under Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the concept of affect from the interdisciplinary perspectives of criminal law, psychology, and forensic psychiatry, and details the elements of this crime. The central part of the work is devoted to the problem of distinguishing murder in a state of affect from related offenses: murder with indirect intent (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), murder when exceeding the limits of necessary defense (Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation), and murder when exceeding the measures necessary to detain a person (Article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on the analysis of judicial practice and doctrinal sources, typical qualification errors are identified, and specific proposals for improving criminal legislation and its application practice are formulated.

Keywords: murder, affect, Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, physiological affect, distinction of crimes, indirect intent, necessary defense, detention of a criminal, judicial practice, qualification of crimes.

Актуальность темы, связанной с квалификацией убийства, совершенного в состоянии аффекта, обусловлена целым комплексом социальных, правовых и практических факторов. Социальная значимость правильной квалификации данного деяния напрямую проистекает из существенного снижения санкции по ст. 107 УК РФ по сравнению с санкцией за «простое» убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ – исправительные работы или лишение свободы на срок до трех лет против лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Подобная диспропорция делает квалификацию преступления буквально вопросом свободы человека, что налагает на правоприменителя особую ответственность.

Сложность отграничения аффективного убийства от других видов убийств, в первую очередь от убийства с косвенным умыслом, а также от убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны или мер для задержания лица, является источником многочисленных судебных ошибок, что отмечается в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ. Эта сложность обусловлена тем, что ключевой критерий разграничения – психическое состояние виновного – является латентным, неочевидным и требует для своей объективизации проведения сложных судебных экспертиз.

Наличие спорных вопросов в судебной практике подтверждается статистикой. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ежегодно по ст. 107 УК РФ осуждается относительно незначительное число лиц – около 200-300 человек, в то время как перекалфикация дел с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ и наоборот является одной из наиболее частых причин изменения обвинения в кассационных и апелляционных инстанциях. Это свидетельствует о том, что первоначальная квалификация нередко оказывается ошибочной, а, следовательно, требует более глубокого теоретического осмысления и выработки четких практических критериев.

Рассмотрение теоретических основ уголовной ответственности за убийство, совершенное в состоянии аффекта, необходимо начать с анализа ключевого понятия – аффекта. В психологии аффект (от лат. *affectus* – душевное волнение, страсть) понимается как «кратковременная, интенсивно протекающая эмоциональная реакция взрывного характера, сопровождающаяся резко выраженными двигательными и вегетативными проявлениями» [1, с. 78]. Судебная психиатрия, опираясь на психологическую науку, акцентирует внимание на диагностических критериях, выделяя такие признаки физиологического аффекта, как внезапность возникновения, кратковременность протекания, высокая интенсивность переживания, сужение сознания с нарушением способности к произвольной регуляции и критической оценке своих действий, а также последующее истощение психических и физических сил. Уголовное право заимствует это понятие, наполняя его юридическим содержанием. Как справедливо отмечает А. Н. Попов, «уголовно-правовое значение имеет не любой аффект, а лишь тот, который вызван конкретной причиной – противоправным или аморальным поведением потерпевшего» [4, с. 45].

Принципиально важным является разграничение физиологического и патологического аффекта. Если физиологический аффект, несмотря на временное расстройство психической деятельности, не лишает лицо способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить

ими, то патологический аффект представляет собой временное расстройство психической деятельности, квалифицируемое как болезненное состояние психики, которое полностью исключает вменяемость и, соответственно, уголовную ответственность, что влечет применение принудительных мер медицинского характера. Таким образом, для квалификации по ст. 107 УК РФ необходимо наличие именно физиологического аффекта, что прямо вытекает из смысла закона.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, обладает значительной спецификой. Объективная сторона данного убийства формально совпадает с объективной стороной убийства по ст. 105 УК РФ – это противоправное причинение смерти другому человеку. Однако главная особенность кроется в субъективной стороне и в условиях, при которых совершается деяние. Субъективная сторона характеризуется специфическим психическим состоянием виновного – внезапно возникшим сильным душевным волнением (аффектом), которое детерминирует форму вины.

В доктрине ведутся споры о том, является ли вина при аффекте умыслом, пусть и внезапно возникшим, или же это некое особое состояние, смягчающее ответственность. По нашему убеждению, наиболее обоснованной является позиция, согласно которой аффект не создает новой формы вины, а лишь модифицирует умысел, делая его менее общественно опасным в силу обусловленности виктимным (провоцирующим) поведением потерпевшего.

Как указывает С. В. Бородин, «умысел при аффекте отличается от заранее обдуманного внезапностью возникновения, импульсивностью и часто неконкретизированностью» [2, с. 112]. Ключевым элементом состава является причинная связь между противоправным или аморальным поведением потерпевшего и возникновением аффекта у виновного. Законодатель в ст. 107 УК РФ дает примерный перечень таких действий: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия (бездействие), а также длительная психотравмирующая ситуация. Именно анализ виктимного поведения, его интенсивности, продолжительности и способности вызвать именно аффективную реакцию, а не просто гнев или обиду, является краеугольным камнем при квалификации. Субъект преступления – общий, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Центральной проблемой, пронизывающей всю практику применения ст. 107 УК РФ, является проблема разграничения данного состава со смежными видами убийств. Наибольшую сложность представляет отграничение аффективного убийства от убийства, совершенного с косвенным умыслом по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Основное различие лежит в плоскости субъективной стороны. При косвенном умысле, как определено в ст. 25 УК РФ, лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий и, хотя не желает их наступления, сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично. В состоянии же аффекта интеллектуальный и волевой элементы вины существенно деформированы. Сознание сужено, способность к предвидению последствий и критической оценке ситуации резко снижена, а действия носят импульсивно-взрывной, малоосознанный характер. Как верно подмечает И. М. Тяжкова, «при аффекте умысел возникает

не просто внезапно, а в непосредственной связи с поведением потерпевшего, он как бы вытесняет собой процесс обдумывания» [5, с. 91]. Мотивация также различается: при аффекте она является непосредственной реакцией на виктимное поведение, в то время как при косвенном умысле мотивы могут быть самыми разнообразными. На практике же грань подчас оказывается весьма тонкой. Например, если виновный в ответ на оскорбление хватается нож и наносит удар, суду предстоит установить, находился ли он в состоянии аффекта или же, осознавая опасность своих действий, допускал наступление смерти. Критериями разграничения здесь, по нашему мнению, должны выступать:

- 1) детальный анализ поведения потерпевшего непосредственно перед преступлением;
- 2) объективные признаки аффекта, зафиксированные свидетелями или самим виновным (изменение цвета лица, сбивчивая речь, неадекватные действия);
- 3) характер действий виновного (их хаотичность, интенсивность, нанесение большого количества ранений) и, что самое главное,
- 4) заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Не менее сложным является разграничение убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ). Оба состава являются привилегированными и схожи по внешним проявлениям – причинение смерти в ответ на противоправные действия потерпевшего. Однако их юридическая природа различна. Необходимая оборона предполагает наличие общественно опасного посягательства, которое является действительным (реальным), наличным и направленным на охраняемые законом интересы. Превышением пределов обороны признаются лишь умышленные действия, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства. В ситуации же аффекта провоцирующее поведение потерпевшего может и не достигать степени общественно опасного посягательства, требующего обороны (например, тяжкое оскорбление или аморальные действия). Главное же отличие, на наш взгляд, заключается в психическом состоянии обороняющегося и виновного при аффекте. Обороняющийся, даже превышая пределы необходимой обороны, как правило, сохраняет способность к целенаправленным действиям, его цель – пресечь посягательство. При аффекте же сознание сужено, волевой контроль нарушен, а действия направлены не столько на защиту, сколько на немедленную «разрядку» возникшего психического напряжения.

На практике часто возникает ситуация, когда обороняющийся, подвергнувшись нападению, впадает в состояние аффекта и в этом состоянии причиняет смерть нападавшему, явно превышая необходимые меры защиты. В таких случаях, как полагает автор, возможно идеальное совокупное применение норм – квалификация по ст. 107 УК РФ, поскольку состояние аффекта является смягчающим обстоятельством, и по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку имело место превышение пределов обороны. Однако судебная практика, к сожалению, не отличается единообразием в разрешении таких коллизий.

Аналогичные проблемы возникают при разграничении со ст. 114 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью при превышении мер задержания). Цель задержания лица, совершившего преступление, – доставить его органам власти и

предотвратить возможность совершения им новых преступлений. Превышение мер задержания связано с умышленным причинением явно чрезмерного, не вызываемого обстановкой вреда. При аффекте цель задержания отсутствует; действия виновного мотивированы не долгом, а личной обидой, гневом, вызванным поведением задерживаемого, которое может и не быть в данный момент преступным. Например, если при задержании преступник начинает оскорблять задерживающего, и последний, впад в состояние аффекта, причиняет ему смерть, возникает вопрос о квалификации. По нашему мнению, в такой ситуации первичным является все же мотив и цель: если умысел на задержание был первоначальным, но затем трансформировался под влиянием аффекта, содеянное следует квалифицировать по совокупности статей. Критерием разграничения должен служить анализ момента возникновения умысла на причинение смерти и его мотивационной составляющей.

Анализ современной судебной практики по делам об убийствах, совершенных в состоянии аффекта, позволяет выявить ряд системных проблем. Типичной ошибкой является формальный подход к установлению аффекта, когда суды ограничиваются констатацией факта противоправного поведения потерпевшего, не исследуя глубину и интенсивность вызванной им психической реакции у виновного. Нередко заключение судебно-психиатрической экспертизы принимается судом без критической оценки, хотя, как справедливо отмечает Э. Ф. Побегайло, «экспертиза устанавливает лишь возможность возникновения аффекта в данной ситуации, но окончательный вывод о его наличии – прерогатива суда, оценивающего все доказательства в совокупности» [3, с. 67]. Другой распространенной ошибкой является игнорирование длительной психотравмирующей ситуации, когда суды не учитывают кумулятивный эффект систематических издевательств или оскорблений, приведших к «взрыву» в виде аффективной реакции.

В связи с выявленными проблемами мы считаем необходимым предложить следующие меры по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Во-первых, требуется уточнение диспозиции ст. 107 УК РФ. Понятие «длительная психотравмирующая ситуация» является оценочным и порождает разночтения. Целесообразно было бы дать в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснение, что под такой ситуацией понимается систематическое (не менее трех-пяти раз) противоправное или аморальное поведение потерпевшего в отношении виновного или его близких, создающее устойчивое состояние психической напряженности.

Во-вторых, необходимо повысить качество судебных экспертиз. Для этого следует разработать и внедрить единые методические рекомендации для производства комплексных психолого-психиатрических экспертиз по делам об аффекте, обязав экспертов не только констатировать возможность аффекта, но и давать развернутую психологическую характеристику состояния виновного, анализировать соответствие его реакции силе и характеру провокации.

В-третьих, судам необходимо рекомендовать при оценке доказательств по делам данной категории обращать особое внимание на поведение виновного непосредственно после совершения преступления (например, растерянность, ступор,

попытки суицида, искреннее раскаяние), что может служить косвенным подтверждением аффективного состояния.

Что касается радикальных предложений об исключении ст. 107 УК РФ из УК, то мы считаем их необоснованными. Аффект как смягчающее обстоятельство признается во многих правовых системах, а его игнорирование привело бы к несправедливому ужесточению ответственности для лиц, чья вина объективно снижена в силу непреодолимой силы сильного душевного волнения, вызванного виной самого потерпевшего.

В заключение проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы. Убийство, совершенное в состоянии аффекта, представляет собой сложный с уголовно-правовой точки зрения состав, квалификация которого сопряжена с необходимостью установления и анализа специфического субъективного состояния виновного. Основные проблемы разграничения со смежными составами (ст. 105, 108, 114 УК РФ) коренятся в смежности объективных признаков и трудностях доказывания субъективной стороны. Ключевыми критериями разграничения выступают:

- 1) наличие и характер виктимного поведения;
- 2) установление момента возникновения и формы умысла;
- 3) цель действий виновного;
- 4) заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода к квалификации, что свидетельствует о необходимости совершенствования как законодательной техники, так и практики применения ст. 107 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богдановский, А. Ю. Судебная психология. – Москва, 2018. – 345 с.
2. Попов, А. Н. Убийства при смягчающих обстоятельствах. – Санкт-Петербург, 2025. – 267 с.
3. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.
4. Побегайло, Э. Ф. Проблемы квалификации убийства в состоянии аффекта // Российский следователь. – 2020. – № 5. – С. 65–68.

УДК 343.1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОЙ СИСТЕМЫ

Чегодаева Елизавета Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811405@ruc.su

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S SYSTEM

Chegodayeva Yelizaveta Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Российская прокуратура, пройдя сложный путь от карательного инструмента абсолютизма и тоталитаризма до конституционного органа, продолжает эволюционировать. Ее историческая миссия по обеспечению законности остается неизменной, однако методы и приоритеты

ее деятельности трансформируются в соответствии с вызовами времени и задачами построения правового государства.

Настоящая статья посвящена комплексному историко-правовому анализу формирования и развития прокурорской системы России. Исследование охватывает период от институционализации прокуратуры при Петре I до ее современного конституционно-правового статуса, выявляя ключевые векторы трансформации ее функций и полномочий. В статье автором на основе ретроспективного анализа определены системные предпосылки и закономерности эволюции данного государственного института.

Ключевые слова: прокуратура, государственный орган, история становления, предпосылки формирования.

The Russian prosecutor's office, having traveled a complex path from a punitive instrument of absolutism and totalitarianism to a constitutional body, continues to evolve. Its historical mission to ensure the rule of law remains unchanged, but the methods and priorities of its activities are being transformed in accordance with the challenges of the times and the tasks of building a state governed by the rule of law.

This article provides a comprehensive historical and legal analysis of the formation and development of the prosecutorial system in Russia. The study covers the period from the institutionalization of the prosecutor's office under Peter the Great to its current constitutional and legal status, identifying key vectors of transformation of its functions and powers. In the article, the author, based on a retrospective analysis, identified the systemic prerequisites and patterns of evolution of this state institution.

Keywords: prosecutor's office, government agency, history of formation, prerequisites for formation.

Прокуратура – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории страны.

Прокуратура занимает особое место в системе государственных органов, выполняя роль «стража законности» и обеспечивая верховенство закона во всех сферах государственной и общественной жизни.

Зарождение прокуратуры в Российской империи было обусловлено потребностью в централизованном контроле за деятельностью государственного аппарата и обеспечении законности.

12 января 1722 года Петр I своим указом учредил прокуратуру как совершенно новый для России институт надзора. Первому Генерал-прокурору П. И. Ягужинскому император определил роль «ока государева» и «стряпчего о делах государственных».

Изначально прокуратура создавалась для надзора за Сенатом и другими органами власти, дабы «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» [1, С. 132].

Основной задачей прокурора на данном этапе был надзор за законностью действий государственных учреждений и их должностных лиц. Прокуроры имели право опротестовывать незаконные решения, а также наблюдали за безупречным исполнением императорских указов. При этом исторические исследования показывают, что уже в XVIII веке прокуроры косвенно участвовали в уголовном преследовании, опротестовывая незаконные судебные решения и руководя деятельностью фискальных органов.

Императрица Екатерина II продолжила укрепление прокурорской системы, распространив ее на региональный и местный уровни. Прокуроры стали «оком государя» в губерниях, наблюдая за деятельностью губернаторов и других чиновников. Екатерина II расширила их полномочия в уголовной сфере, поручив им «искать и осуществлять все безгласные дела».

Судебная реформа Александра II стала поворотным моментом, в рамках которого прокурорская система подверглась серьезной трансформации. Функции судебного надзора и административного контроля были разделены. Прокуратура была сосредоточена на уголовном преследовании и поддержании государственного обвинения в суде, превратившись в ключевой элемент обновленной судебной системы [2, С. 45].

Революционные события 1917 года кардинально изменили судьбу прокуратуры, поставив ее на службу идеологии и задачам однопартийного государства.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 года ликвидировал весь существовавший до этого судебно-прокурорский аппарат. Однако уже в 1922 году, осознав необходимость централизованного контроля за законностью, советское правительство восстановило прокуратуру в составе Народного комиссариата юстиции.

Отличительной чертой советской прокуратуры стала функция так называемого «общего надзора» – надзора за законностью действий всех государственных органов, общественных организаций и граждан с целью обеспечения «социалистической законности». Прокуратура стала инструментом, обеспечивавшим соблюдение законов в интересах укрепления режима [3, С. 55].

В 1933 году была образована Прокуратура СССР, что ознаменовало создание единой централизованной системы, независимой от республиканских наркоматов юстиции.

В период сталинских репрессий прокуратура, находясь в тесной связке с карательными органами (НКВД, КГБ), во многом утратила функцию защиты законности, превратившись в один из инструментов политических преследований. При этом исследования показывают, что в послевоенный период прокуратура также занималась «дисциплинированием» самого государственного аппарата, борясь с произволом и злоупотреблениями на местах.

Принятие в 1979 году Закона «О Прокуратуре СССР» законодательно оформило прокуратуру как единую централизованную систему во главе с Генеральным прокурором СССР.

Распад СССР и формирование новой российской государственности поставили вопрос о месте и роли прокуратуры в демократическом правовом государстве.

Конституция Российской Федерации 1993 года определила прокуратуру как единую централизованную систему в главе «Судебная власть», хотя сама прокуратура не является органом судебной власти. Это расположение в тексте Основного закона до сих пор вызывает дискуссии о природе органа. Статья 129 Конституции установила особый порядок назначения Генерального прокурора (Советом Федерации по представлению Президента), что подчеркивает его особый статус [4, С. 227].

Федеральный закон «О Прокуратуре Российской Федерации» 1992 года, а его

последующая редакция 1995 года, провели масштабную реформу. Была упразднена функция общего надзора за гражданами, а приоритетом провозглашен надзор за соблюдением прав и свобод человека. Произошло существенное перераспределение полномочий: из ведения прокуратуры был выведен предварительный следствие (передан Следственному комитету), а ее роль в судопроизводстве сместилась в сторону поддержания государственного обвинения [5, С. 237].

В 2000-х годах продолжилось реформирование, направленное на усиление состязательности судебного процесса и повышение независимости суда. Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2002 года существенно ограничил полномочия прокурора на досудебных стадиях, лишив его права санкционировать аресты и некоторые следственные действия.

Сегодня прокуратура России – это многофункциональный орган, сочетающий надзор за соблюдением законности, уголовное преследование, координацию деятельности правоохранительных органов и участие в правотворческой деятельности [6, С. 135].

Проведенный историко-правовой анализ позволяет выявить ряд системных предпосылок и закономерностей, определивших развитие прокурорской системы России:

1. Преемственность контрольно-надзорной функции – на всех этапах своего развития, несмотря на смену политических режимов, прокуратура сохраняла свою сущность как верховного контролера и «ока» верховной власти в деле обеспечения законности. От «ока государева» Петра I до надзора за исполнением федерального законодательства сегодня – эта функция остается стержневой.

2. Централизация и независимость – исторически сложилось, что эффективность прокуратуры напрямую зависела от ее организационной самостоятельности и подчиненности только центру. Создание единой централизованной системы в 1933 году и ее сохранение в современной России является ответом на вызовы огромной территории и необходимости обеспечения единого правового пространства.

3. Обусловленность политическим контекстом – функции и реальные полномочия прокуратуры всегда были тесно связаны с политическими задачами государства. В имперский период она укрепляла абсолютизм, в советский – служила инструментом партийной диктатуры, а в современный период адаптируется к принципам правового государства и приоритету защиты прав человека.

4. Постоянный поиск баланса – развитие прокуратуры – это история поиска баланса между ее надзорными и обвинительными полномочиями. Реформа 1864 года, отделившая прокуратуру от суда, и судебная реформа 2000-х годов, ограничившая ее власть в уголовном процессе, являются яркими примерами такой постоянной трансформации в поисках оптимальной модели.

Таким образом, российская прокуратура, пройдя сложный путь от карательного инструмента абсолютизма и тоталитаризма до конституционного органа, продолжает эволюционировать. Ее историческая миссия по обеспечению законности остается неизменной, однако методы и приоритеты ее деятельности трансформируются в соответствии с вызовами времени и задачами построения правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жариков, Ю. С. Основы организации прокуратуры и прокурорского надзора : учебник. – Москва, 2024. – 207 с.
2. Сарбаш, Е. А. История возникновения, становления и развития прокуратуры Российской Федерации // Студенческий вестник. – 2024. – № 10-3(296). – С. 44–46.
3. Фролов, Д. В. История развития института прокуратуры в советский период // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2025. – С. 54–56.
4. Баева, К. М. История развития и становления современной прокуратуры в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4(47). – С. 225–232.
5. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор : учебник. – Москва, 2025. – 400 с.
6. Палазин, С. А. История развития прокуратуры в России / С. А. Палазин, А. Г. Рябченко // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 102-3. – С. 134–136.

УДК 343.1

ПРАВОВОЙ СТАТУС И МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Чегодаева Елизавета Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811405@ruc.su

LEGAL STATUS AND PLACE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF STATE POWER

Chegodayeva Yelizaveta Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Определение места и роли прокуратуры в системе органов государственной власти является одной из ключевых и одновременно дискуссионных проблем российской конституционно-правовой науки. Несмотря на свое многовековое существование, институт прокуратуры не находит однозначной трактовки в рамках классической доктрины разделения властей. Это порождает множество теоретических подходов и создает практические трудности в определении вектора его дальнейшего развития.

Автор статьи провел комплексный анализ конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации, выявление ее специфики и обоснование ее места в современном государственном механизме.

Ключевые слова: прокуратура, государственный орган, статус прокуратуры, исполнительная власть, судебная власть, законодательная власть, орган власти, конституционно-правовой статус прокуратуры.

The definition of the place and role of the prosecutor's office in the system of state authorities is one of the key and at the same time controversial issues of Russian constitutional and legal science. Despite its centuries-old existence, the institution of the prosecutor's office is not clearly defined within the classical doctrine of separation of powers. This gives rise to a multitude of theoretical approaches and creates practical difficulties in determining its future development.

The author of the article conducted a comprehensive analysis of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, identifying its specific features and substantiating its place in the modern state mechanism.

Keywords: prosecutor's office, government agency, status of the prosecutor's office, executive power, judicial power, legislative power, authority, constitutional and legal status of the prosecutor's office.

В отечественной юридической доктрине отсутствует единое мнение относительно того, к какой ветви власти следует относить прокуратуру. Многообразие существующих точек зрения является прямым следствием уникальности функций, возложенных на этот орган.

Исторически в Российской империи прокуратура была тесно связана с судом, а в советский период участвовала в правосудии. В настоящее время эта связь ослабла, и, хотя прокуроры участвуют в судебных процессах, они не осуществляют правосудие, что не позволяет однозначно отнести их к судебной власти [1, С. 65].

С учетом того, что в соответствии с Конституцией РФ (п. «з» ст. 83) Президент РФ предлагает кандидатуру Генерального прокурора для назначения Совету Федерации, высказывается мнение о подчинении прокуратуры непосредственно главе государства, который обеспечивает согласованное функционирование органов власти.

Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой прокуратура представляет собой самостоятельную разновидность государственной власти.

Специфика статуса российской прокуратуры во многом обусловлена ее историческим развитием. Возникнув в имперский период как «око государево», она всегда занимала особое положение, будучи инструментом верховной власти по обеспечению законности в государстве. Эта «исторически определенная системная связь между прокуратурой и институтом верховной власти» является ключевой для понимания ее современного положения [2, С. 189].

В советский период прокуратура, сохранив надзорную функцию, была консолидирована в единую централизованную систему, что закрепило ее независимость от местных органов власти.

Действующая Конституция РФ 1993 года, провозгласившая Россию правовым государством и закрепившая принцип разделения властей, тем не менее, не дала четкого ответа о месте прокуратуры в этой системе. В отличие от судов, прокуратуре не посвящена отдельная глава в Конституции, ее основы закреплены в ст. 129, размещенной в главе 7 «Судебная власть и прокуратура». Однако это соседство не означает тождественности.

Конституционный статус прокуратуры является рамочным, а ее конкретные полномочия, организация и деятельность детализируются в специализированном федеральном законодательстве – Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Такой подход законодателя, как отмечает С. Рокитанский, «может быть расценен не как молчание, а как осознанное решение о статусе прокуратуры как надзорного института единственного в своем роде» [3, С. 297].

Прокурорская власть – это самостоятельный вид государственной власти, сущность которой заключается в осуществлении от имени Российской Федерации надзора за соблюдением Конституции и исполнением законов, а также в выполнении иных функций, установленных федеральным законодательством. Ее уникальность состоит в том, что она не является ни законодательной, ни исполнительной, ни судебной, но находится в тесном взаимодействии с каждой из них, выполняя роль «сдержки и противовеса» [4, С. 55].

Через реализацию своих полномочий прокуратура:

– по отношению к исполнительной власти: осуществляет надзор за законностью правовых актов и их применения, действиями должностных лиц, что препятствует злоупотреблению властью.

– по отношению к судебной власти: участвует в судебных процессах, внося заключения, опротестовывает незаконные и необоснованные судебные решения, обеспечивая тем самым единство правоприменительной практики и законность ее итогов.

– по отношению к законодательной власти: в лице Генерального прокурора обладает правом законодательной инициативы, может вносить предложения об изменении, отмене или принятии новых законов, исходя из правоприменительной практики [5, С. 143].

Таким образом, прокуратура интегрирована в систему сдержек и противовесов, оказывая сдерживающее воздействие на все ветви власти в целях защиты прав граждан и обеспечения верховенства закона. Ее деятельность имеет публичный характер и направлена на утверждение правовых начал в обществе.

Несмотря на законодательное закрепление, статус прокуратуры продолжает оставаться предметом научных и политических дискуссий. К основным проблемам можно отнести:

1. Неопределенность конституционного положения. Отсутствие четкого указания на место прокуратуры в Конституции порождает правовую неопределенность и теоретические споры.

2. Динамика полномочий. На протяжении последних лет происходит перераспределение функций прокуратуры. Часть надзорных полномочий передана Следственному комитету РФ, в то же время прокуратура активно вовлекается в новые сферы, такие как противодействие экстремизму и коррупции.

3. Требование укрепления статуса. Ряд ученых и практиков обосновывают необходимость сохранения и даже расширения компетенции прокуратуры, рассматривая ее как ключевой инструмент защиты публичных интересов и обеспечения единого правового пространства.

Перспективы развития видятся в конституционной модернизации статуса прокуратуры. Наиболее логичным представляется закрепление в Конституции РФ самостоятельной статьи или даже раздела, посвященного прокуратуре как независимому органу государственной власти, не входящему ни в одну из трех традиционных ветвей. Это позволило бы легитимизировать ее существующий де-факто статус и создать прочную основу для дальнейшего совершенствования прокурорской деятельности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что прокуратура Российской Федерации представляет собой уникальный государственно-правовой институт, обладающий особым конституционно-правовым статусом. Его природа не укладывается в классическую триаду разделения властей, что обуславливает существование в научной доктрине концепции «прокурорской власти» как относительно самостоятельной и независимой.

Историческая преемственность, системная связь с институтом верховной власти, а также специфика функций по надзору за законностью позволяют определить место прокуратуры в качестве существенного элемента системы сдержек и

противовесов, оказывающего сдерживающее воздействие на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти.

Дальнейшее развитие конституционно-правового статуса прокуратуры должно быть направлено на преодоление существующей правовой неопределенности путем его четкого конституционного закрепления. Это будет способствовать укреплению законности и правопорядка, а также повышению эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина, что является высшей ценностью в правовом государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрипко, Д. М. Прокуратура Российской Федерации в системе государственной власти: проблемы правового статуса и функциональной идентификации // Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра (ко дню Конституции России) : сборник материалов межвузовской научно-теоретической конференции. – Новосибирск, 2025. – С. 63–66.
2. Жариков, Ю. С. Основы организации прокуратуры и прокурорского надзора : учебник. – Москва, 2024. – 207 с.
3. Мышкина, А. Д. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 1. – № 68. – С. 294–300.
4. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор : учебник. – Москва, 2025. – 400 с.
5. Лапутина, Е. А. Роль и место органов прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Modern Science. – 2022. – № 1-2. – С. 142–145.

УДК 343.1

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ

Чегодаева Елизавета Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811405@ruc.su

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE MECHANISM OF STATE POWER IN MODERN RUSSIA: A COMPREHENSIVE ANALYSIS

Chegodayeva Yelizaveta Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Прокуратура Российской Федерации представляет собой уникальный институт государственной власти, историческая миссия которого состоит в обеспечении верховенства закона и защите прав граждан. В отличие от многих зарубежных аналогов, российская прокуратура сохраняет широкие надзорные полномочия, что обусловлено спецификой государственного строительства и необходимостью поддержания единого правового пространства на всей территории страны.

Актуальность исследования роли прокуратуры в современном государственном механизме России определяется непрерывными конституционно-правовыми дискуссиями о ее месте в системе разделения властей, а также практическими потребностями оптимизации ее деятельности в условиях динамично развивающегося законодательства и новых вызовов правоприменения.

Ключевые слова: прокуратура, государственный орган, статус прокуратуры, конституционно-правовой статус прокуратуры, защита прав граждан, надзорные полномочия.

The Prosecutor's Office of the Russian Federation is a unique institution of state power, whose historical mission is to ensure the rule of law and protect the rights of citizens. Unlike many of its foreign counterparts, the Russian prosecutor's office retains broad supervisory powers, which is due to the specific nature of state-building and the need to maintain a unified legal framework throughout the country.

The relevance of the study of the role of the prosecutor's office in the modern state mechanism of Russia is determined by the continuous constitutional and legal discussions about its place in the system of separation of powers, as well as the practical needs of optimizing its activities in the context of dynamically developing legislation and new challenges of law enforcement.

Keywords: prosecutor's office, state body, status of the prosecutor's office, constitutional and legal status of the prosecutor's office, protection of citizens' rights, supervisory powers.

Современная прокуратура России – это единая централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов. Ее место в государственном механизме продолжает вызывать научные дискуссии, поскольку она не вписывается полностью в классическую триаду разделения властей, занимая особое положение.

Конституционные положения о прокуратуре содержатся в главе 7 Конституции Российской Федерации «Судебная власть и прокуратура», хотя сама прокуратура не является органом судебной власти [1, С. 163].

Статья 129 Конституции определяет, что прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Данное расположение прокуратуры в главе о судебной власти отражает компромиссный характер конституционного регулирования, сложившийся в ходе разработки Основного Закона 1993 года.

Особенностью конституционного статуса прокуратуры является специальный порядок назначения ее руководителя. Генеральный прокурор РФ назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации по представлению Президента РФ. Это подчеркивает особое значение института прокуратуры и его независимость от других ветвей власти.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1 (с последующими изменениями) развивает конституционные положения, определяя прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории страны. При этом закон подчеркивает, что прокуроры не относятся ни к одной из существующих ветвей власти, занимая самостоятельное место в государственном механизме [2, С. 64].

Функции и полномочия прокуратуры в современной России.

1. Надзорная деятельность как основная функция.

Надзор за исполнением законов составляет основу деятельности прокуратуры и осуществляется по нескольким основным направлениям:

а) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, ведомствами, представительными и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного

управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

б) надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. В рамках этого направления прокуроры уполномочены проверять законность решений и действий органов предварительного расследования, санкционировать отдельные процессуальные действия, а также принимать меры по устранению нарушений закона.

в) надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Это направление деятельности направлено на защиту прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания.

г) надзор за исполнением законов судебными приставами, который включает контроль за законностью действий судебных приставов-исполнителей и судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов [3, С. 37].

Особое значение в современный период приобрела антикоррупционная направленность прокурорского надзора. Как отмечается в аналитических материалах, под руководством Генерального прокурора И. Краснова прокуратура активно работает над возвращением государству активов, утраченных в результате коррупции, недобросовестной приватизации или антигосударственной деятельности. При этом подчеркивается, что это не тотальный пересмотр приватизации 1990-х годов, а целенаправленный ответ на явные нарушения, особенно с участием стратегических предприятий или преднамеренных банкротств с выводом капитала за границу [4, С. 141].

Помимо надзорной деятельности, прокуратура осуществляет и другие важные функции:

- уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством. Прокуроры участвуют в производстве предварительного расследования, а в случаях, предусмотренных законом, проводят расследование самостоятельно.

- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Прокуратура организует взаимодействие между различными правоохранительными структурами, разрабатывает совместные планы и мероприятия по противодействию преступности.

- участие в рассмотрении дел судами. Прокуроры участвуют в судебных процессах, дают заключения по вопросам, возникающим во время судебного разбирательства, опротестовывают незаконные судебные решения.

- участие в правотворческой деятельности. Прокуратура обладает правом законодательной инициативы, а также проводит экспертизу проектов нормативных правовых актов на предмет их соответствия действующему законодательству.

- международное сотрудничество по правовым вопросам и в сфере борьбы с преступностью [5, С. 297].

Современная прокуратура сталкивается с необходимостью адаптации к вызовам, связанным с цифровизацией экономики и общественной жизни, глобализацией преступности, появлением новых форм противоправной деятельности. В этой связи происходит эволюция методов работы и приоритетов прокурорского надзора.

Одним из значимых направлений деятельности прокуратуры в последние годы стал надзор в социальной сфере. Как отмечается в аналитических материалах, прокуроры активно вмешиваются в вопросы тарифообразования в сфере ЖКХ, выявляя системные искажения – от завышенных затрат и дублирующих расходов до прямых злоупотреблений. В нескольких регионах прокуратура добилась корректировки тарифов на сумму более 5,7 млрд рублей, представляя это не как давление, а как защиту прав потребителей.

Аналогичным образом сотни проверок на продовольственном рынке выявили ценовые аномалии и недобросовестные наценки, укрепляя идею о том, что потребительская стабильность является частью более широкой концепции социальной безопасности России.

Еще одним важным направлением деятельности прокуратуры стал миграционный контроль. Правовые реформы ввели более строгую ответственность за незаконное пребывание и трудоустройство, цифровые инструменты мониторинга и механизмы быстрой адаптации иностранных работников. Это направлено на балансирование экономических интересов бизнеса с социальной чувствительностью российского общества.

Прокуратура участвует в формировании того, что в официальных документах называется «цивилизованной средой труда» – концепции, где прозрачность и регулируемая занятость поддерживают социальную сплоченность. Данная деятельность отражает более широкую тенденцию использования прокуратуры как инструмента реализации государственной социальной политики.

Особое внимание в последние годы уделяется борьбе с коррупцией и возвращению в государственную собственность активов, утраченных в результате коррупционных действий. Согласно аналитическим оценкам, приоритетной задачей прокуратуры является «возвращение активов, утраченных в результате коррупции, недобросовестной приватизации или антигосударственной деятельности» [6, С. 73].

Эта деятельность носит не только экономический, но и символический характер, демонстрируя способность государства восстанавливать контроль над стратегическими активами и создавать новую нормативную реальность, в которой «добросовестность» бизнеса становится критерием легитимности.

Среди основных проблем современной российской прокуратуры можно выделить:

- неопределенность конституционного статуса, выражающаяся в отсутствии четкого определения места прокуратуры в системе разделения властей;
- избыточность надзорных полномочий, что создает риски давления на бизнес и граждан;
- недостаточная эффективность в условиях новых вызовов, связанных с цифровизацией и глобализацией преступности;

– кадровые проблемы, включая профессиональную подготовку и социальную защищенность прокурорских работников.

Перспективы развития прокуратуры видятся в следующих направлениях:

– специализация прокурорской деятельности с учетом новых вызовов (киберпреступность, экологические угрозы, международная преступность);

– оптимизация надзорных полномочий с концентрацией на наиболее значимых сферах общественной жизни;

– внедрение современных технологий в прокурорскую деятельность, включая использование искусственного интеллекта для анализа правоприменительной практики;

– укрепление международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, особенно в области борьбы с транснациональной преступностью [7, С. 143].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основные функции прокуратуры – надзор за соблюдением законов, защита прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, координация деятельности правоохранительных органов – отражают ее многогранную роль в государственном механизме. При этом надзорная функция остается системообразующей, определяя специфику прокурорской деятельности.

Современная прокуратура сталкивается с необходимостью адаптации к вызовам времени, включая цифровизацию, глобализацию преступности, новые формы противоправной деятельности. Ее деятельность все более смещается в социальную сферу, что проявляется в активном вмешательстве в вопросы тарифообразования, потребительского рынка, миграционной политики.

Перспективы развития прокуратуры видятся в оптимизации ее полномочий, специализации деятельности, внедрении современных технологий и укреплении международного сотрудничества. При этом должна быть сохранена балансовая функция прокуратуры как элемента системы «сдержек и противовесов», обеспечивающего верховенство закона и защиту прав граждан.

В целом, прокуратура Российской Федерации продолжает оставаться важнейшим институтом государственной власти, обеспечивающим единство правового пространства страны и защиту конституционных ценностей. Ее дальнейшее развитие будет определяться как внутренними потребностями российского общества и государства, так и общемировыми тенденциями развития правовых систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баширова, А. А. Место прокуратуры Российской Федерации в системе органов государственной власти: конституционное измерение : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Конституция и конституционализм в Российской истории: опыт социально-политической трансформации». – Курск, 2023. – С. 163–167.

2. Хрипко, Д. М. Прокуратура Российской Федерации в системе государственной власти: проблемы правового статуса и функциональной идентификации // Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра (ко дню Конституции России) : сборник материалов межвузовской научно-теоретической конференции. – Новосибирск, 2025. – С. 63–66.

3. Сергиенко, С. А. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России // Modern Science. – 2023. – № 12-2. – С. 35–39.

4. Игуменцева, Н. Е. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации // Правоохранительная деятельность: теория и практика : материалы VI всероссийской

научно-практической конференции. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. – С. 139–142.

5. Мышкина, А. Д. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 1. – № 68. – С. 294–300.

6. Власов, К. А. Правоохранительные и судебные органы : учебное пособие. – Москва, 2024. – 365 с.

7. Лапутина, Е. А. Роль и место органов прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Modern Science. – 2022. – № 1-2. – С. 142–145.

УДК 343

ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТЬ В СОСТАВЕ УБИЙСТВА

Черушова Мария Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810425@ruc.su

PRIVILEGE IN THE COMPOSITION OF MURDER

Cherushova Maria Alekseevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Привилегированные составы убийства представляют собой особую категорию уголовно-наказуемых деяний, характеризующихся смягчающими обстоятельствами, которые снижают степень общественной опасности преступления и, соответственно, предусматривают менее строгое наказание. Историческое развитие законодательства о привилегированных составах убийства отражает эволюцию правосознания, этических норм и социальных ценностей в различных обществах. В российском праве этот процесс отличался постепенной дифференциацией ответственности за лишение жизни, учетом субъективных и объективных факторов совершения преступления, а также гуманизацией уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, убийство, привилегированность, смягчение наказания, уголовное наказание, уголовная ответственность, состав преступления.

Privileged elements of murder represent a special category of criminally punishable acts characterized by mitigating circumstances that reduce the degree of public danger of the crime and, accordingly, provide for a less severe punishment. The historical development of legislation on privileged elements of murder reflects the evolution of legal consciousness, ethical norms and social values in various societies. In Russian law, this process was characterized by a gradual differentiation of responsibility for the deprivation of life, taking into account the subjective and objective factors of the commission of a crime, as well as the humanization of criminal legislation.

Keywords: crime, murder, privilege, mitigation of punishment, criminal punishment, criminal liability, elements of a crime.

Жизнь человека представляет собой высшую социальную ценность, находящуюся под особой защитой государства. Уголовный кодекс Российской Федерации, основываясь на положениях Конституции, устанавливает строгую ответственность за посягательства на жизнь. Наиболее тяжким преступлением против личности является умышленное убийство, ответственность за которое предусмотрена ст. 105 УК РФ. Однако законодатель, следуя принципам справедливости и гуманизма, признает, что степень общественной опасности лишения жизни может существенно варьироваться в зависимости от обстоятельств совершения деяния, мотивов и состояния виновного.

В связи с этим в уголовном праве существует институт привилегированных составов преступления – особых категорий деяний, которые формально подпадают под признаки более тяжкого преступления, но в силу специфических смягчающих обстоятельств характеризуются значительно меньшей общественной опасностью. Привилегированные виды убийства – это умышленное причинение смерти другому человеку при наличии обстоятельств, существенно снижающих степень вины и, как следствие, размер наказания по сравнению с «простым» убийством, предусмотренным ч. 1 ст. 105 УК РФ [1, С. 203].

Актуальность темы обусловлена сложностью правоприменительной практики по делам о привилегированных убийствах. Квалификация таких деяний требует тщательного установления и анализа как объективных, так и субъективных признаков состава преступления, многие из которых носят оценочный характер. Дискуссионными остаются вопросы о моменте начала жизни при детоубийстве, критериях внезапно возникшего сильного душевного волнения, разграничении пределов необходимой обороны и т.д.

Институт привилегированных составов является важным инструментом дифференциации уголовной ответственности. Его существование основано на признании того, что формально тождественные преступления могут существенно различаться по своей социально-нравственной оценке и степени общественной опасности в зависимости от конкретных обстоятельств их совершения. Если отягчающие обстоятельства повышают опасность деяния и влекут более суровое наказание, то наличие исключительных, смягчающих обстоятельств позволяет законодателю предусмотреть специальный состав с менее строгой санкцией.

Привилегированные составы убийства объединены в отдельную группу по следующим критериям:

1. Наличие особых обстоятельств, характеризующих конкретную обстановку, мотив или состояние виновного. Эти обстоятельства должны объективно свидетельствовать о существенно меньшей степени общественной опасности как самого деяния, так и личности преступника. Например, состояние сильного душевного волнения (аффекта) или психотравмирующая ситуация при детоубийстве снижают способность лица в полной мере осознавать характер своих действий и руководить ими.

2. Совершение преступления против личности, а не против общественного порядка или государства. Привилегированные составы сконцентрированы преимущественно в преступлениях против жизни и здоровья, где на первый план выходят субъективные аспекты вины.

3. Прямое указание в законе. Обстоятельство приобретает статус привилегирующего только в случае его законодательного закрепления. Суд не может по своему усмотрению признать то или иное обстоятельство привилегирующим, если оно не предусмотрено уголовным законом.

К привилегированным видам убийства действующий Уголовный кодекс РФ относит:

- Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ);
- Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ);

- Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ);

- Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

Выделение привилегированных составов убийства имеет важное уголовно-политическое значение. Оно позволяет более точно отразить в санкциях принцип справедливости, обеспечивая соразмерность наказания тяжести содеянного и личности виновного. Кроме того, это способствует экономии уголовной репрессии, позволяя в менее опасных случаях применять более мягкие меры государственного принуждения, соответствующие реальной степени общественной опасности деяния [2, С. 75].

Рассмотрим составы привилегированных составов убийства.

Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Данный состав преступления является относительно новым для отечественного уголовного законодательства. В отличие от дореволюционного права, УК РСФСР 1960 года не выделял детоубийство в отдельный состав, квалифицируя его как простое убийство. Современный подход законодателя основан на признании особого психофизиологического состояния женщины, связанного с беременностью и родами, которое может существенно влиять на ее способность к адекватному восприятию действительности и принятию решений.

Непосредственным объектом преступления является жизнь новорожденного ребенка. Ключевой проблемой квалификации является определение понятия «новорожденный». В медицине не существует единого подхода: в педиатрии этот период может длиться до 28 дней, в акушерстве – до одной недели, а в судебной медицине – до 24 часов (одних суток). Уголовный закон использует комплексный критерий, связывая возраст ребенка с конкретной ситуацией:

- При убийстве во время или сразу после родов применяется судебно-медицинский критерий (до 24 часов).

- При убийстве в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства используется более протяженный, педиатрический критерий (до 1 месяца).

Объективная сторона выражается в действии или бездействии, направленном на лишение жизни ребенка. Законодатель дифференцирует четыре ситуации совершения преступления:

1. Убийство во время родов.
2. Убийство сразу после родов.
3. Убийство в условиях психотравмирующей ситуации.
4. Убийство в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости (ограниченной вменяемости).

Субъект преступления является специальным – мать новорожденного ребенка, достигшая 16-летнего возраста. Важно отметить, что под матерью понимается именно роженица, то есть женщина, родившая данного ребенка. Это касается и суррогатной матери, отвечающей критериям, установленным законодательством о здравоохранении. Если убийство совершает биологическая мать, которая не рожала ребенка (например, при суррогатном материнстве), либо иное

лицо (отец, бабушка), содеянное квалифицируется по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется умышленной виной (прямым или косвенным умыслом). Мотивы могут быть различными: страх перед осуждением со стороны родственников или общества, тяжелое материальное положение, отказ отца ребенка от его признания и др. Эти обстоятельства формируют психотравмирующую ситуацию, которая, наряду с особым гормональным и физическим состоянием женщины, ограничивает ее способность в полной мере осознавать значение своих действий.

Квалификация по ст. 106 УК РФ исключается, если умысел на убийство возник у матери задолго до родов и был реализован спустя значительное время после них, при отсутствии признаков психотравмирующей ситуации или расстройства психики [3, С. 133].

Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Данный привилегированный состав убийства обусловлен особым эмоциональным состоянием виновного – физиологическим аффектом, который представляет собой внезапно возникшую, кратковременную, но интенсивную эмоциональную вспышку (сильное душевное волнение), значительно затрудняющую сознательный контроль над действиями.

Необходимо разграничивать патологический аффект, который полностью исключает вменяемость и, следовательно, уголовную ответственность, и физиологический аффект, который не исключает вменяемости, но признается законом смягчающим обстоятельством. Ключевые признаки аффекта для целей ст. 107 УК РФ:

- Внезапность возникновения – состояние волнения возникает не заранее, а непосредственно в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего.
- Интенсивность и кратковременность – аффект характеризуется бурным развитием и относительно быстрым угасанием.

Законодатель строго ограничивает перечень поводов, которые могут быть признаны основанием для возникновения аффекта :

1. Насилие со стороны потерпевшего (физическое или психическое).
2. Издевательство или тяжкое оскорбление.
3. Иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего (например, шантаж, клевета, уничтожение имущества).
4. Длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Совершение убийства в состоянии аффекта, вызванного иными причинами (например, личной неприязнью, не связанной с противоправными действиями потерпевшего), исключает квалификацию по ст. 107 УК РФ и влечет ответственность по ст. 105 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом. В состоянии аффекта виновный, как правило, не преследует иных целей, кроме как прекратить противоправные действия потерпевшего или отреагировать на них. В уголовном законе также предусмотрен квалифицированный состав (ч. 2 ст. 107 УК РФ) – убийство в состоянии аффекта двух или более лиц,

которое предполагает, что аффект был вызван действиями каждого из потерпевших.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ).

Данный состав является привилегированным в силу того, что исходит из изначально правомерного поведения лица, действующего в состоянии необходимой обороны. Общественно опасным и наказуемым признается не сам акт защиты, а выход за ее допустимые границы.

Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства. Ключевым здесь является критерий явного несоответствия. Это означает, что не всякое превышение является уголовно наказуемым, а только то, которое является очевидным для самого обороняющегося и для любого третьего лица, оценивающего ситуацию объективно [4, С. 197].

Для установления явного несоответствия учитываются:

- Способ посягательства: было ли посягательство вооруженным, сопряжено ли с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц.
- Интенсивность и опасность посягательства: нападение должно быть реальным, действительным и наличным.
- Возможность отразить посягательство: учитывается соотношение сил, количество нападающих и обороняющихся, их возраст, физическое развитие и иные обстоятельства.

Например, причинение смерти невооруженному подростку, пытавшемуся совершить кражу, без реальной угрозы для жизни обороняющегося, будет расценено как превышение пределов необходимой обороны.

Преступление совершается только с прямым или косвенным умыслом. Неосторожное причинение смерти в процессе обороны не влечет уголовной ответственности, если не было допущено превышения ее пределов. Мотивом преступления является защита от общественно опасного посягательства, однако цель защиты достигается заведомо неприемлемыми, чрезмерными средствами.

Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица (ч. 2 ст. 108 УК РФ)

Этот привилегированный состав также связан с изначально правомерной деятельностью – задержанием лица, совершившего преступление, для доставления его органам власти. Уголовная ответственность наступает только за явное, очевидное превышение мер, необходимых для задержания.

Для того чтобы причинение вреда при задержании было признано правомерным, необходимо одновременное наличие следующих условий:

- Задерживается лицо, совершившее именно преступление, а не проступок.
- Цель задержания – доставление лица органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений.
- Причинение вреда является вынужденной мерой, когда иными средствами задержать лицо не представлялось возможным.
- Причиненный вред должен быть соразмерен тяжести совершенного задерживаемым преступления и обстоятельствам задержания.

Убийство, то есть умышленное причинение смерти, может быть признано преступлением по ч. 2 ст. 108 УК РФ только в том случае, если оно было совершено при задержании особо опасного преступника, и смерть была причинена в ситуации, когда существовала реальная угроза для жизни задерживающих или иных лиц. Если же смерть причиняется при задержании лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, и без реальной угрозы со стороны задерживаемого, содеянное, как правило, квалифицируется как простое или даже квалифицированное убийство (например, с особой жестокостью) [5].

Также следует рассмотреть актуальные проблемы и дискуссионные вопросы привилегированных составов убийства.

Правоприменительная практика по делам о привилегированных убийствах сталкивается с рядом сложных проблем, которые вызывают дискуссии среди ученых-юристов и практиков.

Проблема 1. Критерии «новорожденности» в ст. 106 УК РФ. Отсутствие единого законодательного определения приводит к неоднозначности в квалификации. Так, если убийство совершено через 48 часов после родов, является ли ребенок новорожденным? Суды вынуждены опираться на заключения судебно-медицинских экспертов и оценивать обстоятельства в совокупности, включая наличие психотравмирующей ситуации. Налицо необходимость более четкой законодательной регламентации этого понятия.

Проблема 2. Доказывание состояния аффекта. Установление факта физиологического аффекта спустя значительное время после совершения преступления представляет значительную сложность. Это требует проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, выводы которых могут быть неоднозначными. Нередки случаи, когда защита пытается представить заранее продуманное убийство как совершенное в состоянии аффекта.

Проблема 3. Соотношение целей обороны и причиненного вреда. На практике зачастую сложно провести грань между умышленным убийством при мнимой обороне и убийством при превышении пределов необходимой обороны. Субъективное восприятие обороняющимся степени опасности может не соответствовать объективной обстановке.

Проблема 4. Вопрос о криминализации эвтаназии. Одной из наиболее острых дискуссионных проблем является предложение о введении в УК РФ специального привилегированного состава – убийства из сострадания (эвтаназии). В настоящее время любое ускорение смерти пациента по его просьбе, даже из сострадательных мотивов, квалифицируется как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а при наличии признака «беспомощное состояние потерпевшего» – и по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Сторонники привилегизации эвтаназии и ее общественная опасность несопоставима с обычным убийством, поскольку она совершается по просьбе самого потерпевшего, находящегося в состоянии неизлечимой болезни и испытывающего невыносимые страдания, и движет виновным мотив сострадания, который отнесен ст. 61 УК РФ к смягчающим обстоятельствам. В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран (Швейцария, Германия, Польша) эвтаназия выделена в отдельный состав с значительно более мягкой санкцией. Противники

же указывают на необратимость эвтаназии, рисков злоупотреблений и этические противоречия. Тем не менее, вопрос о необходимости законодательного урегулирования этого института остается открытым и актуальным [6, С. 145].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт привилегированных составов убийства играет важнейшую роль в российском уголовном праве. Он обеспечивает реализацию фундаментальных принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации ответственности. Выделяя в отдельные составы убийства, совершенные в условиях, существенно снижающих общественную опасность деяния, государство демонстрирует дифференцированный подход к уголовно-правовой оценке лишения жизни.

Нормы статей 106, 107 и 108 УК РФ образуют стройную систему, охватывающую такие специфические ситуации, как детоубийство в связи с особым состоянием матери, убийство в состоянии аффекта, вызванного виктимным (противоправным) поведением потерпевшего, и убийство при превышении мер защиты или задержания. Каждый из этих составов имеет сложную юридическую конструкцию, требующую от правоприменителя тщательного установления всех объективных и субъективных признаков.

Вместе с тем, как показало исследование, правовое регулирование и практика применения привилегированных составов убийства сопряжены с рядом серьезных проблем. К ним относятся оценочный характер многих понятий («новорожденный», «психотравмирующая ситуация», «явное несоответствие»), сложности в доказывании субъективного состояния виновного (аффект, ограниченная вменяемость), а также дискуссии о целесообразности расширения перечня привилегированных составов за счет криминализации эвтаназии.

Перспективы развития института привилегированных убийств видятся в дальнейшей конкретизации законодательных формулировок, возможно, путем закрепления в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ более детальных разъяснений и критериев оценки смягчающих обстоятельств. Это будет способствовать единообразию судебной практики и соблюдению прав граждан при рассмотрении дел данной категории, которые всегда находятся в центре внимания как юридической общественности, так и всего общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коляндра, М. Ю. К вопросу об определении понятия убийства в российском уголовном праве // *Европейский журнал права*. – 2025. – № 59. – С. 199–205.
2. Хацуков, А. М. Критерии классификации привилегированных видов убийств // *International Journal of Professional Science*. – 2023. – № 12-1. – С. 74–79.
3. Никитин, Д. А. Коллизии, возникающие при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка по ст. 106 УК РФ // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. – 2025. – № 2(67). – С. 130–134.
4. Кириллова, А. В. Спорные вопросы привилегированных составов убийства : сборник научных трудов. / А. В. Кириллова // *Наука. Технологии. Инновации*. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2025. – С. 196–198.
5. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Самара : Афанасьев, 2024.

УДК 347

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИИ:

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКА

Шемякин Илья Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: malish.ni@ruc.su

COUNTERING TERRORISM IN RUSSIA:

CRIMINAL LAW MECHANISMS, TRENDS AND PRACTICE

Shemyakin Ilya Mikhailovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовых механизмов противодействия терроризму в Российской Федерации в условиях изменяющейся конфигурации угроз начала 2020-х годов, характеризующейся снижением числа инцидентов при росте их летальности и усложнении трансграничных связей террористических сетей во всем мире.

В статье рассматривается эволюция антитеррористического законодательства (включая введение ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма» и специальные составы о финансировании, обучении, публичных призывах и оправдании терроризма), институциональные роли Верховного Суда РФ и правоохранительных органов в обеспечении единообразия практики, а также значимость финансового мониторинга, направленного на пресечение террористической активности.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, акт международного терроризма, уголовная ответственность, превенция, квалификация преступлений, цифровые доказательства, публичные призывы и оправдание терроризма, финансирование терроризма, Верховный Суд РФ, ФЗ № 35-ФЗ, ст. 205 УК РФ, ст. 361 УК РФ, финансовый мониторинг, «антитеррористическая защищённость».

The article is devoted to a comprehensive analysis of the criminal law mechanisms for countering terrorism in the Russian Federation in the context of the changing threat configuration of the early 2020s, characterized by a decrease in the number of incidents with an increase in their lethality and the increasing complexity of cross-border connections of terrorist networks around the world.

The article examines the evolution of anti-terrorism legislation (including the introduction of Article 361 of the Criminal Code of the Russian Federation «Act of International Terrorism» and special structures on financing, training, public appeals and justification of terrorism), the institutional roles of the Supreme Court of the Russian Federation and law enforcement agencies in ensuring uniformity of practice, as well as the importance of financial monitoring aimed at suppressing terrorist activity.

Keywords: terrorism, terrorist act, act of international terrorism, criminal liability, prevention, qualification of crimes, digital evidence, public appeals and justification of terrorism, financing of terrorism, the Supreme Court of the Russian Federation, Federal Law №. 35-FZ, art. 205 of the Criminal Code, art. 361 of the Criminal Code, financial monitoring, «anti-terrorist protection».

Международный терроризм в начале 2020-х годов демонстрирует одновременно снижение числа зарегистрированных инцидентов и рост их летальности, что требует пересмотра инструментов уголовно-правового реагирования и профилактики.

По данным Global Terrorism Index 2024, общее число погибших от террористических актов в мире в 2023 году возросло на 22 % и достигло 8 352 при сокращении количества эпизодов на 22 %, вследствие чего среднее число жертв на один акт выросло на 56 % – худший показатель почти за десятилетие [1, 9].

Российская Федерация одновременно сталкивается с рисками, порождаемыми глобальными джихадистскими сетями и их региональными филиациями. Так, теракт 22 марта 2024 г. в концертном комплексе «Крокус Сити Холл», за который ответственность взяло «Исламское государство – Провинция Хорасан», стал самым смертоносным в стране за многие годы и привёл, по сводкам СМИ и официальным заявлениям, к более чем 130–140 погибшим и сотням пострадавших, что объективирует потребность в повышении «антитеррористической защищённости» объектов массового пребывания, в усилении межведомственного обмена данными.

При этом во время проведения СВО, активизировались спецслужбы Украины осуществляя террористические акты на территории РФ. В телеобращении 23 марта Президент РФ заявил, что четверо непосредственных исполнителей «пытались скрыться и двигались в сторону Украины, где, по предварительным данным, для них с украинской стороны было подготовлено «окно» для перехода государственной границы» [2, 4].

Директор ФСБ А. В. Бортников в последующие дни публично подтвердил, что, по «первичным данным», полученным у задержанных, прослеживается «украинский след», допуская участие иностранных кураторов [3, 7].

Секретарь Совбеза РФ Н. П. Патрушев указывал на подтверждённые связи исполнителей с киевской стороной, а также на необходимость рассматривать координацию со стороны украинских спецслужб как предмет дальнейшего правового анализа и межведомственного взаимодействия [4, 5].

Следственный комитет РФ, в свою очередь, информировал о масштабах расследования (сотни экспертиз, тысячи свидетелей, свыше двух тысяч признанных потерпевшими) и об организованном характере группы, подчёркивая, что следственные действия завершены и материалы готовятся к передаче в суд, при этом медийные сводки со ссылкой на ведомство и его руководителя А. И. Бастрыкина неоднократно указывали разработку версии о причастности украинской стороны [6].

Внутригосударственные индикаторы также демонстрируют активизацию превентивных мероприятий, направленных на противодействие терроризму. Так, расширение перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму и развитие финансового мониторинга (перечень Росфинмониторинга) усиливают превентивный контур уголовно-правовой охраны, дополняя традиционные меры противодействия [7, 8].

Правовую основу противодействия терроризму в Российской Федерации составляет Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России, а также специальное федеральное законодательство, основой которого выступает ФЗ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее по тексту ФЗ №35), закрепляющий правовые основы профилактики, борьбы и ликвидации последствий терроризма, включая вопросы

применения силовых средств и режим «антитеррористической защищённости» объектов и мест массового пребывания граждан.

ФЗ № 35 раскрывает дефиницию терроризма как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органов власти через устрашение и иные противоправные насильственные действия, тогда как Уголовный кодекс оперирует категорией «террористического акта» как конкретного деяния (взрыв, поджог и иные действия, создающие угрозу гибели, тяжких последствий и пр.) с прямой целевой направленностью на дестабилизацию и воздействие на решения власти.

Единообразие правоприменения обеспечивается разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, который квалифицирует значительную часть составов террористической направленности как формальные и указывает на момент окончания по факту совершения действия, устрашающего население (включая взрыв, поджог, создание аварий на объектах жизнеобеспечения и др.), что снижает зависимость квалификации от наступления последствий и повышает значение оценки цели и мотива.

При этом система уголовно-правовой охраны распределяет смежные составы по нескольким родовым объектам: общественная безопасность (гл. 24 УК РФ), основы конституционного строя и безопасность государства (гл. 29), мир и безопасность человечества (гл. 34), что позволяет охватывать как большой круг деяний непосредственной террористической направленности, так и вспомогательные посягательства – финансирование, публичные призывы, оправдание и вовлечение.

Также в настоящее время законодательством предусмотрен механизм об освобождении от уголовной ответственности участника подготовки террористического акта при своевременном предотвращении преступления в соответствии с Примечанием ко ст. 205 УК РФ.

Важно отметить тот факт, что уголовное законодательство РФ адаптируется к возникающим террористическим угрозам расширяя как предмет охраны, так и процессуальные возможности для пресечения таких деяний.

Ключевым элементом данных адаптаций стало введение самостоятельного состава «акт международного терроризма» (ст. 361 УК РФ) в соответствии с Федеральным законом № 375-ФЗ, что институционализировало уголовную юрисдикцию России в отношении посягательств против её граждан и интересов за пределами национальной территории, включая угрозу их совершения, финансирование и вовлечение в такие деяния [8, 2].

Данный состав преступления является уникальным и практически не закреплён ни в одном Уголовном кодексе стран СНГ [9, 3].

Данная уголовно-правая норма сконструирована как экстерриториальная. Объектом преступления выступают общественные отношения по обеспечению безопасности граждан РФ за рубежом и интересы Российской Федерации как участника международной безопасности. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и специальной целью – это нарушить мирное сосуществование государств и народов либо причинить ущерб интересам РФ, что отграничивает ст. 361 от «террористического акта», предусмотренного ст. 205 УК РФ, совершаемого внутри страны.

Говоря о правоприменении по делу об убийстве Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ А. Г. Карлова в Анкаре (Турция) Следственный комитет РФ квалифицировал произошедшее преступление по ч. 3 ст. 361 УК РФ (причинение смерти). Данный факт наглядным образом демонстрирует системный подход, направленный на борьбу с терроризмом и за пределами своей юрисдикции и закрепляет возможность процессуальной активности российских правоохранительных органов при трансграничном преступлении.

Таким образом современная модель противодействия терроризму в России в первую очередь опирается на превентивные механизмы, направленные на профилактику террористической активности и расширение набора формальных составов, позволяющих раннее пресечение наиболее опасных форм поведения, включая транснациональные посягательства против граждан РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/
3. Шамурзаев Т. Т., Анисимов В. Ф. Преступления экстремистской и террористической направленности: сравнительный анализ уголовного законодательства Киргизии и России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. – Т. 16. – № 1 (59). – С. 146–153.
4. Президент России. Обращение к гражданам России (23.03.2024). – Офиц. сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73703>
5. Совет Безопасности РФ (цит. по Интерфакс). Н. П. Патрушев: «Конечно, Украина» (о причастности к теракту в «Крокус Сити Холле»). – URL: <https://tass.ru/politika/20360013>
6. Следственный комитет Российской Федерации. Резонансные дела: Расследование теракта в «Крокус Сити Холле» (подборка материалов: 2024–2025). – Офиц. сайт СК РФ. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1994869/>
7. Федеральная служба безопасности РФ (цит. по ТАСС). «Украинская военная разведка была напрямую вовлечена в теракт в Крокус Сити Холле»: заявление Директора ФСБ А. В. Бортникова (24.05.2024). – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/21067565>
8. Федеральная служба по финансовому мониторингу. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. – Офиц. сайт Росфинмониторинга. – URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>
9. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism [Электронный ресурс]. – Sydney: IEP, 2024. – 100 p. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/>

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Шумилов Юлиан Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: shumilov.yulian1995@gmail.com

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR TRAFFIC OFFENSES: THE CONCEPT AND BASIC PRINCIPLES

Shumilov Julian Yurievich, Master's Student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данной статье поднимается вопрос административной ответственности за правонарушение в области дорожного движения. Автором, рассматриваются различные подходы юристов к понятию административной ответственности. Приводятся статистические данные привлечения к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, а также статистические данные о количестве совершенных правонарушений. Статья затрагивает важность и сложности применения административной ответственности для поддержания порядка на дорогах.

Ключевые слова: правила дорожного движения, административная ответственность, правонарушение, штраф, Кодекс об административном правонарушении.

This article raises the issue of administrative liability for traffic violations. The author examines various legal approaches to the concept of administrative liability. Statistical data on administrative liability for traffic violations is provided, as well as statistical data on the number of violations committed. The article highlights the importance and challenges of applying administrative liability to maintain order on the roads.

Keywords: traffic regulations, administrative liability, offense, fine, Administrative Offense Code.

Государство несет ответственность за безопасность на дорогах, что является одним из важнейших направлений его деятельности по охране жизни и здоровья населения. Для достижения этой цели необходимо, чтобы законодательные нормы не оставались на бумаге, а реально работали.

Административная ответственность играет ключевую роль в поддержании порядка на дорогах и предотвращении нарушений. Она предусматривает различные меры наказания, начиная с простых предупреждений и заканчивая значительными штрафами и временным лишением водительских прав.

Для проведения анализа административной ответственности за нарушения правил дорожного движения требуется предварительное рассмотрение данного вида ответственности в общем контексте.

Административная ответственность является одним из наиболее распространенных и популярных инструментов юридической ответственности в современном обществе. Она применяется при совершении административных правонарушений и базируется на нормах, установленных и регулируемых законодательством.

Ю. А. Дмитриев считает, что «административная ответственность – это реализация предусмотренных административным правом санкций, осуществляемая посредством применения уполномоченными субъектами государственного управления различных видов административных наказаний в отношении правонарушителей (физических и юридических лиц)» [1, С. 334].

Д. А. Липинский пишет: «административную ответственность можно охарактеризовать как ответственность, предусмотренную законом для предприятий и

организаций, физических лиц, должностных лиц, за нарушение каких-либо правил, направленных на защиту личных, государственных и общественных интересов в сфере регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением органами власти и управления предоставленных им властных полномочий по поддержанию нормального функционирования экономической, военной, социально-культурной систем страны, а также по охране государственного и общественного порядка» [25, с. 63].

Б. В. Россинский, определяет «административную ответственность как вид юридической ответственности, выраженной в назначении органом и должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение» [3, с. 25].

В. Я Кикоть и П. И Кононов рассматривают «административную ответственность как реакцию государства на вред, причиненный административным правонарушением, как государственную оценку нарушения административно – правовой нормы, нормы из способов административного принуждения» [4, с. 63].

Основываясь на мнениях авторов, можно сделать вывод, что административная ответственность является видом юридической ответственности, наступающей за совершение административного правонарушения. Её основная функция заключается в защите интересов государства и общества. Административная ответственность реализуется через применение к нарушителям определённых мер, предусмотренных административным законодательством.

Нарушения в сфере дорожного движения – одни из самых распространенных административных правонарушений. Это обусловлено потенциальной опасностью, которую они представляют. Нарушение правил дорожного движения может иметь катастрофические последствия, что повышает риск для всех участников дорожного процесса. Ответственности за нарушения правил ПДД посвящена отдельная глава 12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

В связи с отсутствием определения в законе, В. В. Похмелкин предлагает сформулировать понятие административного правонарушения в области безопасности дорожного движения, как «противоправное, виновное действие (бездействие) участника дорожного движения или должностного лица, призванного обеспечивать его безопасность, за которое главой 12 КоАП РФ установлена административная ответственность» [6, С. 13].

Административная ответственность за нарушения в сфере дорожного движения основывается на принципах, характерных для юридической ответственности в целом. Среди них выделяются принципы законности, равенства перед законом, объективности, презумпции невиновности, неотвратимости ответственности и наказания, справедливости и целесообразности, а также принцип гуманизма.

Применение административной ответственности за нарушения ПДД важно для безопасности на дорогах. Однако это вызывает проблемы: большое количество правонарушений перегружает правоохранительные органы и суды, снижая эффективность. Некоторые меры, например, штрафы, могут быть недостаточно действенными.

За нарушение правил дорожного движения предусмотрены различные виды

административных наказаний. Среди них: предупреждение, штраф, конфискация предмета правонарушения, лишение специального права, арест и обязательные работы. Эти меры регулируются Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Штраф является основным видом административных наказаний, назначенных на нарушения ПДД: их в прошлом году было выписано 253,5 шт., причем 9 из 10 штрафов было оформлено на основе данных с комплексов фотовидеофиксации. Наказания в виде предупреждений в прошлом году были вынесены нарушителям 250 тыс. раз (–34,2 %).

По итогам прошлого года водительских удостоверений был лишен 298 631 нарушитель ПДД (–12,4 %). 50,8 % из них остались без прав за управление ТС в нетрезвом виде, 41,7 % – за отказ от медосвидетельствования, 7 % – за выезд на встречную полосу. Административный арест в качестве наказания за нарушения ПДД в прошлом году назначался 110 627 раз (–12,4 %).

Правонарушения в сфере дорожного движения весьма разнообразны и многочисленны. Их можно классифицировать по различным признакам и критериям. Например, можно выделить их в зависимости от родового объекта, то есть посягательства на различные виды общественных отношений, которые обеспечивают безопасность и рациональную организацию дорожного движения. Также их можно классифицировать в зависимости от субъекта правонарушения, то есть в зависимости от того, кто является нарушителем – физическое лицо или юридическое лицо.

В сфере дорожного движения действует система правил, которые определяют поведение участников и запрещают определённые действия.

Согласно Федеральному закону от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», «участником дорожного движения считается лицо, непосредственно участвующее в дорожном движении в качестве водителя транспортного средства, пешехода или пассажира» [7]. Ответственность за нарушения в данной сфере возлагается на участников дорожного движения.

В 2024 году в России зафиксировано 132 037 ДТП, из них 18 038 с участием несовершеннолетних (562 со смертельным исходом). Погибло 14 403 человека, ранено 164 754. Более 80 % аварий произошли по вине водителей. Общее количество ДТП и тяжелых последствий снизилось на 1,7 %, число ДТП с нетрезвыми водителями – на 7 %, с выездом на встречную полосу – на 4,3 %, наезды на пешеходов – на 3,6 %. По данным ГИБДД России, за девять месяцев 2025 года произошло 94,8 тыс. ДТП (–2,4 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года). В них погибло 10 тыс. человек (–3,4 %) и ранено 117,7 тыс. человек (–3 %).

Водители транспортных средств не всегда нарушают Правила дорожного движения с опасными последствиями, что подтверждается количеством аварий, оформляемых без участия сотрудников ГИБДД с помощью Европротоколов.

В условиях современного общества и с учётом данных о тысячах правонарушений ПДД, совершаемых ежегодно, можно констатировать, что не все водители придерживаются правомерного поведения. Вопросы предотвращения дорожно-транспортных происшествий и уменьшения числа пострадавших и погибших остаются крайне важными.

Ежедневно увеличивается количество смертельных и серьёзных ДТП, что становится значительной проблемой для здравоохранения. Чтобы её решить, необходимо пересмотреть правила и нормы, направленные на предотвращение аварий. Текущие меры часто оказываются недостаточно эффективными и неполными. Необходимы разработка и принятие конкретных мер по профилактике ДТП с их классификацией по условиям, непосредственно влияющим на ДТП в регионах страны.

Для повышения эффективности административной ответственности за нарушения ПДД нужно увеличить штрафы за опасные нарушения, такие как превышение скорости и вождение в нетрезвом виде, а также ввести систему повышающих коэффициентов за повторные нарушения. Эффективной мерой может стать система баллов за нарушения ПДД, подобная применяемой в некоторых европейских странах.

Таким образом, за совершение административного правонарушения в области дорожного движения наступает административная ответственность. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения базируется на принципах, присущих юридической ответственности в целом. Административная ответственность за правонарушения дорожного движения служит механизмом государственного контроля, призванным обеспечивать безопасность и благополучие общества. Она осуществляется посредством наложения взысканий на лиц, признанных виновными в нарушении административного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административное право : учебник / Ю. А. Дмитриев, И. А. Полянский, Е. В. Трофимов. – Москва : Эксмо, 2009. – 927 с.
2. Липинский, Д. А. Функции административной ответственности / Д. А. Липинский // Административное право и практика администрирования. – 2015. – № 3. – С. 63–93.
3. Россинский, Б. В. Административная ответственность: курс лекций / Б. В. Россинский – Москва : Норма, 2004. – 448 с.
4. Кикоть, В. Я Административное право: учебник / В. Я. Кикоть, П. И. Кононова. – 5-е изд. – Москва : Юнити, 5-е изд., 2012. – 759 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
6. Похмелкин, В. В. Проблемы применения мировыми судьями законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения : научно-практическое пособие / В. В. Похмелкин. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 200 с.
7. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ; в ред. от 07 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.

УДК 342.9

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Шумилов Юлиан Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: shumilov.yulian1995@gmail.com

ADMINISTRATIVE ENFORCEMENT MEASURES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Shumilov Julian Yurievich, Master's Student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

Данная статья посвящена изучению мер административного принуждения, применяемых в дорожном движении. В ней анализируются различные виды таких мер, а также рассматривается роль Госавтоинспекции как основного субъекта их применения.

Ключевые слова: противоправные действия, ГИБДД, меры административного пресечения, дорожное движение, административное принуждение, меры административной ответственности.

This article is devoted to the study of administrative enforcement measures used in traffic. It analyzes various types of such measures, and also examines the role of the State Traffic Inspectorate as the main subject of their application.

Keywords: illegal actions, traffic police, administrative restraint measures, traffic, administrative coercion, measures of administrative responsibility.

В современный период в России состояние безопасности дорожного движения свидетельствует о наличии целого комплекса проблем. Проблема безопасности дорожного движения обусловлена несоответствием инфраструктуры потребностям, неэффективностью системы обеспечения безопасности, несовершенством законодательства и низкой дисциплиной участников. Основная проблема – нарушение законодательства участниками дорожного движения.

Осуществление государственного принуждения с помощью административно-правовых средств являет собой административное принуждение. Административное принуждение преследует несколько ключевых целей: предотвращение, выявление и пресечение противоправных действий, поддержание общественного порядка и обеспечение безопасности граждан, а также защита правовых норм, регулирующих общественные отношения. Эти меры являются ключевым инструментом для регулирования и защиты управленческих общественных отношений. Направленные на обеспечение законности меры административного предупреждения устанавливаются и реализуются в целях недопущения (профилактики) нарушений законности.

По мнению А. И. Каплунова, «административное принуждение, выступая важной составной частью принуждения со стороны государства, является отраслевым видом государственного принуждения, применяемого в соответствии с нормами административного права» [1. С. 118].

В. Е. Севрюгин определяет административное принуждение как «разновидность юридического принуждения, состоящую в применении уполномоченными органами установленных нормами административного права принудительных, мер воздействия к правонарушителям в связи с неисполнением правовых предписаний» [2. С. 98].

М. И. Жумагулов отмечает, что «административное принуждение является одним из способов обеспечения исполнения правовых норм и применяется в том случае, когда предписания, содержащиеся в этих нормах, не исполняются участниками правоотношений добровольно» [3, С. 22].

В области обеспечения безопасности дорожного движения специфика административного принуждения обусловлена особенностями среды применения. С точки зрения законодательства, обеспечение безопасности дорожного движения понимается «деятельность, направленная на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий» [4].

Государство, через свои органы, осуществляет управление в сфере безопасности дорожного движения. Основными объектами этого управления являются индивиды, общественные объединения и социальные группы, являющиеся участниками дорожного движения, а также все сопутствующие социальные явления и процессы.

Главным субъектом применения мер административного принуждения в сфере безопасности дорожного движения является Госавтоинспекция МВД России. На них возложены основные функции в области безопасности дорожного движения.

В компетенцию ГИБДД РФ входят функции федерального государственного надзора и специальные разрешительные полномочия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Применяемые ГИБДД РФ меры административного принуждения характеризуются целевым воздействием на определенные субъекты и объекты, входящие в сферу дорожного движения.

Согласно статистики основными причинами ДТП, является нарушением Правил дорожного движения. В большинстве случаев таких нарушение совершаются водителями транспортного средства.

Меры административного предупреждения являются разновидностью мер административного принуждения. ГИБДД применяя меры административного предупреждения, стремятся предотвратить правонарушения и обстоятельства, угрожающие безопасности граждан и обществу. Такие меры включают ограничения и побудительные действия в отношении физических, юридических или должностных лиц. К таким мерам относятся остановка пешеходов или транспортных средств, проверка идентификационных номеров, государственных регистрационных знаков, документов, номеров кузова, шасси и двигателя транспортного средства, а также оценка его технического состояния, осмотр груза и транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством, медицинское освидетельствование для выявления состояния опьянения.

Освидетельствование проводится при подозрении на одурманивание алкоголем, наркотиками, психотропными веществами или новыми потенциально опасными психоактивными веществами.

Такая мера как проверка документов сотрудниками ГИБДД может служить мерой предупреждения, так как помогает выявлять нарушения и предотвращать их последствия, такие как аварии или преступления. Хотя новые правила разрешают проверять документы без дополнительных оснований, они также направлены на обеспечение безопасности дорожного движения, что является основным элементом профилактики правонарушений.

В ходе профилактических мероприятий и повседневного надзора за дорожным

движением в Республике Мордовия сотрудники Госавтоинспекции выявили свыше 14 тысяч нарушений правил дорожного движения (ПДД) среди водителей. Это на 1440 случаев больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Также было обнаружено 2410 нарушений ПДД водителями транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям. Эти нарушения, по мнению сотрудников Госавтоинспекции, были связаны с несоблюдением обязательных требований со стороны должностных лиц и (или) компаний, управляющих автотранспортом. Это на 12,5 % меньше, чем в прошлом году (2757 случаев). По данным фактам было возбуждено 2021 дело об административном правонарушении.

Административно-пресекательные меры, являясь частью административного принуждения, обладают всеми его характерными чертами. Их основная цель – предотвращение негативных последствий уже совершённого правонарушения или же его немедленное пресечение на начальной стадии, чтобы не допустить его эскалации и превращения в более серьёзное и тяжкое по своим последствиям и содержанию правонарушение.

Так, В. А. Тюрин под мерами административного пресечения понимает «регламентируемые нормами административного права средства принудительного воздействия, применяемые уполномоченными на то органами государственной власти (должностными лицами), а в некоторых случаях и общественными формированиями, которые направлены на прекращение противоправного деяния, устранения связанных с ним вредных последствий, а также на создание оптимальных условий для последующего привлечения виновных лиц к юридической ответственности» [5, С. 25].

Так, например, в одном из районов республики экипаж ДПС заметил автомобиль, который двигался с большой скоростью и проигнорировал требование об остановке. Инспекторы ДПС для пресечения совершения противоправных действий начали преследование данного автомобиля на патрульной машине.

Водитель неоднократно нарушал ПДД: проезжал на красный свет, двигался по встречной полосе и создавал опасные ситуации. В конечном итоге нарушителя остановили благодаря грамотным действиям инспекторов.

В заключительной части анализа мер административного принуждения, принимаемых сотрудниками Госавтоинспекции для обеспечения безопасности дорожного движения, особое внимание уделяется мерам административной ответственности. Стоит отметить, что в настоящее время наиболее распространённой мерой административной ответственности является штраф.

В последние годы прослеживается тенденция к увеличению строгости административных наказаний за нарушения правил дорожного движения.

Размеры штрафов увеличиваются, а число водителей, привлекаемых к административной ответственности, растёт. Значительную долю таких правонарушений составляют нарушения, фиксируемые с помощью автоматических систем фото- и видеоконтроля.

По данным МВД России, в 2023 году количество штрафов, вынесенных с помощью комплексов фотовидеофиксации, превысило 220 млн, что на 20 % больше, чем годом ранее.

Однако, усиление мер административной ответственности в области дорожного движения оказалось неэффективным в достижении цели снижения аварийности и смертности на дорогах. По данным Госавтоинспекции России за период с января по май 2025 года, всего произошло 44,4 тыс. ДТП, что на 0,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В авариях погибло 4,6 тыс. человек (на 1,9 % меньше, чем годом ранее) и ранено 55,7 тыс. человек (на 0,5 % больше).

При применении административных санкций возникают определённые сложности, связанные с их спецификой и недостатками в правовом регулировании. Важно подчеркнуть, что основная цель таких мер заключается в воздействии на граждан как с моральной, так и с материальной точки зрения, чтобы предотвратить повторные нарушения. Для достижения этой цели необходимо учитывать не только принцип неизбежности наказания, но и его соразмерность. Это означает, что мера наказания должна соответствовать тяжести совершённого правонарушения.

Таким образом, главным субъектом применения мер административного принуждения в сфере безопасности дорожного движения является Госавтоинспекция МВД России. Основное назначение административного принуждения по обеспечению безопасности дорожного движения заключается в достижении цели по предотвращении наращений и по сокращению смертности в ДТП. Использование мер административного принуждения в сфере дорожного движения должно лишь тогда, когда другие меры оказываются нерезультативными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплунов, А. И. О понятии административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения / А. И. Каплунов / Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 3(254). – С. 118–126.
2. Севрюгин, В. Е. Проблемы административного права : учебное пособие / В. Е. Севрюгин. – Тюмень : ТВШ МВД РК ТГУ, 1994. – 208 с.
3. Жумагулов, М. И. О сущности и понятии административно-правового принуждения / М. И. Жумагулов // Государство и право. – 2016. – №10. – С. 22–31.
4. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ; в ред. от 07 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.
5. Тюрин, В. А. О понятии мер пресечения в административном законодательстве России / В. А. Тюрин // Государство и право. – 2016. – № 7. – С. 23–25.

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К РАЗЛИЧНЫМ КАТЕГОРИЯМ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Шумилов Юлиан Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: shumilov.yulian1995@gmail.com

THE SPECIFICS OF THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES TO VARIOUS CATEGORIES OF ROAD USERS

Shumilov Julian Yurievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В статье рассматриваются особенности применения мер административного принуждения к различным категориям участников дорожного движения. Проводится анализ идентификации статуса участников дорожного движения. Рассмотрена статистика по количеству ДТП с участием различных категорий участников дорожного движения.

Ключевые слова: водитель, правила дорожного движения, административное принуждение, правонарушение, штраф, Кодекс об административном правонарушении, пешеход, средство индивидуальной мобильности.

The article examines the specifics of the application of administrative coercion measures to various categories of road users. The issue of identifying the status of road users is analyzed. The statistics on the number of accidents involving various categories of road users are reviewed.

Keywords: driver, traffic rules, administrative coercion, offense, fine, Code of Administrative Offense, pedestrian, means of individual mobility.

При участии в дорожном движении физические лица приобретают особый статус, который зависит от их роли в процессе дорожного движения.

Как верно отмечал П. И. Сатлейкин, административно-правовой статус участника дорожного движения «вытекает из общегражданского статуса и, сохраняя все его основные черты, является отраслевым, требующим соответствующей правовой адаптации к той социальной среде, в которой он реализуется» [1, С. 13].

М. В. Барышников считает, что «административно-правовой статус участников дорожного движения – это установленная Конституцией РФ, законами и иными нормативными правовыми актами совокупность общих, отраслевых и индивидуальных прав, обязанностей водителя, пассажира, пешехода и их ответственности» [2, С. 29].

Ю. А. Тихомиров отмечает, что «особый статус участника дорожного движения зависит от того, в каком качестве гражданин вступает в правоотношение: водителя, пешехода или пассажира. При определении статуса имеют значение такие факторы, как пол, возраст, должность, стаж и другие обстоятельства» [3, С. 129].

Согласно Федеральному закону от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», «участником дорожного движения считается лицо, непосредственно участвующее в дорожном движении в качестве водителя транспортного средства, пешехода или пассажира» [4].

При изучении Правил дорожного движения РФ (далее – ПДД) становится очевидным, что существуют и другие, не упомянутые ранее, категории участников движения. Например, велосипедисты. Хотя они и управляют транспортным средством, их статус отличается от статуса водителя в классическом понимании, поскольку их передвижение регламентируется специальными правилами. С 2023 года схожий правовой режим установлен и для пользователей средств индивидуальной мобильности (СИМ).

В Правилах дорожного движения РФ под водителем понимается «лицо, управляющее каким-либо транспортным средством, погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо. К водителю приравнивается обучающий вождению» [5].

Термин «водитель» без изменений был перенесен в Федеральный закон от 10

декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». Однако понятие водителя в этом законе было ограничено до лица, управляющего транспортным средством, включая тех, кто обучает управлению транспортным средством. Это вполне логично и соответствует современному уровню развития транспортной инфраструктуры.

Водители транспортных средств выступают в качестве участников дорожного движения, правовой статус которых регулируется наиболее детально. Это обусловлено тем, что они управляют источником повышенной опасности, и их действия на дороге могут привести к травмам или гибели людей в случае дорожно-транспортных происшествий.

Среди прочих участников дорожного движения можно выделить пешеходов и пассажиров. Пешеходом считается человек, который находится за пределами транспортного средства на дороге, тротуаре или велодорожке и не выполняет на них работы. К пешеходам также относятся люди, передвигающиеся на инвалидных колясках, а также те, кто ведёт средства индивидуальной мобильности, велосипеды, мопеды, мотоциклы, санки, тележки, детские или инвалидные коляски. Кроме того, к пешеходам приравниваются лица, использующие для передвижения роликовые коньки, самокаты и другие аналогичные устройства.

Для определения прав и обязанностей участников дорожного движения, а также для процедуры привлечения их к ответственности за нарушение правил, необходимо четко идентифицировать их статус.

Для привлечения к ответственности по главе 12 КоАП РФ [6] необходимо доказать, что нарушение совершено водителем транспортного средства. Если будет доказано обратное, то ответственность либо исключается, либо переквалифицируется на другие статьи Кодекса.

КоАП РФ предусматривает не только штрафы за нарушения. Например, за неправильную парковку или использование световых приборов, несоблюдение разметки и сигналов светофора можно получить лишь предупреждение. Это касается даже случаев, когда водитель едет без необходимых документов.

Штрафы остаются основным видом административных санкций за нарушения правил дорожного движения. В прошлом году их было наложено 253,5 тысячи, причем 9 из 10 взысканий были вынесены на основе данных с автоматических комплексов фиксации нарушений. Предупреждения получили 250 тысяч нарушителей, что на 34,2 % меньше, чем в предыдущем году.

По итогам прошлого года 298 631 водитель был лишен прав за различные нарушения ПДД, что на 12,4 % меньше, чем в предыдущем году. Из них 50,8 % лишились прав за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, 41,7 % – за отказ от медицинского освидетельствования, а 7 % – за выезд на встречную полосу. В качестве более строгого наказания административный арест был применен к 110 627 нарушителям.

Статус лиц, управляющих СИМ, до сих пор остается достаточно неопределенным, несмотря на то, что в 2022 году были приняты поправки в ПДД, призванные устранить имеющиеся пробелы.

Поскольку СИМ относится к транспортным средствам, на него распространяются все соответствующие пункты правил дорожного движения. Человек, управляющий СИМ, считается водителем транспортного средства. Однако правила

предоставляют ему возможность в любой момент перейти в статус пешехода. Чтобы оценить масштаб этой проблемы, необходимо проанализировать статистику дорожно-транспортных происшествий с участием СИМ.

Согласно статистическим данным в 2024 году количество ДТП с участием средств индивидуальной мобильности (СИМ) в России выросло на 42,8 %, в авариях погибли 54 человека. Среди погибших только 2 человека были пешеходами, 51 погибший (включая одного пассажира) передвигались на СИМ. Ещё в одном ДТП погиб велосипедист, столкнувшийся с СИМ на проезжей части.

Одной из основных причин дорожно-транспортных происшествий является недостаточное знание правил дорожного движения. В связи с этим необходимо организовывать образовательные программы, направленные на обучение правилам дорожного движения и безопасности при использовании СИМ.

Хотя лица, управляющие СИМ, формально относятся к водителям, законодательство зачастую привлекает их к ответственности по правилам, применимым к пешеходам или велосипедистам, учитывая специфику их транспортных средств. В случае нарушения ПДД лицо, использующее средство индивидуальной мобильности, подлежит административной ответственности в соответствии со статьями 12.29 и 12.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а также пунктом 1.6 ПДД. Рассмотрение дел об административных правонарушениях в этой сфере осуществляется сотрудниками Госавтоинспекции, а также старшими и участковыми уполномоченными полиции (часть 2 статьи 23.3 КоАП РФ).

За нарушения ПДД пешеходы могут понести наказание в виде административного штрафа, уголовного преследования или гражданско-правовых санкций. Пешеход является субъектом дорожного движения, и Правила дорожного движения (ПДД) устанавливают определенные требования к его поведению на дорогах. В частности, он обязан действовать так, чтобы не создавать угрозы для движения и не наносить ущерба. Лица, нарушившие ПДД, подлежат ответственности в соответствии с действующим законодательством (п.п. 1.2, 1.5, 1.6 ПДД). Если пешеход переходит дорогу в неположенном месте, на красный сигнал светофора или его действия препятствуют движению транспорта, ему грозит штраф.

Необходимо учитывать, что, если действия пешехода привели к дорожно-транспортному происшествию, в результате которого был причинён тяжкий вред здоровью или наступила смерть. За подобные деяния виновный несет уголовную ответственность, предусмотренную статьей 268 Уголовного кодекса РФ, которая может включать лишение свободы.

Пешеходы также несут гражданскую ответственность за причинение имущественного ущерба, вреда здоровью и морального вреда на общих основаниях. Это относится и к ситуациям, когда они создают препятствия для движения транспортных средств. В подобных случаях они могут быть обязаны возместить ущерб, причинённый владельцам автомобилей, мотоциклов и других транспортных средств.

За текущий год в России уже 30 тысяч пешеходов были привлечены к ответственности за нарушения. Отдельно стоит упомянуть 326 человек, которые не заплатили штрафы ГИБДД вовремя. В итоге, 70 % нарушителей отделались

штрафами, но 21 % пешеходов, имеющих задолженности по штрафам, были арестованы, а еще 7 % назначены обязательные работы.

В заключении отметим что, меры административного принуждения в сфере дорожного движения выступают в качестве активного способа воздействия на обеспечение общественной безопасности в Российской Федерации. Вопросы привлечения к административной ответственности в области дорожного движения остаются чрезвычайно актуальными. Количество правонарушений на дорогах стремительно увеличивается, что требует от законодателя и правоприменителей постоянного совершенствования института административной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сатлейкин, П. И. Административно-правовой статус участников дорожного движения и проблемы его реализации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Сатлейкин Павел Иванович. – Москва. – 1988. – 24 с.
2. Барышников М. В. Административно-правовой статус участника дорожного движения : автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Москва. – 2007. – 22 с.
3. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс. Полный курс / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Изд. Тихомирова, 2005. – 697 с.
4. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ; в ред. от 07 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.
5. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090; в ред. от 16 июля 2025 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 47. – Ст. 4531.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

Научное электронное издание

XI ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Национальной научно-практической конференции

Саранск, 26–27 ноября 2025 г.

Публикуется в авторской редакции

Технический редактор *Е. А. Глистёнков*

Объем 5,4 Мб. Тираж 9 экз. Заказ № 109.

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»

Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
Тел.: (8342) 33-94-96; e-mail: rio@mordgpi.ru